АНДРЕ БАНЗИМРА,
французский писатель

Приговоренный обвиняет

Роман

В бесконечно длинных коридорах, где царил полумрак, шаги раздавались удивительно громко. Клак... клак... Казалось, этим галереям, куда никогда не проникал дневной свет, не будет конца. На гладком, как стекло, паркете, отражались блики неярких электрических ламп. Клак... клак... У массивной двери шаги на какое-то время затихли. Послышались звяканье ключей, скрежет петель.

— Проходите...

Еще один коридор, конец которого теряется вдали. Человек высокого роста, шедший впереди, выглядел предельно истощенным. Надбровные дуги нависали над двумя затененными провалами, в глубине которых едва можно было различить глаза. Он смотрел прямо перед собой.

Этот коридор сразу показался ему непохожим на предыдущие. Сначала он не понял почему. Так же, как и в других, здесь царил полумрак. Но по мере того как они шли, по обеим сторонам возникало какое-то движение. Не поворачивая головы, человек попытался боковым зрением увидеть, что происходило справа и слева от него. Обе стороны коридора были забраны решетками. За толстыми железными прутьями что-то шевелилось, кишело существами, похожими на животных. Пришелец увидел в устремленных на него взглядах тупое любопытство, с каким смотрят на посетителей гориллы в зоопарке. Человек и следовавшая за ним охрана достигли середины коридора, когда послышался неясный вначале, но нарастающий гул голосов, и вскоре уже можно было различить отдельные фразы:

— Нет, ты только посмотри!

— Неужели и в самом деле он?

— Эй, Адамс!

Человек вздрогнул. «Проходите, проходите!» — сказал один из охранников. И тут с обеих сторон, по всей длине коридора раздался хохот. Адамс, как во сне, шел по лабиринту, которым вели его стражники, подчиняясь их кратким и точным указаниям: направо! налево! прямо! Повсюду, где он проходил, его появление вызывало взрыв безумного восторга. Внезапно, когда всеобщее веселье достигло пароксизма, раздался крик:

— Послушайте, да его же ведут в отделение приговоренных к смерти!

При этих словах некоторые из заключенных повалились на пол, другие начали весело скакать в своих клетках.

Наконец человек и его сопровождающие вошли в отделение смертников.

Коридор отделения приговоренных к смерти насчитывал в длину всего метров двадцать. Из-за обилия неоновых ламп светло как днем. И тихо. Появление заключенного и стражников не вызвало здесь никакой реакции. Осужденные встретили вновь прибывшего полным равнодушием.

Посредине коридора за небольшим столом на круглом высоком табурете сидел маленький человечек в форме надзирателя. Адамс и его охранники подошли к нему.

— Это Адамс? — спросил надзиратель.

— Да. Вот его карточка.

— Хорошо. Камера 3045.

Надзиратель взял со стола автомат и связку ключей.

— Пошли.

В этот момент затрещал телефон. Надзиратель протянул ключи одному из охранников, потом снял трубку. Направляясь к своей камере, Адамс слышал его голос:

— Алло? Да, господин директор... Нет... Нет... Во всяком случае, сейчас все в порядке. Хорошо, господин директор.

Адамс услышал, как позади него повернулся ключ в замке. Он задумчиво оглядел камеру. Это было помещение примерно двух с половиной метров в ширину и трех в длину. Стены выбелены известкой. В глубине под самым потолком через небольшое квадратное отверстие виднелось небо. Слева у стены — койка, застланная серым одеялом. Справа — умывальник. Адамс сделал несколько шагов и только тогда понял, что отныне он постоянно будет на виду у других. Уже сейчас чужие глаза следили за каждым его движением. И наблюдал за ним не надзиратель. Тот сидел, опустив глаза в газету. Адамс окинул взглядом коридор и заметил в камере напротив лысого человечка, пристально следящего за ним.

Адамс подошел к решетке и, в свою очередь, стал рассматривать своего визави. Крючковатый нос, тонкие и розовые, как у девочки, губы, темные и грустные глаза. Адамс знал этого человека. Они долго смотрели друг на друга. «Мог бы я сказать, что читаю ненависть в его взгляде? — подумал Адамс. — Пожалуй, нет. Только полное равнодушие».

Сидя за столом, надзиратель потягивал из стакана пиво.

Внезапно Адамс вздрогнул, услышав удар по прутьям решетки с правой стороны его камеры.

— В чем дело?

Тихий голос произнес:

— Ты, новенький, как тебя зовут?

Адамс помедлил.

— А вас, — спросил он, — как вас зовут?

— Джо Керди. 12 июня 1932 — 22 августа... этого года.

Адамс сжал губы, потом сказал:

— Эдвард Адамс. 6 мая 1939 — 3 сентября...

— Значит, вы и есть тот инспектор полиции, которого приговорили за убийство?

— Да, — ответил Адамс.

— Того парня, напротив вас, Слима Эвера, вы арестовали? — спросил Джо Керди.

— Да, — сказал Адамс, чувствуя, что нервы его на пределе. — Я арестовал его и вот того, Самуэля Пикара. И в других отделениях найдется добрая дюжина, кто обязан мне тем, что находится здесь.

— Только эта добрая дюжина, — вмешался новый голос с сильным южным акцентом, — выйдет отсюда в один прекрасный день. А тебя, парень, вынесут ногами вперед.

— Кто это говорит? — спросил Адамс.

— Твой сосед слева, Эдуард Рэйон.

— Счастлив познакомиться, — сказал Адамс насмешливо. — Как дошли вы до жизни такой?

— По вине бедной беззащитной старушки, которая держала тысячу долларов дома, вместо того чтобы положить ее в банк.

Из камеры Рэйона потянуло сигаретным дымком. Адамс машинально ощупал карманы.

— Мне нечего курить, — сказал он. — Вы не угостите?

Вместо ответа к нему протянулась рука с сигаретами. Адамс на мгновение задержал пачку в своих пальцах.

— Вы, может быть, не расслышали мое имя? — сказал он. — Меня зовут Адамс. Я работал в уголовной полиции.

Снова послышался голос Рэйона, равнодушный, спокойный:

— Возьми сигарету и верни пачку. Она у меня последняя.

...В отделении приговоренных к смерти Нью-Веральской тюрьмы было шестнадцать камер, с номерами с 3039 до 3054. Большую часть времени половина из них пустовала, и обычно администрация старалась размещать осужденных поближе друг к другу, чтобы их не угнетало одиночество. Им были разрешены шахматы, шашки, сигареты, кофе. Четверги и воскресенья были днями посещений. Встречи происходили в юго-восточной части тюрьмы в большой комнате, разделенной как бы прилавком с установленной на нем решеткой. Адвокаты имели специальные пропуска: им предоставлялось право посещать своих клиентов в любое время суток прямо в камерах.

На следующий день к Адамсу пришли оба его адвоката: метр Изабелла Линдфорд и Грегори Пенсон. Изабелла Линдфорд была высокой, довольно красивой женщиной с суровым выражением лица и резкими движениями. Она считалась одним из лучших адвокатов округа. Осуждение Адамса было ее первым серьезным поражением за годы практики. Пока шло следствие, она строила защиту, исходя из того, что Адамс невиновен, но позднее, когда ей стали известны все козыри, которыми располагал генеральный прокурор, она вдруг сделала поворот на сто восемьдесят градусов. Самое лучшее, решила она, если они с метром Грегори Пенсоном будут строить защиту, опираясь на смягчающие обстоятельства. Но, начиная с этого момента, как уже тогда понял Адамс, у нее не было иллюзий в отношении исхода процесса.

Нужно признать, что рядом с ней Грегори Пенсон выглядел довольно жалко. Адвокат недостаточно опытный, хотя и исполненный доброй воли (тем более что он был другом Адамса), Пенсон добровольно согласился плестись в хвосте своего знаменитого коллеги.

В тот день, когда метр Изабелла Линдфорд пришла к нему и предложила помощь в качестве второго защитника Адамса, у Пенсона появилась надежда. Он был убежден в невиновности своего клиента и друга, но принадлежал к людям, которым необходимо, чтобы их убеждения находили поддержку.

— И ты согласился?! — воскликнул Адамс. — Но как я смогу с ней расплатиться? Ты предлагаешь мне одного из самых дорогих адвокатов округа.

Но Пенсон положил ему руку на плечо:

— Изабелла не возьмет ни цента. Ее интересует твое дело. Старик, у нас появился шанс выкарабкаться.

Но в субботу третьего августа этого шанса не стало...

При появлении адвокатов надзиратель Вильям Ли встал из-за стола.

— Не беспокойтесь, Ли, — сказала Изабелла Линдфорд. — Это метр Пенсон. У него есть пропуск.

— Хорошо, метр, — ответил надзиратель, — я сейчас вам открою.

Он бросил взгляд на бумагу, которую ему протянула молодая женщина.

— Камера 3045.

Пенсон поискал глазами указанный номер. На койке в глубине камеры без движения лежал его друг.

— Он в таком состоянии уже более полусуток, — сказал Вильям Ли. — Ничего не стал есть вчера вечером, а сегодня утром даже не притронулся к кофе.

Адамс не обратил ни малейшего внимания на посетителей.

— Послушайте! — сказала метр Линдфорд. — Вы что, так и будете лежать? Вы полагаете, что сейчас самое время махнуть на все рукой?

В следующее мгновение Адамс уже был на ногах.

— Здравствуйте, Иза, привет, Грег. Зачем пожаловали?

— Прекратите, Эд. Вы пребываете в депрессии со вчерашнего вечера, — продолжала Линдфорд. — Надзиратель сказал, что вы ничего не едите.

Адамс пожал плечами.

— Да, да, — сказал он гневно. — Я ничего не ем и махнул на все рукой, как вы говорите. Ну и что? А что мне еще остается?

— Вот, вот. Давайте последний залп! Поднимайте возню! Тащите губернатора за ногу из постели! Переворачивайте небо и землю! Что касается меня, то я отказываюсь от этой бешеной гонки. Во всяком случае, — добавил он твердо, — сидя в этих четырех стенах, я ничем не могу быть вам полезным. Поэтому, сделайте милость, не ставьте меня в известность ни о чем... Сообщайте только результаты. Я не хочу больше

— Эдвард... — начал Пенсон взволнованно.

— Нет, — перебил его Адамс, — никаких излияний, прошу тебя. Вы оба уверены, что я впал в уныние, пребываю в отчаянии. Ошибаетесь. Напротив, я чувствую себя удивительно спокойно. Теперь, когда все кончено...

— Вовсе нет! — воскликнула Изабелла Линдфорд. — Именно теперь-то все и начнется!

— Да, — подтвердил Пенсон. — Послушай, Эд... У нас еще есть кое-что в запасе.

Адамс смотрел на него некоторое время, потом сказал с горькой иронией:

неопределенности. Снова оказаться в подвешенном состоянии?! Бога ради, ни за что на свете!

Он замолчал. Оба адвоката испытывали неловкость. Однако Изабелла Линдфорд быстро овладела собой:

— Но это же неслыханно, чтобы человек, которому вынесен приговор, отказывался проявлять интерес к своей судьбе. Что происходит, Адамс?

— Происходит то, что мне теперь необходим отдых, покой, тишина! — Эдвард сделал несколько шагов, и адвокаты посторонились, чтобы дать ему пройти.

— Нет, — сказал он, подойдя к решетке и сжав изо всех сил прутья руками. — Все, что произошло, настолько странно, что я отказываюсь что-либо понимать. Видите этого человека напротив меня? Это Слим Эвер. А вон тот, подальше, это Самуэль Пикар. Оба они убийцы и торговцы наркотиками. Кто их поймал? Я.

Те, кого он назвал, подошли к решеткам своих камер и стали прислушиваться.

— Справа от меня сидит Джо Керди. Он тоже пойдет в газовую камеру: изнасилование и похищение людей с целью выкупа. Слева сидит Эдуард Рэйон. Убийство ради тысячи долларов, которые он даже не успел истратить. И я среди них! Я! Так вот, если вы ничего не можете сделать для меня, убирайтесь! Оставьте меня в покое!

Изабелла Линдфорд сделала знак надзирателю.

— Хорошо, — сказала она. — Пусть будет, как вы хотите, Адамс. Мы не станем сообщать вам того, что можно будет не сообщать. Но сегодня у меня для вас особое известие. Может быть, вам интересно узнать, что ко мне приходила молодая женщина по имени Милли Берил? Она приехала из Англии, узнав из газет о вашем процессе и приговоре.

Адамс поднял голову.

— Милли? — прошептал он.

Изабелла Линдфорд вышла из камеры. Пенсон на несколько секунд задержался:

— Милли не забыла тебя, Эд. Она бросила мужа, узнав о твоем приговоре. До встречи, Эд.

Оставшись один, Адамс снова вытянулся на койке и погрузился в свои мысли. Немного спустя, когда он очнулся, его взгляд случайно встретился со взглядом надзирателя Вильяма Ли. Тот как раз подносил ко рту стакан пива, но, почувствовав, что за ним наблюдают, поставил стакан на резиновый кружочек. Он казался смущенным. В тюрьме Нью-Вераля приговоренным пиво полагалось только по воскресеньям.

Ночи напролет Адамс слушал, как переговаривались между собой камеры. Сотни раз разговор затухал, и собеседники заявляли о своем намерении заснуть, но сотни раз отчаяние, страх, мысли о том, что их ожидает, заставляли заключенных снова и снова продолжать беседу.

Адамс не принимал участия в их разговорах. Его мысли были в прошлом. Он вспоминал Милли, когда ей было двадцать четыре года; ее коротко остриженную белокурую головку, веселый и открытый взгляд, ее несколько неловкую манеру держаться...

Эдвард вспомнил также их разрыв, свое увлечение другой женщиной, черты лица которой он сейчас не мог восстановить в памяти. Однажды Милли исчезла. Позже Адамс узнал от кого-то, что она уехала в

Англию и вышла замуж за Бруно Берила.

Часто нить его воспоминаний прерывал Вильям Ли, предлагавший сигареты или сандвич.

— Вы совсем не едите, — замечал надзиратель сочувственно, — это никуда не годится.

У Вильяма Ли были умные глаза, смотревшие через очки в стальной оправе так, что создавалось впечатление, будто этот человек знает о вас все. Однако в этом открытом взгляде не было и тени нездорового любопытства. Его гладко выбритое, покрытое красноватыми прожилками лицо дышало добродушием.

У Адамса было достаточно времени, чтобы наблюдать за надзирателем в течение первых трех дней своего пребывания в камере, и вскоре он почувствовал к Вильяму Ли что-то вроде симпатии, о чем надзиратель так никогда и не узнал.

Заключенные относились к надзирателю Вильяму Ли терпимо, хотя иногда срывались на грубость.

Не уделяя этому особого внимания, Адамс узнал многое и о других обитателях отделения. Позднее, когда произошли события, из-за которых мы начали свой рассказ, сведения эти, весьма точные, хотя накапливались они подсознательно, сыграли очень важную роль. Так, например, Адамс знал, как ведет себя каждый из заключенных, думая о неизбежно приближавшейся казни. И больше всего боялся смерти Слим Эвер. Страх заставлял его вскакивать на ноги каждый раз, когда кто-нибудь поворачивался на своем матраце или когда Вильям Ли ставил свой стакан с пивом на стол. Тогда Эвер замирал, вцепившись в прутья решетки, и резким движением поворачивал голову, озираясь вокруг.

Через клетку от Эвера его бывший сообщник Самуэль Пикар медленно терял рассудок. Тюремный психиатр дважды в течение этих трех дней заходил к нему. Ночью заключенный бредил, стонал, а иногда громким голосом, каким читают поэты, рассказывал о своем детстве. Главными персонажами этих бессвязных и трогательных историй были его мать и сестра.

Между камерами Эвера и Пикара находился шестидесятилетний Дик Лустон. Казалось, он не испытывал страха, в действительности же боролся с ним при помощи сна, сна беспокойного, во время которого его преследовали чудовищные кошмары. И тогда Лустона буквально подбрасывало на койке. Его приговорили к смерти за убийство маленькой девочки.

Слева от себя на протяжении всей ночи Адамс мог слышать беседы Эдуарда Рэйона и Рамона Обайи. Эти двое, не переставая, говорили о том, что их ждет. Каждый раз их беседы начинались примерно так:

— Как ты думаешь, будет больно?

— Говорят, это длится всего лишь несколько секунд, не успеваешь ничего сообразить.

— Откуда это известно? Кто мог рассказать о своей казни? Будет больно, будет ужасно страшно.

— По-моему, самое страшное — это ждать, пока упадут шарики циана...

— Это точно. Самое страшное — ждать.

— А разве сейчас мы не ждем? В сущности, будет так же, как сейчас...

Рэйон и Обайа были эмигрантами из Бразилии. Они, по-видимому, знали друг друга с давних пор. Однако судьбы у них были разные. Рэйон перепробовал много ремесел, исколесил в поисках удачи несколько штатов и, отчаявшись, опустившись на дно, совершил убийство с целью грабежа.

У Обайи же было тяжелое прошлое. За ним числилось множество преступлений. Юность его прошла в исправительных домах. Теперь ему предстояло понести наказание за похищение и убийство.

Сосед Адамса справа Джо Керди топил свой страх в шахматных партиях, которые он бесконечно разыгрывал через прутья решетки с восьмым обитателем коридора негром Микаэлом Вэнсом. Вэнс, единственный среди заключенных, ждал смерти относительно спокойно. Ладно, он умрет, но умрет отомщенным! Он убил полицейского. И вот этот полицейский шпик умрет той же смертью, что и он. Эта мысль приводила Вэнса в восторг, и, не отрываясь от шахматной доски, он время от времени доставлял себе удовольствие, чтобы крикнуть:

— Грязный шпик Адамс! Я подохну, но и тебе не избежать газовой камеры!

«Грязный шпик» слышал все это, но его мысли блуждали далеко...

Милли сошла на конечной остановке автобуса. Палило солнце, а подъем в гору был крутым.

Молодая женщина бросила взгляд на старые лачуги, видневшиеся на вершине холма, и в ее памяти всплыл прелестный коттедж, который прежде занимали Адамсы.

Номера на домах стерлись, найти нужный оказалось нелегко. «Вероятно, здесь», — подумала Милли. Дверь была приоткрыта; она собиралась постучать, когда услышала слегка дрожащий голос:

— Кто там?

Молодая женщина толкнула дверь и невольно вздрогнула: трудно было узнать в этой укутанной пледом старухе ту Флору Адамс, которую Милли знала прежде. Мать Эдварда сидела в качалке, ее неухоженные волосы были совершенно седыми. Глаза, которые вот уже десять лет не видели дневного света, казались мертвыми.

— Кто там? — повторила она.

— Это я, Милли... — пробормотала молодая женщина.

— Милли... Милли Бентам?

В голосе старухи звучали одновременно недоверие и радостная надежда. У Милли не хватило мужества сказать слепой женщине, что она уже не Бентам.

— Как это мило с вашей стороны, дитя мое, что вы пришли! Но садитесь же.

Милли села рядом.

— Вы давно приехали?

— Вчера, миссис Адамс.

— Вот как! Тогда вы, наверное, не знаете, что случилось?

— Именно поэтому я здесь! — воскликнула Милли взволнованно.

— Дитя мое! — простонала Флора Адамс. — Я не могу понять, что произошло. Идет время, я иногда говорю себе, что все это неправда, что этот кошмар должен кончиться. Но они его не отпускают и просто-напросто хотят убить.

— Что же он сделал на самом деле? — спросила Милли. — Я не могу поверить, что Эд стал убийцей...

Старая женщина выпрямилась.

— Эдди невиновен, — уронила она. — Он мне в этом поклялся.

Милли посмотрела на нее отсутствующим взглядом. В памяти ее возник образ высокого худощавого человека, застенчивого и насмешливого одновременно. Но она хорошо помнила те слова, которые он сказал ей однажды: «Девочка, пойми... Прекрасной мечте наступил конец. Мы должны расстаться. Но не стоит грустить. Ты скоро станешь дипломированным историком, а я всего-навсего жалкий сыщик!» Нет, он никогда ее не любил. Он любил другую, эту Анну.

— Я встретилась с его адвокатом Изабеллой Линдфорд, — сказала Милли. — Когда я у нее спросила, верит ли она в невиновность Эдварда, метр Линдфорд ответила, что ей пришлось отказаться от мысли настаивать на его невиновности. Но как могло случиться, что Эдди согласился с ней? Когда человек невиновен, он на весь мир кричит об этом.

— Я понимаю, — ответила Флора Адамс. — Грегори Пенсон, которого вы хорошо знаете, объяснил, что Эдвард слишком скомпрометирован.

Милли откинулась на спинку стула. Все поплыло перед ее глазами.

— Значит... — у нее перехватило горло, — значит, нет... никакой надежды?

Старая женщина молча плакала.

— Метр Линдфорд и Грегори Пенсон, — сказала она сквозь слезы, — наняли частных сыщиков, чтобы попытаться узнать всю правду.

— И... что-нибудь удалось выяснить?

— Нет, пока еще нет. Сегодня де-

сятое августа. Осталось немногим больше трех недель...

Милли вздохнула.

— Миссис Адамс, расскажите, что же все-таки произошло? Я ведь знаю только то, что писали лондонские газеты.

— Это запутанная история, — ответила старая женщина. — Мне кажется, Эдди проявил большую неосторожность. Он не верил, что это настолько опасно... Кроме того, он мне ничего не говорил, старался держать в стороне от своих дел, чтобы я не беспокоилась... Так вот, все, кажется, началось вскоре после вашего отъезда. Эдди часто встречался с этой женщиной — Анной Плэйтон. Она, кстати, куда-то скрылась накануне суда. Может быть, ей было стыдно, что она оказалась связанной с обвиняемым на таком громком процессе. Не знаю. Во всяком случае, о ней больше ничего не известно. Я никогда не видела эту женщину, но ненавижу ее. Она оказала плохое влияние на Эдди, в этом я уверена. Он из-за нее становился совсем другим, раздражительным, нервным. Малейшее мое замечание выводило его из себя. Ах, Милли! Почему он не женился на вас? С ним бы тогда ничего не случилось...

Рисунки В. КОЛТУНОВА

Флора Адамс замолчала, обхватила голову руками, словно успокаивая давнюю боль.

— Но как же именно все произошло? — спросила Милли.

— Да, да, — продолжала Адамс, — я отвлеклась. Так вот. В то время Эдди вел жестокую борьбу с торговцами наркотиками. Город был наводнен гангстерами разных банд, которые конкурировали между собой. Некоторые из них пользовались влиятельной поддержкой. Я думаю, расследование, которое вел Эдди, часто приостанавливалось распоряжениями свыше. Грегори Пенсон дал мне понять, что многим докладным, в которых Эдди изобличал должностных лиц, не давали хода. Но вы ведь знаете его. Мой сын упрям и приготовился к борьбе, которая, как он понимал, будет долгой и трудной. Ошибка его в том, что он вел эту борьбу в одиночку и действовал вопреки приказам начальства. Первые неприятности начались, когда уголовной полиции стало известно, что Эдди продался одной из гангстерских банд, торгующей наркотиками. Но все более или менее вошло в норму, когда Эдди объяснил, что это был единственный способ проникнуть в банду, чтобы собрать кое-какие сведения. Эдди знал, что с этого времени он стал находиться под пристальным вниманием полиции. Вероятно, там не до конца верили в чистоту его намерений. Так продолжалось до того дня... — Голос старой женщины прервался... — До того дня, когда совершилось преступление... Эдди пошел на квартиру к полицейскому осведомителю, некоему Лоренсу Бернхайму, сообщившему одному из инспекторов кое-какие факты об Эдди, о которых мой сын предпочел умолчать, вероятно, для того, чтобы иметь большую свободу действий. Лоренс Бернхайм был найден в тяжелейшем состоянии — он был ранен выстрелом в грудь. Эдди лежал тут же без сознания. Револьвер, был у него в руке. Полицию вызвал один из друзей пострадавшего. Он рассказал, что услышал выстрел в квартире Бернхайма, вбежал туда и, застав Эдди с оружием в руках, сумел оглушить его ударом по голове. Виновник был налицо. Инспектор, получивший сведения от Бернхайма, тут же доложил все, что ему было известно, и это стало уликой против Эдди.

— Но как же никому не пришло в голову, что этот человек, друг Лоренса Бернхайма, мог быть как-то замешан в преступлении?

— Арнольд Мэзон?..

— Разве он сам не мог совершить преступления или быть хотя бы со-

общником? Ведь у него было время позаботиться о том, чтобы отпечатков его пальцев не оказалось на оружии...

— Именно на этом и хотели строить защиту адвокаты. Но у Мэзона не было никаких мотивов убивать Бернхайма, а у Эдди были, и притом явные. Кроме того, накануне процесса Бернхайм пришел в себя. Генеральный прокурор тотчас же приказал провести опознание.

— И Бернхайм указал на Эдди?

— Да.

В комнате воцарилось молчание.

Флора Адамс выглядела очень утомленной. Милли подумала: так ли уж в глубине души старая дама уверена в невиновности своего сына? А сама Милли, что она об этом думает? Она старалась вызвать в памяти лицо Эдварда Адамса, но видела лишь отдельные неясные черты, которые никак не могли сложиться в образ целиком, как это бывает в игре, когда картинка не получается, так как недостает основной детали. Милли вдруг показалось, что она никогда по-настоящему не знала Эдди и с недоумением подумала, зачем она бросила мужа и, едва захлопнув чемоданы, кинулась на аэродром. Теперь этот поступок показался ей нелепым.

В ночь с десятого на одиннадцатое августа, немного после полуночи, Дуглас Кристмас, директор тюрьмы в Нью-Верале, был разбужен телефонным звонком. Он снял трубку и в течение нескольких минут слушал, что ему говорили. Затем положил трубку и после некоторого раздумья набрал номер.

— Алло! Метр Уоррик? Говорит директор тюрьмы... Прошу прощения, что беспокою, но я подумал, что, вероятно, должен вас уведомить: ваш клиент Пикар снова откалывает номера. Может быть, вам важно при этом присутствовать?.. Тогда до встречи...

Несколько минут спустя директор был у дверей коридора смертников, где его уже ожидали трое вооруженных охранников.

— Можете открывать, — сказал он.

Инструкции по мерам безопасности выполнялись в тюрьме чрезвычайно тщательно, особенно в отделении приговоренных к смерти. Ключи от входной двери находились у дежурной охраны. Надзиратель отделения фактически содержался взаперти вместе со своими подопечными.

Все четверо вошли в помещение. Железные прутья сотрясались и скрежетали, стиснутые в бешеном порыве руками заключенных. Со всех сторон неслись ругательства.

Директор приказал зажечь все лампы.

— Тихо, — закричал он, — тихо!

Ему ответили оскорблениями. Он остановился перед одной из камер.

— Слушайте, вы, — приказал он, — замолчите сейчас же!

И среди общего гама он различил голос того, к кому обращался:

— Это вы мне? Но я единственный, кто молчит.

Директор, несколько сбитый с толку, узнал Эдварда Адамса, затем отошел от камеры и, остановившись в некоторой нерешительности, стал ожидать конца бури.

В камере 3050 на полу, запутавшись в простынях и одеялах, валялся Самуэль Пикар. Ноги у него застряли между ножками кровати. Пытаясь их освободить, он извивался и бился головой об пол. Сидя на корточках перед прутьями решетки, Вильям Ли напрасно пытался его успокоить.

— Ли! — крикнул директор. — Подойдите сюда.

Надзиратель приблизился к директору.

— Я категорически запрещаю разговаривать с ним сейчас. С минуты на минуту сюда придет психиатр. Он им займется.

Буря непокорности, только что бушевавшая в отделении, мало-помалу стихала. Признаком победы администрации было то, что заключенные начали ссориться между собой.

— Позор! — вопил Рэйон. — Они убьют больного!

— Ну и пусть подохнет, — кричал в исступлении Вэнс.

— Подлец, — стучал по прутьям своей клетки Джо Керди. — Грязный негр, твоя душа так же черна, как твоя кожа!

Директор, подождав еще немного, когда затихнет шум, произнес:

— Такое поведение недопустимо. Разве вы не понимаете, что весь этот крик приносит вред вашему больному товарищу? У вас нет никакого чувства солидарности.

В ответ раздался взрыв смеха.

— Предупреждаю, что, если нечто подобное повторится, администрация примет самые строгие меры.

— Нет, кроме шуток? — насмешливо прокричал Дик Лустон. — Мы умрем от страха, патрон!

— Негодяй! — крикнул Вэнс. — В газовую камеру его! — И он начал скандировать: — В газовую камеру! В газовую камеру! — пытаясь, впрочем, тщетно, увлечь за собой других заключенных. Убедившись, что никто не поддержал его, он замолчал.

Наступила тишина. В отделении приговоренных к смерти отчаяние снова вступило в свои права.

Доктор Артур Девон, психиатр тюрьмы в Нью-Верале, появился в отделении около двух часов ночи. Это был невысокий человек с седыми волосами, морщинистым лицом, в очках. Поставив свой чемоданчик на стол надзирателя, он пожал руку директору тюрьмы.

— Ваш пациент уже около двух часов в таком состоянии, — сказал последний, указывая на Пикара.

Психиатр пробормотал извинения: был на вызове в городе. Прежде чем войти к Пикару, психиатр повернулся к надзирателю.

— Вы дежурили, когда у него начался припадок?

— Да, сэр.

— Как это произошло?

Ли уже все рассказал директору. Пикар позвал его. Они немного поговорили. Казалось, приговоренному просто нужно было, чтобы его немного успокоили, и Ли сделал все, что было в его силах. Но потом понемногу речь Пикара стала бессвязной, по телу пробежали судороги...

— О чем он говорил? — спросил психиатр.

— Что-то непонятное. О матери, о сестре, потом о своих бывших сообщниках...

Психиатр при этих словах внимательно посмотрел на Вильяма Ли.

— Вот как? — сказал он. — Но, может быть, слова моего пациента заинтересуют полицию?

— Я почти ничего не разобрал, — сказал надзиратель.

Психиатр наклонился к нему и спросил тоном, вызывающим на откровенность.

— Он назвал какие-нибудь имена?

— Ну... В этот момент я не обратил внимания. В первую очередь я старался его успокоить.

— А потом...

Тут надзиратель понизил голос и прошептал:

— А потом, когда он начал говорить о своих сообщниках, вот тот, Слим Эвер, приказал ему замолчать, и Пикар почти тотчас же переменил тему.

— Так, — сказал психиатр. — Ну что ж, посмотрим нашего больного. Помогите мне только положить его на койку. Я сделаю ему успокаивающий укол.

Было уже без двадцати три. Прошло уже добрых десять минут, как психиатр, директор тюрьмы и дежурная охрана покинули отделение. Большинство осужденных спали или лежали в забытьи. Время от времени скрип металлической сетки говорил о том, что один из заключенных пытается на другом боку увидеть более милосердные сны.

За своим столом дремал Вильям Ли. В какое-то мгновение он вздрогнул, застигнутый в полусне мыслью, которая ускользала от него. Надзиратель выпрямился, как бы прислушиваясь к какому-то легкому беспокойству, потом, отказавшись уловить причину этого неопределенного беспокойства и чтобы доказать самому себе, что не придает этому никакого значения, разрешил себе выпить последний стакан пива.

Круглосуточное дежурство в отделении приговоренных к смертной казни обеспечивалось тремя надзирателями: Вильямом Ли, Эрнестом Миджуэем и Беном Оберном. Каждый из них оставался в отделении восемь часов. Если Вильям Ли проявлял по отношению к заключенным некоторое милосердие, то двое других надзирателей были людьми совсем иного сорта. Невежественные и наглые, желая угодить тюремному начальству, они относились к заключенным грубо и жестоко. Их, разумеется, ненавидели, и Бен Оберон смог убедиться в этом, когда один из заключенных заявил начальству, что в течение всего дежурства этот надзиратель непрерывно пил виски. Бена вызвали в кабинет директора, и он там получил все, что ему полагалось. С тех пор в течение восьми часов своего дежурства он испытывал все муки, на которые его обрекало вынужденное воздержание от алкоголя.

В этот день, четверг, 11 августа, Бен Оберон с нетерпением ждал смены. Стенные часы показывали уже семнадцать часов три минуты, а Ли все еще не было. Потребность в виски заставляла Оберона жестоко страдать. Он поморщился, взглянув на стакан, до половины наполненный пивом, который Ли всегда оставлял на столе. Пиво! Оберон презрительно пожал плечами. И однако жажда была так сильна!.. Он с отвращением поднес стакан ко рту. Ах нет, никогда бы он не смог привыкнуть к пиву...

Звук ключа, который поворачивался в замке, прервал его размышления.

— Ну, наконец-то!

Ли пробормотал извинение.

— На вот тебе регистрационный журнал. Все. Я смываюсь. С меня хватит.

Ли обошел все камеры, как он всегда это делал, проверил замки, убедился в том, что Самуэль Пикар был сегодня в лучшем состоянии, чем накануне, потом подошел к номеру 3045. Этот человек чем-то притягивал его. Ли неуверенно поздоровался с ним, но не получил ответа. Однако Адамс все же взглянул на него.

— У вас был посетитель? — спросил надзиратель доброжелательно.

— Да, — ответил Адамс равнодушно, — моя мать...

— Ах, ваша матушка! — сказал надзиратель. — Я ее, кажется, видел. У нее очень приятное лицо...

Адамс молчал, а когда поднял глаза, надзиратель уже отошел от его клетки.

Настроение у Адамса было мрачное. Вероятно, он заболел, а в таких случаях он всегда испытывает полный упадок сил.

В отделении смертников сейчас царило обманчивое спокойствие. Дней через десять, когда начнутся приготовления к первой казни, все будет выглядеть иначе.

Понемногу становилось темно, и, прежде чем вернуться за свой стол, Ли включил рубильник в глубине коридора. Адамс безразличным взором следил за движениями надзирателя. Тот протянул руку, чтобы достать бутылку и долить пива в наполовину пустой стакан.

Адамс уронил голову на подушку. Он не мог сказать, сколько прошло времени.

Что это, стук мисок, который доносится из других коридоров? Нет. Еще не время...

Небо, видневшееся через небольшое отверстие под потолком, совсем потемнело. Поблизости кто-то шевелится, вероятно, номер 3047, его скорее ощущаешь, нежели слышишь. Потом снова тишина.

Адамс приоткрыл веки. Вытянувшись на койке, уперев подбородок в грудь, он медленно скользит взглядом по той части коридора, которая попадает в поле его зрения.

Адамс зябко поеживается под тщательно заправленным одеялом. Ему уже гораздо лучше и не хочется спать. К тому же скоро принесут суп. Да, вот теперь он действительно слышит стук мисок, который доносится из соседнего коридора. Через десять минут приговоренным к смерти принесут их долю. Восемь ртов с отвращением, без всякого аппетита будут заглатывать эту бурду.

«У нее очень приятное лицо», — вспомнил Адамс слова надзирателя. Чем занят сейчас этот сфинкс, который судит о людях по их лицам? Сидит за своим столом. Адамс не может не обратить внимания на странную позу человека: он навалился грудью на стол и уронил лицо на руку. Вероятно, заснул.

Кусочек неба, видный из камеры, совсем потемнел. Должно быть уже семь часов. Послышался приглушенный телефонный звонок. Перед тем как доставить в отделение ужин, надзирателя всегда предупреждают по телефону.

«Но почему он не отвечает?»

Адамс вскакивает с койки, он чувствует раздражение. Телефон звонит без конца! Это невыносимо. В ярости Адамс бросается к решетке и замечает, что его опередили: все заключенные уже стоят у своих решеток и смотрят. Смотрят на надзирателя, который по-прежнему не отвечает и не делает ни малейшего движения, чтобы снять трубку. Вильям Ли продолжает сидеть в том же положении, в каком он сидел, когда Адамс недавно обратил на него внимание.

«Он мертв», — думает потрясенный Адамс.

Продолжение следует

Сокращенный перевод
с французского
Г. ТРОФИМЕНКО

Прижавшись к решеткам, заключенные напоминали испуганных птиц в клетках.

Дверь коридора открылась. Двое вооруженных охранников подошли к столу. Они откинули Вильяма Ли на металлическую спинку стула, похлопали по щекам. Надзиратель оказывал не больше сопротивления, чем восковая кукла.

Один из охранников выпрямился, положил палец на спусковой крючок своего автомата и тяжелым взглядом обвел камеры.

Его товарищ протянул руку, собираясь взять телефонную трубку.

— Нет! — остановил его первый охранник.

Они обменялись несколькими словами. Тот, который собирался звонить по телефону, повернулся и быстро вышел из помещения.

Вскоре появилось подкрепление в лице еще трех охранников. Двое из них встали по обе стороны двери, в то время как третий со связкой ключей обошел все камеры и проверил замки.

Немного спустя пришел директор тюрьмы в сопровождении помощника. Они, в свою очередь, склонились над неподвижным телом Вильяма Ли, покачали головами и пробормотали что-то неразборчиво.

Люди все прибывали. Вскоре их было уже вдвое больше, чем в «парадные» дни, когда производились казни. Среди собравшихся заключенные узнали тюремного врача Брайана. Пока тот осматривал умершего, в коридоре стояла полная тишина.

Директор тюрьмы Дуглас Кристмас был бледен как полотно. Врач что-то начал говорить, но он, казалось, ничего не слышал. И только когда один из охранников потянулся к телефону, директор тюрьмы спохватился.

— Нет! — произнес он. — Не отсюда.

Кристмас сказал несколько слов одному из своих подчиненных. Тот повернулся и бегом покинул отделение. Затем директор сделал знак приблизиться надзирателю Эрнесту Миджуэю и что-то сказал ему на ухо. Надзиратель кивнул, вышел на середину коридора и громовым голосом объявил:

— Заключенным категорически запрещается переговариваться. Всякое нарушение приказа повлечет за собой наказание.

Лица, представляющие официальные следственные органы, прибыли на место минут через сорок. Тюремный врач, заметив среди них, как ему показалось, человека, возглавляюще-

---

Продолжение. Начало в № 3.

АНДРЕ БАНЗИМРА, французский писатель

ПРИГОВОРЕННЫЙ ОБВИНЯЕТ

Роман

го группу, подошел к нему и представился:

— Доктор Брайан. Судебно-медицинский эксперт.

Пришедший холодно посмотрел на него.

— Инспектор Дэвид. Какова же, по-вашему, причина смерти?

— Здесь не может быть никакого сомнения. Отравление цианистым калием.

Инспектор сделал несколько шагов по направлению к трупу.

— В этом стакане наверняка еще удастся найти следы циана, — продолжал врач.

— На анализ! — бросил инспектор одному из своих подчиненных и кивнул фотографам.

Сразу же вспыхнули блицы.

— Здесь слишком много народу, — проворчал инспектор.

Его взгляд пробежал по лицам и остановился на одном из них.

— Вы директор тюрьмы?

— Да.

— Не могли бы вы распорядиться освободить помещение?

Директор отдал приказ и собирался также удалиться, но инспектор задержал его.

— Мне понадобится ваш врач, — сказал он.

— Я в вашем распоряжении, — заявил доктор Брайан.

— Вы можете сказать, когда наступила смерть?

— Примерно час назад.

— Кто и когда обнаружил тело? — Полицейский инспектор повернулся к директору.

— Двое из моих служащих. В самом начале восьмого. Это время ужина заключенных. В отделении приговоренных к смерти мы принимаем особые меры предосторожности. Перед приходом служащих, доставляющих ужин, надзирателю всегда звонят по телефону: нужно убедиться, что все в порядке... Несколько лет назад у нас был побег, — добавил директор, как бы извиняясь.

— Понимаю. И надзиратель не ответил?

— Вот именно. Тогда двое охранников немедленно прибыли на место, обнаружили тело и подняли тревогу.

Инспектор подошел к столу надзирателя и окинул его рассеянным взглядом.

— Кто-нибудь прикасался к телефону? — поинтересовался он.

— Нет, — с удовлетворением отве-

тил директор. — Мои люди проявили осторожность.

— Вот как? — заметил инспектор. — А почему? Разве не проще было позвонить отсюда, чтобы поднять тревогу?

— Мы решили, — пробормотал растерянно директор, — что лучше ни к чему не прикасаться. Я думал, вы будете снимать отпечатки пальцев.

— Вряд ли отпечатки нам смогут что-нибудь дать. Но если я вас правильно понял, вы не исключаете возможность преступления?

— Но... — пробормотал Дуглас Кристмас.

— Разве нельзя предположить самоубийство?

— Я бы очень хотел, чтобы расследование показало, что это было именно так. Но, увы, говоря откровенно, я не допускаю мысли, что мой подчиненный выбрал это место, чтобы покончить счеты с жизнью.

Инспектор прищурил глаза.

— Как его звали?

«Именно с этого он должен был бы начать», — подумал удивленно директор, однако назвал имя и фамилию покойного.

Инспектор отошел на несколько шагов. В отделение вошли двое санитаров с носилками. Они положили на них тело и унесли. Вильям Ли, честно отслужив двадцать семь лет, не дожил тринадцати месяцев до пенсии.

Адамс не мог сказать, что ему совсем не был знаком человек, который вошел в его камеру.

Инспектор допросил уже пятерых заключенных и собирался задать вопросы шестому. До этого времени он не узнал Адамса, и, когда они оказались лицом к лицу, инспектор не смог скрыть удивления. Однако он быстро овладел собой, и голос его прозвучал почти равнодушно:

— Никогда бы не подумал, что встречу вас...

— ...здесь, — с горькой иронией продолжал Адамс.

Они внимательно всматривались друг в друга.

— Нельзя сказать, чтобы заключенные облегчили мне задачу, — сказал полицейский инспектор. — Они встретили меня враждебно: либо молчат, либо насмехаются.

— А что вы думали? — зло спросил Адамс. — Эти люди скоро умрут, казни начнутся через десять дней. Вся ваша возня их не интересует.

Инспектор Дэвид поморщился, он был шокирован резкостью ответов.

— Понимаю, — сказал он, — вы перешли в другой лагерь.

— Меня поместили в другой лагерь, — поправил Адамс, — это не одно и то же. Но не думайте, однако, что я откажусь вам помочь.

Инспектор Дэвид с интересом посмотрел на Адамса, а тот продолжал:

— Вильям Ли умер примерно за десять минут до прихода охранников — между без четверти и без десяти семь. Именно в это время я слышал, как он наливал себе из бутылки пиво. И думаю, версию о самоубийстве вы можете отбросить. Вильям Ли не мог покончить с собой.

— Почему?

— Я не так уж много обращал внимания на этого незаметного человека. Он был способен в день казни с полной искренностью спросить у осужденного, хорошо ли тот спал. Все от него отмахивались, как от надоедливой мухи. Но я достаточно наблюдал его, чтобы с уверенностью сказать: он был не из тех, кто кончает жизнь самоубийством.

— Что вы можете об этом знать? — возразил Дэвид. — Возможно, у него были личные неприятности, и в этом случае... Я думаю, ему легко было раздобыть в тюрьме цианистый калий.

— Нет... Нет...

Адамс прикрыл глаза, чтобы восстановить образ покойного.

— Еще сегодня он подошел ко мне, чтобы сказать несколько приятных слов о моей матери. Он проявлял интерес ко всем, всех опекал. Ему, вероятно, казалось, что мы в нем нуждаемся.

— Нельзя ли допустить, — заметил Дэвид, — что работа в тюрьме расшатала его нервы? Постоянный контакт с приговоренными к смерти мог в конце концов подточить его психику...

— Этот контакт, — возразил Адамс, — Вильям Ли выдерживал в течение почти тридцати лет. Он был старейшиной среди тюремного персонала.

— Но как это могло произойти? Кто мог подложить яд в его стакан?

— О, это могли сделать многие, — ответил заключенный. — Сегодня днем более десяти человек имели возможность подойти к столу надзирателя.

— А нельзя ли попытаться определить время, когда яд оказался в стакане?

Адамс прикрыл глаза, чтобы сосредоточиться.

— Я думаю, это должно было произойти до пяти часов.

— Почему?

— Потому что в пять часов Вильям Ли принял дежурство у другого надзирателя, а после этого в отделение никто не входил до момента, когда пришли охранники. Сегодня утром, около девяти, Ли ушел с дежурства, оставив на столе, как он это часто делал, стакан с недопитым пивом. Он был до него великий охотник и, хотя администрация это запрещает, всегда хранил здесь запас. Когда сегодня вечером, незадолго до семи часов, он взялся за свой первый стакан, все и произошло...

— Значит, между девятью утра и пятью пополудни кто-то...

— О, я думаю, этот отрезок времени можно еще уменьшить. С девяти до часу, насколько мне помнится, к столу надзирателя никто не приближался. В полдень, правда, дежурные приносили суп, но они подходили только к камерам. У каждого из них было по бидону в руке, так что трудно себе представить, как они могли бы бросить яд в стакан.

— А кто из надзирателей дежурил тогда?

— Этакая горилла по имени Бен Оберон.

— Минутку, — сказал инспектор. — Как распределяются дежурства надзирателей?

— В принципе три надзирателя должны сменять друг друга: Миджуэй, Оберон и... Ли. Каждый в порядке очередности должен отсидеть свои восемь часов. На самом же деле надзиратели договариваются о дежурствах между собой. Но Миджуэй не появлялся в отделении двое суток.

— Хорошо. Вы сказали, что яд могли положить в стакан после часу дня. Но ведь посещения начинаются с трех? И именно с этого времени заключенных водят на свидания.

— Да, конечно. Но с часу до трех многие входили в отделение.

— Кто, например?

— Здесь я не смогу вам дать исчерпывающих сведений. Ну, был парень, который принес надзирателю книгу записавшихся посетителей. Каждый заключенный и сопровождающий его охранник расписываются в ней, уходя из отделения и возвращаясь. Потом приходили адвокаты, среди них были и мои; возможно, заходил психиатр к заключенному в камере напротив моей, могли приходить и другие люди. Но об этом вам следует справиться у администрации.

Инспектор Дэвид взглянул на часы и поднялся.

— Если я вас правильно понял, каждый заключенный дважды подходил к столу инспектора, чтобы расписаться в книге посещений?

— Совершенно верно, — подтвердил Адамс.

— Таким образом, каждый заключенный, воспользовавшись невнимательностью сопровождающего, дважды имел возможность положить яд в стакан?

— За исключением, разумеется, тех, у кого не было посетителей и кто не покидал своих камер. Надо узнать, кто не выходил.

— А охранник, который приходит за заключенными?

— Этот тоже мог воспользоваться случаем. Обычно заключенных всегда сопровождает один и тот же человек. Но я не знаю его имени.

— Я справлюсь, — сказал инспектор. — Скажите, а есть у вас какие-либо соображения о том, каким мог быть мотив преступления?

Адамс задумался.

— Нет, — признался он. — Откровенно говоря, никаких.

Теперь полицейский инспектор окончательно собрался уходить. У Адамса создалось впечатление, что тот расстается с ним с сожалением.

Инспектор Дэвид нажал на кнопку звонка. Дверь ему открыл директор тюрьмы собственной персоной.

— Прошу прощения, господин директор, что беспокою вас так поздно, но я должен был допросить заключенных, прежде чем они начнут переговариваться друг с другом.

— О, конечно, — сказал Дуглас Кристмас, введя инспектора в богато обставленную гостиную, битком набитую фарфоровыми безделушками. — Я очень обеспокоен тем, что произошло.

Он повернул кисти рук ладонями вверх и наклонился к инспектору.

— Но ведь, — как бы защищаясь, сказал он, — вы сами могли убедиться в том, что меры безопасности, которые мы соблюдаем в отделении приговоренных к смерти, чрезвычайно строги...

— Я не представляю, что можно было бы сделать еще, — успокоил его инспектор. — Этот несчастный случай нельзя было предвидеть. Значит, вы считаете, что преступление... если речь идет о преступлении, мог совершить только кто-либо из заключенных?

— Разумеется! — воскликнул директор. — Кто же еще? В отделение входили только уважаемые люди: врачи, представители закона, я сам наконец...

«Вот как», — отметил про себя инспектор. Следовало ли считать необычным появление директора в отделении приговоренных к смерти по иному поводу, чем церемония приведения в исполнение приговора?

— Это мог сделать только кто-нибудь из заключенных, — продолжал тем временем директор. — К тому же у меня, знаете ли, было какое-то предчувствие. Вчера ночью отделение взбунтовалось. У одного из заключенных приключился нервный припадок, и атмосфера тотчас же накалилась. Я даже хотел отменить посещения. И почему я этого не сделал?

— А вы подумали, господин директор, о том, каким образом заключенный мог раздобыть яд?

— Разумеется! — воскликнул директор. — К заключенным приходят посетители. Кто-то, воспользовавшись тем, что караульный отвернулся, передал пакетик с порошком. Только этим путем яд мог попасть сюда. Во всяком случае, он не из резервов цианистого калия, которые имеются в тюрьме. Взять его из сейфа без моего ведома совершенно невозможно...

— Согласен. Но почему понадобилось убивать этого несчастного надзирателя? Насколько я сумел разобраться, как раз к нему заключенные относились неплохо.

Дуглас Кристмас сделал неопределенный жест.

— Ну, знаете ли, — сказал он, — для них полицейский — это полицейский. Вы не видели, инспектор, как они вели себя ночью! Если бы вы слышали, как этот негр Вэнс оскорблял меня, желал мне смерти! Впрочем, я не могу подозревать конкретно его. Другие не лучше.

— Вы хотите сказать, что они могли с тем же успехом отравить любого другого надзирателя?

— Ну, конечно! Кстати, это едва не произошло. Содержимое стакана чуть было не выпил Бен Оберон. Я его недавно встретил в караульном помещении: несчастный был бледен как смерть. Он мне рассказал, что незадолго до смены подносил этот стакан ко рту. Если бы не его отвращение к пиву, то сейчас он был бы мертв.

— А заключенные, — спросил инспектор, — знали о том, что Оберон не любит пива?

— О да, — улыбнулся директор. — Несчастный парень очень боится потерять свое место... Некоторое время назад один из заключенных сказал мне, что Оберон напивается во время дежурства. Я тогда основательно его напугал. С тех пор у меня в отделении приговоренных к смерти есть подчиненный, который может служить образцом воздержания.

— Однако, господин директор, — заметил полицейский инспектор, — ваши слова доказывают, что мишенью был именно Вильям Ли, и никто другой.

— Возможно, — согласился директор.

— Именно к тому выводу пришел и я, хотя в вашем рассказе есть что-то, что мне не вполне ясно... По-вашему выходит, что речь идет о немотивированном преступлении, совершенном в результате злобы, которую заключенные испытывают ко всем, кто в их глазах представляет власть, злобы, усилившейся после событий минувшей ночи.

— Думаю, что так.

— Тот, кто решил совершить убийство, получил яд через сообщника, приходившего к нему сегодня днем.

— Да.

— Нет, господин директор, что-то здесь не вяжется: сообщник не мог знать о событиях, происходивших ночью. Он не мог сноситься с заключенным, который нас интересует с... Когда был предыдущий день посещений?..

— Воскресенье.

— Каким же образом виновник преступления мог ему передать эту просьбу?

— Ну во-первых, ничто не доказывает, — заметил директор, — что цианистый калий принесли именно в воскресенье. Решение совершить убийство могло быть принято довольно давно. Кроме того, заключенный мог попросить у своего сообщника яд, чтобы самому кончить счеты с жизнью, не дожидаясь казни. Вполне резонно предположить, что первоначальное намерение заключенного было именно таким, и лишь впоследствии он решил использовать яд для убийства.

Инспектор вежливо согласился. Однако в душе он весьма сомневался. Слишком очевидной была та жестокость, с которой директор тюрьмы пытался свалить всю вину на заключенных.

Дэвид вспомнил запавшие глаза Адамса на его изможденном лице.

Нет, такого человека, как Дуглас Кристмас, на пушечный выстрел нельзя подпускать к тем, кто скоро должен умереть...

Инспектор Дэвид сидел за письменным столом своего кабинета, заставленного металлическими шкафами, в распахнутых дверцах которых виднелись сотни толстых досье.

— Чем могу быть полезен, метр? — спросил он, когда Грегори Пенсон закрыл за собой дверь.

Адвокат присел на шаткий стул.

— Я пришел к вам за помощью, мистер Дэвид, — начал он и, увидев, как нахмурился инспектор, заговорил быстрее: — Вы, конечно, знаете, что Эдварда Адамса сумели обвинить в убийстве на основании показаний одного свидетеля и утверждений самого потерпевшего.

Инспектор холодно смотрел на адвоката.

— Но даже теперь, — продолжал Пенсон, — я не могу поверить в виновность моего подзащитного. Конечно, все против него. Но я знаю Адамса еще с колледжа. Эдвард всегда был... и остается моим лучшим другом. Он проявил неосторожность и в результате оказался в таком отчаянном положении. Но он не убийца.

Инспектор по-прежнему молчал.

— По окончании процесса, когда был вынесен приговор, — говорил Пенсон, — мы с метром Изабеллой Линдфорд, это второй защитник Адамса, решили подключить к расследованию частных сыщиков, чтобы прояснить кое-что в этой истории. Мы исходили из того, что оба свидетельских показания были ложными. Я присутствовал на очной ставке Адамса и Бернхайма. Последний явно был запуган. Как сейчас вижу его расширенные глаза, выражение ужаса на лице...

— Послушайте! — впервые подал голос инспектор. — Ведь Бернхайм

Рисунки В. КОЛТУНОВА

был при смерти, а тут еще очная ставка с его убийцей.

— Нет! Бернхайм кого-то боялся. Может быть, не за себя. У него ведь были жена, дети...

— Если я правильно понял, вы хотите сказать, что ему угрожали расправиться с семьей, если он не опознает Адамса?

— Почему бы и нет? И я очень хорошо знаю, кто мог это сделать.

— Кто же?

— Некий Арнольд Мэзон...

— Тот свидетель, который вызвал полицию после того, как оглушил Адамса, прибежав на место преступления?

— Именно. Услужливый сосед, который ни на шаг не отходил от постели Бернхайма в больнице, где он боролся со смертью. Когда к Бернхайму вернулось сознание, возле него был все тот же Мэзон. Он вполне мог запугать несчастного, сказав, что, если тот не опознает Адамса, это повлечет за собой смерть его жены и детей. Бернхайм знал, с кем имеет дело, какая страшная организация стоит за Мэзоном. Он испугался и сделал то, что ему приказали.

— И обвинил невиновного?

Пенсон усмехнулся.

— В его глазах Эдвард не был абсолютно честным человеком. Не забывайте, ведь Бернхайм думал, что Адамс является членом одной из опаснейших банд. Накануне Бернхайм встретился с представителем полиции, чтобы сообщить ему о действиях Адамса. И перед смертью ему было наплевать на то, что один преступник заплатит за преступление, совершенное другим.

Инспектор вздохнул.

— Да, — согласился он, — в конце концов, все вполне возможно. Но это всего лишь предположение! Надо было вытянуть что-либо из этого Арнольда Мэзона.

— Конечно. С самого начала нанятые нами с Изабеллой Линдфорд частные сыщики занялись им.

— И что это дало?

— В течение многих недель ничего. Внешне этот тип абсолютно безупречен. Он представитель фирмы, торгующей пылесосами и другими электроприборами.

— А его прошлое?

— Невинен как агнец. Но сегодня мне кое-что сообщили. О, ничтожный факт, мелочь, но...

— Но?..

— До своего ареста Адамс часто встречался с некой Анной Плэйтон, отъявленной дрянью, если хотите знать мое мнение, инспектор. Но заставить Эдварда порвать с ней было невозможно. Во всяком случае, на него нашло полное затмение, если он мог что-то найти в этой шлюхе. Очевидно, Адамс встретился с ней в тех подозрительных кругах, куда ему удалось проникнуть. Так или иначе, после осуждения Адамса эта девица исчезла, и больше о ней ничего не было слышно.

— Но, — перебил его инспектор, — какая связь между Плэйтон и Мэзоном?

— Я узнал, что они встретились вчера вечером в Комптоне, небольшом городке к югу отсюда.

— Это может быть простым совпадением.

— Слишком уж много совпадений. Давайте я лучше расскажу, как произошла эта встреча. Мэзон проводил вечер в кабаре. Их разделяло несколько столиков. Плэйтон первой заметила его и подошла. И, поверьте, он совсем не пришел от этого в восторг. Сказав несколько слов в раздраженном тоне, Мэзон встал и вышел из зала.

— А чем она занимается в этом заведении?

— Зарабатывает тем, что подсаживается к клиентам и заставляет их заказывать напитки. Вы скажете, что она просто хотела, чтобы ее угостили. Но я не могу этому поверить. Даже самая ничтожная женщина не станет иметь дела с человеком, который погубил ее любовника. По-моему, истина в том, что Анна Плэйтон и Арнольд Мэзон действовали заодно.

Грегори Пенсон замолчал, почувствовав страшную усталость. Все время в течение этого разговора он тщетно ждал, что инспектор хоть

как-то заинтересуется судьбой своего бывшего коллеги. Но лицо Дэвида было непроницаемо.

Наступила томительная пауза. Взгляд адвоката упал на отрывной календарь, стоящий на столе. И Пенсону вдруг показалось, что сквозь оставшиеся дни августа ясно просвечивает роковая дата — третье сентября.

— Скажите, метр Пенсон, — вдруг промолвил инспектор, — почему вы пришли именно ко мне?

«Почему? — подумал адвокат. — Очевидно, потому, что Адамс дал понять, что инспектор Дэвид — честный человек. А я верю, что честность — это активная добродетель, она не может оставаться пассивной, пока в мире творятся несправедливые вещи».

Однако вслух он сказал другое:

— Я пришел к вам потому, что это следствие мне стоило уж очень дорого. Частное сыскное агентство обходится сорок долларов в день, и сюда не входят транспортные и другие расходы. Короче говоря, я остаюсь на мели.

— Я думал, метр Линдфорд помогает вам нести все расходы, — сказал инспектор.

Адвокат улыбнулся.

— Иза ничего не знает о моих трудностях. Уже то, что она, не считаясь со временем, занимается делом, которое ей ничего не приносит и в котором ее престиж известного адвоката понес урон, само по себе прекрасно. И потом ей и в голову не пришло бы, что расходы несет не Адамс, а кто-то другой. Но у Адамса денег меньше, чем было у меня в самые трудные времена. Как видите, торговля наркотиками не такое уж прибыльное дело, как говорят...

— Чего же вы от меня хотите? — спросил Дэвид.

— Я бы хотел, инспектор, чтобы вы помогли мне узнать, какую роль Арнольд Мэзон и Анна Плэйтон могли играть в убийстве Бернхайма.

— Вы отдаете себе отчет в том, чего вы от меня добиваетесь, метр Пенсон? Я же не могу по собственной инициативе начать расследование, которое начальство мне не поручало. Кроме того, вы же знаете, со вчерашнего вечера на меня навалилась эта история. Кстати, что вы думаете об отравлении в тюрьме? Вы, кажется, приходили к своему клиенту днем?

— Да, приблизительно в половине третьего. Я провел с Адамсом примерно с четверть часа. Ничего подозрительного не заметил. Помню только, что меня раздражало непрерывное движение людей по коридору.

— Непрерывное?

— Да. Адвокаты посещают своих клиентов между двенадцатью и пятнадцатью часами. В тот раз мы все пришли почти одновременно.

Пенсону вдруг показалось, что инспектор не слушает его.

— Мистер Дэвид, вы ничего не хотите мне сказать?

— Спасибо. У меня больше нет вопросов. — Инспектор коротко кивнул, давая понять, что Пенсон может быть свободен.

— Вы сделаете что-нибудь для Адамса? — спросил адвокат.

— Не знаю, — ответил Дэвид.

И чтобы показать, что разговор закончен, открыл папку, лежавшую перед ним.

Инспектор Дэвид встал из-за стола, подошел к окну. И снова перед ним всплыло изможденное лицо заключенного, уже смирившегося с близкой смертью.

— К черту! — Инспектор тряхнул головой, отгоняя навязчивый образ. Если так будет продолжаться, он забросит свою собственную работу и будет заниматься тем, что его не касается. У него были дела посерьезнее, чем эта история. А в деле, которое он рассматривает, Адамс один из подозреваемых, такой же, как и любой другой.

Инспектор Дэвид постарался переключить свои мысли на надзирателя. Во-первых, было ли убийство? Казалось, все говорило об этом. Но мало кто кончает счеты с жизнью на рабочем месте. Куда проще сделать это дома, лежа в постели, запершись в своей комнате.

Он сел за стол, вырвал из блокнота листок чистой бумаги. «Но если это не самоубийство, то кто мог совершить преступление?»

«Дуглас Вальтер Кристмас», — написал инспектор и тут же понял, что отнюдь не забота о соблюдении иерархического порядка заставила его первым в списке поставить фамилию директора. Он действительно не испытывал симпатии к этому человеку.

«Кому, как ни директору, проще всего достать в тюрьме цианистый калий. Впрочем, все это нелепо. Зачем человеку, занимающему такое положение, понадобилось отравить одного из своих служащих?

И все-таки, если хорошенько поразмыслить, кто был заинтересован в смерти надзирателя? Это скоро станет известно, ведь жизнь бедного тюремного надзирателя будет вывернута наизнанку. И тайные симпатии, и скрытая вражда — все, что его окружало, станет явным».

«Бен Оберон, — написал инспектор Дэвид, — имел полную возможность положить яд в стакан, начиная с девяти часов утра до пяти часов вечера. Ему проще всех было совершить убийство. Вероятно, он также имел возможность похитить небольшое количество цианистого калия».

Инспектор заглянул в раскрытую папку.

«Дик Люрби», — записал он в блокнот. «Это тот тип, что принес журнал посещений. Так, дальше. Адамс упоминал об охраннике, сопровождающем заключенных на свидания. Как его фамилия? Что-то не нахожу. Нет, вот она. Интересно. Это все тот же Дик Люрби. Ладно. Значит, у него тоже было немало возможностей... Посмотрим дальше... Ах! Доктор Брайан и доктор Девон. Так! Эти двое тоже побывали в отделении. Что они там делали?»

Дэвид снова посмотрел в папку. «Медицинский осмотр Пикара, камера 3050. Пикар? Это, вероятно, тот парень, у которого бывают припадки». Инспектор включил в свой список фамилии обоих врачей, защитив их, однако, скобками.

«Не думаю, чтобы врачи, призванные лечить людей, стали травить их ядом».

Затем пошли адвокаты. Целая вереница адвокатов. «Ну что же, давайте знакомиться, дамы и господа! Так, уже известные Грегори Пенсон и Изабелла Линдфорд. Часы прихода: она — два двадцать пять, он — два тридцать. Метр Энтони Уоррик, адвокат Слима Эвера, потому что прошел в камеру 3046. Время прихода четырнадцать десять. Но он, очевидно, также и адвокат Пикара, поскольку эти двое осуждены за одно преступление...» Инспектор бросил взгляд на страницу в папке. «Во всяком случае, к Пикару он не заходил. Почему? Ага, понял. Он пришел в отделение в четырнадцать десять, а в это время Пикара осматривали врачи. Перевернем страницу. Я в восторге от встречи с вами, метр Эдвард Барук! Это вы без двадцати два принесли Эдуардо Рэйону свою моральную поддержку. Мэри О'Коннор. Еще одна женщина! Что вы делали в этой компании, мисс, без пятнадцати минут два? Так, пришли к Рамону Обайа. Но разве вы не знаете, что яд — это оружие женщин и что вас можно заподозрить в убийстве?»

Инспектор немного развеселился. Он внес в свой список имена восьми заключенных.

Впрочем, один из них не покидал камеры. «Посмотрим, у кого же из них не было посетителей в этот день? Так, это Слим Эвер. Вот ведь

прохвост, на этот раз тебе удастся выйти сухим из воды!»

Но тут перед инспектором Дэвидом вновь возникло изможденное лицо Эдварда Адамса. Его веселость мгновенно испарилась.

Резким движением он нажал на кнопку звонка.

Тотчас же дверь приоткрылась, и в ней показался секретарь.

— Сэм, — сказал инспектор, — возьмите этот журнал и выпишите имена тех, кто в течение месяца являлся в тюрьму на свидания с приговоренными к смерти.

— Слушаюсь, сэр.

— Ступайте, старина. И попросите зайти ко мне Брэдли, Честера и Барта.

Спустя несколько минут все трое вошли в кабинет Дэвида.

— Итак, Брэдли, что вам удалось узнать? — обратился инспектор к самому молодому из своих подчиненных.

Тот, немного смущаясь, откашлялся и, заглядывая в блокнот, стал докладывать:

— Вильям Ли вел спокойный образ жизни, шеф. Восемь лет назад он овдовел и все свое свободное время посвящал племяннице. Она сирота.

— Женщины? Личные неприятности?

— Непохоже. В своем квартале он был известен как человек веселого, доброго нрава. В последнее время выглядел особенно счастливым, радовался, что племянница выходит замуж. Он собирался поселить молодоженов у себя, в маленьком, но довольно просторном двухэтажном домике...

«Да, — подумал инспектор Дэвид — Адамс прав. На самоубийство это непохоже».

— А что удалось выяснить вам, Честер?

— Цианистый калий содержится в металлических коробках в сейфе директора тюрьмы, — ответил второй подчиненный. — Ключ у директора. Он открывает сейф в день приведения в исполнение приговора, и все предварительные процедуры происходят практически под его контролем. Директор утверждает, что цианистый калий, которым был отравлен Вильям Ли, не мог быть взят из резервов тюрьмы.

Инспектор Дэвид встал из-за стола.

— Слушайте меня внимательно, ребята. Сначала вы, Барт. Сэм сейчас занят составлением маленького списка. Речь идет о посетителях, подозреваемых в том, что они могли передать циан заключенным. Ваше задание — собрать сведения о каждом из них. Во-первых, могли ли эти лица каким-либо образом раздобыть яд. Во-вторых, все, что касается их жизни, родственные связи с заключенными.

— Ну, шеф, — задохнулся Барт, — вы даете! Я до конца жизни не справлюсь с этой работой.

— Вы потратите на нее столько времени, сколько вам понадобится.

Инспектор Дэвид задумчиво посмотрел на Честера и Брэдли.

— Вы займетесь Эдвардом Адамсом. Это подозреваемый номер один. Вчера к нему приходила некая Анна Плэйтон. Эта особа работает в ночном кабаре в Комптоне. Вы туда поедете, Брэдли. Покопайтесь в прошлом, настоящем и будущем этой девицы. Вы, Честер, займитесь парнем по имени Арнольд Мэзон. Это представитель фирмы, торгующей пылесосами и другими электроприборами. Сведения о нем возьмите из досье по делу Бернхайма. У меня есть основания полагать, что это дело как-то связано с тем, которым мы сейчас занимаемся. Ваша задача состоит главным образом в том, чтобы определить роль, которую Арнольд Мэзон играл в деле Бернхайма. Я хочу знать, точны ли его свидетельские показания. Меня интересует вообще все, что его касается.

Инспектор Дэвид встал, взял с вешалки шляпу и направился к выходу.

Едва за ним закрылась дверь, как трое оставшихся разразились возмущенными возгласами:

— Да он просто спятил!

— Снова поднимать дело, которое уже давным-давно закрыли!

— Нет, честное слово, он смеется над нами! Посмотрите, ребята. Вот журнал, в котором записаны посетители тюрьмы. Никакая Анна Плэйтон и не думала приходить вчера к Адамсу!

Стук шагов по плитам коридора отозвался в голове ударами молота. Эдвард Адамс попробовал поднять голову и почувствовал страшное головокружение.

— Эй, приятель! Ты заболел? Что с тобой? — в голосе Рэйона звучало беспокойство. Адамс понял, что уже какое-то время стонал в забытьи, и устыдился своей слабости. Отрешенно он слышал, что его сосед зовет надзирателя, и через несколько минут увидел перед собой чье-то лицо. Все это было похоже на обрывки какого-то кошмара.

— Вы больны? Вам плохо?

Свет электрической лампочки казался ослепительным. Как будто из другого мира доносился хриплый голос Вэнса:

«Бедный негр скоро умрет...»

Адамс опустил босые ноги на пол. Решетчатая дверь камеры отворилась, вошел кто-то незнакомый и, поддерживая Адамса, повел его по коридору.

Проходя мимо камеры Вэнса, Адамс услышал, как тот устало пробормотал:

— Боже, боже милосердный, как ты обращаешься с нами?

Его вели бесконечными коридорами. В воздухе висела густая вонь. Но, как ни странно, Адамс чувствовал, что боль проходит. Насмешки заключенных, доносившиеся из камер, мимо которых он проходил, совсем привели его в сознание.

Сопровождающий Адамса охранник открыл какую-то дверь, и заключенный почувствовал запах эфира.

— Ну, — спросил доктор Брайан, — что случилось?

— Не знаю, — ответил Адамс.

Кроме Брайана, в комнате сидел доктор Артур Девон, психиатр, лечивший Пикара. Доктор Брайан уложил Адамса на диван, ощупал живот.

— Здесь больно? — спросил он.

— Нет.

— А здесь?

— Нет, — сказал Адамс, улыбаясь. — У меня ничего не болит.

— Это нервы, — произнес Брайан. — Сейчас мы вас подлечим.

Он отвернул рукав рубашки Адамса. Тот даже не почувствовал укола шприца.

— А теперь отдохните, — сказал Брайан. — Оставляю вас на доктора Девона.

Адамс встретился взглядом с психиатром. Доктор Девон снял очки и улыбнулся.

— Вам уже лучше?

Адамс подождал, пока закроется дверь за Брайаном.

— Я вот что хочу спросить, доктор Девон. Что вам сказал Вильям Ли в тот день?

Девон смотрел на него округлившимися от удивления глазами.

— В ту ночь, — настаивал Адамс, — когда вас вызвали к Пикару.

— А почему вас это интересует? — удивленно спросил доктор Девон.

— По правде говоря, я и сам не понимаю. Наверное, просто потому, что испытывал уважение к бедному старику. Мне очень жаль, что его убили. Может быть, вы мне все-таки скажете, что он...

— Ничего важного, — перебил его психиатр. — Если вам лучше, можете вернуться в свою камеру.

Когда Адамс вышел, доктор Девон постоял некоторое время в задумчивости.

«Черт возьми, — сказал он. — Я же совсем об этом забыл!»

С озабоченным видом, нахмурив брови, он подошел к телефону и быстро набрал номер. Через несколько мгновений ему ответил инспектор Дэвид.

— Мне нужно вас увидеть, инспектор... Да... Это говорит доктор Девон. Кажется, у меня есть для вас важное сообщение.

Продолжение следует

Сокращенный перевод с французского Г. ТРОФИМЕНКО

АНДРЕ БАНЗИМРА,
французский писатель

ПРИГОВОРЕННЫЙ ОБВИНЯЕТ

Роман

Было около двух часов, когда Милли позвонила в дверь конторы Грегори Пенсона. Ей открыл сам адвокат. Милли показалось, что метр чем-то расстроен. Пожав протянутую ему руку, он провел молодую женщину в свой кабинет. Там находилась мисс Изабелла Линдфорд.

Продолжение. Начало в № 3—4.

— Добрый день, — поздоровалась Милли.

Мисс Линдфорд рассеянно кивнула в ответ. Она тоже выглядела озабоченной.

— Мы говорим об Эдварде, — сказал Пенсон. — Он согласен увидеться с вами завтра.

Милли промолчала. Изабелла Линдфорд встала с ободранного кресла, в котором до сих пор сидела, и прошлась по комнате.

— А я, Грегори, — сказала она, продолжая прерванный разговор, — не считаю, что он не прав.

— Но это же безумие! — воскликнул Пенсон с нетерпением. — Неужели мы будем сейчас заниматься этим, словно нет других проблем?

Милли осмелилась спросить:

— Простите, но о чем, собственно, идет речь?

— Я не понимаю Эдварда! — воскликнул адвокат. — Такое впечатление, будто собственная судьба ему совершенно безразлична.

— Просто он очень хладнокровен, вот и все, — спокойно заметила мисс Линдфорд.

— Хладнокровен! За двадцать один день до казни! Ну уж вы скажете, Иза! — Пенсон схватил Милли за руку. — Вы знаете, что он вбил себе в голову? Он отказывается заниматься своим собственным делом, чтобы целиком отдаться расследованию убийства в отделении приговоренных к смерти. А было ли это вообще убийством?!

— Послушайте, Грегори, — сказала Изабелла Линдфорд, — ничто нам не мешает продолжать расследование, но Эдварду не будем ниче-

го говорить. И станем выполнять все, о чем он нас просит.

— А о чем он вас просит? — осведомилась Милли.

Грегори Пенсон воздел руки к небу.

— Всего лишь о том, чтобы собрать все данные об этом Вильяме Ли, повидать его близких, допросить их, да мало ли еще о чем!

Изабелла Линдфорд пожала плечами.

— Ну что же, если он этого хочет, мы должны уступить.

— Довольно, Иза! — прервал ее Пенсон. — До сих пор я следовал за вами с закрытыми глазами. Но больше в этой игре не участвую! Вы, вероятно, думаете, что у меня нет других дел, как заниматься историями, которые не касаются ни меня, ни моего клиента! Вот уже две недели, как двери этого кабинета закрыты для всех, а загляните в мою записную книжку — на каждой странице только одно имя: Адамс, Адамс, Адамс...

— Я думала, — заметила мисс Линдфорд, — что он вам дорог.

Пенсон посмотрел на нее с недоумением, казалось, он вдруг пришел в себя.

— Вы меня не поняли, Изабелла, — сказал он мягко. — Как вы можете сомневаться в моей привязанности к Эду? Но дело в том, что я разорен. У меня не найдется даже пятидесяти долларов, чтобы оплатить очередные расходы по делу нашего друга. Зачем бы мне иначе было обращаться к инспектору Дэвиду и просить его сделать то, что до сих пор для нас делало частное агентство? Мне очень мучительно говорить вам все это, Изабелла, но мне нужна финансовая помощь.

Он подошел к окну и стоял там молча, отвернувшись ото всех. Первой заговорила мисс Линдфорд.

— Я дам вам сколько нужно, — произнесла она строго. — Почему вы скрывали от меня положение, в котором оказались, Грегори?

— Из глупого самолюбия, — усмехнулся Пенсон.

— Не будем больше об этом. — Милли подошла к адвокату. — Можете рассчитывать и на меня, Грег.

— Спасибо.

— Никого не нужно благодарить, — сказала Изабелла Линдфорд. — Все, что мы делаем, это для Эдварда.

— И все-таки безумие ввязываться в эту историю с убийством, когда у нас есть другие заботы.

— Какие же? — возразила мисс Линдфорд. — Теперь, когда Адамсом занимается инспектор Дэвид, нам остается только ждать. Можете не сомневаться, что он с этим расследованием справится лучше, чем мы.

— Он мне ничего не обещал.

— Мы поговорим с ним еще раз. Если он нам ничего не скажет и мы увидим, что он не хочет заниматься этим делом, то и через два или даже три дня непоздно будет все снова взять в свои руки.

— А до тех пор?

— А до тех пор займемся тем, о чем нас просит Эдвард. Постараемся что-нибудь узнать об убийстве Ли.

— И куда это нас приведет?

— Может быть, никуда, Грегори. Скорее всего никуда. Но если бы вдруг случилось невероятное и Эдварду Адамсу удалось раскрыть преступление... Какой поднялся бы шум! Представьте себе газетные заголовки: «Бывший полицейский инспектор, приговоренный к смерти, нашел убийцу Вильяма Ли». Вся страна узнала бы, что Адамс невиновен. А мы бы с вами объяснили, при каких обстоятельствах были вынуждены отказаться на процессе от принципа невиновности при защите нашего клиента...

Грегори Пенсон перебил ее:

— Вы увлекаетесь, Иза. Я же смотрю на вещи трезво и спрашиваю: чего бы мы этим достигли? Допустим, привлекли бы к Адамсу внимание...

— У нас появился бы еще один союзник: общественное мнение.

— Общественное мнение! Оно не весит ни грамма на чаше весов, особенно в тех случаях, когда в качестве противовеса выступают судьи, губернатор и политиканы.

Изабелла Линдфорд посмотрела на него с жалостью.

— Ну можно ли настолько ни во что не верить?! — с грустью сказала она.

На настенных часах отделения приговоренных к смерти пробило шесть, когда инспектор Дэвид вошел в камеру № 3045. Целый день он с нетерпением ждал встречи с Адамсом. Однако теперь, оказавшись рядом с заключенным, почувствовал неуверенность в себе.

— Адамс, — спросил он, глядя своему собеседнику прямо в глаза, — Бернхайма убили вы?

Ответом была ироническая усмешка.

— Почему вы не отвечаете? Вы же понимаете, что этот вопрос я задал уже не как представитель полиции. Виновны вы или нет, я ничего не могу изменить в вашем положении. Просто мне хочется узнать, что движет вами.

— Вы правильно сказали, инспектор: вы ничего не можете изменить, — ответил Адамс и мягко добавил: — Но не будем ссориться из-за этого. Так что вас интересует?

— Почему вы занялись расследованием убийства надзирателя? Вам что, за несколько дней до собственной смерти больше нечего делать? Это же нелепо. Складывается впечатление, что вы разыгрываете какую-то не понятную никому роль.

— Кто вам сказал, что я занимаюсь этим делом? Мои адвокаты или психиатр?

— Доктор Девон.

— Значит, вы с ним виделись?

— Он позвонил мне по телефону и рассказал о разговоре, который состоялся между вами утром. Зачем вы лезете в эту историю? Какую преследуете цель?

Улыбка тронула губы заключенного.

— Один из моих адвокатов утверждает, что если мне удастся раскрыть что-нибудь касающееся убийства надзирателя Ли, то в высоких инстанциях ко мне проявят милосердие.

— Ах вот в чем дело!

Инспектор не сумел скрыть разочарования. Улыбка на лице Адамса стала ярче.

— Так говорит один из моих адвокатов.

— У вас есть свои мотивы, Адамс, и они меня не касаются. Но, во всяком случае, вы заставили психиатра вспомнить один факт, который может пригодиться следствию. Если бы не вы, он, вероятно, забыл бы о нем.

— Значит, Девон сказал вам, в чем дело?

— Он лишь намекнул об этом, заявив по телефону, что ему нужно собраться с мыслями и кое-что вспомнить.

Адамс закурил.

— Разумеется, инспектор, вы не хотите поделиться со мной тем, о чем Девон успел вам сказать. Должен признаться, что со мной он был чрезвычайно осторожен. И, однако, я могу составить мнение о том, что мог ему сказать Вильям Ли.

— Как вы можете это знать?

— Очень просто. Вильям Ли сказал что-то доктору Девону в момент, когда тот собирался войти в камеру Самуэля Пикара, у которого был припадок. Нетрудно себе представить, что в этот момент они могли говорить только о больном. Перед приходом врача Вильям Ли в течение четверти часа возился с ним, пытаясь успокоить. Во время припадка Пикар, вероятно, проговорился, и это привлекло внимание надзирателя. Мы теперь можем догадываться, о чем шла речь. Скорее всего это были сведения, разоблачающие кого-либо. Мое предположение подтверждается тем, что в самый разгар припадка, когда у Пикара был бред, его бывший сообщник, Слим Эвер, приказал ему замолчать. Ведь Эвер и Пикар — представители банды опаснейших гангстеров, с которыми мне лично пришлось иметь дело. И хотя эта банда понесла потери, многие из ее членов, и среди них самые опасные, еще на свободе. Во время припадка Пикар назвал какое-то имя или несколько имен. Эвер вмешался и заткнул рот Пикару, а чтобы прикрыть этого сообщника или сообщников, и был убит Ли.

— Ну знаете, — воскликнул инспектор Дэвид, — вы сказали вдвое больше того, о чем Девон сообщил мне по телефону!

— Когда сидишь в камере, у тебя много времени для размышлений, — ответил Адамс.

Инспектор вскочил.

— Слушайте, Адамс! Я сейчас иду к Девону и попрошу его назвать это имя.

— Не спешите, инспектор Дэвид. Если бы Девон вспомнил имя, он бы вам его уже назвал. Мы и без него, вероятно, сможем...

Инспектор наклонился к нему:

— Вы догадались, кто тот сообщник, из-за которого убрали надзирателя?

— Сообщник? Нет. Для этого я должен был бы слышать, что Пикар сказал Ли. А вот насчет убийцы у меня есть догадки.

— Кого вы подозреваете?

— В первую очередь Слима Эвера. Я его хорошо знаю, потому что это мне он обязан тем, что сегодня его от газовой камеры отделяют пятьдесят шагов и пятнадцать дней. И потом, уже здесь у меня было достаточно времени, чтобы наблюдать за ним. Вы только взгляните...

Инспектор обернулся: Эвер стоял, вцепившись в прутья своей клетки, все его мускулы были напряжены, челюсти стиснуты.

— Он не сводит с нас глаз. Если бы он только мог слышать, о чем мы говорим!.. С тех пор как вы здесь, он не упустил ни одного нашего движения. И еще. Кроме лютой ненависти, которую Эвер питает к людям, не принадлежащим к его банде, им владеет стадное чувство солидарности со своим кланом. Если мое предположение правильно, Эвер отравил Ли, потому что не сумел помешать Пикару выдать кого-то из своих друзей. К тому же он как раз из тех, кто будет держать про запас яд для себя на случай, если все его надежды на спасение окажутся напрасными...

Уже несколько минут в голове Дэвида вертелась какая-то мысль, но ему не удавалось поймать ее. Машинально он вытащил из кармана листок бумаги, на котором записал имена подозреваемых, и сразу понял причину своего беспокойства.

— Вы ошибаетесь, Адамс. Эвер не мог убить Ли по той простой причине, что у него не было посетителей в тот день, когда было совершено преступление. Эвер не покидал своей камеры. Он не мог положить цианистый калий в стакан надзирателя.

— Да, — сказал Адамс. — Это, разумеется, меняет дело. Значит, мы должны узнать другое. Исполнителем Эвер быть не мог, это ясно. Но он мог предупредить об опасности.

— Кого?

— Сейчас подумаем. У меня кандидатов, как у фокусника карт в рукаве. Следующая моя фигура — адвокат Уоррик.

— Почему вы подумали о нем?

— Скользкая личность, темное прошлое. Имел много нареканий и предупреждений от Совета коллегии адвокатов. Уоррик всегда выступает на грязных процессах, защищает, в частности, гангстеров из банды Девиша, куда входили и два его нынешних клиента — Эвер и Пикар. Кроме того, он был одним из тех немногих, кто мог снестись с Эвером на следующий день после неожиданных откровений, которые Пикар сделал Ли.

Дэвид пожал плечами.

— Это заставляет предполагать, что яд был у Уоррика с собой, — заметил он, — а Уоррик ведь не имел представления, что ему придется им воспользоваться. Эвер мог ему сообщить об угрозе, которую представляет собой Ли, только в четверг между двенадцатью и тремя часами пополудни. А Уоррик в четверг приходил в отделение только один раз.

— Я и сам об этом подумал, — признался Адамс. — И все-таки в моем предположении нет ничего невероятного. Кроме того, не исключено, что Ли располагал и другими сведениями. Ведь припадки у Пикара бывали и раньше. И всегда рядом с ним оказывался Вильям Ли.

Убийство надзирателя должно было изменить жизнь тех, кто наследовал его небольшие деньги и маленький домик. Но молодые люди, спавшие рядом на кровати в жалкой комнатушке на верхнем этаже одного из домов в квартале бедняков, даже не задумывались над тем, что теперь смогут жить в достатке. Им обоим было по двадцать лет. Он был итальянцем с грубыми чертами и наивным выражением лица, сутулыми крупными плечами. Линда Конти, маленького роста, некрасивая, сумела чем-то понравиться юноше и не остановилась ни перед чем, чтобы удержать его. Она платила половину своего заработка за комнату, где они могли встречаться, пока наконец не заставила своего любовника принять решение жениться на ней. В свои двадцать лет она уже принадлежала к тем, кто изо всех сил цепляется за то жалкое и неопределенное, что представляется им счастьем.

Было воскресенье, когда около восьми часов утра ее разбудил стук в дверь. Линда испуганно вскочила с постели и начала трясти за плечи юношу.

— Альдо! Стучат! — прошептала она.

— Ну и пусть! Я хочу спать, — проворчал тот спросонья и повернулся на другой бок.

В дверь продолжали стучать все более настойчиво.

Линда быстро натянула на себя платье и поставила перед постелью стулья, чтобы хоть как-то скрыть своего возлюбленного. Потом приоткрыла дверь.

Женщина, которая стояла на пороге, была ей незнакома.

— Вы Линда Конти? — спросила гостья.

— Да. Что вам нужно? Кто вы?

Отвечая, Линда одновременно ревниво охраняла вход в свое убежище.

— Могу я с вами поговорить? — продолжала настаивать женщина. — Я адвокат Изабелла Линдфорд. Может быть, мы выйдем на площадку? Мне нужно сказать вам всего лишь несколько слов...

Линда сделала шаг вперед, прикрыла за собой дверь и прислонилась к ней спиной.

— Я занимаюсь расследованием обстоятельств смерти вашего дяди, — сказала мисс Изабелла Линдфорд. — Пожалуйста, не смотрите на меня так. Вы можете обратиться в полицию и сообщить о моем посещении. Там известно, что я пытаюсь получить кое-какие сведения по этому делу. Но, разумеется, вы можете не отвечать на мои вопросы, если они вам будут неприятны.

— Ладно. Что вы хотите знать? — спросила Линда с недоверием.

— Вы часто виделись со своим дядюшкой в последнее время?

— Часто. У меня ведь нет другой родни.

— Но вы жили довольно далеко друг от друга.

— Мы встречались в центре города. Вместе ходили за покупками, конечно, когда он не дежурил и я была свободна от работы. Я ведь выхожу замуж, и Уилл, я хочу сказать, мой дядя, помогал мне выбирать разные вещи... У него был хороший вкус.

— А в день смерти вы встречались? — спросила Изабелла Линдфорд.

— Да...

Девушка опустила голову, и из ее глаз покатились слезы.

— Простите, — сказала мисс Линдфорд сочувственно. — У вас большое горе, а я беспокою вас своими вопросами.

— Ничего. Что еще вы хотели бы знать?

Изабелла Линдфорд посмотрела на нее задумчиво.

— Во время этой последней встречи дядюшка вам ничего не говорил о том, что имело бы отношение к событиям, происшедшим в тюрьме накануне ночью?

На этот раз девушка сделала нетерпеливое движение.

— Полиция уже спрашивала меня об этом. Сколько же раз можно повторять одно и то же? Дядя Уилл мне рассказал, что провел тяжелую ночь, так как у одного заключенного был припадок.

— И больше он ничего не сказал?

На упрямом личике Линды снова появилось настороженное, недоверчивое выражение.

— Дядя казался озабоченным, но мне ничего не рассказывал, и я не знаю, что он мог услышать от этого заключенного. Я уже трижды повторила это разным инспекторам и не понимаю, почему теперь и вы спрашиваете меня о том же.

Изабелла Линдфорд коснулась руки девушки.

— Линда, — сказала она, — необходимо, чтобы сегодня днем вы пошли в тюрьму.

— Это еще зачем? Что мне там делать?

— Заключенный Эдвард Адамс хочет поговорить с вами. Вы подойдете к окошечку у входа в тюрьму и попросите свидания с ним. Ему необходимо спросить вас о чем-то очень важном.

— Нет, нет! Я не знаю этого человека. Что ему от меня нужно?

— У вашего дяди среди заключенных был только один человек, с кем он был близок, — это Эдвард Адамс. Только он, мне кажется, может найти убийцу.

— Но я уже сказала все, что мне известно.

— Видите ли, — заявила Изабелла Линдфорд, — я адвокат и не очень хорошо умею вести допросы свидетелей. Адамс — другое дело, это его профессия. — Она сжала руку девушки. — Вы пойдете к нему, Линда?

— Не знаю, я посоветуюсь с Альдо, — ответила та...

— Не беспокойся, Сэм, — говорил человек сиплым голосом. — Мы непременно вытащим тебя отсюда... Скоро губернатор вынесет решение. Ты ведь болен... Они не посмеют прикончить больного. Потерпи...

По ту сторону железных прутьев Самуэль Пикар отрешенно качал головой.

— Нет, — бормотал он, — нет... У меня больше нет надежды. Они меня убьют...

— Да нет же, Сэм. Не говори глупостей, — снова и снова повторял ободряюще посетитель. — Слушай меня внимательно. Мы добьемся пересмотра твоего дела, можешь мне поверить. Ты ведь мне веришь? Разве я тебя когда-нибудь обманывал?

Приговоренный посмотрел на своего собеседника; его глаза не выражали ничего, кроме страха.

— Нет, — согласился он покорно, — ты всегда говорил мне правду.

— Ну вот видишь! — воскликнул тот с торжеством. — Мужайся, Сэм, старина. Будь спокоен, тебя обследуют и установят, что ты действовал неосознанно... Это уменьшает ответственность, как у них принято говорить. После такого заключения они не имеют права тебя казнить. Так гласит закон.

И, видя, что ему почти удалось убедить заключенного, добавил:

— Только я должен тебя предупредить, старина: то, что тебя ждет, совсем невесело, нет, совсем невесело...

— А что меня ждет? — спросил Пикар с беспокойством.

— Сумасшедший дом, — с серьезным видом ответил его собеседник. — Ты должен свыкнуться с этой мыслью.

— Да я хоть сейчас! Пусть меня запрут с сумасшедшими. Все, что угодно, только оставят мне жизнь!

В нескольких шагах от них сидела Милли Берил и с раздражением слушала этот диалог. Милли ждала уже более получаса, и ей казалось, что время тянется бесконечно. Она думала о том, с кем ей сейчас предстояло увидеться. Третьего дня она все-таки послала телеграмму Бруно в Лондон, но как только эта формальность была выполнена, тотчас же выкинула мужа из головы, и ее мысли вернулись к Адамсу. И вот сейчас она увидит своего старого знакомого. Он будет находиться по ту сторону решетки, она — по другую. С каким-то болезненным любопытством Милли ждала момента, когда ей будет дано убедиться еще и таким образом, что они теперь совсем чужие. Но их пальцы ведь могут случайно соприкоснуться?

Милли вздрогнула: Эдвард показался в дверном проеме в глубине комнаты, и его глаза сразу же стали искать ее.

— Эд, — сказала она. — Эд... Я здесь!

Наконец он ее увидел, улыбнулся. Минуту они смотрели друг на друга

Рисунки В. КОЛТУНОВА

молча, вспоминая прошлое, взволнованные тем, что встретились здесь. Каждый из них видел лицо другого через тонкий переплет решетки. Милли показалось, что Адамс все тот же. Правда, глаза как будто залегли глубже из-за теней под ними, сильнее выступали скулы над впалыми щеками.

— Почему ты приехала в Америку, Милли? — услышала она его голос. Она не посмела сказать правду. Объяснила, что ей нужно было уладить кое-какие дела, связанные с наследством. Рассказывая ему какие-то не-

нужные подробности, она думала о том, что он ей не верит, так как Пенсон должен был ему сказать причину ее приезда. Но ей казалось важным, чтобы он поверил ее лжи.

— Но как же твой муж? — спросил Адамс.

Милли растерялась, но, повинуясь внезапному импульсу, без сожаления перечеркнула годы своего замужества.

— С ним все кончено, — сказала она. — Мы с Бруно разводимся. Мы никогда особенно не ладили.

Они разговаривали, не обращая внимания на других. Она смотрела на него с некоторым вызовом, повторяя, что свободна или, во всяком случае, будет свободна в ближайшем будущем, настойчиво открывая перед ним дверь, в которую ему было уже не дано войти, но она совершенно забыла об этом.

Вдруг Адамс заговорил о Вильяме Ли, и Милли ошеломленно посмотрела на него. Уж не думает ли он, что она пересекла океан, чтобы выслушивать подобные истории? Какое ей дело до этого тюремного надзирателя? Но Эдвард оживился и продолжал развивать свою мысль, уверенный, что ему удастся увлечь ею молодую женщину.

— Но, Эдвард, этот Вильям Ли совершенно не интересует меня!

— Однако это единственный шанс, который у меня остался.

Милли ему не верила. Он даже не постарался скрыть свою усмешку, которую она всегда так ненавидела. И все-таки она спросила, чего же он от нее ждет.

— У меня есть основания полагать, — объяснил Адамс, — что осужденный по имени Слим Эвер держит ключ к разгадке...

— К какой разгадке? — Все перепуталось у нее в голове. Потом она вспомнила об убитом надзирателе...

— Разумеется, Эвера допрашивали, — продолжал Адамс. — Но что можно вытянуть из человека, которого в ближайшее время ждет газовая камера?

— Что я должна сделать? — спросила Милли.

— Эвер тебя никогда не видел, он тебя не знает. Попроси сейчас же свидания с ним, я думаю, ты еще успеешь получить разрешение. Скажи Эверу, что тебя прислал Джим Перкер... Запомни: Джим Перкер. Это один из его сообщников, он еще на свободе, и нам ни разу не удалось его поймать с поличным.

— А дальше? — спросила Милли.

— Спроси у него, выдал ли Пикар... Я повторяю: выдал ли Самуэль Пикар других лиц, кроме тех, о которых известно. Повтори...

— Меня прислал Джим Перкер. Я спрошу у Слима Эвера, выдал ли Самуэль Пикар еще кого-нибудь.

— Совершенно верно. Если ты увидишь, что Эвер поверил...

В этот момент к Адамсу подошел охранник и положил ему на плечо руку.

— Все! Ваше время истекло!

Адамс раздраженно повернулся:

— Подождите минуту! Эта женщина прилетела из Европы, чтобы повидаться со мной! — Когда охранник отошел, он продолжал: — Если ты увидишь, что Эвер тебе верит, сама должна решить, как действовать дальше. Мне нужно узнать, кого назвал Пикар. Понимаешь?

— Нет, Эд, я ничего не понимаю!

— Неважно. Может быть, Эвер выдаст себя, назвав лицо, которое скомпрометировал Пикар. Мне необходимо знать, кто это. Тебе предстоит действовать почти на ощупь, но вдруг что-нибудь из этого выйдет... Только во время разговора не давай никаких сведений о себе. Делай вид, будто ты боишься, что вас услышит охранник. И еще постарайся незаметно выудить у Эвера имя убийцы Ли...

— Значит, я должна узнать уже два имени?

— Скорей всего это один и тот же человек. Узнав, что его имя известно, он сам решил убрать надзирателя. Поняла? Ну хоть что-нибудь?

Милли покачала головой.

— Все так запутанно...

— Я знаю. Но постарайся. Сейчас же попроси свидания, его дадут не раньше чем через полчаса. Используй это время, чтобы обдумать все, что я сказал.

К нему снова подошел охранник.

— Теперь хватит, другие ждут.

— Да, — сказал Адамс. — Пошли.

Он встал.

— Милли! — крикнул он. — Ты не сможешь меня больше увидеть сегодня. Немедленно сообщи о результате мисс Линдфорд или Грегу...

— Хорошо! — прошептала она, глядя ему вслед.

— До свидания, Милли, до свидания! До скорой встречи!

На обратном пути охранник, который сопровождал Адамса в отделение, бросил взгляд на маленькую карточку, которую держал в руке.

— Послушайте, Адамс, — проворчал он, — у вас записано на сегодня еще два посещения, но вы сможете выйти из отделения только один раз. Одной из посетительниц придется отказать. Кого вы хотите видеть? Миссис Флору Адамс или мисс Линду Конти? Решайте...

— Мисс Линду Конти, — спокойно ответил Адамс.

Грегори Пенсон и Изабелла Линдфорд пришли в тюрьму около шести часов. После обычных формальностей их впустили в камеру № 3045. Адамс поднялся им навстречу.

— Ну, в чем дело? — проворчал он.

Пенсон перебил его:

— Что ты узнал от племянницы надзирателя?

— Ничего нового. Она повторила все, что говорила утром Изе. Холостой выстрел. Впрочем, у меня теперь есть подтверждение, что Ли располагал сведениями, компрометировавшими кого-то. Но у нас нет времени для бесполезных обсуждений. Идите по домам. Если мне повезет, то Милли должна принести вам решение дела надзирателя.

— Не это ли вы имеете в виду? — спросила Изабелла Линдфорд, показывая заключенному зеленый конверт.

— Как? — воскликнул Адамс. — Вы видели Милли? Она передала вам письмо для меня? Что же вы молчали, Иза!

— Нет, как вам это нравится? — вскричала мисс Линдфорд со смехом. — Вы же не дали мне возможности ни слова вставить.

Адамс лихорадочно сорвал конверт, уронил его на пол и стал читать письмо. Время от времени он морщился: у Милли был очень неразборчивый почерк, и он то и дело спотыкался о какое-нибудь слово.

— Ну что там? — спросили одновременно мисс Линдфорд и Пенсон.

— Это не то, чего я ждал от нее. Вот смотрите сами.

Адамс передал письмо Пенсону, и тот стал читать:

«Дорогой Эдвард! Пишу эту записку в ожидании свидания, о котором ты знаешь, чтобы передать содержание разговора между одним посетителем и заключенным по имени Сэм. Я подумала, что Сэм — это вероятно, Самуэль Пикар, которым ты так интересуешься. Может быть, тебе будет важно узнать, что незнакомец старался всячески ободрить заключенного. Мне показалось, что и в его манере убеждать, и в самих доводах было что-то фальшивое. Казалось, у него была какая-то личная заинтересованность. Я подумала, что этот человек один из сообщников Самуэля Пикара и что он боится разоблачений с его стороны...»

В письме было еще несколько строк, но Пенсон не стал читать дальше.

— В этом нет для меня ничего нового. — Адамс устало пожал плечами. — Я прекрасно знаю, что они будут обрабатывать Пикара, чтобы он молчал, до тех пор пока его не казнят.

Он повернулся к Изабелле Линдфорд:

— Ну а на словах Милли ничего вам не передала?

— Разумеется, сказала, — ответила мисс Линдфорд. — Хотя я думала, что самое важное она сообщает вам в письме. Милли поведала мне о вашей стратегии. Но, по-видимому, Эвер сразу же что-то заподозрил. Он задал Милли кучу вопросов, на которые она не смогла ответить, и

почуял ловушку. Тогда Эвер решил ее разыграть...

Адамс чертыхнулся.

— Вы сами виноваты, — заметила мисс Линдфорд. — Задумали с ходу все сделать, а западня такого рода требует предварительной подготовки. Почему вы не подождали нас, чтобы разработать все в деталях?

Адамс присел на койку.

— Вы правы, — согласился он. — Я поторопился. Боялся, как бы Эвер не узнал, что Милли приходила сегодня для свидания со мной. — Он гневно стукнул себя кулаком по колену. — Идиот! Я же мог дать Милли кучу сведений о гангстерах. И Эвер тогда всему бы поверил.

— А пока что, — сказала мисс Линдфорд, — Эвер забил гол в ваши ворота. Знаете, какую штуку он выкинул? Сделал вид, что включился в игру миссис Берил и дал ей понять, что убийца Вильяма Ли... это вы!

Адамс смотрел на мисс Линдфорд, оторопев. Потом, заметив, что она прячет от него взгляд, расхохотался.

— Не хватало только, чтобы вы этому поверили, Иза! Посмотри, Грег, она, кажется, готова считать меня убийцей надзирателя!

— Что касается меня, то я ничего не понимаю, — ответил адвокат. — Если бы вы были так добры и объяснили мне, о чем толкуете вот уже в течение четверти часа, я был бы очень благодарен.

Милли Берил выглянула из окна купе второго класса. Солнце уже садилось за цепью холмов. «Когда я приеду, будет совсем темно», — подумала молодая женщина, чувствуя растущее беспокойство. Незаметно она оглядела своих попутчиков: трое мужчин, одна женщина и ребенок. Толстяк, сидевший напротив, спал с открытым ртом, его двойной подбородок покоился на незастегнутом воротничке рубашки. Милли улыбнулась. «В конце концов, откуда этот страх? — подумала она. — Ведь никто не знает, что я поехала в Комптон».

Милли тихонечко встала, проскользнула между двумя рядами ног и вышла в коридор. У проходившего в этот момент проводника она спросила, где находится вагон-ресторан, и пошла вдоль пустынного коридора. *Его* она увидела, когда оказалась в тамбуре. Человек стоял к ней спиной. Милли взялась за ручку двери, которая вела в соседний вагон, и нажала на нее. Но замок заело, и молодая женщина довольно долго возилась с ним. Случайно подняв глаза на дверное стекло, она перехватила взгляд незнакомца, увидела плохо выбритые щеки, тяжелый подбородок.

На ватных ногах Милли наконец добралась до вагона-ресторана, заказала сандвич и стакан пива. Ветчина была сухой, пиво показалось безвкусным и каким-то тягучим. Расплатившись, Милли пошла в свой вагон. В тамбуре незнакомца уже не было. Однако в конце коридора, возле туалета, она увидела фигуру какого-то мужчины и догадалась, что это он.

Милли села на свое место, откинулась на спинку дивана и закрыла глаза. Вагон довольно сильно тряхнуло, и это вывело ее из забытья. Молодая женщина посмотрела в окно и увидела, что поезд стоял на маленькой станции. На белом щите перрона чернела надпись: «Комптон».

Милли схватила свой чемодан и вышла в коридор.

Она едва успела соскочить с подножки вагона, огляделась. Кроме нее, на платформе никого не было. С поезда сошла только она одна. Милли стояла в нерешительности. Маленькая станция со всех сторон была окружена холмами, на которые уже спускалась ночь.

Наконец Милли увидела человека в форме железнодорожника: держа в руках красный фонарь, он направлялся к единственному стоявшему здесь строению. Она бросилась за ним.

— Мистер! Мистер! Подождите, пожалуйста! — крикнула она.

Человек остановился, посмотрел на нее с удивлением.

— Мне нужно в Комптон. Как туда попасть?

— Вам не здесь надо было выходить, — сказал человек. — Это старая станция. Новый вокзал Комптона в двенадцати километрах отсюда...

— Боже, — сказала Милли устало, — что за невезение! Но ведь есть же какая-нибудь возможность отсюда выбраться?

— Никакой, — ответил железнодорожник, пожав плечами. — Здесь нет никакого транспорта. А следующий поезд пройдет только завтра утром.

Едва сдерживая слезы, Милли воскликнула:

— Но не могу же я всю ночь провести в зале ожидания?

— Конечно, нет! — ответил человек. — Тем более что здесь нет зала ожидания.

— Но что же мне делать?

— Попытайтесь дойти до Комптона пешком. Правда, с чемоданом это трудновато. Думаю, вам лучше всего заночевать в «Приюте кабана». Это маленький мотель. Но до него не меньше получаса ходьбы.

Милли шла в темноте, чемодан оттягивал ей руку, и несколько раз она останавливалась, чтобы передохнуть. Впереди в свете луны серебристой змеей извивалась дорога, терявшаяся у горизонта в густой зарослн деревьев. Напрасно молодая женщина всматривалась в темноту в надежде что-нибудь увидеть. Ничего кругом, ни огонька! На одном из подъемов Милли ослепил яркий свет, и, прежде чем она успела что-либо сообразить, мимо на бешеной скорости промчалась машина.

— Эй! Подождите! Эй!..

Но машина была уже далеко, и снова со всех сторон дорогу обступил мрак. Именно в это мгновенье Милли услышала позади себя шаги. Она вздрогнула, остановилась, стала вглядываться в темноту. «Может быть, мне почудилось?» — подумала Милли и затаила дыхание, но тут же услышала невдалеке легкое поскрипывание гравия.

Вскоре она могла уже различить силуэт. Человек шел не торопясь. Прежде чем она рассмотрела его фигуру, лицо, Милли уже знала, кто это. Она рванулась вперед, у нее буквально подкашивались ноги. Хоть бы проехала какая-нибудь машина... Хоть бы показались огни мотеля... Понемногу к Милли возвращалось мужество, она почувствовала, что уходит от преследователя, слышала, как затихают вдали шаги незнакомца. Казалось, тот не делал никакого усилия, чтобы нагнать ее. Эта мысль немного успокоила молодую женщину, и сердце билось уже не так сильно. Однако Милли понимала, что все равно находится в полной его власти... Даже если она побежит, он тут же догонит ее. Она дошла до развилки. Свернуть или продолжать идти прямо? Она не стала раздумывать. Сейчас ей было неважно, сколько она будет идти, лишь бы прийти куда-нибудь. Мотель уже, вероятно, недалеко. «Полчаса ходьбы», — сказал железнодорожник. А разве прошло полчаса? Конечно, нет. И она вдруг повеселела. Вероятно, человек пошел другой дорогой. Она остановилась и прислушалась: ни звука. Даже ветер стих. Кругом по-прежнему не было ни души.

И вдруг она столкнулась с незнакомцем нос к носу. Она так и не поняла, как это могло случиться. Казалось, он шел тем же шагом, как тогда, когда ей удалось уйти от него. Видимо, они столкнулись случайно. Он мог невольно нагнать ее, пройдя где-то более коротким путем. Но в чем Милли не сомневалась, так это в том, что это человек с поезда.

Она услышала его голос:

— А вот и вы...

Дрожь пробежала по спине молодой женщины. Откуда у нее взялась смелость спросить:

— Вы шли за мной?

Незнакомец не ответил, ей показалось, что он пожал плечами.

Она повторила:

— Вы шли за мной?

— Мне кажется, мы оба совершили одну и ту же ошибку, — сказал незнакомец. — Сошли с поезда на одну остановку раньше.

Она ему не верила. Мысленно

представила пустынную платформу. Он сошел с поезда незаметно, иначе она бы его увидела. «Он не должен видеть, что я боюсь», — подумала Милли, но вся сжалась от страха. Если бы она осмелилась, то бросила бы свой чемодан, чтобы освободить руки на случай нападения. Но у незнакомца могло быть оружие... «Погибла», — подумала Милли, совершенно упав духом. Однако мрачный попутчик не делал пока ни одного подозрительного движения. Некоторое время они шли молча, потом он спросил:

— Вы ведь идете в мотель, верно?

— Да, — ответила Милли, уверенная в том, что никогда не увидит этого мотеля.

— Тогда нам по пути, — сказал мужчина.

Он дотронулся до руки молодой женщины, вздрогнувшей от этого прикосновения.

— Сюда, — сказал незнакомец, показывая ей дорогу. — Нужно пройти через поле, так короче.

Он сделал несколько шагов и остановился, убедившись, что Милли не последовала за ним.

— Идемте же! — крикнул он. — Я тут хорошо все знаю. Через три минуты будем в мотеле.

Она продолжала стоять не двигаясь. Тогда он подошел и, наклонившись, заглянул ей в лицо.

— Вы что, боитесь? — спросил он.

Ее била дрожь, губы свело судорогой, незнакомец вынужден был поддержать ее, так как увидел, что она зашаталась. Если бы он попытался задушить ее, она не сделала бы ни малейшего движения, чтобы защититься, настолько была велика слабость, охватившая ее.

— Что вы со мной хотите сделать? — пробормотала Милли.

— Не говорите глупостей. Если вы не пойдете со мной, то заблудитесь.

Они вошли в лес. Мужчина поддерживал ее, защищал от веток.

«Это безумие, что я пошла за ним сюда, — думала Милли, отдирая свою юбку от колючих кустарников. — Он не спешит, выбирает место, где лучше меня прикончить. Мое тело никогда не найдут...»

Милли вздрогнула, когда ее спутник неожиданно остановился. Инстинктивно она закрыла лицо руками. Но он произнес:

— Вот он, наш мотель.

И Милли увидела ступеньки, ведущие на веранду. Через щели ставен пробивался мягкий свет. Радио негромко наигрывало знакомую мелодию.

Милли отодвинула тарелку с остатками ужина, который попросила подать себе в комнату. Теперь она посмеивалась над своими недавними страхами. Десять часов. Хватит бездельничать. Милли встала, провела расческой по белокурым локонам, слегка взбила их и вышла из комнаты. Внизу лестницы она увидела поднятое к ней добродушное лицо хозяина гостиницы.

— Вам что-нибудь нужно?

— Да, — сказала Милли, — телефон.

— Не везет вам, мисс, — сказал сочувственно хозяин. — Телефон испорчен. Чем я еще могу помочь?

— Дайте мне виски! — вырвалось у Милли.

Она никогда не пила виски, но в этот вечер ей хотелось сделать что-то необычное, а услужливость хозяина раздражала ее.

— Ну и дыра! — проворчала она, когда он поставил перед ней рюмку. — Что это за место такое? Как вы тут живете? На станции нет зала ожидания! У вас нет телефона! Нечего сказать, хорошо вы принимаете гостей!

— Мисс, — ответил хозяин простодушно, — здесь нет ничего, кроме этой маленькой гостиницы, затерявшейся среди полей...

— Затерявшейся, это уж точно, — согласилась Милли. — Но как мне теперь быть? Мне нужно в город, а я застряла здесь.

— Вы хотели позвонить, чтобы вызвать такси?

— Конечно. Я не собираюсь оставаться в вашем мотеле.

— Ну, тогда я, кажется, могу вам помочь...

Милли посмотрела на него вопросительно.

— У меня есть машина. О, это всего лишь старая колымага. Но я все-таки попрошу вас оставить мне небольшой залог. Моя жена не больно доверяет людям, она мне устроит скандал, если...

Хозяин повел Милли в маленький гараж и показал машину.

— Подойдет, — сказала Милли. — Сколько вы хотите?

— Ну, скажем, сто долларов. И постарайтесь все-таки мне ее вернуть.

Милли села за руль.

— Оставьте за мной комнату. Я скоро вернусь, и мне по душе та, которую вы предоставили.

— Не беспокойтесь, мисс, — ответил хозяин. — Вашу комнату не займут. Сюда никто никогда не приезжает...

Комптон, городок с населением в двенадцать тысяч жителей, был расположен на берегу озера. Он напоминал парк, в котором там и сям были разбросаны кокетливые виллы. Это был город, где жили праздные миллионеры, отдыхали после нервного перенапряжения кинозвезды, куда приезжали утомленные выступлениями политиканы.

В этот час все магазины были закрыты, но витрины ярко освещены. Милли нажала на тормоз, погасила фары и стала внимательно вглядываться в сверкавшие вывески. Прошло некоторое время, прежде чем она нашла ту, которая ее интересовала. Неоновая надпись «Night Club»[1] призывно мигала на противоположной стороне площади. Через минуту Милли уже была у входа в полуподвал, откуда доносилась приглушенная музыка.

Пройдя через погруженный в полумрак коридор, Милли попала в залитый светом зал с портиками, дорическими колоннами и целой вереницей мраморных античных богов вдоль стен: каждый бог в своей нише, освещенной неоновым солнцем. Нептун был, разумеется, с трезубцем, Юпитер — с молнией, Диана — с колчаном. И среди всей этой дурного вкуса голливудской античности суетились актрисы, стремившиеся любой ценой сделать карьеру и высматривавшие продюсера, который обратил бы на них внимание; и незаметные ночные девицы, чья обязанность в заведениях подобного рода заставлять клиентов заказывать как можно больше спиртного.

Милли стала пробираться через эту пеструю толпу и вскоре наткнулась на метрдотеля. Он был во фраке, который сделал бы честь любому послу.

— Где я могу увидеть Анну Плэйтон? — спросила его Милли.

Человек, у которого был такой достойный, строгий вид, пропустил ее вопрос мимо ушей. Ей пришлось ждать, пока он, встретив вошедшую в зал пару, устраивал их за столиком, пододвигал им стулья, затем, почтительно склонившись, внимал их священной воле.

— Анна Плэйтон, — повторила Милли.

— Я не знаю ее. Прошу извинить...

И метрдотель удалился, преисполненный сознанием собственного достоинства. Милли чувствовала себя потерянной, ей было не по себе среди этих мехов, шелков, кружев. Она уже прикидывала, сколько шагов отделяет ее от выхода и как ей протиснуться через толпу танцующих, когда почувствовала, что кто-то коснулся ее руки.

— Вы спрашивали Анну Плэйтон?

Милли обернулась. Улыбаясь фальшивой улыбкой, обнажившей гнилые зубы, перед ней стоял невысокого роста мужчина с пепельным цветом лица. Милли почувствовала себя неловко. Человек продолжал незаметно, как бы не придавая этому значения, поглаживать ее руку.

— Я знал Анну Плэйтон...

И он сделал жест, приглашая молодую женщину занять место за его столиком. Милли села, отодвинувшись от него как можно дальше.

— Я ее даже очень близко знал...

Милли встала.

— Не могли бы вы мне сказать, где я могу ее найти?

Его губы раздвинулись в отврати-

[1] Ночной клуб *(англ.)*.

тельной гримасе, он дважды судорожно проглотил слюну и вдруг произнес просительно:

— Я вам скажу... если... вы согласитесь потанцевать со мной. — Он заговорил быстрее, одновременно умоляя и угрожая: — Только один раз. Потом вы уйдете, и я не буду вас ни о чем просить. Я вам скажу, где она работает, где живет, все, что вы захотите. Ну что вам стоит? Смотрите, как бы потом не пожалеть. Я вас и под землей найду!

Милли хотелось бежать со всех ног. Это было похоже на кошмарный сон. Человек внушал ей страх, но она все-таки медлила, желая услышать, что он еще скажет. Руки его снова потянулись к ней...

— Нет, — сказала она наконец решительно и, повернувшись на каблуках, направилась к выходу.

— Мисс, мисс!

Он с трудом пробивался за ней через толпу танцующих. Ему удалось нагнать ее, когда она уже выходила из зала. Милли шла не оглядываясь, но чувствуя его присутствие позади себя и испытывая страх, как бы он снова не коснулся ее рук или спины. Но он этого не сделал, а только тихо пробормотал ей на ухо:

— Она живет на Платан-стрит...

Милли замедлила шаги, делая, однако, вид, что не слушает его.

— Это маленькое бунгало, последнее, на самой вершине холма.

Милли остановила машину на Платан-стрит. Целая вереница домиков вытянулась вдоль дороги и была отделена от нее цветущими газонами. Виллы, расположенные внизу, говорили если не о большом богатстве, то, во всяком случае, о хорошем достатке, но, по мере того как поднимались по откосу, домики становились все более скромными. А при взгляде на тот, в котором жила Анна Плэйтон, возникала уже мысль не об относительной обеспеченности, а о смиренной нужде. В этот час в доме Анны Плэйтон были ярко освещены два окна, а возле подъезда Милли увидела три большие машины.

«Нет, с меня хватит, — подумала молодая женщина. — С чем еще мне предстоит столкнуться в доме этой особы с сомнительной репутацией?»

Она еще не забыла страха, который ей пришлось пережить в поле, и мерзкого человека в ночном ресторане. Зачем она ввязалась в эту историю? Ей была совершенно не нужна ни эта Анна Плэйтон, ни Грегори Пенсон, ни Изабелла Линдфорд, ни Эвер, ни даже Адамс. Все это было ей глубоко чуждо. Что же толкало ее в это осиное гнездо? Что за мотивы? Она искала их, пытаясь разобраться в своих чувствах, в том, что было у нее на душе, и не находила ничего и никого. Кроме Бруно.

Уехать отсюда. Уехать тотчас же из Комптона. Вернуться в Нью-Вераль, добраться до аэродрома и затем самолетом до Европы, до Лондона... Вычеркнуть из жизни эти несколько дней, когда она была сама не своя и которые, она была в этом уверена, Бруно простит ей. Все скоро пройдет. Адамсу уже ничем не поможешь. Он скоро будет мертв. Очень скоро...

И вдруг непрошеные слезы покатились по щекам Милли. Она тряхнула головой, но перед глазами всплыло лицо Анны Плэйтон, лицо, которое Милли так ненавидела. Гладкая кожа, длинные черные волосы, чувственный и вульгарный рот... Все это возникло в памяти. «Нет, нет, я должна с ней поговорить, — подумала Милли. — Только она может что-то знать, ведь она была близка с Эдвардом. Нужно узнать у нее, с кем встречался Адамс. Кто подал ему мысль пойти к этому Бернхайму?»

Милли подошла к двери бунгало. Она поискала звонок, не нашла и ключами от автомобиля с силой постучала. Внутри послышался какой-то шум, потом шаги, шепот и, наконец, короткий приказ.

Дверь открылась рывком. Яркий свет ослепил молодую женщину. На ее руку легла другая рука, и повелительным движением, довольно бесцеремонно ее заставили переступить порог.

— Добрый вечер, мисс, — сказал инспектор Дэвид. — Входите же...

Продолжение следует

Сокращенный перевод с французского Г. ТРОФИМЕНКО

Впервое мгновение Милли подумала, что попала в западню, настолько неожиданно все произошло. В прихожей находилось несколько мужчин, но, увидев среди них полицейского в форме, она успокоилась.

Ее провели в маленькую комнату, и человек лет тридцати пяти, очевидно начальник, указал ей на кресло.

— Итак, — сказал он, — потрудитесь объяснить, кто вы и зачем сюда пришли?

Когда Милли назвала свое имя, у того вырвался возглас удивления.

— Так вот вы кто! Метр Пенсон говорил мне о вас... Позвольте представиться. Меня зовут Ральф Дэвид. Вероятно, вы слышали обо мне?

— Да, конечно, — сказала Милли. — Вы инспектор, который ведет расследование убийства Вильяма Ли.

— Откровенно говоря, — ответил Дэвид, — я очень мало занимаюсь этим расследованием. Видите ли... — он помедлил мгновение, — дело в том, что я убежден в невиновности Эдварда Адамса.

— И поэтому вы приехали допросить Анну Плэйтон?

— Да, — ответил инспектор. — Полагаю, и вы оказались здесь по той же причине?

Милли кивнула.

— Но почему здесь полиция? — спросила она.

Дэвид помолчал, прежде чем ответить.

— Анна Плэйтон, — сказал он наконец, — была найдена в девять тридцать вечера убитой двумя выстрелами в голову.

Милли вздрогнула.

— Но тогда... все объясняется. Анне Плэйтон, вероятно, было что-то известно по делу Бернхайма. Ее убили, чтобы помешать ей говорить.

— Я тоже так думаю, — заметил Дэвид. — К несчастью, я опоздал. Вот уже несколько дней, как мои люди вели за ней слежку. В последнее время она совершенно потеряла голову и буквально преследовала одного человека, за которым мы тоже пристально наблюдали. Я почувствовал, что в Комптоне что-то назревает, и примчался сюда...

— Но, инспектор, если ее убили, значит, она была нежелательным свидетелем по делу Бернхайма!

— Весьма вероятно. Но у нас нет доказательств. Анна Плэйтон вела сложную жизнь. Она была наркоманкой, а чтобы добывать деньги на наркотики, занималась шантажом. И, наверное, у многих были мотивы избавиться от нее. Боюсь, что расследо-

Продолжение. Начало в № 3—5.

АНДРЕ БАНЗИМРА,
французский писатель

Приговоренный обвиняет

Роман

вание обстоятельств ее убийства будет долгим и трудным.

Дэвид замолчал и задумался.

— Нужно действовать быстро, инспектор. Казнь Эдварда Адамса назначена на третье сентября.

— Это мне известно, миссис Берил, — сказал инспектор с досадой. — Но не знаю, что можно сделать. Хоть бы добиться отсрочки. Но здесь столько трудностей! Официально я не имею права заниматься делом Анны Плэйтон. Комптон не мой участок. И, кроме того, начальство поручило мне расследование убийства тюремного надзирателя, а не пересмотр дела Адамса.

Милли поднялась с кресла и подошла к инспектору.

— Мистер Дэвид, — сказала она горячо. — Никто не сможет ни в чем упрекнуть, если вам удастся избавить невиновного от газовой камеры. Что касается убийства Вильяма Ли... то Адамс сделает за вас все.

— Что вы хотите сказать?..

— Я хочу сказать, что Эдвард Адамс найдет убийцу надзирателя.

Инспектор внимательно посмотрел на Милли.

— Не понимаю, как вы можете говорить об этом так уверенно. Адамс в тюрьме и не располагает никакими, даже самыми элементарными, возможностями для того, чтобы успешно вести серьезное расследование.

— У него есть возможности, о которых вам неизвестно, — ответила Милли весело.

Инспектор взял сигарету, поднес ее к губам, не переставая внимательно наблюдать за молодой женщиной.

— Вы что-нибудь знаете? — спросил он. — Адамс напал на след?

— О! — воскликнула Милли. — Не будем гадать. Предоставим действовать Адамсу.

— Почему вас интересует эта история? — спросил Мортон, старший инспектор уголовной полиции Комптона.

Жаркое полуденное солнце пробивалось сквозь опущенные шторы. «У него здесь гораздо приятнее, чем у меня, а главное, просторнее...» — подумал Дэвид.

Человек, сидевший перед ним, был похож на ярмарочного силача: массивная шея, квадратный подбородок.

— У меня есть основания полагать, что девица Анна Плэйтон и тюремный надзиратель, делом которого я занимаюсь, жертвы одной и той же гангстерской организации.

Это был единственно возможный ответ на вопрос, который ему неизбежно должны были задать, и Дэвид почувствовал, что прозвучал он неубедительно, но добавить было нечего.

— Чего вы, в сущности, хотите? — спросил Мортон с явным неудовольствием.

— Я бы хотел, если это возможно, узнать имена и цель приезда всех прибывших недавно в Комптон из Нью-Вераля.

Инспектор Мортон нахмурился.

— Но это же чудовищная работа, коллега! Я должен ознакомиться со всеми регистрационными карточками, которые поступают к нам из отелей. А мы получили далеко не все. И ведь есть люди, которые останавливаются у частных лиц, этих практически невозможно разыскать.

— Все это я знаю. Сведения, которые вы сумеете мне собрать, будут, разумеется, неполными. Но, что делать, придется довольствоваться ими. Если мои выводы правильны, Анну Плэйтон мог убить человек, недавно прибывший из Нью-Вераля

— Какие у вас основания для таких предположений?

— Повторяю, инспектор Мортон, у меня есть подозрения, что Анна Плэйтон — жертва гангстерской банды, главная квартира которой находится в Нью-Верале. Возможно, что ответвления ее проникли и сюда, но это маловероятно. Если, просматривая карточки, я увижу, что некто, связанный с интересующей меня организацией, прибыл недавно в ваш город из Нью-Вераля, моя версия об убийстве Анны Плэйтон получит подтверждение.

Инспектор Мортон встал.

— Ладно! Убедили, — сказал он. — Я предоставлю вам все регистрационные карточки с последними сведениями, поступившие в наше распоряжение. Но просматривать их, черт побери, вам придется самому. Мне нужно готовить доклад.

— Согласен, — ответил Дэвид.

Через несколько минут инспектор Мортон принес ему груду карточек.

— Вот... Ищите, если вам так хочется.

Дэвид принялся перебирать карточки. Он начал с того, что отложил все те, на которых была пометка: «Из Нью-Вераля». Потом стал их внимательно изучать. Честно говоря, он надеялся встретить имя Арнольда Мэзона. «Если бы удалось доказать причастность Мэзона к убийству Плэйтон, это бы значительно облегчило положение Адамса», — думал Дэвид. Однако пока что его надежды были напрасны. «В конце концов, — размышлял инспектор, — Мэзон мог остановиться в отеле под чужим именем... И, кроме того, здесь не все карточки».

И все же одна из них привлекла его внимание.

— Вот как? — сказал он вполголоса.

Инспектор Мортон, работавший над своим докладом, поднял на него глаза.

— Что-нибудь интересное? — спросил он.

— Может быть. Это не тот человек, которого я ожидал найти, но все-таки беру на заметку. Как знать...

— Можно поинтересоваться, кто это?

— Антони Уоррик...

Мортон записал имя на листке бумаги.

Направляясь в отель «Хартон», Дэвид вспомнил свой разговор с Адамсом.

«Скользкая личность, — сказал тогда заключенный об Уоррике, — он постоянный адвокат гангстеров из банды Девиша!»

И инспектор погрузился в размышления о том, не оказался ли он прав, когда солгал Мортону, сказав, что Вильям Ли и Анна Плэйтон жертвы одной и той же гангстерской организации. В конце концов, Уоррик вполне мог положить цианистый калий в стакан тюремного надзирателя. А теперь тот же Уоррик оказывается в Комптоне в момент убийства особы, которая вызывает все большие подозрения из-за ее длительных связей с бандой Девиша. Бернхайм, Вильям Ли, Анна Плэйтон. Три убийства, внешне не связанных. А вот насколько они действительно не связаны между собой, предстояло определить. Дэвид чувствовал, что он на правильном пути.

Отель «Хартон» был, вне всякого сомнения, самым роскошным в городе. Дэвид подошел к портье.

— Метр Уоррик у себя?

— В номере. Как прикажете доложить?

— Не предупреждайте, — бросил инспектор, показывая свое удостоверение.

— Слушаю. Комната шестьдесят семь, на третьем этаже. Можете подняться на лифте.

Адвокат Антони Уоррик был человеком невысокого роста, лет сорока. Появление Дэвида не привело его в восторг, однако он предложил инспектору место на диване.

— Итак, что вас занесло ко мне? Я не говорю о добром ветре, это прозвучало бы неискренне. Я приехал в Комптон отдохнуть, а не затем, чтобы еще раз обсуждать эту проклятую историю с тюремным надзирателем.

— А я пришел к вам вовсе не по поводу Вильяма Ли... — ответил Дэвид миролюбиво.

— Вот как? Тогда что же это за повод?

— Я расследую убийство Анны Плэйтон, девицы из ночного ресторана.

— Ну, знаете, — заметил Уоррик,— а вы не боитесь гоняться за несколькими зайцами сразу? Я и какая-то проститутка! Вам не кажется, что человек моего положения может себе позволить нечто большее, чем девица из кабаре?

— Я далек от мысли, метр Уоррик, что эта особа была вашей любовницей.

— И совершенно правы, — подытожил адвокат. — Так в чем же тогда дело? Какое я имею отношение к этой Пентон?

— Плэйтон, метр, — поправил Дэвид. — Не могли бы вы мне сказать, где вы находились вчера между восемью и половиной десятого вечера?

На этот раз лицо Антони Уоррика выразило крайнюю степень удивления.

— Черт возьми! — воскликнул он. — Вы что, подозреваете меня?!

— Ответьте на мой вопрос.

— Ну, ну, инспектор, сбавьте тон! Вы не знаете, с кем имеете дело...

— Напротив, метр Уоррик, прекрасно знаю, — ответил Дэвид сухо. — Если вы отказываетесь отвечать мне, это ваше дело. Но могу заверить, те же вопросы вам зададут в другом месте.

Антони Уоррик пожал плечами.

— Что вы хотите знать? Где я был вечером? Пожалуйста. Обедал в ресторане «Пинеда».

— Полагаю, мне это там подтвердят, метр Уоррик. В котором часу вы там были?

— Я пришел около восьми и ушел около половины десятого. — Уоррик расхохотался. — Да, да. Как видите, у меня алиби. Я был в «Пинеде» именно в то время, когда произошло преступление.

— Откуда вы знаете, что преступление произошло именно в это время?

Адвокат сделал нетерпеливое движение.

— Не валяйте дурака, инспектор. Если вы меня спрашиваете, где я был между восемью и половиной десятого, значит, ваша девица была убита в этот промежуток времени.

Дэвид поднялся с дивана.

— Ладно, — проговорил он. — А зачем вы приехали в Комптон?

— По-моему, я вам об этом уже говорил. Немного развлечься. Не знал, что и вы окажетесь здесь, а то бы выбрал другое место. Справьтесь у администрации отеля: я останавливаюсь здесь каждый уик-энд.

Дэвид кивнул и направился к двери. Он собирался уже выйти, когда внезапная мысль заставила его снова повернуться к Уоррику.

— Вы встречались с кем-нибудь в Комптоне?

— Да, — ответил насмешливо Антони Уоррик. — С одной молодой дамой, имени которой я не назову. Скажу только, что она не из ночного ресторана.

— И это все?

— Да, все... хотя... нет, простите... Забыл сказать, вчера вечером в «Пинеде» я ужинал с доктором Артуром Девоном.

Дэвид не мог скрыть свое удивление.

— Доктором Девоном? Врачом-психиатром из тюрьмы в Нью-Верале?

— Другого я не знаю.

— Почему вы мне не сказали об этом раньше?

— Вы же меня не спрашивали, с кем я был в ресторане.

— Вы встретились в «Пинеде»?

— Да. Я не знал, что Девон в Комптоне. Сначала мы сидели за разными столиками. Потом, когда увидели друг друга, решили поужинать вместе и воспользовались этим, чтобы поболтать. Вам, наверное, известно, что Девон лечит одного из моих клиентов, который подвержен нервным припадкам...

— Самуэль Пикар? Да, я в курсе.

— Ну в таком случае вы представляете, о чем мы говорили вчера вечером с доктором Девоном.

«Что бы все это могло означать?» — думал некоторое время спустя Дэвид, шагая по улице.

В среду 17 августа, за пять дней до того как в тюрьме Нью-Вераля должна была состояться первая казнь, в отделение приговоренных пришел Грегори Пенсон с целой кучей неприятных известий для Эдварда Адамса.

— Начнем с самого плохого, — сказал адвокат. — Не стану скрывать: губернатор проявляет большую осторожность. Он счел возможным принять меня только вчера и не постеснялся указать на то, что я собрал очень мало материала. Впрочем, он считает, что информации по твоему делу более чем достаточно и для пересмотра нет никаких оснований. При нынешнем положении ве-

щей он не желает ничего слышать ни о просьбе о помиловании, ни даже об отсрочке казни.

Адамс погрузился в мрачные размышления.

— Ну ладно, — сказал он наконец. — Какие у тебя еще вести?

— Твоя мать, Эд.

Адамс вздрогнул.

— Что с ней?

— Не волнуйся. С ней ничего не случилось. Просто миссис Адамс в очень тяжелом моральном состоянии. Иза была у нее и говорит, что она не перестает плакать с тех пор, как в воскресенье ты отказался от свидания с ней.

Адамс пожал плечами.

— Передай ей, что мы увидимся завтра, в четверг, если она может прийти.

Грегори Пенсон развернул газету.

— Эд, не знаю, как ты сейчас относишься к Анне Плэйтон: ты никогда не был вполне откровенен со мной, и мне очень трудно начать разговор о ней...

— Начинай как тебе заблагорассудится. Я не делаю никакой тайны из моих отношений с Анной. Все это осталось в далеком прошлом. Что с ней случилось?

Пенсон ответил мягко:

— Она умерла, Эд...

Эдвард Адамс нахмурился.

— Ах вот как! — пробормотал он.

— Она была убита двумя выстрелами в голову, в воскресенье в ее доме в Комптоне. Я принес тебе газету, где об этом говорится. Если хочешь прочесть...

— Хорошо. Оставь мне ее. Спасибо.

— Я бы предупредил тебя раньше, но эта заметка попала мне на глаза только сегодня.

Эдвард Адамс кивнул. Когда он снова заговорил, его голос звучал несколько хрипло:

— Что-нибудь еще?

— Да. Исчезла Милли. Я трижды заходил в отель. Мне сказали, что ее не видели с воскресенья. Хозяин в бешенстве. Говорит, что она скрылась, не уплатив по счету. Я, разумеется, успокоил его, сказав, что заплачу за все, если она не вернется. Ты не знаешь, что с ней могло случиться?

— Нет, — ответил Адамс.

— Все это очень странно, — озабоченно сказал Пенсон.

— Может быть, она уехала в Англию, — заметил Адамс.

— Не расплатившись в отеле?

— Да, верно.

— Послушай, Эд, а если гангстерам стало известно о ее разговоре с Эвером? Ты не думаешь, что они могли что-нибудь предпринять?

— О черт!.. Кажется, ты прав, Грэг. Эверу достаточно было сказать Уоррику о разговоре с Милли, чтобы гангстеры стали за ней следить.

Рисунки В. КОЛТУНОВА

Эдвард Адамс погрузился в раздумье.

— Но они же прекрасно понимают, что Милли для них не опасна. Эвер раскусил ее сразу, — сказал он, немного успокоившись.

Адвокат покачал головой.

— Нет. Боюсь, как бы с ней не случилось какого-нибудь несчастья...

Грегори Пенсон беспокоился не напрасно. Теперь Милли Берил была вполне уверена, что за ней следят. Она встречала «его» повсюду — в барах, ресторанах, на дорожках в городских парках и садах; ей казалось, что, кроме этого человека, в городе никого нет. «Он» на нее не смотрел, не проявлял внешне никакого интереса, постоянно был погружен либо в чтение газеты, либо романа в дешевеньком издании. Именно в такие моменты Милли пыталась скрыться, выбирала темные переулки и там, спрятавшись в каком-нибудь парадном, ждала, чтобы «он» прошел мимо. Но каждый раз она обманывалась в своих ожиданиях. Человек следил за ней так искусно, что Милли, в сущности, ни разу не увидела его лицо.

Молодая женщина каждый день встречалась с инспектором Дэвидом и, наконец, решила сказать ему о своем преследователе. Но ей было неловко. «Инспектор может принять все это за плод моей фантазии», — думала Милли. Она расспросила хозяина мотеля «Приют кабана» о своем странном спутнике в тот злополучный вечер, когда она приехала в Комптон. Хозяин назвал имя — Эрик Гаспар — и сообщил, что тот, пробыв в мотеле два дня, сказал, что возвращается в Нью-Вераль.

Когда в маленьком баре, где они обычно встречались, Милли увидела инспектора Дэвида, она рассказала ему о незнакомце.

— Эрик Гаспар? — спросил инспектор, нахмурив брови. — Нет, я не знаю этого человека.

И тут-то, к большему смущению молодой женщины, он задал тот самый вопрос, которого она боялась.

— Вы уверены, что все это не плод вашего воображения?

Милли поспешила переменить тему.

— Есть какие-нибудь новости?

— Новостей много, — ответил Дэвид. — Но ничего точного, определенного. Представьте, я здесь наткнулся на доктора Девона, тюремного психиатра... У него в Комптоне, оказывается, собственный домик, куда он часто приезжает.

— И что вы об этом думаете?

— У Девона неоспоримое алиби на тот вечер, когда была убита Анна Плэйтон. Но мне не нравится, что он оказался здесь.

— Почему? — спросила Милли.

— Я прекрасно понимаю, что Комптон — это место, куда приезжают развлекаться. Но дело в том, что доктор Девон здесь не один. Можно подумать, весь Нью-Вераль решил приехать в Комптон на воскресенье. Каждый раз, заходя в полицию, чтобы заглянуть в поступающие из отелей карточки, я нахожу в них не меньше двух или трех человек, прибывших из Нью-Вераля.

— А вы нашли имя Арнольда Мэзона в этих карточках?

— Именно об этом я хотел вам

сказать! — воскликнул инспектор. — На сегодня это моя главная новость. Мэзон остановился в отеле «Моника» в субботу вечером.

— Вы с ним уже говорили?

— Нет еще. Он все время в бегах.

Инспектор посмотрел на часы.

— Десять минут шестого. Попробую-ка еще раз зайти в «Монику».

Он одним глотком допил пиво и встал.

— Сегодня я непременно должен увидеть Мэзона. Больше нельзя откладывать свое возвращение в Нью-Вераль. Я уезжаю завтра утром. Хотите поехать в моей машине?

— Спасибо, я подумаю, — ответила Милли. — Если вы сможете забежать в бар около восьми часов, мы это обсудим.

— Договорились, — согласился Дэвид.

Арнольд Мэзон лежал на постели, подложив руки под голову и уставившись в потолок. Во внешности этого пятидесятилетнего человека не было ничего примечательного, если не считать примечательной удивительную незаметность, непримечательность всего облика.

— В чем дело? Кто там?! — крикнул он, услышав стук в дверь.

— Это я, — сказал Дэвид, входя в комнату.

— Что такое! Кто вам позволил...

— Довольно, — прервал его инспектор, предъявляя удостоверение. — Полиция!

— Что вам от меня нужно? — испуганно пробормотал Мэзон.

— Садитесь и отвечайте на мои вопросы.

Дэвид почувствовал, что его охватывает необъяснимый гнев. «Значит, вот он какой, этот Мэзон...» Действительно, на первый взгляд трудно было вообразить себе что-либо более достойное презрения, чем этот представитель рода человеческого. Дрожащий, потеющий, только что не лязгающий зубами, Мэзон был воплощением страха и неспокойной совести. Однако Дэвид обладал достаточным опытом, чтобы знать, что многие невиновные ведут себя почти так же.

— Где вы были в воскресенье 14 августа между восемью и половиной десятого вечера? — спросил он резко. Ему пришлось ждать не менее пятнадцати секунд, прежде чем его собеседнику удалось справиться с охватившей его паникой. Наконец Мэзон ответил:

— В кино... Я был в кино.

— Есть ли кто-нибудь, кто может подтвердить ваши показания?

Казалось, Мэзон вот-вот потеряет сознание. Он качал головой, глаза его были вытаращены, дыхание прерывисто.

— Отвечайте! — приказал Дэвид.

Мэзон едва мог дышать. Чем более жалко он выглядел, тем больше ненавидел его инспектор.

— Значит, нет никого, кто мог бы подтвердить, что видел вас в воскресенье между восемью и половиной десятого. Так?

— Да, — выдохнул Мэзон.

Дэвид наклонился над ним и схватил за ворот.

— Ну так я скажу, где ты был, негодяй! Ты не ходил в кино. Ты был у Анны Плэйтон и убил ее!

— Нет! Нет! — завопил Мэзон. — Вы с ума сошли! Я даже не знаю, о ком вы говорите!

— Вот как! Не знаешь? Напротив, ты прекрасно знаешь!

— Нет! — закричал Мэзон.

Но с этого момента положение изменилось, Мэзон овладел собой. Он относился к числу людей, которым удается взять себя под контроль, когда, отвечая, они переходят на крик, словно это придает им мужества.

— Замолчите, Мэзон! — приказал Дэвид. — У меня есть два свидетеля, которые видели, как вы вошли к ней в дом.

Он, разумеется, лгал. Но его это не смущало. Он переоценил паническое состояние, в котором некоторое время находился Мэзон.

— Это неправда, — ответил тот абсолютно спокойно. — Меня не могли там видеть по той простой причине, что я был в кино.

«Так, с пехотой покончено, — сказал себе Дэвид. — Переходим к артиллерии!» И очень мягко спросил:

— Вы не знали девицы из ночного кабаре по имени Анна Плэйтон? Подумайте хорошенько, прежде чем ответить...

— Нечего мне думать. Никогда не слышал этого имени! И я не знакомлюсь с девицами из ночных кабаре.

Инспектор улыбнулся. В какой-то момент искренность, которую Мэзону удалось сохранить, чуть не сбила его с толку. Но теперь он был в себе уверен. И любопытно, сейчас, когда он знал, что Мэзон лжет, тот казался ему менее противным.

— Мэзон, — сказал он тихо, — с Анной Плэйтон вас видели следившие за вами частные сыщики. Хотите подробности? Пожалуйста. Вы пытались уклониться от встреч с этой особой, но она буквально преследовала вас, гонялась за вами.

— Я не знал никакой Анны Плэйтон, — сказал Мэзон глухим голосом. — Может быть, какая-нибудь девица и пыталась приставать ко мне. Это их профессия...

Мысленно Дэвид проклинал все на свете. Вместо того чтобы, как он рассчитывал, получить необходимые сведения, воспользовавшись растерянностью Мэзона, он оказался теперь втянутым в сложную игру.

— Девица Плэйтон вас шантажировала, и вы убили ее, — сказал он.

Мэзон ограничился тем, что бросил на инспектора презрительный взгляд. Он окончательно пришел в себя. Ничто в нем больше не напоминало человека, потерявшего голову от страха. Инспектор решил нанести новый удар.

— Мэзон, вы виновны в убийстве Лоренса Бернхайма и в том, что заманили в западню инспектора Эдварда Адамса при содействии его любовницы Анны Плэйтон. Вы оба работали на гангстерскую банду, занимающуюся торговлей наркотиками. Но и Плэйтон и вы — лишь второстепенные фигуры. Когда они становятся лишними, их убирают. Наркоманка Плэйтон вас шантажировала, ей нужны были деньги на наркотики. Гангстерские боссы в этой ситуации предоставили вас самому себе. В воскресенье вы пришли к ней около девяти часов и убили двумя выстрелами в голову...

Впервые с тех пор как Милли приехала в Комптон, она так поздно задержалась в городе. Было уже почти девять часов вечера, и улицы опустели. Она напрасно прождала Дэвида в маленьком баре, как они условились, и сейчас хозяин всячески старался дать ей понять, что ему пора закрывать свое заведение.

Она, наконец, вышла из бара и оглянулась. Улицы были слабо освещены, запоздалые прохожие торопились по домам. Не отдавая себе отчета, Милли начала высматривать своего неутомимого преследователя, но его нигде не было видно.

Она тронулась в путь. В темноте стук ее каблуков раздавался гулко, как в пещере.

«Я ни в коем случае не должна была так задерживаться», — думала Милли, все убыстряя шаг. Она завернула за угол и на мгновение замерла: на улице, по которой ей предстояло идти, не было ни души. Милли почувствовала озноб. К ней возвращался ее воскресный кошмар.

В какой-то момент она бросила взгляд через плечо, и сердце у нее упало. В тридцати или сорока шагах она увидела «его». Неприметно, как привидение, незнакомец шел, прижимаясь к стенам домов.

И Милли побежала, задыхаясь, охваченная ужасом. Сломав каблук, она остановилась и увидела то, чего еще никогда не было: «он» бежал за ней! Милли вскрикнула и снова устремилась вперед. Это была какая-то бешеная гонка, сердце Милли выскакивало из груди.

Шаги позади нее все убыстрялись. Милли свернула налево, потом направо, затем снова налево и вдруг оказалась в маленьком дворике, где было слышно журчание фонтана. Она кинулась вперед и натолкнулась на стену, повернула в сторону — снова стена. Ей показалось, что из этой мышеловки нет выхода. Перед ней оказалась дверь, Милли стала стучать в нее изо всех сил. Но по ту сторону не было никакого движения.

Снова послышались приглушенные шаги, человек уже был во дворе.

И вдруг, словно мираж в пустыне, Милли увидела широко открытые ворота. Возможно, те самые, через которые она проникла во дворик. Перед ней открылась широкая улица, которую насквозь продувал сильный ветер.

И Милли снова бросилась бежать. Она знала, что человек продолжает гнаться за ней, чувствовала это спиной. Стук его шагов отдавался у нее в голове. Она слышала его дыхание близко, совсем близко... Мысленно Милли уже видела протянутые к ней руки. Вот-вот они схватят ее... От ее пронзительного крика, казалось, всколыхнулся окружавший ее мрак. Совершенно обезумев от страха, Милли свернула в первую попавшуюся улицу и поняла, что выиграла несколько секунд. Полумертвая от ужаса и усталости, она буквально бросилась в объятия какого-то прохожего.

— Ну, ну, успокойся, успокойся! — проговорил тот.

Милли смотрела на своего случайного спасителя ничего не видящим взглядом. Тот сжал ее в своих объятиях, и Милли зарыдала.

— Бруно... Бруно.

Внезапное появление мужа, который должен был находиться за несколько тысяч километров, даже не удивило молодую женщину. Он появился, словно добрый гений, спас ее от кошмара.

— Ну, успокойся, успокойся! Любовь моя! Что случилось?

— Там... — пыталась она объяснить, протягивая руки по направлению к улице. — Он бежал за мной! Хотел меня схватить!

И она забилась в объятиях мужа.

— Кто? О ком ты говоришь?

Но Милли была не в состоянии ничего объяснить. Она так дрожала, что Бруно перепугался.

— Милли! Милли! — повторял он, беря жену на руки.

Донеся до перекрестка, Бруно заставил ее поднять голову.

— Посмотри! Посмотри же! — воскликнул он. — Здесь никого нет! Никого...

И действительно, улица с деревьями, верхушки которых колыхал ветер, была пустынна...

Пока с Милли происходили описанные выше события, в отеле «Моника» инспектор Дэвид все еще допрашивал Арнольда Мэзона.

— Расскажите мне, как все произошло...

— Что?

— Как вы оказались в комнате Бернхайма, как оглушили Адамса. Я хочу знать вашу версию.

— Бернхайм был моим соседом по площадке... — начал Мэзон.

Инспектор перебил его:

— Какие у вас с ним были отношения?

— Хорошие. Очень хорошие. Мы с ним дружили. У него очень приятная жена, двое детей. Три или четыре раза они приглашали меня разделить с ними ужин. У меня не было никаких оснований относиться к ним плохо. Зачем мне было убивать этого человека? Когда он лежал в больнице, а его жена болела мальтийской лихорадкой дома, я ухаживал за ними...

— Мы к этому вернемся. Вам было известно, что Бернхайм является полицейским осведомителем. Не говорите «нет», потому что это уже получило огласку.

— Конечно, я подозревал что-то в этом духе, — согласился Мэзон. — Но меня это не касалось.

— Ах так! Ладно, расскажите об убийстве.

— Я только что возвратился из поездки. Было часов семь вечера. Услышав два выстрела в квартире Бернхайма, я...

— Его жена была дома?

— Нет, она пошла навестить свою мать, заболевшую мальтийской лихорадкой. Вероятно, Мэри Бернхайм тогда-то и заразилась ею.

— Это неважно. Итак, вы услышали выстрелы...

— Я кинулся к соседу, схватив то, что попалось под руку. Это оказалась бронзовая статуэтка. Дверь в квартиру Бернхайма была открыта. Я увидел человека, стоящего ко мне спиной. В руке у него был револьвер. Я подошел сзади и ударил его по голове. В тот момент я еще не понял, что Бернхайм ранен. Но я испугался выстрелов и ударил человека, прежде чем узнал, кто он, и прежде чем понял, что он совершил. Потом позвонил в полицию.

— Значит, вы утверждаете, что в тот момент не знали человека, которого ударили?

— Разумеется. Только позже мне сказали, что его зовут Адамс и что он полицейский. Я тогда здорово перепугался. Ведь в конце концов я же не видел, как Адамс стрелял в Бернхайма. Мне тогда пришло в голову, что этот полицейский здесь по долгу службы и что он первым прибежал на место. Это, конечно, было абсурдно, потому что, если бы стрелял кто-то другой, он бы не смог скрыться до прихода этого полицейского и до того, как прибежал я. К тому же, как выяснилось, у Адамса были основания мстить Бернхайму.

Дэвид провел по губам пальцем.

— Вы лжете! Я догадываюсь, как все происходило на самом деле.

Мэзон насмешливо посмотрел на него.

— Вы умный человек, инспектор! И, наверное, лучше меня знаете, как все произошло. Только я-то там был, а вы нет. И в свое время вам даже не поручили вести расследование.

Дэвид смотрел на Мэзона, покусывая губы. Его собеседник обрел уверенность. Инспектор отдавал себе отчет, что Мэзон мог ему сказать: «Убирайтесь. Я не желаю с вами больше разговаривать. Это дело закрыто, и никто не поручал вам совать в него нос». Но Мэзон ничего подобного не сказал. Напротив, он насмехался над ним.

— С удовольствием послушаю вашу версию, инспектор.

— Мою? — невозмутимо спросил Дэвид. — Что же, вот она. Гангстеры, на которых вы работали, хотели отделаться и от Бернхайма, и от Адамса. Сначала от первого, потому что он располагал кое-какими сведениями об организации, затем от второго, потому что его подозревали в двойной игре. Тем самым убивались одним выстрелом два зайца. А тут Бернхайм, не зная, что Адамс работает в полиции, выдал его одному из полицейских начальников. Для вас наступил момент включиться в игру. Вы заманили Адамса к Бернхайму, вероятно, с помощью Анны Плэйтон, дальней его родственницы. Но прежде выстрелили в осведомителя. Только Адамс пришел чуть раньше, чем его ждали, так что вы не успели удостовериться в том, что Бернхайм умер от ран. Вы оглушили Адамса и разыграли маленькую комедию: оставили отпечатки его пальцев на револьвере после того, как стерли свои, потом сходили за бронзовой статуэткой в свою квартиру и, наконец, позвонили в полицию.

Мэзон издал презрительный смешок.

— И что же было дальше?

— А дальше, когда Бернхайм уже в больнице пришел в сознание, вы были возле него и угрожали расправиться с теми, кто был ему дороже всего — женой и детьми, если он не опознает в Адамсе своего убийцу.

Мэзон встал.

— Оставьте меня в покое! У вас никаких доказательств. И потом это дело закрыто.

Дэвид с ненавистью посмотрел на него.

— Согласен, Мэзон, по этому делу следствие закончено. Но есть другое дело, следствие по которому продолжается. И если Анна Плэйтон вас шантажировала, мы это узнаем. Не исключено, что мы одновременно узнаем и чем она вас шантажировала. У этой особы должен был быть сейф в банке. Шантажисты часто хранят таким образом любопытные бумаги на случай, если с ними произойдет несчастье. Могу вас заверить, что мы тщательнейшим образом изучим этот материал, как только он попадет к нам в руки.

Дэвид вдруг почувствовал усталость.

— Послушайте, — сказал он, — если вы убили Анну Плэйтон, рано или поздно мы это узнаем. Вам по-

кажется странным то, что вы сейчас услышите от человека, работающего в полиции. Бегите, исчезните, убирайтесь куда угодно, только чтобы вас никогда не нашли! Я в состоянии доказать, что вы убили Бернхайма и Анну Плэйтон. Но сколько у меня это займет времени? А я не хочу, чтобы этот несчастный инспектор умер в газовой камере...

В четверг утром около одиннадцати часов Грегори Пенсон пулей влетел в кабинет директора тюрьмы в Нью-Верале. Молодой адвокат едва сдерживал гнев. Однако поскольку он был человеком несмелым и уж, во всяком случае, не агрессивным, то несколько оробел, оказавшись лицом к лицу с Дугласом Кристмасом. Тот поклонился ему, не вставая из-за стола:

— Догадываюсь, что привело вас, метр Пенсон. Кое-кто из ваших коллег уже побывал у меня.

— Послушайте, — стараясь говорить спокойно, сказал адвокат, — вы ведь не отмените посещения приговоренных к смерти. Это было бы...

— Нет, метр, — прервал его Кристмас. — В прошлый четверг я допустил ошибку и проявил слабость, разрешив посещения, несмотря на беспорядки, имевшие место накануне. Больше я не собираюсь рисковать. Этой ночью в отделении опять были волнения.

— Что там произошло?

— О, все то же. Пикар снова проделывал свои фокусы, а все окружающие пришли в возбуждение. На сей раз это продолжалось до шести утра. Приближение казней не способствует разрядке. — Директор тюрьмы нахмурился. — Так что сегодня, метр Пенсон, я не откажусь от принятого решения. Посещений не будет. Я не хочу подвергать своих служащих...

— Но послушайте, — перебил его Пенсон, — вы же не думаете, что кто-нибудь отравит еще одного надзирателя! И, в конце концов, можно усилить надзор...

— Семь лет тому назад, метр, один приговоренный напал на вооруженного охранника и чуть не задушил. Смерть Вильяма Ли и так привлекла излишнее внимание к учреждению, которое я возглавляю. Я не желаю больше никаких инцидентов.

Пенсон с удивлением посмотрел на своего собеседника.

— Вы как будто считаете, что Ли был отравлен кем-то из заключенных. Но это еще не установлено.

— У меня это не вызывает сомнений, метр Пенсон. Убийство объясняется тем возбуждением, которое накануне охватило все камеры.

Пенсон на мгновение задумался.

— Я не разделяю ваше мнение. Мне скорее кажется, что убийство надзирателя было результатом хладнокровно принятого решения. К яду не прибегают в состоянии раздражения. Тогда могут задушить, ударить ножом, выстрелить из револьвера.

Директор заметил:

— Можно прибегнуть и к яду, если думать, что это лучший способ не быть пойманным.

— Вот, вот! — воскликнул Пенсон. — Но это-то как раз и свидетельствует, что убийца не из заключенных. Этим нечего терять.

— Но, метр, вы забываете о надежде. Несчастные живут мыслью, что их помилуют или отсрочат казнь. — Директор вздохнул. — Не настаивайте, метр Пенсон. Неважно, кто убил Вильяма Ли, я не намерен рисковать.

После некоторого молчания Пенсон сказал:

— Господин директор, прошу вас сделать исключение для Эдварда Адамса. К нему пришла мать. Она слепая. К тому же совершенно подавлена, потому что в воскресенье сын отказался от свидания с ней. Я обращаюсь к вам с просьбой не столько ради моего клиента, сколько ради этой бедной женщины.

Кристмас отрицательно покачал головой:

— Я не могу сделать исключение для Адамса. Представьте себе, как на это будут реагировать остальные заключенные?

Молодой адвокат не мог скрыть досады.

— Но это же абсурдно! — воскликнул он. — Адамс единственный, кто вел себя безупречно. Нельзя же наказывать того, кто этого не заслужил...

Он был удивлен, увидев презрительное выражение на лице директора, который сухо заявил:

— Я не уверен, что Адамс так уж безупречен. Я очень хорошо знаю своих заключенных. У меня хранятся их досье и поступают отчеты о поведении в камерах, так что могу иметь суждение о каждом из них...

— И каково же ваше мнение о моем клиенте, господин директор?

— Не очень хорошее, метр Пенсон. По-моему, Эдвард Адамс — хитрый притворщик... Он совершенно лишен моральных устоев, его снедает чудовищное честолюбие, он нарочито создает запутанные ситуации. Мне знакома эта категория: передо мной прошло немало таких людей. Это гордецы, убежденные в своем умственном превосходстве. Преступление для них — способ проявить свою гениальность.

— Почему вы такого мнения об Эдварде Адамсе? — спросил адвокат.

Директор сделал неопределенный жест.

— Ну, в первую очередь об этом говорит его прошлое. Адамс считал, что ему одновременно удастся обмануть и полицию и гангстеров, в чью банду он вступил. Он прирожденный двойной агент.

— Вы заблуждаетесь...

— И потом его поведение в тюрьме, — продолжал директор. — Оно более чем подозрительно. Я не возьмусь, конечно, утверждать, что это он инициатор убийства надзирателя... Однако не удивился бы, если оказалось, что это так.

— Ну зачем ему надо было убивать?

— Просто так, метр Пенсон. Без всякой причины. Чтобы самому себе доказать свое превосходство. Это абсолютно в его характере.

— Вы сами не знаете, что говорите, — сказал Пенсон раздраженно. — Адамс — честнейший человек, и я отдам голову на отсечение, что он стал жертвой махинаций. — Его голос задрожал: — Как вы можете думать, что он убил Вильяма Ли! Да разве вы не знаете, что он поклялся найти убийцу? Не располагая никакими возможностями, он ведет расследование. И это вместо того, чтобы позаботиться о своей собственной судьбе. Он увлек за собой и нас — мисс Линдфорд и меня!

— Не только вас, метр Пенсон. Влиянию Адамса поддался даже инспектор, которому поручено вести расследование этого дела. Доктор Девон, метр Уоррик, наконец, я сам, мы все оказались на положении подозреваемых. И все это дело рук Адамса! Этот артист готов на все, чтобы поставить нас в нелепое положение. Вот что такое ваш Эдвард Адамс...

Директор тюрьмы медленно встал из-за стола.

— Простите, метр Пенсон, я погорячился. Но для вашего клиента не будет сделано исключения. Сегодня днем никто не получит свидания.

Когда Пенсон выходил из кабинета, его мысли были далеко, а выражение лица очень серьезно. У дверей он повернулся к шедшему следом за ним директору.

— Убежден, что вы абсолютно не правы во всем, что касается Адамса, — сказал он.

Директор ничего не ответил.

Шагая по коридору к выходу из тюрьмы, Пенсон чувствовал, как в нем поднимается злоба:

«Этот болтун Дуглас Кристмас сам-то далеко не вне подозрений... Кому-кому, а директору тюрьмы, где яд расходуется в больших дозах, проще простого утаить несколько граммов цианистого калия».

Но тут Пенсон заметил, что забыл в кабинете директора свой портфель. Он вернулся обратно и в нерешительности помедлил у дверей: было неудобно заходить в кабинет в отсутствие директора, но рядом никого не было, и Пенсон вошел. Кабинет был пуст, портфель стоял там, где его

оставили, на полу у ножки стула. Пенсон совсем уже собирался взять портфель и уйти, но что-то заставило его подойти к столу директора.

Тотчас же внимание адвоката привлекла пачка аккуратно распечатанных писем. Пенсон сразу понял, что это почта заключенных. Ему было известно, что в тюрьме вся корреспонденция просматривается, но он не знал, кто этим занимается. Оказалось, сам директор.

Адвокат пробежал глазами фамилии адресатов и нашел имя Эдварда Адамса. Почерк с наклоном влево был ему знаком. Пенсон взял конверт и достал из него письмо, подписанное Милли Берил и датированное вчерашним числом. Пенсон чувствовал неловкость. «За кем я шпионю? — подумал он. — За директором или за Эдвардом?» Однако любопытство взяло верх.

«Дорогой Эдвард, — писала Милли, — я все еще в Комптоне. Стараюсь в меру своих возможностей помогать инспектору Дэвиду в его поисках. Он полон надежд найти в ближайшее время доказательства твоей невиновности. Скажу только: есть новости, и они обнадеживают. Сегодня вечером я должна встретиться с инспектором и надеюсь, что он принесет добрые вести. Не знаю, сумею ли вернуться в Нью-Вераль завтра. Мне бы не хотелось пропустить день свидания, тем более что в недалеком будущем нам не придется встречаться. У каждого из нас будет своя жизнь, ведь так?»

А затем следовал постскриптум, прочитав который, Пенсон совершенно оторопел.

«Надеюсь, что к настоящему моменту тебе уже удалось собрать достаточное количество доказательств вины Мэри О'Коннор. Зачем она отравила этого тюремного надзирателя? Как бы там ни было, я о ней ни словом не обмолвилась инспектору Дэвиду. Нужно, чтобы эту женщину арестовали по твоему обвинению».

— Бог мой! — воскликнул адвокат.

Схватив конверт, Пенсон сунул его в карман и поспешно вышел. Разумеется, он опять забыл захватить свой портфель.

Эдвард Адамс положил письмо на койку возле себя.

— Ну, — спросил Пенсон, — что ты об этом думаешь?

— Конверт у тебя?

— Вот он.

Адамс взял его и начал изучать. На обратной стороне он прочел адрес Милли: «Мотель «Приют кабана», дорога № 103, Комптон».

— Слушай, — спросил адвокат, — ты можешь поручиться, что это почерк Милли?

— По-моему, да, — ответил Адамс, еще раз внимательно прочитав письмо. — К сожалению, я выбросил записку, которую Милли прислала мне на днях. Но в свое время я получил от нее достаточно писем. Если это фальшивка, то превосходно сделана. Но мы это выясним. Первое, что ты сделаешь, выйдя отсюда, позвонишь в «Приют кабана».

— Ничего не понимаю! — воскликнул Пенсон. — Что означает этот постскриптум? Такое впечатление, что Милли располагает точными сведениями о том, что Вильяма Ли отравила Мэри О'Коннор! Как она узнала? Почему считает, что нам об этом должно быть известно?

— Я сам ничего не понимаю!

Некоторое время они молчали.

— Давай рассмотрим все еще раз по порядку, — сказал Адамс. — Если это фальшивка, зачем мне ее прислали?

— Странно. Не мог же автор фальшивки надеяться, что ты сумеешь добиться ареста Мэри О'Коннор только на основании этой записки!

— Верно. Именно поэтому я убежден, что письмо действительно написала Милли. Но тогда появляется одно непонятное обстоятельство...

— Кажется, я догадываюсь, что ты имеешь в виду, Эд. Милли в своей приписке высказывается так, будто уверена, что ты определенно знаешь то, что известно ей.

— Да, — сказал Адамс задумчиво. — Из этого следует, что она мне писала, а я не получил этого письма. Вот все и стало на свои места. Если она послала свое сообщение письмом, его перехватили.

— Черт возьми! Но это мог сделать только один человек!

— Кто?

— Директор тюрьмы! — Адвокат схватил своего друга за плечо. — Эд, он сообщник! Теперь это совершенно ясно!

— Подожди, Грег, не горячись! Директор мог передать первое письмо в полицию. Но вот если оставил у себя, то тем самым подписал свой приговор.

— Я уверен, что он замешан в этом деле. Мы с Изой встретили Дэвида, возвращавшегося из Комптона. Если бы он знал о письме, то нам бы, конечно, сказал.

— Милли виделась с инспектором вплоть до вчерашнего дня, как могло случиться, что она ничего не сообщила ему о Мэри О'Коннор?

— Но Милли сама объясняет это во втором письме. Она, как Иза, как я, хочет, чтобы честь найти убийцу Ли принадлежала тебе, Эд.

— Ну тогда, — сказал Адамс, — может быть, инспектор тянет одеяло на себя. Ему, наверное, хочется лично задержать преступника, и поэтому он предпочел умолчать о письме. Впрочем, я оговариваю этого славного парня. Скорее всего он ничего не знает относительно Мэри О'Коннор.

— Тогда, — заметил адвокат, — если Кристмас никому ничего не сказал о письме, то он сообщник.

— Необязательно, если хорошенько подумать...

— Что ты хочешь сказать?

— Ну послушай, старина, ты же украл письмо со стола в кабинете директора? Разве Мэри О'Коннор не могла сделать то же самое? — Адамс встал. — Вот что ты сейчас сделаешь, Грег. Это, вероятно, уже последняя услуга, о которой я тебя прошу, дело близится к развязке... Ты можешь еще раз побывать в кабинете Кристмаса в его отсутствие?

— Попробую Там остался мой портфель.

— Прекрасно. Положишь это письмо на место. Посмотрим, какова будет реакция директора, когда он познакомится с его содержанием. А ты тем временем повидаешь Дэвида и расскажешь ему обо всем. Если Кристмас не передаст ему письма, его песенка спета. Теперь о Милли. Она подвергается очень большой опасности, ведь она играет с огнем. В разговоре с инспектором ты поставишь это во главу угла и добьешься, чтобы он принял необходимые меры для охраны Милли. Непременно позвони в этот мотель. Скажи ей, чтобы она никуда не выходила, забаррикадировалась в своей комнате и ждала. Можешь спросить у нее о содержании первого письма. Что касается Мэри О'Коннор, я думаю, инспектор сделает все, чтобы не терять ее из виду. Но если увидишь, что Дэвид отнесется несерьезно к твоим сведениям, тебе придется самому не спускать глаз с этой женщины. Иди, Грег. Выполняй!

Окончание следует

Сокращенный перевод с французского Г. ТРОФИМЕНКО

АНДРЕ БАНЗИМРА,
французский писатель

ПРИГОВОРЕННЫЙ ОБВИНЯЕТ

Роман

Милли проснулась в незнакомой комнате. Несмотря на задернутые шторы, все вокруг заливал яркий свет. Очевидно, было уже далеко за полдень.

Всю ночь Милли спала тяжелым сном и сейчас не могла вспомнить ничего из того, что произошло накануне. Потом она увидела Бруно. Без радости всматривалась молодая женщина в лицо мужа. Теперь она вспомнила события минувшей ночи, свой страх, который потом перешел в ужас, свои метания по пустынным улицам, неожиданную встречу с мужем, появившимся неизвестно откуда. Бруно не задал ей ни одного вопроса. Он привел жену в отель, в комнату, где она сейчас открыла глаза, заставил ее принять таблетку снотворного, уложил в постель. Его голос, присутствие успокоили ее, и она наконец провалилась в глубокий колодец искусственного сна, в который не проникали даже кошмары. Сейчас Милли чувствовала себя отдохнувшей, спокойной. Она увидела, что Бруно заметил это, и ощутила раздражение, так как поняла: сейчас он начнет задавать вопросы.

— Милли, объясни мне, пожалуйста, что произошло?

На лице молодой женщины появилось выражение такой скуки, что он замолчал. Она повернула голову в другую сторону.

— Милли!

Неприятной чертой Бруно было то, что он все время как бы о чем-то умолял, в его голосе всегда звучали просьба, отчаяние.

— Бруно, ты опять выглядишь, как побитая собака! — Милли заставила себя улыбнуться, но она бы предпочла, чтобы он снова оказался в тысячах миль отсюда. — Как ты меня нашел?

— Получив твою телеграмму из Нью-Вераля, я понял, что тебя заставила уехать туда заметка в газете, где говорилось о приговоре, вынесенном Эдварду Адамсу. Когда в понедельник самолет доставил меня в Нью-Вераль, я не знал, в каком отеле тебя искать. Потом догадался обратиться в полицию, и там нашли регистрационную карточку отеля, где ты остановилась. Но в отеле мне заявили, что ты уехала в воскресенье, не оставив адреса и не уплатив по счету. На всякий случай я поехал на вокзал, чтобы опросить служащих. У меня почти не было надежды, что кто-либо из них мог запомнить одну из пассажирок среди множества других. Но нашелся человек, вспомнивший молодую женщину, одетую в зеленую курточку и оранжевую юбку. Это было единственное, что в своем поспешном бегстве от меня ты увезла с собой. Служащему показалось, что ты брала билет в Комптон... Милли, я так тебя люблю, что поехал бы разыскивать на край света..

Молодая женщина вскочила с постели и стала поспешно одеваться. Бруно отвернулся, чтобы не смущать ее.

— Не можешь ли ты мне сказать, зачем ты приехала сюда?

— Ты знаешь. Чтобы увидеть Эдварда Адамса.

Милли возненавидела бы мужа, если бы он сказал что-нибудь плохое об Адамсе. Но он этого не сделал.

— Но Адамс в Нью-Верале. Что ты делаешь здесь? Кого ты испугалась вчера вечером? Послушай, Милли, ты же не можешь оставлять меня в неведении. Я должен знать, что происходит. — Увидев раздражение на лице жены, Бруно растерялся. — Хорошо! Не будем об этом! — быстро заговорил он. — Забудем все! Я увезу тебя...

Он схватил ее за руку.

— Нет! — бросила она, высвобождаясь.

— Да, Милли! Ты поедешь со мной. Мы вернемся в Лондон, к себе домой...

— Не прикасайся ко мне! Я никуда не поеду!

Бруно подумал, что она пытается только уклониться от его объятий, и совершенно растерялся, когда Милли выбежала из комнаты, хлопнув дверью.

— Милли! Милли!

Но ее уже нигде не было видно.

Милли бежала по улице. Она слышала голос мужа, в нем звучало отчаяние.

«Только бы он меня не догнал! Только бы не догнал!»

Старый «форд», арендованный у хозяина мотеля, находился в двух

Окончание. Начало в № 3—6.

шагах. Мгновение спустя он промчался мимо Бруно. Милли видела, как ее муж в бессилии уронил руки...

Спидометр, казалось, отражал душевное состояние Милли: сто двадцать, сто, восемьдесят, семьдесят... К молодой женщине возвращалось спокойствие. И тогда ее охватило отчаяние, столь знакомое женщинам, у которых не складывается судьба: они отдают себе отчет, что гонятся за двумя зайцами и, вероятно, не поймают ни одного. Она потеряет Бруно, потеряет Эдварда Адамса — поняла вдруг Милли. «Почему, — задала она себе вопрос, — почему я никогда не бываю довольна своей судьбой? Почему я не могу решиться сделать окончательный выбор?» Но тут машина начала делать сложные пируэты: это был опасный отрезок пути; впереди Милли увидела глубокий овраг. Она бросила взгляд в зеркало и позади себя, метрах в тридцати, заметила машину марки «крайслер». Сначала она подумала, что ее нагоняет Бруно, но в то же мгновение узнала человека, который сидел за рулем. «Крайслер» догонял машину Милли, словно хотел обойти, но в этом месте дорога была слишком узкой. И тут молодая женщина поняла, почему незнакомец с такой настойчивостью преследовал ее все последние дни: ждал подходящего случая, и сейчас он представился. Когда тело Милли Берил обнаружат на дне оврага среди обгоревших частей старого «форда», это будет выглядеть как несчастный случай.

Однако Милли не прибавила скорости. Она ждала, полузакрыв глаза, не испытывая на этот раз ни капли страха. Ей было все равно.

Удар оказался гораздо слабее, чем она ожидала. Милли показалось, что машина, как хорошо управляемый самолет, отделилась от земли. Потом она ощутила толчок, услышала треск, грохот. Окружавший ее мир взорвался. Время разбилось. Милли поглотила черная бездна...

Много времени спустя, секунду или столетие, а может быть, в другой жизни, Милли открыла глаза. Она была засыпана свежевзрытой черной землей, и одинокая травинка, покачиваясь, касалась ее лба. Она не узнала Бруно в человеке, склонившемся над ней.

Четверг, дневные часы, посещения в нью-веральской тюрьме отменены. В отделении приговоренных к смерти царит уныние. Как обезьяны в зоопарке, заключенные бесцельно кружат по своим клеткам. Негр что-то монотонно напевает. Он и Керди затеяли партию в шахматы. Сидя в своих камерах, они лениво передвигают фигуры, находящиеся на свободе по ту сторону решетки.

Погода за стенами тюрьмы сегодня на редкость плохая. В забранных решетками маленьких окнах под самым потолком видно, как сильный порывистый ветер гонит сорванные с деревьев отдельные листья. Может быть, это потому, что скоро наступит сентябрь? Но для большинства заключенных сентября не будет. Для Пикара, Эвера, Обайи, Вэнса, Керди август — это конец пути.

Сегодня вечером Самуэля Пикара уведут и поместят отдельно от остальных...

Он сидит на корточках в глубине камеры и тупо смотрит на каменные плиты.

Рэйон и Обайа погружены в свои мысли. Вот уже два дня, как им нечего сказать друг другу.

Тень смерти нависла над отделением, и Эвер с каждым днем теряет свою напускную уверенность. Он похож на лошадь, у которой сняли шоры и которая всего боится.

И только Лустон продолжает спать днем и ночью. Но сны его стали еще беспокойнее: в них, во всяком случае, больше действующих лиц, чем в том сне, который его ожидает через пятнадцать дней.

— Адамс!

Эдвард Адамс приподнял с подушки голову. Дуглас Кристмас протягивал ему конверт.

— Записка от вашего адвоката. Он просил меня передать вам в собственные руки.

Заключенный взял письмо.

— Адамс, — добавил директор после некоторого колебания, — я должен также сказать, что передал в полицию одно адресованное вам письмо.

Сам того не подозревая, Дуглас Кристмас только что доказал свою невиновность.

— Я могу рассказать его содержание, кроме постскриптума. Последний касается больше полиции, чем вас.

— Не нужно, — сказал Эдвард Адамс. — Я знаю, о чем говорилось в том письме.

— Вот как! — произнес директор и посмотрел на заключенного с подозрением.

— Господин директор, можете мне ответить на один вопрос? Не задержали ли вы первого письма от той же особы? Оно должно было прийти еще два или три дня назад.

Дуглас Кристмас отрицательно покачал головой.

— Значит, — сказал Адамс, — кто-то проник в ваш кабинет и украл его, — и он повернулся к директору спиной. Тот помедлил немного, потом удалился, пожав плечами.

«Я сделал все, что ты мне велел, — писал Грегори Пенсон, — но не смог поговорить с Милли по телефону. Инспектор Дэвид передал полиции Комптона, чтобы она начала ее розыск. Он собирается сам туда выехать. Дэвид очень обеспокоен, и мне не пришлось нажимать на него. Я тоже еду в Комптон. М. О'К. займется Иза. И последнее: Дэвид получил письмо, о котором мы говорили. Преданный тебе Грег».

Изабелла Линдфорд вошла через калитку в железной ограде в небольшой и запущенный сад. Дом был старым, открытые ставни обветшали, их нужно было хотя бы заново покрасить. В окне первого этажа мелькнула тень, и в дверях показалась Мэри О'Коннор.

Это была женщина лет тридцати пяти, маленького роста, некрасивая, с короткими ногами и слишком полными у плеч руками. На ней было какое-то бесформенное домашнее платье. Огромные очки в массивной оправе с очень сильными стеклами свидетельствовали о слабом зрении.

Увидев Изабеллу Линдфорд, метр Мэри О'Коннор тряхнула своей курчавой косматой гривой.

— Польщена вашим визитом, коллега! — громогласно объявила она низким голосом и посторонилась, пропуская гостью.

В доме было темно. Мэри О'Коннор повернулась к Изабелле.

— Это визит вежливости или деловой? — спросила она.

— Деловой, — ответила мисс Линдфорд.

— Тогда прошу в кабинет...

В этой пропахшей табачным дымом комнате было так же темно, как и в прихожей. На низеньком столике у окна стояла допотопная пишущая машинка, перед ней табурет на гнутых ножках. Три стены до самого потолка были уставлены стеллажами. Повсюду в невообразимом беспорядке лежали разные книги, юридические справочники, какие-то бумаги. Все было покрыто пылью.

— Я вас слушаю, — сказала Мэри О'Коннор. — Хотя подождите. Сначала попробую вас усадить.

Она вышла из комнаты и тотчас вернулась, неся стул с мягким сиденьем, который предложила посетительнице. Сама же взгромоздилась на табурет.

— Итак, я вас слушаю, — повторила она.

— Дорогой коллега, — начала Изабелла Линдфорд, — должна вас предупредить, что я собираюсь вмешиваться в то, что меня абсолютно не касается, и, если это вас шокирует, лучше уж сразу выбросьте меня за дверь.

Мэри О'Коннор улыбнулась.

— Нет, зачем же. Я готова все претерпеть.

— Прекрасно. Тогда, если позволите, я задам несколько весьма странных вопросов, которые заставят вас задуматься над тем, чего я добиваюсь.

— Ну что же, задумаюсь и все-таки постараюсь вам ответить.

Изабелла Линдфорд, в свою очередь, улыбнулась. Может быть, Мэри О'Коннор это показалось, но во взгляде ее собеседницы промелькнуло беспокойство.

— Метр О'Коннор, если бы понадобилось раздобыть яд, скажем цианистый калий, сумели бы вы его достать?

Мэри О'Коннор не выказала удивления.

— Думаю, да, — ответила она.— Мой брат фармацевт.

— Тогда я позволю себе еще большую нескромность. Вообразим, что вас заподозрили в убийстве тюремного надзирателя. Разумеется, речь идет о предположении, лишенном всякого основания, вы не из тех людей, кто дает повод для подобных подозрений. Но я ставлю себя на место автора детективного романа, который в конце повествования вдруг замечает, что у него до сих пор нет ни убийцы, ни мотива преступления. И он решил остановить свой выбор на вас, потому что никому никогда и в голову не придет, что такой персонаж может быть виновен. Пойдем дальше. Сколько наш автор ни ломал голову, мотива преступления придумать не смог. И тогда он решил обратиться к своему персонажу, то есть к вам, за подсказкой.

Мэри О'Коннор слегка наклонила голову и взглянула на Изабеллу Линдфорд.

— Послушайте, — ответила она серьезным тоном, — ваш автор уже наградил меня неблагодарной ролью, и было бы несправедливо с его стороны использовать меня и дальше. Чтобы узнать мотив, который мною двигал, ему следовало бы обратиться к другим персонажам. К полицейским инспекторам, например.

— У полиции есть кое-какие свидетельства против вас.

Улыбка, мелькавшая в глазах Мэри О'Коннор, тронула ее губы.

— Но, вероятно, эти свидетельства недостаточны, поскольку меня еще не подвергли допросу. Мне кажется, ваш писатель давным-давно должен был заготовить развязку вместо того, чтобы полагаться на случай и рассчитывать на решение, которое принимается в последнюю минуту.

— Как бы там ни было, — сказала Изабелла Линдфорд, — вы попали в ловушку, из которой вам не уйти.

— А зачем мне уходить, если против меня нет доказательств? И полицейские и автор напрасно тратят свою энергию.

Изабелла Линдфорд встала.

— Не очень полагайтесь на это, метр. Автор собирается вывести на сцену еще одно лицо. Речь идет о молодой женщине, только что приехавшей из Европы, миссис Милли Берил. Вы с ней знакомы?

— Ваш писатель забыл нас представить друг другу.

— Итак, как я уже сказала, эта молодая особа скоро появится на сцене, и она-то и будет главным свидетелем, чьи показания явятся тягчайшим обвинением против вас. Теперь это уже только вопрос времени.

Мэри О'Коннор скрестила руки на груди.

— Держу пари, метр Линдфорд, что с миссис Берил случится несчастье. Если уже не случилось...

Сжав губы, Изабелла Линдфорд долго смотрела на свою собеседницу, потом, не сказав ни слова, повернулась и вышла из комнаты.

Днем, в пятницу, 19 августа, инспектор Дэвид вошел в камеру к Адамсу.

— Ну, инспектор, — спросил заключенный, — что происходит с Мэри О'Коннор?

Дэвид поморщился.

— В настоящий момент она у себя дома сражается с тремя моими подчиненными. Но не могу же я ее арестовать, основываясь на постскриптуме из четырех строк.

— А миссис Берил? Вы ее еще не нашли?

После некоторого колебания инспектор произнес:

— Я как раз хотел вам рассказать...

— С ней произошел... несчастный случай?

— Можно сказать и так. Миссис Берил была найдена вчера в овраге недалеко от Комптона под обломками машины.

— Мертвая?

— К счастью, нет, но она все еще без сознания.

Эдвард Адамс закрыл глаза.

— Как это случилось?

— Ее «форд» догнала машина марки «крайслер» и столкнула в овраг. Похоже, что водитель «крайслера» именно этого и добивался. Номер машины узнать не удалось, но я вспомнил, что миссис Берил говорила мне о каком-то человеке, который, как ей казалось, следовал за ней по пятам. Начинаю думать, что виноват в том, что не отнесся серьезно к ее опасениям.

Адамс нахмурил брови.

— Машина марки «крайслер»? Вы рассказываете о несчастном случае, словно при этом кто-то присутствовал.

— Так оно и было. Но свидетель видел все с большого расстояния. Он ехал на старом «шевроле», который не мог состязаться в скорости с «крайслером». Свидетель не смог даже рассмотреть, кто сидел за рулем, мужчина или женщина.

— Но кто же этот свидетель? — перебил его Адамс нетерпеливо.

— Бруно Берил.

— Как вы сказали, инспектор?

— Я повторяю, что свидетелем несчастного случая был муж миссис Берил.

— Позвольте, позвольте... как же так?.. — бормотал Адамс.

Казалось, он находится в состоянии крайнего возбуждения.

— Что вас удивляет? — спросил инспектор. — То, что Бруно Берил оказался в Америке?

— Да, я этого не знал. Когда он приехал?

— В понедельник утром.

— А когда он поехал в Комптон?

Инспектор наморщил лоб.

— Подождите-ка... Если не ошибаюсь... Нет, точно. Он выехал туда в тот же вечер...

— Послушайте, инспектор, вы спросили у него, откуда он узнал, что его жена в Комптоне? — Адамс схватил Дэвида за плечи.

— Бог мой, нет! — воскликнул Дэвид. — Но какое это имеет значение?

— Черт возьми! — Адамс подкрепил свое восклицание ударом кулака о стенку.

— Да объясните же вы мне... — начал Дэвид, стараясь заглянуть в глаза заключенному.

Но Адамс, казалось, весь ушел в свои мысли. «Что с ним происходит?..» — подумал инспектор. Внезапно Адамс вскочил на ноги.

— Нет, Ральф, — пробормотал он, — я не имею права так думать. Это было бы чудовищно!

Инспектор едва успел заметить, что Эдвард впервые назвал его по имени, как тот уже повернулся к нему спиной.

— И все-таки! — крикнул Адамс голосом, заставившим инспектора вздрогнуть. — Будь проклято все на свете!

Инспектор схватил Адамса за кисти рук и остолбенел, отметив про себя, что лицо несчастного залито потом, а руки холодны, как у мертвеца.

— У меня больше ничего не осталось, — пробормотал заключенный подавленно, — ни привязанностей, ни сердечного тепла.

Помолчав немного, он сказал как бы про себя:

— Как это могло прийти мне в голову?

— О чем вы? — спросил Дэвид, отпуская руки Адамса.

— О чем? — переспросил тот с горькой иронией. — О том, инспектор, что я открыл, кто убийца Вильяма Ли.

Он произнес эти слова так, что можно было подумать, будто он не открыл этого убийцу, а создал его собственными руками...

Адамс говорил быстро и с каждой минутой ускорял темп речи, торопясь все рассказать инспектору до прихода Изабеллы Линдфорд и Грегори Пенсона.

— Истина открылась мне, — говорил Эдвард Адамс, и слово «истина» прозвучало нарочито иронически, — когда вы сказали, что Бруно Берил прилетел в Нью-Вераль в понедельник и в тот же вечер уже был в Комптоне. Это незначительная деталь, но именно она помогла мне воссоздать всю картину... Милли Берил в воскресенье днем приходила ко мне. Она согласилась принять участие в одной мистификации, о которой я вам расскажу позднее. Но в воскресенье вечером миссис Берил уехала из Нью-Вераля. Я полагаю, это можно считать установленным, так как в отеле, где она остановилась, ее отсутствие было замечено, начиная с этого момента. Так вот, я готов держать пари, что в воскресенье днем у Милли еще не было намерения ехать в Комптон. К тому же, насколько мне известно, она не предупредила об этом ни Пенсона, ни Изабеллу Линдфорд. Заметьте, ведь она встретилась с мисс Линдфорд, чтобы передать ей письмо для меня, и словом не обмолвилась, что уезжает. Из всего этого я делаю следующий вывод: Милли Берил решила уехать из Нью-Вераля в воскресенье, по всей вероятности, после шести вечера, но никак не раньше.

— Согласен. Но я не понимаю, куда вы клоните.

— А вот куда. В воскресенье вечером Милли принимает внезапное решение выехать в Комптон. Ее муж прилетает в Нью-Вераль в понедельник утром, а вечером он уже в Комптоне.

— И что?..

— А то, что возникает вопрос: каким образом Бруно Берил мог знать, что Милли находится в Комптоне? Кто мог сказать ему? Конечно, не Милли! В то время когда она ехала в Комптон, Бруно уже находился в самолете. Значит, был кто-то, знавший, что Милли уехала в Комптон, и сообщивший об этом Бруно.

— Мне это кажется вероятным. И что дальше?

— Дальше можно строить рассуждения двояким образом. Вариант первый: давайте посмотрим, с кем Милли могла поделиться тем, что едет в Комптон? В городе она никого не знает, кроме меня, вас и еще двух человек: Изабеллу Линдфорд и Грегори Пенсона. Значит, есть очень большая вероятность того, что Иза или Грег и есть то лицо, которому было известно, куда уехала Милли. Вариант второй: поставим себя на место Бруно Берила. Он приезжает в Нью-Вераль. К кому он может обратиться, чтобы узнать, где найти жену? Ко мне? Можно понять, что эта мысль не приводит его в восторг. Но он знает имена моих адвокатов, газеты часто их называли в связи с процессом. Ему достаточно открыть телефонный справочник. Значит, мы снова приходим к выводу, что указать Берилу, где он может найти жену, должен был один из моих адвокатов.

— Я с большим интересом слежу за ходом ваших рассуждений, — сказал инспектор.

— Один из моих адвокатов скрыл от меня намерение Милли уехать в Комптон. Почему? Да потому, что это решение показалось бы мне странным. Сама бы она никогда до этого не додумалась. Единственно, что могло ее на это натолкнуть, — желание предпринять розыски по делу Бернхайма. Но до встречи с вами в Комптоне Милли абсолютно ничего не понимала в этой истории. Следовательно, кто-то посоветовал ей

поехать в Комптон. Вероятно, ей дали какое-нибудь поручение.

— Да, — заметил инспектор Дэвид. — Она хотела встретиться с Анной Плэйтон.

— Ну вот, все встало на место. До вечера воскресенья Милли не имела представления, где жила Анна. Следовательно, один из моих адвокатов хотел удалить Милли... Почему?

— Я как раз думаю об этом...

— А я уже не думаю. Я знаю. Милли что-то стало известно. И притом настолько важное, что ей решили помешать сообщить об этом кому бы то ни было. Вот объяснение пресловутого «несчастного случая» на дороге. И Милли располагала этими сведениями еще до отъезда из Нью-Вераля в воскресенье.

— Но о каких сведениях идет речь?

— Мы к этому вернемся позже. А сейчас определим, в какой момент и каким образом Милли получила сведения, о которых идет речь. Днем, когда она была у меня, у нее не было никаких особых сообщений. Вот тогда-то мы и решили расставить ловушку Слиму Эверу. Я был уверен, что Эвер знает если не убийцу, то, во всяком случае, лицо, которое убийца пытался прикрыть, убрав надзирателя. И я уговорил Милли осторожно расспросить Эвера, сказав ему предварительно, что она пришла по поручению некоего Джимми Перкера. Это должно было внушить Эверу доверие. Милли узнала, очевидно, что-то очень неопределенное, но достаточно важное, чтобы тотчас же было принято решение сначала отдалить ее от меня, а потом и убить. А ведь это Изабелла Линдфорд сообщила мне по поручению Милли, что ловушка, которую мы расставили Эверу, провалилась. Значит, в этом деле замешана непосредственно Изабелла Линдфорд!

— Но если эти сведения компрометировали мисс Линдфорд, как могло случится, что Милли Берил могла ей поверить? Ведь она согласилась поехать в Комптон потому, что та ее об этом попросила.

— Сведения Милли были не очень определенными, и Изабелла Линдфорд устроила так, что отвела подозрения от себя и подвела под них Мэри О'Коннор. Я догадываюсь, что в разговоре, который произошел между Милли и Эвером, последний намекнул, что убийцей Ли была женщина. Я просто вижу, как это было: Милли делала вид, что прекрасно осведомлена о происшествии в тюрьме, и Эвер попался на удочку, но он не называл имен, а, говоря об убийце, просто сказал «она»... Милли и в голову не пришло, что эта «она» — мой собственный адвокат. К тому же я просил Милли сообщить о результатах этой маленькой мистификации Пенсону или Изабелле Линдфорд. Как же она могла заподозрить? Вероятно, мисс Линдфорд убедила тогда Милли, что единственная женщина, которая могла отравить надзирателя, — это Мэри О'Коннор. Все становится предельно ясным... Возьмем письмо, которое вам передал директор...

— Ах, вам об этом известно!

— Да. Пенсону удалось его заполучить на несколько минут. Особенно важен в нем постскриптум Милли: она была уверена, что мне известны сведения, которые она получила от Эвера и которые ей были неправильно истолкованы мисс Линдфорд. Прочитав эти строки, я подумал, что Милли до этого послала мне еще одно письмо, но я его не получил. А истина заключалась совсем в другом: Милли считала, что сообщила мне известные ей сведения через Изабеллу Линдфорд.

Инспектор кивнул.

— Итак, вы думаете, что это она отравила Вильяма Ли?

— Да, я так думаю.

— Но зачем ей понадобилось убивать этого несчастного?

— Потому что Ли через Пикара получил какие-то компрометирующие ее данные.

— Но как это могло ей стать известно? Через кого?

— О, по-моему, это мог сделать только Слим Эвер.

Инспектор еще не был полностью убежден.

— Послушайте, — сказал он, — давайте вернемся к тому дню, когда было совершено преступление. И доктор Девон, и вы сами утверждаете, что в ночь с десятого на одиннадцатое августа Пикар сообщил Вильяму Ли сведения, которые могли кого-то скомпрометировать...

— Да.

— Но в четверг, одиннадцатого, у Эвера не было посетителей, следовательно, сам он не мог совершить преступления. Значит, он сумел насторожить против надзирателя лицо, скомпрометированное Пикаром. Так?

— Совершенно верно.

— Посетителей у него не было, но он мог это сделать через своего адвоката метра Уоррика, надзирателя Бена Оберона или через кого-либо из охранников, разносивших суп в полдень. Но с Изабеллой Линдфорд, насколько я помню, у него контактов не было.

— Черт возьми! — Адамс нахмурился. — А ведь верно. Тогда как же этот тип сумел ей сообщить о том, что произошло?

Вдруг он хлопнул себя по лбу.

— Вспомнил! Да, конечно! До чего же ловка, чертовка! И ведь все было проделано на виду, а я и не заметил! Помните, инспектор, в четверг утром распространился слух, что из-за беспорядков, происшедших ночью, директор запретил вечерние посещения?

— Да, я слышал об этом.

— Так вот, Изабелла Линдфорд разыграла тогда благородный гнев и встала на защиту моих интересов, чтобы добиться для меня исключения. Она обошла все камеры, чтобы заключенные засвидетельствовали, что я не принимал никакого участия в беспорядках. Она разговаривала и со Слимом Эвером. Тот воспользовался этим и предупредил ее, что Вильяму Ли о чем-то стало известно! Теперь я вспоминаю: каждый раз, узнав, что у Пикара был приступ, мисс Линдфорд явно нервничала. И у нее были на это причины: она боялась, как бы он не сказал лишнего в бреду.

Они помолчали минуту.

— Но каким образом, — спросил инспектор, — она могла достать цианистый калий?

— Изабелла Линдфорд связана с гангстерами из банды Девиша. Я достаточно близко знаком с этой публикой и знаю, что у них в достатке не только наркотики, но и ядовитые препараты. — Адамс закрыл глаза.— Мне помнится, в свое время слышал о женщине, которая играла важную роль в этой гангстерской организации, но тогда я не сумел установить ее личность. Я знал, речь шла о какой-то важной особе, но почему-то считал, что она принадлежит к деловому миру. А ведь она вполне могла быть и адвокатом.

Дэвид положил руку на плечо Эдварда Адамса.

— Да, нельзя сказать, чтобы она оказала вам услугу.

— Изабелла Линдфорд меня погубила. Гангстеры сделали блестящий ход, всучив мне ее в качестве защитника. Я был последним идиотом: мне не показалось странным, что такой известный адвокат, как она, предложила защищать такую безвестную личность, как я... И, однако, во время процесса у меня создалось впечатление, что она несколько поторопилась признать меня виновным... Теперь понятно, почему она с таким жаром согласилась заняться делом Вильяма Ли. «Помогая» мне вести расследование, она вошла в контакт с полицией и держала, таким образом, под контролем следствие. Ей тотчас же стало бы известно, если бы вам что-нибудь удалось раскрыть...

Они замолчали. Послышались шаги. Дюк Фераль, новый надзиратель, открыл дверцу камеры и посторонился.

— Добрый вечер, — сказала Изабелла Линдфорд...

— Счастлив видеть вас, — заявил инспектор Дэвид. — Это избавит меня от необходимости идти за вами.

Мисс Линдфорд мгновенно почувствовала, что над ней нависла угроза.

— Идти за мной? — спросила она настороженно.

Адамс повернулся к стене, как

будто происходящее не интересовало его. Инспектор коснулся руки Изабеллы, словно хотел снять с ее рукава пылинку.

— Милли Берил пришла в сознание сегодня утром, — Дэвид в совершенстве владел искусством лжи.— И если до сих пор Пикар старался держать язык за зубами, теперь я возьмусь за него так, что он все расскажет. Ваша игра кончена, метр Изабелла Линдфорд!

ЭПИЛОГ

— Самое забавное во всем этом, — говорил Дэвид Грегори Пенсону, — то, что Адамс восстановил истину, исходя из ложной посылки. Он вообразил, будто это Изабелла Линдфорд сообщила Бруно Берилу, что его жена уехала в Комптон. В действительности же мисс Линдфорд не совершала такой грубой ошибки. Все обстояло гораздо проще. Бруно Берилу просто повезло: на вокзале он наткнулся на служащего, который запомнил миссис Берил и видел, как она садилась в поезд, следовавший в Комптон.

Грегори Пенсон и Ральф Дэвид находились в скромном кабинете инспектора. Листок настольного календаря показывал тридцатое августа.

— Кое-кто подозревал Изабеллу Линдфорд еще задолго до того, как ее разоблачил Адамс. Я имею в виду Мэри О'Коннор. В день, когда был отравлен Вильям Ли, ей показалось, будто Изабелла Линдфорд что-то делала у стола надзирателя. Но так как метр О'Коннор не полагается на свое зрение, то предпочла ничего не говорить полиции.

Наступило молчание.

— Ладно! — вздохнул Дэвид. — Хватит об этом. Поговорим лучше о том, что нас сейчас больше волнует. Мне удалось добиться от губернатора, чтобы казнь Адамса была отсрочена.

Пенсон кивнул.

— Вы хорошо поработали, инспектор. Но по правде говоря, в этом деле для меня еще столько непонятного! Объясните мне, почему гангстеры хотели избавиться от Адамса?

— Да потому, что он был им подозрителен.

— Но если ему не доверяли, то зачем приняли в свою среду?

— Между ними не было единогласия: одни относились к нему с подозрением, а другие думали воспользоваться его работой в полиции.

— Но разве для тех, кто хотел избавиться от Адамса, не было проще убить его? Зачем им было нужно разыгрывать весь этот спектакль?

— Эх, Пенсон, у вас совсем неправильное представление о законах, царящих в мире торговцев наркотиками, и об их взаимоотношениях с полицией. Гангстеры не настолько глупы, чтобы убить полицейского. Когда убивают одного из наших, мы обычно находим виновного. Нет, в их интересах было подстроить Адамсу ловушку и таким образом вывести его из игры. Что им и удалось.

— И, по-вашему, это они заманили Эдварда Адамса к Бернхайму?

— Конечно.

— Значит, инспектор, вы разделяете мое мнение, что осведомителя убил Арнольд Мэзон?

К большому смущению адвоката, инспектор рассмеялся.

— Я вижу, — сказал он, — в то, что с таким жаром отстаивали однажды в моем кабинете, вы сами верили только наполовину. Да, Бернхайма по поручению банды убил Мэзон. И он сумел заманить Адамса на квартиру к Бернхайму. Кстати, ему помогла в этом Анна Плэйтон. В одном из банков Комптона мы обнаружили ее сейф с магнитофонной лентой. Можете прослушать, когда захотите. На ней записан разговор между Мэзоном и этой особой, он касается убийства Бернхайма. Этой записью Плэйтон пыталась шантажировать своего сообщника. Говорил ли я вам, что после убийства осведомителя гангстеры поспешили изгнать из своей среды обоих исполнителей этой акции?

— Понимаю, — сказал Пенсон. —

Рисунки В. КОЛТУНОВА и С. ОРЛОВА

Но магнитофоны часто искажают голоса. Вы уверены, что голос Мэзона можно будет опознать?

— Увы, — признал инспектор, — я в этом не уверен. Но у меня есть и другой козырь.

— Вам удалось арестовать Мэзона? У вас есть его признание?

— К несчастью, этот тип скрылся. Мы сделали обыск у него на квартире и обнаружили пылесосы. А в них — пыль особого рода: героин, марихуана... Вот так, Пенсон. Больше у вас не должно быть сомнений.

Адвокат улыбнулся. Он думал о борьбе, которая ему еще предстояла, но теперь все казалось легким. Просьба о пересмотре дела уже представлена, и все говорит за то, что она будет удовлетворена. Скоро Эдвард Адамс выйдет из тюрьмы, жизнь начнется снова.

Они помолчали. Потом Дэвид спросил:

— Вы что-нибудь знаете о миссис Берил? Мне говорили, что она поправляется.

— Третьего дня она уехала с мужем в Европу.

Инспектор не смог удержаться, чтобы не спросить:

— Она виделась с Адамсом?

Пенсон покачал головой.

— У нее не было возможности. После того, что с ней случилось, муж не отпускал ее ни на шаг и из больницы отвез прямо на аэродром. Милли как-то сразу очень изменилась. Ей как ребенку хочется, чтобы о ней заботились, баловали. Словом, она вернулась к мужу.

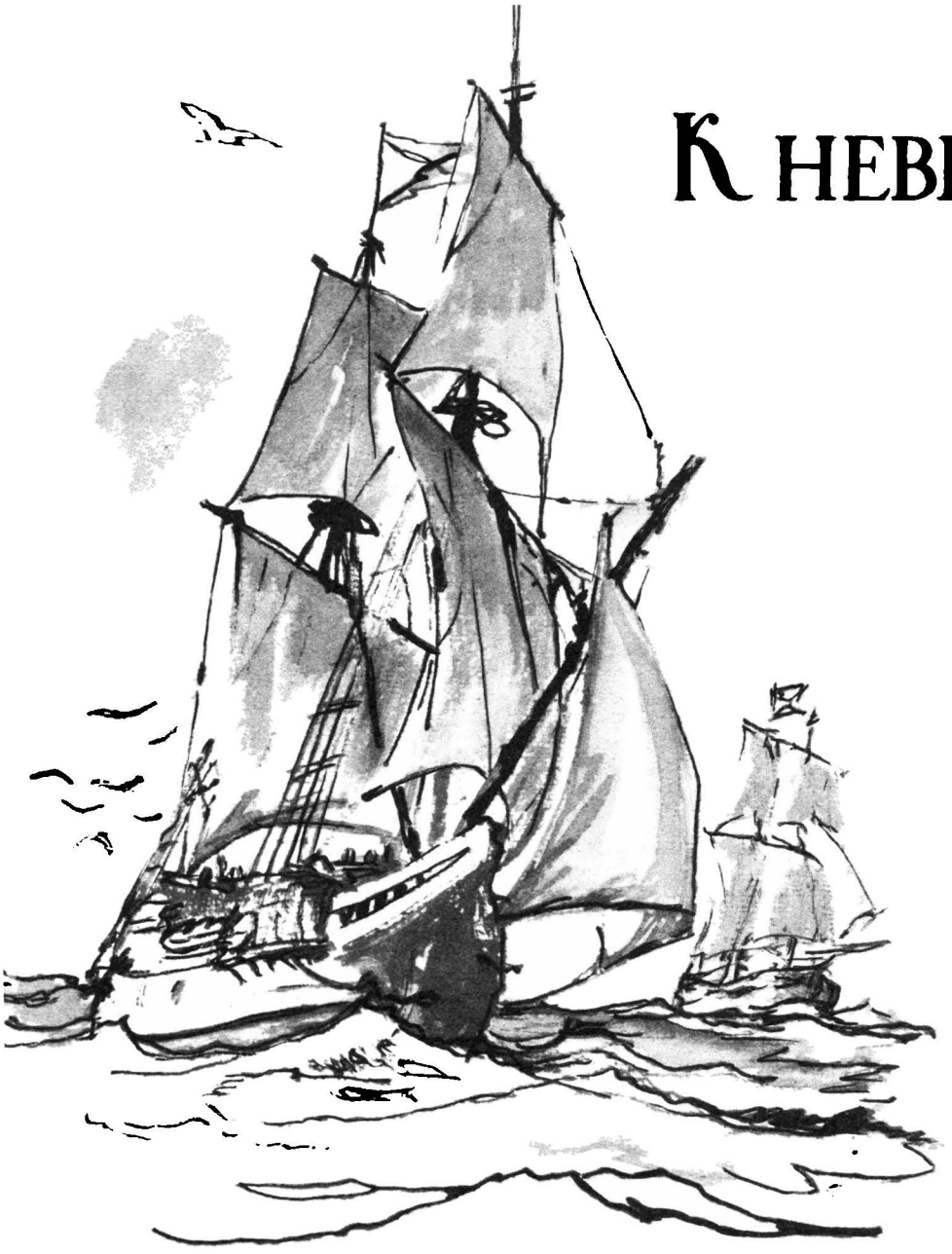
— Скорее всего так, — тихо сказал инспектор.

Заключенный Эдвард Адамс, приговоренный к смертной казни за предумышленное убийство, лежит на койке в своей камере. Вот уже семь дней, как он почти не встает.

Он не двинулся с места, ни когда уходил на казнь Джо Керди, ни тогда, когда в свое далекое путешествие отправлялся Рэйон. Он не слышал и как Обайа в последний раз пробормотал какое-то женское имя. И только, когда Лустон уже несколько часов как был мертв, Эдвард Адамс заметил, что число его товарищей сократилось еще на одного. Затем настал черед негра Микаэла Вэнса, его голос умолк навсегда. Потом Эверу и Пикару также пришлось подняться на рассвете. И будет еще много, очень много других... Они уже начали заполнять отделение, чтобы провести там три недели или месяц — срок, предшествующий казни.

Эдвард Адамс погрузился в состояние, напоминавшее зимнюю спячку. У него не было больше желания ни жить, ни умирать. Ни мужества, чтобы надеяться, ни сил, чтобы отказаться от надежды.

Сокращенный перевод
с французского Г. ТРОФИМЕНКО.



Рисунки П. ПАВЛИНОВА

ГЛЕБ ГОЛУБЕВ

К НЕВЕДОМЫМ БЕРЕГАМ

Историческая повесть

В журнале «Вокруг света» в № 3 за этот год был опубликован очерк «Пять дней из экспедиции к Берингу». Сегодня мы снова возвращаемся к плаванию русских мореходов к берегам Америки.

...Еще в 1648 году Семен Дежнев обнаружил пролив между Азией и Америкой. Но его донесения — «скаски» затерялись в приказных архивах. Даже на родине, в России, многие сомневались в достоверности его открытия. А в Европе о нем вообще не знали.

Незадолго до смерти Петр I задумывает экспедицию, которая должна наконец точно выяснить — не соединяется ли где-то на севере Азия с Америкой. Но плавание в 1728 году Витуса Беринга и Алексея Чирикова на боте «Святой Гавриил» не разрешило окончательно этот вопрос.

В мае 1741 года Беринг и Чириков снова вышли в океан на пакетботах «Святой Петр» и «Святой Павел». Об этом втором плавании А. И. Чирикова и рассказывает повесть Глеба Голубева, написанная на основе архивных документов.

1. ОДНИ В ОКЕАНЕ

Плывут два кораблика по Великому океану.

У каждого на грот-мачте развевается андреевский флаг. Торчат из бортовых люков медные пушечки. Но все равно корабли подобны игрушкам... Двадцать четыре метра длины, ширина — около семи метров. В сущности, просто большая крутобокая шлюпка с палубой и надстройкой на корме. Океан же вокруг огромен. Самый большой океан планеты — Тихий.

Особенно одиноко и затерянно в его просторах выглядят кораблики по вечерам.

Нет ходовых огней на мачтах. Впрочем, они и не нужны. Нет больше в эту ночь ни одного корабля на много тысяч миль кругом. Нет пока ни лоций, ни маяков на берегах. Да и сами берега еще не нанесены на карту.

Чтобы сделать это — найти берега и нанести на карту, — и отправились отважно в путь два корабля. Одним командует капитан-командор Витус Беринг, другим — капитан Алексей Ильич Чириков.

И плывут кораблики сквозь почную непроглядную тьму.

Но как ни в чем не бывало, словно дома, на твердой, надежной земле, спят в тесном трюме матросы, а офицеры — в крошечных каютках, похожих на шкафы.

Не спят только вахтенный штурман да рулевой. Они стоят у штурвала прямо на палубе, открытой всем ветрам. Их поливает ледяной дождь и грозят смыть пенистые волны, перескакивающие через низкий борт. Вахтенным то и дело приходится склоняться над пизепьким нактоузпым шкафчиком, вглядываться в картушку компаса, прикрывая своим телом от ветра и брызг еле освещающую его тусклую лампочку. Светит она не ярче лампадки перед иконой. И это единственный живой огонек, упрямо спорящий с тьмой.

Ночью плыть особенно тревожно и опасно: может, неведомая земля

Повесть печатается в журнальном варианте.

совсем рядом? И вахтенные до рези в глазах всматриваются во тьму, прислушиваются: не ревет ли прибой, разбиваясь о скалы?

Но прокладывать дорогу в Америку еще рано. Сначала им приказано найти Землю да Гамы, которую заранее нанес на карту академик Жозеф Делиль — французский географ на русской службе. При дворе ему верят и так ценят, что положили академику двойное жалованье. А лукавый академик тем временем шлет в Париж секретные географические карты из архивов Адмиралтейства, отрабатывая и другой двойной оклад — в золоте, который он тайно получает из секретных фондов французского правительства...

Вот уже пятнадцатый год Жозеф Делиль всем морочит голову этой Землей да Гамы, отвлекая русских моряков поисками ее от реальных открытий.

Будто бы обнаружил этот большой остров посреди океана еще сто лет назад португалец да Гама. Об открытии Дежнева забыли, а выдумка о Земле упрямо живет...

Тщетно искали Беринг и Чириков эту Землю во время прошлого плаванья. Теперь снова перед ними в первую очередь поставлена та же задача. А чтобы проследить, как она выполняется, Жозеф Делиль отправил в экспедицию своего сводного брата Луи Делиля де ля Кройера. Тот поначалу собирался стать священником, но как-то так получилось, что вместо сутаны надел офицерский мундир и семнадцать лет прослужил в заморских владениях Франции в Канаде, а теперь числится академиком астрономии.

Главным его открытием, которому Луи не может не нарадоваться, пока остается рецепт изготовления самогона из сладкой камчатской травы.

Местные жители использовали эту траву как приправу. А предприимчивые казаки наловчились варить из нее самогон да в таких количествах, что бочками поставляли его казне. Неожиданная статья дохода от диких камчатских мест!

Несколько бочонков божественного напитка астроном захватил с собой, уверяя, будто спирт совершенно ему необходим для научных исследований. И как ни строг Чириков, ничего против такого довода возразить не может.

Целыми днями Делиль слоняется нетвердой походкой по палубе или спит в каюте, где громко тикают трое огромных настенных часов с длиннющими, словно шпаги, маятниками. Часы везет Делиль в качестве научных приборов. С их помощью он собирается провести какие-то важные исследования. Еще он везет с собой Невтонову зрительную трубу, двадцать градусников и двадцать семь барометров.

Вот так они плывут, иногда ложась борт о борт в дрейф, чтобы капитаны могли посоветоваться, крича в разговорные трубы. Потом плывут дальше — пока все на юго-восток, в открытый океан, теряя дни на поиски Земли да Гамы. Командор не решается нарушить данный ему приказ, хотя Чириков снова и снова настойчиво говорит, что явно нет на свете этой Земли и пора менять курс, искать Америку. Но Беринг не соглашается, хотя так ценит и уважает своего молодого помощника, что приказывает ему плыть впереди, а сам на «Святом Петре» следует за ним.

Чириков на палубу почти не выходит, отлеживается в каюте от береговых кляуз и суеты. Только теперь он по-настоящему почувствовал, как устал, измотался.

Пока он может позволить себе небольшой отдых. В Землю да Гамы он не верит, а офицеры у него опытные, в океане не заплутают. И порядок заведен строгий, все идет как положено на хорошем корабле, вроде само собой.

Хотя новостей никаких нет и ничего вокруг не меняется, кроме ветра, вахтенный штурман каждый час делает запись в журнале:

«Ветер марселевой...»

«Ветер мало прибавился...»

«Ветер и погода та ж и чрез все сутки весьма холодно».

Дни текут однообразно и монотонно, неотличимые один от другого. На рассвете, в четыре часа — побудка, уборка коек и палубы, подъем флага, молитва. Когда в одиннадцать пробьет шесть склянок, все оживляются. Вахтенный командир приказывает свистать к водке перед обедом. Водку дают два раза в день, строго по Морскому Уставу: две трети чарки к обеду, одну треть к ужину. В дурную погоду и при усиленной работе норма удваивается.

После обеда матросы собираются в кружок на баке, подальше от офицеров. Укрывшись кое-как от ветра, беседуют, отдыхают, вольно расстегнув камзолы.

Канонир первой статьи Григорий Зубов, великан и силач, приносит балалайку, игрушечную в его ручищах. С равнодушным и вроде сонным видом, глядя куда-то в океан, начинает играть. Ему визгливо вторит на гармошке разбитной Яков Асамалов, сибирского гарнизона солдат. Порой так разойдутся, что кто-нибудь не выдержит, пустится в пляс, пройдется «Барыней» или ударит «Камаринского» — палуба загудит под каблуками. А то, чтоб согреться, затеют веселую возню, играют в кошки-мышки, в жгуты, словно не на тесной и тонкой палубе посреди океана, а где-нибудь на гумне у себя дома, в родной деревне. Жаль только, девок нет.

За девицу-красавицу выходит плясать молоденький солдатик Михайло Ложников. Маленький, щуплый, юркий, он похож на подростка. У него румяное личико, усыпанное веснушками, огромные любопытные глазищи с длинными ресницами; повяжет Михаил невесть откуда взявшийся платочек — и в пляс.

— Давай, давай, Меньшой! Жги!

Но даже и этот веселый, общий час и тот полон скрытой тревоги. Нет-нет кто-нибудь вдруг прервет разговор на полуслове, начнет всматриваться в даль — и все за ним.

Вроде горы видны на горизонте? Земля?!

Нет, почудилось, облако.

Глядя в пустынный океан, Иван Глаткой задумчиво заводит бесконечную поморскую песню. Передавалась она от отца к сыну и вот куда долетела...

Уж ты гой еси, море синее,
Море синее, все студеное,
Все студеное да все солоное.
Кормишь-поишь ты нас, море синее,
Одевашь-обуваешь, море, синее.
Погребашь ты нас, море синее,
Море синее, все студеное,
Все студеное, да все солоное...

Иван Глаткой, пожалуй, самый пожилой из солдат, молчаливый, хмурый и мрачный на вид, очень любит петь — и притом совсем неожиданным для его медвежьей фигуры тонким, высоким голосом. И когда он поет, закрывая глаза, как токующий глухарь, лицо его становится добрым, светлеет.

Напряжение и тревога прорываются в беседах, которые ведут вполголоса, оглядываясь по сторонам, словно кто-то может подслушать в открытом океане.

О доме, против обыкновения, говорят мало, больше о чаемой Земле Американской, о том, что их может там ожидать. И, оказывается, слышали о ней немало, хотя вроде откуда бы?

— Я у чукоч во многих стойбищах посуду деревянную своими глазами видал, — рассказывает толмач экспедиции Иван Панов. — Миски, плошки. Совсем как наши. А откуда им там взяться, когда во всей чукотской земле ни единого деревца не растет? Спрашивал я, говорили: плавают-де торговать на Большую землю — так они Америку называют, оттуда и привозят посуду. Да вон и Шарахов скажет, не даст соврать.

Второй толмач Дмитрий Шарахов, щуплый и скуластый, похожий на коренного камчадала, молча кивает.

— А может, ее американцы делают, посуду-то? — сомневается квартирмейстер Петр Татилов. — Подумаешь, эка вещь — плошка.

— Нет, у американцев такого за-

вода нет. Из бересты не только туеса, даже лодки делают, сам, правда, не видел, рассказывали. А эта посуда истинно наша, русская.

— А откуда же им там взяться, русским-то?

— Говорили же тебе, дураку: еще у Дежнева кочи туда ветром унесло.

— Не только, — подняв палец, значительно произносит Иван Панов. — Говорили мне многие чукчи, будто и потом, когда купцы на ярмонку плавают в Колымское зимовье, там большая ярмонка бывает, тоже немало кочей ветром в Америку уносит. Там наши переженились, расплодились, говорят, целые деревни есть... Я те рассказы переводил, господин ветеринарный прапорщик Линденау все записывал, потом господину академику Миллеру доложил.

Чей-то недоверчивый голос:

— А чего же они там сидят, обратно не возвертаются, домой?

— Чукчи перебьют, боятся. Не пропустят чрез свои земли.

— Или американцы не пускают.

— Чукчи не пускают.

— Сами не хотят. Чего им возвращаться, когда и там, видно, живут неплохо?

— Конечно, живи не тужи без начальства!

— Тише вы, загалдели. Не мешайте слушать! — рычит Глаткой.

Он слушает эти рассказы особенно внимательно, заинтересованно, время от времени со значением переглядываясь с верным дружком, Никифором Пановым.

Поминают в этих беседах нередко и хвастливые рассказы пьяного Делиля. Как-никак прожил человек в тех краях целых семнадцать лет. И хотя, конечно, привирает немало, не без того, все же ведь что-то в его рассказах правда?

Хочется верить: есть где-то на свете вольная страна, куда еще не добрались царские пристава и сборщики ясака. Где по берегам светлых рек шумят вековые, дремучие леса, полные непуганых зверей и птиц. И можно в тех лесах укрыться, срубить избы из смолистых бревен, поставить баньку, часовенку. А вокруг пустить пал по кустам, вспахать пашенку, посеять хлеб, разбить огород. В хозяйских руках любая земля родить будет. Много ли мужику надо?

Для мужичьего рая и Земля да Гамы вполне сгодится, только бы существовала на свете. Об этом шепчутся в темноте вечером на нарах в душном и холодном трюме матросы, раскачиваясь в брезентовых подвесных койках, и солдаты, лежа вповалку на тощих тюфячках прямо на трюмном настиле, сквозь тонкие доски которого из глубин океана так и тянет ледяной сыростью. Шепчутся, тревожно прислушиваясь, как тяжело ударяет в борт набежавшая волна — совсем рядом, над самым ухом. Только тоненькая доска от нее отделяет — от волны, от бездонной водяной бездны...

Притихнут, послушают — и снова шепчутся, пока не крикнет зло с палубы, заглянув в люк, желчный лейтенант Плаутин:

— Разговорчики! Кошек захотели?

Плаутина не любят, побаиваются. У него противная привычка ходить бесшумно и быстро, словно подкрадываясь, и вдруг возникать неожиданно — даже перед капитаном.

А Морской Устав строг, сочинял его сам царь Петр: «Никто из обер и унтер-офицеров не должен матросов и солдат бить рукой или палкой, но следует таковых, в случае потребности, наказывать при малой вине концом веревки толщиною от 21-й до 24-х прядей...»

Все замолкают, затаиваются в своих углах — и один за другим проваливаются в тяжелый, с храпом и вскриками, сон. И снятся им дремучие леса над светлыми водами...

Двенадцатого июня уже всем стало ясно: искать долее Землю да Гамы бесполезно. Уже несколько дней корабли плыли в тех местах, где Жозеф Делиль размашисто нанес ее на карту, а никаких признаков земли не было и в помине. Лот на канате длиной в сто саженей не достал дна.

В четвертом часу дня со «Святого Петра» подали сигнал, чтобы легли в дрейф. Когда корабли сблизились, лейтенант Свен Ваксель прокричал в разговорную трубу, что капитан-командор желает иметь консилиум.

День выдался холодный, пасмурный. Солнце прорывалось сквозь низкие тучи изредка и ненадолго. Ветер, хотя и небольшой, дул както беспорядочно, порывами, часто меняя направление и развертывая корабли то одним бортом, то другим. Офицерам приходилось переходить с места на место.

Стоявший рядом с Ваксель Беринг кутался в плащ, смотрел из-под низко надвинутой треуголки куда-то в сторону, в океанскую даль.

Сейчас, когда офицеры собрались возле своих капитанов, разделенные полоской неспокойной воды, сразу стало заметно, какие они разные на каждом корабле. На «Святом Петре» все опытные, пожилые, под стать командору: плечистый Свен Ваксель, длиннобородый патриарх Андрес Эзельберг, плавающий уж, почитай, полвека. Помоложе только неторопливый, уверенный Софрон Хитрово. Все штурманы отменные.

На «Святом Павле» все офицеры русские и гораздо младше. Даже худощавый Чириков выглядит моложе своих лет. Только ранняя седина да морщины, изрезавшие лицо, выдают его возраст. Впрочем, морщины рано появляются у моряков — от ветра, от постоянной привычки щуриться и вглядываться в даль. И седина рано осыпает головы капитанов — от постоянных опасностей и трудных решений.

А может, это и лучше, что молоды у него офицеры, думает Чириков. Больше у них энергии, сил, но и опыта хватает... На Чихачева вполне можно положиться, старший офицер не подведет. Всегда спокоен, давно плавает, подольше самого Чирикова. Да и Плаутин надежен, хотя характером наградил его господь тяжелым, но смел, дело знает. И младшие штурманы не подведут. Дементьеву капитан недавно с чистой совестью записал в послужной список, что он в своем ремесле опытен и к службе ревностен. И люди его уважают, любят.

Нет, грех жаловаться, веселеет Чириков. Даже самый молодой у него — мичман Иван Елагин, и тот успел себя превосходно зарекомендовать, за два прошлых лета обошел на шлюпке, весьма точно нанес на карту и подробно описал Камчатское побережье.

Начинается консилиум в открытом океане. Багровея от натуги, Свен Ваксель кричит в трубу, что, пожалуй, настало время изменить курс и держать по правому компасу на норд-ост. Что думают насчет того господин капитан Чириков и его офицеры?

Давно служит Свен Ваксель в России, но так и не научился хорошо говорить по-русски. Смешно коверкает многие слова, не все и поймешь.

А сам командор молчит, насупился. Большие, слегка выпученные глаза под круто изогнутыми густыми бровями придают его круглому, нездорово опухшему лицу какое-то совиное выражение.

Желчный Плаутин хочет сказать что-то злое, но Чириков опережает его вопросом:

— Как будем решать, господа офицеры? — И, как положено по Уставу, обращается сперва к самому младшему: — Ваше мнение, мичман Елагин?

Залившись густым румянцем, от смущения, от удовольствия и гордости, что ему первому честь высказываться по такому важному делу и что все, как ему кажется, сейчас на обоих кораблях смотрят на него, твердо чеканит Елагин:

— Считаю, надо изменить курс.

Чириков кивает и смотрит на Дементьева.

— Конечно, надо поворачивать, Алексей Ильич, — решительно поддерживает тот. — Хватит гоняться за химерами.

Чириков поворачивается к Плаутину. Тот машет сердито рукой, что-то зло бормочет. Капитан спешит спросить Чихачева:

— Ваше мнение, Иван Львович?

— Давно пора, — угрюмо ворчит старший офицер, попыхивая неизменной трубкой. Матросы между собой смеются, будто и спит он, не выпуская ее изо рта, как младенец соску.

Чириков уже поднес ко рту трубу, чтобы прокричать ответ Ваксе-лю, как спохватился и посмотрел на Делилл де Кройера. Астрономии профессор стоял чуть в стороне, крепко вцепившись в ванты и заметно покачиваясь, хотя волнения особого на море не было.

— Ваше мнение, господин академик, также желают знать, — крикнул ему Чириков. — Продолжать ли искать. Землю да Гамы, или пора повернуть к берегам Америки? Господин командор ищет вашего мнения.

Делиль выпучил глаза, распушил усы и что-то горячо, страстно, но, к сожалению, совершенно неразборчиво, произнес.

— Господин астрономии профессор тоже согласен, курс надо менять, — поспешно прокричал Свен Ваксель. — Господин командор интересуется вашим мнением, Алексей Ильич.

Чириков пожал плечами, ответил:

— Мое мнение ему давно известно...

Ваксель кивнул, что-то спросил у Беринга и крикнул в трубу:

— Господин капитан-командор приказывает: держать курс по правому компасу ост-норд. Вам, как и раньше, идти впереди.

«...Того ж часа смотрели с саленгов земли меж Z и W и меж Z и O, токмо нигде не видали, и, наполнив парусы, пошли определенным куршем».

Сколько времени потеряно зря! Даже через много лет, вспоминая об этом, Свен Ваксель снова придет в ярость и напишет:

«Кровь закипает во мне всякий раз, когда я вспоминаю о бессовестном обмане, в который мы были введены этой неверной картой, в результате чего рисковали жизнью и добрым именем. По вине этой карты почти половина нашей команды погибла напрасной смертью...»

Алексей Ильич Чириков был человеком сдержанным и так открыто чувств не выражал. Да и, к сожалению, не оставил он никаких воспоминаний о своем плаванье. Но наверняка и он разделял негодование Свена Вакселя. Уж он-то всегда наносил на карту только действительно открытые земли, чтобы не получилось, как любил говорить капитан, конфузной «прибавки».

И все же теперь Чириков вздохнул с облегчением. Карты со злополучной Землей да Гамы убрали подальше. Теперь перед Чириковым лежал просто большой чистый лист плотной бумаги. На нем была лишь размечена сетка долгот и широт в меркаторской проекции — и каждый день прокладывался путь, пройденный кораблем. Этот лист им предстояло самим превратить в карту, нанеся на него вновь открытые земли. И эта еще не рожденная карта радовала глаз, вдохновляла, манила вперед.

А погода с каждым днем все хуже, все холоднее.

«...Для опасности в ночное время взяли у марселей по одному рифу...»

«Ветр прибавился, спустили кливер».

«...По сей ширине счисление не исправляли, понеже погода была премрачная и горизонт нечист».

Иногда капитан приказывает провести нечто вроде научных исследований:

«...Спустили ялбот на воду и пробовали пущением лага течения моря, токмо течения никакого не явилось...»

Опять капитан Чириков плывет впереди. В пять часов утра двадцать первого июня он помечает в журнале: «Ветр крепкой ундерзейлевой, пакетбота Св. Петра не стало быть видно, того ради закрепили фок и стали дрейфовать под гротом и бизанью, чтоб дождатца Св. Петра и с ним не разлучатца...»

Ждали и дрейфовали в штормовом океане почти двое суток. Палили из пушек. По почам сигналили фонарями. Прислушивались, всматривались в дождливую тьму.

Нет, ничего не видно, не слышно. Только волны глухо бьют в борта корабля.

Они остались в океане одни...

Корабли расстались навсегда. И многие из плывших на них уже больше никогда не увидятся снова...

«Вторник, 23 июня 1741 году 5 часов с полудни... В сем часу, оставя искать пакетбот Петра, по общему определению офицеров пакетбота Св. Павла пошли в надлежащий свой путь».

В полдень наступает самый ответственный момент. Его все ждут с интересом и волнением: штурман «берет солнце», определяет местоположение корабля.

Инструменты у них самые примитивные. Основной — «матка», простейший компас, жалкая игрушка магнитных аномалий и бурь. Даже секстан еще неизвестен. Высоту солнца над горизонтом, а следовательно, свою широту определяют градштоком — деревянной рейкой с передвижной поперечной крестовиной. Немножко точнее был квадрант. Но пользоваться им даже при небольшой качке становилось невозможно.

А для определения второй координаты — долготы вообще никаких инструментов практически не было. Нет еще не только хронометров, но и обычных пружинных часов. Пользуются песочными, а в хорошую погоду и солнечными часами, как во времена древних греков. Вахтенный матрос следит, как пересыпается в часах песок, переворачивает их и отбивает склянки ударом в маленький колокол.

Громадные и неуклюжие маятниковые часы, которые везет с собой Делиль, большая редкость. Это научные приборы, а не часы.

Определялись по счислению, отсчитывая пройденный путь от мыса Вауа при входе в Авачинскую бухту, каждый час замеряя скорость по лагу и делая поправки на боковой снос под влиянием ветра.

Лаг в те времена был дубовой дощечкой в виде сектора, укрепленной на конце тонкого линя, размеченного через равные промежутки узелками. Сектор утяжеляли свинцом, чтобы свободно плавал в воде острым кончиком вверх. Один матрос бросал его за борт, а второй, засекая этот момент, пускал в ход «склянки» — полуминутные песочные часы. Оставалось только считать, сколько узелков на разматывающемся лаглине пробежит между пальцами за полминуты. Получалась скорость корабля в узлах — в милях за час.

А поправку на ветер приходилось делать на глаз — по изгибу кильватерной струи за кормой. И конеч-

но, глаз тут требовался острый, наметанный. Только большой опыт и высокое мастерство судовождения могли восполнить недостаток навигационных приборов.

Все дальше они заплывают на север. Теперь Алексей Ильич много времени проводил на палубе, словно его сразу излечил от всех хворостей и недугов хмельной воздух неизвестных просторов. Но командовали вахтенные начальники, Чириков им не мешал. Вдруг возникнет среди ночи призрачной тенью возле рулевого, в самый унылый час тягостной «собачьей вахты», присядет на корточки возле нактоуза, проверяя по компасу курс, потом встанет, послушает невидимый в темноте океан, посмотрит наверх, на смутно светлеющие над головой паруса — и так же тихо покинет шканцы.

А на рассвете, смотришь, капитан стоит где-нибудь на баке, крепко расставив ноги. Склонив голову и сдвинув парик, чтобы не мешал, внимательно слушает, как журчит вода под форштевнем. Постоит, послушает, удовлетворенно кивнет — и пойдет дальше, сутулясь и заложив руки за спину...

Лицо у него посмуглело, стало покрываться здоровым морским загаром.

Радует Чирикова, что все пока спокойно. Уверенно ведут корабль по неведомым водам его штурманы. Правда, Чихачев все свободное время проводит в каюте француза. Но вахты свои стоит исправно, так что Алексей Ильич никаких внушений ему пока не делает.

Зато Плаутин крепко следит за порядком, старается за всех офицеров. Даже сменившись с вахты, снует по всему кораблю крадущейся походкой, неожиданно возникает то на баке, то в трюме, слышно, как строго распекает кого-нибудь. Провинность он всегда найдет.

И младшие штурманы не нуждаются в капитанской опеке. Елагин отлично берет солнце, ведет журнал, вечером несколько раз проверит, залито ли масло в нактоузные лампы. А Демешьев в свою вахту непременно поднимет все паруса, какие позволяет ветер, чтобы поскорее мчаться навстречу открытиям — и с улыбкой поглядывает на капитана.

Но плыть нелегко. Почти все время погода стоит пасмурная. Определиться удается не каждый день. Днем и ночью небо плотно затягивают тяжелые низкие облака — ни звезд, ни солнца. Так что и широту оставалось прикидывать на глазок.

«Мы должны были плыть в неизведанном, никем не описанном океане, точно слепые, не знающие, слишком ли быстро или слишком медленно они передвигаются и где вообще находятся. Не знаю, существует ли на свете более безотрадное или более тяжелое состояние, чем плаванье в неописанных водах. Говорю по собственному опыту и могу утверждать, что в течение пяти месяцев этого плавания в никем еще не изведанных краях мне едва ли выдалось несколько часов непрерывного спокойного сна: я всегда находился в беспокойстве, в ожидании опасностей и бедствий...»

Это вспоминает Свен Ваксель о плавании на «Святом Петре». А ведь у Чирикова практического опыта плаваний было поменьше, чем у Вакселя, зато ответственности — больше. Он был капитаном, «вторым на борту после бога», как говорят англичане.

Двадцать седьмого июня с утра погода была малооблачна, даже показалось солнце. И вдруг — тревога!

«В начале 12 часу между N и NO оказался вид подобно горам, того ради для подлинного рассмотрения стали держать по компасу на NO».

Неужели чаемая Земля Американская?!

Но нет, скоро стало ясно: это не снежные шапки на вершинах гор, а облака. Алексей Ильич приказал ложиться на прежний курс.

Шестого июля вечером всех всполошил новый признак близкой земли. Первым его заметил лучший стрелок и охотник Никифор Панов:

«Ветр самой малой, явилось в море много цветов плавающих, видом в воде зеленые и желтоватые, которые надеялись, что трава, того ради отдрейфовали и бросали лот и ста саженями земли не достали. Цветы осмотрели, что оные не травяные, токмо сгустившаяся вода наподобие киселя, каких обычайно много выбрасывает на морские берега...»

Наука о море еще так молода, что медуз считают «сгустившейся наподобие киселя» морской водой...

Но вот тринадцатого июля в журнале появляется столь важная запись, что делают ее прямо поперек всей страницы:

«Увидели береговую утку».

На следующий день новая запись: «В прошедшие сутки видели одну береговую утку да чайку, два древа плавающих старых».

Теперь сомнений уже нет: земля близка!

«14 июля 1741 году пополудни. В начале часа увидели круг судна отменную воду[1], широкими и долгими полосами, цветом очень белую, и таких полос видели три, чего ради отдрейфовали и метали трижды лот, токмо земли ста саженями не достали, а как дрейфовали, то с первой полосы, которая была длиною с полверсты и шириною с двести сажен, с оной сдрейфовало, потом нанесло на другие полосы, которые были меньше, а признаваем, что оные отменны[1] воды от идущей вместе собравшейся мелкой рыбы, а подлинно отчего такая отменная вода была — знать не можно...»

На всякий случай разложили по палубе канат левого дагликс-якоря, а сам якорь подвесили на борту готовым в любой момент к отдаче. И, вглядываясь в даль во все глаза, поплыли дальше...

Земля открылась внезапно, в ночь на пятнадцатое июля 1741 года.

С вечера погода была скверная, с мокротою и туманом. Но к полночи небо расчистилось, и вскоре впереди вроде что-то увиделось. Словно темнота в том направлении сгустилась, стала твердой, приобрела какие-то очертания...

Уж не горы ли?!

И вроде донес ветер голос прибоя — совсем иной шум от разбивающихся о скалы волн, чем плеск воды у бортов корабля. Давно уже не слышали они прибоя.

Чириков сам взял пеленг на нечто темнеющее вдали и приказал переменить курс в бейдевинт на левый галс, чтобы пойти вдоль берега — если это был берег — и не напороться в темноте на подводный камень.

Никто, конечно, не спал. Все были на палубе. Всматривались, шептались, ждали рассвета.

Хорошо, что ночь была короткой — далеко они уже заплыли на север. Темнота стала таять, расходиться. Занимался нежный, призрачный, колдовской рассвет, какие бывают только на севере летом.

А справа по борту темнота не исчезала. Наоборот, становилась гуще, чернее. И все ясно увидели: это же в самом деле горы!

Но только утром, когда никаких сомнений не оставалось, Алексей Ильич Чириков записал в журнале: «В 2 часа пополуночи впереди себя увидели землю, на которой горы высокие, а тогда еще не очень было светло, того ради легли на дрейф. В 3-м часу стало быть землю свободнее видеть, на которой виден был и оную признаваем мы подлинною Америкою...»

Впервые по-настоящему Америка открыта вторично — теперь и с запада. Исторический миг!

Что их ждет у чужих берегов?

Продолжение следует.

[1] Тут в смысле: необычную.

[1] А здесь в смысле: другую, отличную, непохожую.

ГЛЕБ ГОЛУБЕВ

К НЕВЕДОМЫМ БЕРЕГАМ

Историческая повесть

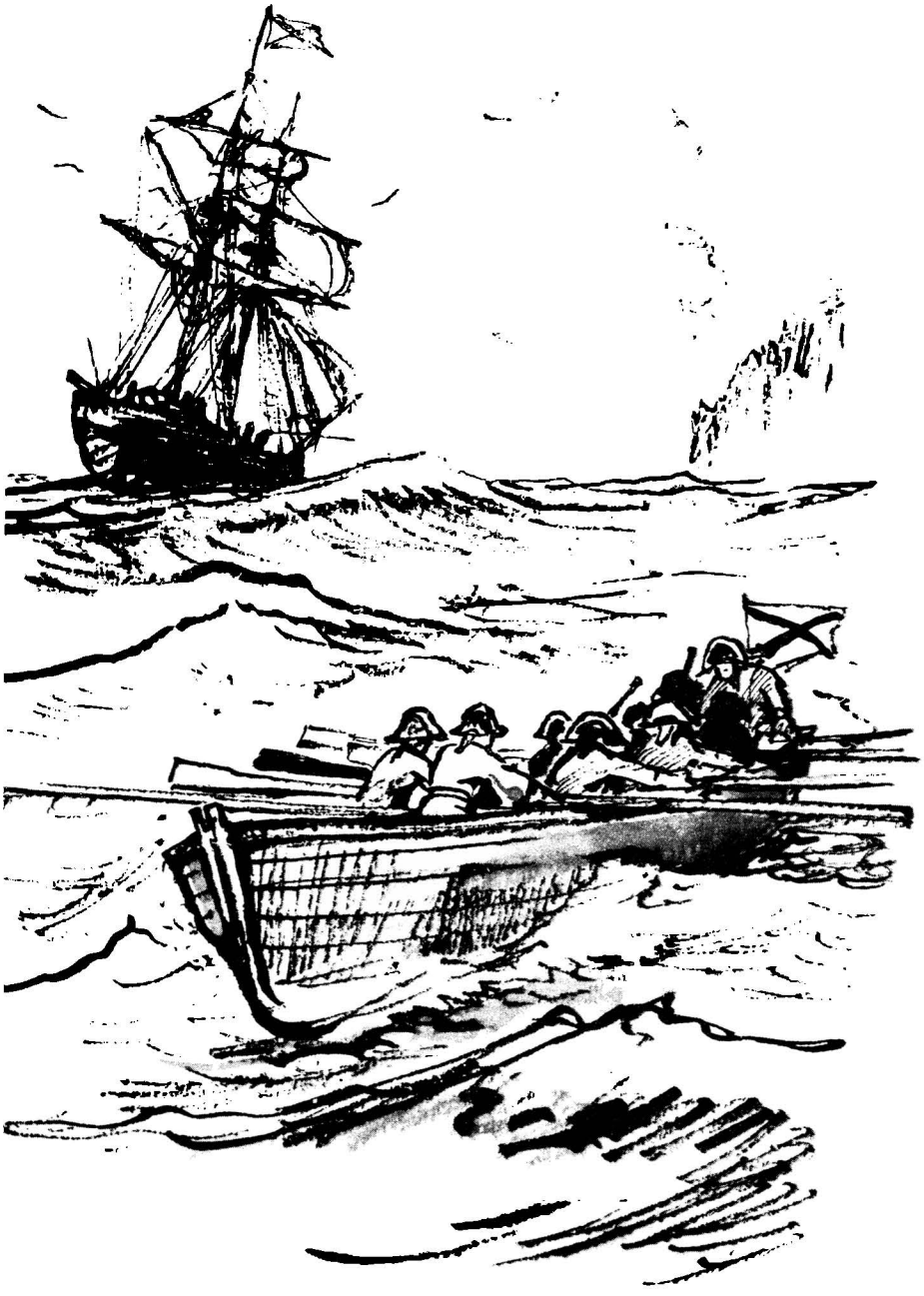


Рис. П. ПАВЛИНОВА

2. ЧАЕМАЯ ЗЕМЛЯ

Утро, как по молитвам, выдалось чудесное. Солнце поднималось все выше, в его лучах растаяли последние облачка. «Сияние солнца» отметили даже в вахтенном журнале.

И все, столпившись у борта, смотрели на чаемую Землю Американскую. Высокие горы, скалистые обрывистые берега. Не высадишься, даже близко не подойдешь — повсюду торчат из воды отдельные скалы-отпрядыши, пенистые буруны выдают, что и под водой прячутся камни.

Скалы сплошь покрыты темным хвойным лесом. И нигде ни дымка, никаких признаков жилья. В самом деле заветная, вольная, райская страна!

— Как вы полагаете, господин профессор, — спросил капитан Делиля, — похожи эти места на те, что вы в бытность свою в Канаде видали?

Француз воздел руки и восторженно замычал, но сказать ничего не успел.

— Такие виды у нас и на Балтике есть, — насмешливо вставил Плаутин.

— Ну не скажи, Михаил Гаврилович, — вступился Дементьев. — Ах, красота какая! Надо бы окрестить этот берег, дать ему прозвание, Алексей Ильич.

— Успеется, — ответил капитан. — Надо сначала проведать как следует, материк это или остров какой большой.

— Пошлем бот? — спросил Чихачев. — Вроде вон залива подходящая. Пусть промерят, можно ли туда зайти, встать на якорь.

— Пожалуй, — кивнул Чириков и задумался: кого послать обследовать берег? Одного из молодых — Дементьева или Елагина?

Нет, можно офицеров не посылать. Ведь высаживаться на берег не будут.

— Пошлем Трубицына, — сказал Чириков. — Пусть готовит бот. А матросов с ним человек семь-восемь, не боле. Кто пожелает.

Продолжение. Начало в № 7 за 1980 год.

Чириков строго-настрого приказал к берегу не приставать. Только осмотреть вход в залив, смерить глубину, какое дно, по возможности выяснить, сможет ли корабль зайти в бухту и стать там на якорь, укрывшись от ветров.

— Следи за сигналами, какие флагом подавать станем, — наказывал Трубицыну Чириков, свесившись через борт. — А ежели из пушки стрельнем, немедля возвращаться! Понял? И к берегу даже близко не подходить!

Гребцы дружно взмахнули веслами. Бот стал быстро удаляться.

Видели, как входил он в бухточку. Потом скрылся из глаз. Все, притихнув, ждали.

Прошел час, другой, третий.

Погода была все такой же солнечной, приветливой, тихой.

Чириков, ссутулясь, заложив за спину руки с подзорной трубой, ходил взад-вперед по палубе. Часто останавливался, смотрел в трубу на берег. Нахмурившись, начинал ходить снова.

В шесть часов он приказал поднять на мачте сигнал о возвращении и палить из пушек. Эхо от скалистых берегов ответило целой канонадой.

Теперь минуты казались еще длиннее. Время словно остановилось.

И все обрадовались, оживились, облегченно зашумели, когда с фор-марса вахтенный крикнул:

— Идут! Ворочаются!

Шлюпка подошла к борту, когда солнце уже спустилось к самой воде.

Трубицын торопливо поднялся по штормтрапу, доложил:

— Залива открытая, ваше высокоблагородие, защиты в ней от вестовых и зюйдовых ветров нет. Только с осту скалы прикрывают.

— А глубина?

— Мерили при входе в заливу, глубина живет подходящая — сорок сажен.

— На берегу что видели?

— На берегу лес растет большой — еловый, сосновый, вроде пихтовый.

— А людей не видели?

— Нет, пусто все. Ни людей, ни жилья неприметно.

Тут не выдержал и, нарушая субординацию, восторженно подал голос из шлюпки Иван Панов:

— Морских зверей много видели, господин капитан! Морских котов, бобров, сивучей. Лежат на кампях, греются. Не пуганые никем, как в раю, ваше высокоблагородие. Смотреть — душа радуется!

Все заулыбались. Если звери непуганые, значит, им тут привольно. Хорошая, видать, землица. И людей опасных поблизости, похоже, нету.

Все ждали, что скажет капитан. А он задумчиво смотрел на берег, уже начавший скрываться в вечерней дымке.

Ночь наступает. Бухта защиты от ветров не имеет. Решил Чириков не рисковать:

— Шлюпку на борт, крепить по-походному.

Подняли паруса и отошли на ночь подальше от берега.

И скоро все убедились, что опыт и предчувствие снова не подвели командира. К часу ночи ветер засвежел, а к утру уже разыгрался настоящий шторм. Хорошо, застал не у берега! Легли курсом на север и пошли на всех парусах...

Утром, как посветлело, подошли опять к берегу поближе. Но его скрывал поднявшийся туман. Заметили только три небольших островка. На них гнездились во множестве птицы, вроде юрики и ару, какие живут и на Камчатке[1].

Определяясь, заметили, что еще подгоняет на север сильное течение. Стали делать на него поправку. И все время мешали ветер и туман, не попадалось удобной бухты, чтоб встать на якорь. Берега были все такие же высокие, крутые, щетинились хвойным лесом. Отдельные горные пики вздымались под облака.

И нигде ни дымка, ни лодок не заметно, никаких признаков жилья. А зверья всякого много. Даже не в зрительную трубу, простым глазом можно рассмотреть на камнях сивучей, моржей. Киты плавают, выбрасывают, словно приветствуя корабль, сверкающие на солнце водяные фонтаны.

Спокойны звери, непуганы. И чайки тучами кружат над скалами, окликают гостей скрипучими голосами.

— Когда же пристанем?!

Многие начали украдкой ворчать, сердито поглядывать на капитана. Сколько же можно плыть мимо такой благодати? Надо же наконец ступить погой на землю. Все соскучились по суше, по шелесту листвы, запаху трав.

А погода портится. То туман плотно закроет берег, то дождь зарядит — мелкий, надоедный.

Чириков долго рассматривает скалы в подзорную трубу. Вот это явно вулкан, как на Камчатке. Такой же красноватый, словно обожженный, копус. Ни одного деревца на вершине.

Июль, а на горах снег лежит, не тает. Вроде его даже больше становится. И не диво: нынче, семнадцатого, зашли уже севернее пятьдесят восьмой параллели. Так, глядя, все хорошие места пройдем, окажемся в краях слишком холодных. Надо все же где-то встать на якорь, разведать Землю Американскую, хоть она и крутоберега.

[1] Ару — кайры. Юрики — один из видов северных гагарок.

И вода питьевая нехороша стала, да и мало ее, может не хватить на обратный путь. Придется послать шлюпку на берег, обновить, пополнить запасы воды.

Это довод решающий. И в час дня семнадцатого июля 1741 года, хотя погода скверная — облачна, и туман, и дождь, и ветер налетел марселевой со шквалами, — Чириков, посоветовавшись с офицерами, приказывает поворот оверштаг, чтобы подойти, сколь можно, поближе к берегу.

Матросы кидаются готовить к спуску лонг-бот, а капитан опять решает нелегкую задачу: кого послать? Смотрит на Плаутина, на Аврама Дементьева. Так и рвется молодой штурман вперед. Все же он поопытней Елагина.

— Вы пойдете, Аврам Михайлович, — хмуро говорит ему Чириков.

— Слушаюсь, господин капитан! — И, не удержавшись, Дементьев горячо добавляет: — Спасибо, Алексей Ильич! Приложу все тщание, не сомневайтесь.

— Готовьте людей, отберите, кто поопытней, — кивает Чириков.

Прислушиваясь к суете сборов на палубе, он сидит у себя в каюте, сочиняет, как того требует Морской Устав, подробнейшую инструкцию для Дементьева — письменный «ордер» из одиннадцати параграфов.

«Ежели жителей увидите, то являть к ним приятность и дарить подарками неболшими, — торопливо пишет Чириков, упорно игнорируя мягкий знак в середине слов, — чего ради изволите принять от прапорщика Чоглокова один котел медной, один котел железной, двести королков, три бакчи шару, один тюнь китайки, одну пятиланную камку, пять гомз[1] и бумашку игол...»

Подумав, капитан приписал:

«Да от меня поручается вам десять рублевиков, которые, лаская здешним народом, по рассуждению вашему, давать и между тем у них спрашивать, — ежели, паче чаяния, посылающейся с вами коряцкого языка толмачь может с ними говорить, то через него, а ежель языка никто не будет знать, то хотя признаками, — какая это земля и люди под чьею властью и звать их несколко человек, чтоб побывали у нас на судне...»

Слышно, как весело, радостно командует на палубе Дементьев, кого-то распекает Плаутин. Чириков, поразмыслив, продолжает писать:

«7) ежели жители будут обращатся неприятелски, то от них оборонятся и, как возможно скоряе, на

[1] Королки — бусы; шар — кирпичный чай (имеются в виду три пачки); китайка и камка — бумажная и шелковая ткань; гомза (правильное — гамза) — якутская курительная трубка с длинным чубуком.

судно возвращатся, а самому никакого озлобления им не делать и служителей до того не допускать; 8) всеми силами старатся, чтоб, осмотря вышеписанное, ничего не мешкав, возвратится к судну тогож дня, а по крайней мере, — на другой день; ежели ж, от чего сохрани боже, будут великие туманы, что судно не видеть будет, то в такое время не выходить, или жестокая погода, то и такую погоду промешкать, чего ради взять вам со служителями на неделю провианта».

Чириков продумал и систему сигналов, какие должен подавать Дементьев: «Как бог принесет на берег, то для ведома нам пустить ракету, также, как из берегу выдете на море, то пустить же ракету; и на берегу будучи, роскласть болшей огонь, ежели увидите, что нам оной можно видеть будет, а особливо ночью, а в день хотя дым можем увидеть».

Кроме двух сигнальных ракет, капитан решил дать Дементьеву медную пушчонку. Из нее следовало выпалить, ежели бот почему-либо пристать к берегу не сможет, будет вынужден возвратиться ни с чем. По этому сигналу корабль поспешит навстречу.

Ну вот, кажется, предусмотрено все. Чириков, шевеля губами, внимательно перечитал ордер и, помедлив, приписал внизу: «Во всем поступать как верному и доброму слуге Ея императорского величества», — и подписался.

Заскрипели тали. Легкая волна подхватила спущенный бот и качнула, стукнув о борт корабля.

Дементьев выстроил свою команду. Чириков прошел вдоль строя, посмотрел на Дементьева. Молодец, как на парад собрался: выбрит, парик напудрен, ботфорты начищены, пуговицы на шинели так и сверкают. И все матросы в порядке.

— Ну с богом, — сказал капитан.

Матросы, притихшие, строгие, не отвечая на шуточки товарищей, один за другим начали спускаться по штормтрапу. На носу бота уже устроился везде поспевающий Михайло Меньшой. На весла сели Григорий Зубов, Иван Ошмарин и Яков Асамалов. Квартирмейстер Петр Татилов поаккуратнее устраивал кладь.

Солдаты сидели серьезные, деловые, держа наготове мушкеты и ружья с примкнутыми багинетами. Решили взять обоих толмачей — и Панова и Шарахова, чтобы уж наверняка объясниться с местными жителями, ежели встретятся.

На руль сел сам Дементьев.

— Иван, парочку русалок привези, а то зазябли! — крикнул Панову кто-то, и все облегченно загоготали.

Панов из шлюпки что-то весело ответил, не расслышали.

Когда бот уже отвалил, Чириков крикнул вдогонку:

— Смотрите у меня: никакого озлобления жителям не чинить! Взыщу строго. Плохую погоду перемешкать на берегу, в тумане н возвращаться!

То взлетая на гребни волн, то исчезая из глаз, лонг-бот направился к незнакомому берегу. Последним шлюпку видел в подзорную трубу капитан — как обогнула она скалистый мыс и скрылась за ним, вошла в залив.

Стали томиться, ждать.

Прошел час — ракеты нет. Два часа минуло — нет ракеты, сколько ни всматривались до рези в глазах. Не смогли высадиться, возвращаются? Почему? Но и условленного на сей случай пушечного выстрела нет. Уж его бы непременно услышали. Все на корабле притаили дыхание, слушают.

Только скрипят тали, и плещет волна в борт. Чайка закричит, все вздрагивают, машут шапками, отпугивают ее, чтобы не мешала слушать.

Но больше ни звука — ни пушечного, ни ружейных выстрелов. Мертвая тишина.

Прошло три часа, четыре.

Устали прислушиваться. Начали высматривать костер на скалах. Должны его непременно запалить, если хоть кто-то добрался до берега.

Нет костра. А уж начало смеркаться, непременно увидели бы огонь! Но молчат матросы, гроздьями повиснув на вантах, чтобы получше сверху видеть берег.

Берег все так же пустынен, тих, приветлив, загадочен. Ни огонька, ни дыма, ни крика, ни выстрела.

Пьяный Делиль что-то бормочет о коварстве и кровожадности дикарей, делая выпады воображаемой шпагой:

— Канальи! En garde![1] О канальи...

— Предупреждал *я*... — желчно бурчит Плаутин. — Не верь, говорят, речи людской да тишине морской.

— Берег сомнительный, — качает головой и задумчиво посасывает погасшей трубкой Чихачев. — Может, в сулой попали? Вон как нас течение водит.

Еще больше сутулясь, Чириков ходит по шканцам. Остановится, пристально рассматривает прячущийся в наползающей темноте берег, опустит зрительную трубу, долго стоит задумавшись. Что могло с ними случиться? Напали местные при высадке? Но ведь все одиннадцать хорошо вооружены. Даже пушка есть. Отстрелялись бы, ушли, вернулись. И выстрелы бы наверняка услышали на корабле.

Может, это не залив, а пролив? Может, в самом деле тут возникают сулои — опасные водовороты от столкновения встречных течений в узких проливах? Вероятная вещь, берег весьма на сей счет подозрителен, Чихачев прав. Надо было его послать или Плаутина. Но ведь и Дементьев моряк опытный, хоть и молод. Не полезет в сулой. Да и шлюпка у них крепкая. А ежели, не дай бог, разбилась, затонула, хоть кто-нибудь должен спастись и подать сигнал!

Подобные мысли наверняка одолевают многих. Но никто не решается нарушить тишину, заговорить с командиром.

На океан спускается ночь, затягивает сумраком по-прежнему пустынный берег.

— Надо отходить, Алексей Ильич, — говорит Чихачев. — Опасное место. Вон как нас таскает.

Чириков приказывает ставить паруса.

Всю ночь крейсируют вдоль берега. Всю ночь не спит Чириков, стоит возле рулевого, сам командует, как менять курс, чтобы не уйти слишком далеко. Рядом стоят его офицеры.

А ветер крепчает, то и дело меняется — то марселевой, то брамселевой. Все время приходится менять паруса.

Мало кто спит в эту ночь. Вылезают на палубу, всматриваются в темноту. А темнота не уходит.

Чириков идет в каюту Кройера. Астроном густо храпит, уткнувшись, одетый, носом в подушку. Но часы завести не забыл. Они громко тикают вразнобой. И все показывают разное время. На одних три часа, на других без двадцати четыре, на третьих уже пятый час.

Почему не светает? Когда же кончится эта проклятая ночь? Чириков поднимается на палубу и наконец понимает, почему так темно.

Солнце, конечно, давно взошло. Только его не видно. Плотной серой стеной окружил корабль туман. Густой, непроглядный. Даже не угадаешь, в какой стороне солнце, где уж там увидеть берег.

— Как накликал, как накликал, — качая головой, сокрушенно бормочет Чириков, вспоминая, что специально указал в ордере: «Ежели ж, от чего сохрани боже, будут великие туманы...»

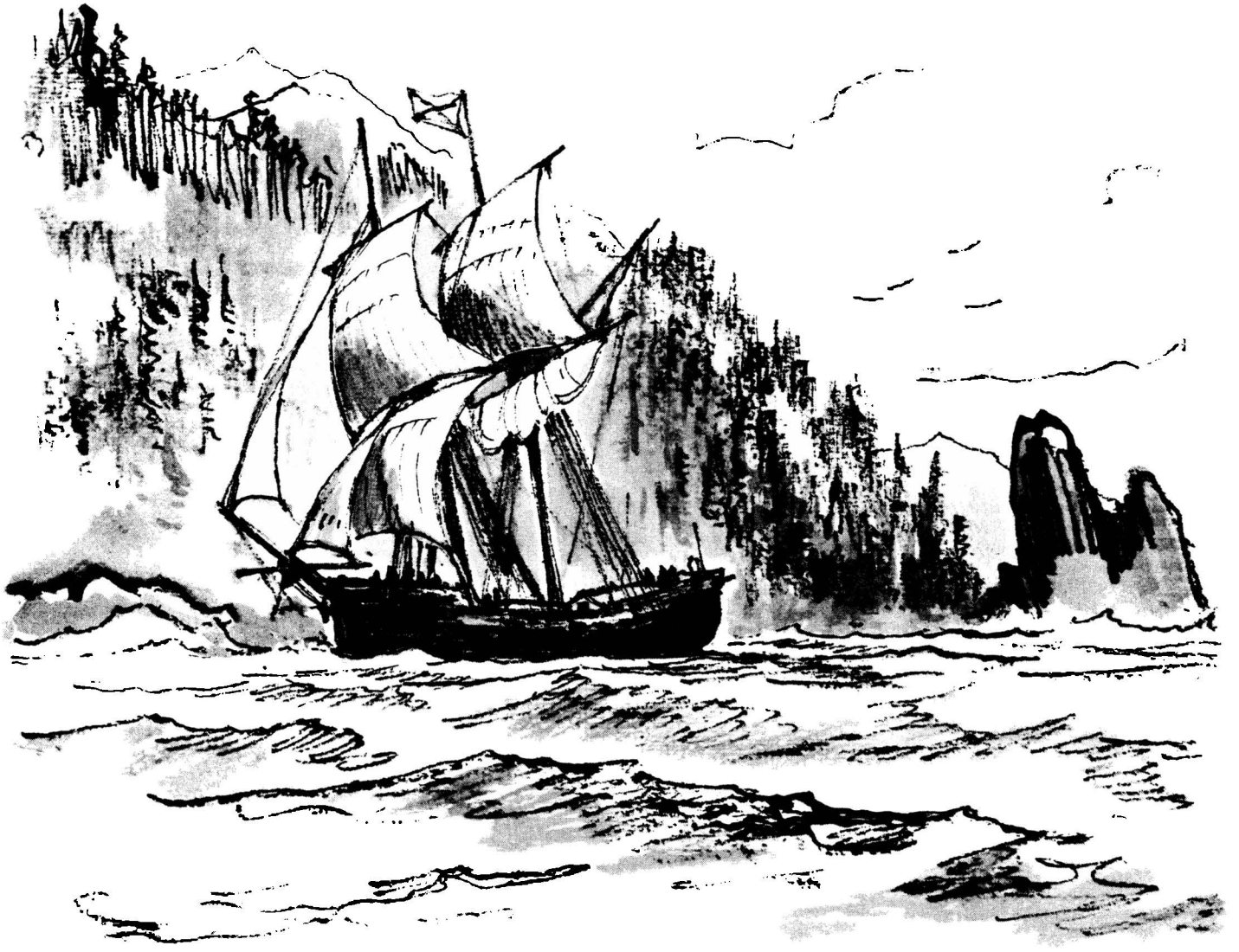
Разрывая, рассекая бушпритом, волоча за собой проклятый туман, все же пытаются подойти, как возможно, к берегу, рискуя каждую минуту напороться на подводные камни.

---

[1] Фехтовальный термин: «Защищайтесь!» *(франц.)*.

Всматриваются, вслушиваются, но все закрывает серая пелена. Ничего сквозь нее не видно и не слышно. Даже плеск волны в борта глохнет, как в вате. И чайки перестали кричать, исчезли.

Бросили лот — дна не достали. На якорь не встанешь. Хорошо хоть ветер убился, совсем стих. Можно лечь в дрейф и ждать. Ждать. Ждать. Ждать.



Стиснуть зубы и ждать. Уповать на бога всемогущего.

«В исходе часа поворотили оверштаг на правый галс и взяли у марселей по 2 рифа, понеже пришел шквал с дождем... Все приметные места и пеленги закрыты туманом великим».

А потом начался дождь и лил не переставая четыре дня и четыре ночи.

На ночь отойдут подальше от невидимого берега — утром ощупью, как слепые, упрямо возвращаются, вслушиваются, всматриваются.

Ничего не видно. И тем тревожнее кажется каждый слабый звук, порой глухо доносящийся из серой мглы. Тревожнее и непонятней. Некоторым уже начинает чудиться — то глас чей-то услышат, будто зовут, кричат, то выстрелы, то огонь пылает. Хотя какой огонь можно углядеть при таком дожде и тумане?

Чириков ни днем ни ночью не уходит с палубы. Вынесли ему скамеечку, сидит возле рулевого в насквозь промокшем плаще с поднятым капюшоном. Сюда, на палубу, ему и пищу горячую приносят, черный крепчайший чай в оловянной кружке.

Командир машинально пьет, ест и вдруг замрет с поднятой ко рту ложкой, начинает прислушиваться, откинув поскорей капюшон.

Нет, померещилось.

Иногда он ненадолго засыпает сидя. Рулевой тогда старается не глядеть на его исхудавшее, бледное лицо. Страшно смотреть: сечет это запрокинутое к небу лицо холодный дождь, а командир ничего не чувствует, не шелохнется, не открывает глаз. Может, умер?!

И когда он во сне застонет, рулевой радуется: слава богу! Значит, не умер капитан, жив.

Двадцать первого вскоре после полудня погода подразнила. Туман вдруг начал расходиться, засияло солнце! Увидели вдали берег, совсем незнакомый.

Чириков сам быстро взял высоту солнца, прикинул: отошли они в тумане от того места, где Дементьева с товарищами высаживали, миль на тридцать. Приказал быстро изменить курс.

К вечеру снова начался дождь и поднялся туман густой. Стали почаще менять галсы, чтобы опять в сторону не уйти.

В час дня двадцать второго записали в журнале: «Ветер малой, туман великой с мокротою; шли в причале у берега, и по чаянию можно быть близь того места, куды послан бот на берег, но токмо за великим туманом обстоятельно берега и признатных мест не видать».

Все же Чириков решил подать сигнал, приказал выпалить из двух пушек, чтобы знали, если живы: не ушли, не покинули их на чужом берегу.

И пушечные выстрелы словно прорвали пелену тумана! К четырем часам ветер стих, дождь перестал, и начал сквозь тающий туман постепенно проступать берег. Высыхающие паруса совсем по-домашнему приятно пахли чистым, только что постиранным бельем.

— Точно вышли, Алексей Ильич! — обрадовался Елагин. — Вон те пеленги, что брали: сопка круглая лесная и под нею густой лес на белом яру черно-зеленый, а левее сопка поменьше. Место приметное. Признаете?

— Похоже, оно, — согласился Чириков. — Но проверить нелишне.

И тут марсовый заорал во все горло сверху:

— Дым на берегу! Вижу дым!!

Чириков приник к зрительной трубе.

— Запиши, — начал он диктовать Елагину: — «Увидели в берегу дым от нас на ост-норд-четверть-ост, расстоянием...» — капитан на миг замолчал, прикидывая, — «расстоянием пять минут». Проставь время.

— Наши, Алексей Ильич? — спросил сияющий Елагин. — Ведь наши?!

— Думаю, наши, — кивнул Чириков. — Кому тут кроме быть?

Это был первый живой огонь, что увидели они после выхода из Петропавловска.

«...И по чаянию, тот огонь держат служители, посланные от нас на бот, понеже только мы подле земли не шли, нигде жилых мест не видали и ни огня на берегу, ни судов плавающих».

«23 июля 1741 года, с полудни 7 часов[1]. Ветр самой малой, и воздух от тумана прочистился, и приметные места берега низменного и гор, куды послан бот, очень открылись, а огонь горел у самой той губы, куды послан от нас бот, и мы чая, что всеконечно оной содержат служители, посланные от нас, для позыву им палили из пушек чрез несколько время 7 раз, только бот не вышел, а погода к гребу очень была способна, токмо как выпалят от нас из пушки, они тотчас огня прибавят...»

Офицеры собрались на шканцах вокруг капитана, смотрят на берег.

— Чего же они не плывут? — нетерпеливо спрашивает Елагин. — Ведь видят нас, слышат, как палим, раз огонь то убавят, то прибавят. Сигналят! А почему не плывут?

— Может, их дикие съели, а теперь нас заманивают, — мрачно басит Плаутин.

Чириков болезненно морщится.

— Вечно у тебя, Михаил, какие-то кляузы на уме, — сердито говорит он. — Раз сигналят, как было условлено, значит, наши. Значит, целы, живы.

— Конечно, — радостно подхватывает Елагин. — Откуда бы диким про условленный сигнал узнать?

Плаутин что-то глухо ворчит, но возразить ему явно нечего. Делиль вдруг сразу на двух языках вперемежку начинает восхвалять рыцарские обычаи индейцев, — тех самых, которых клял за коварство.

— Значит, с ботом что-то приключилось, — озабоченно прерывает его Чихачев. — Не могут вернуться. Надо на выручку вторую шлюпку посылать.

— Она у нас последняя, — говорит Плаутин.

Все выжидательно смотрят на капитана. Чириков молчит, думает. Решать ему одному.

Ночью никуда уходить не стали. Крутились у берега. На кормовом флагштоке подняли кованый фонарь поярче, чтобы на берегу видели и знали: их сигнал заметили, не покидают товарищей. И чтоб могли найти корабль в темноте, подойти к нему, если все же сумеют починить бот и выйдут в море.

Но, как ни прислушивались, ни вглядывались в темноту, никто не приплыл. Однако костер горел на берегу всю ночь, только к утру угас.

Что там случилось?!

Все облегченно вздохнули, когда в половине девятого утра снова увидели дымок, лениво поднимающийся над вершинами сосен и елей. Живы, целы! Надо выручать.

В половине первого капитан приказал спустить на воду малую шлюпку. Значит, решился.

Но все равно, как требовал Морской Устав, Чириков созвал к себе в каюту на консилиум всех обер- и унтер-офицеров, чтобы решить, как быть, что делать. Каюта маленькая, тесно — все стояли. Начал капитан опрашивать, как положено, с младших по чину и возрасту.

Все объявили единодушно:

— Лодку послать, товарищей выручить!

— Кто пойдет? — выстроив на палубе матросов, спросил капитан.

— Я!

— Я!

— Дозвольте мне, ваше высокоблагородие!

Чириков отобрал четверых. Старшим назначил боцмана Савельева — мужик опытный, пожилой, осмотрительный. С ним решил послать плотника Полковникова и конопатчика Елистрата Горяна, чтобы помогли побыстрее лонг-бот починить. Да еще матроса второй статьи Фадеева выбрал: сильный, ловкий, сноровистый.

Собирались в путь весело, радостно. Погрузили в лодку солидный запас провианту:

— Чай, заголодались там ребята.

— Ха-ха! Особенно Мишка Меньшой. Ох и здоров жрать!

— Голод не тетка, пусть поправляются.

Тем временем Чириков у себя в каюте снова сочинял ордер — подробную инструкцию боцману Савельеву: «...когда прибудешь ты близ берега, то, не приставая к оному, осмотреть, не имеетца ль неприятелских людей, и если увидишь, что опасности никакой нет, к тому ж и оного Дементьева и служителей кого увидишь, то пристать тебе к берегу. И если тот бот повредило, а оной можно починить, то его велеть починивать посланному с тобою плотнику Полковникову и посланным с ним Дементьевым служителям, а самому тебе ехать на судно и взять с собою за флоцкого мастера Дементьева и служителей сколко будет можно, только оставить людей там у боту, сколко надлежит для починки того бота, если оной в состоянии будет починять. И если починять невозможно, то взять людей столко, что б неугрузить ялбота; а по других послано будет и в другой раз. И по прибытии твоем на берег, если как люди, так и бот, в добром здоровье, то велеть для известия нам раскласть два огня, чтоб в день было видно дым, а ночью огонь. Если поврежден бот и можно починить, то

[1] Числа в документах и письмах иногда расходятся с выписками из шканечного журнала. Это потому, что при заполнении журналов моряки в те времена еще пользовались астрономическим счислением: новые сутки начинались не с полуночи, а с 12 часов предыдущего дня обычного гражданского календаря. В данном случае фактически это было вечером 22 июля.

раскласть три огня, а если так бот поврежден, что его и починить невозможно, то раскладывать четыре огня. И что б те огни были в ростоянии один от другого не в близости, а самому тебе ехать к пакетботу и его Дементьева привесть с собою и служителей столько, что б ялбот неугрузить. А если ты от берега поедешь с вечеру или ночью, раскласть тебе огней больше как возможно».

Алексей Ильич внимательно все перечитал, прибавил внизу: «Подлинной ордер за рукою капитана Чирикова июля 23 дня, 1741 году», — и твердо, решительно подписался.

— Ну с богом, — сказал он, вставая и подавая ордер Савельеву.

Поднялись на палубу. Боцман спустился в шлюпку, и она отчалила.

Все молча смотрели, как маленький ялбот, ныряя в волнах, быстро плывет к берегу.

А берег был все так же пустынен и тих. Ярко сияло солнце.

И все повторилось, как в ночном кошмаре, в дурном сне.

Ялбот подплыл к берегу, скрылся за мысом и пропал без следа.

Ждали, ждали — нет, ни одной лодки не видно. Не возвращаются ни первая, ни вторая. И никаких сигналов не подают, хоть все глаза проглядели. Ни одного костра на берегу, ни дымка над лесом. Пусто.

Уже начинало смеркаться. Подошли к самому берегу. Совсем рядом торчали из воды оскаленными клыками губительные каменья, и зловеще играл на них бурун.

Нет, никаких огней не видно.

Приказал Чириков отойти от берега, но недалеко.

«Место, в которое послан наш бот и лодка, на N 0 3/4 0, расстоянием 3 минуты, и выпалили призывания их из одной пушки, понеже ветр самой малой и ходу судна почти ничего нет и по такой тихой погоде можно им к нам с берегу ехать, и как выпалили из пушки, то видно было в то время на берегу якобы выпалено из ружья, токмо звуку никакого было не слышно, а в ответ показавшегося на берегу огня выпалили от нас из другой пушки в 9 часов, показался на берегу огонь».

Повесили на мачтах два фонаря — один с флагштока, другой с гафеля. С берега их явно заметили, тоже стали сигналить — то явится огонь, то исчезнет, словно прикроют его. И снова вспыхнет вроде уже на новом месте. Но что мог означать этот сигнал, непонятно. Не договаривались о таком.

И тут Чириков с горечью подумал, что, пожалуй, дали они промашку, не все, кажется, предусмотрели. И когда первую шлюпку послал и вторую, не договорились они ни о каком сигнале на случай опасности. Только насчет того, удалось пристать или нет. А если напали на них? Или как сообщить, что со шлюпкой случилось? Не предусмотрели таких сигналов.

Вот сигналят кострами с берега — значит, пристали, высадились, живы. А почему назад не плывут? Первая шлюпка повреждена? Но куда вторая подевалась? И что означали выстрелы из ружья? А этот огонь, который то явится, то исчезнет? Вроде он вспыхивает в разных местах. Почему? Если обе лодки так повреждены, что назад вернуться не могут, почему не запалят четыре костра, как приказано боцману Савельеву?

Хотя чем они им тогда помочь могут? Ведь ни одной шлюпки на корабле не осталось. Раскачиваются, жалобно скрипят на ветру пустые тали...

Около часу ночи огонь на берегу вдруг снова ярко вспыхнул и погас.

Ночь выдалась ясная, с блистанием звезд. Через все небо протянулась сияющая Молочная дорога[1].

[1] Млечный Путь

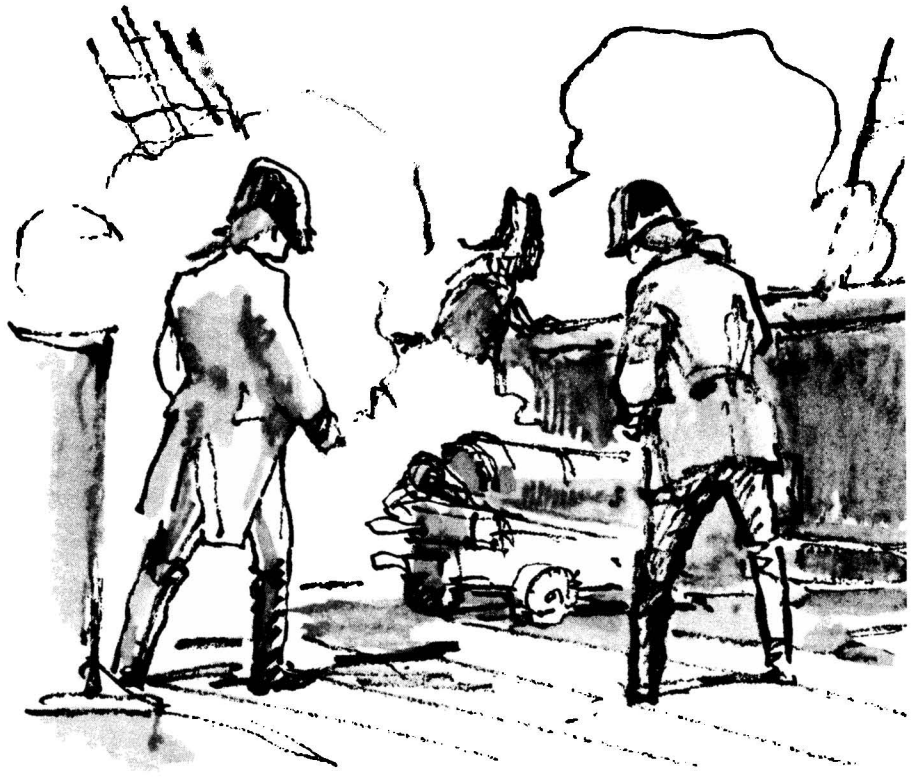
В три часа приказал Чириков стрелять из пушки. И в четыре, как светать стало, снова палили.

Рассвет пришел тихий, нежный, безоблачный. Солнце поднялось над берегом и засверкало в зеркале еще дремлющего океана.

Пуст берег, и никто не подает никаких сигналов.

— Съели их твои рыцари, господин Делиль, — мрачно говорит французу Плаутин. Помолчав, многозначительно добавляет: — Я же предупреждал.

Стоящий рядом Елагин косится на него, потом тревожно смотрит на Чирикова. Не ровен час, на капитана донос напишет, от этого ветчика можно ждать всего. Недаром любит с усмешечкой говорить Плаутин, будто в море глубины, а в людях правды не изведаешь...



Но Чириков словно и не слышит Плаутина, смотрит на берег. Да и, наверное, вправду ничего не слышит, не замечает вокруг, думает только о пропавших так загадочно матросах. Как им помочь?

— О канальи! — рычит, размахивая руками, Делиль. — Атаковать этих мерзавцев! Уничтожить! — И делает выпад: — En garde! Послать солдат! Я сам их поведу.

— Правда, Алексей Ильич, пропадут товарищи, — не выдерживает Елагин. — Надо им сикурс оказать!

— Солдат-то у нас хватает, — обрывает его Плаутин. — Да на чем их на берег-то переправить?

— Чего больше ждать, Алексей Ильич, — негромко говорит капитану Чихачев. — Уж давно бы вернулись или сигнал подали. Надо уходить. Ветер поднимается, а мы у самого берега.

Чириков молчит. Потом коротко отвечает:

— Подождем еще.

В полдень раздали винную порцию, пообедали.

И вдруг всех поднял на ноги, бросил к бортам неистовый радостный крик марсового:

— Идут! Наши идут! Обе лодки назад выгребают!

Чириков поспешил на шканцы, на ходу приказывая выбирать фалы, чтобы хоть слабенький ветерок поймать и пойти поскорее своим навстречу.

Поднялся на шканцы, приник к зрительной трубе, так и впился...

И вдруг потемнел лицом:

— Не наши. Две лодки, точно, одна большая, другая поменьше, но не наши. И корпусом больно остры, и гребля не распашная. Весла вроде гребков.

Ликующие голоса смолкли. Теперь уже и простым глазом видно всем: чужие лодки. Людей в них рассмотреть нельзя. Но вроде какие-то перья на шапках. Один, что в передней лодке сидит на корме, похоже, в красном платье. Скорей бы подплывали, чего-то скажут...

Но обе лодки вдруг остановились, в передней трое вскочили на ноги и, приложив ладони ко рту, дважды громко прокричали:

— Агай! Агай! — и махали руками завлекающе: дескать, идите сюда.

И тотчас поворотили — обе лодки помчались к берегу.

— Вот черт, ведь не понимают, что нам ветер нужен! — вскрикнул Чириков и, схватив переговорную трубу, громко приказал: — Ребята, махайте платками, у кого есть! И руками машите, кланяйтесь приветливо, улыбайтесь, чтобы не боялись, подплыли к нам.

Но лодки не вернулись, уже скрылись за мысом, ушли в залив, где так непонятно пропали обе шлюпки.

«Тогда мы утвердились, что посланные от нас служители все — конечно в нещастии, понеже флоцкому мастеру как объявлен уже настали осьмые сутки и было довольно времени способного к возврату и мы к тому месту ходили в самой близости, токмо он не возвратился, а по отправлении боцмана мы от сего места не отлучались, и погода была все тихая, и ежели б нещастие какого им не случилось, то б по настоящее время уже к нам возвратились, и можно чаять, потому что американцы к нашему пакетботу не смели подъехать, что с посланными от нас людьми от них на берегу поступлено по неприятельски, или их побили или задержали, однако ж мы еще до вечера близ того места ходили, поджидая своих судов, токмо ночью для опасения от берегу поудалились...»

А с полуночи поднялся сильный ветер марселевой, и началось великое волнение. Все двадцать семь барометров, развешанных по стенкам каютки Делиля, дружно грозили штормом.

Всю ночь лавировали, меняли галсы, швыряло корабль как щепку на бушующих волнах.

Как рассвело, все-таки подошли снова к берегу. Но уже ничего не увидели — ни огня, ни дыма, никаких признаков живой души. Пуст был берег и дик, неприветлив.

Тихим, бесконечно усталым голосом велел Чириков штурману Елагину взять еще раз пеленг на вход в проклятый залив и начать от него прерванное счисление заново.

Капитан приказал пересчитать, сколько бочек с пресной водой еще осталось в трюме, а сам сел в каюте составлять скорбный список:

«Реэстр

Служителем пакетбота Святого Павла, кто имяны остались с оного на американском берегу в неизвестном несчастье «1741» году в июля месяце...»

Ниже он лист бумаги аккуратно разделил на три графы. Две узеньких, в них проставил месяц — июль и числа: 17 и 23. А в третьей, широкой графе стал выписывать ранги и имена пропавших:

«За флотского мастера

Штюрман Аврам Дементьев

Из матрос «1» статьи

За квартирмейстера Петр Татилов

Кананер «1» статьи Григорий Зубов».

Перечислил всех, подвел черту и написал внизу:

«Итого по сему регистру «15» человек».

И долго сидел молча, закрыв глаза.

«Подняв парусы марсель и фок, пошли курсом норд-вест-вест вдоль берега со скоростью в два с половиной узла...» А берег был сказочно красив: горы со снежными вершинами одна выше другой, с них белыми, сверкающими на солнце лентами ползут ледники. У подножия гор темная зелень хвойных лесов, не теряющих красоты ни зимой, ни летом. И, наверно, текут там в лесах ручьи с холодной, чистой водой, бьют кристальные родники. А высадиться на берег нельзя, нет больше шлюпок. И невозможно узнать получше, что же это за Земля Американская...

Двадцать шестого июля около двух часов пополудни созвал капитан всех старших офицеров на консилиум насчет дальнейшего плавания. И решили они, как один.

Писарь составил протокол, и все его подписали:

«Капитан Чириков с нижеподписавшимися офицеры согласно определили, чтоб за приключившимся несчастьем, а именно: что потерян ялбот и малая лодка с флоцким мастером Дементьевым и при нем служителей четырнадцать человек, далее свой путь не продолжать, а возвратитца настоящего числа к Авачи, понеже при пакетботе никакого судна не имеется. И не токмо разведывание какое чинить можно, но и воды в прибавок получать не можно, а на пакетботе воды по счислению токмо сорок пять бочек из которых, может быть, несколько и вытекло. А в расстоянии до Авачи обретаемся близ двух тысяч минут[1]. И на такое дальное расстояние имеющейся воды не очень довольно. Понеже какие будут стоять ветры не известно, того ради и определили возвратиться, дабы за неимением воды не воспоследовало крайнее бедствие всему судну.

Подлинное определение за руками капитана Чирикова.

Лейтенанта Ивана Чихачева.

Лейтенанта Михаила Плаутина.

Штюрмана Ивана Елагина».

Сразу после окончания консилиума повернули на запад, домой.

Но все смотрели в другую сторону — за корму, на восток. Как постепенно скрывается в туманной дымке чаемая Земля Американская.

И не было на берегу, ни на воде никаких примет, ни малейших следов того, что всего десятью днями раньше плыли здесь и смотрели на те же леса и горы их товарищи со «Святого Петра»... Не остается следов в океане.

Смотрели моряки и не могли напоследок налюбоваться на горы невиданные. Вершина одной из них вздымалась в самое небо. Это была одна из самых высоких вершин Аляски, потом ее назовут горой Святого Ильи.

И все думали об одном: что же случилось с нашими на том незнаемом берегу? Ветер надувал паруса. Плескались волны о борт. И горы оставшейся такой загадочной земли постепенно скрывались вдали, таяли как воск...

Окончание следует

[1] Имеется в виду долгота, отсчитываемая, как уже говорилось, от мыса Вауа у входа в Авачинскую бухту возле Петропавловска-Камчатского.

ГЛЕБ ГОЛУБЕВ

Быстро убывали запасы пресной воды, хотя предусмотрительный капитан принял меры для их пополнения сразу же, как повернули домой. Пошел дождь, и Чириков приказал собирать стекающую с парусов и снастей воду. У нее был горький смоляной привкус, но матросы только причмокивали и посмеивались:

— Ничего! Здоровее будем. Подольше не сгнием.

Но все равно пришлось воду экономить. Того ради ввели строгую норму. А вскоре капитан приказал два дня варить людям кашу лишь на обед и только каждый третий день давать ее, как раньше, и на обед, и на ужин. Тяжело приходилось. И так от нелегкой работы при холодной, дождливой погоде матросы ослабели, истощали. Но никто против обыкновения не ворчал. Все понимали: надо беречь воду.

Хорошо, дров пока хватало. Радовался Чириков, что предусмотрительно взял их в это плавание побольше. Но и дрова следовало беречь, ведь к берегу пристать нельзя...

Они вроде отвернули от земли в океан, пошли домой. Но чаемая Земля Американская, принявшая их так неласково, теперь никак не хотела отпустить. То и дело замечались признаки близкой земли: то чайки появятся или береговые утки, то качается плавучим островком на волнах морская капуста. А то вдали за дождем и туманной дымкой смутно замаячат горы.

Это потому, что плывут они все еще вдоль берега, круто заворачивающего тут на запад полуостровом Аляска, как его потом назовут. Но Чириков и его штурманы еще не знают того. Ведь эти берега пока никем не нанесены на карты.

В последний день июля с борта «Святого Павла» уже отчетливо увидели берег. И Чириков догадался, понял: это все та же Земля Американская, все время плыли они вдоль нее. День за днем все те же крутобереги и на них хвойные леса высокого росту.

Места и тут, хотя заплыли уже гораздо северней, были веселые, богатые всякой непуганой живностью. На скалах грелись моржи, сивучи, морские бобры. А вдоль берега плавали киты. Как жаль, что нельзя пристать и осмотреть эту землю получше. И воды бы набрали пресной — свеженькой, ключевой...

Плыли все дальше вдоль берега,

Окончание. См. № 7, 8 за 1980 год.

К НЕВЕДОМЫМ БЕРЕГАМ

Историческая повесть

нанося его на карту, мимо бесчисленных островков, которые потом станут излюбленными богатейшими охотничьими угодьями русских промышленников.

Ах, как жалел Чириков, что нельзя исследовать эту землю, выяснить, какие минералы прячут в себе скалы, какие, может, неведомые еще науке растения и травы таятся в дремучих лесах!

Повернули от берега круто в открытый океан. Паруса взяли ветер и понесли их домой, на запад.

Теперь кашу варили через день только на обед. Кормились всухомятку — сухарями с маслом. Наверное, Чириков бы не решился столь жестоко урезать рацион, но потребовали сами матросы:

— А то и вовсе родной земли не увидим.

Утешали себя шуточками:

— Ничего, ребята, горячее едят подьячии.

— Истинно сказано! А голодные едят холодное.

Иногда, как уже без горячего становилось невмоготу, варили солонину в морской воде. Но такое кушанье усиливало жажду. Некоторые исхитрялись, держали во рту свинцовые пули. Уверяли, будто от этого пить меньше хочется.

Увеличили винную порцию, но даже это не радовало. Бывалый боцманмат Трубицын качал головой и вздыхал:

— Грешен, люблю пропустить чарочку, однако согласен лучше по гроб жизни на водопитие...

— Меньшой бы на корабле уже помер с голоду, вечно ему есть хотелось...

— Да, крепко они нас подкузьмили. Кабы не потеряли из-за них обе шлюпки, запаслись бы водичкой, вдоволь пили, кашу варили, чайком бы грелись...

— Ты что! Как о товарищах говоришь? Грех. Может, их перебили всех, а ты!

— Верно, негоже, братцы.

— А что же с ними все-таки вышло? Куда они подевались?

— Конечно, дикие перебили.

— Всех?! И с первой шлюпки и со второй? А кто же тогда костры жег, сигналил?

— Может, все же кто уцелел, отбился, в горы ушел?

— Далеко не уйдешь. Чужая сторона, все равно в плен возьмут. Тоже несладко.

— Хоть бы узнать, что же с ними случилось. Дома спросят, а что мы скажем?

...Нет ответа на эти вопросы и поныне. Потом будут приходить из-за океана невнятные слухи о том, будто видели у индейцев в тех местах, где бесследно исчезли Дементьев с товарищами, какие-то необычные одежды на лисьем меху, обломок штыка, мушкет явно русской работы... Промышленники Российско-Американской компании станут докладывать, что встречали среди индейцев загадочных «белолицых и русоволосых, почему заключено было, что они потомки штурмана Дементьева...».

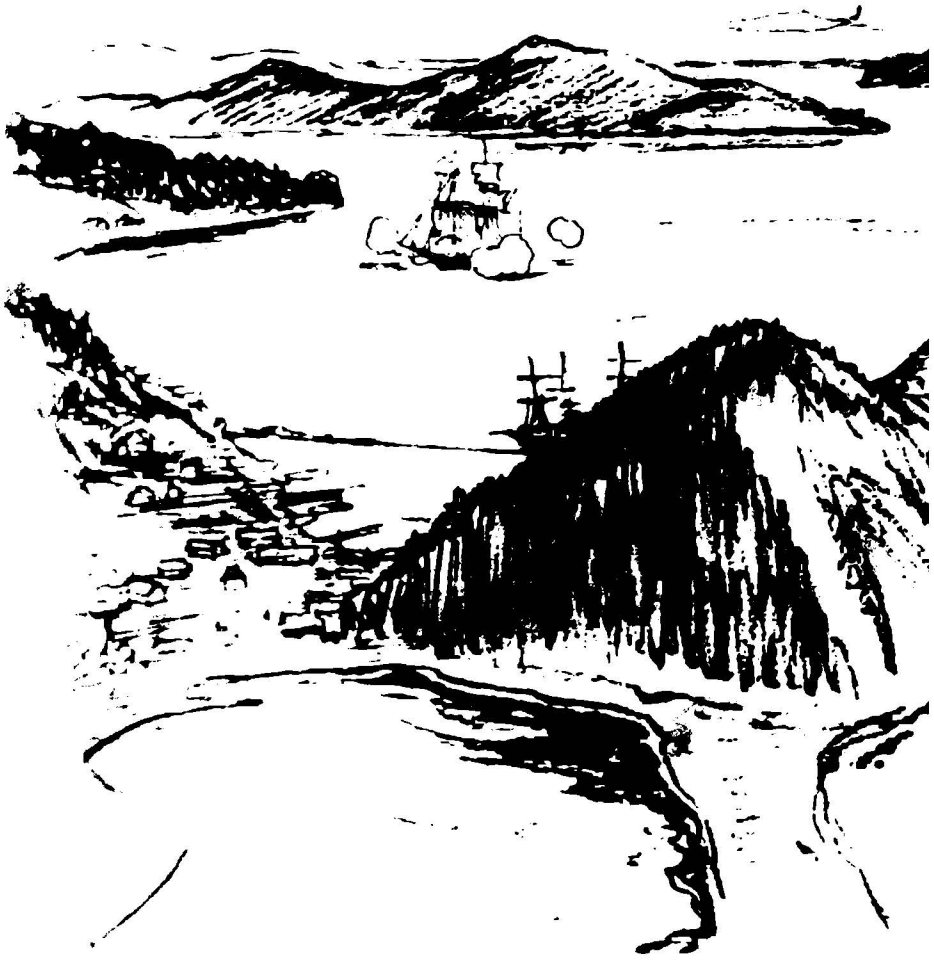
Но никто на свете не знает, что же стало с первыми пятнадцатью русскими, высадившимися на американском берегу. Можно только гадать. Самое же удивительное, что Дементьев и его спутники пропали б е с с л е д н о.

Мы ведь знаем: индейцы были свидетелями их высадки. Потом они подплывали к «Святому Павлу», призывно махали, кричали «Агай! Агай!» (это, видимо, искаженный в передаче Чирикова призыв на языке тлинкитов «агоу!» — «иди сюда!»).

Американские историки и этнографы пробовали опрашивать индейцев в тех местах, где высаживались моряки со «Святого Павла». Но почему-то не обнаружили ни одного достоверного воспоминания, ни единого предания, которые могли бы как-нибудь объяснить, что же произошло с Дементьевым и его товарищами.

А ведь такое событие, как первая встреча с белолицыми чужеземцами, приплывшими неведомо откуда на корабле с огромными парусами, конечно, не могло не запомниться! Рассказы о нем должны были передаваться из поколения в поколение. Народная память очень крепка, особенно у племен, еще не знающих письменности.

Совсем недолго пробыл корабль Беринга «Святой Петр» у острова Каяк, где матросы запасались пресной водой, но индейцы рассказывали об этом и через полвека. Прекрасно запомнили местные жители



и встречу с экспедицией великого Лаперуза, проплывавшего вдоль тех же суровых берегов через пятьдесят лет после Чирикова. О встрече их дедов и прадедов с французами индейцы рассказывали с такими подробностями, что даже сто лет спустя историки, по их описаниям, нарисовали для проверки, как выглядели корабли, и убедились: да, никаких сомнений, речь идет именно о фрегатах Лаперуза!

Почему же не сохранилось никаких преданий о том, что произошло с Дементьевым и его товарищами при первой высадке русских на американском берегу?! Вот что самое поразительное и непонятное. И тайна эта еще ждет убедительного объяснения, не дает покоя историкам.

А Чириков ведет корабль все дальше, не подозревая о том, какую нелегкую загадку оставляет потомкам...

Утром девятого сентября капитан решился: велел остановиться возле одного острова, которому еще не успели придумать названия. Ища удобной якорной стоянки, зашли в небольшую бухточку. И тут у них произошла вторая встреча с обитателями Америки. На сей раз это были алеуты.

«9 часов. Штиль. Туман мало прочистился, и оказался нам в 200 саженях расстоянием берег... И оной берег имеет горы высокие, и растет на нем трава великая, от которой и вид имеет зеленой, а лесу на нем не видали. Берег моря имеет утесы местами, а подле берега лежит множество наружных и подводных камней и в настоящем 9-м часу увидели мы на берегу двух человек, идущих от северной стороны к южной, которые шли косогором по траве под высокою горою мимо одного текущего с гор водяного ручейка, и чаятельно, что, увидя нас, шли поближе, что рассмотреть могли свободнее судно наше, которым мы кричали русским и камчацким языком, чтоб к нам выехали, и в исходе того ж часа услышали мы голос от людей, которые кричали нам с берегу, токмо людей было не видно и слов за шумом буруна разслышать было невозможно... против чего и от нас к ним в трубу и без трубы многократно голос отдавано и звали их, чтобы к нам выехали...».

Судовой журнал — документ деловой, серьезный. При записях в него никакие нежности и восторги не допускаются. И все же прорывается в этой деловой записи и восхищение открытой неведомой землей, любование ее зелеными лужайками и ручейками, и усталость, страстное желание ступить на эту твердую, надежную землю, и надоевшая, застарелая жажда, и радость от встречи с людьми после долгого плаванья — пусть неведомыми, незнакомыми, но ведь братьями! И опасение, что не удастся ближе познакомиться, поговорить с ними.

Но познакомились, поговорили! Вскоре появились из-за мыса семь небольших лодок, подплыли к самому кораблю. Таких лодок никто из участников экспедиции прежде нигде не видал — остроносые, из кожи морских зверей. В кожаной палубе маленький люк, в нем сидит человек с веслом. И весло необычное — с лопастями на обоих концах, так что можно им грести по обе стороны челнока. Одежда на человеке тоже из шкур: рубашка с капюшоном вместо шапки. Можно сказать, составляет человек как бы одно целое со своим челноком. Никакая волна ему не страшна. Даже если перевернется, легко выправится и ни одной капли воды в челнок не зачерпнет.

— Ловко придумали!

— Молодцы!

Чтобы ничего не упустить, Чириков сам заносит в журнал все подробности устройства алеутской байдарки — первое описание замечательного суденышка...

Приблизившись к кораблю, подплывшие начали вдруг вертеться из стороны в сторону и громко кричать «странным образом».

— Чего это они, Алексей Ильич? — спросил Елагин у Чирикова в твердой уверенности, что капитан должен все знать.

— Точно не знаю, ведь народ неизвестный, — задумчиво произнес Чириков. — Но, похоже, колдуют они по-своему, шаманят, на манер как у тунгусов или якутов. Заклинают своих богов, дабы им от нас вреда какого не сделалось. Надо им показать приятный вид, чтобы не опасались, подплывали ближе.

Все стали призывно махать и кланяться. Алеуты перекликались между собой, но подплыть ближе не решались. Делали такие движения, будто натягивают рукой тетиву лука и целятся.

— Опасаются, не заманишь, — желчно усмехнулся Плаутин.

— Опасаются, — вздохнул Чириков.

Он приказал вестовому принести из каюты чашку китайскую расписную и, показав ее алеутам, бросил в воду. Один из гостей ловко подхватил чашку и, даже не рассмотрев, размахнулся, собираясь бросить ее обратно Чирикову. Капитан знаками показал, что просит принять чашку в дар, для того, дескать, и бросил. Но алеут то ли не понял, то ли не захотел подарка — швырнул чашку в воду.

По приказу капитана бросили за борт два лоскута камки. Но их тоже алеуты не взяли: подержали в руках и кинули в воду.

— Черт, как же с ними объясниться? — пробормотал, озираясь по сторонам, Чириков. — Камчацкого языка не знают, а обоих толмачей, может, они бы поняли их наречие, мы лишились.

Подумав, капитан приказал принести образцы всех подарочных вещей, какие взяли они с собой.

— И всем матросам, солдатам уйти с палубы! А то какой крик подняли. Да еще с ружьями. Тут и привычный человек испугается.

— Опасно, Алексей Ильич, — покачал головой Плаутин. — Если увидят, что у нас мало людей, могут на абордаж пойти.

— Не знал, что ты так боязлив стал, Миша, — засмеялся Чириков. — Пятерых челночников испугался.

— Могут еще приплыть, — буркнул штурман и начал поспешно загонять матросов и солдат в трюм, чтобы скрыть свое смущение. Но все же приказал им там быть наготове, ружья держать заряженными...

Оставшиеся на палубе Чириков и Елагин пытались жестами показать: никакой обиды гостям учинено не будет, их просят о помощи — привезти пресной воды. Бросали подарки. Один алеут вроде заинтересовался табаком и трубкой, подплыл совсем близко. Но что делать с бисером или иголками, они, похоже, не представляли. Алеуты явно впервые видели такие вещи. Когда иголка падала в воду, они не подхватывали ее, а с интересом наблюдали, как она тонет.

Некоторые из гостей стали подносить руку ко рту, а другой рукой делать такие движения, будто что-то отрезают, ухватив зубами.

— Ножи просят, — догадался Чириков. — Так же и камчадалы и якуты мясо едят: возьмут кусок в зубы и ножом возле губ отмахивают, сколько нужно.

Принесли нож, бросили его алеутам. Ножу утонуть не дали. Один ловко ухватил его, другие старались вырвать у него подарок, махали руками, просили еще.

Но подняться на борт корабля опять никто не решился.

Тогда Чириков приказал принести маленький бочонок. Алеуты поняли, чего у них просят: показали в ответ пузыри из сивучьих кишок, прикрепленные у каждого к байдарке. Три челнока помчались к берегу и тут же вернулись.

Ухмыляющийся алеут протянул Чирикову пузырь с водой. Капитан дал ему нож, хотел взять пузырь... Но хитрый алеут ловко перебросил пузырь соседу. Теперь тот уже стал требовать за него нож.

Как ни соблазнительно было получить хоть немного свежей воды,

Чириков решительно отказался играть в эту унизительную игру. Все же удалось «для знания» выменять на сухари несколько корешков, которые алеуты, вытаскивая из дырочек в ноздре, демонстративно жевали, показывая, что они съедобны; несколько стрел, головной убор, сделанный из тонких березовых желобков разного цвета и разукрашенный перьями, а также какой-то минерал, завернутый в пучок травы. Потом Чириков сам изучил его и нашел, что это «антимонием крудум» — сурьма.

Так что им удалось, не имея возможности объясниться и высадиться на берег, даже раздобыть образцы растений и минералов, какие тут встречаются.

Но свежей воды они так и не получили. Начинало смеркаться, и все байдарки направились к берегу.

Чириков решил все-таки подождать, не уходить от этого острова. На следующий день алеуты приплыли снова — целая флотилия, четырнадцать байдарок. Но ни разговора, ни обмена на сей раз не получилось вовсе. Байдарки держались слишком далеко. Может, их напугало то, что на палубе толпилось слишком много людей. Томить больше матросов и солдат в трюме Чириков не велел.

Значит, придется плыть дальше без воды. Приуныли.

— Ветер повевает, Алексей Ильич, надо бы уходить, — озабоченно сказал Чихачев.

— Да, Иван Львович, ты прав, — вздохнул капитан. — Нечего нам в этой бухточке делать. Надо выбираться, пока не поздно. Нужно бы только сначала им посигналить, чтобы плыли к берегу.

— Нашли о ком заботиться, — проворчал Плаутин. — Дай бог самим отсюда выбраться. Вон туман поднимается.

В самом деле, узкое горло бухты начали коварно затягивать полосы тумана. А вскоре пошел дождь. Пелена его совсем закрыла выход...

Бухта могла стать смертельной ловушкой. Чириков приказал побыстрее готовиться к отплытию. Стали уже выбирать якорь, но не успели. С гористого берега вдруг налетел сильный шквал. Якорь не смог удержать корабль. Их потащило прямо на ревущие и кипящие белой пеной прибрежные буруны.

— Руби якорь! — не растерялся капитан. — Все паруса ставить! Все наверх!

Оставив у негостеприимного берега якорь и едва не задев за клыки торчавших из воды скал, «Святой Павел», кренясь на правый борт, каким-то чудом нашел выход и под всеми парусами вырвался из бухты уже почти в полной тьме, перемешанной с дождем и туманом.

Неужели им суждено погибнуть в океане от жажды?!

Матросы так исхудали и обессилели, что на вахте уже не могли стоять у руля, падали. И Чириков скрепя сердце пошел на вопиющее нарушение Морского Устава. Приказал вынести на палубу скамеечку. Рулевые на ней сидели, вцепившись коченеющими руками в штурвал. И все равно так выматывались за вахту, что порой уже не могли сами подняться со скамейки. Их уводили вниз и укладывали отдыхать товарищи, кто еще не столь ослаб.

Сам Чириков мог ходить по палубе, только держась за что-нибудь, хватаясь то за мачту, то за ванты. И он старался ходить поменьше, чтобы матросы не заметили его слабости. Часами сидел он на скамейке рядом с рулевым, нахохлившись, как старый больной орел.

Он и в самом деле постарел лет на десять, не меньше, за это плаванье.

Началась цинга. Многие уже были отягчены болезнью. Сначала люди слабели, их постоянно клонило в сон. Потом они начали пухнуть, лица у них желтели. Кровоточили десны, и шатались, выпадали зубы. Больных одолевало чувство непонятного страха и тоски. Стоило кому-нибудь крикнуть погромче на палубе или уронить доску, как больных охватывала безотчетная паника.

Цинга тогда считалась болезнью заразной. Верили, будто она передается по воздуху. За больными ухаживать боялись. На это требовались не только доброта и сочувствие, но и мужество.

Давно этого ожидал, страшился Чириков, и вот случилось. Утром шестнадцатого сентября он скорбно отметил в журнале первую смерть на борту: «9 часов. Служивой из сильных [1], который был в числе парусника, Михайла Усачев, цинготною болезнью умре, которого бросили в море».

Штурман Елагин вечером в этот день сделал еще несколько записей. Аккуратно отметил, что склонение солнца 1.31 южное, и потому ширина места, где они находятся, — 52.07 северная. А потом приписал:

«Господин капитан Чириков, лейтенант Чихачев очень больны, также и все служители от недовольного с воды пропитания и от долговременного на море труда изнемогают, однако ж еще трудятца».

При каждом маневре с парусами было ощутимо, какой урон они понесли, лишившись пятнадцати товарищей. Да вот уже два матроса умерли. Людей не хватает. Даже просто чтобы подобрать рифы, приходится Елагину свистать наверх всех еще способных держаться на ногах, вахта не справляется.

«25 сентября 1741 года в 12 часов полудни [1]. Вдруг стал быть великой шторм, и дождь, погода, с великою трудостью».

Давно уже выдают каждому только по пять чарок воды на день и сухари, а каш никаких не варят.

Кончаются и дрова, хотя взяли в этот раз их шестнадцать сажен, а не шесть, как в первое плавание в 1728 году. Приходится беречь каждое полено.

«Господин капитан Чириков, лейтенанты Чихачев, Плаутин очень больны и рядовых 6 человек, а все цинготною болезнью, тако жи все служители от долговременной кампании утрудились и водою недовольны, насилу могут ходить наверх исправлять все верховые работы, а воды при судне пресной только 7 бочек...»

Теперь Елагин несет бессменные вахты круглые сутки все дни напролет — один за всех офицеров. И Чириков как-то сказал ему со слабой улыбкой:

— Ну что, Ваня, настоишься теперь на вахте на всю жизнь досыта.

Чириков не может надивиться, откуда Елагин силы берет. Исхудал, истощал в щепку, шея тонкая, цыплячья. Совсем мальчишка на вид. А лицо старика. Глаза зоркие, мудрые, бесконечно усталые, красные от бессонницы и постоянного пребывания на ветру, и прорезались навсегда возле рта глубокие, скорбные складки. Но губы стали тонкими, жесткими, рот властный, как у старого командира, и подбородок у недавнего мальчика упрямый, твердый.

Не сомневается в нем капитан. Восхищается его рвением. Умрет на палубе, у руля, но доведет корабль до гавани. Гордится своим воспитанником Чириков. Даже для него открытие, какой судоводитель воистину божьей милостью таился в мичмане Иване Елагине...

Сам Чириков уже находился в отчаянии жизни, стал так плох, что судовой иеромонах решил его по обычаю приготовить к смерти — причастил святых тайн. Поп тоже еле держался на ногах, от качки то и дело валился на капитана. От мокрой свалявшейся бороды его воняло псиной.

Лежит капитан пластом, слушает, как переминается на палубе с ноги на ногу, притопывает озябший рулевой, как завывает ветер. К счастью, Чириков, хотя и не может встать, все еще в памяти и в рассудке. Когда удается, Елагин берет высоту солнца, прикидывает, сколько прошли за сутки с учетом волнения и сноса ветром, где они

[1] Видимо, надо читать: из ссыльных.

[1] То есть в полночь.

обретаются. Чириков помогает ему определить координаты и едва слышным голосом приказывает, какой держать курс.

И все-таки они возвращаются с победой! Уже не пустой лист бумаги лежит на столике перед Елагиным, а карта — новая, рождающаяся с каждым днем у него на глазах, под их руками. Впервые на нее нанесен большой отрезок американского берега и открытые ими острова.

Они еще без названий. Некогда давать им имена, да и слишком скромен и сдержан Алексей Ильич Чириков. Сейчас у него одна забота: доставить эту карту на берег, довезти ее...

А долгожданный родной берег все не показывается. Двадцать первого сентября под вечер увидели впереди невысокие горы без снега на вершинах и возликовали:

— Камчатка!

Но радость была преждевременной. Оказался остров неизвестный.

А погода все портилась. Дело шло к зиме. Крепко холодало. Сколько точно было градусов, узнать не представлялось возможным: сбивая с толку, каждый из двадцати термометров академика Делиля показывал разное...

Начинало штормить. Небо плотно закрыли набрякшие дождем тучи, не каждый день удавалось определиться. И ночью не проглядывали звезды. Не видны ни Большой Медведь, ни Лось, ни Телега.

Чувствовал Чириков, что ошибаются они, видимо, в счислении. Давно пора было, по их расчетам, появиться камчатскому берегу, а его все нет.

Но Елагина успокаивал:

— Ничего, дойдем. Попробуй сегодня поточнее определиться. Может, ночью звезды проглянут.

Тот кивнул и направился к двери, но капитан вдруг остановил его:

— Подожди. Иван Фомич. Помоги-ка мне встать.

— Зачем? Лежите, Алексей Ильич.

— Надо. Помоги.

Встать Чирикову не удалось. Он смог только кое-как сесть на койке. И, задыхаясь, с трудом переводя дыхание, непривычным, торжественным голосом сказал:

— Штурман из мичманов... Иван Фомич Елагин... За неусыпное рачение... и ревность к службе похвальную... Властью, предоставленной мне государыней... произвожу вас в Российского флота лейтенанты.

Елагин замер, вытянувшись по стойке «смирно», хотя низкий подволок заставлял его клонить голову набок, не давал выпрямиться. Он неловко приложил руку к обтрепавшейся треуголке и молчал, не зная, что ответить.

— Иди, — прошептал Чириков и упал на подушку. — Помни: вся надежда на тебя. Не подкачай. И пуще всего каждого матроса береги. А то пропадем, ежли некому будет паруса ставить. Не забывай: не море топит корабли, а злые ветры.

Воды осталось пять бочек. Но когда осматривали их, одну матросы от слабости уронили. Обручи на ней треснули, и вся вода вытекла. Осталось лишь четыре бочки...

К счастью, через два дня пошел сильный дождь. Елагин приказал поскорее выставить на палубу все свободные ведра, котлы, кастрюли с камбуза. Запасли дождевой водицы еще ведер семь.

Рисунки П. ПАВЛИНОВА

А на следующий день шибко похолодало, и повалил снег густой. И все еще никаких признаков земли...

С треском лопаются сгнившие топенанты. А матросы не могут даже сменить изорвавшиеся в клочья паруса. Нет сил у людей забраться на мачту. И Елагин боится их посылать: свалятся, разобьются.

Но в остальном новожалованный лейтенант следит за порядком строго. Отмечает в журнале: «Воды в судне 5 дюймов, которую, вылив, оставили на 2 дюйма». Вселяя в людей бодрость, днем и ночью делом стучат насосы, приводимые в движение ветром. Через день: «Воды в судне 2 дюйма». Уж от течи в трюме они не утонут, это точно...

Спутники у Чирикова таяли, покидали его один за другим. Вечером шестого октября умирает лейтенант Иван Чихачев, в ночь на восьмое уходит за ним и Михаил Плаутин. Немного не дожили до счастливой минуты; утром торопливо запишет в шканечном журнале Елагин:

«В 7 часов пополуночи увидели землю, горы высокие, покрыты все снегами и по мнению места оных гор надлежит быть берегу от из Со-вито до Ваua на N, но токмо еще за туманом подлинно познать невозможно».

Боится поверить, что это камчатский берег, сдерживает свою радость штурман Елагин.

Но с каждой милей исчезают сомнения: да, родная земля, знакомый, свой берег!

И к вечеру на следующий день уже открывается горбатый мыс Ваua приветливым огоньком маяка. От него они все эти трудные месяцы вели отсчет пройденным милям. Только обогнуть мыс — и вот она, бухта Авача, долгожданный причал,

надежная гавань Петропавловская!

Однако лейтенант Елагин поворачивает в открытое море. Ночь опускается, и ветер противный, встречный. Надо обождать до утра. Этого еще не хватало, чтобы разбиться в темноте о скалы родной земли!

Наверное, это была самая длинная ночь за все время их плавания...

Но все-таки и она кончилась. Рассвело, пошли к берегу. Весь день пытались войти в гавань, а ветер мешал, противился, как назло, вконец изматывал обессиленных моряков.

Уже опять стало смеркаться. Зажегся на вершине мыса маячный огонь. Неужели снова уходить в море и ждать еще целую ночь?!

Экое несчастье бедственное! Не доживет до утра Чириков. И Елагин уже в полной, кромешной тьме буквально ощупью, припоминая каждый выступ береговых скал, заводит корабль в гавань.

Бросает якорь дагликс, палят радостно из пушки — и все заваливаются спать. Даже Елагин спит как мертвый.

Не спит только Чириков. Лежит на койке в своей холодной каюте, прислушивается к завыванию ветра, всплескам волны и скрежету якорной цепи, смотрит в темноту. Один за всех несет последнюю вахту. Вспоминает день за днем трудное плавание, пропавших без вести товарищей.

Разные мысли одолевают в эту бессонную ночь капитана — и кто бы смог о них рассказать? Нераздельно перемешаны в них и радость, и гордость, и скорбь о погибших. И не дает покоя судьба исчезнувших без следа...

Так он лежит и думает, пока за слюдяными окошками с частым, словно решетка, переплетом тускло не забрезжит холодный рассвет.

«10 октября 1741 года. 9 часов. Ветр малой, небо облачно и холодно, прибыл из гавани на шлюпке к нам прапорщик Левашев и объявил, что капитан командор на пакет-боте Св. Петра еще с моря в гавань не бывал...»

Где же Беринг? Где товарищи, ушедшие вместе с ним навстречу неведомому на «Святом Петре»? Неужели так же бесследно пропали, сгинули, как Дементьев с матросами?

Эти тревожные мысли отравляют радость возвращения, встречи с друзьями.

И смерть продолжает хозяйничать на корабле. В десять часов утра умирает, так и не протрезвившись, астрономии профессор Делиль де ла Кройер...

Все опасаются, как бы столь же горькая участь не постигла и капитана. И Елагин спешит переправить впавшего в беспамятство Чирикова на берег. С трудом сносят его на руках матросы в шлюпку. И так — на руках — везут к берегу.

А Елагин не покидает корабль, пока не наведет полный порядок и не сделает в журнале последнюю запись: «Поставили пакетбот на место, на котором ему надлежит и зиму стоять, с правой стороны с носу положили дагликс якорь с кормы той якорь и с левой стороны с носу и с кормы закрепили перлини на берег и зачали растакаливать».

Вот теперь можно и на берег. Можно и отдохнуть, отоспаться длинными зимними ночами, узнать новости, обсудить их. А новостей накопилось много, пока они плавали. Оказывается, давно уже в стране не императрица, а император. Анна Иоанновна преставилась еще прошлым летом и наследником провозгласила двухмесячного младенца Иоанна Антоновича. Чудны дела твои, господи! От его имени правит мамаша — Анна Леопольдовна.

Они еще не знают, что и эти новости уже устарели. Пока они приходят в себя после трудного плавания, младенца-императора в ноябре 1741 года свергает дочь Петра I Елизавета. Но вести об этом дойдут на Камчатку, на край земли, еще не скоро...

Не умер, выходили друзья, переборол болезнь Алексей Ильич Чириков!

Как только немного отдышался, пришел в себя, начал потихоньку вставать, первым делом отправил в Адмиралтейств-коллегию подробный рапорт о нелегком плавании. Все написал: и как открыли Америку, и как потерял на чужом берегу пятнадцать человек, пропавших неведомо почему, и с каким трудом возвращались обратно.

Ничего не утаил, все описал, как было. Никого не забыл, всем воздал должное капитан. Особенно он отметил заслугу Ивана Елагина:

«Которому я по ево достоинству за искусство и всегдашнюю трезвость и, дабы одобрить при объявленном многотрудии, дал удостоинство от флота в лейтенанты, понеже он не токмо лейтенантскую должность исправлял, но и всего судна правление на нем лежало».

К рапорту приложил Чириков вахтенный журнал и новую карту.

Через несколько десятилетий точность ее отметит капитан Джеймс Кук. А нынешние знатоки картографии и морской навигации дадут работе Чирикова и Елагина такую оценку: «Широты, определенные на судне, учитывая инструменты и способы определения того времени, надо признать исключительно точными. Ошибка заключена в пределах ±5, что иногда допускается и в современных условиях».

Весной, как пригрело солнце и растопило наметенные за зиму сугробы, приказал Чириков готовить корабль к новому плаванию. Решил снова отправиться к чаемой Земле Американской. Ведь теперь дорога туда известна. До ближайшего мысу всего около тысячи верст. А там поплывут вдоль берега, он же теперь известен, нанесен на карту. Потихоньку дойдут до тех мест, где товарищей потеряли. Может, живы еще, ждут хоть некоторые, может, удастся их спасти, выкупить, выручить.

А Беринга и его спутников искать в бескрайнем океане бесполезно. Единственная надежда — если еще остался кто из них жив, сами, может, доберутся до родных берегов...

Двадцать восьмого мая 1742 года поднимают они потрепанные и кое-как залатанные паруса и снова выходят в Великий океан.

Чириков еще не оправился от болезни. Зубы шатаются, и с ног цинготные пятна не сошли. Штурман у него всего один — лейтенант Елагин, тоже еле ходит. Взял Чириков еще из местных шкипера Коростелева, но каков он моряк, пока не знает, не может на него положиться. И матросов неполный комплект, да и тех половина больны, истощены.

Даже шлюпку они смогли раздобыть лишь одну. А теперь хорошо знают, как нужны шлюпки у чужого берега...

Но плывут, «улуча способные ветры»! И плывут так уверенно по своей собственной карте, так удачно, что уже девятого июня открывается впереди земля. Знакомый остров. Они видели его уже в прошлом году, узнают!

Теперь можно его исследовать, дать ему имя. Но погода портится. Опять, как в прошлом году, наползает туман, зарядил дождь. Блуждать в непогоду среди неведомых отмелей и подводных скал опасно.

Елагин стал опытным моряком, словно водит корабли уже не один десяток лет. Спокоен, нетороплив, все замечает. Еще бы, такая школа. И Коростелев оказался шкипером неплохим. Но вот матросов не хватает, каждому приходится трудиться за двоих, устают сильно.

— Нельзя уходить далеко, погубим судно, — говорит Чирикову Елагин.

Он прав. Переоценили они свои силы. Непогоду, видно, не переждешь. А бесценное время — они оба теперь прекрасно знают! — зря тратить нельзя.

И, посоветовавшись с Елагиным и Коростелевым, капитан решает возвращаться домой, понеже он, как сам записал в протоколе консилиума, «в опасные случаи принужден был многие ночи пробыть без сна несходно с палубы, пришел в такую слабость, что уже насилу ходил, а обстоятельного помощника толко имел у себя одново, упоминаемого мичмана Елагина, да и оной также в здоровье не тверд, и ежели б я пришел в конечное, как случилось прошлой 741 компании, изнеможание, то одному б Елагину во управлении и хранении судна чрез долгое время труда не снесть, а потом могло бы всему судну воспоследовать несчастие».

На обратном пути увидели вечером двадцать второго июня еще какой-то неведомый остров. Берег был пустынным, диким. Плыли вдоль него всю ночь. На рассвете видели среди камней великое множество котов морских.

Нанесли остров на карту. И в пять часов утра пошли прочь от него, любуясь, как скрывается он постепенно в розовой дымке, тает в лучах восходящего солнца...

И не знали, не подозревали, что на другом берегу этого острова лежат в промозглых земляпках их товарищи, забылись в крепком тяжелом сне — кто остался в живых из команды Беринга! «Святой Петр» потерпел катастрофу возле этого островка, здесь и пришлось зимовать спасшимся морякам [1].

Сколотив из обломков своего корабля небольшое суденышко, немногие из экипажа «Святого Петра» вернутся в Петропавловск только в августе 1742 года, но Чирикова там уже не застанут. Алексей Ильич, еще ничего не зная о судьбе командора, уехал зимовать в Якутск, работает там над отчетом о своих плаваниях.

От пережитых невзгод сам Чириков писать не может. Рука не слушается. Все донесения и письма аккуратным почерком выводит писарь Иван Редин, а Чириков только с трудом добавляет последнюю фразу и подписывается. Маленькая деталь, но как о многом говорит она...

И как аттестует Чирикова то, что не забыл он отметить даже заслуги скромного писаря. Мы бы наверпяка имени его не узнали. Но специально напишет об Иване Редине капитан: «Будучи долгое время при главных делах Камчатской экспедиции исправлял, что надлежало бы исправлять доброму секретарю со всяким прилежанием и неусыпным трудом беспорочно, о чем и от меня ему дана надлежащая по доброй совести моей рекомендация пока же иного награждения за многие его труды учинить силы не имею...»

Нет, не ожесточила чувствительного сердца Чирикова суровая морская служба, правильно было сказано в его послужном аттестате.

За такое внимание и заботливость и любили беззаветно и преданно своего капитана все его спутники, готовы были пойти с Чириковым на край света и даже дальше!

Гордый, торжествующий, заслуженно ожидающий новых назначений и плаваний, увозит Иван Елагин рапорт Чирикова в Петербург — и новенькую уточненную карту открытых за эти два плавания островов и побережья Америки.

А первый курьер, отправленный год назад, еще только-только доскакал до столицы...

В Петербурге с жадным любопытством изучает карту Михайло Васильевич Ломоносов, сочиняет торжественную оду в честь отважных мореплавателей:

В Камчатский порт,
веселья полны...
Уже Американски волны
К тебе от восточных стран
спешат, —

обращается он с надеждой к Елизавете.

Однако новая императрица не разделяет его восторга. Она приказывает Великую Северную экспедицию прекратить. Одним небрежным росчерком пера дочь Петра похоронила великие замыслы своего отца...

Но, к счастью, уже не вычеркнуть того, что сделано! А сделано много. Совершен великий подвиг во славу родины и науки.

Чириков в далеком Якутске еще не знает о решении императрицы. Он уверен: экспедиция будет продолжена. Но уже чувствует: не осталось сил участвовать в ней. Двадцать лет он странствует в этих суровых краях. Он безмерно устал. И диктует верному экспедиционному писарю Ивану Редину прошение императрице:

«И от природы я был некрепок, а от вышеупомянутой болезни еще и ныне совершенно не освободился и с ног знаки цинготныя не сошли, также и зубы не все укрепились, ибо как был в самой тяжести той болезни, то все зубы тряслись, и чюдь держались от чего ныне наибольшую чювствую в себе слабость и за тем впредь в экспедиции быть весма неспособен.

За долговременную бытностию маю в экспедиции дом и деревни, которые имею, хотя неболшие, без призрения, раззоряются и ежели еще удержан буду в экспедиции, то вконец разорятся и впредь уже приехать будет не к чему и жить мне и жене моей и детям будет негде и пропитатся не от чего.

И дабы высочайшим Вашего Императорского Величества указом повелено было меня, нижайшего, за долговремянную мою в Камчацкой экспедиции бытность и за слабостию здоровья и для исправления разоряемого за непризрением домишка моего, а наипаче для многолетнего Вашего Императорского Величества здравия вседражайшего из экспедиции уволить.

Всемилостивейшая государыня прошу Вашего Императорского Величества о сем моем челобитье решение учинить».

Без ответа на это прошение Чирикова еще несколько лет продержали в Енисейске. Весной 1746 года ему наконец разрешили приехать в Петербург и назначили директором Морской академии. Но прожил он после этого недолго. Умер в конце 1748 года, так и не выбившись из нужды. Еще много лет после его смерти вдова и дети Чирикова не могли расплатиться с долгами.

Мы даже не знаем точно, когда умер Чириков: предположительно в конце ноября 1748 года. И где похоронен Алексей Ильич, тоже никто не знает. Не сохранилось ни одного его портрета.

Деяния Чирикова незаслуженно померкли в сиянии посмертной славы Беринга. Лишь мудрый Ломоносов решительно заявит: Чириков в этой великой экспедиции «был главным и прошел далее, что надобно для чести нашей».

Только через сто лет, в середине прошлого века, когда впервые опубликуют карту с маршрутом плавания Чирикова и открытыми им землями, известный морской историк А. Соколов даст его трудам должную оценку:

«Плавание Чирикова есть истинное торжество морского искусства, торжество воли человека над случайностями.

...Открыв Американский берег полуторами сутками ранее Беринга, в долготе одиннадцатью градусами далее; осмотрев его на протяжении трех градусов к северу и оставив пятью днями позже, Чириков возвратился в Камчатку — восемь градусов западнее Берингова пристанища — целым месяцем ранее; сделав те же на пути открытия Алеутских островов; во все это время не убирая парусов и ни разу не наливаясь водой; тоже претерпевая бури, лишения, болезни и смертность, более, впрочем, павшую у него на офицеров, чем на нижних чинов. Превосходство во всех отношениях разительное!»

---

[1] О сегодняшних раскопках на острове Беринга, где проходила печальная зимовка экипажа «Святого Петра», рассказывалось в очерке Бориса Метелева «Пять дней из экспедиции к Берингу». См.: «Вокруг света» № 3 за 1980 год.

МАЙ ШЕВАЛЛЬ и ПЕР ВАЛЕ

В ТУПИКЕ

Роман

Тринадцатого ноября Мартин Бек сидел в квартире Колльберга неподалеку от станции метро «Шермарбринк» на южной окраине города и с увлечением играл с хозяином в шахматы.

У Колльберга была двухмесячная дочка, и сегодня вечером ему пришлось сидеть дома, выполняя обязанности няньки. В свою очередь, Мартин Бек не очень стремился домой.

Погода была отвратительная. Над крышами плыла сплошная завеса дождя, плеская в стекла окон; улицы были почти пустые, лишь кое-где на них появлялись прохожие, которых, казалось, в такую слякоть могло выгнать из дому только какое-то несчастье.

Перед посольством Соединенных Штатов на Страндвеген и на соседних улицах четыреста двенадцать полицейских боролись с примерно вдвое большим числом демонстрантов. Полицейские были оснащены гранатами со слезоточивым газом, пистолетами, плетками, дубинками, машинами, мотоциклами, коротковолновыми приемниками, мегафонами на батарейках, натренированными собаками и встревоженными лошадьми. Демонстранты были вооружены письмом и картонными транспарантами. Демонстранты не составляли монолитную группу, поскольку среди них были самые различные люди: от тринадцатилетних школьниц в джинсах и спортивных куртках и чрезвычайно важных студенческих деятелей до провокаторов, профессиональных крикунов и даже одной восьмидесятилетней актрисы в берете и с голубым шелковым зонтиком. Какой-то большой общий стимул давал им силу выдерживать и ливень, и все, что могло случиться.

Полицейские, в свою очередь, отнюдь не представляли собой элиту полицейского корпуса. Их собрали из разных участков города. Тем же, у кого был знакомый врач, или сумевшим при помощи уловок как-то выкрутиться, посчастливилось избежать этой командировки.

Лошади грызли удила и становились на дыбы, полицейские хватались за кобуры пистолетов и непрерывно махали дубинками. Тринадцатилетняя девочка несла транспарант с примечательным текстом: «Исполняй свой долг! Собирай больше полицейских вместе!» Трое полицейских, килограммов по восемьдесят пять, бросились к ней, разодрали плакат, а девочку потащили к полицейской машине, заламывая ей руки и хватая за грудь.

Всего полиция задержала более пятидесяти человек. Многие из них получили ранения. Кое-кто из задержанных был личностью более или менее известной. Эти люди могли написать в газету, выступить по радио или по телевидению. Когда дежурные в полицейском участке обнаруживали такого, у них мороз шел по коже и они торопились отпустить его. Для других задержанных этот обязательный допрос проходил не столь легко. Ведь кто-то же попал в голову конному полицейскому пустой бутылкой.

Операцией руководил полицейский высокого ранга с военным образованием. Он, кажется, был экспертом по

делам, которые касались общественного порядка, и теперь с удовольствием смотрел на хаос, который ему посчастливилось вызвать среди демонстрантов.

В квартире около станции метро «Шермарбринк» Колльберг собрал фигуры с шахматной доски в деревянный ящичек.

Его жена как раз возвратилась со своих вечерних курсов и сразу же легла спать.

— Ты никогда не научишься играть в шахматы,— посетовал Колльберг.

— Видимо, для этого необходим особый дар,— удрученно ответил Мартин Бек.

Колльберг сменил тему:

— Сегодня вечером на Странвеген черт знает что делается.

— Возможно. Чего они хотят?

— Вручить письмо послу,— сказал Колльберг — Только вручить письмо. Почему они не пошлют его почтой?

— Тогда бы это не привлекло такого внимания.

Мартин Бек надел шляпу и плащ и направился к двери. Колльберг быстро поднялся.

— Я тебя провожу,— сказал он.

— Зачем тебе выходить на улицу?

— Да немного погуляю.

Мартин Бек и Колльберг были полицейскими, работали в государственной комиссии по расследованию убийств. Временно они не имели каких-либо срочных дел и могли более или менее спокойно отдыхать.

В городе не было видно ни единого стража порядка. Около центрального вокзала какая-то пожилая женщина напрасно ждала, что подойдет полицейский, отдаст честь и, улыбаясь, переведет ее через улицу. Какой-то тип, собиравшийся разбить кирпичом витрину, мог не бояться, что вой сирены полицейской машины прервет его работу.

Полиция была занята.

Неделю назад шеф государственной полиции в официальной речи заявил, что его подчиненным придется пренебречь многими своими обычными обязанностями, так как необходимо защищать американское посольство от действий тех, кому не нравится война во Вьетнаме.

Первому помощнику комиссара полиции Леннарту Колльбергу также не нравилась война во Вьетнаме, зато он любил шататься по городу в дождь.

В одиннадцать часов демонстрация, можно сказать, закончилась, но дождь не перестал лить.

Почти в ту же самую минуту в Стокгольме произошла одна попытка убийства и восемь убийств.

«Дождь,— уныло думал он, смотря в окно автобуса,— ноябрьская темнота и дождь, холодный и густой. Вестник близкой зимы. Скоро пойдет снег».

Именно теперь в городе не было ничего привлекательного. Неприветливый бульвар, плохо спланированный. Он никуда не ведет, а просто остался грустным воспоминанием, что когда-то давно началось с большим размахом расширение города, но не закончилось. Здесь не было освещенных витрин и прохожих на тротуарах.

Он так долго шатался по улицам в дождь, что вымок насквозь, и теперь чувствовал, как холодная вода стекала по затылку и шее, увы, даже между лопатками. Расстегнул две верхние пуговицы плаща, засунул правую руку в карман куртки, легонько коснулся пистолета, на ощупь тоже холодного и влажного.

От этого прикосновения мужчина в темно-синем поплиновом плаще помимо воли вздрогнул и попробовал думать о чем-то другом. Например, о гостиничной террасе в Андрайче, где он пять месяцев назад проводил отпуск. О тяжелом неподвижном зное, о ярком солнце над набережной и рыбачьими челнами и о бездонном голубом небе над цепью гор на той стороне залива.

Потом он подумал, что, наверное, в это время года там тоже идет дождь и что в домах нет парового отопления, только камины.

И что он уже не на той улице, по которой проезжал недавно, и что скоро ему вновь придется выйти на дождь.

Он услыхал за спиной шаги и догадался, что по лестнице спускается тот человек, который сел еще в центре перед магазином Олена на Кларабергсгатан, за двенадцать остановок отсюда.

«Дождь,— подумал он.— Не люблю дождя. Собственно говоря, я его ненавижу. Интересно, когда меня повысят? Наконец, почему я здесь болтаюсь, почему не лежу дома около...»

И это было последнее, о чем он подумал.

Автобус был красный, двухэтажный, с кремовым верхом и серой лакированной крышей. Как раз в этот вечер он курсировал сорок седьмым маршрутом в Стокгольме от Бельмансру в Юргордене до Карлберга и обратно. Теперь он ехал на северо-запад и приближался к конечной остановке вблизи Норра Сташунсгатан, что находилась всего в нескольких метрах от границы, которая разделяла Стокгольм и Сольну.

Сольна, предместье Стокгольма, является отдельной коммунально-административной единицей, хотя граница между обоими городами существует только в виде ломаной линии на карте.

Фары автобуса были включены. Среди безлистных деревьев на безлюдной Карлбергсвеген он со своими запотевшими окнами казался теплым и уютным. Потом автобус свернул направо на Норрбаккагатан, и звук мотора притих на длинном уклоне к Норра Сташунсгатан. Струи дождя хлестали по крыше и по стеклам, колеса, которые тяжело и неумолимо катились вниз, вздымали целые каскады воды

Конец улицы был также концом уклона. Автобус должен был повернуть под углом в тридцать градусов на Норра Сташунсгатан, а потом проехать еще триста метров до конечной остановки

На повороте автобус как бы остановился на мгновение, потом покатился через улицу, выехал на тротуар и врезался в проволочное ограждение, которым отделялся пустой двор какого-то склада на Норра Сташунсгатан.

Там он остановился.

Мотор затих, но фары и освещение внутри не потухли. Запотевшие стекла продолжали уютно блестеть среди темноты и холода.

Было три минуты двенадцатого ночи тринадцатого ноября 1967 года.

В Стокгольме.

Кристианссон и Квант патрулировали на радиофицированной машине в Сольне.

На протяжении своей достаточно однообразной службы они задерживали сотни пьяных и много воров.

В этот вечер им ничего не попадалось, только перепало по кружке пива, о чем, наверное, не следовало вспоминать, поскольку это противоречило порядку.

Кристианссон и Квант были похожи друг на друга и осанкой и видом. Оба ростом метр восемьдесят сантиметров, светловолосые, широкоплечие и голубоглазые. Зато они очень отличались темпераментом и имели совершенно разные взгляды по многим вопросам.

Квант был неподкупен. Он никогда не бросал не доведенными до конца тех дел, которые намечал, но, с другой стороны, он, как никто другой, умел намечать как можно меньше.

В угрюмом молчании он медленно тронулся через колонию домиков, мимо железнодорожного музея, бактериологической лаборатории, института для слепых, а далее, петляя, он вел машину через весь большой район высших учебных заведений с их чистенькими корпусами, пока наконец мимо здания железнодорожного управления не выехал на Томтебудавеген.

Это была мастерски отработанная трасса, которая вела кварталами, где почти определенно никого нельзя было встретить. За всю дорогу им не попалась ни одна машина, и они увидели только два живых существа — кота, а через некоторое время еще одного.

Проехав до конца Томтебудавеген, Квант остановил машину за несколько метров от границы Стокгольма, не выключая мотора, и начал думать, куда податься далее.

«Интересно, хватит ли у тебя нахальства возвратиться тем же самым путем?» — подумал Кристианссон, но вслух сказал:

— Ты не дашь мне взаймы десятку?

Квант качнул головой, вытащил

кошелек из внутреннего кармана и, даже не взглянув на Кристианссона, дал ему десятку. И тотчас же решил, что ему делать. Если он пересечет границу города и проедет пятьсот метров по Норра Сташунсгатан в северо-восточном направлении, они пробудут в Стокгольме минуты две, не больше. Затем можно было бы свернуть на Евгениавеген, пересечь территорию больницы, поехать по Хагапаркен, далее на север мимо кладбища и, наконец, добраться до своего полицейского участка. Таким образом, их патрулирование закончилось бы и шансы встретить кого-либо сведены до минимума.

Машина пересекла границу и свернула налево на Норра Сташунсгатан.

Кристианссон спрятал десятку и зевнул. Потом сощурил глаза, вглядываясь в дождь, и сказал:

— Вон чешет какой-то старый черт с собакой. И нам машет рукой.

— Это не наш участок,— ответил Квант.

Мужчина с собакой, смехотворно маленьким песиком, которого он тащил за собой по лужам, выбежал на мостовую и стал перед машиной.

— А, черт тебя возьми! — выругался Квант и резко затормозил.

Он опустил боковое стекло и крикнул:

— Какого дьявола вы выскочили на мостовую?

— Там... там автобус,— сказал мужчина, хватая ртом воздух, и показал в глубь улицы.

— Ну и что же? — бесцеремонно перебил его Кристианссон.

— Там... там случилось несчастье.

— Хорошо, сейчас посмотрим,— нетерпеливо сказал Квант.— Дайте дорогу.— Он тронулся с места.— И не выскакивайте больше так на улицу! — крикнул он через плечо.

Кристианссон всматривался в дождь.

— Так,— покорно сказал он.— Автобус съехал с мостовой. Вон тот двухэтажный.

— В нем свет,— сказал Квант.— И передняя дверь открыта. Выйди, Калле, посмотри, что там такое.

Он остановил машину наискосок перед автобусом. Кристианссон открыл дверцу, привычно поправил пистолет и сказал про себя:

— Конечно, посмотрим, что случилось.

Как и Квант, он был в сапогах и кожаной куртке с блестящими пуговицами, а на поясе висели дубинка и пистолет.

Квант остался в машине и наблюдал, как Кристианссон медленно направился к открытой передней двери автобуса, взялся за поручень и неловко поднялся на ступеньку, чтобы заглянуть внутрь. Потом вдруг рванулся назад, согнулся вдвое и одновременно схватился за пистолет.

Квант среагировал быстро. За какие-то секунды он включил красные фары и оранжевый маяк, который был в каждой патрульной машине.

Кристианссон все еще стоял, согнувшись, около автобуса, а Квант уже успел выскочить из машины, вытащить и снять с предохранителя свой вальтер и даже посмотреть на часы. Стрелки показывали тринадцать минут двенадцатого.

Первым полицейским, который прибыл по вызову на Норра Сташунсгатан, был Гюнвальд Ларссон.

Он сидел за своим письменным столом в Доме полиции на Кунгсхольмсгатан, наверное, уже в десятый раз пробегал глазами какой-то нескладно составленный рапорт, не улавливая его сути, и думал, когда они наконец пойдут домой.

В понятие «они» входили шеф государственной полиции, его заместители, а также разные руководители отдела и комиссары, которые по случаю успешного окончания демонстрации шатались по лестницам и коридорам. Как только все эти лица сочтут, что пора кончать рабочий день и уйдут отсюда, он сделает то же самое, и как можно быстрее.

Зазвонил телефон. Гюнвальд Ларссон скривился и взял трубку.

— Ларссон слушает

— Говорит центральная станция полицейской службы. Радиопатруль из Сольны нашел на Норра Сташунсгатан автобус, полный трупов.

Гюнвальд Ларссон посмотрел на электрические стенные часы, которые показывали восемнадцать минут двенадцатого, и спросил:

— Как патруль из Сольны мог найти автобус, полный трупов, в Стокгольме?

Гюнвальд Ларссон был старшим помощником комиссара стокгольмской уголовной полиции. У него был тяжелый характер, и коллеги не очень его любили.

Он затормозил машину, поднял воротник плаща и вышел под ливень. Красный двухэтажный автобус стоял поперек тротуара, передняя часть его вздыбилась, пробив ограду из стальных прутьев. Увидел Ларссон также черный «плимут» с белой крышей и белой надписью на дверце «Полиция». На машине горели габаритные огни, а в кругу света от подвижных фар стояли двое полицейских с пистолетами в руках. Оба казались неестественно бледными.

— Что здесь произошло? — спросил Гюнвальд Ларссон.

— Там... там внутри множество трупов,— сказал один из полицейских.

— Да,— сказал второй.— Совершенно верно. И множество гильз.

— Один как будто бы еще живой.

— И один полицейский.

— Полицейский? — удивился Гюнвальд Ларссон.

— Да. Из уголовной полиции.

— Мы его узнали. Он работает в комиссии по расследованию убийств.

— Но не знаем, как его зовут. Он в синем плаще. И мертвый.

Оба полицейских говорили неуверенно, тихо, перебивали один другого.

Они были отнюдь не маленького роста и все же рядом с Гюнвальдом Ларссоном выглядели не очень внушительно.

Гюнвальд Ларссон был ростом метр девяносто два сантиметра и весил девяносто девять килограммов. Он был широкоплеч, словно профессиональный боксер-тяжеловес, и имел большущие волосатые руки. Его зачесанные кверху светлые волосы успели намокнуть.

Сквозь шум дождя доносилось завывание многочисленных сирен. Казалось, они приближаются со всех сторон. Гюнвальд Ларссон прислушался к вою сирен и спросил:

— Это Сольна?

— Как раз граница.— хитро ответил Квант.

Гюнвальд Ларссон равнодушно смерил голубыми глазами Кристианссона и Кванта и быстрым шагом подошел к автобусу.

— Там внутри... как на бойне,— сказал Кристианссон.

Гюнвальд Ларссон не прикоснулся к автобусу. Он просунул голову в открытую дверь и обвел взглядом помещение.

— Да,— сказал он спокойно,— там в самом деле, как на бойне.

Мартин Бек задержался на пороге своей квартиры. Он снял плащ, стряхнул с него воду, повесил в коридоре и только после этого запер входную дверь.

В коридоре было темно, но он не включил свет. Из-под дверей комнаты дочери пробивалась полоска света, и он услышал, что там либо играет радио, либо крутится пластинка. Он постучал и зашел.

Дочь звали Ингрид, ей было шестнадцать лет. За последнее время она повзрослела, и Мартину Беку все легче становилось находить с ней общий язык. Девушка была спокойна, деловита, достаточно умна, и ему нравилось разговаривать с ней. Она ходила в последний класс основной школы, у нее были хорошие успехи в учебе, но она не принадлежала к той категории учеников, которых называли зубрилами.

Дочь лежала на кровати и читала. На ночном столике крутился диск проигрывателя. Не поп-музыка, а что-то классическое, Мартину Беку показалось, Бетховен.

— Привет,— сказал он.— Ты не спишь?

Он сразу умолк, почувствовав бессмыслицу своего вопроса, и минуту думал о всех тех банальных словах, которые были сказаны в этих стенах за последние десять лет. Ингрид отложила книжку и остановила проигрыватель.

— Привет, папа. Ты что-то сказал?

Он покачал головой.

— Господи, у тебя совершенно промокли ноги,— сказала девочка.— Там продолжает лить?

— Как из ведра. Мама и Рольф спят?

— Наверное, мама загнала Рольфа в постель сразу после обеда. Говорит, что он простужен.

Мартин Бек сел на краю кровати.

— А он что, не простужен?

— По крайней мере, мне показалось, что он совсем здоров. Но послушно лег. Наверное, чтобы не учить на завтра уроки. Завтра у нас письменная по французскому. Может, проверишь меня?

— От моей проверки мало будет толку. Я не очень-то силен во французском. Лучше ложись спать.

Он поднялся, и девушка послушно нырнула под одеяло, поудобнее устроилась. Закрывая за собой дверь, Мартин Бек услышал ее шепот:

— Держи за меня завтра большой палец в кулаке.

— Спокойной ночи.

Мартин Бек на ощупь зашел на кухню и какое-то мгновение постоял около окна. Дождь как будто бы немного утих, а может, ему только так почудилось. Он думал о том, что происходило на демонстрации перед американским посольством, и о том, назовут ли завтра газеты действия полиции неуклюжими, беспомощными или наглыми и провокационными. Так или иначе, а они отнесутся критически к действиям полиции. Мартин Бек все же перед самим собой признавал, что часто критика имела основания, хотя ей недоставало понимания ситуации.

Он вспомнил, что ему сказала Ингрид несколько недель назад. Многие ее товарищи активно интересовались политикой, ходили на собрания и демонстрации, и большинство из них, наверное, были плохого мнения о полиции. Маленькой, призналась Ингрид, она гордилась тем, что ее отец полицейский, а теперь предпочитает молчать об этом. Мартин Бек зашел в гостиную, прислушался около дверей спальни и услышал негромкое похрапывание жены. Он осторожно раздвинул кушетку, зажег настольную лампу, затянул шторы. Кушетку он купил недавно и перебрался на нее из спальни под тем предлогом, что не хочет беспокоить жену, когда возвращается поздно ночью с работы.

Жену его звали Ингой.

Отношения между ними с годами ухудшались, и он чувствовал облегчение оттого, что теперь не надо было делить с нею постель. Это чувство временами ввергало его в сомнения, но после семнадцати лет супружеской жизни, наверное, нельзя уже было ничего изменить, и он давно уже перестал думать, кто из них виноват.

Мартин Бек сдержал кашель, снял мокрые брюки и повесил их на стул перед батареей. Пока он, сидя на краю кушетки, стягивал носки, ему пришло в голову, что ночные прогулки Колльберга под дождем могут иметь ту же самую причину: его семейная жизнь постепенно становится нудной и обременительной.

Так скоро? Ведь Колльберг женился лишь полтора года назад.

Мартин Бек поднялся, взял из кармана плаща влажную и помятую пачку «Флориды», разложил сигареты сушиться на ночном столике и закурил одну, которая показалась ему наиболее подходящей. Сигарета была у него во рту и одна нога на кушетке, когда зазвонил телефон.

Телефон стоял в передней. Полгода

Рисунки Г. НОВОЖИЛОВА

назад Мартин Бек заказал еще один аппарат, хотел поставить его в гостиной, но, учитывая темпы работы телефонных учреждений, надеяться на второй аппарат можно было разве только через полгода, и то если очень посчастливится.

Он быстро пересек комнату и поднял трубку, прежде чем прозвенел второй звонок.

— Бек слушает.

— Говорит центральная станция полицейской службы. Обнаружено много убитых пассажиров в автобусе сорок седьмого маршрута вблизи конечной остановки на Норра Сташунсгатан. Вас просят немедленно выехать туда.

— От кого поступило известие? — спросил он.

— От Ханссона с пятой. Хаммара также известили.

— Сколько убитых?

— Еще не выяснено. По меньшей мере шестеро.

Мартин Бек подумал: «Заскочу по дороге за Колльбергом. Может, схвачу такси». И сказал:

— О'кэй. Сейчас приеду.

— Еще одно, комиссар.

— Да.

— Среди убитых... кажется, кто-то из ваших.

Мартин Бек сжал рукой трубку.

— Кто?

— Не знаю. Фамилии не сказали.

Мартин Бек положил трубку и прислонился лбом к стене. Леннарт! Наверное, это он. Какого черта ему надо было выходить на дождь? Какого черта его понесло в сорок седьмой автобус? Нет, это какая-то ошибка.

Он поднял трубку и набрал номер Колльберга. Один звонок, два, три, четыре, пять.

— Слушаю.

Это был сонный голос Гюн. Мартин Бек старался говорить спокойно, естественным тоном.

— Привет. А Леннарт дома?

Ему казалось, прошла целая вечность, пока Гюн ответила:

— По крайней мере, на кровати нет. Я думала, он с тобой. Вернее, думала, что ты у нас.

— Он вышел вместе со мной прогуляться. Ты уверена, что его нет дома?

— Может, он на кухне? Погоди, я посмотрю.

Снова минула целая вечность, пока она возвратилась.

— Нет, Мартин, его дома нет.

Голос был тревожный.

— Как ты думаешь, где он? — спросила она.— В такую непогоду?

— Он вышел лишь глотнуть свежего воздуха. А я только что пришел домой, думаю, и он долго не задержится. Не беспокойся.

— Сказать ему, чтоб позвонил, когда вернется? — спросила она уже спокойнее.

— У меня не такое важное дело. Спи. Доброй ночи.

Мартин Бек положил трубку и вдруг почувствовал, что дрожит от холода. Он снова поднял трубку и остался стоять с нею, раздумывая, кому бы позвонить, чтобы выяснить детали происшествия. Потом решил, что лучше всего немедленно поехать самому. Он набрал номер вызова такси и сразу услыхал ответ.

Мартин Бек работал в полиции двадцать три года. За это время многие его коллеги погибли во время исполнения служебных обязанностей. Он тяжело переживал каждый такой случай и в глубине души сознавал, что работа в полиции становится все более опасной и в следующий раз наступит его черед. Но, когда дело шло о Колльберге, здесь уже было отношение не просто как к коллеге. С годами их привязанность друг к другу крепла, они чудесно дополняли друг друга. А когда Колльберг полтора года назад женился и переехал на Шермарбринк, по соседству с ним, они начали встречаться также в свободное от службы время.

Совсем недавно Колльберг в минуту депрессии, которые изредка бывали у него, сказал:

— Если бы не ты, то, черт знает, остался бы я в полиции.

Мартин Бек думал об этом, натягивая мокрый плащ и спускаясь по лестнице.

Несмотря на дождь и поздний час, около огражденного места со стороны Карлбергсвеген собрались люди. Они с любопытством уставились на Мартина Бека, когда он вылез из такси. Какой-то молодой полицейский в черном дождевике бросился вперед, как бы пытаясь задержать прибывшего, но другой схватил его за плечо, а сам приложил руку к фуражке.

Невысокий мужчина в светлом плаще и кепке подошел к Мартину Беку и сказал:

— Сочувствую вам, комиссар. Я только сейчас узнал, что одного из ваших...

Мартин Бек так посмотрел на говорившего, что у того застряли в горле дальнейшие слова.

Он хорошо знал этого человека в кепке и очень не любил.

Это был свободный художник, журналист, который называл себя репортером-криминалистом. Он писал репортажи об убийствах, сенсационные, неприятные, да еще в большинстве случаев с вымышленными подробностями, поэтому их печатали самые скандальные газеты.

Мужчина отступил, и Мартин Бек перескочил через натянутую веревку. Он увидел, что такую же веревку натянули немного дальше, со стороны Турсплан. На огороженном месте рябило в глазах от черно-белых машин и безликих фигур в блестящих дождевиках. Земля около красного автобуса размякла и чавкала под ногами.

Автобус был внутри освещен, прожекторы тоже горели, но их лучи не проникали далеко сквозь густой дождь. Машина государственной криминально-технической лаборатории стояла за автобусом, повернутая кабиной к Карлбергсвеген. За разорванной проволочной сеткой несколько человек монтировали прожекторы.

Двери автобуса находились на другой от Мартина Бека стороне, но он видел, как за окнами двигались люди и догадывался, что персонал технической лаборатории уже начал свою работу.

Он помимо воли замедлил шаг, думая о том, что сейчас увидит, и стиснул в карманах кулаки, пока широкой дугой обходил серый автобус криминально-технической лаборатории.

В свете, падающем из открытых средних дверей двухэтажного автобуса, стоял Хаммар, его непосредственный начальник в течение многих лет, а ныне шеф полиции, и разговаривал с кем-то, находившимся внутри автобуса. Хаммар прервал разговор и обернулся к Мартину Беку:

— Вы все-таки приехали. А я уже думал, что вам забыли позвонить.

Мартин Бек, не ответив, подошел к двери и заглянул внутрь.

Он почувствовал, как все внутри сжалось и заныло: зрелище оказалось хуже, чем он предполагал.

В холодном ярком свете каждая деталь выступала поразительно четко. Казалось, весь автобус наполнен окровавленными трупами, застывшими в необычных позах.

Мартину Беку больше всего хотелось повернуться и выйти, чтобы не видеть их, но это чувство не отразилось на его лице. Он даже принуждал себя зарегистрировать в памяти все подробности. Люди из лаборатории работали молча. Один из них посмотрел на Мартина Бека и медленно покачал головой.

Мартин Бек осматривал убитых одного за другим. Он не узнал никого из них.

— А наш человек где, наверху? — вдруг спросил он.— Или...

Мартин Бек повернулся к Хаммару и умолк.

Из-за спины Хаммара из темноты появился Колльберг, с непокрытой головой, с прилипшими ко лбу волосами.

Мартин Бек вытаращил на него глаза.

— Привет,— сказал Колльберг.— Я уже начал раздумывать, куда ты подевался. Даже хотел попросить, чтобы еще разок позвонили тебе.

Он остановился перед Мартином Беком и внимательно посмотрел на него.

— Тебе надо выпить чашку кофе. Я сейчас принесу.

Мартин Бек покачал головой.

— Нет, надо,— сказал Колльберг.

И куда-то ушел. Мартин Бек посмотрел ему вслед, затем пошел к

передней двери и заглянул в середину. Хаммар тяжело ступал сзади.

На переднем месте сидел шофер, навалившись на руль. Наверное, ему прострелили голову. Мартин Бек присмотрелся внимательно к тому, что раньше было лицом шофера, и где-то в глубине души удивился, что не чувствует тошноты. Он повернул голову и посмотрел на Хаммара, который бессмысленно уставился в дождь.

— Ты можешь представить, что он здесь делал? — почти неслышно спросил Хаммар.— В этом автобусе?

И в тот же миг Мартин Бек увидел того, о ком сказал ему звонивший из центральной станции полицейской службы.

Около окна за лестницей, которая вела на второй этаж автобуса, сидел Оке Стенстрём, помощник следователя из комиссии по расследованию убийств, один из самых молодых сотрудников Мартина Бека. Наверное, «сидел» было не то слово. В синем поплиновом плаще Стенстрём полулежал, упершись правым плечом в спину молодой женщине, которая согнулась пополам на сиденье.

В правой руке Стенстрём держал служебный пистолет.

Дождь шел целую ночь, и хотя согласно календарю солнце должно взойти в семь сорок, было уже почти девять, когда его лучи наконец пробились сквозь толщу облаков и настал пасмурный, туманный день.

Поперек тротуара на Норра Сташунсгатан, как и десять часов назад, стоял красный двухэтажный автобус.

Однако вокруг него все изменилось. На огромной территории работало более пятидесяти человек, а за натянутой веревкой толпились любопытные. Многие из них торчали здесь с полуночи, но видели только полицейских, медицинских работников и слышали завывание сирен разных типов. Это была ночь сирен — они рождались непрерывным потоком машин, которые, казалось, без цели и какого-либо смысла мчались, завывая, по блестящим от дождя улицам.

Никто не знал ничего определенного, тем не менее одна фраза шепотом передавалась из уст в уста, быстро, концентрическими волнами расходилась среди зрителей, в соседних домах, по городу, пока наконец приобрела последнюю четкую форму, облетела всю страну и к этому часу уже далеко перешагнула за ее границы.

«Массовое убийство».

«Массовое убийство в Стокгольме».

«Массовое убийство в автобусе в Стокгольме».

В Доме полиции на Кунгсхольмсгатан было известно ненамного больше. Собственно, никто даже не знал, кому поручено вести следствие. Порядка не было никакого.

— Кто готовит список имен? — спросил Мартин Бек.

— Кажется, Рённ,— ответил Колльберг, не оборачиваясь.

Он прибивал на стену схему. Схема была большая, три метра в длину и более полутора метров в ширину, поэтому с нею нелегко было справиться. Это был план первого этажа автобуса с нарисованными на нем фигурами. Каждая фигура была помечена цифрой. От единицы до девяти.

— Не мог бы кто-нибудь помочь мне? — спросил Колльберг.

— Почему нет,— спокойно сказал Меландер, подымаясь и откладывая трубку.

Фредрик Меландер был высокий худощавый мужчина, важный на вид, с методическим складом характера. Ему было сорок восемь лет, и он был старшим следователем стокгольмского уголовного розыска. Колльберг ранее работал вместе с ним несколько лет. Сколько именно, он не помнил. Зато Меландер никогда ничего не забывал.

Почти совсем седой человек лет пятидесяти осторожно приоткрыл дверь и нерешительно остановился на пороге.

— Что там у тебя, Эк? — спросил Мартин Бек.

— Я по поводу автобуса,— сказал седой.

Дверь открылась. Гюнвальд Ларссон недоверчиво обвел взглядом свой кабинет. Его светлый дождевик, брюки и русые волосы пропитались водой, ботинки были в глине.

— Черт, так что же удивительного в том автобусе? — спросил Меландер.

— А то, что как раз автобусы этого типа не ходят сорок седьмым маршрутом.

— Не ходят?

— То есть я хочу сказать, что они обслуживают другой маршрут. А там курсируют немецкие автобусы марки «Бюссинг». Также двухэтажные. Этот очутился на маршруте просто случайно.

— Великолепная ведущая нить,— сказал Гюнвальд Ларссон.— Маньяк, убивающий людей исключительно в английских автобусах. Ты это хочешь сказать?

Эк только посмотрел на него. Гюнвальд Ларссон отряхнулся и спросил:

— Кстати, что за стая обезьян толчется в коридоре?

— Журналисты,— сказал Эк.— Кто-то должен поговорить с ними.

— Только не я,— сразу заявил Колльберг.

— А Хаммар, или министр юстиции, или кто-то другой из высшего начальства не огласит коммюнике? — спросил Гюнвальд Ларссон.

— Оно, наверное, еще не сформулировано,— ответил Мартин Бек.

Гюнвальд Ларссон оглядел кабинет и большой волосатой рукой убрал с лица мокрые волосы.

— Кто-нибудь уже разговаривал с матерью Стенстрёма? — спросил он.

В комнате наступила мертвая тишина, как будто эти слова отняли речь у всех присутствующих, включая вопрошавшего.

Наконец Меландер повернул голову и сказал:

— Да, ей сообщили.

Занятые каждый своим делом, они не заметили, когда вошел Эйнар Рённ со списком убитых в автобусе. Гюнвальд Ларссон первым протянул руку за бумагой.

— Ага, сейчас посмотрим,— нетерпеливо сказал он и, бросив лишь взгляд на листок, возвратил список Рённу.— Такого бисера я отродясь не видывал. Читай сам.

Рённ вынул очки и откашлялся.

— Из восьми убитых четверо жили вблизи конечной остановки,—начал он.— И тот раненый тоже там живет.

— Будь добр по порядку, если можешь,— попросил Мартин Бек.

— Номер первый — водитель Густав Бенгтссон. Две пули в затылок. Ему было сорок восемь лет. Женат, имел двоих детей и проживал на Инедальсгатан, пять. Семья оповещена. Это был его последний рейс. Он должен был высадить пассажиров на конечной остановке, а потом отвести автобус до остановки Хорнсберге на Линдхагенсгатан. Кассу никто не ограбил, а в кошельке у водителя также было сто двадцать крон.

Рённ посмотрел на своих слушателей поверх очков:

— Пока что о нем все.

— Давай дальше,— сказал Меландер.

— Я буду придерживаться того порядка, что на схеме. Таким образом, дальше идет Оке Стенстрём. Убит пятью выстрелами в спину. Ему было двадцать девять лет, и жил он...

Гюнвальд Ларссон перебил его:

— Это можно пропустить. Мы знаем, где он жил.

— А я не знаю,— сказал Колльберг.

Рённ откашлялся.

— Он жил на Тьеровсгатан вместе со своей невестой...

Гюнвальд Ларссон вновь перебил его:

— Они не обручены. Я недавно спрашивал его.

Мартин Бек сердито посмотрел на него и кивнул Рённу, чтобы тот продолжал.

— Он жил с Осой Турелль, двадцати четырех лет, служащей в бюро путешествий.

Меландер вынул изо рта трубку и сказал:

— Ее оповестили.

Ни один из них не посмотрел на снимок обезображенного тела Стенстрёма. Они уже его видели и не хотели смотреть еще раз.

— В правой руке он держал служебный пистолет, сняв его с предохранителя, но ни разу не выстрелил. В кармане у него найден кошелек с тридцатью семью кронами, удостоверение личности, фотокарточка Осы Турелль, письмо от матери и несколько квитанций. А еще водительские права,

блокнот, ручки и ключи. Нам все это возвратят из лаборатории, когда закончат работу. Читать дальше?

— Да, пожалуйста,— молвил Колльберг.

— Девушку на сиденье рядом со Стенстрёмом звали Бритт Даниельссон. Ей было двадцать восемь лет, незамужняя, работала в больнице на Сабатсберге медсестрой.

— Интересно, не ехали ли они вместе, — сказал Гюнвальд Ларссон.— Не шастал ли Стенстрём слегка налево?

Рённ укоризненно посмотрел на него.

— Надо будет выяснить,— сказал Колльберг.

— Она жила на Карлбергсвеген, восемьдесят семь, вместе с другой медсестрой из Сабатсбергской больницы. По словам этой девушки, которую зовут Моника Гранхольм, Даниельссон возвращалась из больницы. Убита выстрелом в висок. Она единственная из всех жертв, которой досталась только одна пуля. В ее сумочке найдено тридцать восемь мелких предметов. Надо их перечислять?

— На кой черт? — сказал Гюнвальд Ларссон.

— Под четвертым номером в списке стоит Альфонс Шверин, тот, который остался жив. Он лежал навзничь между задними продольными сиденьями. Известно, что он одинокий и живет на Норра Сташунсгатан, сто семнадцать. Ему сорок три года, а работает он в одной дорожной конторе. Кстати, как он сейчас?

— До сих пор не пришел в сознание,— сказал Мартин Бек.— Врачи надеются, что он придет в себя, но не уверены, сможет ли он говорить.

— Ну а тот, в углу? Номер пять? — Бек показал пальцем на заднее сиденье в правом углу автобуса. Рённ заглянул в свои заметки.

— Мохаммед Бусси, алжирский подданный, тридцати шести лет. В Швеции родственников не имеет. Жил в своеобразном пансионате на Норра Сташунсгатан. Наверное, ехал с работы домой из «Зигзага» — гриль-ресторана на Васагатан. Это пока что о нем все.

— Араб? — переспросил Гюнвальд Ларссон.— Они любят у себя дома устраивать стрельбища.

— Твое политическое образование просто ошеломляет,— заметил Колльберг.— Тебе необходимо перейти на службу в полицию безопасности.

— Она называется государственной полицией по вопросам безопасности,— поправил его Гюнвальд Ларссон.

Рённ встал, вынул из кучи несколько фотографий, разложил их на столе и сказал:

— Этого парня не опознали. Номер шесть. С крайнего сиденья сразу за средней дверью. В карманах у него были коробок спичек, пачка сигарет и тысяча восемьсот двадцать три кроны разными купюрами. Это все.

— Много денег,— задумчиво сказал Меландер.

Мартин Бек подошел к схеме автобуса на стене.

— Я вот думаю, не было ли их двое?

Все заинтересованно посмотрели на него.

— Кого? — спросил Гюнвальд Ларссон.

— Тех, что стреляли. Посмотрите, как все жертвы послушно сидят на своих местах. Кроме того, что остался жив и мог уже потом упасть с сиденья.

Колльберг поднялся и стал около Мартина Бека.

— Ты думаешь, что кто-нибудь успел среагировать, если бы стрелял только один? Да, возможно. Но он же просто скосил их. За одно мгновение, а если еще представить себе, как они, наверное, были ошеломлены...

— Будем дальше читать список? Ведь скоро мы все равно узнаем, сколько там было орудий убийства — одно или больше.

— Разумеется,— сказал Мартин Бек.— Продолжай, Эйнар.

— Под номером седьмым у нас Йон Чельстрём, ремесленник. Он сидел около того, который до сего времени не опознан. Ему пятьдесят два года, женат, жил на Карлбергсвеген, восемьдесят девять. Жена сказала, что возвращался из мастерской на Сибиллегатан, где работал сверхурочно. Стало быть, обыкновенный пассажир.

— Если не считать того, что ему начинили живот свинцом,— заметил Ларссон.

— Около окна перед средней дверью сидел Эста Ассарссон, номер восемь. Сорока двух лет. Он жил на Тегнергатан, сорок, там размещается также его контора и предприятие — экспортно-импортная фирма, которую он возглавлял вместе с братом. Жена не знает, почему он оказался в этом автобусе. Говорит, что он в то время уже должен был быть на каком-то собрании на Нарвавеген.

— Ага,— молвил Гюнвальд Ларссон.— Ступил на запретную стезю.

— Похоже на то. В портфеле у него была бутылка виски «Джонни Уокер», черная этикетка.

Приоткрылась дверь, и заглянул Эк:

— Хаммар просит, чтоб через четверть часа все пришли к нему. Обсуждение дела. Следовательно, без четверти одиннадцать.

Он закрыл дверь.

— О'кэй, пойдем дальше,— сказал Мартин Бек.

— На два места впереди Ассарссона сидел номер девятый, фру Хильдур Йоханссон, шестидесяти восьми лет, вдова, которая проживала на Норра Сташунсгатан, сто девяносто. У нее замужняя дочь на Вестманнагатан, фру Йоханссон и нянчила там ребенка. Автобусом возвращалась домой.

Рённ сложил лист и спрятал его в карман пиджака.

— Это все,— сказал он.

Гюнвальд Ларссон вздохнул и разложил фотографии на девять аккуратных кучек.

Меландер вынул изо рта трубку, что-то проворчал и вышел из комнаты.

Колльберг, раскачиваясь на стуле, сказал:

— Ну и что мы узнали? Что в обычный день во вполне обыкновенном автобусе девятеро обычных людей без какой-либо понятной причины скошены автоматическим пистолетом. Если не считать неопознанного парня, я не вижу чего-то особенного в каждом из этих людей.

— Нет, про одного из них нельзя этого сказать,— молвил Мартин Бек.— Про Стенстрёма. Что он делал в том автобусе?

Через час Хаммар обратился с этим самым вопросом к самому Мартину Беку.

Хаммар собрал у себя специальную следственную группу, которая отныне должна была заниматься только убийством в автобусе. Мартин Бек и Колльберг также входили в нее.

Они обсудили собранные до сего времени факты, попытались проанализировать ситуацию и распределили задания. После того как все, кроме Мартина Бека и Колльберга, разошлись, Хаммар спросил:

— Что Стенстрём делал в этом автобусе?

— Не знаю,— ответил Мартин Бек.

— Кажется, никто даже не знает, чем он вообще занимался в последнее время. Или, может, вы знаете?

Колльберг пожал плечами.

— Не представляю себе,— сказал он.— Выполнял ежедневные обязанности.

— В последнее время у нас было мало дела,— молвил Мартин Бек.— Поэтому Стенстрём достаточно часто был свободен. А до этого он много работал сверхурочно, так что мог себе позволить погулять.

Хаммар с минуту задумчиво стучал пальцами по столу. Наконец он спросил:

— Кто связывался с его невестой?

— Меландер,— ответил Колльберг.

— Думаю, что вам необходимо как можно быстрее поговорить с нею обстоятельнее,— сказал Хаммар.— По крайней мере, она может знать, куда он ехал.

Он умолк на мгновение и добавил:

— Если, конечно...

Он вновь умолк.

— Что? — спросил Мартин Бек.

— Если у него ничего нет с той медсестрой в автобусе. Ты это хотел сказать? — спросил Колльберг.

Хаммар ничего не сказал.

— Либо у него было какое-то поручение, либо что-нибудь подобное,— сказал Колльберг.

Хаммар кивнул.

— Вот и выясняйте.

Продолжение следует

Перевел со шведского
СТ. НИКОНЕНКО

МАЙ ШЕВАЛЛЬ и ПЕР ВАЛЕ

В ТУПИКЕ

Роман

На третьем этаже Кристиансона и Кванта встретил Колльберг. Он хмуро кивнул им, потом открыл одну дверь и сказал:

Гюнвальд, пришли те два типа из Сольны.

Пусть зайдут,— послышался голос из комнаты.

Они зашли и сели. Гюнвальд Ларссон критически оглядел их. Оба полицейских чувствовали, что их ожидает неприятный разговор.

Продолжение. Начало в № 3.

Гюнвальд Ларссон минуту помолчал. Потом спросил:

— Давно вы работаете в полиции?

— Восемь лет,— ответил Квант.

— Вы умеете читать?

— Конечно,— ответил Кристиансон.

— Тогда читайте.— Гюнвальд Ларссон подвинул бумажку по столу.

— Вы понимаете, что там написано? Или вам пояснить?

Кристиансон покачал головой.

— Я все же поясню,— сказал Гюнвальд Ларссон.— Это предварительный рапорт обследования места преступления. Из него следует, что две личности, которые носят сорок шестой размер обуви, оставили там после себя сотни отпечатков ног по всему автобусу, и наверху и внизу. Кто, по-вашему, те две личности?

Ответа не последовало.

— Чтоб вам было понятнее, добавлю: несколько минут назад я разговаривал с экспертом лаборатории, и он сказал, что на месте преступления словно целый день резвилось стадо гиппопотамов.

У Кванта лопнуло терпение, и он злым взглядом уставился на Ларссона.

— Вот только гиппопотамы не носят оружия,— мягко продолжал дальше Гюнвальд Ларссон.— А между тем в автобусе кто-то стрелял из вальтера калибра семь и шестьдесят пять сотых миллиметра, а если говорить точнее, стрелял с передней лестницы вверх. Кто, по-вашему, там стрелял?

Рисунки Г. НОВОЖИЛОВА

— Мы,— сказал Кристианссон.— Вернее, я.

— Неужели? А зачем?

— То был предостерегающий выстрел,— ответил Квант.

— Для кого?

— Мы думали, что убийца может прятаться в автобусе на втором этаже,— сказал Кристианссон.

— Но там же никого не было! Вы добились только одного: напрочь стерли все следы в этом проклятом автобусе! Не говорю о следах на улице! И чего было еще толочься возле трупов?

— Чтоб посмотреть, нет ли там живых,— пояснил Кристианссон.

Открылась дверь, и вошел Мартин Бек. Кристианссон сразу поднялся, а за ним и Квант.

Мартин Бек кивнул им и вопросительно посмотрел на Гюнвальда Ларссона.

— Это ты так кричишь? Ругань теперь не поможет.

— Поможет,— ответил Гюнвальд Ларссон.— Это конструктивная ругань.

— Конструктивная?

— Конечно, потому что эти два олуха... Эти двое коллег — наши единственные свидетели. Вы слышите? Когда вы прибыли на место преступления?

— В одиннадцать часов тринадцать минут,— сказал Квант.

— А я сидел именно здесь, где сижу сейчас,— сказал Гюнвальд Ларссон.— Мне позвонили в восемнадцать минут двенадцатого. Даже если учтем, что вы возились с радио полминуты и что радиостанция, пока связалась со мною, затратила пятнадцать секунд, все равно остается больше четырех минут. Что вы делали все это время?

— Да...— начал Квант.

— Конечно, вы носились вокруг как зачумленные крысы!

— Не вижу в твоих словах ничего конструктивного,— начал Мартин Бек, но Гюнвальд Ларссон перебил его:

— Погоди. Эти болваны, на протяжении четырех минут уничтожавшие следы на месте преступления, все-таки в самом деле прибыли в тринадцать минут двенадцатого. И не по собственной воле, а поскольку им сообщил о несчастье человек, имени которого они, видите ли, не записали, и мы б его, наверное, не нашли, если бы он сам любезно не пришел сегодня к нам. Ну, так когда вы увидели человека с собакой?

— Приблизительно за две минуты до того, как мы подъехали к автобусу,— сказал Кристианссон, глядя на свои ботинки.

— Выходит, что вы узнали о несчастье в десять или одиннадцать минут двенадцатого. На каком расстоянии от автобуса остановил вас тот человек?

— Приблизительно метров за триста,— сказал Квант.

— Сходится,— сказал Гюнвальд Ларссон.— А поскольку тому человеку семьдесят лет и он тащил за собой больную таксу...

— Я наконец начинаю понимать твою мысль,— сказал Мартин Бек.

— Так вот. Я велел старику пробежать это расстояние. С собакой и при всем параде. Он пробежал его три раза. Выходит, что человек увидел остановившийся автобус не позже седьмой минуты двенадцатого. А мы знаем почти точно, что убийство произошло минуты за три-четыре перед тем.

— Откуда вы знаете? — в один голос спросили Кристианссон и Квант.

— Это вас не касается,— молвил Гюнвальд Ларссон.

— По часам следователя Стенстрёма,— пояснил Мартин Бек.— Одна пуля разбила корпус его часов, и согласно экспертизе они сразу остановились. Они показывали три минуты и тридцать семь секунд двенадцатого. Стенстрём был очень пунктуален. А это означает, что его часы шли точно. Давай дальше, Гюнвальд.

— Свидетель шел по Норрбаккагатан от Карлбергсвеген. Автобус обогнал его в начале улицы. Он затратил около пяти минут, чтобы дойти до конца улицы. Автобус преодолел это расстояние приблизительно за сорок пять секунд. На улице человек не встретил никого. Дойдя до угла, он увидел остановившийся автобус на другой стороне улицы.

— Ну и что из этого? — молвил Квант.

— Помолчи,— сказал Гюнвальд Ларссон.— Свидетель не заметил, что окна разбиты, на что не обратили внимания и эти два феномена, когда наконец доползли туда. Зато заметил, что передняя дверь открыта. Свидетель подумал, что произошел какой-то несчастный случай, и поспешил за помощью. Он очень хорошо рассчитал, что быстрее дойдет до конечной остановки, чем сможет выбраться назад на Норрбаккагатан, в гору, и помчался по Норра Сташунсгатан, в южном направлении.

— Почему? — спросил Мартин Бек.

— Потому что надеялся застать на конечной остановке еще один автобус. Автобуса там не было. Но, к несчастью, он встретил полицейскую машину.

Гюнвальд Ларссон окинул Кристианссона и Кванта убийственным взглядом.

— Встретил радиопатруль из Сольны, который свернул за границу своего района на расстояние брошенного камня. Ну так сколько вы стояли с заведенным мотором, переехав передними колесами через границу города?

— Три минуты,— ответил Квант.

— Скорее четыре или пять,— поправил его Кристианссон.

— И видели кого-нибудь на улице?

— Нет,— ответил Кристианссон.— Никого не видели, пока не появился человек с собакой.

— Таким образом, это свидетельствует, что убийца не мог убежать ни по Норра Сташунсгатан, ни на юг, по Норрбаккагатан. Если отбросить, что он прошмыгнул на подворье товарного склада, то остается одна возможность — Норра Сташунсгатан в противоположном направлении.

— А как... откуда вы знаете, что он не спрятался на территории товарного склада? — спросил Кристианссон.

— Это единственное место, где вы не затоптали всего, что можно увидеть.

— О'кэй, Гюнвальд, ты победил,— сказал Мартин Бек.— Браво! Только ты, как всегда, страшно долго все объясняешь.

Эти слова ободрили Кристианссона и Кванта, и они с облегчением переглянулись. Но Гюнвальд Ларссон сразу же сказал:

— Если б в ваших башках было хоть немного ума, вы бы сели в машину, погнались за убийцей и поймали его.

— Или сами погибли,— мрачно молвил Кристианссон.

Гюнвальд Ларссон смерил его презрительным взглядом.

— Теперь надо подумать,— энергично заявил Гюнвальд Ларссон, захлопнув дверь.— Совещание у Хаммара ровно в три.

Мартин Бек, сидевший с телефонной трубкой возле уха, сердито посмотрел на него, а Колльберг проворчал:

— Чего бы ты хотел?

Ларссон не ответил.

Колльберг проследил взглядом, пока тот не отошел от него, и снова уселся за стол.

Мартин Бек положил трубку.

— Чего ты сердишься? — сказал он.

Он поднялся, собрал свои бумаги и подошел к Колльбергу.

— Звонили из лаборатории. Они насчитали там шестьдесят восемь стреляных гильз.

— Какого калибра? — спросил Колльберг.

— Шестьдесят семь — девятимиллиметровые.

— А шестьдесят восьмая?

— Из вальтера калибра семь и шестьдесят пять сотых миллиметра.

— Выстрел Кристианссона в крышу,— констатировал Колльберг.

— Именно так.

— Следовательно, по крайней мере, выходит, что стрелял, наверное, только один сумасшедший,— сказал Гюнвальд Ларссон.

— Выходит, так,— согласился Мартин Бек.

Он подошел к схеме и обвел линией площадку у задней двери автобуса.

— Да,— сказал Колльберг.— Он должен был стоять там.

— Это объясняет, почему Стенстрём не успел выстрелить,— сказал Мартин Бек.

Гюнвальд Ларссон и Колльберг изумленно посмотрели на него.

В комнату ворвался Хаммар в сопровождении Эка и представителя прокуратуры.

— Займемся реконструкцией,— энергично сказал он.— Отключите все телефоны. Вы готовы?

Мартин Бек угрюмо посмотрел на него. Точно так же врывался в комнату Стенстрём, неожиданно, без стука.

— Что там? Вечерние газеты? — спросил Гюнвальд Ларссон.

— Да,— ответил Хаммар.— Весьма бодрящие.

Неприязненно глядя на газеты, он разложил их на столе.

— «Это преступление столетия»,— говорит выдающийся специалист по расследованию убийств Гюнвальд Ларссон»,— начал цитировать Хаммар.— «Самое ужасное зрелище из всех, которые мне довелось видеть в своей жизни». Два восклицательных знака.

Гюнвальд Ларссон откинулся на стуле и недовольно насупил брови.

— Ты оказался в хорошем обществе,— заметил Хаммар.— Министр юстиции тоже сказал свое слово: «Надо остановить этот девятый вал беззакония и преступности. Полиция мобилизовала все людские и технические ресурсы, чтобы немедленно поймать убийцу».

Он окинул взглядом комнату и сказал:

— Вот это и есть все ресурсы.

Мартин Бек улыбнулся.

— «Уже теперь сотня наиспособнейших криминалистов со всей страны принимает непосредственное участие в следствии,— продолжил Хаммар.— Такого размаха еще не знала история отечественной криминалистики».

Он швырнул газеты на стол и спросил:

— Где Меландер?

— Разговаривает с психологами,— ответил Колльберг.

— А Рённ?

— В больнице.

— Есть оттуда какие-либо новости?

Мартин Бек покачал головой и сказал:

— Раненого все время оперируют.

— Воспроизведем ситуацию.

Колльберг покопался в своих бумагах и начал:

— Автобус вышел из Бельльмансру приблизительно в десять.

— Приблизительно?

— Да, весь график городского транспорта нарушился из-за демонстрации на Странвеген. Автобусы стояли либо потому, что были забиты улицы, или потому, что полиция их не пускала, и так опаздывали, что водителям приказали не придерживаться графика и сразу возвращаться, как доедут до конечной остановки. Мы исходили из предположения, что, наверное, найдутся люди, которые ехали до какой-то остановки как раз этим автобусом. Но до сего времени у нас нет ни одного свидетеля.

— Появятся,— сказал Хаммар. Он показал на газеты и добавил: — После этого.

— Часы Стенстрёма остановились в двадцать три часа, три минуты и тридцать семь секунд,— монотонно продолжал Колльберг.— Есть основания допустить, что именно в это время и раздались выстрелы.

— Первые или последние? — спросил Хаммар.

— Первые,— сказал Мартин Бек.

Он обернулся к схеме на стене и показал пальцем на линию, которой обвел заднюю дверь автобуса.

— Мы считаем, что тот, кто стрелял, стоял здесь,— сказал Бек.— На площадке против дверей.

— Из чего ты сделал такой вывод?

— Из направления полета пуль. Из того, как лежали гильзы.

— Так. Дальше.

— Мы считаем также, что преступник дал три очереди. Первую слева направо и поразил ею несколько лиц, которые сидели в передней части автобуса, тех, которые на схеме обозначены номерами один, два, три, восемь и девять. Единица — это водитель, а двойка — Стенстрём.

— А потом?

— Потом он обернулся, наверное, направо и второй очередью застрелил четыре лица в задней части автобуса, опять-таки слева направо. Он убил номера пять, шесть и семь и ранил номер четыре, то есть Шверина. Шверин лежал навзничь в проходе сзади. Мы объясняем это тем, что он сидел на продольном сиденье с левой стороны и успел подняться. Следовательно, его зацепил последний выстрел.

— А третья очередь?

— Вновь вперед, на этот раз справа налево,— сказал Мартин Бек.

— Минутку,— перебил его Хаммар.— Сколько времени необходимо было на эту стрельбу? Выпустить очередь вперед, обернуться, выстрелить назад, вновь направить оружие вперед и заново зарядить его?

— Поскольку мы еще точно не знаем, какое оружие было у преступника...— начал было Колльберг, но Гюнвальд Ларссон перебил его:

— Около десяти секунд.

— Как он выбрался из автобуса? — спросил Хаммар.

Мартин Бек кивнул Эку и сказал:

— Это твое задание. Прошу.

Эк пригладил седые волосы, откашлялся и начал:

— Открыта была передняя входная дверь. Вероятнее всего, что убийца вышел через нее. Но чтобы открыть ее, ему сначала надо было пройти по салону, протянуть руку над водителем и повернуть ручку.

Эк снял очки, протер их платочком и подошел к схеме.

— Здесь изображен автомат для открытия дверей. Ручка, которая открывает и закрывает двери, размещается слева от руля, впереди, и немного наискосок от бокового окна и может иметь пять разных положений.

— Что-то я не могу понять,— сказал Гюнвальд Ларссон.

— В горизонтальном положении, или в первом, обе двери закрыты,— спокойно продолжал дальше Эк.— В положении втором, одно движение вверх, открывается задняя дверь, в положении третьем, два движения вверх, открываются обе двери. Ручка поворачивается также вниз, положения четвертое и пятое. Одно движение вниз — открывается передняя дверь, два вниз — вновь-таки открываются обе двери.

— Подытожим,— сказал Хаммар.

— Итак,— сказал Эк. — Человек, стрелявший от задних дверей, должен был пройти к переднему сиденью, наклониться над водителем, который лежал на руле, и повернуть ручку в положение четвертое. Тогда открылась передняя дверь, именно та, которая осталась открытой, когда прибыла полиция.

Мартин Бек сразу ухватился за нитку.

— И в самом деле, есть признаки, которые показывают, что последние выстрелы были сделаны тогда, когда преступник двигался по проходу в переднюю часть автобуса.

— Чисто окопная тактика,— заметил Гюнвальд Ларссон.— Круговая.

— Гюнвальд минуту тому назад весьма метко прокомментировал, что он ничего не понимает,— сухо сказал Хаммар.— Это свидетельствует о том, что преступник был ознакомлен с автобусом, разбирался в его приспособлениях.

— По крайней мере, умел открывать двери,— уточнил Эк.

В комнате наступила тишина. Хаммар наморщил лоб. Наконец он сказал:

— Следовательно, вы считаете, что кто-то встал посреди автобуса, перестрелял всех, после чего пошел себе прочь? И никто не среагировал? И водитель ничего не заметил в зеркальце?

— Нет,— сказал Колльберг.— Не совсем так.

— А как?

— Кто-то сошел задней лестницей с верхнего этажа автобуса со снятым с предохранителя автоматом,— сказал Мартин Бек.

— Кто-то, кто сидел там какое-то время один,— прибавил Колльберг.— Кто-то, кто выжидал удобного момента.

— Водитель может знать, что на втором этаже есть пассажиры? — спросил Хаммар.

— На лестнице вмонтирован фотоэлемент,— ответил Эк.— Он передает сигнал на счетчик, который размещается на щитке управления. После каждого, кто проходит наверх передней лестницей, счетчик прибавляет единицу. Таким образом, водитель все вре-

мя знает, сколько пассажиров сидит наверху.

— А когда автобус остановился, счетчик показывал нуль?

— Да.

Хаммар немного помолчал, затем сказал:

— Уж очень все кажется продуманным. Сумасшедший убийца так обстоятельно не может планировать своих поступков.

— Неужели? — сказал Гюнвальд Ларссон.— А тот сумасшедший в Америке в прошлом году застрелил с башни свыше тридцати человек. И точно все рассчитал. Даже взял себе еду.

— Да,— сказал Хаммар,— но одного он не рассчитал.

— Чего именно?

— Как оттуда выбраться,— ответил за Хаммара Мартин Бек.

Через семь часов, в десять вечера, Мартин Бек и Колльберг все еще сидели в Доме полиции на Кунгсхольмсгатан.

Следствие не стронулось с места. Раненый, находящийся в Каролинской больнице, был все в таком же тяжелом состоянии.

После полудня заявили о себе двадцать свидетелей. Как выяснилось, девятнадцать из них ехали другими автобусами. Остался единственный свидетель, восемнадцатилетняя девушка, которая села на площади Нюбру и проехала две остановки, а там пересела в метро. Она сказала, что с нею вышли из автобуса еще несколько пассажиров. Водителя она опознала, но это было все.

Колльберг нервно ходил взад и вперед, все время поглядывая на дверь, словно надеялся, что вот сейчас она дернется и кто-то ворвется в комнату.

Мартин Бек стоял перед схемой на стене. Он заложил руки за спину и покачивался с носков на пятки — эту привычку он приобрел давно, еще когда был патрульным полицейским, и никак не мог от нее избавиться.

В этот миг в комнату вошел Хаммар.

— Завтра получите пополнение. Новые силы. Из провинции.— Хаммар сделал короткую паузу. Затем многозначительно добавил: — Это считается необходимым.

— Кого? — спросил Колльберг.

— Завтра прибудет какой-то Монссон из Мальмё. Вы его знаете?

— Я встречал его,— сказал Мартин Бек, не обнаруживая никакого энтузиазма.

— Я тоже,— сказал Колльберг.

— А еще они хотят направить к нам Гуннара Альберга из Муталы.

— Парень что надо,— вяло сказал Колльберг.

— О других я не знаю,— сказал Хаммар.— Кто-то, кажется, приедет из Сундсвала.

— Ладно,— сказал Мартин Бек.

— Если, конечно, вы сами не разгрызете этого орешка раньше,— угрюмо сказал Хаммар.

— Конечно,— сказал Колльберг.— Что мы имеем? Факты свидетельствуют о том, что вчера вечером кто-то застрелил в автобусе девять человек. И что преступник, следуя известному международному примеру сенсационных массовых убийств, не оставил никаких следов, поэтому его не поймали. Он, конечно, мог наложить на себя руки, но если это и сделал, то мы ничего не знаем. У нас две существенные путеводные нити: пули и гильзы могут привести нас к оружию, которым пользовался убийца, а раненый может прийти в сознание и сказать, кто стрелял. Поскольку он сидел в самом конце автобуса, то мог видеть убийцу.

— Так,— сказал Хаммар.

— Это немного,— молвил Колльберг.— А особенно если Шверин умрет или окажется, что он утратил память. Он очень тяжело ранен. Мы, например, не знаем причины преступления. У нас нет ни одного порядочного свидетеля.

— Свидетель еще может найтись,— сказал Хаммар.— А причину убийства не трудись искать. Массовые убийства совершают психопаты, а основанием для этого часто служат их болезненные представления.

— Вот как? — сказал Колльберг.— Меландер знакомится с научной стороной дела. Наверное, скоро у него будут выводы.

— Наш лучший шанс...— сказал Хаммар и посмотрел на часы.

— Это внутренний розыск,— докончил за него Колльберг.

— Именно так. Из десяти случаев девять кончаются изобличением преступника. Не засиживайтесь долго. Это ничего не даст. Лучше, чтобы вы завтра были хорошо выспавшимися. Спокойной ночи.

Хаммар ушел, и в комнате наступила тишина. Через несколько секунд Колльберг, вздохнув, сказал:

— Что, собственно, с тобой творится?

Мартин Бек не ответил.

— Стенстрём? Да, конечно. Подумать только, сколько я этого парня ругал за все годы! А теперь он убит.

— На подмогу к нам прибывает Монссон,— сказал Мартин Бек.— Ты его помнишь?

Колльберг кивнул.

— Человек с зубочисткой,— сказал он.— Вообще-то я не верю в целесообразность массового поиска. Было бы лучше, если мы одни занимались расследованием. Ты да я и еще Меландер.

— Ну, Альберг, во всяком случае, неплох.

— Без сомнения,— сказал Колльберг.— Но сколько убийств он мог расследовать в Мутале за последние десять лет?

— Одно.

— Вот именно.

Вновь наступила тишина. Потом Мартин Бек посмотрел на Колльберга и спросил:

— Что делал Стенстрём в том автобусе?

— Вот именно,— сказал Колльберг.— Какого черта ему было там находиться? Может, из-за девушки? Той медсестры?

— И брать на свидание оружие?

— Возможно. Чтобы придать себе солидности.

— Он был не из таких,— сказал Мартин Бек.

— Однако он часто таскал с собой пистолет. Чаще, чем ты, уже не говоря обо мне.

— Да. Когда был на службе.

— Я видел его только на службе,— сказал Колльберг сухо.

— Я тоже. Но нет сомнения в том, что он погиб первым в проклятом автобусе. А все же успел расстегнуть две пуговицы плаща и вытянуть пистолет.

— Это свидетельствует о том, что он их расстегнул заранее,— задумчиво сказал Колльберг.— Необходимо учесть.

— Да.

— Хаммар что-то такое говорил на сегодняшнем воспроизведении ситуации.

— Да,— сказал Мартин Бек.— Он говорил, что в нашей версии что-то не вяжется: сумасшедший не действует с таким подробно разработанным планом.

— И какие отсюда следуют выводы?

— Стрелявший не сумасшедший, или скорее это убийство не ставило целью вызов сенсации.

— Чушь! — Колльберг сердито передернул плечами.— Стрелял, конечно, какой-то психопат. Из всего, что мы знаем, можно сделать один вывод: он теперь сидит перед телевизором и наслаждается эффектом. То, что Стенстрём был вооружен, ничего не доказывает, поскольку мы не знаем его привычек. Возможно, он был в обществе той медсестры или ехал в какой-то ресторанчик или к приятелю. Может, он поссорился со своей невестой или поругался с матерью и ездил автобусом, так как идти в кино было уже поздно, а больше было некуда деваться.

— По крайней мере, все это можно проверить,— сказал Мартин Бек.

— Да. Завтра. Но есть одна вещь, которую надо сделать немедленно. Прежде, чем ее сделает кто-то другой.

— Осмотреть его письменный стол в Вестберге,— сказал Мартин Бек.

— Просто поразительно, как ты умеешь делать выводы,— сказал Колльберг.

Он запихнул галстук в карман и начал одеваться.

Дождя не было, но стоял туман, и ночной иней припорошил деревья и крыши домов. Видимость была плохая, и Колльберг тихонько ругался, когда машину заносило на поворотах. За всю

дорогу до полицейского участка в южном районе города они перебросились только двумя фразами. Колльберг спросил:

— Как ты думаешь, те, которые совершают массовые убийства, уже были преступниками и раньше?

— Сплошь да рядом. Но далеко не всегда,— ответил Мартин Бек.

В участке на Вестберге было тихо и безлюдно, они молча перешли вестибюль, поднялись по лестнице, на втором этаже нажали на соответствующие кнопки цифрового замка и зашли в кабинет Стенстрёма.

Колльберг на мгновение заколебался, затем сел и потянул за ящики. Они были не заперты.

Комната была совершенно лишена каких-либо особых примет. Только на подставке для ручек лежали две фотографии Стенстрёма. Мартин Бек знал почему. Стенстрём впервые за много лет должен был получить свободные дни на рождество и Новый год. Он намеревался поехать на Канарские острова, даже заказал билеты на самолет. Фотографии он сделал для нового паспорта.

«Вот и поехал»,— подумал Мартин Бек, глядя на фотографии.

Стенстрём казался моложе своих двадцати девяти лет. У него был ясный, открытый взгляд, зачесанные назад темно-каштановые волосы, которые даже на фотографии казались немного непослушными.

Когда он только что пришел к ним в отдел, кое-кто из сотрудников посчитал его несколько наивным и ограниченным. Такого мнения придерживался и Колльберг, который часто подтрунивал над новым сотрудником. Но это было раньше. Мартин Бек вспомнил, как они однажды поссорились с Колльбергом из-за Стенстрёма. Мартин тогда спросил:

— Какого черта ты все время цепляешься к парню?

И Колльберг ответил:

— Чтоб сломать его показную самоуверенность и дать ему возможность приобрести настоящую. Чтобы он стал хорошим полицейским.

Может быть, у Колльберга были тогда основания. По крайней мере, Стенстрём с годами стал хорошим полицейским, трудолюбивым и достаточно сообразительным. Внешне он был настоящим украшением полиции — красивый, с приятными манерами, натренированный, спортсмен. Хоть бери его и снимай для рекламного плаката, чего нельзя было сказать о многих других. Например, об обросшем жиром Колльберге. Или о стоике Меландере, внешний вид которого не противоречил тезису, что самые нудные люди часто бывают наилучшими полицейскими. Или о красноносом, неказистом Рённе или Гюнвальде Ларссоне, который мог на кого угодно нагнать страху своим гигантским ростом и грозным взглядом. Или о нем самом, Мартине Беке. Он вчера вечером посмотрел на себя в зеркало и увидел длинную, понурую фигуру с худым лицом, широким лбом, крепкими скулами и недовольными серыми глазами.

Обо всем этом Мартин Бек думал, глядя на предметы, которые Колльберг один за другим вытягивал из ящиков и складывал на стол.

С тех пор как Стенстрём положил на полку служебную фуражку и продал давнему приятелю из полицейской школы свою форму, он работал под руководством Мартина Бека. За пять лет он научился практически всему, что должен знать сотрудник полиции, возмужал, преодолел неуверенность и робость, оставил свою комнату в отцовском доме, а затем поселился вместе с женщиной, на которой, по его словам, думал жениться. В это время умер его отец, мать переехала в Вестманланд.

Мартин Бек должен был знать о Стенстрёме почти все, но на самом деле его знания были ограниченными.

Порядочный парень. Честолюбивый, настойчивый, ловкий и сообразительный. А с другой стороны — немного робкий, все еще несколько

наивный, совсем лишен боевого запала, к тому же довольно неуравновешенный. Но кто не без этого?

Может быть, у него был комплекс неполноценности? Например, перед Гюнвальдом Ларссоном, который когда-то за пятнадцать секунд вывалил ногой дверь и одним махом сбил с ног сумасшедшего буяна, вооруженного топором. А Стенстрём стоял в двух метрах и взвешивал, что ему делать.

Почему он так мало знал о Стенстрёме? Потому что был недостаточно наблюдателен? Или потому, что нечего было знать?

Мартин Бек, растирая кончиками пальцев кожу на голове, изучал то, что Колльберг выкладывал на стол. Они молча пересматривали бумаги, быстро, но внимательно. Среди них не было ни одной, которой бы они не смогли сразу распознать и догадаться, к чему она относится. Все заметки и документы были связаны с теми делами, которые в свое время вел Стенстрём и которые они хорошо знали.

Наконец осталась только одна вещь — серый конверт большого формата, запечатанный и довольно толстый.

Колльберг повертел его в руках.

— Очень старательно заклеен.

Он пожал плечами, взял нож для бумаг и разрезал конверт.

— Ага,— сказал Колльберг.— Я не знал, что Стенстрём увлекался фотографией.

Он перелистал пачку снимков, потом разложил их перед собой.

— Это его невеста,— почти беззвучно сказал Мартин Бек.

— Ну да, конечно, но я не догадывался, что у него такой изысканный вкус.

Мартин Бек по обязанности начал пересматривать фотографии, хотя и с некоторым неприятным чувством, которое он всегда испытывал, когда ему приходилось вторгаться в то, что в большей или меньшей степени касалось частной жизни другого человека. Это было непроизвольное чувство, врожденное, и даже после двадцатилетней службы в полиции он от него не избавился.

Колльберг не испытывал таких сомнений. К тому же он был чувственным.

— Она дьявольски хороша! — восторженно сказал он, продолжая просматривать снимки.

— Что ж, завтра ты сможешь увидеть ее воочию,— сказал Мартин Бек.

— Да,— сразу погрустнел Колльберг.— Не очень веселая будет встреча.

Он собрал фотографии и сложил их в конверт.

Они потушили свет и вышли из кабинета.

— Кстати, как тебя вчера вызвали на Норра Сташунсгатан? — спросил Мартин Бек уже в машине.— Гюн не знала, где ты, когда я позвонил, а ты прибыл туда раньше меня.

— Совсем случайно. Когда мы попрощались, я еще пошел бродить по городу и на Сканстуллсбру встретил радиопатруль с двумя парнями, которые меня узнали. Их как раз оповестили по радио, и они повезли меня туда. Я оказался там одним из первых.

Когда поезд метро остановился на станции «Шермарбринк», Колльберг уже ожидал на перроне. У них с Беком была привычка всегда садиться в последний вагон, в результате они часто встречались, даже не договариваясь заранее.

Они вышли на площадь Медборгар и направились по Фолькунгагатан. Было уже десять минут десятого, и сквозь тучи выглядывало бледное солнце.

За углом, когда они уже свернули на Эстётагатан, Колльберг спросил:

— Не слыхал, как там с раненым?

— Перед выходом я звонил в больницу. Операция удалась настолько, что Шверин еще жив. Но все еще без сознания, и врачи ничего не могут сказать об исходе.

— А есть надежда, что он придет в сознание?

Мартин Бек пожал плечами.

— Кто его знает. Будем надеяться.

Они шли по Черховсгатан, пока достигли дома номер восемнадцать.

На табличке жильцов внизу стояла фамилия «Турелль», но на дверях квартиры на втором этаже была прибита белая карточка с надписью тушью: «Оке Стенстрём».

Открыла им невысокая девушка, Мартин Бек по служебной привычке отметил, что ее рост — метр шестьдесят.

— Заходите,— сказала она, закрывая за ними дверь.

Голос у нее был низкий и хрипловатый.

Оса Турелль была одета в узкие черные брюки и голубую вязаную спортивную рубашку.

Она молча выжидательно постояла, пока Мартин Бек и Колльберг пристраивали на полочке шляпы рядом со старой фуражкой Стенстрёма и вешали плащи. Затем все пошли в комнату.

Оса Турелль села в кожаное кресло и поджала под себя ноги. Она показала на два стула, и Мартин Бек с Колльбергом тоже сели. Пепельница на длинном столике была полна окурков.

— Думаю, вы понимаете, что нам непременно надо как можно быстрее поговорить с вами,— сказал Мартин Бек.

Оса Турелль ответила не сразу. Она взяла сигарету и глубоко затянулась. Ее рука чуть дрожала.

— Да, я понимаю,— наконец сказала она.— Это хорошо, что вы пришли. Я сижу в этом кресле с тех пор... ну, когда мне сказали... Все сижу и стараюсь понять... стараюсь понять, что это правда...

Ни Мартин Бек, ни Колльберг не знали, что сказать. В воздухе висела гнетущая тишина. Наконец Колльберг откашлялся и глухим голосом проговорил:

— Фрёкен Турелль, можно вас спросить кое-что о Стенстр... об Оке?

Оса Турелль медленно подняла на него взгляд.

— Скажите мне, как все это произошло? — спросила она.

— О'кэй,— ответил Мартин Бек и закурил сигарету.

— А куда Оке ехал? — выслушав его рассказ, спросила Оса.— Почему он оказался именно в этом автобусе?

Колльберг посмотрел на Мартина Бека и сказал:

— Мы надеялись узнать об этом у вас.

Оса Турелль покачала головой.

— Я не имею никакого представления.

— А вы не знаете, что он делал раньше, в течение дня? — спросил Мартин Бек.

Она с удивлением посмотрела на него.

— Он целый день работал. Вы же должны были знать, какая у него работа.

Мартин Бек какую-то минуту колебался, потом сказал:

— Последний раз я видел его в пятницу. Он заходил на работу перед обедом.

Она встала и прошлась по комнате.

— Но он же работал и в субботу и в понедельник. Мы вышли вместе в понедельник утром. А вы тоже не видели Оке в понедельник?

Она посмотрела на Колльберга. Тот покачал головой и спросил:

— Он не говорил, что поедет на Вестберг? Или на Кунгсхольмсгатан?

Оса минуту подумала.

— Нет, не говорил ничего. У него было какое-то дело в городе.

— Разве он никогда не рассказывал о своей работе? — спросил Мартин Бек.

— Рассказывал. Но о последнем задании он молчал. Я даже удивилась. Обычно он рассказывал о разных случаях, особенно если было что-то тяжелое и запутанное. А на этот раз...

— Дело в том, что он не мог ничего особенного рассказать,— сказал Колльберг.— Последние три недели были исключительно бедны происшествиями. Мы сидели фактически без дела.

Оса Турелль пристально посмотрела на него.

— Зачем вы это говорите? По крайней мере, у Оке последнее время было полно работы...

Рённ посмотрел на часы и зевнул. Потом перевел глаза на кровать, где лежал забинтованный мужчина. Затем задержал взгляд на аппаратуре, кото-

рая поддерживала жизнь потерпевшего, и наконец на медсестре, только что сменившей пустую бутылку в капельнице.

Рённ уже не один час сидел в этой антисептической, изолированной комнате с холодным светом и голыми белыми стенами.

Вместе с ним в палате находилась личность по имени Уллькольм, которую Рённ до сего времени никогда не встречал и которая, однако, оказалась одетым в штатское платье старшим полицейским инспектором.

Даже простодушному Рённу Уллькольм казался безгранично нудным и тупым.

Уллькольм был недоволен всем — начиная от зарплаты, которая для него была очень низкой, и кончая начальником полиции, не умевшим навести у себя порядок. Он возмущался, что детей в школе не учат послушанию и что даже среди полицейских нет настоящей дисциплины. Причину увеличения преступности и падения нравов он видел в том, что полиция не имела фундаментального военного образования и не носила шашек.

Однако сильнее всего он набрасывался на три категории людей, которые Рённу никогда не сделали ничего плохого и о которых он никогда не думал, а именно: Уллькольм ненавидел иностранцев, молодежь и социалистов.

Уллькольм на все явления имел свою безапелляционную точку зрения и без умолку разглагольствовал на разные темы.

— Смотришь на эти безобразия, и помимо воли хочется убежать на природу. Я б с удовольствием выбрался в горы, если бы всю Лапландию не опоганили лопари. Ты ж понимаешь, что я имею в виду, а?

— Моя жена саамка,— сказал Рённ.

Уллькольм сразу нахмурился, замолчал и отошел к окну. Он стоял там часа два, печально глядя на недобрый, изменчивый мир вокруг.

Рённ подготовил два четких вопроса, которые хотел задать раненому. Для верности даже записал их в блокнот. Первый: «Кто стрелял?» И второй: «Как он выглядел?»

Рённ сделал еще и другие приготовления, а именно: поставил на стул портативный магнитофон и перевесил микрофон через спинку стула. Уллькольм не принимал участия в этих приготовлениях, он ограничился тем, что время от времени критически посматривал на Рённа от окна.

Часы показывали двадцать шесть минут третьего, когда медсестра вдруг наклонилась над раненым и быстрым нетерпеливым движением руки позвала к себе обоих полицейских.

Рённ быстро схватил микрофон.

— Думаю, что он приходит в сознание,— сказала медсестра.

Лицо раненого стало меняться. Веки и ноздри задрожали.

Рённ протянул микрофон.

— Кто стрелял? — спросил он.

Никакой реакции. Рённ подождал несколько секунд и повторил вопрос:

— Кто стрелял?

Губы больного шевельнулись, и он что-то сказал. Рённ переждал две секунды и вновь спросил:

— Как он выглядел?

Потерпевший ответил и на этот раз, уже несколько отчетливее.

В комнату вошел врач.

Рённ уже раскрыл рот, чтоб повторить второй вопрос, когда мужчина на кровати повернул голову в левую сторону. Нижняя челюсть у него отвисла.

Рённ посмотрел на врача, и тот серьезно кивнул ему, складывая инструменты.

Подошел Уллькольм и сердито сказал:

— Ты что, в самом деле не можешь больше ничего от него добиться?

Потом громко обратился к больному:

— Слушайте, господин, с вами разговаривает старший полицейский инспектор Уллькольм...

— Он умер,— тихо сказал Рённ.

Уллькольм вытаращил на него глаза и бросил только одно слово:

— Идиот!

Рённ выключил микрофон и понес магнитофон к окну. Там он осторожно перемотал ленту указательным пальцем правой руки и нажал на кнопку воспроизведения записи.

— *Кто стрелял?*

— *Днрк.*

— *Как он выглядел?*

— *Самалсон.*

— Ну и что это нам даст? — сказал Рённ.

Уллькольм секунд десять зло, с ненавистью смотрел на него, а затем сказал:

— Что даст? Я обвиню тебя в служебной халатности. Ты же понимаешь, что я имею в виду, а?

Он повернулся и вышел из комнаты. Его шаг был быстрым и энергичным. Рённ грустно смотрел ему вслед.

Продолжение следует

Перевел со шведского СТ. НИКОНЕНКО

МАЙ ШЁВАЛЛЬ и ПЕР ВАЛЕ

В ТУПИКЕ

Роман

Когда Мартин Бек распахнул дверь Дома полиции, ледяной ветер бросил ему в лицо горсть острых, словно иголки, снежинок.

Перейдя Агнегатан, Мартин Бек нерешительно остановился, прикидывая, как ему ехать. Он все еще никак не мог освоить новые автобусные маршруты, которые возникали взамен трамвайных линий.

Продолжение. Начало в № 3, 4.

Внезапно около него затормозила машина. Гюнвальд Ларссон опустил боковое стекло и позвал:

— Залезай.

Мартин Бек обрадовался и сел впереди, рядом с ним.

— Брр,— сказал он.— Не успеешь заметить, как пройдет лето, и уже вновь холод. Ты куда едешь?

— На Вестманнагатан,— сказал Гюнвальд Ларссон.— Хочу поговорить с дочерью той старушки из автобуса.

— Мне по пути. Высадишь меня перед Сабатсбергом.

Они миновали Кунгсбру и поехали вдоль старых торговых рядов. За окнами мелькал сухой мелкий снег. На Васагатан им повстречался двухэтажный автобус сорок седьмого маршрута.

— Н-да,— сказал Мартин Бек.— Мне теперь муторно становится, как только вижу такой.

— Это другой,— сказал Гюнвальд Ларссон.— Это немецкий. «Бюссинг».— Через минуту он спросил: — Может, заглянешь к вдове Ассарссона? Я буду там в три.

— Не знаю,— ответил Мартин Бек.— Все будет зависеть от того, когда я закончу разговор с медсестрой.

На углу Далагатан и Тегнергатан их остановил мужчина в желтом шлеме и с красным флажком в руке. На территории Сабатсбергской больницы развернулось большое строительство. Грохот взрывов катился волной между стенами домов. Гюнвальд Ларссон сказал:

— Почему бы им не поднять на воздух сразу весь Стокгольм? Пусть бы делали так, как Рональд Рейган, или как там его, хочет поступить с Вьетнамом: заасфальтировать, намалевать желтые полосы и наделать автостоянки. А то ведь понастроят черт-те что. Наверное, это самое большое несчастье, когда плановики дорвутся до реализации своих замыслов.

Мартин Бек вышел из машины перед въездом в ту часть больницы, где размещалось родильное отделение.

Дверь ему открыла молодая женщина:

— Вы комиссар Бек? Я Моника Гранхольм.

Ухватив, словно клещами, его руку, она радостно пожала ее.

Моника Гранхольм была почти такого же роста, как и Мартин Бек, только плотней. Кожа у нее была свежая и розовая, зубы — белые и крепкие, а темные волосы — густые и волнистые; все в ней казалось большим, здоровым и крепким.

Та девушка, что погибла в автобусе, была маленькая и невзрачная, она определенно выглядела очень хрупкой и нежной по сравнению со своей подругой.

Они направились в сторону Далагатан.

— Вы не возражаете, если мы зайдем в кафе? — спросила Моника Гранхольм.— Я должна подкрепиться, прежде чем начну с вами разговор.

Время ленча прошло, и в кафе было много свободных столиков. Мартин Бек подождал, пока девушка поела, и уже хотел начать разговор об убитой подруге, когда она отодвинула тарелку и сказала:

— Ну все. Теперь, комиссар, спрашивайте, что вас интересует, а я попробую ответить. Но можно мне сперва задать вам вопрос?

— Можно,— сказал Мартин Бек.

— Вы уже поймали того сумасшедшего?

— Нет,— сказал Мартин Бек.— Еще не поймали.

— Люди напуганы. Одна девушка из нашего отделения уже не ездит на работу автобусом. Боится, что вдруг появится тот сумасшедший со своей хлопушкой. Вы должны его поймать.

— Делаем все возможное,— ответил Мартин Бек.

— Ну так что вас интересует о Бритт?

— Хорошо ли вы ее знали?

— Думаю, что знала лучше, чем кто-либо другой. Мы жили вместе с нею три года, с тех пор как она начала работать в больнице. Она была чудесная подруга и очень хорошая медсестра. Умела выполнять тяжелую работу, хотя была слабенькая.

— У нее был жених?

— Да, отличный парень. Они хотели пожениться на Новый год.

— Она давно с ним познакомилась?

— Самое меньшее десять месяцев. Он врач. Говорят, будто девушки становятся медсестрами, чтобы иметь возможность выйти замуж за врача. Но Бритт была не такая. Она была страшно стеснительная и боялась парней. Прошлой зимой она часто болела и ходила в больницу. Там и встретила Бертиля. И сразу влюбилась. Она говорила, что ее вылечила любовь, а не лекарства.

Мартин Бек разочарованно вздохнул.

— А что в этом плохого? — спросила девушка.

— Совсем ничего. У нее было много знакомых мужчин?

Моника Гранхольм улыбнулась и покачала головой.

— Только те, кто работает в больнице. Не думаю, чтоб она с кем-то встречалась до Бертиля. А почему вы об этом спрашиваете?

Мартин Бек вынул из внутреннего кармана блокнот и положил перед собой на стол.

— Рядом с Бритт Даниельссон в автобусе сидел мужчина,— сказал он.— Полицейский, по имени Оке Стенстрём. Мы имеем основание считать, что он и фрёкен Даниельссон были знакомы и ехали вместе в автобусе.

Мартин Бек вынул из блокнота фотографию Стенстрёма.

— Вы встречали этого человека?

Моника посмотрела на фотографию и покачала головой:

— Ни разу. Могу присягнуть, что и Бритт его не знала. Она б ни за что не позволила никому, кроме нареченного, провожать себя домой.

Моника Гранхольм открыла сумочку и вынула кошелек.

— Мне пора к своим деткам. Их сейчас у меня семнадцать.

Она начала копошиться в кошелечке, но Мартин Бек остановил ее.

— Платит государство,— сказал он.— А как фамилия врача, которого вы зовете Бертилем?

— Перссон.

— Где он живет?

— Гильбакен, двадцать два.

Машина Гюнвальда Ларссона стояла на Тегнергатан перед домом номер сорок. Мартин Бек посмотрел на часы и толкнул входную дверь.

Было двадцать минут четвертого, а это означало, что Гюнвальд Ларссон сидел у госпожи Ассарссон уже двадцать минут. А за это время, наверное, успел выяснить жизнь Эсты Ассарссона еще с пеленок.

Дверь в квартиру открыл пожилой человек в темном костюме и серебристом галстуке. Мартин Бек назвал себя. Мужчина протянул ему руку.

— Туре Ассарссон,— сказал он.— Я брат... брат убитого. Заходите, ваш коллега уже пришел.

Он подождал, пока Мартин Бек разделся, и прошел впереди него через высокую двустворчатую дверь в гостиную.

— Мерта, дорогая, это комиссар Мартин Бек,— сказал он.

На низкой желтой кушетке, не менее трех метров длины, сидела худая женщина в черном платье джерси и держала в руке бокал. Она протянула другую руку, грациозно согнув ее в запястье, как бы для поцелуя. Мартин Бек нескладно пожал расслабленные пальцы и невыразительно пробормотал: «Сочувствую вам, госпожа Ассарссон».

С другой стороны мраморного стола стояли три низких розовых кресла, и в одном из них сидел Гюнвальд Ларссон.

Вдова опорожнила бокал и протянула его деверю, чтоб тот налил ей вновь. Туре Ассарссон пристально посмотрел на нее, затем пошел и взял с бокового столика графин и чистую рюмку.

— Можно вам предложить рюмочку шерри, комиссар? — спросил он.

И не успел Мартин Бек его остановить, как он налил рюмку и поставил ее перед ним на столик.

— Я только что спросил госпожу Ассарссон, не знает ли она, почему ее муж оказался в том автобусе,— сказал Гюнвальд Ларссон.

— А я ответила то, что уже говорила одному из ваших коллег, который был настолько нетактичен, что пришел допрашивать меня через секунду после того, как я узнала о смерти мужа. Ответила, что не знаю.

Мартин Бек попробовал достать свою рюмку, но на несколько сантиметров не дотянулся и вновь погрузился в кресло.

— Вы знаете, где ваш муж был вечером? — спросил он.

Вдова взяла оранжевую сигарету с золотым мундштуком. Мартин Бек увидел, что фрау Ассарссон не совсем трезва.

— Эста был на собрании,— ответила она.

— На собрании? Где же? И с кем?

Ассарссон посмотрел на невестку и ответил за нее:

— Это такой товарищеский союз бывших кадетов морской школы.

Мартин Бек почувствовал, что Гюнвальд Ларссон смотрит на него, и спросил:

— Вы знаете, когда директор Ассарссон покинул Нарвавеген?

— Да, я не могла уснуть и около двух часов пошла выпить рюмку. Тогда и увидела, что Эсты нет дома. Позвонила директору Шёбергу. Он сказал, что Эста ушел от него в половине одиннадцатого.

Она замолчала и погасила сигарету.

— Как вы полагаете, фру Ассарссон, куда мог ехать ваш муж автобусом сорок седьмого маршрута? — спросил Мартин Бек.

— Куда-нибудь по делам. Он отдавал своей фирме много времени, работал и по ночам. Например, с клиентами, которые приезжали из провинции в Стокгольм транзитом и оставались лишь на одну ночь...

Она как будто не знала, что говорить дальше, и, подняв пустой бокал, стала крутить между пальцами.

— Извините, но я должна уйти,— сказала фру Ассарссон и неуверенным шагом направилась к двери.— Итак, до свидания, мне было очень приятно.— Она зашаталась и закрыла за собой дверь.

— С кем он спал? — спросил Гюнвальд Ларссон, не глядя на Ассарссона.

Тот испуганно посмотрел на закрытую дверь и ответил:

— С Эйвор Ульссон, секретаршей нашей конторы.

Как и ожидалось, вечерние газеты раскопали историю со Шверином и подали ее в больших репортажах, нашпиговав их разными подробностями и саркастическими замечаниями в адрес полиции.

Они забыли только вспомнить, что Шверин умер. Наверное, потому, что очень спешили.

Колльберг пришел на Кунгсхольмсгатан около четырех часов после обеда. На волосах и на бровях у него намерзли кусочки льда. Взглянув на разбросанные по столам газеты, он сказал:

— Если б мы имели столько информаторов, сколько писак, убийца давно был бы пойман.

— Не упрощай,— сказал Меландер.— Дело не только в информации.

Он положил трубку и вновь углубился в свои бумаги.

— Ты уже разговаривал с психологами? — кисло спросил Колльберг.

— Да,— ответил Меландер.— Рапорт перепечатывают.

В главном штабе следственной группы появился новый человек. Прибыла треть обещанного усиления: Монссон из Мальмё.

Монссон был почти такого же роста, как Гюнвальд Ларссон, но не такой грозный на вид. Он целую ночь ехал из Сконе на своей машине. И не потому, что хотел получить мизерное возмещение по сорок шесть ёре за километр,— просто вполне справедливо считал, что хорошо будет иметь под рукой машину с номером другого города.

Теперь он стоял около окна, смотрел на улицу и жевал зубочистку.

— Нет ли какой для меня работы? — спросил он.

— Есть. Нескольких человек мы не успели допросить. Вот, например, госпожа Эстер Чельстрём. Вдова одного из убитых.

— Ремесленника Юхана Чельстрёма?

— Точно. Карлбергсвеген, восемьдесят девять.

— А где Карлбергсвеген?

— Посмотри по карте,— устало сказал Колльберг.

Монссон бросил изгрызенную зубочистку в пепельницу Меландера и равнодушно вынул из нагрудного кармана новую. Он какое-то время изучал карту, потом надел пальто. В дверях он обернулся и посмотрел на Колльберга.

— Ты не знаешь лавочку, где можно купить душистую зубочистку?

— Нет, не знаю.

— Жаль,— печально сказал Монссон.

Когда дверь за ним закрылась, Колльберг посмотрел на Меландера и сказал:

— Я его видел единственный раз в жизни. В прошлом году в Мальмё. И он спрашивал то же самое. Удивительно.

— Что удивительно?

— Что с того времени прошло больше года, а он так и не выяснил, есть ли в самом деле такие зубочистки.

— Чушь какая,— сказал Меландер.— Ты безнадежен.

Колльберг ничего не ответил, и разговор прервался...

Великий Детектив Общественность неутомимо действовала всю вторую половину дня.

Сотни людей звонили в полицию или приходили сами, чтобы заявить, что ехали автобусом, в котором произошло убийство.

Всю эту информацию работники следственной группы должны были просеять сквозь свое сито, и только в одном случае выяснилось, что их труд был не напрасен.

Мужчина, севший в автобус на Юргордсбру где-то в десять вечера, готов был присягнуть, что видел Стенстрёма. Он сказал это по телефону и попал на Меландера, который сразу же вызвал его.

Мужчине было лет пятьдесят. Он держался очень уверенно.

— Итак, вы видели следователя Стенстрёма?

— Да. Он сидел слева, сразу же за водителем.

Меландер кивнул. Информация о том, где кто сидел в автобусе, еще не попала в прессу.

— Вы уверены, что это был он? Почему?

— Просто узнал. Я работаю ночным сторожем.

— Это правда,— сказал Меландер.— Несколько лет назад вы сидели в вестибюле полицейского участка на Агнегатан. Я теперь вспомнил.

— Верно,— удивился мужчина.— А я вас не узнал.

— Я видел вас дважды, однако мы ни разу не разговаривали.

— Но Стенстрёма я хорошо помню, потому что...— мужчина заколебался,— я тогда не поверил, что он полицейский, и велел показать удостоверение.

— Ничего, бывает. Когда вы его увидели позавчера вечером, он вас узнал?

— Нет. Не узнал.

— Около него кто-либо сидел?

— Нет, место было свободное. Я хорошо помню, так как хотел поздороваться и сесть рядом. Но потом подумал, что это неудобно.

— И вы сошли на площади Сергеля? — спросил Меландер.

— Да. Пересел в метро.

— А Стенстрём остался в автобусе?

— По крайней мере, я не видел, чтобы он сходил.

Через минуту почти одновременно появились Мартин Бек, Гюнвальд Ларссон и Рённ.

— Что,— сказал Колльберг,— Шверин...

— Да,— ответил Рённ, ставя на стол магнитофон.— Перед смертью он что-то сказал.

Все сгрудились вокруг.

— *«Кто стрелял?*

— *Днрк.*

— *Как он выглядел?*

— *Самалсон.*

— Ты что, в самом деле ничего не мог от него добиться?

— Слушайте, господин, с вами разговаривает старший помощник инспектора Улльхольм.

— Он умер».

— Ах, черт возьми,— сказал Гюнвальд Ларссон.— Меня тошнит, стоит услышать голос этого Улльхольма. Он однажды уже написал на меня донос, будто я нерадиво отношусь к служебным обязанностям.

Мартин Бек вновь прослушал ленту и повернулся к Рённу:

— Что, по-твоему, Шверин сказал? Ты же был там.

— На первый вопрос он ответил отрицательно, что-то вроде: «Я не знаю» или: «Я его не узнал».

— Где ты, черт возьми, увидел такой ответ в этом «днрк»? — изумленно спросил Гюнвальд Ларссон.

Рённ покраснел и заерзал на стуле.

— А и в самом деле, как ты пришел к такому выводу? — спросил Мартин Бек.

— Не знаю,— сказал Рённ.— Мне так показалось.

— Ага,— сказал Гюнвальд Ларссон.— А дальше?

— На второй вопрос от ответил довольно четко: «Самалсон».

— Я слыхал. Но что он имел в виду? — спросил Колльберг.

Мартин Бек потирал кончиками пальцев виски.

— Или Самуэльссон,— молвил он задумчиво.— Или Саломонссон.

— Он говорит «Самалсон»,— настаивал Рённ.

— Правильно,— согласился Колльберг.— Но такой фамилии нет.

— Проверим,— сказал Меландер,— может, и есть. А тем временем, думаю, надо послать ленту на экспертизу. Если наша лаборатория не справится, можно связаться с радио. Их звукотехники могут выделить каждый звук.

— Это хорошая мысль,— согласился Мартин Бек.

— Но прежде сотри к дьяволу этого Улльхольма,— сказал Ларссон.

Зашел Эк, задумчиво поглаживая свою седую голову.

— Что там? — спросил Мартин Бек.

— Газеты обвиняют нас в том, что мы до сих пор не поместили портрета неопознанной жертвы.

— Ты сам знаешь, какой вид имел бы тот портрет,— сказал Колльберг.

— Знаю, но...

— Постой,— сказал Меландер.— Можно дать описание. Возраст — тридцать пять — сорок лет, рост — метр семьдесят один, вес — семьдесят килограммов, сорок второй размер обуви, глаза карие, волосы темные. Шрам после операции аппендицита. Шрам от какой-то давней раны на запястье...

— Я пошлю им это описание,— сказал Эк и вышел.

Минуту все молчали.

— Фредрик пришел к одному выводу,— сказал наконец Колльберг.— Что Стенстрём сидел в автобусе уже до остановки Юргордсбру. Следовательно, он ехал из Юргордена.

— Что же он там делал? — удивился Гюнвальд Ларссон.— Вечером и в такой дождь?

— Я тоже пришел к одному выводу,— сказал Мартин Бек.— Что он, наверное, не знал той медсестры.

— Рённ также пришел к одному выводу,— сказал Гюнвальд Ларссон.— Что «днрк» означает: «Я его не узнал». Уже не говоря о каком-то типе по фамилии Самалсон.

Это было все, что они выяснили до среды пятнадцатого ноября.

На улице шел снег, мокрый, хлопьями. Уже совсем стемнело.

Разумеется, человека по фамилии Самалсон не оказалось. По крайней мере, в Швеции.

В четверг они вообще не узнали ничего нового.

Инга стояла в дверях спальни в измятой ночной рубашке с полосами от подушки на лице.

— Мартин! Ты так кашляешь и шмыгаешь носом, что можешь всех в доме разбудить,— сказала она.

— Мне очень жаль, что я тебя разбудил.

— Дело не в этом, главное, чтобы ты вновь не схватил воспаление легких. Лучше останься завтра дома.

— Пожалуй, вряд ли это удастся.

— Глупости. Как ты будешь работать больной? А кроме того, ты должен ночью спать, а не читать старые рапорты. Того убийства в такси ты никогда не распутаешь. Туши свет. Доброй ночи.

— Доброй ночи,— машинально ответил Мартин Бек.

Он нахмурил брови и отложил в сторону сшитые рапорты. Инга ошибалась. Эти бумаги не были старыми. Мартин Бек читал копию медицинской экспертизы, которую получил только вечером. Но несколько месяцев назад он в самом деле целыми ночами перечитывал материалы, которые касались одного убийства в такси с целью ограбления, произошедшего двенадцать лет назад.

Мартин Бек какое-то время лежал неподвижно, уставившись глазами в потолок. Наконец рывком поднялся с кровати и осторожно вышел в переднюю. Минуту он поколебался, держа руку на телефоне, потом передернул плечами, поднял трубку и набрал номер Колльберга.

— Колльберг слушает,— послышался в трубке голос Леннарта.

— Извини, но я хочу тебя спросить...

— Что за черт, что там еще случилось?

— Ты помнишь, что было летом после убийства в парке?

— Помню, и что?

— У нас тогда не было работы, и Хаммар велел пересмотреть старые дела, которые не удалось распутать.

— И что из этого?

— Я тогда изучал дело об убийстве в такси в Буросе, а ты занимался стариком в Эстермальме, который исчез двадцать лет назад.

— Да. И ты позвонил, чтобы сказать об этом?

— Нет. Я хочу спросить, какое дело взял себе Стенстрём?

— Не имею понятия. Я думал, что он тебе сказал.

— Нет, он ничего не говорил.

— Так, может, Хаммар знает?

— Да, конечно. До свидания. Извини, что разбудил.

— Иди к дьяволу!

Мартин Бек услышал щелчок в трубке. Свою он еще какое-то время прижимал к уху, наконец также положил и поплелся назад к кушетке. Он лег и выключил свет. Лежа в темноте, он чувствовал себя дурак дураком.

Пятница принесла новость, которая их подбодрила. Принял ее по телефону Мартин Бек.

— Что? Узнали? Правда? — спросил он.

Все находившиеся в комнате уставились на него. Мартин Бек положил трубку и сказал:

— Кажется, установили оружие.

— Армейский автомат,— сказал Гюнвальд Ларссон.— Я за полчаса могу купить их в городе десяток.

— Немного не так,— молвил Мартин Бек.— Модель тридцать седьмая, тип «Суоми».

— Неужели? — удивился Меландер.— Это тот старый, с деревянной рукояткой?

— Сделан в Финляндии или у нас, по финской лицензии? — спросил Колльберг.

— В Финляндии,— ответил Мартин Бек.— Патроны тоже старые.

— «Суоми»,— пробормотал Колльберг.— Диск на семьдесят патронов. Трудно себе представить, у кого может быть такой автомат.

— Ни у кого,— сказал Гюнвальд Ларссон.— Теперь он уже лежит на дне Стрёммена. На тридцатиметровой глубине.

— Возможно, — сказал Мартин Бек.— Но кто мог его иметь четыре дня тому назад?

Наступила тишина. Наконец у них появилась первая путеводная ниточка.

Открылась дверь, и в комнату, с любопытством осматриваясь, вошел какой-то юноша. Он держал в руке серый конверт.

— Кого тебе? — спросил Колльберг.

— Меландера,— ответил юноша.

— Старшего следователя Меландера,— поправил его Колльберг.— Вот он сидит.

Юноша положил конверт на письменный стол Меландера, быстро вышел и неслышно закрыл дверь.

— Кто это? — спросил Гюнвальд Ларссон.

Колльберг пожал плечами.

— Он чем-то напоминает Стенстрёма,— сказал Гюнвальд Ларссон.

Меландер полистал тетрадь и сказал:

— Вывод психологов.

— Ага,— сказал Гюнвальд Ларссон.— И они его сделали на основе гениальной теории. Что наш несчастный убийца однажды, достигнув половой зрелости, проехался в автобусе, не имея денег на билет, и что это переживание оставило столь глубокий след в его душе...

Мартин Бек прервал его.

— В этом нет ничего забавного, Гюнвальд,— сказал он резко.

Колльберг бросил на него быстрый изумленный взгляд и повернулся к Меландеру:

— Ну, Фредрик, что написано в твоем фолианте?

Меландер вытряхнул трубку на лист бумаги, свернул его и бросил в корзинку.

— В Швеции не было еще такого случая,— сказал он.— Следовательно, наши психологи опираются на американские исследования, проведенные за последнее десятилетие.

Он подул в трубку, проверяя, не забита ли она, и продолжал далее:

— У американских психологов нет недостатка в материалах. В этих бумагах упоминаются Спек из Бостона, который убил восьмерых медсестер в Чикаго; Уитмен, который с башни застрелил шестнадцать человек, а еще значительно больше ранил; Унру, который на улицах Нью-Джерси за двенадцать минут застрелил тридцать человек; и еще несколько случаев.

— Выходит, массовые убийства были американской специализацией,— сказал Гюнвальд Ларссон.

— Да,— ответил Меландер.— И здесь содержится несколько довольно убедительных теорий, почему именно.

— Восхваление насилия,— сказал Колльберг.— Общество карьеристов. Продажа оружия по почтовым заказам. Жестокая война во Вьетнаме.

— Между прочим, и потому,— сказал Мартин Бек.

— Я где-то читал, что на тысячу американцев есть один или два потенциальных массовых убийцы,— сказал Колльберг.— Интересно, как они это определили?

— С помощью анкет,— ответил Гюнвальд Ларссон.— Анкеты также типичная американская особенность. Там ходят из квартиры в квартиру и спрашивают людей, могли бы они представить себя массовым убийцей. И два человека на тысячу отвечают, что им было бы приятно представить себя в такой роли.

Мартин Бек вытер нос и раздраженно посмотрел покрасневшими глазами на Гюнвальда Ларссона.

Меландер откинулся на спинку стула и выпрямил ноги.

— А как твои психологи характеризуют массового убийцу? — спросил Колльберг.

Меландер нашел соответствующую страничку и начал читать:

— «У человека, склонного к массовому убийству, может быть мания преследования или мания величия. Часто такие убийцы оправдываются тем, что они просто добивались славы, хотели, чтобы их имя появилось в газетах на первых полосах. Почти всегда за преступлением скрывается желание отличиться или отомстить. Убийцам кажется, что их недооценивают, не понимают и плохо к ним относятся».

В комнату зашел Монссон с неизменной зубочисткой в уголке рта.

— О чем вы здесь толкуете? — спросил он.

Ему не ответили. Монссон не спеша подошел к Колльбергу, вынул изо рта зубочистку и спросил:

— Что теперь мне делать?

— Пойди поговори с хозяйкой того араба.— Колльберг написал на клочке бумаги имя и адрес и протянул его Монссону.

Рисунки Г. НОВОЖИЛОВА

Монссон затратил добрых полчаса, чтоб сквозь толчею стокгольмских улиц добраться до Норра Сташунсгатан. Когда он поставил машину на стоянке против дома номер сорок семь, было уже несколько минут пятого и начало смеркаться.

В доме было двое жильцов по фамилии Карлссон, однако Монссон быстро сообразил, какая именно квартира ему нужна. На ее дверях красовались восемь карточек — две печатные, а остальные были написаны не одной рукой и все с иностранными фамилиями. Фамилии Мухаммеда Бусси среди них не было.

Монссон позвонил, и ему открыл мужчина с черными усиками, в помятых брюках и белой нижней рубашке.

— Можно видеть фру Карлссон? — спросил Монссон.

Мужчина улыбнулся, сверкнув белыми зубами, и развел руками.

— Фру Карлссон нет дома,— сказал он на ломаном шведском языке.— Придет быстро.

— Тогда я подожду,— молвил Монссон и зашел в коридор. Он расстегнул плащ, посмотрел на улыбающегося мужчину и спросил: — Вы знали Мухаммеда Бусси?

Улыбка на лице мужчины сразу потухла.

— Да. То ужасная история. Он был мой приятель.

— Вы тоже араб? — спросил Монссон.

— Нет, турок.

— Я из полиции,— сказал Монссон.— Хочу посмотреть на вашу квартиру, если можно. Есть еще кто дома?

— Нет, только я. У меня освобождение по болезни.

Монссон осмотрелся вокруг. Передняя была длинная и темная. Кроме входных, здесь было еще пять дверей, из них одна двустворчатая и две маленькие, наверное, в туалет и гардероб.

Монссон направился к двустворчатой и открыл одну половину.

— Там комната фру Карлссон,— испуганно сказал турок.— Входить запрещено.

Соседняя дверь вела в кухню, большую и модернизированную.

— В кухню нельзя заходить,— сказал позади Монссона турок.— Лучше к нам.

Комната имела примерно пять метров на шесть. На двух окнах, которые выходили на улицу, висели старые, выцветшие гардины. Вдоль стен стояли разного типа кровати. Монссон насчитал их шесть. Три из них были не постелены. Везде валялись обувь, одежда, книжки и газеты. Посреди комнаты стоял круглый, окрашенный в белый цвет стол, окруженный пятью разными по форме стульями.

— Вас здесь живет шесть человек?— спросил Монссон.

— Нет, восемь,— ответил турок.

Он подошел к кровати возле двери и вытащил из-под нее еще одну.

— Здесь таких, что задвигать, две,— прибавил он.— Мухаммед спал вон там.

— А кто остальные семь? — спросил Монссон.— Тоже турки?

— Нет, нас, турок, трое, двое — арабы, двое — испанцы, один — финн.

— Едите вы здесь же?

— Нет, нам нельзя варить. Нельзя ходить на кухню, нельзя есть в комнате.

— А сколько вы платите за жилье?

— По триста пятьдесят крон каждый.

— В месяц?

— Да. Я зарабатываю хорошо,— сказал турок.— Сто семьдесят крон в неделю. Езжу на вагонетке. Раньше работал в ресторане и так хорошо не зарабатывал.

— Вы не знаете, у Мухаммеда Бусси были родственники? — спросил Монссон.

Турок покачал головой.

— Нет, не знаю. Мы хорошо дружили, но Мухаммед не любил о себе рассказывать. Очень боялся.

— Боялся?

— Не боялся. Ну как это сказать?.. Был боязный.

— Ага, застенчивый,— наконец догадался Монссон.— А вы знаете, сколько он здесь жил?

— Нет, не знаю. Я пришел сюда в прошлом месяце, и Мухаммед уже жил здесь.

Монссон вспотел в теплом плаще. Казалось, что воздух в комнате был насыщен испарениями восьми ее жильцов. Монссона охватила сильная тоска по Мальмё и своей опрятной квартире вблизи Регементсгатан. Он засунул в рот зубочистку, сел у стола и стал ждать.

Турок лег на кушетку и начал листать немецкий еженедельник.

Монссон часто посматривал на часы. Он решил ждать не позже, чем до половины шестого.

За две минуты до назначенного времени появилась госпожа Карлссон. Она пригласила Монссона в свою комнату, до отказа забитую мебелью, угостила портвейном и начала сетовать на несчастную долю хозяйки.

— Не очень приятно одинокой, несчастной женщине держать полную квартиру мужчин,— сказала она.— Да еще иностранцев. Но что делать бедной вдове?

Монссон прикинул. Эта «бедная вдова» выдаивает ежемесячно из постояльцев около трех тысяч крон.

— Этот Мухаммед,— сказала она,— не заплатил мне за последний месяц. Вы б не могли сделать так, чтобы я получила плату? Он же имел деньги в банке.

Когда Монссон спросил, что она думает о Мухаммеде, хозяйка ответила:

— Он хоть и араб, но приятный был парень. Вежливый, тихий, не пил и, мне кажется, даже не имел девушки. Но, как я уже говорила, не заплатил за последний месяц.

Оказалось, что она довольно хорошо осведомлена о личных делах своих постояльцев, но про Мухаммеда ей почти нечего было рассказать.

Все земное добро Мухаммеда было сложено в брезентовую сумку. Монссон забрал ее с собой.

Госпожа Карлссон еще раз напомнила о деньгах, пока Монссон закрывал за собой дверь.

— Вот мерзкая карга,— пробормотал Монссон, спускаясь лестницей на улицу, где стояла его машина.

Прошла неделя от кровавой купели в автобусе. Состояние следствия не изменилось; видно было, что у следователей нет никаких конструктивных идей. Даже прилив информации от населения, которая, впрочем, ничего не давала, начал уменьшаться.

Общество потребителей думало уже о другом. Правда, до рождества было еще больше месяца, но на украшенных гирляндами торговых улицах уже начались рекламные оргии и расширялась покупательская истерия, быстро и неуклонно, словно чума. Эпидемия не имела удержу, и от нее некуда было убежать. Она увлекала, отравляя и сметая все на своем пути. Дети плакали до изнеможения, родители залезали в долги. В больницах увеличилось количество больных инфарктом и нервным расстройством.

Перед этим большим семейным праздником в полицейские участки города часто приходили приветствия в виде пьяных в дымину рождественских гномов, которых находили в подъездах и общественных туалетах. На площади Марии двое уставших патрульных, затягивая такого бесчувственного гнома в такси, случайно уронили его в водосток.

Поднялась буча в прессе.

— В каждом обществе тлеет затаенная ненависть к полиции,— сказал Меландер.— И достаточно какой-то мелочи, чтоб она вспыхнула.

— Ага,— равнодушно сказал Колльберг.— А почему?

— Потому что полиция — необходимое зло,— сказал Меландер.— Все люди, даже профессиональные преступники, знают, что могут оказаться в таком положении, когда единственным спасением для них будет полиция. Когда вор просыпается ночью и слышит в своем погребе какой-то шорох, то что он делает? Разумеется, звонит в полицию. Но пока нет такого положения, каждый раз, когда полиция по каким-либо причинам вторгается в жизнь граждан или нарушает их душевный покой, это вызывает недовольство.

— Мало нам всех тех прелестей, что сыплются на нашу голову, так мы еще и должны считать себя неизбежным злом,— горько сказал Колльберг.

— Трудности обычно вытекают из той парадоксальной ситуации,— продолжал далее Меландер,— что наша профессия требует от работников больших умственных способностей и исключительных психических, физических и моральных качеств, а в то же время не несет в себе ничего такого, что привлекало бы к ней людей с такими данными.

Мартин Бек уже не раз слыхал такие рассуждения, и они ему надоели.

— Вы бы не могли где-то в другом месте вести свои социологические споры? — недовольно сказал он.— Мне надо подумать.

— О чем? — спросил Колльберг.

В это время зазвонил телефон.

— Бек слушает.

— Это Ельм. Как дела?

— Плохо. Между нами говоря.

— Вы уже опознали того парня без лица?

Мартин Бек издавна знал Ельма и всегда полагался на него. И не только он. Многие считали, что Ельм — один из наилучших в мире техников-криминалистов. Только надо уметь к нему подойти.

— Нет, не опознали. Кажется, никто в мире не заметил его отсутствия.— Мартин Бек набрал в легкие воздуха и прибавил: — Может, у вас есть какая-то новость?

Всем было известно, что к Ельму надо подлизываться.

— Да,— довольно ответил тот.— Мне кажется, что нам посчастливилось выявить у него определенные черты.

«Наверное, надо сказать: «Не может быть!» — подумал Мартин Бек и сказал:

— Не может быть!

— В самом деле,— утешился Ельм.— Результаты лучше, чем ожидалось. Мы установили, что его одежда происходит из какой-то голливудской лавочки в Стокгольме. Как вы знаете, их здесь три.

— Молодцы,— сказал Мартин Бек.

— Конечно,— самодовольно сказал Ельм.— Я тоже так считаю. Костюм совсем грязный. Тот парень ни разу его не чистил и, кажется мне, носил почти каждый день и довольно долго.

— Сколько?

— Может, с год.

— У тебя еще что-то есть?

Ельм ответил не сразу. Самое главное приберег напоследок и нарочно тянул.

— Да,— наконец сказал он.— Во внутреннем кармане пиджака найдены крошки гашиша. Анализ проб, взятых во время вскрытия, свидетельствует, что ваш неопознанный был наркоманом.

Мартин Бек поблагодарил Ельма и положил трубку.

— Издалека пахнет дном,— сказал Колльберг.

Он стоял за спиной Мартина Бека и слышал весь разговор.

— Да,— сказал Мартин Бек,— но его отпечатков пальцев нет в нашей картотеке...

Оставалось только одно: использовать весь материал, который уже собрали. Попробовать найти оружие и допросить всех, кто хоть как-то был связан с жертвами преступления. Эти допросы проводили теперь свежие силы, то есть Монссон и старший следователь из Сундсвала Нурдин. Гуннара Альберга не было возможности освободить от его ежедневных обязанностей и послать им на помощь. В конце концов это не имело значения, так как все были убеждены, что эти допросы ничего не дадут.

Время шло, и ничего не происходило. День сменял день, из дней сложилась неделя, затем началась вторая. Вновь наступил понедельник. Было четвертое декабря, день святой Варвары. На улице было холодно и ветрено, предпраздничная покупательная суматоха чем дальше, тем больше увеличивалась. Новое пополнение томилось и мечтало, когда оно окажется дома. Монссон тосковал о более мягком климате Южной Швеции, а Нурдин — о здоровой северной зиме. Они не привыкли к большому городу, и им было тяжело в Стокгольме. Здесь им многое не нравилось, а особенно спешка, теснота и неприветливость жителей столицы. Как полицейских, их раздражали повсеместная грубость и расцвет мелкой преступности.

— Не понимаю, как вы здесь выдерживаете,— сказал Нурдин. Это был коренастый лысый мужчина с густыми бровями и прищуренными глазами.— Я вот ехал в метро, и только от Альвика до Фридхемсплан встретил по крайней мере пятнадцать лиц, которых у нас в Сундсвале полиция немедленно бы арестовала. Заметили ли вы еще одну вещь? Здесь люди какие-то запуганные. Внешне обыкновенные приличные люди. Но если спросить их о чем-либо или попросить спичку, каждый готов убежать. Просто боятся. Не чувствуют себя уверенно.

— А кто теперь уверен? — сказал Колльберг.

— Я не знал такого чувства,— молвил Нурдин.— По крайней мере, дома, но здесь, наверное, и я скоро начну бояться. Есть для меня какое-либо поручение?

— Мы получили информацию о неопознанном мужчине в автобусе,— сказал Меландер.— От одной женщины в Хегерстене. Она сказала по телефону, что рядом с ее домом есть гараж, где собираются иностранцы. Они там частенько, как она выразилась, «дерут глотку». И больше всех шумел один невысокий чернявый мужчина лет тридцати пяти. Описание его одежды похоже на то, что ходило в газетах. А с некоторого времени его там не видно.

— Можно найти тысячи людей, одетых так, как тот мужчина,— скептически молвил Нурдин.

— Да,— согласился Меландер.— На девяносто девять процентов можно быть уверенным, что эта информация ничего нам не даст. Но поскольку другой работы для тебя нет, то...

Он не договорил, нацарапал в блокноте фамилию и адрес информаторши и вырвал листок. Зазвонил телефон.

— На,— сказал он, протягивая листок и одновременно беря трубку.

— О'кэй,— сказал Нурдин.— Еду. Машина есть?

— Есть, но, учитывая уличное движение и плохую дорогу, лучше добираться общественным транспортом. Садись на автобус номер двадцать три и следуй в южном направлении. Слезешь на остановке Аксельсберг.

— Мама родная,— сказал Нурдин и вышел.

— Он сегодня работает без особого вдохновения,— сказал Колльберг.— Почему мы не разрешим этим парням уехать домой?

— Потому что они здесь для того, чтобы принимать участие в самой напряженной охоте на человека, которая когда-либо происходила в нашей стране,— сказал Мартин Бек.

— Ого! — заметил Колльберг.

— Я лишь цитирую министра юстиции,— сказал Мартин Бек невинно.— Наши острые и светлые умы (министр, разумеется, намекал на Монссона и Нурдина) работают вовсю, чтобы изловить душевнобольного массового убийцу, обезвредить которого — первостепенное дело и для общества, и для отдельного человека.

— Когда он это сказал?

— Первый раз семнадцать дней назад А последний раз — вчера. Но вчера он получил лишь четыре строчки на двадцать второй странице газеты. Ему можно посочувствовать. Ведь в следующем году выборы.

Меландер закончил телефонный разговор и, еще держа в руках трубку, спросил:

— А не пора ли нам отбросить версию о сумасшедшем убийце?

Прошло четверть минуты, прежде чем Колльберг ответил:

— Да, давно пора. И пора запереть дверь и отключить телефон.

— Гюнвальд здесь? — спросил Мартин Бек.

— Да. Господин Ларссон сидит в своем кабинете и ковыряет в зубах ножом для бумаги,— ответил Меландер.

— Скажи, чтобы все телефонные звонки переключали на него,— велел Мартин Бек.

— И одновременно попроси, чтоб нам принесли чего-нибудь поесть,— сказал Колльберг.— Мне три венские булочки и чашку кофе.

Через десять минут принесли кофе, и Колльберг запер дверь.

Они сели к столу. Колльберг прихлебывал кофе и жевал булочку.

— Таким образом,— начал он,— рабочая гипотеза звучит приблизительно так: какой-то мужчина, вооруженный автоматом типа «Суоми-37», убил девять человек в автобусе. Никакой связи между теми девятью людьми нет, они просто вместе ехали.

— У того, кто стрелял, был какой-то мотив,— сказал Мартин Бек.

— Да,— согласился Колльберг и взял вторую булочку.— Но у него не было причины убивать всех людей, случайно оказавшихся вместе в автобусе. Значит, он имел намерение убить одного.

— Убийство тщательно продумано,— молвил Мартин Бек.

— Одного из девяти,— сказал Колльберг.— Но кого? Список у тебя, Фредрик? Повторим его еще разок?

Мартин Бек кивнул. Далее разговор происходил в форме диалога между Колльбергом и Меландером.

— Густав Бенгтссон,— начал Меландер,— водитель. Его присутствие в автобусе можно считать мотивированным.

— Безусловно.

— Он как будто жил вполне нормальной жизнью. Удачно женился. Никогда не судился. Всегда добросовестно относился к своей работе. Мы допросили нескольких друзей его семьи. Они сказали, что он был порядочным и надежным человеком. Принадлежал к обществу трезвенников. Ему было сорок восемь лет. Родился он здесь, в Стокгольме.

— Врагов? Не имел. Денег? Не имел. Причин для лишения его жизни? Не было. Далее.

— Я не буду придерживаться нуме-

рации Рённа,— сказал Меландер.— Итак, Хильдур Йоханссон, вдова, шестьдесят восемь лет. Она ехала от дочери домой. Родилась в Эдсбру. Жила одна, на свою пенсию. Больше о ней, наверное, нечего сказать.

— Нет, есть. Она, видимо, села на Уденгатан, и никто, кроме дочери и зятя, не знал, что она будет ехать именно тем маршрутом и именно в то время. Давай далее.

— Юхан Чельстрём, пятьдесят два года, родился в Вестеросе, механик в автомобильной мастерской. Он задержался после окончания рабочего дня и как раз ехал домой, здесь все ясно. С женою жил хорошо. Больше всего его интересовали машины и дача. Не судился. Зарабатывал прилично, но не так уж много. Те, кто его знает, говорили, что он, наверное, ехал в метро с Эстермальмсторга до Центральной, а там пересел на автобус. Его шеф говорит, что он был способным механиком и хорошим работником. А коллеги что...

— ...Что он издевался над теми, кто был ему подчинен, и подхалимничал перед шефом. Я был в мастерской. Далее.

— Альфонс Шверин, сорок три года, родился в Миннеаполисе, в США, в шведско-американской семье. Приехал в Швецию сразу после войны и остался здесь. Владел небольшой фирмой, но десять лет назад обанкротился. Пил. Дважды сидел за управление машиной в пьяном виде. Последнее время работал в дорожной конторе. В тот вечер он был в ресторане на Брюггаргатан и оттуда ехал домой. Был не очень пьян. Из ресторана он, видимо, пошел на остановку около Васагатан. Холост, в Швеции родственников нет. Товарищи на работе его любили. Говорят, что он был веселым и компанейским.

— Он видел того, кто стрелял, и сказал что-то невнятное Рённу перед тем, как умер. Есть ли какой-нибудь ответ экспертов относительно той магнитофонной ленты?

— Нет. Следующий Мухаммед Бусси, алжирец, работник ресторана, тридцать шесть лет, родился в городе, названия которого нельзя выговорить. В Швеции жил шесть лет. Не интересовался и не занимался политикой. Те, кто его знал, говорят, что он был робким и скрытным. Он кончил работу в половине одиннадцатого и возвращался домой. Был порядочным, но скучным и нудным.

— Ты вроде сам себя описываешь.

— Медсестра Бритт Даниельссон, родилась в тысяча девятьсот сороковом году в Эслёве. Сидела рядом со Стенстрёмом, но ничто не свидетельствует о том, что они были знакомы. Врач, с которым она дружила, в ту ночь дежурил в больнице. Она, наверное, села на Уденгатан, как и вдова Йоханссон, и ехала домой. Конечно, мы не знаем точно, не была ли она вместе со Стенстрёмом.

— Никаких шансов,— Колльберг покачал головой.— Чего ради он возился бы с этой бледной крошкой. У него дома было нечто получше.

— Дальше идет Ассарссон. Внешне чистенький, но не такой уж безупречный внутри. Очень подозрительная личность. В начале пятидесятых годов дважды был под судом за мошенничество с налогами и один раз за оскорбление чести. Все три раза сидел в тюрьме. У Ассарссона было много денег. Он был бесцеремонен в своих делах и во всем остальном тоже. Много людей имели причины не любить его. Но одно не вызывает сомнения: его присутствие в автобусе полностью оправдано. Он возвращался с какого-то собрания на Нарвавеген и ехал к своей любовнице, которая живет на Карлбергсвеген и работает в его конторе. Он звонил ей и предупредил, что приедет. Ассарссон родился в Гётеборге, а в автобус сел около Юргордсбру.

— Весьма благодарен. Так начиналась бы моя книга: «Он родился в Гётеборге, а в автобус сел около Юргордсбру». Чудесно.

— Время во всех случаях сходится,— невозмутимо продолжал Меландер.

В разговор впервые включился Мартин Бек.

— Следовательно, остается Стенстрём и тот, неопознанный.

— Да,— сказал Меландер.— О Стенстрёме мы знаем, что он ехал из Юргордена, и это довольно странно. И что он был вооружен. О неопознанном знаем, что он был наркоман и что ему было более тридцати лет. И это все.

— А присутствие всех других в автобусе мотивировано,— сказал Мартин Бек.

— Да.

— Настало время вновь поставить классический вопрос: что делал Стенстрём в автобусе? — сказал Колльберг.

— Нужно еще раз поговорить с его девушкой. Но я думаю, что гипотезу о встрече с любовницей, если дело идет о Стенстрёме, можно не принимать во внимание,— сказал Мартин Бек.— Следовательно, главный вопрос: что делал Стенстрём в автобусе?

Его тут же забросали встречными вопросами:

— А что делал в автобусе неопознанный?

— Пока что не будем касаться неопознанного.

— Почему? Его присутствие в автобусе так же достойно внимания, как и присутствие Стенстрёма. А кроме того, мы не знаем, кто он и куда ехал.

— Наверное, просто ехал автобусом.

— Просто ехал автобусом?

— Да. Много бездомных так делают. За одну крону можно проехать туда и назад. И убить часа два.

— В метро теплее,— сказал Колльберг.— К тому же там можно ездить сколько угодно, если не выходить на станциях наверх, а просто пересаживаться с поезда на поезд.

— Да, но...

— Ты забываешь еще одну важную вещь. У неопознанного денег было больше, чем у других пассажиров автобуса.

— Это, кстати, свидетельствует о том, что убийство не преследовало цели ограбления,— сказал Меландер.

— И в той части города,— прибавил Мартин Бек,— как ты сам сказал, полно всяких тайных притонов и подозрительных пансионатов. Может, он жил в одном из них. Нет, вернемся к главному вопросу: что делал Стенстрём в автобусе?

С минуту продолжалось молчание. В комнате рядом звонили телефоны. Время от времени были слышны голоса Гюнвальда Ларссона и Рённа. Наконец, Меландер спросил:

— А что умел делать Стенстрём?

Все трое знали ответ на этот вопрос.

— Стенстрём умел выслеживать,— молвил Меландер.

— Да,— сказал Мартин Бек.— Это он умел. Находчиво и неотступно. Мог тенью ходить за кем-нибудь целыми неделями.

Колльберг почесал затылок и сказал:

— Помню, как четыре года назад он довел до сумасшествия убийцу с судна, плавающего по Гёта-каналу.

— Он его просто затравил,— прибавил Мартин Бек.— Он уже тогда умел наблюдать. А потом еще усовершенствовал свой метод.

Колльберг вдруг оживился:

— Кстати, ты спрашивал у Хаммара, что именно делал Стенстрём летом, когда мы все взялись за нераскрытые старые дела?

— Спрашивал, но без толку,— ответил Мартин Бек.— Хаммар предложил ему несколько дел, каких именно, уже не помнит, но они ни на одном не остановились.

Наступила тишина, и ее вновь нарушил Меландер:

— Ну и к чему же мы пришли?

— Я и сам хорошо не знаю,— ответил Мартин Бек.

— Извините,— сказал Меландер и ушел.

Когда он закрыл за собой дверь, Колльберг посмотрел на Мартина Бека и спросил:

— Кто пойдет к Осе Турелль?

— Ты. Туда надо идти одному, и ты из всех нас наиболее подходишь для этого дела.

Колльберг промолчал.

— Ты не хочешь?

— Не хочу. Но пойду

— Сегодня вечером?

— Я должен еще уладить одно дело. На Вестберге. Позвони ей и скажи, что я приду где-то в половине восьмого.

Продолжение следует

Перевел со шведского
СТ. НИКОНЕНКО

МАЙ ШЁВАЛЛЬ и ПЕР ВАЛЕ

В ТУПИКЕ

Роман

Перед одним из домов на Клуббаккен стоял облепленный снегом человек и при скупом свете уличного фонаря пытался разобрать расплывшиеся буквы на мокром клочке бумаги. Затем решительно подошел к двери и позвонил. Ожидая, пока ему откроют, он снял шляпу и стряхнул с нее снег.

Дверь приоткрылась, и оттуда выглянула пожилая женщина в халате и фартуке; руки ее были в муке.

— Полиция,— хрипло сказал мужчина.— Старший следователь Нурдин.

— У вас есть удостоверение? — недоверчиво спросила женщина.

Продолжение. Начало в № 3—5.

Мужчина переложил шляпу в левую руку и начал расстегивать пальто и пиджак. Наконец вынул бумажник и показал удостоверение.

Женщина с тревогой следила за его движениями, словно боялась, что он вытащит из кармана бомбу или пистолет.

Нурдин держал удостоверение в руке, и женщина читала его сквозь узкую щель приоткрытой двери.

Снег падал Нурдину на голову и таял на лысине. Ему было неудобно стоять с удостоверением в одной руке и шляпой в другой. Конечно, шляпу можно было надеть на голову, но Нурдин считал это невежливым. «У меня на родине,— подумал он,— любого гостя не держат на пороге, а непременно приглашают на кухню, усаживают около плиты и угощают чашечкой кофе. Хороший обычай! Но, наверное, не для больших городов».

— Это вы звонили в полицию о каком-то мужчине в гараже, не так ли? — наконец спросил он.

— Мне очень неприятно, что я вас побеспокоила...

— Отчего же, мы благодарны вам.

Женщина обернулась и посмотрела в глубь коридора. Наверное, беспокоилась о печенье в духовке. Затем чуть шире приоткрыла дверь и указала рукой куда-то за спину Нурдину.

— Гараж вон там.

Нурдин посмотрел туда, куда показывала женщина, и сказал:

— Я ничего не вижу.

— Его видно со второго этажа.

— А тот мужчина?

— Он был какой-то чудной. А теперь уже недели две его нет. Такой небольшой, чернявый.

— Вы все время смотрите, что делается в гараже?

— Да... из окна спальни...— Женщина вдруг покраснела.— Гараж держит какой-то иностранец. Там слоняется много подозрительных людей. Поэтому интересно знать...

— А что было чудного в том невысоком чернявом мужчине?

— Ну... Он смеялся.

— Смеялся?

— Да. Очень громко.

— Вы не знаете, есть ли кто сейчас в гараже?

— Недавно там горел свет. Когда я была наверху и выглядывала в окно.

Нурдин вздохнул и надел шляпу.

— Ну я пойду туда и расспрошу,— сказал он.— Благодарю вас.

Женщина еще немного приоткрыла дверь, пристально посмотрела на Нурдина и с жадностью спросила:

— А будет ли мне какое-то вознаграждение?

— За что?

— Ну...

— До свидания.

Нурдин побрел по снегу в указанном направлении. Женщина сразу заперла дверь и, вероятно, мгновенно бросилась наверх, к окну.

Гараж был небольшим строением из асбестовых плит, покрытых гофрированным железом. В него могли вместиться самое бо́льшее две машины.

Нурдин открыл одну половинку дверей и зашел внутрь.

Там стояла зеленая «шкода» выпуска 1959 года. Под машиной неподвижно лежал на спине какой-то мужчина. Видны были только его ноги в синих брюках.

«Мертвый»,— подумал Нурдин и похолодел. Он подошел к машине и толкнул мужчину ногой.

Тот вздрогнул, словно от электрического тока, вылез из-под машины и поднялся.

Полиция,— сказал Нурдин.

Мои документы в порядке.

Мужчине было лет тридцать. Он был стройный, кареглазый, кудрявый, с холеными бакенбардами.

— Ты итальянец? — спросил Нурдин, который не различал никаких иностранных акцентов, кроме финского.

— Нет, швейцарец.

— Ты хорошо говоришь по-шведски.

— Я живу здесь шесть лет. Какое у вас дело?

— Мы хотим связаться с одним твоим товарищем.

— С которым?

— Мы не знаем его имени.— Нурдин присмотрелся к швейцарцу и прибавил: — Он ниже тебя, но немного полнее. У него темные длинные волосы, карие глаза. Ему лет тридцать пять.

Мужчина покачал головой.

— У меня нет такого товарища. Я не имею порядочно знакомых.

— Много знакомых,— дружелюбно поправил его Нурдин.

— Да, не имею много знакомых.

— Однако я слыхал, что здесь бывает много людей.

— Приезжают ребята с машинами, если что-то сломается.— Он немного подумал и пояснил: — Я механик. Работаю в мастерской на Рингвеген. Все немцы и австрийцы в Стокгольме знают, что я имею здесь гараж. Поэтому по вечерам и приезжают, чтобы чинил их машины даром. Некоторых я впервые вижу. Правда, последние дня два никого не было. Знают, что сейчас вожусь вот с нею.— Он показал замасленным пальцем на машину и прибавил: — Хочу закончить до праздников, чтобы поехать домой, к родителям.

— Как тебя зовут?

— Хорст. Хорст Дике.

— А меня Ульф. Ульф Нурдин.

Швейцарец усмехнулся, показав белые крепкие зубы. Он производил впечатление симпатичного, порядочного парня.

— Следовательно, Хорст, ты не знаешь, кого мы ищем?

— К сожалению, не знаю.

Но швейцарец явно хотел помочь ему.

— А вам больше ничего не известно о том парне? — спросил он.

— Он смеялся. Громко.

Лицо швейцарца сразу засияло:

— О, кажется, я уже знаю, кого вы ищете. Он смеялся вот как.

Дике раскрыл рот и крикнул как-то резко и пронзительно, подобно бекасу.

Нурдин от неожиданности даже растерялся.

— Наверное, он.

— Да, да,— молвил Дике.— Теперь я знаю, кого вам надо. Такого низенького чернявого парня. Он был здесь раза четыре или пять. А может, и больше. Но имени его я не знаю. Приезжал сюда с одним испанцем, хотел продать мне запасные части. Но я не купил.

— Почему?

— Слишком дешевые. Наверно, краденые.

— А как зовут того испанца?

Дике пожал плечами:

— Не помню. Пако, Пабло. Как-то так.

— Какая у него машина?

— Хорошая. «Вольво амазон». Белая.

— А у того мужчины, что смеялся?

— Этого я не знаю. Он приезжал только с испанцем. Был как будто пьяный. Но он не сидел за рулем.

— Он тоже испанец?

— Не думаю. Наверное, швед.

— Когда он был здесь в последний раз?

— Три недели назад. А может, две. Я хорошо не помню.

— Испанца ты после того еще видел? Пако, или как там его?

— Нет. Он, наверное, уехал в Испанию. Ему нужны были деньги, поэтому он и продавал детали. Во всяком случае, так мне говорил.

Нурдину было над чем подумать.

— По-твоему, тот мужчина, который смеялся, был пьяный? А может, наркоман?

Швейцарец пожал плечами.

— Не знаю. Я думал, что он пьяный. Хотя, может, и наркоман. Почему бы и нет? Здесь почти все такие. Если не пьют, то употребляют наркотики. Разве нет?

— И ты не можешь вспомнить, как его называл тот испанец?

— Нет. Хотя... однажды с ними приезжала девушка. Такая высокая, с русыми волосами.

— А ее как зовут?

— Ее называют Белокурая Малин. Я ее видел раньше.

— Где?

— В ресторане на Тегнергатан недалеко от Свеавеген. Туда ходят иностранцы. Она шведка.

Нурдину не приходил на ум больше ни один вопрос. Он посмотрел на зеленую машину и сказал:

— Надеюсь, что ты счастливо доберешься домой.

Дике усмехнулся.

— Да, наверное, доберусь.

— А когда назад?

— Никогда. Швеция — плохая страна. Стокгольм — плохой город. Только лишь насилие, наркотики, воры, алкоголь.

Нурдин ничего не сказал. С этой оценкой он, в общем, был согласен.

— Паскудство,— подытожил швейцарец.— Только и всего, что иностранец может здесь заработать деньги. А остальное не стоит доброго слова. Я живу в комнате еще с тремя рабочими. Плачу по четыреста крон в месяц. Настоящая эксплуатация. Свинство. И это потому, что нет квартир. Только богачи и преступники могут позволить себе ходить в ресторан. Я сберег денег. Вернусь домой, открою маленькую мастерскую, женюсь.

— А здесь ты не познакомился ни с одной девушкой?

— Девушка-шведка не для нас. Разве только студент или еще кто-то там может встретиться с порядочными девушками. А рабочий — только с девушками определенного сорта. С такими, как Белокурая Малин.

Нурдин покачал головой.

— Ты видел только Стокгольм, Хорст. А жаль.

— Разве где-то лучше?

Нурдин мягко улыбнулся ему и вышел из гаража. Под ближайшим фонарем он остановился и вынул блокнот.

— Белокурая Малин,— молвил он про себя.— Трупы, наркотики. Ну и выбрал я себе профессию!

По тротуару к нему приближался какой-то человек. Нурдин поднял над головой шляпу и сказал:

— Извините, вы бы мне...

Человек подозрительно посмотрел на него, втянул голову в плечи и прибавил ходу.

— ...Не сказали, в какую сторону идти к станции метро? — тихо и несмело бросил Нурдин свой вопрос в густую пургу.

Потом покачал головой и записал на открытой страничке несколько слов: «Пабло или Пако. Белый «амазон». Чудно́ смеялся. Белокурая Малин».

Потом убрал ручку и блокнот, вздохнул и вышел из круга света, падавшего от фонаря.

Колльберг стоял перед дверью квартиры Осы Турелль на втором этаже дома на Черховсгатан. Чувствовал он себя очень неловко.

Звонок не работал, и Колльберг, как обычно в таких случаях, забарабанил в дверь кулаком. Оса Турелль сразу открыла, уставилась на него и сказала:

— Да, да, я здесь. Не надо ломать дверь.

— Извини,— молвил Колльберг.

В квартире было темно. Он снял пальто и зажег свет в коридоре. На полке, как и в первый раз, лежала фуражка Стенстрёма. Провод к звонку был оторван и болтался над дверью.

Оса Турелль проследила за взглядом Колльберга и буркнула:

— Сюда звонила масса всяких идиотов. Журналисты, фотографы и еще бог знает кто. Непрерывно.

Колльберг ничего не сказал. Он зашел в комнату и сел на один из стульев.

— Хоть зажги свет, чтоб мы видели друг друга.

— Мне и так видно. Но, пожалуйста, могу зажечь.

Она щелкнула выключателем, однако не села, а беспокойно закружила по комнате, как будто была заперта и хотела вырваться на волю.

Воздух в комнате был тяжелый и застойный. Кровать в спальне не застлана.

С того времени, когда Колльберг видел Осу Турелль в последний раз, она очень изменилась. Брюки ее были обсыпаны табачным пеплом, средний и указательный пальцы пожелтели от никотина. Волосы нечесаны и всклокочены, под глазами виднелись синяки, губы потрескались.

— Чего ты хочешь? — неприветливо спросила Оса.

Подойдя к столу, она вытряхнула из пачки сигарету, зажгла дрожащей рукой и уронила непотушенную спичку на пол.

— Ты не работаешь? — спросил Колльберг.

— К сожалению, в нашей фирме есть свой врач. Он сказал, что мне необходимо отдохнуть, и дал освобождение от работы.

Оса Турелль затянулась сигаретой, пепел просыпался на стол.

— Уже прошло три недели. Было б куда лучше, если бы я работала.

Она круто обернулась, подошла к окну и выглянула на улицу, перебирая руками занавеску.

Колльберг беспокойно задвигался на стуле. Разговор оказался тяжелее, чем он себе представлял.

— Чего ж ты хочешь? — спросила Оса Турелль, не поворачивая головы.

Как-то надо было начинать. Но как? Колльберг пристально посмотрел на молодую женщину.

— Садись,— скомандовал он.

Оса пожала плечами, взяла новую сигарету и, зажигая ее, пошла в направлении спальни.

— Садись! — рявкнул Колльберг.

Она вздрогнула и посмотрела на него. В ее больших карих глазах светилась почти ненависть. Однако подошла к креслу и села против Колльберга.

— Нам необходимо выложить карты на стол,— сказал Колльберг.

— Отлично,— молвила она звонким голосом. — Беда только, что у меня нет никаких карт.

— Но у меня они есть.

— Да?

— Прошлый раз мы были с тобой не совсем откровенны.

Она насупила темные густые брови.

— В каком смысле?

— Во многих смыслах. Но прежде всего я тебя спрошу: ты знаешь, что Оке делал в автобусе?

— Нет, нет и еще раз нет. Совсем не знаю.

— Мы также не знаем,— сказал Колльберг.

Он на миг умолк, глубоко вдохнул воздух и прибавил:

— Оке тебя обманывал.

Реакция была мгновенной. Глаза ее метали молнии. Оса стиснула кулаки, раздавив сигарету.

— Как ты смеешь мне говорить такое!

— Смею, так как это правда. Оке не дежурил ни в понедельник, когда его убили, ни в субботу предыдущей недели. Вообще у него было много свободного времени в течение всего октября и первые две недели ноября.

Оса только молча смотрела на него.

— Это факт,— продолжал Колльберг.— И еще одно я хотел бы знать: носил ли он пистолет, когда был не на службе?

Она ответила не сразу.

— Да. По крайней мере, последнее время почти всегда. Хотя это его и не спасло.

— Слушай, Оса,— сказал Колльберг.— Он часто куда-то ходил. Ты не думаешь, что он мог с кем-то встречаться? То есть с какой-то другой женщиной?

— Нет.

— Ты думаешь, что это невозможно?

— Не то что думаю. Я в этом уверена.

«Пора изменить тему»,— подумал Колльберг и сказал:

— Собственно, я и пришел сюда потому, что не верю в официальную версию, будто Стенстрём — одна из жертв сумасшедшего убийцы. И независимо от твоих заверений, что он тебе не изменял, или, как бы лучше сказать, независимо от причин, на которых основывается твоя уверенность, я все равно не верю, что он ехал тем автобусом просто так, ради удовольствия.

— А во что же ты веришь?

— Что ты с самого начала была права, говоря о том, что он работал. Что он занимался каким-то служебным делом, но почему-то не хотел, чтоб об этом знали ты или мы. Например, вполне возможно, что он длительное время за кем-то следил и преследуемый убил его в отчаянии. Оке умел очень ловко наблюдать за людьми, которых в чем-то подозревал. Это его забавляло.

— Я знаю,— сказала Оса.

— Можно наблюдать за кем-то двумя способами,— продолжал Колльберг.— Или ходишь за ним как можно незаметней, чтобы узнать о его намерениях, или преследуешь его совершенно открыто, чтобы довести до отчаяния и принудить взорваться или как-то иначе выдать себя. Стенстрём владел обоими способами лучше, чем кто-либо другой.

— Кроме тебя, еще кто-нибудь так думает? — спросила Оса.

— Да. По крайней мере, Мартин Бек и Меландер.— Он почесал затылок и прибавил: — Но такое предположение имеет много слабых сторон. Мы теперь не будем на нем останавливаться.

Она кивнула.

— Так что ж ты хочешь узнать?

— Я и сам хорошо не знаю. Как-то надо двигаться дальше. Я не уверен, что во всем тебя понял. Что, например, ты имела на уме, когда говорила, что он последнее время носил оружие? Когда это — последнее время?

— Когда я встретила Оке больше четырех лет тому назад, он еще был мальчишкой,— спокойно молвила она.

— В каком смысле?

— Он был несмелый и наивный. А когда его убили три недели тому назад, он был уже взрослый...— Оса помолчала, потом неожиданно спросила: — Ты сам считаешь себя храбрым? Мужественным?

— Не особенно.

— Оке был трусоват, хотя делал все, чтобы перебороть свой страх. Пистолет давал ему определенное чувство безопасности.

Колльберг сделал попытку возразить.

— Ты говорила, что он стал взрослым. Но с профессиональной точки зрения этого не видно. Ведь он же был полицейский, а дал себя застрелить сзади. Я уже говорил, что мне трудно этому поверить.

— Именно так,— молвила Оса Турелль.— И я этому совсем не верю. Что-то здесь не согласовывается. Попробую объяснить, чтобы тебе стало понятно, как изменился Оке за время нашего знакомства. Когда мы впервые оказались в этой комнате, последнее, что снял с себя Оке, был пистолет. Видишь ли, хотя он на пять лет старше меня, более взрослой тогда была я. Но нам было очень хорошо вместе, и большего ни он, ни я не желали. Теперь ты понимаешь, почему я сказала, что Оке не мог мне изменить? Постепенно я почувствовала, что он становится в чем-то мудрее меня. Он уже не приходил ко мне с пистолетом, был весел, уверен в себе. Может быть, это я так на него повлияла, может быть, его работа. А скорее и то и другое. Да и я изменилась. Забыла даже, когда последний раз ходила в театр. Но вот этим летом мы поехали на Майорку. Как раз в то время произошел очень скверный, тягостный случай в городе.

— Да, убийство в парке.

— Вот именно. Когда мы возвратились, преступника нашли. Оке был раздосадован, что не принимал участия в раскрытии преступления. Он был честолюбив, тщеславен. Я знаю, что он все время мечтал раскрыть что-то важное, чего другие недосмотрели. Кроме того, он был моложе всех вас и считал, по крайней мере раньше, что на работе над ним подтрунивали. Мне он говорил, что именно ты был в числе тех, кто больше всех это делал.

— К сожалению, у него были основания.

— Он не очень тебя любил. Предпочитал, например, иметь дело с Беком и Меландером. Когда мы возвратились с Майорки, работы у вас было мало. Оке целыми днями не выходил из дома, был очень нежен со мной. Но где-то в середине сентября он вдруг замкнулся в себе, сказал, что получил срочное задание, и стал пропадать целыми сутками. И вновь начал таскать с собой пистолет.

— И он не говорил, что у него за работа? — спросил Колльберг.

Оса покачала головой.

— Даже не намекал?

Она вновь покачала головой.

— А ты не замечала ничего особенного?

— Он возвращался мокрый и замерзший. Я не раз просыпалась, когда он ложился спать, холодный как лягушка. И всегда очень поздно. Но последним случаем, о котором он говорил со мной, был тот, что произошел в первой половине сентября. Муж убил свою жену. Кажется, его звали Биргерссон.

— Припоминаю,— молвил Колльберг.— Семейная драма. Обыкновенная история. Я даже не понимаю, почему ее передали нам на рассмотрение. Как будто взята из учебника криминалисти-

ки. Несчастливый брак, неврозы, ссоры, плохие материальные условия. В конце концов муж убил жену. Более или менее случайно. Потом хотел наложить на себя руки, но не смог и пошел в полицию. Да, верно, Стенстрём в самом деле занимался этим делом. Проводил допросы.

— Подожди, во время тех допросов что-то произошло.

— Что именно?

— Я не знаю. Но однажды вечером Оке пришел очень возбужденный.

— Там не было из-за чего возбуждаться. Типичное преступление. Одинокий муж и алчная жена, которая все время грызла его, что он мало зарабатывает. Что они не могут купить себе моторную лодку, дачу и такую хорошую машину, как у соседа.

— Но во время допросов тот муж сказал что-то Оке.

— Что?

— Не знаю. Но что-то такое, что он считал очень важным. Я, конечно, спросила то же самое, что и ты, однако он только засмеялся и сказал, что скоро сама увижу.

Они немного помолчали. Наконец Колльберг встрепенулся:

— А ты не находила блокнота или календаря, где он делал заметки? В кармане у него лежала записная книжка, но мы не нашли там ничего интересного.

— Конечно, у него был еще один блокнот. Вот он, лежит там, на письменном столе.

Колльберг поднялся и взял блокнот, такой же самый, как тот, что они нашли в кармане Стенстрёма.

— Там почти ничего не записано,— сказала Оса.

Колльберг перелистал блокнот. Оса была права. На первой странице были основные сведения о бедняге Биргерссоне, который убил свою жену. Вверху на второй странице стояло только одно слово: «Моррис».

Оса заглянула в блокнот и пожала плечами.

— Наверное, это название машины,— сказала она.

— Или фамилия литературного агента из Нью-Йорка,— сказал Колльберг.

Оса стояла около стола и вдруг хлопнула ладонью по столешнице.

— Если б я хоть имела ребенка! — почти вскрикнула она, затем приглушила голос и прибавила: — Оке говорил, что мы еще успеем. Что надо подождать, пока его повысят по службе.

Колльберг нерешительно направился в переднюю.

— Вот и успели,— пробормотала она.

Затем спросила:

— Что теперь будет со мной?

Колльберг обернулся и сказал:

— Так дальше нельзя, Оса. Пойдем.

Она молниеносно повернулась к нему и с ненавистью спросила:

— Пойдем? Куда?

Колльберг долго смотрел на нее.

— Пойдем ко мне. Места у нас хватит. Ты уже достаточно насиделась одна. Моя жена с удовольствием познакомится с тобой.

В машине Оса заплакала.

Рисунки Г. НОВОЖИЛОВА

Дул пронзительный ветер, когда Нурдин вышел из метро на перекрестке Свеавеген и Родмансгатан. Свернув затем на Тегнергатан, он оказался с наветренной стороны и пошел медленней. Метрах в двадцати от угла находился небольшой ресторан.

В помещении было полно молодежи. Гремела музыка, слышались голоса. Нурдин оглянулся вокруг в поисках свободного столика, но его, кажется, не было. Какое-то время он размышлял, снимать ли шляпу и пальто, но наконец решил не рисковать. В Стокгольме никому нельзя доверять, в этом он был убежден.

Нурдин принялся изучать гостей женского пола. Белокурых было много, но ни одна не отвечала описанию Малин.

Здесь преобладала немецкая речь. Около худощавой брюнетки, что походила на шведку, оказалось свободное место. Нурдин расстегнул пальто и сел. Положив шляпу на колени, он подумал, что в своем непромокаемом пальто и охотничьей шляпе не очень отличается от большинства немцев.

Когда наконец ему принесли кофе, он, мешая его, посмотрел на свою соседку. Стараясь говорить на стокгольмском диалекте, чтобы походить на постоянного посетителя, он спросил:

— Ты не знаешь, где сегодня Белокурая Малин?

Брюнетка вытаращила на него глаза. Потом усмехнулась и, обратившись к подруге, сидевшей за соседним столиком, сказала:

— Слышишь, Эва, этот норландец спрашивает о Белокурой Малин. Не знаешь, где она?

Подруга посмотрела на Нурдина, потом крикнула кому-то за дальним столиком:

— Здесь какой-то легавый спрашивает о Белокурой Малин. Где она?

— Не-е-е! — послышалось оттуда.

Нурдин, попивая кофе, размышлял, как они узнали, что он полицейский. Ему было трудно понять стокгольмцев.

Когда он выходил из помещения, его остановила официантка, подававшая кофе:

— Я слыхала, что вы ищете Белокурую Малин. Вы в самом деле из полиции?

Нурдин на миг заколебался, затем понуро кивнул головой.

— Если арестуете эту обезьяну, я буду страшно рада,— молвила официантка.— Она, наверное, сейчас в кафе на площади Энгельбрект.

Нурдин поблагодарил и вышел на холод.

Белокурой Малин не оказалось и в указанном кафе. Однако барменша посоветовала заглянуть в ресторан на Кунгсгатан.

Нурдин поплелся дальше ненавистными стокгольмскими улицами.

Но на этот раз он был вознагражден за свой труд.

Движением головы он отослал гардеробщика, который подошел взять у него пальто, остановился в дверях и осмотрел ресторан. И почти сразу заметил ту, которую искал. Ее белые волосы были уложены в высокую искусную прическу. Нурдин не сомневался, что это Белокурая Малин.

Она расположилась с бокалом вина на кушетке возле стены. Рядом сидела женщина немного постарше, черные волосы которой, свисая длинными закрученными прядями на плечи, еще сильнее старили ее.

Нурдин обратился к гардеробщику:

— Вы не знаете имя той белокурой дамы на кушетке?

— Ничего себе дама,— фыркнул тот.— Ее все зовут Малин. Толстая Малин или как-то так.

Нурдин отдал ему пальто и шляпу.

Черноволосая выжидающе посмотрела на него, когда он подошел к их столику.

— Извините, что перебиваю вас,— сказал Нурдин,— но мне хотелось бы поговорить с фрёкен Малин.

Белокурая Малин взглянула на него:

— О чем?

— Об одном вашем приятеле,— ответил Нурдин.— Может, пересядем на минуту к отдельному столику, чтобы нам никто не мешал?

Белокурая Малин посмотрела на свою приятельницу, и он поспешил прибавить:

— Конечно, если ваша подруга не возражает.

— Если я мешаю, то пойду сяду около Туре,— обиженно отозвалась черноволосая.— До свидания, Малин.

Она взяла свой бокал и пошла к столику в глубине зала.

Нурдин пододвинул стул и сел. Белокурая Малин презрительно взглянула на него.

— Я ни на кого не доношу.

Нурдин вынул из кармана пачку сигарет и предложил ей. Малин взяла одну, и он зажег спичку.

— Речь идет не о доносе,— сказал он.— Несколько недель назад вы приезжали с двумя мужчинами в белом «вольво амазон» в гараж на Клуббакен, который принадлежит швейцарцу по имени Хорст. Тот, что вел машину, был испанец. Вы помните?

— Да-да, хорошо помню,— ответила Белокурая Малин.— Ну и что? Мы с Ниссе сопровождали Пако. Ниссе показывал ему дорогу в гараж. В конце концов, Пако уже в Испании.

Малин допила бокал и вылила в него остаток вина из графина.

Можно мне вас чем-нибудь угостить? Может, хотите еще вина? — спросил Нурдин.

Она кивнула головой, и Нурдин подозвал официанта. Он заказал полграфина вина и кружку пива.

— А кто такой Ниссе? — спросил он.

— Фамилия его Ёранссон. Нильс Эрик Ёранссон. А что делает — не знаю. Я не видела его несколько недель.

— Почему? — спросил Нурдин.— Вы же с ним часто встречались?

— Мы не из одной компании. Может, он встретил какую-то другую девушку? Откуда я знаю? Во всяком случае, я давно его не видела.

Официантка принесла вина и пиво для Нурдина. Белокурая Малин сразу налила себе бокал.

— Вы знаете, где он живет? — спросил Нурдин.

— У него, наверное, нет квартиры. Он жил у меня, потом у одного приятеля в Сёдере, но мне кажется, что там его уже нет. А где, я не знаю. А если б и знала, то не уверена, сказала ли. Я никого не выдаю.

Нурдин глотнул пива и ласково посмотрел на белокурую женщину, что сидела напротив него.

— Вам не надо никого выдавать, фрёкен... Извините, вас зовут просто Малин, или как-то еще?

— Мое имя Магдалена Русен. Но меня прозвали Белокурая Малин из-за моих светлых волос.— Она провела рукой по голове.— А что вам нужно от Ниссе? Он что-то сделал? Я не буду отвечать на ваши вопросы, если не буду знать, что вам нужно.

— Понимаю, фрёкен Русен,— сказал Ульф Нурдин.— Можно мне задать еще один вопрос?

Она кивнула.

— Как Ниссе одевался?

Она наморщила лоб и на мгновение задумалась.

— В основном ходил в бежевом костюме,— наконец сказала она.— Ну и, конечно, имел рубашку и туфли, как все мужчины.

— И носил плащ?

— Ну, то был не совсем плащ. Такая тонкая черная тряпка из нейлона, что ли. Ну и что?

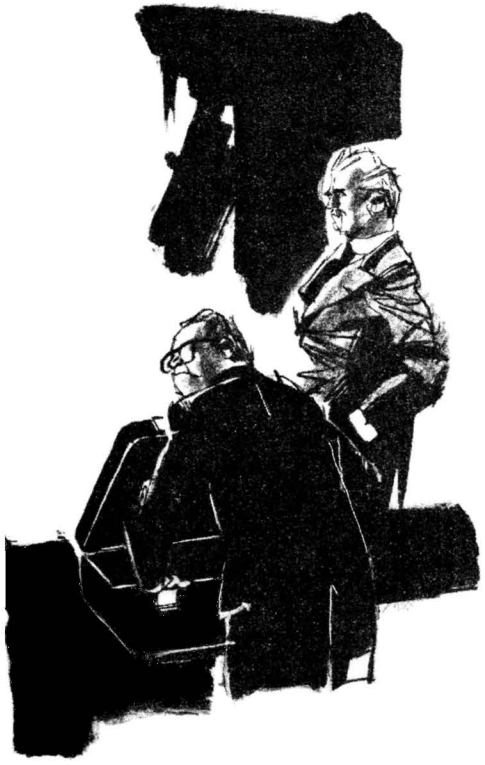
Она вопросительно посмотрела на Нурдина.

— Видите, фрёкен Русен, есть подозрение, что он умер.

— Умер? Ниссе? Но почему... почему вы говорите, что есть подозрение? Откуда вы знаете, что он умер?

— Дело в том, что в морге лежит один человек, которого мы не можем опознать. Есть основания считать, что это Нильс Эрик Ёранссон.

— С чего бы это он мог умереть? — недоверчиво спросила Белокурая Малин.



— Он был одним из пассажиров того автобуса, о котором вы, наверное, читали. Пули попали в голову, и он сразу умер. Поскольку вы единственная из знакомых Ёранссона, которую нам посчастливилось найти, мы были бы очень благодарны, если бы вы пришли в морг и посмотрели, в самом ли деле это он.

Белокурая Малин испуганно вытаращила глаза на Нурдина:

— Я? В морг? Да ни за что на свете!

В среду, в девять часов утра, Нурдин и Белокурая Малин вышли из такси перед Институтом судебной медицины. Мартин Бек уже минут пятнадцать ждал их, и они вместе зашли в морг.

Обрюзгшее, бледное лицо Белокурой Малин было подкрашено небрежно, а белые волосы не так старательно уложены, как вчера вечером.

Работники морга были предупреждены, и служитель сразу же провел Нурдина и Белокурую Малин в морозильник.

На лицо покойника набросили платок, но так, чтобы были видны волосы. Белокурая Малин схватила Нурдина за руку и прошептала:

— Черт возьми!

— Хорошенько присмотритесь, — сказал Нурдин тихим голосом,— и скажите, узнаете ли его.

Белокурая Малин закрыла рот ладонью и впилась глазами в голое тело.

— А что с его лицом? — спросила она.— Можно посмотреть на него?

— Лучше не смотрите,— сказал Мартин Бек.— Вы и так должны его узнать.

Белокурая Малин кивнула.

— Да. Это Ниссе. Вот тот шрам и... да, это он.

— Спасибо, фрёкен Русен,— сказал Мартин Бек.— А теперь приглашаем вас на чашечку кофе.

В управлении полиции Мартин Бек и Ульф Нурдин принялись угощать ее кофе с булочками, а через минуту к ним присоединились Колльберг, Меландер и Рённ.

Белокурая Малин быстро успокоилась — видимо, не только благодаря угощению, но и тому вниманию, которое к ней было проявлено. Она охотно отвечала на вопросы и, уходя, пожала всем руки и сказала:

— Благодарю, я никогда не думала, что лег... что полицейские могут быть такими мировыми парнями.

Когда дверь за ней закрылась, Колльберг сказал:

— Ну, мировые парни, подведем итог?

Итог был такой:

Нильс Эрик Ёранссон.

Возраст: 38 или 39.

С 1965 года или еще раньше без постоянного места работы.

С марта по август 1967 года жил у Магдалены Русен (Белокурой Малин). Стокгольм, Арбетаргатан, 3.

Далее до начала октября жил у Сюне Бьёрка в Сёдере.

Где жил последние недели перед смертью, неизвестно.

Наркоман.

Возможно, также торговал наркотиками.

Последний раз Магдалена Русен видела его 3 или 4 ноября перед рестораном Дамберга. Он был в том самом костюме и плаще, что и 13 ноября.

Всегда, как правило, имел деньги.

Из всех, кто занимался делом об убийстве в автобусе, Нурдин первый добился того, что при желании можно было назвать положительным результатом. Но даже здесь мнения разделились.

— Ну хорошо,— сказал Гюнвальд Ларссон,— теперь вы знаете фамилию того типа. А что дальше?

— Так, так,— задумчиво молвил Меландер.— Тот Ёранссон ни на чем не попался. А все же мне кажется, что я помню это имя. Оно всплывало в связи с каким-то следствием.

— Ты хочешь сказать, что когда-то допрашивал его?

— Нет, этого бы не забыл. Я никогда не разговаривал с ним и даже не видел его. Нильс Эрик Ёранссон. Где-то я встречал это имя.

Меландер пыхтел трубкой и рассеянно смотрел перед собой.

Гюнвальд Ларссон размахивал перед лицом своими ручищами. Он не терпел никотина, и табачный дым его раздражал.

— Меня очень интересует эта свинья Ассарссон,— сказал он.

— Я вспомню,— сказал Меландер.

— Еще бы. Если раньше не умрешь от рака легких.— Гюнвальд Ларссон поднялся и подошел к Мартину Беку.— Откуда этот Ассарссон брал деньги?

— Не знаю. Что делает его фирма?

— Импортирует разные вещи. От подъемных кранов до искусственных рождественских елок. Я выяснил, какой налог за последние годы платили эти господа и их фирма.

— И что?

— Приблизительно третью часть того, что вынуждены выкладывать я или ты. А когда вспоминаю, какой вид имеет квартира вдовы Ассарссона, то у меня чешутся руки привести ревизора в их лавочку.

— А чем ты будешь мотивировать свое желание?

— Не знаю.

Мартин Бек пожал плечами. Гюнвальд Ларссон пошел к двери, но на пороге остановился и сказал:

— Тот Ассарссон был хорош гусь. И его братец, наверное, не лучше.

Сразу же после этого в дверях появился Колльберг. Он был какой-то уставший, глаза у него покраснели.

— Что ты теперь делаешь? — спросил Мартин Бек.

— Целую ночь слушал записи разговоров Стенстрёма с Биргерссоном, убившим свою жену.

— И что?

— Ничего. Абсолютно ничего. Если я чего-то не пропустил.

— Всегда можно что-то пропустить.

— Очень утешительное замечание,— сказал Колльберг.

Мартин Бек положил локти на стол и подпер руками голову.

Была уже пятница, восьмое декабря. Прошло двадцать пять суток, а следствие стояло на месте. Были даже определенные признаки, что оно рассыпалось. Каждый крепко цеплялся за свою соломинку.

Меландер вспоминал, где и когда он слыхал имя Нильса Эрика Ёранссона.

Гюнвальд Ларссон размышлял, как братья Ассарссоны зарабатывали деньги.

Колльберга интересовало, каким образом психически ненормальный убийца своей жены Биргерссон мог повлиять на Стенстрёма.

Нурдин пробовал найти какую-то связь между Ёранссоном, убийством в автобусе и гаражом на Клуббаккен.

Эк так углубил свои технические знания о красном двухэтажном автобусе, что практически с ним можно было говорить о циркуляции тока в любом его проводе.

Монссон воспринял неверную теорию Гюнвальда Ларссона, что Мухаммед Бусси мог играть основную роль в этом деле, потому что был алжирцем, и систематически допрашивал всю арабскую колонию в Стокгольме.

Сам Мартин Бек размышлял только о Стенстрёме — что он делал в автобусе, не следил ли случайно за кем-то и не тот ли, за кем он следил, застрелил его. Этот путь не казался убедительным. Ибо как опытный полицейский мог допустить, чтобы его застрелил тот, за кем он следил? Да еще в автобусе?

Рённ не мог оторваться от мысли о том, что сказал Шверин в больнице за несколько секунд до смерти.

Накануне Рённ разговаривал с экспертом из Шведского радио, который попробовал проанализировать запись на ленте.

— Очень скупой материал,— сказал эксперт.— Тем не менее я сделал определенные выводы. Хотите услышать их?

— Да,— ответил Рённ.

— Прежде всего я попробовал исключить из ленты все побочные звуки, шум и прочее.

Рённ ожидал, приготовившись записывать.

— Что касается ответа на первый вопрос о том, кто стрелял, то здесь выделяются четыре согласных: д, н, р, к. Но при более обстоятельном анализе слышны определенные гласные и дифтонги после согласных. Например, «а» между «д» и «н».

— Данрк,— сказал Рённ.

— Именно, для неопытного уха ответ звучит где-то так,— сказал эксперт.— Далее, как будто слышен чуть заметный дифтонг «ай».

— Данрк ай? — спросил Рённ.

— Что-то похожее, хотя «ай» не очень четкое.— Эксперт на миг умолк, а потом задумчиво прибавил: — Тот человек был в очень тяжелом состоянии, так?

— Так.

— И видимо, чувствовал страшную боль?

— Возможно,— ответил Рённ.

— Ну тогда можно объяснить, почему он сказал «ай»,— с облегчением молвил эксперт.

Рённ кивнул.

— Теперь я почти уверен,— продолжал эксперт,— что эти звуки образуют целое предложение, а не одно слово.

— И как звучит это предложение? — спросил Рённ.

— Трудно сказать. В самом деле трудно. Например, «дань реки, ай» или «день рока, ай».

— «Дань реки, ай»? — удивился Рённ.

— Это, конечно, только предположение. Ну а что касается второго ответа...

— «Самалсон»?

— Вам кажется, что оно звучало так? Интересно. А у меня сложилось иное впечатление. Я услыхал два слова: сначала — «сам», а затем — «алсон».

— И что это означает?

— Ну, можно допустить, что второе слово означает какую-то фамилию, Алсон или, что вероятней, Ольсон.

— «Сам Алсон» или «Сам Ольсон»?

— Именно так. Вы тоже выговариваете «л» твердо. Может, он говорил на этом же диалекте? — Эксперт немного помолчал, а затем добавил: — Вряд ли, чтобы кто-то носил имя Сам Альсон или Сам Ольсон, не правда ли?

— Да,— ответил Рённ.

— У меня все.

— Благодарю,— сказал Рённ.

Подумав, он решил не докладывать начальству об этих результатах, по крайней мере, сейчас.

Хотя часы показывали только без четверти три, было уже совсем темно, когда Колльберг добрался до Лонгхольмена. Он замерз, устал, а тюремная атмосфера также не прибавила ему радости. Комната свиданий была голая, убогая, неприветливая, и Колльберг понуро ходил от стены до стены, ожидая того, с кем должен был встретиться. Заключенного, по фамилии Биргерссон, который убил свою жену, обследовали в клинике судебной медицины. В свое время его, вероятно, освободят и передадут в какое-либо заведение для психически больных.

Примерно через четверть часа дверь открылась, и надзиратель в темно-синей униформе впустил лысоватого мужчину лет шестидесяти. Колльберг подошел и пожал ему руку:

— Колльберг.

— Биргерссон.

Он оказался человеком, с которым было приятно разговаривать.

— Следователь Стенстрём? Да, я его помню. Очень симпатичный. Передайте, будьте любезны, ему привет.

— Он умер.

— Умер? Трудно поверить. Такой молодой... Как это случилось?

— Именно об этом я и хочу с вами поговорить.

Колльберг объяснил, что ему необходимо.

— Я целую ночь прослушивал магнитофонную запись,— в заключение сказал он.— Но думаю, что вы не включали магнитофон, когда, например, пили кофе.

— Не включали.

— Но и тогда разговаривали?

— Да. По крайней мере, часто.

— О чем?

— Обо всем на свете.

— Вы не могли бы вспомнить, что больше всего заинтересовало Стенстрёма?

Биргерссон подумал и покачал головой.

— Это был обычный разговор. О том о сем. Ни о чем особенном. Что его могло заинтересовать?

— Именно это я и хотел бы знать.

Колльберг вынул блокнот, который дала ему Оса, и показал его Биргерссону.

— Это вам ни о чем не говорит? Почему он написал слово «Моррис»?

Лицо Биргерссона просветлело.

— Мы, наверное, разговаривали о машинах. У меня был «моррис-8». знаете, большая модель. И наверное, в связи с чем-то вспомнили об этом.

— Ага. Когда вы что-то вспомните, позвоните мне. В любое время.

— Машина у меня была старая и неказистая. Зато как ходила! Моя... жена стыдилась ее. Говорила, что у всех новые машины, а у нас такая рухлядь.

Он заморгал глазами и умолк.

Колльберг быстро закончил разговор. Когда надзиратель увел убийцу, в комнату зашел молодой врач в белом халате.

— Ну как вам понравился Биргерссон? — спросил он.

— Он производит приятное впечатление.

— Да,— сказал врач.— Он молодец. Единственное, что ему было надо,— это избавиться от той ведьмы, на которой он был женат.

Колльберг пристально посмотрел на него, спрятал бумаги и вышел.

Была суббота, половина двенадцатого ночи. Гюнвальд Ларссон замерз, хотя надел теплое пальто, меховую шапку, лыжные брюки и обул лыжные ботинки. Он стоял в подъезде дома на Тегнергатан, 53. Стоял здесь не случайно, и его трудно было бы заметить в темноте. Он провел здесь уже четыре часа, и к тому же это был не первый вечер, а десятый или одиннадцатый.

Он уже хотел возвращаться домой, когда погаснет свет в тех окнах, за которыми наблюдал. Однако без четверти двенадцать перед домом с противоположной стороны остановился серый «мерседес» с иностранным номером. Из него вышел какой-то человек, открыл багажник и взял чемоданчик. Затем перешел тротуар, отпер ворота и исчез во дворе. Через минуту вспыхнул свет за спущенными шторами.

Гюнвальд Ларссон быстрым широким шагом перешел улицу. Соответствующий ключ он подобрал еще две недели назад. Зайдя в дом, он снял пальто, перевесил через перила мраморной лестницы, а сверху положил меховую шапку. Потом расстегнул пиджак и поправил кобуру пистолета.

Он давно уже знал, что дверь открывается внутрь. Глядя на нее, он в течение нескольких секунд думал, что если ворвется в комнату без серьезной причины, то нарушит закон, и ему определенно сделают выговор или даже уволят.

Потом ударом ноги распахнул дверь.

Туре Ассарссон и человек, который вышел из иностранной машины, стояли около письменного стола. Оба были как громом пораженные. Ибо как раз открывали чемоданчик, что лежал на столе.

Гюнвальд Ларссон, направив на них пистолет, подошел к телефону и левой рукой набрал 90 000. Никто не произнес ни звука. Все было понятно и без слов.

В чемодане оказалось двести пятьдесят тысяч таблеток с фирменным клеймом «Риталина». На нелегальном рынке наркотиков они стоили около миллиона шведских крон.

Продолжение следует

Перевел со шведского СТ. НИКОНЕНКО

МАЙ ШЕВАЛЛЬ и ПЕР ВАЛЕ

В ТУПИКЕ

Роман

Гюнвальд Ларссон возвратился домой в три часа ночи. Жил он один. Как обычно, минут двадцать мылся в ванной, потом надел пижаму и лег. Лежа в кровати, он раскрыл роман Эвре Рихтера-Фриша, который начал читать несколько дней назад, но уже через две странички отложил книжку, потянулся за телефонным аппаратом и набрал номер.

Мартин Бек снял трубку после второго гудка.

— Привет,— сказал Гюнвальд Ларссон.— Тебе уже сообщили об Ассарссоне?

— Да.

— Вот что я подумал. Видимо, мы шли не в том направлении. Стенстрём, конечно, выслеживал Эсту Ассарссона. А тот, кто стрелял, убил сразу двух зайцев: Ассарссона и того, кто за ним следил.

— Да, в том, что ты говоришь, может, и есть что-то,— согласился Мартин Бек.

Гюнвальд Ларссон ошибался, но все-таки направил следствие на правильную тропу.

Три вечера подряд Нурдин посещал кафе, кондитерские, рестораны, танцевальные залы, где, по словам Белокурой Малин, бывал Ёранссон.

Путешествия по городу не обогатили его новыми фактами о человеке, который назывался Нильс Эрик Ёранссон.

В субботу вечером Нурдин, доложив в рапорте Мартину Беку о своих мизерных достижениях, начал писать жене в Сундсвал длинное грустное письмо, время от времени виновато поглядывая на Рённа и Колльберга, которые увлеченно стучали на машинках.

Не успел Нурдин дописать, как в комнату зашел Мартин Бек.

— Бессмысленно поручать розыски человека в Стокгольме норландцу, который даже не знает, как попасть на Стуреплан,— сказал он.

Нурдин был обижен, но в глубине души сознавал, что Мартин Бек прав.

— Рённ, узнай ты, где бывал Ёранссон, с кем он встречался и что делал,— сказал Мартин Бек.— Попробуй также найти того Бьёрка, у которого он жил.

— Хорошо,— ответил Рённ.

Он составлял список всех возможных значений последних слов Шверина. Первым он написал: «День рока, ай». И последним: «Дно реки, ай».

Каждый тянул свою ниточку в следствии.

В понедельник Мартин Бек встал в половине седьмого после почти бессонной ночи. Он чувствовал себя плохо, и от чашки шоколада, которую приготовила дочь, ему не стало лучше. Жена еще крепко спала, и это ее свойство, наверное, унаследовал сын, которому каждый раз трудно было рано вставать. Но Ингрид просыпалась в половине седьмого и закрывала за собой входную дверь в четверть восьмого. Инга часто говорила, что по ней можно проверять часы.

— О чем ты сейчас думаешь, папа? — спросила дочь.

— Ни о чем,— машинально ответил он.

— Я с весны не видела, чтоб ты когда-нибудь смеялся.

Мартин Бек посмотрел на нее и попробовал усмехнуться. Ингрид была хорошая девушка. Но это же не причина для смеха. Она поднялась и пошла за своими книжками. Когда Мартин Бек надел пальто и шляпу, она уже ожидала его, держась за ручку двери. Он взял у нее кожаный портфель, старый, вытертый, облепленный разноцветными наклейками.

— В сочельник ты будешь смеяться,— сказала Ингрид,— когда получишь от меня подарок.

Они попрощались.

Продолжение. Начало в № 3—6.

На столе в Доме полиции его ожидал рапорт последних проверок.

— Как там с алиби Туре Ассарссона? — спросил Гюнвальд Ларссон.

— Принадлежит к самым неуязвимым в истории криминалистики,— ответил Мартин Бек.— Ибо он как раз в то время произносил речь перед двадцатью пятью лицами.

— Н-да,— мрачно молвил Гюнвальд Ларссон.

— А кроме того, извини меня, предположение, что Эста Ассарссон не заметил бы собственного брата, который садился в автобус с автоматом под плащом, кажется не совсем логичным.

— Что касается плаща,— сказал Гюнвальд Ларссон,—то он мог быть довольно широким, если убийца смог спрятать под ним оружие, которым отправил на тот свет девять человек.

— В этом ты прав,— согласился Мартин Бек.

— Факты сами говорят, что я прав.

— И в этом твое счастье,— сказал Мартин Бек.— Если бы позавчера вечером ты ошибся, нам бы теперь было не до шуток. Но ты когда-нибудь все-таки попадешь в переплет, Гюнвальд,— прибавил он.

— Не думаю,— ответил Гюнвальд Ларссон и вышел из комнаты.

В дверях он столкнулся с Колльбергом, который быстро отступил в сторону и, смерив взглядом широкую спину Ларссона, спросил:

— Что тут с живым тараном? Скис?

Мартин Бек кивнул. Колльберг подошел к окну и выглянул на улицу.

— Ну его к черту,— сказал он.

— Оса продолжает жить у вас?

— Да,— ответил Колльберг.— Но не говори, что я завел у себя гарем.

Колльберг немного помолчал, потом сказал:

— Из Осы больше ничего невозможно вытянуть.

— Ну, зато мы знаем, каким делом занимался Стенстрём,— сказал Мартин Бек.

Колльберг удивленно посмотрел на него:

— Как это — знаем?

— А так. Убийством Тересы. Ясно как божий день.

— Убийством Тересы?

— Да. Тебе такое не приходило на ум?

— Нет,— ответил Колльберг.— Не приходило, хотя я пересмотрел все нераскрытые дела за последние девять лет. Почему же ты ничего не говорил? Видно, не все можно передать с помощью телепатии.

— Не все,— молвил Мартин Бек.— А кроме того, убийство Тересы случилось шестнадцать лет назад. Следствие проводила городская полиция.

— Так ты уже просмотрел протоколы?

— Только бегло. Там более тысячи страниц. Все документы лежат в Вестберге. Может, поедем туда?

— Обязательно.

В машине Мартин Бек сказал:

— Ты, наверное, догадываешься, почему Стенстрём взялся за это дело?

Колльберг кивнул:

— Наверное, потому что оно было самое трудное из всех.

— Вот именно. Самое безнадежное из всех безнадежных. Он хотел показать, на что он способен.

— И дал себя застрелить,— молвил Колльберг.— Так глупо, черт возьми. И какая связь?

Мартин Бек не ответил. Они молчали до тех пор, пока не доехали до Вестберга, поставили машину перед полицейским участком и вышли на мокрый снег. Затем Колльберг сказал:

— Можно ли распутать дело Тересы? Теперь, через столько лет?

— Трудно это представить,— ответил Мартин Бек.

Колльберг тяжело вздыхал и отупело машинально переворачивал вороха сшитых вместе рапортов.

— Необходима неделя, чтобы все это пересмотреть,— сказал он.

— По меньшей мере. А фактические данные ты знаешь?

— Нет. Даже в самых общих чертах.

— Ну так слушай.

Мартин Бек, листая бумаги, начал рассказывать:

— Утром десятого июня тысяча девятьсот пятьдесят первого года один человек, разыскивая своего кота в кустах на Стадсхагсвеген, набрел на убитую женщину. Она была раздета и лежала ничком, с вытянутыми вдоль тела руками. Судебная экспертиза установила, что ее задушили и что она была мертва уже около пяти суток. Тело хорошо сохранилось: наверное, лежало в морозильнике. Обследование места преступления показало, что оно могло там пролежать самое большее двенадцать часов. Потом это подтвердил еще один свидетель, который в предыдущий вечер проходил мимо тех кустов и не мог не заметить убитой. Были найдены нитки и волокна ткани, которые свидетельствовали, что тело привезено туда завернутым в серое одеяло. Таким образом, стало ясно, что женщина была убита в другом месте. Никаких следов преступника — отпечатков ног или еще чего-либо — не выявлено.

Мартин Бек перевернул лист.

— Жертву опознали в тот же самый день. Это была Тереса Камарайо, двадцати шести лет, родом из Португалии. Происходила из зажиточной семьи, которая пользовалась славой ревностных католиков. В Швецию она приехала в сорок восьмом году. Приехала учиться. А дальше банальная история: несчастная любовь со своим сокурсником, беременность. Любовник к ней охладел. Аборт. Возвращаться в Португалию не захотела, понимала, какой прием ожидает ее дома.

— А кто опознал труп?

— Полиция. То есть персонал полиции нравов. Последние два года Тересу там хорошо знали. А теперь подходим к основному. Полиция нашла трех свидетелей, которые накануне вечером, девятого июня, в половине двенадцатого видели машину на Стадсхагсвеген в начале той дорожки, где найдено тело убитой. Все свидетели — мужчины. Двое из них проезжали на своем автомобиле, и один проходил мимо этого места. Те, что проезжали, видели еще и мужчину, который стоял около машины. Около него на земле лежала какая-то вещь размером с человеческое тело, завернутая во что-то похожее на серое одеяло. Третий свидетель проходил на несколько минут позже и видел только машину. Внешность мужчины свидетели толком описать не могли. Шел дождь, а тот человек стоял в тени. Но...

— Что «но»?

— Но что касается машины, то все трое свидетелей были единодушны. Они назвали французскую марку «рено КВ-4».

— А что дальше? — молвил Колльберг.

— Дальше стокгольмская полиция провела такое широкое следствие, какого еще никогда не проводили у нас. Протоколы выросли до неслыханных размеров. Да ты и сам видишь. Допрошены десятки людей, которые знали Тересу Камарайо и общались с ней, но не посчастливилось установить, кто последний видел ее живой. След обрывался ровно за неделю перед тем, как ее нашли мертвой. Она провела вечер с одним парнем в гостинице на Нюбругатан и попрощалась с ним в половине первого перед рестораном на Местер Самуэльсгатан. Точка. Дальше проверили все машины марки «рено КВ-4». Сперва в Стокгольме, а потом по всей Швеции. На это затратили почти год. И наконец было доказано, что ни одна из них не могла стоять в половине двенадцатого вечера девятого июня тысяча девятьсот пятьдесят первого года на Стадсхагсвеген.

— А те свидетели...

— Двое работали вместе. Один был хозяином автомобильной мастерской, второй работал там механиком. Третий также знал хорошо марки машин. По профессии он был... А ну угадай, кто?

— Директор завода «Рено».

— Нет. Полицейский из автодорожной инспекции. Всех троих свидетелей подвергли целому ряду тестов. Они должны были угадывать марки разных машин по очертаниям, показываемым на экране. Все трое ни разу не ошиблись, а механик из автомобильной мастерской знал даже очень редкостные модели, такие, как «испано-сюиза» или «пегасо».

— А какой вывод из этого сделали ребята, проводившие следствие? — спросил Колльберг.

— Они были уверены, что имя убийцы есть в наших протоколах: кто-то из многочисленных свидетелей, знавших Тересу. Но выявить его невозможно.

Колльберг минуту помолчал, потом спросил:

— А что известно о Тересе?

Мартин Бек указал на протоколы и сказал:

— Среди этих бумаг большинство допросов мужчин, которые с ней встречались. Они говорили, что Тереса была очень навязчива. Многим это не нравилось, особенно тем, кто был женат.

— А что случилось с ее любовником?

— Он встретил порядочную девушку, женился, имеет двоих детей и счастливо живет в своей вилле на Лидингё. Его алиби безупречно.

Колльберг заглянул в одну из папок.

— Боже мой, такой красивой девушки я еще не видел! — воскликнул он.— Кто делал эти фотографии?

— Один фотолюбитель, который имел стопроцентное алиби и никогда не ездил на машинах марки «рено КВ-4».

Они вновь замолкли. Наконец Колльберг спросил:

— А какая может быть связь между этим происшествием и Стенстрёмом да еще восемью другими людьми, которых застрелили в автобусе через шестнадцать лет?

— Никакой,— ответил Мартин Бек.— Приходится возвращаться к версии о психически больном убийце, который хотел вызвать сенсацию.

— Почему Стенстрём ничего не сказал...— начал было Колльберг.

— Так вот,— подхватил Мартин Бек.— Теперь все можно вполне логично объяснить. Стенстрём пересматривал нераскрытые дела. А поскольку он был честолюбивый, ретивый и все еще немного наивный, то выбрал самое безнадежное из них. Если бы он раскрыл дело Тересы, это был бы громаднейший успех. И он не рассказывал нам, так как боялся насмешек в случае неудачи. Когда Тереса Камарайо лежала в морге, Стенстрёму было двенадцать лет, и он, наверное, еще не читал газет. Он, видимо, считал, что может подойти к этому делу без каких-либо предубеждений. И перемолол все эти протоколы.

— И что же нашел?

— Ничего. Так как нечего было находить. Здесь нет ни единой нити, за которую можно ухватиться.

— Откуда ты знаешь?

Мартин Бек посмотрел на Колльберга и спокойно сказал:

— Знаю, потому что сам одиннадцать лет назад сделал точнехонько то, что и Стенстрём. Но впустую.

— Но все это не объясняет, что Стенстрём делал в автобусе.

— Нет, не объясняет.

— Во всяком случае, я кое-что проверю,— сказал Колльберг.

— Конечно, проверь.

Колльберг нашел Хендрика Каама, бывшего сокурсника Тересы. Это был дородный мужчина средних лет. Он вздохнул, бросил жалостный взгляд на свою белокурую жену и тринадцатилетнего сына в бархатном костюме и сказал:

— Оставьте меня в покое. Здесь летом был уже один молодой детектив и...

Колльберг даже проверил алиби директора Каама на вечер тринадцатого ноября. Алиби было безупречное.

Нашел он и того человека, что фотографировал Тересу восемнадцать лет назад,— старого беззубого вора в камере рецидивистов в Лонгхольмене. Старик выпятил тонкие губы и сказал:

— Тересу? Еще бы, конечно, помню! Кстати, сюда несколько месяцев назад приходил уже какой-то вынюхиватель и...

Колльберг внимательно, до последнего слова прочитал все рапорты, затратив на это всю неделю. Вечером в четверг восемнадцатого декабря он прочитал последнюю страничку.

«В протоколах нет никаких недосмотров,— думал Колльберг.— Никакой оборванной нити. Но утром я все равно составлю список всех, кого допрашивали в связи с делом Тересы. Потом посмотрим, кто из них еще жив и что он делает».

Минул месяц с момента, когда прогремели шестьдесят семь выстрелов в автобусе на Норра Сташунсгатан, а убийца девяти человек все еще был на свободе.

Начальство государственной полиции, пресса и общественность были не единственные, у кого лопалось терпение. Была еще одна категория людей, которая хотела, чтобы полиция как можно быстрее поймала виновного. Эту категорию составляли люди, которых называют «дном». Ибо пока полиция была на страже, лучше было притаиться. Во всем Стокгольме не было ни единого вора, мошенника, грабителя, укрывателя краденого, спекулянта или сутенера, который не хотел бы, чтобы полиция быстрее поймала убийцу и вновь взялась за демонстрантов против войны во Вьетнаме,— тогда сами они могли бы перейти к своей обычной работе.

Рённ искал обрывки загадки, что называлась Нильсом Эриком Ёранссоном, и услужливость «дна» облегчала ему поиски.

Вечером тринадцатого декабря на барке около южного берега озера Мелерен он встретился с девушкой, которая накануне пообещала свести его с Сюне Бьёрком, когда-то пустившим

Ёранссона на несколько недель к себе жить.

— Я с вами не пойду,— сказала девушка.— Но я договорилась с Сюне, что вы придете.

Она дала Рённу адрес на Тавастгатан и исчезла в направлении Слюссена.

Сюне Бьёрк оказался моложе, чем Рённ себе представлял. Наверное, ему было не больше двадцати пяти лет. Это был довольно приятный на вид парень с русой бородой. Рённ даже задумался, что его могло связывать с намного более старшим и опустившимся Ёранссоном.

Квартира Бьёрка состояла из бедно меблированной комнаты и кухни. Окна выходили на захламленный двор. Рённ сел на единственный стул, а сам Бьёрк примостился на кровати.

— Я слышал, что вас интересует Ниссе Ёранссон,— молвил Бьёрк.— Но, к сожалению, сам о нем мало знаю.

Он наклонился, вытянул из-под кровати бумажную коробку и отдал Рённу:

— Вот это он оставил, когда выбирался отсюда.

Рённ поставил коробку около кресла и спросил:

— Скажите, с какого времени вы знакомы с Ёранссоном, где и как встретились и почему пустили к себе жить?

Бьёрк устроился удобнее, забросил ногу на ногу и ответил:

— Это было так. Я зашел в пивную «У французанцев». Ниссе оказался соседом по столику. Мы разговорились. Он мне понравился, поэтому, когда пивную закрывали, а Ниссе сказал, что остался без жилья, я привел его сюда. В тот вечер мы крепко выпили, а на следующий день он расщедрился и устроил целый банкет в Сёдергорде. Это было третьего или четвертого сентября, я хорошо не помню.

— Вы заметили, что он наркоман? — спросил Рённ.

— Не сразу. Но как-то утром он вынул шприц, и я все понял. Он, кстати, спросил, не сделать ли мне укол, но я наркотиков не употребляю.

Бьёрк подвернул рукав рубашки. Рённ опытным глазом посмотрел на его вены и убедился, что это правда.

— У вас не очень просторно,— сказал он.— Почему же он так долго здесь жил? Он хоть платил вам?

— Я считал, что Ниссе хороший парень. Денег он мне не давал, но покупал еду, выпивку, все, что было необходимо.

— А откуда он брал деньги?

Бьёрк пожал плечами.

— Не знаю. В конце концов, не мое дело. Но он нигде не работал, это точно.

Рённ посмотрел на руки Бьёрка, черные от грязи, которая въелась в кожу.

— А вы кем работаете?

— Чиню машины,— ответил Бьёрк.— Извините, но я скоро должен встретиться с девушкой, поэтому спрашивайте быстрее.

— Что Ёранссон рассказывал о себе?

— Говорил, что был моряком, хотя, конечно, очень давно. А еще болтали о женщинах. Особенно об одной, с которой он жил, но недавно расстался.

— Когда он отсюда выбрался?

— Восьмого октября. Я помню, потому что тогда были его именины. Он забрал свои манатки, все, кроме этих. Их было немного, все влезло в обычный чемодан. Сказал, что нашел новое жилище, но обещал через несколько дней наведаться. С тех пор я больше его не видел. Он что, в самом деле был в том автобусе?

Рённ кивнул и спросил:

— И вы не знаете, где он потом пребывал?

— Даже не представляю. Он больше не являлся сюда, а я не знал, где его искать. Ко мне часто заходили приятели, но ни одного его знакомого я никогда не видел.

Бьёрк поднялся, подошел к зеркалу, которое висело на стене, и причесался.

— Надо прифрантиться,— сказал он.— Невеста ожидает.

Рённ поднялся, взял коробку и направился к двери.

— Я знаю только одно,— сказал Бьёрк ему вслед.— Последние недели перед уходом от меня Ниссе был словно не в себе.

— А вы не знаете причины?

— Нет, не знаю.

Вернувшись в свою пустую квартиру, Рённ пошел в кухню и высыпал на стол то, что было в бумажной коробке. Потом начал внимательно осматривать вещи и вновь осторожно укладывать их в коробку.

Пестрая изношенная кепка, измятый галстук, плетеный поясок с медной пряжкой, трубка с обгрызенным чубуком, пара желтых нейлоновых носков, два грязных платочка и смятая голубая поплиновая рубашка.

Рённ уже хотел бросить рубашку в коробку, когда заметил, что из нагрудного кармана выглядывает какая-то бумажка. Это оказался счет из ресторана «Стрела» на семьдесят восемь крон и двадцать пять ёре. Он был датирован седьмым октября.

Рённ перевернул листок. С другой стороны шариковой ручкой было написано:

«8.Х. бф	*3000*
морф	*500*
долг га	*100*
ДОЛГ МБ	*50*
ДР П	*650*
	1300
остаток	*1700».*

Рённу показалось, что он узнает руку Ёранссона — он видел образец его письма Белокурой Малин. Эту заметку он себе истолковал так: восьмого октября, в тот день, когда Ёранссон выбрался от Сюне Бьёрка, он, видимо, получил откуда-то три тысячи крон, может, от лица с инициалами «Б. Ф.». Из этих денег он на пятьсот крон купил морфия, выплатил сто пятьдесят крон долга и шестьсот пятьдесят дал какому-то «доктору П». Ему осталась тысяча семьсот крон. А спустя чуть больше месяца его нашли мертвым в автобусе. Тогда в кармане у него оказалось более тысячи восьмисот крон. Следовательно, после восьмого октября он получал еще какие-то деньги. Поступали ли они из того же самого источника, от какого-то «Б. Ф.»?

Рённ посмотрел в свои записи, но ни один из тех, с кем он разговаривал или кого вспоминал в связи с Ёранссоном, не имел таких инициалов.

Утро в четверг двадцать первого декабря было не очень приятным для полиции. Накануне вечером целая армия полицейских в мундирах и в штатском посреди города в разгаре праздничной истерии затеяла драку с рабочими, которые вышли из Народного дома после митинга в поддержку Национального фронта освобождения Южного Вьетнама. В то хмурое, холодное утро трудно было найти улыбающегося полицейского.

Только Монссону это событие принесло какое-то удовлетворение. Он ирометчиво сказал, что у него нет работы, и его сразу же послали поддерживать порядок. Вначале он прятался в тени вблизи церкви Адольфа Фредрика на Свеавеген, надеясь, что драка так далеко не докатится. Однако полиция наступала со всех сторон, и демонстранты начали приближаться к Монссону. Он быстро отступил вдоль Свеавеген и зашел перекусить в небольшой ресторан. Выходя оттуда, он взял со столика зубочистку. Она была завернута в бумажечку и имела вкус мяты.

Наверное, он единственный из всего корпуса полиции радовался в то хмурое утро, так как уже успел позвонить заведующему складом ресторана и получил адрес поставщика тех зубочисток.

Эйнар Рённ стоял на ветреной Рингвеген и смотрел на яму в земле, натянутый кусок брезента и дорожные барьеры, расставленные вокруг. В яме не было живой души, чего нельзя было сказать о машине, что стояла метрах в пятнадцати от этого места. Рённ знал четырех человек, что сидели там с термосами, поэтому сказал:

— Привет, ребята.

— Привет, и закрывай за собой дверь. А если это ты вчера на Барнхусгатан треснул моего парня дубинкой по голове, то иди к чертовой матери.

— Нет, не я,— ответил Рённ.— Я сидел дома и смотрел телевизор.

— Тогда садись. Хочешь кофе?

— Да, выпил бы.

Через минуту его спросили:

— Ты пришел по какому-то делу?

Рисунки Г. НОВОЖИЛОВА

— Да. Шверин родился в Америке. Это замечалось в его речи?

— Еще бы! Он часто запинался, а когда бывал пьян, то вставлял английские словечки.

— Когда бывал пьян?

— Да. Или когда сердился.

Сидя в автобусе по пути на Кунгсхольмсгатан, Рённ напряженно размышлял. Потом немного посидел за своим столом. Затем зашел в соседнюю комнату и спросил:

— Ребята, как будет по-английски: «Я его не узнал»?

— Didn't recognize him,— ответил Колльберг, не поднимая головы от своих бумаг.

— Я знал, что был прав,— сказал Рённ и вышел.

— Он уже совсем дошел до точки,— заметил Гюнвальд Ларссон.

— Постой,— сказал Мартин Бек.— Кажется, у него блеснула какая-то мысль.

Он поднялся и пошел в кабинет Рённа, но того уже там не было.

Через полчаса Рённ вновь открыл дверцу машины на Рингвеген. Товарищи Шверина продолжали сидеть там, где он их оставил. В яме на дороге с тех пор, наверное, еще не побывала ни одна лопата.

— Черт возьми, как я испугался,— сказал один из рабочих.— Думал, что это Ульссон.

— Ульссон?

— Да, или Ольссон, как, бывало, говорил Альф.

Рённ доложил о результатах своих наблюдений только утром за два дня до сочельника.

Мартин Бек выключил магнитофон и сказал:

— Следовательно, ты считаешь, что запись звучит так. Ты спрашиваешь: «Кто стрелял?» И он отвечает по-английски: «Didn't recognize him».

— Да.

— А потом ты спрашиваешь: «Как он выглядел?» И Шверин отвечает: «Сом [1] Ульссон».

— Да, и после этого умирает.

— Отлично, Эйнар,— молвил Мартин Бек.

— А кто, черт побери, этот Ульссон? — спросил Гюнвальд Ларссон.

— Контролер. Ездит по тем местам, где чинят дороги, и смотрит, не бездельничают ли рабочие.

[1] Som — как (*швед.*).

— Ну и как он выглядит?

— Он ждет в моем кабинете,— скромно ответил Рённ.

Мартин Бек и Гюнвальд Ларссон пошли взглянуть на Ульссона. Гюнвальд Ларссон смотрел каких-то десять секунд.

— Ага! — сказал он и сразу же вышел.

Ульссон растерянно посмотрел ему вслед.

Мартин Бек стоял с полминуты. Наконец он сказал:

— Думаю, ты собрал все данные?

— Конечно,— ответил Рённ.

— Ну тогда благодарю, господин Ульссон,— сказал Мартин Бек и тоже вышел.

Ульссон еще сильнее удивился.

Когда Мартин Бек возвратился со второго завтрака, во время которого он с трудом выпил стакан молока, чашку кофе и съел два кусочка сыра, на его столе лежал лист бумаги с лапидарным заголовком: «Ульссон».

«Ульссон, 46 лет, инспектор дорожных работ.

Рост — 183 см, вес — 77 кг без одежды.

Волосы пепельные, волнистые, глаза серые, фигура стройная. Лицо худое, удлиненное, с выразительными чертами, носом довольно крупным, с едва заметной горбинкой, широким ртом, тонкими губами и крупными зубами.

Размер обуви 43.

Смуглый, что, как он говорит, связано с его профессией, которая вынуждает его часто находиться на улице.

Одежда опрятная: серый костюм, белая рубашка с галстуком и черные ботинки. На улице в рабочее время носит непромокаемый плащ до коленей, свободного покроя и очень широкий. Серого цвета.

На вечер 13 ноября Ульссон имеет алиби. Как раз тогда он сидел с 22 до 24 часов в помещении клуба любителей бриджа, членом которого состоит.

Альфонса (Альфа) Шверина Ульссон знал хорошо».

— Неужели Рённ раздевал его и взвешивал? — спросил Гюнвальд Ларссон.

Мартин Бек ничего не ответил.

— Чудесные сведения,— продолжал Гюнвальд Ларссон.— Ульссон носит серый плащ, а на ногах ботинки. Имеет довольно крупный нос и широкий рот. Неужели тебе это понадобится?

— Не знаю. Все-таки какие-то приметы.

— Разумеется. Приметы Ульссона.

— Как там у тебя с Ассарссоном?

— Я только что разговаривал с Якобсоном,— сказал Гюнвальд Ларссон.— Жирная рыбина.

— Кто, Якобсон?

— И он также. Недоволен, что не они их поймали, а мы.

— Не мы, а ты.

— Хм. Даже Якобсон признает, что Ассарссоны самые крупные оптовые торговцы наркотиками, каких до сих

пор ловили. Братцы загребали деньги лопатой.

— А тот второй? Иностранец?

— Просто курьер. Грек. Беда в том, что имеет паспорт дипломата. Наркоман. Ассарссон думает, что это он его предал. Чувствуется, жалеет, что вовремя не избавился от этого курьера соответствующим способом.

Гюнвальд Ларссон на мгновение умолк, а потом добавил:

— Тот Ёранссон из автобуса также был наркоман. Возможно...

Гюнвальд Ларссон не закончил своей фразы, а все же подал Мартину Беку мысль, над которой стоило подумать.

Колльберг потел над списком знакомых Тересы. Даже удивительно, что за шестнадцать лет столько людей успело умереть, выехать из Швеции... Иные сидели в тюрьмах, в приютах для алкоголиков. Некоторые просто исчезли. Порядочно было и таких, что давно переехали в отдаленные районы, и большинство их нельзя было немедленно проверить. В конце концов в списке Колльберга осталось семнадцать фамилий: те, кто пребывал на свободе и жил в Стокгольме или вблизи него. Этот список имел такой вид:

«1. *Карл Андерссон, 63 года, Стокгольм, Хёгалидский приют.*

2. *Ингвар Бенгтссон, 43 года, журналист, Стокгольм.*

3. *Рюне Бенгтссон, 56 лет, директор фирмы, Стоксунд.*

4. *Ян Карлссон, 46 лет, торговец поношенными вещами, Упландс Весбю.*

5. *Уве Эрикссон, 47 лет, автомеханик, Бандхаген.*

6. *Вальтер Эрикссон, 69 лет, в прошл. портовый грузчик, Стокгольм, Хёгалидский приют.*

7. *Бьёрн Форсберг, 48 лет, предприниматель, Стоксунд.*

8. *Бенгт Фредрикссон, 56 лет, художник, Стокгольм.*

9. *Бу Фростенссон, 66 лет, актер, Стокгольм.*

10. *Юхан Гран, 52 года, официант, Сольна.*

11. *Кеннет Карлссон, 31 год, шофер, Шелбю.*

12. *Леннарт Линдгрен, 82 года, в прошл. директор банка, Лидингё.*

13. *Курт Ульссон, 59 лет, директор конторы, Сальтшебаден.*

14. *Вильгельм Русберг, 71 год, без профессии, Стокгольм.*

15. *Рагнар Виклунд, 60 лет, майор, Ваксхольм.*

16. *Бенгт Вальберг, 38 лет, скупщик, Стокгольм.*

17. *Ханс Венстрём, 76 лет, в прошл. продавец рыбы, Сольна».*

Колльберг смотрел список и вздыхал. Тереса Камарайо была связана со всеми социальными слоями и людьми разных поколений.

Колльберг положил листок Меландеру на стол и сказал:

— Ты все помнишь. Когда будешь иметь время, просмотри этот список, может, вспомнишь что-нибудь.

Меландер бросил взгляд на лист и согласно кивнул.

Настал сочельник.

Мартин Бек получил праздничный подарок, который не развеселил его, как надеялась дочь.

Леннарт Колльберг получил праздничный подарок, который довел его жену до слез.

Оба они решили не думать ни об Оке Стенстрёме, ни о Тересе Камарайо, и обоим это не удалось.

Мартин Бек проснулся рано, однако остался лежать в кровати, читая книжку до тех пор, пока в своих комнатах зашевелились другие члены семьи. Затем он встал, надел защитного цвета брюки и шерстяную рубашку. Жена, которая считала, что на сочельник надо одеться по-праздничному, увидев его, изумленно свела брови, но ничего не сказала.

Пока она по традиции ездила на кладбище, на могилу своих родителей, они вместе с Рольфом и Ингрид убрали елочку. Дети были радостны и шумливы. И Мартин Бек старался не испортить им настроения.

Потом Мартин Бек зажег свечки на елке, вспомнив братьев Ассарссонов, которые продавали искусственные елки, прикрывая ими торговлю наркотиками. Потом все выпили подогретого вина, и Ингрид сказала:

— Теперь наступил момент привести коня.

Как всегда, они договорились, что каждый получит только один подарок, и, как всегда, их оказалось больше.

Мартин Бек не купил Ингрид коня, зато подарил ей жокейские брюки и абонемент на полугодовые курсы верховой езды.

Сам он получил двухметровый шарф, связанный Ингрид, а также плоский пакет, и дочь выжидательно смотрела на него, пока он разворачивал бумагу. Там оказалась пластинка. На пластиковом конверте была фотография толстого мужчины в хорошо известном мундире лондонского бобби. У него были огромные топорщащиеся усы, а растопыренными пальцами в перчатках он держался за живот. Он стоял перед старинным микрофоном и, судя по выражению лица, смеялся во все горло. Надпись на обертке гласила, что сам он зовется Чарлз Пенроуз, а песня — «Приключения смеющегося полицейского».

Ингрид принесла проигрыватель, поставила его на пол, вынула пластинку и посмотрела на надпись:

— Первая песня называется «Смеющийся полицейский». Правда, здорово! А?

Мартин Бек был небольшим знатоком музыки, но сразу узнал, что ее наиграли в двадцатых или тридцатых годах, а может, и еще раньше. Он вспомнил, что слышал эту песню еще мальчиком, и в памяти его вдруг всплыли две строчки из нее:

Увидишь, как смеется полицейский,—
Что крупно повезло тебе, считай.
Пошарь в кармане, выуди монету
И как медаль в награду ему дай.

Каждая строфа кончалась взрывом хохота, наверное, заразительного, ибо Инга, Ингрид и Рольф стонали от смеха.

Мартин Бек не смог принять веселый вид, не принуждал себя улыбаться. Чтобы не разочаровать совсем детей и жену, он поднялся и сделал вид, что поправляет свечи на елке.

Когда пластинка перестала крутиться, он повернулся к столу. Ингрид вытерла слезы, посмотрела на него и укоризненно сказала:

— Но, папа, ты же совсем не смеялся!

— Почему же, было ужасно смешно,— неубедительно ответил он.

Издавала аромат елка, горели свечи, дети пели, Инга щеголяла в новом халате. Мартин Бек, поставив локти на колени, а подбородком опершись на руки, смотрел на обертку пластинки с полицейским, который хохотал во все горло.

Он думал о Стенстрёме.

Зазвонил телефон.

Леннарт Колльберг старательно смешивал разные вина, раз за разом пробуя смесь, пока удовлетворился ее вкусом, затем сел к столу и оглядел комнату, производившую полное впечатление идиллии. Бодиль лежала на животе и заглядывала под елку. Оса Турелль сидела на полу, поджав ноги, и играла с ребенком. Гюн сновала по квартире с кроткой, ленивой небрежностью, босая, одетая во что-то среднее между пижамой и спортивным костюмом.

Он положил себе на тарелку кусочек вяленой рыбы, удовлетворенно вздохнул, ожидая заслуженного сытного ужина, который вот-вот должен начаться, затем заложил за воротник рубашки конец салфетки, расправил ее на груди и поднял рюмку, глядя против света на прозрачный напиток. И как раз в этот момент зазвонил телефон.

Колльберг мгновение колебался, одним духом выпил вино, пошел в спальню и снял трубку.

— Добрый вечер. Вам звонит Фрейд.

— Очень приятно.

— Я дежурю в психиатрическом отделении тюрьмы на Лонгхольмене,— сказал Фрейд.— Один наш пациент хочет немедленно поговорить с вами. Зовут его Биргерссон. Он говорит, что обещал вам, что это очень важно, и...

Колльберг свел брови.

— Он не может подойти к телефону?

— Нет, правила этого не позволяют.

Колльберг помрачнел.

— О'кэй, я еду,— сказал он и положил трубку.

Жена, услышав последние слова, вытаращила на него глаза.

— Я должен поехать на Лонгхольмен,— виноватым голосом заявил Колльберг.— И как, черт возьми, найду я кого-то в сочельник, чтобы меня подвез?

— Я тебя повезу,— сказала Оса.— Я еще ничего не пила.

Дорогой они не разговаривали. Надзиратель в тюрьме подозрительно посмотрел на Осу Турелль.

— Это моя секретарша,— сказал Колльберг.

Биргерссон не изменился. Может, только казался еще более робким и худым, чем две недели назад.

— Что вы хотите мне сказать? — недовольно спросил Колльберг.

Биргерссон улыбнулся.

— Это, должно быть, глупо,— сказал он,— но как раз сегодня вечером я вспомнил одну вещь. Вы же спрашивали меня о машине, о моем «моррисе». И...

— Да? И?

— Как-то, когда мы со следователем Стенстрёмом сделали перерыв и просто болтали, я рассказал одну историю. Помню, что тогда мы ели свиной окорок с пюре. Это моя любимая пища, и теперь, когда нам дали праздничный ужин...

Колльберг смотрел на собеседника злым взглядом.

— Что за история? — перебил он.

— Ну, точнее, рассказал о самом себе. Случай с тех времен, когда я жил на Руслагсгатан со своей женой. У нас была только одна комната, и когда сидел дома, то всегда нервничал, меня все угнетало, раздражало...

— Ага,— сказал Колльберг. Он чувствовал жажду, а еще больше голод. Кроме того, от гнетущей атмосферы тюрьмы его еще сильнее тянуло домой.

Биргерссон продолжал рассказывать спокойно и обстоятельно:

— Вот я и ходил вечерами по городу, просто чтобы не сидеть дома. Это было почти двадцать лет назад. Часами ходил по улицам, временами даже всю ночь. И чтобы убить время, чтобы не думать о своей невеселой жизни, нашел себе развлечение.

Колльберг посмотрел на часы.

— Так, так,— нетерпеливо молвил он.— И что же вы делали?

— Ходил по улицам и смотрел на машины. Я изучил решительно все модели и марки. За какое-то время я мог узнать все виды машин на расстоянии тридцати-сорока метров. Если бы была такая игра на отгадывание марок машин, ну, например, автолото, я бы определенно получил самый большой выигрыш. Не имело значения, смотрел ли я на машину спереди, сзади или сбоку.

Колльберг покорно пожал плечами.

— Можно получить большое удовольствие от такого простого развлечения,— продолжал дальше Биргерссон.— Иногда попадались в самом деле редкостные модели.

— И вы разговаривали об этом со следователем Стенстрёмом?

— Да. И больше ни с кем, кроме него. И он сказал, что, по его мнению, это интересно.

— И чтобы сообщить это, вы вызвали меня сюда в половине десятого вечера? В сочельник?

Биргерссон, видимо, обиделся.

— Но вы же просили сообщить вам, если о чем-то вспомню.

— Разумеется,— поднялся Колльберг.— Благодарю.

— Но я же не сказал еще самого главного,— пробормотал Биргерссон.— Следователя особенно заинтересовало одно. Я вспомнил это, поскольку вы спрашивали о «моррисе».

Колльберг вновь сел.

— Так? А что именно?

— Ну, мое любимое развлечение тоже имело свои трудности, если можно так сказать. Некоторые модели трудно было отличить, особенно в темноте и если смотреть с большого расстояния. Например, «ДКВ» и «ИФА».

— А при чем здесь Стенстрём и ваш «моррис»?

— Мой «моррис» ни при чем,— ответил Биргерссон.— Просто следователь заинтересовался, когда я сказал, что труднее всего было отличить «моррис-минор» от «рено КВ-4», если на них смотреть спереди. Сбоку или сзади нетрудно. А просто спереди или чуть наискось в самом деле было нелегко. Хотя со временем я натренировался, но все же иногда ошибался.

— Постойте,— перебил его Колльберг.— Вы сказали, «моррис-минор» и «рено КВ-4»?

— Да. И вспоминаю, что следователь даже подскочил, когда я ему сказал об этом. Все время, пока я говорил ему о своем увлечении, он, казалось, не очень внимательно слушал. А когда я сказал об этом, он страшно заинтересовался. Несколько раз меня переспрашивал...

Когда они возвращались домой, Оса спросила:

— Что это дает?

— Я еще толком не знаю. Но, может, наведет на след.

— Того, кто убил Оке?

— Может быть. По крайней мере, это объясняет, почему он написал слово «моррис» в своем блокноте.

— Подожди, я также кое-что вспомнила,— сказала Оса.— За несколько недель до смерти Оке сказал, что как только будет иметь два свободных дня, так поедет, кажется, в Экшё. Это тебе что-то говорит?

— Ничегошеньки,— ответил Колльберг.

Город был пустой, единственными признаками жизни на улицах были несколько рождественских гномов, которых связывала профессиональная усталость и валило с ног слишком щедрое прикладывание к бутылке в гостеприимных домах, две кареты «Скорой помощи» и полицейская машина. Через какое-то время Колльберг спросил:

— Гюн говорила, после Нового года ты нас покидаешь?

— Да. Я поменяла квартиру. И хочу найти другую работу.

— Где?

— Еще точно не знаю. Но думаю...

На несколько секунд она умолкла, потом добавила:

— А что, если в полиции? Там же есть свободные места?

— Наверное, есть,— рассеянно ответил Колльберг.

Когда они вернулись на Паландергатан, дочка уже спала, а Гюн, свернувшись калачиком на кресле, читала книжку. Глаза у нее были заплаканы.

— Что с тобой? — спросил Колльберг.

— Еда остыла. Весь праздник испорчен.

— Ничего. У меня такой аппетит, что, положи на стол дохлого кота, я буду его есть.

— Звонил твой безнадежный Мартин. Полчаса назад.

— О'кэй,— добродушно молвил Колльберг.— Накрывай на стол, а я ему звякну.

Он снял пиджак, галстук и пошел звонить.

— Да, Бек слушает.

— Кто там подымает такой шум? — спросил Колльберг.

— Смеющийся полицейский.

— Что?

— Пластинка.

— Ага, теперь я узнал. Давний шлягер. Чарлз Пенроуз, правда? Он был в моде еще перед войной.

В их разговор вторгались взрывы смеха.

— Ну его к черту,— сказал Мартин Бек не очень весело.— Я звонил тебе, так как у Меландера есть новости.

— Какие же?

— Он сказал, что наконец вспомнил, где ему попадался Нильс Эрик Ёранссон.

— Ну и где?

— В деле об убийстве Тересы Камарайо.

Колльберг расшнуровал ботинки, немного подумал и сказал:

— Поздравь его от меня и передай, что на этот раз он ошибся. Я прочитал дело от корки до корки, до последнего слова. И не такой я затурканный, чтобы этого не заметить.

— О'кэй, я тебе верю. Что ты делал на Лонгхольмене?

— Получил одну информацию, слишком туманную и путаную, чтобы тебе ее так сразу объяснить, но если она не оправдается, то...

— То что?

— То все следствие по делу Тересы можно повесить в туалете. Веселых праздников!

Он положил трубку.

— Ты снова куда-то идешь? — подозрительно спросила жена.

— Да, но только в среду. Где водка?

Окончание следует

Перевел со шведского
СТ. НИКОНЕНКО

МАЙ ШЕВАЛЛЬ и ПЕР ВАЛЕ

В ТУПИКЕ

Роман

Утром двадцать седьмого декабря Меландер выглядел таким разочарованным и озадаченным, что Гюнвальд Ларссон нашел необходимым спросить:

— Что с тобой? Не попался миндаль в рождественской каше?

— С кашей и миндалем мы покончили двадцать лет назад, когда поженились,— ответил Меландер.— Нет, просто до сего времени я никогда не ошибался.

— Когда-то же надо начать,— утешил его Рённ.

— Да, конечно. Но я все равно не понимаю.

— Чего ты не понимаешь? — спросил, входя в комнату, Мартин Бек.

— Случая с Ёранссоном. Как я мог ошибиться?

— Я вот вернулся с Вестберга,— сказал Мартин Бек,— и узнал об одной вещи, которая может тебя утешить.

— Что именно?

— В деле об убийстве Тересы не хватает одной страницы. А если быть точным — тысяча двести сорок четвертой.

В три часа пополудни Колльберг остановился перед автомобильной фирмой в Сёдертелье. В кармане у него лежала чуть подретушированная фотография с рекламного рисунка «моррис-

Окончание Начало в № 3—7.

минор» модели пятидесятых годов. Из трех свидетелей, видевших машину на Стадехагсвеген шестнадцать с половиной лет назад, двое уже умерли — полицейский и механик. Однако лучший эксперт, мастер автомобильной мастерской, был жив-здоров и работал в Сёдертелье.

Колльберг подошел к нему и, даже не показывая своего удостоверения, просто положил на стол фотографию:

— Что это за машина?

— «Рено КВ-4». Старый шарабан.

— Вы уверены?

— Конечно, уверен. Я никогда не ошибаюсь.

— Благодарю,— сказал Колльберг и протянул руку за фотографией.

Мужчина озадаченно посмотрел на него и сказал:

— Постойте, вы хотите меня обмануть?

Он присмотрелся внимательней к фотографии и секунд через пятнадцать произнес:

— Нет, это не «рено». Это «моррис». «Моррис-минор». Но с этой фотографией что-то не в порядке.

— Да,— ответил Колльберг.— Она немного подретуширована, словно сделана при плохом освещении или в дождь.

Мужчина вытаращил глаза.

— Слушайте, кто вы?

— Из полиции,— ответил Колльберг.

— Как я не догадался? — сказал мужчина.— Ранней осенью здесь уже был один полицейский.

Под вечер того же дня, в половине шестого, Мартин Бек собрал своих ближайших сотрудников на совещание. Нурдин и Монссон уже возвратились, следовательно, можно сказать, что команда была в полном составе.

— Так, недостает одной страницы,— удовлетворенно сказал Меландер.— Кто же ее взял?

Мартин Бек и Колльберг быстро переглянулись.

— Кто-либо из вас может сказать о себе, что он мастер производить обыск? — спросил Мартин Бек.

— Я,— вяло ответил Монссон.— Когда где-то что-то пропадает, обязательно найду.

— Чудесно,— молвил Мартин Бек.— Обыщешь квартиру Оке Стенстрёма на Чёрховсгатан.

— Что же мне там искать?

— Страницу из полицейских протоколов,— сказал Колльберг.— Ее номер — тысяча двести сорок четыре, а в тексте, возможно, фигурирует Нильс Эрик Ёранссон.

— Пойду завтра,— сказал Монссон.— Днем лучше искать.

— Прекрасно,— ответил Мартин Бек.

На следующий день в два часа на столе у Мартина Бека зазвонил телефон.

— Привет, это Пер Монссон. Я в квартире Стенстрёма. Здесь нет той страницы.

— Ты уверен?

— Конечно,— обиженно сказал Монссон.— Но уверены ли вы, что это он ее взял?

— По крайней мере, так думаем.

— Гм, тогда поищу в другом месте,— сказал Монссон.

Мартин Бек потер пальцами лоб и спросил:

— Где это «в другом месте»?

Но Монссон уже положил трубку.

— Ведь в архиве должна быть копия,— сказал Гюнвальд Ларссон,— или в прокуратуре.

Поиски протоколов по делу Тересы начались после рождества, но наступил новый, 1968 год, прошло некоторое время, прежде чем они дали какой-то результат.

Только утром пятого января кипа запыленных бумаг очутилась на столе у Мартина Бека. Не надо было иметь глаз детектива, чтобы сразу узнать, что их извлекли из самых глубоких закутков архива и что много лет их не касалась ни одна человеческая рука.

Мартин Бек быстро переворачивал бумаги и нашел тысяча двести сорок четвертую страницу. Колльберг наклонился через плечо Мартина Бека и стал читать вместе с ним:

«Допрос продавца Нильса Эрика Ёранссона 7 августа 1951 года.

О себе Ёранссон говорит, что в настоящее время работает в фирме „Всеимпорт": Холлендарегатан, 10, Стокгольм.

Ёранссон признался, что с Тересой Камарайо встречался два раза. Первый раз — в квартире на Свартсмангатан, где присутствовало много других лиц. Из них он помнит только какого-то Биргера Свенссона-Раска. Вторично Ёранссон встретился с нею в погребке на Холлендарегатан. Ёранссон говорит, что не помнит точной даты, но уверяет, что эти встречи имели место через несколько дней одна после другой где-то в конце ноября и в начале декабря прошлого, то есть 1950 года.

Со 2 по 13 июня Ёранссон находился в Экшё, куда поехал на своей собственной машине номер А 6310 и, выполнив задание — продав партию одежды для фирмы, где он работал,— возвратился в Стокгольм. Ёранссон имеет машину марки «моррис-минор», модель 1949 года. Допрошенный прочитал протокол и согласился с ним.

Вел допрос (подпись).

Нахождение Ёранссона в Экшё подтверждает персонал городской гостиницы. Допрошенный по этому поводу бармен названной выше гостиницы Сверкер Юнссон свидетельствует, что 10 июня Ёранссон сидел в гостиничном ресторане до 23.30, пока ресторан не закрыли. Ёранссон был пьян. Показания Сверкера Юнссона подтверждают записи в гостиничном счете Ёранссона».

— Ну вот,— сказал Колльберг,— все ясно.

— Что ты теперь думаешь делать?

— То, что не успел сделать Стенстрём. Поехать в Экшё.

Колльберг ехал целую ночь, триста тридцать пять километров в метель, по заносам, но не очень устал. Городская гостиница около рынка оказалась старинным зданием, которое чудесно вписывалось в идиллическую картину зимнего городка, словно взятую с праздничной открытки. Бармен Сверкер Юнссон умер десять лет назад, но копия гостиничного счета не потерялась, хотя нашлась лишь через несколько часов в запыленной картонной коробке на чердаке.

Счет подтверждал, что Ёранссон жил в гостинице одиннадцать суток. Он ежедневно ел и пил в гостинице и подписывал ресторанные счета, которые добавлены к плате за проживание. Были и другие добавления, например, счет за телефонный разговор, но номер, по которому звонил Ёранссон, не был указан. Однако внимание Колльберга сразу привлекло кое-что другое.

Шестого июня 1951 года гостиница в счет Ёранссона внесла пятьдесят две кроны и двадцать пять ёре, выплаченные одной автомастерской. Сумма предназначалась «за ремонт и буксирование».

— Существует ли эта мастерская в настоящее время? — спросил Колльберг хозяина гостиницы.

— Да-да, и на протяжении двадцати пяти лет не меняла владельца. Поезжайте в направлении Лонганеса и...

Человек, что двадцать пять лет держал мастерскую, недоверчиво посмотрел на Колльберга.

— Говорите, шестнадцать с половиной лет назад? Как же я, черт возьми, могу помнить, кому тогда ремонтировал машину?

— А вы не ведете запись?

— Веду. С этим у меня все в порядке.

Где-то за полчаса хозяин автомастерской нашел старую книгу. Он не хотел выпускать ее из рук, а осторожно листал страницы сам, пока нашел необходимую дату.

— Шестое июня,— молвил он.— Вот эта запись. Машину взяли от гостиницы, так и есть. Разрядился аккумулятор. Это стоило владельцу пятьдесят две кроны и двадцать пять ёре с пригоном и всем.

Колльберг ждал.

— С пригоном,— пробормотал хозяин мастерской.— Какая бессмыслица! Мог вынуть аккумулятор и сам его привезти.

— А о машине есть какие-то данные?

— Есть. Постойте... сейчас. Трудно прочитать. Кто-то мазанул масляным пальцем по номеру. Во всяком случае, машина была стокгольмская

— Вы не знаете, какой марки?

— Почему же, «форд-ведетта».

— А не «моррис-минор»?

— Если здесь написано «форд-ведетта», то так и было, могу присягнуть,— ответил хозяин мастерской.— «Моррис-минор»? Да это же чертовская разница!

Когда Колльберг возвратился в гостиницу в Экшё, был уже вечер. Он замерз, проголодался и устал, поэтому не сел за руль машины, а взял себе номер в гостинице. Потом искупался и заказал обед, а ожидая, пока ему принесут еду, два раза поговорил по телефону. Сперва с Меландером.

— Ты не мог бы мне сказать, у кого из перечисленных в списке лиц была в июне пятьдесят первого машина? И какой марки?

— Мог бы. Завтра утром скажу.

— И какого цвета был «моррис» у Ёранссона?

— Хорошо.

Потом он позвонил Мартину Беку.

— У Ёранссона не было «морриса» в то время. У него была другая машина.

— Стенстрём это уже знал.

— Поручи кому-нибудь выяснить, кто был владельцем фирмы на Холлендарегатан, когда там работал Ёранссон, и чем она торговала?

— Хорошо.

— Я вернусь завтра после обеда.

Рённ думал об Ульссоне и о счете из ресторана, найденном среди вещей Ёранссона. Во вторник после обеда у него блеснула одна мысль, и, как обычно, когда его что-то беспокоило, он пошел к Гюнвальду Ларссону.

— Я вот думаю о той записке с инициалами «Б. Ф.»,— сказал Рённ.— В списке знакомых Тересы, что составили Меландер с Колльбергом, есть три лица с такими инициалами: Бу Фростенссон, Бенгт Фредрикссон и Бьёрн Форсберг.

— Ну и что?

— Следовало бы незаметно посмотреть на них: может, кто похож на Ульссона.

— А ты знаешь, где их найти?

— Наверно, Меландер знает.

Меландер в самом деле знал. В течение двадцати минут он выяснил, что Форсберг находится дома, а после второго завтрака собирается в свою контору. В двенадцать он должен обедать с клиентом в «Амбассадоре». Фростенссон был на киностудии, где снимался в небольшой роли.

— А Фредрикссон, наверное, тянет пиво в кафе «Тиан». По крайней мере, в такое время он всегда там сидит.

— Я поеду с вами,— довольно неожиданно заявил Мартин Бек.

Бенгт Фредрикссон действительно сидел в пивной в Старом городе. Он был очень полный, имел пышную, взлохмаченную рыжую бороду и косматую седую шевелюру.

В большом павильоне киностудии в Сольне руководитель съемок повел их длинными запутанными коридорами в дальний угол.

— Фростенссон занят в пятиминутном эпизоде,— сказал он.— Это будет его единственная реплика в фильме.

Мартин Бек, Рённ и Гюнвальд Ларссон остановились вдали, но в ярком свете рефлекторов хорошо видели сцену за перепутанными кабелями и подвижными кулисами. Сцена, вероятно, изображала интерьер лавки.

— Внимание! — заорал режиссер.— Тихо! Камера!

Мужчина в колпаке пекаря и в белом халате вышел на свет и сказал:

— Ладно. Что вы желаете?

Фростенссону пришлось пять раз повторять свою единственную реплику. Это был худой лысый мужчина, он запинался, уголки рта и веки у него нервно дергались.

Через полчаса Гюнвальд Ларссон остановил машину за двадцать пять метров от ограды виллы Бьёрна Форсберга в Стоксунде. Мартин Бек и Рённ пригнулись на заднем сиденье. Через открытую дверь гаража можно было увидеть черный «мерседес» новейшей модели.

— Он скоро должен выйти, если не хочет пропустить обед со своим клиентом,— сказал Гюнвальд Ларссон.

Они ждали минут пятнадцать, когда дверь виллы открылась и на лестницу вышел мужчина в сопровождении светловолосой женщины с девочкой лет семи. Он поцеловал женщину в щеку, поднял девочку и прижал к себе. Потом пружинистым быстрым шагом направился к гаражу, сел в машину.

Бьёрн Форсберг был высокий стройный мужчина с красивым, словно с картинки иллюстрированного еженедельника, лицом. В сером плаще, с волнистыми, зачесанными назад волосами, он казался моложе своих сорока восьми лет.

— Как Ульссон,— сказал Рённ.— Особенно похожи фигура и одежда, то есть плащ.

— Угу,— буркнул Гюнвальд Ларссон.— Только разница в том, что Ульссон носит свою тряпку уже три года и заплатил за нее три сотни на распродаже залежавшихся товаров, а этот за свой плащ отдал, наверное, тысячи три. Но такие, как Шверин, не видят подобной разницы.

Все расчеты Колльберга мгновенно полетели кувырком. Во-первых, он проспал дольше, чем думал, а во-вторых, погода совершенно испортилась. В половине второго он еще только достиг мотеля около Линчёпинга. Там он выпил кофе, съел булочку и позвонил в Стокгольм.

— Ну что ты выяснил?

— Только у девятерых из них были машины летом пятьдесят первого,— ответил Меландер.— Леннарт Линдгрен — новый «фольксваген», Рюне Бенгтссон — «паккард-49», Ян Карлссон — «ДВК-38», Уве Эрикссон — старый «опель-капитан», Бьёрн Форсберг — «форд-ведетта-49» и...

— Постой. Еще кто-либо имел такую машину?

— «Ведетту»? Никто.

— Достаточно.

— Первичная окраска ёранссоновского «морриса» светло-зеленая. Но он мог и перекрасить ее.

— Хорошо. Можешь связать меня с Мартином?

— Еще только одно. Ёранссон отдал в то лето свою машину на лом. Ее номер вычеркнут из списка пятнадцатого августа, всего через неделю после того, как он давал показания в полиции.

Колльберг бросил в автомат еще крону и, пока в трубке потрескивало, нетерпеливо думал о том, что его еще ожидают двести километров дороги.

— Да, у телефона комиссар Бек.

— Привет. Так чем та фирма торговала?

— Думаю, что краденым товаром. Но это никогда не удавалось доказать. У нее было несколько агентов, которые ездили по стране и сбывали одежду и другие вещи в провинциях.

— А кто был ее хозяином?

— Бьёрн Форсберг.

Колльберг немного подумал, потом сказал:

— Передай Меландеру, чтобы он все свое внимание обратил на Форсберга. И попроси Ельма, чтобы он или кто-то другой подождал в лаборатории, пока я вернусь. Мне надо сделать анализ одной вещи.

Было уже почти пять, а Колльберг еще не приехал. Меландер вошел к Мартину Беку, держа в одной руке трубку, а в другой свои записи. Он сразу начал рассказывать:

— Бьёрн Форсберг женился семнадцатого августа пятьдесят первого года на Эльзе Беатриче Хоканссон, единственной дочери Магнуса Хоканссона, директора фирмы, которая торговала строительными материалами. Форсберг сразу покончил со своей сомнительной деятельностью типа руководства фирмы на Холлендарегатан. Он старательно взялся за работу, изучил торговлю, экономику и стал находчивым предпринимателем. Когда десять лет тому назад Хоканссон умер, дочь унаследовала все его имущество и фирму, но Форсберг стал ее директором-исполнителем еще в середине пятидесятых годов. В пятьдесят девятом году он приобрел виллу в Стоксунде. Она стоила ему где-то с полмиллиона.

Мартин Бек спросил:

— Как долго он знал эту девушку, прежде чем женился на ней?

— Кажется, они встретились в марте пятьдесят первого,— ответил Меландер.— Форсберг был любителем зимне-

го спорта. В конце концов, он им и остался. Его жена также. То была как будто так называемая любовь с первого взгляда. Потом они часто встречались до свадьбы, и он бывал в доме ее родителей. Тогда ему было тридцать два года, а Эльзе Хоканссон двадцать пять.

Меландер перевернул листок в своих записях.

— Их супружеская жизнь ничем не омрачалась. Имеют троих детей: двух мальчиков, тринадцати и двенадцати лет, и семилетнюю девочку. Свою машину «форд-ведетта» Форсберг продал сразу после свадьбы и купил «линкольн». С того времени у него было много разных машин.

Меландер закончил и закурил трубку.

— Это уже все?

— Есть еще одна деталь. Мне кажется, важная. Бьёрн Форсберг был добровольцем в финской войне сорокового года. Тогда ему был двадцать один год, и он пошел на фронт сразу после службы в армии здесь, у нас. Он происходит из буржуазной семьи и подавал большие надежды.

— О'кэй, наверное, это он.

— Похоже на то,— молвил Меландер.

— Кто здесь еще есть?

— Гюнвальд Ларссон, Рённ, Нурдин и Эк. Проверим его алиби?

— Вот именно,— сказал Мартин Бек.

Колльберг добрался до Стокгольма только в семь часов. Прежде всего он поехал в лабораторию и оставил там журнал из автомобильной мастерской.

— У нас нормированный рабочий день,— недовольно молвил Ельм.— До пяти.

— Ты нас очень обяжешь, если...

— Ну хорошо, хорошо. Я скоро позвоню. Надо прочитать номер машины?

— Да. Я буду на Кунгсхольмсгатан.

Колльберг и Мартин Бек еще не успели и словом перемолвиться, как позвонил Ельм.

— Шесть, семь, ноль, восемь,— коротко сказал он.

— Замечательно.

— Это была легкая работа. Ты мог бы и сам прочитать.

Колльберг положил трубку. Мартин Бек вопросительно посмотрел на него.

— Так. Ёранссон ездил в Экшё на машине Форсберга. Здесь нет сомнения. Как там с его алиби?

— Слабовато. В июне пятьдесят первого он жил в отдельной однокомнатной квартире на Холлендарегатан, в том самом доме, где размещалась его загадочная фирма. На допросе он сказал, что вечером десятого июня был в Нортелье. Видимо, он на самом деле был там. Его видели в семь часов несколько лиц. Потом он согласно его же словам возвратился последним поездом домой и прибыл в Стокгольм в половине двенадцатого ночи. Сказал также, будто бы одолжил машину одному из своих агентов, что тот тоже подтвердил.

— Но старательно избегал упоминания, что поменялся машиной с Ёранссоном.

— Да,— молвил Мартин Бек.— Следовательно, у него был «моррис» Ёранссона, а поэтому дело предстает в совсем ином свете. Он мог легко добраться до Стокгольма за полчаса. Машина обычно стояла во дворе того дома, где размещалась фирма, и невозможно проверить, была ли она тогда там. Зато мы узнали, что в доме есть морозильная камера, где лежали меха, официально принятые на сохранность летом, а на самом деле, наверное, краденые. Как ты считаешь, для чего он поменял машину?

— Это просто объяснить,— сказал Колльберг.— Ёранссон вез с собой много одежды и всякого барахла. А в «ведетте» Форсберга в три раза больше места, чем в «моррисе».

Он немного помолчал и добавил:

— Ёранссон, видимо, спохватился уже потом. Возвратившись, он узнал обо всем и сообразил, что ту машину держать небезопасно. Поэтому он после допроса в полиции сразу же отдал ее на лом.

— А что говорил Форсберг о своих отношениях с Тересой? — спросил Мартин Бек.

— Что впервые встретил ее на танцах осенью пятидесятого года, а потом виделся с нею несколько раз — сколько именно, не помнит. А когда познакомился со своей будущей женой, Тереса перестала его интересовать.

— Так и сказал?

— Дословно. Как ты думаешь, зачем он ее убил? Чтобы избавиться от нее?

— Возможно. Ведь все говорили, что она была навязчива.

— Разумеется. А потом ему выпало непостижимое счастье: свидетели перепутали марку машины. Форсберг наверняка узнал об этом. Фактически мог чувствовать себя в безопасности, только Ёранссон его беспокоил.

— Ёранссон и Форсберг были приятелями,— сказал Мартин Бек.

— А далее все затихло до тех пор, пока Стенстрём не начал ворошить де-

ло Тересы и не получил от Биргерссона неожиданную информацию. Следователь понял, что Ёранссон, единственный из всех причастных к тому делу, имел «моррис-минор». Да еще той же самой окраски. Стенстрём по собственной инициативе допросил многих лиц и начал наблюдать за Ёранссоном. Конечно, он быстро заметил, что Ёранссону кто-то давал деньги, и пришел к выводу, что это, видимо, убийца Тересы Камарайо. Ёранссон начал все больше и больше нервничать... Кстати, знаем ли мы, где он жил с восемнадцатого октября до тринадцатого ноября?

— Да, на барже на озере Клара. Нурдин сегодня утром нашел это место.

Колльберг кивнул.

— Стенстрём рассчитал, что Ёранссон рано или поздно приведет его к убийце, потому и наблюдал за ним день за днем и, наверное, не прячась. И как оказалось, имел основания. Для него самого все закончилось катастрофой. Если бы он пораньше поехал в Экшё...

Колльберг замолчал. Мартин Бек задумчиво потирал переносицу большим и указательным пальцами правой руки.

— Да, как будто все сходится,— сказал он,— даже психологически. Остается девять лет до того времени, когда по делу Тересы за давностью не будут привлекать к ответственности. А убийство — единственное преступление, которое может принудить более или менее нормального человека впасть в крайность, лишь бы его не изобличили. Кроме того, Форсбергу есть что терять.

— Знаем ли мы, что он делал вечером тринадцатого ноября?

— Да, он убил всех тех людей в автобусе, а среди них Стенстрёма и Ёранссона, которые в этой ситуации были для него смертельно опасными. Но фактически мы знаем только то, что он имел возможность совершить это убийство.

— Откуда мы это знаем?

— Гюнвальду посчастливилось перехватить служанку Форсберга. Каждый понедельник вечером она свободна. Ночь с тринадцатого на четырнадцатое она провела у своего приятеля. Из того же источника нам стало известно, что жена Форсберга была тогда на женском собрании. Следовательно, Форсберг должен был сидеть дома, так как они никогда не оставляли детей одних.

— А какое, по-твоему, у него психическое состояние? — спросил Колльберг.

— Видимо, очень плохое. На грани срыва.

— Речь идет о том, достаточно ли у нас материала, чтобы арестовать его,— сказал Колльберг.

— За автобус недостаточно,— ответил Мартин Бек.— Но мы можем его арестовать как лицо, на которое падет подозрение в убийстве Тересы Камарайо.

— Когда?

— Завтра до обеда.

— Где?

— В его конторе. Как только он явится туда. Нет надобности делать это при жене и детях, а особенно когда он в состоянии крайнего отчаяния.

— Как?

— Как можно деликатнее. Без стрельбы и выламывания дверей.

Колльберг немного подумал и поставил последний вопрос:

— Кто?

— Я и Меландер.

Когда Мартин Бек и Меландер зашли в приемную, блондинка возле коммутатора за мраморным столиком отложила пилочку для ногтей.

Кабинет Бьёрна Форсберга помещался на шестом этаже дома на Кунгсгатан.

Было еще только пять минут десятого, а они знали, что Форсберг обычно не приходит раньше чем в половине десятого.

— Сейчас придет его секретарша,— сказала блондинка.— Будьте добры, садитесь и подождите.

В глубине приемной, за спиной у телефонистки, вокруг длинного стола, покрытого стеклом, стояло несколько кресел. Мартин Бек с Меландером повесили пальто и сели.

В комнате было шесть дверей без табличек. Одна из них приоткрытая. Мартин Бек поднялся, заглянул в нее и исчез в комнате. Меландер вынул трубку, табак и закурил. Мартин Бек вернулся и снова сел.

Они ожидали молча. Время от времени тишину прерывал лишь голос телефонистки и щелканье коммутатора, когда она соединяла собеседников. Да еще доносился приглушенный уличный шум. Мартин Бек листал какой-то технический журнал. Меландер, держа трубку и зажмурив глаза, отдыхал в кресле.

В двадцать минут десятого в приемную зашла женщина в шубе, сапогах и с большой сумкой через плечо.

Женщина едва кивнула головой телефонистке и быстрыми шагами подошла к приоткрытой двери. На ходу она равнодушно посмотрела на посетителей и закрыла дверь за собой.

Еще через десять минут пришел Форсберг.

Он был одет точно так же, как в предыдущий день, и шел быстро и энергично. Он хотел повесить свой плащ, когда заметил Мартина Бека и Меландера. На миг он застыл, но быстро овладел собой, повесил плащ и подошел к ним.

Мартин Бек и Меландер одновременно поднялись. Бьёрн Форсберг вопросительно свел брови. Он уже хотел что-то сказать, но Мартин Бек опередил его:

— Комиссар Бек. А это старший следователь Меландер. Мы хотели бы поговорить с вами.

— Очень приятно,— ответил Форсберг,— заходите.

Он казался совсем спокойным, даже веселым. Пропустив их в дверь, он кивнул секретарше и сказал:

— Добрый день, госпожа Шельд. Мы с вами поговорим потом. Я только отпущу этих господ.

Он провел их в свой кабинет, просторный, светлый и элегантно обставленный. Почти весь пол покрывал толстый серый ковер. Большой полированный стол был пуст. Два телефона и диктофон размещались на столике рядом с черным кожаным креслом. На широком подоконнике стояли четыре фотографии в оловянных рамках — жены и троих детей. На стене между окнами висел портрет, написанный маслом, наверное, покойного тестя. Бар, стол для совещаний с графином и стаканами на подставке, кушетка, стеклянный шкаф с книгами и фарфоровыми безделушками, сейф, вмонтированный в стену.

Все это Меландер приметил, пока Бьёрн Форсберг уверенной походкой шел к своему столу.

Бьёрн Форсберг стал за столом, опершись на него левой рукой, наклонился и правую руку засунул в ящик. Когда он ее вынул, пальцы его сжимали пистолет.

Глядя на Мартина Бека почти веселыми глазами, Бьёрн Форсберг засунул пистолет как можно глубже в рот, сжал губы вокруг блестящего дула и нажал на спусковой крючок.

Все это произошло так быстро, что Мартин Бек и Меландер успели пройти только половину расстояния от двери до стола, когда Бьёрн Форсберг свалился на него.

Пистолет был снят с предохранителя, крючок стоял на взводе, он резко щелкнул, но пуля не вылетела из ствола. Она оставалась в гильзе. А патрон лежал в правом кармане брюк Мартина Бека вместе с еще пятью, вынутыми из пистолета.

Мартин Бек вынул патроны, покрутил их пальцами и прочитал надпись вокруг капсюля: «Металлверкен-38». Патроны были шведские, но пистолет американский: «Смит энд Вессон 38 спешиал», сделанный в Спрингфилде, штат Массачусетс.

Бьёрн Форсберг лежал, прижавшись лицом к блестящей поверхности стола. Он весь дрожал. Потом свалился на пол и закричал.

— Позвоните в «Скорую помощь»,— сказал Меландер.

Вот так Рённу снова пришлось сидеть со своим магнитофоном в отдельной палате Каролинской больницы. Только не в травматологическом отделении, а в психиатрическом, и рядом с ним дежурил не несносный Ульхольм, а Гюнвальд Ларссон.

Бьёрна Форсберга лечили разными способами, успокоительными уколами и тому подобным, и психиатр, наблюдая за его состоянием, уже несколько часов сидел в палате. Однако пациент все время повторял только одно:

— Почему вы не дали мне умереть?

Он повторял эти слова уже бесчисленное количество раз и снова сказал:

— Почему вы не дали мне умереть?

— А ты подумай,— пробормотал Гюнвальд Ларссон.

Врач укоризненно посмотрел на него.

Откровенно говоря, они бы здесь не сидели, если бы врачи не заявили, что Форсберг может умереть. Они сказали, что пациент перенес очень сильный шок, что у него слабое сердце и каждую минуту можно ожидать сердечного приступа, который его убьет.

— Почему вы не дали мне умереть? — спросил Форсберг.

— А почему вы не дали жить Тересе Камарайо? — спросил Гюнвальд Ларссон.

— Потому что больше не мог. Я вынужден был от нее избавиться.

— Ну хорошо,— терпеливо сказал Рённ,— а почему вы вынуждены были от нее избавиться?

— Я не имел иного выбора. Она бы разбила мне жизнь.

— Ну, кажется, она и так разбита,— молвил Гюнвальд Ларссон.

Врач строго посмотрел на него.

— Вы не понимаете,— сказал Форсберг.— Я велел ей больше не приходить. Даже дал денег, хотя у самого не очень много было, а она все-таки...

— Что вы хотели сказать? — мягко спросил Рённ.

— Она меня преследовала. Когда я в тот вечер вернулся домой, она лежала в моей кровати. Она знала, где я обычно кладу запасной ключ, и залезла в квартиру. А моя жена... моя невеста должна была вот-вот прийти. Не было другого выхода...

— А потом?

— Я вынес ее в холодильную камеру.

— И вы не боялись, что там ее кто-нибудь найдет?

— От камеры было только два ключа. Один у меня, а второй у Ниссе Ёранссона. А Ниссе тогда не было.

— Сколько вы ее там держали? — спросил Рённ.

— Пять суток. Я ждал, пока пойдет дождь.

— Так, дождь вы любите,— заметил Гюнвальд Ларссон.

— Как вы не понимаете? Она же в один миг разбила бы мою жизнь. Все разрушила бы, что я запланировал.

Рённ кивал головой. Пока все шло наилучшим образом.

— Где вы взяли автомат? — внезапно спросил Гюнвальд Ларссон.

— Привез его с войны.— Форсберг какое-то время помолчал.— Я убил им троих большевиков.

— А где он теперь?

— Там, где его никто не найдет.

— Как вы относились к Нильсу Эрику Ёранссону? — спросил Рённ.

— Ниссе был хороший парень. Я был для него как отец.

— А все-таки убили его.

— Он угрожал моему существованию. Существованию моей семьи. Всему, ради чего я жил. Всему, что у меня было. Не было иного выхода. Но я умертвил его быстро и безболезненно. Не мучил так, как вы меня мучите.

— А Ниссе знал, что это вы убили Тересу? — спросил Рённ

— Догадывался,— молвил Форсберг.— Ниссе был неглупый парень. И добрый товарищ. Я дал ему десять тысяч крон и новую машину, когда женился. И мы разлучились навсегда...

— Навсегда?

— Да. От него все это время не было никаких вестей. Вплоть до этой осени. А осенью он позвонил и сказал, что кто-то наблюдает за ним днем и ночью. Он был напуган и без денег. Деньги он получил. Я пробовал уговорить его, чтобы он выехал за границу.

— А он не согласился?

— Нет. Он уже слишком опустился морально. И был напуган до смерти. Боялся, что, когда он выедет, на него падет подозрение.

— Поэтому вы его убили?

— Я вынужден был его убить. Ситуация не оставила мне выбора. Он бы разрушил мою жизнь. Будущее моих детей. Решительно все. Он не хотел этого, но был слабый, напуганный, на него нельзя было положиться. Я знал, что рано или поздно он придет ко мне искать защиты. И этим меня погубит. Или же его схватит полиция и заставит все рассказать. Он был наркоман, слабый, ненадежный человек. Полиция мучила бы его, пока он не сказал бы все, что знал.

— Полиция не имеет привычки мучить людей,— сказал Рённ.

Форсберг впервые повернул голову в его сторону. Руки и ноги у него были связаны ремнями. Он посмотрел на Рённа и сказал:

— А как назвать то, что вы делаете со мной?

Рённ опустил глаза.

— Где вы сели в автобус? — спросил Гюнвальд Ларссон.

— На Кларабергсгатан. Перед универмагом Олена.

— Как вы добрались до Стокгольма?

— Машиной. Я ее оставил около конторы.

— Откуда вы знали, в каком автобусе будет ехать Ёранссон?

— Он позвонил мне, и я с ним договорился.

— Иными словами, вы ему сказали, как он должен поступить, чтобы его убили? — спросил Гюнвальд Ларссон.

— Как вы не понимаете, что я не имел выбора? Кроме того, я сделал это гуманно, он ничего не понял и не заметил.

— Гуманно? Какая же это гуманность?

— Вы не можете оставить меня в покое?

— Еще нет. Прежде расскажите про автобус.

— Хорошо. А тогда вы оставите меня? Обещаете?

Рённ посмотрел на Гюнвальда Ларссона и сказал:

— Да, обещаем.

— Ниссе позвонил мне в контору в понедельник утром. Он был в отчаянии, заявил, что преследователь не спускает с него глаз. Я понял, что долго он не выдержит. Я знал, что вечером жены и служанки не будет дома. И погода была такая, как надо. Дети ложатся спать рано, так вот я...

— Что вы?

— Я сказал Ниссе, что хочу сам посмотреть на его преследователя, сказал, чтоб он заманил его в Юргорден, подождал там двухэтажный автобус, сел в него в десять часов и проехал до конечной остановки. За четверть часа перед выездом он должен был позвонить мне в контору. Я выехал из дому в девять, поставил на стоянке машину, зашел в контору и там подождал звонка. Я не включал света. Ниссе позвонил, как мы и договорились. Я спустился вниз на улицу и подождал, пока подъедет автобус.

— Вы присмотрели это место заранее?

— Я ездил тем маршрутом днем. И рассчитывал, что до конечной остановки будет ехать всего несколько пассажиров. Конечно, было бы лучше, чтобы в автобусе остались только Ниссе, его преследователь, водитель и еще кто-нибудь

— Кто-нибудь еще? — сказал Гюнвальд Ларссон.— А кто именно?

— Все равно кто. Для видимости.

Рённ посмотрел на Гюнвальда Ларссона и покачал головой. Потом повернулся к Форсбергу и спросил:

— А что вы чувствовали?

— Всегда тяжело на что-то решаться. Но у меня такая натура, что когда я что-то надумаю сделать, то...

— Следовательно, вы заранее решили убить Ёранссона и следователя Стенстрёма, не так ли? — спросил Гюнвальд Ларссон.

— Так.

— А откуда вы знали, что Стенстрём полицейский?

— Я за ним давно наблюдал. Незаметно для Ниссе.

— Как вы узнали, что он работает по собственному почину?

— Его никто не сменял. И я сделал вывод, что он работает один. Для карьеры.

Гюнвальд Ларссон минуту помолчал.

— Вы сказали Ёранссону, чтобы он не брал никаких документов? — наконец спросил он.

— Да, еще когда он звонил мне первый раз, я велел ему не брать никаких документов.

— Как вы научились открывать двери автобуса?

— Я наблюдал, как это делает водитель.

— Где именно вы сидели в автобусе? Внизу или наверху?

— Наверху. Там больше никого не было.

— А потом вы сошли по лестнице с автоматом?

— Да. Я спрятал его под плащом, чтобы Ниссе и те, кто сидел сзади, ничего не заметили. А все-таки один пассажир поднялся. К этому надо было быть готовым.

— А если бы автомат отказал? Насколько я помню, эти старые хлопушки часто подводили.

— Я был уверен, что он выстрелит. Я знал свое оружие, да и проверил его, когда брал в контору.

— А когда вы его взяли туда?

— За несколько недель перед тем.

— А до этого где держали?

— В чемодане на чердаке. Вместе с другими своими трофеями.

— Как вы покинули место преступления после того, как убили всех пассажиров?

— Я побежал на восток по Норра Сташунсгатан, сел около Хага в такси, забрал от конторы машину и поехал в Стоксунд.

— А до того как сесть в такси, выбросили автомат? — спросил Гюнвальд Ларссон.— Не волнуйтесь, мы его найдем.

Форсберг ничего не сказал.

— Что вы чувствовали? — снова спросил Рённ.— Когда стреляли?

—Я защищал себя, свою семью, свой дом и свое предприятие. Вы когда-нибудь сидели с оружием в руках, зная, что через пятнадцать секунд вам надо броситься в окоп, полный врагов?

— Нет, не сидел,— ответил Рённ.

— Тогда вы ничего не понимаете! — крикнул Форсберг.— И довольно вам болтать! Как такой болван может меня понять!

— Больше я не разрешаю производить допрос,— вмешался врач.— Его надо забрать на процедуры.

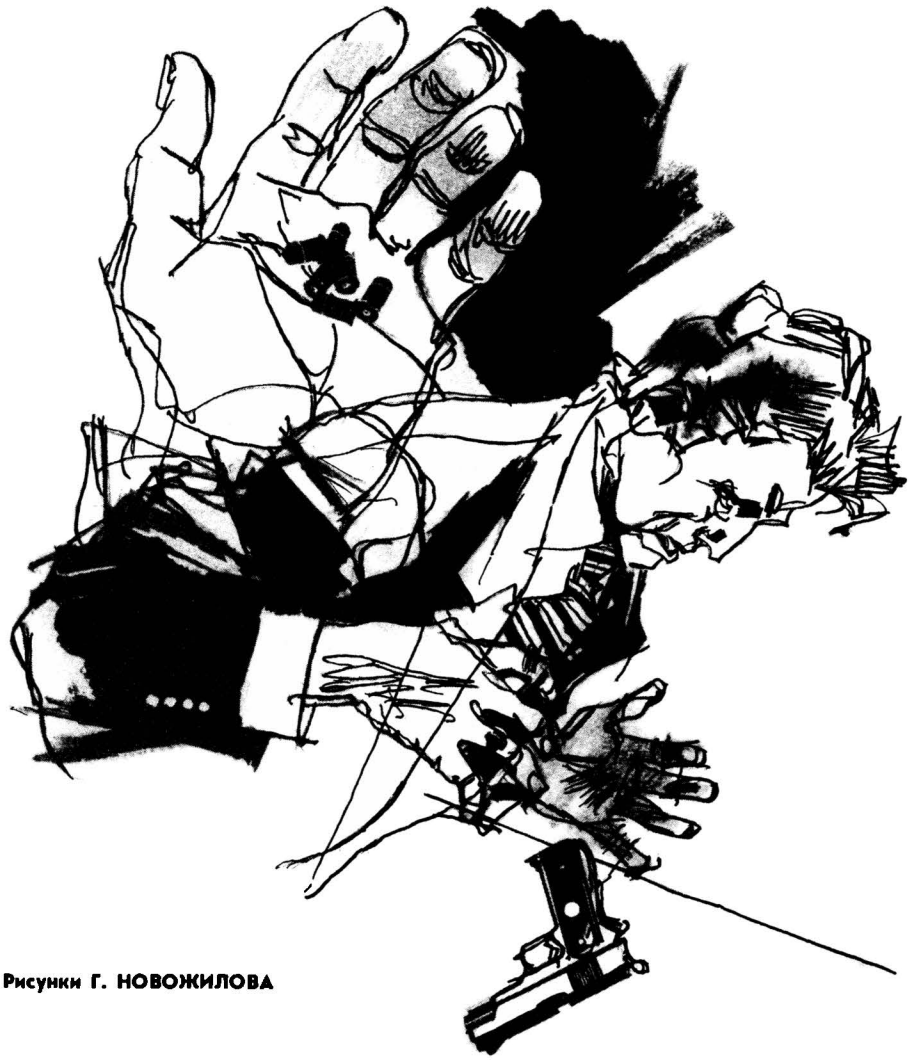
Он нажал кнопку звонка, и в палату зашли двое санитаров. Форсберг продолжал кричать, пока его кровать выкатывали в коридор.

Рённ начал укладывать магнитофон.

— Ненавижу таких подлецов,— вдруг заявил Гюнвальд Ларссон.

— Что?

— Я тебе скажу то, чего никогда никому не говорил,— молвил Гюнвальд Ларссон.— Мне жаль почти каждого, с кем меня сводит моя работа. Они какие-то затравленные, жалеют, что вообще родились на свет. Не их вина, что они ничего не понимают, что им нет счастья в жизни. Вот такие типы, как этот, разрушают их жизнь. Самовлюбленные свиньи, которые думают только о своих деньгах, своем доме, своей семье и своем так называемом положении. Которые считают, что могут издеваться над другими только потому, что им посчастливилось завладеть лучшим положением. Таких типов бесчисленное множество, только большинство из них не такие глупые, чтобы душить португальских проституток. Поэтому мы с ними никогда не имеем дела. Нам приходится видеть только их жертвы. Этот тип — исключение.



Рисунки Г. НОВОЖИЛОВА

— Да, наверное, ты говоришь правду,— сказал Рённ.

Они вышли из палаты. В глубине коридора перед одной дверью стояли двое полицейских, скрестив руки на груди.

— Ага, это вы,— буркнул Гюнвальд Ларссон.— И в самом деле эта больница уже на территории Сольны.

— Вы его все же поймали,— сказал Квант.

— Наконец,— добавил Кристианссон.

— Не мы,— сказал Гюнвальд Ларссон,— главную работу выполнил Стенстрём.

Где-то через час Мартин Бек с Колльбергом сидели в кабинете на Кунгсхольмгатан и пили кофе.

— Собственно говоря, это Стенстрём довел до конца дело Тересы,— сказал Мартин Бек.

— Да,— согласился Колльберг,— только по-дурному сделал, работая в одиночку. Удивительно, что он так и не повзрослел.

Зазвонил телефон. Мартин Бек взял трубку.

— Привет, это Монссон.

— Где ты?

— На улице в Вестберге. Я нашел ту страницу.

— Где?

— На столе Стенстрёма. Под бумагой, которой он накрыт.

Мартин Бек ничего не ответил.

— А я думал, что вы здесь все обыскали,— с укором сказал Монссон.— И...

— И что?

— Он сделал две заметки карандашом. Вверху в правом углу написал: «Положить в папку: «Дело Тересы», а внизу стоит имя: Бьёрн Форсберг. И вопросительный знак. Это вам что-то поясняет?

Мартин Бек не ответил. Он продолжал держать в руке телефонную трубку. Потом вдруг начал смеяться.

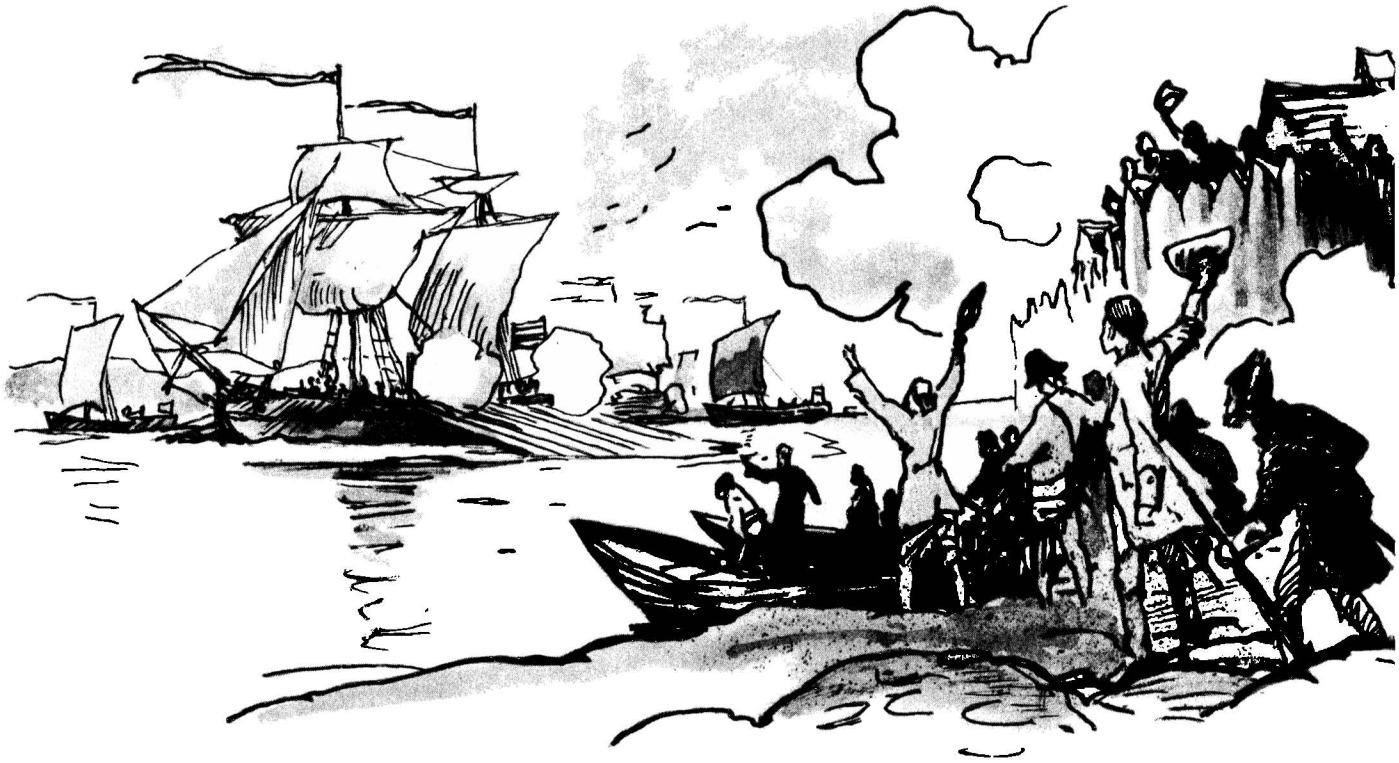
— Чудесно,— сказал Колльберг и пошарил рукой в кармане.— Смеющийся полицейский. Вот тебе монетка.

Перевел со шведского СТ. НИКОНЕНКО

ГЛЕБ ГОЛУБЕВ

«ПОТОМКАМ ДЛЯ ИЗВЕСТИЯ»

Историческая повесть



как обманчиво короткое северное лето и сколько преград наверняка стережет их на никем еще не разведанном пути... Никуда не исчезла бы Лена, успеют ее нанести на карты. Но не хочет штурман никому уступать первенства. И Прончищев понимает друга, не торопит его. А ведь каждый день им будет потом бесценно дорог...

Непредвиденные задержки начались, как только вышли они в дельту Лены. Проток много, а по какой плыть? Глубины в них толком никем не меряны, никакой карты дельты еще нет. Якут, взятый лоцманом, путается, не уверен в себе. А время уходит, уже август. Того и гляди полетят белые мухи.

Решили пойти по протоке, которая вела прямо на запад. Надеялись, будет скорее. Лоцман уверял, что кочи промышленных людей по ней проходили. А «Иркутск» повернул на восток. Расстались с ним, не зная, что многих из того отряда уже никогда не увидят...

Недалеко позволила пройти «Якутску» извилистая, узкая протока. Скоро стали царапать дно. По кустам на берегу, за которые цеплялись весла, было видно, что протока, похоже, сильно обмелела. Прончищев с огромным трудом сумел развернуть дубель-шлюп. Пошли назад, потеряв два дня.

Было у них два небольших ялбота. Теперь Прончищев из осторожности посылал на них сначала промерять фарватер. Пробовали зайти в одну, другую, третью протоки, но они оказались еще мельче. Одно оставалось утешение: Челюскин все их нанес на карту с указанием точных глубин. В конце концов выбрались в море восточным рукавом, где неделей раньше прошел «Иркутск». Но ему-то было по пути. А их эта протока уводила совсем в противную сторону. Большой крюк пришлось сделать.

Наконец вышли в море. Плыли медленно, мешали льды. Никакого опыта плавания во льдах у них еще не было. То ли пробила дощатый борт какая льдина побольше, то ли разошлись доски от ударов о каменистое дно, пока рыскали по протокам,— вдруг открылась течь. И вода прибывала шибко — до пяти сантиметров в час. Успевай откачивать.

Когда боцман доложил о том Прончищеву, как раз подошли к устью реки Оленек. Она тоже при впадении в море разбивалась на несколько проток. Встали на якорь. Прончищев послал Челюскина промерять глубины в протоках, а сам с боцманом и матросами начал заделывать течь. Возились долго, а вода все откуда-то сочится — ледяная, жгучая. А ведь люди из его отряда обитают тут же, в трюме. Немногие спят в парусиновых подвесных койках, большинство прямо на мокрых досках. И термометр быстро падает. Вот-вот все заледенеет...

Да, недалеко они уплыли. Хотя, если считать от Якутска, положили Семен

Челюскин с геодезистом Никифором Чекиным на карту уже свыше двух с половиной тысяч верст пройденного пути. Придется тут зимовать. Но где? Не в тесном же, заливаемом водой трюме? Печурка у них одна, маленькая, на камбузе. Погибнут все от холода и сырости.

Скорей бы вернулся Семен. Какие-то вести он привезет?

— Плывут! Возвращаются! — обрадовалось сразу несколько голосов.

Ялбот быстро приближался. Прончищев навел на него зрительную трубу. Рядом с Челюскиным сидел на дне шлюпки какой-то человек. В меховой парке, на голове лохматый малахай — видно, местный житель.

Прончищев повеселел, немного отлегло от сердца. Значит, есть на берегу хоть какое-то жило. Будет где перезимовать.

Но ялбот подошел к борту, и увидел командир, что лицо у штурмана хмурое, озабоченное. И скуластый человек в малахае держится не как гость: горбится, озирается по сторонам, того и гляди в воду бросится. Не зря его, видно, Челюскин за ворот потрепанной парки придерживает.

— Промеряли мы одну протоку, зашли в другую,— рассказывал Челюскин.— Смотрим, на берегу, на бугорке, что повыше, не то юрты, не то избы видны. Поплыли туда. Точно, поселение небольшое. И люди в нем есть. Только, завидев нас, разбежались. Одного вот успели словить... Заложником будет.

— Какой заложник? Не пугай ты его,— засмеялся Прончищев.

С помощью толмача успокоили пленника, что никакой обиды никому не будет, стали расспрашивать. Якут рассказал, что тут живет двенадцать семей русских промышленников да по соседству кочуют эвенки и якуты. По его словам, жители убежали, потому что опасались заразиться от неведомых мореплавателей оспой. Эта болезнь была самой страшной угрозой для обитателей уединенных северных селений. Практически тут не было никаких заразных заболеваний, и, естественно, отсутствовал иммунитет к ним. Если сюда случайно заносили оспу, погибали все от мала до велика.

Впрочем, не могло не напугать жителей даже просто появление невиданного в здешних местах корабля с пушками.

— Нападения и разорения устрашились,— понимающе кивнул Прончищев.— Надо их обласкать, успокоить.

Якута угостили и отпустили с миром. Прончищев решил драгоценного времени не терять. Челюскин повел дубель-шлюп через лабиринт проток.

Вдоль реки тянулась унылая гряда лысых невысоких холмов. Они прижали к самой воде несколько убогих избушек с плоскими крышами. Покинутый жителями поселок производил мрачное впечатление. Но командир как ни в чем не бывало деловито приказал высаживаться на берег. Чтобы местных не теснить, решили построить жилье из подобранного на берегу плавника. Застучали топоры — и успокоенные жители начали один за другим возвращаться. Умное решение лучше всяких слов убедило их в добрых намерениях приезжих.

Плавника хватило только на две избенки — «одну двухсаженую, другую четырех саженей»[1]. Как в них только разместились? Для хранения продуктов вырубили в мерзлой земле две землянки. В особливый амбарчик сложили порох, ядра и вино, выставили возле него часового. И жизнь пошла по уставу, как положено в военном лагере,— не важно, что были они на краю земли, далеко за Полярным кругом.

Марии Прончищевой пришлось изрядно потрудиться, чтобы сделать такое жилье хоть немного поуютней. А мужчины были заняты охотой, добывали шкуры и запасали мясо к стремительно надвигающейся зиме.

Питание наших моряков в те времена было строго определено петровским Морским уставом. Горячее полагалось лишь два раза в день — и без разносолов. По воскресеньям, вторникам, четвергам и субботам на обед и на ужин одинаково солонина с кашею. Понедельники и среды были совсем постными: «Густа каша утром, вечером горох». В пятницу полагалась рыба с кашею — обычно солена треска. Из напитков — пиво или горячий сбитень и по чарке водки в день, кроме постных.

Но так кормили морских служителей лишь во время плавания. Пока не вышли в море — во время зимовки, путешествий по суше и даже при плавании по рекам полагался сухопутный паек, как и всем солдатам (когда именно какой кому выдавать, путался сам Беринг и запрашивал о том Адмиралтейство).

Солдатский рацион был гораздо скуднее и, главное, постный: сухари, горох да каша. И уж никаких напитков: чай тогда был не по карману даже офицерам.

Много ли наработаешь в стужу на одной каше? Но, к счастью, мясо можно было добыть охотой. И шкуры были нужны, чтобы пошить кухлянки и малицы, как у местных жителей. Никакой теплой одежды ни матросам, ни солдатам, ни офицерам тогда не полагалось: суконные кафтаны и камзолы, на ногах ботинки, на голове треуголка. На плохую погоду были еще епанчи — коротенькие накидки, тоже суконные. Вот и все. На походе полагались солдатам сапоги, но это уж кому сильно повезет. Беринг то и дело в рапортах начальству и в письмах сетует, что обмундирования не хватает, служители «наги и боси находятца, от чего претерпевают крайнюю нужду».

Прончищев понимал: нужно пошить теплую одежду и обувь хотя бы для вахтенных и караульных, иначе пропадут.

[1] Саженъ — 2,13 метра.

Каждая охота была для моряков опасным предприятием. Дикие олени уже ушли на юг, в тайгу. Охотиться можно было только на белых медведей, если случайно подвернутся, на волков, моржей да тюленей среди разводий. Это были звери серьезные, а оружие у охотников — длинные тяжеленные фузеи с трехгранными штыками да шпаги. Порох свято оберегали под одеждой, чтобы не дай бог отсырел. Запасные патроны держали за пазухой; пули, чтобы поближе,— за щекой. Кремневые курки неуклюжих ружей на морозе в самый опасный момент то и дело отказывали...

Хорошо, с местными жителями быстро подружились, вместе ловили рыбу и ходили на охоту, набираясь у них опыта. Кочевой беспроволочный телеграф далеко разнес весть о прибывших. Познакомиться с ними приезжали якуты и эвенки из глубины тундры. Один якут подарил Прончищеву большой золотистый камень. Он считал, что это золото, не иначе. Нашел его будто бы в верховьях реки Анабары, впадающей в море. Но Прончищев сомневался: похоже, какая-то руда... В конце ноября, отправляя солдата с рапортом Берингу в Якутск, он послал с ним и камень — показать рудознатцам.

С каждым днем становилось холоднее. Землю все крепче сковывал мороз. Солнце еще светило, но сквозь туманную изморозь было похоже на кусок быстро тающего масла.

Поначалу, как было принято в те времена, вставили в окна избушек рыбьи пузыри. Но потом, по совету местных жителей, заменили их голубоватыми пластинами льда. Облили по краям водой — прихватило к бревнам лучше всякой замазки. Стало в избенках немного светлее.

Но тут солнце перестало всходить. Скрылось, словно ушло в недра этой промерзшей до самых глубин неласковой земли,— до весны. И не нужны стали окна, ничего в них не увидишь. Как провели путешественники полярную ночь — можно лишь догадываться. В шканечном журнале об этом ни слова.

Как мало мы знаем об этих людях! Лишь совсем недавно историки установили, что Василий Васильевич Прончищев родился в 1702 году. О Семене Ивановиче Челюскине известно лишь, что родился он «около 1700-го», а умер «после 1760 года». Друзьями они, по некоторым данным, были с детства, хотя потом жизненные пути их то сходились, то расходились.

Челюскин был принят сразу в Морскую академию, но проучился в ней недолго. Как сына «малодворных родителей», его перевели в Москву, в Навигацкую школу, куда тем временем поступил учиться Василий Прончищев. Родители у Василия были побогаче, познатнее, и его направили в Морскую академию, которую он благополучно окончил в 1721 году вместе с Чирико-

вым. А Челюскин остался в Навигацкой школе и стал штурманским учеником.

По окончании академии Прончищев плавал на Балтике. Где служил Челюскин — точно неизвестно. Встретились друзья снова в Великой Северной экспедиции, чтобы уже не расставаться.

Брали в экспедицию офицеров только «по охоте» — добровольцев. Командиров северных отрядов назначал сам Беринг. Есть сведения, что Василий сам выбрал себе помощника, предложил другу отправиться вместе с ним. При зачислении в экспедицию Прончищева досрочно произвели в лейтенанты, Челюскина — в штурманы.

Вот и все, что мы о них знаем. О Марии же Прончищевой — первой в истории полярной путешественнице! — нет решительно никаких биографических сведений — только дата смерти. Мы не знаем даже ее отчества.

Не сохранилось ни одного их портрета или описания в чьих-либо воспоминаниях. Никаких мемуаров или писем. Только деловые официальные рапорты и вахтенные журналы в архиве, никогда еще не публиковавшиеся полностью. Да и то не подлинники, а лишь в копиях, переписанные с ошибками неведомыми писарями. Подлинники почти всех материалов великой экспедиции, к тягчайшему сожалению, похоже, погибли безвозвратно — видимо, «истреблены бывшим в 1788 году в Тобольске пожаром». (Хотя чего не бывает на свете: вдруг еще что-нибудь и найдется!..)

Шканечные журналы тоже скупы на подробности: время, направление ветра и курс корабля да еще только самые важные и необходимые сведения: «Видим остров...», «Появилась шуга...», «Наехали свежий медвежий след...»

С каким волнением рассматриваешь в Музее Арктики в Ленинграде старинные инструменты, с помощью которых Семен Челюскин определял широту неведомых мысов и островов, кремневые пистолеты, грубую самодельную посуду! Эти чашки и плошки вырезал полярной ночью из плавника, найденного на пустынном берегу, кто-то из спутников Прончищева — может быть, сам Василий или Семен для Марии? И уж она-то наверняка держала в руках эту посуду — мыла, скоблила, чистила как добрая хозяйка, подавала в ней на стол скудную еду...

Не станем придумывать им приключений и сочинять разговоры, которые будто бы они вели долгой полярной ночью. Пусть они лучше останутся в нашем воображении не очень отчетливыми за дымкой веков, но уж наверняка не искаженными писательской выдумкой. Будем сдержанными, как они.

Мужчинам было все же легче переносить полярную ночь. Прончищеву, при его многотрудной должности, хватало забот. Семен Челюскин с любовным старанием рисовал тушью первую карту Лены и той небольшой части побережья, вдоль которого они успели пройти. Карта получилась весьма красивой. Семен не удержался, даже дважды с гордостью пометил на ней свой недавно полученный титул: «Сочинена оная карта штурманом Семеном Челюскиным. Штурман Семен Челюскин». Карте повезло. Пожар и время пощадили ее. Она бережно хранится в архиве.

А Марии, конечно, приходилось нелегко. Всегда на людях, среди уставших, голодных, огрубевших мужчин... Только великая любовь давала ей силы. Но зато присутствие женщины наверняка облегчало жизнь мужчин, забота о Марии делала их сильнее.

Как же обрадовались они, когда 22 января на несколько минут над горизонтом показалось солнце...

С каждым днем этих минут становилось больше. Но стужа не уменьшалась, а бешеные метели налетали еще чаще, чем раньше. И к уставшим, истомившимся, ослабевшим людям подкралась беда. Давно уже не ели они свежего мяса, только в томительных снах видели капусту и овощи — у многих началась цинга.

Сначала люди слабели, их постоянно клонило в сон. Потом они начали пухнуть, лица желтели, кровоточили десны, и шатались выпадали зубы. Заболевших — бородатых рослых солдат, не боявшихся с фузеей выходить на медведя,— мучило чувство непонятного страха. Стоило кому-нибудь крикнуть погромче или уронить миску, как больных охватывала паника. Они были готовы бежать куда глаза глядят.

Заболели и Василий Прончищев с Марией. В ту первую зиму цинга косила людей во всех отрядах Северной экспедиции. Еще удивительно, что в отряде Прончищева никто не умер.

Когда же наконец придет весна?!

Первым вестником весны стал солдат Погодаев, неожиданно прибывший в середине апреля из Якутска с пакетом от командора Беринга. В пакете была инструкция на лето 1736 года. Особо поручалось обследовать рудное месторождение на Анабаре и «поставить добрые признаки, чтоб как прибудет господин профессор Гмелин, чтоб мог то место сыскать».

Этот приказ, доставленный бесстрашным солдатом на собаках через тысячи верст заснеженной тайги и ледяной тундры, бодряще подействовал на всех людей Прончищева. Несмотря ни на что, дело шло!

Но привез гонец и страшную весть из отряда Ласиниуса, куда он «по пути» заехал. Оказалось, совсем недалеко уплыл тот отряд. Зазимовал он у восточной окраины ленской дельты, и постигла их превеликая беда: почти всю команду скосила цинга; погиб и лейтенант Ласиниус. Об этом писал Прончищеву штурман Василий Ртищев, принявший командование, и просил хоть какой-нибудь помощи.

Чем они могли пособить? Но все же в тот же день снарядил Прончищев небольшую спасательную группу во главе с опытным квартирмейстером Афанасием Толмачевым, выделив сколько мог продуктов из своих тощих запасов. Проводить их вызвалось несколько местных жителей.

Добравшись первого мая до лагеря Ртищева, Толмачев обнаружил там только самого штурмана, иеромонаха Дамаскина да всего семерых солдат, двое из них уже не могли двигаться. Появление посланцев Прончищева спасло их от неминуемой гибели.

Толмачев и его люди уже на следующий день, не отдохнув, начали готовить бот к плаванию, скалывать с него лед, чтобы поскорее вывезти больных из гиблого места. А вскоре подоспела и вторая спасательная группа, присланная уже Берингом. Толмачев поспешил на Оленек, опасаясь, как бы «Якутск» не ушел в плавание без него.

Но до этого было еще неблизко. Льды пока все так же крепко сковывали дубель-шлюп. Прошел июль, начался август. Снова близилась осень. Неужели им опять придется тут зимовать, так и не продвинувшись за год ни на сажень вперед?!

И все-таки настал долгожданный день. Льды разошлись, и второго августа они вышли в море. Прончищев по такому случаю приказал поднять на мачтах пестрые веселые вымпелы. Все

Рисунки П. ПАВЛИНОВА

приоделись как могли. И Мария любовалась мужем сквозь слезы. Набегали они то ли от свежего ветра, резавшего глаза; то ли от радости; то ли от жалости, что Василий так болен и слаб...

А ветер дул такой сильный, что за два дня, расталкивая льдины, прошли они вдоль берега без малого триста верст! Солнце с неба почти не уходит. Можно плыть круглые сутки. Но некому подменить Прончищева на вахте, кроме Челюскина. А штурману хватает и своей работы.

Рубки нет. Рулевой и вахтенный начальник стоят прямо на палубе, открытой всем ветрам и непогодам. А ведь плывут они далеко за Полярным кругом среди нетающих льдов. «Стужи стоят великие, что человеку едва терпеть можно...» — отмечал Челюскин в шканечном журнале. И то и дело налетают слепящие снеговые заряды.

Прончищев стоит вахту до полного изнеможения. Прямо на палубу приносит ему Мария еду в деревянных плошках. С превеликим трудом удается Марии с Челюскиным уговорить командира хоть ненадолго уйти в каюту, полежать, отдохнуть. Но и в каюте не согреешься...

Болезнь их не отпускала, хотя свежего мяса теперь было вдоволь. Но, возможно, так и не привыкли они есть его сырым и пить звериную кровь (о таких пустяках не пишут в шканечных журналах). Могла бы, наверное, избавить их от болезни морошка, созревающая в тундре. Но они спешат плыть на север, некогда ягоды собирать...

Берег был однообразно-унылый, ровный, крутой, почти без приметных ориентиров, трудно брать пеленги. Челюскин с Никифором Чекиным едва успевали наносить его на карту. Часто забрасывали лот, мерили глубины. Ведь никто еще до них у этих берегов не плавал. Чтобы «потомкам для известия» провести измерения поточнее, останавливались, «обрасопя паруса», хотя жалко было терять каждую минуту.

Широту по незакатному солнцу можно было определить и в полночь. С измерением долготы было сложнее. Ее определяли по счислению — прикидывая, сколько прошли от какого-нибудь пункта, принятого за начальный. Получалось, конечно, весьма приблизительно. Но для местной карты ошибки в долготе практически значения не имели, главное — точно взять пеленги. А уж в этом Челюскин был выше всяких похвал. Через полтора столетия будут пользоваться составленной им картой...

Четвертого августа достигли устья реки Анабары и тут задержались. Чекина послали «для осмотра горы той, в которой руда». А Челюскин с Прончищевым составили детальную карту Анабарской губы и провели наблюдения, как меняются течения во время прилива и отлива.

Десятого августа Чекин вернулся, привезя образцы руды («токмо ни золота, ни серебра, ни меди из оной руды не явилось, а явилась сера горючая» — выяснится потом). Поспешили плыть дальше, чтобы не упустить попутного ветра.

Задерживали их ялботы, груженные провиантом, которые опять тащили за кормой. А тут еще при входе в Хатангский залив встретились «великие льды».

«Стали лавировать между льдами, избрали место, где пореже лед, шли между льдами с великою опасностью»,— записал Челюскин в журнале.

Парусное судно было игрушкой ветра. А льды совсем лишали его маневренности. Когда ветер стихал, течения тянули дубель-шлюп на мели, лед прижимал к берегу, грозя раздавить...

Вот когда пригодились огромные, неуклюжие весла! Ими удавалось коекак выгребать или хотя бы отталкивать льдины. И все же льды затерли один ялбот и разнесли его в щепки. Только немного провианта успели с лодки спасти. Это грозило голодом, хотя второй ялбот, по счастию, удалось вывести изо льдов благополучно. Перегрузили из него продукты от греха в дубель-шлюп, да и послали квартирмейстера Толмачева для разведывания на берег. Вроде виднелась там на взгорке какая-то одинокая изба.

«Ялбот пришел к берегу, токмо промышленных людей не нашли, а в построенном зимовье одном были и нашли в том зимовье хлеб, и собаку видели у того зимовья, а хозяина не застали, знатно, отлучился на промысел...»

Далеко забрались русские промышленники! И не теряли времени зря, охотились, добывали мягкую рухлядь. Хотя всего одна убогая избушка стояла на берегу, может, единственная на сотни верст, все же было приятно на душе. И берег не казался уже таким пустынным и диким.

Но дальше начинались места в самом деле дикие и никем еще не исследованные. Они приблизились к тем пределам, куда не заходили даже кочевые оленеводы со своими стадами. Не было здесь корму для оленей.

«...Берега самые пустые,— записывал в шканечный журнал Челюскин,— и никто на оных берегах не живет. И жить не у чего, понеже мы посылали ялбот за дровами и за водой, ничего не нашли, ни дров, ни воды...»

Они вошли в никем, похоже, еще не тревоженные воды. Разве мог командир хоть на минуту уйти с палубы?! И каждый день приносил открытия: «Видим против себя не в дальнем расстоянии остров».

«А в 4 часа виден нам другой остров...»; «В половине 7 часа виден еще западнее остров...»; «В 9-м часу усмотрели довольное число островов, токмо между оными островами проток никаких не видать».

Льды мешали подойти к неведомым островам поближе. Если бы у них нашлось время задержаться и льды позволили бы им высадиться на одном из только что открытых островков! Они узнали бы о своих безвестных предшественниках...

Островок был небольшой, плоский, открытый постоянно дующим тут сильным ветрам. Солнце и ветер тогда уже, наверное, согнали снег, и люди Прончищева, вполне вероятно, увидели бы лежащие прямо на пустынном берегу серебряные нательные кресты, перстни с фигурками фантастических птиц, бронзовое зеркало с изображением сказочного Китовраса. Аккуратно, словно на выставке, были разложены серебряные монеты и яркие, еще не потускневшие тогда лазоревые бусы. Были тут медные котлы, сковородки, ножницы, два ножа в ножнах. На деревянных рукоятках ножей старославянской вязью владелец затейливо вырезал свое имя — Акакий Муромец. Лежали на берегу компасные солнечные часы: как и много лет назад, по-прежнему указывали они, где север...

Найдут этот клад совершенно случайно гидрографы только осенью 1940 года, и очень заинтересует он историков и географов. На следующий год, в трагическом 1941-м, также случайно неподалеку отсюда, но уже на материке, в заливе Симса, обнаружат развалины старинного зимовья, а среди них точно такие же монеты, остатки схожих вещей — и три человеческих скелета, поврежденных песцами.

Ученые тщательно исследуют найденные вещи и придут к выводу, что это следы какой-то торговой экспедиции, приплывшей сюда с запада еще в семнадцатом веке. И в этой экспедиции была женщина! Это установят специалисты, изучив остатки скелетов, найденных среди развалин хижины. Вероятно, была она местная — скорее всего жена какого-то охотника, ставшего проводником торговых людей.

Может, что-то прояснят новые находки? Они продолжаются. В 1971 году на соседнем маленьком островке нашли еще несколько похожих предметов того времени и среди них гладкоствольную пищаль. Возможно, с годами мы узнаем больше о судьбе отважных людей, которые первыми обогнули самую северную оконечность Евразии. Триста лет никто не знал об их подвиге...

Плывут и плывут Прончищев и Челюскин мимо незнаемых берегов, впервые нанося их на карту.

«И шли около льдов, который лед подошел от самого берега в море, и очень гладок, уподобился якобы на озере, и приплесков на нем никаких нет, и признаваем, что оный лед ни в какое лето не ломает...»

Видели на льдинах «ходячих медведей белых многое число». И всюду попадались непуганые моржи, тюлени, резвились в полыньях белухи в таком множестве, что Челюскин даже пометил в журнале: «Яко скотина какая...»

Но вот чайки почему-то исчезли, это заметили все. И льды смыкались все плотнее. Теперь уходила на север, манила, завлекала лишь одна дымящаяся морозным паром полынья шириной всего с полсотни метров...

Ветер стих. Наползал туман. Плыть дальше? Глубина опасений не вызывала, лотлинь в сто саженей [1] не достал дна. Но если войдут они в эту полынью, а льды сомкнутся? Сожмут, раздавят корабль, как жалкую скорлупку...

Прончищев все же решил плыть дальше. Расталкивая льдины, зашлепали по воде длинные весла.

«Мы... зашли меж тех льдов в самую расселину и очень удивительно, что как она расселина учинилась... В самые глухие льды зашли, что по обе стороны, також и впереди нас великие стоячие гладкие льды».

Проклятые льды! До каких же пор их будет уводить на север этот угрюмый берег, чуть видный на краю горизонта? Должен же он где-то наконец повернуть на юг? Должен быть у Таймыра какой-то оконечный Самый Северный Мыс! Когда удастся обогнуть его?

Больной капитан ни на минуту не уходил с палубы, сгорбившись, сидел на скамеечке возле рулевого, не выпускал из рук зрительной трубы, высматривал полыньи, следил за окружавшими их все плотнее льдами. Время от времени Челюскин брал у него трубу и поднимался по обледеневшим вантам на мачту, оглядывал окрестности с высоты.

Девятнадцатого августа в полдень штурман взял обжигавший холодом квадрант, измерил высоту и рассчитал широту: 77 градусов 29 минут. Продолжали плыть еще до вечера. Полынья впереди стала совсем узкой...

В полночь прямо у койки вконец обессилевшего командира созвали на консилиум всех унтер-офицеров и, как один, решили: надо уходить из ловушки, возвращаться назад — «за препятствием великих льдов для того, что путь нам к Енисейскому устью не пропустило, понеже льды в море лежат далече к северу и от севера к востоку и льды плотные и густые и обойтить их и между ими пройтить невозможно...»

С трудом развернулись. Подняли паруса. Но они бессильно обвисли. Ветер стих совсем, а мороз крепчал. И разводья уже начало затягивать льдом.

«...Появилась на море великая шуга, от которой мы в великой опасности, что ежели постоит так тихо одне сутки, то боимся тут и замерзнуть».

Эх, купить бы у кого ветра! Все бы отдали. Было у моряков старинное поверье, будто можно купить у ведунов заколдованное птичье перо или узелок заветный. Как попросишь, дадут тебе эти талисманы попутный ветер...

Боцман озябшим голосом прокричал аврал. Навалившись на весла, разбивая молодой лед баграми и отпихивая подальше большие льдины, метр за метром ползли, вырывались из ледяного плена. «А вода так густа, что перед носом судна был великий шум».

И повезло: «Однако боже милостив, дал Бог нам способного ветру, то оную шугу разнесло».

Вырвались они на чистую воду! Но командир совсем свалился с ног, не мог уже встать. Повел дальше корабль штурман Челюскин. И матросы от стужи и непосильных трудов были в великом изнеможении, едва управлялись с мокрыми, обледеневшими парусами. Весла вырывались из озябших, усталых рук.

Двадцать четвертого августа вошли в Хатангский залив. Но здесь зимовать было нельзя. Это тоже была ловушка: никакого жилья поблизости, даже плавника для постройки изб не найдешь. Часть провианта они потеряли. А без помощи местных жителей и рыбы на зиму запасти не успеют. Пропадут здесь.

Челюскин, посоветовавшись с Прончищевым, повел «Якутск» дальше — к месту прошлой зимовки в устье реки Оленек.

Прончищев стал совсем плох. Мария тоже валилась с ног, ухаживая за ним. Да и другие больные того и гляди живота лишатся...

Успели дойти до входа в Оленекский залив. Вот они, совсем рядом, плоские островки дельты. Теперь все проходы между ними нанесены на карту, хорошо известны Челюскину, сам промерял каждую протоку и уже наметил кратчайший, самый быстрый путь к спасительному берегу, где есть люди, жилье, тепло...

Но поднялся сильный ветер и дул им прямо встречь, так что не только паруса — даже голые мачты плыть мешали. Против ветра, говорят, не надуешься. Хорошо еще, льда не было. Навалились на весла. Метр за метром, преодолевая сопротивление ветра, вошли в протоку. И чуть не сели на мель, царапнули днищем дно.

Откуда здесь взялась мель?! Ведь сам все мерил.

Встревоженный ударом и скрежетом, командир поднялся на палубу и сразу все понял:

— Ветер с берега, Семен. Согнал он воду. Здесь не пройдем.

— Надо проверить другие протоки. Боцман, готовь ялбот! Сам пойду.

— Я с тобой,— сказал Прончищев таким тоном, что спорить с ним было бесполезно. Пока жив капитан, он отвечает за свой корабль.

Мария помогла мужу одеться потеплее, укутала его исхудавшую шею своим пуховым платком. Матросы помогли командиру спуститься в ялбот.

Целый день на ледяном ветру и в начавшейся метели плавали они из протоки в протоку, мерили глубины обледеневшим шестом. Везде обмелело. Надо ждать, пока уймется ветер и вода придет назад.

Когда уже в сумерках вернулись на корабль, Прончищев, как ни пытался сам подняться на борт по веревочному трапу, не смог. Челюскин взвалил друга на спину, с болью подумав, что стал он легким, как ребенок, и с помощью матросов взобрался с ним на борт.

— Спасибо, друг, теперь я сам,— сказал Прончищев, встал на ноги, сделал два шага — и без памяти свалился на палубу.

Больше в сознание он уже не пришел и в восемь часов вечера 29 августа 1736 года скончался на руках у Марии.

Что сгубило Василия Прончищева? Принято считать — цинга. Но вряд ли она явилась главной причиной смерти. Болезнь тянулась уже давно, и пребывание на воздухе, свежее мясо не могли за лето притушить, ослабить ее.

Конечно, подкосила командира «великая нужда» плавания, сожгло неимоверное напряжение этой гонки со смертью, наседавшей на них по пятам, когда все ополчилось против них: и встречный ветер, и смерзавшиеся вокруг льдины, и мели, вдруг предательски преградившие путь. До последнего дыхания оставался он капитаном, командиром, ответственным за судьбы доверенных ему людей. Во что бы то ни стало надо было вырвать из смыкающихся льдов корабль и людей, иначе погибли бы все. И с помощью верного друга, штурмана Семена Челюскина, Прончищев сделал это, но — ценою собственной жизни.

А ветер не унимался еще четыре дня, дул, похоронно ревел в обледеневших снастях днем и ночью. Скрывая берег, густо валил снег. И все эти бесконечные четыре дня и ночи Мария, окаменев, сидела у тела мужа.

Потом ветер утих, но пришлось еще ждать, пока поднимется вода в протоках. Прошли через дельту благополучно, на мель не сели. И наконец открылось устье реки Оленек.

Встречали их не только все жители крошечного поселка, но и друзья, приехавшие из глубины тундры: давно уже ждали, видели с берега, как борются они с разыгравшимся морем. И еще не подошел «Якутск» к берегу, все встречавшие уже поняли: случилась беда.

На южном краю поселка вырубили в мерзлой земле могилу на высоком мысу и опустили в нее гроб с телом командира. «...И при том погребении были унтер-офицеры все и солдаты. Были в ружье и амуниции двадцать четыре человека, и при погребении была пальба три раза».

А через пять дней сделал штурман Челюскин в шканечном журнале новую скорбную запись: «В начале сего 4 часа пополуночи бывшего командира дубель-шлюпки Якуцка Прончищева волею божьей жена его умре...»

Ее похоронили рядом с мужем, в той же могиле, и тоже с воинскими почестями. Опять разорвали морозный воздух гулкие хлопки ружейного салюта.

Семен Челюскин смотрел, как заносит свежую могилу первая пурга, и думал о том, что не успокоится, не оставит этой суровой страны, пока не довершит того, за что отдали свои жизни его друзья — Мария и Василий.

Окончание следует

[1] 213 метров

Помятую льдами дубель-шлюпку привели обратно в Якутск и стали ремонтировать. В отряд прислали нового командира — Харитона Прокофьевича Лаптева.

О нем мы тоже знаем очень немного. Лишь совсем недавно удалось историкам выяснить, что родился Харитон Лаптев в небогатой помещичьей семье неподалеку от Великих Лук. Окончил Морскую академию вместе с Чириковым и Прончищевым и плавал на Балтике.

Поначалу ему крепко не повезло. Фрегат «Митау», на котором служил мичман Лаптев, в 1734 году коварно захватили французы. После размена пленных всех офицеров за сдачу корабля неприятелю без боя сгоряча присудили к смертной казни. Но вскоре, к счастью, разобрались получше, выяснили, что никакой их вины не было, а только роковое стечение обстоятельств, и всем вернули прежние чины. А через год Лаптев так отличился в кампании на фрегате «Виктория», что молодого мичмана тут же назначили командиром царской яхты. Однако, узнав о смерти Прончищева, Харитон Лаптев вместе с мичманом Иваном Чихачевым «низко бил челом», прося назначить его командиром отряда взамен погибшего товарища. Просьбу Лаптева уважили, произведя его в лейтенанты. Чихачева направили в помощники к Чирикову, с ним он совершит историческое плавание к берегам Америки — и домой уже не вернется...

Отряду Прончищева повезло: он получил достойного командира. Харитон Лаптев и Семен Челюскин с превеликой энергичностью взялись готовить «Якутск» к плаванию. Знания, опыт Челюскина и всесокрушающая напористость нового командира — это было отличное сочетание.

Седьмого июня 1739 года подновленный «Якутск» наконец снова отправился в плавание. Но оно оказалось весьма многотрудным. Вышли в море из дельты Лены без помех и сравнительно рано. Но еще не дойдя до Оленекского залива, встретили густые «льды носячие».

Поставили впередсмотрящего, чтобы он криком предупреждал о больших льдинах. А матрос вдруг заметил вдалеке «якобы какое судно». Стали все всматриваться. Зрительная труба переходила от Лаптева к Челюскину. В самом деле, похоже, виднеется на горизонте какой-то корабль. Откуда бы ему тут взяться? Все были встревожены.

Лаптев не стал размышлять долго, приказал пальнуть из пушки. Она рявкнула довольно жиденько над бескрайним Ледовитым океаном. На загадочном судне не подали никаких признаков жизни...

— Остров это, Харитон Прокофьевич,— покачал головой Челюскин.— Или стамуха, может, или гора ледяная.

Больше порох тратить не стали. Поплыли дальше. И некогда им было гадать, что за призрак такой встретили: льды окружали их все теснее и едва не затерли. Всем пришлось потрудиться, даже иеромонаху с барабанщиком. Топорами да пешнями еле прорубили себе выход из ледяной ловушки.

Зашли все же в устье реки Оленек, поклонились могиле Прончищевых. И поспешили дальше, оставив на берегу запасной склад провианта.

Тяжелые льды преградили вход в Хатангский залив. Пробиваясь сквозь них, получили пробоину, началась сильная течь. Вода залила трюм и вымороженные в нем кубрики, поднялась под самую палубу! К счастью, на берегу оказалось зимовье. Успели устроить его тут за эти годы неустрашимые промышленные, назвав Конечным.

Поспешили подойти к берегу, шлюп разгрузить и попробовать починить. Сняли пушки, все снаряжение, провиант, бочки с пресной водой — «с великим трудом получили спасение». Наскоро залатав пробоины, отправились налегке дальше, оставив солдата сторожить сгруженное имущество. Даже ялбот не взяли, чтобы не задерживал хода.

Плыли все дальше на север мимо островов, открытых в прошлое плавание и впервые нанесенных на карту штурманом Челюскиным. Для надежности уточняли их положение. Открыли еще несколько островков. Их в прошлое плавание не заметили, приняли за превеликие льдины. Теперь решили все открытые острова для верности окрестить. Лаптев не стал утруждать себя, давал островам имена святых, заглядывая в святцы: Петра, Андрея, Павла, Самуила, Фаддея.

Но уплыли недалеко. Не достигли даже тех широт, где прошлый раз повернули назад. Опять преградили путь густые льды.

Теперь они подготовились к путешествию лучше. Не только устраивали на всякий случай в разных местах склады провианта на берегу, но и взял Челюскин с собой нарты с собаками. Послали на этих нартах с опытным каюром на разведку по льдам геодезиста Никифора Чекина [1]. Вернувшись, Чекин доложил, что дальше пути нет. Все море

Окончание. Начало в № 11 за 1981 год.

[1] Кажется, это было впервые в истории полярных исследований.

ТАК ОТКРЫВАЛИ ЗЕМЛЮ

ГЛЕБ ГОЛУБЕВ

«ПОТОМКАМ ДЛЯ ИЗВЕСТИЯ»

Историческая повесть

сковали непроходимые стоячие льды.

Был уже конец августа. Консилиум решил — встать на зимовку. Но пошли для этого не в устье реки Оленек, остановились гораздо севернее — в Хатангском заливе. Правда, пристать возле своего склада в Конечном не смогли: уже помешали льды. Челюскин объездил все берега залива и нашел другое подходящее место — где было стойбище безоленных тунгусов, как тогда называли эвенков. Тут и встали на зимовку, построив избы из плавника.

С эвенками подружились и советовались, намечая план дальнейших исследований. Решили, прежде чем начинать новое плавание, времени весной не терять, провести несколько санных походов, чтобы разведать, сколь же далеко на север простирается эта дикая ледяная земля.

Лаптев приказал всем по примеру местных жителей питаться неотказно строганиной. Больше у них в отряде не было ни одного смертного случая от цинги. Становились они опытными полярниками. Этому бы порадовался Прончищев. Покойный командир незримо продолжал путешествие вместе с ними. Его часто вспоминали в разговорах.

И все яснее становилось, что Василий Прончищев, Мария и другие участники экспедиции отдали свои жизни хотя и слишком рано, в самом начале трудного пути, но недаром. Их гибелью был оплачен неоценимый опыт познания Севера, приносящий теперь «многоразличные и наиважнейшие пользы». Он помогал Лаптеву и Челюскину вести своих людей все дальше на север.

Правда, новый командир многим показался после Прончищева слишком крут и властен. Кое-какие приказы Лаптева вызывали ропот среди команды. Как записали в шканечном журнале, слышались от некоторых солдат «нерегулярные и неистовые слова»... Лаптев поступил по уставу: «Кто будет непристойно рассуждать о указах от начальника, на теле наказан будет».

Но в общем зимовка прошла успешно. Чтобы скоротать время, любознательный Лаптев стал вести свой особливый журнал, куда записывал «для известия потомкам» всякие любопытные сведения:

«По сей тундре, а паче близь моря лежащие находятся мамонтовые роги, большие и малые, також и другие от корпуса кости... А на иных реках здешней тундры из берегов вымывает и целые звери мамонты, с обеими рогами; на них кожа толщиною в 5 дюймов, а шерсть и тело истлелые; а прочие кости, кроме помянутых рогов, весьма дряблые... Сей зверь мамонт есть, мнится быть, и ныне в море Северном, на глубоких местах...»

Мамонта Харитон Прокофьевич считает морским зверем, еще и сейчас обитающим где-то на глубинах. Как молода наука!

Интересовали Лаптева и местные жители. Отметил, что понравились они ему «мужеством и человечеством и смыслом». Все изучал и записывал, и то, что видел собственными глазами,— весьма точно:

«Шаманство их состоит разными манерами: иные ножами режутся и кричат, иные скачут и в бубен бьют и поют, иные замышляются и тихо говорят, потом придет в такое безумие, что в беспамятстве якобы видит дьявола и говорит с ним, чего от него требует. Оное шаманство от них происходит не инако, как нарядяся в особливое к тому платье страшное, на котором множество звонцов медных и разных штучек железных на тоненьких плетенках...»

Ранней весной, еще в конце марта, отправили в далекий поход отважного Никифора Чекина с якутом-каюром Никифором Фоминым и солдатом Антоном Фофановым. Они вернулись с очень важными вестями: открыли Таймырское озеро и прошли от него вдоль реки Таймыры до самого моря! Начал геодезист составлять уже и карту побережья к западу от ее устья, но успел пройти всего сотню верст. Помешали жестокие морозы и сильные ветры, а главное — голод. Было у них на троих всего по пуду муки и крупы и совсем мало корма для собак. Отметив место на берегу, куда успели дойти, каменной пирамидой, решили возвращаться. И еле добрались целы «с крайнею нуждою» — пешком, потеряв от бескормицы всех собак и бросив нарты.

Вот снова подвиг, еще герои, и опять ничего о них мы толком не знаем! Никаких биографических сведений о Никифоре Чекине — даже отчество неизвестно. Лишь докопались недавно историки-краеведы, что был он вроде из мелких дворян Тульской губернии. А от спутников его остались в истории только имена и фамилии. Многим другим, как мы знаем, повезло еще меньше...

Предусмотрительный Лаптев отправил в устье Таймыры двух промышленных и несколько эвенков, чтобы устроили там жилище, набили оленей и наловили за лето побольше рыбы. А сам сильно надеялся, что на сей год удастся наконец пробиться туда сквозь льды вдоль побережья, нанести все на карту.

Но не получилось. В августе прошли почти до тех пределов, какие достигли в первом плавании под командой Прончищева. А потом ветер переменился, льды наглухо закрыли все полыньи, и «Якутск» оказался в ловушке. Вокруг «подобно горам» громоздились стамухи.

Льдины сжимали суденышко все крепче, плотнее. Тщетно пытались отталкивать их веслами, бревнами. Затрещали борта, выломало форштевень. В трюм хлынула вода.

Пытались заткнуть пробоины мешками с мукой, всю ночь вычерпывали воду ведрами. Но она все прибывала. Дубель-шлюпка, «изнеможа продолжать плавание», легла на правый борт. Стали выгружать на лед все, что можно, пытаясь облегчить и спасти судно: пушки, якоря, провиант. Люди тоже сошли на лед. А разводья еще не затянуло свежим льдом. Проваливались в эти полыньи.

— Оружие береги! Порох! — срывая голос, командовал Челюскин.

— Не спасти шлюп, Харитон Прокофьевич,— сказал он Лаптеву.— Надо уходить на берег. До него, чаю, миль пятнадцать. А то унесет в море... И торосить, наверно, начнет. Ветер жестокий и все крепчает.

Лаптев только молча кивнул.

Челюскин, покинувший судно последним, записал в журнале: «Видя уже неизбежную гибель его, командир... решил спасать команду, и все сошли на стоячий лед».

В ту ночь никто, конечно, не спал. Устало, тяжело дремали, сбившись в кучу, чтобы хоть немного согреться. Тревожно прислушивались, как трещит вокруг лед. Каждую минуту ждали: вдруг разойдутся льдины — и утонут они в ледяной воде...

Как писали в те времена: «Легче будет себе представить печаль и уныние сих несчастных людей, нежели оное изобразить словами». Но бог миловал, обошлось. И за ночь мороз закрыл многие разводья тонким ледком. Утром пятнадцатого августа пошли цепочкой в ту сторону, где должен был находиться берег. Нагрузили нарты провиантом — он был дороже всего. Толкали, помогая собакам. Остальное, что смогли, тащили на себе.

Челюскин с Чекиным шли впереди, то и дело сверяясь с компасом, выбирали кратчайший путь среди коварно прикрытых непрочным ледком разводьев.

А ветер опять дул встречь, в лицо, с берега и отгонял льды в море. Снова началась гонка со смертью...

Шли весь день без останову, но все равно ночные сумерки застали их еще далеко от берега. Хорошо стал он вроде уже виден. Опять пришлось ночевать прямо на льду, не поевши горячего. Это в их-то одежонке и обуви! Одеревенели все так, что ни рук, ни ног не разогнешь.

И опять всю ночь прислушивались, как трещит, громоздится вокруг торосами, как колышется, вздрагивает под ними непрочная льдина. Похоже, уносит ее куда-то все дальше от суши...

Утром первым делом кинулись смотреть, раздирая смерзшиеся ресницы,— виден ли берег? Виден, не пропал! Хотя вроде и вправду отнесло от него немного...

Снова двинулись в путь. Шли, несмотря на неимоверную усталость и тяжкую ношу, все ускоряя шаг. Тяжело дыша, чуть не бежали.

А к вящему несчастию ветер вовсе погнал лед в море. Дорогу им преградила широкая полынья. Вот когда нужен был ялбот! Но они уже давно плавали без него...

Стали переправляться через полынью на льдинах, словно на плотах, отпихиваясь шестами. Соскользни с качающейся под ногами льдины — и все, обратно уже не взберешься. Да еще и товарищей утопишь, если будешь цепляться за льдину. А вода ледяная, в ней и минуты не проживешь.

Но уцелели, все уцелели! Голодные, промокшие, чуть живые выбрались, выползли наконец на прочный, надежный берег. Долго лежали без сил, отдыхали. Потом насобирали плавника, разожгли костер. Немножко обогрелись, пожевали сухарей. И, разбившись на две партии, взялись за работу. Одни под командой Лаптева спешили построить дотемна две полуземлянки-юрты из плавника. Других, кто посмелее, Челюскин повел обратно по льдинам на корабль спасать уцелевшие продукты.

Перетаскивали их на берег целых две недели — понемножку, сколь могли. Путь среди разводий с каждый днем удлинялся: корабль оттаскивало все дальше. И все же «Якутск» не тонул, поддерживаемый льдами. Стали уже разбирать его на дрова: мало на берегу нашлось плавника. Дров хватало только для костра, а юрты и обогреть нечем. Люди промерзли до костей, еле двигались. Некоторые падали и не хотели вставать:

— Все равно помирать, ваше благородие...

Но Челюскин поднимал их снова и снова:

— Вперед! Давай, давай, а то замерзнешь!

— Ваше благородие, а «Якутск»-то, гляньте! — ахнул один из матросов.

Челюскин обернулся и уже не увидел родного корабля. Сомкнулись льды, поглотили его. Все море теперь сковал белый панцирь.

Стремительно наступала зима, грозя погубить их на пустынном берегу. Но подоспели на помощь эвенки. Лаптеву и Челюскину удалось вывезти отряд к жилью промышленных, названному Конечным.

«И в том пути от великих стуж и метелиц и от пустоты претерпевали великую трудность...» Четверо умерли. Но остальные были спасены, благополучно перезимовали.

Теперь у них не было корабля. Превеликая беда произвела полную перемену в обстоятельствах. Но они не сдались, не отступили! За зиму штурман Челюскин разработал маршруты — и с восхождением солнца три отряда отправились на собаках в путь. Партии были небольшие, по два-три человека. Одну возглавил Лаптев, другую Чекин, третью Челюскин.

На суше не качало, и для определения широты по высоте солнца над горизонтом можно было пользоваться квадрантом. Все же он был поточнее градштока, но зато тяжеленный и требовал к себе бережного отношения.

Результаты получались, пожалуй, лучше, точнее. Но работа была адова и подвигалась медленно. Выбрав место повыше, останавливались. Доставали из ящиков треногу и тщательно укутанный, чтобы не разбился, пель-компас. Установив его на треногу, Челюскин неторопливо и тщательно пеленговал все приметные мысы, скалы. Подробно записывал их особенности, измерял углы между ними с помощью астролябии.

Затем отмечали место, откуда провели пеленгование, реперо м — пирамидкой из камней, если удавалось их насобирать, или бревном, которое на сей случай возили с собой, и переходили с приборами на самую высокую из уже нанесенных на карту точек. Все повторялось снова: пеленги, измерения углов — теперь уже с этой позиции.

Каждый вечер Челюскин тщательно подсчитывал, сколько пройдено за день, чтобы можно было хотя бы примерно

определить долготу нанесенной на карту местности. А расстояния между отдельными приметными мысами и скалами определяли уже гораздо точнее, таская в обмороженных, избитых в кровь руках металлическую мерительную цепь...

И все это на морозе за двадцать градусов, на ледяном ветру, секущем до костей. Пальцы не повиновались. Руки примерзали к железу. Солнце, отраженное снегом, так слепило глаза, что потом приходилось несколько дней отлеживаться в темноте, в наскоро поставленном чуме.

А сколько раз бывало: только устроится Челюскин для работы, только склонится над пель-компасом, солдат вдруг испуганно окликает:

— Ваше благородие! Медведь подкрадается!

— Где?!

Челюскин оборачивается и видит совсем рядом спешащего к нему огромного медведя. Надо успеть схватить ружье, проверить шомполом, забита ли пуля в дуло; окоченевшими пальцами насыпать пороху на затравку; прицелиться поточнее, сдерживая дрожь в усталых руках; выстрелить...

Медведь еще успевает сделать несколько шагов, прежде чем тяжело рухнуть в снег, ткнувшись мордой прямо в ноги Челюскину. А если бы кремень дал осечку? Или порох бы отсырел?..

Но медведь — это бог хорошо им послал. Будет мясо и людям и собакам, а то продукты уже на исходе и через несколько дней, прервав работу, пришлось бы спешно возвращаться к ближайшему жилью. И хорошо, если не ошибется штурман в расчетах и ничего не случится по пути...

Так, за весну и начало лета 1741 года им удалось до наступления распутицы объездить почти весь полуостров Таймыр; нанести на карту не только побережье, но и реки, озера, горные хребты, обнаруженные в тундре.

И только одна часть побережья — самая главная! — продолжала зиять на карте пустотой: на севере полуострова, от места, достигнутого еще с Прончищевым, и до точки, куда сумели они пройти по суше к востоку от устья реки Таймыры. Неведомо оставалось, как же далеко в Ледовитый океан вдается полуостров и где же, на какой широте находится его Мыс Самый Северный?

Челюскин попросил дозволения самому выяснить это и отправился в путь из Туруханска в самый разгар полярной ночи, пятого декабря 1741 года. Его сопровождали четверо солдат.

Рисунки П. ПАВЛИНОВА

Великая Северная экспедиция продолжается. Идут во мгле полярной ночи сквозь метель и пургу штурман Челюскин с солдатами. Двигаются медленно. Опять подвели местные приказчики. Не приготовили, хотя было им приказано загодя, ни хороших собак для упряжек, ни хороших оленей. Челюскин решил уменьшить свой отряд. Троих отправил обратно, продолжил путь с одним солдатом — Константином Хороших.

Был самый разгар зимы. Стужа стояла такая, что даже железо не выдерживало. Как-то утром, когда стали колоть дрова, топор разлетелся на мелкие осколки, как стеклянный. Теперь топоры на ночь брали в чум: все же потеплее.

А вот дерево от стужи, наоборот, только крепчало. Не брал его топор. Надо было выбирать самые сухие бревна. Сырые не расколешь.

И огонь вечерами не сразу добудешь. Не держат кремень и кресало замерзшие пальцы. А так хочется поскорее хоть немного согреться, похлебать горячего...

Утром встают, с трудом разгибая закоченевшие ноги и спины. Немножко согреваются у костра, наскоро обедают. И снова весь день в пути. Монотонно, убаюкивая, скрипят нарты да снег под лыжами. Бывает, и подремлют путники на ходу. Но ружья держат наготове. Уложены они сверху, чтобы можно схватить в любую минуту. Шомпол тут же, пули. И по два патрона согревают за пазухой, чтобы не отсырели, не подвели. Не ровен час набежит шальной медведь, осатаневший от голода...

Так вдвоем они пересекли весь Таймырский полуостров там, где он шире всего, и пятнадцатого февраля, оставив позади без малого полтора тысячи

верст, достигли восточного побережья, прибыли в Хатангское зимовье, с которым было связано столько воспоминаний.

Челюскин не считал это подвигом. Для него это была просто работа. Точнее, даже еще не работа, а только приготовление к ней. Работа предстояла впереди.

Он проверил все инструменты, разместил их на нарте поудобнее, чтобы можно было быстро достать и приступить к съемке.

Третьего апреля 1742 года на четырех нартах они вышли на север. Челюскина сопровождали зимовавшие здесь три верных, все повидавших солдата — Фофанов, Сотников и Горохов — да несколько старых друзей-эвенков.

За десять дней Челюскин и его спутники еле добрались до зимовья Конечного. «...Стал в зимовье и ехать невозможно за великою метелью и стужей». А непогода не унималась, и Челюскин решил не терять времени, пошел дальше, отмечая вечерами в журнале: «Погода мрачная, снег, метель, туман, ничего не видно...»

Некоторые собаки совсем ослабли. Из тех, что покрепче, Челюскин собрал три упряжки. Сотникова решил отправить назад, в зимовье. Простились с Челюскиным и эвенки, не пошли дальше.

Дальше простиралась ледяная пустыня, не было уже ни зимовий, ни кочевых чумов. Вот тут и началась работа. Ее стали исполнять деловито и неспешно штурман Челюскин и его помощники — солдаты Фофанов и Горохов.

Часто останавливались. Выбрав подходящее место, доставали инструменты. Вырубали яму во льду, ставили бревнорепер. Брали пеленги, измеряли расстояния мерительными цепями. Переходили на другое место, все начинали заново.

Потом инструменты с великим бережением упаковывали, опять вырубали изо льда примерзшее бревно, взваливали на нарты — и «поехали в путь свой» до новой точки съемки. День за днем неуклонно отмечал в журнале Челюскин свой путь.

С бревном расставаться было нельзя. Плавник попадался так редко, что не всегда могли раздобыть дрова. Спали в нетопленом чуме. Ели всухомятку. Даже кипятком, размочив в нем окаменевшие сухари, не погреешься. Но заветное бревно берегли.

Наступила весна, и начались пурги. Порой даже при ясном небе все вокруг закрывала поземка. А в немногие погожие дни мешало брать пеленги, слепило глаза блистание снега под солнцем.

Следом стаями шли голодные волки. Вожаками были громадные волки-альбиносы. Тунгусы суеверно считали, будто в этих снежно-белых зверей вселились после смерти души злых шаманов. По ночам волки кольцом окружали чум, придвигались все ближе, заставляя выть и тревожно лаять собак,— ждали, надеялись. Выходя успокоить собак, Челюскин видел, как мерцают вокруг ярче холодных колючих звезд голодные волчьи глаза, и палил наугад из фузеи. Волки на время отступали, порой пятная снег алой кровью. На раненого собрата тут же кидалась вся стая и разрывала его...

С каждым днем солнце поднималось выше, и они стали работать и передвигаться ночами, пока снег плотнее и крепче, легче скользят нарты. А широту можно было рассчитать и в полночь — по нижней кульминации светила.

Первого мая 1742 года озябшими, неповинующимися пальцами Челюскин записал в путевом журнале: «Погода мрачная. Пополудни в 1-м часу приехали к мысу Святого Фаддея и нашли малое число дров и то гнилье; и стали для отдыху собак, понеже собаки стали весьма худы; стала великая метель, где стояли всю ночь». Что устали собаки и потому пришлось остановиться, он часто отмечает. О себе и о солдатах ни слова.

Кончались продукты. Сами еще несколько дней протерпеть смогут. Но голодные собаки ведь не потянут... Но повезло! «Ехали по сему берегу, наехали свежий медвежий след... поехали в море по оному следу».

Челюскин поспешил налегке и взял лишь одного солдата, другого со всей кладью оставили на берегу. Ехали быстро, но все равно времени ушло немало: пришлось гнаться без малого верст двадцать.

Собаки, почуяв зверей, подняли лай, поддали ходу. Челюскин увидел впереди сначала двух медведей. Похоже, медведица с двухлетним медвежонком, который вымахал уже поболе ее. Они стояли и с интересом смотрели на приближающихся людей. А в стороне, невдалеке, стоял третий медведь — крупный, молодой. Но он оказался трусливее, сразу скрылся за торосами, напуганный лаем собак.

Пустить на медведей собак, чтобы отвлекли их, как обычно делалось при охоте, Челюскин не решался. Покалечит, побьет медведица хотя бы нескольких — придется нарты на себе тащить, не одолеть им тогда оставшегося пути, пропадут. Собак пуще всего беречь следовало.

Пока он с тяжелым ружьем в руках раздумывал, а солдат с трудом сдерживал осатаневших собак, шерсть у медведицы на загривке поднялась дыбом. Это был тревожный знак. Сейчас бросится! Челюскин начал тщательно целиться...

Но медведица вдруг громко, негодующе фыркнув, кинулась прочь. Медвежонок за нею. Мясо убегало!

— Пускай собак, а то уйдут! — крикнул Челюскин.

Но собаки запутались в постромках...

В этот момент из-за ближнего тороса показался еще один медведь — четвертый! Челюскин насыпал пороху на затравку, неспешно прицелился. Фузея громыхнула, словно маленькая пушка. Из ее дула вырвалось густое облако дыма. Отдача едва не сбила Челюскина с ног. Медведь грозно замахал лапами и рухнул.

— Теперь с мясом,— тихо сказал Челюскин.

В тот день Челюскин, кратко описав охоту, отметил в графе «Состояние берегов и островов»: «Как ездил морем, островов никаких не видел». Дело прежде всего. И в полдень, как положено, воспользовался сиянием солнца, рассчитал широту — 77°27′.

Это было седьмого мая. А «по полуночи стало мрачно и поземная метель великая, что ничего не видно». Восьмого после полудня все же двинулись дальше, хотя пурга не унималась и вдобавок наполз туман. Ехали почти ощупью.

Вскоре выехали на большой мыс, далеко вдавшийся в море. Пурга немного утихла. Стало развидняться. И Челюскин увидел, что дальше к западу берег все больше заворачивает к югу. Все к югу, к югу...

Он не поверил глазам. Выбрал самое высокое место, подогнал туда нарты, встал на них, чтобы лучше осмотреться. Сомнений не оставалось: этот мыс был самой северной точкой на их многотрудном пути! Дальше берег пойдет к югу.

Как долог оказался путь сюда! Прошло семь лет с того июньского дня, как отплыли они на разукрашенном вымпелами дубель-шлюпе из Якутска. Нет верного корабля, раздавлен льдами. Умерли незабвенные друзья Челюскина. Из всех, кто отправился тогда в путь, дошел сюда только он один.

Солдаты кирками и лопатами вырубили в промерзшей земле неглубокую яму и поставили маяк «потомкам для известия» — бревно плавника. Не зря берегли его, твердо веря, что пригодится. А в журнале Семен Иванович только и записал:

«Сей мыс каменной, приярой (то есть обрывистый), высоты средней; около оного лды глаткие и торосов нет. Здесь именован мною оный мыс: восточный северной мыс».

Для пущей надежности на следующий день они прошли еще восемнадцать верст по льдам на север, в открытый океан. Вдали «виден был перелом (то есть полынья) шириною в $^1/_4$ версты». Но никакой земли ни с одной стороны не приметили. Значит, был этот приярый мыс точно самым северным! Задача выполнена, можно возвращаться.

Теперь они, веселея с каждым днем, шли по берегу все на юго-запад, и пятнадцатого мая произошла встреча: к ним спешили на выручку Константин Хороших и Никифор Фомин! Они привезли провиант, дрова, юколу для собак.

Челюскин прикинул: прошел он за эти два весенних месяца по льдам и снегам еще никак не меньше полутора тысяч верст (а всего им было пройдено 6300 верст!). И сделал последнюю запись в когда-то новеньком, а теперь истрепанном, местами с кровавыми пятнами на страницах путевом журнале:

«И тут стал для отдыху собак, понеже собаки стали худы и безнадежны».

Вот и все.

Никто еще на свете не знает, что открыта самая северная точка всего Азиатского материка. И еще многие десятилетия сюда никто больше не сможет добраться — ни морем, ни берегом. Станут считать, будто сей мыс на корабле обойти вообще невозможно по причине вечных льдов. Не обратят внимания на запись пунктуального Челюскина в журнале о том, что видел он широкую полынью. Значит, бывают и тут подходящие разводья, по которым можно проплыть! Но это важное наблюдение географы и моряки оценят лишь со временем.

Долгое время самый северный мыс оставался безымянным. На правах путешественника, побывавшего в этих краях впервые после героев Северной экспедиции, академик А. Ф. Миддендорф хотел назвать его мысом Прончищев-Челюскин, так и пометив на карте, которая стала известна многим географам. Это было бы справедливо. Но за десять лет, которые он потратил на подготовку своих дневников к печати, утвердилось привычное нам название— мыс Челюскин, и Миддендорф не стал его оспаривать: «Как бы то ни было, но если северо-восточный мыс получит имя Челюскина, то он сохранит это имя с честью. Челюскин не только единственное лицо, которому сто лет назад удалось достигнуть этого мыса и обогнуть его, но ему удался этот подвиг, не удавшийся другим, именно потому, что его личность была выше других. Челюскин, бесспорно, венец наших моряков, действовавших в том крае».

Оказалось даже, что «Якутск» тогда пробился гораздо севернее, чем предполагали Челюскин и Прончищев. Уточнение измеренных ими широт показало, что несовершенные приборы «обманывали» более чем на полградуса. Это подтвердил и анализ глубин — не зря их так тщательно замерял Челюскин, «обрасопя паруса» и кладя дубель-шлюпку в дрейф, хоть и дорога была им каждая минута. Тщательно изучив записи в шканечном журнале «Якутска», гидрограф В. А. Троицкий в 1971 году пришел к выводу, что, судя по глубинам, корабль практически заплыл дальше Мыса Самого Северного, побывал даже в проливе Вилькицкого, как его теперь называют...

Долгие годы об этом еще никто не знает. Лишь со временем станет ясно, какую точную карту составил Челюскин. «Его карта — лучшее доказательство того, что им сделано. Мыс Челюскин нанесен на ней совершенно правильно»,— писал Амундсен.

Но подлинной карте Семена Челюскина, на которой он сам впервые выводил очертания суровых берегов, только что открытых островов, мысов, этой карте не повезло. Она сгинула, пропала. И, похоже, уже совсем недавно: видимо, при пожаре во время эсеровского мятежа в 1918 году в Ярославле (туда был вывезен временно архив из Петрограда).

А может, она все-таки цела, и ее еще найдут среди старых бумаг на чердаке какого-нибудь дома в Ярославле? Такие случаи, к счастью, бывают.

Теперь имена их навеки на карте мира: мыс Челюскин, море братьев Лаптевых. Кроме того, именем Харитона Лаптева названы берег и мыс на Таймыре. Другой мыс носит имя геодезиста Никифора Чекина. А в устье реки Таймыры есть остров Фомина, названный в честь якута — одного из каюров отряда.

Именем Василия Прончищева названы мыс, озеро, горный хребет и весь восточный берег Таймыра. И есть на том берегу бухта Марии Прончищевой. Еще назвали именем Марии небольшой полуостров на Таймыре.

И носят имена героев Великой Северной корабли...

Они по-прежнему все трое вместе. Неразлучны теперь уже навсегда: и в трудах историков, и в легендах, и на карте мира — берег Василия Прончищева, бухта Марии Прончищевой, мыс Челюскин.

АНДРЕЙ СЕРБА

ВЗРЫВ НА РАССВЕТЕ

Повесть

— Пришли.— Сержант остановился, прислонился спиной к дереву, вытер рукавом маскхалата мокрое от пота лицо. Только сейчас, добравшись до указанного командиром квадрата, где его группе разрешено было организовать дневку, он до конца ощутил, как устал. И немудрено. Его группа была заброшена в тыл условного противника неделю назад и за это время прошла по лесам и болотам не одну сотню километров. Вначале они действовали в составе взвода. После нападения на пункт управления ракетной батареи они разбились на группы и последнее время действовали самостоятельно, получая задания по рации от командира. Днем они выполнили последний приказ: взорвали мост, и прошло не больше трех часов, как оторвались от преследующего их с собаками «противника». И если за этот выматывающий рейд устал даже он, которому до демобилизации осталось полтора месяца, что же говорить об остальных солдатах, среди которых двое вообще были первогодками?

Десантники выходили из камышей один за другим, останавливались возле сержанта, прислоняясь к дереву и друг к другу. Вот появился и замыкающий, ефрейтор Власов.

— Что, командир, перекур с дремотой? — весело спросил он.

Вопрос был задан не без фамильярности, но ефрейтору это простительно. Он не только заместитель сержанта в группе, но и его земляк и приятель, и дослуживал вместе с ним последние недели.

— Угадал, ефрейтор,— в тон ему ответил сержант. Он взглянул на светящийся циферблат часов, обвел взглядом солдат.— Всем отдыхать. Подъем через два часа. Если не поступит другого приказа, утром будем организовывать дневку.

Сержант присел возле ствола дерева, разложил карту. Набросив на голову плащ-палатку и скрывшись под ней до пят, он достал электрический фонарь, направил яркий луч на карту. Квадрат, в котором находилась его группа, расположен почти посредине огромного массива болот, стиснутых со всех сторон непроходимой чащей белорусских лесов. Никаких населенных пунктов поблизости нет, ближайший домик лесника в десяти километрах. Место для дневки идеальное.

Все десантники, выбрав места посуше и закутавшись от комаров в плащ-палатки, улеглись вокруг дерева. Лишь ефрейтор Власов находился в секрете. В лесу темно, над болотами повис густой рыхлый туман, но на востоке среди деревьев уже просматривалась полоска серой, мутноватой пелены — приближался рассвет.

Ложиться спать самому уже не имело смысла, и сержант решил оглядеть окрестности, подобрать для дневки место поудобнее.

Болото бескрайнее, дышащее смрадом, густо заросшее камышом, словно опрокинутое в гигантскую чашу с высокими, обрывистыми берегами, лежало

слева. Береговой обрыв уже через несколько метров снова полого спускался в низину, переходящую в топкий, залитый водой торфяник, часто поросший тальником и низкорослыми, чахлыми березками.

Тихое, еле слышное журчание воды заставило сержанта остановиться, прислушаться. Нагнувшись, он концом палки-слеги раздвинул кусты, растущие по береговому склону, вытянул шею и увидел ручей. Тоненькая прозрачная струйка воды сбегала по глинистому склону и терялась среди травы, кочек и опавших листьев.

Именно здесь, рядом с родничком, и надо искать место для отдыха. Но поскольку этот источник пресной воды мог быть известен не только им, место для дневки надо выбирать поглуше и неприметнее. Был же на прошлых учениях случай, когда лесник, заметивший одну из групп, поднял на ноги всю округу, невесть что заподозрив.

Осторожно ощупывая впереди себя дно болота слегой, сержант медленно двинулся среди камышей вдоль берега. Болото в этом месте было мелким, и, хотя он не удалялся от берега дальше, чем позволяла высота сапог, ему иногда удавалось углубляться в камыши до двух-трех десятков метров.

Вдруг слега уткнулась во что-то твердое. Препятствие было длинным и сравнительно широким, со множеством небольших отверстий. Верхний край неизвестного предмета не доходил до поверхности воды сантиметров на десять, и когда сержант ощупал его руками, он сразу определил, что это. Перед ним были сплетенные из ветвей пешеходные мостки, идущие от берега в глубину болота. В топкое илистое дно были вбиты колья, на них положены толстые жерди, поверх которых и был устроен наполовину уже сгнивший настил.

Погасив в себе страстное желание немедленно взобраться на мостки и узнать, куда они ведут, сержант вытер ладонью сразу вспотевший лоб и задумался. Неприметный, видимо, единственный на всю округу родничок с идеальной пресной водой... Уводящие куда-то в глубь болот, спрятанные от постороннего глаза под водой мостки...

Сержант взглянул на часы. До подъема группы оставалось совсем немного. Развернувшись, сержант осторожно двинулся назад, стараясь как можно точнее придерживаться старого маршрута.

Слегу он оставил, прочно воткнув у самого начала таинственных мостков...

Именно к этому «маяку» он и привел через полчаса всю свою группу. Остановившись на краю болота, сержант подозвал к себе сапера-подрывника.

— Пойдешь первым. Запоминай маршрут. Вначале до слеги, а дальше по настилу, что будет под водой. И помни: ты не на учебном поле.

— Все ясно, товарищ сержант.

Ни болото, ни сами мостки не преподнесли группе никаких неожиданностей. Подводная тропа оказалась сравнительно короткой, примерно сто—сто двадцать метров, она обрывалась так же внезапно, как и начиналась. Шедший впереди группы сапер с миноискателем остановился на самом ее конце, подозвал к себе сержанта:

— Смотрите!

Примерно в метре от места, где обрывалась тропа, заканчивался и камыш. Сразу за ним начиналась неширокая, метров в тридцать-сорок полоска чистой воды, стиснутая с боков зарослями верболаза и тальника, над которым снова сплошной стеной поднимались камыши. А в самом конце заводи открывался небольшой болотный островок: едва поднимающийся над водой, с пологими, заросшими кустарниками берегами, с группой невысоких березок с тонкими, искривленными стволами.

Сержант пристально всматривался в открывшуюся перед ним картину. Уже наступило утро, волны густого ночного тумана, обволакивающие болото, начинали редеть, в них появлялось все больше широких просветов. И хотя островок был рядом, он просматривался плохо: вся его береговая часть была подернута остатками тумана.

Рука подошедшего сзади ефрейтора Власова легла сержанту на плечо, заставив повернуть голову. Отвечая на немой вопрос, ефрейтор указал глазами в камыши слева от кладки. Там, в двух шагах от них, темнел на воде какой-то широкий продолговатый предмет. Присмотревшись, сержант рассмотрел грубо сколоченный из древесных стволов плот. Старое дерево почернело, покрылось плесенью, плот был засыпан сверху толстым слоем листьев и опавших метелок камыша, так что по цвету почти ничем не отличался от мутной болотной жижи. Неудивительно, что они сперва прошли мимо, не обратив на темнеющую рядом массу никакого внимания.

К незаметному лесному роднику и подводной тропе прибавились еще две загадки: скрытый в камышах среди болот островок и старый плот. Вряд ли все это нагромождение случайностей. А впрочем, какое ему до этого дело? Сейчас важно одно: найти безопасное место для отдыха его вконец уставшей и измотанной группы. И лежащий перед ним островок как раз то, что нужно. Рядом питьевая вода, островок затерян среди болот, можно спокойно отоспаться, высушить мокрую одежду, приготовить горячую пищу. Можно даже спастись от надоевших комаров, бросив в костер побольше сырых веток и влажной травы, не боясь, что дым привлечет к себе внимание. А поэтому его сейчас должен интересовать только один вопрос: есть ли кто на острове? И если есть, то кто?

Сержант взглянул на плот, качнул его ногой.

— Власов и Баянов (так звали сапера) — на плот. Двигаться мимо заводи через камыши,— тихо приказал он.— Обследуете остров.

Ефрейтор вернулся через несколько минут один.

— Все в порядке, товарищ сержант. На острове ни живой души. Окромя комаров!..

— Всем на плот! — скомандовал сержант.

— А может...— предложил один из солдат, кивая на конец мостков.

Солнце уже поднялось над болотами, его лучи ярко освещали неподвижную заводь. И под этими ослепительными лучами был отчетливо виден скрытый под водой толстый ствол дерева-топляка, ведущий от мостков к острову. Но сержант отрицательно качнул головой.

— Нет. Плот должен быть у нас. Тогда всякий идущий к острову пойдет по топляку через заводь у нас на виду...

Островок был невелик, метров пятьдесят на сорок, почти овальной формы. Баянов, поджидавший их, лежал на пригорке, подставив лицо солнцу, и лениво отмахивался веткой от висевшей над ним мошкары. Сержант, соскочив с плота, сбросил с плеч рюкзак, положил его на пригорок и осмотрел подчиненных.

— Власов и Баянов, проверьте северную часть острова. Я с Астаховым — южную. Радисту готовиться к связи. А вы,— повернулся он к двум остающимся разведчикам,— займитесь костром.

Осматривать, по существу, было нечего, и, дважды пройдя сквозь кустарник, которым зарос весь южный берег островка, сержант хотел было вернуться на пригорок, как вдруг замер. Он увидел небольшой холмик, поросший чахлыми березками, чуть ли не из-под корней которых уходил черный провал. Подойдя ближе, сержант понял, что это старый, с осыпавшимися от времени и непогоды стенками вход в землянку. Остатки ступенек и стенки густо поросли травой, сам вход и виднеющаяся в его конце деревянная дверь чуть не доверху завалены старой прелой листвой. Дверь плотно прикрыта, вместо ручки в нее вбита обыкновенная скоба. С нее сержант и не спускал глаз. Кто знает, может, за этой дверью и скрыта тайна островка и ведущей к нему подводной тропы?

— Сапера! Быстрей! — приказал он Астахову.

И когда оба явились, сержант кивком головы указал саперу на вход в землянку.

— Проверь!

Сапер, знавший о целой системе минсюрпризов и скрытого размещения подрывных зарядов, привязал к скобе конец длинного капронового шнура и, отведя всех на безопасное расстояние, дернул его. Дверь медленно, со скрипом отворилась, а за ней открылся черный прямоугольник землянки. Сержант почувствовал, как у него от нетерпения зачесались ладони.

— Внутрь пойдем вдвоем,— сказал он саперу.— А ты,— взглянул он на Астахова,— останешься снаружи. В случае чего действуй по обстановке.

В дверях землянки они остановились, сержант медленно обвел помещение лучом фонаря. Обыкновенная землянка с обшитыми досками стенами, с низким неровным накатом. Слева в стену вбито несколько гвоздей, на которых висело полуистлевшее, потерявшее всякий вид и форму заплесневевшее тряпье. Дальний правый угол затянут брезентом, полностью скрывающим эту часть помещения.

— Туда,— указал сержант лучом фонаря на прикрытый брезентом угол.

Выставив впереди себя миноискатель, сапер осторожно и медленно двинулся вперед. Вот и брезентовый полог. Найдя возле стены его край, сапер, не выпуская из рук опущенного к земле миноискателя, сильным ударом ноги отбросил его в сторону, а сержант тотчас же направил в открывшуюся щель луч фонаря. Он не успел еще ничего разглядеть, как сапер, резко отпрыгнув назад, едва не сбил его с ног. Стараясь сохранить равновесие, сержант инстинктивно оперся свободной рукой о стену, но пальцы, не найдя опоры, лишь скользнули по плесени, и он рухнул на брезент. Он не упал на пол, потому что наткнулся грудью на что-то твердое. Желая выпрямиться, стал отталкиваться от неизвестного предмета рукой, натыкаясь пальцами на какие-то продолговатые коробки, рычаги, кнопки, путаясь в проводах.

— Ты чего? — выпрямившись, зло прошипел он в ухо сапера.

— А вы сами посмотрите,— хмуро ответил тот.

— И посмотрю, за тем и пришел. Отойди.

Сержант занял место сапера у конца полога, рванул его в сторону. И едва не отпрянул назад сам. Прямо у его ног лежал скелет, в шаге от него — еще один, а в самом углу землянки, возле маленькой железной печки-бочонка — третий. На костях кое-где виднелись остатки мундирного сукна, талии скелетов были перетянуты форменными ремнями, кости ног ниже коленей были спрятаны в бесформенных, съежившихся сапогах. У самого брезента возле стены стоял грубо сколоченный деревянный стол, уставленный всевозможной аппаратурой, чуть ли не половина стола была занята пультом управления со множеством кнопок и сигнальных лампочек, две из которых тускло горели. На углу стола стояла полевая рация с выброшенной вверх антенной. Рядом со столом — две самодельные табуретки, у печки лежал немецкий автомат с примкнутым магазином. Еще один автомат висел на гвозде над столом.

Но не вид скелетов и не оружие в землянке привлекли внимание сержанта. Он как зачарованный смотрел на уставленный аппаратурой стол, на пульт управления с прошитой автоматной очередью панелью, на два светящихся огонька сигнальных лампочек.

— Товарищ сержант, а ведь вначале ни одна лампочка не горела,— раздался у него над ухом голос сапера.— Наверное, вы их включили, когда упали на стол.

— Ты и столб свалишь,— зло буркнул сержант.

— Дело не в этом. Смотрите...— Сапер прислонил к стене миноискатель, достал свой фонарь, направил его луч на один из стоящих на столе приборов.— Это немецкая электрическая подрывная машинка. А это,— луч фонаря скользнул дальше,— система для подрыва радиофугасов. Все это,— пучок света остановился на панели с лампочками,— пульт управления дистанционного подрыва узлов минных заграждений. У нас в учебном центре этим старьем целый класс заставлен. И если горят эти две лампочки, значит...

Баянов замолчал и пристально посмотрел на сержанта.

— Согласно инструкции мы обязаны сообщить об этом в штаб.

— Я знаю это,— сухо ответил сержант.— Но как командиру группы мне известно и другое: выходить в эфир мы сейчас не можем: противник рядом. Я, конечно, сообщу о землянке командиру, но не сейчас, а когда будем уходить с острова. Ты все понял?

— Так точно, товарищ сержант,— бесцветным голосом ответил сапер.

— Ну и прекрасно. А сейчас возьмешь трех человек и еще раз проверишь с ними весь остров. Каждый куст, каждый камень, каждую кочку. И ни один из нас больше не войдет в землянку. Действуй...

Зябко поеживаясь от утреннего холодка, Виктор быстро гнал машину. За два с небольшим часа ему надо было покрыть без малого полторы сотни километров. Добро хоть шоссе отличное и на нем в эту рань нет ни одной машины. Гони свою на какой угодно скорости...

А впрочем, с этим пора кончать. Триста километров в оба конца — это не шутка, а он делает эти пробеги как минимум два раза в неделю. Надо или бросать эту далекую любовь... или жениться. Сколько можно тянуть? Ему уже двадцать семь, да и ей двадцать два. Пора...

Страшной силы взрыв и взметнувшаяся впереди на дороге сплошная стена земли и дыма заставили его со всей силой нажать на тормоза. Машину занесло так, что она, развернувшись поперек шоссе, чуть не свалилась в противоположный кювет. И тотчас по крыше кабины, по стеклам, по крыльям гулко забарабанили куски сухой земли, осколки камней, мелкая галька. Вобрав голову в плечи, Виктор с изумлением смотрел на медленно оседающее черное облако, на тучу серой пыли, сносимую ветром в его сторону. Ноздри шофера защекотал горьковатый запах взрывчатки... Косясь одним глазом на почти осевшее облако взрыва, Виктор развернул грузовик и на предельной скорости погнал его в поселок, откуда выехал четверть часа назад. В поселке было всего две улицы, и на развилке при съезде с шоссе Виктор притормозил. К кому ехать? К участковому или председателю поселкового Совета? К участковому ближе, но... милиция есть милиция. Откуда и куда ехал, покажи путевой лист. И Виктор развернул машину в сторону дома председателя поселкового Совета.

Заложив руки за спину, капитан медленно шел по верху дамбы. В принципе ему уже было ясно все, что случилось утром на бегущей внизу дороге. Взрыв, прогрохотавший в полукилометре южнее и превративший бетонное полотно на стометровом участке в трехметровой глубины траншею, мог иметь два назначения. Прогремев вместе с основным, он мог отрезать путь наступающим назад, отдав их во власть хлынувшей на дорогу воды. Прозвучав же позже основного, он мог уничтожить спешащие к месту главного взрыва аварийно-восстановительные группы и затруднить их путь к взорванной дамбе. Но какое бы он ни имел назначение в действительности, капитану было важно совсем другое: главная часть узла заграждения была здесь, на лежащих вдоль дороги дамбах, и основной взрыв должен был прогреметь в этом месте. И определить это помог прогремевший утром взрыв. Воздушная волна, пронесшаяся над дамбой, снесла в одном месте верхний слой земли, обнажив порыжевшие ящики со взрывчаткой, авиабомбы в фабричной обрешетке, огромные полутонные фугасы и соединяющие все это в единое целое провода...

Хватаясь руками за ветви орешника, которым густо заросли склоны дамбы, капитан спустился на дорогу, быстрым шагом пошел назад, к трем грузовикам, возле которых суетились солдаты, сгружая с них саперное имущество. Высокий подтянутый старший лейтенант в полевой форме четко доложил, что группа разминирования готова приступить к работе.

Прищурив от солнца глаза, капитан внимательно посмотрел на двух стоящих перед ним офицеров: рапортовавшего старшего лейтенанта и совсем еще молоденького лейтенанта. Непосредственно на разминирование, или, как они говорили, на «живое дело», с ним пойдет кто-то один, другой будет обеспечивать техническую и хозяйственную сторону работ. Конечно, у старшего лейтенанта более солидный опыт, но... всего лишь неделя, как он вернулся из отпуска. А это в их деле значит многое. Как говорится, руки давно за «инструмент не брались»...

— Лейтенант, готовьте группу разминирования,—тоном, не терпящим возражений, приказал он.—Инструктировать буду я лично. А вы, старший лейтенант, займитесь оцеплением.

Райвоенком не первый раз встречался с директором школы и давно привык к его манере разговора: неторопливой,

обстоятельной. Но сейчас, когда на территории района шло сложное разминирование и дорога каждая минута, директорская медлительность раздражала его.

— Армейскому командованию стало известно, что фашисты создали в Белоруссии ряд узлов минных заграждений. Чаще всего это делалось в лесах, болотах, на труднопроходимых участках местности. Там, где, разрушив коммуникации, можно было на сравнительно длительное время приостановить и задержать продвижение наших войск. Один из таких узлов заграждений, по данным войсковой разведки, создавался и в зоне действий нашего партизанского отряда. И однажды в наш штаб пришла с Большой земли радиограмма. Нам приказывалось обнаружить и разведать создавшийся узел заграждения, а затем, приняв у себя армейскую десантную группу, помочь ей уничтожить узел.

Голос директора звучал тихо, спокойно, речь лилась медленно, плавно, и военком еле сдерживался, чтобы не поторопить его.

— Я был начальником разведки отряда, и выполнение этого задания было поручено мне. Определив несколько наиболее подходящих для узлов заграждений мест, я отправил к ним две разведгруппы. Все выбранные мной участки находились на единственной во всей округе шоссейной дороге, охраняемой немцами как зеница ока. Места, куда я послал разведчиков, были наиболее важными или уязвимыми и охранялись немцами с удвоенным вниманием. Хлопцы шли в самое пекло. Случилось так, что одна группа погибла целиком, а из второй вернулось два человека. Сведения они принесли неутешительные: узел они не обнаружили. Но, по данным нашей местной агентуры, в северном районе дамб производились какие-то земляные работы, причем только немцами, без привлечения военнопленных или местного населения. Сам район дамб усиленно охранялся, при попытке проверить полученные от агентуры сведения очередная группа и наткнулась на засаду, из которой едва вырвалась.

А на следующее утро немцы начали операцию по прочесыванию нашей партизанской зоны. Против отряда был брошен кадровый полк. Немцев было вчетверо больше, и по приказу командования бригады мы стали отступать в болота. Ночью на наши костры была сброшена группа десантников, которым мы согласно полученному приказу должны были помочь уничтожить узел заграждения.

Директор замолчал, провел рукой по подбородку. Казалось, что сейчас он со своими мыслями находится где-то там, в далеком прошлом.

— Группой командовал молоденький лейтенант, с ним было шестеро солдат. Задание у них было одно — к моменту выхода наших войск к дороге парализовать узел заграждения и не дать этим затормозить бросок наших танков к Минску. А место узла заграждения, расположение основных его зарядов, план скрытых подходов к ним должны были предоставить группе мы, разведка нашего отряда. Должны, но не смогли этого сделать...

— Каковы были планы лейтенанта, куда он ушел? — быстро спросил военком.

— Не помню,— виновато улыбнулся директор.— Впрочем, вот еще что: лейтенант попросил у меня проводника, знающего окрестные болота. Такого человека я ему дал.

— Кто он? Жив сейчас или нет?

— Кто знает. Наверное, нет. Был он из местных и, останься в живых, обязательно вернулся бы сюда. В отряде его звали Студентом: до войны он учился в консерватории. А сюда, в свое родное село, приехал на каникулы. У него было что-то не в ладах с легкими, он вечно кашлял, и мы держали его при штабе. Помню еще, он неплохо говорил по-немецки и вел у нас все допросы. Вот его-то я и дал лейтенанту в проводники.

— О группе лейтенанта больше ничего не слышали?

— Ничего. Правда, был один случай. Наши части сразу ушли на запад за немцами, а меня назначили комендантом района. Милиции еще не было, и мои хлопцы сами добивали в лесах немцев, полицаев и всю прочую нечисть. И однажды ко мне доставили неизвестного. Он был ранен, без сознания, одет так, что его можно было принять за кого угодно: за нашего и за немца, за полицая и власовца. И кто-то из моих хлопцев сказал, что раненый похож на одного из тех солдат, что были с лейтенантом. Лично у меня такой уверенности не было, и поэтому, отправив его в госпиталь, я на всякий случай сообщил о нем в «Смерш». Кем был этот человек на самом деле и какова его дальнейшая судьба, мне неизвестно.

— И последний вопрос. Не могли бы вы помочь нам установить фамилии участников заброшенной к вам разведгруппы? Возможно, кто-то из них жив и сможет рассказать об интересующей нас операции.

— Помогу с удовольствием. После войны я писал что-то вроде воспоминаний для нашей областной газеты. Напечатать не напечатал, но сохранил. Фамилий тех солдат и лейтенанта я, естественно, не знаю, но, располагая данными о времени и цели их заброски, вы по своим каналам можете легко их установить.

Машина легко и бесшумно неслась по асфальтированной автостраде. Откинувшись на спинку сиденья и полузакрыв глаза, генерал целиком ушел в свои мысли. Еще вчера вечером у него были совершенно другие планы...

Телефон зазвонил поздно ночью, но генерал привык к подобным звонкам.

— Здравия желаю, товарищ генерал-лейтенант...

И дальше последовал разговор, порядком удививший даже его, которого было трудно чем удивить. Какой-то неизвестный ему майор из штаба округа на западе нашей страны сообщал: у них обнаружен немецкий узел минных заграждений времен войны, и сейчас идет его разминирование. Но саперам неизвестны ни план узла, ни система его подрыва. Не обнаружен и пункт управления узлом. И поскольку это тот самый узел заграждения, который в 1944 году должен был вывести из строя он, теперь генерал, а тогда лейтенант, руководство района и командование округа просят его прибыть к месту разминирования для ускорения работ. Ибо, если тридцать лет назад его группе удалось парализовать этот узел, его знания помогут в разминировании и сейчас.

У генерала уже вертелся на языке отказ: ведь он не только не имел прямого отношения к выводу из строя этого узла, но до сегодняшней ночи вообще не верил в реальность его существования. Однако последние слова далекого собеседника заставили его изменить решение.

— Товарищ генерал, мы потревожили не только вас. Мы пригласили еще одного участника вашей тогдашней группы.

Генерал почувствовал, как защемило сердце.

— Это кого? — спросил он.

— Лейтенанта запаса Вовка,— спокойно прозвучал ответ.

— Вовка? Неужели...

— Так точно, товарищ генерал, ваш бывший старшина жив. И завтра будет у нас в районе...

— Хорошо, ждите и меня. До встречи, товарищ майор.

Опустив трубку на рычаг, он еще некоторое время, задумавшись, стоял у аппарата. Вовк, старшина Вовк, так ты, оказывается, жив? Ты, которого я знал всего одну неделю и который остался в моей памяти на всю жизнь...

...Он принимал свой первый в жизни взвод утром. Ярко светило солнце, тихо шумел в кронах деревьев ветерок, пахло свежей травой, от бегущего рядом ручья несло прохладой. В ладно подогнанном офицерском обмундировании, с туго перетянутой ремнем талией, в ярко начищенных сапогах он медленно шел вдоль строя своих первых подчиненных. На фронт он пошел добровольцем, за плечами было полгода боев в полковой разведке, ранение, курсы лейтенантов. И вот уже он офицер и принимал свой первый взвод, причем не какой-нибудь пехотный, а взвод десантников-разведчиков.

Солдаты были на подбор: молодые, крепкие, не раз побывавшие в боях, о чем свидетельствовали их награды и нашивки за ранения. У него на груди тоже были орден Красной Звезды и золотистая нашивка-полоска за ранение, так что все в порядке. Но чем ближе подходил он к правому флангу, тем медленнее становились его шаги и все больше тускнела залитая солнцем поля-

на. Потому что крайним справа стоял старшина, командовавший взводом до него. Лейтенант прибыл в батальон немногим больше суток назад, но был уже порядком наслышан о своем предшественнике. Сам комбат аттестовал его как нельзя лучше, а адъютант батальона прямо заявил, что, будь у старшины на погонах не лычки, а хотя бы офицерская звездочка, он никогда не заменил бы его.

Когда лейтенант остановился перед старшиной и увидел его во всей красе, он глазам своим не поверил. Знакомясь с солдатами взвода разведки, он не раз замечал нарушения формы одежды: хромовые сапоги вместо кирзовых, широченные офицерские галифе взамен солдатских шаровар, габардиновые комсоставовские гимнастерки вместо солдатских. За подобные вещи в пехоте «снимали стружку», но разведчикам это обычно прощали — они во всех частях особь статья. Но то, что увидел он сейчас, не лезло ни в какие ворота. Синяя черкеска с газырями, коричневый бешмет, узкий наборный пояс с огромным кинжалом в отделанных серебром ножнах, высокие хромовые сапоги с мягкими кавказскими подошвами, надвинутая на самые глаза кубанка с алым верхом. Скуластое, с острым подбородком лицо, рыжеватые усы подковой, глубокие складки на лбу и переносице. Средний рост, широкие плечи, кривоватые по-кавалерийски ноги, на вид лет тридцать. Увидев остановившееся против него начальство, старшина резко принял стойку «смирно» и распрямил плечи.

— Помощник командира взвода старшина Вовк,— глухо произнес он.

От его движений зазвенели висящие на груди награды. Слева две Славы, боевое Красное Знамя, медали за Сталинград, Кавказ, три «За отвагу». На первой стороне орден Красной Звезды, два Отечественной войны. Две красные и одна золотистая нашивки за ранения.

Старшина смотрел на лейтенанта в упор. Тяжел и неприветлив был взгляд серых прищуренных глаз, они смотрели пристально и не мигая, холодным и бесстрастным было и лицо старшины.

— Значит, будем служить вместе,— отводя взгляд в сторону, проговорил лейтенант.

— Так точно,— тем же глухим, без всякой интонации голосом ответил старшина...

После обеда подошел адъютант батальона.

— Как взвод, лейтенант? Довольны?

— Чтобы ответить, надо побывать с ними в деле. Ну а что касается внешнего вида...— лейтенант скривил губы и махнул рукой.

Адъютант усмехнулся.

— Первый камень, конечно, в огород старшины Вовка?

— Так точно. Не старшина, а какой-то опереточный герой. Я такое только в фильмах о гражданской войне видел. Как будто у нас в армии перестала существовать форма одежды...

Адъютант тихо рассмеялся.

— Когда я увидел его первый раз, тоже глаза вытаращил. А он мне под нос свои документы. Из коих следует, что он является старшиной кубанской пластунской дивизии, обладающей целым рядом привилегий. В том числе и правом ношения старинной казачьей формы. Вот так-то, лейтенант.

— Пластунская дивизия? — удивился лейтенант.— Никогда не слышал о такой.

— Я тоже. На то она и армия, чтобы каждый знал ровно столько, сколько ему положено.

— Но как он очутился у вас в батальоне?

— У нас в батальоне, лейтенант,— поправил его адъютант.— А взяли мы его из госпиталя, прямо из команды выздоравливающих. Батальон только формировался, разведчики с боевым опытом нужны были позарез. А старшина как раз из таких. Вначале он встал было на дыбы — существует, мол, приказ, по которому все раненые из их дивизии обязаны возвращаться обратно, в пластунскую. Но у меня тоже был приказ — брать в батальон всех, кого сочту нужным. Вот так и стал пластун нашим братом разведчиком...

Адъютант говорил правду: в ту пору о единственной в Красной Армии казачьей пластунской дивизии знали очень немногие. В 1943 году Краснодарский крайком ВКП(б) и крайисполком обратились в ЦК ВКП(б) и Ставку Верховного Главнокомандующего с просьбой о формировании из кубанского казачества пластунской дивизии. Эта просьба была одобрена, и соответствующее разрешение получено, и осенью того же года дивизия была полностью готова к боевым действиям.

Ее личный состав получил право ношения старинной казачьей пластунской формы. Пополняться она должна была только с Кубани, и все раненые обязаны были возвращаться из госпиталей только в свои части.

И вскоре немцы на своей шкуре почувствовали, что такое десять тысяч сведенных воедино казачьих добровольцев, давших клятву мстить за свои дотла сожженные станицы, за расстрелянных или повешенных родных и близких. Одним из этих казаков был и старшина Вовк, военная судьба которого разошлась с путями-дорогами его родной пластунской разведсотни...

А на следующий же день после знакомства со взводом лейтенант получил в штабе боевую задачу. Обычно задача ставилась только командиру группы, а он доводил ее до сведения подчиненных. Командир сам отбирал разведчиков, летящих с ним в тыл, он же назначал заместителя. На сей раз оба этих неписаных правила были нарушены. Боевой приказ ставился сразу двоим: ему и старшине Вовку, назначенному его заместителем, личный состав группы — пять человек — тоже подобрали заранее. Настроение лейтенанта сразу омрачилось: неужели его, офицера и кавалера боевого ордена, считают в штабе мальчишкой, раз приставляют для надзора няньку — этого угрюмого казачьего старшину?

Плохое настроение не оставляло его вплоть до вечера, когда взвод в полном составе собрался в одной из землянок, чтобы проводить улетающих на задание. На столе разложили доступную в те дни снедь. Некоторая натянутость в его отношениях с солдатами быстро исчезла, и вскоре за столом возникла вполне непринужденная обстановка. Старшина, сидевший в начале вечера в углу землянки, сел рядом с командиром.

— Прости, лейтенант, один вопрос,— своим тусклым голосом сказал он.

— Я вас слушаю, старшина,— стараясь говорить как можно официальнее, отозвался лейтенант.

— К партизанам впервые летишь?

Лейтенант удивленно приподнял бровь, взглянул на старшину. То же неподвижное, застывшее, как и при вчерашнем знакомстве со взводом, лицо, ничего не выражающие, смотрящие сквозь него глаза.

— К партизанам лечу впервые,— сухо ответил он.— Но в тылу у немцев бывал не раз.

В лице старшины ничего не изменилось, он словно не слышал ответа.

— А я к ним в шестой раз лечу. И ни разу, бачишь, так оно не складывалось, как в нашем штабу складывали или я сам на Большой земле кумекал. А потому, лейтенант, давай-ка отсядем в сторонку, разложим карту и еще раз поглядим, какая там кочерга до какой печки приставлена...

Старшина оказался прав: неожиданности начались сразу после приземления. Едва группа собралась у сигнальных костров, к ним подошел начальник партизанской разведки. Его сообщение было кратким. Немецкий узел заграждений не обнаружен, сведения о нем лишь ориентировочные, непроверенные. По приказу штаба бригады отряд уходит из данного района. На имя же командира армейской разведгруппы получен приказ из Центра с указанием о самостоятельных действиях.

— Так что, дружище, желаю удачи. И не такой, как мне. Не кляни, что подвел — не моя вина,— закончил начальник разведки.

Лейтенант зло ковырнул землю носком сапога. Сообщение партизанского разведчика сразу ставило крест на все разработанные на Большой земле планы. В эту минуту он мысленно поблагодарил старшину, с которым в ночь перед вылетом обсудил несколько запасных вариантов на случай непредвиденных обстоятельств. Это помогло ему сразу внести поправки в намеченный план действий. Стараясь не показать своего раздражения, он глянул на начальника разведки.

— Ты говорил, что посылал в поиск две группы, одна из которых вернулась

с данными, что где-то на дамбах немцы ведут земляные работы. Скажи, есть из тех разведчиков кто-нибудь сейчас рядом?

— Да, есть. Один из тех двух раненых, что вырвались из облав и принесли известие о работах. Сейчас он в обозе.

— Я хотел бы поговорить с ним. Проводи меня к нему.

Начальник разведки в раздумье сморщил лоб.

— Дел по горло, но ладно, пошли.

Лейтенант повернулся к костру, возле которого тесной группой стояли партизаны и его разведчики.

— Старшина, вы со мной! — крикнул он стоящему к нему вполоборота пластуну.

Раненый не рассказал ничего нового. Сообщение о земляных работах на дамбах они получили от своего человека, внедренного в полицию. Точного места работ тот не знал. Вместе с другими полицаями он охранял участок шоссе, по которому в сторону дамб шли машины со взрывчаткой и стройматериалами. Возвращались они порожними. По времени, которое они были в пути, он прикинул, что разгружались машины в районе дамб.

Лейтенант достал из планшетки карту и расстелил на дне телеги перед раненым партизаном.

— Покажи эти участки. И место, где вы попали в засаду.

Раненый, приподнявшись на локте, сделал карандашом три маленьких кружочка на ленточке шоссе.

— Здесь болота впритык подходят к дороге, и от проезжей части их только дамбы и отделяют. Порушишь дамбу хоть в одном месте, болота прорвутся и зальют к чертям всю дорогу!

Всмотревшись в квадраты карты, он ткнул карандашом в точку посреди болот, которые со всех сторон подходили к шоссе и дамбам.

— А вот туточки мы и влопались в засаду. Да так, что половина из нас зараз полегла, даже и стрельнуть, бедолаги, не успели. Только тех судьба спасла, что позади шли. Залегли мы, значит, отбились... И меня, выходит, судьба сборонила...

Раненый облизал потрескавшиеся губы, откинулся в телеге навзничь, прикрыл глаза. Но по его рассказу чувствовалось, что он сказал не все, что хотел; и лейтенант со старшиной терпеливо ждали продолжения. Вот раненый снова приоткрыл глаза, скривив от боли лицо, поочередно глянул на разведчиков.

— Бились мы недолго, всего пару минут. Немцы срезали у нас пятерых, а мы, как они бросились за нами следом, завалили не меньше троих. Вроде бы и бой как бой, что в нем особенного? Да только теперь, когда есть у меня время вспомнить все и представить, как оно было, скажу я вам, что вряд ли то была засада. И вот почему. Засады зачем устраивают? Чтобы заманить противника в ловушку, оглоушить его, прижать к ногтю и уничтожить. А немцы ничего такого в уме не имели. Не таились, пока мы все не выйдем из леса, и чтобы перещелкать нас на открытом месте как цыплят, а открыли огонь сразу, как только первые из нас показались. Да и гнали они нас как-то вяло, будто и не всерьез. Похоже, просто отшвырнуть подальше хотели.

Раненый умолк, опять облизал языком губы, немного помолчав, заговорил снова.

— Теперь про место, где мы наткнулись на немцев. Наш командир группы был из местных и знал болота как свои пять пальцев. Он хотел выйти сперва к мало кому известному лесному родничку, а рядом там была парочка-троечка болотных островков-проплешин. От родника к островкам вела подводная деревянная кладка, а соединялись они деревянными же мостками. По одному ему известным кабаньим тропам наш командир и собирался провести нас к дамбам. А возле этого родника, до которого мы с командиром дошли, немцы нас огнем и встретили...

Лейтенант удивленно взглянул на партизана.

Рисунки Б. ДОЛЯ

— Но почему это не могло быть засадой? В здешних лесах, не говоря уже о болотах, хорошей питьевой воды мало. К роднику рано или поздно могли прийти партизаны. Вот немцы и поджидали их...

Раненый еле заметно усмехнулся, слабо мотнул головой.

— Тут вы не угадали. Немцы нас от болот не отгоняют. Наоборот, им только и дела, чтобы выгнать нас из лесов в эти гнилые топи. Тут никак не развернешься, маневру, как говорится, нет, связи с Большой землей — тоже, выходит — ни тебе боеприпасов, ни продовольствия, ты скован по рукам и ногам обозом и ранеными. В болотах даже костра не разведешь, чтобы отогреться или сготовить пищу: дым сразу их летчики обнаружат и нас либо бомбами закидают, либо артогнем добьют. Немец лес прочесывает, чтобы нас в болота загнать, а не отрезать от них.

— Зачем тогда немцы оказались у родника? — спросил с неподдельным интересом лейтенант.

— Не знаю. Может, дорогу прикрывали, что вела к дамбам от родника через островки. А может, перекрыли проход к островкам, где у них что-то было. Только что там могло быть? Штаб, склад, пункт управления, база снабжения? Вряд ли. Почему? Да потому, что их ближайший гарнизон от того места километрах в двадцати. Эсэсовская зондеркоманда там стояла. Значит, здесь что-то другое. И очень даже может быть, что это «что-то» напрямую связано с теми земляными работами, что немцы вели на дамбах.

— Не понял,— осторожно заметил лейтенант, все с большим вниманием слушавший раненого.

— Я сам из саперных сержантов, в сорок первом был ранен, прибился в этих местах к одной солдатке да и остался у нее в приймаках. А когда здесь партизаны объявились, к ним подался. Это я к тому, что в минном деле тоже кое-что смыслю. Так вот, дамбу одной миной или ящиком тола не возьмешь, чтобы ее в воздух поднять, не одна тонна взрывчатки нужна. А потому и зарядов в теле дамб и в самой дороге должно быть несколько, и взрываться они должны не абы как, а по системе. И чтобы сделать все это по науке, чтобы результат был, нужен пункт управления. Так, может, он там и есть, на одном из тех островков, от которых нас немцы отогнали?

Лейтенант быстро взглянул на карту.

— От твоих островков до дамб по прямой не меньше шести километров. Не далековато?

— Зачем же? Им что, траншеи для кабеля копать? Бросил его в болото, притоптал, где сам на дно не ложится, и ни один черт его не сыщет. Не работа, а плевое дело. И что в результате получается? Дамбы и дорога заминированы, вокруг никого нет, никаких следов проводов или траншей, а нажал в этой глухомани среди болот на кнопку — и все летит на воздух.

— Да, в твоих словах что-то есть,— задумчиво сказал лейтенант, сворачивая карту.— Будет время — обязательно присмотрюсь к тем островкам у родничка.

— Не будет время, а начни с этого,— проговорил раненый.— Неспроста пуганули нас немцы от тех мест.

— Там видно будет,— неопределенно сказал лейтенант, слегка тряхнув раненого за плечо.— Выздоравливай поскорее.— Он хотел было отойти от телеги, но старшина, все время стоявший с ним рядом и не проронивший в течение их разговора ни слова, остановил его. Наклонившись над раненым, он впился своим тяжелым, немигающим взглядом в его лицо.

— Сержант, а как тот родник найти?

— Я его на вашей карте отметил.

Старшина недоверчиво усмехнулся:

— Знаю я эти отметки на глазок. Да и цену довоенным картам тоже. Лучше расскажи человеческим языком, как выйти к нему. И заодно не напороться на пулю, как ваша группа.

— Ты где родился? — спросил раненый, глядя на старшину.

— На Кубани.

— А ты? — перевел взгляд партизан на лейтенанта.

— В Москве.

— Значит, болот не знаете и не понимаете оба,— подытожил услышанное раненый.— А поэтому и объяснять незачем, все равно ничего не поймете. Проводник вам нужен. Из таких, что каждую кочку и камышинку здесь знают. Иначе ничего из вашего похода не выйдет. Пойдете по шерсть, а вернетесь стриженными... если вернетесь.

— А ты знаешь такого проводника?

— Есть один такой.

— Кто?..

— Черт его знает, все его Студентом величают. Квелый он, правда, все кашляет. А здешние места хорошо знает, вырос здесь. Только нажмите на кого следует покрепче.

— Нажмем, сержант. Ну, бувай сто лет и гони от себя хворобу...

Старшина распрямился над раненым, шагнул к лейтенанту.

— Что, лейтенант, пойдем за проводником? И если не дадут стоящего, возьмем хоть этого Студента.

Как и следовало ожидать, разведчика-проводника из местных жителей им дать отказались, но откомандировать Студента согласились без возражений. Тот оказался невысоким тщедушным пареньком с залитыми пятнистым румянцем щеками, с горящими нездоровым блеском глазами, узкими, как у подростка, плечами, с впалой грудью. Но в карте он разбирался, знал и нужный родничок среди болот. Идти проводником согласился без раздумий и уже через несколько минут сидел вместе с лейтенантом и старшиной над картой, намечая предстоящий маршрут.

В путь они двинулись в сумерках, сразу взяв круто влево, к болотам. Студент действительно оказался неплохим проводником: выросший в этих местах, он прекрасно разбирался в сложной паутине извилистых, едва заметных в лунном свете болотных тропинок и звериных троп.

Лишь только стало светать и лес, стоявший до этого по берегам болота сплошной черной стеной, стал распадаться на отдельные деревья и кусты, проводник остановился.

— Сейчас лучше выйти на сушу,— тихо сказал он подошедшему к нему лейтенанту.— Стоит взойти солнцу, и мы станем видны с берега. А уйти глубже в камыши нельзя — трясина. Здесь самое удобное место: сразу у берега начинается овраг, он доведет нас почти к роднику.

— Найдешь на карте, где мы сейчас находимся?

— Конечно. Этот овраг один на всю округу.

Проводник взглянул на протянутую ему лейтенантом карту, ткнул пальцем.

— Мы тут. А вот овраг, о котором я говорил. Если мы не выйдем на берег сейчас, следующее подходящее место будет лишь через час марша. Потому что сейчас начнется чистая вода и нам придется ее обходить.

Лейтенант еще раз взглянул на карту, посмотрел на сереющий впереди берег. Камыши подступали к нему почти вплотную и сразу переходили в густой лесной кустарник. И если проводник не ошибся и они именно там, где он указал на карте, недалеко от берега есть длинный, глубокий овраг, идущий к нужному им роднику. Но даже если и ошибся, им все равно надо выходить на берег, и чем раньше, тем лучше. И не только потому, что скоро будет светать, но и для того, чтобы сделать на берегу точную привязку к местности, определиться. Лейтенант сунул карту в планшетку, поудобнее взял в руки автомат, снял его с предохранителя. Повернувшись к идущему за ним в затылок старшине, коротко приказал:

— Идем на берег. Передать по цепи — быть начеку.

Он хотел уже сделать первый шаг к суше, но старшина осторожно взял его под локоть.

— Подожди, лейтенант. В таком деле спешка ни к чему.

Он вытащил из воды палку, с которой шел по болоту, размахнувшись, далеко швырнул ее над верхушками камышей в сторону. Описав полукруг, палка с громким всплеском упала в воду. И тотчас с берега взмыло в небо несколько ракет, и тишину ночи прорезала длинная пулеметная очередь. Струя трассирующих пуль хлестнула как раз по тому месту, где упала брошенная старшиной палка. А с суши уже поливал свинцом камыши и другой пулемет, строчило несколько автоматов.

— Пригнись!

Тяжелая рука старшины легла лейтенанту на плечо, с силой надавила вниз, заставив согнуться в коленях ноги. Он низко присел в воде, оставив над ней

только голову. Немецкие пули, пущенные наугад, шлепались вокруг, забрызгивая лицо водой, срезали над ним стебли камыша. Стрельба прекратилась так же внезапно, как и началась. Немного выждав, лейтенант выпрямился, глянул на проводника.

— Дальше. Туда, где следующий выход на берег.

Теперь им пришлось забираться в глубь болот, потому что участок, по которому им предстояло идти, был совершенно чист, и даже берег на добрую сотню метров просматривался из леса. Там, где болото снова зарастало камышом, а к самому урезу воды спускался береговой кустарник, проводник остановился.

— Здесь.

И снова повторилось старое: брошена в болото палка, и вслед за тем в воздух взлетают ракеты, начинается стрельба с берега. А рассвет неумолимо приближался, обволакивающий их туман начинал редеть, камыши у берега становились все менее надежным убежищем. У них было два выхода: либо уйти на день как можно дальше в болото, чтобы затаиться там до ночи, либо в оставшееся до восхода солнца время все-таки попытаться выбраться на берег. Лейтенант никак не мог принять решение. И тут ему помог старшина.

— Послушай, музыкант,— обратился он к проводнику,— следующий лаз из этой вони далеко?

— Полчаса ходьбы. Но думаю, что он тоже перекрыт. С немцами пришли и местные полицаи, а они болота не хуже нашего знают. Поэтому все мелководье, где можно выйти на берег, перекрыто, а нам оставлены только трясины и открытые места. Пока не поздно, надо уходить от берега.

— Хватит, находились уже всласть,— зло скрипнул зубами старшина.— Все косточки от мокроты судорога тянет, за день тут сгниешь заживо. А немцами меня не пугай — я с ними давно общий язык нашел. Бог троицу любит — проверим еще раз. Правильно я говорю, лейтенант?

И столько уверенности и решимости было в голосе старшины, что эти его несколько фраз разрешили все лейтенантские сомнения. Тем более что он понимал: потеря целого дня может иметь для группы роковые последствия.

— Вперед, к следующему выходу! — приказал он проводнику.

Когда примерно после получаса ходьбы проводник остановился, старшина отодвинул лейтенанта плечом в сторону, встал рядом с проводником. Вытянув шею, некоторое время пристально всматривался в высокий, скрытый кустарником берег, к которому почти вплотную подступали камыши.

— Чую, что и здесь нас ждут,— тихо, словно самому себе, сказал он.— Ничего, дождались,— со зловещей интонацией в голосе добавил он и, обернувшись, глянул на лейтенанта.— Кому-то надо идти на берег первым и расчистить дорогу. Разреши мне и Свиридову.

— Идите.

Лейтенант уже знал, что сержант Свиридов был единственным в батальоне человеком, к которому старшина проявлял симпатию и брал на все свои операции в немецком тылу. Сейчас он смотрел, как оба разведчика отдали свои автоматы и вещмешки остающимся товарищам, оставив при себе лишь кинжалы, гранаты и поставленные на боевой взвод пистолеты в расстегнутых кобурах. Повертев плечами, покачав из стороны в сторону туловищем и убедившись, что снаряжение и оружие не издают при этом ни единого звука, старшина нагнулся к взводному.

— Два раза по три уханья филина — путь свободен. Ну а если начнется фейерверк, уходите сразу, здесь больше делать нечего...

Не простившись и не дожидаясь ответа, он шагнул в гущу камышей и тотчас слился с ними. Замерев на месте, намертво вцепившись пальцами в приклад автомата, лейтенант напряженно вслушивался в тишину. И расстилающиеся вокруг них болота, и обступившие группу камыши, и с каждой минутой все более отчетливо просматривающийся берег молчали. Ему показалось, что прошла целая вечность, пока откуда-то с берега трижды прокричал филин. Через некоторое время уханье повторилось. И хотя лейтенант ждал этих звуков, прозвучали они так неожиданно, что еще несколько секунд он продолжал стоять без движения.

— Это старшина,— негромко произнес кто-то из разведчиков.

И лишь после этого лейтенант окончательно поверил, что не ослышался и уханье филина было сигналом старшины.

— К берегу,— бросил он стоявшему рядом проводнику...

Старшина и сержант встретили их в густом низкорослом кустарнике, у высокой стройной березы. В руках у старшины был немецкий автомат с отброшенным прикладом, сержант держал на изготовку трофейный пулемет МГ. На небольшом пригорке возле березы был вырыт глубокий окоп, искусно замаскированный травой и болотными кочками. Проходя мимо, лейтенант из любопытства заглянул внутрь и увидел трех немцев, неподвижно лежавших у пулеметной амбразуры. Прямо на них сверху было брошено еще четыре трупа в мышиного цвета шинелях. Все трупы и стены окопа были густо забрызганы кровью, и с невольно пробежавшим по телу холодным ознобом лейтенант быстро отвел взгляд в сторону. Старшина, заметивший это, расценил его реакцию по-своему.

— Не волнуйся, лейтенант, всех здесь поклали. Сам проверил, ни один живым не ушел. Но нам-то пора уходить отсюда — погони не миновать.

И он указал глазами на аккуратно выдолбленную в окопе нишу, где стояла разбитая ударом приклада полевая рация...

Окончание следует

АНДРЕЙ СЕРБА

ВЗРЫВ НА РАССВЕТЕ

Повесть

Десантники отошли от окопа на несколько километров, когда услышали собачий лай. Что ж, этого и следовало ожидать. Не выйдя на связь с одним из постов засады, немцы должны были явиться туда сами и пуститься в погоню. Разведчиков преследовало сразу несколько групп. Они, конечно, уже взяты в полукольцо, и свободным оставалось единственное направление — к болоту. Но едва ли и там немцы оставят их в покое.

Около получаса еще разведчики слышали позади себя очереди двух ППШ и нескольких десятков «шмайсеров», хлопки гранатных разрывов. Потом все стихло. Лейтенант уже думал, что им удалось оторваться от преследования, как вдруг собачий лай возник снова, сразу с трех сторон. Очевидно, увидев трупы двух разведчиков и поняв, с кем имеют дело, немцы с еще большей яростью продолжили погоню.

Лейтенант прислонился спиной к прохладному, шершавому стволу дерева, осмотрел сгрудившихся вокруг него разведчиков. На их лицах ни признака страха или растерянности, лишь нетерпение и тревожное ожидание. А собачий лай приближался, необходимо срочно принимать решение. Лейтенант, оценивая местность, огляделся. Болото рядом, его дыхание отчетливо ощущалось и здесь, в лесу. Вниз по склону уходили кусты орешника, в сторону болота вели несколько глубоких промоин. Да, позиция казалась неплохой, и он правильно сделал, остановив группу именно здесь.

Теперь главное — распылить силы немцев. Значит, нужно рассредоточиться. Тактика предстоящего боя уже была ясна лейтенанту. Вместе с ним разведчиков оставалось пятеро — проводник не в счет. Двое из бойцов занимали позицию справа, двое — слева. Но кого выбрать пятым, тем, кто вместе с проводником сможет пройти через болота, пробиться через возможные засады, обойти чужие секреты и выполнить задание? Одному сделать то, что пока оказалось не по силам всей группе.

Лейтенант посмотрел на старшину Вовка. Опустив голову и прикрыв глаза, старшина, казалось, дремал. Почувствовав на себе взгляд лейтенанта, он встрепенулся. И такая скрытая сила пробудилась в его сразу подобравшейся и напрягшейся плотной фигуре, что у командира пропали всякие сомнения.

Лейтенант оттолкнулся от дерева, принял строевую стойку, проглотил застрявший в горле комок.

— Группа, слушай боевой приказ...

Немцы появились через двадцать минут после ухода старшины и проводника. Почти рядом с пригорком раздался хриплый, злобный лай, затем из-за густого куста орешника вырвалась овчарка с опущенной к земле мордой. За собакой показались два немца, один из которых держал в руке поводок. И сразу слева и справа от них замелькали среди деревьев фигуры в пятнистых маскхалатах и касках. По их оружию и снаряжению, по сноровке и легкому, бесшумному бегу, по умению даже во время движения прятаться за стволы деревьев, избегая открытых мест, лейтенант понял, что перед ними не обыкновенная пехота, снятая с фронта, а солдаты «охотничьих команд», специально натасканные для борьбы с партизанами.

Лейтенант удобнее устроился на дне промоины, взглянул на лежащего рядом с ним сержанта Свиридова.

— Бей по овчарке, что идет по следу. А я поищу других. И помни, стрелять будешь только после меня.

Окончание. Начало в № 5.

Но немецкие «охотники» прекрасно знали цену своим собакам. Все соединяющиеся в районе болота группы вела одна овчарка, остальные бежали где-то сзади. Сколько лейтенант ни всматривался, больше ни одной не обнаружил. И тогда, тщательно прицелившись в мелькнувшую перед ним фигуру немца, он плавно нажал спусковой крючок. Фашист, словно споткнувшись, остановился, покачнулся и рухнул на землю. Тотчас рядом заговорил МГ, который сержант тащил на себе от окопа с уничтоженной засады. По другую сторону пригорка, где в такой же промоине лежала вторая пара разведчиков, застрочили два ППШ. Оставив на земле несколько трупов, «охотники» исчезли за стволами деревьев, и сразу в зарослях кустарника над пригорком и промоинами густо засвистели чужие пули.

Ведя огонь короткими очередями, лейтенант внимательно следил за складывающейся обстановкой. Немцы, наткнувшись на кинжальный огонь, быстро пришли в себя и стали окружать десантников. Одни, оставаясь на месте, вели интенсивный огонь из-за укрытий, стараясь превратить пригорок в огневой мешок и отрезать его ливнем пуль от леса. Остальные, растекаясь вправо и влево от пригорка, должны были зайти разведчикам во фланги и в тыл, полностью замкнув кольцо окружения.

Лейтенант взглянул на часы: с момента ухода старшины и проводника прошло около часа. Неплохо. Теперь прикрытию предстояло выполнить вторую часть задачи: не дав себя окружить, выскользнуть парами из полукольца в разные стороны и увести преследователей от следа старшины...

Взяв новый диск, лейтенант пронзительно свистнул — сигнал к отходу для второй пары разведчиков.

— Отходим! — сползая на дно промоины, крикнул он Свиридову.

Но пулемет сержанта, как и прежде, продолжал методично посылать очередь за очередью. Приподнявшись на корточках, лейтенант взглянул на сержанта. Скривив от боли лицо и закусив губу, тот лежал в луже крови.

— Что с тобой, сержант? — тревожно спросил лейтенант.

На мгновение оторвавшись от приклада пулемета, Свиридов повернул к нему бледное, без единой кровинки, лицо.

— Не то говоришь, лейтенант,— прохрипел он.— Уходи, не теряй время...

— А ты?

— У меня своя дорога... А ты спеши, покуда я огоньком могу поддержать. Счастливо тебе, лейтенант...

Сержант знал, что говорил: автоматная очередь прошлась по его плечу и груди в самом начале боя, и сейчас, потеряв много крови, он доживал последние минуты. Считая разговор оконченным, Свиридов отвернулся и снова припал к пулемету.

— Прощай, сержант, не поминай лихом,— тихо проговорил лейтенант.

Немцы были уже на краю болота, полностью отрезав пригорок от воды и леса. Двое из них, спрятавшись за толстым деревом, склонились над пулеметом, собираясь открыть огонь по разведчикам с фланга. Став на колено, лейтенант швырнул в них гранату и метнулся в поднятое взрывом облако. Еще раньше, лежа в ожидании «охотников» на вершине пригорка, он наметил себе путь отхода и сейчас не терял зря ни секунды. Упав на землю, он скатился на дно высохшего ручья и пополз по нему в сторону леса. Прежде чем вскочить на ноги, он приподнял фуражку, и рой пуль, пронесшихся над ней, развеял надежды, что ему удалось уйти с пригорка незамеченным. Несколько немцев уже бежали наперерез, стараясь отсечь путь к лесу. Короткими прицельными очередями он свалил двоих на землю, остальные остановились, и этим воспользовался Свиридов. Серией длинных очередей тот заставил «охотников» вначале попадать на землю, а затем в поисках спасения расползтись в разные стороны.

— Спасибо, сержант,— с теплотой прошептал лейтенант, поднимаясь со дна ручья.

Несколькими огромными прыжками он достиг спасительного леса и юркнул за первое попавшееся дерево. Окружив пригорок, немцы лезли со всех сторон, и пулемет сержанта бил по ним почти в упор. Пуля, просвистевшая рядом, заставила лейтенанта быстро наклонить голову, но он все же успел заметить три фигуры в маскхалатах, метнувшиеся к нему. Выхватив из-за пояса две гранаты, он одну за другой швырнул в немцев и со всех ног бросился в лес...

Остановившись, лейтенант рванул на груди маскхалат и в изнеможении опустился на траву. Сердце бешено колотилось, текущий по лицу пот заливал глаза, колени от перенапряжения тряслo мелкой дрожью. Положив автомат рядом, он вытянул ноги и, опершись на локти, откинулся назад, подставив влажное лицо легкому и прохладному лесному ветерку.

Так он отдыхал несколько минут, пока до него снова не донесся отрывистый собачий лай.

Лейтенант медленно встал и пошел, внимательно осматриваясь по сторонам. Он знал, что от собак ему не уйти, что немцы рано или поздно все равно настигнут его, что бой с ними неизбежен, а поэтому выбирал сейчас позицию, которая помогла бы одержать верх в бою, где ему оставалось надеяться только на самого себя да на удачу. И вскоре нашел, что искал.

«Охотники» высыпали из-за кустов неширокой густой цепью, впереди бежал проводник с собакой. Чувствуя, что преследуемый рядом, овчарка рвала поводок из рук, дыбилась на задние лапы, теряла от ярости и злобы голос. Лейтенант, взявший вначале на мушку собаку, перенес точку прицела на грудь ее хозяина. И прежде чем проводник с разбега грохнулся на землю, а остальные немцы попадали в траву, успел свалить еще двух «охотников». Теперь пришло время заняться и собакой. Предчувствуя свою гибель, та бешено рвала из рук мертвого проводника повод, забрызгивая все вокруг желтой пеной. Уложив ее короткой очередью рядом с хозяином, лейтенант быстро пополз среди кустов к высокому толстому дубу.

Приподнявшись за деревом на колено, он осторожно выглянул из-за ствола. Немцы, не стреляя, пытались взять его в «клещи». Лейтенант зло усмехнулся. Хотят взять живьем? Что ж, пусть попробуют! Достав из-за пояса две гранаты, он расчетливо бросил их в ближайших к нему «охотников» и, снова упав на землю, ужом заскользил в траве.

Теперь все зависело от его находчивости и умения. Наскоро целясь, он сделал несколько коротких очередей по немцам, перебегавшим слева от него, затем отполз немного в сторону и выпустил оставшиеся в магазине патроны по тем, что справа. И тотчас от дуба застучал вражеский пулемет. Заговорили и автоматы с флангов, отрезая возможные пути к отступлению с поляны. Вогнав в автомат последний диск, он выпустил еще несколько очередей и быстро пополз. Но не назад и не в сторону, а прямо на огонь пулемета. Именно на этом безрассудном маневре он и строил план своего спасения: «охотники» могли ждать от него прорыва из их кольца в любом направлении, но только не назад, к ним.

Он подполз к дубу на расстояние броска гранаты. Осмотрелся. Рядом с пулеметом трое. Приподнявшись на левом локте, лейтенант швырнул последнюю гранату и, едва просвистели над головой осколки, поднялся над травой с прижатым к бедру автоматом. Поливая на бегу ливнем пуль поднятое взрывом облако пыли, бросился к дубу. Все три немца были мертвы, пулемет разбит и перевернут. Отбросив свой автомат, он поднял с земли «шмайсер», быстро осмотрел: не поврежден ли осколками? Сорвал с немцев магазинные сумки, одну повесил на себя, а содержимое второй положил в карманы. Сунув за пояс несколько трофейных гранат, он, часто оглядываясь и держа автомат на изготовку, бросился что было сил в сторону от поляны...

Место сбора было назначено у родника, там их должен был ждать старшина с проводником. И здесь судьба снова преподнесла ему сюрприз, лишний раз подтвердив опыт и предусмотрительность пластуна. Имея на руках карту с отметкой, отлично ориентируясь на незнакомой местности, лейтенант так и не смог найти родник. Ни в эту ночь, ни на следующий день. А вечером он наткнулся на партизан, сообщивших, что район полностью освобожден от немцев. И единственный вопрос, который он задал первому же встретившемуся армейскому офицеру: взорвано ли где в округе шоссе? Услышав в ответ, что дорога свободна до самого

Минска, он так широко улыбнулся, что офицер только недоуменно пожал плечами...

Завтра он увидит старшину! Человека, которого так часто вспоминал и которого давно исключил из списка живых. В том, что теперь их встреча состоится, генерал не сомневался нисколько. Выезжая из Москвы, приказал одному из своих сотрудников лично проконтролировать прибытие бывшего старшины Вовка.

Слегка наклонив голову и стараясь спрятать лицо от ветра, капитан стоял перед группой людей в форме и в штатском.

— Я прекрасно понимаю значение дороги для нужд области и всей республики,— тихо и спокойно звучал его голос,— но сказать ничего определенного не могу. Мы столкнулись с тщательно продуманным и умело построенным узлом минно-взрывных заграждений. Узлом, понимаете? Сейчас нами выявлены лишь отдельные его элементы, а вся система размещения зарядов и устройство их дистанционного подрыва нам совершенно неизвестны. Мало того. Многие заряды не имеют металлической упаковки, их обнаружение крайне затруднено. Они почти все поставлены на неизвлекаемость, а земля вокруг них утыкана противопехотными минами-сюрпризами. В найденных нами зарядах электродетонаторы разъедены временем, и к ним опасно даже притрагиваться. И все-таки главное совсем не в этом...

Капитан замолчал, откашлялся, поправил на голове фуражку.

— Главное для нас сейчас — разыскать пункт управления узлом. Тогда мы сможем не только проникнуть в его секрет, но и отключить от системы подрыва питающие ее источники тока, а также обезопасить себя от возможных взрывов радиомин. Пока мы этого не сделаем, мне трудно сказать что-либо конкретное о возможных сроках окончания работ.

Вертолет летел низко, казалось, что он лишь по чистой случайности не задевает верхушки деревьев. Прильнув к иллюминатору, бывший старшина с интересом всматривался в расстилающееся под ним безбрежное лесное море, в огромные пятна желтоватых болот, в ровные ниточки шоссейных дорог. За последнее время он привык к станичной тишине и покою, все в его жизни давно устоялось и было незыблемо, и он сам никогда не думал, что прошлое может так взбудоражить его.

Телеграмму о событиях в далекой Белоруссии ему принесли из стансовета под утро, попросили быть готовым к выезду в райцентр как можно скорее. А сколько времени надо на сборы старому солдату? Он был готов через несколько минут. Спустя два часа армейский «газик», на котором его доставили со станицы, уже тормозил на полевом аэродроме райцентра. В Краснодаре Вовка встретил высокий, немногословный мужчина в штатском, который сразу провел его на посадку в самолет до Москвы. Он же безо всяких промедлений устроил Вовка в столице на рейс Москва—Минск. В Белоруссии Вовка встречал уже другой провожатый — помоложе. Через полчаса после встречи они уже вместе летели в один из областных центров республики, где на краю летного поля их поджидал этот вертолет...

Бывший старшина знал, зачем его ждут в белорусском райцентре, ему рассказали о проводящемся разминировании, и поэтому он с таким напряжением и вниманием всматривался в иллюминатор. Ему все казалось, что еще минута, еще один разворот, и он увидит то болото: память воскрешала давно забытое и исчезнувшее в дымке времени...

Группа осталась на берегу, оседлав пригорок, а они с проводником ушли в болота. Задача была предельно ясна: оторвавшись от погони, выйти к роднику и ждать там тех, кто уцелеет после боя на пригорке. Ждать до полуночи, а затем действовать по обстоятельствам, помня при этом, что узел немецких заграждений ни в коем случае не должен остановить движения наших войск на Минск.

Болото густо заросло камышом, дно вязкое, илистое. Зловонная, чавкающая под ногами жижа доходила местами до коленей. Они отчетливо слышали начавшуюся за их спинами стрельбу, уханье гранат; затем отголоски боя стали стихать, удаляться.

Они были в пути уже третий час, когда до слуха старшины донесся далекий, приглушенный толщей камыша собачий лай. Он по инерции сделал еще несколько шагов за проводником и прошептал:

— Стой, музыкант.

Проводник остановился, вопрошающе уставился на старшину. Его лицо было мертвенно бледным, под глазами лежали огромные синие тени, щеки глубоко ввалились. Острый кадык на тонкой шее судорожно дергался.

— Слышишь? — тихо спросил старшина.— Собаки!..

У проводника не было сил ответить, и он лишь кивнул.

— А может, уйдем? — еле ворочая губами, с придыханием и свистом спросил проводник.

— Нет, не уйдем,— четко и резко ответил старшина.— Стыкнемся мы с ними, факт. А уж дальше кто-то один пойдет. Чи мы, чи они — вот какое дело!

Он еще раз взглянул на проводника и отвел глаза в сторону. «Какой из него помощник!..»

— Останешься здесь,— приказал он проводнику.— А я встречу швабов на тропе. Если пройдут мимо меня — вступай в бой ты. А до этого сам никуда не суйся. Все ясно?

— Понятно.

— Вот и лады. А сейчас разреши...

Старшина протянул руку к поясу проводника, вытащил две немецкие гранаты на длинных деревянных ручках. Но когда хотел взять у партизана и третью, последнюю, тот перехватил его руку.

— Не дам. Это... на всякий случай.

Но старшина отобрал и ее.

— Не пори чепухи. Выпустить из себя дух — ума не треба. Ты до последнего дерись и свались в бою от чужой пули — больше проку будет.— Он наклонился, заглянул проводнику в глаза.— Помни, что первым швабов я встречу. А потому сиди туточки и никуда не рыпайся... пока не возвернусь я или швабы не полезут. Бувай...

Взяв автомат на изготовку, старшина двинулся параллельно тропе, по которой они пришли от берега, навстречу немцам. Возле одного из поворотов узкой тропинки он остановился, прислушался. Конечно, место для засады не ахти какое, но времени искать лучшего нет — лай почти рядом.

Он достал из кармана обрывок лески, быстро привязал его поперек тропы между двумя камышинами. Вытянул голову, проверил, заметна ли леска со стороны. Не надеясь на внимание увлеченных преследованием «охотников», он для страховки бросил рядом с леской еще и свою пилотку. Теперь, кажется, все. Отойдя от тропы на два десятка шагов, он присел в камышах за высокой большой кочкой, опустил на нее автомат, положил четыре гранаты...

Немцев было человек пятнадцать. Впереди, еле сдерживая на поводке рвущуюся вперед овчарку,— проводник, за ним в затылок двигались двое с ручными пулеметами, а уж потом, гуськом, автоматчики. Возле брошенной поперек тропы пилотки проводник остановился, сдержал собаку, укоротил поводок. Присев на корточки, он подозвал к себе огромного фельдфебеля с закатанными до локтей рукавами маскхалата. И пока на требовательный крик фельдфебеля пробирался немец с миноискателем в руках, старшина с удовлетворением наблюдал, как растянутая до этого цепочка преследователей сжимается теснее, сбиваясь в компактную группу возле брошенной им пилотки и натянутой поперек тропы лески. Теперь все «охотники» на виду, и неожиданности с их стороны в предстоящем бою сведены к минимуму.

Не спуская глаз с немцев, старшина медленно протянул руку к гранатам, взял одну из них, подкинул на ладони.

«Что, швабы, явились по душу кубанского казака Степана Вовка? Что, «охотнички»-добровольцы, думаете, отхватите за его голову кресты на грудь да отпуска к своим бабам? Считайте, вам повезло. Зараз получите от кубанского казака и кресты и отпуска. Ну, кто первый?»

Одну за другой он метнул четыре гранаты и тотчас упал в болотную жижу, оставив над ней только голову, которую прикрыл поднятым над водой автоматом. Взрывы грянули одновре-

менно. Положив автомат на кочку, он спокойно и неторопливо достал из-за пояса еще четыре гранаты. Подняв голову, он устремил взгляд в сторону тропы, ожидая дальнейшего развития событий.

Вот дымную пелену прорезал крик раненого, за ним вопль другого. Перекрывая их, раздалась громкая и властная команда, заставив старшину спрятать голову за кочку. С тропы ударили два пулемета, застрочило несколько автоматов.

Потом старшина услышал чавкающие по грязи шаги уцелевших, до него доносились протяжные стоны раненых, отрывистые и злые команды немецкого командира. И тогда так же спокойно, как и в первый раз, он бросил еще две гранаты, а затем оставшиеся.

После этой серии разрывов на тропе несколько минут стояла мертвая тишина. Старшина, вытащив из-за пояса три последние гранаты, спокойно ждал. Ждал до тех пор, пока в просветах камыша не мелькнули две согнутые фигуры, бегущие обратно, в сторону берега. И снова тишину болота разорвали три гранатных разрыва, и снова, замерев за кочкой, сидел весь превратившийся в слух старшина. Но с тропы не доносилось больше ни звука, и тогда он, словно подброшенный пружиной, резко поднялся над болотом, до боли вдавив в плечо приклад автомата.

Гранатные осколки, словно косой, срезали камыши вокруг. Тропы как таковой больше не существовало; среди развороченных болотных кочек и вывернутых корневищ камыша в самых нелепых позах лежали трупы. Семнадцать трупов насчитал он на тропе.

Возле проводника он остановился, устало опустился на кочку, положил на колени автомат. Намочив в воде ладони, протер ими лицо, виски, шею. И когда снова поднял глаза на партизана, тот отвел лицо в сторону под его тяжелым взглядом.

— Отдыхай, музыкант. А через два часа держи курс прямо на родник...

Проводник, остановившись в гуще невысоких елочек, протянул вперед руку.

— Вон береза со сломанной верхушкой, а за ней одинокий дуб. В ста метрах от него будет обрыв, отделяющий болото от лесного торфяника. И на этом обрыве — родник. Прямо в кустах, среди травы. Его даже из местных мало кто знает.

— Добро, музыкант.

Подойдя к краю ельника, старшина стал осторожно осматривать окрестность. Вернувшись к проводнику, бросил ему под ноги вещмешок и протянул автомат.

— Бери, а я прогуляюсь до родника. Из ельника гляди не вылазь, сиди тут как мышь. И не спи, швабы рядом — можешь и не проснуться.

Он расстегнул кобуру пистолета, передвинул ее ближе к животу, набросил на голову капюшон маскхалата.

— Бувай, музыкант. Держи ушки на макушке.

Старшина сделал несколько шагов к краю ельника — и пропал. Напрасно вслушивался партизан в обступившую его со всех сторон ночь — старшина словно растворился в темноте.

Он отсутствовал больше часа и появился так же внезапно, как и исчез. Беззвучно вынырнул из темноты рядом с проводником, сдавил у плеча его руку, рванувшуюся к спусковому крючку автомата.

— Спокойно, музыкант, лучше скажи, ничего не приметил, пока меня здесь не было?

— Все тихо.

— И то ладно.

Старшина опустился на землю, привалился спиной к стволу молоденькой елочки. Указал проводнику на место рядом.

— Садись, совет держать будем.— И, когда партизан присел, тихо зашептал ему в самое ухо: — Нашел я таки швабов, что родник и островки на замке держат. Двое их, при одном станкаче. Сидят в окопе полного профиля, выкопали его под трухлявым пнем. Замаскировались неплохо, но я их вонючий дух за версту нутром чую. Коли потребуется — мигом на тот свет спроважу. Но пока рано, не пришло время. Сейчас нам своих ждать надобно, может, кто-то и ушел живым с того пригорка. И потому зробимо так. Заляжем рядом со швабами — я уж и место годящее для этого присмотрел. Одним махом два дела спроворим: и швабов под надзором держать будем, и своим не дадим на них нарваться. Пошли...

Но никто из разведчиков на пункт сбора не явился. Ни в полночь, ни после. Не подавали признаков жизни в своем окопчике под пнем и немцы, хотя старшина с проводником лежали от них буквально метрах в тридцати. Время близилось к рассвету, от болота тянуло промозглой сыростью, и партизан все чаще и чаще клевал носом, как вдруг старшина ткнул его в бок кулаком.

— Глянь-ка,— и кивком головы указал на пень.

Присмотревшись, партизан заметил рядом с пнем две черные тени, словно выросшие прямо из-под корней. Пригнувшись, тени медленно двинулись вдоль болота в сторону родника.

Старшина тоже поднялся за ними следом, успев бросить проводнику:

— Лежи. И никакой самодеятельности.

И немцы и старшина вернулись через несколько минут. Фашисты спустились в свой окоп, пластун снова примостился рядом с партизаном. Никогда не страдавший излишней словоохотливостью, он потряс за плечо почти уснувшего проводника и быстро заговорил:

— Не спи, музыкант. Немцы зараз до родника по воду ходили. Выходит, они вот-вот ждут смены и не хотят терять из предстоящего отдыха ни минуты. Нам этой смены пропустить никак нельзя, надо самим все увидеть и узнать, как они ее производят...

Партизан с трудом открыл слипающиеся глаза, потряс головой, прогоняя сон, старался уяснить смысл быстрого шепотка старшины:

— По воду ходили? А зачем оба?

— Боязно одному в окопе остаться, идти в одиночку к роднику тоже страшно. Вот и ходят по двое: один набирает, а другой стоит рядом с автоматом.

Он внезапно умолк и замер неподвижно.

— Слышал? — тихо спросил он у партизана.

— Выпь. Их здесь всегда полно было.

— Нет, музыкант, это не выпь. Этого птаха я за войну наслушался — край! Да и сам под нее сколько раз подделывался! Не-ет, не выпь то, а человек.

Едва он договорил, как из-за пня, где сидели немецкие пулеметчики, тоже трижды прокричала выпь. Старшина с силой сдавил плечо партизана.

— Ни звука! Сейчас самое главное.

Сплошная стена камышей, до этого неподвижная, зашевелилась и вытолкнула две черные фигуры с автоматами в руках. Они прямиком направились к пню, под которым был немецкий окоп, и исчезли. Через минуту снова появились две фигуры, двинулись в камыши и пропали в них...

— Пять часов,— тихо сказал старшина, глядя на часы,— время их смены. Только на такой горячей точке не будет одна пара круглые сутки торчать. Вот и выходит, что этих тоже сменят вечером, и тоже в темноте. Что мы и засекли. А зараз, музыкант, давай-ка спать. Ищи самый глухой буерак, куда и ворон костей не затаскивал, и жмуримся до заката...

С наступлением темноты они снова были на старом месте, недалеко от пня, но старшина, поползший на разведку, вернулся встревоженным.

— Поганые дела, музыкант. Я хотел отвинтить швабам головы прямо возле пулемета, но... У самого окопа чуть не чокнулся с миной, ладно еще при месяце разглядел в траве бечевку. А что как другую не разгляжу? И если они там не только натяжного, но и нажимного действия? Кумекаешь? Придется брать швабов другим макаром, у родника...

Оставив партизана вверху на перемычке, старшина спустился к роднику, долго ползал вокруг него, рыскал в кустах. Затем снова вернулся к проводнику.

— Все в порядке, музыкант. Я им устрою водопой...

И когда через некоторое время на изгибе берега мелькнули две тени, старшина потянул к себе винтовку партизана.

— Давай и штык. Сам возьми автомат и оставайся туточки. В разе чего — бей швабов по тыквам прямо сверху, не жалей приклада. Это в крайнем случае, а так ни звука!

Он примкнул к винтовке штык, сполз по склону перемычки к роднику и пропал в кустарнике.

Немцы подходили к роднику осто-

рожно, бесшумно, ничем не выделяясь в своих маскхалатах на фоне берегового кустарника. У родника оба остановились. Передний сдвинул автомат с груди на левый бок, достал фляжу, наклонился над струйкой воды. Наполнил фляжу, выпрямился, повернулся к напарнику, а тот, выпустив из рук автомат, потянулся к своей фляге.

В тот же миг перед ним вырос старшина. Он не бросился на немца, а просто оттолкнулся спиной от склона перемычки и, поднимаясь в рост, со страшной силой выбросил вперед винтовку. Пластун еще полностью не распрямил спину, а штык уже сидел в груди первого немца. «Охотничьи» команды комплектовались не из пугливых, неопытных новобранцев, а из отборных, бывалых солдат, и реакция другого немца была молниеносной. Отшатнувшись от старшины в сторону, он потянулся к висящему на боку автомату. Но было поздно. Старшина даже не вытаскивал штыка из тела сраженного наповал врага. Сильным ударом ноги он сбросил труп со штыка и, не отводя винтовку для размаха назад, в длинном выпаде вогнал лезвие в живот второго фашиста.

Партизан не успел еще толком встать на ноги, а схватка у родника была закончена. Старшина, воткнув штык в землю, брезгливо рассматривал свой маскхалат, забрызганный чужой кровью. Он взглянул на спрыгнувшего к нему сверху партизана, кивнул на трупы:

— Оттащи в воду. Ни к чему им на виду лежать.

Партизан нагнулся над одним из убитых, и его чуть не вырвало.

— Эх ты, Аника-воин,— с укором сказал старшина, заметивший это. Он подошел к трупам сам, схватил их за штанины и потащил к воде.

— А зараз, музыкант, готовься,— тихо сказал он, глядя в лицо проводника своим тяжелым, немигающим взглядом.— Пока были так, игрушки, а зараз будет настоящее дело.— Он взглянул на часы.— Без семи десять. Думаю, что через семь минут швабы придут менять свой пост. Мы их встретим, и вместо них назад должны пойти мы. Своими глазами увидим, что они там, на островках, творят. Уловил мою мысль, музыкант?

— Так точно,— откликнулся проводник.

— А сперва надо найти кладку, что ведет от родника к островку. Как раз по ней швабы и ходят, ее-то и прикрывают своим пулеметом. Ты готов?

— Так точно,— снова, как эхо, повторил партизан...

Подводную тропу они нашли быстро — старшина точно запомнил место в камышах, откуда утром появились немцы. Пройдя по мосткам несколько шагов в глубь болота, старшина соскочил снова в воду и подозвал к себе партизана.

— Вот здесь и подождем швабов. Двух первых возьму на себя я, а третьего коли ты.

— Третьего? — удивился проводник.— Да разве...

Старшина смерил его таким взглядом, что партизан съежился.

— Их трое, музыкант. Двое — смена, а третий — разводящий, который прикрывает пересмену. Вот и будем брать их здесь, на тропе, всех сразу. Твоя задача — снять последнего. Первым начну я, и ты вслед за мной тоже бей своего штыком в бок или в спину. Дело простое, не боись...

Старшина не ошибся — немцы появились ровно в десять. Сначала до их слуха донеслось глухое чавканье болотной жижи, затем слабый шорох стеблей камыша. И вот в нескольких шагах мелькнули три тени. Старшина правильно рассчитал место засады: немцы остановились прямо против них, там, где кончался камыш и начиналась полоска чистой воды. Все трое в касках, маскхалатах, с автоматами. На спине у последнего был металлический термос. И этот термос чуть не погубил все дело...

Старшина тихо и беззвучно вытащил из ножен кинжал. Взмах руки, блеск и свист кинжала в воздухе — и передний фашист рухнул с мостков в воду. Старшина одним огромным прыжком очутился на мостках и мертвой хваткой сжал свои пальцы на горле второго фашиста. Тот, хрипя и задыхаясь, старался разжать руки пластуна, но тщетно. Казалось, еще мгновение, и все будет кончено, но тут до слуха старшины донесся слабый, полный ужаса и боли вскрик проводника и звук свалившегося в воду тела. Слегка разжав пальцы на горле противника, старшина заглянул через его плечо и похолодел. Партизан, нелепо разбросав руки, лежал лицом вверх поперек кладки, а огромный, плотный немец яростно колол его в грудь штыком...

Партизан, стоявший в шаге от старшины, нанес удар штыком в последнего немца сразу же, как только пластун метнул свой кинжал, но тот успел увернуться от удара, и штык партизана, направленный ему под ребра, вонзился в висящий на спине термос. Второго удара партизан нанести не успел. Немец, круто развернувшись на мостках, схватился за дуло винтовки и что было сил рванул ее на себя. Рывок был настолько резким, что вместе с винтовкой на мостках оказался и партизан, пытавшийся удержать оружие в руках. Сильным ударом ноги фашист свалил его на мостки, вырвал винтовку и, перехватив ее в воздухе, нанес партизану первый удар штыком в грудь. Затем еще и еще. Разделавшись с ним, немец сбросил из-за спины в воду термос, с винтовкой наперевес шагнул вперед...

Старшина сразу оценил грозящую ему опасность. Тем более что немец, бессильно обмякший уже в его руках, воспользовался полученной на мгновение передышкой и обхватил пластуна поперек туловища. Сопя и хрипя, он готовился бросить противника через себя. А в шаге за ним, набычившись и выставив окровавленный штык винтовки, стоял в боевой позе второй немец, готовый при первой же возможности нанести удар старшине. И будь вместо пластуна их противником кто-либо другой, исход схватки был бы предрешен.

Был бы... Старшина схватил обеими руками немца за пояс, сильно и резко рванул на себя. Увидел его налитые кровью и горящие злобой глаза, ощутил на своем лице запах мясной тушенки, идущий из широко открытого рта. И головой ударил немца в лицо. От боли и неожиданности тот опешил, отшатнулся, расцепил руки на поясе старши-

ны. Тогда, оторвав врага от мостков, пластун поднял его на руках и как мешок швырнул прямо на штык второго фашиста. И сразу же прыгнул на врага. Однако тот успел вытащить штык из тела своего напарника и выставил его навстречу старшине. Уже в броске пластун сумел оттолкнуть направленное в грудь лезвие, и штык пронзил ему бедро. Упав плашмя на мостки, старшина дотянулся руками до ног немца, схватил его за щиколотки и с силой рванул на себя. Выронив винтовку, фашист грохнулся на мостки, и в следующее мгновение старшина уже был рядом. Он схватил фашиста правой рукой за волосы, левой поднял его над собой и что было сил ударил спиной о край мостка, а затем, столкнув, держал немца под водой до тех пор, пока не заломило от холода руки.

Взобравшись снова на мостки, старшина нагнулся над телом проводника, приложил ухо к его груди и, убедившись, что тот мертв, вздохнул — беда...

Корчась от боли, старшина наложил на бедро повязку. Найдя свой кинжал и повесив на грудь поднятый с кочки автомат, затолкал трупы немцев под настил, отнес тело партизана подальше в камыши и, прощаясь с ним, минуту посидел рядом, а затем, хромая, снова двинулся к мосткам.

Тихий шорох, раздавшийся сбоку, заставил старшину резко повернуть голову и вскинуть автомат. В шаге от него, почти вплотную к тропе, был привязан длинный плот. За ним виднелся узкий коридор, пробитый во время его движения в стене камыша. Итак, немцы приплывали с островка на плоту! Тогда у него один путь — вокруг заводи...

Старшина вылез на островок и присел под густым кустом. Огляделся по сторонам, прислушался. Нигде ни огонька, ни подозрительного звука. Положив палец на спусковой крючок автомата, двинулся вдоль берега, готовый в любой момент вступить в бой. Постепенно приближаясь к середине островка, он сделал вокруг него несколько кругов. Никого. И вдруг возле небольшого пригорка, на вершине которого темнела группа чахлых березок, пластун остановился, припал к земле. Слабый ветерок принес горьковатый запах дыма и аромат разогреваемых мясных консервов. Осторожно волоча раненую ногу, старшина на локтях пополз по склону пригорка. Вначале он увидел выкопанный в земле вход в землянку, а затем и дверь; сквозь щелку вверху пробивалась слабая, едва заметная полоска света. Он подполз почти к самому входу, пристроился сбоку под низким, опустившим до самой земли свои ветки кустом. И только сейчас почувствовал, как болит пробитое штыком бедро. Старшина попытался подняться и тут же, едва сдержав стон, опустился на землю. На ногу трудно было ступить, резкая, пронизывающая боль заставила стучать в висках гулкие и частые молоточки. Вытерев со лба холодный пот, старшина привалился к кусту плечом, вытянул по земле раненую ногу, прикрыл глаза.

Когда старшина открыл глаза, боль действительно ушла куда-то внутрь, оставив в душе лишь ненависть и жажду мести.

В эти недолгие минуты перед его мысленным взором один за другим вставали отец, Мыкола Вовк, братья Михаил и Виктор, сложившие свои головы в первый год войны, его сгоревшая дотла родная станица, где заживо сожжена была его мать и красавица жена Оксана, где в колодец бросили его дочурок-двойняшек. С тех пор, как Степан узнал об этом, враг перестал существовать для него как человек. Он сказал себе: пока бьется твое сердце, казак, ни один фашист, очутившийся с тобой рядом, не должен больше никогда топтать твою землю.

Медленно, экономя силы, он подполз к двери землянки; опираясь на автомат как на палку, встал на ноги. Дверь была от него в полушаге, он чувствовал на своем лице теплый воздух, идущий сквозь щели между досок, ощущал запах разогреваемого супа из концентратов.

«Что, швабы, устроились с комфортом? Небось не ждете в гости кубанского казака Степана Вовка? Ничего, придется встретить!» Сильным ударом плеча пластун распахнул дверь, сделал шаг внутрь и, вскидывая к плечу автомат, прислонился к стене. Землянка была погружена в полутьму; в дальнем правом углу, отгороженном брезентом, ярко горела керосиновая лампа и виднелись две согнутые фигуры, сидевшие за столом. Вместе со старшиной в землянку ворвался ночной холод и болотная слякоть, было видно, как в открытую настежь дверь заползает белесый туман и, растекаясь по полу, быстро приближается к брезенту. Один из немцев поднял от стола голову, повернулся в сторону дверей.

— Курт? — раздался голос из-за брезента.

И тогда старшина нажал спусковой крючок. Не жалея патронов, он стрелял до тех пор, пока не повалились со стульев на пол обе фигуры и не разлетелось вдребезги стекло лампы. Он уже опустил было ствол, как вдруг сработало появившееся у него на войне обостренное ощущение приближающейся опасности. Вскидывая снова автомат, он мгновенно шагнул в сторону. Инстинкт самосохранения не подвел его и на сей раз: из-за брезента, из угла землянки, прямо с пола брызнула автоматная очередь. Пули ударили как раз в то место, где он только что стоял, а несколько из них даже зацепили его плечо. Но прежде чем старшина почувствовал боль, он уже стрелял на звук чужой очереди. Он слышал, как его пули впивались в деревянную обшивку стен землянки, как рикошетили они от встречающихся на их пути металлических предметов, как трещало и звенело разлетающееся во все стороны стекло. Он стрелял до тех пор, пока не опустел диск. И тогда, перезарядив автомат и включив электрический фонарь, он,

Рисунки Б. ДОЛЯ

держась левой рукой за стену, а в правой сжимая оружие, медленно двинулся к брезентовому пологу.

Отбросив его в сторону, он увидел длинный, грубо сколоченный из досок стол, сплошь заставленный электро- и радиоаппаратурой, большой пульт управления со множеством датчиков и контрольных лампочек. У самых его ног лежали два немца. В углу землянки — приземистая печка-буржуйка с выведенной наружу жестяной коленчатой трубой, на которой разогревалось несколько котелков с супом и банок с консервами. Перед печкой, выронив из рук автомат, валялся и третий немец, тот, что открыл ответный огонь.

Опустившись на табурет и пристроив на столе фонарь, старшина осмотрел плечо. Рана оказалась не очень опасной. Сделав одной рукой кое-как перевязку, старшина поднялся с табурета и едва не упал. Голова кружилась, перед глазами плыли черные и багровые круги, к горлу подступала тошнота.

Ему захотелось снова сесть на табурет, придвинуться поближе к огню, протянуть к печке свои который день мокрые сапоги и хоть немного посидеть в тишине и тепле, не прислушиваясь к каждому раздавшемуся рядом звуку. Но нельзя! Кто знает, что творится вокруг на болотах и кого могла привлечь к этой землянке стрельба. А поэтому скорей отсюда!

Стиснув зубы, он проковылял через землянку к двери, прикрыл ее за собой и спустился с пригорка. На берегу, откуда по подводной тропе лежал прямой путь к роднику, остановился. Кладка начиналась метрах в тридцати от берега, и в мелкой прибрежной воде под ярким лунным светом виднелся лежащий на дне ствол толстого дерева, который своим вторым концом выводил прямо к настилу тропы. Между началом дерева и берегом три-четыре метра свободной воды, а в нее кем-то брошено три больших камня-валуна, по которым можно было, не замочив даже сапог, пройти к стволу дерева. Старшина скривил губы. «Что, швабы, дураков ищете? Сами добираетесь до настила на плоту, а другим предлагаете эти камни и дерево?..»

Он пошел прямо через заводь, медленно и осторожно, ощупывая перед собой дно, и приблизился к подводной тропе. Но не смог даже поднять ногу, чтобы ступить на нее. Пришлось лечь на край настила грудью и, кусая от боли в кровь губы, попеременно забрасывать на мостки ноги. Отдышавшись, он поднялся. Медленно, делая остановки через каждый десяток шагов, двинулся к роднику. Выбравшись из болота, он упал в ближайших кустах на мох и долго лежал лицом вниз, надеясь хоть немного притупить рвущую плечо и бедро острую боль.

В этих кустах и застал его рассвет. И хотя боль нисколько не утихла, а, наоборот, бушевала уже во всем теле и порой затемняла сознание, старшина пополз. Он был не в состоянии привстать, но твердо знал одно: родник и болотные островки — это смерть, надо уйти от них как можно дальше. Не выпуская из рук автомата, обливаясь потом и оставляя за собой кровавый след, метр за метром пополз от берега в лес. Вскоре он потерял сознание, а когда открыл глаза, солнце было над головой. И снова, хрипя и ругаясь, дыша, как загнанная лошадь, упорно полз вперед. Он уже не отдавал себе отчета, зачем и в какую сторону ему надо ползти, но понимал: стоит смириться, целиком отдаться во власть боли — и это конец. Теперь он часто терял сознание, но, как только приходил в себя, продолжал ползти.

Тащить автомат ему стало не под силу. Оставив его, он пополз с пистолетом в руках. Перед глазами плыл густой туман, он даже не видел, куда ползет. Потеряв в очередной раз сознание и очнувшись, он понял, что уже вечер. Забившись под густой раскидистый куст, в полубреду, поминутно впадая в беспамятство, но не выпуская из рук пистолета, он провел здесь всю ночь. А с первыми лучами солнца пополз снова.

У него хватило сил только выбраться из-под нависающих над ним ветвей, проползти несколько метров в сторону соседней сосны. И тут, посреди маленькой поляны, на склоне небольшого пригорка, он затих. Тщетно пытался он напрячь сильное когда-то тело, тщетно старался напряжением воли хотя бы ослабить овладевшую всем его существом боль. «Вперед, казаче, вперед,— стучало в его воспаленном мозгу,— ползи, пластун, ползи. Смерть рядом, но разве впервой тебе побеждать ее? И потому вперед, казаче, вперед». Обессилевшему, в полузабытьи, ему казалось, что он еще продолжает двигаться, но его пальцы лишь царапали траву и загребали пыль, а здоровая нога, которой он все пытался оттолкнуться от земли, только слабо вздрагивала. В один из моментов прояснения сознания ему показалось, будто он слышит чьи-то голоса, будто впереди, возле высокой сосны, мелькнула фигура с немецким автоматом! Швабы! Собрав последние силы, он поднял руку с пистолетом, попытался нажать на спусковой крючок. Но чья-то нога в тяжелом кирзовом сапоге больно наступила на запястье, чьи-то сильные руки вырвали из пальцев пистолет. И, теряя от этой новой боли сознание, он еще некоторое время, словно во сне, слышал вокруг себя голоса.

— Наверное, полицай... Сколько их сейчас по лесам да болотам прячется...

— А вдруг птица поважнее? Недаром уже дохлый за пистолет хватался. Такой должен много интересного знать. А коли заслужил — его и без нас к стенке поставят...

Очнулся он в госпитале, где провалялся после операций почти два месяца. Боясь снова очутиться в чужой части, он, не долечившись, в одну из ночей вылез в окно и отправился на поиски родной казачьей дивизии, благо предварительно списался с семьями друзей-пластунов и приблизительно знал, где искать своих. В рядах кубанцев он и воевал до последних дней войны, пройдя с пластунами дорогами Польши, Германии, Чехословакии и закончив войну под Прагой. За бои в Германии он получил третью Славу и звание младшего лейтенанта, а при демобилизации — лейтенанта.

Прошедший через сотни смертей, он остался жив. И спустя три с лишним десятилетия все реже и реже возвращался в воспоминаниях к тем давно минувшим военным годам. А вот сейчас сама судьба заставила его снова окунуться и заново пережить в памяти несколько боевых суток, после которых у него до сих пор перед непогодой ноет кость задетого штыком бедра и не совсем слушается плечо...

К приземлившемуся вертолету сразу подкатил армейский «газик»; высокий молодой шофер распахнул дверцы.

— Прошу.

— В военкомат,— приказал ему сопровождающий старшину мужчина.

И тут молчавший всю дорогу пластун впервые подал голос:

— А скажи, хлопче, магазин поблизости есть?

— Так точно. И продовольственный и промтоварный. Вас какой интересует?

— Самый нужный,— усмехнулся бывший старшина и пояснил: — Может, встречу кого из своих старых фронтовых дружков, так негоже приходить с пустыми руками. А из дому захватить некогда было. Все понял, хлопче?

— Так точно.

— Вначале в военкомат, затем — остальное,— обращаясь к шоферу, сухо произнес сопровождающий.

И тут же удивился происшедшей с его попутчиком перемене. Молчаливый добродушный старик, спокойно дремавший рядом с ним всю дорогу, моментально преобразился. На его лице не осталось ни добродушия, ни следов усталости, оно все напряглось и словно помолодело, на нем четче обозначились скулы, резче выделились желваки, а пристальный, немигающий взгляд прищуренных глаз был настолько тяжел и пронизывающ, что сопровождающий тотчас же отвел глаза.

— В магазин,— медленно и глухо сказал бывший старшина.

И сопровождающий, отвернувшись к боковому стеклу, не стал возражать.

Настроение у сержанта было превосходное. Его группе дали на отдых тринадцать часов, и за это время они успели не только отдохнуть и выспаться, но даже побриться, привести в порядок и высушить свое изрядно потрепавшееся и промокшее обмундирование и обувь. Но полчаса назад этому раю на болотном островке пришел конец. Согласно полученной радиограмме группе требовалось выступить в указанный ей район, осмотреть по пути одну подозрительную лесную поляну, на которой, по косвенным признакам, должна находиться ракетная батарея «противника», и в условленном месте соединиться со своим взводом.

Как он и обещал подрывнику, во время радиосеанса сержант сообщил в штаб о найденной группой землянке, о находящейся в ней системе дистанционного подрыва узлов минных заграждений. В ответ был получен приказ: оставить для охраны островка двух человек, а с остальными продолжать выполнение боевой здачи.

Сержант поправил на плечах лямки рюкзака, устроил поудобнее на груди автомат.

— Группа, за мной.

Он первым спустился к берегу, направился к месту, где они оставили плот. Но на полпути остановился. Всего в нескольких шагах в лучах заходящего солнца блестели в воде три камня-валуна, ведущие прямо к положенному на дно болота стволу дерева. Тому самому, что своим противоположным концом выводило к подводной тропе. Этот путь был намного короче и легче, чем утреннее плавание на плоту. И сержант свернул к камням, на мгновение остановился, примериваясь, как удобнее прыгнуть на ближний. Перед ним искрилась под лучами солнца мелкая рябь воды, ленивый неподвижный покой висел над островком и болотом, а камни словно сами приглашали ступить на них. На плечо ему легла рука минера-подрывника.

— Не спешите, товарищ сержант. Береженого и бог бережет...

Сержант уступил минеру место, рассеянно стал следить за его действиями у камня. Вот минер неподвижно замер с миноискателем в руках, повернул к нему встревоженное лицо.

— Товарищ сержант, все камни заминированы. Наступил — и играй отходную. Уверен, что фугасы поставлены на неизвлекаемость, так что рвать их надо на месте.

— На берег,— скомандовал минеру сержант.— И без тебя будет кому заняться этими подарками.

Он с сожалением взглянул на свои высушенные и густо смазанные ваксой сапоги, на очищенные от грязи штанины маскхалата.

— К плоту,— приказал он выжидающе смотрящим на него разведчикам.— Идти за мной только след в след, а впереди пойдет минер...

— Разрешите, товарищ генерал?

— Я вас слушаю.

Генерал, сидящий в тени военкоматовской курилки с сигаретой в руках, поднял голову, глянул на стоящего против него начальника райвоенкомата.

— На территории округа сейчас идут большие маневры, в том числе и в нашем районе. Полчаса назад в штаб одного из подразделений поступила радиограмма от группы, действующей в болотах недалеко от участка проводимого нами разминирования. На одном из болотных островков группой обнаружена немецкая землянка с минно-взрывной и радиотехнической аппаратурой — частично она в рабочем состоянии. Может, эта землянка и есть тот пункт управления узлом заграждений, который так необходим саперам?

Генерал швырнул в закопанную посреди курилки бочку с водой окурок, протянул к майору руку.

— Карту. И садись, чего стоишь.

Майор присел на скамейку рядом с генералом, разложил на коленях карту, указал карандашом точку на ней.

— Десантники дали точные координаты островка, на котором находятся сами и обнаруженная ими землянка. Может быть, это как раз то место, что вам указал раненый партизан из отрядной разведки?

— Возможно. Он говорил тогда о роднике среди болот и нескольких островках, к которым вела от него подводная тропа. Даже указал это место на моей карте. Но прошло столько лет...

Генерал замолчал, майор снова сложил карту, сунул ее в планшетку.

— Товарищ генерал, сейчас на тот островок вылетает вертолет. Он доставит группу саперов. Я приказал выделить одно место для вас. Если хотите, конечно...

Генерал пожал плечами.

— Зачем это, майор? Толку от меня при разминировании никакого, любой знающий дело сапер принесет пользы гораздо больше. Ну а праздным любопытством я давно не страдаю. Так что отправляйте вертолет без меня.

— Слушаюсь.

Майор встал, козырнул и четким строевым шагом покинул курилку...

Генерал сказал военкому не всю правду, была еще одна причина, и, пожалуй, самая главная, почему он не хотел покидать двор военкомата. Именно сюда должен был с минуты на минуту прибыть бывший старшина.

И он дождался. К высоким железным воротам военкомата подкатил защитного цвета «газик», из него выскочил высокий, спортивного склада мужчина, помог спуститься на землю коренастому человеку с полиэтиленовым пакетом в руке. Рассмотреть их лица не было возможности из-за высокой стены аккуратно подстриженного кустарника. Но знакома, слишком знакома была генералу эта невысокая фигура. Когда оба приехавших прошли в калитку и двинулись по дорожке к дверям военкомата, генерал встал и с тревожно забившимся сердцем шагнул им навстречу.

Он не ошибся, один из приехавших был его бывший старшина. Такой же плотно сбитый, с широкими покатыми плечами, с немного искривленными, как у кавалеристов, ногами. Те же чуть прищуренные, слегка настороженные, немигающие глаза. Но согнулась под грузом прошедших лет спина бывшего пластуна, поседели волосы и усы, слегка волочилась по земле нога.

Увидев шагнувшего к нему из аллейки человека, бывший старшина остановился. В полиэтиленовом пакете чуть звякнули две бутылки. Какие-то доли секунды его лицо было неподвижно и бесстрастно, но затем что-то дрогнуло в нем, широко открылись и словно оттаяли его глаза, напряглись и застыли желваки на скулах. И генерал почувствовал, что бывший старшина узнал его. И все заранее приготовленные для встречи слова вылетели из памяти. Он сразу понял главное: прежде чем взгляд пластуна скользнет по его широким погонам, по Золотой Звезде Героя, он должен сделать все, чтобы разница в их теперешнем положении не смогла помешать сердечности и откровенности.

И он первым сделал к бывшему старшине шаг, крепко обнял за плечи, прижался щекой к его жестким усам. Почувствовал, как оборвалось что-то в груди, как судорожно дернулся на шее кадык, как пересохло во рту. И как затем предательски дрогнул голос.

— Здравствуй, пластун...

Я перешел улицу и уставился на знакомый фасад дома. Сколько лет подряд возвращался я из конторы сюда, к этому обшарпанному зданию на Мекленбургской площади, сколько долгих и пустых лет... Но сегодня все было как во сне. Наверное, еще не прошел шок от последних слов врача.

Интересно, что скажут на службе? А может, не стоит никому ничего сообщать? Я снова подумал о прожитых годах. Бесцельное и бессмысленное существование. Дом, нелюбимая работа, дом... И одиночество...

Нет, в конторе я буду помалкивать. Просто возьму отпуск и тихонько исчезну.

В темноте парадного послышались шаги.

— Это вы, мистер Вэтерел?

— Да, миссис Бэйрд.

— К вам тут какой-то законник приходил,— сказала консьержка.— Я ему велела заглянуть еще разок после шести. Привести его к вам, когда явится?

— Да, пожалуйста,— ответил я и пошел к своей квартире.

Я немного пошагал из угла в угол, гадая, что мог позабыть у меня юрист, потом прилег на диван. Перед мысленным взором вереницей лет тянулась трудно прожитая жизнь. До смешного пустые годы. Тридцать шесть лет, и ничего, ровным счетом ничего не сделано.

Наверное, прошло довольно много времени, потому что в передней раздался звонок. Да, это был типичный юрист: синий костюм, белоснежный воротничок, внешняя сухость и какая-то запыленность — все выдавало в нем слугу закона.

— Меня зовут Фозергил,— фамилию свою он выговаривал аккуратно и бережно, словно боясь вымазать ее слюной.— Я представляю фирму «Энсти, Фозергил и Энсти». Прежде чем изложить суть дела, я должен задать вам несколько вопросов, необходимых для точного установления личности. Ваше имя при крещении, мистер Вэтерел?

— Брюс Кэмпбел.

— Как звали вашего отца?

— Джон Генри.

— Мать?

— Элеонор Ребекка, девичья фамилия Кэмпбел.

— Вы знали кого-либо из родных по материнской линии?

— Видел как-то раз своего деда.

— Когда именно?

— Мы встречали его из тюрьмы после того, как он отсидел пять лет. Когда его освободили, мне было лет десять. Мы с матерью прямо из тюрьмы доставили деда на такси в порт и посадили на корабль, но куда он отправился, я не знаю. Однако зачем вам все это?

— Мистер Вэтерел! Теперь я убеж-

ХЭММОНД ИННЕС,
английский писатель

ШАНС НА ВЫИГРЫШ

Роман

ден, что вы тот самый человек, которого мне поручили разыскать.

— Вы меня и разыскали. Интересно только зачем?

— Мы работаем по заданию фирмы «Дональд Макгрей и Эчисон» из Калгари. Эти джентльмены являются душеприказчиками вашего деда. Поскольку вы виделись с ним лишь однажды, вас, наверное, не слишком расстроит известие о его смерти. Однако вы — единственный наследник.— Адвокат разложил на столе какие-то документы.— Вот копия завещания и личное письмо покойного, адресованное вам. Оригинал завещания хранится в Калгари вместе со всеми бумагами «Нефтеразведочной компании Кэмпбела». Фирма почти зачахла, но ей принадлежит земельный надел в Скалистых горах. Макгрей и Эчисон советуют вам избавиться от этого участка и ликвидировать компанию. Я принес купчую на продажу земли. Покупатели...

— Значит, мой дед вернулся в Канаду? — перебил я.

— Да, разумеется. В 1926 году он основал там новую нефтеразведочную компанию.

Я вспомнил, что это был год его освобождения из тюрьмы.

— Скажите,— спросил я,— не было ли вместе с дедом некоего Пола Мортона?

Я вспомнил, что так звали компаньона деда, который вышел сухим из воды, а большая часть фондов фирмы исчезла.

— Нет. Совет директоров состоял из Роджера Фергюса и вашего деда. Фергюс был крупным землевладельцем в Тернер-Вэлли. Капитал компании состоял из тех средств, что Фергюс дал под залог.

— Как умер мой дед? — спросил я.

— Как? — Юрист порылся в бумагах.— Тут написано, что он замерз. Стюарт Кэмпбел жил один высоко в горах. Но вернемся к компании. Поскольку коммерчески она явно...

— Он, наверное, был глубоким стариком?

— Семьдесят девять лет. Так вот

участок по-прежнему принадлежит компании. Вашим представителям в Калгари посчастливилось найти покупателя. К ним поступило предложение... Но вы совсем не слушаете меня, мистер Вэтерел.

— Извините,— сказал я.— Просто подумал об одиноком и старом человеке, живущем где-то в горах.

— Да, да, я понимаю вас. Но, видимо, с годами старик выжил из ума. Его вера в возможность найти нефть в горах превратилась в настоящую манию. С тридцатого года он жил отшельником в бревенчатой хижине и почти не спускался в город. В хижине его и нашли охотники. Это случилось двадцать второго ноября прошлого года.

Он положил передо мной бумаги.

— Это я оставляю вам. Здесь также вырезка из местной газеты. Теперь об участке. Есть план строительства дамбы в долине. Вода понадобится для электростанции. Одна компания, владеющая рудниками...

Я отвернулся и прикрыл глаза. Дед вернулся в Канаду. Значит, он действительно верил в свою нефть?

— Мистер Вэтерел, я вынужден просить внимания. Нужна подпись вот под этим документом. После уплаты всех долгов и ликвидации компании вы сможете получить девять или десять тысяч долларов.

— А сколько на все это уйдет времени?

Законник сложил губы бантиком.

— Думаю, за полгода мы успеем утвердить завещание.

— Полгода? — Я засмеялся.— Нет, мистер Фозергил, это слишком долго.

— Долго? Что значит долго? Уверяю вас, мы сделаем все возможное...

— Конечно, конечно, но полгода...

Я опять смежил веки и попытался обдумать услышанное. Деньги были мне ни к чему. Даже оставить их в наследство не мог, поскольку не имел родных.

— Можно мне взглянуть на эту газетную вырезку? — почти неосознанно проговорил я.

Юрист с удивленной миной подал мне листок. Статья в «Калгари трибьюн» от 4 декабря гласила:

«Стюарт Кэмпбел, один из пионеров Тернер-Вэлли, человек, который был готов отлить в бронзе слова «Скалистые горы — природное нефтехранилище», был найден мертвым на полу собственной хижины на высоте 7000 футов над уровнем моря. Тело обнаружила группа альпинистов под предводительством промысловика Джонни Карстерса.

Его вера в то, что Скалистые горы представляют собой кладовую «черного золота», вызывала уважение к нему даже в среде тех, кто лишился своего капитала, вложив его в печальной памяти «Нефтеразведочную компанию Скалистых гор».

По свидетельству Карстерса и Джин Люкас, молодой англичанки, которая в летние месяцы вела хозяйство Стюарта Кэмпбела, его единственной целью было восстановление своего доброго имени и возмещение потерь тем лицам, которые вложили деньги в неудавшееся предприятие».

— Похоже, он искренне верил в нефть,— сказал я Фозергилу. Тот сухо улыбнулся в ответ.

— Мистер Эчисон не без оснований считает, что покойный заблуждался. Вот купчая. Если вы подпишете оба экземпляра...

— Нет, наверное, придется воздержаться от продажи,— сказал я. Дед теперь виделся совсем иначе, чем раньше, и мне хотелось все хорошенько обмозговать.

— Но строительная фирма не станет ждать вечно. Мистер Эчисон давит на нас. Каждый день задержки...

— Терпели же они эти четыре месяца. Еще несколько дней погоды не сделают. Я дам вам знать, когда что-то решу.— С этими словами я подвел Фозергила к двери и выставил в коридор.

Мне не терпелось побыстрее прочесть письмо деда, и я поспешил в свою комнату. В конверте оказался всего один листок.

«Дорогой Брюс! — писал старик.— Возможно, необычайность обстоятельств нашей единственной встречи поможет тебе вспомнить ее. С кончиной твоей матери тонкая нить между нами прервалась, но до меня все же дошли вести о том, как доблестно ты сражался на фронтах последней войны. Убежден, что ты — настоящий Кэмпбел, и поэтому считаю возможным завещать тебе мои надежды. Я свято верю в свою правоту и клянусь тебе, что все усилия и труды, потраченные мной на развитие «Нефтеразведочной компании Скалистых гор», имели в основе своей эту безграничную веру, подкрепленную знаниями и опытом человека, который прожил здесь четверть века.

После освобождения я вернулся в Канаду, чтобы доказать свою правоту на деле. С помощью добрых и верных друзей мне удалось основать «Нефтеразведочную компанию Кэмпбела». Всю принадлежащую мне в этой новой компании долю я завещаю тебе вместе с землей, в которой будут покоиться мои останки. Если ты действительно тот человек, каким я тебя считаю, ты примешь вызов и реабилитируешь своего старого деда, достигнув цели, которая оказалась ему не по плечу. Да поможет тебе бог! Твой Стюарт Кэмпбел. P. S. Дневник, который я вел все это время, ты найдешь там же, где лежит сейчас моя Библия. С. К.».

От простоты и правдивости письма веяло свежестью горного ветра. Я почувствовал себя виноватым оттого, что так легко и быстро согласился в душе с вердиктом присяжных, осудивших моего деда, и даже не потрудился потом выяснить, что случилось со стариком после его выхода из тюрьмы.

Если б я только мог начать с того места, на котором он был вынужден остановиться! Хотя нет, это вздор. Мне такое дело не по зубам. Денег нет, да и в нефти я ни черта не смыслю.

Значит, подписать купчую? Десяти тысяч с лихвой хватит, чтобы обеспечить своей персоне пышные похороны. Нет, и это тоже не для меня. Мне совсем не улыбалась перспектива остаться в Лондоне в качестве конторской крысы, тихо и покорно доживающей свой век, в то время как далеко за океаном, в высоких горах, меня, возможно, ждет удача. Мгновение спустя обрывки купчей полетели на пол. Решение было принято. Я поеду в Канаду и попытаю счастья...

В Калгари поезд пришел в половине девятого утра. Я наскоро позавтракал в вокзальном буфете и сразу же отправился в контору стряпчих. Владения Макгрея и Эчисона размещались на третьем этаже древнего кирпичного дома и были со всех сторон окружены нефтяными компаниями. Дверь слева от конторы стряпчих привлекла мое внимание. На ней было написано: «Нефтеразведочная компания Роджера Фергюса». Это был тот самый джентльмен, который поддержал когда-то моего деда. Дальше виднелась дверь с надписью: «Льюис Винник, консультант по вопросам нефтеразведки», а напротив еще одна, на которой значилось: «Генри Фергюс, биржевой маклер». Чуть ниже свежей краской было выведено: «Компания Ларсена. Работы по подготовке месторождений и эксплуатация рудников».

Завершив инспекцию, я испытывал странное чувство. Казалось, воздух в этом здании пропитан запахом денег.

Эчисон оказался здоровенным краснолицым детиной. Его гладкие щеки поблескивали так, будто их специально отшлифовали пемзой.

— Мистер Вэтерел? — Он приподнялся и протянул мне рыхлую пухлую ладонь.— Рад видеть вас. Хотите сигару?

Я покачал головой и сел на предложенный стул.

— Очень жаль, что вы не написали мне перед отъездом,— заявил Эчисон.— Я мог бы избавить вас от этого зряшного путешествия. Но раз уж вы здесь, попробую объяснить вам, что к чему. Фозергил пишет, что вы по каким-то причинам отказываетесь продавать участок.

— Именно так,— подтвердил я.— По крайней мере до тех пор, пока не увижу его своими глазами.

— Мечтаете о нефти? Пустое занятие. Слушайте, мистер Вэтерел. Прошлым летом Бой Блейден по заявке Роджера Фергюса поднял в «Королевство Кэмпбела» геофизическое оборудование. Льюис Винник провел необходимые исследования, и его отчет полностью опроверг предположения вашего деда. Вот копия этого отчета,— он вытащил из папки пачку листов и бросил ее на стол.— К тому же вы лишь владеете территорией. Когда Роджер Фергюс давал наличные на развитие этого предприятия, он потребовал прав на

все, что находится под землей. Впрочем, сделал он это скорее для проформы. Права ничего не стоят, поскольку их невозможно реализовать за отсутствием каких бы то ни было полезных ископаемых. Роджер Фергюс прекрасно это знал, но он любил старого Кэмпбела и фактически подал ему милостыню, хоть мы и представили дело так, чтобы ваш дед об этом не догадался.

— Могу ли хоть взглянуть на участок? — пробормотал я.

Эчисон медленно затянулся сигарой.

— Боюсь, что сейчас это невозможно. В горах еще зима, дороги засыпаны снегом. А между тем компания, которая хотела бы приобрести участок, должна приступить к строительству как можно быстрее. Вот.— Он подтолкнул ко мне бумажку.— От вас требуется только подпись, остальное моя забота. Как видите, вам предлагают уже пятьдесят тысяч чистыми, гораздо больше, чем стоит этот никчемный участок. У строителей же есть разрешение парламента провинции на затопление участка независимо от вашего согласия, но при условии, что вам возместят материальный и моральный ущерб.

— Я вижу, вы не вписали сюда название фирмы-покупателя.

— Для осуществления проекта будет создан специальный филиал, тогда и впишем. Все формальности беру на себя.

— Похоже, вы прямо одержимы идеей заставить меня продать землю.

— Это в ваших интересах.— Эчисон вытащил изо рта сигару и подался вперед.— Кроме того, я не забываю и о Роджере Фергюсе. Он лишился сорока тысяч долларов с помощью вашего деда, и с нравственной точки зрения вы просто обязаны возместить ему убытки. Возвращайтесь к себе в отель и подумайте.— Он поднялся.— Захватите этот отчет. Жду вас с ответом в семнадцать ноль-ноль.

Я вышел из кабинета и направился к лестнице, но тут взгляд мой упал на табличку: «Нефтеразведочная компания Роджера Фергюса». Повинуясь какому-то импульсу, я распахнул дверь.

— Мне нужен мистер Фергюс,— сообщил я секретарше.

— Мистер Роджер Фергюс болен и уже давно не заглядывает сюда,— ответила девушка. Я смутился.— У вас какое-то срочное дело? Его сын, мистер Генри Фергюс...

— Нет-нет,— сказал я.— Это скорее визит вежливости. Роджер Фергюс был большим другом моего деда, Стюарта Кэмпбела.

Я заметил, как сверкнули ее глаза.

— Замечательный был старикан,— сказала девушка с улыбкой.— Я могла бы позвонить мистеру Фергюсу домой. Уверена, что он согласится встретиться с вами, если, конечно, ему не стало хуже. Он перенес инсульт, и одна сторона тела сейчас полностью парализована.

Роджер Фергюс согласился меня принять, а секретарша объяснила, как добраться. Поблагодарив ее, я вышел на улицу, отыскал такси и отправился в дом старика.

Меня провели в огромный зал, битком набитый охотничьими трофеями и призами с выставок скота и лошадей. Минуту спустя сиделка вкатила кресло на колесах, и я увидел крупного мужчину с широкими плечами, тяжелыми грубыми руками и огромной копной седых волос.

— Так вот он каков, внучек,— старик говорил с трудом, потому что двигались лишь мышцы левой стороны его лица.— Садись, садись. Стюарт частенько тебя вспоминал, малыш.

— Пять минут,— заявила сиделка и удалилась.

— Может, опрокинем по рюмочке? — предложил старик и протянул левую руку к ящику письменного стола.— Мне вообще-то не разрешают, но Генри приносит тайком. Это мой сын. Он надеется, что от виски я скорее того... Твое здоровье,— добавил Роджер Фергюс, наполнив две рюмки неразбавленным шотландским.

— И ваше, сэр,— ответил я.

— У меня этого добра больше не водится. Так, и что же тебя, сынок, заставило покинуть старушку Англию? Собираешься бурить разведочную скважину, да?

— Похоже, шансы мои близки к нулю,— грустно сказал я.— Эчисон только что дал мне посмотреть ответ Винника.

— Да, печальная история... А Блейден так надеялся на удачу. Хороший он парень, этот Блейден. Наполовину индеец... Хотя разведчик из него, похоже, неважнецкий.— Голос старика стал быстро затихать и превратился в шепот, но спустя минуту Роджер Фергюс взял себя в руки.— Так чем я могу быть тебе полезен?

— Вы были другом деда,— проговорил я.— Вот я и решил, что должен повидать вас.

— Молодец! А какие-нибудь деловые предложения у тебя есть?

— Нет,— ответил я.— Да мне и в голову прийти не могло...

— Это хорошо.— Он пристально посмотрел на меня.— Когда стареешь и богатеешь, становишься подозрительным по части мотивов, которые движут ближними. Расскажи-ка о себе.

Я коротко поведал ему о визите Фозергила, о своем решении эмигрировать из Англии, а потом, сам не знаю почему, рассказал о приговоре, который вынесли мне врачи. Когда я умолк, старик изучающе посмотрел на меня.

— А мы с тобой составим неплохую парочку! — сказал он с невеселой усмешкой.— Значит, теперь они хотят затопить «Королевство»? Что ж, возможно, это и к лучшему. Стюарту его земля принесла одни только беды.

— Я видел Эчисона,— поспешно сказал я.— Он говорит, что те деньги, которые вы вложили в компанию, будут возвращены.

— Ты же сказал, что пришел просто так! — гаркнул старик.— К черту деньги! Ничего ты мне не должен, ясно? Если хочешь пустить козе под хвост еще больше, чем пустил твой дед, можешь бурить скважину, это твое право.

Я засмеялся.

— Нет, мистер Фергюс, это ваше право, а не мое. Все, что под землей, принадлежит вам, и никому другому.

— Да, я забыл.— Он взял у меня стакан и спрятал его обратно в стол.— Верно, полезные ископаемые — моя собственность. Интересно, почему Блейден так же горячо верил в успех, как и Стюарт? Винник парень честный, он не стал бы водить меня за нос... Вот что, парень, отправляйся-ка ты лучше назад в Англию. Если уж собрался помирать, то делай это в кругу друзей.

Вошла сиделка, и я поднялся. Старик протянул мне левую руку.

— Всего доброго,— сказал он.— Молодец, что зашел. Если твой врач не ошибся, нам недолго ждать следующей встречи. А тогда уж у нас с тобой будет целая вечность для разговоров.

Лицо старика оставалось неподвижным, но в глазах вспыхнули озорные огоньки.

Я вышел, сел в такси и поехал в гостиницу. Здесь я прочел отчет Винника, затолкал бумаги в портфель и отправился перекусить. Внизу у конторки стоял невысокий кряжистый мужчина в пилотской куртке. Он освобождал номер, и я случайно услышал его слова, обращенные к портье:

— Если меня будет искать Джек Харбин, скажи ему, что я вернулся в Джаспер.

— Ладно, Джеф,— пообещал портье.— Обязательно передам.

Джаспер! Это местечко находилось по пути к «Королевству»!

— Прошу прощения, вы едете на машине? — вопрос вырвался раньше, чем я успел подумать о приличиях.

— Ага,— человек смерил меня взглядом и дружелюбно улыбнулся.— Хотите прокатиться?

— А место у вас найдется?

— Чего ж не найтись. Вы, я вижу, из Англии,— он протянул руку.— Джеф Харт.

— Вэтерел,— представился я.— Брюс Вэтерел.

— Ну вот и славненько. Собирайтесь поскорее. Надеюсь, мы с вами не соскучимся в дороге.

Все было решено в долю секунды. Я не успел даже подумать об Эчисоне, да и не хотел о нем думать. Главное, я подбирался все ближе и ближе к «Королевству», а остальное не имело значения.

— Вы знаете некоего Джонни Карстерса? — спросил я Джефа Харта, когда мы миновали перевал и перед нашими глазами раскинулся вечерний Джаспер.

— Заготовителя? Кто ж его не знает.

— Где его можно найти?

— Да где угодно в радиусе десяти

миль. У него тут табун лошадей, а летом он снабжает харчами туристов. Но лучше малость обождать. Часов в семь он заглянет в какую-нибудь пивнушку.

Джеф Харт высадил меня у гостиницы и пообещал заехать в семь часов, чтобы вместе поискать Карстерса. Я не мог без содрогания смотреть на пищу, а потому прошел прямиком в свой номер. Задыхаясь, я лег на кровать и принялся гадать, смогу ли вообще добраться до «Королевства Кэмпбела». Наверное, я впал в забытье, потому что, открыв глаза, увидел склонившегося надо мной Джефа.

— Уф! — выдохнул он.— Ну и натерпелся я страху. Думал, вам конец. Все в порядке?

— Угу,— пробормотал я и с трудом спустил ноги на пол. С минуту сидел, тяжело и хрипло дыша.— Ничего, все хорошо.

— Что-то непохоже. Вы на себя в зеркало посмотрите. Краше в гроб кладут. Давайте я позвоню доктору.

— Нет.— Я встал.— Медицина тут бессильна.

— Но вы больны, приятель.

— Знаю.— Я подошел к окну.— У меня что-то с кровью.

— Ложитесь-ка вы обратно в постель.

— Нет-нет, все будет нормально. Подождите, пока я умоюсь, а потом двинем в бар.

Мы спустились вниз, миновав в холле компанию оживленных туристов, и вошли в бар.

— Я просил передать Джонни, чтобы он пришел сюда,— сказал Джеф Харт, глядя на часы.— Он будет с минуты на минуту. Четыре пива,— бросил он бармену.— Нет, шесть. Вон он, ваш Джонни Карстерс, легок на помине. Знакомьтесь.

Я посмотрел на худощавого человека в каракулевой безрукавке-душегрейке и потрепанной шляпе. У него было доброе загорелое и обветренное лицо и мечтательный взгляд. Мы обменялись рукопожатием.

— Вы меня искали, не так ли? — с улыбкой спросил он и сел на стул лицом к спинке.— Чем могу служить? Вас интересуют лошади?

— Я приехал сюда не по делам,— ответил я.— Просто хотел повидать вас.

— Очень мило с вашей стороны.— Он снова улыбнулся.

— Вы знали Стюарта Кэмпбела?

— Еще бы не знать! Только он ведь того, помер.

— Расскажите мне, как вы нашли его тело.

Джонни нахмурился и оглядел меня.

— Газетчик?

— Боже упаси. Я его внук.

— Внук?! Господи, внук старого Кэмпбела.— Он схватил меня за руку, а сидевший сбоку Джеф Харт обрушил на мое плечо тяжеленную ладонь.

— Что ж ты сразу не сказал? — воскликнул он.— Да знай я, кто ты такой, нипочем не дал бы тебе остановиться в этой вонючей ночлежке!

— Зачем ты приехал? — перебил Джефа Карстерс.— Наследство?

Я кивнул, и он опять одарил меня улыбкой.

— Может, ты все-таки расскажешь, как нашел тело?

— Странная это была история,— проговорил Джонни, задумчиво отхлебнув пива.— Понимаешь, Брюс, я нанялся проводником к двум янки. Они работали в каком-то журнале и готовили материалы о Скалистых горах. Ну, снимки там, статьи и прочую чушь. Так вот, поводил я их недели полторы, а потом им понадобилось попасть в селение-призрак. Это где все индейцы поумирали да так и сидят, замерзшие, уже лет сто в своих вигвамах. Ну я их и повел. Но им и этого мало оказалось. Потребовали, чтоб я их познакомил с «королем» Кэмпбелом, обещали статью про него написать. Я согласился, и мы полезли вверх. Старик был жив-здоров, дал себя сфотографировать и полночи рассказывал за рюмкой джина про свои идеи. А наутро журналистам взбрело в голову забраться на пик Джилли. Ну, мы и отправились. На обратном пути нас задержал ураган, и вернулись мы только дней через пять. Я сразу почуял неладное, когда не увидел дымка над хижиной и следов на снегу. Когда мы вошли в дом, то увидели, что старик лежит ничком на голом полу, прямо у двери. Наверное, хотел принести поленьев со двора, да сил не хватило.

— Что могло послужить причиной смерти?

Джонни пожал плечами.

— Должно быть, старость. А может, у него случился удар. Надеюсь, мне будет так же легко, когда настанет моя очередь. Ни болезней тебе, ни ненужной суеты... Он ведь до последнего вздоха верил, что нефть есть.— Джонни потряс головой.— Великий был человек.

— Как бы мне добраться до «Королевства»? — спросил я.

— Ишь, чего захотел! — Джонни пожал плечами.— Нет, пока снег не растает, об этом и думать забудь. Еще месяца полтора можешь спать спокойно.

— Это слишком долго.

— А ты что, спешишь куда?

— Да, очень.

— Ну, коли так, Макс Треведьен, наверное, возьмется переправить тебя туда из Каним-Лейка. Он тут промышляет и подрабатывает проводником. Но путешествие будет не из приятных. Подожди, пока стает снег.

Я вытащил из кармана карту и разложил ее на столе.

— Покажи, как добраться до Каним-Лейка.

Джонни пожал плечами.

— Что ж, вольному воля. Садись на континентальный экспресс и шуруй до Ашкрофта. Если дорога между Ашкрофтом и Клинтоном открыта, считай, что тебе повезло. Сможешь доехать до самой гостиницы на стопятидесятой миле, а оттуда легче всего попасть в Каним-Лейк.

Я поблагодарил его и спрятал карту. Джонни положил ладонь мне на локоть.

— Ты нездоров, Брюс. Послушай опытного человека, подожди месяц. Сейчас еще рано лазить по горам.

— Я не могу с этим тянуть,— пробормотал я.— Надо подняться туда как можно скорее.

— Есть же такие упрямцы, которые не угомонятся, пока не свернут себе шею,— сердито сказал Джеф.

— Не в том дело,— быстро сказал я.

— А в чем? Чего ты суетишься?

— Это вас не касается...— Я секунду поколебался, потом решился.— Мне осталось всего несколько месяцев жизни, ребята.

Они вытаращили на меня глаза. Джонни несколько минут пристально разглядывал мое лицо, потом смущенно отвернулся и, достав кисет, занялся своей самокруткой.

— Прости, Брюс,— сказал он так ласково, будто я был ребенок.

— Слушай, да откуда тебе это известно? — воскликнул не отличавшийся особой деликатностью Джеф.— Человек не может знать таких вещей.

— Стало быть, может,— хрипло ответил я.— Лучший лондонский врач дал мне всего полгода.

В Ашкрофт поезд пришел незадолго до полуночи. В гостинице я узнал, что последние два дня дорога на Клинтон была открыта, и это сообщение очень обрадовало меня. На следующее утро я отправился обходить местные гаражи. Мне повезло: на заправочной станции я нашел замызганный фургон, хозяин которого отправлялся в Клинтон на лесозаготовки. Он подвез меня до гостиницы на стопятидесятой миле. Здесь я переночевал, а утром выяснил, что из Каним-Лейка приехал заготовитель, который собирался после обеда вернуться туда. По моей просьбе мне показали огромного, похожего на быка верзилу, грузившего в кузов армейской машины на гусеничном ходу разную бакалею.

В начале третьего мы покинули гостиницу, и я наконец разглядел своего попутчика. Он был одет в громадного размера медвежью шубу и меховую ушанку с козырьком. У него был широкий приплюснутый нос и крохотные глазки. Машину он вел умело, но так яростно сжимал ладонями баранку, что казалось, будто именно он, а не мотор толкает грузовик вперед, отвоевывая у дороги ярд за ярдом. Мне пришло в голову, что он-то и может оказаться тем самым заготовителем, о котором говорил Джонни Карстерс.

— Вы случайно не Макс Треведьен? — спросил я.

— Он самый,— медленно повернувшись ко мне, ответил верзила.

«Значит, это он повезет меня в «Королевство»,— подумал я и спросил, сделает ли он это.

— Зачем? Туристский сезон тут еще не начался. Вы что, нефтяник?

— Почему вы так решили?

— В горах жил один помешанный,

который утверждал, будто под полом его хибары залегает пласт. Но старик оказался мошенником. Спросите моего брата Питера, он вам такого порасскажет!

Каним-Лейк, куда мы приехали с наступлением сумерек, притулился на берегу узкого и длинного озера. Городок тонул в снегу, вжавшись стенами маленьких хижин в голые обледенелые горные склоны. Мы остановились перед низким строением из некрашеных сосновых досок. На двери красовалась вывеска: «Транспортная контора Треведьена. Правление».

Как только мы подъехали, на улице появился толстенный китаец. Он приблизился к Треведьену, и они начали разгрузку. Через минуту китаец бросил на снег мои чемоданы.

— Вы ведь остаетесь здесь? — спросил он.

— Это гостиница?

— Нет, тут у нас барак для парней, что работают выше по Громовому ручью. А постоялый двор Мака там, дальше по улице, с правой стороны. «Золотой телец» называется.

Поблагодарив, я заковылял по сугробам в глубь Каним-Лейка. Городок состоял из одной-единственной улицы, застроенной деревянными домами. У доброй половины зданий уже провалились крыши, окна были выбиты, а двери кое-где болтались на ржавых петлях. Я впервые в жизни видел наполовину опустевший город, город-призрак.

«Золотой телец» оказался здесь самым большим строением. Прямо за дверью размещался огромный салун. Вдоль одной стены тянулась длинная стойка, а позади нее виднелись пустые полки, украшенные грязными побитыми зеркалами. В зале было тепло, но неуютно из-за барачной пустоты, которую эти жалкие тусклые следы былой роскоши только подчеркивали.

Я опустил на пол свои скромные пожитки и пододвинул стул поближе к печке. Устал я как собака.

Вскоре открылась дверь, и в комнату вошел сурового вида мужчина. Он оглядел меня с равнодушием человека, повидавшего на своем веку немало бродяг и разучившегося чему бы то ни было изумляться.

— Вы и есть мистер Мак? — спросил я.

Он задумался на мгновение, потом почесался и ответил:

— Моя фамилия Макклеллан, а Мак — это для краткости. Тут все меня так зовут. Вам нужна комната?

— Угадали. Я только что приехал из Англии. Брюс Вэтерел.

— У нас еще не сезон, мистер Вэтерел. Ничего, если вам придется столоваться на кухне вместе с моими домочадцами?

— О чем разговор?

Ели в этой ночлежке по часам, и не успел я умыться и переодеться в своей комнатушке, как меня позвали к чаю. Вместе с хозяином за столом сидели его сестра Флоренс и сын Джеймс с женой и двумя детьми. Жену Джеймса звали Полин, и она была наполовину француженкой, что я определил по ее мелодичному акценту.

Кроме Макклелланов, в комнате находился еще один человек. Это был мужчина лет сорока, с грубыми чертами лица и мощным торсом. Мне представили его как Бена Кризи, инженера, который руководил строительством дороги в ущелье Громового ручья.

За все время трапезы никто не проронил ни слова. Еда здесь считалась делом серьезным. Покончив с чаем, мужчины закурили, а женщины принялись за мытье посуды.

Рисунки Г. ФИЛИППОВСКОГО

— Что привело вас в Каним-Лейк, мистер Вэтерел? — спросил вдруг хозяин, и я вздрогнул от неожиданности.

— Вы когда-нибудь слыхали о «Королевстве Кэмпбела»?

— Конечно.

— Как мне туда добраться?

— Об этом вы лучше Бена спросите,— он кивнул в сторону Кризи.— Скажи-ка нам, инженер, снег в верховьях очень глубокий?

— Да, навалило изрядно. Надо расчищать, иначе перевал не пройти.

— А что вы забыли в «Королевстве»? — поинтересовался Джеймс Макклеллан.

— Я внук Кэмпбела,— ответил я.

Все удивленно уставились на меня.

— Внук, говорите? — недоверчиво переспросил хозяин и подался вперед.

— Именно.

— Так зачем вам понадобилось в «Королевство»? — повторил свой вопрос Джеймс, и в голосе его неожиданно зазвучали злобные нотки.

— Зачем? Да затем, что оно мое.

— Ваше? Но ведь участок продан компании Ларсена!

Компании Ларсена? Я вспомнил, что это название было написано свежей краской на двери кабинета Генри Фергюса. Теперь все стало на свои места, и Эчисон, и его стремление заставить меня подписать купчую.

— Мне действительно предложили сделку,— сказал я,— но я отказался.

— Отказались?! — Джеймс вскочил, опрокинув стул.— Но ведь...— Он осекся и посмотрел на Кризи.— Нам надо поговорить с Питером. Пошли!

Кризи кивнул и поднялся. Через минуту мы с хозяином остались вдвоем. Мак зажег трубку и посмотрел на меня сквозь пламя спички.

— Каковы же ваши планы?

— Думаю поселиться там, в горах. Дед ведь жил, и ничего.

— Не дури, приятель. «Королевство» не для тебя. А если ты ищешь нефть, то ее там нет, в чем многие из нас уже убедились, да еще за свои кровные. Бой Блейден доказал это раз и навсегда своими исследованиями. Мой тебе совет: продавай и сматывайся откуда пришел.

Я молча встал и отправился в свою комнату.

Когда наутро я спустился вниз, все остальные уже позавтракали. Мак принес мне яичницу и кофе. Поев, я оделся и отправился изучать Каним-Лейк. Снегопад кончился. Я зашагал по сугробам к бараку, возле которого стоял огромный трейлер с бульдозером на платформе. Контора Треведьена была заперта, и мне оставалось лишь вернуться в гостиницу. В салуне несколько пожилых мужчин потягивали пиво.

— Где я могу найти человека по имени Питер Треведьен? — спросил я одного из них.

— В Сода-Крике,— был ответ.— Он уехал туда ни свет ни заря вместе с Джеймсом Макклелланом.

Через час входная дверь распахнулась, и в салун ворвался черноволосый коротышка с гладкой кожей цвета меди.

— Привет, Мак,— проговорил он и, бодро улыбаясь, подошел к стойке.

— Рад тебя видеть, Бой,— ответил Мак.— Джин только вчера говорила, что пора бы тебе возвращаться за грузовиками.

— Дорога уже дошла до подъемника? — спросил новый посетитель.

— Пока нет, но уже недолго осталось. Кризи пробивается через лавинное место. Как перезимовал, Бой?

— Терпимо. Бурил наугад с компанией головорезов в верховьях Литл-Смоки. У тебя тут найдется местечко? Я собираюсь дождаться, пока заработает канатная дорога. Надо же спустить вниз свои манатки, верно?

— Понятное дело. Комнату найдем, а пока что прошу к столу.

— Спасибо, Мак, но я, пожалуй, перехвачу чего-нибудь у Джин.

Когда гость ушел, я спросил о нем Мака.

— Это Бой Блейден,— ответил мне хозяин.— Тот самый парень, который исследовал «Королевство» прошлым летом.

«Блейден так же верил в успех, как и Стюарт»,— вспомнил я слова Роджера Фергюса. Похоже, само провидение послало мне этого человека, и теперь я смогу установить истину.

— Ему пришлось бросить там, наверху, все оборудование,— продолжал Мак.— Лавина пошла как раз в тот день, когда Бой собрался спускаться. Не повезло парню: весь его капитал так и остался зимовать в горах.

— А что вам известно о его исследованиях? — спросил я.— Мой дед знал результаты разведки?

— Нет. Он умер, когда адресованное ему письмо лежало у меня в конторе.

В начале пятого я услышал, как Джеймс Макклеллан зовет отца. Раз молодой человек вернулся в Каним-Лейк, стало быть, и Питер Треведьен тоже здесь, решил я и поднялся с кровати. Одевшись, я спустился вниз и побрел по плотному насту в сторону барака. Дверь транспортной конторы была распахнута настежь, и наружу долетал гул голосов. Я остановился на пороге.

— Ты должен был подумать об этом, прежде чем поднимать туда свои грузовики,— донесся до меня веселый мужской голос.— А теперь будешь делать то, что я тебе скажу, иначе не видать тебе машин как своих ушей.

— Чтоб тебе сдохнуть! — услышал я второй голос. Потом дверь с треском распахнулась, и на улицу выскочил разъяренный Блейден. Не обратив на меня внимания, он двинулся вверх по склону холма.

Я постучался и вошел в кабинет. На усыпанном пеплом столе стоял старинный телефонный аппарат, а на стуле за ним сидел хозяин— плотный мужчина лет сорока пяти.

— Мистер Питер Треведьен?

— Точно. А вы, должно быть, Брюс Вэтерел? Присаживайтесь. Если я правильно понял, вы наследник старого Кэмпбела?

Я кивнул.

— Догадываюсь, почему вы пришли ко мне. Буду откровенен, мистер Вэтерел. Ваш отказ продать «Королевство» поставил меня в незавидное положение. Доля в компании Ларсена помогла мне получить контракт на поставку всех материалов, необходимых для завершения плотины. Но в контракте оговорено, что дамба должна быть готова этим летом, из-за чего мне и пришлось строить дорогу, не дожидаясь согласия старого Фергюса.— Он откинулся в кресле.— Теперь о вас, мистер Вэтерел. Чего вы хотите? Еще денег?

— Нет,— ответил я,— не в сумме дело.

— Тогда в чем? Мак говорит, что вы собираетесь жить там, наверху.

— Если это было под силу моему деду...

— Кэмпбел жил там не потому, что это ему нравилось, а потому, что не мог иначе. У него не хватило смелости оставаться здесь, среди одураченных им людей. Если вы продадите «Королевство», Генри Фергюс построит электростанцию на дешевой энергии Громового ручья.

— Завещание деда накладывает на меня ряд обязательств,— начал я.

— Обязательства! — презрительно прошипел Треведьен.— Слушайте, давайте сделаем так: вы сейчас пойдете и все обдумаете.— Треведьен положил руку мне на плечо.— Договорились?

Я сказал, что подумаю, и мы простились.

Когда я пришел в гостиницу, там накрывали к чаю. Несколько минут спустя появился Бой Блейден.

— Можно вас на пару слов? — обратился я к нему.

— Пожалуйста,— поколебавшись, неохотно ответил он, и мы отодвинули наши стулья подальше.— Ну, в чем дело? «Королевство» вам покоя не дает?

— Кажется, прошлым летом вы вели там исследования?

— Да, сейсмографическую разведку.

— И, по вашему мнению, результаты свидетельствуют об отсутствии каких-либо следов нефти?

— Все изложено в отчете.

— Плевать мне на отчет. Я хочу знать ваше собственное мнение.

— Я вижу, вы не представляете себе, о чем идет речь. Мое оборудование работает по принципу эхолота. Я взрываю динамит и фиксирую при помощи детектора режим отражения ударной волны различными породами. Цифры обрабатывает компьютер, я тут ни при чем. На основании введенных в нее цифр ЭВМ выдает информацию о структуре земных недр.

— Задам вам всего один простой вопрос,— сказал я.— Вы согласны с отчетом?

Блейден снова заколебался.

— Да,— сказал наконец он и быстрым шагом направился к двери. Я удив-

ленно посмотрел ему вслед. Интересно, почему он повернул на сто восемьдесят градусов? Ведь старый Фергюс утверждал, что поначалу Бой верил в успех так же искренне, как и мой дед.

Я оглядел опустевшую комнату и увидел склонившуюся над кухонной раковиной Полин.

— Скажите,— спросил я, подойдя к ней,— живет ли тут девушка по имени Джин Люкас?

— О, конечно. В доме сестер Гаррет. Если хотите, я отведу вас туда, когда моя Китти уснет.

Я с радостью согласился и, поблагодарив Полин, стал ждать.

Примерно в половине восьмого мы вышли в кромешную уличную тьму, и Полин повела меня по неровному тротуару, освещая путь фонариком.

— Вот мы и пришли,— вскоре сказала она.— Вон их дом. Эти сестры Гаррет ужасно старомодны и любят посплетничать, но все равно они мне нравятся.

— А как выглядит Джин Люкас?

— О, она прелесть, сами увидите. Мы с ней лучшие подруги. Обожаю разговаривать с ней по-французски.

— Чем же она занимается в Каним-Лейке? У нее тут родные?

— Нет. Джин говорит, что любит одиночество, но мне кажется, она просто не смогла найти свое счастье. В войну она была во Франции. Наверное, там и поломала себе жизнь.

Полин постучала в дверь бревенчатого дома и крикнула:

— Мисс Гаррет! Это я, Полин. Можно войти?

Дверь открылась, и я увидел освещенный керосиновой лампой холл.

— Конечно, входи,— послышался ласковый голос.— О, да ты и мистера Вэтерела привела! Молодец, девочка.

— Вы меня знаете? — спросил я маленькую хрупкую старушку, похожую на фарфоровую статуэтку.

— Разумеется.— Она повернулась.— Сара, к нам мистер Вэтерел! Сестра немного туговата на ухо,— объяснила мне мисс Гаррет.— Снимайте пальто, проходите и рассказывайте, как дела.

— Собственно, я хотел повидать мисс Люкас.

— Успеете.— Она улыбнулась.— У Каним-Лейка есть одно бесспорное достоинство: здесь на все хватает времени. Сейчас Джин, наверное, читает у себя в комнате. Сара! — опять закричала она.— Мистер Вэтерел пришел повидать Джин!

Вторая старуха быстро оглядела меня и поднялась со стула.

— Сейчас я ее приведу, Руфь.

— Хорошо, спасибо. Мистер Вэтерел, стало быть, вы и есть внук мистера Кэмпбела?

— Да, мэм.

— Вы неважно выглядите. Наверное, были больны?

— Да, но сейчас пошло на поправку.

— И врач рекомендовал горный воздух?

В холле послышалась легкая поступь, и в комнату вошла Джин Люкас.

— Мистер Вэтерел? — Она протянула мне руку.— Я уже давно поджидаю вас.

Ее рукопожатие было твердым, манеры начисто лишены жеманства. Чувствовалось, что она уверена в себе. Я удивленно смотрел на нее и думал, что здесь, в забытом богом Каним-Лейке, этой женщине совсем не место.

— Вы знали, что я приду?

Она кивнула.

— Прошу вас ко мне.

— Это мой отец,— показывая на фотографию, сказала девушка, когда мы очутились в небольшой, битком набитой книгами комнате.— А это Мозес,— она кивнула на огромного колли, который лежал на ковре и смотрел на меня, помахивая роскошным хвостом.— Он принадлежал еще вашему деду. Ну, как вам понравились мои старушенции?

— Это ваши родственницы?

— Нет, что вы.

— Тогда почему вы решили поселиться здесь?

— Ну, это мое личное дело. В коробке рядом с вами сигареты. Дайте мне одну, если не трудно.

Мы закурили.

— Я знаю, вам кажется странным то, что летом я жила в доме вашего деда.

— Теперь, когда я увидел вас, это действительно вызывает у меня недоумение.

— Тут в городе есть люди, которые считают меня внебрачной дочерью Стюарта,— сказала она, глядя на огонь.

Мы немного помолчали. Нам было легко друг с другом. Наконец она спросила:

— Чем вы занимались после войны? Вас ведь уволили в отставку после ранения?

— Наверное, вы очень хорошо относились к деду? — произнес я, оставив ее вопрос без ответа.

— Да. Кстати говоря, вы очень напоминаете его голосом и манерой держаться, хотя внешне совсем непохожи. Почему вы ни разу не навестили его и даже не писали? Вам было стыдно общаться с человеком, сидевшим в тюрьме?

— Нет, просто я как-то не думал о нем,— ответил я.— Мы и виделись-то всего один раз, когда мне было лет десять.

— И поэтому предпочли забыть о своем деде. А вам никогда не приходило в голову, что его, возможно, осудили по ошибке?

— Нет, никогда...

Джин коротко вздохнула.

— Это выше моего понимания,— сказала она.— Стюарт любил вас. Вы же были его единственным родственником. Мистер Кэмпбел очень сдал в последнее время.

— Почему же он сам не написал мне?

— А вы бы приехали после его письма?

— Я... я не знаю.

— Однако вы явились сюда, когда услыхали о его смерти. Зачем? Вы думали, тут есть нефть?

— Если вас так интересует цель моего приезда,— раздраженно сказал я,—

то знайте, что я намерен поселиться в «Королевстве»!

— Поселиться? — Она не поверила своим ушам.— С чего бы это?

— На то есть свои причины. Вы ведь не сказали мне, почему живете в этой дыре.

— Сдаюсь,— тихо произнесла Джин и посмотрела на огонь.— Вы знаете, у меня тут есть кое-какие вещи, которые теперь принадлежат вам. Вот они.

Она порылась в шкафу и достала картонную коробку.

— Я не смогла унести оттуда всего, но здесь как раз те вещи, которые Стюарт очень хотел передать вам.

Я поблагодарил Джин и спросил:

— А вы верите в правоту моего деда?

— Да,— ответила она.— Во время войны мне доводилось встречать многих прекрасных людей, но ваш дед — особый случай. Это был совершенно замечательный человек, и я хочу, чтобы его надежды когда-нибудь оправдались.

— А что вы думаете о последней разведке? Как я понимаю, отсутствие нефтяного месторождения было доказано?

— Произошло то, чего и следовало ожидать. Разве Генри Фергюс продолжал бы строительство дамбы, если б не был уверен, что в отчете будут указаны выгодные для него данные? Прежде чем вы начнете действовать, поговорите с Боем Блейденом.

— Но я уже говорил с ним,— удивленно произнес я.— Блейден согласен с официальной оценкой положения.

— Это неправда,— глаза Джин расширились.— Бой поверил в нефть, как только увидел первые цифры.

— Но он сам сказал мне, что в отчете все правильно. Это было два часа назад.

— Я с ним поговорю,— пообещала Джин.— За всем этим что-то кроется. Как только мы переговорим, я отправлю его к вам. А пока посмотрите, что я принесла из «Королевства».

Я поставил коробку на колени и снял крышку. Внутри оказались фотографии моей матери и деда, его медали времен первой мировой войны, диплом горного инженера, маленькая шкатулка с локонами и папка с газетными вырезками.

— Вы ходили туда после его смерти? — спросил я.

— Да.

— И поднимались по канатной дороге?

— Нет, тогда она еще не работала. В «Королевство» ведет старая тропа индейцев: всего сутки пути.

— Здесь случайно нет дедовской Библии?

— Я ее захватила, но зачем она вам?

— В ней должны быть кое-какие бумаги.

Я основательно перетряхнул книгу, но обнаружил всего один листок. Гадая, куда мог подеваться дневник деда, я развернул бумажку и прочел:

«Милый Брюс! Когда ты получишь это письмо, «Королевство» уже будет твоим. Зиму мне не пережить. Я уже не могу бороться за достижение своей цели, ибо у меня нет на это ни сил, ни желания. Сегодня я получил отчет о работе Блейдена и заключение консультанта...»

Я в растерянности перечитал последние строки и посмотрел на Джин.

— Дед знал о результатах разведки.

— Чепуха! Джонни Карстерс был последним, кто видел старика. Когда он написал это?

— Двадцатого ноября. А Джонни нашел тело двадцать второго.

Я передал листок Джин, и она принялась изучать его, не веря своим глазам.

— Господи, какая жестокость! — воскликнула она наконец.— Какой жуткий способ убийства! Разделаться с человеком, лишив его единственной надежды... Читайте дальше вы, Брюс. У меня не хватит духу.

«Наконец мне приходится признать, что все мои труды пропали даром,— продолжал я.— Но прошу тебя не забывать о том, что вся моя сознательная жизнь была посвящена изучению скальных пород, и поэтому я наотрез отказываюсь верить, что их структура в «Королевстве» однородна, как указывается в отчете. Чтобы убедиться в моей правоте, достаточно одного взгляда на разлом в устье Громового ручья. Кроме того, хоть я и не могу более утверждать, что здесь есть нефть, но знаю, что в 1911 году, когда случился большой оползень, она была.

Я прошу тебя раздобыть денег и пробурить скважину. Это единственный способ установить истину. Постарайся сделать это прежде, чем будет закончено строительство плотины и «Королевство» скроется под водой. С любовью и надеждой, твой Стюарт Кэмпбел».

Я уронил руки на колени и произнес одними губами:

— Джин, если я узнаю, кто отвез деду отчет, я задушу этого мерзавца. Кто из здешних мог так ненавидеть старика?

— Многие. Джордж Райли, оба Треведьена, Макклелланы, Дэниел Смит, Эд Шифер, словом, все, кто понес убытки. Слушайте, Брюс, теперь вы просто обязаны доказать, что Стюарт прав: ведь он так верил в вас!

— Так-то оно так,— задумчиво проговорил я.— Но ведь это значит, что придется бурить, а у меня нет ни времени, ни денег. Впрочем, я еще выслушаю Блейдена.

Джин кивнула и поднялась.

— Вам пора, Брюс. Бой придет с минуты на минуту, а я не хочу, чтобы вы встретились раньше, чем я с ним поговорю. Буду рада, если вы с ним подружитесь. Он очень хороший человек, хотя подчас с ним бывает трудно. Идите, а то Полин уже заждалась. Всего вам доброго, Брюс.

Продолжение следует

Перевел с английского А. ШАРОВ

ХЭММОНД ИННЕС,
английский писатель

ШАНС НА ВЫИГРЫШ

Роман

Когда Полин открыла дверь гостиницы, гул голосов разом стих и один из сидевших у камина постояльцев шепнул, увидев меня:

— Вот он. Дай ему телеграмму, Хат.

За столом сидели Питер и Макс Треведьены. Блейден возле стойки разговаривал с Маком.

Телеграмма, которую мне вручили, была измята и захватана пальцами. Эчисон снова настаивал на сделке.

В напряженной тишине я скомкал листок, сунул его в карман и двинулся было к лестнице, сопровождаемый взглядами, однако старик, из рук которого я получил депешу, преградил мне дорогу.

— В чем дело?

Он смущенно подергал ус.

— Э... нам бы хотелось знать, продаете вы участок или нет.

Все неотрывно смотрели на меня.

— Так как же?

— Нет,— сказал я.

Кресло Питера Треведьена отлетело в сторону и с грохотом ударилось о стену.

— Вы же обещали все обдумать! — закричал он.

— Я обдумал,— ответил я.— И решил не продавать.

— Почему вы не хотите считаться с другими людьми? — прошипел Треведьен.

— А какого дьявола я должен о них думать?! — взорвался я.— Что они сделали для моего деда? Пронюхав о нефти, они слетелись к нему как воронье и начали наперебой совать деньги, а потом окатили старика дерьмом. Да еще какая-то сволочь отвезла деду экземпляр отчета о результатах последней разведки за день до начала снегопадов!

— Ну и что? — подал голос Джеймс Макклеллан.

— А то,— заорал я,— что человек, сделавший это, повинен в смерти старого Кэмпбела! Если б я знал, кто показал деду отчет...

— И что бы вы тогда сделали? — спросил, поднимаясь на ноги, Макс Треведьен.— Это я отвозил бумаги.

Я тупо уставился на его ухмыляющуюся физиономию.

— Вы с ума сошли...

— А откуда моему брату было знать, что написано в отчете? — сказал Питер Треведьен.— Мы все искренне полагали, что старику хочется знать результат.

— Так это вы подослали к нему своего братца?

— Именно так,— ответил он.

— А как к вам попал второй экземпляр? От Генри Фергюса?

Он молча улыбнулся. Я оглядел лица присутствующих и заметил на них такое же насмешливое выражение. Только сейчас я увидел, что Блейдена больше нет в зале. Почувствовав внезапную боль в сердце, я повернулся и заковы-

---

Продолжение. Начало в № 4.

лял в свою комнату. Здесь я растянулся на кровати и впал в полузабытье, из которого меня вывел стук в дверь.

— Войдите,— пробормотал я.

Бой Блейден нерешительно остановился посреди комнаты.

— Я только что от Джин,— сказал он.— Она говорит, что вы собираетесь поселиться в «Королевстве». А я-то думал, вы просто торгуетесь с ними... Так слушайте. Я предполагаю, что с отчетом нечисто, Льюис Винник что-то напутал.

— Вы лично передали ему сейсмограммы?

— Разумеется, нет. Отправил по почте из Кейтли.

— А туда они как попали?

— По канатной дороге. Макс Треведьен раз в неделю привозил нам все необходимое... Стоп! Ну конечно же. Они просто могли подменить цифры другими! — Бой принялся яростно расхаживать из угла в угол.— Ну вот что: сколько вы можете вложить в буровые работы?

Я засмеялся.

— У меня и есть-то сотни три долларов, не больше.

Блейден оседлал стул.

— Слушайте, Брюс, если я найду деньги и оборудование, вы согласитесь на пятьдесят процентов? Я имею в виду прибыль, которую мы, возможно, получим в результате бурения.

— По-моему, вы опережаете события,— сказал я.— Даже если разведка оказалась обнадеживающей, это еще не значит, что там есть нефть.

Он задумчиво кивнул.

— Вижу, у вас есть голова на плечах. Ладно, тогда сделаем так: завтра я отправляюсь в Калгари и повидаюсь со старым Роджером Фергюсом. Он всегда хорошо ко мне относился, и я попробую его заинтересовать. Итак, вы готовы пожертвовать половиной дохода ради возможности доказать правоту Кэмпбела?

— Разумеется,— ответил я.— Но если ставка на Фергюса ничего не даст, мы останемся лицом к лицу с компанией его сына. Кроме того, старику принадлежат все полезные ископаемые в «Королевстве».

Блейден взялся за ручку двери.

— Предоставьте мне вести переговоры,— сказал он.— А вы при первой возможности отправляйтесь в «Королевство». В одной из моих машин лежат записи о последней разведке. Отправьте их почтой прямо Льюису.

Наутро меня навестила Джин. Мы вышли на улицу, и я посвятил ее в наш с Блейденом план.

Послышался топот ног по деревянному тротуару, и нас догнал Питер Треведьен.

— Куда подевался Блейден? — спросил он Джин.

— Не знаю.

Питер повернулся ко мне.

— Вчера он сообщил вам, почему уезжает?

— Видимо, решил, что это его личное дело,— ответил я.

Треведьен смерил меня недобрым взглядом, промычал что-то нечленораздельное и удалился.

— Всполошились,— сказала Джин и коснулась моей руки.— Будьте осторожны. По вашему виду не скажешь, что вы в состоянии долго боксировать с такими типами, как он.

— Возможно,— ответил я.— А хотелось бы намылить ему шею.

— Знаю,— проговорила Джин.— Бой рассказывал мне о вчерашнем скандале. Повторяю, Брюс, будьте осторожны.

В течение двух дней я следовал ее совету. Тем временем Кризи пробился со своей компанией через участок, разрушенный лавиной, и вечером за столом зашел разговор о пуске канатного подъемника.

В субботу Мак вручил мне телеграмму: «ЦИФРЫ НЕ МОИ НУЖНЫ ДАННЫЕ ИЗ КОРОЛЕВСТВА РОДЖЕР ФЕРГЮС УМЕР ДВА ДНЯ НАЗАД БЛЕЙДЕН».

Итак, Роджера Фергюса больше нет, и это значит, что мы терпим поражение.

К Джин я шел под проливным дождем и порывами крепкого западного ветра. Дверь дома мне открыла мисс Сара Гаррет.

— О, мистер Вэтерел! Входите скорее. Если б вы знали, как нас расстроило известие о кончине бедного Роджера.

— Откуда вы знаете, что он умер? — изумленно спросил я.

— Но вы же получили от Боя телеграмму.

Я пожалел, что забыл предупредить Блейдена насчет связи. Надо будет сказать, чтобы впредь писал письма, а не посылал телеграммы.

Послышалась легкая поступь, и в прихожую вошла Джин.

— Вам, должно быть, уже известно о телеграмме Боя? — спросил я ее.

— Да, миссис Макклеллан была здесь два часа назад и все рассказала. Теперь об этом известно всему Каним-Лейку.

Разговор явно не клеился, и спустя несколько минут я простился с Джин. Когда я, вернувшись в гостиницу, шел по лестнице в свою комнату, на пороге кухни появилась Полин.

— Завтра Джимми собирается ехать на дамбу,— сказала она.— И Бен с ним вместе.

— Передайте им, что я тоже поеду.

Полин одарила меня яркой улыбкой.

— Конечно, передам. Спокойной ночи, Брюс.

Меня подняли с постели в семь часов. Сойдя вниз, я присоединился к завтракавшим за столом мужчинам.

— Значит, и вам пришла охота бросить взгляд на дамбу? — спросил меня старый Мак.— Джимми вас отвезет.

Джеймс залпом допил свой кофе и поднялся.

— Ты готов, Бен? — спросил он.

Кризи кивнул и отодвинул стул, а я отправился к себе, чтобы надеть плащ и сапоги. Машина ждала нас возле барака. Макс Треведьен грузил в кузов бочки с соляркой. Послышалось чавканье грязи, и к нам подошел его брат.

— А вы чего здесь потеряли? — спросил он меня.

— Макклеллан предложил мне съездить на плотину.

— Вот как! — Питер повернулся к Джеймсу и отвел его в сторону.

— Что в этом плохого? — донесся до меня голос молодого человека.

— Пусть добирается своим ходом,— отвечал ему Питер Треведьен.— В мой грузовик он не сядет.

Джеймс с виноватым видом приблизился ко мне.

— Прошу прощения, Вэтерел, но Треведьен говорит, что в машине не хватит места.

— Вы считаете, что Питер имеет право вами командовать?

Молодой человек бросил на меня сердитый взгляд и полез в кабину грузовика, а я побрел назад, в гостиницу.

— Ну, что? — спросил меня Мак.— Решили остаться?

— Треведьен отказался меня везти.

— Да? А у меня для вас новость. Только что со Стопятидесятой мили звонили два ваших приятеля. Они спрашивали, здесь вы или уже уехали.

— Какие еще два приятеля? — удивленно спросил я.

— Джонни Карстерс и Джеф Харт. Обещали заехать после обеда повидать вас.

Я отвернулся и посмотрел в окно. Неужели Джонни и Джеф скоро будут здесь? Если так, то это первое доброе известие за всю неделю.

Замызганный фургон Джефа прикатил в Каним-Лейк поздним вечером. Оказывается, Джеф встретился в Эдмонтоне с Боем Блейденом, поэтому-то они и решили навестить меня.

— Бой узнал, что отчет был фальшивый,— заявил Джонни Карстерс.— Это работа Треведьена. Где он, кстати?

— На подъемнике,— ответил я и, немного испугавшись решительного вида Карстерса, поспешил добавить: — Тут уже ничего не изменишь, Джонни. Оставь его в покое.

— Не изменишь?! Черт возьми, да я с ума схожу от ярости. Ладно, если ты такой добрый, будь по-твоему.

Макклеллан и Кризи приехали, когда уже кончали ужинать.

— Ну, как дела? — спросил Мак сына.

— Порядок,— ответил Джеймс.— Движок работает, тросы в норме.

Он сел за стол, взял вилку и повернулся к Джонни.

— А вы чего ради сюда прикатили?

— Да вот решили с Джефом навестить Брюса. Как я понял, ты отказался сегодня подбросить его до подъемника, верно?

— Весь здешний транспорт принадлежит Питеру Треведьену,— сердито ответил Джеймс.

— Так же, как и ты. И вся эта вонючая дыра. Где сейчас Треведьен?

— В бараке,— ответил за Джеймса Бен Кризи.

— Отлично! — Джонни рванулся к двери. Мы с Джефом встали и хотели было двинуться за ним, но он жестом остановил нас.

— Ждите здесь, ребята. И закажите мне пива: после Треведьена я наверняка захочу промочить горло.

Внезапно он осекся. В дверях, озираясь по сторонам, стоял Питер Треведьен. Джонни подскочил к нему. Видно было, что он кипит от ярости.

— Я специально приехал,— начал Джонни, глядя прямо в глаза Питеру,— чтобы спросить, как ты смел сыграть такую злую шутку со стариком, который не сделал тебе ничего плохого?

— Не пойму, о чем речь.

— Все понимаешь! Знаешь, что ты сделал? Ты убил Стюарта Кэмпбела!

— Не мели чепухи. Я и пальцем старика не трогал, и тебе об этом отлично известно.— Треведьен обшарил взглядом притихшую комнату.— Пойдем-ка лучше ко мне в кабинет, там нам не помешают.

— А у меня ни от кого секретов нет,— отчеканил Джонни, стиснув пальцами свой кожаный ремень.— И бояться мне нечего в отличие от тебя. Это ты готов был наложить в штаны при мысли о том, что старик расскажет газетчикам про твою дамбу.

— Что ты хочешь этим сказать?! — взвился Треведьен.

— Кэмпбел был не дурак. Как ты думаешь, почему он не потребовал компенсации, когда начали строить эту плотину? Просто старик знал, что дамба не выдержит давления воды.

— Как ты смеешь?

— Не прикидывайся, Треведьен. Я говорю о цементе, который привезли по реке на пароходе «Мери Белл». Как-то один судовладелец из Ванкувера ходил со мной в «Королевство» и все нам рассказал, мне и Стюарту.

— Моя фирма лишь подвозила материалы,— отвечал Треведьен.— Остальное было в руках правительства, и оно еще в то время посылало сюда своих инспекторов.

— Естественно, посылало. Только откуда этим инспекторам было знать, что ты возишь цемент, который целый год пролежал под открытым небом на острове Королевы Шарлотты?

— Врешь! — заорал Треведьен.— Весь цемент был из Штатов, из Сиэтла!

— Ну конечно, на строительство военной базы на Аляске ты поставлял материалы высшего качества. И все же один из пароходов был нагружен...

— Ну хватит! Ты хочешь обвинить меня в убийстве Кэмпбела на том основании, что он знал о бракованном цементе для плотины? — Треведьен расхохотался и хлопнул ладонью по ляжке.— Да ты клоун, Джонни! Во-первых, я Кэмпбела не убивал, и об этом известно любому из сидящих здесь. Во-вторых, в дамбе, как видишь, нет ни единой трещины, несмотря на то что цемент, как ты утверждаешь, был подпорчен. Нечего без толку языком трепать и бросать честным людям обвинения, которые способен выдумать только псих, понятно?

Треведьен резко повернулся и, продолжая хохотать, вышел на улицу. Джонни вернулся к столу и допил свое пиво.

— Что это ты ему наплел про плотину? — спросил Джеф.

Внезапно Джонни перестал злиться и, улыбнувшись, проговорил:

— Я вот что думаю: раз Стюарт не противился строительству дамбы, значит, и нам нет смысла поднимать шум. Сейчас я снова пойду к Джин и поговорю с ней, а вы тем временем постарайтесь не очень скучать.

Когда мы остались вдвоем, Джеф сказал:

— Знаешь, Брюс, мне что-то пришла охота взглянуть на эту дамбу. Надо же знать, из-за чего весь сыр-бор, правда? Ты сам-то ее видел?

— Еще нет.

— Ну и чего мы ждем? Сегодня чудная лунная ночь. Поехали? Тем более завтра мы уезжаем.

Колея оказалась куда хуже, чем рассчитывал Джеф, но он ни разу не заикнулся о возвращении. Скоро поросшие лесом склоны остались позади, и свет фар уперся в огромные скалы, над которыми нависла тяжелая черная тень утесов и заснеженных вершин. Мы миновали перевал, спустились на несколько сотен футов и остановились у кубического бетонного строения. Прямо перед нами была бревенчатая платформа, на которой покоилась тяжелая деревянная гондола, подвешенная к тросу толщиной в руку. Джеф осветил его мощным фонарем и повел луч дальше, вдоль склона оползня, до того места, где трос образовывал петлю и подходил вплотную к двум страховочным канатам.

Это подвесное сооружение было связующим звеном между мной и «Королевством». Если б только ухитриться им воспользоваться... Я почувствовал странное волнение и рывком распахнул дверцу кабины.

Мы вошли в бетонную будку. Здесь, несмотря на безветрие, стоял собачий холод. Возле одной из стен громоздилось огромное колесо, приводившее в движение трос и связанное валом с двигателем, накрытым брезентовым чехлом. Щит управления был приклепан к бетонной стене, а на деревянной полке рядом стоял старый армейский полевой телефон. Банки с соляркой хранились в нише за дизелем.

— Сегодня они запускали мотор,— сказал я Джефу.

Он выпрямился и посмотрел на меня из-под нахмуренных бровей.

— Что ты замыслил? — Джеф шагнул вперед и схватил меня за руку.— Не валяй дурака, Брюс. Одному тебе туда нельзя. Вдруг мотор сломается, что тогда?

— Постарайся запустить движок,— настойчиво сказал я.

Я вышел из будки и вскарабкался на деревянную платформу гондолы.

В тот же миг дизель взревел, гондола слегка качнулась и оторвалась от своей подставки. Колеса завертелись с едва слышным скрежетом, и люлька стала покачиваться в разные стороны.

Прямо передо мной выросла залитая молочно-белым сиянием дамба. В самой середине ее бетонной стены зияла брешь, через которую вниз устремлялись сверкающие воды ручья. Гондола поднялась над дамбой вдоль северного склона расщелины и мягко встала на деревянный пьедестал, вплотную примыкавший к такой же бетонной будке, что и внизу.

Вокруг, насколько хватало глаз, простиралась безмолвная страна, лишенная признаков жизни.

Я вошел в бетонную будку. Здесь помещалось только большое стальное колесо, по которому шел ведущий трос, да валялось несколько жестянок со смазкой. На деревянной подставке примостился телефонный аппарат. Подняв трубку, я покрутил рукоятку и услышал голос Джефа:

— Все в порядке, Брюс?

Да, все хорошо. Хижины отсюда не видать. Возможно, она на северной стороне, а там скала закрывает обзор. Я тебе позвоню, когда соберусь спускаться.

— Ладно, только не задерживайся.

Я полез вверх по усеянному валунами склону одной из скал. С вершины открывался вид на все пространство «Королевства». Пейзаж мог бы показаться неземным, если б не маленькие, наполовину вросшие в снег строения, видневшиеся слева, у подножий низких утесов, окружавших долину с севера.

Я с трудом добрался до этих домишек, укрылся под бревенчатой стеной и ощупью отыскал дверь. Она сразу же подалась, и я ввалился внутрь хижины.

Холод здесь стоял могильный. В слабом свете зажигалки глазам моим предстала призрачная комната, которая, казалось, кишит тенями. Стены были сложены из бревен, а потолок и пол обиты сосновыми досками. На столе стояла лампада. В ней плескалось масло, и я запалил фитилек, чтобы более основательно осмотреть внутреннее убранство комнаты.

Большую часть жилого пространства занимала кирпичная печь, похожая на камин, в которой валялись обгорелые сосновые головешки и груды золы. Почти вся мебель была самодельной. Дверь рядом вела в кухню, а в дальнем конце комнаты помещался вход в спальню. Тут и там в беспорядке валялись одежда и обувь — тяжелые лыжные ботинки, старые джинсы, фуфайка и рваная шапка.

Возле печи лежала груда сосновых поленьев, перенесенных сюда Джонни Карстерсом и его товарищами по последней экспедиции. Я разжег огонь, сбросил промокшую одежду и, зайдя в спальню, облачился в рубаху, джин-

сы и меховую безрукавку деда. Закурив, я вернулся к столу. То, что я искал, оказалось в нижнем ящике — скатанные в трубочку карты, схемы и тетрадь в кожаной обложке. В сейсмограммах я ничего не смыслил, а посему просто сунул их обратно в стол и раскрыл тетрадку.

Все записи были сделаны чернилами. Начинался дневник так: «3 марта. Сегодня во время моего визита к Люку Треведьену мне сообщили, что многочисленные лавины привели к образованию большого оползня в русле Громового ручья. Целую неделю после этого велись работы по спасению погребенных в шахте горняков, но, несмотря на все усилия, ни один человек не был извлечен из-под завала.

11 марта. Снег стаял, и мне удалось прорваться в долину Громового ручья. Вся передняя часть долины исчезла с лица земли, а вместо нее образовалась черная отвесная стена. Потрясенный, я спустился к ручью, чтобы утолить жажду, и вдруг заметил на береговых камнях вязкую бурую жидкость. Вода ручья была темной и густой и хотя журчала, перекатывая маленькие осколки скал, журчание это было тихим и глухим. Рассмотрев ее и попробовав на ощупь, я понял, что в ручье много нефти. Я не мог определить ее процентное содержание в воде, но вязкая масса на камнях, несомненно, представляла собой чистую нефть. Это было самое крупное просачивание, какое мне доводилось наблюдать. Я попытался подняться к началу нефтяного потока, но тут пошел снег, а затем обрушился камнепад, от которого мне едва удалось спастись.

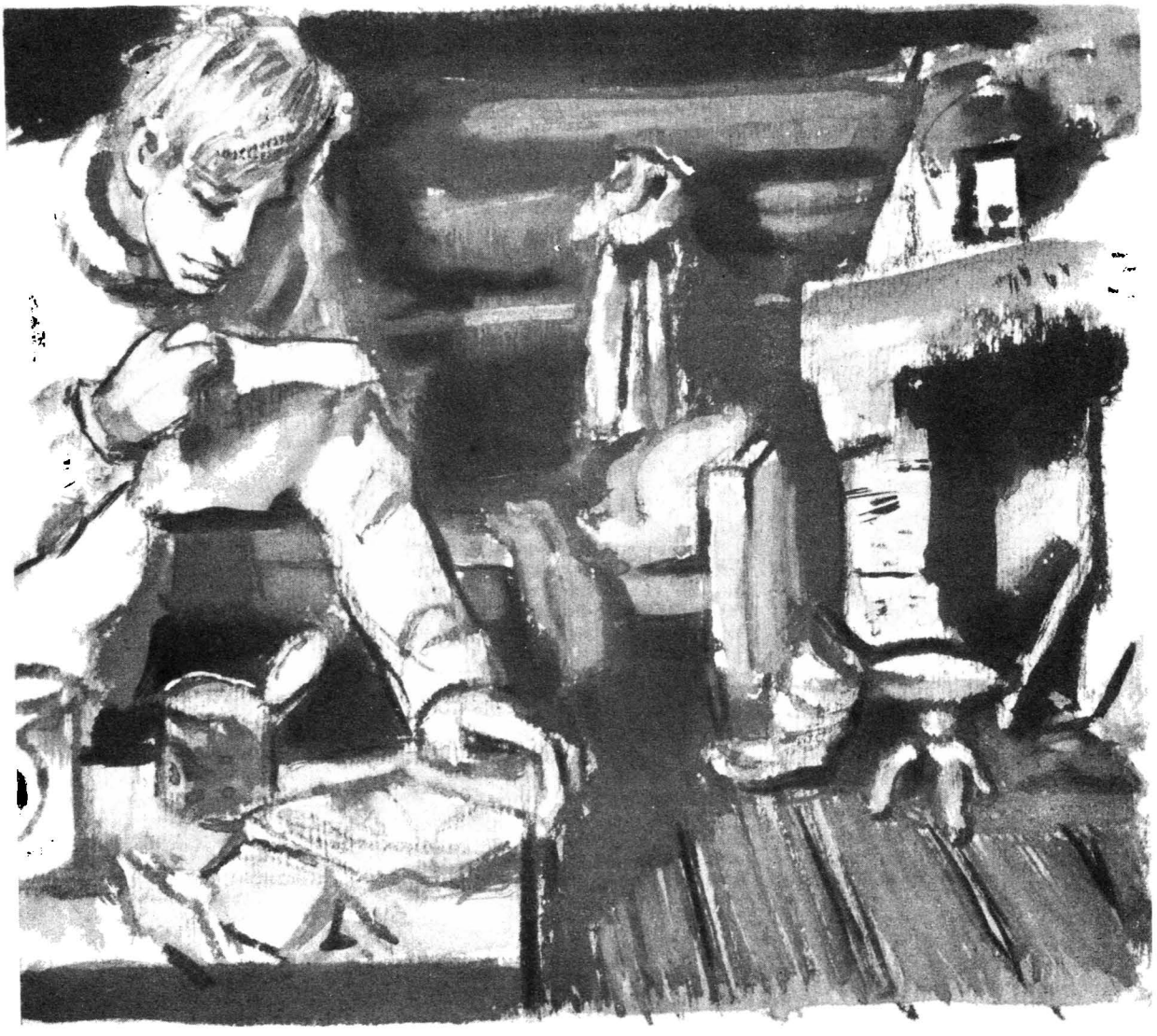
13 марта. Весь день валил снег, и я едва дождался затишья, чтобы отвести Люка Треведьена на то место, где видел нефть. Сегодня мы смогли туда пробиться, но, к сожалению, прошли новые лавины, и весь участок был погребен под грудами камня. Никаких следов просачивания нефти обнаружить не удалось, несмотря на тщательное исследование русла ручья в тех местах, где осмотр был возможен. Лишь с большим трудом смог я убедить своих спутников в том, что два дня назад действительно видел здесь нефть...»

Того, что я прочел, оказалось достаточно, чтобы избавиться от последних сомнений. Знакомство с остальными записями можно было и отложить. Я отыскал в кухне круглую жестянку с чаем, соленые хлебцы и тушенку, поел, потом вернулся в комнату и лег на одеяла перед камином.

Я не уснул, а скорее впал в забытье. Один раз я поднялся и подбросил в очаг поленьев, потом снова лег, а когда очнулся, дрова уже прогорели и в хижину успел просочиться пронизывающий холод. Сквозь покрытые узором из инея окна пробивались первые робкие рассветные лучи.

После торопливого завтрака я почувствовал себя лучше и вышел, чтобы оглядеть окрестности. Окна хижины смотрели на юг, а сараи были пристроены к ее боковым стенам. В одном из них стояли грузовики Блейдена, и я без труда отыскал записи о последней разведке. Сунув коробки с бумагами в карман и захватив кое-какой снеди для томящегося внизу Джефа, я двинулся в обратный путь. Местами снег был очень глубок, и я основательно выбился из сил к тому моменту, когда вошел в бетонную будку. Взял трубку и повернул рукоятку. Ответа не было. Наконец после бесчисленных попыток связаться с Джефом в трубке послышался слабый голос:

Рисунки Г. ФИЛИППОВСКОГО



— Алло, алло, это ты, Брюс?

— Ну разумеется. Подъемник работает?

— Слава богу, ты цел и невредим. Тут со мной Джонни, сейчас он за тобой поднимется.

Через десять минут гондола ткнулась днищем в бревенчатый пьедестал, и из нее выскочил Джонни.

Мы быстро спустились вниз. Здесь я заметил, что машина Джефа исчезла, а на ее месте стоит один из грузовиков транспортной конторы. Мне пришлось опереться на плечо Джонни, чтобы вылезти из клети: едва расставшись с «Королевством», я почувствовал слабость и озноб. Рев дизеля в бункере затих, и на пороге появился разъяренный Питер Треведьен.

— Похоже, придется ставить тут замки,— злобно сказал он.

— Помолчи, Треведьен. Не видишь разве, парень с ног валится.— Голос Джонни звучал глухо и как бы издалека. Секунду спустя я лишился чувств.

Когда пришел в себя, смеркалось. У окна с журналом в руках сидел Джонни. Услышав, что я пошевелился, он поднял голову.

— Ну, как ты? Порядок?

Я кивнул и сел. Давно уже не чувствовал я себя так хорошо, как сейчас. Появилось даже давно забытое ощущение голода.

Джонни достал сигарету, сунул ее мне в рот, поднес горящую спичку и проговорил:

— Бой приехал. С ним какой-то ирландец по имени Гарри Кио. Говорят, он берет подряды на бурение. Звонил Эчисон. Завтра пожалует собственной персоной. Так, вроде больше новостей нет, если не считать того, что Треведьен чуть не рехнулся от ярости, когда узнал, что ты был в «Королевстве». Да, совсем забыл, тебе письмо.

Он полез в карман и вытащил тяжелый толстый конверт, запечатанный воском. На письме стояли штемпели Калгари.

— Опять небось Эчисон,— проговорил я.— С новым предложением. Похоже, его так и не научили слову «нет».

Я бросил конверт на стол.

— Знаешь,— заметил Джонни,— мне кажется, «Королевство» неплохо на тебя подействовало.

Я кивнул.

В комнату вошел Бой Блейден. Лицо его напоминало физиономию школьника, которому не терпится выложить радостную весть. Боя сопровождал плечистый мужчина с покрытым шрамами лицом.

— Знакомься, Брюс, это Гарри Кио,— сказал Бой.— Гарри не прочь попытать счастья вместе с нами.

— Это правда? — спросил я буровика.— Однако права на разведку недр принадлежат не мне. Они перешли к Генри Фергюсу.

Гарри повернулся к Бою.

— Чего ж ты молчал?

Блейден удивленно вскинул брови.

— Но ведь Винник говорит, что старый Роджер отказался от этих прав,— произнес он.— На другой день после вашей с ним встречи он послал за Льюисом и велел ему помогать тебе чем можно, да еще бесплатно. Ты не получал от старика вестей?

Я покачал головой.

— А от его душеприказчиков?

— Нет. Мне пришло только одно письмо.— Я взял со стола конверт. Внутри лежала пачка документов и записка на бланке канадского Национального банка: «В соответствии с указаниями нашего клиента, мистера Роджера Фергюса,— говорилось в ней,— возвращаем Вам все долговые расписки «Нефтеразведочной компании Кэмпбела» и сообщаем, что права на эксплуатацию и добычу полезных ископаемых, принадлежавшие ранее Роджеру Фергюсу, передаются по его воле в Ваши руки».

Вместе с запиской в конверте были подписанные и проштампованные карты Скалистых гор с указанием координат «Королевства».

Комок подкатил мне к горлу, и я бросил быстрый взгляд на Боя и Гарри Кио.

— Ну, Вэтерел,— спросил Гарри,— будем бурить?

— Да,— пробормотал я.

Кио потеребил пальцами нижнюю губу и изучающе посмотрел на меня.

— Бой говорил что-то о пятидесяти процентах,— произнес он.

— Да, верно,— согласился я.— Единственное мое условие — никаких претензий в случае неудачи.

Гарри вытаращил глаза.

— Я ищу нефть двадцать лет,— сказал он,— но таких предложений еще не слыхивал. Мечта буровика,— добавил он, обращаясь к Бою.— Но ты, Бой, отправишься в «Королевство» и еще раз все исследуешь, ладно?

Тот кивнул.

— Потом я сам приеду туда, чтобы осмотреться на месте. Скажу вам честно, Вэтерел: у меня есть деньги на два месяца работы, не больше. Но если прогноз подтвердится, будем считать, что мы договорились.

— Прекрасно,— сказал я.

— Тогда порядок,— он усмехнулся.— Пошли обмоем сделку?

— Нет, спасибо,— отказался я. Гарри и Бой вышли из комнаты.

Я снова лег. Дело завертелось, и теперь меня заботило только одно: хватит ли сил осуществить задуманное? Завтра должен был приехать Эчисон и, возможно, Генри Фергюс. Как только они узнают, что у меня на уме...

В дверь постучали, и вошла Джин.

— Ну, как наш инвалид? — осведомилась она, ставя на стол поднос.— Джонни сказал, что вы изголодались, вот я и принесла кое-что вкусненькое.

Она отошла к окну и взглянула на меня издалека.

— Весь город только и говорит, что вы собрались бурить скважину.

— Вы же этого и хотели, не так ли?

— Да, но если Генри Фергюс решит продолжать свою стройку, вам не миновать беды.

— Посмотрим.

— Вы в состоянии понять, что за махина вам противостоит? — спросила Джин.

— Думаете, мне угрожает опасность?

— Не знаю. Но если с вами произойдет несчастный случай, это многим будет на руку.

— Что вы хотите этим сказать?

— Только одно: вы действуете слишком грубо. Как вы намерены поднимать в «Королевство» буровую установку? Треведьен сегодня же поставит сторожей у канатной дороги и не даст вам даже подвезти оборудование. Впрочем, представим себе, что вы протащили в горы вышку. Думаете, Питер оставит вас в покое? Нет, Генри Фергюса и компанию вам не одолеть, и вы это знаете.

— Что же мне, по-вашему, делать?

— Продать участок и отправиться домой.

— Однако, когда мы познакомились, вы держались другого мнения...

— Ну, тогда-то я считала вас совсем чужим, и мне было все равно, что с вами случится.

— Что же изменилось?

— Не знаю.— Джин протянула мне руку.— До свидания, Брюс. Завтра я уезжаю на побережье, пора переменить обстановку, а то Каним-Лейк начинает действовать мне на нервы.

— Я вам надоел?

— Не в этом дело. Я страшно устала, вот и все. Если будете в Ванкувере... Впрочем, адрес я оставлю у сестер Гаррет. Прощайте, Брюс.— Ее пальцы коснулись моих с неожиданной нежностью. Мгновение спустя я остался один.

Наутро я отправился навестить Джин, но оказалось, что она уже уехала в Кейтли вместе с Максом Треведьеном и Гарри Кио.

— Она случайно не оставила мне записку? — спросил я мисс Гаррет.

— Только свой ванкуверский адрес,— ответила старушка, подавая мне клочок бумаги и изучая мое лицо сквозь стекла лорнета.— Зачем вы ее отпустили?

— То есть? — Я был совершенно сбит с толку.— Да и как я мог бы ее удержать?

— Джин убежала. Она боится за вас!

— Понятно.— Я вздохнул и повернулся, чтобы уйти.

— Прошу вас.— Мисс Гаррет протянула мне маленькую шкатулку.— А я, признаться, про нее и забыла. Джин дала мне это вчера вечером.

— И что она сказала? — насторожился я.

— Ничего, просто велела передать шкатулку вам. Ключ в замке.— Старушка так старательно отводила глаза, что я понял: она открывала шкатулку и знает о ее содержимом. Мисс Сара неожиданно приблизилась ко мне и прошептала:

— Поезжайте в Ванкувер, мистер Вэтерел.

— Простите, мисс Гаррет,— виновато сказал я.— В Ванкувер я не поеду.

Я вышел из дома на деревянный тротуар, сжимая в руках шкатулку. Джонни и Джеф как раз собирались уезжать и суетились на улице возле автомобиля. Я подошел и спросил, не видели ли они Блейдена.

— Он уехал в горы,— ответил Джонни.— Слушай, Брюс, ты отдаешь себе отчет, за какое дело берешься?

— Надеюсь.

— Стало быть, тебе все равно, жить или умереть? Конечно, тебя ничем не проймешь.— Он пожевал спичку и выплюнул ее на снег.— Ладно, если мы тебе понадобимся, звони Джефу.

Он сжал мою ладонь.

— Спасибо, Джонни.

— Не за что.

Минуту спустя они уже катили по скользкой колее к озеру.

Опустевший салун произвел на меня угнетающее впечатление. Друзья уехали, и теперь мне оставалось только терпеливо дожидаться Эчисона. Я поднялся в свою комнату, открыл шкатулку Джин и увидел черный «люгер». На стволе пистолета было семь выпиленных зарубок, а над ними красовалось имя владельца: Пол Мортон.

Пол Мортон! Так звали компаньона моего деда, который прибрал к рукам весь капитал и бросил старого Кэмпбела в беде. Неужели пистолет принадлежал ему? Я заглянул в коробку, но никакой записки там не было. Интересно, каким образом это оружие попало в руки Джин?

Послышался стук в дверь, и я молниеносным движением сунул «люгер» под подушку.

— Войдите.

— Вас хотят видеть два джентльмена,— объявила Полин.

Эчисон! Я незаметно положил револьвер в задний карман брюк и улыбнулся, потому что этот жест получился как бы сам собой. Недаром, выходит, я два года таскался по Сахаре с точно таким же «люгером». Странное дело, оружие придало мне храбрости и уверенности в себе, хотя глупо было полагать, что предстоящие переговоры могут кончиться пальбой. Не знаю, чем это объяснить, но, оказавшись лицом к лицу с Эчисоном и Генри Фергюсом, я едва удержался от смеха.

Высокий сутуловатый Генри Фергюс с ходу взял быка за рога.

— Сколько вы хотите, Вэтерел?

— Я не продаю.

— Что здесь делал этот буровик? — спросил Эчисон.

— Любовался природой,—ответил я.

— Я вынужден напомнить вам, что у вас нет права бурить скважины в «Королевстве»,— сказал Эчисон.— Теперь, когда отец мистера Фергюса скончался...

— О чьих интересах вы печетесь, Эчисон? — спросил я.— О моих? Или Фергюса?

— Я забочусь о вас обоих.

— Ложь,— отчеканил я,— Генри Фергюс еще год назад требовал завершения строительства дамбы, однако его отец настоял, чтобы прежде в «Королевстве» провели нефтеразведку, поэтому стройку заморозили. Вы с самого начала против меня, Эчисон. Что же касается прав на полезные ископаемые, то об этом советую справиться в Национальном банке.

— Что вы хотите этим сказать? — спросил Генри Фергюс.

Вместо ответа я протянул ему записку, полученную накануне, и Фергюс внимательно прочел ее. Ни один мускул не дрогнул на его лице.

— Как это вам удалось? — всполошился Эчисон.— Что вы посулили старику? Слушайте, Генри, я думаю, мы можем подвергнуть сомнению законность этой бумаги.

— Оставьте нас вдвоем,— прорычал Фергюс. Эчисон в ярости вскочил и выбежал вон.

— А вы умнее, чем полагал этот пустомеля,— произнес Генри.— Давайте играть в открытую, Вэтерел. Мне нужна дешевая электроэнергия, чтобы пустить в ход рудники Ларсена. Поэтому я буду продолжать строительство, и через пять месяцев «Королевство» превратится в большое озеро. У вас есть два выхода: либо принять мое предложение, либо идти в арбитраж. Я согласен заплатить шестьдесят тысяч долларов.

— Нет,— сказал я,— лучше пойдемте в арбитраж. И если там, наверху, есть нефть...

— Вы сможете доказать это, только пробурив скважину.

— Что я как раз и планирую.

Генри улыбнулся.

— Ну так знайте, что оборудование вы туда не завезете. Уж об этом я позабочусь.

С этими словами Генри встал и вышел из комнаты. Руки мои нервно сжали край стола, по телу побежал холодный пот. А минуту спустя в баре появился старый Мак и без предисловий объявил, что мое дальнейшее пребывание в гостинице невозможно. Делать было нечего. Сражение разгорелось, и противник не стеснялся в средствах. Я молча поднялся и отправился паковать чемоданы.

Через два дня мы с Боем были в Калгари. Льюис Винник на основании подлинных данных дал очень обнадеживающий прогноз, но при этом добавил, что не помешало бы взорвать в «Королевстве» еще десяток динамитных шашек. Так, на всякий случай.

Бой немедленно телеграфировал Гарри Кио и отправился в Эдмонтон собирать своих парней. Он намеревался подняться в горы по старой тропе индейцев и провести еще один цикл исследований. По его подсчетам, на это должно было уйти около месяца.

Неотложные дела вынудили меня остаться в Калгари. По моему требованию контора Эчисона выдала все документы. Понадобилась целая неделя, чтобы найти честных и компетентных юристов, согласившихся вести дела нашей компании. Одновременно я прилежно изучал теорию бурового ремесла, в чем мне изо всех сил помогал маленький, очкастый, постоянно чем-то расстроенный Льюис Винник.

К исходу недели моя болезнь напомнила о себе, да так, что я на несколько дней залег в постель. Врачи пытались упечь меня в больницу, но я отказался наотрез и лежал в гостинице, с тоской вспоминая чистый и колючий холодный воздух Скалистых гор. Чувствуя, что конец приближается, я мечтал угомониться там, высоко в горах, в хрустальной чаше «Королевства».

Семь дней спустя мы с Винником забрались в его машину и двинулись через Эдмонтон на Джаспер. Льюис любил быструю езду, и к половине четвертого вечера мы уже миновали подножие гор. В Джаспере нас ждали Джонни и Джеф. Услыхав от Винника о моем недавнем недомогании, Джонни велел мне немедленно ехать в «Королевство» и сидеть там, раз уж горы так благотворно на меня действуют. Джонни взял с меня клятву, что, если противник попытается выкурить меня из дома деда, я тут же дам знать.

На другой день мы без приключений прибыли в Каним-Лейк. Здесь мне моментально стало лучше. Сердцебиение не прекращалось, но силы, как по волшебству, начали возвращаться ко мне.

Миновав городок, мы углубились в ущелье Громового ручья. Я предупредил Винника, что воспользоваться подъемником нам не дадут, но он только отмахнулся, сказав, что Генри Фергюс — его клиент и личный друг. Однако, проехав с милю по руслу ручья, мы были вынуждены остановиться перед наспех сооруженными здесь железными воротами. У дороги виднелась маленькая жестяная кабинка с дымящей трубой. Как только мы затормозили, на улицу вышел человек, за спиной которого виднелся ствол ружья.

— Пропуск, пожалуйста,— произнес страж — плотный коротышка, жующий резинку.

Таких предосторожностей не ожидал даже я, не говоря уж о Виннике.

— Я друг Генри Фергюса,— пробормотал мой возмущенный спутник.

— Не знаю я никакого Фергюса,— отвечал постовой.— Тут Треведьен командует. Гоните пропуск или убирайтесь.

Винник еще раз окинул яростным взором стража у ворот, потом развернул машину, и мы покатили назад в долину.

— Придется искать Треведьена,— процедил Льюис.

— От него нам тоже ничего не добиться.

В Каним-Лейке, подъезжая к конторе Питера Треведьена, мы увидели, как тот садится в грузовик и отъезжает

в сторону Громового ручья. Я не смог удержаться от смеха: узнав, что я вернулся в Каним-Лейк, этот тип принялся устраивать часовым проверки.

Макс Треведьен был дома.

— Привет,— сказал я, входя. Треведьен разинул от удивления рот и испуганно посмотрел на черный силуэт барака за окном.

— Все в порядке,— успокоил я его.— Ваш братец уехал проверять посты.

Макс прикрыл дверь и настороженно уставился мне в лицо. Я молча обвел взглядом некогда очень уютную, но покрывавшуюся толстым слоем пыли комнату.

— Что вам угодно? — Громоподобный голос Треведьена приглушали гниющие обои на стенах.

— Слушайте, Макс, не согласитесь ли вы отвезти меня в «Королевство»?

Он медленно покачал головой:

— Нет, Брюс. Питер меня со свету сживет.

— Вы знаете, что я был в Калгари?

Он кивнул.

— Так вот, я чуть не умер там. У меня мало времени, Макс, а дело предстоит серьезное. И важное для нас обоих. Вдруг нефть есть? Тогда получается, что вы совершили вдвойне подлый поступок, отвезя Кэмпбелу фальшивый отчет. Лучше бы вы размозжили ему камнем череп.

Лицо Треведьена залилось краской. Он хотел было что-то сказать, но я повернулся и направился к двери.

— Мы будем у входа в долину Громового ручья,— произнес я с порога.— Нам понадобятся две оседланные лошади. О Питере не беспокойтесь, он уехал.

...Мы уже полчаса просидели в автомобиле у въезда в долину, и я начинал подумывать о возвращении, когда услышал цокот копыт на каменной тропе. Секунду спустя из-за скалы появился Макс. Он вел трех лошадей, две из которых были под седлом. Спешившись, Макс помог нам забраться на коней и подогнал стремена. Потом он снова вскочил в седло и молча двинулся по тропе в горы, держа за поводья вьючную лошадь. Мы продрались сквозь низкий колючий бурьян, миновали несколько глубоких луж и наконец перебрались через тугой холодный поток. За ручьем начинался ельник и склон горы. Подъем был не очень крутой, но мы все же делали остановки, чтобы дать лошадям отдых. Никто не разговаривал.

Солнце уже садилось, когда мы пересекли наконец седловину, и далеко внизу перед нашими глазами раскинулась громадная чаша «Королевства». Снег почти сошел, тут и там пробивались лоскутья свежей и сочной изумрудной зелени, исчерченные серебряной паутинкой ручьев. Справа виднелось ранчо Кэмпбела, а ближе к дамбе стояли два грузовика, от которых к амбарам тянулись едва заметные колеи.

Я повернулся к Максу и протянул руку.

— Спасибо за помощь. Дорогу назад мы сами найдем, можете возвращаться.

Макс задумчиво посмотрел на возвышавшуюся над нашими головами гору, прижал колени к бокам лошади и молча двинулся вниз по тропе.

— Как быть с лошадьми? — крикнул я ему вслед.

— Приедете в Каним-Лейк, тогда и заберу,— ответил Макс.— А пока пусть пасутся.

Мы въехали в «Королевство», любуясь розовевшими в лучах заката снежными пиками, и двинулись к двум грузовикам, стоявшим поодаль. Мгновение спустя послышался страшный грохот: Бой взорвал очередную динамитную шашку, чтобы записать на свой геофон новые данные. Этот взрыв, прокатившийся мощным эхом по горам, показался мне приветственным салютом...

Бой не скрывал возбуждения, лица двух его помощников сияли улыбками. Блейден взял с собой двух молоденьких пареньков, Билла Мэнниона и Дона Леггерта. Дон специализировался на бурении, а Билл занимался изысканиями на поверхности. Вместе с Боем эти двое ребят провели работу, которая под силу разве что специальной геофизической экспедиции.

После завтрака Льюис отвел меня в сторону.

— Теперь мы знаем, что здесь наверняка есть нефть,— сказал он тихо.— Самое время подумать о продаже участка какой-нибудь крупной компании.

— Ни за что,— ответил я, обводя взглядом горы вокруг.

— Дело хозяйское,— согласился Винник.— И все же предупреждаю: Генри Фергюс вогнал в дамбу столько средств, что уже не может остановиться.

— Сколь далеко он может зайти? — спросил я.

Винник пожал плечами.

— Берегись! Генри Фергюс не из тех, кто бросает доллары на ветер.

Ночью я написал Кио письмо, в котором сообщил о результатах разведки, предлагая тайно собрать бригаду и приехать в долину Громового ручья к двум часам ночи во вторник. Письмо я запечатал и на другой день отправил с Винником.

Поутру Бой со своими парнями продолжали разведку. Когда я подъехал к ним, ребята сверлили в скале очередное гнездо для динамитной шашки. Маленький бур повизгивал и скрежетал, вгрызаясь в гранит.

— Они уже начали! — крикнул мне Бой, махнув рукой в сторону плотины.

Повернувшись, я увидел, что по бетонной стене снуют люди, а у верхнего бункера подъемника суетится группа рабочих, вытаскивая из гондолы мешки с цементом. На утесе я приметил крупную мешковатую фигуру Питера Треведьена, который смотрел на меня в бинокль.

— Обязательно было начинать взрывы на этой стороне? — спросил я Боя.

— А почему бы и нет? Они так или иначе пронюхают, чем мы занимаемся. Пусть уж сейчас.

Я снова перевел взгляд на дамбу. Гондола опять ползла вверх по тросу; на сей раз она везла два самосвала и связку рельсов. В следующую минуту внимание мое привлекла какая-то странная конструкция, торчавшая из земли на полпути между дамбой и тем местом, где мы стояли. Это была даже и не конструкция, а непонятная мешанина колес, балок и гнилых еловых бревен. Неподалеку валялись котел и бесформенная куча железок.

— Что там такое? — спросил я Боя.

— Разве тебе не говорили? Это же первая скважина Кэмпбела.

— Правда? Слушай, Бой, до какого уровня они дошли?

— Тысячи четыре, наверное.

Я молча уставился на этот изъеденный ржавчиной памятник. Как мерзко, должно быть, чувствовал себя старик, когда понял, что его затея обречена. Еще бы, угробить всю жизнь и в итоге не суметь покрыть какую-то там тысячу футов, отделявшую его бур от нефти! С тяжким вздохом я повернул коня и медленно поехал назад, в сторону ранчо.

После полудня мы с Боем сели на коней и поехали по индейской тропе к Громовому ручью. Когда мы переправились через него и подъехали к тому месту, где два дня назад Винник оставлял машину, было уже почти темно. Мы спешились и присели на поваленное дерево. Дорога то и дело озарялась фарами грузовиков, направлявшихся к подъемнику. Мы покурили, потом завернулись в одеяла и улеглись прямо на голую землю. Было ужасно холодно, но мне все-таки удалось задремать.

Впрочем, ненадолго. Скоро я почувствовал, как Бой трясет меня за плечо, и услышал его взволнованный голос:

— Брюс, Брюс, скоро два часа.

Я поднялся и подошел к обочине дороги, укрывшись в маленькой рощице. Снова блеснули фары — очередной грузовик с ревом проехал мимо нас. Скоро его красные фонари скрылись за стеной деревьев, а шум мотора постепенно замер вдали. Наступила тишина, нарушаемая лишь лепетом ветра в кронах елей да шуршанием воды, бегущей по склонам.

Через час, когда тьма начала потихоньку отступать под натиском рассвета, мы услышали надсадный вой дизеля. Едва завидев автомобиль, Бой вылетел на дорогу и принялся размахивать руками. Машина остановилась.

— Немного опоздал,— громко сказал Гарри Кио, выбираясь из кабины,— менял шину. С чего вдруг такая конспирация?

Бой сделал ему знак замолчать и прислушался. С той стороны, откуда приехал Гарри, доносился приглушенный рокот мотора.

— Грузовик? — спросил Бой.

— Да, я обогнал его милях в шести отсюда.

— Быстро! — Бой прыгнул в машину и втащил Гарри за руль.— Трогай!

Они съехали с дороги и отогнали автомобиль на полянку, где паслись наши лошади. Потушив фары, мы закурили и стали ждать.

— К чему такая таинственность? — поинтересовался ирландец.

Моя попытка объяснить ему, что к чему, не имела успеха. Думаю, Гарри понял бы меня лучше, если б Треведьен возглавлял какую-нибудь конкурирующую группу буровиков, а не стройку плотины, которая в представлении Кио была мелким и никому не нужным делом.

— Послушайте, а почему бы вам с Питером не пойти на мировую? — спросил он, когда я замолчал.— Ведь нам в любом случае понадобится подъемник, или вы хотите везти буровую вышку на вьючной лошади?

— Это мы обсудим потом,— не приняв шутки, ответил я.— Сперва ты осмотришь место и решишь, берешься за дело или нет.

На рассвете мы завалили машину еловыми ветками и верхом отправились в «Хорстлевство». Весь следующий день Гарри провел вместе с Боем, выбирая место для буровой и прикидывая шансы на успех. После ужина мы заварили кофе покрепче и уселись совещаться.

— Значит, на глубине четырех тысяч футов нас поджидает базальтовый пласт? — спросил Гарри Блейдена.

— Похоже, что так, — отвечал Бой.— Именно этот базальт остановил Кэмпбела.

— Нефть, если она есть, залегает на пяти-шести тысячах футов,— продолжал буровик.— Строение недр в глубине нам неизвестно. По сути дела, мы пойдем на ощупь. Мы страшно рискуем. Все осложняется еще и недоступностью участка. Как ты собираешься доставлять сюда буровую, Брюс?

— Подъемником,— отвечал я.

Но ты же сам говоришь, что в долине хозяйничает Треведьен. Дорога и подъемник в его руках, и то и другое охраняется. Как же ты рассчитываешь воспользоваться всем этим?

— Я думаю, один раз нам это удастся.

— Понятно,— Гарри усмехнулся.— Значит, ты собираешься идти войной? Я, конечно, не могу тебя винить, но учти, что мне надо думать и о своем оборудовании.

Разве оно не застраховано?

Застраховано, однако компания может отказать в уплате, если станет известно, что я нарушил закон. Да и каким образом вывозить буровую после того, как все кончится?

— Если забьет фонтан, ничего вывозить не придется. А в случае провала Треведьен только рад будет от нас избавиться.

— Это логично,— согласился Гарри.— А трос выдержит? Вышка — штука нелегкая.

Как ты думаешь, Бой? — спросил я Блейдена.— Ты же поднимал свои грузовики.

Не беспокойся, Гарри,— ответил Бой.— Трос рассчитан на большие тяжести.

Хорошо, но как же все-таки подступиться к подъемнику? Как я понял, дорога под охраной, нижняя опора кабеля — тоже. У меня будет пять или шесть грузовиков. Нет, Брюс, такая операция нам не по зубам. Поначалу нужно будет два бензовоза и две машины труб, кроме того, запчасти, инструменты. Да, шесть грузовиков, не меньше. Значит, подъемник мы займем часов на пять. Как ты это организуешь, хотел бы я знать?

Я и сам еще не знаю. Точнее, думаю, что знаю, но подробного плана у меня пока нет.

Мы сели за расчеты. Получалось, что подъемник понадобится нам семь раз. Кроме того, между подъемами и спусками нам предстояло в пожарном порядке загружать машины. На все это в общей сложности уходило около пяти часов. Мы не могли позволить себе роскошь что-либо забыть — завладеть подъемником во второй раз будет невозможно. Наверху мы окажемся отрезанными от всего мира, уж об этом-то Треведьен позаботится.

На другой день мы простились с Гарри Кио.

Если все будет в порядке, ждите меня недели через три,— сказал он, пожимая мне руку.— Ты уверен, что сумеешь устроить все с подъемником?

— У меня нет другого выхода,— ответил я.— В случае неудачи придется продавать участок, чтобы покрыть твои расходы.

Продолжение следует

Перевел с английского А. ШАРОВ

ХЭММОНД ИННЕС,
английский писатель

ШАНС НА ВЫИГРЫШ

Роман

— Мы просто валяем дурака,— сказал Бой три дня спустя.

— Почему? — поинтересовался я.

Там, в лагере, около ста человек. Даже один грузовик сюда не поднимешь, не говоря уж о семи. Что ты задумал?

Я заколебался, но в конце концов решил пока помолчать.

— Всему свое время, Бой.

Нет, Брюс, ничего у тебя не выйдет. У них там слишком четко отлаженная система.

Стало быть, придется ее разладить.

Блейден вытаращил глаза.

— Иногда я жалею, что не могу прочесть твои мысли. Бывают моменты, когда ты кажешься мне инопланетянином: есть в тебе что-то не от мира сего.

Я только улыбнулся.

Тринадцатого мая Бой уехал в Калгари с готовыми записями. Я передал с ним для Гарри Кио письмо, в котором говорилось, что ему надлежит приехать в поселок Сто пятидесятая миля не позднее пятого июня и ждать там связи со мной. Послал я весточку и Виннику. Льюис должен был передать Кио подписанный отчет и соответствующим образом настроить общественное мнение в Калгари на случай, если дело дойдет до судебных тяжб.

— С каждым днем задержки наши шансы падают,— сказал я, прощаясь с Боем.

— Знаю,— ответил он.

— Не забудь телефон.

— Это как-то связано с твоим планом?

Без телефона мы пропали.

— Хорошо, не забуду.

Простившись с Боем, я вернулся в «Королевство». Делать было особенно нечего, и следующие два дня я провел, набираясь сил и мысленно проигрывая каждый эпизод задуманного мною сценария. На четвертый день мы с Биллом Мэннионом, одним из буровиков, на лошадях отправились в Каним-Лейк. В рюкзаке, притороченном к моему седлу, лежало несколько динамитных шашек из запасов Боя, снабженных детонаторами.

Как только мы въехали в Каним-Лейк, я почувствовал, что здесь происходят серьезные перемены: народу на улицах здорово прибавилось.

Поскольку время близилось к полудню, в «Золотом тельце» собралась небольшая компания любителей пива. В основном это были старики, которые разглядывали нас с любопытством. Мак сидел тут же, за стойкой.

— Что, наскучило «Королевство»? — спросил он меня.

— Ничуть не бывало. Просто приехал узнать, нет для меня какой почты.

— Есть одна телеграмма.

Депеша была от Боя, который сообщал, что наши надежды подтвердились, и обещал быть в Каним-Лейке во вторник. Из телеграммы я узнал, что Гарри тоже в боевой готовности.

— Где мне найти Питера Треведьена? — спросил я Мака.

— Либо в конторе, либо у подъемника. Он там теперь целыми днями торчит.

— Бывает, что он остается в лагере на ночь?

— Нет, к вечеру всегда возвращается.

— Прекрасно,— сказал я и повернулся к двери, но Мак жестом остановил меня.

— Тут вами недавно Джин Люкас интересовалась,— проговорил он.

— Джин?! Она что, вернулась?

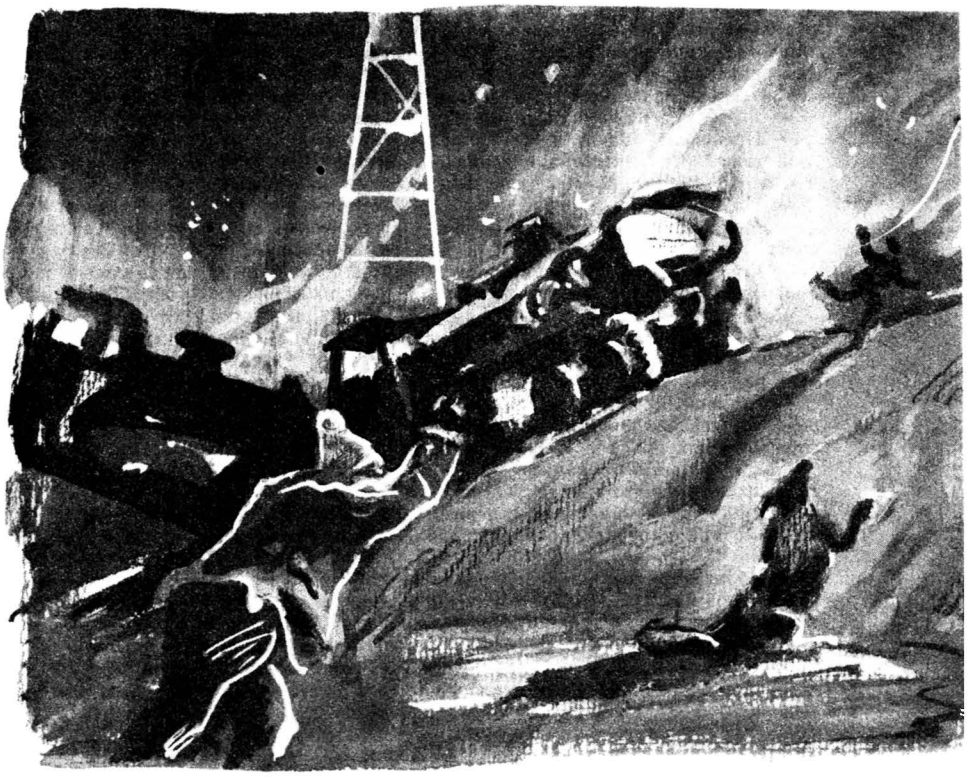
— Позавчера приехала. Сара Гаррет говорит, что бедняжка на себя непохожа, хоть и отдыхала у моря.

Боясь, что по выражению моего лица старик поймет, что со мной творится, я повернулся и, не прощаясь, выбежал на залитую солнцем улицу.

— Теперь куда? — спросил меня Билл.

— К Треведьену,— ответил я, вскакивая в седло и направляя лошадь в сторону барака.

В кабинете Питера тоже произошли разительные перемены. Прежде всего он стал больше, потому что владелец сломал заднюю стену. Сейчас тут изрядно прибавилось шкафов и папок, появился полевой телефон и еще один стол, за которым сидел новый сотрудник — долговязый юнец в джинсах и высоких ковбойских сапогах.



Продолжение. Начало в № 4, 5.

Завидев меня, Треведьен кивком указал на стул и немедленно прервал оживленный телефонный разговор. Он даже не пытался скрыть изумления по поводу моего прихода.

— Так, чем могу служить? — осторожно спросил он.— Видимо, Блейден хочет спустить вниз свои грузовики, да?

— Скорее наоборот,— ответил я.— Надо поднять еще несколько машин.

— Что-о? — Треведьен прищурился, будто ему в глаза неожиданно ударил луч света.

— Сколько стоит один рейс?

— Это зависит от груза,— взвешивая каждое слово, ответил он.— Что у вас, продукты?

— Нет, буровая установка.

— Ну и ну! Да за кого вы меня принимаете, Вэтерел? По долине Громового ручья никто никаких буровых не повезет.

Я повернулся к Биллу:

— Запомни это, ладно? Слушайте, Треведьен, дорога вдоль ручья идет по вашей территории. Подъемник тоже принадлежит вам и Джеймсу Макклеллану, все это мне известно. Следовательно, и деньги за перевозку вы тоже делите пополам. Единолично вы не можете решать, что везти, а что нет. Будьте любезны назвать цену.

— Цену?! Да вы с ума сошли. Для вас, Вэтерел, никаких цен нет и не будет, как бы там ни отнесся к этому Макклеллан. Можете везти свой бур по индейской тропе.— Он рассмеялся.— Это я вам разрешаю, причем бесплатно. Правда, тропа тоже частично идет по моей земле, но не будем мелочиться.

— Понятно.— Я поднялся и направился к двери.— Кстати, Треведьен,— добавил я с порога,— дорогу по ручью строило канадское правительство. То обстоятельство, что вы недавно ремонтировали ее, не меняет дела. Это Фергюс приказал вам препятствовать движению частного транспорта в долине?

— Я работаю на компанию Ларсена.

— Прекрасно. Значит, и на Фергюса.

Я вышел от Треведьена и вернулся в «Золотой телец». Мак все еще сидел у себя в закутке возле бара.

— Можно от вас позвонить? — спросил я.

— Конечно.— Он пододвинул ко мне аппарат.

Я поднял трубку, заказал междугородный разговор и дал телефонистке номер «Калгари трибьюн». Через полчаса редактор был на проводе.

— Вы видели последний отчет Винника о разведке в «Королевстве»? — спросил я его.

— Да,— ответил редактор.— Кроме того, приходил некто Блейден. Он поведал нам ту грязную историю с первым отчетом. Мы напечатали ее два дня назад.

Я поблагодарил и рассказал редактору о происках Треведьена. Выслушав меня, он произнес:

— Хорошо, мистер Вэтерел, из этого может получиться материальчик что надо. Нам и раньше случалось поддерживать одиночек. Справедливость иногда должна торжествовать даже здесь.

— Значит, мы можем на вас рассчитывать?

— Разумеется. Кстати, как же вы намерены поднимать в горы буровую установку?

— Что-нибудь придумаю.

— Хорошо, только не переусердствуйте. Мы не можем защищать людей, которые нарушают закон.

— Я и не нарушаю. Это Треведьен с Фергюсом плевать хотели на закон.

— Тогда порядок. Удачи вам, мистер Вэтерел, и, если у вас ударит фонтан, сразу же дайте нам знать. И еще я хотел бы послать к вам своего человека, чтобы он осмотрелся на месте. Идет?

— Что за вопрос! Спасибо.

Я положил трубку.

— Значит, будете бурить? — полюбопытствовал Мак.

Я кивнул.

— Только без глупостей, парень,— предостерег он меня.

— Если увидите Джин, скажите, что у нас есть вакансия повара,— попросил я. Мак хитро улыбнулся и обещал передать все слово в слово.

Под палящим солнцем мы двинулись к озеру. Его спокойная темная поверхность отражала зеленые, коричневые и белоснежные вершины вокруг. Скалистые горы встречали лето.

— Ты собираешься дожидаться Боя здесь? — спросил меня Билл.

— Да, остановимся у ручья.

Мы нашли подходящее место, перекусили и часика два подремали, потом снова сели на коней и двинулись к лагерю строителей. Доехав до поворота, за которым стояли шлагбаум и будка сторожа, мы углубились в подлесок и вернулись на дорогу только полумилей выше того места, где сидел охранник. Я то и дело задирал голову, чтобы осмотреть телефонные провода, свисавшие с голых сосновых стволов. Тут протянули всего две линии, до которых можно было добраться, став на кабину грузовика. Дальше мы поехали до крутого поворота дороги, огибавшей большой черный выступ утеса. Этот выступ и нависавшую над дорогой скалу я запомнил еще тогда, когда только начинал составлять свой план. Теперь оставалось выяснить, есть ли поблизости то, что мне нужно. Скалу на повороте когда-то взрывали, и это вселяло надежду. С бьющимся сердцем подъехал я к черной каменной стене и стал жадно обшаривать ее глазами.

— Что ты высматриваешь, Брюс? — спросил мой спутник.

— Шурфы,— ответил я.

За время поисков нам дважды пришлось скрываться в подлеске и пропустить грузовики. Но вот я наконец обнаружил то, что искал — круглое отверстие, похожее на гнездо береговой ласточки. В десяти футах от него виднелось еще одно. Я снял рюкзак и затолкал в каждый шурф по две динамитные шашки, укоротив контактные провода с таким расчетом, чтобы они торчали из скалы всего на два дюйма. Потом мы накрепко забили шурфы мокрой землей, отметили место еловой веткой и поскакали дальше.

Через полмили дорога вновь резко устремлялась вниз. Строители только что закончили работы на этом участке. Ельник был срублен, и образовавшаяся поляна представляла собой прекрасную стоянку для десятка грузовиков. Через бурный ручей был перекинут короткий бревенчатый мостик. Здесь я снова вытащил динамитные шашки и привязал их к сваям моста, протянув шнуры к дороге. Это место я тоже пометил еловой веткой.

— Все, Билл,— сказал я.— Теперь порядок.

Страшная усталость не могла заглушить чувства удовлетворения, которое я испытывал. Пока что все идет хорошо. Как-то будет дальше? Я немного побаивался, что выпущу джинна из бутылки. Обстоятельства по моей вине могли сложиться так, что я уже не смогу контролировать их. Я планировал операцию, близкую по условиям к тем, что мне приходилось проводить во время войны, и главным моим козырем, а точнее сказать, единственным, была внезапность.

Около двух часов следующего дня приехал Бой и привез с собой номер «Калгари трибьюн», две полосы которого были полностью посвящены «Королевству». Но самым добрым известием для меня оказалось сообщение о том, что Гарри уже сидит со своими парнями на Стопятидесятой миле и готов тронуться в путь тотчас после моего звонка.

Я с тревогой взглянул на сгущавшиеся тучи и спросил:

— Какая ожидается погода?

— Должно быть, дождик,— ответил Билл.

— Скорее уж снег,— произнес Бой, покачав головой.

— Ты телефон привез?

Бой подошел к своей лошади и вытащил из вьюка аппарат.

— Зачем он тебе, Брюс?

— Чтобы поднять в «Королевство» Гарри со всеми его манатками. Сколько времени нужно ему на дорогу со Стопятидесятой мили?

— Шесть-семь часов. При сильном снегопаде можно и застрять где-нибудь.

— Это неизбежный риск.

Мы поехали вниз по шоссе, мимо поворота на Каним-Лейк, пока не добрались до развилки, от которой в подлесок уходила просека. Телефонные провода здесь лежали прямо на ветвях. Поставив Билла и Боя следить за дорогой, я проворно вскарабкался на ель. Подключиться к линии не составило большого труда. Правда, пришлось ждать, пока Треведьен заканчивал разговор. Как только он положил трубку, я позвонил на ближайшую телефонную подстанцию и соединился со Стопятидесятой милей. Гарри был в полной готовности.

— Отлично,— похвалил я его.— Ты сможешь прибыть к ручью за полчаса до полуночи?

— Спрашиваешь!

— Раньше приезжать нет смысла. Жду тебя ровно в одиннадцать тридцать. Учти, все расписано по секундам. Сколько на твоих часах?

— Двадцать восемь минут третьего.

— Хорошо,— я перевел свои на две минуты.— Слушай меня внимательно, Гарри. На подходе к месту встречи все машины, кроме головной, должны погасить фары. Не давай колонне растягиваться. Мы будем ждать тебя на опушке, там, где начинается ельник. Ты все понял?

— Конечно.

— Тогда до вечера.

— Постой, Брюс, что ты замыслил?

— Сейчас не время об этом,— быстро сказал я.— Встретимся в половине двенадцатого, до свидания.

Я снял провода и слез на землю.

— Где это ты научился подключаться к чужим телефонам? — спросил Бой.

— На фронте и не такому научишься.

На обратном пути к лагерю Бой мрачно молчал и украдкой бросал на меня встревоженные взгляды. Во время ужина он попытался было снова выведать мои планы, однако я продолжал упорно отшучиваться, поглядывая при этом на циферблат часов. По мере того как стрелки медленно приближались к условленному часу, росла и моя тревога.

Ночь была темная, без звезд, в долине шуршал холодный ветер. Без двадцати одиннадцать я встал и подошел к Бою.

— Ну, где твой снег?

— Погоди,— ответил он.— Сейчас начнется. Вот, пожалуйста.

Я почувствовал легкое прохладное прикосновение снежинок к щекам и снова посмотрел на часы. Десять сорок пять.

— Билл,— позвал я.

— Слушаю.

— Садись на лошадь и скачи к повороту перед шлагбаумом. Спрячь коня в подлеске, а сам найди местечко, откуда хорошо видна будка охранника. Запоминай: ровно в четверть двенадцатого сторожу позвонят по телефону. После разговора он должен немедленно отправиться пешком в сторону подъемника. Если в двадцать пять двенадцатого он еще не покинет свою будку, шпорь лошадь и мчись к нам.

— А если покинет?

— Тогда дождись, пока он не уберется подальше, и открой шлагбаум и ворота. Потом следуй за охранником, но так, чтобы он не заметил. Милей дальше ты увидишь тропу, которая ведет к скалистому обрыву. Сторож должен свернуть на нее, потому что это кратчайший путь. Ты останешься на развилке и дождешься нас. Если охранник пойдет по тропе, засеки время, во сколько он убрался с главной дороги. Как только встретишь нас, сразу же скачи обратно сюда, забери оставшихся лошадей и езжай по тропе индейцев в сторону «Королевства». Если к моменту твоего приезда на ранчо нас еще там не будет, ты снова спустишься с лошадьми на это самое место. Все понятно?

Билл повторил наставления, сверил свои часы с моими и, вскочив на коня, скрылся в подлеске.

— Ну, что дальше? — спросил меня Бой.

— Дальше будем ждать,— ответил я и взглянул на циферблат. Следующие пять минут растянулись для меня в вечность. Наконец стрелки показали одиннадцать ночи, и я поднялся.

— Пошли, Бой.

По дороге мимо нас прошмыгнул одиночный грузовик. В свете его фар я успел заметить, что ельник уже покрылся тонким белым пушком. Снег валил плотным занавесом, и скалы, черневшие в просветах между деревьями, были едва различимы.

Через минуту я снова забрался на ель, подключил провода к линии и стал ждать, не сводя глаз со стрелок часов. Ровно в четверть двенадцатого я поднял трубку и крутанул рукоятку. После короткой паузы в наушниках раздался хриплый голос, заглушаемый треском:

— Пост в долине!

Я отвел микрофон подальше от губ и заревел:

— Треведьен на проводе! Мне только что сообщили о лавинах в двух милях выше по дороге. Отправляйтесь туда и узнайте, в чем дело. Вы ближе всех к тому месту. Срежьте угол, там есть короткий путь по тропе. Немедленно доложите, когда что-нибудь выясните.

Я опустил трубку и, дрожа от волнения, привалился к холодному стволу ели.

— Ты слезешь или так там и останешься? — крикнул Бой.

— Останусь,— вяло ответил я и снова взялся за трубку. Линия молчала. Видимо, сторож не осмелился звонить Треведьену и требовать разъяснений. Я взглянул на часы. Одиннадцать двадцать три. Охранник, должно быть, уже далеко от своей будки. Я вытащил из кармана кусачки и перерезал оба провода неподалеку от места соединения с моими. После этого я упрятал аппарат в мешок и слез на землю.

— Снял часового? — осведомился Бой.

— Думаю, да. Если через пять минут Билл не вернется, будем знать наверняка.

Тьма сгустилась. Мягко шурша, снег устилал тропу, ветер покачивал верхушки елей. Внезапно Бой схватил меня за руку, и я услыхал монотонный рокот. Звук приближался, и скоро в белой пелене засиял одинокий желтый луч. Взглянув на часы, я выбежал на дорогу. Было ровно одиннадцать тридцать.

Огромный грузовик выполз из-за снежной завесы и остановился возле нас.

— Гарри, Гарри, это ты? — закричал я.

— Я, кто ж еще,— Кио высунулся из кабины и помахал рукой.— Что делать дальше, Брюс?

Я знаком велел Бою лезть в кабину и вскочил на подножку.

— Поехали!

— Э, нет, постой. Я не двинусь с места, пока не узнаю, что у тебя на уме,— сказал Гарри.

— Не будь идиотом! — гаркнул я.— Мы убрали сторожа. Каждая секунда задержки...— Я глубоко вздохнул и постарался снова взять себя в руки.— Мой план расписан по секундам, и мы уже отстали на полминуты от графика. По твоей милости, между прочим. Если ты не сможешь нагнать эти потерянные мгновения, все пропало. Стоило ли вообще переться сюда со Стопятидесятой мили, чтобы так бездарно провалить операцию? Не упрямься, Гарри, второй возможности не будет.

После секундного колебания Гарри махнул шоферу рукой, и тяжелый грузовик тронулся, набирая ход.

Миновав поворот, мы увидели, что ворота распахнуты, а в будке сторожа никого нет. Дальше дорога круто пошла вверх. Я посмотрел на часы: одиннадцать тридцать шесть. Охранник, должно быть, уже на тропе. Впереди замаячила фигура всадника в белом от снега одеянии, и я дал шоферу знак тормозить.

— Брюс? — раздался во тьме голос Билла.— Все в порядке!

— Молодец, Билли! Встретимся в «Королевстве»!

Я повернулся к Гарри.

— Высадишь меня через минуту, а сам поедешь дальше. Прямо за мостом будет удобное место для стоянки. Припаркуй грузовики за деревьями, кабинами к дороге. Фары погаси. Не курите и не разговаривайте. Последнюю машину я пригоню сам, понятно?

Гарри кивнул и усмехнулся.

— Хочешь звякнуть еще одному приятелю?

— Угадал.

Натужно гудя, грузовик прошел крутой вираж под нависшей скалой и покатил вниз. Спрыгнув с подножки, я подождал, пока со мной поравнялась последняя машина, и крикнул шоферу:

— Выключай мотор! Мы будем замыкающими, остальные подождут нас милей дальше.

Я вытащил из рюкзака взрывную машинку, вставил в нее батарейки, перекинул через плечо моток проводов и включил фонарик.

— Вернусь через пять минут,— сказал я шоферу.

Я подошел к стене утеса и принялся обшаривать ее лучом фонаря, разыскивая свою еловую ветку. Ее запорошило снегом, но все же проводки я нашел без особого труда. Подключив к ним свои шнуры, я двинулся в обратный путь, разматывая провод, потом остановился, подсоединил взрывную машинку и, проверив контакт, повернул рукоятку.

Ночную тишь разорвал грохот, с деревьев полетели снежные шапки, камень величиной с человеческую голову врезался в сугроб совсем рядом со мной. Вся передняя часть утеса рухнула на дорогу и, перекатившись через колею, с треском полетела в пропасть. Путь был перекрыт. Я удовлетворенно хмыкнул, смотал провода и вернулся к грузовику.

— Что это было? — ошарашенно спросил шофер.

— Забаррикадировал дорогу позади колонны, только и всего. Ты можешь подогнать грузовик поближе к телефонным проводам?

Я вытащил из рюкзака аппарат, подключился к линии и начал накручивать рукоятку. Наконец в трубке послышался голос:

— Батлер, рабочий лагерь. Что стряслось? Я уже сто раз пытался вам дозвониться...

— Слушай, Батлер! — заорал я, отводя микрофон от губ.— Произошел несчастный случай!

— Понял. Это вы, мистер Треведьен?

— Да. Случился страшный камнепад и оползень, отвалился край утеса. Один из наших грузовиков попал под обвал. Ты меня слышишь?

— Да, сэр.

— Сколько у тебя там народу?

— Пятьдесят три человека.

— А машин?

— Пять.

— Хорошо. Собери всех людей, дай им лопаты и кирки, сажай на грузовики и отправляй к завалу. Сам тоже поезжай. К завтрашнему утру дорога должна быть расчищена. Возьми всех своих людей, всех до единого. Положение чрезвычайное, сам понимаешь.

— Откуда вы звоните, мистер Треведьен? — в голосе Батлера звучало сомнение.

— Приступай, черт тебя дери! Чтобы через полчаса все были внизу. Я со своими людьми буду пробиваться с другой стороны...

Тут я сорвал провода и вытер со лба испарину. Теперь все зависело от того, сколь велико влияние Треведьена на этого парня.

Я забрался в кабину и устало откинулся на спинку сиденья.

— Порядок,— пробормотал я.— Давай догонять остальных.

— Что это за грохот был? — спросил меня Гарри, когда мы загнали бензовоз на стоянку рядом с другими машинами.

— Небольшой оползень,— буркнул я.

— Оползень? Ты что, взорвал дорогу?

— Вроде того.

— Но это же уголовное преступление, парень!

— Это еще надо доказать.

— Эх, зря я не заставил тебя заранее выложить планы.

— Времени не было. К тому же я предупреждал Треведьена, что дорога построена за счет канадской казны. А он рассмеялся мне в лицо.

— Что дальше? — спросил, подбегая, Бой. Голос его звучал так, будто ничего особенного не случилось. Блейден всегда все отлично понимал, и это мне больше всего в нем нравилось.

— Будем ждать, пока вся компания не спустится к завалу,— сказал я.

— После чего взорвем к чертям и сам лагерь,— язвительно сказал Гарри.

— Нет,— ответил я,— всего лишь маленький мостик. А сейчас отдыхайте, ночь будет не из легких.

Спустя полчаса мимо нас из лагеря с ревом промчались три грузовика. Мы продолжали ждать, но оставшихся двух машин все не было и не было. Наконец я вылез из кабины и подошел к Гарри.

— Будем рисковать,— сказал я.— Поезжай вперед и остановись через милю. Как только мост взлетит на воздух, я сяду к тебе в машину, понял?

Один за другим грузовики выехали на дорогу и растянулись в колонну. Я ехал в самом последнем. Удалившись от моста на сотню ярдов, мы остановились, и я бегом вернулся назад, чтобы подсоединить провода. На сей раз взрыв получился куда громче. Мост превратился в груду поломанных бревен. Глубина ручья под ним составляла не больше двух футов, поэтому, даже если автомобиль, не успев затормозить, провалится сквозь изуродованный настил, вряд ли кто-либо пострадает.

Нагнав колонну, я пересел в головной грузовик. Без двадцати час мы уже въезжали в лагерь строителей.

— Думаешь, они все поехали вниз, к завалу? — спросил меня Гарри.

— Не знаю,— ответил я,— но хочу надеяться.

Мы проехали почти весь лагерь, когда посреди дороги вдруг появился человек. Он отчаянно размахивал руками, требуя остановить колонну. По моим ногам и рукам разлился предательский холодок. Похоже, что-то сорвалось. На дорогу выбежали еще несколько человек. Едва мы остановили колонну, рабочие обступили нас плотным кольцом.

Я высунулся из кабины и направил в лица толпившихся вокруг людей мощный луч фонаря.

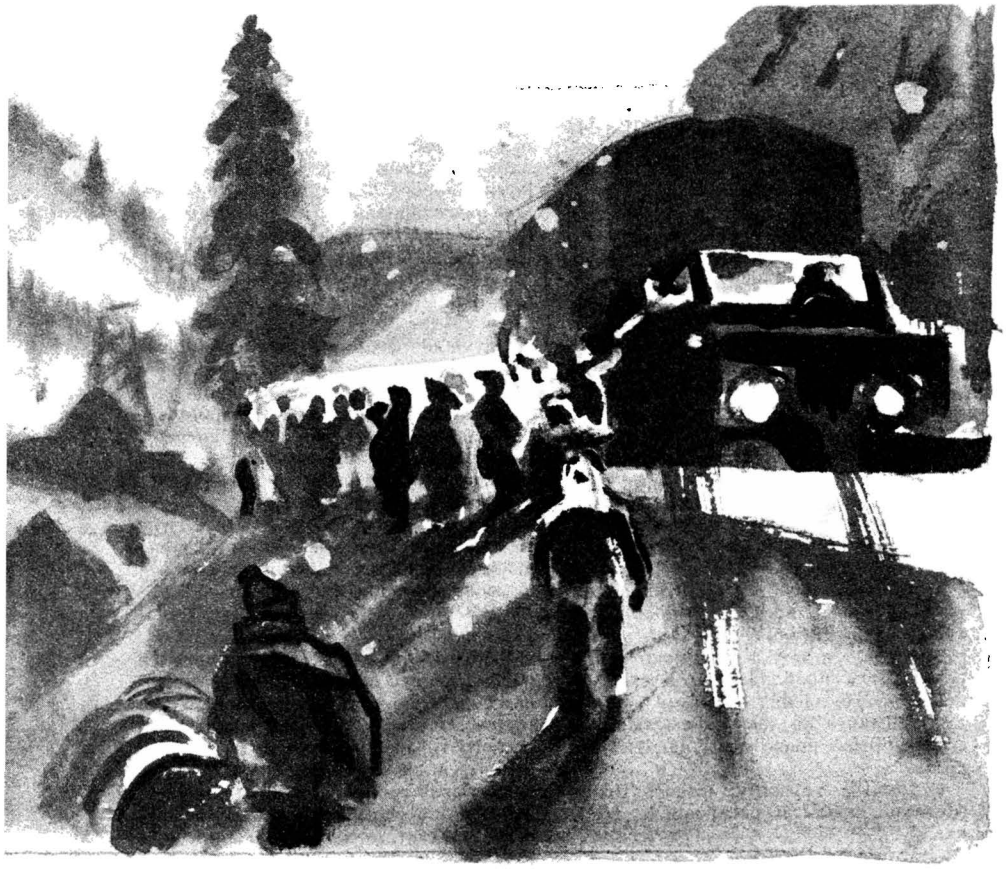
— Что вы здесь делаете? — закричал я.— Разве вам не передали приказ Треведьена? Там, внизу, каждая пара рук на счету, завал страшенный, дорога разбита, а вы тут прохлаждаетесь?

Вперед выступил здоровенный детина со сломанным носом.

— Мы только вчера прибыли и ничего еще не знаем,— сказал он.— В чем дело?

— Да? — пробормотал я.— Значит, новички? Тогда слушайте меня внима-

Рисунки Г. ФИЛИППОВСКОГО



тельно. Собирайтесь и езжайте вниз по дороге. Это приказ Треведьена.

— А чего ж вы сами там не остались? — спросил верзила.

— Нам надо было освободить дорогу для спасателей,— не растерялся я.— Кроме того, наше оборудование к утру должно быть поднято наверх и смонтировано. На подъемнике есть кто-нибудь?

— А я почем знаю? Мы же тут второй день.

— Тем более вам надо хорошо себя показать. Треведьен не любит, когда его команды выполняются из-под палки!

Рабочие начали разбредаться по хижинам, и я подал шоферу знак ехать дальше, в ту сторону, где мерцал сквозь ельник яркий свет гирлянды мощных дуговых ламп. Как только мы приблизились, из нижнего бункера подъемника вышел человек с винтовкой за плечами и потребовал у меня пропуск.

— Не валяй дурака, парень! — мысленно кляня его последними словами, закричал я.— Треведьен командует расчисткой завала, ему сейчас не до пропусков. Ты умеешь обращаться с движком?

Он замотал головой.

— Мне запрещено.

— Да ты что, рехнулся?! Положение чрезвычайное. Слыхал, что стряслось?

— Не-ет...

Я склонился к его уху и доверительно зашептал:

— Ладно, слушай! В основании дамбы образовалась трещина. Полагают, что произошел сдвиг горных пород под утесом. Нам приказано пробурить скважину и выяснить состав этих пород, причем как можно быстрее.

Охранник заколебался.

— Подожди здесь,— сказал он и затрусил к бункеру. Через открытую дверь я видел, как страж неистово накручивает рукоятку телефона.

— Что же теперь будет? — спросил, подходя, Гарри.

— Все в порядке,— ответил я.

— Только без грубостей,— предупредил он меня.— Мы уже нанесли им убытков не меньше, чем на десять тысяч.

Из бункера вышел растерянный охранник.

— Телефон не отвечает,— объявил он.

— А ты как думал? — зашипел я.— Провода придавило обвалом. Наверняка линия порвана.

Тут к нам снова подошел верзила со сломанным носом.

— В грузовиках нет ключей,— сказал он мне.— Как быть? Может, вы дадите нам одну свою машину?

Рисковать грузовиком мне не хотелось, но хоть как-то нейтрализовать их было необходимо. И тут меня осенило.

— Кто-нибудь из вас знает, как работает подъемник?

Один из сопровождавших верзилу рабочих сделал шаг вперед.

— Я знаю, мне вчера показывали.

— Хорошо. Идите в бункер и беритесь за дело. А вы,— я повернулся к остальным,— поможете нам с погрузкой. Гарри, заводи первую машину на платформу! Бой, ты поднимешься туда и будешь руководить разгрузкой. Сделай все возможное, чтобы не терять время попусту. Есть среди вас повар?— дивясь собственной наглости, обратился я к окружившим меня людям.

Из толпы вышел маленький китаец.

— Отлично. Смогли бы вы за пару часов организовать нам горячую еду?

Китаец кивнул.

— Тогда приступайте!

Я повернулся и вошел в бункер. Рабочий, вызвавшийся мне помочь, уже суетился возле мотора. Секунду спустя раздался рев дизеля, и я понял, что самое трудное позади.

В половине третьего утра повар принес котелки с густой похлебкой и бутерброды с ветчиной. К этому времени наверху были уже два грузовика. Снегопад не прекращался.

В четыре утра приступили к погрузке последней машины. Нервы мои были на пределе.

Мы с Гарри вышли из бункера и сели в кабину бензовоза рядом с шофером. Водитель тут же дал газ, загнал машину в гондолу, а потом я услышал чей-то крик и в следующее мгновение почувствовал, что мы уже в воздухе.

— Вот будет потеха, если нас сейчас застукают и остановят мотор, а?— сказал Гарри.

Мимо бокового окна проплыла черная тень верхней опоры, и мы зависли над обрывом. Еще минуты через две ход гондолы резко замедлился, и после легкого толчка она остановилась совсем. К нам тут же подбежали несколько человек, а шофер включил зажигание и фары. Медленно выкатившись из гондолы, бензовоз остановился на краю маленькой площадки, с которой открывался вид на дамбу. Я открыл дверцу и спустился на землю.

— Вот мы и дома. С прибытием,— донесся до меня голос Боя.

Это было последнее, что я слышал. В следующее мгновение колени мои подогнулись, голова пошла кругом, и я растянулся на усыпанных снегом камнях, потеряв сознание...

Придя в себя, я увидел склонившегося надо мной Боя. Он смеялся и говорил что-то про буровую. Кажется, обещал установить вышку еще до темноты. Утром я выбрался из постели и отправился к намеченному для бурения месту. Вышку уже подняли и сейчас крепили тяги на стальных плитах платформы.

Солнце пригревало, и снег начал таять. Посмотрев на дамбу, я подумал, что пора бы уже Треведьену вихрем ворваться в наш лагерь и учинить скандал, однако все было тихо. Казалось, противник забыл о нашем существовании.

— Придется выставить дозорных,— пробормотал я.

Бой отер лицо от пота.

— Твой пистолет у меня,— сказал он.— Кроме того, у нас четыре ружья.

Я кивнул.

— Следующий ход за противником.

Затишье это было мне не по нутру. Не такой человек Треведьен, чтобы безропотно сносить оплеухи. Однако минуло три дня, а неприятель все никак не желал встречаться с нами лицом к лицу. Казалось, никому нет до нас дела.

Во вторник Гарри начал бурение, и мы гурьбой высыпали на площадку посмотреть, как рождается новая скважина Кэмпбела. За считанные минуты головка бура с натужным визгом ушла в твердый грунт. Первые дюймы были пройдены.

Я вернулся на ранчо и стал чистить картошку к ужину. Спустя полчаса снаружи послышался торопливый топот, дверь распахнулась, и огромный темно-рыжий колли с веселым лаем бросился мне на плечи. Сразу же узнав Мозеса, я в страшном волнении выскочил на улицу и увидел его хозяйку. Джин приближалась к ранчо, погоняя свою низкорослую лошадь.

— Мак сказал, что вам тут нужна кухарка,— бесцветным голосом произнесла она, подъехав.

— Да,— туповато ответил я, ибо это было единственное, что пришло мне на ум.

— Надеюсь, мне удастся оправдать доверие.— Джин медленно спешилась, сняла с седла вьюк и несмело пошла в мою сторону. В дверях она остановилась, и мы несколько минут молча смотрели друг на друга.

— Почему вы приехали? — спросил я наконец.

— Не знаю... просто не могла иначе. Смотрите, что я вам привезла.— Она протянула пухлый конверт.— А теперь позвольте мне переодеться.

Я отступил в сторону, и Джин прошла в хижину. Оставшись в одиночестве, я повертел в руках конверт и обнаружил на нем лондонские штемпели. Внутри лежала пачка машинописных страниц и газетные статьи, посвященные судебному процессу над моим дедом. Поставив лошадку Джин в конюшню, я принялся за чтение. Одно место в показаниях Стюарта Кэмпбела потрясло меня. Вот оно:

«Адвокат. Почему вы ни с того ни с сего прекратили бурение в тринадцатом году?

Кэмпбел. Мы дошли до вулканических пород, а поскольку в нашем распоряжении был только кабельный бур, пришлось остановиться.

Адвокат. На какой глубине?

Кэмпбел. Приблизительно пять тысяч шестьсот футов».

Я откинулся в кресле и прикрыл глаза. Пять шестьсот. Невероятно! Ведь согласно нашим геофизическим исследованиям нефть располагается на глубине пяти с половиной тысяч футов. Выходит, мы ошибочно приняли вулканический слой за нефтяной пласт? Возможно ли? И почему в дневниках старика об этом не было ни единого слова? Может, он специально не написал об этих вулканических породах,

потому что боялся отбить у меня охоту продолжать начатое им дело? Ну да теперь уж поздно давать задний ход, решил я и швырнул бумаги на стол.

Вечером сияли звезды и было почти тепло. На буровой работала вторая смена. Мы с Джин пошли туда, болтая о пустяках, всячески избегая разговоров на личные темы. Наконец после короткого молчания я не выдержал и спросил:

— Вам не понравилось в Ванкувере?

— Трудно сказать.— Она пожала плечами.— Вроде и развлечений хватало: танцы, яхта и прочая чушь. Только вот не впрок пошло. Видимо, я отвыкла отдыхать по-настоящему.

— Поэтому и вернулись в Каним-Лейк?

— Скорее потому, что это единственное место, которое я могу назвать домом. Кроме того...— Она умолкла и несколько минут угрюмо брела за мной.— Слушайте, Брюс, вам обязательно надо было давать Питеру такую пощечину?

— Иначе я не смог бы поднять сюда буровую.

Мы подошли к вышке и стали смотреть, как бур дюйм за дюймом уходит в почву.

— Сколько вы проходите в час? — спросил я Билла Мэнниона, стоявшего рядом с бригадиром смены.

— Восемь футов.

— Значит, до нефти мы доберемся не раньше, чем через месяц?

— Если удастся сохранить нынешние темпы, то да.

Мы пробыли у вышки до конца смены. Лавочка закрывалась в полночь, а уже четыре часа спустя начинался новый рабочий день. Караул несли мы с Боем: ночь он, ночь я. Мозес был при нас в качестве сторожевого пса.

Вскоре мы привыкли к такому порядку. Июнь уступил место июлю, и с каждым днем наша скважина углублялась почти на двести футов. За все время мы еще ни разу не слышали о Треведьене.

Работы на дамбе шли круглые сутки. Однажды ночью мы съездили посмотреть, как там дела. В том месте, где участок Кэмпбела граничил с землей Треведьена, теперь стояло заграждение из колючей проволоки, а у подъемника и на дамбе околачивались вооруженные часовые с собаками. Все было тихо и спокойно, однако меня ни на минуту не оставляло мрачное предчувствие надвигающейся беды. Скорее всего Треведьен просто ждет удобного случая, чтобы подложить нам свинью. Джин тоже понимала это: нередко я замечал, как она подолгу неподвижно стоит, с тревогой глядя в сторону плотины.

И вот гром грянул. Произошло это четвертого июля. Утром Бой повез в Калгари образцы пород. Погода выдалась мерзкая, и, когда я заступал на свою ночную вахту, дождь то и дело сменялся мокрым снегом.

Мозес никак не желал сидеть спокойно. Временами мне удавалось заставить пса лечь, но он тут же вскакивал и тревожно прислушивался, покачивая хвостом. Около половины третьего утра я выглянул из сторожки. Снег валил вовсю. Когда я закрывал дверь, Мозес встрепенулся и, тихонько зарычав, подскочил к порогу. Мгновение спустя он уже был на улице, и тут вдруг высоко в небо взметнулись столбы огня. Меня окатило волной горячего воздуха, и в тот же миг послышался грохот двух мощных взрывов.

В отблесках пламени я заметил бесформенный силуэт убегавшего человека, за которым огромными прыжками несся Мозес. Когда собака уже готова была броситься ему на спину, человек внезапно развернулся, и я увидел, как сверкнули две короткие вспышки. Выстрелов слышно не было — они потонули в реве огня, окружавшего меня со всех сторон. Мозес на мгновение замер, потом завертелся волчком на месте и наконец тяжело упал на снег.

Я вырвал из-за пояса «люгер» и открыл беспорядочную пальбу по удалявшейся фигуре, но через несколько секунд силуэт диверсанта скрылся в плотной белой пелене. Я видел только раскаленные докрасна искореженные остовы двух бензовозов, потом и их поглотила мокрая мгла.

Сбежав с платформы буровой, я увидел внизу Мозеса. Пес тащился в мою сторону на трех лапах и тихонько повизгивал от боли.

Я быстро обошел уцелевшие грузовики, убедился, что опасность миновала, и поспешил к ранчо.

Здесь уже все проснулись. Я передал на попечение Джин Мозеса и, пряча глаза, признался Гарри, что не уберег две машины. Гарри терпеливо выслушал меня и, ни слова не говоря, отправился на площадку. Я понуро поплелся следом.

— Могло быть и хуже,— сказал он, осмотрев место происшествия.— Мы дошли до четырех тысяч футов. К счастью, бензобак на буровой вчера залили под завязку, значит, еще пару сотен футов пройдем. При благоприятном стечении обстоятельств понадобится не больше тысячи галлонов топлива.— Все это Гарри произнес на удивление спокойно. Казалось, он разговаривает сам с собой.— Слушай, Брюс, как бы нам протащить сюда горючее?

— По тропе индейцев. Другого пути нет.

— Гм... Если навьючивать по двадцать галлонов на лошадь, понадобится целый табун. Где ты собираешься доставать полсотни кляч? И на какие деньги? Я-то, считай, почти банкрот.

Я угрюмо молчал. Вскоре подошли рабочие утренней смены и сбились в кучу, вполголоса обсуждая случившееся. Гарри остался с ними, а я вернулся на ранчо.

— Как Мозес? — спросил я Джин.

— Все будет хорошо,— ответила она, подавая мне кружку с чаем.— Выпейте.

Я повалился в кресло, проглотил чай, потом заставил себя подняться и, собрав кое-что из своих вещей, побрел на конюшню. Джин догнала меня, когда я уже садился в седло.

— Куда вы? — спросила она.

— Хочу связаться с Джонни. Может, он согласится привезти нам топлива.

— Я с вами.

— Это еще зачем?

— Так надо. Одного я вас не пущу.

Выражение ее лица разом отбило у меня охоту спорить. Я оставил Гарри записку, подождал, пока Джин оденется, и минуту спустя мы уже скакали в горы. Лошади бежали с ленцой, и нам то и дело приходилось их понукать. После бессонной ночи самочувствие у меня было отвратительное.

— Кстати, откуда вы собираетесь звонить вашему Джонни? — спросила Джин, нарушая затянувшееся молчание.

— Из «Золотого тельца». Мак разрешит.

Она засмеялась.

— Эх, Брюс, наивный вы человек. Да разве не ясно, что после вашего дурацкого взрыва на дороге вам в Каним-Лейк все кости переломают? Собственно, одной из причин моего приезда в «Королевство» было желание уберечь вас от тумаков.

— Так вы по совместительству еще и нянька? — иронически спросил я.

Джин и бровью не повела.

— Придется звонить из Кейтли,— невозмутимо произнесла она.

— Черта с два! — отрезал я.— Ближайший телефон в «Золотом тельце», и мы едем туда.

— Так уж и быть, соберу ваши косточки,— пожала плечами Джин.

Когда мы поднялись на холм перед Каним-Лейком, ярко светило солнце. Дверь конторы Треведьена была распахнута настежь. Должно быть, он заметил нас, потому что вышел на крыльцо и пристально посмотрел в нашу сторону. Мы не обменялись ни единым словом, однако я успел краем глаза заметить, что Питер довольно ухмыляется.

На улице не было ни души. Мы привязали лошадей к перилам окружавшей гостиницу террасы, и Джин провела меня внутрь через черный ход.

Полин встретила нас изумленным взглядом, а мгновение спустя послышался яростный скрип стула и ко мне со всех ног кинулся Джеймс Макклеллан. Лицо его было перекошено от злости.

— А, явились! — закричал он, сжимая кулаки.— Я вас давно поджидаю, Вэтерел! Эх, и скажу же вам сейчас пару ласковых...

— Кто поджег наши бензовозы? — быстро спросил я.— Треведьен или вы?

Воинственный пыл Джеймса как рукой сняло.

— Что?! И вы еще смеете меня обвинять?..

— Ни в чем я вас не обвиняю. Просто спросил интереса ради. Это ваших рук дело?

А, ну вас к лешему, — огрызнулся он и оставил меня в покое.

Я протиснулся в каморку Мака и позвонил в Джаспер Джефу Харту. Через полчаса нас соединили, и я объяснил ему, как обстоят дела. Выслушав меня, Джеф извинился и сказал, что сам он, к сожалению, приехать не сможет, однако постарается разыскать Джонни и в любом случае перезвонит мне сегодня же вечером.

Я вышел в кухню, где Джин о чем-то оживленно разговаривала с Полли, и присел на стул.

— Нам пора ехать, Брюс, — сказала, обернувшись ко мне, Джин. — У барака уже собралась какая-то шайка. Не иначе Треведьен их науськал.

Мне должны позвонить, — возразил я.

Хотите, чтобы вас взгрели?

Ничего, уж как-нибудь сумею с божьей помощью за себя постоять.

Не думаю, что у вас хватит сил расправиться с целой толпой, — произнесла Джин. Это вам не паинька Джимми, которому ничего не стоит заткнуть рот.

В глубине души я, конечно же, соглашался с ней. Мне вовсе не улыбалось прослыть трусом, однако я понимал, что хорохориться сейчас не время. Вздохнув, я неохотно поднялся со стула, и тут Полли неожиданно взяла меня за руку.

Если вам позвонят, я отвечу, а потом все передам, — пообещала она.

Ладно, ваша взяла, — поколебавшись, сказал я. — Если мой друг найдет возможность приехать, спросите его, где и когда мне с ним встретиться, хорошо?

Поняла. Вечером я приду к мисс Гаррет и все расскажу.

Поблагодарив Полли, мы выбрались черным ходом на улицу и пошли к нашим лошадям. Однако не успели мы сунуть ноги в стремена, как к нам подбежали несколько человек во главе с плюгавым мужичонкой с подленькой физиономией.

Это он! — закричал коротышка, разглядев меня. — Попался, гад!

Мы с Джин быстро вскочили на коней и с решительным видом поехали навстречу разгоряченной толпе, намереваясь пробиться к окраине городка. Это нам удалось, и мы, наверное, смогли бы избежать столкновения, но тут плюгавый подал громкую непечатную реплику, адресованную Джин.

Не помню, как я соскочил с лошади и вцепился ему в глотку. Помню только, что мы повалились в уличную грязь, и секунду спустя десять пар рук принялись тянуть меня за одежду, стараясь перевернуть на спину. Кто-то сильными пальцами ухватил меня за волосы и несколько раз больно ударил головой о щебеночную мостовую, а в следующий миг раздался сухой треск пистолетного выстрела.

Меня разом отпустили. Я сел и, ошарашенно оглядевшись, увидел Джин с дымящимся «люгером» в руке. Ее бледное лицо словно бы окаменело, а пистолет она держала так, будто стрельба была для нее столь же привычным делом, как прогулка или катание на лошади.

— Вы в порядке, Брюс? — спросила она.

— Да, — прокряхтел я, с трудом поднимаясь на ноги.

— Тогда в путь. А вы, — она повернулась к шайке, — передайте своему Треведьену, что я его убью, если он посмеет еще раз поднять руку на мою собаку!

Она сунула «люгер» в мою седельную кобуру, и мы, молча развернув лошадей, выехали из Каним-Лейка.

— Спасибо, Джин, — выдавил я, когда мы спешились на лужайке у ручья.

— Это вам спасибо, — с грустной улыбкой ответила она. — Хоть вы и вели себя как школьник. Стоило ли так рисковать из-за какого-то паршивого слова?

Как вы узнали, что пистолет в седельной кобуре?

— Случайно нащупала еще там, в горах. Я все время чувствовала беду, поэтому и решила поехать с вами. Вы странный человек, Брюс. И зачем только вы ввязались в это дело?

А вы? — в свою очередь, спросил я. Почему вы решили оставить мне в подарок этот пистолет?

— Я предвидела, что он вам понадобится.

— Не лукавьте, Джин, причина совсем в другом.

Она вздохнула и протянула мне руку.

Давайте не будем об этом, Брюс. Тем более что вы и так уже догадались. Пол Мортон, тот самый Пол Мортон, который бросил Стюарта в беде, был моим отцом.

Да, Джин, — пробормотал я. — Простите меня.

— За что?

Не дожидаясь ответа, она отошла в сторону, а я растянулся на траве и тут же впал в дремоту. Джин разбудила меня на закате. Мы сели на лошадей и, обогнув Каним-Лейк, въехали в городок с противоположной стороны.

Сестры Гаррет приняли нас, дрожа от волнения. Бедная Сара даже не могла нормально говорить; она возбужденно шептала, глаза ее сверкали, щеки раскраснелись. Руфь в силу своей рассудительной практичности держалась поспокойнее. Она несколько раз проверила, хорошо ли заперта дверь, потом принесла нам кофе и кое-какой снеди. Старушки уже знали об утренней потасовке и теперь, должно быть, мнили себя участницами смертельно опасной авантюры. Со стороны это выглядело довольно нелепо, но мне, честно говоря, было вовсе не до смеха.

Окончание следует

Перевел с английского А. ШАРОВ

ХЭММОНД ИННЕС,
английский писатель

ШАНС НА ВЫИГРЫШ

Роман

К приходу Полин мы уже поужинали и сидели, потягивая кофе. Джонни просил передать, что завтра вечером либо послезавтра утром он приедет на Сто пятидесятую милю и будет ждать там встречи со мной.

Ночью я услышал, как открывается дверь. В комнату тихонько вошла Сара Гаррет с зажженной свечой и, склонившись надо мной, шепотом спросила:

— Вы спите?

— Нет.

— Тогда я должна кое-что вам показать.

Она пошла в угол, где стоял громадный сундук с резной крышкой. Послышалось бряцанье ключей. Сундук был полон всевозможных нарядов, от которых разило нафталином и лавандой.

Скоро на полу выросла целая гора одежды. Старушка покопалась на дне сундука и подошла к моему изголовью с двумя жестяными коробочками. Затем с волнением вскрыла одну из них. Жестянка оказалась набита золотыми монетами и небольшими слитками, завернутыми в кальку. В другой коробочке покоился золотой песок.

— Я еще никому этого не показывала,— сказала Сара.

— Почему же вдруг мне такая честь?

Она вздохнула и, закрыв коробки, спрятала их обратно в сундук. Потом сложила назад одежду и щелкнула замком.

— Это все, что оставил отец,— объяснила Сара.— Было, конечно, больше, но ведь мы жили на эти деньги. Здесь моя доля, а Руфь свою куда-то вложила и в итоге лишилась всего.

— Зачем вы мне это говорите?

— Затем, что вы мне понравились. Однажды я влюбилась, но мой... мой друг не ответил мне взаимностью. Как и вы, он приехал сюда из Англии. Вы очень похожи на него, Брюс... Ну, я пошла, не хватало еще, чтобы сестра застала меня в комнате у мужчины,— Сара лукаво сверкнула глазами.— Я уже стара, и в жизни моей было не ахти сколько хорошего. Даже отцовское наследство не пошло мне впрок, как видите. Джин рассказала, что случилось в «Королевстве», и я хочу, чтобы вы знали: вам нет нужды беспокоиться о деньгах. Только дайте мне знать...

— Но это невозможно...— начал было я, однако Сара жестом заставила меня замолчать.

— Не дурите, Брюс. Мне эти сокровища уже ни к чему, и я хочу вам помочь. Моего возлюбленного звали Стюарт Кэмпбел, теперь вам все ясно? Спокойной ночи.

Через несколько часов я уехал. Небо едва начинало светлеть. Я прошел вдоль берега озера к дороге и остановил один из ехавших со стройки грузовиков. Он и довез меня до Сто пятидесятой мили. Джонни ждал меня вместе с двумя газетчиками из Штатов, теми самыми, что были прошлой осенью в «Королевстве» и нашли тело моего деда. Их звали Стив Страхан и Том Джонс. Янки были в отпуске и решили нам помочь. Уяснив себе ситуацию, они тут же сели за телефоны и обзвонили окрестных фермеров. Спустя несколько дней в нашем распоряжении было около тридцати лошадей. Пятнадцатого июля мы пригнали их к входу в долину, а на следующее утро, как и было условлено, туда приехал грузовик с нашими канистрами. На доставку в «Королевство» первых пятисот галлонов ушло больше суток.

Атмосфера на буровой царила напряженная. Через два дня мы привезли еще пятьсот галлонов. К этому времени Гарри вгрызся в землю до глубины пяти тысяч футов, и дело спорилось.

Волна энтузиазма захватила даже Джонни, который признался мне, что хотел бы остаться в «Королевстве» подольше и никуда не уезжать. Тем же утром появился Бой Блейден.

Шли дни, и напряжение становилось

Окончание. Начало в № 4—6.

все невыносимее. Мы пробивались сквозь кварц, и дело шло медленнее, чем нам бы хотелось. Кое-кто из буровиков свел дружбу с рабочими Треведьена и от них нам стало известно, что завершение строительства намечено на двадцатое августа. Компания Ларсена планировала начать затопление в тот же день.

В начале августа мы добрались до пяти с половиной тысяч футов, и Гарри начал проявлять признаки нетерпения, которое тут же заразило всех членов его команды. Пятого августа в девять утра глубина скважины равнялась 5490 футам. Все в тревожном ожидании собрались вокруг вышки. Я держался поближе к Гарри. Наконец датчики показали глубину в 5550 футов, и я, не выдержав напряжения, отвел ирландца в сторону.

— Послушай, Гарри,— сказал я.— Что, если нефть находится не там, где мы рассчитываем? До какой глубины ты готов продолжать бурение?

— Не знаю,— ответил он.— Ребята начинают роптать.

— Тебя устроит поблажка в две тысячи футов?

— Да ты с ума сошел! Это же две недели бурения. Мы закончим в тот же день, что и Треведьен свою плотину. Да и топлива нет.

— Я привезу.

Глаза Гарри превратились в узенькие щелки.

— В чем дело, Брюс? Ты водишь нас за нос?

— Нет, просто хочу знать, какой допуск ты даешь на возможные ошибки.

Он поколебался и сказал:

— Ладно, будем бурить, пока не сожжем все топливо, которое уже здесь. Это еще четыре дня. Глубина скважины превысит шесть тысяч футов.

— Нет, давай сделаем допуск побольше.

Он схватил меня за руку.

— Послушай, Брюс, парни не согласятся. Мы все уже на пределе, я лишился двух грузовиков, буровая не окупается, ребята вкалывают почти задарма. Если мы не найдем нефть...

К нам с решительным видом подошел Клиф Линди, начальник дневной смены.

— Строение пород изменилось,— объявил он.— Вулканическое внедрение с плотностью гранита. Проходим два фута в час. Ради бога, Гарри, давай уносить отсюда ноги, пока не прогорели дотла!

Гарри промолчал. Он смотрел на меня своим тяжелым взглядом и ждал, что я скажу.

— Это те же породы, которые остановили Кэмпбела,— пролепетал я.— Если удастся пробиться сквозь них...

— При двух-то футах в час?! — с нервным смешком спросил Клиф.— Это еще месяц работы. Нет, Гарри, мы — пас!

— Интересно, какова толщина этого слоя? — Гарри поскреб пальцами скулу.— В горах обычно попадаются вулканические пласты не мощнее ста футов.

— Даже если и так, все равно бурить придется четверо суток,— отвечал Клиф.— К тому же мы не знаем, что там внизу. Я лишь буровик, не геолог, но и не такой дурак, чтобы поверить в месторождение, залегающее сразу же под вулканической интрузией.

Подошла Джин.

— Мне очень жаль, Брюс,— проговорила она, беря меня за руку.

— Вы слышали наш разговор?

— Нет, мне Бой рассказал. Я сварю вам кофе.— Она пошла на ранчо и скоро вернулась с чашкой. Пока я пил, Джин стояла рядом и тихонько поглаживала меня по волосам. Я стиснул ее маленькую ладонь, а секунду спустя сам не пойму, как Джин уже была в моих объятиях. Но в тот же миг меня обожгло воспоминание о словах лондонского врача. Я вздрогнул и, поспешно отпустив Джин, пробормотал:

— Мне пора на вышку.

Утром произошло одно событие, которое разом пробудило в Гарри ирландца и круто изменило весь порядок вещей в нашем лагере. Мы сидели за столом и завтракали, когда вдруг послышался стук, дверь распахнулась, и вошел Питер Треведьен. Все изумленно уставились на незваного гостя. Заметив выражение наших физиономий и поняв, что дела у нас хуже некуда, он предусмотрительно оставил дверь ранчо открытой и не рискнул отойти от порога больше чем на шаг.

— Вэтерел, я привез вам телеграмму,— сообщил Питер.

«С чего это ему взбрело в голову так обо мне заботиться?» — подумал я, беря протянутый конверт. Впрочем, все стало ясно, едва я пробежал глазами депешу:

«ГЕНРИ ФЕРГЮС ПОДАЛ ГРАЖДАНСКИЙ СУД ИСК СВЯЗИ ЯКОБЫ МОШЕННИЧЕСКИМ ПРИСВОЕНИЕМ ВАМИ ПРАВ ПОЛЕЗНЫЕ ИСКОПАЕМЫЕ СРОЧНО ПРИЕЗЖАЙТЕ ПОДТВЕРДИТЕ ПЛАТЕЖЕСПОСОБНОСТЬ».

Телеграмма была подписана адвокатами, которых я нанял в Калгари.

— Что там, Брюс? — спросила Джин.

Я молча подал ей телеграмму, и Джин пустила ее по кругу. Увидев, с какими лицами ребята читают депешу, я понял, что настала пора проститься с последними надеждами, и лишь воспоминание о разговоре с Сарой Гаррет спасло меня от паники.

— Ну вот и взяли тебя в оборот,— сказал Гарри.

— Фергюс просил передать кое-что и на словах,— добавил Треведьен.— Можно не доводить дела до суда. Продавайте «Королевство». Фергюс предлагает все те же пятьдесят тысяч.

Я пошел к столу и сел писать ответ. Когда я заканчивал, напряженную тишину комнаты вдруг разорвал гневный крик Гарри:

— Две тысячи за машину?! Да вы спятили!

Повернувшись, я увидел, что Гарри и Треведьен стоят в углу. Питер ухмылялся, а Гарри, покраснев, сжимал и разжимал кулаки.

— Вы знаете, что я разорен и не могу платить таких денег,— проговорил он.— Называйте настоящую цену! Будьте же благоразумны, Треведьен.

— Благоразумней некуда! — отрезал Питер, пятясь к двери.— Я беру с вас ровно столько, сколько стоит ремонт дороги.

— Я вашу дорогу не ломал.

— Значит, произошло случайное совпадение, в результате которого ваши грузовики оказались здесь едва ли не раньше, чем мы успели расчистить завал? Так вас понимать? Ладно, согласен: вы не пользовались подъемником, не учиняли взрывов. Стало быть, все это железо попало сюда по индейской тропе. Что же мешает вам вывезти его тем же путем? — Он повернулся ко мне: — Что передать Фергюсу?

Я обвел взглядом лица своих товарищей и сказал:

— А вот что: всеми доступными средствами я постараюсь предотвратить затопление моего участка. Если Фергюс не хочет потерять еще больше, чем уже потерял, пусть замораживает свою стройку и ждет решения суда. Можете также отправить от моего имени вот эту телеграмму.— Я протянул ему листок.

Питер машинально взял бумажку. Думаю, мои слова так его обескуражили, что он буквально утратил дар речи. Мельком пробежав глазами текст, он посмотрел на меня и выдавил:

— Вы с ума сошли. Где вы возьмете денег?

— А это уж не вашего ума дело!

— Вы просто не понимаете, с чем собираетесь бороться.

— Прекрасно понимаю. Я собираюсь бороться с шайкой лживого сброда, которой ничего не стоит совершить подлог, поджечь бензовоз, находящийся на чужой территории, и попытаться всеми правдами и неправдами прибрать эту территорию к своим грязным лапам. Видит бог, я не хотел обращаться за помощью в суд, но если угодно Фергюсу, давайте драться. Скажите ему, что результаты бурения вкупе с отчетом Винника способны удовлетворить любую канадскую судебную инстанцию. Скажите ему, что нефтяной фонтан забьет здесь прежде, чем он загонит последний кирпич в свою дурацкую плотину. Вы все поняли? Если да, то вон отсюда!

Треведьен смерил меня озадаченным взглядом.

— Чего же тогда Кио хочет вывозить свой хлам?

— Да потому, что мы уже почти закончили! — быстро сказал я.— А теперь убирайтесь!

— Слышите, что сказал Вэтерел? — взревел Гарри, грозно надвигаясь на Питера. Буровики повскакали с мест. На их лицах было начертано непреодолимое желание вышвырнуть Треведьена. Почуяв, что запахло жареным, Питер резко повернулся и пулей выскочил на улицу.

— Ну уж теперь-то мы тебя не оставим,— устало произнес Гарри.

Я провел ладонью по лицу.

— Это был блеф, Гарри, блеф от начала до конца. Но будем бороться.

— У тебя действительно есть деньги?

— Да,— я посмотрел на Джин.— Собери мне вещички, будь добра.

— Ты в Калгари?

— Да. Гарри, ты будешь бурить дальше?

Он обвел взглядом свою команду.

— Как, ребята? Зададим этим жуликам перцу?

Буровики заулыбались и одобрительно закивали.

— Считай, что сделано.— Гарри хлопнул меня по плечу.— А ты у нас расцветаешь не по дням, а по часам, старина. Раньше-то тебя, помню, чуть не ветром сдувало, а теперь вон какой бравый молодец! Пошли запускать бур, ребята. Удачи, Брюс!

Дождавшись темноты, я въехал в Каним-Лейк и двинулся к дому сестер Гаррет, прижимаясь к стенам хижин, стараясь держаться в тени. Дверь мне открыла сама Сара. Вид у нее был такой, словно она уже знала, зачем я пожаловал.

— Вы, наверное, очень спешите? — спросила старушка.

— Да, мне надо в Калгари.

Она прошла в свою комнату и вынесла оттуда две заветные жестяные коробочки.

— Вот, возьмите. Надеюсь, этого хватит.

— Вы понимаете, что я, возможно, не сумею вернуть долг?

Она улыбнулась.

— Это не долг, а подарок.

У меня перехватило дыхание. Уже на пороге Сара Гаррет спросила:

— Вы женитесь на Джин? Она же вас так любит, вы это знаете?

Я медленно кивнул.

— Да. Но мы никогда не поженимся. Я болен и скоро умру. Только пусть это будет нашей с вами тайной.

Утром седьмого августа я прибыл в Калгари, положил золото в банк и, отправив Бою необходимую сумму, пошел к моим адвокатам. Здесь я узнал, что Фергюс забрал свой иск назад. Юристы посоветовали мне ускорить темпы бурения, с тем чтобы, добыв нефть, я мог потребовать с Фергюса такую компенсацию на случай затопления «Королевства», которая сделала бы его проект нерентабельным и заставила бы компанию Ларсена остановить стройку.

На следующее утро в гостиницу, где я остановился, явился Эчисон. Он был зол как цепной пес, и это меня нисколько не удивило, ибо пришел Эчисон с новым предложением Фергюса: сто тысяч долларов. Искушение было слишком велико, и я едва не сдался перед огромностью этой суммы. Как ни странно, выручил меня сам Эчисон, который заявил:

— Мы требуем одного: чтобы вы публично признали неправоту Кэмпбела и довели до всеобщего сведения, что нефти в этом районе Скалистых гор никогда не было, нет и быть не может.

Я посмотрел на железнодорожные рельсы за окном. Сделать подобное заявление значило окончательно заклеймить деда как лжеца и мошенника, а самого себя — как последнего труса.

Эчисон взглянул на часы.

— Думайте быстрее. В полдень предложение утратит силу.

Нежелание признать себя побежденным боролось во мне с сознанием необходимости возместить убытки, которые понесли помогавшие мне люди. Борьба эта длилась уже около часа, когда раздался стук в дверь и мне передали телеграмму от Боя Блейдена:

«МИНОВАЛИ ВУЛКАНИЧЕСКИЙ СЛОЙ ГЛУБИНА 5800 ПРОХОДИМ 10 ФУТОВ В ЧАС НАСТРОЕНИЕ БОДРОЕ ВЕЗИ СОЛЯРКУ».

Прочтя сообщение, я немедленно позвонил Эчисону и попросил его передать Фергюсу, что теперь мы не согласны и на полмиллиона компенсации. Трубку я швырнул, не дожидаясь ответа. Мерзкие мошенники, они пронюхали, что дела наши пошли на лад. Видимо, засекли, наблюдая в бинокль, с какой скоростью бур уходит в землю.

К вечеру следующего дня я приехал в Джаспер. Стояла теплынь, почти весь снег сошел с горных склонов. Ночевал я у Джефа Харта, а на следующее утро мы вместе с ним отправились дальше и уже к полудню прибыли в долину Громового ручья. Здесь мы пересели на лошадей и свернули на индейскую тропу.

— Я вижу, тут изрядно прибавилось транспорта,— заметил Джеф, глядя вниз на дорогу, по которой беспрерывно сновали грузовики со стройматериалами. Я молча кивнул. Сегодня было шестнадцатое августа, и до завершения дамбы оставалось четыре дня.

На место мы прибыли довольно быстро. Первыми, кто вышел нас встречать, были Джин и Мозес.

— Ну,— спросил я,— как скважина?

— Теперь ребята вкалывают круглые сутки,— ответила она.

— Пошли на вышку.

— А ты не очень устал? — Джин с беспокойством оглядела меня.— Я боялась...— Она отвернулась и быстро сказала: — Дамба почти готова. Неделю назад Треведьен нанял еще пятьдесят рабочих. Через два дня планируется все закончить.

Я повернулся к Джефу:

— Слышишь? Два дня.

— Да, черт возьми, вот будет гоночка!

— Ладно, давай устраивайся,— сказал я ему и, взяв Джин под руку, зашагал к вышке.

Буровики собрались в кучку, чтобы выслушать отчет о моей поездке, а потом жадно набросились на письма и газеты.

— Ты говорил с Винником? — спросил меня Гарри.

— Да. Он снова просмотрел сейсмограммы и утверждает, что мы либо найдем нефть на глубине семи тысяч футов, либо уберемся отсюда несолоно хлебавши.

— Значит, послезавтра,— сказал Гарри, но в голосе его не было уверенности, а сам он выглядел как ходячий труп.

Вид Гарри не оставлял сомнений в том, что гигант-ирландец держится из последних сил. Впрочем, чему удивлять-

ся? На буровой было всего девять человек, а между тем для относительно нормальной работы необходима, по крайней мере, дюжина крепких парней. Пришлось и нам с Джефом заступать на вахту. На следующий день в десять утра мне сообщили, что приехал Треведьен. Оторвав голову от подушки, я с трудом поднялся и вышел в большую комнату. Питер сидел на нарах, а рядом с ним примостился полицейский. Гарри тоже был здесь. Он стоял посреди комнаты с листком бумаги в руках.

— Слушай, Брюс,— произнес Гарри.— Эти типы привезли нам ультиматум.

Я взял у него бумагу. Из текста, отпечатанного на официальном бланке, явствовало, что Треведьену дано разрешение затопить участок в любой день, начиная с восемнадцатого августа.

— Когда вы закроете шлюзы? — спросил я его.

Питер пожал плечами.

— Как будем готовы, так и закроем,— он повернулся к полицейскому.— Эдди, ты хочешь что-нибудь добавить?

— Да,— офицер поднялся.— Компания Ларсена не будет отвечать за гибель вашего движимого имущества, если вы не успеете вывезти его отсюда до десяти часов завтрашнего утра.

Треведьен и полицейский, не прощаясь, вышли из дома.

В полдень мы дошли до глубины 6622 фута, а к четырем часам вечера — до 6665. Стоял изнуряющий зной, и я истекал потом: минуту назад мы закончили наращивать трубы. Вытерев платком лоб, я посмотрел на зловеще притихшую стройплощадку. На дамбе не было ни души, только на утесе временами появлялись и тут же исчезали яркие вспышки. То блестели на солнце линзы бинокля: люди Треведьена продолжали наблюдать за нами.

За ужином царило тяжелое напряженное молчание. Усталые бледные лица собравшихся за столом рабочих блестели от пота. В восемь часов заступила вечерняя смена. Глубина скважины теперь составляла 7013 футов, а скорость проходки — десять футов в час. Я немного подремал и в полночь отправился на буровую.

— Похоже, приближается гроза,— сказал, увидев меня, Гарри и указал на вершины гор.

Наши лица овеяло прохладным дыханием ветра. Он крепчал с каждой секундой и постепенно начал пробирать нас до костей. На тяжелом черном небе не было ни звездочки.

Внезапно рокот мотора на буровой сменился громким надрывным визгом. В следующую секунду Бой громко вскрикнул, а Гарри, стоявший рядом с нами, бегом бросился в ночную тьму, и мы услышали его срывающийся от волнения голос:

— Помпу, черти! Грязевую помпу давайте!

Мы с буровиком Доном Леггертом встрепенулись и принялись беспомощно озираться по сторонам, не зная, что случилось. Заметив нас, Гарри рявкнул что было мочи:

— Прочь с платформы! Бегите отсюда, если хотите жить!

— Есть! — завопил Бой.— Е-е-есть!

Мы бросились к трапу, и я едва не скатился вниз кубарем, когда заметил, как квадратная штанга медленно поднимается, подталкивая кронблок. Кое-как сбежав по трапу, я спрыгнул на землю и не разбирая дороги понесся прочь с буровой. Впереди меня сломя голову мчались мои товарищи. Я почувствовал, что земля под ногами становится скользкой, а в следующее мгновение меня захлестнула по лицу струя воды, и я остановился. Остальные тоже замерли на месте и завороженно смотрели назад, в сторону вышки.

Квадратная штанга с кронблоком доползла до самого верха, на секунду застыла на фоне неба, а потом послышался громкий хлопок, с каким обычно рвется металл, и вышку приподняло над землей. Штанга согнулась пополам, вышка затряслась, качнулась и рухнула всей своей громадной тяжестью на землю, теряя на лету составные части. Скрежет и грохот был ужасен. Движок неистово взревел, продолжая работать без нагрузки, а секунду спустя из земли, как паста из тюбика, полезли трубы. Лязг, визг и скрежет слились воедино, и я еле расслышал отчаянный крик Боя, стоявшего в каком-нибудь футе от меня:

— Гарри! Гарри! Гарри!

Когда мы бросились назад к буровой, вода доходила нам до щиколоток. Мы спотыкались о валявшиеся кругом обломки грузовиков, развороченных страшным напором газа.

— Гарри! — вопил Бой.

Во тьме замаячил силуэт, и скоро к нам, шатаясь, подошел наш главный буровик.

— Ну вот мы и выиграли,— дрожащим голосом произнес он и изо всех сил стиснул мою ладонь. Я был настолько потрясен, что начисто утратил чувство реальности и ничего не понимал.

— Ты хочешь сказать, что мы добрались до нефти? — спросил я, ошарашенно озираясь по сторонам.

— Пока только до газа. А дальше под ним — нефть.

— Вся твоя буровая развалилась...— промямлил я.

— Черт с ней! — захохотал Гарри.— Мы пришли сюда, чтобы доказать правоту твоего деда. И доказали! Пошли будить ребят: Джеф должен увидеть это своими глазами. Как-никак он единственный беспристрастный наблюдатель. Ну, теперь-то уж Ларсену крышка, ха-ха-ха!

Через секунду мощной лавиной обрушился ливень. В громком шуме дождя потонуло даже шипение рвавшегося из недр газа, над нашими головами вспыхнула молния и прогрохотал тяжелый раскат грома.

С горем пополам мы добрались до ранчо, сбросили мокрую одежду и, разведя в камине огонь, пустили по кругу бутылку рисовой водки. Свободные от вахты буровики спали как убитые, Джеф и Джин тоже, и мы решили никого не будить, ибо в этом не было никакого смысла: отправиться глазеть на буровую в такую погоду мог только безумец. Скоро мы разбрелись по нарам, и я тут же заснул, успев подумать лишь, что надежды моего деда оправдались. То, что требовалось доказать, я доказал, а стало быть, и жизнь прожита не зря.

Разбудила меня Джин. Она была не на шутку взволнована и упорно трясла меня за плечо, не обращая внимания на мое протестующее мычание. Я был настолько разбит и измучен, что пробуждение показалось пыткой.

— Брюс! Вставай скорее, тут такое творится!

— Знаю,— пробурчал я.— Мы не стали тебя будить из-за урагана.

Я кое-как поднялся и накинул куртку прямо на пижаму. Джин схватила меня за руку и потащила к окну.

Я выглянул на улицу и окаменел. «Королевство», представшее моим глазам, было грязно-серым от воды, а скважина исчезла бесследно. Весь участок превратился в огромное озеро, и если б вчера я не видел здесь буровую установку, то ни за что не поверил бы, что она тут вообще была. Вода плескалась уже в какой-нибудь сотне футов от наших сараев. Значит, Треведьен закрыл шлюзы раньше оговоренного срока? Выходит, что так, иначе откуда оно взялось, это озеро, покрытое белыми бурунами гонимых ветром волн?

— Боже мой...— упавшим голосом вымолвил я и со стоном закрыл лицо руками.

Джеф Харт усердно морщил лоб, пытаясь зрительно представить себе прорыв нефтяного фонтана, свидетелями которому мы стали. И все же я чувствовал, что он верил нам не до конца. Он знал, как у нас натянуты нервы и, возможно, рассуждал, что в сложившихся обстоятельствах мы вполне могли принять желаемое за действительное. Джеф вежливо поддакивал, слушая наш сбивчивый, перегруженный подробностями рассказ, и время от времени виновато вставлял:

— Да, да, конечно, я вам верю, ребята. Но покажите мне хоть какое ни на есть доказательство.

Откуда ж нам было взять доказательства? Мокрые до нитки, слонялись мы по берегам этого проклятого озера, высматривая мельчайшие следы нефти на воде, искали то место, где стояла буровая, в надежде обнаружить газовые пузыри. Но вся поверхность озера дыбилась мелкой пенной рябью, и увидеть пузыри, даже если они были, не удалось.

— Если б только они дождались назначенного часа,— пробормотал Бой.

Гарри повернулся ко мне.

— Помнишь, как вляпались в воду, когда освобождали бур? — спросил он.— Они уже тогда начали затопление. Черт возьми, еще бы один день, всего

один! Теперь остается лишь уповать, что Треведьен согласится осушить «Королевство». Пошли к ним, Брюс! — Огромные ладони Гарри сжимались так, будто он только и ищет чью-нибудь глотку, чтобы вцепиться в нее.

Мы взяли двух лошадей и поехали вдоль берегов озера к тому месту, где бежавший по склону провод уходил под воду. Противник заметил нас и сгруппировался, готовясь дать отпор. Треведьен стал поближе к прибывшему полицейскому, а чуть дальше маячили фигуры двух вооруженных головорезов из банды Питера. Приблизившись, я заметил, что крошечные глазки Треведьена испуганно заблестели. Полицейский оставался невозмутим.

— Вы затопили мою буровую установку,— тяжело произнес Гарри.— А между тем мы договорились, что это произойдет не раньше десяти утра.

— Предупреждение касалось только жилых построек,— ответил Треведьен, зыркнув на часы.— Сейчас двадцать минут десятого. У вас в запасе почти час, чтобы убраться отсюда.

Гарри повернулся к полицейскому.

— Вы были здесь прошлой ночью, когда началось затопление?

Рисунки Г. ФИЛИППОВСКОГО

Офицер покачал головой.

— Нет, я приехал утром, чтобы пресечь возможные беспорядки.

— Так знайте, что беспорядки будут нешуточные,— прошипел Гарри.— Вы отдаете себе отчет в том, что затопили скважину, которая уже дала нефть? Это случилось в четверть третьего ночи.

— Хватит рассказывать байки! — крикнул Треведьен.

— Ты прекрасно знаешь, что это правда! — завопил Гарри.— Советую держаться от меня подальше, если не хочешь, чтобы я свернул твою поганую шею!

— Кажется, я поступил разумно, вызвав полицию,— с усмешкой сказал Треведьен.— Шли бы вы лучше собирать манатки, Вэтерел. С минуты на минуту мы возобновим затопление.

— Когда вы сюда приехали? — спросил я полицейского.

— Я получил приказ прибыть сюда к восьми утра.

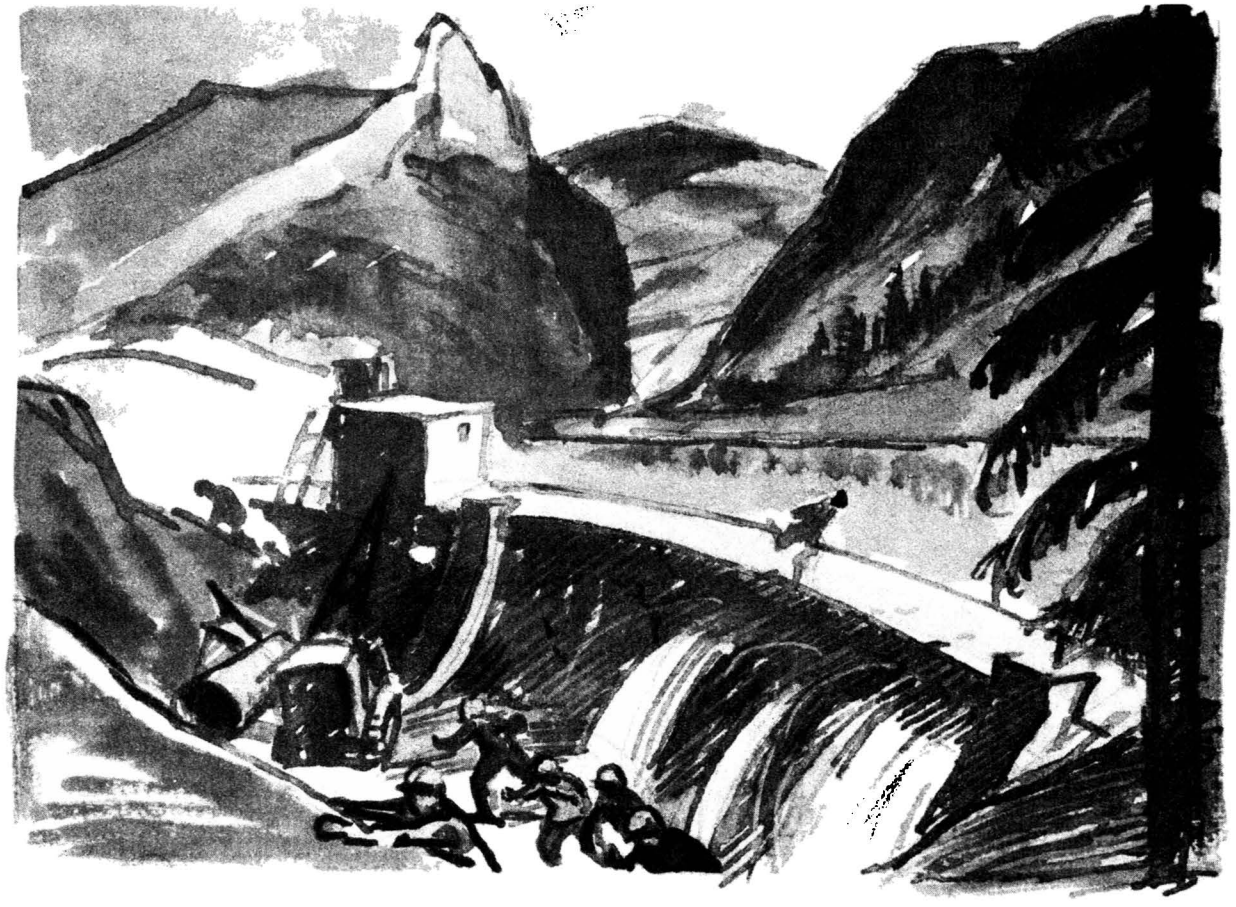
— Вы представляете провинциальную полицию или же Треведьен просто купил вас как сторожевого пса?

— Полегче! — огрызнулся полицейский.

— Понятно,— сказал я.— Иными словами, вы подчиняетесь Треведьену. Это все, что я хотел узнать. Гарри, мы теряем время, поехали. Придется решать дело в суде.

Мы молча вернулись на ранчо. Я был охвачен отчаянием, главным образом потому, что из-за меня Гарри лишился буровой установки, на которую копил пятнадцать лет. Дома нам сообщили, что вода поднялась еще выше. Это означало, что мы должны подумать, как спасти большую часть наших пожитков. Грузовики Боя набили оборудованием и откатили их к поросшему елями склону. Потом мы с Джин запрягли лошадей и вывезли часть имущества деда. Когда кончился дождь, мы разбили лагерь под сенью деревьев и, потягивая горячий чай, принялись уныло смотреть на воду, медленно подползавшую к ранчо. К вечеру дом, построенный руками деда, уже стоял посреди озера, в четверти мили от берега, а волны захлестывали оконные рамы. «Королевству» пришел конец.

Утром в палатку заглянул Бой и сообщил, что грузовики должны быть у подъемника завтра в полдень. Казалось, Джин понимает, что со мной творится; она терпеливо уверяла меня, что все еще обойдется, что нам выплатят компенсацию, которая с лихвой покроет все убытки. А вечером пришел Джонни Карстерс со Стивом Страханом и Томом



Джонсом, американскими газетчиками, которые в июле помогли мне достать лошадей.

Это были на удивление спокойные, рассудительные парни, и я даже почувствовал новый прилив сил, когда понял, что наша печальная история может заинтересовать их как тема для статьи.

— Кто же нам поверит? — спросил я их.— Даже Джеф Харт сомневается, что мы говорим правду.

Газетчики заулыбались.

— Мы на таких вещах собаку съели. У себя в Штатах и не такие подлости видели,— сказал Стив Страхан.— Вы выдержали перекрестный допрос, все четверо. Таких подробностей, какие вы сообщили, из пальца не высосешь. Мы с Томом лица заинтересованные. Ведь в «Королевстве» раньше вас побывали, со старым Кэмпбелом познакомились и труп его первыми обнаружили. Теперь постараемся создать такое общественное мнение, что Генри Фергюсу тошно станет.

Наутро мы свернули лагерь и подошли к подъемнику. Здесь не было ни души. Бой спустился к плотине и скрылся внутри здания. Ровная бетонная стена уходила в глубь ущелья со стороны долины Громового ручья, а по другую сторону плескались воды озера, не доходя до верхнего края дамбы на какой-нибудь фут.

Через несколько минут Бой опять присоединился к нам. На его загорелом лице были начертаны испуг и изумление.

— Там никого,—обескураженно сказал он.— Шлюзы нараспашку.

— Слава богу, хоть гондола здесь,— сказал Гарри.— Давайте-ка загоним в нее первый грузовик.

Бой полез в кабину, и в ту же минуту мы услышали какой-то треск, и шум камнепада, а потом — приглушенный крик, потонувший в реве воды. Секунду спустя на склоне утеса появился один из инженеров, следом за ним вверх карабкались двое его коллег и часовые с ружьями. Заметив нас, они бегом бросились в нашу сторону. Лица их были перекошены от страха.

— Что случилось? — крикнул Гарри.

— Дамба! Дамба треснула! Сильная течь, плотина может рухнуть в каждую секунду.— Инженер задыхался, и его голос то и дело срывался на визг.

Мы ошарашенно уставились на него.

— Вы уже сообщили тем, кто внизу? — спросил, приходя в себя, Гарри.

— Как? Телефонный кабель сорвало бурей. Не знаю, что и делать. Там, на склоне, около ста человек. Они строят подстанцию и ничего не подозревают. Как же быть?

Я окинул взглядом озеро. Оно раскинулось на шесть миль в ширину, а глубина его была равна высоте дамбы и, следовательно, составляла около двухсот футов. Джин схватила меня за руку.

— Мы можем сделать хоть что-нибудь? — Голос ее дрожал, лицо побелело от испуга. Все, кто был с нами, уже бежали вниз по склону, чтобы своими глазами взглянуть на трещину в дамбе. Не теряя времени, я бросился следом за ними, рядом со мной бежал Джонни.

Трещина достигала пятидесяти футов в длину, а ширина ее равнялась примерно сорока дюймам. Во все стороны от нее расползалась паутинка мелких ветвистых трещинок, сквозь которые уже сочилась вода.

— Это все из-за цемента.— Джонни склонился к самому моему уху и орал во все горло, дабы перекричать рев воды.— Загнали брак в дамбу, спекулянты! Вы можете спуститься и предупредить людей? — спросил он инженера.

— Да там же никого нет!—Инженер чуть не плакал.— И движок запустить тоже некому!

— Сколько еще продержится дамба? — спросил я.

— А черт ее знает! Может, сейчас грохнется, а может, достоит до осушения.

К нам подбежал Стив Страхан. Они с Томом Джонсом уже сфотографировали среднюю секцию, рискуя при этом жизнью.

— Чего они стоят? — растерянно спросил меня американец.— Там же люди внизу.

— А что мы можем сделать? — огрызнулся инженер.— Связи-то нет.

Я махнул рукой Бою, и мы вместе вскарабкались по утесу к подъемнику. Джин догнала нас, когда я уже перелезал через борт гондолы.

— Что ты задумал? — закричала она, увидев, что я собираюсь заклинить ведущий кабель и спускать клеть вручную.— Нет, милый, нет, не делай этого!

Я ласково убрал ее руку с моей.

— Не волнуйся, Джин, все будет в порядке.

— Но почему именно ты? — прошептала она.— Почему не кто-нибудь из этих инженеров? В конце концов они за все в ответе!

Я отвернулся и сказал Бою:

— Дай-ка мне вон ту палку.

Он протянул мне полено, и я выбил шестерню. Не успела она упасть на пол, как моя рука уже сжала тормозной рычаг. Клеть тронулась, и я навалился на рукоять, загоняя страховочный кабель в паз между двумя ведущими колесами. Джин и Бой замерли, растерянно глядя на меня, и справа от них серела ноздреватая, испещренная трещинами громада дамбы, сквозь которую сочилась бурая вода.

Опора на верхушке скалы поползла в мою сторону, и я вцепился в рычаг, замедляя ход гондолы. Перед моими глазами раскинулась долина Громового ручья, и я остановил клеть возле бетонной тумбы. Потом дюйм за дюймом двинулся дальше. Внезапно гондола резко нырнула вниз, и я в панике навалился на рычаг, тормозя что было сил. Отсюда, с высоты, бетонный бункер внизу казался маленькой игрушечной коробочкой. Я почувствовал дрожь в коленях. Никогда в жизни не испытывал я такого жгучего страха, даже на войне.

Склон, открывшийся вскоре моим глазам, был похож на муравейник. Тут и там сновали люди, занятые закладкой фундамента подстанции. Господи, если дамбу прорвет именно сейчас...

Я продолжал спуск. Строители бросили работу и, задрав головы, смотрели на меня.

Наконец гондола стала на пьедестал у нижнего бункера, и секунду спустя я уже несся сломя голову к небольшой стройплощадке. Возле самосвалов с поднятыми кузовами стояла группа людей, и я бросился в их сторону.

— Дамба сейчас рухнет! — крикнул я.— Уходите в лагерь! Плотина не держит. Укройтесь в лагере, черт вас дери!

Мой голос тонул в вое бетономешалок и скрежете металла, но кое-кто из рабочих слышал крики, и некоторые уже бросили работу. Они передавали новость по цепочке и скоро начали собираться в группы. Несколько человек двинулись в мою сторону. Я продолжал кричать. Горло мое пересохло, по телу струился пот. Я и представить себе не мог, что загнать этих людей в лагерь, где они окажутся в безопасности, будет так трудно. В конце концов до них, кажется, дошло. Рабочие побросали свои инструменты и медленно двинулись к поросшему ельником пологому склону, однако в тот же миг на площадке появился Треведьен и приказал им возвращаться на места.

— Вэтерел просто рехнулся! — кричал Питер.—Это провокация, поняли? Он сошел с ума. Разве не ясно, что только психу могло прийти в голову искать тут нефть? Возвращайтесь на стройку, олухи!

Питер развернулся и зашагал ко мне.

— Прочь отсюда, вы! — почернев от злости, взревел он.

Рабочие нерешительно затоптались на месте, а я скользнул взглядом по скале.

— Думаете, я бросил бы там друзей? Думаете, я стал бы спускаться на тормозах, рискуя свернуть шею, если б положение действительно не было критическим? — взывал я к рабочим.— Посреди дамбы дыра в ярд шириной, и она все время увеличивается. С минуты на минуту плотину может смыть ко всем чертям, потому что ее фундамент построен из бракованного бетона! Впрочем, если вам недороги ваши шкуры, можете оставаться.

Я спрыгнул с подножки грузовика и бросился к лесистому склону горы, надеясь увлечь людей за собой, но Треведьен раскусил мой замысел. Увидев выражение смятения и страха ни лицах рабочих, Питер ринулся следом за мной, но через пару шагов резко остановился.

— Макс! — закричал он.— Макс, останови его!

До подлеска оставалось не больше пятидесяти ярдов, но между мной и склоном горы стоял тяжелый, похожий на медведя Макс Треведьен.

— Хватай его, братец! — крикнул Питер и, повернувшись к рабочим, приказал: — Марш по местам! Дамба цела! Скоро мы узнаем, что у этого типа на уме.

Макс сделал несколько шагов мне навстречу. Я замер на месте.

— Не валяйте дурака, Макс, уйдите с дороги,— я нащупал в кармане пистолет.— Не приближайтесь!

Нас разделяло ярдов тридцать. Я быстро оглянулся на толпу сбитых с толку рабочих. Люди были напуганы и никак не решались что-либо предпринять. Я понял, что если попаду в руки Макса, все полетит к черту.

— Не подходите, Макс,— простонал я, потом медленно поднял пистолет и, тщательно прицелившись, выстрелил ему в правую ногу чуть выше колена. Макс удивленно разинул рот, сделал еще два нетвердых шага в мою сторону и, взревев от боли, тяжело упал ничком на землю. Эхо выстрела прокатилось по горам.

— Свинья! — прокряхтел Макс.— Ты дорого за это заплатишь!

Резко обернувшись, я увидел вприпрыжку бегущего ко мне Питера и опять вскинул пистолет.

— Назад! — закричал я, и, когда он остановился, мне стало ясно, что отныне я хозяин положения. Только вот надолго ли?

— Убирайтесь!—велел я рабочим.— Если через минуту хоть один из вас еще останется на площадке, я стреляю.

Чтобы как-то расшевелить их, я выстрелил в воздух. Рабочие сбились в кучу и побрели к подлеску. На площадке остались только Треведьен с помощником.

— Оттащите своего брата подальше,— велел я ему. Питер не шелохнулся, продолжая буравить меня немигающим взором.

— Не будьте же идиотом,— прошипел я.— Спасайте брата, скорее!

— Дамбу строили под надзором правительства,— сказал он.— С ней все в порядке. Вы просто сумасшедший.

— Не валяйте дурака,— сказал я.— Каждая секунда задержки...

— А ну вас в болото! — закричал Питер и обратился к своему помощнику.— Пошли, Джордж!

Они затрусили к бункеру. Я повернулся и бросился к распростертому на скалах Максу. Он был без сознания, кровь сочилась из раны и капала на камни. Схватив Макса под руки, я поволок его по валунам. Ну и тяжел же он был! Я тащил его к лесистому склону, останавливаясь через каждые десять ярдов и с трудом переводя дух. Оглянувшись, я увидел, как поднимается гондола, и услыхал надрывный рев дизеля.

До подлеска оставалось ярдов пятьдесят. Гондола уже доползла до середины стены и казалась отсюда спичечным коробком, болтавшимся на паутинке. Я перевел взгляд на верхнюю бетонную опору и застыл, парализованный ужасом: огромный поток воды, перемешанной с камнями, сорвался с верхнего края оползня, сметя опору. Спустя несколько секунд послышался глухой гул, эхом перекатывавшийся по склонам. Я видел, как гондола качнулась, подобно маятнику, и исчезла, поглощенная грязно-бурой водяной лавиной, настолько мощной, что от стоявших на ее пути скал отлетали огромные каменные глыбы.

Казалось, от рева воды трясется и дрожит вся долина. Разбрасывая во все стороны осколки скал, вода устремилась вниз по склону. Несколько мгновений я широко раскрытыми глазами смотрел на несущуюся в мою сторону лавину, потом подхватил Макса под мышки и рванулся в подлесок.

Но было поздно. Мгновение спустя поток обрушился на заросли, вырвав с корнем несколько елей. Я почувствовал, как вода ударила меня по ногам, упал, и в следующий миг лавина захлестнула меня с головой.

Очнулся я в маленькой комнатушке с закрытыми ставнями. Рядом послышался шорох, и на мою руку легла теплая ладонь. Повернув голову, я увидел склонившуюся надо мной Джин. Лицо ее было встревоженным и бледным, но глаза улыбались.

— Тебе лучше? — спросила она.

Я с трудом кивнул и обвел взглядом комнату.

— Где я, в больнице?

— Да. Тебе нельзя разговаривать и волноваться. Впрочем, оснований для беспокойства нет никаких. Ты сломал ногу и три ребра. Врач говорит, что через неделю-другую все будет в порядке.

— Как Макс?

— Дырка в черепе, перелом левой руки и легкое огнестрельное ранение в ногу. Поправится.

Я закрыл глаза. Голос Джин доносился словно издалека, все слабея и слабея. Она говорила что-то про буровую и газетчиков, которые наконец поверили, что мы нашли нефть, но все это мало меня трогало, и скоро я снова погрузился в сон.

Когда сиделка разбудила меня, за окнами брезжил рассвет.

— Ну, как дела у нашего великого нефтяника? — спросила сестра.

Увидев мою удивленную физиономию, она засмеялась и поставила на стол поднос с завтраком.

— Тут только о вас и говорят,— пояснила она.— Но это не дает вам права нарушать режим. Пора подкрепиться. Вот газеты, можете прочесть, что про вас пишут. Доктор Грэхем сказал, что это будет для вас лучшим лекарством. Тут, кстати, вам письмо.

Я вскрыл конверт и прочел короткое послание. Рабочие со стройки благодарили меня за спасение и обещали свою поддержку в любом предприятии, какое мне только вздумается осуществить. Под текстом стояли три колонки подписей.

— Какой сегодня день? — спросил я сиделку.

— Пятница.

— Да, надолго же я отключился...

— И снова отключитесь, если немедленно не поедите,— сердито сказала сиделка, выходя из комнаты.

За завтраком я просмотрел газеты. Они наперебой кричали о катастрофе в горах, однако и нашей скважине уделили кое-какое внимание. Кроме того, в газетах были помещены интервью с Гарри и Джонни, а на последней полосе я заметил жирный заголовок: «Скалистые горы — природное нефтехранилище». Автором статьи был Стив Страхан. Я отложил газету и прикрыл глаза. Сердце мое переполняла радость за старого Стюарта Кэмпбела, чья правота теперь была доказана окончательно и бесповоротно.

Вскоре пришел врач. Он для профформы пробежался пальцами по моим сломанным костям, а потом приступил к детальному осмотру — давление, дыхание, пульс и все прочее. Колдуя надо мной, он непрерывно засыпал меня вопросами.

— Что-нибудь серьезное, доктор? — поинтересовался наконец я.

— Да нет, обычный осмотр.

Однако я чувствовал, что не так все просто, и испытывал смутное волнение. А когда в палату вкатили передвижной рентгеновский аппарат, мне стало ясно, что дело нечисто.

— Вы понапрасну теряете время,— сказал я.— Я обречен.

— Да,— деловито кивнув, ответил врач.— Джин Люкас что-то такое говорила.

— Джин?! — вскричал я, гадая, откуда ей могло быть известно о приговоре лондонского врача.

Наконец ассистенты оставили меня в покое и укатили свою установку. Доктор Грэхем пододвинул к кровати стул.

— Не кажется ли вам странным, мистер Вэтерел,— произнес он,— что для человека, которому еще этой весной было отпущено всего полгода жизни, вы вели себя чересчур активно в последнее время?

— Просто не видел смысла беречь силы.

— Да, да, конечно.— Врач на секунду умолк.— Но мне кажется, что теперь положение изменилось, мистер Вэтерел.

— Как вас понимать?

— Видите ли, существует в медицине такое понятие, как спонтанный фактор. Природа его нам, к сожалению, неизвестна и неподвластна. Возможно, это какое-то изменение химии организма или же причину надо искать в психологии, не знаю. Однако время от времени такие чудеса случаются. Я не хотел бы обнадеживать вас, прежде чем будут получены снимки, но шанс есть. Только шанс. С таким диагнозом, какой поставил ваш лондонский врач, вы ни за что не протянули бы пять месяцев при вашем здешнем образе жизни. Единственное объяснение вашей живучести — внезапное резкое улучшение состояния. У вас был волчий аппетит, и вы набирались сил, вместо того чтобы чахнуть на глазах. Мне ваш случай представляется уникальным в медицинской практике, хоть я и не хотел вам об этом говорить раньше времени.— Он внезапно умолк и, улыбнувшись, добавил: — Похоже, вы такой же упрямец, как ваш дед. Впрочем, давайте подождем снимков, они скоро будут.

Доктор ушел, и я принялся размышлять над его словами. Внезапно я почувствовал странное нетерпение: видимо, возбуждение, которым светились глаза Грэхема, передалось и мне. Поэтому я очень обрадовался, когда сиделка ввела в мою палату Джин, из-за спины которой весело выглядывали Джонни Карстерс и Гарри Кио.

— А мы прощаться,— объявил Джонни с порога,— Гарри едет в Эдмонтон за новым буром, а я назад, в «Королевство». Однако ты тут недурно устроился,— добавил он, подходя и склоняясь надо мной.

— Зачем ты едешь в «Королевство»? — спросил я.

Джонни в нерешительности поскреб ногтями подбородок.

— Понимаешь, какая штука, Брюс. Те парни, что строили подстанцию, скинулись кто сколько мог и собрали кое-какие деньжата. Несколько человек поедут вместе со мной, чтобы восстановить дом Стюарта и подготовиться к зимовке. Те два журналиста из Штатов тоже просятся с нами. Ну а остальные... а остальные, Брюс, хотят в складчину построить тебе дом тут, у входа в долину Громового ручья. Я им намекнул, что ты собираешься здесь обосноваться...

— Господи, этого еще не хватало! — воскликнул я.— Им и самим-то жить не на что.

— Слушай, Брюс,— перебил меня Джонни.— Люди благодарны тебе. Отказом ты нанесешь им оскорбление. В любом случае ты уже бесспилен что-либо изменить. Они своего добьются.

Джонни двинулся к двери.

— Гарри,— позвал он.

— Сейчас,— ответил богатырь-ирландец.— Я только хотел сказать, что все мы очень рады за тебя, Брюс. Горжусь таким компаньоном. Уж теперь-то дело пойдет, можешь не сомневаться. Может, ты и сам захочешь в нем участвовать?

— Да нет, вряд ли,— улыбнувшись, ответил я.

— Ну, как знаешь.— Он вздохнул, повернулся, и они с Джонни вышли из палаты. Мы с Джин остались вдвоем, и я долгим взглядом посмотрел ей в лицо. Она была по-прежнему бледна и, как мне показалось, взволнована.

— Откуда тебе стало известно о моей болезни? — спросил я.

— От Сары Гаррет.

— Она что, не могла удержать язык за зубами? Я же открылся ей только для того, чтобы... А впрочем, что зря болтать. Я спать хочу. Оставь меня, Джин.

— Ладно.— Она поднялась.— Только сперва послушай, что тебе скажу. Я уйду. Но скоро вернусь. Мне все равно, стану я твоей женой или нет, но тебе так или иначе придется привыкать к моему обществу, потому что я тебя никогда не покину.

— Доктор Грэхем может и ошибаться,— слабо возразил я.

— Благодари бога, что ты весь изранен,— дрожащим голосом промолвила Джин.— Иначе я б тебе за такие речи...

Я грустно посмотрел на нее, прикрыл глаза и мгновение спустя почувствовал, как ее губы касаются моих. Через минуту я остался один, но, странное дело, страх больше не мучил меня. «Что ж, дружище Брюс, теперь у тебя есть уважительная причина, чтобы не торопиться на тот свет»,— успел подумать я, прежде чем утонул в теплых объятиях сна.

Перевел с английского А. ШАРОВ

ЭДУАРД ХРУЦКИЙ

ОПЕРАЦИЯ ПРИКРЫТИЯ

Повесть

По земле катилась война. Шел сорок четвертый. Каждый день приближал Красную Армию к рубежам Советской страны. Немцы, сопротивляясь, отступали в глубь Европы.

А в Берне было туманно и тихо. Ветер с Ааре нес запах сетей и рыбы. Он разгонял туман, этот ветер, запутавшийся в узких Шпитальгассе, Марктгассе и Крамгассе.

Раннее утро — любимое время детей. Школьники до занятий спешили покормить медведей, живущих на берегу реки. Дети покупали в лавочке морковь и угощали зверей, добрых и доверчивых, смешно встававших перед ними на задние лапы.

Человек, спустившийся к реке, тоже купил несколько морковок. И, бросая их животным, подумал, что за две такие морковки он в лагере для военнопленных запросто вербовал нужного ему агента.

Где-то в старом городе мелодично запели часы. Они не звонили, а именно пели. И звук разносился над домами предвестием мирного и счастливого полдня.

«Пора». Поднявшись по ступенькам набережной, человек сел в маленький, почти игрушечный вагон трамвайчика, напомнившего ему детскую железную дорогу в его родном Мекленбурге. Вагончик медленно полз по улицам, огибая многочисленные фонтаны.

У здания ратуши, походившей на старинный русский терем, какой ему довелось увидеть в Смоленске, его уже ждали. Перед самым большим и нарядным фонтаном, опираясь на трость, перебросив светлый плащ через плечо, стоял Алекс. Он был постоянен в своих вкусах, как и подобает настоящему британцу. А потому носил в Европе только твид. На этот раз костюм был песочного цвета.

Колецки не любил твид. Вырываясь из Германии в нейтральную тишину, он надевал легкую фланель, в которой чувствовал себя человеком, уехавшим на отдых.

Алекс увидел Колецки и поднял трость, коснувшись набалдашником твердых полей шляпы. Эта немного фамильярная манера поначалу коробила Колецки. Он, оберштурмбаннфюрер СС, был на два звания старше англичанина, у которого числился на связи.

— Привет, Алекс! Колецки приподнял шляпу.

— Здравствуйте, мой дорогой Герберт! — Алекс деланно улыбнулся. Светлые глаза его по-прежнему смотрели цепко и настороженно.

— Вас учили так улыбаться в вашей хваленой школе? — съязвил Колецки. — Поучились бы у американцев. Люди Даллеса, например, улыбаются так, словно встретили родного брата, вырвавшегося из тюрьмы.

— По тюрьмам специалисты вы, нем-

цы, а американцы — молодая нация. Молодая, веселая и богатая. Мы же, англосаксы, слишком плотно вжаты в рамки тысяч условностей. Это наше бремя, которое стараемся нести с гордостью. Зато мы внимательны к друзьям. Вы, наверное, заметили в номере три упаковки «Принца Альберта»? Кажется, это ваш любимый табак?

Вы очень внимательны ко мне. Кстати, если уж зашла речь об условностях, почему вы не курите трубку, как истинный британец?

Слишком традиционно: улыбка, твид, трубка... В этом что-то от колониализма.

Колецки засмеялся.

Может быть, вы и правы.

Пройдемся, центр города подавляет меня обилием фонтанов.

Они пошли вниз по Крамгассе. Постепенно исчезли нарядные вывески магазинов, контор, ресторанов. Вторая половина улицы была нашпигована мелкими лавочками, кустарными мастерскими, складами.

Элегантный Берн предстал своими задворками. Дома, иссеченные временем и непогодой, устало жались друг к другу.

— Мне нравятся такие места,— Алекс закурил сигарету.— Анатомия города! Вернее, анатомический атлас. Там, наверху, внешняя, показная часть Берна. Как у человека глаза, нос, брови, кожа... А здесь, внизу, его чрево, изрытая печень, истощенное сердце. Эти развалины могут больше рассказать о городе, чем его фасады.

Колецки усмехнулся про себя. Что знает этот самодовольный англичанин о развалинах? Развалинах тех городов, где сожжены и окраины и центр, где люди боятся выглянуть из подвалов. «Анатомия города»!

Они спустились к мосту Нидербрюкке и направились вдоль реки. Вода в Ааре была желтой и мутной после дождя. Пенные барашки возникали у быков моста и разлетались на тысячи брызг, донося прохладу до берега.

С какого года мы здесь работаем вместе? — прищурившись, спросил Алекс.

— С Польши, с тридцать девятого.

Польша, Польша. Ваш Гитлер совершил серьезный просчет: вместо того чтобы возглавить крестовый поход против мирового коммунизма, он решил стать владыкой всего мира. А коммунизм жив, как видите.

— Но они же ваши союзники?

— Пока, Герберт, пока...

Русские скоро станут на границе, Алекс.

— Во-первых, не станут, а понесут дальше в Европу свои идеи. И остановить их не в ваших силах и не в наших. Поэтому у нас общая задача: пока есть возможность, создать разветвленную сеть агентуры в Белоруссии, на Украине.

Мимо них прокатил велосипедист, кудрявый парень. На раме, прижавшись к нему, сидела девчонка.

— А они любят друг друга.— Теперь у Алекса даже глаза улыбались.— Любят, не думая об опасности, идущей с Востока.

Он поковырял тростью песок, помолчал.

— Итак, Герберт, что со школой?

— Мы создали ее. Группа прикрытия подготовлена.

— Кто руководит? Поль?

— Поль. Кстати, кто он?

— Поручик. Поляк. Я встречался с ним лично. Школа — база. Как только русские выйдут к границе — никаких активных действий, берегите людей. Вермахту выгодно держать в напряжении русский тыл. Нам же необходимо сохранить кадры для будущего. Ваша задача — ждать резидента. В номере вы найдете документы. Теперь вы будете полковником Армии Крайовой, уполномоченным лондонской беспеки. Ваша кличка — Гром.

Диверсии вы отвергаете полностью?

— Этим займутся другие. Ваше дело поддержать резидента, когда придет время.

Алекс отвернулся, прикуривая очередную сигарету.

Колецки смотрел на мутную речную воду, на след велосипедных колес, рельефно впечатанный в песок, и ему вдруг захотелось избить этого самоуверенного, ироничного англичанина, но он сдержался.

В кабинете начальника Главного управления погранвойск НКВД висела огромная карта. Ее принесли сегодня утром. На плотной бумаге жирным контуром легла полоса. Она шла вдоль рек, по лесам, мимо населенных пунктов. Это была западная граница СССР.

Начальник управления с волнением разглядывал карту, похлопывая по ней указкой. Он вспомнил сорок первый год, когда на такой же карте горели отмеченные красными квадратиками погранзаставы. Вспомнилось, как в тяжелых боях отходили пограничники на восток... А теперь бойцам в зеленых фуражках предстояло охранять тыл действующей Красной Армии.

Три года войны прошли перед глазами генерала. Три долгих года потерь и первых побед.

— Товарищ генерал,— вошел в кабинет адъютант,— офицеры в сборе.

— Проси.

Вот и настал долгожданный час. Сегодня ему предстоит инструктировать начальников отрядов вновь созданного Белорусского пограничного округа.

В кабинет один за другим входили офицеры. Народ знакомый, многих из них генерал встречал на разных границах страны.

— Товарищи,— начальник Главного управления даже не хотел казаться бесстрастным,— через несколько дней наши войска выйдут на государственную границу СССР. Вы назначены начальниками отрядов вновь организованного Белорусского погранокруга НКВД. Прошу к карте, определим места дислокации отрядов.

Офицеры подошли к карте. Нет, не карта висела перед ними, не просто карта! Это молодость их смотрела с глянцевого листа. А сколько времени прошло? Всего три года. Но один военный день и за десять мирных посчитать можно, такая уж ему цена.

— Товарищ генерал, разрешите вопрос?

— Слушаю вас.

— Начальник 112-го пограничного отряда полковник Зимин. Как будет формироваться личный состав отряда?

— Вопрос по существу. Нами созданы специальные запасные полки, из подразделений Красной Армии отзываются в распоряжение погранвойск бойцы и офицеры. Личный состав будет пополнен также за счет призывников этого года. Но а костяк будущих отрядов — подразделения по охране тыла действующей Красной Армии. Вас устраивает ответ, товарищ Зимин?

— Так точно.

— Тогда обратимся к карте. Товарищи офицеры, вы будете нести охрану границы в условиях военного времени. Перед вашими заставами лежит Польша, сожженная войной, Польша, истекающая кровью, ждущая своего освобождения. В тылу пограничных отрядов — банды польских националистов, разрозненные немецкие группировки, шатающиеся по лесам бандеровцы и просто уголовники и контрабандисты, агентура дифензивы, беспеки Армии Крайовой, СД, абвера. И учтите, пристальное внимание к западным советским землям проявляет Интеллидженс сервис.

Командир батальона капитан Шкаев шел вдоль окопа, аккуратно ступая до матового блеска начищенными сапогами. Был он совсем молодой, этот комбат. И удачливый в боях. Пять орденов словно вбиты в гимнастерку, и ни одной нашивки за ранения.

Командир первой роты старший лейтенант Кочин смотрел, как ладно, в обтяжку, сидит на комбате гимнастерка, как лихо сдвинута на бровь шерстяная пилотка, и думал: без всего этого героического Шкаев не сможет жить, наверное.

— В общем, я обороной доволен, Кочин,— сказал комбат,— внешним видом людей доволен, оружием.

Они пошли вдоль извилистого окопа, солдаты вскакивали, заправляя гимнастерки.

Капитан махал им рукой: мол, сидите, чего там, не на плацу.

В землянке, сработанной на совесть, в два наката, комбат сел за стол.

— Дворец. Линия Мажино. Много в обороне сидел?

— Пришлось...

— Смотри, Кочин,— Шкаев растянул на столе карту.— Есть данные разведки, что немцы силами полка атакуют

именно на участке твоей роты. Ты завяжешь оборонительный бой. Нужно, чтобы они потоптались перед твоей обороной час или час десять. Понял?

— А чего не понять?

— Радости в голосе не слышу.

— Вы мне, товарищ капитан, минометов подкиньте взвода два.

— Роту дам. Ну как? — Комбат сам был поражен своей щедростью.— Сейчас артиллеристы придут копать огневые. Так что командуй, а я — у себя в штабе.

Шкаев козырнул и вышел.

К вечеру начался дождь. Мелкий, затяжной и противный. Глина в окопе сразу оплыла, и сапоги вязли в ней, как в трясине. За стеной дождевой пыли почти не просматривалось поле, исчезла видимость и перед окопами. Кочин приказал усилить боевое охранение.

Он вошел в землянку и сел, устало прислонившись к обитой досками стене. На столе стоял холодный ужин, золотились в свете коптилки патроны к ППШ, лежала свернутая карта. Постепенно предметы стали сливаться, выстраиваться в какие-то неясные фигуры. Кочин задремал. Сон был тяжелый и вязкий, он словно проваливался куда-то. И в этом сне пришел к нему старый контрабандист по кличке Шмель, он резал ножом желтое сало и смеялся щербатым ртом. Потом достал дудку и загудел. Именно этот звук разбудил командира роты.

Кочин осторожно открыл глаза и понял, что это гудит зуммер полевого телефона. Он поднял трубку.

— Кочин,— в голосе Шкаева слышалось недовольство,— сдавай роту Алешкину — и в распоряжение штаба армии. Срочно!

— Что случилось?

— Ты пограничник?

— Да.

— Забирают вас из Красной Армии.

Дела Кочин передал быстро, потом достал вещмешок, там в глубине лежала его пограничная фуражка. Настоящая, довоенная. В ней в сорок первом прибыл на заставу младший лейтенант Алексей Кочин. Ничего, что пуля опалила тулью, ничего. Фуражка-то боевая, в ней Кочин тем страшным июнем с двумя пограничниками вышел из окружения к своим.

Алексей выпрыгнул из окопа, оглянулся. В ночной темноте он угадывал бесконечное поле, за ним линию вражеской обороны. Дальше была граница.

Ах, как играла музыка на плацу! В звуках духового оркестра слышалась щемящая грусть и счастье.

Только что они прошли, печатая шаг, мимо генерала, начальника училища.

И это ничего, что на погонах только одна звездочка. Главное — они уже офицеры. Скосишь глаза к плечу и видишь золото погон. Как ладно затянута портупеей шерстяная гимнастерка, как легко двигаться в новых хромовых сапогах! А кобура с пистолетом стучит по бедру при каждом шаге. Заветный ТТ — личное оружие офицера.

А трубы поют. И в тактах вальса слышится: «Ускоренный выпуск». Они танцевали прямо на плацу. И девушки были нарядными, многие из них на время сменили выцветшую военную форму.

Ускоренный выпуск, после него не положен месячный отпуск, а дается тебе всего три дня на сборы, прощания, на всякие там тары-бары.

Младшему лейтенанту Сергееву и прощаться-то было не с кем. Только с друзьями, да и то ненадолго, потому что назначения получили они на западную границу.

Все до одного. Весь ускоренный выпуск.

Вместе с рассветом в город пришла канонада. Звук орудий был настолько явственно слышен, что казалось, стреляют совсем рядом. Немецкие части отступали на запад.

Улицы были пусты. Жители попрятались. На улицах валялись консервные банки, рваные ремни, дырявые подсумки...

У здания с вывеской, где готическими буквами было выведено слово «комендатура», стояло несколько грузовиков. Солдаты спешно выносили ящики, бросали их в кузова.

В кабинете коменданта жгли бумаги. Огромный камин уже был забит пеплом, но бумаги все бросали и бросали. Корчились в огне бланки с черным орлом.

Комендант в расстегнутом кителе с майорскими погонами шуровал кочергой в камине. Китель его был весь обсыпан пеплом.

— Эй, кто-нибудь! — крикнул он.

В кабинет вбежал обер-лейтенант.

— Господин майор...

Он не закончил фразы: оттерев его плечом, в комнату вошел высокий человек в штатском.

— Можете идти, обер-лейтенант,— приказал он.— Закройте дверь и сделайте так, чтобы нам не мешали.

— Но...— лейтенант посмотрел на майора.

Комендант бросил кочергу, застегнул китель.

— Идите, Генрих, и закройте дверь.

Посетитель снял плащ, небрежно бросил его на спинку кресла. Майор внимательно разглядывал его элегантный штатский костюм.

— Ну? — спросил он.

— Служба безопасности, майор,— посетитель улыбнулся.— Всего-навсего служба безопасности. Оберштурмбаннфюрер Колецки.

Майор продолжал молча глядеть на него.

Человек в штатском вынул из кармана удостоверение.

Майор взял черную книжку, прочел.

— Слушаю вас, оберштурмбаннфюрер.

— У вас, как в крематории, пепел.

— Крематории больше по вашей части.

Колецки расхохотался.

— А вы не очень-то гостеприимный хозяин, майор.

— Я не очень люблю гостей из вашего ведомства. После них одна головная боль.

— Ну, зачем так прямо. Вам звонили?

— Да.

— Где наши люди?

— В городе.

— Я понимаю, что не в лесу. Они надежно укрыты?

— А что надежно в наше время?

— Ваша правда, майор, ваша правда, но зачем же столько скептицизма? Надеюсь, что вы сожгли все, что надо, и не откажетесь проводить меня. Кстати, кто еще знает об агентах?

— Я, начальник охраны фельдфебель Кестер и четверо рядовых.

— Прекрасно,— Колецки подошел к окну,— прекрасно. Вы точно выполнили инструкцию.

Он достал портсигар, предложил сигарету, щелкнул зажигалкой.

Майор с удовольствием затянулся.

— Когда вы хотите ехать?

— Мы с вами поедем немедленно.

— Но я должен эвакуироваться вместе с комендатурой.

— Дела комендатуры теперь поведет ваш заместитель.

— Но...

— Ах, майор, я бы никогда не стал настаивать ни на чем противозаконном.

Колецки достал из кармана пакет.

Майор прочел бумагу, пожал плечами.

— Другое дело. Приказ есть приказ.

На улице их ждал большой, покрытый маскировочной сеткой «опель-капитан». За рулем сидел солдат в полевой форме с буквами СС в петлицах.

Он выскочил из машины и распахнул дверцу.

Когда «опель» двинулся, из-за угла вслед за ним выехал грузовик и пристроился сзади.

Машины подрулили к зданию бывшей ссудной кассы, стоявшему в глубине березового парка. Из дверей, поправляя ремень, выбежал фельдфебель.

— Все в порядке, Кестер,— сказал майор,— снимайте караул.

— Распорядитесь,— приказал Колецки,— чтобы солдаты помогли разгрузить машину!

В комнате, куда сразу прошел Колецки, находилось пятнадцать человек. Лейтенант и четырнадцать солдат в польской форме.

— Приветствую вас, Поль. Не будем терять ни минуты. Немедленно переодеться, взять рацию и документы. Выступаем.

Увидев поляков, комендант схватился за кобуру.

— Вы слишком нервны, майор,— усмехнулся Колецки,— зовите ваших людей и постройте в коридоре.

— Кестер!

Стуча сапогами, прибежал фельдфебель.

— Вам надо помочь кое-что погрузить, положите пока оружие,— сказал Колецки.

Солдаты выстроились в коридоре.

— Пойдемте со мной, майор. Сюда, в эту комнату.

Последнее, что увидел майор,— польского офицера и сноп огня — огромный и желтый, выбивающийся из автоматного ствола. В коридоре люди в польской форме расстреливали немцев.

— Скорее в лес,— крикнул Поль.

...Колецки остановил машину на городской площади. Улицы были пусты, только у костела покосился подбитый вездеход.

Колецки закурил. Прислушался к канонаде, достал пистолет, обошел машину и выстрелил шоферу в голову. Открыл дверцу, и труп вывалился на мостовую. Колецки сел за руль и развернул машину.

...Старшина Гусев прощался с заставой. Везде, начиная от свежевыкрашенного зеленой краской дома и кончая посыпанными речным песком дорожками, чувствовалась заботливая рука старшины.

Гусев огляделся. Сопки, поросшие дальневосточной елью, кедрачи у ворот.

Медленно шел по двору, привычно фиксируя наметанным глазом мелкие недостатки и упущения.

— Дежурный! — крикнул Гусев.

К нему подбежал сержант с красной повязкой на рукаве.

— Слушаю вас, товарищ старшина.

— Почему пустые бочки от солярки не убраны?

— Не успели.

— Надо успевать, служба короткая, а дел много.

— Слушаюсь! — Дежурный повернулся и пошел выполнять приказание, думая о том, что старшина остается старшиной даже в день отъезда с заставы.

Гусев отправился на конюшню. Высокий, туго затянутый ремнем, не старшина, а картинка из строевого устава.

В тридцать шестом на плацу вручили ему петлицы с одним треугольником, так стал он отделенным командиром. А через год, в тридцать седьмом, за лучшие показатели в службе и учебе прибавил Гусев на зеленые петлицы еще один треугольник. Потом стал старшим сержантом. А на сверхсрочную остался уже старшиной. Десять лет накрепко связали его с дальневосточной заставой. Здесь был его дом, все личные и служебные устремления. Началась война, и граница, и до этих дней неспокойная, полыхнула прорывами банд, диверсантов-одиночек, контрабандистов.

На западе шла война, а у них тревоги по три раза на день. За ликвидацию банды семеновских белоказаков получил старшина Гусев медаль «За боевые заслуги». Вот теперь самое время поехать в отпуск, но отзывают его на западную границу.

Старшина шел прощаться с конем.

Почувствовав хозяина, Алмаз забил копытами, заржал призывно и негромко. Гусев достал круто посоленный кусок хлеба, протянул коню.

Алмаз жевал, кося на хозяина огромный фиолетовый глаз, а старшина, прижавшись щекой к теплой шее коня, гладил его по шелковистой шкуре и повторял:

— Ничего, Алмаз. Так надо, Алмаз. Служба у меня такая.

Поезд нещадно трясло на стыках, старые вагоны скрипели, подпрыгивали, и иногда казалось, что они вот-вот развалятся.

Поезд шел на запад по вновь восстановленной железнодорожной колее. Вернее, не шел, а крался, опасаясь налета немецких самолетов. И хотя бомбежки стали уже значительно реже, все равно в центре состава стояла платформа со спаренными пулеметами.

Капитан Тамбовцев лежал на жесткой полке, положив под голову скрученную шинель и полевую сумку. Других вещей у него не было. Да и какие вещи могут быть у офицера при его военно-полевой службе? Все, что нужно ему, поместилось в вещмешок, заброшенный под полку.

В сороковом году лейтенанта Тамбовцева назначили офицером штаба одной из погранчастей НКВД. Потом началась война. Да, много чего было потом. И задержание диверсионных групп в тылу, и обезвреживание маршрутной агентуры абвера и СД.

Тамбовцев лежал на полке и никак не мог уснуть. В Москве он, кажется, выспался за всю войну сразу. Его вызывали туда пять дней назад. Он прилетел в столицу из Молдавии, где его полк нес службу по охране тыла.

— Поедешь на западную границу,— сказал ему в управлении полковник Губин.— Туда, где служил раньше, на должность старшего помощника начальника штаба отряда. Обстановку, Тамбовцев, знаешь сам. Сейчас на территории освобожденной Польши создан Корпус национальной безопасности. Там работают коммунисты. Поддерживай с ними связь. Помни и другое — наш человек жив. Помогал фронтовым чекистам. Живет там же. Ждет тебя. И третье — тебе придется столкнуться со многими неожиданностями.

— Что вы имеете в виду, товарищ полковник?

— Несколько странно ведут себя наши союзники. Есть данные, что они хотят воспользоваться немецкой агентурой... На, смотри,— полковник выложил на стол фотографию.

Тамбовцев взял немного нечеткий снимок. Два человека стояли, видимо, на берегу реки. Один в шляпе, низко надвинутой на глаза, опирался на трость, второй был схвачен объективом в профиль. Тяжелые нависшие надбровья, нос чуть с горбинкой, мощный подбородок.

— Сняли в Швейцарии. Фотографировал наш человек с велосипеда, поэтому немножко нерезко. Этот,— полковник ткнул карандашом в человека в шляпе,— сотрудник отдела М-5 Интеллидженс сервис капитан Уолтер Бернс. Его собеседник — оберштурмбаннфюрер СС Колецки. Вот их служебные фотографии. Смотри. Бернс работает в отделе, занимающемся Польшей, следовательно, и Западной Белоруссией. Колецки один из бывших руководителей службы безопасности в Белоруссии. По каналам разведки приходят сообщения, что немцы постоянно ищут контактов с нашими союзниками.

— Значит, пушки этой войны еще не отгремели, а союзники уже готовят агентуру на будущее?

— Так-то вот получается! — усмехнулся полковник и, прощаясь, пожал руку подчиненному.— Надо быть готовыми ко всему.

Лошади шли медленно. Колецки почти лежал, прижавшись к шее коня, но все равно упругие ветки больно били его в темноте по лицу. И чем дальше, деревья, едва угадываемые в темноте, сходились плотнее и гуще.

По крупу лошади хлестнула ветка. Ударила так сильно, что Колецки натянул поводья, сдерживая животное. Лес кончился, и сразу стало светлей.

Он поднял голову. На небе сквозь разорванные тучи на короткое мгновение выпрыгнула луна.

— Слезайте, пан полковник,— сказал проводник.— Дальше пойдем пешком.

Колецки соскочил с седла, прошелся, разминая ноги. Ночь словно отступила, глаза отчетливо различали светловатую полосу дороги, пересекавшую поле.

— Пойдемте, пан полковник.— Проводник зашагал вперед. Они вышли к маленькому городку. У него не было окраин. Их заменяла огромная свалка мусора.

— Попремся через эти кучи? — спросил Колецки.

— Придется, пан полковник. Держитесь за мной. Я знаю тропинку. Осторожно, здесь много битого стекла и жестяных банок.

Колецки шел за проводником, чертыхаясь про себя. Они миновали свалку, перелезли через забор, прошли какой-то сад и очутились на темной улочке с двухэтажными домами. Колецки на всякий случай расстегнул кобуру.

— Не беспокойтесь, пан полковник, русских здесь нет,— сказал проводник,— а народная беспека и милиционеры по ночам не выходят на улицы. Ночь — наше время.

Они свернули в щель между домами, настолько узкую, что казалось, плечи задевают за дерево стен. Колецки предпочел бы зажечь фонарь, но понимал, что этого делать нельзя.

Наконец проводник остановился.

— Пришли, пан полковник.

После темноты свет керосиновых ламп казался необыкновенно ярким, и Колецки на секунду зажмурился.

В комнате было трое. Они шагнули навстречу. Одинаково рослые, подтянутые, сохранившие офицерскую выправку даже под штатской одеждой.

— Пан майор,— обратился к одному из них проводник,— полковник Гром из Лондона.

Колецки пожал протянутые руки, выслушав псевдонимы: Буря, Волк, Жегота.

Колецки сел, махнул рукой собравшимся, предлагая место за столом.

— Господа офицеры,— начал он,— прошу доложить обстановку на границе.

— По моим данным,— сказал майор Жегота,— завтра русские станут на границе.

— Завтра...— задумчиво повторил Колецки.— Что ж. Вам известно, что вы и ваши люди придаются мне для выполнения специального задания?

— Да. Я хотел бы узнать, пан полковник, сколько вам нужно людей? — спросил майор.

— Для операции в русском тылу мне нужно минимум пятьдесят человек. Но это должны быть самые подготовленные, самые смелые люди.

— Мы найдем таких людей.

— Их надо освободить от любых заданий до особого распоряжения.

— Когда оно поступит?

— Это знает Лондон. У вас есть карта, майор?

— Конечно, пан полковник. Я хотел добавить, на той стороне люди Резуна уничтожают всех коммунистов. Поляков, русских...

Один из офицеров расстелил карту района.

— Вот здесь была, а следовательно, и будет русская застава,— сказал Колецки.— У отметки 12-44 должна быть полная тишина. На других участках все, что угодно. Но здесь — никаких конфликтов. Бандеровцами я займусь лично.

Солдат строили прямо вдоль эшелона, стоявшего на путях.

Кочин обходил строй своей заставы, внимательно оглядывая людей. У многих на груди ордена и медали. Но почти половина людей совсем юные, недавно надевшие военную форму ребята.

Но все же чего-то в строю не хватало. Как-то не так выглядели до войны солдаты-пограничники.

На левом фланге стоял старшина Гусев. В ладно пригнанной гимнастерке, в пограничной фуражке. И старший лейтенант понял, чего не хватало другим солдатам. Именно этих зеленых фуражек. На головах пограничников были пропотевшие, застиранные пилотки.

Кочин остался доволен внешним видом личного состава заставы. В общем-то народ ему попался хороший. Правда, заместитель, младший лейтенант Сергеев, еще совсем молодой, только что из училища.

— Отряд, равняйсь! — разнеслась команда.— Смирно!

Командовал заместитель начальника отряда подполковник Творогов. Высокий, широкоплечий, он, кинув руку к козырьку, зашагал навстречу начальнику отряда полковнику Зимину.

— Товарищ полковник, вверенный вам отряд прибыл в место дислокации. Отставших и больных нет. За время следования происшествий не случилось.

— Здравствуйте, товарищи пограничники!

— Здравия желаем, товарищ полковник! — многоголосо и гулко ответил строй.

Полковник Зимин шагнул в сторону и, чуть выдержав паузу, скомандовал:

— Для встречи справа! Под знамя! Слушай! На караул!

Четко печатая шаг, по щебенке насыпи двигался знаменный взвод. Впереди знаменосец и два ассистента с шашками наголо.

Строй следил за знаменем. Тяжелое полотнище, вздрагивая в такт строевому шагу, свисало за плечом знаменосца. Видимо, не всегда это знамя стояло закрытое чехлом. Оно было обожжено пламенем, пробито пулями.

Алое полотнище плыло вдоль строя, и пограничники провожали его глазами.

Гулко печатал шаг знаменный взвод, покачивалось полотнище знамени. Погранотряд в походной колонне втягивался в узкие улочки. Город был почти не тронут войной. Обтекла она его, пожалела.

Горбатились булыжные мостовые, причудливо изгибаясь, бежали мимо маленьких домов, мимо костела и укрытых зеленью двухэтажных особняков с геральдическими щитами на фронтонах.

Отряд шел по городу. И тротуары заполнились народом. Люди встречали новую жизнь. В этом порубежном городке хорошо знали, что такое граница. Раз вставали на ее охрану солдаты в гимнастерках с зелеными погонами, значит, все, война ушла за пределы Родины.

Штаб отряда разместился в особняке. Двери его охраняли два каменных льва. У одного была отбита часть морды, и казалось, что лев хитро улыбается, глядя на местную суету. Рядом стоял часовой.

Кабинет начальника штаба был на самом верху, в бывшем зимнем саду. Он располагался в стеклянном эркере и нависал над подъездом, и даже в пасмурную погоду в нем было светло и радостно.

Грузный, широкоплечий подполковник Середин и капитан Тамбовцев сидели вдвоем.

— Итак, на границу мы стали,— Середин отхлебнул чай. Подстаканник был сделан из снарядной гильзы, и поэтому красивый хрустальный стакан выглядел в нем чужеродно и нелепо.

— Конечно, порядок наведем,— продолжал подполковник.— Погранрежим установили почти на всей западной границе. Но в тылу неспокойно. Смотри. Отметка 12-44, здесь расположена третья застава. Начальник — старший лейтенант Кочин. Кадровый пограничник, потом был командиром роты в Красной Армии, отозван к нам. Офицер боевой, знающий. Его участок наиболее вероятен для прорыва в наш тыл. Сразу за заставой на много километров тянутся леса, болота. По нашим данным, в тылу заставы действует банда оуновцев. Так что направляйся туда и разбирайся в обстановке на месте.

Старшина Гусев вел наряд вдоль пограничной реки.

Он шел впереди, два солдата с автоматами сзади. Пели птицы, плескалась рыба в реке, палило солнце, и Гусеву казалось, что никакой войны нет и в помине. Он остановился, вскинул бинокль, долго разглядывал сопредельную сторону.

Тишина.

Гусев опять повел биноклем, запоминая мельчайшие складки местности, подходы к реке.

— Что у тебя, Глоба?

— Скорее сюда, товарищ старшина!

Гусев опустил бинокль и легко сбежал по откосу к реке.

— Ну, что? — начал Гусев. И увидел потускневший металлический герб Советского Союза.— Это же погранзнак!

— Стой, старшина! — крикнул вдруг ефрейтор Климович.— Стой!

— Ты чего, Климович?

— Стой, стой!

Ефрейтор снял автомат, положил на траву, расстегнул ремень, опустился на корточки и медленно начал приближаться к засыпанному погранзнаку.

— Отойдите! — повернулся он к старшине и Глобе.

— Зачем? — опять удивился Гусев.

— На фронте вы не были, старшина. Отойдите на двадцать метров.

Старшина и Глоба отошли.

Климович осторожно лег на землю, медленно ведя по ней руками. Медленно и уверенно. Очень осторожно.

Вот левая рука замерла, нащупав невидимый еще проводок.

Ефрейтор достал нож и начал аккуратно расчищать землю вокруг. Лицо его покрылось испариной. А проводок вел его руку, и наконец она нащупала круглый бок противопехотной мины.

— Натяжная,— сквозь зубы сказал Климович.

Он аккуратно расчистил поверхность, обнажая взрыватель. Вот и он. Через минуту Климович разогнул усталую спину, поднял погранзнак.

— Все! — крикнул он.— Идите сюда.

Гусев подошел, долго смотрел на мину, на ладони ефрейтора...

Лес ложился на лобовое стекло «виллиса» как на экран. Темной, плотной полосой.

Тут две дороги, товарищ капитан,— сказал, притормозив, шофер,— одна через лес — короткая, другая в объезд.

Тамбовцев посмотрел на уходящее солнце, на темную стену леса и сказал:

В объезд.

Может, лесом, товарищ капитан?

А зачем зря рисковать?

Да какой здесь риск?

Наезженное полотно дороги уходило в темноту деревьев, разделяясь у самого леса.

...Трое с пулеметом лежали за деревьями на опушке по правую сторону дороги, двое с автоматами по левую.

Один наблюдал за машиной.

А «виллис» все ближе и ближе. И уже невооруженным глазом различимы офицерские погоны.

Пулеметчик передернул затвор МГ. Остальные начали прилаживать «шмайссеры».

Рисунки Н. КРИВОВА

Машина на скорости повернула у самого леса и пошла вдоль опушки.

Кабан! — крикнул бандит.— Пулемет!

А машина, подпрыгивая на ухабах, уходила все дальше и дальше от засады.

Кабан вскочил и, положив ствол пулемета на сук, дал длинную, бесполезную очередь вслед.

...Подъезжая к заставе, Тамбовцев увидел вышку. Настоящую пограничную вышку и недостроенный забор. Несколько солдат без гимнастерок прибивали светлые оструганные доски.

И хотя забор пока еще не охватил всю территорию заставы, у ворот уже стоял часовой.

Он шагнул навстречу машине, подняв автомат.

Тамбовцев выпрыгнул на землю, расстегнул карман гимнастерки, достал удостоверение.

В углу, у забора, стояли три палатки, под навесом приткнулась походная кухня с облупленным боком. В двух аккуратных землянках, видимо, располагались склады. Застава строилась, уже в человеческий рост поднялись крепкие стены из хорошо обструганного кругляка.

Из палатки навстречу Тамбовцеву вышел высокий старший лейтенант в выгоревшей пограничной фуражке.

Начальник заставы старший лейтенант Кочин.

Помощник начальника штаба отряда капитан Тамбовцев.

Офицеры пожали друг другу руки.

Как на границе? — спросил Тамбовцев.

— Пока сложно. Охраняем секретами, подвижными нарядами. Тянем телефонную связь.

Спокойно?

Почти. Это не вас обстреляли?

Нас, из леса.

Вчера бандиты напали на наряд. Потерь нет. Но вообще на участке непривычно тихо.

А как у соседей?

Прорывы в сторону тыла и за кордон. Правда, и у нас почин.

Что такое?

Задержали нарушителя границы.

Интересно.

Прошу,— Кочин показал на одну из палаток.— Там канцелярия заставы.

И хотя канцелярия помещалась в палатке, но это все же было подлинно штабное помещение. Стол, сейф для документов, в углу стеллаж, на котором разместились четыре полевых телефона и рация. На стойках — закрытые занавесками карта участка и график нарядов.

Горела аккумуляторная лампочка. За столом сидел младший лейтенант Сергеев. Увидев Тамбовцева, он встал.

Товарищ капитан...

Продолжайте, продолжайте.

Тамбовцев сел на табуретку, из темноты внимательно разглядывая задержанного.

— Гражданин Ярош Станислав Казимирович, житель приграничного села, задержан за нарушение погранрежима и контрабанду.

— Так какая то контрабанда. Бога побойтесь, пан хорунжий...

— Называйте меня «гражданин младший лейтенант»,— строго сказал Сергеев.

Задержанный закивал головой. Это был мужчина неопределенного возраста, где-то между тридцатью и сорока. Смотрел он на Сергеева прищуренными, глубоко запавшими глазами. Одет Ярош был в табачного цвета польский форменный френч, немецкие пятнистые маскировочные брюки и в крепкие сапоги с пряжками на голенищах.

На столе перед Сергеевым лежали пачки сигарет, стояло несколько бутылок, какие-то пакетики, свертки.

— Гражданин Ярош...— строго, даже преувеличенно строго начал Сергеев.

Тамбовцев усмехнулся. Из темноты он разглядывал руки Яроша. Крепкие, с сильными запястьями, они лежали на столе спокойно, по-хозяйски. И хотя всем своим видом задержанный изображал волнение, руки его говорили о твердой воле и полном спокойствии.

— Вы,— продолжал заместитель начальника заставы,— нарушили государственную границу.

— Так, пан лейтенант, я до той стороны ходил. Родичи у меня в Хлеме.

— А вы знаете, что переходить границу можно только при соответствующем разрешении?

— Так я в Хлем подался семь дней назад, ваших стражников еще не было. А обратно шел, они меня и заарестовали.

— Вас не арестовали, а задержали. Что это за вещи? — Сергеев указал на стол.

— Родич дал, да сам наменял в Хлеме.

— Значит, так,— вмешался в разговор Тамбовцев.— Ввиду того что вы, Ярош, пересекали границу до принятия ее под охрану советскими пограничниками, мы вас отпускаем. Но помните, в следующий раз будем карать по всей строгости советского закона.

— Оформите протокол,— приказал Кочин Сергееву.— Вещи верните, они не подлежат изъятию как контрабанда. Все.

Кочин повернулся и пошел к дверям. За ним поднялся Тамбовцев.

Задержанный внимательно посмотрел вслед капитану.

Офицеры сидели в палатке и курили. Тамбовцев, Кочин и Сергеев. Полог палатки был откинут, и в темном проеме виднелся кусок неба с огромными, словно нарисованными звездами.

— Как на юге в августе,— сказал Тамбовцев.

— А вы там служили, товарищ капитан? — спросил Сергеев.

— Да нет, мальцом в «Артеке» был. А служил я здесь.

— На этом участке? — удивился Кочин.

— Именно.

В проем заглянул дежурный:

— Товарищ старший лейтенант, к вам женщина.

— Какая женщина? — Кочин встал.

— Гражданская. Говорит, учительница местная.

— Зови.

Она вошла, и в палатке словно светлее стало. Будто не маленькая аккумуляторная лампочка горела, а стосвечовка.

Женщине не было и двадцати пяти.

— Вы ко мне? — после паузы спросил Кочин.

— Вы начальник пограничной стражницы?

— Я начальник заставы.

— Вы уж простите, я не привыкла пока.

— Я вас слушаю.

— Пан начальник...

— Товарищ начальник,— поправил Кочин.

— Простите. Знаете, привычка... Я местная учительница Анна Кучера, вот мои документы,— она протянула Кочину несколько бумажек и паспорт.

Кочин развернул паспорт.

— Довоенный,— усмехнулся он.

— Да, товарищ начальник, при немцах аусвайс выдавали, а паспорт сохранился.

— Вы давно работаете здесь?

— С сорок третьего года. Муж погиб. Он был в подполье. Меня после его смерти друзья устроили в деревню.

— Вы садитесь, товарищ Кучера.

Сергеев вскочил, уступая женщине стул. С первой минуты, как только она появилась в канцелярии, младший лейтенант не сводил с нее глаз.

— Я слушаю вас,— сказал Кочин.

— Понимаете, в лесу банда.

— Мы знаем.

— Я понимаю, но по ночам в деревне появляются люди из леса.

— Вы их видели? — спросил Тамбовцев.

— Да. Вчера ночью, двое с автоматами. Они прошли мимо моего дома. Я испугалась и до рассвета просидела у окна. Они вернулись в лес той же дорогой.

— Значит, ночь они провели в деревне? — Тамбовцев встал.

— Да, наверное.

— А у кого?

— Не знаю. Они шли с левой половины.

— А Ярош там живет? — спросил Кочин.

— Нет, он в другом конце.

— Вы кого-нибудь подозреваете?

— Нет. Но я очень боюсь.

— Анна Брониславовна,— Кочин заглянул в паспорт,— вы бы очень помогли нам, сказав прямо, к кому они ходят.

— Я боюсь этих людей.

— Хорошо.— Тамбовцев подошел к женщине.— Завтра к вам приедет инспектор из района. Вы понимаете меня?..

Тамбовцев спал в машине, не раздеваясь, только сапоги стянул. Лежать было неудобно, ноги и руки затекли, и он ворочался под шинелью.

— Товарищ капитан,— к машине подошел дежурный по заставе,— два часа.

Тамбовцев вскочил, потянулся длинно и хрустко, начал натягивать сапоги.

Над лесом висела луна. Огромная и желтая. В свете ее предметы вокруг казались удлиненно-расплывчатыми.

Тамбовцев оделся, накинул поверх гимнастерки трофейную маскировочную куртку, достал из кобуры пистолет, сунул его за пояс.

Он отошел от машины и словно растаял в темноте.

Тамбовцев шел вдоль лесной опушки осторожно, неслышно, легко перемещая свое большое и сильное тело. Он сейчас был похож на хищника, крадущегося к добыче.

У поворота к деревне Тамбовцев остановился, прислушался.

Никого. Только лес шумит, да плещет неподалеку река.

Он вытер вспотевшие ладони о куртку и зашагал к деревне. В полукилометре от нее, у леса, стояла заброшенная смолокурня. Тамбовцев шел к ней. Луна освещала ее полуразрушенный остов только с одной стороны, и зыбкая, размытая тень ее таила в себе неосознанную опасность.

Тамбовцев даже остановился на секунду, достал пистолет и шагнул к смолокурне.

Вот она совсем рядом. В темноте он различил чуть приоткрытую дверь. Сделал еще шаг. Дверь, протяжно скрипнув, приоткрылась. И звук этот неприятно-неожиданный в тишине ночи заставил Тамбовцева вскинуть пистолет.

В смолокурне кто-то был. Тамбовцев ощущал присутствие человека.

— Заходите, капитан,— сказал голос из темноты.

Они обнялись, практически не разглядев друг друга. Но Тамбовцев хорошо знал, с кем шел на встречу.

— У нас мало времени. На той стороне появился оберштурмбаннфюрер Колецки. Сейчас он полковник Гром, представитель службы безопасности лондонского правительства Миколайчика.

— С какой целью он прибыл? — спросил Тамбовцев.

— Пока не знаю, поэтому завтра опять уйду за кордон.

— А если наши задержат?

— Вы должны организовать мне окно.

— Что вы знаете о банде рядом с заставой?

— Бандеровцы. Главарь у них — некий Резун. Между прочим, фамилия настоящая и вполне подходит этому бандиту.

Окончание следует

ЭДУАРД ХРУЦКИЙ

Рисунок Н. КРИВОВА

ОПЕРАЦИЯ ПРИКРЫТИЯ

Повесть

Вернувшись на заставу, Тамбовцев снова забрался в «виллис», но заснуть больше не смог. Когда рассвело, к машине подошел Кочин. Тамбовцев вылез, кивнул начальнику заставы.

— Доброе утро. На, держи,— он протянул Кочину документ.

— Может, возьмешь солдат, Борис?

— Нет. Розыск — дело индивидуальное.

Окончание. Начало см. в № 11.

— Думаешь найти бандитов?

Тамбовцев махнул рукой водителю:

— Поехали!

Кочин смотрел вслед машине. Смотрел долго, пока она не скрылась за деревьями.

Лес был действительно гиблым. Мрачный, глухой. Солнце почти не пробивалось сквозь густые кроны деревьев, свет задерживался где-то наверху, а внизу были постоянные сумерки.

Тамбовцев, ступая мягко и пружинисто, передвигался почти бесшумно, внимательно разглядывая землю, деревья, кустарник.

Вот желто блеснул автоматный патрон, а рядом — след от сапога. Глубокий след, видимо, тащил человек что-то тяжелое. Еще один след и еще. Вон бинт в крови, свежий совсем. На траве капли крови. Дальше, дальше по следу. Дерн вырублен. Под ним земля свежая. Это могила. После стычки с пограничниками, о которой говорил Кочин при пер-

вой встрече, бандиты унесли своих убитых. Значит, здесь их последнее пристанище.

Тамбовцев искал следы.

Вот уже и солнце начало склоняться к верхушкам деревьев, а он все кружил в чаще, по маршруту, понятному только ему одному.

Комната Анны Кучеры была просторной и чистой. Стол покрыт домотканой скатертью, на окнах стояли в глиняных горшках букеты полевых цветов.

Младший лейтенант Сергеев, в тесноватом пиджаке, в широких брюках, разглядывал полку с книгами. На ней стояли учебники, книги на польском, белорусском, старые издания Толстого и Некрасова.

Вошла Анна, держа в руках миску с дымящейся картошкой.

— С книгами у нас трудно,— сказала она.— Я уже в роно написала, нужно больше книг на русском языке, особенно советских писателей. А там мне отвечают — ждите. А сколько ждать можно? Скоро учебный год начнем...

— Война...— односложно ответил Сергеев.

Ему очень хотелось помочь этой красивой женщине.

— У меня тут тоже кое-что есть.— Сергеев полез в саквояж, с которым, видимо, раньше ходил по деревням умелый коммивояжер или сельский фельдшер, и вытащил две банки консервов.

— Роскошь-то какая,— сказала Анна, разглядывая пестрые наклейки.

— Второй фронт,— ухмыльнулся Сергеев.— Помощь союзников.

Они сидели за столом. Картошка и консервированная колбаса лежали в тарелках с синевatыми цветами. И все это — тарелки, вилки и ножи — смущало Сергеева, успевшего отвыкнуть от подобной сервировки.

В дверь постучали.

— Войдите,— сказала Анна.

Вошел плотный усатый человек лет пятидесяти. Одет он был в полосатый пиджак, под которым виднелась нижняя сорочка и латаные немецкие брюки, заправленные в желтые краги.

— Я до вас, панна Анна.

— Это вот наш староста,— пояснила хозяйка.— Ковальский.

— Я, дорогой пан товарищ, пока власть в деревне представляю,— сказал Ковальский, внимательно и цепко разглядывая Сергеева.— Так что документы пожалуйте.

Ковальский расстегнул пиджак, и Сергеев увидел широкий ремень и кобуру.

— Я из районного отдела народного образования. Инспектор Ляцкевич Антон Станиславович. Приехал проверить школу перед началом года,— Сергеев протянул документы.

— Хорошее дело, доброе, пан товарищ.— Ковальский взял паспорт, командировку.— Значит, в пограничной стражнице отметились?

— Конечно.

— Добре,— Ковальский вернул документы, покосился на стол.

— А вы садитесь с нами, пан Ковальский,— предложила учительница.

— Це добро, дзенькую бардзо,— Ковальский сел, взял нож и отрезал здоровенный кус колбасы.

Ярош шел по улицам польского пограничного городка. Маленький был городок, зеленый, двухэтажный. Его можно скорее назвать местечком. День сегодня был базарный, поэтому скрипели по улицам колеса телег. Везли крестьяне на рынок немудреную снедь.

Военных в городе много было. Русских и поляков. Ярош вышел на площадь. Над зданием повятского старостата висел красно-белый польский флаг.

У костела толпились, ожидая службу, одетые в праздничные темные костюмы люди.

Ярош прошел мимо длинной коновязи, рядом с которой вместе с лошадьми приткнулись два «студебеккера», и свернул на узкую улочку. На одном из домов висела жестяная вывеска — огромная кружка пива с белой, кокетливо сбитой чуть вбок шапкой пены. И надпись: «Ресторан Краковское пиво». Ярош толкнул дверь и вошел в чистенький, отделанный светлыми досками зал.

На стенах плотно, одна к другой, висели акварели с видами Кракова. За стойкой царил огромный усатый мужчина. Увидев Яроша, он приветливо закивал ему.

— Как торговля, пан Анджей? — Ярош подошел к стойке и облокотился на нее.

— Сегодня все должно быть хорошо — базарный день. Как всегда?

— Да,— Ярош кивнул.

Хозяин налил рюмку бимбера, наполнил пивом две высокие кружки. Беря деньги, он наклонился, словно случайно, и прошептал:

— Пришли двое из лесу, просят показать тебя.

— Где они?

— Ждут сигнала.

— Ну что ж, знакомь.

Ярош выпил водку, взял пиво и пошел к свободному столику.

Хозяин, подождав, пока он сядет, достал из-под стойки пластинку, положил ее на патефонный круг, опустил мембрану. Зал наполнили звуки грустного танго.

Двое подошли к стойке.

— Ну? — тихо спросил один.

Хозяин глазами указал на Яроша.

Тот пил пиво и слушал довоенное танго.

Младший лейтенант Сергеев проснулся, так и не поняв, что его разбудило. В классе, где он спал, было темно, только квадрат окна синел в темноте.

Сергеев прислушался. Тихо. Ветер раскачивал ветви деревьев, и они шуршали за окном.

Но не это разбудило Сергеева. Он сел и начал зашнуровывать ботинки.

И тут услышал шепот, похожий на шорох. Говорили за стеной.

Сергеев достал пистолет, спустил предохранитель и подошел к двери класса, что вела в комнату Анны, нажал. Дверь была заперта. Тогда он осторожно, стараясь не шуметь, открыл окно и вылез на улицу.

Огляделся. Никого.

Сергеев сделал первый шаг к крыльцу.

Из кустов двое в приплюснутых «полювках» наблюдали за ним.

Сквозь завешенное окно комнаты Анны пробивалась тонкая полоска света. Сергеев припал лицом к стеклу, стараясь рассмотреть комнату. В узкую щель он увидел широкую спину, обтянутую зеленоватым сукном френча.

Младший лейтенант слишком поздно почувствовал опасность. Не успел он обернуться, как рука с ножом уже опустилась. Он только заметил, как нестерпимо ярко блеснул в темноте клинок.

На крыльцо вышел человек.

— В чем дело, Поль?

— Убрали чекиста.

— Оттащите его подальше. Лучше к дому Ковальского.

Ковальский чистил наган. Масляные пальцы блестели в свете свечи. Свеча была добрая, из костела, толстая, крашенная золотыми полосками. Она горела ярко, чуть потрескивая.

Распахнулась дверь, и свет свечи забился, заплясал на сквозняке.

В комнату вошли двое. Зеленые френчи, «полювки», высокие сапоги с твердыми негнущимися голенищами, автоматы «стен».

Ковальский замер, с ужасом глядя на белых орлов, увенчанных короной, на конфедератках вошедших.

— Ну,— сказал человек с погонами поручика,— здравствуй, пан войт. Что молчишь?

Ковальский попытался что-то сказать, но ужас сделал его тело непослушным. Он что-то замычал, глядя на стволы автоматов, на красивое лицо поручика, подергивающееся нервным тиком.

— Я-я-я,— попробовал выдавить он из горла,— па-ан...

Поручик подошел, выбил из-под него стул и уже упавшего ударил сапогом.

— Ты, прихвостень красный...— Поль усмехнулся, передернул затвор автомата.

— Не надо,— прохрипел Ковальский,— не надо... я не хочу... пан добрый... пан...

Поручик наклонился, прошептал что-то.

— Нет,— ответил Ковальский. Он дополз до стены и теперь сидел, вжавшись в нее спиной.— Не знаю,— выдавил он.

Поручик опять ударил его ногой, и Ковальский начал сползать безвольно и расслабленно.

В комнату вошел Колецки. Он с инте-

ресом поглядел на распростертое тело и сказал, доставая сигарету:

— Надеюсь, Поль, вы не убили его.

— Нет, оберштурмбаннфюрер... Простите, пан полковник. Жив, холера.

Ковальский застонал, открыл глаза, увидел Колецки и вскочил. Разом. Словно в нем распрямилась пружина.

— Господин...— начал он.

— Вы простите нас, надеюсь, за маленькое испытание. Мои люди чуть перестарались,— Колецки прикурил, рассматривая Ковальского сквозь дым сигареты.— Проводите нас к схрону Резуна.

— Конечно, господин оберштурмбаннфюрер,— Ковальский вытер рукавом рот, покосился на поручика,— давно ждем вас.

— Пошли,— сказал Колецки.— Нам надо управиться до рассвета.

На крыльце Поль спросил Колецки:

— Он ваш агент?

— Да.

— Почему вы меня не предупредили?

— Хотел проверить. Он еще может пригодиться.

— Может или пригодится?

— Вы умный человек, Поль. Зачем нам свидетель?

— В отряде Резуна есть надежные люди.

— Это издержки нашей профессии, Поль. Хозяевам надо, чтобы на этом участке границы было тихо, как в морге. Нам слишком дорог человек, который встретит резидента. Есть весьма правдоподобная легенда. Практически безупречная. Тем более что люди идут сюда на долгое оседание. Они станут законопослушными гражданами, попытаются вступить в партию, занять соответствующие посты. Их время придет.

— Значит, мы своей кровью мостим им дорогу? — зло спросил поручик.

— Конечно. Наша задача провести резидента и уходить. Все.

— А как же...

— Поль, пусть поляки сами разбираются с русскими, а русские с немцами. Поверьте, вам тяжело слушать, а мне тяжело говорить. Но выполнив приказ, мы уйдем.

— Куда?

— К англичанам. Здесь нас никто не должен видеть. Наше дело проводить человека из Лондона. Он в тысячу раз дороже всех костоломов Резуна и людей Жеготы, думающих только о том, сколько они убили коммунистов. Их диверсии — кровавое, уже бесполезное сегодня, а за тем человеком будущее. Будущее новой войны с Советами.

— А мы с вами что же? Кровавое настоящее?

— Нет, Поль, мы с вами автоматически на службе у будущего. И мы очень нужны тем, кто думает о пятидесятых, шестидесятых годах. А пока пошли мостить дорогу в завтра.

— Приедет взвод маневренной группы отряда, ты дашь человек десять, и конец банде Резуна. Понял? — Тамбовцев лег на раскладушку.— Ох, и устал же я, Кочин, если бы ты знал. Как на границе?

— Спокойно. Я пойду наряды проверю.— Кочин встал.— А ты спи...

— Товарищ старший лейтенант...— Вошедший дежурный так и не успел договорить.

В палатку вбежала Анна Кучера.

Она была в кофте, юбка сбилась, волосы распущены.

— Скорее... Скорее... Там...

— Что? Что случилось?!

— Сашу убили...

— Сними маскировочные щитки,— приказал Тамбовцев шоферу,— освети место убийства.

Шофер немного повозился, и фары вспыхнули в темноте нестерпимо ярко.

Сергеев лежал, подогнув под себя руки, белая рубашка стала черной от крови. Тамбовцев наклонился, перевернул его.

Кинжал вошел точно под лопатку и остался в теле.

Тамбовцев осторожно вытащил его, осмотрел. На ручке, сделанной из рога, был прикреплен серебряный трезубец.

— Разверни машину чуть вправо,— крикнул Тамбовцев шоферу.

Свет фар побежал по траве, по поломанным кустам, мимо забора.

Рядом с телом на влажной земле четко отпечатался след рифленой подошвы.

Тамбовцев полез в машину, вынул чемодан, достал фотоаппарат.

Синевато-дымно вспыхнул магний.

— Его убили не здесь,— повернулся он к Кочину.— Сюда они перетащили труп. А зачем?

На подножке машины сидела закутанная в шинель Анна.

Тамбовцев поднялся, сел рядом с ней, закурил.

— Как вы обнаружили труп?

— Я... Я спала... Потом шум услышала... Окно открылось... Я встала... Смотрю, Саша мимо дома крадется...

— Что вы еще видели?

— Потом двух людей видела с автоматами.

— Они шли в ту сторону, что и Сергеев?

— Да.

— Кто видел Сергеева у вас?

— Ковальский. Он у нас вроде как староста, до выборов в сельсовет.

— Кочин,— Тамбовцев встал.— Пошли людей за Ковальским. А мы пока к школе подъедем.

У здания школы шофер вновь зажег фары. В их мертвенно-желтом свете кусты, стволы деревьев, трава потеряли свои краски и стали однообразно темными.

Тамбовцев увидел раскрытое окно, подошел к нему, осветил классную комнату. Потом луч фонаря побежал по траве. Остановился на секунду. Опять побежал.

Тамбовцев шел за лучом, фиксируя каждую мелочь.

Луч фонарика добежал до кустов. И тут Тамбовцев снова увидел тот же след гофрированной подошвы.

— Товарищ капитан,— подошел старшина Гусев,— Ковальского нет.

— Как — нет? А кто у него дома?

— Он одинокий. В доме пусто, а вот в конторе...

— Пошли.

Он сразу увидел все. Непогашенную свечу, несобранный наган, опрокинутый стул, окурки на полу.

Вошел Кочин, быстро осмотрел комнату.

— Били они его.

— Да.— Тамбовцев подошел к столу, собрал наган, подкинул его на ладони.— Избили и увели в лес. Но ничего, завтра мы с бандой покончим.

— Уже сегодня,— усмехнулся Кочин.

Они вышли на крыльцо. Над лесом появилась узкая полоса света. Она увеличивалась с каждой минутой, и предметы стали вполне различимы.

Офицеры погрузили тело Сергеева в машину, накрыли его шинелью.

Машина двинулась осторожно. Шофер вел ее аккуратно, словно вез раненого.

...Выстрелы, приглушенные расстоянием, они услышали, подъезжая к заставе.

Навстречу машине бежал дежурный.

— Товарищ начальник! У соседа справа прорыв в сторону Польши! Просят подкрепления.

Теперь машину вел сам Тамбовцев. Стрелку спидометра зашкалило у предельной отметки. «Виллис» бросало из стороны в сторону, иногда на колдобине машину подкидывало, и казалось, она вот-вот взлетит. Звуки боя все приближались, и за ревом мотора пограничники точно определяли вид оружия, из которого велась стрельба. Как музыканты определяют голоса инструментов.

Вот тяжело ударил пулемет Горюнова, его поддержали звонкие голоса ППШ. Им ответил басовито и гулко МГ и шипящие очереди автоматов «стен».

Когда Тамбовцев затормозил, бой уже заканчивался, потерял свою цельность, рассыпался на маленькие очаги.

На земле лежали трупы, валялось оружие.

К Тамбовцеву подбежал начальник заставы.

— Прорыв, товарищ капитан. Группа, человек пятнадцать. С того берега их поддержали огнем.

— Ваши потери?

— Один убитый, двое раненых.

— У них?

— Шесть человек, одного взяли.

Тамбовцев шел по берегу. Убитые лежали в самых различных позах, на всех были польские мундиры.

Подошел Кочин.

— Поляки.

— Да какие это поляки,— Тамбовцев бросил фуражку.— Поляки на фронте воюют с немцами, а это бандиты. Фашисты польские.

...На лице у задержанного была кровавая ссадина, мундир порвался, и из-

под него выглядывала несвежая белая рубашка.

Он был немолод, лет сорока, на среднем пальце правой руки намертво засел серебряный перстень с черепом и костями.

— Вы поляк,— сказал Тамбовцев,— а носите эсэсовский перстень.

— Я не поляк, господин капитан.

— А кто же вы?

— Белорус.

— Ваша фамилия и имя?

— Грошевич Олесь Янович.

— Почему в польской форме?

— Что со мной будет?

— Это зависит от вас. Если вы скажете правду, то это будет учтено при решении вашей судьбы.

— Судьбы...

Задержанный помолчал.

— Судьбы...— повторил он,— дайте закурить, капитан.

Тамбовцев протянул ему папиросы и спички. Грошевич закурил, глядя куда-то поверх головы капитана.

— Слушайте, Грошевич, ну зачем тянуть время? Говорите правду. Вы же прекрасно знаете, что наши органы располагают обширным материалом на всех предателей Родины. Что вы выигрываете? Убежать вам не удастся. Мы доставим вас в город и через неделю, пускай через десять дней, будем знать о вас все.

Грошевич толкнул папиросу в пепельницу, сделанную из обрезанной снарядной гильзы.

— Пишите. Фамилия моя Кожух, имя Борис, отчество Степанович. До войны был инструктором ОСОАВИАХИМа в Минске. В сорок первом спрятался от мобилизации. Пришли немцы, предложил свои услуги. Работал инструктором по стрелковой подготовке в минской полиции.

— Участие в расстрелах принимали?

— Нет. Это вы легко проверите. Я учил полицаев стрелять. В сорок третьем вызвали в референтуру СД, беседовал со мной оберштурмбаннфюрер. Колецки его фамилия. Предложил пойти в специальную школу. Я согласился.

— Что это за школа и где она находилась? — насторожился Тамбовцев.

— Под Гродно, на двадцатом километре Минского шоссе.

— Чему вас учили?

— Обучали только приемам и навыкам ближнего боя.

— Готовили диверсантов?

— Я бы не сказал. Нас было пятнадцать человек. Готовили особую группу. Наш командир, бывший польский поручик, мы его звали Поль, часто повторял, что нас готовят для одного боя. Больше мне ничего не известно.

— Зачем вам понадобилось пересекать границу?

— Мы взяли какого-то человека, он проводил нас до бункера бандеровцев, и мы их уничтожили.

— Как уничтожили? — изумился Тамбовцев.

— Ножами,— спокойно ответил Кожух.— Всех до одного.

— Зачем?

— Не знаю, клянусь вам.

— Когда вы видели последний раз Колецки?

— Час назад. Он был с нами. Его псевдоним — полковник Гром.

Четверо пограничников копали могилу. Прямо в лесу, рядом со схроном банды Резуна. Трупы лежали в стороне, накрытые раскатанным брезентом.

— Двадцать два человека,— сказал Кочин.— Умельцы!

— Немцы эту сволочь хорошо готовили,— ответил Тамбовцев.— Ты не забудь, чтобы санинструктор хлорку засыпал.

— Слушай, Борис, с чего бы это они стали нам помогать?

— Пока не знаю. Но скажу одно, на твоем участке готовится какая-то акция. Смотри, чтобы ребята несли службу как следует...

Верхушки кленов разлапились по стеклам зимнего сада. Уходящее солнце высвечивало их неестественно бронзовым светом. И поэтому Тамбовцеву казалось, что он сидит внутри большого красивого фонаря.

— Любопытный у тебя кабинет, Середин.

Полковник Губин, прилетевший из Москвы, стоял спиной к офицерам, любуясь закатом.

— Пал Петрович, — Середин встал,— что в Москве-то слышно?

— А вот о новостях, Иван Сергеевич,— засмеялся Губин,— я у тебя сам спросить хотел.

— У вас там обзор шире.

— Это точно. Так вот, мы внимательно проанализировали ваше сообщение. Да, действительно на твоем участке дела творятся странные. Фашисты уничтожают друг друга. Значит, есть третья заинтересованная сторона. До нас доходят данные о попытках сепаратных переговоров между деятелями СС и спецслужбами союзников. За нашей спиной начинается не совсем чистая игра. Москва предполагает, Польша и Западная Белоруссия стали объектом пристального внимания Интеллидженс сервис. Нам точно известно, что Колецки, который снова объявился здесь, был в тридцать девятом году завербован английской разведкой. Работал он на временно оккупированной территории, занимался подготовкой разведкадров... Сначала для СД, но, мне думается, позже он готовил кадры для своих лондонских хозяев.

— Товарищ полковник,— Тамбовцев встал, одернул гимнастерку,— но ведь англичане наши союзники.

Губин помолчал, поглядел внимательно на капитана.

— Наши союзники, капитан, простые солдаты, офицеры, сражающиеся с фашизмом. Но, к сожалению, политику своих государств определяют не они. Я думаю, что Лондон не зря поддерживает польские националистические формирования. Мы победим немецкий фашизм. Но империалисты будут готовиться к новой войне с нами. То, что новый враг уже объявился, говорит хотя бы случай с уничтожением банды Резуна. Установлено, на той стороне действует так называемая бригада Армии Крайовой майора Жеготы. Сейчас придет наш польский товарищ, полковник Поремский, он нам расскажет о Жеготе.

Полковник Поремский, высокий, совершенно седой, с лицом, обезображенным кривым зубчатым шрамом, вошел в кабинет Середина ровно в девятнадцать тридцать.

Тамбовцев поглядел на внушительную колодку польских и советских наград и понял, что полковник немало повоевал. По-русски тот говорил чисто, но как-то непривычно расставлял слова.

— Я хочу информировать вас о Жеготе. Жегота — то подпольная кличка. Псевдо. Станислав Юрась настоящее его имя. Офицер кадровый. Принял бой со швабами в сентябре тридцать девятого на границе. Был ротным. Через три дня командовал полком, вернее, тем, что осталось от полка. Дрался честно. Потом ушел в лес. Семью его, в Кракове, расстреляли немцы. Их он ненавидит. Как большинство офицеров старой армии, от политики далек. Конечно, заражен идеей национализма. Но я знаю, что он с трудом переносит двойственное положение. Хочет сражаться с фашистами. Кстати, очень много офицеров и солдат Армии Крайовой приходят на наши призывные пункты. Мой совет, Павел, с Жеготой надо встретиться. В этом поможет наш капитан Модзолевский.

Губин взял со стола фотографию Колецки в эсэсовской форме, протянул Тамбовцеву.

— Покажешь Жеготе,— и вздохнул.— Я знаю, капитан, что это очень опасно. Но больше нам послать некого.

На городок спускалась темнота. Она накрывала его сразу, словно одеялом, и была плотной. Не горели фонари на улицах, окна домов наглухо закрыли маскировочные шторы.

— Пора,— сказал Тамбовцеву капитан Модзолевский,— пойдем, друг.

У выхода из здания польской комендатуры на диване сидели два капрала с автоматами.

Увидев офицеров, они вскочили.

— Садитесь,— сказал Модзолевский,— мы пойдем одни.

— Но, пан капитан, ночь...

— Считайте, что мы пошли на свидание.

Тамбовцев вышел на крыльцо, постоял, привыкая к темноте. Сначала он начал различать силуэты домов, потом предметы помельче. Теперь он уже видел площадь, коновязь, клубящиеся в углах домов тени.

— Пошли,— Модзолевский зажег фонарик.

— Пошли.

Тамбовцев шагнул вслед за ним и засмеялся.

— Ты чего?

— Как чего, впервые за границу попал.

Модзолевский повел лучом фонаря вокруг и сказал:

— Смотри на нашу заграницу.

Они миновали площадь, свернули на узкую улочку, прошли по ней, опять свернули и уперлись в тупик. В глубине его стоял дом.

Модзолевский осветил вырезанный из жести сапог, висящий над входом.

— «Мастерская «Варшавский шик»,— по складам прочел Тамбовцев.

— В маленьких городах так. Если пиво, то краковское, если шик, то варшавский.

Он постучал в окно. Дом молчал.

Капитан опять постучал, сильнее. Наконец где-то в глубине послышались шаги, сквозь штору блеснул луч огня.

— Кто? — спросили за дверью.

— Капитан Модзолевский.

Дверь приоткрылась медленно, словно нехотя.

Модзолевский направил фонарь. На пороге, закрыв глаза рукой от света, стоял невысокий человек в ночной рубашке.

— Мы зайдем к тебе, Завиша.

— Прошу пана.

Хозяин пошел вперед, приговаривая:

— Осторожнее, панове... Не убейтесь, панове... Тесно у бедного сапожника.

Они вошли в мастерскую, и хозяин засветил лампу. Сел у двери, настороженно глядя на офицеров.

— Слушай, Рысь...— начал Модзолевский.

Рука хозяина нырнула под кусок кожи.

— Не будь дураком. Если бы я хотел арестовать тебя, то окружил бы дом и пришел сюда не с русским офицером, а со своими автоматчиками.

— Что вам нужно? — хрипло спросил хозяин.

— Ты пойдешь к Жеготе. Не смотри на меня так. Пойдешь к нему и скажешь, что я и русский капитан хотят с ним поговорить. Мы придем вдвоем. Только вдвоем. Передай ему, что мы доверяем себя его офицерской чести.

Завиша встал, достал из-под кожи «люггер», сунул за пояс.

— Где я найду вас?

— Здесь. Мы посидим у тебя. И помни, мы доверяемся его офицерской чести.

Хозяин вышел.

— Связной Жеготы. Личный. Он ему верит. Завиша был сержантом в его роте.

— Слушай, Казик, а не хлопнут они нас? — Тамбовцев прилег на старый диван.

— Могут... А у тебя есть другое предложение?

Ах, какое было утро! Солнечное, росистое, чуть туманное. Добрая осень стояла над землей. Красивая, богатая и добрая.

Легко бежала бричка по полевой дороге. На душистом сене лежали Тамбовцев и Модзолевский. Конями правил мрачный Завиша.

Тамбовцев вдруг тихо запел старое довоенное танго.

В тот вечер в танце карнавала,
Я руки твоей коснулся вдруг,
И внезапно искра пробежала
В пальцах наших встретившихся рук...

— Я знаю эту песню,— засмеялся Модзолевский,— в нашем партизанском отряде были советские девчата-радистки, они ее пели.

И капитан подхватил:

Если хочешь, найди,
Если можешь, приди...

Завиша удивленно с козел смотрел на них. Поют. Значит, нет у них ничего дурного на уме. Он не знал слов, но поймал мелодию и начал подпевать:

— Трам-пам-пам-пам-пам...

Бричка въехала в лес, и затихла песня. И стали лица напряженнее и старше.

— Тпрруу,— натянул вожжи Завиша.

Дом. Самый обыкновенный. Даже красивый. И дверь в нем распахнута гостеприимно.

Офицеры спрыгнули с повозки, поправили обмундирование, пошли к дому.

Завиша глядел им в спину, поигрывая «люггером». Пограничники поднялись на крыльцо. Прошли прихожую, оклеенную обоями в цветочек.

Дверь в комнату была отворена. И они вошли в нее.

В пустой комнате у стола стоял человек в парадной польской форме. Воротник, шитый серебром, кресты на груди, конфедератка надвинута на бровь.

Увидев вошедших, офицер бросил два пальца к козырьку.

— Майор Жегота.

— Капитан Тамбовцев.

— Капитан Модзолевский.

— Вы, господа, положились на мою офицерскую честь и пришли. Спасибо. Я тоже полагаюсь на вашу честь. Слушаю вас.

— Господин майор,— Тамбовцев подошел к столу,— мы знаем вас как настоящего солдата Польши. Мы не будем говорить о политике. Я принес вам фотографию человека, которого вы знаете как полковника Грома. Кто он, вы узнаете из справки, которую наше командование поручило передать вам. Мы только надеемся, что солдаты Польши и вы, майор, не будете служить под командой оберштурмбаннфюрера СС.

Тамбовцев положил на стол пакет.

— Как найти нас, вы знаете. До свидания, майор Юрась.

Капитан кинул руку к козырьку и повернулся, словно на строевом плацу.

Пограничники вышли беспрепятственно.

Жегота раскрыл конверт, достал фотографию. Долго, очень долго смотрел на нее. Потом начал читать справку.

Война уходила на запад. А у заставы Кочина по-прежнему было тихо. Томился в ожидании капитан Тамбовцев. Каждый день полковник Губин докладывал Москве:

— Пока тихо.

Шлялся по пивным и базару Ярош.

Ждал капитан Модзолевский.

За окном светило неяркое солнце. Осень в Лондоне, как ни странно, выдалась сухой и безветренной. В кабинете было тепло, несмотря на строжайшую экономию, хозяин изредка растапливал камин. Бернс сидел у стола, огромного, темного, без единой бумажки на нем.

— У вас все готово, Уолтер? — спросил шеф.

— Да.

— Я говорил с человеком, он произвел на меня хорошее впечатление. Умеет думать. А это главное. Легенда?

— Вполне надежная. На ту сторону придет демобилизованный по ранению офицер. Документы подлинные. Он приедет в Минск, поступит работать на стройку техником. У него есть диплом. И будет ждать.

— Вы уверены, что он пройдет границу?

— Да. Люди майора Жеготы нападут на заставу. В момент боя его и переправят.

— А если неудача?

— Не должно быть, все учтено.

— А если все-таки провал? Не забывайте, мы числимся союзниками.

— У него есть запасная легенда. Что он местный житель, ушел с немцами, возвращается к жене.

— А жена-то есть?

— Конечно, шеф.

— Ну, что же, начинайте. И немедленно Колецки — в Лондон. Для него сейчас найдется масса неотложных дел. Ему придется работать с бывшими коллегами. Эти люди очень пригодятся нам в будущем. Начинайте операцию.

Ночью Колецки разбудил радист.

— Вам радиограмма, пан полковник. Вашим шифром.

Колецки сел на топчане, взглянул на колонку цифр.

— Идите, сержант, спасибо.

Когда радист вышел, Колецки поднял Поля.

— Берите всех наших, кто остался, и едем в квадрат 6Н-86.

— Уже? — спросил Поль.

— Да.

— Слава богу.

— Разыщите мне этого контрабандиста.

— Яроша?

— Да. И как можно скорее.

— Человека привезти сюда?

— Ни в коем случае. Спрячьте его в городе у Карла.

— Есть.

Поль встал и начал одеваться.

Утром Колецки лично явился к Жеготе. Майор брился, пристроив у окна маленькое зеркало.

— Пан майор, получен приказ. Послезавтра вы должны напасть на заставу у отметки 12-44.

— Чей приказ?

Жегота смотрел на полковника пристально и тяжело.

И Колецки на секунду смутился.

— Это приказ из Лондона.

— Хорошо.— Майор намеренно не называл Колецки по званию.— Хорошо,— повторил он,— я буду готовить людей.

Колецки вышел, а Жегота быстро добрился и вызвал адъютанта.

— Завишу ко мне, хорунжий.

— Слушаюсь, пан майор.

Ярош пил пиво. Ресторан был пустой. Занятые люди не заходили сюда с утра. Народ обычно собирался после обеда.

Распахнулась дверь, вошли трое. Они взяли пива и немудреной закуски. сели за столик в углу.

Ярош продолжал тянуть из своей кружки, глядя перед собой устало и тупо.

Один из вошедших подошел к его столу, наклонился.

— Добрый день, пан Ярош.

— Дела плохие?

— А у кого они нынче хорошие?

— Не откажитесь подсесть к нашему столу, у нас есть для вас интересное дело.

— Интересное дело! — усмехнулся Ярош.— Какие нынче дела? Штука сукна — уже интересное дело.

Но тем не менее он взял свою кружку и пошел к столу. Сел на свободный стул и очутился между двумя здоровыми парнями, напряженно смотревшими на него.

— Ну что за дело, панове? — Ярош без приглашения налил из их бутылки.

— Надо переправить человека на ту сторону,— сказал Колецки, твердо глядя в глаза Ярошу.

— Нет,— Ярош выпил рюмку,— товар — да, человека — нет.

— Мы хорошо заплатим.

— А что нынче стоят деньги?

— Ярош,— Колецки достал сигарету,— мы о вас знаем много. Вполне достаточно, чтобы Модзолевский передал вас русским. Но мы не будем этого делать. Мы убьем вас, Ярош.

Один из незнакомцев протянул руку, и в бок Яроша уперлось тонкое жало десантного ножа.

— А если меня возьмут русские?

— Они не возьмут вас. Риск минимален.

— Сколько?

— Десять тысяч злотых.

— Злотые нынче меряются на килограммы.

— Сколько ты хочешь?

Ярош покосился на нож, взял бутылку.

Сразу же второй сжал его локоть.

— Пусти,— Ярош вырвал руку. Налил. Выпил. Помолчал.— Еще десять тысяч советских рублей.

— Пять, Ярош, пять,— усмехнулся Колецки.

— Давай.

Хозяин, отойдя в угол стойки, внимательно смотрел за столиком. Одной рукой он расставлял кружки, другой доставал из ящика наган.

Колецки вынул бумажку.

— Подпишите, пан Ярош, так будет спокойнее и вам. Вы же коммерсант, а подлинная коммерция требует порядка.

— Когда вести человека?

— Завтра.

— Давайте деньги.

Ярош считал их долго. Аккуратно складывая каждую бумажку.

Колецки презрительно глядел на него. Он слишком хорошо знал таких людей, готовых за деньги продать свою жизнь.

Наконец Ярош вздохнул и сунул деньги в карман.

— Надо было поторговаться,— улыбнулся он.

— Подписывайте.

Ярош взял протянутую ручку, долго читал расписку. Потом подписал.

— Ну вот и все,— Колецки спрятал расписку в карман.

— Где мы увидимся? — спросил Ярош.

— Нам так приятна ваша компания, что мы просто не расстанемся до завтра.

Ярош хотел что-то сказать. Но, посмотрев на мрачных спутников Колецки, встал и пошел к выходу.

Они уже подходили к дверям, когда хозяин крикнул:

— Пан Ярош! Ваше сало и бимбер.

— Я сейчас,— буркнул Ярош и пошел к стойке.

Трое у дверей провожали его настороженными взглядами.

Хозяин достал из-под стойки мешок, протянул Ярошу.

— Передай,— тихо сказал Ярош,— переправляю завтра в ночь.

Он взял мешок, кинул на стойку деньги и пошел к дверям.

Завиша стоял на площади у дома, у дверей которого был прибит герб новой Польши. Серебряный орел без короны на красно-белом фоне.

Этот герб словно давил на него. Притягивал и пугал одновременно.

Завиша стоял на площади у коновязи, смолил огромную самокрутку и все не решался сделать первого шага.

А его сделать было нужно. Просто необходимо. И он шагнул, как в воду, и пошел через площадь.

У двери сидел капрал, положив ППШ на колени.

— Тебе чего, Завиша?

— Мне к пану капитану.

— Иди, он на втором этаже.

Завиша толкнул дверь, и она закрылась за его спиной, отгородив от площади, от людей у базара, от его прошлого.

Тамбовцев бежал на второй этаж, перескакивая через ступени. Он без стука ворвался в кабинет Середина.

— Что? — спросил его Губин.— Что?

— Радиограмма от Модзолевского.

Губин взял текст, прочел.

— Машину. Я лечу в Москву.

Начальник контрразведки, комиссар госбезопасности второго ранга, закончил читать документы и потер лицо ладонями.

— Ваше мнение, Павел Петрович?

— Я изложил его в рапорте, товарищ комиссар.

— Кровавую дорожку устелили они для своего агента. Кровавую. Значит, англичанам очень нужно, чтобы этот человек остался у нас на длительное оседание.

— Видимо, так, товарищ комиссар.

— Ну, что ж, Павел Петрович, поможем им. Пусть оседает. Под нашим контролем. Пусть. Только Колецки должен быть арестован, он не просто агент разведки, он военный преступник. На его руках кровь советских и польских граждан. Когда вы летите?

— Прямо сейчас.

— Желаю удачи.

Губин встал и пошел к выходу.

— Кстати, Павел Петрович,— сказал ему вслед комиссар,— подготовьте наградные документы на всех участников операции и не забудьте польских товарищей. А Ковалеву скажите, что ему присвоено звание подполковника. Пусть выезжает в Москву. Хватит, погулял в контрабандистах. А то привыкнет к фамилии Ярош и свою забудет.

Ярош не видел лицо человека, которого ему нужно было переправлять, он видел только его спину.

Они шли к реке. Колецки, двое его людей, агент и он.

Ночь была безветренной и светлой.

— Плохая погода для нашего дела,— сказал тихо Ярош.

— Ничего, я обещал, что пограничникам будет не до вас.

Они подошли к реке, и Ярош вывел из зарослей лодку.

— Садитесь,— сказал он агенту и забрался в лодку сам.

Внезапно правее вспыхнула красная ракета, потом еще одна. Ударил пулемет, ему, захлебываясь, вторили автоматы.

— Пошел,— Колецки оттолкнул лодку.

Секунда, и лодка растаяла в темноте.

— Все,— сказал Колецки,— наша игра сделана. Теперь надо спешить, за нами пришлют самолет.

Они втроем поднялись по тропинке и пошли, сопровождаемые звуками близкого боя.

Миновали поле, вошли в березовую рощу.

Колецки шел впереди, прислушиваясь к непрекращающейся пальбе.

Он услышал за спиной хриплый крик, обернулся, но чьи-то сильные руки сдавили ему локти, выкручивая их, и он застонал. Вспыхнул свет фонаря, и

он увидел Жеготу и Модзолевского. Поль лежал на траве, двое поляков вязали ему руки ремнем.

— Оберштурмбаннфюрер Колецки,— сказал майор,— именем народной Польши вы арестованы.

Капитан Модзолевский поднял ракетницу.

В черном небе лопнул зеленый огненный шар.

И сразу же стрельба стихла.

Колецки понял все и закричал, забился, пытаясь разорвать сильное кольцо рук, державших его.

Лодка приткнулась у берега.

— Теперь тихо,— прошептал Ярош,— идите за мной.

Они медленно начали подниматься по склону.

Тамбовцев видел, как две темные фигуры поднялись на склон и пошли вдоль опушки в сторону деревни.

— За мной,— прошептал он солдатам.

Старшина Гусев и трое пограничников неслышно двинулись за капитаном.

Ярош и агент вошли в деревню.

— Где живет Кучера? — спросил агент.

— В школе.

— Я пойду к ней, а ты иди в город, купи мне билет до Минска и жди на площади у вокзала.

— Деньги.

— Какие? Тебе же заплатили!

— Только за переход.

— На,— агент протянул ему пачку,— здесь хватит на все.

Из окна вокзала Губин и Тамбовцев наблюдали за площадью. Поезд до Минска должен был отойти через двадцать минут. Ярош стоял у киоска и пил квас.

— Едут,— сказал Губин и облегченно вздохнул.

На площадь выехала бричка, правила ею Анна Кучера.

Агент увидел Яроша и сказал тихо:

— Ликвидируйте его на обратном пути.

Анна молча кивнула.

Ярош подошел к бричке, протянул билет.

— Поезд отходит через пятнадцать минут. Ты подвезешь меня, Анна?

— Конечно, дядя Ярош.

— Тогда я папирос куплю, ты подожди.

Агент шел по перрону. Остановился у шестого вагона, протянул билет проводнику. Поднялся в вагон. Загудел паровоз, вагоны дернулись и медленно поползли вдоль вокзала.

— Все,— сказал Губин,— поехал наш красавец.

Ярош подошел к бричке, легко запрыгнул на козлы.

— Слезай, Анна.

— Почему? — не понимая, спросила она.

Ярош крепко взял ее за руку.

— Ты арестована, девочка.

Анна на секунду отвела глаза и увидела Тамбовцева и троих пограничников, идущих к бричке.

А война уходила все дальше и дальше на запад. Но еще впереди была последняя военная зима, а потом уж весна Победы. Война откатывалась, а на западную советскую границу выходили наряды. В любую погоду. В любое время.

ВОЛЬФГАНГ ШРАЙЕР,
немецкий писатель (ГДР)

НЕОКОНЧЕННЫЙ СЦЕНАРИЙ

Роман

День клонился к вечеру. Сидя за рулем машины, Ундина Раух спрашивала себя, как ей быть дальше. Это ее последний рабочий день. Совершенно неожиданно шеф объявил, что заказов больше нет и перед Новым годом фирма работу свою прекращает. Его слова ошеломили всех, ее же просто потрясли. Как это легко — снять табличку с двери кабинета и вычеркнуть название фирмы из торгового регистра. Рекламная студия «Мозаика», где она проработала двенадцать лет, приказала долго жить. С отцовской щедростью — поскольку Ундина ему нравилась — шеф заплатил ей содержание по март. Хватит, дескать, времени подыскать себе что-нибудь другое. Но дела в кинопромышленности шли на спад, и уверенности в завтрашнем дне Ундина не ощущала. И вообще, реклама ей бог знает как надоела.

Ундина включила приемник, поискала музыку. В Вольфратсгаузене уже зажглись уличные фонари, и не успела она еще добраться по федеральному шоссе № 11 до Форстенридерского парка, как началась метель. Свет фар встречных машин, словно заштрихованный падающим снегом, ломался на забрызганном грязью ветровом стекле. Ундина вдруг подумала: «Лутц Бернсдорф!» И решила отправиться к нему, тем более что ей все равно проезжать мимо Терезиенвизе, где он живет. А вдруг у Лутца найдется работа для нее, что-нибудь в художественном кино. Попасть туда было ее давнишней мечтой.

Внезапно слева от лесной опушки, между шоссе и железнодорожной насыпью, она увидела лежавшую колесами вверх плоскую спортивную машину. Ундине показалось, будто рядом с машиной она заметила чьи-то следы. Но впечатление это было столь же смутным, как и желание помочь. Тем не менее ногу с педали газа сняла, ход машины замедлила.

Там, где шоссе плавно сворачивало, стоял мужчина и махал руками. Ундина потянулась к ручке тормоза, хотя подбирать людей на дороге противоречило ее привычкам. Тем более одиноких мужчин. Но раз уж она едет так медленно... Да, но почему все-таки она остановилась? Уж не потому ли, что увидела какую-то связь между разбитой машиной и этим человеком, хотя скорее всего никакой такой связи не было? Катастрофа произошла, надо думать, сравнительно давно.

Мужчина сел в машину. Без лишних слов, без улыбки. «На вид ему около тридцати,— подумала Ундина.— Вид неухоженный, и чем-то он обеспокоен. Как забавно заиндевели кончики его курчавой бороды!»

— На автобус опоздали? — спросила она.

— Да. То есть нет, на поезд.

Она достала сигарету из перчаточного ящика, и он сразу же щелкнул дорогой зажигалкой, которая как-то не вязалась с его внешностью. Кисть у него тонкая, изящная, а рукав пиджака в грязи. Упал, наверное...

— Вы до центра едете?

— Почти. До выставки. Вам куда нужно?

— К Центральному вокзалу.

Ундина выключила радио, но тишина подействовала на нее угнетающе. Молчаливый попутчик тоже начал ее нервировать. Около Пуллаха пришлось остановиться перед шлагбаумом: через несколько долгих минут появился пригородный поезд. На него он вроде бы мог и успеть... Молчание становилось тягостным. Наконец оно ей надоело:

— Вы работаете здесь, за городом?

— Нет... Я пока учусь.

— И что же вы изучаете?

— Социологию. Вы возвращаетесь с работы?

— Заметно?

Он пожал плечами. Огни хвостового вагона исчезли в лесу, шлагбаум поднялся.

— И чем же вы занимаетесь?

— Рекламой. Маленькие рекламные ролики для телевидения.

— Натурные съемки? В такую погоду?

— В Альпах она подходящая. Однажды ради рекламы туалетной воды пришлось лететь в Ирландию. Сегодня оказалось достаточно Вендельштейна.

На его лице не появилось обычной в подобных обстоятельствах понимающей улыбки. Рекламу все считали делом увлекательным, серьезным и доходным: кто ею занимается, тот в чести. Профессия уважаемая. Он сказал лишь:

Я тоже снимаю.

— Развлекаетесь?

— Более или менее. Но я не любитель, снимать меня учили. Был оператором в бундесвере, делал, знаете ли, учебные фильмы...

Справа появились неясные очертания домов, и он попросил остановиться у первой телефонной кабины. Ундина видела, как он открыл дверь кабины, снял трубку, бросил монету, набрал номер — и все одной рукой. Милый молодой человек, но что-то с ним стряслось...

Когда Хассо фон Кремп снова сел в машину, он чувствовал себя лучше, потому что хоть что-то да сделал. И что из того? Что изменилось, если разобраться? Бенно мертв, машина разбита вдребезги, сам он черт знает в какую исто-

Журнальный вариант.

© Mitteldeutscher Verlag, Halle (Saale). 1977. Wolfgang Schreyer, Schwarzer Dezember.

рию влип — спасается бегством. В катастрофе он неповинен. Он лежал на опущенном сиденье рядом с местом водителя, когда Бенно на полном ходу влетел в кювет. Но когда дорожные полицейские вытащат Бенно из-под обломков и установят личность погибшего, то поймут, что перед ними труп человека, чей розыск объявлен политической полицией. Кремп не сумел заставить себя вытащить из карманов Бенно фальшивый паспорт и пистолет. Прошло не меньше пяти минут, пока он понял, что Бенно мертв, а он жив и невредим, если не считать порезов на левой руке.

— Выходит, мы с вами коллеги,— проговорила Ундина.— Ну, и что же такого снимают в бундесвере? Танковые атаки, учебные стрельбы?

— Наши короткометражки в техническом отношении не хуже ваших. Тоже смесь из «рекламы продукции и завоевания симпатий потребителя», как это называете вы.

— А сейчас вы что снимаете?

— Нечто совершенно противоположное: забастовки, захват домов, демонстрации и акции протеста... Я часто езжу туда, где что-то в этом роде назревает.

— Захват домов? Разве это вам по душе?

— Безусловно. Но больше всего по душе мне фильм на целый вечер. Документальный, но столь высокого качества, чтобы он мог завоевать широкую публику.

— «Некоммерческий и антисистемный», не так ли? — улыбнулась она.— И как же вы намерены пробиться с вашей критикой капитализма в капиталистический прокат, к «широкой публике»?

— Копии некоторых моих фильмов уже показывали молодежи. В разных местах, даже в тюрьмах. Но необходимо создать фильм, который не стыдно было бы повезти в Западный Берлин, Лейпциг, Локарно или Сорренто [1]. Ленты с этих фестивалей часто покупает телевидение.

— Аппетиты у вас немалые.

— Кто согласен на малое, не достигнет ничего.

— Отчего же? Среднего уровня он достигнет и на хлеб насущный заработает. Но вам, я вижу, это не по вкусу? То, к чему вы стремитесь, лучше начинать не в Германии. Начинать всегда имеет смысл с тем острого звучания. Их легче найти за границей.

— Да, это ваш рецепт: рекламу туалетной воды снимают в Ирландии, рекламу овощей и фруктов в Марокко, а ленты с критикой капиталистической системы в Индии или Чили?

Но она не так уж не права, подобные мысли приходили в голову ему самому. Он владел испанским и французским языками, долгие годы прожил в Лиме в семье своего дядюшки, который был там послом. Эксплуатация слабых сильными — чем не тема, пусть и вечная?

Ундина свернула на улицу Герцога Генриха, притормозила, дала задний ход и вырулила на стоянку.

— Я на месте. Но, может быть, никого не застану дома. Если вы немного подождете, я вас с удовольствием довезу до вокзала.

Ундина вышла из машины и исчезла в подъезде.

Кремп погладил начавшую вспухать тыльную сторону левой руки. Странная женщина. Захват домов заставляет ее поморщиться, а разговор продолжить хочет... Ундина все не возвращалась, и Хассо фон Кремп решил пройтись немного, размять ноги.

Аптека. Булочная. Маленький книжный магазин. Он пуст, скоро закроют. Кремп вошел вовнутрь, влекомый теплом и тем запахом книг, который он так любил сызмальства. На бестселлеры не обратил, как всегда, никакого внимания, подошел к стеллажам. Лишь теперь до него окончательно дошло, что он, как ни странно, жив. Пробежал глазами по корешкам изданий карманного формата, уже ни о чем, кроме покупки книг, не думая. Новых поступлений мало, все названия книг «левого» толка ему известны. Кроме двух. Удивительно, но у них уже есть брошюра о контрреволюции в Чили с анализом политических событий и документами о терроре. Рядом с ней — книжка в ядовито-зеленой обложке «Южная Америка: нищета и пытки». Он с любопытством взглянул на выходные данные — книжка вышла буквально на днях. Прочел несколько абзацев, и внезапно у него появилось чувство, что он держит в руках первый вариант сценария фильма, который с радостью снял бы сам.

Купил книжку и вышел из магазина. Увы, такой фильм ему снять не суждено. Для этого необходимо найти мецената, рискнувшего бы по самым скромным подсчетам двумястами тысячами. У кого столько лишних денег, тот миром доволен и в обновлении его не заинтересован...

Лутц Бернсдорф, блестящий режиссер и счастливый отец семейства, сорока шести лет от роду, искренне старался вникнуть в суть того, что говорила Ундина. Она никогда не была для него просто кошечкой: когда он приехал в Мюнхен восемь лет назад без имени и положения, Ундина приняла его без всяких условий, стала ему другом. Сейчас Бернсдорф ей от души сочувствовал, будучи глубоко разочарован в том, чем занимался сам.

Слов нет, еще немного, и он бесславно пойдет ко дну. Что из задуманного ему удалось осуществить? Ну, снял с дюжину боевиков, которые киношники в своем кругу называли «стреловидными»: они как бы впивались в кожу зрителя. Сентиментальные детективы и изящные мелодрамы, свидетельствовавшие о тонком вкусе режиссера. О да, продюсеры считали Бернсдорфа человеком, способным спасти сырой сценарий, вдохнуть в него жизнь, обогатить. А посему позволяли ему дорогостоящие натурные съемки, массовки и сцены погони в лондонском порту или даже в нью-йоркском аэропорту имени Кеннеди. Тем самым фильмы Бернсдорфа как бы претендовали на жизненное правдоподобие. Увы, оно ни разу не было достигнуто. Жизнь была иной, чем в его фильмах.

Какая между ними с Ундиной разница? Оба они верой и правдой служат одному божку, одному идолу — тому, что не дает людям думать. И разве так уж важно, что тебя отупляет: дурацкая реклама или бессмысленный фильм... Но сейчас Ундина говорила о чем-то другом, она, кажется, осталась без работы?..

— Фишер решил уйти на покой, представь себе, в пятьдесят с небольшим,— объясняла она.— Собирается слетать в Африку, на сафари. Но не через «Бюро путешествий», независимость для него превыше всего.

— С кем же он полетит?

— Он предпочел бы со мной. Спросил, согласна ли я сопровождать его. В Кению, «по следам Хемингуэя».

— А ты? Согласилась?

— Лутц! Мне нужна работа. Нет ли у тебя чего для меня? Может быть, в твоей съемочной группе?

Ему было неприятно огорчать ее, но свою съемочную группу он как раз распустил. Он сказал об этом Ундине и добавил:

— Я постараюсь разузнать что-нибудь. Было бы курам на смех, если бы мы тебя не пристроили... Не горюй, все уладится.

Ундина кивнула.

— Да, а сам я финишировал. Осталось еще кое-что по мелочам: перемонтировать, перезаписать звук, но тут они и без меня справятся. Знаешь, я сыт по горло... Хочу вырваться из этой клетки. Попытаюсь поставить настоящий фильм... Если я на это еще способен. Знаешь, чего мне не хватает? Другого климата!

— Тебе тоже? В моей машине внизу сидит еще один такой сумасшедший. Хочет снять большой фильм, с левых позиций, и по возможности за океаном.

Бернсдорф навострил уши.

— Кто он такой?

— А-а, студент. Но оператор профессиональный, научился этому в бундесвере. А теперь, представь себе, снимает акции протеста.

— Снять политический фильм на документальном материале за океаном? — Эта идея сразу понравилась ему.— Чудесно! Только... кто даст нам деньги? Впрочем, скорее всего твой Фишер. Ему все равно, охотиться на слонов или финансировать немецкое кино...

— Ты способен говорить со мной серьезно?

Ундина уставилась на него своими светлыми, несколько асимметрично расставленными глазами, из-за которых он некогда и обратил на нее внимание.

[1] Города, в которых проводятся фестивали документальных и короткометражных фильмов.

— Ты, Ундина, себя недооцениваешь,— сказал он.— Разве не с тобой он собирался лететь в Кению? Потом ты сказала, что он любит независимость, любит командовать. Если он станет нашим продюсером, мы ему это предоставим.

— Знаешь, кто ты, Лутц? Совратитель, Мефистофель!..

— «Дорога в ад устлана долларовыми купюрами». Вставай! Пойдем получать аванс на дорогу в ад!

Ундина дозвонилась до Фишера, тот согласился принять ее около десяти вечера. А потом они решили заехать к Ундине, тем более что это по дороге. Подойдя к машине, засыпанной снегом, Ундина сразу заметила, что попутчик ее дожидается. Молодой человек вышел им навстречу. Ростом он на голову выше Бернсдорфа, но не столь плечист.

— Кремп,— представился он.

— Я рада, что вы дождались меня,— сказала Ундина.— Это Лутц Бернсдорф, режиссер. У нас неожиданно родился серьезный план: снять за границей фильм. «Левый», конечно. И оператором мы видим вас. Кстати, у вас есть желание прогуляться в Африку?

— Почему в Африку?

— А что вы имеете против Африки?

— Латинская Америка мне как-то ближе.

— В чем вы видите разницу? Все страны одинаковы, как на экране телевизора.

— Если вы намерены снять фильм, который заинтересует нашего зрителя, вы должны выбрать страну, где капитализм не в зародыше, а уже достаточно развит.

Ундина почувствовала, что, если так пойдет дальше, им не договориться.

— Я бы все-таки посоветовал вам взять Гватемалу,— стоял на своем Кремп, который, подобно всем уроженцам севера Германии, был упрямцем.

— Где убили нашего посла? — спросил Бернсдорф.

— К самой стране это отношения не имеет.

— Дипломаты у вас не в почете, я угадал?

— Нет. Мой дядя дипломат. Я жил у него в Лиме.

— Понимаю. Значит, вы знаете испанский... Как ты считаешь, Ундина, сможем мы уломать Фишера? В силах он отказаться от сафари?

— Вы, наверное, задумали сделать игровой фильм? — спросил Кремп.— Тогда я для вас неподходящий человек. Я чистой воды документалист.

— Научиться можно всему,— сказала Ундина.

Вырулив в боковую улицу, полого ведущую вверх, Ундина подумала о том, каким непрочным оказался их план. Как легко все может рухнуть, причем даже не из-за Фишера, а из-за упрямства этих двоих.

Квартира в новостройке конца шестидесятых годов, маленькая, удобная, две комнаты с балконом. Кремп снял пальто, помассировал вспухшую руку и положил свою ядовито-зеленую книжку перед большим, в метр длиной, аквариумом.

— Только не сюда,— попросила Ундина.— Спугнете еще рыбок.

— Ты перед аквариумом отдыхаешь? — спросил Бернсдорф.

— Я получила его в наследство от предыдущего жильца,— принялась защищаться она.— «Левый» писатель, но сейчас ничего не пишет, переводит детективные романы.

— А раньше он что писал?

Ундина сняла с полки книгу, она называлась «Банановая война» и, судя по выходным данным, была с разрешения гамбургского издательства «Ровольт» издана в ГДР.

— Мистика,— сказал Бернсдорф.— Это книга о Гватемале. По-моему, вы вступили в заговор.

— Можно, мне взять ее? — спросил Кремп.— Я такие собираю.

— Эта тоже из вашей коллекции? — Бернсдорф постучал пальцем по книжке в зеленой обложке.

— Да, это последняя новинка.— Кремп открыл книгу на заложенной странице.— Прочтите, и вы поймете, почему я за Гватемалу, а не за Перу или Боливию.

— Я-то подумал, что вы хотите быть поближе к дядюшке.

— В Гватемале у власти так называемая Революционная партия. Программа у нее социально-либеральная, и фасад она пытается соорудить демократический. А за этим фасадом — двадцать местных семейств, которые фактически хозяйничают в стране. С помощью террора... Потрясающая модель. Здесь вы найдете все закономерности классовой борьбы, пусть и не в совсем привычной для нас форме; и ничего выдумывать не надо, события достаточно драматичны сами по себе.— Кремп говорил с жаром, размахивая рукой над аквариумом, чем напугал рыбок. Заметив это, он отошел от аквариума.

— Пива выпьете? — крикнула из кухни Ундина.

Она готовила яичницу; запахло жареным салом.

— Само название правящей партии звучит классически: «Партидо революсионарио», сокращенно ПР, как «Паблик релейшн», обработка общественного мнения, или, если расшифровать: меры монополий по манипуляции общественным мнением. Именно в этом и состоит задача ПР — обманывать людей, не подвергая угрозе привилегии двадцати семейств.

— ПР, очень хорошо. Это добавит нашей ленте «левого» перца.

Кремп испытующе поглядел на Бернсдорфа, силясь понять, уловил ли тот ход его мысли. От человека, снимавшего фильмы на потребу широкой публики, нельзя требовать слишком многого.

— Если вы согласны с моей идеей, я подберу завтра дополнительный материал.

— Государственная библиотека на Людвигштрассе. Сделайте нужные вам фотокопии за мой счет.

Кремп удивился: поддержки он никак не ожидал. Ундина принесла на тарелочках дымящийся «крестьянский завтрак». Безо всякой видимой связи Кремп сказал:

— Мне нужно еще в полицию, у меня украли машину. Заявить я уже заявил, теперь надо подписать протокол.

— Кто ваш отец? — спросил Бернсдорф без околичностей.

— Предприниматель. Фабрикант текстиля.

— Не горюйте! Сын за отца не ответчик.

Кремп почувствовал, что оба они с любопытством за ним наблюдают.

— Чтобы покончить с этим раз и навсегда: в армии я был фенрихом [1], муж моей сестры генерал-майор, среди нашей родни есть даже епископ.

Хозяйка дома удивленно приподняла брови.

— Что же, это вполне объясняет ваши «левые» убеждения. А вас случайно не лишат наследства?

— На большее, чем они обязаны выплатить по закону — в случае смерти отца,— мне рассчитывать не приходится. А сейчас у меня не хватит денег даже на постановку трехчастевки.

— Выходит, вся надежда на Фишера.— Бернсдорф собрал с тарелки шкварки.— Да, а что мы ему предложим? Нищету, пытки и банановую войну вместо сафари?

— Нет. Острый сюжет. Настоящих противников режима. Вы найдете в этой книге пять имен легендарных герильерос. Трое или четверо из них погибли. Но имя Кампано упоминается постоянно, на протяжении многих лет. Никто не знает, где он скрывается. Появляется, наносит удар по правительственным войскам — и словно растворяется в пространстве... Разве он не герой для нашего фильма?

Бернсдорф поднял руку, прерывая Кремпа. У него было такое чувство, что идея, которую он уже схватил за хвост, вот-вот ускользнет.

— Вы — документалист, я — из игрового кино, и обращать друг друга в свою веру мы не будем. И все-таки... Почему бы нам не слетать туда и не разыскать этого Кампано? Разузнаем о нем все: откуда он взялся, как складывалась его жизнь, где он сейчас, а вы будете документально снимать все этапы нашего «следствия». И с божьей помощью в один прекрасный день он предстанет перед нами где-то в джунглях.

Кремп пощипывал свою бородку.

— Кроме того, мы снимем там несколько драматических сцен из его жизни. Пригласим не профессионалов, а любителей, чтобы все было как в жизни. И обе линии свяжем, чтобы они совпали по времени.

---

[1] Фенрих — младшее офицерское звание в бундесвере.

«Самое тяжелое как будто позади»,— думалось Бернсдорфу. Согласие Фишера представлялось ему пустой формальностью. Кто сможет устоять перед такой киноидеей, кого она не подкупит?

Когда они собирались ехать, Ундина сказала:

— Его вилла в Вальдтрудеринге. Ждет он меня одну, так что вам лучше подождать немного в машине.

— Покори его своей красотой! — пошутил Бернсдорф.

А Кремп спросил:

— Думаете, мы можем рассчитывать?..

— Ну, разумеется! Он только и мечтает, чтобы его покорили и завоевали.

...Им никогда не суждено было испытать большего единодушия, чем в это мгновение.

Обитую кованым железом дверь виллы открыл сам Фишер, грузный мужчина с пышной седой шевелюрой. «Значит, передумала, поэтому и приехала»,- сказал себе он, объясняя причину визита Ундины. Помогая ей снять пальто, он ощущал себя помолодевшим. Ему нравилось это хрупкое создание, украшение его фирмы, но сблизиться с ней он никогда не пытался. Здравые принципы не должны знать исключений.

Проводив Ундину в гостиную, предложил выпить. Ундина отпила шерри.

— Вас очень огорчило бы, если бы вместо Кении мы отправились... например, в Гватемалу?

Не ответив на вопрос, Фишер взял из шкафа толстый справочник, нашел нужную страницу и прочел вслух:

— «Теплоходом из Генуи двадцать дней, самолетом из Франкфурта через Канаду — пятнадцать часов до Мехико, оттуда ежедневные рейсы местных авиалиний... Сервис, включая билеты туда и обратно, в первом классе пять тысяч марок». Полетим? Или поплывем?

— И вы согласны отказаться от сафари?

— Зачем нам сафари? Ты права. Гватемала — это то, что нужно. Руины майя, вечная весна, лучший кофе в мире. Как ты додумалась?

— Там можно снять фильм.— Сердце Ундины забилось.— Игровой фильм... Маленькая съемочная группа: мы с вами и еще двое.

Он захлопнул справочник.

— Ах, вот оно что...

Все пропало, Фишер отказал, это ясно. Провал своего плана она восприняла с острой болью, когда услышала вдруг голос Фишера:

— Если эти люди ждут в машине, пригласи их.

Эрвин Фишер был профессиональным военным, в двадцать пять лет входил в состав десантно-диверсионной группы, потом отбивал атаки новозеландской пехоты в Монте-Кассино, где и оставил ногу. После войны учился в торговой школе, служил мелким страховым агентом, торговал подержанными автомобилями. И однажды ему повезло: принадлежавший ему участок земли, на котором стояли жалкие развалины, понадобился муниципалитету под застройку. На полученные в виде возмещения деньги он основал акционерное общество «Мозаика» и, не обладая для начала даже скудными профессиональными познаниями, начал медленно, но верно подниматься на гребень волны кинорекламы. Он «сам себя сделал».

И вот сейчас, на вершине успеха, Фишер решил уйти на покой. Вот-вот вовсю громыхнет кризис, так что о каких дивидендах может идти речь? «И никто не скажет, зацветет ли яблонька опять»,— как поется в песне. Во всяком случае, былого не вернешь... А эти пришли к нему с идеей фильма.

— Мы рассчитываем обойтись весьма скромной суммой,— сказал Бернсдорф.— Наличными тысяч двести, не больше.

— Я знаю, господа, район Карибского моря входит в моду. Итальянцы повторно снимают на Гаити историю с «Баунти», с сотней голеньких негритянок... Но Гватемала? Самая дорогая страна в том районе! Ее валютная единица приравнивается к доллару.

— Курс доллара падает,— заметила Ундина.

Приход этой троицы и предложение Ундины растревожили его, в нем ожила и затрепетала предпринимательская жилка. Что ж, они вполне могут оказаться серьезными партнерами. Людей

Рисунок В. ПЛЕВИНА

типа Кремпа он поначалу всегда инстинктивно сторонился, зато у Бернсдорфа большое имя в мире кино, и ему лучше знать, кого взять в операторы.

Пришлось еще выслушать рассказ Кремпа о народном сопротивлении, неоколониализме, режиме ПР и прогрессивном кино. Фишер сухо улыбнулся.

— Подобные планы обычно терпят провал. С чего вы вообще взяли, что в Гватемале вам разрешат снимать такой фильм?

— Правительство Гватемалы заинтересовано в том, чтобы мир знал о его демократичности.

— Что вы и намерены опровергнуть?

— Господин Фишер, давайте говорить откровенно,—сказал Бернсдорф.— Представим себе, что нас ждет неудача. Но вы лично ничего не теряете. Судите сами. Мы еще первого кадра не снимем, а уже так раздуем в ведомостях сумму затрат, что небу жарко станет. Выпишем, к примеру, сорок тысяч за сценарий, который между делом настрочит господин Кремп совершенно бесплатно. А кто сможет проверить, какой гонорар мы платили тамошним актерам, массовке и техперсоналу?

Такие речи и слушать приятно; Фишер знал, что Бернсдорф дело говорит.

— Денежные расчеты будут по вашей части,— сказал Кремп.— Нам безразлично, сколько вы будете нам платить. Для нас главное — снять фильм.

Фишер промолчал. Последние слова Кремпа вызвали в нем явную неприязнь. Он терпеть не мог людей, подчеркивавших свое бескорыстие. От таких только и жди подвоха.

— Не сердитесь, шеф,— тихо проговорила ему на ухо севшая рядом Ундина.

В продолжение разговора она несколько раз не соглашалась с Кремпом, поправляла его, вот и теперь тоже. Фишер чувствовал, что она на его стороне, а не на их... Нет, не хочет он больше встречать Новый год в одиночестве! Лучше уж с ними, пусть их пока и заносит на поворотах. А он-то на что? Чтобы они не натворили глупостей!

— Хорошо, я согласен. Мы можем лететь через три дня.

Из бортовых динамиков, вмонтированных в верхние панели, доносился голос стюардессы — мягкий, успокаивающий, чуть хрипловатый из-за помех: «...Мы подлетаем к острову Ньюфаундленд. Летим на высоте одиннадцать тысяч метров со скоростью девятьсот километров в час».

Бернсдорф закрыл глаза. Как бы там ни было, он ощущал прилив сил. Наконец опять в пути, идет по следам человека, которого зовут Кампано и о котором известно лишь то, что он остался верен своим убеждениям до самого последнего часа. А почему, собственно, «последнего»? Кто сказал, что Кампано убит? Таких данных нет, а значит...

Эрвин Фишер попросил стюардессу принести рюмку коньяка. От некоторых фраз в зеленой книжке, которые отчеркнул Кремп, ему становилось не по себе. «Двадцать восемь арестованных «левых» подверглись неслыханно жестокому обращению; так, например, Карлос Соса Варильяс был сначала распят, а затем кастрирован». Фишер перелистал несколько страниц. «Трупы были выброшены из самолета над Тихим океаном». Читать дальше нет никакого желания, голова его от всего этого разболелась.

В сетках кресел торчали свежие газеты, и Фишер достал одну из них. «Ю. С. ньюс энд Уорлд рипорт». В глаза бросился заголовок: «Избирательная кампания в Гватемале происходит в атмосфере насилия. Жертвами ежедневно становятся три-четыре человека». Перегнувшись через кресло, он протянул газету Кремпу.

— Как-никак выборы, — сказал тот.— А не военный режим! Военные выборов не проводят.

Четыре часа утра. А по местному времени десять вечера. «Через пятнадцать минут мы будем над Мексиканским заливом в районе Нового Орлеана»,— негромко проговорила стюардесса. Фишер мелкими глотками отхлебывал горячий кофе из чашки. Не в состоянии сосредоточиться на чем-то определенном, он опять раскрыл зеленую книжку.

Красный карандаш Кремпа заставил его прочесть следующие строки: «Революционные вооруженные силы (ФАР) усилились с притоком студентов университетов. Постепенно ФАР становятся военной организацией коммунистической партии, хотя формально ей и не подчиняются. Герильерос похитили целый ряд видных лиц, чтобы обменять их на политических узников. Отдельные уголовные элементы, воспользовавшись неразберихой, в свою очередь, провели ряд похищений, выдавая их за акции ФАР и требуя выкупа. В 1967 году выяснилось, что глава этой банды похитителей и шеф уголовной полиции — одно и то же лицо». Последнее предложение не было подчеркнуто, но крепко засело в голове Фишера. В его воображении начали возникать одна картина за другой. Шеф полиции — похититель! Классический гангстерский сюжет с серьезной политической подоплекой... А если это решить в комедийном, гротесковом плане? Он так и слышал взрывы хохота в зале. Люди ходят в кино либо для того, чтобы отгадывать загадки, либо чтобы посмеяться. Жизнь и без того достаточно сложна...

Хассо фон Кремп проснулся в номере отеля «Майя Эксельсьор» от какого-то шороха. Наверное, коридорная прибирает в соседней комнате. Он заморгал от яркого зеленоватого света, проникавшего в спальню сквозь прорези жалюзи, ощутил дыхание совершенно бесшумного кондиционера, излишней роскоши на высоте 1400 метров над уровнем моря, где воздух и без того свеж и приятен...

Самолет компании КЛМ приземлился в аэропорту «Ла Аурора» с восходом солнца. Под предлогом, будто Кремп снимал военные самолеты, таможня наложила арест на всю съемочную аппаратуру. Обычный трюк таможенников, вымогают взятку...

Вот снова этот шорох. Неужели он забыл повесить на двери номера табличку «Но молесте» — «Не беспокоить»?

Кремп приподнялся на постели. Нет, он точно помнит, что табличку на дверь он все-таки повесил. Значит, в передней комнате непрошеный гость. Прошел туда. Навстречу ему поднялся господин лет сорока, в светлом, сшитом на заказ костюме, брюнет с карими миндалевидными глазами.

— В мои планы отнюдь не входило разбудить вас,— сказал он, предъявляя полицейское удостоверение.— Полет утомил вас, понимаю... Вот я и решил дождаться вашего пробуждения здесь.

— Надеюсь, вам не пришлось скучать.

— Нет. Полистал вот эту книжонку.— Гость указал на брошюру в зеленой обложке.

— Вы читаете по-немецки?

— Я хорошо знаком с испанским оригиналом, господин фон Кремп. Я — майор Понсе. Мне требуются некоторые сведения. У вас вышли неприятности на таможне?

Кремп рассеянно кивнул.

— Что ж, охотно верю вам, что самолеты наших ВВС вас нисколько не интересуют... Таможенники часто преувеличивают. Но без специального разрешения нельзя, кажется, снимать ни в одном аэропорту?

— Майор, я всего лишь хотел запечатлеть на пленке момент нашего прибытия в Гватемалу. Вы можете убедиться, что на пленке есть кадры, снятые в двух других аэропортах. Впрочем, мы уже отправили в министерство внутренних дел необходимые документы с просьбой разрешить нам съемки фильма.

— Именно по этой причине я здесь. Что вы намерены снимать у нас? Путевые впечатления?

— Можно сказать и так.— Снотворное еще действовало, но, несмотря на заторможенную реакцию, Кремп был настороже.— Я документалист...

«Лучше говорить поменьше»,— подумалось ему.

— Таможенники сообщили, что вы привезли много осветительной техники.

— Да, сколько положено...

— А как вы считаете, мне не положено задать вам несколько вопросов? — тон Понсе оставался по-прежнему любезным, но улыбка...— Едва успев приземлиться, вы уже неоднократно наводили справки о повстанцах. И о так называемых городских герильерос, и о партизанах в горах. Поймите, пожалуйста, что это наводит на некоторые раздумья о цели вашего приезда. Согласитесь, любое правительство встревожится, если кто-то будет настойчиво интересоваться его противниками.

— Причина моих расспросов — некоторое наше беспокойство,— ответил

Кремп, полностью овладев собой.— Снимать фильм можно только там, где съемочная группа будет в безопасности. Вам, очевидно, знакомы статьи из зарубежной печати о положении в вашей стране? Насколько они правдивы, я не знаю. Однако, будучи переводчиком нашей группы, я считаю своей обязанностью разузнать, спокойно ли в том или ином районе.

— У нас везде спокойно.— Майор направился к двери. Ростом он был ниже Кремпа.— Благодарю вас. Ваши сведения меня удовлетворили. Извините, что побеспокоил.

Едва оставшись один, Кремп схватился за телефон, чтобы предупредить Фишера и Ундину Раух. Но в номерах их не оказалось, придется спуститься в ресторан. Хотя он и считал, что вел разговор умно и осторожно, майор Понсе — человек, которого следует остерегаться.

Переодеваясь, он бросил взгляд на раскрытую книжку. Вот что было подчеркнуто: «Положение обострилось в 67-м году в связи с катастрофическим сокращением экспорта кофе, а также после убийства правыми экстремистами в январе 1968 года бывшей «мисс Гватемалы». Двадцатишестилетняя девушка, подруга герильеро Хуана Кампано, была найдена на шоссе в восьмидесяти километрах от столицы — раздетая, изнасилованная, со следами зверских пыток».

Фишер и Ундина заказали в ресторане на обед блюда китайской кухни. К ним за столик подсел господин со сплюснутым носом, в спортивном костюме строгого английского покроя, с виду мулат, и предложил свои услуги. Он, дескать, знает страну как свои пять пальцев и, что не менее важно, является одновременно хозяином и пилотом самолета. Самолет очень удобный, и за все про все — за обслуживание, услуги стюарда и горючее — он просит каких-то двести долларов. Приключения и развлечения гарантируются.

— И куда бы вы с нами полетели? — спросила Ундина.

— Куда угодно, леди. Если пожелаете, даже к руинам Копана. Они, правда, в Гондурасе, но если вы хотите...

— А в горы, к герильерос?

— Каким еще герильерос? — Он всплеснул руками.— Все они убиты, леди. Никого не осталось.

Фишеру он надоел. Хотя ему нравилось говорить по-английски с людьми, владевшими языком еще хуже его, он решил от мулата избавиться. И знал как: есть один трюк, срабатывающий в банановых республиках безошибочно.

— Почему вы все время повторяете, что ваш президент болван? — спросил он, повысив голос.

Мулат от удивления потерял дар речи.

Фишер снова повторил свои слова. Громче.

Летчик испуганно вскочил со стула, беспомощно взмахнул руками.

— Вы меня неправильно поняли. Я сдаю внаем самолет, политика меня не интересует... Прощайте.

А несколько минут спустя к ним подошел элегантно одетый мужчина.

— Простите, вас потревожили?

— Пустяки. Вы детектив отеля?

— Не совсем, сэр. Я майор Понсе из уголовной полиции. Позвольте сесть за ваш стол?

Фишер вытер салфеткой губы, аппетит окончательно пропал. В том, что они прилетели в полицейское государство, сомневаться больше не приходится.

— Господин Фишер, вы возглавляете немецкую киногруппу, которая собирается снимать у нас фильм,— сказал майор по-английски.— Разрешите осведомиться, что это будет за фильм? — произношение у него было безупречным.

— Веселый игровой фильм.

— Не затруднит ли вас рассказать о нем поподробнее?

Фишера так и подмывало подсунуть майору свою историю с похищением; однако он вовремя сообразил, что острие ее направлено против полицейского ведомства.

— Готового варианта сценария у нас нет, майор. Мы хотим оглядеться на месте. Такой путь представляется мне более продуктивным.

— И все же какова тема фильма? Главная его линия, так сказать?—Понсе перевел взгляд на Ундину.— Да, я знаю, это госпожа Раух, ваша помощница... Чего вы хотели бы добиться в итоге?

— Полных сборов, майор. К этому ведут два пути: надо людей заставить либо плакать, либо смеяться.

— Либо ужасаться. Увы. В зарубежной печати нередко появляются сенсационные сообщения о жизни в нашей стране. Смесь из экзотики и ужасов хорошо продается. Мы же особых восторгов по поводу появления такой «рекламы» не испытываем.

— В современном кино судьбе женщины уделяется мало внимания,— сказала Ундина.— Нет и серьезных ролей для женщин. А мы хотели бы рассказать о судьбе женщин вашей страны, майор. Их проблемах. Об эмансипации, например.

— Благодарю, на сегодня я удовлетворен.— Понсе поднялся и учтиво поклонился.— Я не стану вас более беспокоить. Другие, надеюсь, тоже. Желаю больших успехов. А сценарий — пусть зреет.

Такси здесь стоит дешево. Водитель, который вез Бернсдорфа из аэропорта в отель, сказал:

— Два доллара в час, сэр. Все равно ехать будем или стоять.

В аэропорту Бернсдорф ничего не добился ни с помощью денег, ни увещеваниями. Аппаратуры ему не вернули. Не получил он и вразумительного ответа на свои вопросы. Кто советовал обратиться в главное таможенное управление, кто в полицию, кто не то в министерство внутренних дел, не то в министерство просвещения. Во всех комнатах, в которые он заходил, на стене висел один и тот же портрет — улыбающегося во весь рот президента Араны, красавца мужчины в генеральском мундире. Правительство ПР бесславно ушло в отставку, и политика социального либерализма и терпимости предана забвению. Офицеры, принимавшие Бернсдорфа, ссылались на какое-то высокопоставленное начальство, до которого рукой не достанешь. Положение вещей отнюдь не соответствовало картине, нарисованной «шеф-идеологом» Кремпом.

Белые бунгало, пышная зелень. Столицы этого континента проявляли чудеса выдумки и изворотливости, чтобы отсталость и нищета не бросались в глаза хотя бы по пути из аэропорта в центр.

«Авенида де ла Американ»,—прочел Бернсдорф на табличке одного из домов. Что-то знакомое... Не тут ли похитили графа Спрети, посла ФРГ? Нет, до того места они еще не доехали, это на перекрестке с 16-й улицей, объяснил шофер.

— А вот тут, сэр, застрелили шефа американской военной миссии. Он ехал с военно-морским атташе в «Форде-67», а убийцы стреляли из «шевроле», который их обогнал.

У этой улицы, как видно, богатая история; водитель объяснял все происшествия с точки зрения профессионального автомобилиста: скорость, марки машин, кто откуда выезжал...

— Когда это произошло?

— После убийства подружки Хуана Кампано. Отомстили...

Бернсдорф насторожился:

— Разве ее убили американцы?

— Нет, это были другие люди... Гватемальцы.

— А что это за люди? Не из «Белой руки»?

Водитель сразу скис.

— Нет, другие. А кто, не знаю.

— Почему же застрелили янки, если они ни при чем?..

Водитель нажал на тормоза.

— «Майя Эксельсьор», сэр. С вас один доллар двадцать центов.

В холле отеля Бернсдорф сел на табурет перед полукруглой стойкой бара. Все как-то безрадостно. Почему водитель ни с того ни с сего испугался? Режиссер сделал несколько глотков из запотевшего стакана, когда на соседний табурет села молодая женщина с газельими глазами. Нежная смуглая кожа, глаза искусно подведены, ногти тонких длинных пальцев отливают перламутром — светская дама.

— Простите, вы не из немецкой киногруппы? Вы не шеф, не господин Фишер?

Начало обнадеживающее. Он покачал головой.

— Нет, не шеф.

Она достала из сумочки листок бумаги.

— Тогда вы господин Бернсдорф,

режиссер. А я Виола Санчес из «Ла Оры», это столичная вечерняя газета. Не согласитесь ли вы дать нам интервью?

— А редакционное удостоверение у вас есть? — спросил Бернсдорф и сразу поймал себя на том, что вопрос его невежлив. Запоздалая реакция на поведение таможенных чиновников. Взглянув на визитную карточку, поторопился заказать даме «дайкири», словно желая искупить свою вину.— Вы из отдела местной хроники? Какого направления ваша газета?

— Умеренно-либерального. И еще мы немножко националисты, то есть поругиваем США. Наш издатель — Клементе Маррокин, бывший вице-президент.

— Во время правления ПР?

— Вы хорошо информированы. Можно ли из этого заключить, что вы предполагаете снимать политический фильм?

— «Нет искусства вне политики»,— вспомнился Бернсдорфу афоризм из далекого студенческого прошлого.

— Вот и мы так считаем,— по губам Виолы Санчес скользнула улыбка.

Осторожно! Она ничего не записывает, но все запоминает и впоследствии использует.

— О чем ваш фильм? — спросила журналистка.

— Знаете, с той минуты, когда мы в Европе сели в самолет, я не сомкнул глаз. Боюсь нагородить всякой ерунды. Если хотите, приходите завтра.

— Почитать сценарий дадите?

— Пока у нас нет сценария, мисс Санчес. В настоящий момент мы думаем и гадаем, как вызволить нашу аппаратуру.

— Хотите, я помогу вам? Мы, правда, в оппозиции, но кое-какими возможностями обладаем. Министр просвещения — из нашей партии.

— К этому разговору мы вернемся. Большое спасибо, спокойной ночи!

В справочном бюро сидела женщина; ее густые черные волосы с прямым пробором на испанский манер перехвачены на спине лентой... Кого она ему напоминает?

— Майор Понсе,— прервал ход его мысли подошедший мужчина.— На два слова, господин Бернсдорф.

— Я собирался вздремнуть, но... Чем могу служить?

Бернсдорф устало улыбнулся: все его знают, прямо как в мюнхенском «Доме кино». Итак, полиция. Будь этот человек из службы безопасности, то дожидался бы его, Бернсдорфа, возвращения наверху, в номере, чтобы продемонстрировать власть. А подойти у лифта? Где расчет на элемент неожиданности, эффект испуга? Даже полиция обычно работает с большей выдумкой. Поставлено, как говорится, без чувства стиля.

— Майор, вы чем-то встревожены?

— Вовсе нет. Однако меня несколько беспокоят разноречивые слухи о задуманном вами фильме.

— И кто же эти слухи распространяет?

— В этом-то вся соль: ваши друзья. Мне были изложены три версии фильма; согласитесь, многовато. Господин фон Кремп хочет снять фильм-репортаж, господин Фишер веселый игровой фильм, а мадам Раух — фильм о судьбе современной женщины. Как вы это объясните?

— Возможно, причина в вашем умении вести беседу в непринужденном тоне, майор. Мои сотрудники сочли, что с ними просто мило беседуют, а не расспрашивают по долгу службы. Вот они и ответили каждый на свой лад. Кремпу ближе человеческий документ, Фишер — жизнелюб, а мадам Раух — женщина до мозга костей.

— Согласен с вами. Тем не менее их расхождения не могут не удивить,— усмехнулся недоверчиво Понсе.

— Довольно давно, побывав на Кубе, я носился с мыслью снять пиратский фильм. Но то, с чем я там столкнулся, перечеркнуло все мои планы, и получилась чисто лирическая картина, все действие которой происходит на суше, моря нет и в помине. Вот и говори тут о планах.

— Когда вы были на Кубе?

— До Кастро. Я, знаете ли, давно в кинобизнесе.

Бернсдорфу всегда доставляло наслаждение играть роль человека зрелого, умудренного опытом, изворотливого.

— Допустим, что людям кино присуще мечтать,— сказал, подумав, Понсе.— Пусть это часть вашей деятельности; только мечты у ваших партнеров чересчур воинственные. Например, у вашего оператора в номере лежит маленькая зеленая книжка. В ней много подчеркнуто. Особенно часто — имя Кампано.

— Книжка... сомнительная?

— У нас книг не запрещают. С виду это книжка новая, но это перевод, оригинал вышел три года назад в Париже. Того, о чем в ней говорится, давно нет в помине: например, в Гватемале нет герильерос.

— Куда же они девались?

— Прекратили сопротивление, сдались.

— Сдались? Такие люди, как Кампано?

— Спросите на сей счет даму, которую угостили коктейлем. Как я понимаю, она обещала вам помочь...— Майор кивнул на прощанье.— И пожалуйста, перешлите нам подробную заявку на фильм, если вы хотите получить обратно свою аппаратуру.

Они сидели в ресторане «Алтуна», и отнюдь не итальянская кухня их соблазнила, сюда их привели опасения, что в «Майя Эксельсьоре» их подслушают. Ундина открыла записную книжку.

— Нам поможет посольство! Завтра же поеду туда! Апартадо, 1252. Это скорее всего рядом.

— «Апартадо» — значит «почтовое отделение»,— сказал Кремп.— Лучше поеду я.

— Бессмысленно! Посольство вмешиваться не станет.

— Трубите сигнал к отступлению, шеф? — спросил Бернсдорф.— После первого соприкосновения с противником? Не думаю, чтобы в Италии, будучи десантником...

— Едем в посольство,— перебил его Кремп.— Помогут — не помогут. А пока и без аппаратуры будем искать Кампано, где бы он ни был. Не могли все герильерос сложить оружие!

— Почему вы так думаете? — спросил Фишер.

— Чувствую инстинктивно. Слишком некоторые на этом настаивают...

— Разве вы не поняли, что «левые» раздавлены?

— Если это правда, — сказал Кремп,— благодаря нашему фильму мир узнает, что здесь к власти пришли фашисты.

— Потише, дорогой друг. У меня такое впечатление, что вам с вашими взглядами здесь несдобровать,— вмешалась Ундина.

— Вот что,— начал Бернсдорф.— Я, по-моему, придумал название. Итак, «левые» разгромлены... Кампано нам не найти... У нас самих дела не ахти... Не назвать ли нам все это «Черный декабрь»? И снимать все по порядку: как мы к нашей идее пришли, как ищем Кампано — и что из этого выйдет.

Фишер допил бокал красного вина. Все. Они от своего намерения не отступятся. Во избежание худшего он вынужден пойти с ними. Черт знает на что они его толкают! Как это поется в песенке: «Необходима осторожность, добра не жди...»

Фишер ощущал прилив сил. Когда Бернсдорф, побывавший с Кремпом в посольстве ФРГ, сказал, что дипломаты и пальцем не пошевелят, чтобы им помочь, он воспринял это как вызов. Вот теперь поглядим, кто способен сдвинуть воз с места! Он постучал в дверь смежного номера Ундине.

— Захвати план города!

Бернсдорф с Кремпом сели на мель, теперь его очередь показать, на что он способен. «Почетный» консул Гватемалы [1], представитель фирм, сбывавших в ФРГ карибский ром, снабдил его рекомендательными письмами. Самое важное из них адресовано Харри Ридмюллеру Алехо, гватемальцу немецкого происхождения, хозяину горнорудных предприятий.

Лимузин, взятый напрокат в отеле, катил по авениде де ла Реформа. Ее еще называли Пассо, местом для прогулок. Полдень, пропитанный солнцем. Пальмы покачивали своими опахалами

[1] «Почетный» консул — должностное лицо или представитель деловых кругов, выполняющий по совместительству обязанности консула страны.

над всем этим лакированным пестрым потоком автомобилей, словно благословляя атрибуты прогресса и процветания. Фишер вел машину с таким спокойствием, будто ехал по Мюнхену или Вене, и приглядывался к номерным табличкам на домах. Уверенно свернул в тихую боковую улицу, бунгало которой до смешного походили одно на другое. Фишер осторожно погладил ладонь Ундины и бросил на нее быстрый победоносный взгляд. С какой-то особенной остротой она ощутила, что все это он делает ради нее. Не будь ее, он еще вчера заказал бы обратные билеты. Вот какими глупыми бывают мужчины! И все-таки ей было приятно...

Они притормозили перед единственными на всю улицу металлическими решетчатыми воротами с кипарисами по бокам и кирпичным столбиком с полированной табличкой фирмы БОА.

— Приехали, Ундина.

Действительно, уголок Германии. За кустами жасмина и можжевельника — рощица хвойных деревьев; карликовые пинии, серебристые ели и цветущий дрок испускали родные сердцу запахи. Миловидная девушка-метиска проводила их в гостиную, своей обстановкой как две капли воды напоминающую отлакированные снимки из рекламных проспектов.

Харри Ридмюллер велел принести прохладительные напитки. Высокорослый толстый блондин с вывернутыми губами, в светлых брюках и клубном пиджаке цвета морской волны. Внешность внушительная, хотя и неприятная. Бросая кубики льда в стаканы и отвечая на приветствия Фишера, он несколько раз прошелся придирчивым взглядом по фигуре Ундины. Она чувствовала себя неловко. Ридмюллер достал из бокового кармана очки и пробежал глазами рекомендательное письмо. «Глаза у него рыбьи,— подумала Ундина.— Серые, навыкате. Взгляд неприятный, липкий какой-то. Сразу видно, сластолюбец».

Мужчины обсуждали интересующий их вопрос, как бы его не касаясь. Так два мясника, знающие все цены на телятину, баранину и свинину и обо всем заранее договорившиеся, говорят во время торгов о верховых лошадях.

— ...Моя группа хочет снять фильм реалистический, хотя я и не понимаю, что это значит. Мадам Раух у нас директор фильма, она объяснит вам все подробнее.

— Это будет что-то о герильерос,— неопределенно сказала Ундина.

Ридмюллер задержал взгляд своих рыбьих глаз на Ундине дольше, чем того требовали приличия.

— Понятно. Вопрос в том, как вы к ним относитесь.

— Ход событий мы думаем показать с точки зрения жертв этих событий,— осторожно выразилась Ундина.

Ридмюллер кивнул. Заподозрить человека вроде Фишера в сочувствии революционным реформам ему, естественно, и в голову не пришло бы.

— Получение разрешения на съемки — формальность,— проговорил он наконец.— Полиция пыжится перед выборами, набивает себе цену. Все пойдет своим чередом, кто бы на выборах ни победил. Кстати говоря, эти вопросы в компетенции министра просвещения, а не внутренних дел. А министр просвещения сеньор Толедо — человек с чувством собственного достоинства... Никто не любит, когда в дела его ведомства вмешиваются посторонние.

— И поэтому, вы считаете, он нам поможет?

— Этой причины за глаза хватит, милостивая госпожа. Но есть другая, более важная: как кандидат от оппозиционной ПР на президентских выборах, он в положении незавидном и очень нуждается в поддержке общественности. Реклама ему необходима как воздух... А в-третьих, он мой друг, нас связывают общие интересы.

— Понимаю,— кивнул Фишер.

— Наши участки граничат между собой. Видите вон тот дом за высокой елью? Там вам завтра Толедо подпишет все необходимые бумаги.

Бернсдорф попивал манговый сок, сидя с Кремпом в холле, где они договорились встретиться с Виолой Санчес из «Ла Оры». Автобус за автобусом выезжали из авениды де ла Реформа и останавливались перед зданием Культурного центра, а ее все нет. Вулканов Агуа, Акатенанго, «огней», уничтоживших не так давно город, отсюда не видно. А вообще они в городе видны с любой точки: желтоватые силуэты на фоне зеленого плоскогорья.

Если она не приедет, отправимся в редакцию. Там якобы спят и видят, как бы кого-нибудь пропесочить. Странно. Полицейское государство и...

— Это руины его прежнего демократического фасада,— сказал Кремп.— Если ПР победит на выборах, она фасад отстроит заново. А пока за ним ничего не меняется, герильерос здесь есть и будут.

— Допустим. Но где?

— Неподалеку отсюда живет адвокат по фамилии Зонтгеймер. Он возглавляет «Комитет родственников исчезнувших лиц». Может быть, он нам что-нибудь посоветует.

— Главное — не упускать инициативы,— сказал Бернсдорф,— А то Фишер еще даст задний ход...

— А вы нет? — спросил Кремп.

— С какой стати?

— Потому что вы впервые будете делать фильм, который скорее всего трудно будет продать.

Запершило в горле, что-то мешало высказать откровенно, о чем он сейчас думает: что этот фильм может изменить всю его дальнейшую жизнь, стать поворотным моментом в ней, кульминацией, как выражаются драматурги. Наконец-то его работа обретет смысл! Никогда прежде он не ощущал этого настолько отчетливо, как в эти секунды. Кто сумеет донести до зрителя живой образ революционера, тот сам действует как революционер. Может быть, все отпущенные ему годы он применит к тому, чтобы искупить ошибки лет прошедших... Нет, пока еще не поздно, после этого фильма он станет другим человеком! Но сейчас дело не в нем, дело в Кампано. Хуан Кампано! Сведения о нем на редкость разноречивы. Кто говорит, что ему двадцать с небольшим, а кто, будто он родился в 1940 году и, значит, ему тридцать три года, одни утверждают, будто он метис, другие, что он чистокровный белый, третьи, что в нем есть примесь азиатской крови. Кто говорит, что он был в отряде Че Гевары на Кубе, а кто, будто американские инструкторы школили его в своей зоне в Панаме и он дослужился до лейтенанта! Поди разберись...

Действительно ли Кампано совершил то, что ему приписывают? Какие смелые вылазки, какая предприимчивость!.. А сейчас в городе внешне царит спокойствие. Их погоня за легендарным мстителем напоминает погоню за привидением...

— Сеньор! Сеньор! — официант что-то быстро говорил по-испански.

— Вас просят к телефону,— перевел Кремп.

Взяв трубку, Бернсдорф услышал, как женский голос торопливо проговорил:

— Больше ждать не надо, я не могу кое от кого избавиться. Прошу вас, не называйте сейчас меня по имени. Если хотите, встретимся после вечернего сеанса у кинотеатра «Лус».

— Хорошо, я буду.

И тут же трубку повесили, как и полагается в боевике.

Когда они вернулись в отель, в справочном бюро сидела та женщина, что и вчера. «Кого-то она мне мучительно напоминает»,— подумал Бернсдорф. Лицо из прошлого, но из какого?

Фишеру настолько понравилось у Ридмюллера, что он не торопился уйти, пока не появился новый гость, молодой американец по фамилии Вилан. Красавец, по-спортивному подтянутый, с густыми, слегка вьющимися темными волосами и светло-голубыми глазами. Все на месте, даже ямочка на подбородке. Нет, слишком уж он красив, чтобы мириться с его присутствием. Ундина... Тем более что разговор пошел по-английски, а тут он не силен.

— Жаль, что вы нас покидаете,— сказал Ридмюллер.— Мистер Вилан прекрасно знает страну, он шеф отдела информации американской миссии экономической помощи Гватемале. Их штаб в Сакапе, в самом центре бывшего повстанческого района.

— Приглашаю вас на выходные дни,— сказал Вилан.— На машине всего полтора часа езды! Если вы решили сделать кино о Гватемале, вам обяза-

тельно стоит почаще выбираться из столицы. Я показал бы вам, как действует «План Пилото».

— «Пилото»?

— Так называется наша программа помощи, покончившая с терроризмом мирным путем.

Ридмюллер проводил их до ворот.

— А я был бы рад принять вас в субботу в Лаго-де-Атитлан, на моей «приморской» вилле,— говорил он, не сводя глаз с Ундины и обращаясь как бы к ней одной.— Это ближе, чем Сакапа, и там нет такой удушающей жары.

— Очень любезно с вашей стороны,— сказал Фишер.— Но тогда группе придется разделиться.

Бернсдорф сидел у Виолы Санчес, в кресле-качалке ее отца, который, по ее словам, в отъезде; прозвучало это так, будто ее родители эмигранты.

— За мной следят,— шепнула она Бернсдорфу при встрече у кинотеатра.— Пойдемте быстрее ко мне. Я живу одна. Мои родители в Мексике.

После такого предложения он не заставил упрашивать себя дважды. Она сидела у стены под распятием и рассказывала все, что знала о Кампано. Родился он неподалеку отсюда. Дом сохранился, обветшавшее здание в стиле колониального барокко. Родители — врачи, в настоящий момент в эмиграции. Уже в школе Кампано, худенький мальчишка невысокого роста, отличался необузданным нравом, часто был агрессивен. Поступил в университет, участвовал в революционных выступлениях. Перед неминуемым арестом бежал на Кубу, потом вернулся. И наконец ушел в горы. Где он сейчас, никому не известно...

Он неожиданно разоткровенничался:

— У себя дома я хочу, например, бороться за человека вроде вашего Кампано. Показать, что значит быть революционером в стране, где стремление к социализму считается преступлением, а все люди левых убеждений — опасными элементами и негодяями! Вам нравится моя профессия? Согласен, интересы у нас многообразные, фантазия постоянно возбуждена, ты постоянно в движении; а что остается после заполненного заботами дня? Где смысл сделанного?

Бернсдорф заметил вдруг, что говорит совершенно серьезно, искренне. Такое в разговорах с женщинами случалось с ним редко, и он понял, почему сидит как пай-мальчик в кресле-качалке, а не пересядет к Виоле и не обнимет ее. Потому что между ними как-то сразу установились отношения взаимного доверия, а это дорогого стоит.

Когда зазвонил телефон, майор Понсе как раз просматривал годовой отчет уголовной полиции органам безопасности — третий вариант, составленный на сей раз им лично. Как всегда, он не мог нарадоваться на филигранность собственных формулировок. Кто проработал в государственном аппарате двадцать лет, знал, что от него требовалось: составить отчет короткий и подробный одновременно. Этот отчет удовлетворит полковника Матарассо.

К его удивлению, полковник ни словом о документе не упомянул, зато сразу набросился на него:

— Камило, это ты наложил арест на два ящика с киноаппаратурой немецких репортеров? Зачем? С какой целью?

— Они хотят раздуть историю насчет наших террористов, полковник. Кстати, они не репортеры, а просто киношники...

— Почувствовав, что Матарассо не видит в этом никакой разницы, добавил:

— У них нет поддержки ни прессы, ни даже собственного посольства. Действуют на собственный страх и риск.

— Это ты так думаешь! Почему тогда мне пришлось отчитываться перед Толедо?

— Считает, наверное, что мы вмешиваемся в дела его ведомства.

— Нет, у немцев здесь есть высокие покровители! Они, между прочим, не из Восточной Германии.

— Полковник, я полностью отдаю себе в этом отчет.

— Значит, так, Камило, отдай им ящик! Или ты хочешь дать Толедо козыри против нас? А за немцами наблюдай сколько твоей душе угодно. Если у них действительно есть контакты с «левыми», это будет нам только на руку — Толедо не отвертится и козыри будут у нас.

Понсе отдал необходимые распоряжения. Хитрый ход. При всей своей ограниченности Матарассо обладал нюхом ищейки. Ничего удивительного: кто выше сидит, у того обзор больше.

Но выговор остается выговором. Понсе отодвинул годовой отчет в сторону, настроение было испорчено. Разве так разговаривают с верным помощником? А он-то все свои надежды связывал с Матарассо. Его выставили кандидатом в президенты две правые партии, чтобы он последовательно продолжил политику Араны, демонстрируя непримиримость в борьбе против подрывных элементов. Только его победа давала Понсе наконец возможность выдвинуться, сделать карьеру.

А есть ли в самом деле у Матарассо шанс победить? Конечно, оратор он никудышный, в этом отношении ему с Тони Толедо или с генералом Риосом Монттом, красноречивым кандидатом христианских демократов, не тягаться. Вот единственное сравнительно удачное место из последней речи Матарассо по телевидению: «Закон и винтовки показали, как нам справиться с террором, экономическими и такими социальными проблемами, как нищета, болезни и безграмотность, которые и служили питательной почвой для террористов!» Правда, не только личное красноречие решает, кому стать президентом. Но чтобы Матарассо оказался на коне, правым придется хорошенько постараться.

Главное—как воздух нужны успехи! Перед выборами всегда придается особое значение внутренней стабильности в стране, она предмет ожесточенных споров. И вот ему, майору Камило Понсе, удалось обнаружить нечто чрезвычайно важное! У него стало правилом перепроверять все, что говорят о себе люди, которые кажутся ему подозрительными. Поэтому он поручил одному из своих людей проверить, действительно ли Бернсдорф снимал фильм на Кубе до прихода к власти Кастро. В кубинской прессе должно было найтись сообщение об этом.

И вот перед ним лежала вырезка из гаванской газеты «Ой» от 28 мая 1961 года, заметка на две колонки. Под заголовком «Нас посетили два киноделтеля» коммунистическая газета писала, что на Кубу приехал известный немецкий режиссер и его «ассистент Бернесдорфф», чтобы воспеть революцию и ее последнюю вдохновляющую победу в произведении киноискусства... Фото исправляло неправильно написанную фамилию: на нем, вне всяких сомнений, Лутц Бернсдорф!

А «вдохновляющая победа» — это, конечно же, победа у залива Кочинос. Понсе глубоко вздохнул. Неужели он случайно обнаружил коммунистических агентов, которые явились сюда под видом киногруппы и намерены восстановить утерянные связи и помочь герильерос? Два обстоятельства говорят против этого: профессионалы нашли бы новых людей, а не только выдали новые паспорта.

Когда же ему принесли отчет наружной охраны, следившей за четырьмя немцами, он споткнулся на имени Ридмюллера. Фишер приезжал к Ридмюллеру. Это во многом объясняет поведение Толедо, его интимного приятеля, но еще больше запутывает все дело, потому что Ридмюллер, безусловно, правый.

Понсе приказал принести ему дело Кампано; возможно, что-нибудь прояснится. Любопытство возросло, но преобладало все-таки беспокойство. Игра в «сыщики — разбойники», сопоставление фактов, по логике вещей противоречащих друг другу,—все это привлекало его раньше. Но то, о чем вспоминалось с удовольствием, в настоящий момент ничего, кроме неприятностей и осложнений, принести не могло. Он решил обратиться в гватемальское посольство в Бонне: пусть выяснят в официальных инстанциях, кто такие Бернсдорф, Фишер, Раух и Кремп.

Дочитав дневной отчет до конца, узнал еще, что Виола Санчес встретилась с Бернсдорфом после вечернего сеанса перед кинотеатром на 6-й авениде, неподалеку от своего дома. Тот провел у Виолы два часа и вернулся в отель лишь после полуночи.

Фантазия Понсе разыгралась. Позвонил домой, сказал жене, что задерживается. Потом дал журналистке знать, что ждет ее к ужину в китайском кафе... Ее связь с киношниками, или хотя бы с одним из них, приобрела такой характер, что было бы ошибкой ее не использовать.

Продолжение следует

Перевел с немецкого Е. ФАКТОРОВИЧ

ВОЛЬФГАНГ ШРАЙЕР,
немецкий писатель (ГДР)

НЕОКОНЧЕННЫЙ СЦЕНАРИЙ

Роман

Портье, выдавший Бернсдорфу ключ от номера, передал ему и записку без подписи, в которой сообщалось, что встреча переносится на завтра. И никаких объяснений. Это Виола Санчес. Да, но почему?.. Режиссер испытал некоторое разочарование, но в целом настроение его оставалось прекрасным: в конце концов все остальное шло как по маслу.

Аппаратуру им вернули в целости и сохранности, к тому же получено гарантийное письмо генеральной дирекции изящных искусств, кино и культуры при министерстве просвещения; сняты уже первые метры пленки: дом, в котором родился Кампано, замшелая вилла в старом городском центре. Родители Кампано не то умерли, не то эмигрировали, в доме с толстыми стенами жили посторонние люди. Дать интервью они отказались, но когда Кремп предъявил впечатляющий документ из генеральной дирекции, снимать разрешили. А их отказ дать интервью Кремпу Ундина сняла скрытой камерой...

Бернсдорф поймал себя на том, что опять не сводит глаз с женщины, сидящей в бюро справок. Она, всегда дежурившая по вечерам, кого-то мучительно ему напоминала. Подойдя к стойке, режиссер спросил:

— Вы говорите по-немецки?

— Да, синьор...

Вдруг ему вспомнился другой отель, «Гавана-Хилтон», и эти газельи глаза, и эти расчесанные на прямой пробор и туго стянутые на затылке волосы. В день, когда они познакомились, Лусия, вся промокшая под проливным дождем, вбежала в кафе, где они завтракали, и представилась их переводчицей, ее прислал Институт кино.

— Лусия!.. Вы ведь Лусия Крус?

— Да, господин Бернсдорф.

— Вы меня узнали — тоже только что?

— Нет, сразу. Вы к нам из Западной Германии?

— А то откуда же.

Подкрашенные губы мадам Крус изобразили безликую улыбку, присущую всем женщинам из гостиничного персонала. Бернсдорфу вспомнилось, что тогда она была эмигранткой, коммунисткой, членом Гватемальской партии труда (ГПТ). После ареста мужа она с детьми бежала на Кубу.

— Здесь нам поговорить не удастся,— сказал он.— Вы могли бы найти время для меня?..

— Поговорить? О чем? — На лбу у нее собрались морщинки.— Оставьте это, господин Бернсдорф. Лучше нам не возобновлять знакомства.

— Но почему?

— Есть причины. Вон тот господин в кресле уже обратил на нас внимание. Когда вы выходите из отеля, он всегда идет за вами следом. Если он спросит, о чем мы с вами говорили, скажу, что вы интересовались руинами майя.

— Пожалуйста, как хотите, Лусия.

В другом конце холла Бернсдорф подсел к Кремпу, который смотрел программу «Телевисьон Насьональ». На экране погасло изображение человека с толстой шеей, выпирающей из мундира.

— ...Перед вами выступал полковник Андроклес Матарассо, кандидат в президенты, заместитель министра внутренних дел.

— Послушайте, Бернсдорф,— сказал Кремп,— я думал о наших с вами отношениях. И вот что странно: только мы с вами понимаем друг друга. В нашей группе, конечно. А мы что делаем? Молчим.

— Почему? Вы достаточно разговорчивы.— У Бернсдорфа вдруг пересохло горло, настроение его испортилось: он уже предчувствовал, о чем пойдет речь.

— Да, я не молчу! А вы? Сколько раз я уже спрашивал вас о ваших политических симпатиях? Чего вы сейчас хотите как художник, я вполне могу себе представить. Но не вы ли однажды сказали, что искусства вне политики так или иначе не бывает? Ладно, пусть не вы сказали это первым, знаю. Но как же все-таки насчет политики?

— Знаете, Кремп, каждый мечтает о своем.

— Интересно все же услышать, о чем думаете вы.

— О социалистической демократии,— сказал Бернсдорф, решив о своих убеждениях особенно не распространяться.

— Любопытно! И какого же образца? Какой модели?

— При чем тут модель? Пока такой нет и не скоро будет. Однако же в мире появились кое-какие явления, которых раньше не было и никто их себе не представлял.

Кремп иронически улыбнулся, развернул газету:

— «Ла Ора» расхваливает нас на все лады. Цветистое вступление, затем нас подают на блюде с приятным для властей гарниром. «Победа над насилием». Весьма ловко это у вашей дамы вышло.

— Поглядим еще, чья она дама.

Продолжение. Начало в № 4.

«Это не жалоба, это печальная действительность — наша страна, республика Гватемала, имеющая столь богатое историческое прошлое и важное значение в современной жизни континента, почти неизвестна в Европе. Заграница в лучшем случае сообщает о наших катастрофах: ураганах, землетрясениях, интервенциях, государственных переворотах, политической нестабильности. И даже об этом говорится вскользь, даже это не находит должного отражения, так что в международной жизни мы пока неизвестны, мы белое пятно на глобусе».

«Написано бойко, с националистическим акцентом»,— подумал майор Понсе, хотя от его внимания отнюдь не ускользнул некий подрывной подтекст статьи. Кто сравнивает интервенцию полковника Армаса в 1954 году и переворот полковника Перальты в 1963 году — шаги, благословенные для родины,— с природными катастрофами, тот покушается на честь армии и на существующий порядок. Продувная бестия эта Санчес. Но сейчас он не хотел запугивать или предостерегать ее, а как бы возобновлял старое знакомство. В некотором смысле Санчес могла доверять ему, ведь однажды он оказал ей услугу. Несколько лет назад, в последний период правления Мендеса, она была арестована по обвинению в унижении вооруженных сил. Санчес написала, что во время похорон дяди капитан Торо плакал, а это выставило представителя вооруженных сил в смешном свете. После некоторых проволочек ее передали в руки раздражительного, известного своей жестокостью капитана Торо, который приходил в ярость уже из-за шуточек по поводу его фамилии. К приходу Понсе Виола Санчес уже прошла через первые стадии процедуры унижений, а Торо наслаждался ее страхом, еще больше усугубляя его грязными шуточками, составляя цепочки из таких слов, как «виола» — фиалка, «эль Торо» — бык, «ла виоленсиа» — насилие, «эль виоладор» — насильник, и так далее. Ее раздели почти донага, когда Понсе положил этому конец, предложив ей сотрудничать с полицией. И вот сейчас самое время напомнить журналистке об этом договоре.

— Почему здесь? — спросила Виола, садясь за лакированный столик.— Чтобы нас увидели вместе?

— Немцы каждый день выбирают другой ресторан. Здесь они уже были.— Понсе взял сложенную в форме цветка лотоса салфетку.— Омары на вертеле?

Понсе был с ней вежлив, предупредителен и даже на «ты».

— Вам, значит, все равно, где со мной встречаться?

— А разве ты так или иначе не сказала бы об этом Бернсдорфу? При ваших теперешних отношениях...

— Что это значит, майор?

— Когда вы до полуночи наедине, что мешает сблизиться?

Она опустила палочки для еды, лицо налилось краской.

— Это мое личное дело...— У нее перехватило дыхание.

— Даже если ты была с ним близка, тебе нечего стесняться.

Понсе лишь выполнял свой долг. Но, выполняя его, намеренно оскорблял достоинство других. Те, конечно, ненавидели его за это. А он? Он презирал их за то, что они ему покорялись.

— Мы только разговаривали друг с другом.

— О чем?

— Не беспокойтесь, о вас ни слова,— сказала она.— Иначе он потерял бы ко мне всякое доверие.

Понсе вяло кивнул: разумеется, знакомство с ним — зазорно.

— Итак, Бернсдорф тебе доверяет. Твою статью я читал. Чего он действительно хочет?

Понсе видел, как дрожат пальцы Виолы, старавшейся выглядеть спокойной. Она до смерти напугана, как и тогда, у Торо.

— Его интересует жизнь Кампано?

Виола кивнула. Отрицать бессмысленно, Понсе листал зеленую книжонку и вообще беседовал с каждым из немцев в отдельности.

— Несколько неожиданный поворот темы,— сказал он.— Возьми Бернсдорф, к примеру, Турсио Лиму или Йона Сосу, я бы его понял. Они мертвы. Но Кампано? Где он? В городе? В горах? Вообще, в Гватемале ли он? Тем не менее мы отнеслись к замыслу Бернсдорфа с пониманием и съемки разрешили.

— Надеетесь, наверное, с его помощью выйти на след?..

— А почему бы и нет? Терроризм жив сочувствующими, которые снабжают герильерос продовольствием, предоставляют кров. А такие люди рады поговорить с иностранцами, особенно левыми, сочувствующими их убеждениям.

Что-то вспыхнуло в глубине ее глаз: кажется, она его поняла. Но это всего лишь часть его плана, та самая часть истины, которую приходится выдавать умным партнерам, желая привлечь их на свою сторону.

— Вы знаете, майор, что наша партия герильерос не поддерживает; это относится и к «Ла Оре», и ко мне.

— Ну да, конечно. Немцы тоже их не поддерживают. Исходя из этого, я и уточняю: я не против вас, я против действующих террористов. На этой основе мы могли бы сотрудничать.

— Хорошо...

— Я говорю с тобой как друг! Хочешь, расскажу тебе кое-что о Кампано? Несколько деталей для киногруппы...

— Пожалуйста,— прошептала она.

— Итак, Хуан Кампано был высоким худым мальчиком, частенько болел, на уроках физкультуры был среди худших. Ссорился с родителями, ушел из дома — это уже после того, как он возглавил несколько демонстраций школьников. После объявленного нами розыска он в 1960 году перебрался на Кубу, завершил там на специальных курсах среднее образование и, как выяснилось, стал изучать медицину. Он был одним из тех, кто воспользовался предложением Кастро и учился в университете «на народные средства», как они там выражаются.

Виола Санчес записывала.

— Вернулся домой с фальшивым паспортом, пройдя марксистскую выучку. Но сначала надо было показать себя. Тогда, в конце 1962 года, ГПТ провела в городе несколько акций. Ему дали примитивную бомбу — динамит плюс батарейка и обычный будильник, ты только представь себе! — которую смастерил один студент-физик. С ней он поехал на автобусе к дому функционера одного из крупных профсоюзов и положил эту штуковину ему под дверь. Нет, это не было покушением — что-то вроде последнего предупреждения. Естественно, друзья сначала все разведали, узнали, что дом не охраняется. Кампано просто проверяли — крепкие ли у него нервы. И приняли его.

— Кампано был членом партии?

— С этого момента — да. После рождества его послали в Моралес, деревушку в горах, где у ГПТ был учебный лагерь. По пути туда ему случайно попался ручной гранатомет. В январе он вернулся в город и решил обстрелять штаб полиции из автофургона. Но ему не повезло. Он промахнулся и попал в светящуюся рекламу ресторана «Формоза». Чтобы не подвергать преследованиям семью, ему пришлось скрываться под чужим именем. Но во время истории с «Формозой» его опознали, и мой предшественник приказал провести обыск в доме родителей. Тогда Кампано бросил в его машину гранату — не настоящую, такую, знаешь, учебную, и с ней записку: «Оставьте мою семью в покое!..» Думаю, эта сцена вполне может пригодиться для фильма.

Подали сладкое, но она к нему не прикоснулась, записывала. Это удачный ход с его стороны — использовать Виолу Санчес как наживку для немецкой киногруппы, лишь бы она ни о чем не догадывалась.

— Затем партия послала его в горы, в подчинение Турсио Лимы. Подробности стали нам известны лишь в 1966 году, во время их наступления на Сьерра-де-лас-Минас — от перебежчиков. Со временем он кое-чему научился. Возьми его нелепейшую попытку похитить министра юстиции, тогда им был Толедо. И совершенно другая картина — захват машины с Ридмюллером, закончившийся полной удачей.

Понсе предложил ей сигарету, Виола отказалась. Он, нервничая, закурил.

— Ладно, оставим Толедо. Для вас он звезда первой величины, понимаю. Меня это не касается. Политика для меня начинается там, где возникает угроза государственным интересам.

По пути в «Комитет родственников исчезнувших лиц» Кремп говорил:

— Этот Толедо невыносим! Какое

тщеславие! Осталось только, чтобы он стал режиссером фильма, а сам фильм — шоу о Тони Великом.

— Без него нам ничего не удалось бы сделать,— сказал Бернсдорф.— Сидели бы в приемной этого майора и ждали, пока утвердят наш вариант сценария.

— Разве вы не замечаете, что мы уже готовы подписаться под тем, что заявили только для вида? «Будем говорить обо всем с точки зрения жертв терроризма», б-р-р. Толедо, бывший министр юстиции,— жертва терроризма! Возможность работать мы покупаем, позволяя связать себе руки!

— Снимем все, чего от нас ждут, а дома половину выбросим в корзину. Не забывайте, у нас пять тысяч метров пленки. За глаза хватит.

Кремп попросил таксиста остановиться, расплатился. Они получили аудиенцию у министра, и Кремпу было просто противно всю эту чушь переводить. На коктейле в пышном зале приемов, где с потолка свисало на шнуре чучело кетцаля, зелено-желто-красной длиннохвостой птицы свободы, и Фишер, и Бернсдорф, и мадам Раух вели себя в присутствии этого вождя ПР как заурядные немецкие буржуа. «Вот именно, господин министр», «Да, в духе демократии, свободного правового государства», «Мы далеки от мысли показать терроризм в романтическом освещении», «Нет, деяния Кампано мы оправдывать не собираемся»... А кетцаль, символ гватемальской государственности, кивал в знак согласия — это когда в него попадала струя из кондиционера.

Они вышли из машины. Комедия, да и только! Толедо для более точного воспроизведения неудавшегося похищения не только предложил произвести съемку этой сцены в саду его резиденции, где все и произошло, но и самого себя в качестве действующего лица. При том условии, что «Радио-Телевисьон Гватемала» тоже запишет эту сцену на пленку и передаст ее по своему третьему каналу.

— Вы должны понять этого человека,— говорил Бернсдорф, поднимаясь по лестнице.— Положение перед выборами у него шаткое, Санчес мне все объяснила. Вот Толедо и пыжится, хочет напомнить, что и он за себя постоять умеет... Да, кстати, тогда в сад ворвались трое мужчин и две женщины. Следовательно, нам потребуются пять исполнителей. Телохранителей Толедо обещал предоставить своих.

Они подошли к двери адвокатской конторы.

— Проблема в том, чтобы найти исполнителя на роль Кампано. А у нас пока даже его фотографии нет. Что требуется? Высокий худощавый юноша с выразительным лицом. Настолько выразительным, чтобы нам поверили: из такого может вырасти настоящий молодой герой!

Президент «Комитета родственников исчезнувших лиц» адвокат Зонтгеймер оказался приземистым лысоватым господином. Шишковатый череп, на лице — родимые пятна, карие блестящие глаза, большой рот с тонкой верхней губой. Да, внешность у этого человека малопривлекательная.

— Мы хотим посвятить наш фильм левому сопротивлению,— сказал Бернсдорф.— Вы, господин президент, непосредственно занимаетесь частью этой работы: помогаете узникам, их родственникам...

— Я всего лишь «вице»,— перебил Зонтгеймер.— В комитетах вроде нашего практически каждый человек — «вице-президент», за исключением девушек, наклеивающих почтовые марки.

— Хорошо, господин доктор. В чем заключается ваша деятельность? И не мешают ли вам?..

Зонтгеймер почесал затылок.

— Разрешите задать вам встречный вопрос: по какой причине вы выбрали для съемок именно Гватемалу?

— Потому что здешняя ситуация обладает свойствами определенной модели,— ответил Кремп.— Классовая борьба в чистом виде, в почти химически чистой форме.

— Ну, ну, ну! Ничего в чистом виде не встречается. Всегда имеются примеси, господа. Что вам вообще известно об этой стране? Знакомы, например, с кем-нибудь из наших выдающихся деятелей?

Бернсдорф заметил, что острие копья повернулось в их сторону, и это ему не понравилось.

— Много лет назад я встречался с вашим президентом Хакобо Арбенсом. Читал некоторые книги вашего нобелевского лауреата Астуриаса.— Он перечислил названия нескольких книг и почувствовал, что Зонтгеймер оттаивает.

— Должен вас разочаровать,— сказал тот.— Наша работа политического характера не имеет, мы действуем исключительно из человеколюбия. Видите ли, здесь исчезают люди, иногда среди белого дня, и больше о них ни слуху ни духу. Должна же существовать организация, куда можно подать прошение о розыске пропавшего члена семьи и которая может установить контакт с теми, в чьи руки, возможно, попали эти лица. Итак, в зависимости от ситуации мы связываемся с полицией, государственными тюрьмами или правыми экстремистами. Анонимных похищений со стороны левых не отмечено ни разу.

— Тяжелый труд! И опасный! Вам лично никогда не угрожали?

— Кое-кому мы в тягость, но к этому привыкаешь. Совместно с международными организациями мы печемся также о положении узников. Сейчас ситуация благоприятная: перед выборами власти подчас склонны урегулировать известные недоразумения.

Зонтгеймер говорил свободно, раскованно, в нем не было ничего от человека, притерпевшегося ко всевозможным тяготам и постоянно проверяющего себя, не сказал ли он чего лишнего,— и это в таком государстве.

— Чем я могу вам еще служить?

— Известно ли вам, где сейчас находится Хуан Кампано?

Зонтгеймер медленно покачал головой:

— Как будто на свободе. Прошения о розыске его у нас нет. Правда, родственники Кампано живут на Кубе. Поговаривали, будто он сам нелегально переправил их туда.

— Что еще вам о нем известно?

— О Кампано? Дайте подумать. Ну, в последнее время о нем почти ничего не слышно. Он был с Сесаром Монтесом и Пабло Монсенто в Сьерра-де-лас-Минас, но это уже давненько... Кстати говоря, он, как и Монсенто, коммунист; по крайней мере, был им.

— Вы хотите сказать, что он был членом партии?

— Точно сказать не могу. Поймите, ГПТ вот уже двадцать лет в подполье, откуда постороннему человеку знать...

Неожиданно Кремп сказал:

— Нам нужен консультант, способный объяснить детали происходящего. Не знаете ли вы человека, который мог бы помочь нам понять, что здесь у вас происходит, с точки зрения жертв произвола?

Адвокат не ответил, ни один мускул на его лице не дрогнул.

— Мы заплатим за это. Сделаем взнос в фонд вашего комитета...

Бернсдорф понял: с помощью левого консультанта Кремп хотел сохранить в неприкосновенности дорогую ему идею фильма. Но Зонтгеймер был отнюдь не в восторге от этого предложения.

— Вопрос не в деньгах,— заметил он.— Кроме всего прочего, мы обязаны с особенной осторожностью принимать пожертвования из-за границы...— И все же он решился.— Виктор Роблес, да, он вам подойдет. К тому же он говорит по-немецки, учился у вас.— И написал на листке бумаги адрес.

Выходя из кабинета, Кремп сказал:

— Фишеру — ни слова! Если он пронюхает, что Кампано коммунист, то еще, чего доброго, перетрусит и протрубит отбой.

В приемной Бернсдорф, к своему удивлению, увидел Лусию Крус. Ее отказ встретиться неприятно поразил его, но раз она пришла сюда, значит, потеряла кого-то из родственников и глубоко страдает. Он подошел к Лусии.

— Что произошло? Кто-то из ваших сыновей?..

— О чем вы говорите? Мои сыновья за границей.

— Простите, но я полагал...

— Пожалуйста, оставьте меня!

Бернсдорф ушел, даже не попрощавшись. А ведь когда-то они были друзьями...

На улице Кремп спросил:

— Откуда вы ее знаете?

— Она была моей переводчицей в Гаване.

— И вы с ней заговорили? А если в приемной сидел шпик?

— Шпик, знающий немецкий?

— Полиции достаточно узнать, что вы вступили с ней в контакт. Мы на вражеской территории, если вам угодно, и обязаны думать обо всем. И прежде всего в этом наш долг перед людьми, о которых мы снимаем фильм.

Бернсдорф промолчал. Похоже, Кремп прав. После аудиенции у министра просвещения он начал подозревать, что с какого-то момента они переступили невидимую черту. Они не просто шли по следам событий с камерой в руках, они уже начали влиять на ход событий, кому-то мешать... Его охватило безотчетное чувство, что они начинают запутываться в происходящем сегодня куда сильнее, чем он догадывается, и что добром это не кончится.

В номере Фишера происходило что-то вроде пресс-конференции. Парни из «Эль Импарсиаль», «Эль Графико» и «Пренса Либре», крупнейшей ежедневной газеты, не желали отдавать такой куш одной «Ла Оре», и Фишер вел себя соответствующе.

— Мы пересекли океан, чтобы снять фильм, который взволнует людей,— воскликнул он с пафосом коммивояжера, рекламирующего туалетную воду.— Этот фильм, господа, начнется с землетрясения, а затем драматизм пойдет по возрастающей.

Журналисты ухмылялись: он дает им готовые заголовки. Фишеру ставили ловушки. Кто-то спросил:

— Это президентские выборы в Гватемале побудили вас снимать здесь криминальный финал?

«Мы на вражеской территории»,— вспомнились Бернсдорфу слова Кремпа. Кто из них пишет для газеты, а кто для полиции?

— Лутц,— сказала Ундина, когда репортеры наконец разошлись.— Я нашла парня, который сыграет Кампано. Это Марселино Торрес, ему всего девятнадцать, но внешне — то, что нужно! Приходила еще одна девушка, ей двадцать три, и похожа она на газель, как ты любишь выражаться.

Бернсдорф надул щеки, поняв, о ком говорила Ундина.

— Послушай, завтра группа разделится. Мы с шефом поедем в Сакапу, так что на субботу и воскресенье он в твоих услугах не нуждается. Мы осмотрим места боев... А ты под присмотром Кремпа поплаваешь в озере Атитлан. Подходит тебе?

Они попрощались в некотором смущении. Ундина сказала еще:

— А все-таки ты хороший режиссер.

Бернсдорф поднял голову, потому что в номер кто-то вошел. Лусия Крус! Вот так, вдруг? Что ей нужно? Он предложил ей сесть.

— Слушаю вас.

— Я пришла поговорить о вашем фильме,— начала она едва слышно.— Я слышала, будто вы ищете исполнителей, непрофессионалов, на небольшие роли. Не могли бы занять мою дочь? Правда, Беатрис всего семнадцать, но тем герильерос было не больше.

Он налил себе воды со льдом, во рту пересохло. Слишком все это неожиданно.

— А вас не скомпрометирует знакомство со мной?

— Я от политической деятельности отошла, господин Бернсдорф. Все это в прошлом. Как бы я иначе получила место в отеле... Тем более что Хасинта, моя старшая, с октября в тюрьме. Она была членом ГПТ... Но мне поверили, что я ничего о ее деятельности не знала. Что ж, она человек взрослый. Беатрис же пришлось оставить из-за нее школу. А ведь она действительно ни сном ни духом!.. У Беатрис в голове совсем другое: вечеринки, свидания, флирт. Но теперь этому пришел конец. Если она не найдет работы, ее вышлют из города.

— Какую работу я могу предложить? В лучшем случае, занятие недели на три.

— Я вас очень прошу! Это важно! Она посещает вечерние курсы стенографии, с нового года Зонтгеймер обещал взять ее к себе.

— А ваши сыновья?

— Хосе убит, он был в Венесуэле... Артуро остался на Кубе, работает инженером на цементном заводе.

О муже Бернсдорф спросить не решился. У него появилось чувство, что он впутывается в какую-то сомнительную историю. Но было и другое: воспоминание о Кубе, о Лусии и ее детях; самую младшую, очевидно, эту Беатрис, она приводила с собой на переговоры в «Гавану-Хилтон» — дома за ней некому было присмотреть. Нет, он обязан помочь ей хоть чем-нибудь. Душа у него еще не окончательно очерствела.

— Спасибо, господин Бернсдорф.— Лусия судорожно пожала его руку.— И извините меня за вчерашнее. Я сама не своя...

После ухода Лусии Бернсдорф принял душ, лег на диван и принялся листать уже порядком истрепанную книжку Кремпа в ядовито-зеленой обложке. В приложении к основному тексту было напечатано открытое письмо президенту республики господину Хулио Мендесу Монтенегро от доктора Роблеса — того самого, адрес которого он получил от Зонтгеймера и с которым предстояло встретиться.

«Господин президент! В конце прошлой недели неизвестные люди распространяли во время футбольного матча на стадионе «Матео Флорес» брошюры, где вновь грозили расправиться со многими представителями интеллигенции, в том числе и со мной. Призыв линчевать всех, чьи фотографии есть в брошюре, выражен следующим образом: «Народ Гватемалы, запомни лица предателей родины, преступных герильерос, и сообщи об их местонахождении органам безопасности, чтобы с ними можно было покончить!» Да не допустит судьба, чтобы на президента пало еще больше крови! Меня хотят убить, поскольку я, будучи интеллигентом и преподавателем университета, ощущаю ответственность за судьбу родной страны. Разве это не свидетельство распада, когда эти чудовища, эти мракобесы, в наше время размахивающие штандартами с фашистской свастикой, изрыгают варварские вопли: «Смерть интеллигенции!..»? С уважением, Виктор Роблес».

Бернсдорф закрыл книжку. Эти слова человек, которому он собирается нанести визит, написал более четырех лет назад, при режиме сравнительно либеральном. Сегодня все обстояло куда хуже.

В вестибюле своего дома Тони Толедо достал из шкафа с оружием револьвер 38-го калибра, проверил, действует ли сигнал тревоги и на постах ли охранники. Их ему предоставил не министр внутренних дел — в этом случае Толедо не чувствовал бы себя в безопасности,— а подобрали друзья. Кто готовится в Гватемале стать президентом, должен опасаться за собственную жизнь. Помнить об этом так же важно, как иметь многообещающую избирательную программу.

У него в кармане лежал листок бумаги — настоящее объявление войны, о возможности которой недавно только поговаривали. Сегодня днем неизвестные сунули ее в руки сыну, выходившему из школы. На глазах охранников, ждавших сына у ограды! «ТОЛЕДО! ГВАТЕМАЛА БУДЕТ ВЫБИРАТЬ В МАРТЕ МЕЖДУ ПОЛКОВНИКОМ И ГЕНЕРАЛОМ. А ТЫ ВЫБИРАЙ СЕГОДНЯ: МЕЖДУ ЧЕМОДАНОМ И ГРОБОМ!» Ультраправые бандиты, как они смели подумать, что смогут выгнать его из страны! Толедо не запугаешь!

Министр вышел в сад, полной грудью вдохнул аромат вечной весны. Ну куда годятся конкуренты? Кого они в состоянии убедить, у кого вызовут симпатии? Этот шимпанзе Матарассо, символ ненавистной народу полиции! А Риос Монтт, краса и гордость христианских демократов, делающих вид, будто он даже левее Толедо? Генерал, никогда не нюхавший пороха, да и изобрести его не способный...

Плеча Толедо коснулись ветки бугенвиллеи, в свете уходящего дня мерцали лиловые цветки. Где еще ночь столь роскошна, столь богата запахами? Он подошел к эвкалипту. Здесь самое красивое и укромное место в его саду. Надо в оставшиеся одиннадцать недель сохранить спокойствие и выдержку, и тогда он — первый, самый могущественный человек в стране. Вступать с ним в открытую словесную дуэль соперники опасаются, отказываются от теледискуссий, чтобы их не высмеяли,— для них это все равно что нож острый...

С жасминовых деревьев опадали лепестки, ветки спускались к нему, словно ласкаясь. Он приблизился к стене, отделяющей сад от соседнего. Что же, его дела пошли в гору. Киногруппа сослужила ему добрую службу: хотя пока ничего еще не сделано, эта возможность рекламы в национальном масштабе убедила руководство партии не подыскивать новой кандидатуры. Да откуда и взяться сопернику? Вчера Ридмюллер сказал, что американцы возлагают свои надежды на него.

Толедо подошел к кирпичной стене. Вся ее поверхность была утыкана битыми бутылками, точно так же, как и со стороны сада Ридмюллера. Он взялся за ручку двери в стене. Иногда они с Ридмюллером навещали друг друга запросто, без церемоний. Ключи от калитки были только у них двоих. Но когда он нажал на окованную металлическими пластинами дверь, она с тихим скрипом подалась. У Толедо перехватило дыхание. Именно через нее и проник в его сад Кампано...

Когда Толедо прикуривал сигарету, вокруг огонька зажигалки кружилась бабочка, руки дрожали. Неужели все повторяется? Неужели убийцы выбрали этот же путь? Да нет, это просто невероятно. Наверное, Ридмюллер просто забыл запереть ее, когда приходил просить за этих киношников... Нервы, нервы! Надо взять себя в руки! Конечно, при такой жизни мания преследования естественна. Вот чем приходится расплачиваться! Толедо повернул обратно. У эвкалипта мелькнула чья-то тень, но теперь он не испугался.

— Дверь в стене не заперта, Пепе,— сказал телохранителю.— Нельзя во всем полагаться на соседей, надо проверять...

Едва Бернсдорф вернулся в отель, Фишер пригласил его к себе.

— Я прошелся по первым игровым сценам,— начал он строго.— И что же оказалось? Нет почти ничего из того, что щекочет зрителю нервы. Недостает человеческого материала, господин Бернсдорф. Что он за человек, этот ваш Кампано? Была у него невеста или подружка? Мстить он хотел или что другое? О чем мечтал, чего добивался в жизни?

— Доктор Роблес был с ним знаком.

— Кто это?

— Бывший преподаватель университета, сейчас водитель загородного такси... Он с ним одного года рождения, ходил в ту же школу, в параллельный класс. Кстати, я хотел бы, чтобы Роблес играл Кампано.

— Но ведь у нас есть для этого Торрес,— сказала Ундина.— Тип тот же: худощавое, удлиненное, с горящими глазами лицо. Торрес показывал мне фотографию Кампано из «Лайфа».

— Откуда он узнал, что нас интересует Кампано?

— Дружит с одним из телохранителей Толедо, тот ему и намекнул: похож.

— А нам от этого Торреса какая польза? Нам нужна личность! Личность! А Роблес — личность. Придется только сделать его чуть помоложе.

Обсудили список действующих лиц. Кроме Беатрисы Крус, Марселино Торреса и Виолы Санчес, в нем появился двадцатилетний индеец по имени Габриэль Паис.

— Атлет! — сказала Ундина.— Кстати, в налете на виллу Толедо участвовал и индеец. А с твоим Роблесом команда у нас укомплектована.

— При чем тут индеец? — воскликнул Фишер.— Нам необходима любовная история!

— Герою не хватает партнерши, тут господин Фишер прав,— сказала Ундина и, извинившись, ушла в свой номер.

Бернсдорф понял: Фишер размечтался, ему грезится успех в широком прокате, ему нужен кассовый фильм! Одобрив первоначальный замысел, шеф решил круто повернуть руль и взять художественное руководство на себя.

— Самые опытные режиссеры прибегают сегодня к сильнодействующим

средствам. Толедо рассказывал, что во время налета одну из девушек ранили и она попала в руки полиции. Мы не знаем, была ли она девушкой Кампано. Однако нам известно, что другая девушка, его подруга, эта бывшая «Мисс Гватемала», была впоследствии убита самым зверским образом. Разве из этого ничего нельзя слепить?

— Вы считаете, что надо показывать зверства?

— Я считаю, вам имеет смысл спросить Санчес, согласится ли она сняться в такой сцене. Правде жизни это противоречить не будет, а сборы нам обеспечит!

— Чтобы она, раздетая, лежала в канаве?

— Глупости! Неужели вы не в состоянии поставить сцену пыток? Детали — ваша забота.

— Здесь нам этого не снять. Что скажет господин Понсе, если мы покажем полицию с такой стороны?

— Доснимем дома. Предложите Санчес экстрагонорар: три тысячи плюс путевые расходы...

«Вот я и сказал ему, куда ветер дует,— подумал Фишер, когда Бернсдорф ушел.— К чему церемониться? Сказано — боевик, пусть будет боевик! А политический или какой другой, неважно. Лишь бы зрители на него сбежались, как на пожар!»

Кремп вошел в номер к Бернсдорфу.

— Если в фильме останутся сцены пыток и насилия, я уйду, так Фишеру и передайте! Насилие всегда было тайной движущей силой коммерческого кино. Особенно в финальных сценах — конфликт всегда разрешается насилием. Потому что герой агрессивен и вдобавок в нужный момент быстрее стреляет или сильнее бьет.

— Наш герой не таков. Зачем тогда мы собираемся снять неудачи Кампано у «Формозы», в саду виллы Толедо?

— Согласен. Но то, чего хочет Фишер, это схема. Нет, никакого низменного насилия, никакого секса на заказ вы от меня не дождетесь!

— А что мы дадим зрителю вместо этого?

— Насилие мы ему покажем, но это будет насилие власти, насилие сверху! Его будничное лицо, которое почти никем уже не воспринимается как насилие, а считается нормой.

— Снять это будет неимоверно сложно!

— Сложно, но необходимо. И важно для нас с вами, разве не так?

Бернсдорф решил сменить пластинку; насколько он опытнее в вопросах чисто творческих, настолько Кремп чувствует себя увереннее в проблемах социальных и политических.

— А откуда набралось столько исполнителей? — спросил он.— Где фрау Раух их нашла?

— Искать особенно не пришлось, только выбирать. Тут о нас много говорят... Один даже пришел с вырезкой из «Лайфа», чтобы показать, что действительно похож на Кампано. Его зовут Торрес, и она его взяла.

Кремп положил статью из «Тайма» рядом с фотографией из «Лайфа» — кроме этих двух снимков, у них никакого документального материала не было. Но, похоже, на снимках разные люди. На том, что из «Тайма», был снят хрупкий худощавый юноша в кубинской фуражке, с тоненькими усиками. Его называли «высокообразованным, хотя и малоизвестным вожаком герильерос». В статье говорилось о гибели на мексиканской границе руководителя МР-14 Йона Сосы, а Хуана Кампано представляли как «его наиболее вероятного преемника».

Снимок из «Лайфа» был нечетким. Худой безбородый молодой человек стоял под деревом в джунглях в окружении восьми своих соратников. Подпись под снимком: «Вожак ФАР со своим штабом в Сьерра-де-лас-Минас».

Бернсдорф спросил:

— Откуда снимок у Торреса? Разве не рискованно носить с собой фотографию государственного преступника?

— Он горд своим сходством с ним. Здесь к полиции относятся с презрением, а герильерос восхищаются! На роль полицейского нам пришлось бы еще поискать исполнителя, а герильеро хочет сыграть каждый.

— Итак, мы начинаем переделывать мир, улучшать его! На деньги человека, которого в этом мире все устраивает.

Лежа рядом с Виолой, Бернсдорф вспомнил слова Фишера, сказанные накануне.

«Девушка из буржуазной, католической семьи... Играть на всех струнах... Не хватает человеческого материала... В налете на виллу Толедо участвовал один цветной... Неужели вы не можете поставить сцену насилия... Вы имеете полное право, это соответствует действительности». Он всегда слышал чужие голоса, когда предстояло раскусить орешек нового фильма.

— Расскажи мне что-нибудь,— сказала Виола.— А я попытаюсь заснуть.

— О чем рассказать?

— Что-нибудь о себе. Откуда ты, где рос, ну что-нибудь.

— Я вырос в предместье большого города, жил в доме рядом с кинотеатром, хозяином которого был отец моего школьного товарища. И пересмотрел все фильмы, тайком даже те, что для нас не предназначались. Больше всего мне запомнился первый цветной фильм, в середине тридцатых годов. Там один белый без всякой причины убил индейца. Убил и продолжал еще стрелять в него, мертвого уже — это меня ужасно возмутило. Я почти в деталях могу описать тебе эту сцену, а ведь прошло почти сорок лет. Наверняка этот фильм не был произведением искусства, но я понял раз и навсегда, каким может быть воздействие кино... Тебе правда интересно?

— Еще бы!

— После войны меня обуревали великие планы, и они осуществились. Я стал ассистентом режиссера и помогал создавать фильмы о больших людях. О рабочих лидерах, между прочим, которые пытались предотвратить приход к власти нацистов. Это были ленты о больших, интересных людях! Длилось это недолго... Затем приходилось снимать всякую дребедень, пусть и ультрасовременную, и герои у меня все больше попадались из отбросов общества: гангстеры, продажные женщины, фальшивомонетчики.

Он умолк.

— Рассказывай, Лутц. Не так часто приходится встречаться с людьми, для которых деньги не застят белого света.

— Кстати, киношники сами по себе лучше, чем их репутация. «Деньги уходят, а позор остается»,— говорят у нас. Вообще, каждый делает что-то не ради одних денег... И делают это, наверное, чтобы убедиться, живы они еще или нет.

— Ты себе хорошо представляешь, чем вы тут рискуете? Вам полицию обмануть не удастся. Я уверена, за вами следят и лишь ждут момента, когда вы установите контакт с некоторыми людьми. Завтра...

— Завтра мы едем в Сакапу, в бывший повстанческий район,— сказал он.

Она не ответила, взяла с тумбочки сигареты.

— Лутц, возьми меня с собой!

Он дал ей прикурить. В такси Роблеса места хватит, но нельзя же увозить Фишера от Ундины, а самому...

— Зачем тебе туда? В Сакапе ужасно жарко.

— Сакапа. Кому нужна Сакапа! Возьми меня в Германию, когда вы отсюда уедете...— Голос ее дрогнул.

В рассеянном свете занимающегося утра он видел ее профиль и ощутил вдруг то же смутное, тягостное чувство, как и в разговоре с Лусией Крус после ее просьбы. Он понимал, что Виола с ним не до конца откровенна. Что он вообще о ней знает? У нее неприятности, но говорить о них она не желает; пусть так, надо уважать чувства других. Здесь чужая страна, и люди остаются чужими и непонятными, даже когда с ними сближаешься... Откуда он набрался смелости изображать их жизнь?

В это субботнее утро майор Понсе корпел над годовым отчетом. Есть три варианта отчета: первоначальный, сокращенный и составленный им лично. Но Матарассо до сих пор не подписал тщательно отшлифованный последний вариант! Конечно, полковник прав, отчет слишком прямолинеен, в нем недвусмысленно говорится, что пока не удалось покончить с активностью подрывных сил в Сьерра-де-лас-Минас и в Сьерра-Мадре. Там, в департаменте Сан-Маркос, группа герильерос то и дело ускользала из рук карателей, переходя мексиканскую границу. Дикие джунгли и безлюдная гористая местность не давали возможности продолжать преследование.

Не забыл Понсе отметить и наиболее тревожный факт, подтверждаемый документальными данными за несколько последних лет: хуже всего с общественной безопасностью обстоит в столице. Сьюдад-де-Гватемала, город, в котором жило более девятисот тысяч человек всех цветов и оттенков кожи, всех социальных слоев, с его двумястами тысячами домов и хижин и десятками тысяч автомашин, в которых можно было перевозить взрывчатку или переезжать с места на место,— этот город представлял собой идеальное убежище и питательную среду для герильерос.

Понсе положил папку на стопку других материалов для заключительного отчета: да, сизифов труд. Две трети полицейских сил сосредоточены в столице, и оставшихся не хватает, чтобы защитить двадцать один провинциальный город; о сельской местности и говорить нечего.

Он вздрогнул, когда по селектору прозвучал гортанный голос капитана Торо:

— Майор, тут явился один агент... Утверждает, будто Хуан Кампано в городе! И вроде бы он собирается провернуть одно важное дело!

Понсе приказал привести агента. Этот доносчик, которого Торо втолкнул в кабинет, будто он был арестованным, оказался старым знакомым майора. Звали его Фелиппе Корда, он был профсоюзным функционером на большом металлургическом комбинате, строительство которого еще не завершилось.

— А ну, повтори! — прикрикнул на него Торо.— Открой пасть! Кто тебе рассказал эту мерзость?

От крика Торо у доносчика отнялся язык, и он с трудом выдавил из себя:

— Два источника... Два надежных человека, я им доверяю...

Запинаясь, Корда поведал, что по комбинату ходят слухи, будто Кампано вернулся и готовит перед выборами «мощнейшую штуку».

— Какую «штуку»? — крикнул Торо.— Выражайся яснее!

— Покушение, господин капитан. Покушение на одного из кандидатов.

— На одного?! На кого? Имя называли?

— Извините... Да... Но все это как-то странно...

— Выкладывай! — Торо побагровел.— Только это и важно, идиот!

— Ну да, они говорят... Тони Толедо...

— Глупец, осел! — бушевал Торо.— Ты считаешь Кампано таким болваном, что он решил убрать самого слабака? Он из-за него и пальцем не пошевелит, ради такого ничтожества жизнью не рискуют!

Капитан был настолько разъярен, что невольно выдал доносчику объективную информацию, а это противоречило основным правилам политической полиции; Понсе оказался вынужденным отослать его. В случаях, требовавших остроты ума, полагаться на Торо было бессмысленно.

— Садись, Фелиппе,— сказал он.— Успокойся, подумай. Может быть, вспомнишь какие-то подробности.

Понсе тоже размышлял. Кампано в городе? Возможно. Его цель — Толедо? Тоже не исключено. Он однажды уже покушался на него. И, если подумать, Толедо наиболее «достижимая» цель: у него только собственная личная охрана, от государственной он высокомерно отказался.

Почему вдруг об этом говорят на комбинате? Если бы ему сказали, что о Кампано говорят в университетских кругах, городская молодежь, он скорее поверил бы. Но верить или не верить — вопрос один, а проверить — другой!

Тут Корда сказал:

— Да, вспомнил: говорили еще об одной журналистке... и еще об одном бывшем доценте университета. Они прибыли вместе с ним, с Кампано!

Понсе чуть не расхохотался. Теперь все ясно. Ложная тревога! Слух возник из-за фильма, из-за запланированной в саду Толедо сцены. Журналистку звали Санчес, доцента Роблес, а пролетарии приняли это воспроизведение давнишнего события за нечто реальное... Он отпустил Корду.

— Я зря потерял время! — сказал он Торо.

— Свинство! А ведь он наш надежный доносчик, майор, наше доверенное лицо.

Зазвонил темно-зеленый телефон; Понсе снял трубку и услышал сонный голос Матарассо:

— Камило, этот парень начинает меня беспокоить. Его партия отказалась менять кандидатуру! Вчера мы послали ему коротенькое предупреждение, и знаешь, что он сделал? Ничего!.. Никакого внимания, вроде бы и не получал его! Вместо того чтобы снять деньги со счета и бежать, бросается в объятия этих немцев и собирается сняться у них, ты знаешь? Его надо успокоить! Подумай как.

Понсе не мог не услышать скрытой угрозы.

— Я как раз этим занимаюсь, полковник,— сказал он.

— Вот как? Я в восторге. За немцами по-прежнему идет слежка?

— Разумеется. Я даже внедрил к ним двух своих людей.

Понсе хотел было объяснить подробности — это внедрение было продумано и осуществлено безукоризненно. Но Матарассо тонкости не интересовали, он хотел лишь знать, чем занимаются немцы.

— Двое у Ридмюллера на озере, полковник, а двое поехали к Вилану в Сакапу.

— К Вилану? Странно!

— Он, как обычно, хочет показать «План Пилото» в действии. Но я позвонил ему и предупредил, с кем он имеет дело.

— Ну, хорошо, Камило. Не забывай о главной проблеме!

Едва успел Понсе положить трубку, как родилась великолепная мысль. Он поглубже уселся в кресле, сложив кончики пальцев рук. Что-то глухо клокотало в нем, становясь все более и более осязаемым,— нити Матарассо сплетались с пряжей Корды... И вдруг он увидел картину в целом, сотканную из хитрости и интуиции. Вот она, спасительная идея! И, как каждый классический план, он решал несколько задач одновременно. До сих пор Понсе лишь смутно представлял себе что-то подобное: если в эту киногруппу подослать своих людей, можно будет скомпрометировать Толедо. Например, арестовав их в его присутствии, в его собственном доме, перед телекамерами. Обычно чего-то похожего оказывалось за глаза довольно, чтобы кандидат выбросил белое полотенце. Такова была исходная мысль.

Но теперь, когда министр пренебрег предупреждениями и настоял на выдвижении своей кандидатуры, бросая вызов им всем, осталось одно — уничтожить его физически. Убить! У двух исполнителей мелких ролей будет во время съемок оружие с боевыми патронами, и они убьют Толедо; ничего другого он не заслужил. «Группа Кампано» действительно совершит налет, причем с совершенно другим эффектом, чем несколько лет назад! Он, Понсе, предоставит убийцам машины для бегства, деньги, а потом переловит поодиночке всех, кто связан с этим делом прямо или косвенно... В глазах всего мира Толедо окажется главным виновником трагедии: зачем он покровительствовал этим киношникам из Германии, почему отказался от государственной охраны? Зачем он вообще заигрывал с левыми? Нет, в своей смерти он виновен сам, каждый скажет. И, значит, не будет у Толедо ореола мученика.

Майор даже дыхание задержал, пораженный своей идеей. Он может повлиять на судьбу страны! Если план увенчается успехом, победе Матарассо на выборах ничто не помешает, а он, проложивший генералу дорогу, займет теперешний пост Матарассо. Подполковник Понсе, главнокомандующий силами безопасности и заместитель министра внутренних дел! Им не может не повезти, ведь все средства для этого в его, Понсе, руках.

Бернсдорф высунул руку в окно машины. Солнце раскалило крышу; у Эль-Прогресо они достигли Рио-Гранде, но жара сделалась невыносимой. Никто не произносил ни слова. Эта дорога была частью трансконтинентального шоссе, соединявшего тихоокеанский порт Сан-Хосе с Пуэрто-Барриосом на берегу Карибского моря. Виктор Роблес мог проехать по ней с закрытыми глазами; его большие руки небрежно лежали на руле.

Пока они еще спускались в долину, доктор Роблес рассказывал о Кампано: о проделках в школе, о драках, о его влюбчивости. Бернсдорф и сам был таким в школе. Кампано. Бледный, веселый мальчишка, находчивый и изобре-

тательный, пользовавшийся поэтому любовью товарищей, хотя в классе многие ребята были посильнее. Первые демонстрации. Обычно шли к кадетскому училищу: армию не то чтобы не любили, а даже ненавидели, и кадетов всячески высмеивали; по дороге били пару окон в «эскуэла политекника», спецшколе для детей из богатых семей. Все начиналось достаточно безобидно.

— А правда,— спросил Бернсдорф,— что Кампано был коммунистом?

— Да, после возвращения с Кубы,— ответил Роблес.

Он не был застегнут на все пуговицы, как вчера, при первом знакомстве, но в глазах Бернсдорфа походил скорее на крестьянина, чем на интеллигента.

— Не забывайте, вооруженное сопротивление, и особенно в столице, вела ГПТ и больше никто.

— Кампано пришлось как-то проявить себя, прежде чем его приняли?

— Конечно! Партия настаивала на том, чтобы кадры ее выковывались в борьбе.

— Но ведь не обязательно в вооруженной?

— А в какой же еще? — Роблес сухо рассмеялся.— Конечно, партийная молодежь не обязательно уходила в подполье. Возьмите, к примеру, агитационную работу. Или наклеивать листовки... Или писать лозунги на стенах домов. Риск не меньший! Связь! Кроме этого, подыскивать надежные явки в городе и в предместьях, заботиться о транспорте. По сути дела, молодежь сама хотела понюхать пороха, причем своего, а не полицейского. С чего начать? Отправлялись в Национальную библиотеку, почитывали литературу по этому вопросу.

— Вы в то время с Кампано встречались?

— Да, дважды. Поначалу он жил еще полулегально, а потом уже нет. Во время второй встречи он как раз собирался уйти в глубокое подполье. А впоследствии, если верить слухам, он организовал на противоположной стороне Сьерра-де-лас-Минас новый фронт сопротивления.

— И чего он от вас хотел?

— Ничего конкретного. Его партия считала важным поддерживать всевозможные контакты. Члены партии, соблюдая меры предосторожности, конечно, должны были восстановить старые связи... А второй раз, незадолго до моего отъезда в Европу, он приехал со мной попрощаться. Но не ко мне домой. С тех пор прошло девять лет, но я отлично помню, с какими сложностями была связана наша встреча. Его прикрывала целая группа. Оно и понятно: полиция охотилась за Кампано.

— Кстати, где они доставали взрывчатку?

— Иногда из армейских запасов, иногда на рудниках. Они охотно брали там «депарит», это такая клейкая масса, которой можно придать любую форму, на удары и сотрясения она не реагирует, взрывается только после электрического импульса, так что случайности исключены.

Бернсдорф спросил:

— О чем вы говорили во время последней встречи?

— Больше говорил он. В тот раз Кампано произвел на меня впечатление человека, абсолютно уверенного в успехе

Рисунки В. ПЛЕВИНА

своего дела. Тогда им действительно многое удавалось. Агенты службы безопасности, особенно шпики, боялись герильеро как огня. С помощью простых ручных гранат они взорвали три военных самолета — в то время это была десятая часть всех ВВС. Тренируясь «на макете», как они это называли, готовились даже штурмовать Дворец конгресса. Верные своему принципу учиться не только по книгам, проводили учения в условиях, близких к реальным... Но этого своего намерения они не осуществили. Кампано сказал мне тогда: «Если мы хотим победить нашего общего врага, мы должны воспитать боеспособный авангард». Он чувствовал себя на высоте требований времени.

Доктор Роблес умолк. «Занятный человек,— подумал Бернсдорф.— Не боец, но из сочувствующих. А при определенных условиях может стать бойцом». С момента их первой встречи Бернсдорф испытывал к Роблесу полное доверие — будучи, конечно, под впечатлением его открытого письма к президенту.

За Кабаньясом свернули с главного шоссе вправо, неподалеку от Сакапы их остановили.

— А тебя я знаю,— сказал сержант, которому Роблес предъявил документы.— Мы ведь с тобой встречались, а?

— Нас ждет синьор Вилан из американской экономической миссии, он в курсе дела.

— Ты разве не был в моей строительной колонне?

— Если вы позвоните в Сакапу, вам подтвердят, кто мы такие.

Сержант ушел с документами в руках. Чтобы не задохнуться в машине, все вышли.

— Похоже, места здесь не вполне безопасные,— сказал Фишер.

Роблес отмахнулся:

— Эти контрольные пункты остались с шестидесятых годов. Надо же чем-то занять жандармов.

— Пойду подгоню их.— Фишер, тяжело ступая, направился к полицейскому бараку.

Бернсдорф спросил:

— Вы этого человека знаете?

— Возможно, он знает меня. Я участвовал в строительстве дороги, в конце шестидесятых. Тогда мне было полезно исчезнуть из города.

Бернсдорф поморщился: что-то кольнуло в области диафрагмы. А Роблес спросил:

— А вы не подумали о том, что полиция может подставить вам ногу? Понсе заставили вернуть вам аппаратуру, а полицейские — люди обидчивые и злопамятные. Я бы на вашем месте ждал их ответного хода... Кто остальные исполнители ролей?

— Журналистка из «Ла Оры», она нам во многом помогла, дочь женщины, которую я знаю по Кубе; потом безработный по фамилии Торрес, похожий на молодого Кампано, и, наконец, индеец по имени Паис.

— Кто нанял двух последних?

— Фрау Раух.

— И что ей о них известно?

— Наверняка очень мало. С предложениями явилось человек десять, она выбрала наиболее подходящих...

Рубашка прилипла к телу Бернсдорфа: в эту богом забытую долину ветерок, как видно, не заглядывает.

— Вы полагаете, полиция подослала нам Торреса и Паиса?

— Кто знает. Такие попытки она делает часто, и любит подсылать двоих, чтобы сравнивать потом отчеты. Зачастую эти двое друг с другом не знакомы.

— Ну ладно. С кого начнем? — Бернсдорф ухмыльнулся.— А начнемка с вас.

— Ко мне вас направил Зонтгеймер.

— Разве я могу быть уверен в Зонтгеймере?

— Вы читали мое открытое письмо.

— Оно четырехлетней давности. Вас уволили со службы, вы работали на строительстве шоссе; может быть, как арестант? Может быть, под угрозой пыток вы изменили своим убеждениям?

— Допустим, вы не хотите исключить из числа подозреваемых даже меня. Если следовать дедуктивно-логическому методу... И все-таки вы должны мне доверять. Другого выхода у вас нет, если мои подозрения не беспочвенны.

Вернулся Фишер. Рубаха расстегнута до пупа, штанина над протезом потемнела от пота.

— Они действительно созванивались,— сказал он.— Но не с экономической миссией, а с военной... Что вы так приуныли, господа? Вы чем-то обеспокоены?

Роблес сел за руль, включил мотор, а Бернсдорф сказал:

— Не исключено, полиция подложила тухлое яичко в наше гнездо. А когда это выяснится, разразится скандал.

— Нам только того и надо, скандалы тоже двигатель торговли!

Бернсдорфу вспомнилось предупреждение Виолы: она, как и Роблес, намекала на какие-то шаги полиции.

— Не нервничайте,— сказал Фишер.— У нас появились здесь влиятельные покровители. С человеком вроде Вилана портить отношения Понсе не станет. Или как там этого кока-кольного майора зовут?.. Не забывайте к тому же о Ридмюллере и Толедо!

Они проехали покрытый пылью щит с надписью САКАПА. Белые кубики домов, солнцепек. Да, их предупреждают вторично, а Фишеру все нипочем, кроме финансовой стороны вопроса. Продать фильм, да подороже, а там — трава не расти. Прет вперед, как бульдозер. Под Монте-Кассино в окопах сидел, золотой «Немецкий крест» получил — над такими солнце не заходит.

Продолжение следует

Перевел с немецкого
Е. ФАКТОРОВИЧ

ВОЛЬФГАНГ ШРАЙЕР,
немецкий писатель (ГДР)

НЕОКОНЧЕННЫЙ СЦЕНАРИЙ

Роман

Они сидели на берегу озера. Поэтичный закат, тихий плеск волн, аромат душистых плодов из сада; вдали в зеленовато-синей дымке виднеется вулкан Сан-Педро, над лысоватой вершиной кратера розовое облачко.

Кремп осторожно завел разговор о том, как Ридмюллер попал в плен к герильерос.

— Охрана моя ничем помочь не сумела, ее разоружили. Я и не подумал сопротивляться. Опасно! Но что удивительно: в виде выкупа они потребовали от фирмы восстановить на работе всех уволенных горняков и принять столько новых, сколько мы собирались со временем взять. Откуда они об этом узнали?..

— В письме, которое вы написали руководству фирмы, есть такие слова: «Я верю, что герильерос сдержат свое честное слово». Вам этот текст продиктовали?

Днем, за обедом, Ридмюллер, хвастаясь своим героическим прошлым, показал им несколько документов. Об одном из них Кремп и говорил.

— Нет. Это мои собственные слова.

А ведь обычно вы называете их бандитами.

— В моих глазах они бандиты и есть. — На лбу Ридмюллера появилась складка.

Но вы верили, что они сдержат свое честное слово?

Глаза Ридмюллера остановились на Ундине.

— Когда один из них, может быть, ваш Камилло, сказал: «Мы даем вам честное слово гватемальских революционеров», меня это убедило. Они вполне могли обращаться со мной куда хуже, ведь в их глазах я кровопийца, эксплуататор, но они и волоска на моей голове не тронули. Я много раз спорил с ними. Они объясняли мне, что с их точки зрения должно измениться в Гватемале: почти все! Я возражал, но они вели себя корректно.

Мы хотим в своем фильме поставить вопрос: могут ли люди чести быть убийцами? А если нет, значит, герильерос — бойцы, солдаты на полях гражданской войны?

Сами они в этом убеждены. И, признаюсь, временами у меня складывалось впечатление, что так оно и есть. Мне хотелось верить в их чувство чести, в их человечность, ведь от этого зависела моя жизнь. И я не ошибся... — Понизив голос, он обращался уже к одной Ундине. — Местность, где меня держали в плену, была окружена правительственными войсками. Наши судьбы страшным образом переплелись: они в окружении, а я у них в плену. Под конец я даже желал им удачи... Одной из девушек я пожал руку и сказал: «Надеюсь, вы пробьетесь, амига».

Спустилась ночь, в саду зажглись разноцветные лампочки. Кремп нажал на кнопку магнитофона, спрятанного под курткой. Самому ему никогда бы таких признаний из Ридмюллера не вытянуть. Все это Ридмюллер выложил только ради фрау Раух.

— Это было с вашей стороны весьма порядочно, проговорил Кремп ледяным голосом. Однако с тех пор ваша шкала ценностей вновь претерпела изменения. Амиго опять стали для вас бандитами.

Красноватое лицо Ридмюллера застыло.

Все мы черви, молодой человек, вы же, как видно, хотите быть светлячком.

Он поднялся.

— Прошу меня извинить, милостивая госпожа, день сегодня был долгим. Комната вам понравилась? Тогда желаю вам спокойной ночи.

Поклонился и ушел.

— Зачем вам это понадобилось? — спросила Ундина. - Такими друзьями не разбрасываются.

Ридмюллер мне не друг.

— Но нам-то он помощь оказывает; что вы с ним все спорите, по возрасту он мог бы быть вашим отцом...

Да, и есть даже сходство. Не внешнее...

— О съемках на никелевом руднике забудьте! Не думала, что вы способны зайти столь далеко; мы рискуем уехать отсюда с пустыми руками...

В дверь комнаты Кремпа постучали, и перед ним предстала фрау Раух с мокрыми после душа волосами.

Кремп вскочил с постели.

- Что случилось? Вас... побеспокоили?..

Можно сказать и так. — Вид у нее был какой-то опустошенный. — Сначала Ридмюллер позвонил, сделал вид, будто желает извиниться за преждевременный уход. А потом явился собственной персоной.

Продолжение. Начало в № 4,5.

— И что?..— Кремп достал из шкафа тонкое шерстяное одеяло, подошел к ней.

— Сделала ему некоторые авансы, а что мне оставалось?

Стуча зубами и дрожа всем телом, она присела на его постель.

— Меня знобит. Понервничала я порядком...

— Пожалуйста, укутайтесь...— Он протянул Ундине одеяло.— Если вы чего-то опасаетесь, давайте поменяемся комнатами.

Она подняла голову. Кремп не смог бы объяснить точно, каким был ее взгляд: злым, презрительным или зовущим.

— Это не я, это вы боитесь,— проговорила она до неузнаваемости понизившимся голосом.

— Может быть, вы все-таки останетесь у меня? — тоже совсем тихо, в тон ей, предложил Кремп и даже покраснел, досадуя на двусмысленность собственного вопроса.

— Это уж тебе виднее...

Со стороны озера подул ветер, озеро глухо заропотало. Вот резкие порывы ветра засвистели поверх пальм, и ветви затрещали, будто охваченные огнем.

— Ундина, Ундина,— шептал Кремп, обнимая ее.— Мне так хорошо с тобой... Я никогда и не думал, что бывает так хорошо...

Уже почти засыпая, Ундина сказала:

— А помнишь, Хассо, нашу первую встречу? Эта машина в снегу... Ты ее не заметил? Перевернувшаяся машина... Не будь ее, мы бы сюда не попали. Я проехала мимо, и меня совесть замучила. Только поэтому и взяла тебя в свою машину — внешне ты особого доверия не вызывал.

— Еще бы не помнить! Это ведь был мой «порше», а в нем мой товарищ, мертвый. Он не удержал руль на повороте.— И он рассказал ей об истории в Бремене, о бегстве, обо всем.— Теперь ты знаешь, почему мне не терпелось уехать. «Оказание помощи лицу, официально разыскиваемому полицией», ну и все такое.

— Зачем ты это мне рассказал? Я и так знаю. И не притворяйся: ты не потому взялся за это дело, чтобы былое поскорее быльем поросло. У тебя есть цель в жизни. Ты не хочешь думать, что твой товарищ погиб зря. И поэтому ты ищешь Кампано.

— И это тоже.

— Я в тебе ошиблась, Хассо. Я принимала тебя за теоретика, а ты, оказывается, человек дела...

Конвой состоял из трех «джипов», набитых солдатами в видавших виды комбинезонах цвета хаки. За рулем первого сидел Ральф Вилан, посадивший рядом Фишера и обращавшийся с ним как с почетным гостем. Во втором устроились Бернсдорф и Роблес. Бернсдорф никак не мог сообразить, для чего понадобилась третья машина с тяжелым пулеметом и шестью гватемальскими военными полицейскими в пятнистой форме американских рейнджеров. Вчера охраны не было, значит, ее появление имеет какую-то связь с конечной целью поездки. Но какую, если в сьерре все спокойно? «Таков порядок,— объяснил Вилан.— Для зарубежных гостей выделяется специальная охрана — это приказ, отданный в 60-е годы. А приказы военных не так легко отменить».

На листьях кустов и траве лежали еще капли росы, но дорога пылила, и «джипы» соблюдали интервал. Исполинские кактусы отбрасывали длинные тени. В этой степи, объяснил Роблес, произошло одно из двух самых серьезных сражений «банановой войны» 1954 года. Свое опороченное имя компания поспешила сменить, называется теперь не «Юнайтед фрут», а «Юнайтед брэнд» и поставляет на мировой рынок бананы марки «Чикита»...

— Здесь, на этой дороге, которая была жизненным нервом восстания,— сказал Роблес,— стоял Галло Гиро, крестьянин, герильеро в прошлом. После одного из массированных налетов авиации он перебежал к противнику. Стоял у контрольно-пропускного пункта с опущенным на лицо капюшоном и выдавал всех, кто осмеливался везти в горы продовольствие и медикаменты. Однажды он узнал в человеке, выдававшем себя за сельского врача, своего бывшего команданте Хуана Кампано. Это случилось в начале 1968 года, когда Кампано, сбривший бороду и усы, явился в столицу и в ответ на убийство своей подруги застрелил полковника Уэббера, начальника американской военной миссии. Неизвестно почему, но Галло Гиро не осмелился выдать Хуана Кампано. Впоследствии это выяснилось, и за «содействие противнику» его предали военному суду. Когда зачитали смертный приговор, Галло Гиро плюнул судьям в лицо, выкрикивая лозунги герильерос, снова стал прежним смельчаком, каким был все время, пока напалм не деморализовал его... Его застрелили на месте.

Бернсдорфу сделалось не по себе. Да, не бывает освободительной борьбы без стойкости и героизма ее бойцов, как не бывает ее и без кровавого предательства. После предупреждения Роблеса ему часто приходила в голову мысль о предательстве, и то, о чем рассказывали, он воспринимал уже не только как драматургический материал, детали для возведения здания фильма, а относил это к самому себе. Со вчерашнего дня он считал, что группе угрожает опасность. Пусть подозрение было и неясным, смутным, неизвестно на чем основывающимся. Поверить в него до конца трудно, это как бы игра ума, когда не знаешь, где кончается действительность и начинается фантазия... Спросил:

— Как вы думаете, какие планы могут быть у полиции? Выяснить, что мы действительно снимаем?

— Это им наверняка известно. Насколько я знаю майора Понсе...

— Вы с ним знакомы?

— Страна у нас маленькая, и люди с определенным общественным положением не могут не знать друг друга. Конечно, он знает меня лучше, чем я его, у него заведено на меня досье... Трудно сказать, что он задумал; важно скомпрометировать Толедо.

— С нашей помощью?

Роблес кивнул.

— Вы были на Кубе, он это знает. Не следует недооценивать возможностей нашей уголовной и политической полиции... Понсе просто арестует тех, кого внедрил к вам. Арест в саду министра — это в его стиле. Тем самым с Толедо как с кандидатом будет покончено. А вас вышлют за поддержку подрывных элементов.

— Что вы посоветуете?

— Необходимо проверить ваших исполнителей. Поедемте прямо к ним домой. И если возникнут малейшие подозрения, отказывайтесь от их услуг и найдите замену.

Довольно убедительно. Бернсдорф потирал виски. Они пригласили Роблеса на фильм как консультанта и исполнителя роли Кампано; какую же роль он играет в действительности? О себе Роблес рассказал мало, слишком даже мало, по его, Бернсдорфа, понятиям.

— Я возьму на себя обоих мужчин,— услышал он голос Роблеса.— А с Сантос и с малышкой Крус или с ее матерью переговорите сами.

«Всегда мне достаются женщины,— подумалось Бернсдорфу.— Только на сей раз в этом ничего веселого нет». Считая себя достаточно проницательным, он привык тем не менее полагаться на чувства, на ощущения. Он инстинктивно поверил Виоле и Лусие, как и Роблесу, но что ему о них известно? Глядя в затылок водителю, представил себе, что интуиция подвела его. Что, если один из трех его перехитрил?

— Мне вдруг показалось, что шофер понимает нас.

— Он и испанского толком не знает, где уж ему понимать немецкий?

— Ну ладно, это я разнервничался. Мы вот что сделаем: перенесем день съемок, устраивает это министра или нет.

— В его интересах, чтобы съемка состоялась. Толедо поймет нас.

— Значит, в отличие от Кремпа вы его фигляром не считаете?

— Нет, он — актер, но человек смелый и даже имеющий программу действий. Гражданские права для него не только оружие в избирательной борьбе. Он относится к ним серьезно. Хотя бы по той простой причине, что хочет выжить сам.

— Можно было бы найти способ попроще. Зачем так рисковать?

— Разве вам неизвестно, что такое власть? А власть главы государства здесь почти не ограничена. Кроме того, президент получает самый высокий оклад среди всех высокооплачиваемых государственных чиновников. Так что игра стоит свеч.

Пыль в сьерре улеглась, воздух сделался нежным, шелковистым, и пока Вилан, включив вторую скорость, вел «джип» в гору, он рассказывал Фишеру о партизанской войне.

— Когда я прибыл сюда,— рассказывал Вилан,— сьерру от партизан в основном очистили, оставалось провести «косметические» операции. Несколько групп укрепились вон там, в горах, и пока мы наводили порядок в сьерре, они спускались и мешали нам. Мне хотелось выяснить, с чего здесь все началось — чтобы понять, как с этим покончить. Вы меня понимаете, ведь вы были солдатом?

— Десантником.

Фишер никогда в объяснения не пускался, он не из тех, кто любит поразглагольствовать о пережитом. Сказал «десантником», и хватит. Он понимает других солдат, разбирается в ходе военных действий! «План Пилото» воспринимает как человек мира рекламы, а партизанскую борьбу — как старый вояка.

— Кое в чем мы сами виноваты,— продолжал Вилан.— Мы открыто использовали Гватемалу как трамплин для прыжка на Кубу. Наши военизированные лагеря для кубинских «гусанос» бесили здешних молодых офицеров. В ноябре шестидесятого в столице восстала казарма «Матаморос» во главе с полковником Перейрой. Две недели они контролировали северо-восток страны, потом их оттеснили в джунгли, где они разоружились. Перейра бежал в Мексику, но двое из его младших командиров, лейтенанты Йон Соса и Турсио Лима, с двумястами людьми ушли в эти горы. В годовщину восстания они основали «Революционное движение 13 ноября».

— Неужели командиры герильерос были в прошлом офицерами?

— Некоторые — да. Причем мы сами их и обучили. Турсио Лима младшим лейтенантом прошел курс обучения в Форт-Беннинге. А Йона Сосу в зоне Панамского канала готовили к борьбе против партизан.— Вилан обнажил зубы.— Отплатили за добро черной неблагодарностью.

— А Кампано, его тоже...

— Нет, тут нашей вины нет! Этот прошел школу у Че и был сначала адъютантом Турсио Лимы, а впоследствии, когда тот погиб в автомобильной катастрофе, стал его преемником. Видите вон те хижины? Это селение называется Эсперанса, оно было последним оплотом Турсио Лимы, когда Кампано ходил еще в его адъютантах.

Настоящее партизанское гнездо! Для документальной части фильма то, что показывал Вилан, многого стоило.

Военный комендант селения предложил напитки; сейчас они стояли перед настенной картой в бывшем штабе Турсио Лимы, и Вилан с уверенностью опытного гида давал им пояснения — откуда взялись те или иные экспонаты: письма, документы, листовки, оружие и амуниция герильерос. На стенах фотографии победителей, и самая крупная из них — президента Араны в форме полковника.

«Выставку устроили, что-то вроде музея контрреволюции собирают! — подумал Бернсдорф.— Скоро будут привозить сюда туристов, объяснять: вот, мол, они, последние следы, оставленные ослепленными дураками, вот оно, окончание легенды, экзотичной и загадочной, как гробницы майя. Но нет, найдутся и более надежные свидетели, другие документы, в том числе и фильм под названием «Черный декабрь».

— В конце шестьдесят четвертого МР-13, как сокращенно называлось движение Йона Сосы, разделилось, и образовались Революционные вооруженные силы под командованием Турсио Лимы, ФАР — Фуэрсас Армадас Революсионариас. Обе группы разделили сферы действий,— указка Вилана описала овал в нижнем течении Мотагуа.— МР-13 оперировала в районе банановых плантаций между Лос-Аматесом и Атлантикой. А ФАР, в свою очередь, пробивался из этих гор в глубь страны. В вооруженных вылазках принимали участие и студенты, которые после завершения операций преспокойно возвращались на лекции.

Бернсдорф спросил:

— А почему они разделились? Исповедовали разную тактику?

— Да. Йон Соса предпочитал на армейские соединения не нападать, а привлекать на свою сторону крестьян и создавать так называемые «освобожденные зоны», постепенно их расширяя. А Турсио Лима делал ставку на «пропаганду с помощью действий». Постоянными стычками с армией он стремился деморализовать ее и вызвать энтузиазм населения. Его преемники, такие, как Сесар Монтес и Кампано, пошли еще дальше. Террористические акты в городах, захват заложников, которых обменивали на политических заключенных.— Вилан не сводил взгляда с Бернсдорфа, словно желая вызвать на спор.

Но тот ничего не сказал: гладкий, обтекаемый «доклад» Вилана отбил у него всякое желание возражать и спорить.

Влажная духота жаркого полдня. Стоя посреди нищего селения у колодца, Фишер ворчал:

— Ну и подвели же вы меня! Выходит, ваш Кампано был коммунистом! Вилан прямо намекнул...

— Для меня самого это новость,— не моргнув глазом солгал Бернсдорф.

— И что теперь? Кто из прокатчиков или директоров телепрограмм купит у нас фильм? Видели вы хоть раз у нас фильм, где главный герой был бы коммунистом? Левый католик — да, но член компартии?

Бернсдорф делал маленькие глотки из высокого стакана виски с содовой.

— Мы не обязаны показывать, что он был коммунистом.

Фишер кивнул, такой выход его, похоже, удовлетворял. Очень удобно все-таки, что идеология его почти не тревожит. Бернсдорф разложил карту, концы которой постоянно скатывались.

— Дорога ведет дальше, к противоположной границе сьерры, видите?

— Но не дальше Мараньона,— сказал Роблес.— Там был последний опорный пункт Кампано.

— Последний опорный пункт? Почему же мы не едем туда?

— Спросите Вилана.

Отговаривать Фишера повернуть обратно оказалось затеей бесполезной.

— Вперед! — воскликнул он.— Штаб-квартиру Кампано нам нигде больше не снять, она должна быть у нас на пленке, разве не ясно?

Подошел Вилан, и Фишер, снова разложив скатавшуюся карту, изложил свой план. Выяснилось, что ни военный комендант селения, ни солдаты из группы сопровождения, ни сам Вилан никогда в Мараньоне не были. Слово «Мараньон» в переводе означает «густой кустарник», «заросли», это у черта на рогах... Но Фишер был неумолим.

Бернсдорф видел, что во взгляде Вилана появилось какое-то беспокойство. Но отказаться от поездки значило бы признать, что противник продолжает действовать, что разработанные им меры по «оздоровлению» района вовсе не так эффективны, как он об этом красноречиво рассказывал. Нет, на это Вилан пойти не мог.

— Отлично,— выдавил он из себя, повернулся и отдал необходимые распоряжения.

— Желать — значит мочь.— Фишер отпустил карту. Она скаталась, Фишер взял ее в руку и поднял как маршальский жезл.— Как, между прочим, обстоит дело с оружием?

— Хотите попросить оружие? — поинтересовался Роблес.— Вы обидите Вилана. Солдат охраны достаточно.

— Я говорю о завтрашних съемках. Где наши «заговорщики» возьмут пистолеты?

— У лейб-гвардейцев Толедо,— сказал Бернсдорф.— Если говорить точнее, это будут револьверы. У министра их целый арсенал. Они вам понравятся.

— А патроны?

— О патронах позаботится телохранитель Толедо по имени Пепе. Он завтра будет чем-то вроде нашего реквизитора, по крайней мере в отношении оружия.

— Будем надеяться, он не забудет, что патроны требуются холостые.

— Фрау Раух настоятельно просила об этом.

— Сегодня четвертое воскресенье до рождества Христова,— сказал Фишер,— а мы не зажигаем свечи... Вы, кстати, договорились с Санчес о досъемках в Германии?

— Я хочу побеседовать с ней сегодня. И с другими тоже. Мне представляется рискованным начинать съемки

завтра. Без единой репетиции! Может быть, имеет смысл того или иного исполнителя заменить.

— Вы только не вздумайте искать тут кинозвезд! — Фишер угрожающе поднял свернутую карту.— У нас есть уже тысяча метров документальной части и ни одного метра игровой. Все остается по-старому, завтра снимаем в саду Толедо.

Возражений режиссера он не услышал — конвой развернулся для спуска в долину и моторы рычали. Вилан пригласил Бернсдорфа на место рядом с собой в первом «джипе» и дал ему связку перепачканных брошюр и листовок:

— На память об Эсперансе! Это печатная продукция ФАР.

— Благодарю. Очень любезно с вашей стороны.

— Вы так внимательно слушали меня. Ваш интерес был неподдельным, особенно вопрос о связях коммунистов с герильерос.

Бернсдорф сунул связку в портфель. Ему почудилось, будто в глубине голубых глаз Вилана горит какой-то огонек. Или это впечатление только еще раз подтверждает, насколько страх и чувство ответственности способствуют зарождению недоверия?

— Ты майор, который спит и видит себя полковником,— сказал Андроклес Матарассо Понсе, который сидел с ним рядом на широкой доске качелей.— Но мне приходится соблюдать осторожность.

— Провал исключается, полковник.

Поверх клумбы с азалиями Понсе с завистью смотрел в сторону бассейна, в котором бесились мальчишки, сыновья Матарассо: расшалившись, они обрызгали слугу, принесшего им лимонад.

— Оружие выдаст Пепе. Никто не заметит, что в двух револьверах окажутся боевые патроны.

— Его условия?

— Просит подыскать место в полиции. С июля, после выборов. К тому времени происшествие забудется...

— Хорошо, будем иметь его в виду. Но к чему такие сложности, Камило? Почему бы ему самому не отправить Толедо к праотцам?

— Пепе боится нас. Опасается, что мы постараемся устранить его самого.

— Он не дурак...

— Да и реакция была бы иной. Человека, убитого собственным телохранителем, можно изобразить мучеником, страдальцем за идею. Такое убийство равносильно удару кинжалом в спину. Полагаю, полковник, не в ваших интересах допустить повторение истории с Марио Мендесом.

Убийство Марио Мендеса произошло восемь лет назад: Понсе счел уместным напомнить о нем полковнику. Тогда вождя оппозиции застрелили незадолго до выборов. С превеликим трудом удалось запутать следствие и официально объявить о самоубийстве. Но никто не поверил, и ПР выставила на выборах кандидатуру брата убитого, что оказалось ходом весьма ловким. Хулио Сесар Мендес Монтенегро был избран президентом подавляющим большинством голосов. Тогда, в марте 1966 года, точный выстрел оказался в результате промахом. Непозволительно повторять подобные ошибки.

— Зато если кандидат погибнет, занимаясь саморекламой, это будет равносильно политическому самоубийству,— продолжал Понсе, как бы закольцовывая собственную мысль.— В глазах избирателей он станет жертвой своего честолюбия.

Матарассо ничего не говорил, выдувая через соломинку пузыри в коктейле. «Надо набраться терпения»,— подумал Понсе. Конечно, хорошо было бы организовать и провести операцию лично, а завтра явиться к шефу безопасности и доложить об успешном ее выполнении. Нет, нельзя. Ход политического механизма отлажен, и посягать на этот ход ему не по плечу; он нуждается в прикрытии, в благословении Матарассо. Прервав воскресный отдых, полковник принял его милостиво, но ни единого слова благодарности не произнесено, высказывались одни сомнения. План явно пришелся полковнику по вкусу, но с утверждением он не торопился...

— Как ты на него вышел? — Полковник задал совершенно излишний вопрос, желая показать, что не упускает ни единой детали.

— На Пепе? На нас работает его невеста...

— Тебе придется арестовать его вместе с остальными.

— Это он знает. Всех участников съемок мы арестуем. Разумеется, Пепе признают невиновным. Отрицать, что оружие, из которого будут стрелять, выдал он, мы не станем. Но холостые патроны якобы подменят заговорщики.

— Пепе считает, что сумеет все устроить?

— Вне всяких сомнений.

Матарассо помассировал свою поросшую черными волосами грудь.

— А если они промахнутся?

— С такого расстояния? Их двое, полковник, и со вчерашнего дня оба упражняются в нашем тире.

— Значит, так. Они стреляют. Телохранителям известно, что пальба будет инсценирована, и они и в ус не дуют. Но вот этот тип падает. Что дальше?

— Возникает суматоха, мои люди бегут в глубину сада, попадают в гараж и садятся в машину, которая стоит там на случай возможного бегства Толедо.

— У него есть машина для бегства?

— С полным баком горючего. Толедо велел построить гараж еще будучи министром юстиции. Выезд на боковую улицу. Так что моим парням удастся улизнуть без особых сложностей...

— Не торопись. Давай обсудим все по порядку. Представь, что телохранители быстро сориентировались, начали стрелять и ранили одного из них.

— Через три минуты появляюсь я.

— И за три минуты можно кое-что рассказать.

— Но не с пулей 45-го калибра в теле.

— А вдруг ранение окажется легким?

— Тогда Пепе выстрелит еще раз. В его интересах, чтобы тот не проговорился.

— Итак, они ушли. Где ты их схватишь?

— Не в центре. Взять слишком быстро — вызвать подозрение. Лучше за городом. Они вооружены, отстреливаются и...

— ...погибают. Хорошо. Но представь себе, что ты потерял след и они прячутся где-то в пригороде?

— Невозможно. Им на колесо сразу сядет кто-нибудь из наших. Кроме того, Пепе подложит в багажник портативный передатчик. Шансов уйти у них нет.

— Удивительно, что они этого не понимают.

— Может быть, и понимают, но у них нет выбора...

Андроклес Матарассо встал. Крепко сбитый, приземистый, коротконогий, сильный, как шимпанзе. Он подвел Понсе к кромке бассейна, доверительно коснулся плеча.

— Я ни о чем не знаю, Камило, и ничего тебе не обещаю. Но если вскоре ты придешь ко мне с хорошей новостью, мы разопьем бутылку «Дом Периньон» урожая пятьдесят пятого года и ты сможешь называть меня Анди.

Через несколько километров за Эсперансой асфальтовое покрытие дороги обрывалось. Задрав тупорылый капот, «джип», поднимая тучи пыли, полез в гору.

— Я вас предупреждал,— ворчал Вилан, так крепко сжимая руль, что кожа на косточках натянулась.

Бернсдорф держался за раму ветрового стекла. Дорога превратилась в некое подобие тропы для вьючных животных времен Кортеса.

— Довольны? — спросил американец.— По вашему желанию мы готовы показать и это — дорогу, заканчивающуюся в нигде. И никто продолжать ее не будет. Наши возможности не безграничны! А разве на Кубе вы не видели того же: нищеты и грязи?

Бернсдорф насторожился:

— При чем тут Куба?

— Вы ведь рассказывали майору Понсе, что побывали там — до Кастро. Но тут вы ошиблись. Ему достаточно было обратиться к газетному архиву, чтобы убедиться, когда именно вы там были. К чему эти маленькие хитрости?

— Не хотел тревожить его понапрасну.

Глаза Вилана снова сузились, в них появился недобрый блеск.

— Вы недооценили майора.

— А вы советник экономический или полицейский?

— Здесь это вещи взаимосвязанные...

Бернсдорф почувствовал в словах Вилана вызов и понял: тот нервничает, раздражен. В Эспе́рансе Бернсдорф держал себя в руках, но здесь, наедине с Виланом, решил высказать, что он думает обо всем этом — о колодцах и священниках, о специалистах по проведению аграрной реформы и социологах, об американских землемерах и рейнджерах. Он просто не мог иначе, это рвалось наружу.

В глазах американца плавали голубые льдинки.

— Я рад, что вы не скрываете ваших прокоммунистических убеждений.

— Коммунистом я никогда не был, я социалист. Вам ли не видеть различия?

— Что ж, мне ясно. Вы хотите в своем фильме воспеть дело восставших. На денежки Фишера. Вы подали эту идею в блестящей упаковке, Фишер почуял, что на этом можно заработать, и, возможно, даже не ошибся. В кинобизнесе всякое случается... Но ваша, господин Бернсдорф, роль куда подозрительнее, чем роль американского землемера или инженера-гидролога, занимающегося к тому же вопросами безопасности. Лично ваше занятие несравненно циничнее, потому что основа фильма абсолютно лжива! Какой бы прекрасной ни оказалась постановка, ложь остается ложью.

— Почему вы так считаете?

— И вы еще спрашиваете? Потому что с герильерос покончено, и здесь, и повсюду — в Боливии, Колумбии, Перу... Как же вы смеете после этого утверждать, будто они — победители?

— Моральная победа бывает порой важнее победы на поле битвы. Если я покажу, что попытка восстания была оправданной, и вдобавок изображу, как один из повстанцев преодолел страх перед собственной гибелью, страх перед превосходящими силами противника...

— Оправданность восстания? Сказать вам, кто препятствует развитию, из-за кого страна пребывает в нищете? Из-за герильерос! Они — причина неисчислимых бед Гватемалы, потому что отпугивают иностранный капитал.

— Разве БОА Ридмюллера отпугнули?

— Их — нет. Тут столько полезных ископаемых: медь, цинк, свинец, прекрасная железная руда, нефтяные месторождения в девственных лесах. Но капиталовложения могли бы быть в десять раз больше!

— Пожелаю вашим монополиям приятного аппетита. Почему же они медлят сейчас, когда над герильерос одержана полная победа?

Бернсдорф проговорил эти слова спокойно; выговорившись, он чувствовал себя увереннее, хотя и понимал, что спор, по существу, бессмыслен.

«Джип» неожиданно замедлил ход: дорогу впереди преградило скатившееся, очевидно, с холма дерево. И в это мгновение прозвучал выстрел...

Стреляли откуда-то сверху, с некоторого расстояния. Вилан резко затормозил. Секунды спустя прозвучал второй выстрел, с противоположной стороны; Бернсдорф принял его даже за эхо первого. «Кто-то охотится»,— подумал он. Но поведение спутников подсказывало ему, что они другого мнения. Солдаты спрыгнули с машин, Вилан с револьвером в руке искал убежища за правым передним колесом.

— Вылезайте! И живо в укрытие! — закричал американец.

Бернсдорф повиновался, чтобы не раздражать его. Вилан весь покрылся потом, указания свои он отдавал отрывисто, лающим голосом.

От второй машины к ним подполз Фишер.

— Это стреляли из охотничьего ружья...

Рисунки В. ПЛЕВИНА

— Не думаю,— ответил Вилан.— Видите дерево? Кто-то устроил нам ловушку.

— Тогда дайте мне оружие,— сказал Фишер.

— Рядом с сиденьем...

Фишер взял в машине автомат и быстро разобрался, как с ним управляться. Происшествия он всерьез не воспринял, но фантазия бывшего вояки разыгралась.

— Поздравляю с началом третьей мировой войны,— съязвил Бернсдорф, увидев продюсера рядом с собой.

Фишер прицелился в невидимого врага.

— Два немца и одиннадцать «кокакол» под предводительством янки,— пошутил он.

Ничего больше не произошло. От туч москитов звенело в ушах, стало жарко. Некоторое время все прислушивались, но ничего подозрительного не произошло. Два солдата оттащили с дороги препятствие. Это было единственное деревце на сотни метров вокруг: на склонах рос один чертополох. Может быть, естественная растительность была уничтожена напалмом. Снизу, с плато, в небо тянулись жиденькие дымы.

— Угольщики запрета на охоту не придерживаются,— заметил Вилан с такой горечью, будто дичь в округе принадлежала лично ему.— Поедем дальше?

— Если не возражаете,— ответил Фишер и попросил Роблеса сфотографировать его с оружием в руках.

— Думаю, мы видели достаточно,— сказал Бернсдорф.— Господин Вилан отвечает за нашу безопасность, не будем усложнять ему жизнь...

— Нет, до Мараньона мы доедем! — голос Вилана даже охрип от ярости.

Он сел за руль и, подняв руку, дал конвою приказ трогаться в путь. С каждым поворотом серпантина настроение Бернсдорфа ухудшалось. Взгляды, которые бросал на него Вилан, не могли не беспокоить: в зрачках его глаз тлела ненависть. Когда знаешь, что струсил — а какой трус не знает, когда именно испытал это постыдное чувство,— никогда не забудешь, кто был свидетелем. Он возненавидел Бернсдорфа, потому что тот видел его в момент слабости.

И поэтому Бернсдорф испытал облегчение, когда Вилан вновь заговорил с ним — они подъезжали к Мараньону,— пусть и для того лишь, чтобы продолжить спор.

— Я принял решение не добиваться вашего выдворения из страны,— сообщил ему Вилан негромко, с затаенной угрозой.— Это было бы нетрудно, поскольку вы пытались обмануть официальные инстанции страны, но я не вижу нужды в столь крайних мерах. Мы неделовой критики не боимся. Чего вы рассчитываете добиться вашим фильмом? В Гватемале он на экраны не выйдет, а в Европе лишний раз подтвердит, насколько наша демократия широка, какие возможности предоставляет. Распространяйтесь насчет романтики герильеро сколько вам заблагорассудится. Единственное, что нам мешает всерьез,— это коммунисты с идеями Народного фронта. А в остальном... Я даже готов пожелать вашему фильму успеха. Видите, насколько мы великодушны! Нам не до мелочей...

Ветер принес на плоскогорье дождь, его тугие струи так и хлестали по крыше дома Ридмюллера, но около одиннадцати утра сквозь тучи пробилось солнце и преобразило все вокруг. Озеро Атитлан, казавшееся час назад огромным блюдом расплавленного свинца, превратилось в овальное зеркало.

После обеда Ридмюллер пригласил всех на свою яхту, которая горделиво покачивалась на волнах у причала. На побережье озера, объяснил он, расположены двенадцать индейских селений, названных по именам двенадцати апостолов; каждое из селений отличается своей одеждой. Он хвалил индейцев за их умение приспосабливаться к меняющимся условиям жизни, рассказывал, какие они искусные ткачи. Но Кремп слушал его вполуха, ему хотелось побольше узнать о никеле, где БОА набирает горняков.

— Работает у нас кое-кто из старых, опытных кадров,— сказал Ридмюллер, стоявший у поручней в белых брюках, блайзере и капитанской фуражке — ни дать ни взять охотник на львов, любимец дам и яхтсмен в одном лице.— Во время второй мировой войны они разрабатывали залежи свинца, цинка и олова, тогда цены были подходящими.

— С тех пор прошло уже тридцать лет. А где вы обучаете новых специалистов?

— Об обучении в полном смысле слова говорить не приходится. Кое-кто из них посещает курсы... Знаете, технология добычи руды заметно изменилась. Современные рудники — это уже не штреки и не штольни; сегодня предпочитают снести целую гору, а потом уже получать и обогащать руду из обнаженных срезов.

— А кто обслуживает подъемные механизмы?

— В основном специалисты из Штатов...

Ридмюллер, прикусив мундштук курительной трубки, искал глазами Ундину.

— Североамериканцев у вас, конечно, больше?

— Вовсе нет. Тем не менее две трети заработной платы выдается в долларах, хотя только ведущие специалисты — иностранцы. Но куда большие суммы, чем на зарплату, уходят на материальное снабжение: на транспорт, запасные части, горючее, взрывчатку. Десятки тысяч тонн одной взрывчатки в месяц!

Кремп сделал вид, будто поражен.

— Материал и технических специалистов вы, значит, ввозите, а сырье вывозите,— подытожил он.— Ваше огромное предприятие находится посреди диких лесов, где нет никаких населенных пунктов, кроме рабочего поселка, ни местной промышленности, обычно развивающейся вокруг таких индустриальных гигантов. А ведь экспорт никеля связывается в стране с надеждой на развитие всей экономики. Так как же ваша фирма участвует в экономической жизни страны? Или она живет исключительно собственными интересами?

— Не только... Мы даем хлеб и деньги тысячам семей. К тому же платим умопомрачительные налоги. Пока что кофе стоит еще на первом месте в экспортном списке, но большие деньги теперь нигде на кофе, сахаре или бананах не заработаешь. Только на нефти и рудах!

— По законодательству 1965 года все природные ископаемые принадлежат государству. Может ли правительство Гватемалы, а не лондонская биржа, диктовать вам повышенные экспортные цены?

— Оно не имеет даже права совещательного голоса! Не забывайте, странам — производителям нефти потребовались десятилетия, чтобы объединить усилия на мировом рынке. В «рудных» государствах мы никогда до этого не допустим. Запад предупрежден. В случае осложнений Вашингтон прибегнет к самым строгим мерам.

— Даже к высадке войск?

— Будет достаточным свергнуть правительство. Но это все немыслимо. Любое из возможных здесь правительств будет самым тесным образом сотрудничать с нами.

— А разве местная руда не принадлежит государству?

— Это как посмотреть,— сказал Ридмюллер.— О полезных ископаемых «третьего мира» идет столько споров лишь потому, что в высокоразвитых индустриальных государствах с их трудолюбивым населением сырьевые запасы постепенно исчерпываются... Кому же принадлежит сырье? Деловому и пытливому человеку, способному не только найти, но и добыть руду, или апатичному и бездеятельному хозяину, в чьей земле она находится? Меня удивляют левые, которые обычно утверждают, что цена труда превыше собственности, а в данном случае считают, будто все наоборот!

— А меня удивляет, что люди, для которых частная собственность — святая святых, напрочь отказываются от своего же закона, как только что-то нужное им находится за пределами их границ.

— Вся мировая история полна примеров, когда народы воевали из-за сырья, господин фон Кремп, и вам, как сыну крупного промышленника, полагалось бы это знать,— раздраженно проговорил Ридмюллер.— Так уж устроен наш мир.

Около трех часов дня яхта взяла курс на юг, к подножию Атитлана, конусо-

образного вулкана, высеченного, казалось, из пестрого мрамора на зеленом берегу озера. К удивлению Кремпа, из бухты Сантьяго им навстречу вылетела яхта еще более роскошная, чем у Ридмюллера. Она принадлежала Альфонсо Гандаре, министру экономики республики. Тот, размахивая руками, приказал матросам изменить курс, чтобы Ридмюллеру было легче подойти к левому борту... Извинившись, Ридмюллер взял в руки «дипломат» и перешел на борт яхты Гандары: необходимо-де обсудить кое-какие проблемы.

— Я слышал, он назвал тебя по имени, Ундиной,— сказал Кремп.— С какой такой стати?

— Пришлось разрешить ему эту малость.

— Отвратительно... Нет, ты только посмотри на них обоих: даже в воскресенье они находят время для распродажи своей страны...

Кремп взял в руки камеру. В довершение всего яхта Гандары называлась «Патриа». Да, столь прелестной идиллии ему никогда прежде снимать не приходилось.

— Послушай, Хассо,— услышал он голос Ундины.— Ридмюллер хочет, чтобы мы и сегодня переночевали у него. А завтра утром обещает доставить нас в столицу на собственном самолете, так что у Толедо мы, дескать, будем вовремя.

— Незачем было строить глазки.

— И больше ты ничего не скажешь? Прошу тебя, придумай что-нибудь.

Кремп снимал сейчас палубу «Патрии»; вон там, под спинакером, сидит этот разжиревший президент БОА, сумевший подкрепить свои акции прирожденного организатора паспортом гватемальца и породнившийся со здешней олигархией. С первого взгляда его можно принять за представителя местного капитала, хотя национальных чувств у него нет ни на грош. В душе он немецкий филистер, по положению — верный своим американским хозяевам директор дочерней фирмы, по национальности — гватемалец во втором поколении. Вот он, современный гражданин мира! А рядом с ним министр. Худой как щепка, смуглолицый, с напомаженными волосами; внешне между ними никакого сходства. И тем не менее это орудия одного калибра — космополиты, дельцы международного пошиба. Оба только о том и думают, как бы набить брюхо за счет бедняков. Кажется, что слышна даже их отрыжка.

Он почувствовал прикосновение руки Ундины.

— Стоит в видоискателе появиться чему-то, совпадающему с твоими представлениями о современном мире, ты забываешь обо всем на свете, а лицо у тебя, между прочим, такое, будто тебя вот-вот стошнит.

Кремп опустил камеру.

— И ты меня в этом упрекаешь? Просто я отношусь к собственным убеждениям всерьез.

— Слишком даже! В жизни есть много другого. Можно порадоваться красотам природы, да мало ли чему... Почему бы нам не искупаться вместо того чтобы снимать? Потому что для тебя ничего, кроме боевой цели, не существует! Считаешь себя крестоносцем справедливости...

Он не совсем понимал Ундину. В начале знакомства она казалась ему одинокой женщиной, подчеркивающей свою самостоятельность и все-таки думающей о своем гнезде, таков уж древний, но вечно живой инстинкт женщин; а теперь вот она играет с ним и одновременно флиртует с Ридмюллером... Как ей объяснить, чего он добивается? Но разве чувство ненависти к происходящему на палубе «Патрии» не естественно, разве это нужно объяснять?

Только Ридмюллер захлопнул «атташе» с документами, как министр вскочил, словно подброшенный невидимой пружиной, засеменил к поручням и, несколько раз поклонившись, пригласил Ундину и Кремпа перейти на «Патриу». Гандара с чувством пожал гостям руки, предложил устраиваться в шезлонгах, угостил джином с тоником и, выяснив, что Ундина не понимает по-испански, начал рассказывать чисто мужские анекдоты. Наверное, им с Ридмюллером пришлось потрудиться, если потребовалось такое средство для разрядки. Назойливое гостеприимство министра претило Кремпу, но что поделаешь?..

Однако нет худа без добра. От северного берега, оставляя за кормой пенный след, к ним летела по волнам моторная лодка, принадлежащая к флотилии Ридмюллера. Им передали срочную телеграмму:

«Ундина Раух и Хассо фон Кремп. Ожидаю вас для обсуждения съемок в 18.30 в «Майя Эксельсьор». Наилучшие пожелания всем. Бернсдорф».

Министр высказал глубокое сожаление и спросил Ундину через Кремпа, не пожелают ли они впоследствии погостить у него.

— «Патриа» принадлежит вам,— сказал он на прощание со значением, словно действительно делая дорогой подарок.

Ридмюллер был недоволен, но против того, что киногруппы работали и по воскресеньям, возражать не приходилось.

— Тогда до завтра,— прошептал он Ундине.— В садовой стене моей виллы есть потайная дверь, ее для вас откроют. Приходите сразу после съемок ко мне!

Летели они недолго. С воздуха столица Гватемалы казалась сначала солнечной короной при затмении. Жестяные крыши хижин в бедняцких кварталах отражали мощную полосу света, исходящего от центральных, «добропорядочных» районов, потом стали различимы уличные фонари, центр столицы начал напоминать светящуюся шахматную доску, окраины же сразу потемнели.

— Здесь с помощью агитации, убеждения, слов ничего не изменишь,— сказал Кремп, когда самолет побежал по бетонированной полосе аэродрома.— Единственное, что может привести к переменам,— это вооруженная борьба, революция!

— Ты цитируешь наш сценарий,— сказала Ундина.— Это ведь слова Хуана Кампано...

Он умолк. Ундина не в состоянии понять, что фильм и жизнь, мысли и действия — для него одно и то же.

Тщетно прождав Кремпа и Ундину, Бернсдорф попросил Роблеса подвезти его на Шестую Южную авениду. Они условились встретиться вновь около девяти вечера в отеле, а до этого прощупать исполнителей. Режиссер был озабочен. Еще больше, чем предупреждение Роблеса, его встревожила атака Вилана. Нет, что-то вокруг них затевают!

Сидя у Виолы, ждавшей от него нежных слов и объятий, Бернсдорф как будто слышал мелодию из своего фильма «Забудь или умри», элегическую линию скрипки, певшей о том, как все люди одиноки и обречены. Такова она, жизнь, как бы жаловалась музыка, поток времени несет тебя, и лучше всего ему не сопротивляться.

Полиция раскусила его, шансы в борьбе неравны, запахло поражением. Но отступать поздно. Пока что ему не по нутру ставить крест на собственных планах, трусливо уходить в сторону.

— Ты ничего не пьешь,— сказала Виола.— И ничего не рассказываешь о вашей поездке... что-то случилось?

Бернсдорф заставил себя улыбнуться. Как-никак, он приехал сюда не для того, чтобы сидеть молча, предавшись невеселым мыслям. Он должен что-то выяснить у Виолы — и не должен ей верить на слово. Но как допрашивают близкого человека?..

— Я по тебе вижу, что-то все-таки случилось.

— М-да, причем неприятное. Фишер хочет снять тебя в такой сцене: подругу Кампано при нападении на Толедо ранят, берут в плен, а потом издеваются над ней.

— И я должна сыграть это?

— «Сыграть» — слишком громко сказано. Сняться в такой сцене. Он хочет доснять это в Германии и предлагает тебе три тысячи марок плюс командировочные.

— Я согласна.

— За несколько съемочных дней гонорар приличный, но я тебя предупреждаю! Как только фильм появится на экранах, его увидят люди из вашего посольства и ты не сможешь вернуться.

— Что ж!.. Я так или иначе хотела уехать...

Разговор, помимо желания Бернсдорфа, приближался к критической точке. Она хочет уехать из Гватемалы любой

ценой! Еще позавчера она даже умоляла взять ее с собой в Германию. Родители Виолы эмигрировали, она намерена последовать за ними. Или кто-то оказывает на нее давление?..

— После того как мы с тобой познакомились, Виола, ко мне подошел майор Понсе, ты его знаешь, наверное.

Она налила виски в стакан Бернсдорфа, ничего не ответила.

— Мы с ним говорили и о Кампано.— Бернсдорф умолк, стараясь поточнее вспомнить слова майора.— Понсе сказал мне еще: «А вы поинтересуйтесь у дамы, которую угостили коктейлем».

— Я работаю в газете, вот меня и знают. Понсе? Какое он имеет ко мне отношение? Я сама предупредила тебя о шпиках.

— Виола, ты что-то от меня утаиваешь. Почему? Понсе заставил тебя работать на полицию? Чем он тебе угрожает? Арестом? Тебя вынудили прийти к нам и предложить свои услуги? Да? А теперь ты решила сделать то, что в его расчеты не входит,— хочешь бежать из страны, хочешь отомстить, рассказать за рубежом, что у вас происходит?

Пальцы Виолы мелко дрожали.

— Все примерно так, как ты говоришь.

— Почему же скрывала это от меня? Тебя так сильно запугали?

— Нет... Я боялась, я так боялась, что ты будешь меня презирать...

Однако все было не совсем так. А как, Виола не могла рассказать никому, она всеми силами старалась подавить в себе эти воспоминания. Лишь иногда, в кошмарных снах, пережитое снова начинало терзать ее, и как раз сейчас Виола мысленно увидела перед собой Торо, грубого и жестокого, как дикий зверь.

Грязные, оскорбительные крики, которые она пыталась забыть все последующее время,— а прошло уже больше трех лет с тех пор,— были для нее самым страшным воспоминанием. И теперь она опасалась, что дело, начатое Понсе, может завершиться у Торо. Бежать? Но как?

— Какая же роль отводится нам? — спросил Бернсдорф.

— Я... не знаю. Я только должна докладывать ему... Понсе намекнул, что киногруппу используют как наживку.

— И кто должен эту наживку проглотить?

— Ну... противники режима — в широком смысле слова. «Я не против этих немцев,— сказал он мне.— Я только против герильерос, а они всегда не прочь встретиться с левыми иностранцами».

— О Толедо у вас речь заходила?

— Понсе упоминал о нем вскользь, когда рассказывал о Кампано.

— Подробности о жизни Кампано тебе сообщил он?

— В основном да. Сама я знала лишь дом, где он родился. О Толедо он упомянул в связи с неудавшимся похищением.

— Он хочет впутать нас в какую-то историю с Толедо?

— Я слишком нервничала тогда, чтобы разобраться, что к чему. Помню, подумала: «Все начинается сначала...»

Бернсдорф склонил голову набок, он так и буравил ее взглядом. Виола вдруг с ужасом осознала, что Бернсдорф ей не доверяет. Несмотря на всю ее откровенность — не верит! Наступила тягостная пауза.

— Вряд ли Понсе рассматривает нас исключительно как наживку,— проговорил Бернсдорф на удивление спокойно.— Это вообще исключено. А если и так, то нам непосредственно ничего не угрожает.

— Почему ты так считаешь?

— Иначе он не стал бы говорить об этом с тобой. Жаль, что ничего другого ты не запомнила... Но если мы в самое ближайшее время не узнаем, что он задумал, Виола, то его ловушка захлопнется и никому из нас из нее не выбраться. И тебе в том числе.

— Ах, вот что... Ты хочешь, чтобы я узнала, что он задумал?

— Попытаться-то ты можешь... Знаю, ты многим рискуешь в обоих случаях, и неизвестно даже, когда больше. Но если Понсе сумеет запутать нас в какую-то грязную историю, тебе уже не удастся воспользоваться приглашением Фишера, ты меня понимаешь?

Бернсдорф взглянул на часы, задумался.

— Послушай, разве сегодня тебе к Понсе не идти? Ну, с «докладом»?

— Сегодня ничего не произошло. Или все-таки пойти? Тогда расскажи, что было в Сакапе.

— Да, кое-что им надо подбросить,— сказал режиссер.— На своем жаргоне они называют это «материалом для игры...». Ты пускаешься в опасное плавание, Виола. Но особенно не тревожься — мы с тобой пройдем всю «программу» от точки до точки и отшлифуем ее до блеска. Разве я не профессионал? Или глупее Понсе?

Ночь полна шумами и запахами: музыка, доносящаяся из кабачков... шаги прохожих... принюхивающиеся к чему-то собаки... пьяницы, горланящие песни... непонятные слова на диалекте индейцев майя... Вот уже полчаса Виктор Роблес сидел перед хижиной Габриэля Паиса, старшего среди шести или семи братьев в бедняцкой индейской семье. Роблес никак не находил ответа на мучивший его вопрос: как этот индеец из самых низов смог заполучить роль в фильме, пусть и самую маленькую?

Высадив Бернсдорфа перед кинотеатром, Роблес отправился в поселок металлургического завода на поиски Марселино Торреса, якобы похожего внешне на Кампано. Но в окнах дома Торреса было темно, на стук никто не отозвался. Соседи, к которым он обратился с вопросами, отмалчивались, не испытывая доверия к незнакомцу... А теперь его такси стоит у подножия холма, обживаемого потихоньку беднейшими из бедных индейцев. Ездить ночью по закоулкам трущоб опасно: здесь ни фонарей нет, ни замощенных дорог. Договориться с индейцами трудно, почти никто из них испанского не знает. Они переселились сюда из своих деревень совсем недавно и, исключенные из городской жизни, влачили жалчайшее существование.

Крытая жестью хижина из обломков досок, песчаный «пол», жужжание мух, вонь. Вид у хижины такой, словно она может рухнуть от одного неосторожного движения. После жалкого «серийного» дома Торреса это еще несколько ступенек вниз по социальной лестнице, ее последняя ступенька. Но, может быть, семья Паисов, если она не потеряла надежду, считает эту ступеньку первой?.. Отец работает садовником у богатой дамы, но из-за больной печени часто вынужден оставаться дома. Мать продает на пригородном рынке жареное телячье сердце с тушеной картошкой. Младшие дети пока что проказничают где придется со своими сверстниками. Но Габриэль — хороший мальчик, он частенько приносит деньги, рассказывала Роблесу мать. Кто он по профессии? Был крестьянином, как и все они в деревне, оттуда из-за голода пришлось уйти в город. Где работает? Подыскивает себе занятие то тут, то там; точнее мать объяснить не сумела — испанских слов пока знает мало. Потом начала жаловаться на воров, которые украли шерстяное одеяло, пока она торговала на базаре. Полиция? Скажете тоже! Полиция сюда, на этот холм, и носа не показывает. А закрывать дверь ни к чему — в стенах столько дыр, просунуть руку ничего не стоит... Во время ее грустного рассказа из-за занавески послышалось хныканье больного ребенка, метавшегося в жару на отрепье семейной постели.

Послышался звук шагов, вспыхнул в темноте огонек сигареты — это наконец вернулся домой Габриэль Паис. Роблес вышел ему навстречу.

— Ты знаешь меня, Габриэль. Встречались в отеле. Я доктор Роблес из киногруппы.

Познакомились они тогда, что называется, «на ходу», но Паис сразу протянул Роблесу руку:

— Вы меня ждали? Мать вас ничем не угостила?

От него пахло спиртным, по-испански он говорил с ошибками, но радость от встречи была искренней.

— Давайте останемся на улице, тут нам никто не помешает.

Нетвердо держась на ногах, Габриэль поплелся к хижине. Было слышно, как он громко спорит там о чем-то. Вышел разодетый, в туфлях с белой окантовкой и костюме из магазина готового платья, что должно было показать — он, Габриэль Паис, считает себя «ладино», индейцем, покинувшим свою общину и причисляющим себя к белым. В одной руке он нес керосиновую лампу, в другой — небольшую, пестро раскрашенную доску, на которой стояла тарелка с нарезанной папайей и крас-

ными плодами кактуса, бутылка и две рюмки.

— Матабурро,— сказал он с улыбкой и дрожанием головы показал, какой крепости этот напиток.— Или лучше пиво?

От пива Роблес отказался: «матабурро» значит «убийца ослов», но он вполне рассчитывал на свои силы. Устроились на пустых канистрах. Паис церемонным жестом поставил доску между ними. Роста он был невысокого, но широкоплечий, атлетического сложения, в его движениях ощущалось внутреннее достоинство. Понятно, почему он понравился мадам Раух, когда пришел к ней трезвым. Да, но как он попал в отель?

— Меня просили передать тебе, что завтра в семь утра начало съемок.— Роблес старался подбирать слова попроще.— Министр хочет закончить все пораньше, чтобы успеть в министерство, понимаешь? А нам надо еще порепетировать.

— И поэтому вы, доктор, приехали ко мне?

— Я ведь тоже играю в фильме, как и ты.

Приезд Роблеса явно польстил Паису. Разлив «ослоубийцу» по рюмкам, он протянул одну Роблесу, держа ее в обеих руках, чтобы не расплескать:

— Салют! За красивый фильм!

Ром «матабурро» огнем обжигал горло. Паис снова налил. Движения у него при этом были точные, размеренные, будто он соблюдал некий ритуал.

— Мой младший брат... ему плохо,— проговорил он вдруг.— А доктора к нам сюда не заглядывают. Вы его не посмотрите? Пожалуйста!

Роблес объяснил ему, что он не врач, а экономист. Этого Паис не понял: он принял его за врача, который между делом занимается чем-то еще, потому что основная профессия плохо кормит. «Доктор», только это он и понимал, а «экономика» или «медико» до него не доходило. Роблес написал на листочке из блокнота адрес врача, который лечил бедняков, потом смял ее, бросил на землю: Паис не умеет читать...

— Бери брата, я вас отвезу.

Мог ли Паис оказаться шпиком? В принципе это не исключено. И здесь, в бедняцких кварталах, на ничейной земле, где, в сущности, нет действенного полицейского контроля, шпики все же есть. Но станет ли полиция возиться с индейцем, который не сумеет толком понять полученный приказ, не сумеет написать отчет, зато не прочь выпить?

Такси медленно ехало по шоссе по направлению к городу. Мальчик на коленях Паиса перестал плакать, затих.

— Это хороший доктор, Габриэль, лучше, чем я. И если у тебя нет денег...

— У меня есть! Женщина из фильма дала мне двадцать кетцалей.

— Как ты к ней попал?

— Простите, доктор? Я не понял.

— Отель «Майя Эксельсьор». Кто тебе сказал, что там, в фильме, нужны люди?

— Фелисита мне сказала.

— Кто это?

— Моя девушка. Нам крепко повезло, и мы сможем скоро пожениться. Фелисита много зарабатывает, два кетцаля в день. Она в «Майя Эксельсьоре» кровати застилает.

Выяснилось, что он уже дважды снимался в кино. В прошлом году французская киногруппа снимала его в наряде касика на фоне руин Киригуа, предварительно загримировав под пожилого человека. А прошедшим летом приезжали люди из Голливуда, снимали его почти что обнаженным, намазав тело каким-то пахучим маслом и воткнув в волосы зеленые перья. Ему пришлось разучить сложнейший ритуальный танец и участвовать в драке с белыми артистами... Роблесу смутно вспомнились отчеты об этом фильме. Что-то вроде исторического спектакля о завоевании Гватемалы испанцами.

— Спасибо, доктор,— сказал Паис, когда они подъехали к клинике.— Вы ко мне еще приедете? И мы еще с вами выпьем, ладно? Приедете?

— Конечно! Пока ты не станешь кинозвездой и тебе не поставят личного телефона, Габриэль, за тобой кто-нибудь из нас да приедет...

Габриэль Паис отпадает. Остается один Марселино Торрес.

Сейчас в домике Торреса горел свет. Выключив мотор, Виктор Роблес не вышел сразу из машины, а закурил сигарету, как бы желая сосредоточиться, успокоить нервы.

Долговязый парень открыл Роблесу дверь, будто наблюдал за такси и видел, что к нему поднимается поздний гость.

— Марселино? — спросил Роблес, потому что в отличие от Паиса этого исполнителя прежде не видел.

Торрес пропустил его в тесную прихожую. Пахло рисом и бобами; из жилой комнаты доносились обрывки футбольного телерепортажа.

— Хорошо, сеньор Роблес. Значит, завтра в семь, я понял... Что-нибудь еще?

— Я приезжал уже раньше, ты куда-то уходил?

— Это мое дело,— ответил Торрес так резко, будто задели больное место.

Он был метисом, высокого роста, с жиденькой растительностью на лице.

Парень как парень, но глаза его заставили Роблеса насторожиться. Они постоянно бегали, ни на секунду не задерживаясь на одной точке.

— Зачем так нервничать? Пойдем в мое такси, там мы сможем поговорить спокойно.

— О чем? Я хочу досмотреть ответную игру Уругвай — Гондурас.

— Футбол от тебя не убежит, чего нельзя сказать о роли.

— О роли? Вы отнимаете у меня роль?

— Возникло несколько непредвиденных проблем, и, если ты не проявишь некоторого понимания, нам лучше вообще расстаться.

Говоря это, Роблес полностью отдавал себе отчет в том, что отделаться от Торреса будет не просто. Он станет любыми способами цепляться за эту работу, особенно если подослан Понсе. Даже если с помощью хитрости и удастся вырвать у Торреса признания, что он работает на полицию, дальше-то что? В конце концов, что предложить взамен? Найти убежище, помочь бежать из страны? Ведь, кроме бегства, Торресу ничего не останется. Но те скромные резервы, которые находятся пока в распоряжении партии, предназначены действительно на самый крайний случай, рассчитаны на спасение товарищей, которым угрожает смертельная опасность.

А сейчас, после секундного испуга, Торрес подтолкнул его к двери, последовал за ним в темень ночи и зашипел:

— Что это значит, Роблес? Что, черт побери, ты против меня имеешь? Давай, давай, выкладывай! Сначала ты отнял у меня лучшую роль, а теперь собираешься вообще вышвырнуть вон? Думаешь, раз ты белый, раз ты старше меня и учился в университете, можешь топтать меня ногами? Это я похож на Кампано, а не ты, но роль у меня забирают...

— Потише, Марселино. Кто тебе сказал, будто ты на него похож?

— У меня есть его фотография!

— Откуда она у тебя?

— Из одного американского журнала. Проваливай отсюда, Роблес!

— Знаешь, издали тебя можно за него принять. Но лицо? Никакого сходства!

— А тебе о нем чертовски много известно, да?

— Я ходил с Кампано в одну школу.

— Это еще не значит, что ты на него похож!

— Но одно я знаю точно: он был белым, а не метисом. Так что ни о каком сходстве не может быть и речи!

— Тогда выкиньте индейца, а его роль передайте мне! — крикнул он.— Роблес, мне нужны деньги! Я так давно без работы!

— Тебя наняли и деньги заплатят полностью, будешь ты играть или нет. Немцев твой гонорар не разорит.

— Но я хочу сниматься, понимаешь, я должен!

— Почему? Если все равно заплатят?..

— Потому что, потому что...— Торрес закашлялся, не находя подходящего объяснения.— Потому что тогда меня, может быть, будут приглашать еще. Кто уже снимался, всегда имеет больше шансов.

Достаточно. Роблес понял, с кем имеет дело. Если продолжать копать дальше, он рискует напугать парня до такой степени, что тот побежит в полицию. От Торреса сейчас просто так не отделаешься.

— До завтра, в семь,— сказал он.— Думаю, у тебя все будет в порядке.

Перевел с немецкого Е. ФАКТОРОВИЧ

Продолжение следует

После ужина майор Понсе прошел в кабинет, чтобы, сидя в любимом кожаном кресле, почитать перед сном вечерние газеты. И тут зазвонил телефон. Докладывал старший лейтенант Диас, как всегда напуская туману.

— Разговор озера Атитлан с Девятой зоной,— проговорил он таинственно.

— Давайте попроще!

— Х. Р. А. с «Таргит». Может быть, прослушаете на службе?

— Черт вас побери, прокручивайте пленку!

Кодовое слово, которое со вчерашнего дня относилось к Толедо, наэлектризовало Понсе. Эти выпускники американских полицейских училищ любят щегольнуть чужими словечками, чем подчеркивают свое превосходство над не прошедшими такой школы офицерами. Противников режима они называли «таргит», что вообще-то означает «мишень». Образно, но чересчур уж прозрачно для кода.

«— Тони, когда у вас завтра закончится съемка?

— Около десяти. В одиннадцать я должен быть в министерстве.

— Вилан приедет к десяти, но я при вашей беседе присутствовать не смогу.

— Хорошо. Благодарю тебя за посредничество.

— И еще кое-что. Не мог бы ты открыть садовую калитку пораньше?

— Ее откроют еще до съемок, Гарри. Ведь будут снимать, как тогда ко мне проникли похитители. Даю тебе честное слово, что у тебя в саду ничего не тронут.

— Ерунда какая! Мой сад — твой сад! И еще одна просьба, Тони. В группе есть женщина с зеленоватыми глазами...

— Не продолжай, я знаю, о ком речь».

Толедо сказал, что его садовая калитка любви не препятствие. Ридмюллер расхохотался, несколько секунд они говорили, перебивая друг друга.

«— ...похоже на то, Тони, что продюсер тоже ухлестывает за ней. И если он попытается удержать ее, я попрошу что-нибудь придумать. Пригласи, например, ее на дружескую встречу с Виланом.

— Хорошо, хорошо. Какой-нибудь повод найдется.

— Спасибо! Я твердо рассчитываю на тебя и твою скромность.

— Всегда рад помочь. Ни о чем не беспокойся.

— Великолепно! Ты меня спас».

Понсе зевнул. Чужое белье... Нет, пустая запись. Кроме упоминания о приезде Вилана, нет ничего достойного внимания.

Но вот он услышал голос Толедо:

«— ...и привет майору Понсе.

— Понсе?

— Я не прошу тебя его передавать. Он сам все услышит.

Продолжение. Начало в № 4—6

ВОЛЬФГАНГ ШРАЙЕР,
немецкий писатель (ГДР)

НЕОКОНЧЕННЫЙ СЦЕНАРИЙ

Роман

— Даже так? Но не сегодня же, Тони?

— Плохо ты его знаешь: по воскресеньям записанные на пленку разговоры ему передают на дом. Бедолага! Вечно подслушивать... во благо родины! Я упомянул об этом только в связи с твоей просьбой оставить наш разговор в секрете.

— Боже мой! Значит, он обо всем узнает?

— Поверь, его лично такие вещи давно уже не радуют. Но с сегодняшнего дня я буду частенько передавать ему приветы таким путем. Надо же оказать ему знак внимания».

Щелчок в трубке. Разговор окончен. Понсе покачал головой — ему словно кто-то в лицо воды брызнул. Какая подлость! Толедо позволяет себе так унижать государственного чиновника только потому, что чувствует поддержку янки. Вилан! Как он поддерживал полицию, когда помогал перестроить ее деятельность, и такое разочарование теперь! Но через двенадцать часов и он, Вилан, и его подручные из военной миссии поймут, что поставили не на ту лошадку...

Из трубки снова послышался голос Диаса.

— Пришло еще одно сообщение. Майор, я действительно не знаю, стоит ли по телефону...

Понсе чуть не задохнулся от злости.

— Выкладывайте! И немедленно!

— Дело касается Торреса. После того как он ушел от нас и вернулся домой, его посетил Роблес, который угрожал, что у Торреса отнимут роль, так как возникли сомнения в его внешнем сходстве с Кампано.

— Но он не дал просто так от себя отделаться?

— Нет. Завтра он, конечно, пойдет туда. Однако может случиться, что ему выплатят деньги и отправят домой.

— Глупости. У них нет для него замены. А как вы сами слышали, «Таргит» настаивает, чтобы съемка состоялась в назначенное время.

Понсе поймал себя на том, что, заразившись подозрительностью Диаса, тоже употребил кодовое слово.

— И дальше, майор: дома у Беатрис Крус Бернсдорф сидит с ее матерью. Вспоминают, наверное, прошлое. Беатрис пока нет...

— Куда она запропастилась? Вы что, не знаете?

— В настоящий момент — нет, майор. Наш человек потерял ее из виду.

— Поздравляю вас, Диас! Стоит предоставить вам свободу действий — жди беды! Найдите Крус,— приказал Понсе.— Выясните, где она была! Установите слежку за Роблесом. А остальные где? Где немцы?

— В отеле. Фишер спит. Кремп сидит в буфете, а фрау Раух в своем номере. К сожалению, вмонтировать «клопов» мы не успели.

— Нечего сейчас заниматься этими мелочами. Используйте имеющиеся возможности и держите меня постоянно в курсе.

Понсе положил трубку, явно недовольный развитием событий. Известно уже, что немцы никакого значения внешнему сходству главного героя с Кампано не придают. Так что же происходит?

С позавчерашнего дня известно, что Кампано будет играть Роблес, а не Торрес, это сообщила Виола Санчес. Тогда почему они пугают Торреса отсутствием внешнего сходства с Кампано? Ему перестали доверять? Нет, никто не мог знать, что Торрес — бывший городской герильеро, выдавший своих товарищей! Вот уже несколько месяцев Торрес существует на подачки Понсе, находится под охраной полиции и дрожит от страха, опасаясь возмездия... Или в киногруппе кто-то прослышал, что Беатрис Крус три дня находилась в заключении? Ее, партийного курьера, арестовали, пыток она не выдержала и выдала место последней встречи с подпольщиками. Этим обоим обратного пути нет, левое подполье их не примет. Поэтому он ничем не рискует, не содержа их под стражей,— если, конечно, никаких сведений не просочилось.

Просочилось? Но к кому? К немцам вряд ли, что им до забот политической полиции? Лусии Крус язык свяжет страх. Виоле Санчес ничего не известно, а проявить излишнее любопытство она поостережется. Остается доктор Роблес, у него с немцами наиболее тесные контакты. Как явствует из личного дела Роблеса, ему угрожал КРАГ, Комитет по борьбе с герильерос,— после

того как Роблес осмелился разбирать со студентами закулисные махинации некоторых зарубежных фирм уровня УФКО или БОА.

Роблеса угрожали убить, и он исчез из общественной жизни, но страну не покинул. Работал на строительстве дорог и даже обратился с открытым письмом к президенту, где объяснил свои патриотические чувства. Затем стал таксистом, перебивается кое-как, хотя, эмигрировав, наверняка получил бы место преподавателя в каком-нибудь университете.

Все так, но сообщение Диаса продолжало беспокоить Понсе. В конце концов он пришел к выводу, что разговор между Роблесом и Торресом понят и передан неправильно. Чутье подсказывало ему, как оно было на самом деле: Торрес пуглив и раздражителен, появление Роблеса и сообщение о том, что съемки начинаются завтра в семь, выбили его из колеи, он разнервничался и сделался агрессивным. А Роблес, чтобы заткнуть ему рот, просто-напросто обронил фразу об отсутствии сходства между Торресом и Кампано...

Сержант, дежуривший у подъезда, передал по аппарату внутренней связи, что пришла девушка, назвавшаяся Виолой Санчес. Понсе приказал пропустить ее.

— Очень мило, что ты навестила меня в воскресенье,— сказал он, дружески посмеиваясь, когда она села в кресло.

Понсе не всегда удавалось скрыть чувство брезгливости, которое он испытывал к собственным агентам и информаторам. А на Виолу, нежную и миловидную, просто посмотреть приятно.

Положив ногу на ногу, она хотела показать, что вовсе не смущена и не встревожена, но спокойствие ее не могло обмануть Понсе — оно было нарочитым, достаточно увидеть, как подрагивают пальцы, в которых она держит сигарету.

— Он был у меня... Бернсдорф,— проговорила она.— Завтра они начинают уже в семь утра.

— Он пришел к тебе только по этой причине? Или хотел от тебя чего-то другого?

— Да, мы были близки,— ответила она спокойно, даже безучастно.

Но Понсе почувствовал, что этого признания она не стыдится. А ведь совсем недавно, во время встречи в китайском ресторанчике, Виола испугалась и замкнулась после вопроса куда более невинного.

— В этом нет ничего дурного,— сказал он, входя в роль великодушного духовника, который желает тактично перейти к другим вопросам.

Понсе предугадывал, что за этим признанием последуют новые, ведь она пришла для того, чтобы поведать ему о чем-то, и сдерживается с превеликим трудом.

— Бернсдорф заподозрил меня в сотрудничестве с полицией! С вами, майор!

Понсе невольно выпрямился в кресле. Это неожиданно! Ситуация резко осложняется.

— Откуда такое недоверие?

— Возможно, по вашей, майор, вине. Недавно вы указали ему на меня в холле отеля. Припоминаете, в день нашего с ним первого знакомства? Из этого он сделал вывод, что мы знаем друг друга.

Ему сразу вспомнился первый разговор с Бернсдорфом, которого он вынудил тогда соврать насчет своего пребывания на Кубе. Оказывается, и сам он допустил ошибку, как это часто случается в спешке.

— Но ты, конечно, сумела его успокоить?

— Насчет меня? Вы и ваши планы в отношении киногруппы не дают Бернсдорфу покоя.

Виола постепенно обретала спокойствие и уверенность, зато сам майор начал нервничать.

— Итак?..

— Сегодня днем в сьерре произошел один неприятный инцидент. Вилан намеревался завершить поездку в Эсперансе, но Фишер настоял на том, чтобы проехать до Мараньона. А по дороге раздались выстрелы.

— Герильерос?..

— Никто не знает. Вилан счел, что да. Приказал солдатам приготовиться к бою, это вызвало смех Бернсдорфа. И тут Вилан на него обозлился и начал кричать, будто знает, какой такой фильм Бернсдорф задумал снять — сплошные мерзости, прославляющие коммунистических агентов, их подрывную работу. И еще о том, будто вам, майор, давно известно, когда он был на Кубе — уже при Кастро! Теперь Бернсдорф считает, что вы что-то против него затеяли.

Значит, Вилан. Снова Вилан! Какой дурак этот капитан! Как мог профессионал его уровня позволить себе настолько потерять самообладание, чтобы выдать секретные данные! Неудивительно, что немцы переполошились...

— Они тревожатся понапрасну, Виола. Мы лишь присматриваем за ними, никакого зла им никто не причинит. Они же наши гости. Как бы их в этом убедить?

Она пожала узкими плечами:

— Сейчас они опасаются, как бы вы не подослали к ним шпика. И поскольку они поверили, что шпионю не я,— значит, это кто-то другой! Пока шпика не обнаружат, съемок не начнут!

Только не это! Третий удар за сегодняшний вечер после дерзости Толедо и сообщения Диаса. Нет, не удар, булавочный укол. Это уколы, не больше. Но, между прочим, между ними существует связь: Бернсдорф и Роблес мечутся по городу, желая разоблачить его помощников; теперь как-никак есть ясность.

— Кто бы мог подумать,— вздохнул он,— что эти немцы такие безголовые.

— Не Бернсдорф оказался безголовым в сьерре, а Вилан.

Понсе почувствовал, как нить разговора постепенно ускользает из рук. Железная хватка, с которой он обычно вел допрос, на сей раз ему изменила, улетучилась и атмосфера исповеди. В добавление ко всему зазвонил телефон.

Диас доложил, что Беатрис Крус наконец-то возвращается домой. На вопрос агента, где задержалась, ответила, будто, возвращаясь домой через парк, она, уставшая после упражнений в тире, решила передохнуть в беседке. Это не исключено: там ее никто не искал. Кто предположил бы, что у девушки ее склада столь романтические наклонности?

Следующее сообщение Диаса оказалось посерьезнее: доктор Роблес только что подъехал к дому Толедо! Что, черт побери, тому понадобилось у «Таргита»? Не стоит преувеличивать этого визита, но, очевидно, немцы о чем-то догадываются. Значит, он должен придумать новый отвлекающий маневр, запутать и успокоить противника одновременно.

— Ты умно поступила, Виола, отрицая наши контакты,— сказал он мягко.— Однако представь себе, что может произойти: группа начнет подозревать всех по очереди. Испугавшись собственной тени, они, чего доброго, уедут и начнут у себя дома распространять о нас небылицы. Мы ни в коем случае не должны допустить ничего похожего. Лучше уж играть с открытыми картами. Вернись к Бернсдорфу и скажи, что работаешь на меня...

— Я... я должна признаться?

— Они полагают, что за ними установлена слежка. Если Бернсдорф поймет, что это обычный, принятый повсюду сбор информации, он успокоится.

— Майор! Вы всерьез предлагаете мне это?

— Может быть, тебе немножко неприятно, но, вот увидишь, ты испытаешь чувство облегчения, когда тебе незачем будет больше хитрить с ним. Поверь, в подобных случаях правда — лучшее лекарство.

— «Немножко неприятно»? — воскликнула она.— С какими же глазами я предстану перед ним после всех моих клятв? После такого признания он обо мне и слышать не пожелает! Решит, что умысел был во всем, даже в том, что я... Нет, нет!

— И все же ты сделаешь это, потому что так нужно, Виола. Давай говорить открыто. Когда мы расстались с тобой в китайском ресторанчике, ты дала телеграмму родителям с просьбой выслать тебе энную сумму денег, как раз достаточную для покупки фальшивого паспорта. Я тебе ни одного слова не сказал, хотя ты меня своим поступком весьма огорчила. Так слушай: никаких денег ты пока не получишь и из страны не убежишь. Мы доведем дело до конца, а потом можешь идти на все четыре стороны.

Виола поднесла ко рту ладонь, впи-

Рисунки В. ПЛЕВИНА

лась зубами в палец, на глаза набежали слезы, но она не расплакалась и возражать не осмелилась.

«Как быть? Предупредить Бернсдорфа? — подумал Роблес, садясь в машину.— Но что это изменит в поведении Торреса? Министр ничего не подозревает о грозящей опасности и будет торопить съемку, поэтому Бернсдорф соберет группу у Толедо в назначенный час, что и даст Понсе возможность сыграть свою игру и погубить репутацию министра».

Размышляя обо всем этом, Роблес уже выехал на центральную магистраль. Действительно, ему оставался один выход: несмотря на риск, предупредить министра — и ни в коем случае не по телефону! Сейчас дело не в фильме, каким бы ценным он ни был! Гораздо важнее судьба Толедо. Необходимо помочь провести на выборах его кандидатуру, это меньшее из зол. Толедо обязан его выслушать! Только министр вправе без лишних объяснений вышестоящим инстанциям отказаться от съемок в своей резиденции или отложить их.

Улица, где находилась вилла министра, была тихой, хорошо освещенной. По обеим сторонам ее стояли лимузины; вполне возможно, что один из них принадлежит полиции. Роблес остановил машину перед высокой металлической решеткой, позвонил и по переговорному устройству сообщил охраннику, что он из киногруппы.

— Вы же меня знаете,— объяснил он, когда тот, пропустив в холл, ощупывал его — нет ли оружия.— Ведь вы — Пепе и завтра будете нам помогать, не правда ли? По поручению режиссера я прошу короткой аудиенции у господина министра.

— Его превосходительство не принимает,— ответил Пепе, огромного роста раскормленный верзила, который в своей широкой рубашке навыпуск напоминал чемпиона по дзюдо.— О вас не доложено.

— Так доложите, пожалуйста,— сказал Роблес столь решительно, что Пепе, оставив его в вестибюле под присмотром другого охранника, поднялся наверх по помпезной мраморной лестнице.

«И все-таки зачем ты пришел сюда, Роблес, коммунист и подпольщик? — спрашивал он себя.— Хочешь, чтобы опять закрутилась старая карусель, теперь по приказу Толедо? Снова танцевать под музыку ПР? И все-таки кто угодно, только не Матарассо!»

Прошлой осенью Матарассо арестовал шесть руководящих партийных работников, не предъявив никаких обвинений. И они пропали без вести, потом их арест даже стали отрицать. Боевой группе Центрального комитета пришлось похитить и допросить офицера полиции, чтобы узнать: всех этих товарищей со связанными руками и завязанными глазами выбросили из самолета ВВС прямо над Гондурасским заливом. Погибали старые боевые друзья, партия истекала кровью... Толедо способен положить конец неслыханным репрессиям и полному беззаконию. В его собственных интересах лишить силы безопасности самовольно ими присвоенного статуса прокуроров, судей и палачей в одном лице; причем других кандидатур, кроме Толедо, способных противоборствовать Матарассо, нет и пока не видно.

Но вот наконец его приглашают подняться наверх. Мягко ступая по бирюзового цвета ковровой дорожке, Роблес приблизился к Толедо.

— Ваше превосходительство,— обратился он к министру,— полиция внедрила в киногруппу своих людей. Пока что я обнаружил одного подозрительного человека, боюсь, полиция задума-

ла арестовать его завтра в вашем саду. Перед телекамерами, господин министр, чтобы вечером показать по телевидению.

Толедо, принявший Роблеса в шелковом халате, предложил сесть, попросил рассказать подробности, выслушал молча. Внешне он никакого удивления не выказал.

— Я что-то подобное себе представлял, доктор,— ответил он, хотя Роблес о своем ученом звании не упоминал.— На Понсе это похоже... Хочет стать полковником, только и всего.

— Ваше превосходительство, вы должны отказаться от съемок, пока мы не сможем поручиться за каждого исполнителя.

Губы Толедо вытянулись. Не в его правилах было уступать полиции.

— Нет, все пройдет по намеченному плану. А когда Понсе явится, я просто напросто не допущу его в сад.

— Не откроете полиции, ваше превосходительство?

— Вот именно. Сад окружен высокими стенами, охрану я усилю. Пусть только попробует ворваться силой! Это лишит его шефа последних шансов.

— Вас обвинят в укрывательстве подрывных элементов.

— Укрывательство, оказание содействия, помощь при попытке к бегству,— министр с улыбкой перечислял состав преступления.— Но мыльный пузырь лопнет, если никакого «подрывного лица» здесь не окажется. Я выпущу киногруппу через калитку в сад моего соседа, а ваше «подрывное лицо» уедет на машине военной миссии. Задержать ее Понсе не осмелится ни при каких условиях. А у меня его встретят телевизионщики, которые и заснимут на пленку, как он врывается в мой сад. Его воинственность будет выглядеть донельзя смехотворной.

— Идея удачна. Если она осуществима...

— У меня все будет в порядке. А вот как насчет вас? Например, как вы объясните визит ко мне? Где вы поставили машину?

— Прямо г ред домом, чтобы Понсе не подумал, будто я нанес вам тайный визит. Я мог приехать, например, предупредить, что съемка начинается завтра раньше.

— Такое объяснение Понсе вряд ли удовлетворит. Но, допустим, вы прибыли ко мне, чтобы ходатайствовать о восстановлении на государственной службе. Тогда будет понятно — и правдоподобно! — почему вы задержались у меня.

— Вы меня знаете, ваше превосходительство?

— У меня не столько людей, как у Понсе, но кое-какие сведения до меня тоже доходят. Итак, ваши обстоятельства мне известны. Моя партия перед вами в долгу, доктор Роблес. К сожалению, сейчас, посреди учебного года, я не могу предложить вам преподавательской ставки; но будьте уверены, с июля вы снова станете доцентом.

Невероятно! Толедо уже обещает посты в случае своей победы на выборах — с наигранной любезностью диктатора, покупающего союзников, предлагая им теплые местечки! Догадывается ли он, какие жертвы принесены другими, чего стоило ему, Роблесу, в течение долгих лет не думать о любимом деле, а крутить баранку?

— Что бы такое подыскать для вас на первое время? — продолжал министр, листая какие-то бумаги, очевидно, штатное расписание своего министерства.— Директорат по профессиональному образованию, школьной статистике и регистратуре,— бормотал он.— Сельские школы... Нет, ни одной свободной вакансии... Зато вот! Генеральная дирекция по делам изящных искусств, кино и культуры...

— Ваше превосходительство, я — экономист.

— И что же? Сидеть на совещаниях или на просмотрах заграничных фильмов, написать свое мнение и отнести бумажку из своего кабинета в другой... Если вы способны водить такси, вы и это сумеете.— Толедо поднялся, довольный собой.— Смелее, друг мой! Мои предшественники обошлись с вами несправедливо, но вы сегодня оказали мне важную услугу. Я никогда об этом не забуду.

Бернсдорф подошел к дому, в котором жила Лусия Крус. Узкий подъезд, крутая лестница. Лицо открывшей дверь Лусии выразило недоумение. В будничной обстановке, когда она не подкрашена и не так аккуратно причесана, как в отеле, особенно заметно, что она постарела.

— Вы к Беатрис? Зачем она вам?

— Нам нужно обсудить с ней одну сцену. Завтра времени не будет, а я даже не знаю, умеет ли Беатрис правильно держать револьвер. Когда она обычно возвращается?

— Ей давно пора быть дома.

— Беатрис занимается стенографией и по воскресеньям?

— Не на курсах: ей подруга помогает.

Бернсдорф скрестил руки на груди. Когда он впервые ощутил какое-то недоверие к словам Лусии? Мысленно «прошелся» по их встречам у справочного киоска в отеле, у Зонтгеймера, когда она явно его избегала. И, наконец, приход Лусии к нему в номер в пятницу днем. Ее неожиданная просьба, вызвавшая в нем первые смутные сомнения. А потом она сказала: «Хасинта, моя старшая, ее арестовали...» Да, тогда его будто током ударило: «Осторожно!», однако он постарался прогнать свои подозрения.

— Есть у вас сведения о Хасинте?

Лусия покачала головой, и Бернсдорфу подумалось, что она, наверное, и сейчас солгала.

— Зачем вы ищете Кампано? — спросила Лусия после паузы.— Что он мог бы сказать вам, даже будь он жив? И вообще, разве вам нравится делать фильм о грязи и крови?

Бернсдорф не среагировал на ее упрек.

— Я бы стал с ним спорить, как когда-то с вами в Гаване...

— Зачем? Тем более вы с ним однажды уже встречались..

— Когда это?

— В начале 1961 года, в горах Эскамбрая.

— Я... я встречался с Кампано?

— Неужели вы забыли? По дороге из Тринидада в Мотагуа, в горной гостинице. Там были организованы курсы для юношей и девушек.

— И, вы говорите, он был там?

Лусия подошла к стенному шкафу, принялась что-то искать. Бернсдорфу смутно вспомнилось строение, похожее на крепостное, с видом на Карибское море. И оживленно щебечущие девушки в милицейской форме, белые, негритянки и метиски, туго затянутые в ремни портупей... Конечно, как это часто с ним бывало, прежде всего на память пришли картины, вызвавшие острое любопытство.

Лусия положила перед ним фотоальбом.

— Вот он,— она указала на худощавого долговязого парня лет двадцати, примерно на голову выше Бернсдорфа.— Вы долго с ним говорили.

— Почему именно с ним?

— Когда вы узнали, что здесь молодежь из всей Латинской Америки, то попросили узнать, нет ли кого из Гватемалы. Вы рассказывали, что хотите передать нашему свергнутому президенту какую-то книгу.

Да, «Банановую войну», написанную одним знакомым писателем из Мюнхена. Все совпадало. Бернсдорф присмотрелся к фотографии. Ничем особенно не выделяющийся молодой человек, кто-то из предков которого явно был индейцем. Возможно, говорили о чем-то, обменялись рукопожатием, только и всего!

— А помните, что он крикнул, когда мы уже сели в машину? «Серемос комо Че!» — «Будем как Че!»

Нет, ничего в памяти не осталось; и все же — Кампано и Бернсдорф плечом к плечу! Выходит, он свое интервью получил уже двенадцать лет назад!

— Вы должны его узнать. Присмотритесь к снимку повнимательнее.

Почему она заговорила так тихо, так проникновенно? Он приблизил альбом к глазам.

— Это, наверное, все-таки ошибка, Лусия. Ведь на снимке метис, а доктор Роблес объяснил нам, что Хуан Кампано — белый. Доктор Роблес ходил с ним в одну школу, и все отчетливо помнит.

Лусия смотрела на Бернсдорфа широко раскрытыми глазами, не произнося ни слова, а он продолжал перелистывать страницы альбома. Без особого, впрочем, внимания. Ему было неприятно огорчать Лусию. Семейный альбом, каких великое множество. Две фотогра-

фии мужа, а потом, в разных интерьерах и в разных видах, она с детьми. Нескольких снимков недоставало; их изъяли, виднелись еще следы клея. Ее два сына, дочь Беатрис, не очень привлекательная девушка... Где же Хасинта?

— Полиция забрала ее фотографии,— сказала Лусия.

Фотографии Хасинты в картотеке Понсе... Странное дело, но почему-то на всех снимках только трое детей! Должны же были остаться групповые фото, которые не годятся для целей опознания: когда дети были маленькими. Бернсдорф ощутил что-то вроде удара тока.

— А Кампано? Его фото вам оставили?

— На снимке много лиц, Кампано просто не узнали.

Бернсдорф понял, что она что-то скрывает. И вдруг догадался: никакой Хасинты нет! У Лусии никогда не было второй дочери. Маленькая девочка, которую она приводила с собой в отель в Гаване, потому что за ней некому было присмотреть,— это Беатрис! Беатрис и Хасинта, арестованная молодая коммунистка,— одно и то же лицо! И теперь ее внедрили в их группу, чтобы вновь арестовать, но уже перед телекамерами в саду кандидата на пост президента.

— Если это и впрямь Кампано, то не позволите ли вы мне, Лусия, взять фотокарточку на время? Она нам может пригодиться.

Она кивнула, и Бернсдорф лезвием перочинного ножа осторожно срезал фотографию с плотного картонного листа. Хитро задумано, надо отдать здешней полиции должное! Легенда разработана тщательно и срабатывала эффективно — до сего часа, до сей минуты. Каким образом ему вообще удалось распутать этот узел? И вдруг у него словно пелена с глаз спала. С помощью этого альбома, этой фотографии, всем своим поведением Лусия хотела предупредить его! Одну ее он должен благодарить, если сумел разобраться, что к чему!

— Спасибо, Лусия,— сказал Бернсдорф. Он не знал, поняла ли Лусия, за что он в действительности ее благодарит.

Только успел Бернсдорф спрятать снимок, как вернулась Беатрис. Увидев ее впервые, он нашел девушку еще менее привлекательной, чем на фотографиях. Волосы густые, черные, но какой-то отечный овал щек, угловатая фигура, плечи костлявые, кисти рук грубые, с крепкими, как у мужчин, пальцами. Но что обеспокоило его больше всего, так это выражение глаз Беатрис. Встретиться с ним взглядом девушка избегала, все время тоскливо смотрела по сторонам, а потом ее взгляд вдруг останавливался, делался пустым и отрешенным. Трудно описать выражение глаз Беатрис, когда они на секунду оживали, это была какая-то смесь страха и хитрости. Такой пугливой, забитой выглядит собака после трепки. Или человек, которого сломали.

И это ее он ребенком подбрасывал в воздух, так что она верещала от удовольствия, а потом ловил на руки? В кого же она превратилась!..

Бернсдорф объяснил девушке в подробностях, что ей придется завтра делать, а Лусия переводила. Он зря тратил время, потому что решил во что бы то ни стало отказаться от услуг девушки, не подвергая ее и Лусию новой опасности. Но как?.. Оставался один выход: отложить съемки, пока не подыщут другую исполнительницу. Фишеру он скажет, что Беатрис слишком неуклюжа и некрасива, тот поймет.

— А вы крепкая с виду,— сказал он Беатрис, словно в утешение,— никто не усомнится, что вы могли бы быть партизанкой. Но если у нас ничего не выйдет, вы, Беатрис, не волнуйтесь, свои деньги вы получите, не сомневайтесь.

Она скользнула по Бернсдорфу недобрым взглядом.

— Если не будет работы, я денег не возьму, сеньор...— и добавила еще что-то, чего Лусия не перевела.

Кремп с Роблесом, несколько минут назад вернувшимся в отель, сидели в ресторане «Майя Эксельсьор» и ждали Бернсдорфа. Состоится ли сегодня обсуждение сценария? Фишер просил его не беспокоить. Ундина, когда они ей только что позвонили из холла, не сняла трубку. А уже около десяти вечера.

Через два столика от них мулат в спортивного покроя костюме присоединился к чете американцев, с виду людей весьма состоятельных, и о чем-то заговорил с ними. Это был тот самый пилот, который в первый вечер их приезда предлагал свои услуги, а Фишер принял его за провокатора.

— Думается,— заговорил Роблес,— янки чувствуют себя здесь неуютно. Видели бы вы сегодня Вилана, когда мы днем добрались наконец до Мараньона, последнего опорного пункта Кампано. Мы встретили там нескольких угольщиков. При виде военных они испугались и почти не открывали рта. Вилан же говорил нам: «Прежде мы наталкивались здесь на стену молчания, а теперь? Вы только поглядите, как весело они улыбаются!» При этом он не отрывал руки от кобуры пистолета и ничего так не хотел, как побыстрее оказаться в своем «джипе»... На обратном пути в нас стреляли. Кто — неизвестно.

Кремп весь превратился в слух и, пока Роблес описывал ему происшествие, все больше укреплялся в убеждении, что в Сьерре-де-лас-Минас до сих пор есть герильерос. Часть из них, возможно, и

отошла к мексиканской границе, но остальные, самые крепкие и непреклонные, ядро движения, остались здесь.

— Скажите, доктор, есть поблизости от Мараньона посадочная площадка для небольшого самолета?

— Несомненно. На высокогорном плато много обширных полян. Вот уже шесть лет как в тех местах ничего не растет, все сожжено напалмом. А почему вы спрашиваете?

Кремп был настороже; этому непроницаемому советнику незачем знать, что он задумал.

— Может быть, туда доставляли грузы кубинцы? Я знаю, это расстояние в тысячу километров, а все же...— Он явно блефовал.

Роблес пожал плечами. Ни о чем подобном ему слышать не приходилось... Даже пропагандисты диктатуры этого не утверждали... А мулат, сидевший через несколько столиков с американцами, поднялся; очевидно, и тут его услуги не потребовались. Проходя мимо, он поприветствовал их вялым жестом.

— Я бы ему не доверился,— проговорил Роблес.

Кремп невольно прикоснулся ладонью к нагрудному карману, куда сунул визитную карточку с адресом пилота. «Похоже, Роблес меня раскусил»,— подумал он при этом.

— Вы — специалист по экономике,— сказал он раздраженно.— А размышляли вы когда-нибудь о взаимосвязи между никелевыми рудниками и восстанием? Не с рудников ли гарильерос получали взрывчатку? Знаете, что меня удивляет? Любой из президентов вашей страны и любое племя майя может рассчитывать, что о нем будут написаны монографии. А кто же напишет биографию Ридмюллера, историю фирмы, президентом которой он является, и других гигантских концернов, срывающих здесь целые горы?

— Совершенно с вами согласен,— сказал Роблес.— В преподавании науки, оторванной от жизни, я тоже не вижу смысла. Поэтому я создал несколько студенческих исследовательских групп и поручил им просчитать и проанализировать балансы нескольких зарубежных фирм.

— Очень любопытно! И к какому выводу вы пришли?

— Закончить работу нам, к сожалению, не удалось. Она слишком затянулась, поскольку фирмы, о которых шла речь, не проявляли особого желания помочь нам. Чаще всего нам отвечали, что статистические данные находятся в генеральном директорате фирмы, а когда мне случалось бывать в США или Канаде и я хотел ознакомиться с цифровым материалом, мне говорили, будто он находится в дочерней фирме, в Гватемале... Мы были чем-то вроде назойливых мух, и надо понять господина Ридмюллера, потерявшего в конце концов всякое терпение. С тех пор я больше не экономист и не доцент, а водитель.

— Извините меня,— сказал Кремп.

Примерно в это же время Фишер набрал номер телефона Ундины. Услышать ее голос после двух дней напряженной работы — и разлуки! — было очень приятно. За это время он немало передумал об их взаимоотношениях, но начал с другого конца.

— Как там вел себя Кремп?

— Держался в рамках, господин Фишер. Он вообще никогда правил приличий не преступает.

— Я не о том. С Ридмюллером они общий язык нашли?

— Ну да...— ответила она, помедлив.— Большую часть времени он отмалчивался, во всяком случае, в невежливости его упрекнуть нельзя.

— Значит, были неприятности, Ундина? У нас тоже, с Виланом. Я должен тебе сейчас же рассказать...

— Простите, я хотела еще принять душ. Может быть, чуть попозже? А неприятности связаны не с ним, а со мной. Ридмюллер решил оказать мне особое внимание. Сначала поселил в угловой комнате, потом начал названивать, а под конец явился собственной персоной.

— Я потрясен! Это чудовищно!

Фишер был действительно крайне неприятно поражен этим известием. Хотя относительно намерений Ридмюллера у него сомнений быть не могло: разве не он сам просил Ундину поехать туда, чтобы гарантировать группе покровительство Ридмюллера?

— У меня открыто,— сказала Ундина.— Заходите и подождите несколько минут.

Когда он вошел в соседний номер, ему сразу бросился в глаза неописуемый, сказочной красоты букет орхидей, и что-то неприятно кольнуло в сердце. Рядом с вазой лежал роскошный рекламный буклет, напечатанный на немецком языке офсетным способом в пять красок — дороже не бывает! На всю первую обложку — фотография кратера вулкана-рудника, а поверх снимка бежала строчка: «Требуются настоящие мужчины». Чуть ниже недвусмысленная дарственная надпись: «Ундине на память о 3 декабря 1973 года. Преданный Вам Х. Р. А.».

Хлопнула дверь ванной, и в комнату вошла Ундина в коротком махровом халате. Фишер поторопился ей навстречу.

— Хорошо, что ты опять здесь...— Его голос звучал хрипло.— Как тебе удалось избавиться от Ридмюллера?

— Пока никак. Завтра утром, после съемок, он ожидает меня.

— Этому не бывать!

Он не знал еще, как ей помочь, и, что еще хуже, как вести себя сейчас самому. Привлечь к себе, обнять? Пошлость, безвкусица. Она надеялась на его поддержку, но не в таком же примитивном смысле.

— Ундина...— Голос Фишера дрогнул.

Для него было так непривычно называть ее по имени. Близость этой женщины смущала Фишера, и он мысленно спрашивал себя, не видит ли она этого и не играет ли с ним?

Она опустила глаза.

— Я... я должна кое в чем вам признаться.

— Да? Говори, прошу тебя!

— Господин Фишер, я влюбилась в Кремпа.

— Ты шутишь...

— Вовсе нет; даже если вы будете смеяться надо мной...

— Смеяться? Я? С чего ты взяла? — Он сел, словно оглушенный.— А он что? Знает?

— Нет, Кремпа я не интересую. Все его мысли — о фильме.

«Опять мне не повезло! — подумал Фишер.— И надо же, именно теперь, когда я понял до конца, что значит для меня Ундина, я ее теряю».

— А ты не преувеличиваешь? Не заблуждаешься на его счет? — спросил он, только чтобы не молчать.

— Не знаю. Но с собой я ничего не могу поделать.

— Будем надеяться на лучшее,— сказал он тускло.

А она встала и подошла к телефону, звонка которого Фишер не расслышал.

— Бернсдорф просит спуститься вниз для обсуждения сценария. Остальные уже там.

У Фишера вдруг появилось предчувствие, что далеко не все еще пропало. Ведь Кремп к ней особого интереса не проявляет! Надо набраться терпения — и не терять надежды...

Бернсдорф медленно поплелся в ресторан в угнетенном состоянии. Он, успев позвонить Ундине, столкнулся в холле с Виолой; разговор с ней дал пищу для новых тревог. Нет никаких сомнений, Понсе хочет их использовать, и ради этого выдает своего человека — лишь бы он, Бернсдорф, успокоился. Однако майор зашел несколько дальше, чем рассчитывал. Поэтому первым делом надо отказаться от завтрашних съемок! С Беатрис и Торресом в группе каждый последующий шаг — шаг в неизвестность. И в этом необходимо убедить Фишера.

Вернувшись к столу, Бернсдорф передал Роблесу фотографию из альбома Лусии.

— Знала бы полиция: режиссер фильма на Кубе с Кампано! Из этого она запросто соорудила бы небольшой заговор. Чтобы в нужный момент разоблачить и заработать награды!

— А она чем занимается? Ведь это не Кампано!

Кремп сказал:

— Очень похож на нашего Торреса.

— Торрес и есть! Это полицейская фальшивка! Может быть, на настоящем фото действительно был снят Кампано. А вы вполне могли с ним встретиться, господин Бернсдорф. Он в то время был на Кубе. Почему бы и не в этой школе?

— Торреса вмонтировали в снимок? Но зачем?

— Чтобы вы непременно взяли его. Не исключено, настоящую фотографию Понсе держит про запас, чтобы впоследствии вас шантажировать.

Бернсдорф уставился на снимок. Никаких подозрений он не вызывал: четкий фон, никаких размытых контуров, все пропорции совпадают. Чистая работа! Под такую фальшивку не подкопаешься. Разве что у тебя в руках есть настоящий снимок. Бернсдорф почувствовал, что его знобит. Какие ухищрения, какие усилия! Сколь важным должно быть то, что затевает полиция!

— Мы вляпались в кучу дерьма,— сказал он.— Съемка отменяется...

— Толедо теперь от съемок ни за что не откажется,— возразил Роблес.— И, кроме того, один он в силах помочь нам избавиться от назойливого внимания полиции. Завтра после съемки мы под прикрытием личной охраны министра «удалимся» через калитку в стене в сад Ридмюллера, где будем в полной безопасности. И тогда у Понсе пропадет, будем надеяться, желание загнать нас в мышеловку.

Они поднялись, чтобы поприветствовать Ундину и Фишера.

— В сад Ридмюллера? — переспросила Ундина, услышавшая последние слова.— Это обязательно?

Ответа она не получила. Кремп, продолжая прерванный разговор, накинулся на Роблеса.

— Откуда нам знать, в какие игры они играют, доктор! Ваш Тони Толедо для меня человек, который не погнушается ничем, лишь бы стать президентом республики. Кроме всего прочего, он фаворит североамериканцев. То же мне «обновление»!.. Нет, Толедо просто хочет использовать нас в своих корыстных целях. Давайте вычеркнем из сценария эту сцену — глупую, рискованную и, если хотите, сомнительную по своей политической ценности.

Он повернулся к Бернсдорфу:

— Я предлагаю вообще отказаться от таких игровых сцен, от подделки под правдоподобие, под действительность, вернемся к документальной точности... Я отлично понимаю, что тогда у нас не получится художественного фильма... Но шансы на успех у нас все равно невелики. Так пойдемте же прямым курсом, снимем документальный репортаж для телевидения...

Фишер оборвал его на полуслове.

— Курс ясен! Вы — оператор? Вот и занимайтесь, чем положено. А деловые вопросы предоставьте решать мне!

Наступила тишина, чреватая взрывом. Ундина переводила взгляд с одного на другого, отлично отдавая себе отчет в решающем характере этого обсуждения. Насупившийся Фишер словно окаменел. Ундине показалось, что он враждебно смотрит на Кремпа. Он никогда не испытывал симпатии к Хассо, а теперь его возненавидел.

— Я считаю сдержанность и осторожность более чем уместными,— заметила она.— В конце концов, мы иностранцы и здесь в гостях. А то нас, чего доброго, обвинят во вмешательстве в избирательную кампанию.

Фишер бросил на Ундину печальный взгляд; небрежность, с которой он отнесся к ее словам, показала Ундине, сколь ничтожно, в сущности, ее влияние на шефа. Для Фишера любовь к женщине и уважение к ней — вещи четко разграниченные.

— Ничего не меняется,— тихо, но решительно произнес продюсер.— Последуем совету доктора Роблеса. Он в здешней обстановке разбирается лучше нас.

— Все идет по плану,— сообщил старший лейтенант Диас, когда Понсе на другой день явился на службу, весь дрожа от нетерпения.

У него обычно пик формы приходился на утро. В отличие от Матарассо, с которым разговаривать по утрам имело мало смысла. Умственная деятельность полковника шла по восходящей к вечеру, и эта особенность Матарассо всех терзала. Но скоро все изменится...

— Торрес и Крус с ними,— сказал Диас.— Примерно часа полтора в саду идет репетиция. «Таргит» выйдет в сад предположительно минут через пятьдесят.

Еще почти час. Набраться терпения и ждать; сейчас ничего предпринимать нельзя. Понсе взял из папки список людей, которые будут арестованы. Сверху три имени: Виктор Роблес, беспартийный с марксистскими тенденциями... Этого даже немного жалко. Виола Санчес, ПР, подрывные статьи в «Ла Оре»; она его вчера чуть не перехитрила, порядочная трепка пойдет ей на пользу. Габриэль Паис, индеец из городских трущоб. А вот этому придется отправиться на тот свет. Далее следовало еще двадцать фамилий самых разных людей, за которыми была установлена негласная слежка, но до поры до времени их не арестовывали. «Пусть сначала отрастет борода, а потом уже ее брей», как любит говорить Матарассо.

Все схваченные сегодня попадут в «большой котел» покушения. Заговор с целью убийства кандидата в президенты, государственный переворот, в который замешаны представители разных оппозиционных партий и групп, от ПР до анархистов. Недостатка в признаниях не будет...

Еще сорок минут... «Нет ли чего-нибудь более приятного, о чем стоило бы подумать? — спрашивал себя Понсе.— Ведь как много изменится после выборов именно для меня...» Например: переезд в виллу Матарассо! Это не только обладание двенадцатью комнатами, бассейном и садом с пламенеющими азалиями. Вот что куда важнее: он сможет забыть о тягостных буднях рутинной полицейской работы, окажется на виду высшего света! И, несомненно, к медали «За образцовую службу» прибавится «Крест за особые заслуги», а в один прекрасный день и «Большой крест ордена Кетцаля», который президент вручает лично.

Как медленно движется минутная стрелка часов! Понсе снова овладели сомнения. Действительно ли Матарассо назначит его заместителем министра внутренних дел? Кто, собственно, гарантирует, что это случится? Ведь Матарассо ничего определенного не обещал, кроме того, что позволит называть себя Анди и выпьет с ним французского вина, название которого Понсе сразу забыл. Не слишком ли он рискует? Даже если в саду министра просвещения все пройдет без сучка без задоринки, его счастье — на острие ножа.

И тем не менее он действует правильно! Приди Толедо к власти, он не одного его выгонит со службы, но и всех, кто следил за ним и прослушивал телефонные разговоры. Он вообще способен перетрясти весь полицейский аппарат, заменить на решающих постах преданных режиму офицеров послушными ПР и ничего не смыслящими в полицейском сыске чиновниками. Нет, Толедо должен умереть. Другого выхода нет!

Зазвонил светло-зеленый телефон.

— Камило,— услышал он сонный голос Матарассо,— я тут подумал и принял другое решение. Хотел сказать тебе раньше, но немножко проспал.

Понсе почувствовал, как у него сдавило горло.

— Какое, простите, другое решение?

— Лучше не трогать. Ну, этого. Мы выведем его из игры чисто.

Понсе чуть-чуть опустил трубку; ощущение было такое, будто он со всей силой ударился о невидимую стену. Приостановить акцию? Ему?! Не находя никаких слов в ответ, он снова прижал трубку к уху.

— У меня появилось какое-то недоброе предчувствие... А тут следует быть осторожным. Так что оставь это, слышишь?

Понсе задыхался. Невероятно! А-а, он всегда знал, что полковник трус и мямля, вот он и дал задний ход в последний момент. Оставалось минут десять, не больше. Ему пришло в голову затянуть разговор, пока там в саду все и произойдет. Однако Матарассо на расстоянии почувствовал, что он заупрямился, и добавил:

— Ты меня понял? Прекратить!..

— Исключено...

— Что это значит?

Матарассо человек настроений, надо попытаться стоять на своем.

— А то, полковник, что это невозможно.— Понсе долго прокашливался.— Мне очень жаль, но ничего не выйдет. Цель закрылась на все замки в своем доме с семи утра, охрана к нему никого не допускает. Проникнуть туда и разоружить кого следует мы не успеем. Пока не начнется стрельба, мы вынуждены бездействовать.

Пускаться в подробные объяснения незачем.

— Это скорее напоминает самозащиту! Разве он что-то пронюхал?

— Нет, пока ни о чем не догадывается.

Объяснять, что Толедо не исключает возможности какой-то провокации, но о покушении ни сном, ни духом, было бы глупо; избыток информации только пугает слабых и недальновидных руководителей.

— Камило, тут замешаны иностранцы, ты не забыл? Или хочешь арестовать их тоже?

— Нет, этих мы просто вышлем из страны.

— Не упрощай! Киношники всегда пользуются вниманием прессы... А если они, вернувшись, расскажут, что у нас происходит?

— Полковник! У немцев нет никаких доказательств: а у самих у них рыльце в пушку, они будут только рады унести ноги подобру-поздорову.

— Позвони Толедо! Предупреди о возможном покушении. Пусть не выходит из дома, пока ты со своими людьми не окажешься на его участке.

— Я? Предупредить его?

Понсе согнулся, будто его ударили. На какую-то секунду ему показалось, будто он раскусил Матарассо — позвонил в последний момент, хитроумно затягивает разговор, а тут все и случится?.. И Матарассо останется в выигрыше, а ответственности в случае чего не понесет никакой. Но с ним, с Понсе, в такие игры не играют!

— Полковник, вы это всерьез?..

— Что, тебе неловко звонить ему? Тогда я сам...

— Нет, нет! — простонал Понсе, сообразив, что означают последние слова Матарассо: тот готов пожертвовать им, сделать козлом отпущения.— Я все сделаю, уже звоню!

Когда майор взялся за трубку другого аппарата, в ушах звучал еще последний смешок Матарассо, безрадостный, но самодовольный. Полковник только что похоронил самый смелый его замысел. Им овладело отчаяние, и только одна мысль придавала сил в ожидании ответного гудка — что, если он опоздал со звонком, ведь никто трубку не снимает? И еще одна возможность не исключена: вдруг Толедо из гордости и высокомерия не примет предупреждения всерьез? Как он отреагирует на предупреждение? Это в известной мере зависит от него, от Понсе. Предупреждение должно прозвучать назойливо и неискренне. Если Толедо так воспримет его слова, он не придаст им серьезного значения.

Но вот о чем нельзя забывать: его слова услышит не один Толедо, они будут записаны на магнитофон, который включается автоматически, стоит министру снять трубку. Эта пленка может быть использована как вещественное доказательство. Поэтому предупреждение необходимо сформулировать точно и недвусмысленно. Тогда никто ни к чему не придерется!

Понсе тихонько рассмеялся, когда ему в голову пришла еще одна недурная мысль: произнести несколько слов, которые Толедо смутят и которые Диас уберет с пленки так, что и следа не останется. Нет, он все-таки доведет до конца свою самую сложную операцию! В какое положение он попал! Ничего подобного нет в истории криминалистики: тем, что преступник предупреждает жертву, он одновременно подписывает ей приговор и обеспечивает свое алиби.

— Толедо,— услышал он в трубке барственный голос.

И хотя Понсе ожидал его услышать, он вздрогнул, словно неожиданно прозвучал сигнал боевой трубы.

Телефонный звонок в кабинете министра раздался, когда Толедо успел позавтракать, перелистать местные газеты и обсудить положение в стране с группой друзей по партии, заехавших к нему ранним утром. Он понимал, что давно пора спуститься в сад. Но пусть киногруппа и операторы из «Радио Телевисьон» и «Телевисьон Насьональ» подождут; их деловитость казалась ему неуместной, суета внизу раздражала. Странно, но вся эта история вдруг начала претить Толедо.

Причиной недовольства министра была кампания в печати, которую армия готовила, очевидно, загодя, и с шумом и треском открыла сегодня, в понедельник утром.

Противник все рассчитал и оперировал фактами. Конечно, Толедо не был инициатором реформ по своему ведомству. Это третьеразрядное министерство его не вдохновляло. Он никогда им не дорожил, оно было для него только трамплином для борьбы за пост президента. Теперь противник пытается нажить капитал на его выжидательной политике. Сначала грозят смертью, теперь кампания в печати, и что дальше? Как правило, в Гватемале гражданских лиц к власти не допускали. Из двадцати одного президента, которых страна вынуждена была терпеть последние сто лет, шестнадцать — высшие военные чины! И чего они добились? Превратили Гватемалу в «банановую» республику... Когда Толедо дошел в своих размышлениях до этой точки, в кабинете раздался телефонный звонок; министр прошел туда, снял трубку и услышал голос Камило Понсе.

— Толедо. А это вы, майор. Надеюсь, мой привет получили? — В голосе министра прозвучала издевка.

— О чем вы, ваше превосходительство?

— Вы отлично знаете.

— Позвольте перейти к делу. Я звоню, чтобы предупредить вас, господин министр. По полученному нами донесению вам лично угрожает опасность. Похоже, городские герильерос предполагают похитить перед началом президентских выборов одного из кандидатов.

— Почему именно меня?

— Потому что у вас, ваше превосходительство, охрана слабее, чем у генерала Риоса Монтта или полковника Матарассо. От предложенной нами личной охраны вы решительно отказались.

— Не тревожьтесь, мои телохранители несут службу исправно.

— Планируемая акция предположительно связана с киносъемками на вашем участке! И опасность вам угрожает уже сейчас, в данный момент!

Толедо повеселел. У Понсе, который по министерской иерархии директор департамента, то есть на три чина ниже его, реальной власти больше. И тем не менее принять майора всерьез он не может.

— У меня все в порядке, майор! И до окончания съемок никто отсюда не выйдет и никто не войдет.

— Знаю! Но если этот или эти злоумышленники уже на вашем участке, что тогда?

Толедо беззвучно рассмеялся. «Знаю!» Это у Понсе вырвалось невольно. Он даже врать как следует не научился! Полицейских всегда подмывает похвастаться своими сведениями... Причина звонка теперь ясна. Понсе сообразил, что к нему можно пробиться только силой, и хочет теперь получить разрешение пройти со своими людьми к вилле, чтобы задуманный спектакль все же состоялся.

— Если для подобных опасений есть основания, отчего вы звоните с таким опозданием?

— Это абсолютно свежий след! — воскликнул Понсе резким, едва ли не истеричным голосом.— Я настоятельно советую вам, ваше превосходительство, не выходите из дома, ни в коем случае не появляйтесь в саду — закройтесь в вашей комнате, пока мы не явимся и не проверим всех и вся!

— А помолиться? Помолиться вы мне не советуете?

— Видит бог, мне не до шуток!

— Верю вам, милейший. Ваше запоздалое предупреждение дополнило картину. Вы внедрили в киносъемочную группу ваших людей. Причем настолько грубо, что даже я, не имея никакого представления о подобных трюках, кое-что заподозрил. А теперь вы хотите этих людей арестовать, чтобы тем самым выставить меня в невыгодном свете. И тут вам доложили, что проникнуть ко мне будет трудно...

— Я решительно протестую против ваших неосновательных подозрений!

— А-а, не трудитесь. Мой дом с десяти утра в вашем распоряжении — если у вас будет подписанный прокурором ордер на обыск! В противном случае вы покушаетесь на неприкосновенность жилища и нанесение материального ущерба, в этом вы себе отчет отдаете? И вот еще что: не подчищайте магнитофонной записи. Я свои разговоры тоже записываю и хочу избавить вас от неприятностей, связанных с возможным сравнением. Позже, перед судом. Вы меня поняли?

— Господин министр, вы преуменьшаете опасность...— глухо проговорил Понсе.— Я сделал все возможное... Господь да сохранит вас!

Перевел с немецкого Е. ФАКТОРОВИЧ

Окончание следует

ВОЛЬФГАНГ ШРАЙЕР,
немецкий писатель (ГДР)

НЕОКОНЧЕННЫЙ СЦЕНАРИЙ

Роман

Хассо фон Кремп сделал важное открытие. Когда он взял из рук Беатрис Крус револьвер, чтобы показать, как она, войдя в сад, пойдет прямо на камеру, то обнаружил в оружии боевые патроны. Кремпа насторожило, что Беатрис долго колебалась, прежде чем отдать револьвер. В барабане оказалось восемь пуль со спиленным — кустарно, грубо — острием. В первый момент он подумал, что ошибся «реквизитор» — Пепе. Потом поймал на себе взгляд девушки, молившей вернуть оружие, и негромко, чтобы не привлекать внимания остальных, велел ей обо всем рассказать. Не то...

— Мне нужно скрыться,— выдавила она из себя.— Иначе меня снова арестуют, сеньор... Это мой последний шанс!

Кремп посмотрел на Торреса, который стоял у калитки рядом с Бернсдорфом,— прямо как на том фальшивом снимке из альбома.

— Это ваш напарник, Беатрис?

— Марселино? Да. У него так же плохи дела, как и у меня.

— Хотите скрыться? Но как? Здесь все заперто.

— Не все! Открыты задние ворота гаража!.. С оружием мы пробьемся.

Как быть? Кремп задумался. Но о чем тут думать? Ради фильма, ради нелепой сцены задержать двух преследуемых полицией? Он вернул револьвер Беатрис.

— Давайте бегите! — шепнул он девушке.— И не ждите окончания съемок! При следующей пробежке перед камерой станьте последними, задержитесь за стеной и...

Беатрис кивнула и побежала к калитке.

— Последняя репетиция! — хлопнул в ладони Бернсдорф.

Исполнители исчезли за стеной, отделявшей сад Толедо от участка Ридмюллера. В девятый или десятый раз. Вот распахнулась калитка, и первым, пригнувшись, с «закопченным» — для маскировки — лицом в сад Толедо ворвался Роблес. Шесть лет назад герильеро пользовались чулочными масками. Но сейчас на европейском экране люди в таких масках воспринимались исключительно как гангстеры. За ним последовала Виола Санчес, не такая перепачканная, чтобы не пострадала ее фотогеничная внешность, и Габриэль Паис, почти без грима; индейца режиссер считал и без того «темным» и малозаметным по своей природе. А у эвкалипта стоял Пепе, до прихода Толедо изображавший своего хозяина.

После Паиса не появился никто.

«Удалось,— подумал Кремп.— Скрылись! Теперь им только бы выбраться из города!»

Куда запропастились номера четыре и пять? — спросил Фишер.— Проверь, Ундина, что там стряслось.

Ундина зашагала к калитке.

Никакой дисциплины! — негодовал Фишер.— Недоставало еще, чтобы из-за них пропала такая сцена. Где они?

— Наверное, это люди Понсе,— сказал Кремп.— И решили унести ноги подобру-поздорову, чтобы Толедо их не разоблачил.

Окончание. Начало в № 4—7.

— Задержать! Не отпускать, пока всего не снимем! Только эти двое и держат револьверы в руках как полагается... Господин Бернсдорф, что происходит? Боже мой, а вот и министр!

Теперь и Бернсдорф исчез за стеной, а в саду началась суета. Появление Толедо подстегнуло телевизионщиков, прежде лениво наблюдавших за репетицией.

Фишер колебался: то ли обратиться сначала к его превосходительству, покровителю киногруппы, то ли самому убедиться, что случилось с двумя «артистами». Он велел Кремпу поприветствовать министра от имени группы, а сам заковылял к калитке. Все это напомнило Кремпу одну сказку, в которой персонажи исчезают со сцены один за другим — каждый пускается на поиски предыдущего, но никто не возвращается. Теперь его очередь.

Но когда Кремп приблизился к калитке, за стеной раздался выстрел. Двое телохранителей бросились туда. В три прыжка Кремп настиг их, но его остановили, не пустили дальше. Еще один выстрел! «Все в порядке,— подумал он почему-то...— Пробились!» Вырвавшись из цепких объятий телохранителя, он оглянулся. Пепе словно сквозь землю провалился, у эвкалипта стоял Толедо — сильный, красивый, с видом победителя, ни дать ни взять реклама «бескорыстного друга народа». Он стоял в подобающей, героической позе, но главный эффект пропал безвозвратно: что толку казаться смелым, когда тебе лично ничто не угрожает!

Когда телохранители Толедо на секунду потеряли бдительность, не зная, перекрывать ли выход или защищать министра от возможного покушения, Кремпу удалось прошмыгнуть в соседний сад.

— Сейчас мы сможем бежать,— сказала Беатрис Крус за стеной Марселино Торресу.

И действительно, такая возможность была: вот уже примерно час как в квартале от дома Ридмюллера их ждала машина для бегства — зеленый «Крайслер-69», который ей вчера описали во время встречи в павильоне Минервы... Она чувствовала, что ждать больше не в состоянии, вот-вот потеряет контроль над собой. А ведь цель так близка!

— Не забудь, что сначала...— выдавил из себя Торрес.

Беатрис судорожно кивнула. Она ни в грош не ставила Торреса, а теперь связана с ним не на жизнь, а на смерть. С момента ареста ей постоянно приходилось сталкиваться с подлецами и негодяями или прожженными лжецами вроде Понсе. Она взяла деньги, но ни на секунду ему не поверила; даже Торрес на удочку майора не попался. Убить министра, а потом бежать в машине, которая наверняка будет под прицелом пулеметов? Нет, оставался один-единственный выход. Беатрис его указали товарищи одной из ее подруг по тюремной камере. И даже мать признала, что ничего другого не остается.

Она устало прислонилась к стене, держа в руках оружие. Ждать сигнала режиссера! Предельная возбужденность сменилась ледяным безразличием, чувством опустошенности, знакомым по бессонным ночам в подполье. О-о, раньше Беатрис и представления не имела о подобных муках. Когда летом после разгрома коммунистической группы учащихся ей пришлось уйти в подполье, она убеждала себя, что обязательно отыщется возможность встретиться с Лусией — хотя бы перед отелем. Тогда она и вообразить не могла жизнь без матери, без ее обедов, друзей, субботних вылазок за город...

Заблуждение! Уйти в подполье — значит порвать с привычной жизнью, ждать того часа, когда потребуется твоя активность. Подполье — это тоска ожидания, поддельные документы, парики и темные очки; чаще всего приходится жить в подвалах или в маленьких, без окон, комнатушках.

Старшие товарищи и мать часто повторяли: «В подполье уходят не для того, чтобы спасать свою жизнь, а для того, чтобы спасать жизни других, бороться с жестоким врагом. И не бояться его в самый страшный час, выдержать все до конца!» И товарищи, и Лусия знали, что далеко не все способны выдержать изощреннейшие пытки в полиции. Но разве скажешь, кто выдержит до конца, а кто нет? Этого никто о себе заранее не знает...

Беатрис не выдержала.

Последствия ареста оказались для нее трагическими. Ей удалось продержаться всего один день. И хотя она часто повторяла себе впоследствии, что мало кто устоял бы под пытками, обрушившимися на нее, Беатрис постоянно терзало и угнетало чувство стыда: она позорно предала друзей, которые навсегда вычеркнут ее из своего круга!

Познакомили их с Торресом позавчера, на первой тренировке по стрельбе. В полиции ей дали понять, что действовать они будут совместно, а что у нее с ним общего? Торрес сделался предателем по собственной воле, а теперь хочет замолить свои грехи, чтобы его не предали «народному суду». Трус! Когда над группой молодых рабочих-коммунистов, к которой он временно примкнул, сгустились тучи и двоих арестовали, он, никого не предупредив, бежал за границу, в Сальвадор, был там задержан и, поскольку не имел никаких документов, отправлен обратно в Гватемалу — какой подвиг! И он еще этим хвастался.

Вместо того чтобы довериться товарищам, купил на украденные деньги паспорт, оказавшийся фальшивым, и после ссоры с анархистами, которые «помогали» совершить сделку, побежал в полицию.

— Я был в отчаянии,— сказал он Беатрис.— А они начали орать на меня, угрожать, я и не выдержал... Ты этих скотов знаешь, они из тебя с улыбочкой все жилы вытянут. А я, понимаешь, не вынес этого... Начал пить, не платил по счетам, попал как злостный неплательщик в тюрьму, откуда меня вытащил Понсе — он за меня заплатил. Свинья! Ладно, поглядим. Думает, у Марселино нет выхода, а я возьму и пристрелю этого Ридмюллера. То-то Понсе удивится! Хорошо, что у тебя остались связи! Неважно, что эти твои друзья — анархисты...

Его первый план был планом слабоумного: похитить Ридмюллера. Беатрис объяснила Торресу, что это им не удастся ни при каких условиях. Ридмюллера охраняют не хуже, чем Толедо. Того же мнения и анархистское подполье. Вместо этого они предложили ему застрелить Ридмюллера, так как «народным судом», подпольным комитетом, в который входили представители всех слоев оппозиции, легальной и подпольной, ему вынесен смертный приговор. Торресу предстояло привести приговор в исполнение. Их поддержат: при первом выстреле к дому подъедет машина с боевой группой, их прикроют огнем, не дадут охранникам поднять головы, а тем временем они смогут бежать на другой, на этом самом «Крайслере-69»...

За стеной кто-то хлопнул в ладоши. Сигнал! Едва дождавшись, пока остальные статисты проскользнули в калитку, Беатрис повернулась и побежала прочь от стены, не обращая внимания на Торреса. Сад был небольшим, но заросшим, неухоженным: бунгало Ридмюллера закрыто хвойными деревьями, она увидела только телеантенну и сразу свернула в сторону от дома.

— Ты куда? К бунгало!..— крикнул, задыхаясь, Торрес.— Направо... Он там, на террасе!

Беатрис остановилась, поглядела на Торреса. Закашлявшись, он ударил ее пистолетом по руке, и она поняла: Марселино не даст ей скрыться. Вынужденный пойти на убийство, он решил потянуть за собой и ее.

— Я не могу,— воскликнула она.— Делай сам!

Но он подтолкнул ее в спину дулом пистолета — вперед! «Все пропало»,— отрешенно подумала Беатрис.

На террасе под тентом сидели двое мужчин, пожилой и молодой. Перед ними столик с бутылками, бокалами и лед. Когда Беатрис и Торрес приблизились, молодой человек указал на них, а пожилой быстро вскочил, опрокинул столик и метнулся в дом; но Беатрис не услышала ни звона бьющегося стекла, ни звука... В тот момент, когда пожилой вскочил, она поняла, что это — Ридмюллер; по крайней мере, таким его описали анархисты. Но вот он уже исчез, стеклянная дверь захлопнулась, что-то зажужжало, и опустились металлические жалюзи.

Теперь поднялся и второй, что-то крикнул ей. Беатрис остановилась; слов она не разобрала, но сообразила, чего тот требует: чтобы она бросила револьвер! Об этом сейчас не могло быть и речи. Наоборот, она подняла оружие. Тогда он выхватил из-под пиджака пистолет, и тут Беатрис узнала его — это тот

Рисунки В. ПЛЕВИНА

самый американский советник, который однажды присутствовал на ее допросе в полиции.

Из-за спины прозвучал выстрел, глухой, будто стреляли из пневматического ружья. Янки дернулся — наверное, пуля только слегка задела его, пригнулся и стал отстреливаться. Она взяла кольт обеими руками, как учили в тире полиции, и выстрелила — раз, другой, третий. Тент вдруг переломился и опустился на пол — медленно, будто маленький парашют, и накрыл битое стекло. Где же янки? Он мог только лежать на полу, тоже накрытый полотном тента... Торрес из-за ее спины выстрелил еще несколько раз, но Беатрис звуков выстрелов не слышала. Может, все это ей снится? Или она сошла с ума? Ничего не замечая, Беатрис повернулась и, с трудом переставляя ноги, словно шагая под толщей воды по морскому дну, поплелась по садовой дорожке в сторону ворот.

На улице — хаос! Наискосок к воротам стоит машина, из окон которой торчат дула пулеметов, по дому стреляют... Где же охрана? Разбежалась? Или убита? Пригнувшись чуть не до земли, Беатрис выбралась на улицу, сделала несколько шагов в сторону, выпрямилась — и с криком бросилась навстречу зеленой машине, вылетевшей из-за угла.

— Все пропало,— сказал Бернсдорф Фишеру.

Тот последним вошел в гостиную Ридмюллера. На полу валялись осколки стеклянной двери, жалюзи висели криво, на террасе сотрудники полиции фиксировали следы. Сквозь прорези в жалюзи видно, как они что-то измеряют, переговариваются, фотографируют. Знакомая картина. Сколько раз приходилось снимать подобные сцены в студии. С этого обычно начинались боевики. А теперь на этом все кончилось.

— С какой стати? Мы-то тут при чем?

— У уголовной полиции другое мнение.

Вошла девушка-мулатка.

— Господин Ридмюллер просит извинить, ему пришлось прилечь.

У камина Ундина в чем-то тихо убеждала Кремпа, время от времени всхлипывая. Бернсдорф подошел ближе. Стекло под ногами хрустело, но он успел услышать ее слова:

— Неужели ты не видишь, к чему это ведет... все погибло... я видела: ты осматривал ее револьвер!..

Ундина заплакала — от злости и разочарования.

В это мгновение появился майор Понсе. В лице ни кровинки, ни с кем не поздоровался.

— Совершено убийство,— проговорил он резко, будто перед ним стояли идиоты, не отдающие себе в этом отчета.— Вы в нем замешаны, и до окончания расследования съемки отменяются. Когда закончится обыск в ваших номерах в отеле, вернетесь туда и будете ждать дальнейших распоряжений.

— Вы лично проведете расследование?

— А вам это не по вкусу, господин Бернсдорф?

— Удивляюсь. Любой контакт с официальными инстанциями вызывает ваше появление.

— Не моя вина, что вы привлекаете к себе столько внимания. Мистера Вилана убили ваши сообщники, не так ли?

— Какое мы имеем к этому отношение? — спросил Фишер.

— Кто нанял обоих убийц?

— Я,— сказала Ундина.

— Парня — может быть. Его выбирали вы, фрау Раух. На ваше счастье, он мертв. Зато его сообщница скрылась. Одна из дочерей сеньоры Крус, я не ошибаюсь, господин Бернсдорф?

— Единственная дочь, майор.

Они уставились друг на друга. Бернсдорф убедился, что Понсе понял его намек. Злить майора сейчас и излишне и опасно, однако какую-то черту провести надо: от сих до сих! Вилан убит. Как — дело темное, позиция у киногруппы

шаткая, но пусть Понсе знает, что обломает себе зубы, если попытается свалить вину на них.

— Я вас предупредил! — Понсе скрестил руки на груди.— И не пытайтесь изворачиваться. Мне известно и то, что вы были на Кубе, и то, с кем там встречались: с Кампано! Возможно, вас стоит взять под стражу!

— Что же вы медлите?

— Потому что вы гость. Но все может измениться. Пока у меня нет фактов, доказывающих вашу прямую причастность к убийству. Но вы наняли не только Крус, но и доктора Роблеса. А у него есть мотив для убийства.

— Кого? Вилана?

— Вилан оказался здесь случайно, этого никто не мог знать заранее. Убить хотели Ридмюллера, это и слепому видно.

— Ридмюллер — немец! — воскликнул Фишер.— А Вилан оказывает нам важные услуги! И вы утверждаете...

— Пока я ничего не утверждаю. Я суммирую факты. Оказывается, Роблес вчера вечером беседовал с убийцей.

— По моему поручению, чтобы передать...— начал было Бернсдорф.

— Что съемка начинается раньше.— Понсе хитро улыбнулся.— А сами вы успели побывать у Санчес и Крус... Кстати, Роблес говорил вам, что место доцента университета он потерял из-за Ридмюллера?

— Нет, и меня это ни в коей мере не интересует.

— Мы к убийству непричастны,— твердо проговорил Фишер.— При всем уважении к вашей работе, майор, я не намерен дольше выслушивать, в чем вы подозреваете моих сотрудников!

— Сотрудников! Да я только с одним и говорю.

— Мы не беззащитны! Я сообщу в посольство.

— Никто вам не мешает.

Пока Фишер шел к телефону, от волнения хромая сильнее обычного, Понсе взялся за Кремпа.

— Вы молчите? Меня это не удивляет. Один из телохранителей видел вас с оружием Крус в руках.

— Я показывал, что ей надо делать.

— О-о, это она прекрасно знала!

— Ему пришлось прорепетировать с девушкой,— сказала Ундина.— Группа у нас маленькая, все друг другу помогают!

— Вот мы и проверим в чем! Ваши подозрительные маневры заставили меня обратиться с письменным запросом в официальные органы ФРГ. Я рассчитываю вскоре получить исчерпывающие сведения, в том числе и о вас.— Майор с вызовом уставился на Кремпа.

А Бернсдорф глядел на Понсе и не узнавал его. Где былой лоск майора и его обходительность, столь запомнившиеся с самой первой встречи? Вместо того чтобы допрашивать по одному, обрушивается на всех сразу. Разве такая глупость простительна для опытного криминалиста? Понсе намеренно смешивает карты: он не расследовать, а запугать их хочет, выгнать вон из страны, поскольку их присутствие для него обременительно... Бернсдорф не знал, что думают по этому поводу другие, но от него Понсе так легко не избавится. Фотография-подделка у него в кармане, и если Понсе на суде предъявит оригинал, скандала майору не избежать.

К Бернсдорфу подошел Фишер.

— За нами послали машину. Вы ведь не против, майор, чтобы мы посетили наше посольство?

— Попросите убежища?

— Правовой помощи!

— Что ж, если вы согласны по первому требованию явиться в полицию, мне абсолютно все равно, куда вы поедете в настоящий момент.— Понсе криво ухмыльнулся.

Он, наверное, решил, что поездка в посольство — первый шаг к отлету из Гватемалы.

— Знаете, майор,— в голосе Бернсдорфа сквозило наигранное сожаление,— и великим режиссерам далеко не каждая постановка удается.

Понсе даже засопел от обиды.

— Смотрите, как бы для вас эта постановка не оказалась последней! — И он вышел, хлопнув дверью.

Невысокие кольцевые валы вокруг вулканов, лунные кратеры, голые, без малейшей растительности, горы; холодная галька, напоминающая застывший водопад. За вулканом, в космической тишине, встает солнце... Хуан Кампано закрыл глаза, натянул одеяло. Через равные промежутки слышатся короткие вздохи: это посапывает во сне Педро. Кампано ждал появления первых солнечных лучей, лучшего времени дня. Пока что его еще знобит, болит плечо, но скоро он согреется. А потом начнет мысленно вычерчивать маршрут, разрабатывать очередные шаги операции. Если сконцентрировать все мысли на борьбе, боль утихает.

Главный вопрос: где собирается колонна, соединенный отряд герильерос? В долине между вулканами-четырехтысячниками Тахумулька и Такана, на гватемальской стороне. К чему карта и компас, когда есть солнце и до боли знакомые очертания вершин? Провиант не проблема. Правда, военные держат под контролем все питьевые источники, но Педро знает горные склоны, сплошь усеянные кактусами, которые способны выкачивать из почвы влагу не хуже насосов. Срежешь верхушку, продырявишь слегка в середине — и черпай прямо рукой сочную, чуть кисловатую кашицу... Боезапас? Тоже хватает; стычек с противником не было, патроны не расстреляны.

А цель? Та же, что и вчера: идти на соединение с другими отрядами.

Ах, если бы не эта жгучая боль в плече! За что ему это наказание, какая глупость! «Брось,— говорил себе Кампано,— нечего терзаться, пустое это дело. Вспомни лучше хорошие времена, вспомни о Кубе, где ты учился и был счастлив; о Сьерра-де-лас-Минас, когда там жили еще крестьяне, называвшие тебя «команданте», о столице, где ты рассчитался с Уэббером,— эти времена вернутся. Плечо заживает, мальчишка-индеец знает все лечебные травы. Держаться, держаться во что бы то ни стало! Гватемала уж не та, что была, когда ты начинал борьбу. Ты заставил противника обратить политическую ситуацию в военную. А теперь наберись терпения и доверься народу, который прозрел и берется за оружие».

Если бы не это дурацкое плечо, он догнал бы уже своих. Сначала его больше недели трясла лихорадка, и отряд, оставив командира с Педро на попечение надежных крестьян-горцев, ушел в долину. Выздоровев, он выбрал кратчайший путь, через горный перевал. И вот там, недели три или четыре назад — надо проверить по дневнику! — он попал под камнепад. Причем он слышал, как камнепад начался, и прижался к отвесной скале — вообще-то его задеть не должно было. Ничего особенного и не произошло, вот только плечо размозжило. Он ненадолго потерял тогда сознание, а потом Педро крепко перевязал рану широким бинтом, пропитанным антибиотиками. Запас бинтов еще есть. Болеутоляющие таблетки на исходе, но есть замена — пейотль.

Солнце начало потихоньку пригревать. Кампано потянулся к рюкзаку, который лежал под головой, за пейотлем,— так индейцы называли корявые сушеные корешки редкого вида кактусов. Он нащупал кусочек, достал, начал потихоньку грызть. Боль улетучивалась почти мгновенно; то-то удивились бы университетские друзья — медики.

«Надо пережевывать медленно, тщательно»,— повторял он. Есть множество вещей, которые необходимо повторять часто, от этого они не перестают быть верными. Как и та, к примеру, истина, что колеса истории никогда не остановить. Гватемальское общество сегодня иное; система распадается, нет

никаких сомнений. Не герильерос вызывают в стране анархию, нет, это хаос в государстве рождает революционеров! Он не устанет говорить: война системе, в основе которой эксплуатация, насилие, издевательство над свободой и человеческой личностью! Че Гевара осознавал это, когда понес факел борьбы в Боливию и погиб, чтобы воскреснуть в сердцах тысяч и тысяч людей.

Кампано со стоном приподнялся на локтях.

Подошел Педро, его двенадцатилетний адъютант, присел на корточки и во всю мочь закричал:

— О тебе говорит радио, команданте!

Педро, конечно, не кричал, а шептал, но таково действие пейотля, он многократно усиливает все звуки. О чем Педро говорит, что объясняет?

— Радио? — спросил Кампано, едва шевеля пересохшими губами.— Нас ищут, да? Опять повысили цену за мою голову?

— Нет, команданте. Ты убил в городе человека, какого-то янки. Так радио говорит.

— Все это было давно.

— Нет, вчера. Но они врут. Вчера мы были здесь.

Но Кампано уже его не слышал, впал в забытье.

Склон горы заблестел, солнце поднялось высоко и отогревало их тела. Педро выключил маленький приемник. Он мало что понял из сообщения по радио; да и вообще оно было лишь поводом, чтобы разбудить команданте, узнать, как его дела.

Дела хуже некуда: с позавчерашнего дня он лежал здесь полузамерзший и говорил о маршруте основной группы, а сам не в состоянии и ста метров пройти. Его плечо превратилось в месиво мелких косточек и гниющего мяса; такая жуткая рана может зажить, если лежать дома, в тепле, под одеялами, накладывая на рану каждые два-три часа травы,— и то калекой останешься. А здесь... Кампано опять с самого утра жевал пейотль, по глазам видно: зрачки немыслимо расширились. С самого утра — пейотль! Педро отыскал для своего команданте эти корешки. Но кто ест святое растение при восходе солнца, на того оно рассердится и обожжет. Педро растер замерзшие пальцы, поднял с земли холщовую сумку и тихонько удалился, чтобы не разбудить команданте... Найти бы опунции! Ох, придется спуститься далеко вниз, чтобы отыскать эти красноватые сочные шарики кактуса, утоляющие и голод и жажду. Вернется он к вечеру, не раньше. А вдруг заблудится, не найдет команданте? Педро зашагал быстрее; если бы команданте его окликнул, он бы не услышал. Галька скрипела под ногами, скатывалась по склону. Что дальше?

У Педро то и дело перехватывало горло, хотелось плакать, хотя он не знал почему. Чем дальше он уходил от места последней базы, где остались всего две палатки, одеяло, немного продуктов и патронов, тем тяжелее становилось у него на душе. У него было такое чувство, будто ему не дано больше вернуться туда никогда. Да, какая-то неведомая сила тянула вниз, в долину, где есть вода, пища, крыша. Вернуться в свою деревню? Отца убили, мать умерла; соседи зададут ему трепку за то, что удрал, а потом дадут похлебку с бобами... Нет, у Педро есть отец! Он ждет там, наверху! И ни за какую похлебку он не предаст команданте!

Когда Педро остановился передохнуть, он расплакался. Представил себе, как команданте просыпается, приходит в себя и никого рядом не находит. Команданте один, совсем один. А он любил Кампано, самого лучшего из людей. Кампано всегда был добр к индейцам и особенно к нему, Педро.

Солнце было уже в зените, и, если он хочет вернуться к Кампано до наступления темноты, пора возвращаться. Да, но как, с пустыми руками? Педро взял в руки фляжку, отвинтил пробку — ни капли. Он нужен команданте. Чего доброго, тот еще заподозрит его в трусости. Но ведь Педро верен Кампано, он только хочет найти чего-нибудь съестного. Дальше вниз, дальше! Ему пришло в голову, что хорошо бы позвать на помощь взрослых, отнести команданте обратно в деревню. До нее два дневных перехода, ну, самое большее, три... Нет, невозможно — это целая неделя. На холодных камнях, в одиночестве — столько его друг не выдержит, столько не выдержит никто!..

Хуан Кампано проснулся, протянул руку и обнаружил, что Педро рядом с ним нет. Сереет рассвет, он один. Педро не вернулся. Мальчишки будет не хватать, но так лучше: на войне детям не место...

Включил приемник. Сквозь атмосферные разряды едва слышится голос диктора. Сначала ничего серьезного. Передают местные новости, сообщения полиции о мелких кражах. Кто-то ищет место учителя, кто-то — повара. Но вдруг он услышал следующее: «Расследуется преступление, жертвой которого позавчера стал Ральф Вилан, начальник отдела информации североамериканской миссии помощи Гватемале. Теперь подозревается также мужчина, участвовавший в съемках в саду министра просвещения, о чем мы уже сообщали. Подозреваемый играл главную роль: герильеро Хуана Кампано, несколько лет назад безуспешно пытавшегося похитить Тони Толедо. Сцена снималась с разрешения Тони Толедо в документальном плане. Когда Толедо, кандидат на пост президента от ПР, появился перед теле- и кинокамерами, в саду рядом прозвучали выстрелы».

Кампано вспомнились недавние слова Педро. Выходит, это ему не приснилось... В главной роли! Поразительно! Он сражается с империалистами, а о нем снимают кино; и кто — люди из такой же империалистической державы... Он своего добился: народ знает о нем и помнит. Интересно, что за люди снимают фильм?..

Кампано открыл дневник. В последнее время писать стало трудно. Листок выглядит странно — какие-то каракули. И только вверху справа четкая, разборчивая дата. А вот что он занес в дневник 16 ноября: «Вчера, когда спустились сумерки, мы тронулись в путь. Следующий колодец был в четырех часах ходу, но, добравшись туда, мы увидели, что армия колодец засыпала... Там, где царит насилие, ему нужно объявлять войну. Любовь к людям возможна только как атака на поработителей».

«Куда же теперь? — читал он дальше.— Мы где-то между Тахумулька и Такана. Запасов хватит дня на три. Рана не закрывается. В последние дни все против нас. Но потребности мои сократились до предела. Что же важно? Только борьба! Борьба — это путь к достижимому!» Кампано нашел, что записи сделались грустными, более того, они повторялись. И это постоянная привязка к двум вулканам! Значит, они с Педро кружили на одном месте и к своим почти не приблизились. И вдруг с неожиданно острой болью в сердце он понял или скорее осознал, всем своим естеством ощутил, что для него борьба подходит к самому концу. Он, Кампано, умирает.

Вот, значит, как оно бывает... Кампано вспоминал, заставлял себя вспоминать. Как жил, когда жил по-настоящему,— как боец и революционер. Когда в последний раз стрелял, когда в последний раз держал военный совет, когда плавал и бегал по пляжу. Когда в последний раз спорил, ссорился, в последний раз любил — как давно это было. Нет, он ни о чем не жалеет. Мыслить и жить, сказать и сделать — эти понятия были для него неразрывны, у него хватило сил бороться за свои убеждения, он прожил жизнь не зря. Подобно Че, он будет продолжать жить в других, в сердцах всех тех, кто возлагал на него надежду и с кем он больше никогда не увидится; и отчасти в этом фильме, в книгах и статьях, рассказывающих о революции в Гватемале.

«17 декабря 1973 года»,— с трудом написал Кампано печатными буквами. Пишет он в последний раз, так пусть будет удобочитаемо. «За нами протянулся след, след в будущее...» Ручка выпала из рук Кампано, он долго искал ее между камней, нашел и закончил — Кампано не только чувствовал, он знал, что другого случая не будет. «Будьте счастливы! Я умираю».

Кабинет советника посольства доктора Шмюкера произвел на Бернсдорфа впечатление своей солидностью. Хозяин величественно восседал в кресле с высокой спинкой, рядом с ним сидел атташе по делам культуры Хоппе.

— Где фрау Раух? — строго спросил советник Бернсдорфа.

— Пытается навести справки о судьбе арестованных, господин доктор.

— То есть она отправилась в полицию?

— А также в одну из редакций и в «Комитет родственников исчезнувших лиц». Нельзя оставаться безучастным, когда арестовывают твоих ни в чем не повинных сотрудников.

— Это опять вмешательство во внутренние дела страны! Вам и так инкриминируют «вмешательство в избирательную кампанию».

Явно нервничая, советник посольства обрезал кончик сигары, а Хоппе поспешно поднес огонь.

— Мы стараемся изо всех сил, чтобы хотя бы теперь, тридцать лет спустя после войны, восстановить в Центральной Америке добрую репутацию немцев, а вы в какие-то три-четыре дня пускаете все под откос,— на повышенных тонах, несколько даже задыхаясь от усердия, набросился на Бернсдорфа атташе.

— Будем надеяться: с фрау Раух ничего плохого не случится,— продолжал Хоппе.— От экстремистских групп можно ждать чего угодно: актов мести, к примеру. Предоставьте во всем разобраться здешним криминалистам! Директор департамента полиции — весьма достойный человек и способный работник.

— Рад услышать, что Понсе — директор департамента. А то мы было пришли к выводу, что гватемальская полиция — это он один, собственной персоной.

Доктор Шмюкер вскинулся:

— На что вы намекаете?

— Что вся эта акция — дело его рук.

— Вы не в своем уме!

— Она провалилась, но задумана-то она была в полиции!

Советник посольства положил сигару и наклонился к Бернсдорфу:

— Если все действительно так, как вы говорите, значит... значит, речь идет о деле высшей государственной важности! — проговорил он совсем тихо.— И это еще одна причина, по которой вы должны как можно скорее покинуть Гватемалу!

— А если мы откажемся?

— Тогда вас выдворят, а на весь отснятый материал и аппаратуру наложат арест.

— От вас зависит,— сказал Хоппе,— чтобы обстоятельства вашего отъезда были сравнительно сносными. И, между прочим, не слишком порядочно с вашей стороны послать на разведку женщину, самому оставаясь в безопасности.

— Вы ошибаетесь. Я тоже выходил в город. Побывал в отеле. Все вещи разбросаны по номеру, пиджаки и куртку даже вспороли. Но после обыска в номере побывал, очевидно, кто-то еще. Вот что я нашел в чемодане.— Бернсдорф достал из кармана листовку, отпечатанную на гектографе, и положил ее на стол.

Советник посольства осторожно пододвинул листок к себе.

— Обычная клевета на действия органов безопасности!

— Эта листовка вам знакома? — спросил Бернсдорф.

— Она ходит по городу со вчерашнего дня и привела к аресту Лусии Крус, матери бежавшей участницы преступления. Дочь утверждает, будто ее и Торреса подстрекали к убийству. Но жертвой был якобы избран Толедо. Они же сговорились бежать с помощью городского подполья. Но тут на их пути встал Вилан. Его называют в листовке советником полиции. И они, дескать, были вынуждены убить его — самозащита! Наглая, несусветная ложь!

— Темная история.— Доктор Шмюкер вернул Бернсдорфу листовку.— Но нам до нее нет дела!

— Еще бы! Вам выгоднее придерживаться официальной версии! — сказал Бернсдорф.— По ней — анархист Торрес убил начальника отдела информации американской миссии помощи Гватемале Вилана потому, что несколько лет назад доктор Роблес был по требованию Ридмюллера уволен из университета. Очень убедительно! Во всяком случае, не подлежит сомнению, что полиция внедрила к нам Торреса и Крус. Тому есть доказательства.

— Какие такие доказательства?

— Когда мы выяснили, что двое наших исполнителей действуют по наущению полиции, мы поначалу решили, будто полиция намерена дискредитировать Толедо, чтобы не дать ему победить на выборах. Мы поставили министра в известность, но о том, что задумано убийство, никто из нас и не догадывался...

— Довольно, довольно! — поднял руки доктор Шмюкер.

— Листовка объясняет, откуда взялись боевые патроны: в день съемки их выдал Пепе, телохранитель Толедо!

Советник посольства встал, его сотрудник тоже.

— Господин Бернсдорф! — В голосе доктора Шмюкера прозвучала неприкрытая угроза.— Что бы вы сказали, если бы гватемальцы впутались у нас в Германии в темную историю, а обвинили бы во всем федеральную полицию? Возвращайтесь в вашу комнату и на досуге обо всем хорошенько подумайте. Времени на размышление у вас до завтрашнего утра... Господин Хоппе, будьте любезны, закажите на завтра четыре билета на самолет!

Бернсдорф посмотрел на часы. Где Ундина? Ей давно пора вернуться. Уговаривая себя, что ничего дурного случиться не могло, Бернсдорф испытывал тем не менее серьезное беспокойство. Чтобы отвлечься, взял со стола перевод листовки, сделанный Кремпом. После длинного вступления, написанного в тоне несколько напыщенном и патетическом, свойственном местной интеллигенции, авторы переходили непосредственно к случившемуся. «Всякий знает, что правительства у нас приходят к власти и сменяются по указке Вашингтона. В этом участвуют посольство США, резиденты ЦРУ и различные миссии — проводники американской политики. Капитан Ральф Вилан, погибший в понедельник в саду президента БОА Ридмюллера, был офицером военной миссии. Но пули покушавшегося предназначались не ему, советнику гватемальской полиции и мучителю патриотов. Полиция предназначала эти пули другому лицу. Майор Камило Понсе, директор департамента полиции, подстрекал двух молодых людей, чью волю ему удалось сломить, убить министра Толедо во время съемок, которые в рекламных целях министр дал произвести в своем саду. Эти двое должны были проложить путь в Каса Крема, резиденцию президента, полковнику Андроклесу Матарассо, шефу Понсе. Под прикрытием огня наших автоматов удалось спастись Беатрис Крус, которая заявила представителям ФАР...»

Описание происшествия полностью соответствовало действительности. Кроме одной неточности. Беатрис умолчала о том, что Кремп обнаружил заряженное боевыми патронами оружие, но оставил револьвер в ее руках. За это умолчание ее, в сущности, нужно только благодарить.

Что же, теперь ему известно все досконально. И если Толедо поможет, он сумеет разоблачить Понсе и спасти арестованных. Улететь, когда Виола, которая ради него решилась противостоять майору, томится в тюрьме? А Роблес, которым он восхищался как человеком мужественным и честным и который предупредил его? А Лусия, давшая ему знать о провокации, несмотря на страх перед полицией? А Паис?.. Оставить их в беде? Улететь? Тогда как же жить дальше? Нет, по своей воле он не уйдет, разве что его силой вышвырнут из страны.

Вошел Хоппе. Прекрасно сшитый костюм, строгий галстук, беззаботная улыбка — человек доволен собой.

— Я вас прекрасно понимаю,— сказал он.— Надеюсь, и вы меня понимаете.

— Дружба дружбой, а служба службой. Не так ли?

— Мой выпад не был направлен против вас лично. Я вынужден был высказаться таким образом, ведь советник нуждался в поддержке. Ему тоже не по себе.

— Понятно. С одной стороны, он чиновник, а с другой — человек. Советую вам и впредь не терять способности различать эти понятия!

— Я вам вполне сочувствую — вы попали в чертовски неприятный переплет. На вашем месте я тоже ломал бы себе голову, как помочь арестованным. Но вам просто-напросто ничего не удастся сделать, а у нас тем более руки связаны... Завтра в это же время вы будете сидеть в зале для транзитных пассажиров в Гандере, на Ньюфаундленде, посреди льдов и снегов.

— Не торопитесь с предсказаниями.

— Или вы вздумали как-то обойти решение о высылке? Найти, например,

какое-то убежище в городе? Сейчас здесь черт знает что творится, пусть вам фрау Раух подтвердит! Ах вы еще не знаете — она лежит в комнате для больных...

— Что с ней? — Бернсдорф вскочил со стула.

— Ничего особенного. У нее был шок. Нам позвонили из «Ла Оры», и наш сотрудник заехал за ней.

— Истерика? Но по какому поводу?

— Она была в этом «комитете пропавших». А там кого-то убили. Некоего адвоката Зонтгеймера. В собственном кабинете. Она, очевидно, вошла и увидела... Нет, послушайте меня, ни в коем случае не выходите из посольства! Вам нельзя!

— Зато вам можно.

— В каком смысле?

— Вот письмо. Передайте его, пожалуйста, по адресу.

— Что-нибудь незаконное? Увы, я вынужден отказаться.

— Это письмо господину Толедо. Не обязательно передавать из рук в руки. Достаточно будет, если вы дадите письмо какому-нибудь мальчишке и убедитесь, что он отнес его.

— К подобным методам мы предпочитаем не прибегать. На что вы, собственно, рассчитываете?

— Толедо борется сейчас за выживание — как политик. Он единственный, кто лично заинтересован в расследовании случившегося. Влияние у него пока что есть. Я напишу в письме, где я, что мне известно и что с завтрашнего дня я к его услугам. Передадите письмо?

Хоппе глубоко вздохнул.

На другое утро Бернсдорф проснулся около восьми утра. Кремпа в комнате уже не было: отправился, наверное, в душ — это в конце коридора. Режиссер обвел глазами стол, тумбочки — письма от Толедо нет. Минут десять спустя в комнату, с силой распахнув дверь на себя, ворвался Кремп. Вид у него был растерянный.

— Вокруг здания посольства расставлены люди в штатском. Скорее всего люди Понсе!

— Что удивительного? Ему известно, что мы хотим выступить свидетелями на процессе.— Бернсдорф присмотрелся к Кремпу повнимательнее.— Э-э, да что это с вами? Сбрили бороду и усы? Желаете произвести впечатление на дам, давая свидетельские показания?

— Вы и впрямь верите, что дело дойдет до суда? И что мы выступим на нем свидетелями? И возлагаете ваши надежды на Толедо? Абсурд! О чем вы думаете? Здесь нет ни свободы, ни законности. Здесь царит насилие! Соскочить с подножки трамвая мы опоздали. Мы в западне!

— Поглядим еще.

Ундина постучала в комнату Бернсдорфа. Открыл Кремп. Ундина увидела его незнакомое, бритое лицо и глаза, в которых жила холодная решимость. Бернсдорфа не было.

— Ищет возможность бежать отсюда,— объяснил Кремп.

— Господи, что вы придумали? Бежать? Чтобы помочь арестованным? Да ведь это самоубийство! Им помочь невозможно, не сообщают даже, где их содержат! Я пыталась...

— Ты, значит, выбросила белый флаг.

— А что нам остается, Хассо?

— Самоуважение. Но лишь в том случае, если мы откажемся улететь.

— Я не могу больше...

Глядя на Кремпа, Ундина чувствовала, насколько тот изменился за два последних дня: нет в нем больше ни былого доверия, ни нежности к ней.

— Это ужасная страна! Нельзя снимать фильмы там, где мучают и убивают!

— А кто еще, кроме твоего Фишера, хочет делать кино? — спросил Кремп, и Ундине стала понятна причина происшедшей с ним перемены.

Он мечтал снять картину об острейших классовых боях. Жизнь разбудила фантазию и творческую энергию, идея фильма о революционере поглотила Хассо целиком, как никого из них, а теперь он эту идею отринул! Пусть боль нестерпима, пусть рана кровоточит, он в своем решении тверд!.. Собирает кассеты, записные книжки, отдельные листы сценария, откладывает в сторону отснятую пленку, кинокамеру.

— Возьми это, Ундина, когда будешь уезжать.

Набив полную сумку, положил на диван. Сколько надежд связывал Хассо с этим киноматериалом, а теперь расстается с ним равнодушно, словно с чужим. В планах на будущее нет места мыслям о фильме. Все кончено! И между ними тоже! Кто бы мог подумать еще вчера!..

— Как ты собираешься поступить?

— Так, как должен,— сказал он сухо.

Эрвину Фишеру никогда ничего не снилось, и поэтому он очень удивился, когда Ундина явилась ему во сне. В сумеречном свете занимающегося утра она стояла у его постели и говорила, что остальные хотят уехать, чтобы остаться, она же остается с ним, чтобы уехать. Несмотря на путаные речи, появление Ундины — хотя бы во сне — обрадовало Фишера.

Каково же было его удивление, когда, открыв глаза, он увидел Ундину. И она действительно что-то говорила. Быстро набросив халат, предложил Ундине стул. Однако она не села.

— Давайте поскорее улетим отсюда, прямо сразу, первым самолетом в Мехико...— Голос Ундины дрожал.— Я уже уложила вещи. Здесь мы больше ничего не добьемся. Это ужасная, несчастная страна. Я не знала, с чем мы столкнемся... Читать об этом и видеть собственными глазами — огромная разница... Самый острый фильм окажется жалким эхом, если не издевкой над реальной жизнью. От пленки кровью не пахнет...

— Я тебя понимаю — для женщины это чересчур... Может быть, ты права.

Фишер знал, что игра проиграна окончательно. Бернсдорф и Кремп больше в фильме не заинтересованы; Ридмюллер, Шмюкер и Хоппе настаивают на немедленном отъезде. Вилан мертв, а ведь все они нуждались в его защите. Никто больше в успех предприятия не верит; выходит, самое время возвращаться восвояси, как это ни тяжело признать...

— Хорошо. Улетаем первым самолетом в Мехико. И да поможет нам господь!

Ундина благодарно пожала его руку, и Фишер с неожиданной остротой ощутил, что это миг возвращения надежды.

— Ваши партнеры проявили благоразумие, а вы оба, увы, нет,— сказал майор Понсе.— Предупреждаю в последний раз, господа. Я не стану выкладывать сейчас все известные мне факты, но поверьте, что располагаю ими в достаточном количестве.

— Да, мы вас больше предупреждать не станем,— подтвердил Диас.— Вам решать, вам и отвечать. Я бы посоветовал вам сейчас же прямиком проследовать в аэропорт и вечерним рейсом отправиться вслед за господином Фишером и госпожой Раух в Мехико. В противном случае мы имеем право применить силу. Не вынуждайте отдавать вас под суд.

Суд? Бернсдорф встрепенулся. Угроза прозвучала несколько странно.

— И в чем бы нас обвинили?

— Прежде всего в соучастии в убийстве посредством укрытия преступников или оказания им помощи действием.

Кремп спросил:

— Процесс будет открытым?

— Как вы смеете сомневаться в нашей правовой системе? Ничего, скоро вы с ней познакомитесь.— Голос Понсе звучал равнодушно, на лицо он словно маску надел, а в его словах нельзя было обнаружить и намека на сарказм.— Кстати, с какой целью вы сбрили усы и бороду?

— Ваш процессуальный кодекс бритья не предусматривает? Или запрещает?..

— На вашем месте я не стал бы острить,— сказал Понсе.— Против вас факты, господин фон Кремп. Причем факты удручающие. Показания свидетелей и отпечатки пальцев на оружии, брошенном бежавшей Крус, доказывают, что, по крайней мере, одному из покушавшихся вы способствовали в совершении преступления. А в сведениях, которые мы получили от официальных органов вашей страны, есть данные, проливающие свет на ваше поведение...— Майор перелистал несколько страничек блокнота.— Вы принадлежали к прокоммунистическому студенческому союзу, дважды подвергались судебному преследованию по обвинению в оказании сопротивления полиции и организации беспорядков. В Гамбурге

вы принимали участие в запрещенных демонстрациях, подстрекали к проведению массовых забастовок. В начале этого месяца вы оказали содействие человеку, розыск которого был объявлен полицией, попали в автомобильную катастрофу, после чего бежали за океан. Полагаю, перечисленного довольно.

Застигнутый врасплох, Кремп промолчал. Бернсдорф ощутил, какой силы удар обрушился на них. Целый набор обвинений! И не похоже, чтобы Понсе на сей раз блефовал.

По Кремпу выпущен заряд такой силы, что как свидетель по делу об убийстве Вилана он отпадал совершенно. Бернсдорф понял, что остался один. «А с другой стороны,— спрашивал он себя,— почему это Понсе ведет огонь из орудий крупного калибра? К чему такие усилия, когда достаточно произнести несколько официальных фраз и зачитать приказ о высылке из страны?»

И тут до него дошло, что в руках у Понсе ничего нет — по крайней мере, нет приказа о высылке. По какой-то неизвестной причине Понсе не удалось его заполучить! Хотя майор и делает вид, будто остались одни формальности, он их просто-напросто запугивает, а насильно отвезти в аэропорт не имеет права!

— Майор, прошу вас, уточните, нас высылают или нет?

— Вы здесь персоны нежелательные, достаточно вам?

— Однако это не одно и то же.

— В случае с вами обоими я не вижу тут никакой разницы.— Понсе встал, перепалка ему надоела.— И вы очень скоро в этом удостоверитесь, если не последуете нашему совету. Вы снимали фильм у Кастро, прославляли «кубинскую весну». Откуда мы знаем, вдруг вас на Кубе завербовали и вы прибыли к нам как тайный коммунистический агент?

— Вы это сперва докажите,— вмешался Кремп.

— А с вами, если вы не одумаетесь, мы вскоре встретимся и поговорим иначе. Причем при обстоятельствах для вас безрадостных.

Миндалевидные карие глаза Понсе перебегали с Кремпа на Бернсдорфа; он словно желал удостовериться, что от одного добился покорности, а другого заставил капитулировать. Ему, очевидно, было трудно поверить, что после ударов, которые он нанес, они устояли. Никто не произнес в ответ ни слова.

Диас поднялся первым, молча сунул в «атташе-кейс» протокол беседы, щелкнул замком. Обменялся взглядом с Понсе.

— Мы сделали, что могли,— сказал майор.— Прощайте.

— Господин фон Кремп, я потрясен услышанным,— сказал советник посольства.— И если обвинения, предъявленные вам, обоснованы хотя бы частично, вам надлежит немедленно вернуться на родину. Примите во внимание, что в настоящий момент ваши прежние прегрешения как бы забыты. И если вы наймете сведущего адвоката, то сможете отделаться условным наказанием. Но не скрою, лично я потерял к вам всякое доверие. Вы следите за ходом моей мысли?

— Да, господин советник.

— В таком случае вы не можете не сделать соответствующих выводов. Здесь, в посольстве, вы находитесь на территории ФРГ, и согласно статье 16 конституции мы не обязаны выдавать вас органам другой страны. И надеюсь, вы, молодой человек, не замыслили попытаться скрыться где-нибудь в Мексике или Канаде?

— Нет. Не вижу в этом для себя никакой пользы.

— Совершенно справедливо. Требование о выдаче настигло бы вас и там. Любой окольный путь лишь усилит подозрения. Напротив, ваше положение в значительной мере укрепится, если вы отдадитесь в руки органов юстиции добровольно. Вам следует предвосхитить ход официальных органов!

— Что я и намерен сделать.

— Отлично. Я велю доставить вас в аэропорт.

— Я не могу уехать без господина Бернсдорфа.

— Господин Бернсдорф, слово за вами. Покончим же с этой историей!

— Я ожидаю важное для меня известие, господин советник. Или вы позволите мне позвонить Тони Толедо? После чего я и приму решение.

Доктор Шмюкер изменился в лице.

— Вы можете, если пожелаете, позвонить ему из аэропорта! — вскричал он, едва владея собой.— Вы что себе позволяете? Прошу вас укладывать вещи...— Он резко поднялся и, тяжело дыша, застучал кулаком по столу.— Есть пределы гостеприимства и долготерпения, господа! Мы полагали, что вам угрожает опасность, и поэтому предоставили вам убежище. Но никакая опасность вам не угрожает. Вы не хотите здесь оставаться? Так покиньте немедленно территорию посольства! Сейчас же, сию же секунду!

В комнате их поджидал Хоппе.

— Толедо прислал за вами машину, она ждет за углом.— Атташе достал из кармана пиджака письмо.— Толедо представил вас как свидетеля — вот почему и не отдано приказа о вашей высылке. Об этом он сообщает в письме. Знаете ли вы вообще, на что идете? Если дойдет до политического процесса, в чем я сомневаюсь, вас используют как мальчиков для битья. Вас на части разорвут, поводов для этого предостаточно! Не исключено: вас прямо в зале арестуют и отправят на неопределенное время в тюрьму.

— И тогда вы окажетесь не в силах помочь нам?

Хоппе невесело улыбнулся.

— Если вас осудят, я не смогу навещать вас чаще одного раза в три месяца, таковы правила. Велика ли радость?

— Не скажите.— Бернсдорф щелкнул замком чемодана.— В подобном положении увидеть знакомое лицо уже немало.

— И вы пойдете на такой риск? Не забывайте, тюрьмы здесь не чета европейским... Я ценю вашу самоотверженность, ваши побуждения, но не слишком ли велика ставка и не слишком ли ничтожен шанс на выигрыш? Речь сейчас идет не о горстке невиновных людей, а об исходе президентских выборов! Это борьба за власть, в которой в конечном итоге верх возьмет армия,— что тогда будет с вами?

— Господин Хоппе,— сказал Бернсдорф.— Благодарю вас за все, и за прощальное напутствие тоже. Но мы с Кремпом поступим по-своему, такие уж мы твердолобые.

Яркий свет дня. Напоенный солнцем воздух. У бордюра стоит тяжелая машина; шофер узнал их, открыл дверцу. Не произнесено ни слова — как в немом фильме или во сне. Оглянувшись, Бернсдорф увидел, как из ряда припаркованных автомобилей медленно выехал лимузин с полицейским номером и двинулся за ними следом. Свернули на Кинта Авенида, полицейская машина за ними. Это Бернсдорфа не обеспокоило. Слежка полиции объяснима. Опасаться следует в первую очередь людей в штатском. Но что это с Кремпом? Тот что-то втолковывает водителю, который согласно кивает. О чем они?..

— Водитель говорит, что уйдет от этих,— сказал Кремп.

Такой поворот разговора не устроил Бернсдорфа, с подозрением уставившегося на дорожную сумку, которую Кремп сжимал ногами.

— Это все ваши вещи?

— С меня хватит.

— А кинокамера, записи, все остальное...

Кремп пожал плечами:

— Зачем?

Бернсдорф выпрямился на сиденье, насторожившись. Сидевший рядом с шофером телохранитель говорил с кем-то по радиотелефону, Бернсдорф уловил слова: «Эль операдор, сеньор Кремп».

— О чем это он? Во имя всего святого, что происходит?

— В центре города я выйду.

— То есть вы хотите на время скрыться?

— Нет, уйти в горы. Дорогу туда я найду.

— Нет! Ни в коем случае! Вы человек эксцентричный, но не сумасшедший! Послушайте, Кремп, нам нельзя разлучаться. Вдвоем мы сумеем доказать нашу правоту. Только вдвоем!

— А потом?

— Опять будем снимать...

Бернсдорф сразу понял, что взывать к Кремпу бесполезно. Тот криво усмехнулся, напряженно думая о чем-то своем, давно решенном... О чем, догадаться нетрудно. Его постоянный интерес к сьерре, разговор с летчиком-мулатом, разного рода сомнения, которые Кремп высказывал с присущей ему резкостью

и от которых он, Бернсдорф, отмахивался.

— Там нет больше герильерос,— проговорил он, лишь бы что-нибудь сказать, глядя на бритое, чужое лицо Кремпа.— Вы о выстрелах думаете... Но это не герильерос, а просто какой-то угольщик охотился... Кремп, вы рискуете головой!

— Вам тоже предсказывали нечто подобное. Потерпеть фиаско можно на любом месте и в любой ситуации. А вот остаться верным себе, своим убеждениям?

Во рту Бернсдорфа пересохло.

— Значит, прийти на помощь четырем людям для вас мелочи жизни? Если и спасать, то все человечество?

Машина свернула за угол, ускорила ход, притормозила, еще раз свернула и снова рванулась вперед. Попытка оторваться от полиции.

— Чего вы, черт побери, хотите добиться? Найти Кампано или его друзей?

— Вы, Бернсдорф, человек нетребовательный, наивный, в сущности. Художник до мозга костей! Все происходящее с вами обогащает вашу жизнь. Если вас что тревожит, вы снимаете фильм и отделываетесь от этих мыслей навсегда. А вас еще вдобавок хвалят за сделанное и платят большие деньги. Желаю вам и впредь не терять хорошего аппетита.

— О чем вы болтаете, проклятый вы идиот, и что вы обо мне знаете!.. Разве ваше место в сьерре, у герильерос? Вы погубите ваш талант! И погибнете, пропадете без всякой пользы! Ваше место за камерой!

— Я тоже так думал, пока не увидел девушку с револьвером в руке... Узников, вырвавшихся из застенков, не снимают на пленку. Чтобы не забыть — надо жить с ними рядом! Никаким произведением искусства тут не поможешь, остается только один выход — вооруженная борьба.

Машина остановилась, Кремп взялся за сумку, потом повернулся к Бернсдорфу.

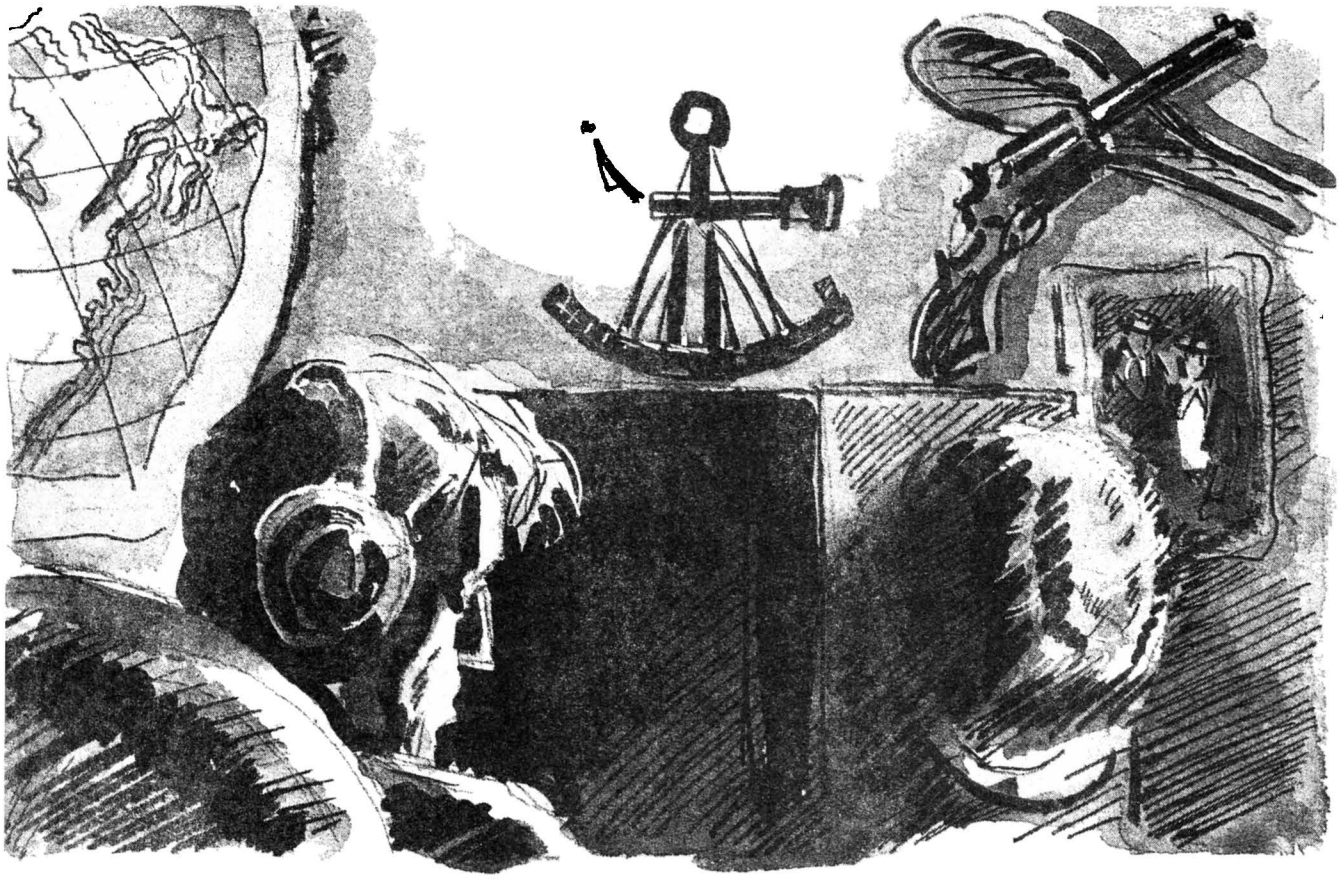
— А вы все-таки ничего... Я действительно был рад с вами познакомиться. А теперь прощайте!

Бернсдорф облизал пересохшие губы, оглянулся. Хвоста за ними нет. Чем все это кончится? В ушах Бернсдорфа гудела кровь — это в нем пробудился страх.

Вспомнились все предостережения. Сидел бы сейчас в транзитном зале аэропорта и попивал бы кофе. Нет, у него нет другого выбора! Чем была его прежняя жизнь: цепью неудачных попыток обрести смысл жизни. Теперь он видит путь, который может привести к цели. Возможно, его подстерегает неудача, но он никогда прежде не был столь близок к тому, что должен был делать и на что был способен.

«Как-нибудь ты пробьешься...» — подумал он.

Перевел с немецкого
Е. ФАКТОРОВИЧ



ХЭММОНД ИННЕС,
английский писатель

ЛЬВИНОЕ ОЗЕРО

Роман

Записка, врученная мне в конторе аэродрома, была нацарапана карандашом: «Немедленно возвращайся домой. Отцу плохо. Мама».

Я едва успел на поезд и три часа спустя был в Лондоне. Всю дорогу я размышлял об отце, пытаясь припомнить, каким он был в годы моего детства, но все заслонял собою его теперешний образ — образ разбитого, немого калеки. Когда он вступил в королевские ВВС и отправился воевать, мне не было еще и шести лет...

В редкие наезды домой я иногда заходил в комнату, где отец держал свой радиопередатчик. Он разговаривал со мной посредством записок, но все равно я чувствовал себя так, словно непрошено вторгаюсь в чужой мир. Соседи полагали, что отец немного с приветом, да так оно в известном смысле и было, потому что он день-деньской занимался одним и тем же: сидел в своем кресле на колесах и держал связь с такими же, как и он сам, радиолюбителями. В основном с канадскими. Как-то раз я полюбопытствовал: почему? Услышав мой вопрос, отец разволновался, его израненное горло издало какие-то странные нечленораздельные звуки, тяжелое крупное лицо раскраснелось от напряжения. Я, помнится, попросил его написать то, что он пытался мне поведать, но записка, которую он черкнул, сообщала лишь, что все это «слишком сложная и долгая история». Взгляд отца обратился к полке, где хранились книги о Лабрадоре, и черты его лица вдруг приобрели странное выражение. С тех пор я всегда смотрел на книги и на карту Лабрадора, висевшую над передатчиком, с чувством какой-то тайны. Тем более что карта эта не была отпечатана в типографии: отец сам вычертил ее, пока лежал в госпитале.

Я думал обо всем этом, торопливо шагая по знакомой улочке. Солнце село. В сумраке наша сторона улицы стала похожей на сплошную кирпичную стену. Я невольно замедлил шаг, чувствуя, что отца уже нет, что больше я никогда не увижу его живым: шторы на верхнем этаже нашего дома были задернуты.

Внизу меня встретила мать.

— Спасибо, что приехал, Ян.— Она не плакала, просто говорила тихим, усталым голосом.— Наверное, хочешь взглянуть на него.

Она отвела меня в полутемную комнату.

Отец лежал на кровати. Морщины, которые оставила на его лице постоянная многолетняя боль, теперь разгладились, он казался умиротворенным, и в некотором смысле я был даже рад за этого доброго и одновременно бесстрашного человека. Горечь и злость зашевелились во мне. Чертовски тяжкая доля выпала ему в жизни. Почему именно он? Сотни людей прошли войну без единой царапины. Разве это справедливо?

— Это почти облегчение, правда, мам?

— Да, милый, с тех пор как три месяца назад случился этот удар, я ждала конца каждую минуту. Если б он еще согласился лежать в кровати... так нет, далась ему эта комната с при-

емником! Последнюю неделю он и вовсе оттуда не вылезал, совсем прилип к своим наушникам. Я даже доктору побоялась рассказать, как все случилось, настолько это странно. Я шила внизу, как вдруг услышала, что твой отец зовет меня. «Мать, мать!» — кричал он. Потом еще что-то, но я не разобрала, потому что дверь была закрыта. Когда я прибежала, отец стоял на ногах, лицо было красное, искаженное от напряжения...

— Он стоял?! — Это было совершенно невероятно: отец долгие годы не поднимался на ноги.

Мать тихо заплакала у меня на груди.

— Что же заставило его проявить такое нечеловеческое усилие? — спросил я.

— Не знаю,— ответила мать и посмотрела на меня испуганным взглядом, словно искала защиты. Я заподозрил неладное.

— Должна же быть какая-то причина,— твердо сказал я.— Очень веская причина. Отец был в наушниках, когда ты вошла?

— Да, но... куда ты, Ян?

Я не ответил. Я уже бежал по лестнице. Я думал о карте Лабрадора. Мать застала отца стоящим у стола, рука его тянулась к стене, на которой висела карта. Я знал, что Лабрадор — давняя любовь отца, навязчивая идея, захватившая все его мысли.

На двери «радиорубки» по настоянию отца была намалевана надпись: «Станция G2STO». Я вбежал в комнату и огляделся. Меня не оставляла мысль о том, что где-то здесь должна быть записка или еще какое-нибудь указание — разгадка случившегося. Фотографии военных лет, снимки одноклассников, обломки самолетов, испещренные подписями боевых друзей отца, выцветший портрет моей бабки, Александры Фергюсон. Лицо волевое, без улыбки. Я уставился на фотографию. Интересно, знала ли бабка ответ на мучивший меня вопрос? Я часто ловил взгляды, которые бросал на ее портрет отец. Впрочем, он мог смотреть вовсе и не на фотографию, а на то, что висело под ней,— ржавый пистолет, секстант, обломок весла, рваный чехол от палатки и изъеденную молью ушанку с козырьком. Почему-то эти предметы были прочно связаны в моем сознании с севером Канады, хотя я не помню, чтобы кто-либо говорил мне об их происхождении.

Мне смутно помнился мрачный серый дом где-то на севере Шотландии и страшная старуха, явившаяся ко мне однажды ночью. Ее размытое лицо нависло надо мной в неровном свете масляного ночника, а потом в комнату вошла мать, и началась ссора, продолжавшаяся до тех пор, пока я не заревел от страха. Наутро мы уехали, и ни отец, ни мать никогда больше не упоминали при мне имени бабки. На этот счет между ними, наверное, существовал молчаливый уговор.

Я посмотрел на ключ Морзе, приемник и лежавший на столе карандаш. Именно карандаш навел меня на мысль, что в комнате чего-то не хватает. Здесь должен быть радиожурнал. Отец всегда вел его, ненастоящий, разумеется. Просто в дешевую школьную тетрадку он записывал всякую всячину — частоты радиостанций, время передач, прогнозы погоды, переговоры между радистами кораблей, вести из Канады.

Несколько таких тетрадок я нашел в столе. Последняя запись относилась к 15 сентября. Расшифровать что-либо было почти невозможно. Рисунки львов, несколько строк: «С2, С2. Где это, черт возьми?» Потом строка из песни: «Потеряны, исчезли навсегда». Строка была окружена причудливым орнаментом из известных мне названий — Моуни, Винокапау, Атиконак... Каждый день отец регистрировал станцию V06AZ, выходившую в эфир в 22.00. Потом я встретил в тетрадке фамилию Леддер. «Леддер сообщает» — эта фраза попадалась мне на глаза несколько раз. Она заменяла знак позывных. Неоднократно в тетради встречалось слово «экспедиция». И на каждой странице настойчиво повторялись изображения львов.

Я взял из шкафа справочник любительских позывных, и тот чуть ли не сам открылся на странице со значком V06AZ. Буквы V06 соответствовали станциям, расположенным на Лабрадоре, а под позывными V06AZ было написано: «Саймон и Этель Леддер, служба связи МТ, Гус-Бей».

Убедившись, что отец поддерживал постоянный контакт с Лабрадором, я снова взглянул на карту. На ней были нанесены карандашные пометки, появившиеся в самое последнее время. Три месяца назад я их тут не видел — это точно. Линия, проведенная от индейского поселения Сет-Иль в заливе Святого Лаврентия, тянулась на север, в сердце Лабрадора. Возле нее было нацарапано: «Л. ж. д.». Справа от этих букв, обозначавших скорее всего Лабрадорскую железную дорогу, на карте находилось большое «белое пятно» неисследованной местности. Район этот был обведен карандашом. Здесь отец написал: «Львиное озеро» — и поставил жирный вопросительный знак.

Я едва успел заметить слова «озеро Атиконак», когда за моей спиной послышался тяжкий вздох. Я обернулся. На лице матери застыла гримаса испуга.

— В чем дело, мам?

— Ну и напугал ты меня...—пробормотала она.— Какое-то мгновение мне даже казалось...

И тут я понял, что заставило отца вскочить на ноги и потянуться к стене.

— Это карта? Карта, да? — с внезапным волнением спросил я. По лицу матери пробежала тень. Ее взгляд был прикован к разбросанным по столу радиожурналам.

— Что ты здесь делаешь, Ян?

Но я не ответил ей. Я вдруг вспомнил, как один канадский летчик рассказывал мне что-то об экспедиции, пропавшей недавно в дебрях Лабрадора, и о том, как ее ищут с самолетов канадских ВВС. Слово «экспедиция» в тетради, карта, постоянные мысли отца о Лабрадоре, внезапный испуг матери — все это начало выстраиваться в моем мозгу в единую цепь.

— Мама, он принял радиограмму, да?

— Не понимаю, о чем ты, милый. Пойдем выпьем чаю. Забудь обо всем этом.

— Ты прекрасно все понимаешь,— ответил я, сжимая ее холодные как лед ладони.— Здесь все журналы, кроме последнего. Он исчез со стола. Куда? Отец принял какую-то радиограмму, связанную с Лабрадором.

— Лабрадор! — Слово это в ее устах прозвучало как взрыв. Глаза матери расширились.— Нет, Ян! И ты тоже? Нет, довольно... Господи, только не ты! Всю жизнь я... Нет, хватит, сегодня я больше не могу об этом. Не выдержу! Пойдем, попьешь чайку, успокоишься... Ну же, будь умницей, мой мальчик...— Она снова заплакала.

— Мама, прошу тебя! Ты прекрасно знаешь, что отец мог вскочить на ноги и потянуться к карте только по одной причине. Как бы он ни был болен все эти годы, он по-прежнему оставался первоклассным радиооператором. Если он принял радиограмму от гибнущей на Лабрадоре экспедиции, значит, от нас сейчас зависит жизнь этих людей.

Она медленно покачала головой.

— Нет, ты ничего не знаешь. Ты не можешь знать... Он все выдумал...

— Значит, радиограмма была? И она заставила его вскочить, он вновь обрел дар речи... Извини, мама, но мне необходим последний журнал. Отец записал в нем радиограмму, правда? Правда, мама? Господи, да где же журнал, наконец?!

Мать устало вздохнула и сдалась.

— Хорошо, Ян...— Она повела меня вниз и достала журнал, спрятанный в шкафу, в стопке скатертей и салфеток.— Но ты не станешь делать глупостей, правда, сынок?

Не ответив, я бросился к столу и начал листать страницы. Несколько раз я замечал слово «поиск». Наконец последняя страница. Никаких каракулей, только четкие записи: «Всем станциям на волне 75 метров, ответьте, прием».

Старательный почерк отца, казалось, доносил до меня чей-то отчаянный крик. Под записью было выведено: «Должно быть, это Бриф. 29 сентября, 13.55. Голоса почти не слышно».

Голоса почти не слышно! А еще ниже — другая запись: «14.05. Он снова в эфире, вызывает все станции. Никто не отвечает». И наконец, последнее: «Теперь он вызывает V06AZ. Местонахождение неизвестно, но не дальше 30 миль от С2. Положение отчаянное, ранен и без огня. Билл Бэйрд умер. Ларош ушел». Почти ничего не слышу... «Ищите узкое озеро». (Непонятно какое.) Повтор: «Узкое озеро со скалой в форме...»

Здесь запись оканчивалась неровной,

Рисунки Г. ФИЛИППОВСКОГО

судорожной линией. Наверное, отец попытался встать и карандаш сломался.

Ранен и без огня! Я представил себе узкое, затерянное где-то озерцо, раненого человека, скрючившегося над радиопередатчиком. «Положение отчаянное». В это нетрудно поверить. Ночью — холод, днем — рои гнуса и комаров. Я читал об этом в отцовских книгах. Но главное в радиограмме отсутствовало — то, из-за чего отец вскочил на ноги.

— Что ты намерен делать? — нервно спросила мать.

— Делать? — Об этом я и не подумал.— Мам, тебе известно, почему отца так интересовал Лабрадор?

— Нет.

Отрицание последовало слишком уж быстро и я поднял на мать глаза.

— Когда это началось?

— Давно, еще до войны.

— Значит, это никак не связано с ранением? Не мог же он все эти годы молчать, ничего не говоря даже тебе...

— Я соберу ужин,— сказала мать и ушла.

Бриф — вспомнил я фамилию одного из членов экспедиции. О нем мне говорил Фарроу в баре аэропорта, который мы сейчас перестраивали. Бриф был начальником какой-то геологоразведочной партии. Интересно, что следует делать в таких случаях? Вдруг радиограмму не принял никто, кроме отца? Судя по его записям, Гус-Бей не ответил Брифу. Если отец по какой-то дикой случайности стал единственным в мире оператором, принявшим сигнал, значит, я и есть тот самый волосок, на котором висит жизнь этих людей...

После ужина я сказал матери:

— Пойду, пожалуй, прогуляюсь до телефонной будки.

— Кому ты хочешь звонить?

— Не знаю. Наверное, в полицию.

— Неужели тебе так необходимо что-то предпринимать?

— Да. Кто-то, наверное, должен знать обо всем этом.

Я все еще не мог понять ее поведения и спросил, почему она пыталась утаить от меня радиограмму.

— Я думала, что ты...— Мать заколебалась, потом быстро ответила: — Я не хотела, чтобы над твоим отцом смеялись.

— Смеялись? Ну, полно, мама! Представь себе, что никто, кроме него, не принял сигнал. Если б эти люди погибли, ответственность легла бы на тебя.

Я вышел из дома и зашагал к станции метро.

Не имея понятия, с кем из сотрудников Скотланд-Ярда связаться по такого рода делу, я в конце концов набрал 999. Странно, что мне взбрело в голову сделать срочный вызов: нас ведь никто не убивал и не грабил. Дозвонившись, я с трудом втолковал дежурному, что к чему. Наконец он заверил меня, что все понял, и обещал сообщить канадским властям. Я вышел из телефонной будки с таким чувством, словно сбросил с плеч тяжкий груз.

После завтрака я отправил телеграмму своему начальству и пошел в похоронное бюро. Вернулся я незадолго до одиннадцати и застал мать за чаем вместе с нашей соседкой миссис Райт. Как раз соседка и услыхала шум мотора.

— Полицейская машина,— удивилась она, выглянув в окно.— Богом клянусь, они идут сюда!

В дом вошли полицейский инспектор и лейтенант в форме канадских ВВС. Они пожелали взглянуть на журнал, и я протянул его, начав ни с того ни с сего извиняться за почерк, которым он был заполнен.

— Мой отец был парализован,— попытался объяснить я, но инспектор меня перебил:

— Нам это известно. Мы навели справки.

Он принялся разглядывать каракули на страницах, и мне вспомнились слова матери: «Не хочу, чтобы над твоим отцом смеялись».

— Так вы говорите, что ваш отец умер, едва успев написать это? — спросил инспектор.

Я объяснил, как все произошло.

— Мы не сомневаемся в том, что ваш отец следил за ходом экспедиции. Она много раз упомянута в этих тетрадях, однако...

— Я справлялся у наших людей в Гус-Бей,— подал голос канадец.— Ваш отец держал связь с Леддером, это несомненно. Последнее время станция V06AZ обслуживала компанию Макговерна по исследованиям недр и эксплуатации рудников. Леддер принимал радиотелефонограммы Брифа и ретранслировал их в Монреаль, в правление компании.

— Так, и что же? — Я не понимал, какие у них еще могут быть сомнения.

— Простите, мистер Фергюсон,— извиняющимся тоном произнес инспектор,— но дело в том, что неделю назад было получено сообщение о гибели Брифа и Бэйрда.

— Да,— подтвердил канадец.— Двадцать пятого сентября Берт Ларош, пилот разбившегося самолета, выбрался на Большую землю. Он дополз до одного из лагерей строителей железной дороги и сказал, что остальные двое были мертвы, когда он оставил их. Ларош полз пять суток, значит, двадцатого сентября этих людей уже не было в живых. И вдруг — ваша информация о радиограмме от Брифа, которую якобы принял мистер Фергюсон. Это через девять-то суток после гибели Брифа! Нелепица, да и только.

— Пилот мог ошибиться,— пробормотал я.

— Боюсь, вы не представляете себе, что такое канадский север, мистер Фергюсон. Там парни так не ошибаются. Уж во всяком случае, не опытные летчики вроде Лароша. Четырнадцатого сентября была сильная пурга,— добавил он,— и Ларош пытался посадить свой гидросамолет на поверхность озера. Машина врезалась в скалу, Бриф и Бэйрд получили увечья. Пилот перетащил их на берег, а самолет ушел под воду. Бэйрд умер почти сразу, Бриф — через несколько дней. После этого Ларош начал пробиваться на Большую землю.

— Но радиограмма! — вскричал я.— Как еще мой отец мог узнать...

— Об этом сообщалось в программах новостей. Всю историю с начала до конца передавали несчетное число раз.

— Но об озере там наверняка ничего не говорилось,— горячо возразил я.— Откуда отец мог знать про озеро с торчащей из него скалой? Откуда ему было известно, что Бэйрд мертв, Бриф искалечен, а пилот покинул их? Уж не думаете ли вы, что мой отец все это выдумал?

— Если он принял радиограмму, то почему никто другой не сделал этого? — Канадец пожал плечами.

— Ну, это уже ваши дела,— сказал я.— Вполне вероятно, что никто, кроме отца, не слышал этой радиограммы. Текст сообщения записан в тетради, и это уже доказательство. Однажды мой отец стал единственным радистом в мире, принявшим сигнал с яхты в Тиморском море. А как-то раз он связался...

— Но ведь речь идет о радиотелефонограмме! Каким образом он мог принять голос, да еще с такого допотопного передатчика, который был у Брифа? — Канадец повернулся к инспектору.— Думаю, объяснение тут может быть только одно,— многозначительно добавил он, и я почувствовал прилив гнева.

— Ошибаетесь! Думаете, если отец был ранен в голову, то он сумасшедший? Ничего подобного! Он был первоклассным радистом и никогда не напутал бы с такой важной радиограммой.

— Возможно,— сказал канадец.— Но отсюда до Лабрадора две тысячи пятьсот миль, и Бриф передавал голосом, а не ключом.

— Ну и что?

— У Брифа был старый передатчик времен войны, с питанием от ручного генератора. Он едва-едва доставал Гус-Бей. Вот почему Бриф посылал свои рапорты Леддеру, а не напрямую в Монреаль.

— Но радиограмма...

— Не было никакой радиограммы,— тихо сказал канадец.— Мне чертовски жаль вашего отца, Фергюсон, но давайте посмотрим правде в глаза. Четыре самолета вели поиск почти неделю. Потом пришел Ларош, сообщил о смерти остальных, и мы дали отбой. Вы хотите, чтобы я рекомендовал возобновить поиски в полном объеме? Чтобы мы вновь начали гонять военные самолеты и пилотов над дикой местностью только потому, что ваш отец нацарапал в школьной тетрадке текст какого-то там сообщения, которое, даже будучи переданным по радио, все равно не могло быть принято им в силу технических причин?

— Но если это было технически невозможно...— начал я.

— Расстояние более чем на две тысячи миль превышало радиус передатчика. Конечно, надо учитывать вероятность шального приема... Сейчас в Канаде опрашивают всех радиолюбителей. Кроме того, я потребовал, чтобы Леддер написал подробный рапорт. Если двадцать девятого сентября была отправлена радиограмма, то мы найдем оператора, принявшего ее, в этом можете не сомневаться.

Инспектор согласно кивнул.

— Если вы не против, я на время оставлю эти тетради у себя,— сказал он.— Пусть их изучат наши эксперты.

— Не возражаю,— ответил я и вновь посмотрел на карту Лабрадора, ища ответ на терзавший меня вопрос: что же все-таки заставило отца вскочить на ноги? Он встал, чтобы взглянуть на карту, но зачем это было ему нужно? Что занимало его мысли?

После похорон, утром того дня, когда я уезжал в Бристоль, почтальон принес заказную бандероль на мое имя. В пакете были радиожурналы и письмо с выражением благодарности. В том же письме мне сообщили, что подтверждения радиограммы получить не удалось и канадские власти сочли нецелесообразным возобновлять поиск.

Так-то вот! «Эксперты» — скорее всего психиатры — просмотрели журналы и заключили, что отец сошел с ума. Я разорвал письмо пополам и сунул клочки в чемодан вместе с тетрадками. Мне не хотелось, чтобы мама случайно нашла эти обрывки.

Она пошла провожать меня на вокзал. Перед самым отходом поезда мать вдруг вцепилась в мою руку.

— Ян, забудь об этой истории с Лабрадором, хорошо? Я не переживу, если ты...

Запел свисток, и она поцеловала меня, крепко прижав к груди. В последний раз она обнимала меня так еще в детстве. Лицо мамы было бледным и усталым, она плакала.

Я не захватил с собой ничего почитать и какое-то время просто сидел, глядя на задворки Лондона. Но вот город мало-помалу остался позади, за фабричными корпусами показалась зелень полей. Я подумал о матери, о том, как она вдруг снова упомянула Лабрадор. Не радиограмму, не двух человек, чья жизнь стояла на карте, а сам Лабрадор. Именно полуостров Лабрадор занимал ее мысли, занимал сам по себе, и это показалось мне странным. Я достал журналы и снова просмотрел их, выделив более пятидесяти упоминаний о Брифе. На их основе я попытался представить себе, что случилось.

Первая точка, которой экспедиция достигла 10 августа, была отмечена знаком A1 и снабжена подписью: «Где это?» Спустя трое суток отец упомянул район реки Муази, а 15 августа записал: «Переместились в A3». Потом — значки B1, B2, B3. Это были кодовые наименования исследуемых районов. О целях экспедиции не упоминалось, неизвестно, искала ли она золото, уран или просто железную руду. Но это было не общее обследование: Бриф работал на компанию по разработке недр, кодировал обозначения и рапорты. То, что впоследствии он отказался от шифра, свидетельствовало об отрицательных результатах поисков. Так, например, B3 вскоре стало рекой Моуни. Тут отец написал: «Вероятное направление — на Винокапау!» К 9 сентября экспедиция достигла точки C1, какого-то озера Разочарований. Перевернув две страницы, я впервые натолкнулся на фамилию Ларош. Она была выведена печатными буквами, жирно подчеркнута и снабжена громадным вопросительным знаком с пометой: «Спросить Леддера».

Одним словом, мне стало ясно, что отец принимал сообщения Леддера, адресованные в Монреаль, в компанию Макговерна. Сообщения эти представляли собой зашифрованные доклады Брифа, которые он отправлял из какого-то района Лабрадора. Отец следил за передающей частотой Брифа, что подтверждалось записями. 12 сентября Бриф запросил самолет, чтобы перелететь в точку C2, 13 сентября отец сделал запись: «Самолет задерживается из-за погоды. Бриф просит два рейса, как обычно. Троих перевезут в первую очередь, его и Бэйрда — во вторую. Если C2 севернее C1, это значит, что они подбираются совсем близко».

Видимо, первый рейс прошел трудно, потому что отец записал: «Самолет не вернулся. Тревога. Держать постоянную связь на волне 75 метров». И час спустя: «Туман рассеялся, но самолета все нет». В 22.15 — «Экспедиция идет к C2, самолет вернулся. Доклад Брифа... мерзкая погода...» Последние строки совсем было не разобрать, зато комментарий отца был написан четко и ясно: «Чертовское невезение! В нем ли причина? Всего час до темноты. Что влечет этого дурака?»

Последующие записи не содержали ничего, кроме времени выходов в эфир. Записи соответствовали английскому летнему времени, отличавшемуся от времени в Гус-Бей на четыре часа. Именно на этой странице отец написал: «C2, C2. Где это, черт возьми?» Потом — строка из песни, а дальше — ряд странных названий: Моуни, Винокапау, Атиконак...

Я взял последний журнал, тот, который мать пыталась спрятать от меня. В ту ночь отец, похоже, не спал, потому что первая запись была сделана в восемь утра: «Леддер не смог связаться». Через час: «Связи нет». К полудню промелькнула запись: «Налажен поиск». Потом упоминания о плохой погоде и фраза: «База спасения с воздуха, Пор-Картье».

Я еще раз проверил те записи, возле которых ранее поставил галочки. На второй странице стояло: «Леддер вызывает Ларошa», чуть погодя фамилия Ларош повторялась прописными буквами и сопровождалась фразой: «Нет, не может быть. Я схожу с ума». Имен тех троих, что перелетели в C2 первым рейсом, нигде не было, только строка из программы новостей: «Три человека эвакуированы из C2, все целы и невредимы».

Далее: «26 сентября, 13.00 — конец. 17.44. — связался с Леддером, Бриф и Бэйрд мертвы, Ларош жив-здоров. Ларош? Невозможно!»

На работу я прибыл в расстроенных чувствах и не стал отмечаться в конторе, завернув вместо этого в бар аэропорта. Увидев Фарроу, который беседовал с компанией пилотов грузовых самолетов, я вновь подумал, что мне, возможно, еще удастся убедить власти что-то предпринять. Фарроу был тем самым канадским летчиком, который рассказал мне о поисках пропавших геологов. Кроме того, я знал, что он возит грузы через Атлантику и наверняка рано или поздно совершит посадку в Гус-Бей.

Подойдя к группе пилотов, я отозвал канадца в сторону и снова спросил его об экспедиции.

— Розыски отменили неделю назад,— сказал Фарроу.— Бриф и Бэйрд погибли, летчик выбрался один.

— Да, знаю.— Я заказал для пилота фруктовый сок: ему предстоял полет на следующее утро.

— Так что же тебя гложет?

— Ты когда-нибудь садишься в Гус-Бей?

— Разумеется.

— Знаешь радиста по имени Леддер? Из МТ.

— МТ — значит министерство транспорта.

— Ты не мог бы поговорить с ним, когда приземлишься в Гус-Бей? Хотя бы по телефону.

— А о чем?

— Видишь ли... Этот Леддер держал связь с английской станцией G2STO и одновременно с Брифом и фирмой, на которую работали геологи. Власти запросили у него полный доклад обо всем этом деле, а я хочу иметь копию.

— А ты напиши этому Леддеру,— посоветовал Фарроу.— Или же расскажи мне все без утайки. Зачем темнишь? Почему тебя так интересует этот доклад?

— G2STO — это мой отец,— поколебавшись, признался я и рассказал ему обо всем: о телеграмме от матери, о своих открытиях, о реакции властей. Фарроу даже не пытался скрыть недоверия.

— Как он мог получить сигнал от Брифа, когда тот был мертв уже несколько дней? — спросил он меня.

— Так говорят,— ответил я.— Но чем тогда объяснить вот это?

Я подал ему листок со своими записями, сделанными в поезде. Фарроу внимательно изучил его.

— Все это было в отцовских радиожурналах,— объяснил я.— Ну, похоже это на каракули сумасшедшего?

Канадец нахмурился.

— Журналы у тебя?

— Да...

И тут посыпались вопросы. Выдоив из меня все, что я знал, Фарроу спросил:

— Значит, ты хочешь, чтобы я уточнил все это, поговорив с Леддером? — Он принялся перечитывать листок. Молчание так затянулось, что я уже совсем пал духом, когда пилот вдруг сказал: — Знаешь что, потолкуй с ним сам. Лети в Гус-Бей.

— Что? Лететь? Самому?

Он усмехнулся.

— Лететь. Другим транспортом туда не попадешь. Слушай, если ты уверен, что твой отец был совершенно здоров, тогда эти записи, выходит, соответствуют действительности. Значит, ты должен лететь. Жив Бриф или нет — это другой вопрос. Есть такая штука, как сыновний долг. Если к Леддеру явлюсь я, он ответит на мои вопросы, но тем дело и кончится. Нет, лететь должен ты.

— А деньги? — только и смог сказать я.

— Они тебе не понадобятся. Я вылетаю завтра утром, в половине пятого вечера по канадскому времени будем в Гус-Бей. Там я дам тебе два часа. С борта радируем, чтобы Леддер ждал на аэродроме. Идет?

Он говорил совершенно серьезно, а я никак не мог в это поверить.

— Но...— Все это было так неожиданно, да и Канада казалась мне чем-то вроде другой планеты. Я ведь покидал Англию только однажды, когда ездил туристом в Бельгию.— А как насчет правил? Лишний вес на борту и прочее...

Я вдруг понял, что отчаянно ищу предлог для отказа.

— У тебя есть британский паспорт?

Паспорт у меня был, остался еще со времен поездки в Брюгге и Гент.

— Ну и прекрасно. А о правилах не беспокойся: у меня все таможенники друзья и тут и в Гус-Бей.

— Я должен подумать...

Фарроу схватил меня за руку.

— Слушай, парень, ты веришь своему отцу или нет?

Тон Фарроу не на шутку задел меня.

— Он умер из-за этой радиограммы!

— Ну вот видишь. К тому же, если Бриф выходил в эфир двадцать девятого сентября, значит, произошла либо какая-то ужасная ошибка, либо...— Тут канадец помрачнел.— Либо нечто еще хуже. Такое, о чем мне и думать противно. Предупреждаю: убедить власти в том, что Ларош ошибся, будет нелегко. Если это действительно непреднамеренная ошибка, а не... Словом, решай!

У меня не хватило духу отпираться дальше...

— Вот и Гус-Бей! — Фарроу кричал мне в ухо, показывал пальцем, но я сидел затаив дыхание и ничего не видел.— Премилое местечко! Заблудиться тут — пара пустяков: ничего, кроме озер, и одно от другого не отличишь. «Земля, которую бог подарил Каину» — так назвал эту страну Жак Картье, когда открыл ее!

Мы заходили на посадку. Воды залива, казалось, вздымаются навстречу самолету. Бортинженер хлопнул меня по плечу.

— Я найду тебе комнату в гостинице для летного состава,— сказал Фарроу, когда я собрал свои вещи.— Там и перекусишь. Сейчас двадцать две минуты шестого.

Он двинулся к открытой двери, и я услышал с той стороны чей-то голос:

— Капитан Фарроу? Я — Саймон Леддер. Мне велели встретить ваш самолет.

Голос звучал тихо, растерянно и чуть враждебно. Я подскочил к двери и очутился лицом к лицу с Леддером. Он стоял, засунув руки в карманы, вид у него был усталый и недовольный.

— Так это вы хотели повидать меня? — спросил Леддер вялым, бесцветным голосом.— Зачем?

Я немного растерялся.

— Вы помните фамилию Фергюсон? Джеймс Финлей Фергюсон? Этот человек умер, но...

— Вы говорите об экспедиции девятисотого года? — В его глазах, смотревших на меня из-за толстых линз в роговой оправе, вдруг блеснул огонек интереса.

Интуиция должна была подсказать мне, что именно сейчас наводится тот мостик, который заполнит пробел в моих знаниях о прошлом, но я был слишком занят мыслями о Брифе и отцовских записях.

— Нет,— сказал я.— Станция G2STO. Вы вступали с ней в связь. Три раза.

Огонек интереса померк.

— Шесть, если уж быть точным.

— Нам надо поговорить. Есть один-два вопроса...

— Вопросы? — Это слово, казалось, вывело его из равновесия.— Меня уже несколько дней беспрерывно мучают вопросами об этом радиохулигане! G2STO! Я убил день на подготовку доклада о нем, у начальника станции есть копия, к которой мне нечего добавить. Нечего! Хотите посмотреть?

Я кивнул, и мы зашагали по летному полю.

— Так вам известно о Брифе? — спросил он вдруг.— Радиограммы не было, он не мог ее послать.

— Откуда вы знаете?

— Откуда? Да оттуда! Он помер.

— Вам это точно известно?

Леддер стал как вкопанный.

— Что вы хотите этим сказать?

— О его смерти сообщили, и только.

— Куда это вы клоните?

— Вы слушали Брифа в два часа двадцать девятого?

— Мне было велено ждать его передачи в девять вечера.

— Правильно,— кивнул я, вспомнив о разнице в четыре часа.— А в другое время вы не слушали?

— Чего ради? Поиски отменили тремя днями раньше, и у меня не было никаких причин считать...

— Значит, полной уверенности у вас быть не может.

— Бриф и Билл Бэйрд были мертвы,— сердито сказал Леддер.— Если бы существовала хоть малейшая вероятность такой радиограммы, я вел бы беспрерывное дежурство. Но этой вероятности не было вовсе: Бриф умер двадцатого числа.

— Это известно лишь со слов пилота.

— Ларош — парень надежный.— Во взгляде радиста вдруг мелькнуло подозрение.— Вы не из полиции и не из BBC. Кто вы такой?

— Меня зовут Ян Фергюсон. Тот радиохулиган, о котором вы говорили,— мой отец, и у меня есть основания считать, что он принял какую-то радиограмму. Он держал с вами связь. Вам показалось, что он не в своем уме?

— Он задавал странные вопросы и всегда передавал ключом.

— Разумеется, иначе он не мог. А что за вопросы он задавал?

— Если хотите, пойдемте ко мне. У меня есть полный отчет обо всем, что я был в состоянии припомнить.

— Хорошо,— согласился я, и мы пошли в контору, где таможенники быстро проверили мой паспорт и перетряхнули чемодан.

Потом вся компания, включая Фарроу и пилотов, уселась в кузов грузовика, и мы поехали по тряской грунтовой дороге, тянувшейся вдоль залива. Аэродром, заслоненный стеной дождя, исчез из виду. На волнах залива покачивались теплоход и пароход, у самого берега стояли на якорях гидросамолеты, маленькие, едва различимые в тусклом свете. Там и сям над голой землей маячили желтые пятна свежих деревянных срубов, валялись выкорчеванные стволы. Поселок казался похожим на пограничный форт.

Гостиница размещалась в приземистом аляповатом здании, состоявшем из нескольких соединенных брусьями хижин, расположенных в форме звезды. На той стороне бухты виднелись далекие темно-синие холмы.

Внезапно похолодало. Мы с Леддером выбрались из машины, и он показал мне свой дом.

— Поужинайте и приходите.

Я кончил есть в половине восьмого и вышел на улицу, под колючий ветер. Было темно, и звезды в небе казались похожими на льдинки, в вышине горело бледное северное сияние.

Светлые окна в доме Леддера были затянуты оранжевыми шторами. Я постучал в дверь. Открыл мне сам хозяин, рядом с ним стояла маленькая девчушка, в комнате болтали две женщины. Леддер представил меня, и я испытал чувство неловкости, поскольку надеялся поговорить с ним наедине. Комната была слишком жарко натоплена и полна модной мебели в ярких чехлах.

Леддер повел меня в каморку под лестницей.

— Извините за беспорядок,— сказал он.— Я тут как раз ставлю новую аппаратуру. Вот, возьмите.

Я взял лист бумаги, на котором было написано: «Данные о британской радиостанции G2STO».

— Я писал это, зная, что Бриф мертв,— с извиняющейся улыбкой пояснил Леддер.— Кроме того, мне было неизвестно имя вашего отца. Знай я его, все имело бы другой смысл.

Я посмотрел на листок, гадая, при чем тут фамилия отца.

— Он следил за частотой Брифа.

— И не только он,— ответил Леддер.— Но это ничего не значит.

— Как тогда объяснить сеанс связи двадцать шестого сентября, когда отец запросил аварийную частоту Брифа? Разве это не доказывает, что он следил за экспедицией?

— У Брифа был передатчик ограниченного радиуса.

— Но отец все равно следил. Вы это знали, а в отчете написали, что G2STO не могла принять сигнал. Почему?

— Слишком много потребовалось бы совпадений. Во-первых, Бриф был мертв, во-вторых, речь можно вести только о шальном приеме. В-третьих, с чего бы вдруг вашему отцу дежурить у аппаратуры именно в этот час?

— А почему бы и нет? Совпадений много, это верно, но они вполне могли иметь место.

— Господи! — раздраженно воскликнул Леддер.— Самолет потерпел аварию четырнадцатого вечером. Мы держали постоянный прием до двадцать шестого, когда бросили поиски. И не только мы, но и станции BBC и правительства. И вот спустя трое суток после того, как мы прекратили слежение, G2STO заявляет о связи! Даже если Бриф был в эфире, вашему отцу пришлось бы сидеть у приемника трое суток. Невероятно!

— Он был парализован,— пояснил я.— Ему больше нечего было делать.

— Извините... Нам ничего о нем не сообщили.

— Значит, вы не знаете, что он умер тут же после приема радиограммы?

— Нет. Теперь я понимаю, почему вы здесь.

— Радиограмма убила его.

— А я-то считал его сумасшедшим. Видимо, из-за вопросов, которые он мне задавал. Если бы я знал его имя, то понял бы, куда он клонит.

Я снова заглянул в листок. Отец спрашивал Леддера, упоминал ли Бриф в своих передачах какое-то Львиное озеро, просил разузнать о нем у Лароша и передать ему потом, как реагировал пилот на этот вопрос.

— Он объяснил свою просьбу? — спросил я.

— Нет. И вообще вопросы эти чертовски странные, я вам уже говорил. По крайней мере, некоторые из них.

15 сентября отец поинтересовался, почему Бриф так спешил добраться до квадрата С2 и где находится этот квадрат. 23 сентября он спросил, кто такой Ларош и помнят ли канадские геологи экспедицию 1900 года в район озера Атиконак. Леддер ответил, что экспедицию до сих пор вспоминают.

Я сложил лист и спросил:

— Квадрат С2 находится в районе Атиконака?

— Конечно,— Леддер кивнул.— Первая партия высадилась прямо на берегу. Почему он так интересовался Атиконаком и Львиным озером?

— Не знаю,— пробормотал я.— Мать, наверное, в курсе.

— Но все эти вопросы имеют для вас какой-то смысл, не правда ли?

— Это долгая история,— только и смог сказать я.

— Эх, что ж я не догадался посмотреть по справочнику его имя! — воскликнул Леддер.— Мне и в голову не пришло...

— Что не пришло? — Я был вконец сбит с толку.

— Что его имя имеет такое большое значение. Знай я, что это Джеймс Финлей Фергюсон... Они были родственниками, да?

— Кто?

— Ваш отец и тот Фергюсон, которого убили в районе Атиконака в девятисотом году?

Я вытаращил глаза. Так вот, значит, в чем дело! Экспедиция девятисотого года...

— Там что, был какой-то Фергюсон? — спросил я.

— Ну разумеется. Джеймс Финлей Фергюсон.— Леддер смотрел на меня так, будто теперь я производил впечатление душевнобольного.— Вы ничего об этом не знали?

Я покачал головой. В мозгу моем промелькнули обрывки детских воспоминаний: страхи матери, постоянное увлечение отца Лабрадором. Так вот она, причина?

— Отец никогда ничего не говорил,— обескураженно ответил я.

— Почему так? Что за родство между ними, как вы думаете?

— Наверное, отец и сын.

— Выходит, тот Фергюсон — ваш дед?

Я кивнул. По всей видимости, это бабка нарекла отца Джеймсом Финлеем. Он родился как раз в 1900 году.

Я рассказал Леддеру о секстанте и других реликвиях, о своей бабке, которая явилась однажды ночью ко мне в спальню.

— Наверное, она приходила, чтобы поведать мне всю эту историю,— закончил я.

Теперь все становилось на свои места.

— Вы можете подробно рассказать мне о той экспедиции? — спросил я.— Что стряслось с Фергюсоном?

— Я почти ничего не знаю. Так, самую малость со слов Тима Бэйрда. В тайгу ушли двое белых, без индейцев. Один был геологоразведчиком, второй — следопытом. Кончился этот поход трагически: следопыт едва выкарабкался, геолог погиб. Звали его Фергюсон.

— И он искал золото?

— Не знаю, этого мне не говорили. Странно, что отец никогда не рассказывал вам,— добавил Леддер, и я понял, что он все еще сомневается.

— Он утратил дар речи...

— Но ведь можно было и написать.

— А что это за Тим Бэйрд? Родственник погибшего Билла Бэйрда? Что еще он вам рассказывал? Назвал он имя второго участника похода? Сказал, куда и зачем они направлялись?

— Нет. Но почему ваш отец молчал?

— Из-за мамы. Наверное, обещал не впутывать меня. Судя по всему, она ненавидела Лабрадор,— добавил я, вспомнив сцену на перроне.

И вот я здесь, на Лабрадоре...

— Вы спрашивали Лароша о Львином озере?

— Нет, не было случая. Ваш отец вел журнал?

— Конечно,— я подал ему свой листок.— Вот его записи, касающиеся Брифа.

— Странно,— пробормотал Леддер.— Некоторые заметки кажутся вполне осмысленными, другие — белибердой. Вот, например, эта: «Ларош? Нет, невероятно. Я схожу с ума». Что он имел в виду?

Я покачал головой.

— Или вот эта, от двадцать шестого сентября, когда Ларош добрался до людей: «Ларош? Невозможно». Покажите-ка сами журналы.

Я протянул ему стопку тетрадей. Увидев рисунки и каракули, Леддер улыбнулся.

— Совсем как в моих блокнотах,— сказал он, и в этот миг я начал испытывать симпатию к нему.

— Что за человек этот Ларош? — спросил я, вспомнив о сомнениях, охвативших Фарроу и заставивших меня посмотреть на радиограмму с другой точки зрения.

— Ларош? Понятия не имею. Французский канадец, но вроде неплохой парень. Высокий, волосы с проседью. Да я и видел-то его всего один раз. Я дружил с Тимом Бэйрдом, братом погибшего Билла.

Леддер умолк и заглянул в журнал. Тот был открыт на странице с записью: «Ищите узкое озеро со скалой в форме...»

— В форме чего? — задумчиво пробормотал радист. Я не ответил.

— Рисунки львов,— продолжал он.— Интересно, знает ли Ларош о Львином озере? Может быть, запись кончалась словами «со скалой в форме льва»? Вот изображение львиного туловища, словно изваянного из камня, а здесь еще одно. Вы говорили что-то о карте Лабрадора над столом вашего отца. На ней было отмечено Львиное озеро?

— Да, отец наметил его карандашом между Атиконаком и Жозефом.

— Квадрат С2 в том же районе. Черт возьми! Мы ничего не потеряем, если сообщим об этом властям. Куда полетит отсюда ваш самолет?

— В Монреаль.

— Отлично. Правление компании как раз там. Ну и чертовщина. А впрочем, как знать? Тут, на севере, все возможно.

Он потянулся к передатчику, взялся за ключ, нацепил наушники, и секунду спустя я услышал сигналы Морзе. Я устало закурил. Кажется, мне удалось чего-то добиться: человек, который поначалу отнесся ко мне настороженно, теперь подключился к делу.

— Ну вот, пожалуй, и все,— сказал Леддер, выключив передатчик и стянув с головы наушники.— Прочтите, что я им радировал.

«Возможно, что заявление G2STO о приеме радиограммы от Брифа заслуживает внимания,— прочел я.— Настоятельно рекомендую повидаться с сыном Фергюсона».

— Не знаю, как вас и благодарить...— начал я. Леддер, казалось, смутился. Я спросил его: — Передатчик был в самолете, когда произошла авария?

— Да, но самолет затонул, и им не удалось ничего спасти. Ларош выбрался из тайги с пустыми руками, на нем была только одежда. Во всяком случае, так мне сказали. Я радировал, чтобы вас встретили в аэропорту Дорваль, и сообщил номер рейса. Не думаю, что ответ придет сегодня. Должно быть, завтра утром.

Я кивнул. Он сделал все, что мог.

Жена Леддера позвала нас к столу, и за чашкой кофе хозяин впервые подробно рассказал мне все, что знал об исчезновении Брифа. Они были знакомы, да и о Билле Бэйрде Леддер много слышал от его брата Тима.

12 сентября Бриф запросил самолет для доставки экспедиции из квадрата С1, с берега озера Разочарований, в С2, на берег озера Атиконак. Троих — Сэйгона, Хэтча и Блэнчарда,— как обычно, вывезли первым рейсом, чтобы те разбили новый лагерь. Брифу и Бэйрду предстояло лететь во вторую очередь и везти с собой передатчик, каноэ и остальные пожитки. То же самое повторилось и 14 сентября, но погода помешала отлету, о чем Бриф немедленно радировал в Монреаль. Потом он сообщил, что туман рассеялся и первая часть экспедиции улетела. В 15.00 начальник геологов дал знать, что самолет не вернулся из-за вновь сгустившегося тумана.

— Тут я заволновался,— добавил Леддер.— С Атлантики надвигался циклон, и я попросил Брифа выходить на связь каждый час. В 16.00 туман наконец рассеялся, но самолета все не было, и прилетел он только час спустя. Ларошу пришлось садиться на озеро в десяти милях от С1 и пережидать туман. Я не советовал Брифу лететь в тот же день: погода ожидалась мерзкая. Все рейсы через Атлантику отменили, самолеты садились в Кеблавике, в Исландии. Над Лабрадорским плато дождь переходил в снег, скорость восточного ветра повысилась до двадцати узлов, и ожидалось ее увеличение еще вдвое на следующее утро.

— И все же Бриф решил лететь? — спросил я.

— Да. У озера Разочарований плохое дно, и самолет наверняка сорвался бы с якоря. В конце концов Бриф рискнул.

Я вспомнил эту запись отца, в которой он обозвал Брифа дураком, и задался вопросом, что гонит его дальше.

— Но ведь последнее слово в таких случаях принадлежит пилоту...

— Верно. Только Ларош никогда не боялся риска. Он решил, что перелет в С2 — меньшее из двух зол. В 22.00 Бриф не вышел на связь, молчал он и всю ночь, а утром были страшные помехи. Погода испортилась, и только через двое суток один из самолетов поднялся с базы, чтобы облететь квадрат С2. Он и сообщил об исчезновении экспедиции. Немедленно объявили поиск. Использовали самолеты ВВС и гидросамолеты с базы в Пор-Картье, где главная контора строителей железной дороги.

Вскоре я откланялся. Проводив меня до двери, Леддер обещал сообщить, когда придет ответ из правления компании, и я вышел в ночь. Звезды исчезли, валил снег. Стояла такая тишина, что я, казалось, слышал, как падают снежинки. Фонаря у меня не было, поэтому я с трудом отыскал дорогу в гостиницу.

Погода задержала отлет, и грузовик прибыл за нами в девять утра. До половины десятого мы проторчали на аэродроме. Снегопад прекратился, воздух был холодный и жесткий, линия холмов на том берегу гавани резко выделялась на фоне мерзлого серого неба. В воздухе пахло зимой, все вокруг было черным и серым, никаких других цветов. Угрюмый пейзаж угнетал меня.

От Леддера не было никаких известий. Мы взлетели в двадцать минут одиннадцатого и почти сразу же вошли в слой рваных облаков. В просветах виднелась земля, которую бог подарил Каину. Она казалась совсем близкой, хотя мы летели на высоте шести тысяч футов, и была покрыта какими-то бороздами, как песок во время отлива. Эти черные борозды то и дело перемежались выходящими на поверхность скалами, отшлифованными глетчерами ледникового периода. Там и сям поблескивали озера, обросшие по краям ледяной коркой и плоские, как стальные листы. Более унылой местности я еще никогда не видывал. Казалось, земле этой нет ни конца, ни края.

Спустя час в грузовом отсеке появился Фарроу.

— Пришло сообщение из Гус-Бей,— сказал он.— Макговерн, президент компании, ждет тебя в поселении Сет-Иль. Что делать?

— А ты сможешь там сесть?

— Сет-Иль уже не деревушка индейцев-рыболовов, а целый город. Там есть взлетно-посадочная полоса. Правление компании доставляет грузы почти исключительно по воздуху. Даже цемент для строителей и бульдозеры для рудников. Только я не смогу ждать тебя там. Теперь ты будешь один, сам по-себе. Решай! Выше президента компании тебе все равно не прыгнуть.

— Ладно,— сказал я.— Ты уверен, что посадка не нарушит твоих планов?

— Ерунда. Глядишь, еще и благодарность объявят, если удастся хоть кого-то спасти. На случай, если захочешь лететь домой, знай: до завтрашнего утра мы в Монреале.

Вскоре самолет приземлился в небольшом городке на берегу залива Святого Лаврентия. Фарроу хлопнул меня по плечу.

— Удачи, парень!

Перевел с английского А. ШАРОВ

Продолжение следует

ХЭММОНД ИННЕС,
английский писатель

ЛЬВИНОЕ ОЗЕРО

Роман

В диспетчерской конторе никого обо мне не предупредили. Я попытался разузнать о Макговерне, но о нем тут никто никогда не слыхал.

— Вы геолог? — спросил меня диспетчер.

— Нет, инженер, но это не имеет никакого значения...

— Тогда вам лучше обратиться вот к этому парню.— Он кивнул на грузовик у крыльца и снова уткнулся в бумаги. Поняв, что здесь толку не добиться, я вышел на улицу и забрался в кабину.

— Вам куда? — спросил шофер, выезжая на проселок.

— В контору Лабрадорской железной дороги, наверное.

— Вы из Старого Света?

Я кивнул и принялся разглядывать штабеля рельсов и шпал, огромные, как ангары, здания складов и новенькие мощные локомотивы на дизельном ходу. Вскоре машина затормозила возле группы бревенчатых домиков, и я увидел буквы ЛЖД на одном из них.

— Приехали,— объявил водитель.

В конторе дежурный по моей просьбе позвонил в железорудную компанию, и я узнал, что мистер Макговерн действительно приехал сегодня утром и ждет меня, но сейчас он занят.

— Скоро приедет Билл Лэндс, он заправляет всеми геологическими партиями на Лабрадоре. А моя фамилия Стаффен,— представился дежурный.— Алекс Стаффен. Билл говорит, вы прибыли в связи с той экспедицией, что разбилась на самолете.

Я кивнул.

— Жаль ребят. Бриф был парень что надо. Вы с ним встречались?

— Нет,— ответил я.

— Хорошо, хоть один выбрался.

Я понял, что он имеет в виду Лароша, и спросил, где тот может быть сейчас.

— Как где? Здесь, конечно. Вместе с Паолой Бриф.

Тут распахнулась дверь, и в дом во-

Продолжение. Начало в № 9.

шел крупный загорелый мужчина в вымазанных грязью сапогах.

— А вот и Билл,— сказал Стаффен, и мою ладонь стиснула крепкая рука. Билл Лэндс оценивающе оглядел меня мягкими голубыми глазами.

— Так,— коротко бросил он.— Пошли в мой кабинет. Мистер Макговерн вот-вот освободится. Я уже послал за Бертом Ларошем.

— Зачем? — спросил я, когда мы вышли на улицу.

— Как зачем? Если уж называете человека лжецом, то делайте это в глаза.— Он ввел меня в соседний домик.— Вы знакомы с Макговерном?

— Нет, я только что из Англии.

— Тогда должен вас предупредить, президент компании человек суровый. А про Лароша так скажу: мы с ним облетели весь полуостров. Так что и его я тоже знаю. С самой лучшей стороны.

Я промолчал. Я приехал говорить с Макговерном, а не с Лэндсом.

— Кроме того, нельзя забывать о Паоле,— продолжал он,— дочери Брифа. Как, по-вашему, она будет чувствовать себя, когда узнает, зачем вы явились? Паола и Берт собирались пожениться. Вы подумали, что будет с ней, когда она все узнает? Отец был ее кумиром. Зачем вам понадобилось мутить воду и будить ложные надежды?

— А вдруг он жив?

— Берт утверждает обратное. Оставьте их в покое. Я читал материалы и знаю, что там написано про вашего отца. Но он мертв, и ему уже ничем не повредишь. А Берт и Паола живы...

Громко хлопнула дверь, и в комнату вошел Макговерн. Он был широк в кости и коренаст, лицо суровое, с крупными скулами и твердыми губами. Щеки его были обветрены и испещрены сетью морщин. Президент компании быстро оглядел меня серыми, похожими на кристаллы глазами.

Билл Лэндс двинулся к двери, но Макговерн остановил его:

— Побудь с нами, Билл. Послушай, что скажет этот юноша. Берт пришел?

— Будет с минуты на минуту.

— Хорошо. Итак, насколько я понял, у вас есть какие-то новые сведения. Доказательства того, что Бриф еще жив.

— Не совсем так. Ничего нового у меня нет. Просто мне удалось убедить Леддера, что мой отец действительно принял радиограмму.

— Слушайте, Фергюсон, вашему сообщению было уделено самое серьезное внимание. Мы не смогли найти ни единого радиооператора, принявшего сигнал. А когда из полиции поступило сообщение обо всех обстоятельствах дела...— Тут он пожал плечами, давая понять, что с моим отцом все ясно.

— Ларош пришел,— объявил от двери Лэндс.

— Пусть подождет,— отмахнулся Макговерн.— Вот что, Фергюсон, сейчас сюда войдет Ларош. Отныне он будет сам слушать все, что вы станете говорить. А посему подумайте хорошенько. И ознакомьтесь вот с этими бумагами.— Президент компании протянул мне пачку листов и вместе с Лэндсом вышел из комнаты.

Я принялся машинально проглядывать документы. Здесь было все — обзор записей отца, мое заявление для полиции, описание радиоаппаратуры, техническое обоснование невозможности приема радиотелефонограммы с такого расстояния, доклад Леддера и, наконец, отчет психиатров, гласивший, что в случае с отцом имел место факт явного помешательства.

Я швырнул бумаги на стол и снова достал свой листок с записями. Почему отца так интересовал именно Ларош и его реакция на вопросы о Львином озере? В документах, которые дал мне Макговерн, не было объяснительной записки пилота. Президент компании не станет мне помогать, это ясно. А сам Ларош? Он сумел убедить Паолу в смерти ее отца... Я не знал, что и думать. Может, Лэндс прав и я должен оставить все как есть?

Дверь за моей спиной открылась, и вошел Макговерн.

— Ну что, прочли?

— Да. Но я не нашел здесь заявления Лароша.

— Он сам расскажет вам, что случилось. Но, прежде чем пригласить его, давайте выясним, все ли факты отражены в документах.

— Мне показалось странным то, что написали психиатры,— сказал я.— Судя по их отчету, мой отец был просто наблюдателем, а между тем он имел ко всей этой истории самое тесное касательство.

— То есть?

— Психиатры не знали о прошлом отца и оттого не смогли увидеть смысл в вопросах, которые он задавал Леддеру, и в рисунках.

— Как так?

— Вы слышали об экспедиции девятисотого года?

— Да,— ответил Макговерн, и его тон внезапно показался мне настороженным.

— Так вот, судя по всему, начальником той экспедиции был мой дед.

— Ваш дед! — Это известие, казалось, повергло его в смятение.

— Теперь вы, возможно, поймете, почему отца так интересовал Лабрадор,— продолжал я.— Это объясняет все те вопросы, в которых психиатры не нашли смысла.

— Стало быть, Джеймс Финлей Фергюсон — ваш дед. Я это подозревал. И Берт тоже. Господи! Родня в третьем поколении. Но ведь все ограничивалось слухами, не более того. Ничего так и не доказали. Что вам известно о той экспедиции?

— Почти ничего.

— Вы знаете, кто был спутником вашего деда, куда они шли и что искали?

— Нет. И приехал я вовсе не из-за этого.

— Хорошо. Теперь я готов признать, что дело предстает в ином свете. Однако это вовсе не доказывает, что Бриф жив. Вы могли ничего не знать об экспедиции Фергюсона, но ваш отец знал все.

— Ну и при чем тут это?

— А при том. Теперь все ясно. Понятны его мотивы. Воистину, сойти с ума можно по-разному.

Я не понимал, куда он гнет, и честно признался в этом.

— Ладно,— махнул рукой Макговерн.— Все равно я не верю, что ваш отец принял радиограмму. И вообще лучше послушайте, что скажет Ларош.

Он встал и вышел из комнаты. Из-за двери донеслось возбужденное перешептывание. Потом она открылась снова, и на пороге появился Лэндс. Следом за ним вошел еще один человек, высокий и стройный, с лицом, подобного которому я никогда прежде не встречал. В комнату заглянуло солнце, луч упал на вошедшего, и я увидел высокие смуглые угловатые скулы, прищуренные глаза, привыкшие оглядывать горизонт, и высокий лоб, который пересекал длинный рубец. Шрам уже почти зажил, а выбритые вокруг него волосы начали отрастать черным пушком на белой коже черепа. Правая бровь тоже была сбрита, и от этого все лицо казалось странно перекошенным.

Макговерн предложил Ларошу сесть, и тот опустился на стул, метнув в мою сторону косой взгляд. У него были карие, глубоко ввалившиеся глаза. Вдруг он улыбнулся мне и вытащил из кармана трубку. Теперь он показался мне моложе, хотя волосы на его висках уже тронула седина.

— Ладно,— сказал Макговерн.— Давайте кончать с этим делом. Итак, вы все еще убеждены, что ваш отец мог принять какую-то радиограмму от Брифа?

Я кивнул.

— Почему?

— Мне бы хотелось выслушать Лароша,— сказал я вместо ответа.

— Разумеется. Но сначала скажите, что вселяет в вас такую уверенность? Вы жили вместе с отцом?

— Нет.

— Тогда почему вы так убеждены в его рассудке?

— Потому что я — его сын. Сын всегда знает, болен отец или здоров. Моему отцу было известно, что дело в Львином озере. И в Брифе...

— Что вы сказали? —вопрос Лароша прозвучал как хлопок, и в комнате вдруг наступила тишина.

— Ладно, оставим пока вашего отца,— быстро проговорил Макговерн.— Пришла пора послушать, что случилось в действительности. Давай, Берт, расскажи ему все как было.

Ларош немного помолчал, облизывая губы, потом сказал:

— Ну что ж... так, наверное, будет лучше.

«А он нервничает»,— подумалось мне.

— Ладно. Вечером четырнадцатого сентября мы взлетели. Примерно в половине седьмого, в страшной спешке. Начинался шторм, озеро Разочарова-

ний волновалось. До квадрата С2 было полчаса лету, но не успели мы покрыть и половины пути, как видимость резко ухудшилась. Кончилось тем, что мне пришлось буквально прыгать с озера на озеро. Только самые маленькие из них я мог видеть целиком, остальные же казались просто водными пространствами, почти неразличимыми из-за дождя и темноты. Летел я только по компасу, а место приземления искал, летая кругами над самыми кронами деревьев. Темнота и дождь лишили меня всяких ориентиров. Потом налетел снежный шквал. Я как раз был над каким-то озером. Выбирать не приходилось, пришлось идти на посадку. Самолет задел верхушки деревьев, ударился о поверхность воды и вдруг врезался в скалу. Мы налетели на нее правым крылом, самолет рвануло в сторону и еще раз швырнуло на камень, теперь уже бортом. Я ударился в стекло лбом и потерял сознание...

Когда он очнулся, самолет наполовину затонул. Ларош контузило. Он пополз назад, в фюзеляж, где обнаружил бесчувственного Бэйрда. Тот был изранен обломками самолета.

— Поль тоже был ранен,— продолжал Ларош, прикрыв глаза.— Я сделал все, что мог. На скале не было дров для костра. Через двое суток шторм утих, тогда я поймал в воде бревно и на нем отбуксировал обоих раненых к берегу. Там я разжег огонь, соорудил шалаш и принес кое-какие продукты с борта самолета. Еще через двое суток опять начался шторм с северо-восточным ветром, и наутро самолет ушел под воду. Ветром задуло костер, а развести новый я не смог: все спички промокли. К ночи умер Бэйрд. Еще сутки спустя — Бриф. Тогда я пошел на запад. Я знал, что рано или поздно выберусь к железной дороге. Полз пять суток и днем двадцать пятого числа дотащился до 203-й мили, где строители делали насыпь. Вот и все.

— Вы перенесли на берег радио? — спросил я.

— Нет, передатчик утонул вместе с самолетом.

— Погребли покойных?

— У меня не было сил. Но я пытался найти их потом, дважды летал с пилотом из Пор-Картье. Куда там! Здесь буквально тысячи озер.

— Тысячи. Но Львиное озеро одно,— сказал я и вновь почувствовал, как нарастает в комнате напряженность.— Вы знали, что это именно оно, не так ли? Эта скала в середине...

— Шел снег...— пробормотал Ларош.

— Когда вы разбились — да. Но потом... Разве вы больше не видели скалу? Она имела форму льва, не правда ли?

— Не знаю. Я не заметил.

— Но вы читали документы и помните содержание радиограммы, которую принял отец.

— Он просто фантазировал,— вмешался Макговерн.— Давайте допустим, что все правда и Бриф выходил в эфир, упоминая Львиное озеро. Вы знаете, где оно?

— К востоку от озера Атиконак.

— Черт возьми! Нам это известно. Место катастрофы мы определили с точностью до тридцати миль. Но озера не нашли. Как сказал Берт, там их тысячи.

— А Львиное одно,— упрямо повторил я. Ларош спрятал глаза и принялся набивать трубку.

— Вы не знаете, каково там, в тайге,— тихо сказал он вдруг.— Снег, туман, и столько надо было сделать...

— Так мы ни до чего не договоримся,— подал голос Макговерн.— Львиное озеро упоминается в книге Дюмэна и в газетных статьях, написанных... тем, кто выжил.— Тут он быстро взглянул на Лароша.— Так назывался их последний лагерь в девятисотом году. Ваш отец мог об этом читать. Там умер ваш дед. Вот почему...

— Да как вы не поймете! — взорвался я.— Мой отец был радиооператором...

— Очень жаль, но это беспредметный разговор.— Макговерн взглянул на часы и поднялся.— Мне пора. Спасибо, что приехали и поговорили с нами, однако поймите: ваш подход к делу слишком пристрастен.

— И вы не будете ничего предпринимать? — спросил я.

— А что я могу сделать? Призвать к возобновлению поиска? Для этого надо убедить власти,— президент компании покачал головой.

— Но ведь прежде вы искали вслепую! — воскликнул я.— А теперь у вас есть ориентир. Если б вы попытались найти озеро...— Я повернулся к Ларошу: — Ради бога, растолкуйте хоть вы ему! Или вы предпочитаете, чтобы этих людей никогда не нашли?

Рисунки Г. ФИЛИППОВСКОГО

Ларош вздрогнул и поднял на меня глаза.

— Берт дважды летал туда,— сказал Макговерн.— Хотя ему велели оставаться в больнице. И он не смог найти озеро. Я понимаю вашу досаду и разделяю ее. Получив сообщение Леддера, я начал было надеяться...— Он отвернулся и пожал плечами, давая понять, что разговор окончен.— Ваш самолет летит в Монреаль?

Я кивнул. Мне больше не хотелось спорить.

— Сегодня вечером туда вылетает одна из машин с нашего аэродрома. Билл, ты сможешь договориться, чтобы этого парня взяли на борт?

— Конечно,— ответил Лэндс. Макговерн повернулся к Ларошу.— Если ты на колесах, подбрось меня до города. Я опаздываю.— Он подхватил свой портфель.— Спасибо вам, Фергюсон. Дайте знать, если я вам понадоблюсь.

— Ну что? — проговорил Билл Лэндс, когда за Макговерном захлопнулась дверь.— Здесь, на Севере людей в беде не бросают. Не пойму, на что вы рассчитывали.

Он ушел и вернулся через десять минут.

— Самолет отправляется в половине девятого вечера.— Лэндс вывел меня на улицу, и мы зашагали по плоской гаревой площадке, похожей на русло высохшей реки. Вдалеке тоскливо завыл гудок локомотива.— Поезд с припасами,— пояснил он.— Пошел к Железной Голове. Я завтра тоже туда, слава богу.

Мы расстались. Я пошел за чемоданом, а Лэндс — за машиной. Встретиться договорились в конторе железной дороги. Я чувствовал себя одиноким и разбитым наголову. Если б мне только удалось убедить Билла Лэндса! Хотя бы его.

Забрав чемодан, я вышел на улицу и стал ждать. Близился час отъезда, и именно теперь я вдруг почувствовал, как меня манит эта незнакомая страна.

За моей спиной послышался скрип гравия под торопливыми шагами, и мгновение спустя мягкий, немного чудной из-за акцента голос спросил:

— Мистер Фергюсон?

Повернувшись, я увидел девушку с черными волосами, подстриженными на мальчишеский манер, и смуглым лицом. У нее были пухлые губы без какого-либо намека на косметику.

— Да,— ответил я.

— Меня зовут Паола Бриф.

Мне показалось, что я знал это с самого начала.

— Альберт говорит, ваш отец умер. Поэтому вы здесь.— Она говорила тихо, стараясь владеть своим голосом, который дрожал, выдавая ее состояние.— Я понимаю вас... понимаю... Но ведь ему теперь не поможешь! Прошу вас, возвращайтесь в Англию, оставьте нас в покое.

— Я приехал не из-за своего отца, а ради вашего.

— Вы оскорбляете людей, даже не замечая этого.

— Ваш отец...

— Он мертв, мертв!

— Но давайте хотя бы допустим, что мой отец был прав, что радиограмма...

— Боже! Вам наплевать на нас, на наши чувства. Вы не хотите признавать, что ваш отец спятил, вот и приехали мутить воду! О, простите, я не должна была так говорить! Но все это просто ужасно. Я не за себя волнуюсь. Папа мертв, и тут ничего не сделаешь. Но Альберт... он сойдет с ума. Я только что разговаривала с ним... Вы говорили страшные вещи!

— Но вдруг он действительно ошибся?

— Вы ничего не поняли. Отец умер на руках Альберта. И вот являетесь вы, чтобы обвинить его во лжи! А сами-то вы знаете правду?

— Правду? — Я не представлял, что ей ответить.— Нет, я знаю лишь то, что записал мой отец. Он был убежден, что мистер Бриф выходил в эфир из точки, которая носит название Львиное озеро.

— Что?! Откуда вы знаете про Львиное озеро?

— Из радиограммы.

— Но там говорилось лишь об узком озере со скалой! — Ее голос слегка дрожал.

— Однако в рапортах Леддера упоминалось именно Львиное озеро.

Я рассказал ей о карте в комнате отца, об экспедиции Фергюсона и радиожурналах. Она слушала меня с широко раскрытыми глазами и бледным от потрясения лицом.

— Львиное озеро,— повторила она, когда я умолк.— Отец часто рассказывал о нем на ночевках у костров. Он знал эту историю и все время мечтал найти его. И искал... Имя Фергюсона никогда не сходило с его уст. Господи, спаси и помилуй! По крайней мере, вы честный человек. Простите, я должна о многом подумать...

Она повернулась и побрела прочь. Я устремил взор к северу, чувствуя, как мое лицо овевает студеный ветер Лабрадорского плато.

Так и застал меня Билл Лэндс, когда подъехал на своем замызганном фургоне.

— Садитесь,— велел он.

— Я не поеду.

— Что это значит?

— Я остаюсь здесь. До тех пор, пока не узнаю правду.

— Правду? — Он нахмурился.— Вы знаете ее от Лароша... Поехали, говорят вам! — Лэндс схватил меня за руку и потянул в машину. Упираться было бессмысленно: силой его бог не обидел.

— Вот что,— сказал я,— вы можете довезти меня до аэродрома, но не в вашей власти заставить меня сесть на самолет.

— Не понимаю,— мрачно произнес он.— Черт возьми, почему вы не можете поверить рассказу Берта и оставить все как есть?

Я промолчал.

— Сколько у вас денег в канадской валюте?

— Нисколько.

— Так я и думал.— Он улыбнулся.— Ну и как вы собираетесь жить?

— У Стаффена не хватает инженеров. А я инженер.

— Алекс не даст вам работу, когда узнает цель вашего приезда.

Мы подкатили к аэродрому, и Лэндс затормозил возле диспетчерской.

— Улетайте. Можете не соглашаться со мной, но улетайте. И не вздумайте хитрить,— с угрозой добавил он.— Если я застану вас здесь сегодня вечером, до полусмерти изобью. Я серьезно.

Небо у горизонта побагровело. Неподалеку от нас виднелся черный силуэт «дакоты». Ее загружали с помощью подъемника. Рядом стояла группа людей. Они собрались лететь на трассу, и мне вдруг захотелось туда же.

— Вон ваш самолет, он уходит в половине девятого.— Лэндс махнул рукой в сторону маленького двухмоторного самолетика, стоявшего позади нас. Я устало выбрался из машины.

— Одолжите мне немного денег.

— Сколько?

— Чтобы протянуть до завтрашнего полудня.

— Двадцатки хватит? — Он сунул мне четыре пятерки.

— Я вышлю вам фунты стерлингов, как только прилечу домой.

— Забудьте об этом.— Лэндс потрепал меня по руке.— Честно сказать, я бы больше заплатил, чтобы вас спровадить.

Мы простились, и он забрался в свой фургон.

— Ваш рейс через час,— объявил диспетчер.— Я вас позову.

— Спасибо.

Я выскользнул из конторы и заглянул в ангар. Он был забит всякой всячиной, на улице горели дуговые лампы, и в их свете я видел «дакоту». В ее брюхо загружали последние припасы, под левым мотором уже приладили пускач, а группа людей сгрудилась возле самого люка. Я не успел понять, что происходит, а ноги уже несли меня по твердому грунту взлетной полосы. Мгновение спустя я смешался с толпой строителей.

— Куда летишь, парень? — спросил один из них — толстый коротышка в меховой ушанке с козырьком.

— На 224-ю милю,— поколебавшись, ответил я. Днем в конторе я подслушал, что туда должны направить инженера взамен вышедшего из строя работника.

— Смотри, замерзнешь.— Коротышка, казалось, был даже рад этому.— Не удивлюсь, если там валит снег.

Люк открылся, и мы полезли в самолет. В этот миг за спиной послышался шум мотора, мелькнул свет фар. Я оглянулся. На крыльце диспетчерской стоял человек и смотрел в мою сторону. Это был Ларош.

Взревели двигатели, меня запихнули в самолет и задраили люк. Ларош еще мог успеть задержать меня. Я в страхе прижался к двум своим соседям по скамье, и тут самолет медленно тронулся с места. Осталось всего несколько секунд. Вот и взлет. Мои нервы и мускулы вдруг расслабились, и лишь теперь я до конца осознал, что лечу в самое сердце Лабрадора.

Мы набирали высоту довольно долго. Все время холодало, и я натянул пальто, но легче от этого не стало. В полумраке

призрачно маячили лица моих спутников.

— Ты бывал тут раньше? — спросил один из них — коренастый приземистый индеец.

Я покачал головой.

— А я уже две зимы на железке,— с гордостью объявил он.

— Скоро мы будем на 134-й миле? — спросил я.

— Где-то через час. Раньше на каноэ я проплывал этот путь за шесть недель, а теперь час — и там.

Он умолк, а я принялся размышлять. Из отцовских книг я кое-что знал об этой стране, знал, что она почти не исследована, и оттого чувствовал себя неуютно.

Больше всего меня удручало то обстоятельство, что Ларош уже наверняка радировал на трассу, и теперь меня ссадят на 134-й миле, чтобы первым же самолетом отправить обратно.

Вскоре мы приземлились, и я очутился в другом мире, на планете, грунт которой был скован холодом. Под высвеченными луной кедрами стояло несколько хижин, рядом вытянулась вереница тяжелых вагонов, слышался шум мотора, но звук этот казался жалким писком в огромном безмолвном пространстве. Таинственный призрачный холст северного сияния колыхался в небе, постоянно меняя очертания. Чувство, охватившее меня при виде этого зрелища в дикой, неукрощенной стране, не поддается описанию.

Продрогшие, мы гурьбой зашагали к деревянным строениям возле взлетно-посадочной полосы и ввалились в диспетчерскую. От дизельного нагревателя здесь стоял печной жар. Диспетчер выкликал фамилии, давал указания то по-английски, то по-французски. Люди вновь повалили на улицу и стали садиться в ждавшие их грузовики.

— Фергюсон!

При звуке собственного имени я вздрогнул.

— Вам телеграмма.— Диспетчер протянул листок.

«Необходимо поговорить,— прочел я.— Сажусь на вечерний товарняк, буду 8 утра. Не уезжайте, не дождавшись меня. Ларош».

«Почему он не остановил меня в Сет-Иле? — подумал я.— Что у него на уме»

— Эй, Сид,— раздался рядом со мной голос с неповторимым ланкаширским акцентом.— Где мне найти Фергюсона?

Я поднял голову и увидел низкорослого усталого человека в рубахе цвета хаки с закатанными рукавами и шапочке с козырьком. Он стоял в дверях внутренней комнаты, за его спиной я разглядел радиоаппаратуру.

— Это я.

— Здравствуйте.— Он протянул руку.— Моя фамилия Перкинс.

Я поздоровался.

— Скажите, эта телеграмма — от пилота, который попал в аварию? — спросил радист.

— Да.

— Так я и думал. Не может быть двух таких однофамильцев. Помню, как его подобрали. Ну и шуму было! Газетчики работать не давали, я едва успевал обслуживать самолеты.

— Вы знаете, кто его нашел?

— Строители. Рэй Дарси, инженер с двести шестьдесят третьей мили, вывез его из тайги. Дарси — мужик что надо! Приехал сюда порыбачить на месяц, и вот уже два года живет. Рыбу ловит, картины пишет...

Перкинс болтал без умолку, я слушал вполуха и думал о том, что теперь знаю имя человека, который мог бы сообщить кое-какие полезные сведения о Лароше.

Радист рассказал мне много интересного. Среди прочего я узнал, что 224-я миля — огромный, отлично организованный лагерь. Судя по всему, туда мне соваться не стоило: цель моего приезда немедленно будет раскрыта. В двадцати милях дальше по трассе была Железная Голова, а за ней — только что построенная насыпь, которая тянулась в глубь девственной страны. Кое-где попадались разрозненные бригады бульдозеристов, не имевшие с базой никакой связи, а единственной дорогой туда была грузовая колея. Лагерь на 263-й миле быстро рос, но все же представлял собой лишь большую поляну в кедровом лесу. Между 224-й милей и постоянной базой в Пор-Картье был только один заслуживающий внимания пункт — поселок возле озера на 290-й миле. Там имелась и взлетно-посадочная полоса, и площадка, на которой базировался вертолет начальника строительства насыпи.

— Вертолет! — воскликнул я, но тут же помрачнел: даже если пилот согласится покатать меня над тайгой, я все равно не знал, где Львиное озеро.

В этот миг я принял решение не ждать Лароша: прежде всего мне надо было встретиться с Дарси и расспросить его.

— Можно попасть на 263-ю милю сегодня же? — спросил я Перкинса.

— Товарняком, который везет припасы,— ответил он.

— И больше ничем?

— Сегодня тут задержали поезд с балластом. Бетон замерз, и он запоздал с возвращением. Сейчас стоит под погрузкой.

— А когда отправление?

— Не раньше двух ночи.

— И как далеко я смогу на нем уехать?

— Бетон кладут за Железной Головой,— ответил Перкинс.— Но учти: в этом поезде никаких удобств.

— Не имеет значения,— сказал я. Единственным моим желанием было встретиться с Дарси прежде, чем Ларош нагонит меня.

Перкинс кивнул и вышел.

— Порядок,— сказал он, вернувшись.— Поедешь с кондуктором Анри Гаспаром. Отправление через четыре часа. Советую похрапеть, а то вид у тебя неважный.

Теперь, когда все было решено, усталость взяла меня в оборот.

— Хорошо. Только сначала напишу письма. Моя мать даже не знает, что я здесь, в Канаде.

— Лучше телеграфируй.

— А ты сможешь связаться с Гус-Бей?

— Давай позывные.

— V06AZ.

— Что?! Да ведь этот парень обеспечивал связью экспедицию Брифа.

Я кивнул и, чтобы избежать дальнейших расспросов, сказал:

— Ну так как?

— Ладно, только на это уйдет время. Где он работает?

— В министерстве транспорта.

— Радио Гус-Бей? Ну, с этими-то я свяжусь, тут и говорить нечего. Напиши, что передать.

Я взял карандаш и нацарапал следующее: «Компания отказала. Еду на север Лабрадора искать Львиное озеро. Известите Фарроу и попросите его по прибытии в Англию позвонить моему начальству и миссис Фергюсон, 119, Лэндсдаун, Гров-роуд, Лондон. Пусть спросит ее, называл ли мой отец точные координаты озера. Ответ шлите Перкинсу, радисту поселка на 134-й миле. Спасибо за помощь».

Перкинс прочел сообщение, но вопреки моим страхам воздержался от расспросов, ограничившись лишь удивленным взглядом.

— Пусть этот текст останется между нами,— попросил я.

— Хорошо...— искоса взглянув на меня, проговорил он.— Но не придись ты мне по душе...

Я понял, что он обо всем догадался. Не мог не догадаться, учитывая, что Ларош прислал радиограмму на мое имя.

— Я попрошу шофера отвезти тебя в барак,— сказал Перкинс.— Я сообщу, сумел ли наладить связь. Я сменяюсь в полночь.

Он вывел меня на улицу, усадил в какой-то грузовик и объяснил шоферу, куда ехать.

— В половине второго ночи заскочишь за ним,— добавил Перкинс.— Этот парень должен сесть на поезд с бетоном. Если я не стану будить тебя, когда вернусь с дежурства, значит, с радиограммой порядок. А Ларошу сообщу, чтобы искал тебя на 263-й миле, хорошо?

Мы выехали на проселочную дорогу с глубокими колеями, замерзшими и твердыми, как бетонные надолбы. Вскоре машина остановилась перед каким-то домом, и шофер сказал:

— Вот барак, парень. В половине второго будь готов.

Я вошел в барак. Голая лампочка освещала коридорчик с туалетом и ванной в конце, доски пола были покрыты черным стекловидным песком, который скрежетал под ногами, в углу ревел керогаз, источавший жар. Я открыл дверь одной из комнат, она была свободна.

Я прилег на кровать и задремал, но

тут же проснулся, почувствовав, как кто-то трясет меня за плечо.

— Что, пора? — спросил я, вспомнив о поезде. Свет в комнате горел, и я заметил, что стрелки будильника не доползли и до полуночи. Тогда я перевел взгляд на человека, разбудившего меня, и рывком сел на кровати.

— Вы?! — Сна как не бывало, я чувствовал только панический ужас.— Как вы сюда попали?

— Самолетом.— Ларош отпустил мое плечо.— Боялся с вами разминуться.— Он расстегнул «молнию» своей парки и уселся в ногах кровати, разматывая шерстяной шарф.— Ну и жарища тут... Извините, что разбудил, вы, должно быть, здорово умаялись.

Я помолчал, не доверяя своему голосу. Я боялся этого человека. Даже сейчас не могу объяснить, что это был за страх.

Ларош снял шарф и стал вытирать им лицо. Он выглядел отчаянно уставшим, под глазами залегли черные тени.

— Вы сказали Лэндсу, что я здесь? — спросил я. Голос мой звучал сухо и хрипло.

— Нет.— Он достал из кармана сигареты и протянул мне.— Сначала хотел поговорить с вами. Зачем вы сели в самолет и примчались сюда? Вы не поверили тому, что я рассказал? Почему?

— Дело не в том, поверил ли я.

Ларош кивнул.

— Да, видимо, так. Судьба,— пробормотал он, помотав головой.— До сих пор в голове не укладывается. Сын старика, сидящий за приемником, ждущий, когда же это наконец произойдет...

— Это вы о моем отце?

Он, казалось, и не слышал меня.

— Кошмар, дурной сон... Вы небось думаете, что я их убил, да? — Ларош нервно засмеялся.— Думаете так, да? Из-за того, что моя фамилия Ларош?

В его голосе звучали нотки горечи.

— Не надо этих удивленных взглядов,— продолжал он.— Едва прочтя отчет Леддера, я понял, что на уме у вашего отца. Поверьте, я не повинен в их гибели. Это правда. Я тут ни при чем.

— Я не думал вас обвинять.

— Вот как? Тогда почему вы здесь? Почему вы говорите Паоле, будто я лжец? Зачем утверждаете, что ее отец жив? Бог мой! Добро бы только это. Вы еще выдаете себя за инженера и едете на трассу. Думаете, я не знаю, что вы замышляете? Лучше бы вы сказали Макговерну правду. Мы вполне могли бы втроем обсудить все это, сочти вы за лучшее объяснить причину своего приезда.

— Но я это сделал,— сказал я.— Я приехал потому, что мой отец принял радиограмму от Брифа.

— Нет, причина не в том,— сердито махнув рукой, перебил меня Ларош.

— Но если они еще живы...

— Они мертвы.

— Откуда тогда радиограмма?

Этот вопрос, казалось, не интересовал Лароша.

— Зачем вы солгали Макговерну?

— Никому я не лгал! — воскликнул я.

— Нет, лгали! Вы сказали ему, что не знаете имени спутника вашего деда.

— Но это правда. До встречи с Леддером я ни разу в жизни не слыхал об экспедиции Фергюсона.

— Не слыхали?! — Он уставился на меня так, будто я заявил, что Земля плоская.— Но это же абсурд. Вы признаете, что Лабрадор не вылезал из головы вашего отца. Не может быть, чтобы вы не знали причин этого интереса. А потом, когда вы узнали о радиограмме, вам стало понятно, почему он ее выдумал.

— Он ничего не выдумывал. Он ее принял. И радиограмма была от Брифа. Мне плевать, что скажете вы или кто-либо другой...

— Это невозможно. Передатчик затонул вместе с самолетом.

Я покрылся холодным потом: Ларош сказал, что радиограммы быть не могло из-за потери передатчика. Но не потому, что Брифа не было в живых!

— А как насчет Брифа? — спросил я.

— Он не мог послать радиограмму,— повторил Ларош. На этот раз тихо, словно убеждая самого себя. Он был так утомлен, что даже не понял значения моего вопроса.

— Не верю,— пробормотал он.— Не могли вы не знать о вашем деде и о том, что с ним случилось.

— Выходит, мог. Но какое это имеет значение теперь?

— Какое значение? — Он смотрел на меня широко раскрытыми глазами.— Но... Это невероятно. Таких совпадений не бывает. Почему вас держали в неведении?

— Вероятно, из-за матери. Она боялась Лабрадора, не хотела, чтобы я знал...

— Но та, вторая женщина! — перебил он меня.— Был же дневник... Когда умерла ваша бабка?

— Лет тринадцать назад.

— Вы уже были достаточно взрослым парнем. Неужели она не рассказывала вам про деда? Такая решительная женщина, да еще с сердцем, переполненным ненавистью... Почему же она молчала?

— Один раз, когда я был совсем маленьким, она пришла ко мне в комнату и стала что-то говорить. Но ее застала мать, и с тех пор мы больше никогда не гостили у бабки.

— Значит, об экспедиции вы не знаете...— устало проговорил Ларош. Кажется, он наконец поверил мне.

— Почему это так важно для вас? — спросил я, но его мысли опять успели переключиться на другое.

— И все же вы знали, что дело в Львином озере,— проговорил он.— Откуда? А, теперь ясно: запись в журнале и карта! И отчет Леддера. Боже мой, значит, это все правда...— Его плечи опустились, весь он как-то сник, стал меньше. Его руки дрожали, когда он вновь принялся вытирать шарфом лицо.

— Что правда? — спросил я.

— Про радиограмму.— Видимо, он ответил, не подумав, потому что сразу опомнился и сменил тему: — Вот почему вы здесь. Я хотел убедиться... Боже, как болит голова, мне надо поспать...

Я подумал, что он отчаянно ищет предлог, чтобы убежать из комнаты. Но было поздно: я уже успел ухватиться за вырвавшиеся у него слова.

— Значит, это все-таки было Львиное озеро,— сказал я.— Вы говорили, будто бы не заметили...

Увидев, как блеснули его глаза, я прикусил язык.

— Какая вам разница, Львиное или не Львиное? — дрожащим голосом спросил он.— Вы же сами сказали, что не знаете, какие события произошли там в прошлом. Так что вам за разница?

— Разницы никакой,— быстро ответил я, покрываясь мурашками.— Только если вам все же было известно, откуда передавал Бриф...

— Он не передавал! Никто никогда ничего оттуда не передавал...

— Но как тогда отец ухитрился принять?..

— Я вам повторяю: ничего не было! — заорал он, смертельно побледнев.— Ваш отец все выдумал. Он помешался на Лабрадоре. Бриф не имел радиопередатчика, а что до Бэйрда... Билл Бэйрд умер, я в этом уверен.

— А Бриф? — шепнул я.— Умер ли Бриф?

В глазах Лароша мелькнул страх. Он понял, что проболтался. Теперь я понял: Бриф был жив, когда Ларош бросил его. Пилот молчал, он не мог заставить себя повторить ложь, которую преподнес в кабинете Лэндса. Я смотрел на него с чувством огромного облегчения, которое не в силах был скрыть.

— Какого черта вы так на меня уставились? — вдруг завопил он, но тут же взял себя в руки.— Проклятый шрам, из-за него все на меня пялятся...

Он деланно засмеялся и потянулся к свой парке.

Я даже не осмеливался спросить, почему он не выдал меня Лэндсу. И почему так всполошился из-за экспедиции Фергюсона. Мне хотелось лишь одного — поскорее избавиться от его присутствия.

— Я должен поспать,— бормотал он, надевая парку.— Поспать. Что вы собираетесь делать теперь? Уезжайте домой, все равно вам никто не поверит.

Я промолчал, и тогда Ларош вернулся от двери. Вновь приблизившись к кровати, он сказал:

— Вы пойдете дальше, так? Пойдете в леса? Попытаетесь их найти?

Я и сам еще не знал, как поступлю, и потому боялся загадывать на будущее дальше того дня, когда попаду на 263-ю милю и увижусь с Дарси.

— Вам туда не пройти,— сказал Ларош.— Никогда. Там ничего нет, только торфяники, кедры, слепни и вода. Озера, озера, озера... Забудьте и думать об этом. Вас ждет смерть.

Послышался топот ног по голым доскам, и в комнату вошел Перкинс.

— Извините,— в нерешительности

пробормотал он.— Я думал, ты спишь. Если вам надо поговорить наедине...

— Нет, мы уже наговорились,— быстро сказал я. С его приходом мне заметно полегчало.

— Я должен подумать,— подал голос Ларош.— Увидимся утром, когда я высплюсь. Поезд отойдет не раньше восьми часов. Тогда поговорим еще раз.

Он повернулся и медленно, словно лунатик, вышел из комнаты.

— Это был Ларош? — спросил Перкинс.

— Да,— меня била дрожь.

— Так я и думал. Кстати, твое послание ушло в Гус-Бей.

— Спасибо. Извини за хлопоты.

— Пустяки. Ты можешь поспать еще полтора часа. Ларош не должен знать, куда ты отправляешься, я правильно понимаю?

— Да, не должен.

Мгновение спустя Перкинс уже мирно похрапывал, но мне было не до сна. Ларош вел себя чертовски странно. И эта его постоянная напряженность. Здесь что-то крылось, что-то недоступное моему пониманию. «Вы небось думаете, что я их убил». Каким тоном он это произнес! И почему его так волновала экспедиция Фергюсона?

Когда за мной пришел шофер грузовика, Перкинс даже не пошевелился. На улице стоял колючий мороз, звезды растаяли, погасли огни в спящем лагере. Мы поехали назад той же дорогой, миновали аэродром и, трясясь на мерзлых ухабах, подъехали к насыпи, на которой стоял черный в темноте поезд. Водитель высадил меня прямо возле служебного вагона — старого железного сооружения с торчащей над крышей трубой. Как только грузовик отъехал, над моей головой вспыхнул фонарь.

— Кто там? — спросил чей-то голос из тьмы. Я назвался.

— Добрый вечер, я Анри Гаспар.— Кондуктор пожал мне руку. На нем была высокая фуражка с золотой кокардой, казавшаяся нелепой в этой дикой стране.— Вы едва не опоздали, друг мой, мы уже отправляемся. Что ж, входите, будьте как дома.

С этими словами он ввел меня в вагон и куда-то ушел. Внутри было идеально чисто и на удивление уютно. В маленьком купе размещались две двухъярусные койки, а дальше — салон с кожаными сиденьями, столом и дровяной печью, не уступавшей габаритами кухонной. Венчали убранство вагона стены из красного дерева и свисавшая с потолка керосиновая лампа.

Я устало сел. Послышались крики, залился трелью свисток, тоскливо запел гудок локомотива, и мы тронулись. Нас тут же поглотил кедровый лес. Стук колес на стыках, холод, чернота ночи. Керосиновая лампа на потолке плясала. Анри вошел в вагон и принялся заваривать кофе.

Мы выпили по чашке, покурили вместе, и я залез на верхнюю полку. На этот раз я уснул как убитый и проспал довольно долго. Разбудил меня лязг сцепок, я выглянул в запотевшее окно и увидел лишь серые ели, усыпанные снегом.

Мимо проплыла табличка с цифрами 235, и поезд остановился.

— Путешествие окончено,— объявил вошедший Анри.— Пошли, передам вас в руки моему приятелю Жоржу.

Выбравшись из вагона, я увидел, что на этом участке железная дорога шла двумя параллельными колеями. Чуть позади нас на приколе стояла вереница старых пассажирских вагонов, из железных труб над крышами вился дымок.

— Жилые вагоны,— пояснил Анри, когда мы устало потащились по снегу, слой которого уже успел достичь двух дюймов.— Тут позавтракаете. И получите поскорее обмундирование, не то помрете в своих ботиночках. В этом году первый снег выпал раньше обычного.

Мы вскарабкались в четвертый вагон. Во всю его длину тянулся голый стол со скамьями по краям, из дальнего конца шел кофейный дух, слышалось шипение масла на сковородке.

— Жорж! — позвал Анри.

Появился здоровяк в грязном белом переднике. Анри пожал ему руку, представил меня и ушел.

— Завтрак через четверть часа,— объявил Жорж, исчезая за дверью камбуза.

Чуть погодя начали сходиться рабочие. Полуодетые, с красными после сна глазами, они занимали скамьи и сидели в угрюмом молчании. Парнишка вывалил на стол кучу еды — отбивные, ветчину, яйца, огромные буханки хлеба, жестянки с кукурузными хлопьями. Завтрак исчез со стола в мгновение ока, убежали и рабочие, оставив после себя стол, заваленный объедками.

Я сидел и приканчивал свой кофе. Снегопад за окном превратился в сплошную белую стену — большие белые снежинки кружились, словно в танце.

Пришел Жорж, и я спросил его, как добраться до Железной Головы.

— Туда никто не собирается ехать?

Он пожал плечами.

— Нет, здешние ребята кладут балласт. Поднимают рельсы и подводят основание. Разве что кто-нибудь проскочит на мотодрезине. Вам нужна одежда? Сейчас слишком холодно для езды на этих машинах.

— А здесь можно достать что-нибудь? Я собирался в спешке...

— Помогу,— сказал он.— Ребята, которые уезжают, всегда оставляют целые тюки. Но это вещи ношеные.

Через несколько минут он притащил грязный узел.

— Выбирайте что угодно. Здесь парка и неплохие ботинки.

Парка представляла собой подбитый войлоком непромокаемый пиджак, почерневший от смазки и грязи. Капюшон был оторван. Нашлась и старая ушанка с козырьком, и перчатки с обтрепанными пальцами, и непромокаемые штаны, которые стояли стоймя из-за пропитавшего их мазута. Штаны были малы, а парка велика, ботинки оказались впору.

Бетонщики стали собираться на работу, и я вышел из вагона вместе с ними. В качества транспорта им служили маленькие вагонетки, сцепленные в тройки.

— Вы едете к Железной Голове? — спросил я начальника.

— Нет,— ответил он и принялся заводить свою мотодрезину.

Была половина девятого. Я решил, что пойду пешком, если до двух часов не будет попутного транспорта. Десять миль. Четыре часа. У Железной Головы я буду в сумерках, тогда меня никто не увидит и я смогу отправиться дальше на север.

Было уже почти два часа, когда под окнами зазвучали голоса и дверь с грохотом распахнулась. В вагон ввалились двое мужчин, с порога они принялись звать Жоржа и требовать кофе с пирожками.

— Лэндс приезжал? — спросил один из них.

— Нет, мистер Стил,— отвечал Жорж.— Я не видел его уже две недели.

Стил стянул отороченные мехом перчатки и швырнул их на стол. Я взялся за свою ушанку, намереваясь улизнуть, прежде чем появится Лэндс, но второй из вошедших загородил собою дверь.

— Ты кто такой? — резко спросил он.

— Инженер,— ответил я.— Новенький.

— То-то я тебя раньше не видел. С базы?

— Да.— Я вконец растерялся. Если уйти прямо сейчас, он заподозрит неладное.

— Остаетесь или едете дальше по трассе? — спросил Стил.

— Еду.

— Можем подбросить до Железной Головы. Вам туда?

— Нет, на 263-ю милю.

— К сумасшедшему Дарси? Вы случайно не Фергюсон?

— Да.— Я напрягся.

— Кто-то спрашивл про вас, когда мы уезжали из Железной Головы.

— Не Ларош ли?

— Да, кажется, он. Пилот разбившегося самолета. Вы с ним знакомы?

Я кивнул. Теперь Ларош стоял на моем пути к 263-й миле.

— Чего он хотел?

— Не знаю, просто спрашивал, не видал ли кто вас.

Послышался шум мотодрезины, и Стил выглянул в окно.

— Билл приехал,— сообщил он.

Я почувствовал себя как в капкане. Дрезина остановилась возле нашего вагона, ее мотор тихо стрекотал. Я услышал топот сапог по решетчатым подножкам и едва успел отвернуться, когда дверь открылась и вошел Билл Лэндс. Я метнул на него быстрый взгляд. В парке он казался еще больше, а ушанка придавала его лицу по-северному суровое выражение. Я ощутил спиной его взгляд. Вдруг Лэндс спохватился, вспомнив о чем-то, и подошел ко мне.

— Моя дрезина на рельсах. Надо отогнать куда-нибудь. Эй, вы! Вы умеете управлять дрезиной?

Игнорировать его я не мог, но и посмотреть ему в лицо тоже не смел. В то же время Лэндс сам дал мне лазейку, чтобы выбраться из вагона. И все-таки я колебался: дверь была довольно далеко, а голос мог выдать меня.

— Я спрашиваю, умеете ли вы править дрезиной? — нетерпеливо повторил он.

— Конечно,— ответил я и двинулся к двери.

Возможно, слишком быстро. Или меня выдал голос?

— Кто этот парень? — услышал я вопрос Лэндса. Он не стал дожидаться ответа. Он уже шагал за мной, крича:

— Эй, минутку!

Я уже почти добрался до двери и мог попытаться улизнуть, но тогда мне както пришло в голову, что можно воспользоваться дрезиной, хотя сознавал бессмысленность такой попытки. Поэтому я повернулся.

— Фергюсон! — Лэндс стал как вкопанный, в его глазах мелькнуло изумление.— Какого черта...

Его огромные ладони сжались в кулаки, скулы напряглись. Поняв, что сейчас он ударит меня, я быстро сказал:

— Бриф жив.

Лэндс замер.

— Жив?

— По крайней мере, был жив, когда Ларош бросил его. Теперь я в этом убежден.

— Почему? — с угрожающим спокойствием в голосе спросил он.

— Из-за Лароша. Вчера он приходил ко мне и косвенно признал...

— Куда приходил?

— В барак на 134-й миле.

— Ложь! Берт в Сет-Иле.

— Ничуть не бывало. Сейчас он здесь. Спросите вот у них.— Я кивнул в сторону двух инженеров. Лэндс, казалось, был потрясен.

— Он гнался за вами?

— Да. Он боится и... по какой-то причине никак не может забыть об экспедиции Фергюсона. Они разбились на Львином озере, а потом там произошло нечто такое, от чего он...— Тут Лэндс сделал шаг вперед, и я умолк.

— Ну, ну, продолжайте,— зловеще проговорил он.— Что же там случилось?

— Не знаю. Это надо выяснить. Он спросил, считаю ли я его убийцей, а потом заявил, что уверен в смерти Бэйрда. Он не сказал, что...

— Лжец! Проклятый лжец! Сперва вы заявляете, будто бы Ларош бросил живого Брифа. Теперь намекаете на убийство Бэйрда, которое тоже приписываете ему! — вопил он, и я попятился. Теперь я стоял в тамбуре, прямо против меня виднелась дрезина, мотор которой тихо урчал.

Я резко захлопнул дверь, створка ударила Лэндса по лицу. Мгновение спустя я уже был на платформе дрезины. Отпустив тормоза, я включил сцепление и дал полный газ. Лэндс появился на площадке вагона, когда дрезина уже тронулась, но я отчетливо услышал, как он выругался. Дрезина быстро набирала скорость, и Лэндсу уже было не под силу догнать меня бегом, а потом все звуки перекрыли шум мотора и стук колес на стыках. Ветер запел у меня в ушах. Я сбежал от Лэндса и завладел транспортом. Оглянувшись через плечо, я увидел, что Лэндс стоит посреди колеи и отчаянно машет руками, что-то крича. Мне и в голову не пришло, что он пытается предупредить меня об опасности, поэтому я помахал в ответ с юношеской бравадой, врубил полный газ и склонился к рулю, словно вел не дрезину, а мопед.

Продолжение следует

Перевел с английского А. ШАРОВ

ХЭММОНД ИННЕС,
английский писатель

ЛЬВИНОЕ ОЗЕРО

Роман

Справа и слева мимо дрезины проплывала девственная страна. Пальцы мои онемели от холода, ноги замерзли, лицо стыло от ветра. Рельсы почти утопали в гравии, и мне пришлось сбросить скорость. Теперь я понимал, какие трудности ждут меня впереди: Лэндс уже телеграфировал в Железную Голову, и скоро против меня ополчится вся компания. Только миновав штабель телеграфных столбов, я осознал, что здесь еще нет проводной связи и Лэндсу не удастся никого предупредить. Придется ему догонять меня на другой дрезине. Я снова увеличил скорость, и в этот миг послышался треск ружейного выстрела. Втянув голову в плечи, я огляделся. На дороге никого не было. Камень из-под колеса — решил я, но тут раздался еще один выстрел. Теперь я заметил блеск озерной воды, каноэ и нескольких индейцев. Стреляли они совсем не в меня, а в оленя-карибу, и скоро охотников скрыли рослые на повороте ели. Теперь возле колеи валялись шкалы, а чуть дальше я увидел и тех, кто положил их сюда. Возле снятой с рельсов дрезины стояла группа инженеров, и, когда я с ревом пронесся мимо, один из них закричал что-то очень похожее на «берегись!».

Прежде чем до меня дошел смысл предупреждения, я уже миновал второй поворот и услышал сквозь дробный стук камешков отдаленный крик совы. Впереди показалась какая-то огромная масса, и я схватился за тормоз. Прямо на меня лез локомотив, рельсы дрожали. Быстро включив задний ход, я стал пятиться за поворот, где стояла группа инженеров. Я едва успел затормозить, а они уже были рядом и выдвигали подъемник. Локомотив приближался, и меня вместе с дрезиной успели убрать с его пути. Поезд со скоростью пешехода прополз мимо, машинист высунулся в окно:

— Если жить надоело, прыгай в болото, а меня не впутывай! — заорал он, плюнув в снежное месиво у моих ног.

В одном из вагонов ехал Ларош. Наши взгляды встретились, и я заметил, как он вскочил на ноги. Мгновение спустя Ларош был уже на подножке. Я думал, что пилот выпрыгнет, но порожний состав быстро набирал скорость. Ларош в нерешительности потоптался на площадке тамбура и снова исчез в вагоне.

Мою дрезину опять взгромоздили на рельсы, и я поехал вперед, напутствуемый пожеланиями бо́льшей осмотрительности. До Железной Головы оставалось две мили, теперь все вокруг бурлило и кипело, то тут, то там работали группы строителей, трещали моторы. Лабрадор вдруг показался мне полным жизни. Колея, лежащая на щебне, была похожа на игрушечную железную дорогу и блестела новенькими рельсами. Никто не обращал на меня внимания, и я ехал вперед, пытаясь угадать, что представляет со-

---

Продолжение. Начало в № 9, 10.

бой начальник здешнего лагеря и чего ему успел наговорить Ларош.

В вагоне-столовой горел свет. Бросив дрезину, я вошел туда: дым, народу битком, какой-то мужчина в алой рубахе стоял посреди вагона и глядел вдоль длинного стола.

— Кто это? — спросил я одного из рабочих.

— В красной рубахе? Это Дэйв Шелтон, начальник лагеря. Опять распекает наших.

Шелтон повернулся и теперь смотрел прямо на меня. Потом он кивнул своему помощнику, стоявшему рядом, и что-то спросил. Тот замотал головой. Оба двинулись ко мне, проталкиваясь сквозь толпу рабочих. Я быстро шмыгнул за стол, понимая, что попал в западню. Тяжелая рука ухватила меня за плечо.

— Ты здесь работаешь?

— Нет.

— Тогда какого черта ты делаешь в нашей столовой?

— Ем,— простодушно ответил я, и по вагону пробежал смешок. Шелтон еще больше посуровел, и я быстро добавил: — Я инженер...

— Где твоя карточка?

— Какая?

— Удостоверение, подтверждающее, что ты работаешь на трассе. Как тебя звать? Фергюсон, не правда ли?

Я кивнул, понимая, что отрицать это бессмысленно.

— Так я и думал. Пошли, парень, мне велено отправить тебя обратно на базу.— Он мотнул головой, приказывая следовать за ним, и пошел к двери, но на полпути остановился.

— Джо, твоя дрезина еще на колее? — спросил Шелтон одного из рабочих.

— Нет, я ее убрал. Извините, мистер Шелтон...

— Поставь на путь, повезешь этого парня на 224-ю милю.

Рабочий — огромный парень со сломанным носом профессионального боксера — пошел к двери.

— Могу я поговорить с вами наедине? — спросил я Шелтона.— Это очень важно.

— Что такое? — Шелтон остановился.

— У меня была серьезная причина, чтобы приехать сюда. Дело жизни и смерти.

— Серьезнее, чем железная дорога, здесь быть ничего не может. Я кладу рельсы, надвигается зима, и мне некогда болтать со всякими...

В этот миг к Шелтону подбежал кто-то из рабочих.

— Дэйв, вас срочно просят в радиорубку,— сказал он.

— Черт возьми! Кто там еще?

— 224-я миля. Запрашивают, сколько уложено рельсов.

— Хорошо, иду,— он обернулся ко мне.— Ждите здесь, в столовой. Побудь с ним, Пэт,— велел Шелтон помощнику, потом спрыгнул с подножки и исчез.

— Эй, возьмите-ка! — вдруг услышал я чей-то голос, и в тамбур к моим ногам полетел чемодан. Это был мой собственный чемодан, и я тупо уставился на него, не веря своим глазам. А минуту спустя раздался голос Лэндса:

— Надо связаться с 263-й...— Все остальное потонуло в гвалте и скрежете. Потом кто-то спросил:

— Зачем впутывать в это Дарси?

— Затем, что у него есть транспорт и время,— ответил Лэндс.

Выглянув из вагона, я увидел его. Лэндс шел вдоль состава вместе с каким-то человеком, которого я не мог разглядеть. «Может, это Ларош?» — подумалось мне. Пэт взял меня за руку.

— Ну, что вы стоите? Пошли в вагон.

— Это был Лэндс,— сказал я.

— Да, Лэндс. Вы с ним знакомы?

Я кивнул. Мне казалось, что Лэндс выслушает меня, если я приду к нему по собственной воле.

— Я должен с ним поговорить.

— Он знает, что вы здесь?

— Да, я же приехал на его дрезине.

— Придется подождать и спросить разрешения у Шелтона. Вы из газеты?

— Нет, я приехал из-за разбившегося самолета. Бриф все еще жив.

— Жив? Каким образом? Его искали неделю, а потом пилот сообщил, что все кончено. Я слышал об этом от Дарси два дня назад. Вы с ума сошли!

Интересно, что думает Дарси? Наверное, тоже сочтет меня умалишенным. Но он провел в обществе Лароша целый час, вез его на 290-ю милю...

— Я должен поговорить с Лэндсом,— без всякой надежды сказал я.

Послышался стук буферов, и наш вагон пришел в движение. Я снова взглянул на чемодан. В нем должны были лежать радиожурналы отца, если, конечно, Лэндс или Ларош не вытащили их. Я потянулся к чемодану.

— Эй! — окликнул меня Пэт.

— Это мой,— пояснил я и тут же прыгнул, успев заметить гримасу изумления на его лице. Я ударился о землю правым плечом и боком, у меня перехватило дух. Вскочив на ноги, я увидел, что Пэт высунулся на подножку и орет на меня, но прыгнуть он не решился: поезд уже набрал ход. Мимо прошел локомотив, платформы с рельсами и краном, потом колея опустела. Я повернулся и зашагал на север. На трассе засверкали фонарики, послышались крики, но я уже успел прошагать полмили и знал, что погоня позади. Черная пустота Лабрадора окутала меня. Рельсы кончились, дальше пошла насыпь с уклоном вперед. Лишь сухой шепот ветра в кронах деревьев нарушал теперь тишину. Насыпь кончилась мили через две, идти стало труднее. Несколько раз я сбивался с просеки, а однажды упал, налетев на ковш от экскаватора, наполовину утопленный в землю.

Через пять минут я влез в какое-то болото. Пересечь его ночью было невозможно, поэтому вернулся назад и свернул на просеку, прорезавшую сплошную стену кедровника. Стало труднее держаться тропы, дважды я врезался в густой подлесок и ломился сквозь него, сбивая с веток снег, который таял и насквозь пропитывал одежду. Я устал, мысль притупилась, ручка чемодана врезалась в обмороженные пальцы, как край стального листа.

В очередной раз сбившись с тропы, я махнул рукой, соорудил из сосновых веток ложе и устроился на нем, чтобы дождаться рассвета. Повалил снег, но он не казался мне холодным, тишь стояла невероятная, во всем мире — ни звука. Я слышал, как падают снежинки.

То ли шум мотора разбудил меня, то ли свет фар. Открыв глаза, я увидел кедровник, залитый сиянием, будто рождественская елка, а чуть погодя чей-то голос произнес:

— Вы, похоже, и есть Фергюсон?

Я сел, ничего не соображая спросонья. На фоне горящих фар резко выделялся силуэт стоящего надо мной человека. Он был широкоплеч и приземист, немного похож на гнома в своей парке. У него было квадратное лицо с резкими чертами, на густых бровях осели снежинки. Нагнувшись, он принялся изучать меня сквозь очки без оправы.

— Ну и помотался я из-за вас,— продолжал он, поднимая меня на ноги.— До самой Железной Головы доехал. Решил вот на всякий случай и на тропу заглянуть.

Я прошептал слова благодарности. Тело мое свело от холода, и я едва стоял.

— Пошли,— сказал человек, подхватывая мой чемодан.— В «джипе» есть печка. Будет чертовски больно, но скоро оттаете.

У него был фургон на базе «джипа» — побитая развалюха с оторванным крылом, заляпанная грязью и снегом. Незнакомец помог мне забраться в кабину, и через минуту мы уже тряслись по колдобинам меж деревьев. Он был немолод, этот человек, нашедший меня, и носил странную кепку цвета хаки.

— Вы искали меня? — спросил я и, когда он кивнул, понял, что это Лэндс сообщил ему обо мне.

— Значит, вы и есть Дарси?

— Рэй Дарси. Билл рассчитал, что я смогу найти вас в районе 250-й мили.

— Так вы его видели? А Лароша?

— Лароша? Нет, этого не встречал. Поспали бы вы лучше.

Но мне было не до сна.

— Лэндс сказал вам, зачем я здесь? Вы знаете о радиограмме, которую принял мой отец?

— Да, мне говорили. Я знаю, что вы внук Джеймса Финлея Фергюсона. И это кажется мне не менее странным, чем сама мысль о том, что Бриф мог послать радиограмму.

— А что тут странного? И почему все разговоры неизменно вертятся вокруг экспедиции Фергюсона? Простое совпадение.

— Чертовски странное, однако, совпадение.

— Оно объясняет интерес отца к экспедиции Брифа.

— Но не объясняет вашего поведения.

Я не понимал, что он хочет этим сказать, и слишком устал, чтобы расспрашивать.

— Перкинс говорит, что здесь нет второго такого знатока Лабрадора, как вы,— сказал я.— Вот почему я приехал...

— Спите, потом поговорим.

Когда я снова открыл глаза, брезжил рассвет и машина въезжала в поселок, состоявший из бревенчатых хижин.

— 263-я,— произнес Дарси, увидев, что я проснулся.

Дома чернели на фоне снега. Лагерь был построен на склоне горы над насыпью, площадку только недавно ровняли бульдозерами и очищали от растительности. Огромные штабеля дров возвышались возле каждого дома, а за пределами поселка валялись кучи веток и выкорчеванных пней. Дарси затормозил возле дома, стоявшего особняком.

— Обычно у меня лучше налажено хозяйство,— сказал он, захватив с собой охапку поленьев.— Но здесь я всего несколько недель.

Дарси толкнул дверь, вошел и принялся запихивать поленья в печь. Жил он в маленькой комнате с двумя железными кроватями, книжной полкой и несколькими тумбочками. Земляной пол, пыльные окна, на стенах — несколько картин, писанных маслом. Все в черно-серых тонах.

— Ваши работы? — спросил я, разглядывая сценку у реки, этюд с изображением заснеженного кедровника и горстку людей у костра.

— Мои... Мазня. А вам нравится?

— Я в живописи профан. Какие-то они холодные.

— Так я и задумывал. Ну ладно, снимайте мокрую одежду и ложитесь, вот кровать.

Он двинулся к двери, но я остановил его.

— Куда вы?

— На рыбалку.

Это показалось мне невероятным: рыбалка после бессонной ночи, проведенной за рулем!

— Какие указания вы получили на мой счет? — спросил я.

Он снял со стены удочку в зеленом чехле.

— Слушай, парень, если я говорю, что иду на рыбалку, стало быть, я иду на рыбалку. Понял? — Его глаза яростно сверкнули из-под очков.

— Странно как-то. Я думал, вы тоже устали.

— Я не ребенок. А рыбалка стимулирует мысль.— Он улыбнулся.— Ты-то сам, видно, не рыболов? Тогда тебе не понять. В такой забытой богом стране, как Лабрадор, без увлечений вроде рыбалки или живописи не проживешь. Я тут уже два года, приехал порыбачить и прийти в себя, и с тех пор отсюда не вылезаю, даже в Сет-Иле не был ни разу. Ну ладно, спи. А я, если повезет, вернусь с добычей.

Проснулся я часа через два. Солнце заливало комнату, возле кровати стоял Дарси.

— Лосося любишь? — спросил он.

Я сел.

— Лосося?

— Да.. Индейцы зовут его «ауаниш». Поймал две штуки, одну съел с ребятами, вторую вот тебе принес.

С улицы донеслись голоса, и Дарси заорал:

— Люси! Ребята готовы?

— Готовы! — послышался ответ.

— Пора ровнять насыпь,— пояснил он мне.— Через час вернусь, тогда пойдем на север, к мосту. Даст бог, удастся порыбачить, пока ты будешь рассказывать свою историю. А там уж поглядим, может статься, сходим потолкуем с Макензи.

С этими словами он повернулся и вышел, дверь закрылась, и мгновение спустя я уже ел своего первого в жизни лосося, розового, огромного и жирного. Усталость прошла. Я встал и вымылся в лохани на полу, потом побрился. Одежда высохла, и я натянул ее, после чего подошел к книжной полке, где обнаружил томик Шекспира, несколько романов Джека Лондона и еще три книги, увидев которые, я тут же перенесся в комнату моего отца. Это были «Лабрадор» Кэбота, «Жизнь и обычаи Ньюфаундленда и Лабрадора» Таннера и еще тоненькая книжка Анри Дюмэна под названием «Лабрадор: в поисках правды». Это книгу я раньше не читал, поэтому снял с полки и раскрыл. Это был неважно написанный отчет о путешествии по Лабрадору. Надеясь найти в ней упоминания об экспедиции деда, я начал листать книгу.

Упоминание я встретил почти в самом начале, на пятой странице. Автор писал: «15 июля 1902 года я прибыл в залив Святого Лаврентия. Наконец-то я достиг той точки, откуда отправилась в путь экспедиция Фергюсона. Я думал о Пьере. Именно сюда вернулся этот бедняга, вернулся один... Подумал я и о моей жене Жаклин, которая возлагала на мое путешествие столь большие надежды. Она сидела у смертного одра брата, слышала его бред... Потом я повернулся и устремил взор на горы Лабрадора. Где-то там, за их изломанной грядой, крылась правда. Если я смогу найти ее, то очищу имя Пьера от страшных обвинений, омрачивших последние часы его земной жизни».

Я перевернул несколько страниц, но не смог обнаружить даже намека на суть этих обвинений. 19 июля Дюмэн достиг Сет-Иля, потом отправился на север, пересек озеро Мишикамо и повернул на запад, к Ашуанипи.

«Здесь мы обнаружили индейский поселок,— писал он,— и нам наконец повезло: оказалось, что два года назад тем же путем проходил одинокий белый. Он шел к великому озеру Мишикамо, одежда его была изодрана в клочья, ноги перевязаны брезентовыми обмотками. Человек разговаривал сам с собой, будто обращаясь к какому-то невидимому духу. Индейцы показали мне место у реки, где он устраивал привал. Там валялось несколько патронов и кости оленя-карибу. У меня не осталось никаких сомнений: брат моей жены останавливался именно здесь. Выброшенные патроны говорили о том, что он был в отчаянном положении. От того места, где смерть настигла мистера Фергюсона, нас отделяло довольно большое расстояние, и я решил спросить индейцев, знают ли они об озере, которое я ищу. Я описал его так же, как описывал Пьер, когда разговаривал в бреду, но индейцам ничего не было известно. Имя, которое дал озеру Пьер, тоже не имело для них никакого смысла. Мы ушли, оставив индейцам две пачки чая и мешочек муки — все, что могли выделить из своих припасов. После этого мы отправились на юг вдоль Ашуанипи и все время искали...»

Дверь за моей спиной распахнулась, и вошел Дарси.

— Все-таки добрался до этой книги,— сказал он.— Скучное чтиво, но довольно любопытное для людей, знающих эту страну.

— Или знающих, что здесь приключилось,— добавил я.

— Приключилось с Фергюсоном? Это никому не известно.

— Но можно строить довольно конкретные предположения,— сказал я.— На пятой странице, к примеру, есть слова «страшные обвинения». Что это за обвинения? Их выдвинули против оставшегося в живых участника экспедиции, так? Он был братом жены Дюмэна, здесь так сказано. Кто и в чем его обвинял?

— Проклятье! Никак не могу поверить...

— Я действительно ничего не знаю. Я приехал из-за Брифа.

— Из-за Брифа или из-за того, что Ларош разбил самолет в том же районе?

— Из-за Брифа,— повторил я, глядя ему в лицо и пытаясь понять, догадывается ли он о точном месте аварии.— Дюмэн нашел Львиное озеро?

— Значит, вам о нем известно?

— Да, но я не знаю, что там случилось.

— Наверняка этого никто не знает. Дюмэн не пошел дальше Ашуанипи. Индейцы показали ему лагерь белого человека, а после он обнаружил еще две стоянки. И все. Бедняга убил на поиски озера целый месяц, еле выжил, потому что морозы ударили прежде, чем он добрался до Сет-Иля. По иронии судьбы почти одновременно с Дюмэном в Сет-Иль прибыла одна женщина и тут же углубилась в дебри Лабрадора, словно в шотландские болотца. С ней было трое следопытов, и рыскала она по тому же району, что и Дюмэн.

— Человек, который был вместе с дедом...— сказал я.— Дюмен пишет о нем как о сумасшедшем. Отчего тот мог лишиться рассудка?

Дарси пожал плечами и отвернулся к печке.

— У вас нет никаких догадок на этот счет? — настаивал я.— По крайней ме-

ре, вы не можете не знать, в чем его обвиняли.

— В убийстве твоего деда,— помолчав, ответил Дарси.— Но ничего так и не доказали. Никто не знал, что там произошло.

— А кем именно были высказаны эти обвинения?

— Молодой женой Фергюсона, той самой женщиной, про которую я говорил. Хотя бы это должно быть тебе известно! Твоя родная бабка все-таки. Да и в газетах о ней писали. И о ней, и о том полуживом бедняге, который выбрался из тайги, бормоча что-то про золото и скалу в форме льва.

— Значит, дед гонялся за золотом?

— Конечно. Неужели такой опытный геолог, каким был Фергюсон, отправится в глубь Лабрадора просто так? А вдова его, говорят, была великой женщиной.

Я рассказал ему о том, как мы порвали с ней отношения. Дарси кивнул.

— Возможно, твоя мать была права,— сказал он.— И все же ты знаешь вопреки всему. Странное дело, а? Может, гены? Но что ты знаешь о Лабрадоре, парень? Что ты видел? Только строящуюся железную дорогу. А отойди чуть в сторону, и как на другую планету попал.

— Моя бабка добралась до Львиного озера?

— Бог знает,— ответил Дарси.— Во всяком случае, она держала язык за зубами и не болтала на сей счет. В газетных статьях ничего об этом не сказано. Известно лишь, что она пробралась дальше Дюмэна. Из тайги твоя бабка вынесла ржавый пистолет, секстант и старый планшет — вещи своего мужа. Все это было сфотографировано, но вдова так и не опубликовала свой дневник. Возможно, потому, что ей не удалось отыскать место последнего лагеря Фергюсона. Этот дневник еще существует? — спросил он меня.

— Не знаю. Пистолет и секстант я видел, но о дневнике даже не подозревал.

— Жаль. Он мог бы объяснить, на каком основании твоя бабка выдвигала обвинения. Она ходила по следам Фергюсона три месяца. Странно, что Дюмэн ни разу не упомянул о ней в своей книге. Обе экспедиции покинули Сет-Иль почти одновременно, направились в одни и те же места. Интересно, встретились ли они? Следы Дюмэн видел, это можно сказать наверняка. И ни разу не упомянул имени миссис Фергюсон...

— Неудивительно, если учесть, что она обвинила в убийстве его родственника.

— Возможно. Но обвинения эти не были плодом слепой ненависти. Она высказала их далеко не в порыве гнева. Да и слухи ходили всякие... Словом, темная это история. У тех двоих все должно было произойти наоборот.

— Что вы хотите этим сказать?

Он пожал плечами.

— Фергюсон был мужик крутой. Золотой жук укусил его уже давно, еще в Доусоне, во время «клондайкской лихорадки». Закаленный старатель...

— А его спутник?

— Пьер? Этот был таежником и следопытом. Вот почему вся история кажется такой странной.

— Об этом вы тоже прочли у Дюмэна?

— Нет, Дюмэн не знал этой дикой страны, не пытался разобраться в психологии Фергюсона и его спутника.

— Тогда откуда вам столько известно о моем деде?

— В основном из газетных вырезок. Я бы их тебе показал, но они остались в сундуке, на 290-й миле.

— А почему вы так этим интересовались? — спросил я.

— Странный вопрос. Ты так ничего и не понял. Я приехал сюда вовсе не потому, что люблю инженерное дело. И не ради зарплаты: мне пятьдесят шесть лет, и денег у меня столько, что до конца дней вполне хватит. Я живу здесь потому, что меня укусила лабрадорская муха. На всем протяжении железной дороги ты не найдешь второго такого человека, как я, человека, который живет в этой стране потому, что любит ее. Ты знаешь о Лабрадоре хоть что-нибудь?

— Читал некоторые из отцовских книг,— ответил я.

— Тогда тебе известно, что это — девственная страна. Четыре тысячи лет назад все здесь было покрыто льдом. Нога белого человека ступила сюда совсем недавно, когда фирма «Холлингер» заинтересовалась железнорудными месторождениями в глубине полуострова. Существовало всего несколько неточных карт, на которых были нанесены только реки. Две-три книги о путешествиях пешком и на каноэ — вот и все, что написано о Лабрадоре. Только в сорок седьмом году правительство взялось за разведку этих мест с воздуха. И ты еще спрашиваешь, почему меня интересует экспедиция Фергюсона! Даже после появления гидросамолетов и железной дороги страна эта останется прекрасной, суровой и девственной. Только тут начинаешь понимать, как огромен мир! — Он умолк и улыбнулся.— Ладно, пошли. Недалеко от моста стоит лагерем Макензи. Если хочешь с ним поговорить, надо торопиться.

Мы вышли на улицу и сели в «джип».

— Кто такой Макензи? — спросил я, когда машина тронулась с места.

— Индеец. Иногда работает проводником у геологов, но сейчас охотится. Не знаю, захочет ли он помогать тебе.

— Помогать мне? — переспросил я.— В чем?

— Макензи никогда не видел льва,— ответил Дарси.— Это слово для него — не более чем набор звуков. Но он был на том озере. Как я понимаю, ты приехал сюда не для того, чтобы протирать штаны в поселке и ждать, пока тебя силком отправят обратно. Во всяком случае, я решил познакомить тебя с Макензи. Я уже предупредил его через одного из индейцев, и теперь он ждет тебя в своем лагере.

Я и сам толком не знал, чего ждал от Дарси, но то обстоятельство, что он принимает как должное мое намерение довести дело до логического конца, поразило меня. Видимо, пришла пора подумать о припасах и снаряжении для похода — вещах, которые можно было достать в поселке строителей. Я завел об этом разговор с Дарси, но он оборвал меня, сказав:

— Подожди, вот поговорим с Макензи, тогда видно будет. Может, он не захочет бросать охоту. Зима на носу, и ему нужны запасы. А на базе ты, похоже, устроил переполох,— добавил он.— Один из директоров приехал с проверкой, всю ночь по радио только о тебе и говорили...

Снег таял на поворотах, из-под колес летели ошметки грязи. Наконец мы выехали к реке, и я увидел деревянный мост. Затормозив возле хижины, Дарси заглушил мотор. Он не задал мне ни одного вопроса, только кивнул и выбрался из машины со словами:

— Ладно, пошли кофе пить.

Дарси подвел меня к самой дальней хижине, открыл дверь и вошел.

— Здешний повар — негодяй, но ежевичный пирог у него чудный,— громко сказал он. Стол и скамейки были выскоблены добела, пахло совсем подомашнему. Из кухни вышел угрюмого вида человек с похожим на котел животом.

— Привет,— сипло прошептал он, ставя на стол две кружки черного кофе.— Угощайтесь.

— А где же пирог? — спросил Дарси.

Повар усмехнулся и принес с камбуза два куска пирога.

— Я не бывал здесь с тех пор, как вывозил Ларошa,— сказал мне Дарси с полным ртом.

— Он уже тогда был малость с приветом? — спросил я.

— Одичал. Бормотал что-то, порывался сбежать обратно в тайгу.

— Может, это из-за раны?

Похожие на маслины глаза повара вдруг подозрительно блеснули.

— Что-то я вас раньше не видел,— сказал он.— Новенький? Инженер?

— Его зовут Фергюсон,— ответил за меня Дарси.— Он приехал сюда потому, что до сих пор числит Брифа в живых.

— Вот как?

И тут, к моему удивлению, Дарси принялся подробно объяснять обстоятельства, побудившие меня покинуть Англию.

— Не пора ли нам? — поспешно оборвал я его.

— А куда спешить? Кто будет искать тебя тут? Да и зачем пытаться скрыть причину приезда?

— А сплетни?

— Сплетни, конечно, будут, и таежный телеграф тоже заработает. Скоро на всей железке не останется человека, который не знает о том, что ты считаешь Брифа живым. Чего же тебе бояться? Ты ведь рассказал мне правду?

— Конечно.

— Значит, ты ничего не теряешь. Чем

больше народу будет в курсе, тем сильнее твои шансы сдвинуть дело с мертвой точки.

— Что теперь будет? — спросил повар.— Снова начнут искать?

— Нет,— ответил я.— Администрация не желает с этим связываться. Если надо, сам пойду в тайгу.

Дарси кивнул и сказал:

— Нам пора, Сид. Макензи все еще здесь?

— Да, сразу за мостом. Удачи, мистер Фергюсон,— ответил повар.

— Вы были первым, кто расспрашивал Лароша,— сказал я, когда мы вышли из хижины и приблизились к мосту.— Почему вы не сообщили о том, что его поведение показалось вам странным?

— Оно и должно было быть странным, если учесть, что выпало на долю Лароша. Это был живой скелет, покрытый язвами. И рана на голове в придачу... Поражение мозга в таких случаях — дело обычное. Ладно, пошли искать Макензи.

Мы очутились на покрытом серой галькой берегу речки, и тут я спросил Дарси, как давно он узнал о том, что Макензи побывал на Львином озере.

— Всего две недели назад,— ответил он.— Я рассказывал ему историю старой экспедиции, и Макензи спросил, что такое лев. Тогда я нарисовал изображение головы, и индеец тут же сказал, что знает это озеро. Честно говоря, я и сам подумывал сходить в тайгу следующей весной с одним приятелем-геологом. Мне полагаются отгулы. Глядишь, найду золото Фергюсона и разбогатею,— он коротко хихикнул и зашагал по гальке к густому кустарнику, обрамлявшему берег реки.

Тропы здесь не было, и я немного отстал. Кустарник внезапно расступился, образовав небольшую полянку. Тут стояла потрепанная палатка, лежало каноэ, и два мальчика-индейца кололи дрова.

Когда я вышел на поляну, Дарси уже разговаривал с Макензи.

— Он отведет тебя к озеру,— объявил инженер.— Но не сейчас. Он охотится, ему нужно мясо на зиму. Да и не сезон нынче по тайге шастать.

— Да,— закивал индеец.— Плохой, плохой время.

Это был коренастый коротышка в куртке из оленьей шкуры, синих джинсах и мокасинах. Возраст его я определить не мог.

— Лучше ждать морозов,— продолжал он.— Сейчас вода и трясина.

— Что, если мы отправимся завтра? — спросил я.— Если мой отец прав, там есть радиопередатчик, мы сможем запросить самолет. Раньше, чем через пять дней, морозов все равно не будет.

— Вот что, пойди-ка погуляй, а я попробую его уломать,— сказал мне Дарси на ухо.

Я неохотно оставил их и побрел по берегу. Вскоре Дарси догнал меня.

— Не нравится ему эта идея,— сказал он.

— Из-за погоды?

— Не думаю. Просто Макензи не любит это место. Кончилось тем, что он заговорил о каких-то духах.

— Духах? Что еще за духи?

— Просто индеец отказал, и все. Ну ладно, мне пора на работу. Завтра утром вернись сюда. Макензи посоветуется с женой и сыновьями и скажет, что они решили.

Мы сели в машину и поехали домой. Дарси высадил меня на развилке и уехал, пообещав вернуться через час. Я зашагал к хижине.

Открыв дверь, я увидел в комнате чей-то рюкзак и распростертого на койке Дарси человека. Он лежал, укрывшись одеялом так, что видны были только черные пряди волос. Я остановился и хотел было выскользнуть на улицу, но тут спящий вздрогнул и повернулся.

Это была дочь Брифа. Увидев меня, она отбросила одеяло и вскочила с кровати. Паола была одета в линялые штаны из зеленого вельвета и плотную рубаху, лицо ее еще хранило румянец сна.

— Как вы сюда попали? — спросил я, обретая дар речи.

— Самолетом. А потом доехала грузовиком с 290-й мили.

На ее ногах были толстые шерстяные носки, под кроватью стояли тяжелые ботинки. Увидев их, я понял, зачем приехала Паола, и снова перевел взгляд на рюкзак. Возле него валялась удочка и кожаный ремень с охотничьим ножом и топориком, а сверху все это было прикрыто толстым свитером и старой кожанкой.

— Зачем вы здесь?

— А что еще вы мне прикажете делать? Сами отправились на север, а мне, значит, так и сидеть в Сет-Иле?

— Так вы приехали повидаться со мной?

— Конечно.

— А как вы меня нашли?

— Альберт выбрался из тайги недалеко от этого поселка. Кроме того, к самолету его доставил Рэй Дарси.

Паола была наполовину индианкой. Я почувствовал это, посмотрев в ее немигающие глаза, и испугался: я не знал, чего ждать от людей ее породы.

— Вы по-прежнему убеждены, что отец жив? — спросила она таким тоном, словно обвиняла меня в жуткой ереси. Я понял, что она ненавидит меня. Ее душу раздирали два чувства — любовь к отцу и страсть к Ларошу. И вот теперь чувства эти по моей вине пришли в противоречие друг с другом.— Почему вы не отвечаете?

— А что я могу сказать? Я не знаю.

Она поняла смысл моих слов.

— Разумеется. Но он был жив, когда Альберт оставил его. Вы уверены в этом, не правда ли? Из-за этого вы бросились на север вместо того, чтобы вернуться в Англию. Ну и что вы намерены делать теперь?

— Существует вероятность того, что мы сможем найти озеро,— ответил я.

— Львиное озеро?

— Да. Я надеюсь выступить завтра утром.

— Вы?! Один! Но ведь Альберт дважды летал на вертолете и ничего не нашел.

Ей не приходило в голову, что Ларош, возможно, как раз и стремился ничего не найти.

— Я не один,— ответил я.— Есть тут индеец... Правда, еще не знаю, пойдет ли он. Его волнует охота, да и боится он этого места. Завтра узнаю его решение.

— Как зовут индейца?

— Макензи.

— Какой именно? Их тут целое племя.

— Дарси говорит, он работал проводником у геологов.

— Тогда знаю. Три года назад он водил отца. Где его лагерь? — Она села на кровать и принялась натягивать ботинки.

Я объяснил, как найти Макензи.

— Неужели вы собираетесь идти с ним вдвоем?

— Да, в худшем случае это займет пять суток, а на берегу озера есть радиопередатчик...

— Вы что, дурак? Думаете, Лабрадор — это все равно что английская деревня? Да вы не выдержите того темпа, в котором идет индеец. Ведь шагать нам предстоит очень, очень быстро.

Она сказала «нам», и тут я окончательно осознал, для чего предназначена вся эта куча снаряжения на полу. У меня екнуло сердце: если она пойдет на Львиное озеро и увидит, что я был прав, беды не миновать. От Паолы можно ждать чего угодно.

Рисунки Г. ФИЛИППОВСКОГО

— Индеец может не согласиться,— быстро сказал я, понимая, что начинаю мечтать как раз об этом.

— Согласится, если я попрошу. Только надо торопиться...

— Дождались бы Дарси,— посоветовал я.

— Боюсь, будет поздно. Макензи не любит отказывать белому человеку. Если он решит не ходить, то просто снимет лагерь и исчезнет, а тогда ищи его.

На улице затормозила машина, хлопнула дверца.

— Вот и Дарси,— облегченно вздохнув, сказал я. Но ошибся. Открылась дверь, и в хижину вошел Ларош. Паола метнулась за мою спину.

— Мне сказали, что вы здесь,— произнес пилот.— Я решил уведомить вас кое о чем...— Но тут он заметил свою невесту и удивленно умолк. Постепенно удивление на его лице сменилось ужасом. Ларош захлопнул дверь, подошел к девушке и сбивчиво заговорил по-французски, в его глазах теперь сверкали огоньки гнева. Паола что-то ответила, и ярость Лароша мигом сошла на нет.

— Боже,— выдохнул он.— Только этого не хватало. Чего вы ей наговорили?

Я заколебался. Оба смотрели на меня как на врага.

— Ну? — Голос Лароша дрогнул.

— Тут есть индеец...— начал я.

— Макензи? Знаю, мы встретили Дарси на тропе. Вы замыслили идти в тайгу вместе с ним, не так ли? Чтобы искать Львиное озеро?

Я кивнул, гадая, что сейчас произойдет.

— Ничего не поделаешь,— заявил он и вздохнул.— Не понимаю, откуда такая решимость. Я иду с вами.

— Со мной? Но почему? — Я не верил своим ушам.

— Вы не оставили мне выбора. Я уже все обсудил с Биллом Лэндсом по дороге сюда. Он разрешил мне попытать счастья еще раз.

— Значит, вы не собираетесь мне мешать? — Столь резкая смена настроений озадачила меня.

— А чего ради? — Он улыбнулся, и я вдруг понял, что отчаянно не хочу иметь Лароша в спутниках.

— Когда же вы думаете выступить? — спросил он.

— Завтра с рассветом, если Макензи согласится нас вести.

— Хорошо. А теперь извините: я хочу поговорить с Паолой наедине.

Они вышли, закрыв за собой дверь, и принялись о чем-то спорить по-французски. Постепенно тон разговора изменился: теперь Ларош молил ее. Внезапно голоса смолкли. Я подошел к окну. Жених и невеста стояли неподалеку. Наконец Ларош пожал плечами, а потом они сели в машину и куда-то поехали. Я остался один, мучимый дурными предчувствиями.

Вскоре вернулся Дарси в сопровождении Билла Лэндса. Они вошли, стря-

хивая с башмаков снег. Заметив меня, Лэндс сказал:

— Вы, наверное, знаете, что мы решили попытать счастья еще раз. Возможно, вы правы, возможно — нет. Теперь это не имеет большого значения: вы здесь, и о причинах вашего приезда знает вся трасса. Так что радуйтесь: у меня уже нет выбора. А где Паола?

Я ответил, что застал ее спящей в хижине, но теперь она уехала.

— Это ее теплые вещи и снаряжение?

Я кивнул.

— Проклятье! Так я и думал. Что ж, видимо, это неизбежно.— Лэндс расстегнул парку.— Теперь ее не остановишь, девка упряма как сам дьявол. Не нравится мне это. Сейчас слишком поздно, зима на носу.

— Попроси вертолет,— посоветовал Дарси.

— Нет, индеец никогда не найдет озера с воздуха. Нужна пешая экспедиция. Рэй, прошу тебя как друга, иди с ними. Я бы и сам, да работа поджимает. Берт, конечно, не новичок в тайге, но он был ранен. Я хочу, чтобы все кончилось хорошо. Понимаю, что прошу слишком многого...

— Ерунда,— перебил его Дарси.— Только договорись со Стаффеном.

— Спасибо, Рэй,— с облегчением проговорил Лэндс и, кивнув, вышел из хижины.

— Ладно, пошли на склад, покопаемся в одежде,— сказал Дарси.— Потом — к повару насчет провизии.

Мы вышли на улицу, и я спросил:

— Вы умеете пользоваться радиопередатчиком?

— Нет, а ты?

— Недостаточно хорошо, чтобы слать радиограммы.

— Ларош умеет.

Но я не хотел в чем-либо зависеть от Лароша.

— А вдруг он заболеет?

— Ты думаешь о том передатчике, что был в самолете? — спросил Дарси.— Надо будет потолковать со здешними радистами.

На подбор одежды ушел час. Я взял себе куртку, длинные ватные штаны и рубаху.

— Все в норме? — спросил Лэндс, когда мы пришли в столовую и сели за стол.

— Собираемся,— коротко ответил Дарси.

Вошли Паола и Ларош. Заметив сумрачное выражение лица девушки, Лэндс понял, что не все идет ладно.

— Вы видели Макензи? — спросил он.

— Индеец не пойдет,— ответил Ларош.

— Какого черта?

— Он боится духов,— заметил Дарси.

— Духов? Макензи не суеверен. И боится он чего-то реального. За весь разговор он ни разу не взглянул на меня. И ни разу не оторвал глаз от Альберта. Они даже говорили в палатке наедине, но и это не помогло.

— Я предлагаю отправиться маленькой партией,— сказал Ларош.— Вдвоем. Я и еще кто-нибудь. Мы сможем идти быстро...

— Нет,— отрезала Паола.— Я иду с вами. Ты не можешь меня не взять: у меня есть карта, по которой можно добраться до места.

— Карта? — удивленно переспросил Ларош.

— Ну-ка покажи,— сказал Лэндс, протягивая руку.

— Она очень грубая,— ответила Паола.— Я заставила Макензи нарисовать ее. Но для похода сгодится.

Лэндс развернул листок.

— Во всяком случае, здесь обозначены озера,— сказал он.— Все или только некоторые?

— Некоторые. Такие, которые можно опознать на местности. Макензи нарисовал несколько холмов, трясин и отрезок тропы, отмеченный зарубками на деревьях.

— Можно ли использовать эту карту при поисках с воздуха?

— Очень сложно,— ответил Ларош.— Выбор ориентиров основан на наблюдениях с поверхности земли. Да и вертолета здесь нет: его ремонтируют...

Отправляться мы решили с рассветом, потом долго спорили, брать ли каноэ. В конце концов сошлись на том, что надо взять. По словам Лароша, воды в этом районе тайги было не меньше, чем суши. По твердой земле каноэ придется тащить волоком, зато не надо будет делать крюки, огибая озеро и болота.

В радиорубке поселка было жарко натоплено. Дежурный читал журнал и оторвался от него с видимой неохотой. Все же мне удалось заставить его рассказать, как работает передатчик. Введя нас в курс дела, радист отвернулся и снова взялся за журнал. Я заколебался было, но потом все же решил спросить:

— Не могли бы вы связаться с одним радиолюбителем в Гус-Бей? Позывные V06AZ.

Радист покачал головой.

— Нет. Аппаратура должна быть настроена на нашу частоту. Такова инструкция.

— К черту инструкцию! — взорвался Дарси.— Ну-ка шевелись и делай, что тебе говорят!

— Хорошо, мистер Дарси,— присмирел радист.— Какая у него частота?

Я сообщил ему все сведения, и парень завертел ручки настройки, потом взялся за ключ. Шли минуты, но связи все не было, и тогда я попросил его вызвать Перкинса. На это ушло всего несколько минут.

— Боб? — сказал я в микрофон.

— Привет, приятель,— ответил он.— Тут на твое имя телеграмма от Фарроу. Ты где, на 263-й?

— Да. Я иду искать Брифа вместе с Ларошем и Дарси. Будь другом, следи за старой частотой Брифа: его передатчик может еще работать, и я надеюсь им воспользоваться.

— Значит, идешь с Ларошем? — Даже расстояние не скрадывало ноток удивления в голосе Перкинса.— Подумай хорошенько, а в качестве пищи для размышлений вот тебе телеграмма от Фарроу. Слушай: «Мать в отчаянии. Прежде чем ехать на Лабрадор, надо было прочесть дневник Александры Фергюсон. Дед был убит своим спутником на Львином озере. Имя убийцы — Пьер Ларош. Мать опасается, что он как-то связан...»

Ларош! Неудивительно, что отец вывел это имя печатными буквами. Внезапное открытие истины ослепило меня, словно вспышка.

— Вы знали, что они родственники?! — возопил я, оборачиваясь к Дарси.— Боже мой! Теперь ясно, почему отца так волновала судьба экспедиции Брифа. Лэндс знает?

Дарси кивнул.

— А Паола?

— Наверное...

Знали все, кроме меня. И молчали.

— Какова степень их родства? — спросил я.

— Та же, что и у тебя с Фергюсоном. Альберт — внук Пьера.

Родня в третьем поколении. То-то я испугался, узнав, что Ларош идет с нами.

Дарси хрипло произнес:

— Простое совпадение...

Совпадение? Да, но чертовски странное: внук убитого и внук человека, подозреваемого в убийстве, вместе, в дебрях Лабрадора, на том самом месте, где когда-то разразилась трагедия... Я был так потрясен, что заставил Перкинса повторить сообщение. Моя мать отправила дневник самолетом в Монреаль, откуда его немедленно перешлют на 134-ю милю. Но было уже поздно. Впрочем, теперь это не имело значения.

— Мы отправляемся завтра,— сказал я Перкинсу, и мы условились, что он будет ждать моих сигналов каждый день с семи до половины восьмого, утром и вечером. Боб обещал связаться с Леддером и попросить его дежурить у приемника в то же время. Теперь нас будут слушать так же, как мой отец слушал Брифа. Мысль об этом немного успокоила меня.

На улице валил снег, колючие снежинки, увлекаемые ветром, неслись почти параллельно земле, набиваясь в глубокие колеи.

Дарси схватил меня за руку.

— Все это простое совпадение, парень. Выкинь из головы.

Выкинуть из головы? Не думать о том, что Ларош — внук потерявшего рассудок убийцы? Нет, такое не забывается. В эту последнюю перед выступлением ночь я долго лежал без сна, думая о воскресшем прошлом и прислушиваясь к завыванию ветра за тонкими деревянными стенками хижины.

Перевел с английского
А. ШАРОВ

Окончание следует

ЛЬВИНОЕ ОЗЕРО

Роман

ХЭММОНД ИННЕС, английский писатель

Я проснулся под звон будильника в тихий предрассветный час и сразу почувствовал, что пути назад у меня уже нет. Вспыхнул свет, и я увидел склонившегося над печкой Дарси.

— Снег еще идет? — спросил я его, не желая вылезать из-под теплого одеяла.

— Наверное. — Он зажег спичку и развел огонь в печи. — Вставай, через четверть часа завтрак.

Мы умылись, побрились и вышли в пустой белый поселок. Паола Бриф уже сидела в столовой, вскоре пришел и Ларош. За окнами дул сильный ветер и по-прежнему падали мелкие льдинки почти параллельно земле. Росли сугробы.

Мы молча поели, думая каждый о своем, потом сели в выделенный для нас грузовик и поехали к месту встречи с машиной, которая везла с 290-й мили наше каноэ.

В начале двенадцатого грузовик наконец приехал. Мы перенесли каноэ и скатанную в рулон палатку в нашу машину и снова выехали на тропу, направляясь к той точке, в которую попал Ларош, когда выбирался из тайги. Доехав до места, мы забросили за спины рюкзаки, а на плечи подняли каноэ и пешком углубились в заросли. Теперь мы были одни — четверка людей, перед которыми раскинулся Лабрадор. Между нами и побережьем, на пространстве почти в триста миль шириной, не было ни единой живой души.

К ночи мы разбили лагерь на каменистых берегах небольшого озерца.

— Вот ты и понюхал Лабрадорчику.— Ладонь Дарси дружески стиснула мое колено.— Похоже, прошли от силы пять миль, если считать по прямой. Примерно одну десятую пути, если не меньше. Или одну двадцатую, с учетом обратной дороги.

— Ты что, хочешь уронить наш моральный дух? — спросил Ларош.

— Лучше, когда знаешь счет,— ответил Дарси.— Одно у нас утешение: по мере уничтожения провианта рюкзаки становятся легче.

...Проснулись мы с рассветом, быстро развели потухший за ночь огонь и приготовили завтрак. Утро было промозглое, на воде лежал плотный туман. Ларош снял и свернул палатку, а я стоял рядом и молча наблюдал за ним.

— О чем задумались? — спросила подошедшая Паола.

— Так, пустяки,— быстро ответил я. Делиться с ней своими страхами мне совсем не хотелось. С Дарси — другое дело, но с Паолой ни за что.

Окончание. Начало см. в № 9—11.

— Если пустяки, то лучше помогите мне грузить каноэ,— нахмурившись, сказала она.

В этот день каноэ сослужило нам хорошую службу. Только утром мы пересекли три озера и в начале одиннадцатого добрались до четвертого — длинного и узкого. Преодолев его по диагонали, мы вышли на старую индейскую тропу и очень скоро достигли второго из отмеченных Макензи озер. Но дальше стало труднее: вода и суша смешались непостижимым образом, озерца теперь были мелкие, ориентиры куда-то исчезли. Мы старались держать курс точно на восток, но шли практически вслепую.

Правда, шагать было не очень тяжело, волок легкий, много воды. Мне ни разу не удалось остаться с Дарси наедине, чтобы поговорить. Даже обед — шоколад, печенье и сыр — мы проглотили на ходу. Самым удивительным было то, что темп переходов задавала Паола.

Дарси был много старше любого из нас, и к концу дня, когда волок стал труднее, темп начал сказываться на нем. Да и на Лароше тоже; лицо его побледнело, походка стала вялой. Он взял себе на хранение карту Макензи и все чаще останавливался, чтобы свериться с ней. Однако на вопрос Паолы, узнает ли он местность, Ларош неизменно качал головой. Она всерьез забеспокоилась, когда мы, пройдя в хорошем темпе десять миль, так и не достигли озера, которое должны были опознать по каменистой банке в середине.

Мы с Паолой шли впереди. Волдыри на пятках давали о себе знать, но я уже начал втягиваться в ритм похода. Шли по большей части молча: Паола была занята выбором направления, а я глазел по сторонам. Местность была суровой и по-своему прекрасной.

Вскоре мы очутились на берегу маленького озерца и остановились, поджидая Дарси и Лароша, тащивших каноэ.

— Как вы думаете, не слишком ли мы отклонились к югу? — спросила Паола, хмуро глядя на поверхность воды.

— Не знаю,— ответил я. Она бросила рюкзак и растянулась на берегу, пытаясь расслабиться.

— Жаль, что здесь нет гор: могли бы оглядеться с вершины какого-нибудь холма,— сказала девушка.— Альберт утверждает, что карта Макензи уводит нас слишком далеко к югу, и предлагает повернуть на север.

Я понял, что Ларош стремится увести нас от Львиного озера.

Кустарник позади нас шевельнулся, и появились Дарси с Ларошем, сгибавшиеся под тяжестью каноэ.

— Пойдем по карте,— сказал я. Мне хотелось объяснить ей, что отклонение к северу равнозначно провалу всего предприятия, но тогда она наверняка догадается, почему Ларош пытается увести нас в сторону от Львиного озера. Поэтому я не стал продолжать свою мысль. Паола поднялась на ноги.

— Альберт, ты узнаешь хоть что-нибудь? — спросила она.— Например, вон ту большую скалу?

— Я уже говорил тебе, что шел севернее,— ответил Ларош.

То, что сама местность как бы оттесняла нас к югу, не вызывало сомнений, но мысль о повороте на север совсем не нравилась мне: именно туда нас пытался увести Ларош.

Сменив курс, мы пересекли три озера и к вечеру вышли к широкому водному пространству с каменистой отмелью в середине. Паола тут же решила, что именно это озеро нам и нужно.

— Ты был прав,— сказала она Ларошу.— Мы слишком отклонились к югу.

Он не ответил. Лицо его стало чернее тучи. Вытащив из кармана карту, Ларош уставился на нее.

— Похоже, надо идти еще дальше на север,— сказал он наконец.

— А отмель?

— Она имеет другие очертания, не такие, как на карте. И здесь нет деревьев, хотя Макензи отметил их.

— Я уверена, что на карте обозначено именно это озеро. Макензи говорил, что банка едва видна над водой. Он называл ее островом из голышей.

Я повернулся к Дарси.

— Сколько мы прошли сегодня?

— Всего миль двадцать или чуть больше.

— Значит, примерно половину пути.

Предстояло пересечь еще три озера, чтобы выйти на берег реки — последнего ориентира на карте Макензи. Дальше, за рекой, должно было лежать Львиное озеро.

— Вот оно,— сказал я, ткнув пальцем в карту.— Нанесено верно, и...

— Черт возьми! — воскликнул Ларош.— Если вы так хорошо знаете дорогу, то ведите нас!

— Он прав,— вступилась за меня Паола.— Мы прошли половину пути, а Макензи говорил, что дорога займет два-три дня.

— А я утверждаю, что мы слишком уклонились к югу,— Ларош пожал плечами и начал складывать карту.

— Дай я еще раз взгляну на нее,— попросила Паола, но Ларош уже отвернулся и сунул карту во внутренний карман парки.

— Потом посмотришь,— сказал он.— Пора двигаться, если хочешь переплыть это озеро до темноты.

Я не знаю, заподозрила она что-то или нет. С начала путешествия Ларош ни разу не выпустил карту из рук. Паола подбежала к жениху и вцепилась ему в локоть.

— Альберт, это моя карта, дай сюда.

— Господи, Паола! — Он стряхнул ее руку.— Ты уверена, что это озеро...

— Уверена!

— Тогда зачем тебе карта?

— Затем, что она моя,— Паола ухватила его за лацканы парки, она чуть не плакала.— Отдай, пожалуйста!

На лице Дарси появилось испуганное выражение. Он быстро втиснулся между женихом и невестой.

— Спокойно, Паола.— Дарси довольно грубо оттащил ее от Лароша.— Карта в надежных руках. Пора перебираться через озеро.

Она поколебалась, потом разом обмякла.

— Да, конечно, ты прав: надо торопиться.

Сильно похолодало, особенно это чувствовалось на воде. Мы молча работали веслом, тишину нарушали лишь всплески и шелест воды о кожаные борта каноэ. Потом со стороны каменистой отмели послышался гусиный крик, и у меня перехватило дыхание. Четыре птицы, похожие на белых галеоны, плыли у нас за кормой. Дарси вскинул ружье и выстрелил. Три гуся тут же взлетели, один завалился набок. Мы втащили его в каноэ, и вновь воцарилась тишина, как будто и не было ружейного грома и неистового хлопанья крыльев.

Берега мы достигли уже в потемках. Пока Паола ощипывала и потрошила гуся, мы развели костер, и скоро тушка птицы жарилась на деревянном вертеле над огнем. Мы сидели вокруг, пили кофе и переговаривались. Инцидент с картой, казалось, был напрочь забыт.

Делили гуся индейским ножом Паолы. Лишь после того, как мой желудок был набит мясом, я снова обратил внимание на скованное, напряженное выражение лица девушки и угрюмое молчание Лароша. Поэтому, когда Дарси встал и углубился в подлесок, я пошел за ним.

— Надо поговорить,— сказал я, нагоняя его.— Это касается Лароша.

Дарси тут же заставил меня замолчать:

— Слушай, Ян, тебе надо забыть, что он внук Пьера Лароша. То, что произошло между твоим и его дедом, не имеет никакого отношения к сегодняшнему дню.

— А по-моему, имеет,— возразил я и сбивчиво рассказал Дарси обо всех своих страхах.

— Ты понимаешь, что говоришь? — спросил он меня, едва я умолк.— Ты всерьез думаешь, что Ларош мог покуситься на их жизнь? Господи! По виду он вполне нормален. Я-то, честно сказать, больше волнуюсь из-за Паолы. Но если ты прав...

— А если не прав, то какого черта он тянет нас на север? Он боится, что мы найдем Львиное озеро. Учтите, я вас предупредил.

— Надеюсь, Паоле ты ничего не сказал?

— Конечно.

Мы вернулись к костру, и Дарси произнес:

— Поздно уже.

Казалось, его голос разрядил возникшее вокруг костра напряжение. Паола и Ларош поднялись и отправились вслед за Дарси в палатку, а я присел у огня.

За моей спиной хрустнула ветка. Подошла Паола.

— Не засиживайтесь,— сказала она.— Утром будет тяжело.

— Здесь так тихо,— ответил я.

— И небо все в звездах. Вы никогда прежде не были в таких местах?

— Никогда.

— Немного пугающая картина, правда?

— Немного,— признался я.

— Понимаю.— Она легко коснулась моей руки, и этот дружеский жест удивил меня.— Отец тоже так считал.

— Что он за человек?

— Трудно сказать. Думаю, вы бы с ним поладили. Вы смельчак, а это ему нравится в людях больше всего,— она вздохнула.— Только вряд ли он жив теперь. Печально, если они разбились на Львином озере... Там, говорят, есть золото. Он хотел открыть богатую жилу и создать рудник, который назвали бы его именем. Но так и не сумел. Мы вечно бедствовали, а мать даже умерла, так как отец не мог оплатить ее лечение. Он был разведчиком, азарт поиска вошел в его кровь...

Когда я проснулся, от тишины и покоя не осталось и следа. С шумом бились о берег волны озера, ревел в кронах мощный северо-западный ветер, день был сумрачен и сер. Во время пешего перехода к следующему озеру полил дождь, а сам переход оказался очень трудным, кочковатая земля уходила из-под ног, ветер, казалось, вот-вот вырвет из рук каноэ, которое на этот раз несли мы с Дарси. Мы промокли до нитки, и вся компания являла собой довольно жалкое зрелище.

Наконец мы добрались до небольшого озера, поверхность которого кипела и вздымалась волнами.

— Пройдем на каноэ? — спросил я Дарси.

— Конечно,— ответила за него Паола, но, судя по выражению лица Дарси, ответ этот пришелся ему не по нраву. Он вытирал очки мокрым носовым платком, смотрел на озеро и что-то бормотал себе под нос.

Когда мы достигли противоположного берега, каноэ было полно воды. Во время следующего перехода ландшафт местности опять резко изменился, подлесок стал гуще, между кочками зачавкала трясина торфяных болот. Сперва их можно было огибать стороной, но вскоре мы вышли к огромному заболоченному участку и были вынуждены преодолевать его по прямой. Это потребовало нечеловеческих усилий, нередко мы проваливались в воду по пояс. Наконец болото осталось позади, но тут же перед нами раскинулось еще одно, гораздо более обширное.

Лагерь в этот день разбили рано, на маленьком каменистом островке, где росло несколько чахлых сосен. Удалось развести огонь, но костер больше чадил, чем горел, и настроения заниматься стряпней у нас не было. В конце концов мы забились в палатку.

Утром дождь перестал, и мы увидели, что каменистый островок, на котором стоял наш лагерь, в действительности представляет собой длинную косу, выдающуюся из берега огромного озера. Переплыть его сейчас не было ни малейшей возможности, оставалось сидеть и ждать, пока стихнет ветер.

Здесь мы и потеряли карту. Ларош разложил мокрый листок на камнях, чтобы просушить на ветру, и придавил его сверху голышом. Во всяком случае, так он утверждал. Голыш оказался на месте, но карта исчезла. Обшарив весь берег, мы так и не нашли ее.

— Видать, в воду сдуло,— предположил Дарси, и Ларош согласно кивнул.

— Мне как-то в голову не пришло, что здесь может быть такой ветер,— пробормотал он, не глядя ни на кого из нас.

На берегу озера мы проторчали до сумерек. Потом ветер внезапно стих, похолодало. Мы переплыли озеро по компасу, в кромешной тьме, рискуя перевернуться. Ледяная вода перехлестывала через борта, и ее приходилось непрерывно вычерпывать. Наконец мы достигли берега, но еще долго мучились, прежде чем смогли развести костер.

И тут напряженность, возникшая между Паолой и Ларошем и долго копившаяся, наконец привела к взрыву.

— Ты уверен, что не видел этого огромного озера, когда выбирался отсюда? — спросила она его.

— Уверен. Оно такое большое, что мне пришлось бы делать крюк на много миль, чтобы обойти его.

— Но ты мог просто забыть. Ты же был ранен и...

— Боже мой! У меня не было каноэ! Как я мог позабыть озеро таких размеров, скажи на милость? Я шел гораздо севернее, повторяю в сотый раз: севернее!

— Мы выступили из той точки, где Рэй тебя подобрал, и все же ты ничего вокруг не узнаешь. Такого просто не может быть!

— Учти, что я полз пять суток...

— Но трясину-то ты запомнил!

— А может, это совсем другое болото?

— И зачем ты потерял карту? — воскликнула Паола.— Теперь мы не можем быть уверены...

— Потерял, и дело с концом! Очень сожалею! Непонятно только, какая нам польза от этой карты. Предыдущее озеро мы не узнали, сегодняшнее — тоже. Надо идти на север и искать маршрут, которым я выбирался.

— Почему ты так на этом настаиваешь, Альберт? — Спокойствие ее тона заставило меня поднять глаза.— Ты все время был против того, чтобы идти по карте.

— Потому, что вовсе не убежден, что мы разбились именно на Львином озере!

— Тогда зачем тебе понадобилось терять карту?

— Это случайность,— глаза Лароша бегали.

— Допустим, что так,— дрожащим голосом произнесла Паола.— Но почему ты так упорно держал ее при себе и никому не давал? Чего ты боишься? Ты не хочешь, чтобы мы нашли Львиное озеро. Не отрицай, это так! Я чувствую: ты чего-то боишься!

— Можешь думать все, что тебе угодно,— ответил Ларош, потом поднялся и скрылся за деревьями. Мы переглянулись, и Дарси, вскочив, бросился следом за ним.

Мы с Паолой остались вдвоем. Она сидела неподвижно, будто замороженная, потом повернулась ко мне и спросила:

— Что там произошло? Прошу вас, Ян, расскажите мне. Я должна знать. Неужели не понятно, что я люблю его? Как я смогу ему помочь, если не буду знать правду?

Вернулся Дарси, и Паола умолкла.

— Пора укладываться,— твердо сказал инженер.

Следом за ним появился Ларош. Он попросил еще кофе и получил кружку из рук Паолы. Туча рассеялась, но чуть позже, когда мы забрались в палатку, Дарси придержал меня за локоть и шепнул:

— По-моему, эту парочку больше нельзя оставлять без присмотра.

Я кивнул:

— Осталось каких-то двадцать миль. Если все пойдет хорошо, завтра или через день мы будем знать правду.

— Я думаю, ты был прав. Честное слово. Кажется, мы заблудились. Вот почему я полагаю, что ты был прав...

Утром опять показалось солнце, и небо приобрело бледно-голубой оттенок. Похоже, трясина осталась позади, перед нами лежало широкое каменное плато, ровное, как сковорода, и покрытое маленькими озерцами, сливавшимися друг с другом, либо разделенными короткими участками суши. Дарси спросил Лароша, помнит ли он этот участок, но пилот долго молчал, а потом ответил, что запомнил лишь то, как он вышел из скал на открытый отрезок, шагать по которому было легче.

— Неужели ты по-прежнему ничего не узнаешь? — спросила его Паола. Ларош покачал головой.

— Но ты же знал, что предстоит возвращаться и искать отца. Почему ты не оставил никаких ориентиров?

— Сейчас это неважно,— прервал ее Дарси.— Берт уже объяснил мне, что, вступив в район скал, мы окажемся в пяти милях от озера. Если карта Макензи не врала — значит наш путь пересекает река. Добравшись до нее, пойдем вниз по течению, пока не наткнемся на водопады последний ориентир индейца. Найдем их, а тогда можно будет считать, что пришли.

Спустя два часа подошли к холмам, покрытым густым ельником. Здесь стало тяжелее, некоторые скалы оказались столь круты, что идти по прямой было невозможно. Лагерь мы разбили рано на берегу первого попавшегося озера. Ночью я проснулся внезапно, как от толчка. Лароша в палатке не было. Я слышал, как он топчется вокруг. Приоткрыв клапан, я выглянул наружу.

Он стоял возле потухшего костра и надевал рюкзак. Голос изменил мне, и я даже не спросил Лароша, что он намерен делать, а просто молча смотрел, как он подхватывает и сует за ремень свой топор. Мгновение спустя Ларош

исчез из поля зрения, и я услышал стук его башмаков по каменистому берегу озера.

Он уходил на юг! На юг, а не на север. Я, не задумываясь, зашнуровал ботинки и устремился следом за ним, проворно продираясь сквозь ельник. Выскочив на открытое место, я шмыгнул под сень деревьев и оттуда наблюдал, как Ларош карабкается на крутую скалу у южной оконечности озера. На мгновение он застыл на вершине и оглянулся на лагерь — одинокая черная фигура на фоне лунного сияния. Потом посмотрел по сторонам, словно искал верное направление, и исчез из виду.

С моей стороны это была, несомненно, глупая выходка; я не имел ни компаса, ни еды, ни снаряжения, ничего, кроме одежды, в которую был облачен. В густых еловых зарослях я мог преследовать Лароша только на слух: приходилось то и дело замирать на месте и прислушиваться. В итоге он уходил все дальше, и скоро я уже ничего не слышал.

Внезапно я с ужасом понял, что уже не найду дорогу назад: я потерял чувство направления, пока шел на звуки. В панике я бросился вперед, отчаянно пытаясь нагнать Лароша, и мне повезло. Он шел по берегу маленького озерца, к которому я выбежал, миновав еловую чащу. Снегопад к этому времени усилился, и за его пеленой фигура пилота была едва различима.

— Ларош! — завопил я.— Ларош!

Он резко остановился и повернул голову.

— Ларош, погодите! — Я понимал, что ему достаточно шмыгнуть в заросли, чтобы навсегда избавиться от меня.

Однако вместо того, чтобы уйти, он стоял и молча ждал меня. Подбежав вплотную, я увидел в руке пилота тускло блестящий топор и замер. Сердце подкатило к горлу. Я не захватил с собой никакого оружия, и защищаться мне было нечем.

Но Ларош, казалось, вовсе и не думал бросаться на меня. Окинув взглядом берег озера, он спросил:

— Где остальные? Они идут за нами?

Я покачал головой.

— Так вы один? — с явным облегчением произнес он.— Видели, как я покинул лагерь?

Ларош выругался себе под нос, воспользовавшись для этой цели индейским проклятием.

— Мне казалось, я ускользнул незамеченным,— продолжал он.— Вот что, возвращайтесь-ка к ним, уговорите Паолу и Рэя дождаться меня тут, я буду через двое суток.

— Куда вы идете?

— Это мое дело.

— Вы испугались случившегося и оставили еще живого Брифа. Это правда?

— Ах, какой же вы у нас умница! — Это было сказано без малейшего оттенка враждебности.— Да, в известном смысле это правда. Я испугался. Я был уверен, что Бэйрд умер... Слушайте, вы сочли бы меня психом, скажи я вам, что история повторилась, верно?

— Что вы имеете в виду? — у меня пересохло в горле.

Он посмотрел на меня долгим взглядом, потом потряс головой.

— Нет, теперь добра не жди,— пробормотал пилот.— Похоже, вы в состоянии смотреть на это дело лишь с одной точки зрения. В самый первый день, там, в Сет-Иле, я уже знал, что у вас на уме. Боже мой, и почему это оказались вы? Да если я вам расскажу... Нет, вы все вывернете наизнанку... Но тот индеец был прав: место там гиблое.

— Значит, это все же Львиное озеро?

— Конечно. То место, где мой дед убил вашего. Тело по-прежнему там — куча костей, вот что осталось от Джеймса Финлея Фергюсона. И дырка в черепе — след от пули. В затылке. Пьер Ларош подкрался сзади и хладнокровно застрелил его. Несладко вдруг обнаружить, что твой дед — убийца.

— А что произошло между вами и Брифом? — спросил я.

— Нет, этого я вам не скажу. Как не скажу и об участи, постигшей Бэйрда. Но вы можете пойти и посмотреть своими глазами.

— Прямо сейчас?

Ларош кивнул.

— Стало быть, вы идете к Львиному озеру?

— Ну разумеется.

Что он замыслил? Замести следы? Или им движет инстинкт убийцы, влекущий преступника туда, где он расправился с жертвой? Теперь я был убежден в помешательстве Лароша.

— Вы идете к югу...

— Естественно. Мне надо отыскать старый маршрут.

— А сами говорили, что он лежит севернее.

— Мало ли что я говорил? Если пойдете со мной, сами увидите, что случилось в Бэйрдом. Тогда, может, поверите мне.

— Вы заявляли, что Бэйрд получил ранение во время катастрофы,— шепнул я.— И Бриф тоже.

— В катастрофе никто не пострадал,— ответил Ларош.— Да, я так сказал, но вы вовсе не обязаны принимать эти слова на веру. Я просто хотел положить конец вашему расследованию. Ну что, пойдете со мной?

Я заколебался. Мысль о таком походе приводила меня в ужас. Единственной моей надеждой были Дарси и Паола. Они могли найти озеро раньше нас, руководствуясь указаниями индейца. Но если вдруг я окажусь единственным свидетелем того, что там произошло...

— Вы уверены, что отыщете озеро?

— Еще бы! Я очень тщательно запоминал дорогу и даже делал зарубки на деревьях.

— Но если мне можно с вами, то почему нельзя остальным?

— Я не хочу, чтобы все знали правду.

— Но Паола...

— Паолы это касается более, чем кого-либо другого. Теперь я просто вынужден взять вас с собой: вернувшись, вы начнете болтать, а Паола ни за что не должна узнать о случившемся на Львином озере.

— Но они будут волноваться за нас...

— Я оставил записку. А о том, что вы со мной, они и сами догадаются. Молю бога, чтобы она поступила так, как я написал, и осталась в лагере.— Он взмахнул топором.— Ладно, пошли. Вы — первый.

Ларош отступил в сторону, давая мне пройти. Я съежился, ожидая удара, хотя понимал, что теперь он наверняка отведет меня на Львиное озеро. У него уже была, да и еще будет масса возможностей убить меня, но отныне мы становились самыми близкими на свете людьми: у нас даже не было палатки, и теперь нам придется согревать друг друга теплом своих тел.

Мы ушли от озера и углубились в ельник. Я слышал за спиной стук топора — Ларош делал зарубки на обратный путь. Внезапно заросли расступились, и я увидел ровную каменистую местность, подобную тому участку, по которому мы шли вчера. Только теперь камень побелел от снега, висевшего в воздухе наподобие грязной шторы.

— Вы идете обратно,— заявил я.— Так нам к озеру не попасть.

— Мы немного вернулись.— Ларош чуть улыбнулся.— Надо найти один старый ориентир.

Снег загнал нас под кроны деревьев. Мы развели огонь, чтобы согреться, а когда снегопад чуть ослаб, вышли на песчаную косу, по которой добрались до первого озера. С этой точки Ларош обнаружил свой ориентир — одинокую скалу с тремя чахлыми елками на верхушке. У нас едва хватило сил нарубить сучьев для костра, после чего мы легли прямо на мокрый снег, съели то немногое, что захватил с собой из лагеря Ларош, и впали в забытье. Спать было невозможно, тем более что меня неотступно преследовал страх. Я был уверен, что лишь один из нас выберется с Львиного озера живым. И вряд ли это буду я.

Утром мы съели последнее печенье. Мне как-то не пришло в голову задаться вопросом: почему Ларош захватил из лагеря так мало еды? И почему он делится ею со мной... В такой стране, как Лабрадор, это казалось в порядке вещей.

Мы представляли собой жалкое зрелище. Особенно Ларош, силы которого, по-видимому, иссякли. Его лицо горело, глаза сияли нездоровым огнем, ватные ноги то и дело подгибались. В начале одиннадцатого мы очутились на берегу огромного водоема, изогнутого в форме лука, противоположный конец которого терялся где-то вдали за деревьями. Тут я впервые предложил вернуться, но Ларош только отмахнулся и замер на месте, устремив взор куда-то на северо-восток.

— Вы слышите? — спросил он.

Единственным звуком, достигавшим моего слуха, был рев ледяного ветра в кронах деревьев.

Похоже на гул водопада,— проговорил Ларош, склонив голову набок.— Это озеро перед нами — часть разлившегося русла реки, которую отметил Макензи. По-моему, сейчас уровень воды выше, чем был, когда я выбирался отсюда,— с беспокойством добавил он.— Тогда я не слышал гула. Осталось две мили.

Ларош спустился к реке и вошел в воду. Я двинулся следом. В первое мгновение у меня захватило дух от холода. Пилот был уже далеко и стоял по грудь в воде. Внезапно он замер на месте, сложил ладони рупором и закричал:

Паола! Паола!

Крик замер в кедровнике, и Ларош бросился вперед. Теперь я больше не колебался: Паола и Дарси где-то поблизости, и, значит, я избавлен от необходимости оставаться наедине с человеком, которого считал убийцей. Вода уже дошла до пояса, холод сковал тело. Течение было довольно мощным. Я видел, как Ларош выбрался на противоположный берег и карабкался теперь по скалам. Выскочив из воды, я с трудом догнал пилота. Он стоял на верхушке утеса, а возле ног тлели головешки брошенного кострища. Над ними вился синий дымок.

— Где они? — задыхаясь, выпалил я.— Вы их видели?

— Нет, я заметил только дым. Они опередили нас! Я этого не ожидал...— Ларош чуть не плакал, его тело сотрясала дрожь.— Мы должны нагнать их прежде, чем они выйдут к озеру.

Надо развести огонь и обсушиться,— сказал я, но он только помотал головой и двинулся вперед.

— Сумасшедший! — заорал я.— Вы замерзнете насмерть!

Он не обратил на мой крик никакого внимания. Теперь Ларош почти бежал, и мне не оставалось ничего иного, кроме как последовать за ним. Дважды он падал, и я думал, что вскоре догоню пилота, но на поверку оказалось, что у меня хватает проворства не упустить его из виду. Внезапно лес поредел, и в просветах между деревьями блеснула вода. Выбежав на скалистый берег, я тут же увидел перед собой скалу в форме львиного туловища. Огромный каменный лев как бы выныривал из самой середины озера, возвышался над поверхностью воды и всем окружающим ландшафтом. Я едва верил своим глазам, едва верил, что мы дошли до Львиного озера. Вид его породил в моей душе какое-то холодное отчаяние. Кругом стоял зловещий сумрак, по берегам озера белела ледяная корка, узкое, длинное и темное, как свинец, водное пространство уже начинало замерзать, черная скала была оттенена белым льдом и оттого казалась еще чернее.

Паола! — долетел из-за деревьев исступленный крик Лароша.— Паола, погоди, умоляю тебя!

Ларош бежал к воде по пологому берегу. Впереди тускло поблескивал металл. Значит, гидросамолет все-таки не затонул! Он лежал у самого берега и был наполовину скрыт водой, а справа от обломков стояли две черные фигуры. Скалистый берег образовывал здесь нависший над озером карниз, с которого Паола и Дарси смотрели вниз, на самолет.

— Паола! — полный страха крик вновь резанул мой слух.

Фигуры на карнизе разошлись в разные стороны, и Паола начала спускаться вниз, к полузатопленному самолету. Дарси устремился следом за ней, выкрикивая какие-то предостережения. Кажется, он решил, что обезумевший Ларош опасен. Улика была налицо: пилот солгал, самолет неопровержимо доказывал это. Я ринулся вниз, к воде, крича Паоле, чтобы она не отходила далеко от Дарси.

Удивляюсь, как я не свернул себе шею на этих скалах. Я подбежал к берегу вслед за Дарси и остановился чуть позади него. Немного дальше впереди стояли Паола и Ларош, все трое застыли как изваяния. Они смотрели куда-то вдоль берега, я обошел Дарси и тоже

Рисунки Г. ФИЛИППОВСКОГО

увидел это страшное зрелище — скрюченный труп в снегу, над ним — покосившийся шест, на который накинут обвисший кусок брезента, а рядом — два стальных ящика. Из одного к деревьям тянулась тонкая паутинка антенны.

Значит, отец был прав. Я подошел к жалким останкам человека, ради которого проделал весь свой долгий путь. Он лежал на боку, исхудавшее лицо было обращено вверх, невидящий взор слепых глаз устремился к лабрадорскому небу. Одна рука все еще сжимала микрофон передатчика, другая, перетянутая грязным окровавленным бинтом, лежала возле рычага генератора. Бриф не сдался, до последнего вздоха пытался он связаться с внешним миром и умер, так и не узнав, что его усилия увенчались успехом. А я... я опоздал, и дело, начатое отцом, кончится моим поражением.

— Боже мой! — словно откликаясь на мои мысли, прошептала за спиной Паола.— Слишком поздно...

— Да,— пробормотал я.— Слишком поздно.

Подняв глаза, я посмотрел на скалу. По крайней мере, я дошел до Львиного озера, добрался до последнего лагеря деда, сделал то, что не удалось моей бабке, то, что наверняка попытался бы совершить отец, не будь он так тяжело ранен на фронте. Я здесь, и это уже что-то значит.

Мне вспомнились слова Лароша: «Куча костей... и дырка в черепе». Хорошо хотя бы, что Брифа постигла менее ужасная смерть.

— Он убил отца, да? — услышал я рядом с собой шепот Паолы. Я ничего не ответил. Теперь она знала правду: тело и передатчик являли собой более чем красноречивые доказательства. Паола медленно обернулась к Ларошу.

— Ты его убил! Ты бросил его умирать одного...

Лицо Лароша покрыла смертельная бледность, он пытался что-то сказать, но слова так и застряли у него в горле.

— Убил! — вскричала Паола и, резко отвернувшись, пошла по берегу, словно дикое раненое животное, ищущее укрытия.

Все могло бы обойтись, если б у Лароша достало разума отпустить ее. Но он бросился следом, крича:

— Паола! Ради бога!

Мы не успели остановить его. Ларош настиг Паолу в считанные мгновения, ухватил за руку и остановил...

— Паола, ты должна выслушать меня...— Он заставил ее повернуться и тут же отступил на шаг, словно получил удар в лицо. Ее глаза горели ненавистью, растерянностью и страхом, она была мертвенно бледна.

— Не прикасайся ко мне!

— Паола...

— Нет! — вскрикнула она, и я увидел, как блеснула сталь. Паола в исступлении ударила Лароша индейским ножом, завопила что-то по-французски и стала колоть его тонким лезвием, колоть зло и бестолково. Колени Лароша подогнулись, и он со стоном повалился к ее ногам, теряя сознание.

Несколько минут девушка стояла над ним, тупо глядя на окровавленное лезвие, потом резко отшвырнула нож и опустилась на снег рядом с женихом.

— Милый...— Она схватила его голову и заглянула в бледное лицо.— Боже мой, я убила его...

Дарси опустился на колени рядом с телом. Паола встала, она вновь была до странности спокойна.

— А теперь я позабочусь об отце,— бесцветным голосом произнесла девушка и медленно побрела меж деревьев туда, где лежал самолет.

У меня тряслись коленки.

— Он умер? — спросил я. Дарси не ответил. Уложив Лароша на снег, он принялся расстегивать парку. Свитер был пропитан кровью насквозь. Дарси взрезал шерсть ножом, показалась рубаха, потом майка и наконец кожа. Из ран на груди сочилась кровь. Дарси прислушался, прижав ухо к тому месту, где находится сердце, и покачал головой, словно врач, поставивший верный диагноз.

— Приведи девушку,— велел он мне.— Надо развести большой костер, нагреть воды и сделать побольше бинтов.

— Так он жив?

— Еле-еле душа в теле. Его спасла парка.— Дарси быстро огляделся.— Разложи костер под прикрытием тех скал, где был лагерь Брифа. И пусть Паола найдет что-нибудь чистое для бинтов. Возьми мой топор и шевелись! Черт возьми! — пробормотал он, и я понял, что Дарси раздумывает о том, как выбраться отсюда с раненым на руках.

Паола стояла, преклонив колена, возле закоченевшего трупа отца. Его тело, густо припорошенное снегом, до пояса скрывал спальный мешок. Я передал девушке распоряжение Дарси, но она, казалось, так ничего и не поняла.

— Отец умер, отец умер,— бормотала Паола, не слушая меня.

— Я знаю,— ответил я.— Мне очень жаль. Но ведь ему уже ничем не поможешь.

— Мы опоздали... Как я могла согласиться с ним? Почему ничего не сделала, когда пришла весть о радиограмме? Я согласилась на прекращение поиска...

— Вы ни в чем не виноваты,— сказал я.

— Здесь нет кострища... Ему даже нечем было согреться, господи! Зачем Альберт сделал это? Зачем он бросил отца и солгал? Я убила его, да?

— Нет,— ответил я.— Он еще жив. Мы должны развести костер и достать бинты. Возьмите себя в руки, Паола.

Я оставил ее и, войдя в заросли, начал рубить ветки. Скоро мне на помощь пришел Дарси, и мы сложили дрова под скалами.

— Он будет жить? — спросил я.

— Черт его знает.— Дарси запалил огонь, поднеся спички к сухой щепе. Еловые ветки задымили и занялись пламенем, костер начал потрескивать.

Паола присела на корточки возле Лароша. Сняв с себя одежду, она укутала жениха. Эта девушка только что едва не убила любимого человека, и я почувствовал, как к горлу моему подкатывает горький комок.

Перетащив Лароша поближе к костру, мы уложили его на кучу лапника и сухого мха. Теперь ему, во всяком случае, не грозила гибель от холода.

— Нам необходимо сегодня же что-то решить,— шепнул мне Дарси чуть погодя.— У нас еды на сутки. Унести Лароша сейчас нет никакой возможности. Если мы останемся здесь с ним, то погибнем все.

— У нас есть радио,— напомнил я.

— Передатчик много дней валялся под открытым небом. Брифу кое-как удалось отправить одну радиограмму, да и то лишь когда аппаратура была в палатке.

Он встал и отправился к Паоле, которая ползала в снегу возле тела отца и что-то искала. Она выпрямилась, и мы увидели в ее руке жестянку.

— Я знала, что найду ее тут,— сказала девушка.

Это была аптечка. Бинты исчезли, морфий был использован, но осталось несколько ватных тампонов и флакон с йодом. Паола перевязала раны Лароша, а мы с Дарси тем временем подтащили передатчик поближе к огню. Я стал крутить ручку генератора, Дарси взялся за контакты, но тока не было.

— Нет, бесполезно,— сказал наконец он.— Все так отсырело, что и сушить нет смысла. Да и отвертки у нас нет, чтобы снять кожух.

— Вода готова? — спросила Паола.

— Закипает,— ответил Дарси, приподняв крышку закопченного чайника.

— Если б только найти старую жестянку, чтобы сделать грелку...

Дарси поднялся на ноги.

— Посмотрим, может, что и завалялось. Он отправился на поиски, а мы с Паолой уложили Лароша в спальный мешок.

— Ян,— обратилась она ко мне.— Я и сама не понимаю, как это случилось... Что же теперь делать? Я останусь здесь,— продолжала она.— Чтобы ни случилось, останусь с ним.

— Даже после того, как он бросил вашего отца на верную погибель?

— Да. Даже после того, как Альберт убил его. Что еще мне остается? Как вы думаете, можно ли выбраться на тропу вдвоем? Если вы и Рэй...

— Мы могли бы попробовать.

— Выйдете завтра с рассветом. При хорошей погоде доберетесь меньше чем за пять суток...— В голосе ее не было уверенности, она думала о трясине и тяжелом каноэ, которое мы будем вынуждены тащить вдвоем. Только вы помогайте Рэю, он очень устал, хоть и скрывает это. О себе и Альберте я не говорю, для нас все кончено. Но я хочу быть уверена, что вы оба выбрались живыми.

— Я сделаю все, что смогу,— пообещал я.

Вернулся Дарси с ржавой канистрой.

— Это подойдет? — спросил он, устало садясь на камни. Паола кивнула.

— Он похоронил Бэйрда среди скал,— сказал инженер, наклонясь ко мне.— Я видел могилу. Вон там. Он слишком устал, чтобы рыть яму, и запихнул труп в расщелину, забросав камнями.— Дарси колебался, потом разжал кулак и показал мне камешек размером с голубиное яйцо. Тот был серого цвета, но, когда инженер поскреб его ногтем, вдруг заблестел тусклой желтизной.

— Знаешь, что это такое? Канистру я нашел на могиле,— продолжал Дарси, не дав мне ответить.— Она была полна этих шариков. Как жертвенный сосуд... Попробуй, какой тяжелый.

Он бросил шарик мне на ладонь. Я вздрогнул, поежился и, повернув голову, посмотрел в ту сторону, где маячила черная громада скалы. Да, индеец был прав: я почувствовал, что ненавижу это озеро и буду ненавидеть его до конца своих дней.

— Ублюдок заслужил смерть,— тихо шепнул мне Дарси, но Паола услышала эти слова и болезненно вздрогнула.

— Ты лучше меня разбираешься в минералах,— сказал инженер, протягивая ей находку.— Что это по-твоему?

— Золото...— пробормотала Паола голосом, полным тоски и страха.

— Да,— подтвердил Дарси и рассказал ей, как он нашел самородок. Девушка повернулась и устремила взор в дальний конец озера.

— Нет...— содрогнувшись, шепнула она.— Нет, нет!

Она вскочила, бросилась к воде и через минуту принесла еще четыре самородка.

— Значит, это все правда? — шепнула Паола.— Проклятое место!

— Возьми себя в руки, девочка, не плачь.— Дарси тяжело встал.— Твой отец нашел то, что искал всю жизнь, и эта находка не принесла ему ничего хорошего.

— Не в золоте дело.— Она вскочила и, спотыкаясь, побрела к телу отца.

— Что за бес в нее вселился? — растерянно спросил Дарси, глядя ей вслед.

Жуткая мысль вдруг обожгла мое сознание, столь жуткая, что я не осмелился высказать ее вслух.

— Не знаю,— тихо ответил я, пристально следя за Паолой. Она постояла возле отца и вернулась к костру. Глядя на ее лицо, я подумал, что не одного меня грызет червь сомнения.

— Если б только он был в сознании и мог говорить...— тихо сказала она.

— Возможно, так оно и лучше,— ответил Дарси.

— Ты ничего не понимаешь.

— Вот как? Я прекрасно понимаю, что мы сидим на грудах золота. Это объясняет все. Ян был прав, он давно подозревал, что Берт помешался на этой почве.

— Вы все еще верите в это? — спросила меня Паола, и голос ее звучал едва слышно.— Ян, скажите ему правду. Только вы знаете, что здесь произошло.

Я молчал. Дарси схватил меня за руку.

— Оставим ее одну,— сказал он мне на ухо.— Бедняга измучилась, довольно с нее.

Паола снова смотрела в серое лицо Лароша. Я встал, и мы с Дарси отошли в сторону.

— Где лежит Бэйрд? — спросил я его.

— Вон,— он кивнул в сторону нагромождения скал на полпути между остатками лагеря и самолетом. Я пошел туда. Я должен был получить подтверждение своей догадке.

Могила действительно была простым углублением в скале, занесенным серым илом. Две сосновые ветки, связанные проволокой, играли роль креста.

— Интересно, когда именно он умер? — пробормотал я.

— Это имеет какое-нибудь значение? — спросил Дарси.

— Не знаю. Но Ларош был убежден, что Бэйрд мертв, когда покинул его. Я тоже в этом уверен.

— Видимо, он погиб уже при столкновении.

— При столкновении никто не пострадал, Ларош признался в этом.— Я подумал о канистре с самородками. Ведь это Бриф поставил ее на могилу. Надо взглянуть на тело.

— Господи, зачем? — воскликнул Дарси.

— Сам не знаю,— ответил я. Я не решался рассказать ему, что именно ожидаю найти. Опустившись на колени, я начал отгребать ил и вытаскивать мелкие валуны голыми руками.

— Проклятье! — Дарси схватил меня за плечо.— Что с тобой? Оставь его в покое.

— Теперь ему ничем не повредишь,— ответил я, освобождаясь.— Он ведь мертв, не так ли?

Видимо, мое волнение передалось и Дарси, потому что он бросил свои попытки отговорить меня, а под конец и вовсе стал помогать расшвыривать камни. Вскоре мы освободили верхнюю половину тела и застыли, переполненные ужасом: вся правая сторона головы Бэйрда была снесена напрочь!

— Это топор,— вымолвил наконец Дарси, и я кивнул. Я предполагал, что найду здесь нечто подобное, но такая страшная рана все же оказалась для меня неожиданностью.

— Все,— проговорил Дарси.— Завтра уходим, а его оставим здесь.

Он имел в виду Лароша, но не мог найти в себе силы вслух произнести это имя. А я мучительно раздумывал, стоит ли делиться с ним своей догадкой.

— Ну что, скажешь, я не прав? — зло вскричал Дарси.— По-твоему, это несправедливо — оставить подыхать тварь, которая оказалась способной на такое?

Я обнажил правую руку Бэйрда. Кисть была раздроблена, не хватало нескольких пальцев. Кровавые бинты... А под рукой — холщовая сумка.

— Паола не уйдет,— сказал я и вытащил сумку из-под камней. Она тоже оказалась набита тусклыми серыми шариками.

— Откуда ты знаешь? — раздался за моей спиной голос Дарси. Он явно не понимал, что означает эта сумка и сколь важна наша находка.

— Она сама мне сказала,— ответил я, продолжая раздумывать о сумке, аккуратно захороненной вместе с телом. Во всем этом был какой-то символический смысл. Человек, предавший земле Бэйрда, подарил ему все найденное богатство. Что это? Отречение? Безумная попытка замолить совершенный грех?

— Господи,— пробормотал я себе под нос.— Вот так ирония... Мечтал завладеть всем этим золотом, да так и сдох прямо на россыпях!

— Пойду поговорю с ней,— сказал Дарси.— И приведу сюда. Пусть посмотрит, что сотворил этот человек, а уж потом решает, оставаться с ним или лучше не надо.

— Погодите! — воскликнул я.— Она не должна этого видеть.

— Почему?

— Потому что Ларош невиновен. Действительный преступник — Бриф.

— Бриф?! — Он воззрился на меня как на психа. Я кивнул. Теперь все стало ясно. Рана на лбу Лароша, его решение выбираться в одиночку. Неудивительно, что он был убежден в смерти Бэйрда! А его попытки увести нас подальше от этого места, его настойчивые старания внушить властям мысль о бесполезности поисков и объявить Брифа погибшим! Ларош не остановился бы ни перед чем, лишь бы скрыть от Паолы страшную правду.

Когда я растолковал все это Дарси, он был потрясен.

— Не верю,— только и смог сказать инженер, выслушав меня.

— Как тогда объяснить эту сумку и канистру, полную золота? Бэйрда хоронил Бриф, а не Ларош. Он всю жизнь искал Львиное озеро, потому что знал: здесь рассыпаны сказочные богатства. И нашел. И это свело его с ума.

— Все равно не верю. Родной отец Паолы...

— Если мы выйдем отсюда живыми, обязательно поговорите с Макговерном,— сказал я.— Мне кажется, он знает правду. Ларош работал на компанию и по долгу службы был обязан рассказать ему все.

Дарси молчал долго. Наконец с горечью произнес:

— Не вздумай поделиться этими домыслами с Паолой. Она не переживет такого позора. Возможно, ты прав, но Ларош все равно умрет здесь. Паола не должна знать ничего об этом.

— Она уже знает,— сказал я.— Она все поняла в тот миг, когда вы показали ей самородок.

— Да, наверное,— с тяжким вздохом ответил он.

Я принялся снова засыпать камнями тело Бэйрда, и тут Дарси сказал:

— Мы похороним его здесь, рядом с Бэйрдом. А утром уйдем. Что бы ни решила Паола, мы все равно уходим. Это наш долг.

Паола знала правду. Это стало очевидным, как только Дарси сообщил ей о своем намерении уходить.

— Мы уложим его поудобнее,— сказал он.— А потом втроем и налегке...

Но она не позволила ему договорить.

— Неужели ты думаешь, что я оставлю Альберта умирать? — вскричала девушка. Она была бледна, глаза ее горели решимостью.— Я его люблю. И не брошу. И не надо больше об этом, ладно?

У нее уже не было сил даже на слезы. Я видел, что Дарси в душе смирился с ее решением и больше не намерен пытаться изменить его.

— Вы с Яном уходите и попробуйте выбраться,— сказала Паола.— Если повезет, успеете прислать за нами самолет или вертолет.

Дарси с сомнением оглядел узкий берег. Деревья стояли слишком близко к кромке воды, вертолету здесь не сесть.

— Хорошо,— ответил он.— Сейчас мы похороним твоего отца. Ты пойдешь с нами?

— Нет,— тихо ответила она.— Я помолюсь здесь, рядом с Альбертом.

— Хорошо... Ян, давай покончим с этим, а потом будем решать, что делать дальше.

Мы молча перенесли Брифа к могиле Бэйрда, обложили камнями и черным озерным илом. Работали голыми руками, и дело шло медленно. Наконец все было кончено. Дарси срубил две ветки, сделал из них крест и водрузил его на могилу.

— Вот что,— сказал мне инженер чуть погодя.— Если нам посчастливится выбраться отсюда живыми, все останется так, как говорил Берт. Они были мертвы, когда он оставил их. Ты согласен?

— Да,— ответил я.

— Это чертовски трудно для тебя, я знаю. Честь твоего отца так и останется запятнанной... Спасибо,— он потрепал меня по руке.— Думается, это наш долг перед Бертом. Он многим рисковал, чтобы сохранить тайну. И он наверняка умрет прежде, чем у нас появится возможность вывезти его отсюда.

Вернувшись к костру, мы застали Паолу в слезах. К моему удивлению, Дарси не стал утешать девушку; он взял чайник и отправился к озеру за водой, сказав мне:

— Не трогай ее, пускай выплачется.

Я вздрогнул, увидев, что и по его щекам катятся слезы.

Потом мы нарубили побольше дров, покрутили ручку генератора и попытались связаться по радио с внешним миром. Генератор почти не давал тока, хоть мы и высушили его, как могли. Попытка кончилась неудачей, чего и следовало ожидать, хотя мы крутили генератор чуть ли не два часа. Да и Перкинс скорее всего не ждал нашего сигнала в это время суток.

Наконец мы улеглись спать, голодные и измученные. Ларош не приходил в сознание.

Утром связи по-прежнему не было. В половине восьмого я отчаялся и бросил микрофон. Дарси собирался в путь.

— Ты готов? — спросил он.

— Погоди,— ответил я и полез на одну из скал. Здесь, на вершине, под сенью деревьев, было небольшое нагромождение мелких камней. Я подошел к могиле Джеймса Финлея Фергюсона. Он лежал возле большого валуна — голый скелет без единого клочка уцелевшей одежды, серый и рассыпавшийся, с пробитым пулей черепом. Мне вспомнился ржавый пистолет в комнате отца. Может быть, именно он стал орудием убийства моего деда? Может, бабка отыскала его в одном из лагерей Пьера Ларошa? Я замер, глубоко задумавшись о превратностях людских судеб.

— Черт возьми,— смущенно пробормотал подошедший Дарси.— А я уж и забыл об этой древней экспедиции, столько всего навалилось...

— Неудивительно, что индеец боялся идти сюда,— со вздохом сказал я.

— Да... сцена стольких трагедий. Теперь вот еще Паола.

— Ларош может выжить.

— Нет, он умрет, и девчонка останется одна-одинешенька. И тоже погибнет. На кой ей теперь жизнь? Ну, ладно, пошли!

Прощание было коротким и грустным. Поклявшись сделать все, что в наших силах, мы углубились в тайгу. Никто из нас не оглянулся до тех пор, пока котловина, в которой лежало Львиное озеро, не исчезла за плотной стеной елей. День выдался ясным и солнечным, но вскоре погода испортилась. Мы шли налегке, не жалея сил, и к вечеру добрались до лагеря, где по-прежнему стояла палатка и валялось наше каноэ. Нашлась и кое-какая провизия. После ужина нас тут же сморил сон, а утром Дарси едва переставлял ноги. Все же за шесть часов нам удалось выбраться к скалистому плато, покрытому озерами. Здесь можно было плыть на каноэ. Вскоре кончилась еда, стрелять гусей мы не могли, поскольку бросили ружье, а тратить время на рыбалку мы посчитали непозволительной роскошью.

Не вижу смысла подробно описывать наше возвращение. Нам дьявольски не везло с погодой, в конце концов озера замерзли, и каноэ пришлось оставить. Врал компас. Из-за близости железорудного месторождения стрелка сильно отклонялась, и мы сбились слишком далеко на юг, где угодили в жуткую трясину, в которой были вынуждены провести целую ночь. Дважды где-то на юге нам мерещился рев низко летящего самолета. В первый раз мы были уверены, что не ослышались. Потом самолет или вертолет прошел стороной снова, но в какой день это случилось, я сказать не могу, ибо утратил чувство времени. Мы впали в такое состояние, в котором уже не могли провести четкой грани между реальностью и вымыслом.

Утром девятого (как мне потом сказали) дня мы добрались до проселка, и Дарси рухнул, исчерпав весь запас сил. Дальше я пополз один. Сугробы доходили до пояса, я то и дело ложился в снег, чтобы отдохнуть, и каждый раз чувствовал, что никакая сила не заставит меня подняться и двинуться дальше.

Голоса я услышал во время одной из таких лежек. Они стихли, едва я открыл рот и что-то прокричал. А потом я уже не мог остановиться и вопил что-то несуразное до тех пор, пока меня не подобрали двое рабочих. Они наткнулись на меня случайно. Как я потом узнал, крик, вырывавшийся из моих уст, был не громче писка попавшей в капкан белки.

Последующих событий я практически не помню. Дарси спасли, и нас уложили в кровати в одной из палаток где-то на трассе. Я то и дело впадал в беспамятство, а в короткие периоды просветлений не переставая требовал к себе Лэндса. К моему ужасу, здесь его никто не знал. Помню, как врач сказал мне, что Дарси совсем плох и шансов на спасение у него не больше пятидесяти из ста.

Наконец мне стало чуть лучше, а вскоре приехал Лэндс с Макговерном. От них я узнал, что Паолу и Лароша четыре дня назад вывезли вертолетом в Сет-Иль. По словам тамошних врачей, Ларош уже пошел на поправку. Нас с Дарси тоже искали, но погода быстро испортилась, и вертолет не мог подняться в воздух в течение нескольких суток.

Позже Макговерн в доверительной беседе подтвердил правильность моих догадок. Ларош действительно был ранен в лоб ударом топора. Пока он лежал без чувств, Бриф и Бэйрд успели изувечить друг друга. Бэйрд скончался, а Ларош, придя в себя, решил бросить Брифа на произвол судьбы и выбираться из тайги своими силами. Это был акт правосудия, пусть грубого, но самого гуманного в сложившихся обстоятельствах. Дальнейшие поиски Альберт срывал ради Паолы. Стоило нам найти Брифа и спасти его, суд со всей строгостью воздал бы ему за убийство, а на девушку легло бы черное пятно позора.

С тех пор минуло два года. Дарси рыбачит и пишет свои картины, Паола и Альберт Ларош живут счастливо. Я рад, что достиг Львиного озера и мой долг перед близкими выполнен.

Что же до золота, открытого моим дедом и принадлежащего мне по праву, то я счел за благо отказаться от него. На этих самородках слишком много крови и грязи.

Перевел с английского А. ШАРОВ

ПОД ПСЕВДОНИМОМ «Б. ТРАВЕН»

Жизнь и судьба писателя Б. Травена в течение почти полувека были одной из загадочнейших литературных тайн нашего столетия. Он как бы нарочно бежит от любопытствующих читателей и журналистов, скрываясь под множеством псевдонимов, и ни один из издателей не мог похвастать тем, что лично беседовал с писателем. И потому подозревали даже, что под этим именем выступает не кто иной... как Джек Лондон, по неизвестным причинам избравший судьбу отшельника.

А Травен все продолжал работать, и работать много. Рукописи его произведений, приходившие в Германию и Швейцарию, переводились на многие языки, но сама личность автора полутора десятков романов, лучшие из которых «Сборщики хлопка», «Корабль смерти», «Мексиканская арба», «Проклятье золота», «Сокровища Сьерра-Мадре» и другие, оставалась по-прежнему тайной. Сам он впоследствии скажет своему близкому другу: «У писателя и не должно быть иной биографии, кроме его произведений».

В Советский Союз книги Б. Травена пришли в конце тридцатых годов. Предлагаемый читателю «Вокруг света» роман «Сокровища Сьерра-Мадре», который публикуется в журнальном варианте, был написан в 1927 году.

А что же легенда о Б. Травене? Благодаря усилиям многих людей, и главным образом самоотверженному поиску литературоведа из ГДР Рольфа Рекнагеля, удалось установить, что настоящее имя писателя — Травен-Торсван-Кровс, родился он в 1890 году в Чикаго, в семье выходцев из Скандинавии, жил в Германии, где начал писать на немецком языке под псевдонимом Рет Мерут. За участие в революционных событиях 1919 года в Германии был приговорен к расстрелу, однако ему удалось бежать. Он попал в Мексику, жил среди индейцев, был сборщиком хлопка, искал золото, нефть, плавал матросом на кораблях. И писал об этом занимательнейшие книги, которые и стали его настоящей судьбой. Б. Травен умер в 1966 году.

Б. ТРАВЕН,
немецкий писатель

СОКРОВИЩА СЬЕРРА-МАДРЕ

РОМАН

— Почему вы живете в «Кливленде», дружище? — спросил Доббс Куртина.— Ведь там вы платите не меньше трех песо за ночь.

— Четыре,— ответил Куртин.

— Так перебирайтесь ко мне, в «Осо негро», больше пятидесяти сентаво с вас не возьмут.

— Чересчур там грязно, полно разных прохиндеев и бичкомберов.

— Ваше дело. Когда деньги кончатся, очутитесь в «Осо негро», как мы все. Думаете, мне там сладко? Но я хочу попридержать кой-какую мелочь. Кто знает, когда удастся опять подработать. Я и есть хожу, как прежде, к Чинку — за полста сентаво...

Они подошли к самому углу площади, к большому ювелирному магазину «Ла перла». Остановились, залюбовавшись выставленными в витрине драгоценностями. Золото и бриллианты так и сверкали на солнце. Возможно, именно эти драгоценности и отвлекли их от привычных мыслей о нефти. Ибо все, кто здесь жил, думали только о нефти, все мерили нефтью и мечтали о тех удобствах в жизни, которые каким-то образом связаны с нефтью. Работал ли кто или занимался биржевыми спекуляциями — все было завязано на нефти.

— Что вы вообще-то собираетесь делать, Куртин? — спросил Доббс по некотором размышлении.— Стоять тут да ждать, не перепадет ли тебе случайно что-нибудь,— тоска смертная. Ждать, ждать, и конца этому нет. А денежки-то уплывают и в один прекрасный день кончатся вовсе. Тогда начинай снова дуть в старую дуду, знай выклянчивай деньги у тех, кто на день или на ночь вернется сюда с нефтяных полей. Нет, серьезно, я подумываю, как бы на сей раз не опростоволоситься. Сейчас, когда есть еще деньжата, самое время взяться за ум. Когда их не будет, станешь как пришибленный — и ни с места.

— Этот же вопрос мучает и меня,— ответил Куртин.— Я знаю, что здесь к чему и как оно бывает. Но никакой идеи у меня нет. Разве что отправиться копать золотишко, другого выхода я не вижу.

— Вы всерьез так считаете? — перебил его Доббс.— А ведь вы вроде мои мысли отгадали! Риска в этом не больше, чем ждать удачу на нефтяных полях. Вряд ли есть другая страна, где столько золота и столько серебра лежат себе и ждут, что их откопают!

— Давайте-ка пройдемте вон туда, посидим на скамейке,— предложил Куртин.— Я вам вот что хотел сказать: я сюда подался не из-за нефти, а из-за золота,— начал он, когда они сели.— Решил поработать немного на нефтяных полях, подкопить деньгу, чтобы отправиться на охоту за золотом. Станет это не в ломаный грош. И на проезд надо, и за лопаты выложи, и за кирки, и за сковороду, и за другой инструмент. И потом на жизнь надо, от четырех до восьми месяцев пройдет, пока что-нибудь заработаешь. А может быть и так, что подсчитаешь — прослезишься. Все в минусе: и деньги, и труд, потому что ничего не нашел.

Доббс ждал, что Куртин скажет еще, но тот умолк, будто говорить было больше не о чем.

— Риск не так и велик,— начал, в свою очередь, Доббс.— Шляться здесь и ждать работу — риск не меньший. Кому повезет, заработает в месяц долларов триста, а то еще больше, и так шесть, десять, восемнадцать месяцев подряд. А нет счастья, не подвернется работа, останешься без гроша. Золото, оно тоже кучами не валяется и здоровенными кусками тоже, так что только давай поддевай лопатой и вали в мешок. Это и мне известно. Но если не золото подвернется, может быть, серебро, а не серебро, так, может, медь, или свинец, или камни какие хорошие.

Ни у кого из нас мысли не рождаются только для того, чтобы в одной голове и остаться, ни одна оригинальная идея не рождалась для того, чтобы остаться невысказанной. Любая новая идея — продукт кристаллизации тысячи разных идей, появившихся у людей. Вдруг один из них находит нужное слово или подходящее выражение для новой идеи. И как только слово отыскивается, сотни людей припоминают, что подобная мысль им уже давно приходила в голову.

Когда Доббс вернулся в «Осо негро», то застал в ночлежке троих американцев. Остальные постели были в эту ночь не за-

---

B. Traven. «Der Schatz der Sierra Madre»
Verlag «Volk und Welt», Berlin, 1964.
© Перевод с немецкого «Вокруг света», 1988 г.

няты. Один из вновь прибывших был человеком пожилым, с начавшими седеть волосами.

Когда Доббс появился в комнате, все трое умолкли. Но некоторое время спустя разговорились вновь. Сначала Доббс не понимал, о чем они ведут речь. Потом вдруг сообразил: старик рассказывает о том, как в молодости искал золото. А оба парня приехали сюда, чтобы найти золото; в Штатах они наслышались разных небылиц о том, что в Мексике золото валяется под ногами.

— Золото — вещь проклятая,— говорил старик Говард.— Оно корежит характер. Сколько бы у тебя его ни было, сколько бы ты его ни нашел, пусть даже столько, что и унести не в силах, всегда думаешь, как бы собрать еще больше. И ради того, чтобы прибавить, перестаешь различать, где ты прав, а где нет. Собираешься в путь и говоришь себе, что тридцати тысяч долларов с тебя хватит. Если ничего подходящего не находишь, скостишь потолок до двадцати, потом до десяти, заявляешь даже, что тебя и пять тысяч вполне устроили бы, лишь бы заполучить их, хоть и тяжелым трудом. Зато если найдешь, то никакие тридцать тысяч, которые ты себе за предел положил, тебя не устроят, и ты все завышаешь и завышаешь ставку: сперва до пятидесяти, потом до ста и двухсот тысяч. А там и начинаются неприятности, там тебя так и начинает мотать туда-сюда, пока всю душу не вытрясет.

— Со мной такого не случится,— сказал один из парней.— Со мной — нет, готов поклясться. Десять тысяч — и точка. И точка, даже если этого добра там останется на полмиллиона.

— Кто сам не бывал в деле,— рассудительно продолжал Говард,— тот не поверит. От игорного стола отойти легко, а вот поди отойди от кучи золота, которую только возьми — и она твоя. Никто не отойдет! Я копал на Аляске и находил его, я копал в Британской Колумбии, в Австралии, в Монтане, в Колорадо. И, бывало, сколачивал деньжищу. Ну а теперь сижу с вами в «Осо негро» на нуле. Последние пятьдесят тысяч просадил на нефти.

И старик принялся рассказывать разные истории о золотоискателях, которые случайными гостями «Осо негро» и ей подобных ночлежек выслушиваются с куда более острым вожделением, нежели похвальба о любовных похождениях.

— Слышали вы историю о шахте «Зеленая вода» в Нью-Мехико? — спросил Говард.— Наверняка нет. Зато я знаком с Гарри Тилтоном, а он был там, и от него-то я ее и знаю. Отправилась, значит, компания человек в пятнадцать счастье искать. Шли они не наобум. Давным-давно ходили слухи, что где-то в долине есть богатейший золотой рудник, который в старину открыли мексиканцы. Они там добывали золото, а потом на их место явились испанцы — после того, конечно, как подвергли их страшным пыткам: вырывали языки, мозжили черепа, ну, и вообще по-всякому проявляли свою христианскую любовь к ближнему, пока, в конце концов, мексиканцы не выдали им местонахождение шахты.

Совсем неподалеку от шахты, в окантовке из гранитных глыб, плескалось крохотное озеро. Вода в нем была зеленая, как смарагд. Поэтому шахту и прозвали «Зеленая вода», Ла Мина дель Аква Верде. Богатейшая шахта! Золото в ней залегало толстенными жилами. Бери, не намучаешься!

Однако мексиканцы прокляли шахту, так, по крайней мере, утверждали испанцы, потому-то все имевшие отношение к шахте и отдали богу душу. Кого ядовитая змея укусила, кто от лихорадки помер, а кто от других кожных заболеваний или болезней, причины которых никто установить был не в силах. А в один прекрасный день шахта исчезла. И не нашлось ни единого человека, указавшего бы, где она только что находилась.

Ну, раз не приходили больше ни сообщения с шахты, ни золото оттуда, испанцы снарядили экспедицию. И хотя шахта была точно обозначена на картах и дорога к ней не заросла, обнаружить ее никому не удалось. А ведь как будто найти ее проще простого. Там, значит, есть три крутые горные вершины, причем все они как бы выстроились в затылок одна к другой, по прямой. И если ты идешь по травке вдоль дороги, увидишь еще четвертую горную вершину, вид у нее какой-то чудной, и к тем трем она стоит под углом; ты совсем рядом с шахтой и пройти стороной — не пройдешь. Но хотя искали несколько месяцев напролет, не нашли ни шахты, ни горного озера. Было это в 1762 году. Но из памяти всех тех, кто интересовался золотоносными шахтами, богатейшую «Зеленую воду» время не вычеркнуло.

Когда американцы аннексировали Нью-Мехико, нашлось немало желающих отыскать эту шахту. И многие из них не вернулись. А те, что вернулись, свихнулись от напрасных поисков и галлюцинаций, которые преследовали их во время блужданий по скалистому ущелью.

А еще позже, в середине восьмидесятых годов, мне кажется, это было в 1886 году, несколько человек опять решили попытать счастья, как раз те самые пятнадцать. У них были при себе списки со старых донесений и копии старых испанских карт.

Четыре горные вершины — чего уж проще! Но сколько раз они ни брали за направление движения этот ориентир, с какой точностью ни следовали по избранному маршруту, шахты не было и в помине. Они разделились на «колонны» по три человека в каждой, чтобы идти по дугам бóльших окружностей. Запасы пищи истощались, но мужчины не падали духом.

Уже вечерело, когда одна из колонн собралась подкрепиться ужином. Костер горел, но кофе никак не вскипал, потому что слишком сильный ветер охлаждал кофейник. Тогда один из них решил переложить костерок пониже. Начал копать, и, когда дошел до глубины фута в полтора, наткнулся на кость. Он отбросил кость в сторону, не разглядывая ее, и перенес горящие сучья в яму, предварительно позаботившись и о канавках для тяги.

Когда колонна сидела за ужином, кто-то случайно взял кость в руку и принялся что-то рисовать ею на песке. А тут его сосед и скажи: «Дай-ка я взгляну на эту кость». И немного погодя сказал: «Да ведь это плечевая кость человека. Откуда она у тебя?»

Тот, что выкопал яму для костра, объяснил, что наткнулся на нее в песке.

— Тогда и весь скелет здесь лежит,— раздумчиво проговорил другой.

Тем временем совсем стемнело. Все укутались в свои одеяла и легли спать.

На другое утро тот, что нашел плечевой сустав,— назову его Биллом, потому что не знаю, как его звали,— так вот этот самый Билл и говорит:

— Там, где была эта кость, лежит и весь скелет. А ночью мне в голову одна мысль пришла... Откуда бы этому скелету тут взяться, вот что меня интересует.

— Очень просто. Убили тут кого-то. Или умер кто с голоду,— сказал один из троих.

— Это, конечно, возможно,— ответил Билл.— Мало ли кого сюда заносило. Не верится мне только, что убили кого-то именно здесь или что именно здесь кто-то с голоду помер. И вот я о чем подумал: а что, если шахту засыпало песком во время песчаной бури, или завалило камнепадом, или землетрясение тут было, или еще что-то — короче, накрыло ее. Из испанцев никто не вернулся; надо думать, их тоже засыпало. Где-то поблизости от шахты. Хотя с таким же успехом эта плечевая кость вполне могла принадлежать и человеку, который заявился сюда немного раньше нас и погиб, и с таким же успехом — засыпанному испанцу. Если мы здесь обнаружили одну кость, значит, найдем и остальные, которые, может быть, выведут нас на шахту. Думаю, нам стоит покопать вокруг костровой ямы.

Они принялись копать и в самом деле нашли все остальные кости скелета. Начали копать вокруг и нашли второй. А потом и третий и разобрались, в каком направлении шел камнепад. Следуя ему, они раскопали разный горный инструмент и наткнулись наконец на слитки золота, явно засыпанные породой.

— Теперь мы знаем, где была шахта. А дальше что? — спросил Билл.

— Позовем остальных,— ответил другой.

— Я давно понял, что ты осел,— сказал третий,— но не догадывался, что ты еще и олух царя небесного. Держать язык за зубами — вот что нам надо! Через несколько дней вернемся в город вместе с остальными. А недельки через две прибудем сюда втроем и раскопаем шахту.

На том все трое и порешили. Подобрав несколько самородков, они спрятали их, чтобы купить на них в городе хорошее снаряжение. А там, где копали, все снова засыпали землей и тщательно разровняли. Но прежде чем они успели все закончить, появилась другая колонна. Вновь пришедшие с недоверием поглядели на кучки свежевырытой земли, и один из них поинтересовался:

— Эй, парни, вы, никак, нечистую игру затеяли? Хотите не допустить нас к святому причастию?

Те трое божились, что ничего не нашли и что о крапленых картах и думать не думали. Началась перебранка. И тут появились еще две колонны, будто слова первой троицы по воздуху донесло и до них. Первая колонна и вторая были уже близки к тому, чтобы сговориться и заключить союз, по которому три остальные колонны остались бы с носом, но тут, почти одновременно, две из них и появились.

Теперь вторая колонна отказалась от заключенного почти сговора и обвинила первую в измене. Одного из золотоискателей послали за последней группой. И когда та подоспела, стали держать совет. Сошлись на том, чтобы повесить всех троих из первой колонны — за намеренное сокрытие найденного.

И повесили их. Никто возражать не стал: как-никак отпадали три пая, которые теперь полагалось разделить между оставшимися.

Взялись за кирки и лопаты и вскоре шахту вскрыли. Это действительно был источник неиссякаемый. Но некоторое время спустя начались такие трудности с продовольствием, что пятерых пришлось послать за продуктами.

Гарри Тилтон, от которого я узнал эту историю, сказал тогда, что доволен тем, что пришлось на его долю на тот день, и потому хочет уйти вместе с пятеркой, отправлявшейся за съестными припасами. Гарри взял свою долю и ушел. В банке ему за это золото выложили двадцать восемь тысяч долларов. Он себе на эти деньги купил ферму, где и осел навсегда.

Пятеро, которых послали за продовольствием, купили вьючных лошадей, самый лучший инструмент, вдоволь съестного и застолбили участок.

Однако, вернувшись к шахте, они нашли лагерь сожженным, а товарищей своих убитых или, точнее говоря, пораженными стрелами индейцев. К золоту индейцы даже не прикоснулись. Похоронив мертвых товарищей, пятеро вновь приступили к работе в шахте.

Но прошли какие-то три или четыре дня, и индейцы появились вновь. Их было больше шестидесяти человек. Не раздумывая долго, они бросились в атаку и убили всех пятерых. Правда, одного они убили не до смерти, а только покалечили. Когда сознание вернулось к нему, он пополз. Полз дни, недели. Он сам не помнил, как долго полз. Его нашел и привез в свой дом какой-то фермер. И тот рассказал ему обо всем, что пережил. Но потом умер от ран, так и не успев объяснить точно, где все это произошло.

Фермеры из тех мест, где умер этот человек, собрались в путь, на поиски золотой шахты. Много недель искали, но не нашли ее. Гарри Тилтон, обосновавшийся в одном из северных штатов, ничего о происшедших здесь событиях не знал. Да он и не думал о прошлом, жил в свое удовольствие на ферме и считал, что все его товарищи, вместе с которыми он искал золото, стали богатыми и благополучными людьми, которые заполучили достаточно золота и ушли на Запад. Сам по себе человек молчаливый, в присутствии других он как-то упоминал, что деньги свои заработал на золотых приисках. Но в этом не было ничего удивительного. И поскольку он ничего не приукрашивал, а, если уж речь заходила о временах, когда он искал золото, говорил очень просто и без затей, то об этой богатой шахте вскорости совсем забыли.

Однако впоследствии стали поговаривать, будто Тилтон сколотил свои деньги за какие-то несколько дней. Он этого и не отрицал. И люди сделали вывод, что то место, где он нашел золото, должно быть невероятно богатым. Бесчисленные искатели счастья упрашивали Тилтона нарисовать план, по которому можно было бы найти шахту. Что он в конце концов и сделал. Но ведь минуло не меньше тридцати лет с тех самых пор, и на память свою он уже полагался не во всем. Я был в одной из групп, которые вышли в путь с его картой в руках.

Мы обошли все те места, что обозначил Тилтон. Только самой шахты не нашли. Может, ее снова завалило камнепадом, или засыпало после землетрясения, или индейцы замели все следы, да так ловко, что ничего не углядишь.

— Да, если бы найти такую шахту,— подытожил Говард,— больше никаких забот не знать. Но кто-то, может быть, всю жизнь искать будет, а ничего не найдет. Это уж как водится. Но если ты занялся подходящим делом и тебе повезло, значит, ты вышел на свою «золотую шахту». Я, к примеру, хоть и состарился уже, всегда рад стараться, если речь зайдет о золотишке. Но тут, как и в любом другом деле, нужен капитал.

История, которую рассказал Говард, ничем не отпугивала и ничем не воодушевляла. Обычная золотоискательская история, безусловно правдивая, но звучащая как сказка. Надо сказать, все истории, в которых повествуется о быстром обогащении, звучат сказочно. Но чтобы победить, нужно рискнуть. Кто хочет иметь золото, должен добыть его. И в ту ночь Доббс решил, что пойдет искать золото, даже если у него в кармане будет всего-навсего перочинный нож.

И только один вопрос, один-единственный, оставался в его планах неясным. Одному ему пойти, или с Куртином, или со стариком Говардом, или же с Куртином и Говардом?

На другое утро Доббс пересказал Куртину историю, услышанную от Говарда. Куртин выслушал ее с благоговейным вниманием. После долгого раздумья он сказал:

— Я считаю, это правдивая история.

— Ну, конечно, правдивая. Отчего бы ей быть лживой?

— Лживой? — переспросил Куртин.— Я ничего такого не говорил. Сама по себе история не выдумана. Я читал целые горы подобных историй в журналах, где о таких штуковинах пишут. И даже если в этой все и выдумано, то в одной части она правдива — это там, где трое парней пытаются обвести всех остальных вокруг пальца и оставить их на мели.

— Точно! — Доббс кивнул.— Где золото, там и это его проклятье.

Едва успев сказать это, он сразу понял, что еще час назад ни за что не произнес бы таких слов — ему и в голову не приходила мысль о проклятье золота.

Куртин не испытал подобной перемены воззрений. Может быть, только потому, что сомнения не посетили его столь неожиданно, как Доббса.

Это внутреннее переживание, эта минута в жизни Доббса провела невидимую черту между двумя мужчинами, хотя они этого и не осознавали. Это была та линия, которая разделяла мир их чувств. И отныне каждый из них преследовал в жизни иную цель.

— Проклятье золота? — возразил Куртин.— Не вижу, в чем оно, это проклятье? С тем же правом можно говорить и о счастье, благословении. Все зависит лишь от того, в чьих оно руках. Проклятье или счастье зависят от характера человека, обладающего золотом. Дай негодяю в руки камни-голыши или высохшую губку, он и их использует для какой-нибудь подлости.

— Алчность — единственная черта характера, которую золото развивает в своем хозяине.— Доббса удивило высказанное им самим суждение. Оно показалось ему чужим. Но он внушил себе, что произнес эти слова только из чувства противоречия Куртину.

— Весь вопрос сводится к одному,— сказал Куртин.— В самом золоте никто не нуждается. Если я смогу убедить кого-то, будто у меня полно золота, я добьюсь того же, как если бы оно у меня было. Ведь не столько золото изменяет людей, сколько власть, которую они с помощью золота обретают,— вот почему люди так возбуждаются, едва завидев золото или даже услышав о нем.

— А стал бы ты предавать друзей, чтобы самому завладеть всем золотом, как попытались эти трое?

— Сейчас я этого сказать не могу,— ответил Куртин.— Я не верю, что найдется хоть один человек, который точно знает, как бы он поступил, если бы ему выпал случай завладеть одному всем золотом, обставив всех остальных. Я совершенно уверен, что почти каждый поступил бы иначе, чем мысленно представлял себе это, когда на его долю действительно выпало бы много золота или он увидел возможность завладеть им с помощью одного мановения руки.

Глядя на дымок только что закуренной сигареты, Куртин немного помолчал, а потом проговорил:

— А я сделал бы как Тилтон. Это дело верное, и после этого незачем ни вкалывать до седьмого пота, ни шляться с бурчащим от голода желудком. Меня устроила бы малая толика — я тут же отправился бы восвояси. А другие, по мне, пусть колошматят друг друга.

Когда прошло три дня, а никаких шансов получить работу не появилось и все очень даже смахивало на то, что ее не появится и в ближайшие три месяца, Доббс сказал Куртину:

— Пойду за золотом. Даже если придется идти одному, пойду. Тут ли подыхать, или в сьерре у индейцев — для меня что в лоб, что по лбу. Пойду — и все.

— Я только что то же самое хотел предложить тебе,—

Рисунки П. ПАВЛИНОВА

сказал Куртин.— Я теперь на все готов, хоть в конокрады пойду!

— Значит, у тебя и впрямь нет другого выбора?

— Мы можем отправиться в путь хоть завтра.

Доббс задумался ненадолго, потом сказал:

— Я считаю, что стоит взять с собой старика Говарда. Спросим его вечером, какого он обо всем этом мнения.

— Говарда? На кой черт? Он слишком стар. Как бы не пришлось тащить его на спине.

— Стар-то он стар,— согласился Доббс.— Но выносли в и тягуч, как вареная подошва от сапог. Случись что, он потянет больше, чем мы с тобой, вместе взятые. Сразу признаюсь, я почти ничего не смыслю в золотоискательстве и даже не представляю толком, как выглядит это самое золото, когда оно лежит перед тобой. А у Говарда опыт, он и сам копал, и состояние себе на этом сделал. Даром что прогорел на нефти. Иметь рядом такого опытного волка — это наполовину залог успеха. Да и как знать: может, он и не согласится идти с нами.

— Спросим — и все тут! — закончил Куртин.

Они отправились в «Осо негро». Говард лежал на постели и читал разбойничьи истории в «Вестерн стори мэгэзин».

— Я? — встрепенулся он.— Что за вопрос? Конечно, пойду. Когда идут по золото, без меня дело не обойдется. У меня в банке есть еще триста долларов. Двести я вложу в наше предприятие. Это мои последние!.. Когда они кончатся — я гол как сокол. Но рисковать-то надо!

Ночным поездом они выехали в Сент-Луис. А оттуда следующим поездом поехали в горы, в Дуранго.

Здесь они принялись изучать карты и примеряться к местности.

— Там, где ходят поезда, нам незачем даром терять время,— деловито проговорил Говард.— Где есть железная дорога, где проложены хорошие шоссе, любой уголок в округе вылизан. Найти что-нибудь можно только в глухомани. Там, где ни одной тропки нет, куда не отважились заглянуть геологи, где ни один человек не знает, что такое автомобиль,— вот куда нам надо пробираться. Именно такое местечко мы и должны отыскать.— Он пошарил глазами по карте и проговорил наконец:— Примерно вот здесь. Не обязательно, чтобы мы сразу попали в самую точку. Но когда придем на место, всем разуть глаза. Только это и требуется. Я знавал когда-то одного парня, тот просто чуял золото, как жаждущий осел чует воду и тянет к ней.

— Все верно,— сказал Доббс.— Я как раз вспомнил, что мы собирались спуститься в ближайшую деревеньку, чтобы купить ослов и навьючить их.

Куртин и Доббс очень скоро сообразили, что без старика Говарда они были бы как без рук. Золото на поверхность не выпрыгивает и глыбами не валяется, о него не споткнешься. Нужно научиться видеть его. Можно пройти мимо и ничего не заметить. Но Говард — тот видел, даже если обнаруживал поблизости чуть заметный его след. Стоило ему приглядеться к местности, и он уже знал, может тут оказаться золото или нет, стоит ли отвязывать заступы, лопаты и лоток, взять пару лопат песка и промыть. Когда Говард начинал тыкать в землю заступом, копаться в ней, а тем более промывать на сковородке, значит, это благодатная почва и в ней почти наверняка отыщется золото. Четыре раза они уже находили его. Но количество, которое удавалось намыть, оказывалось совсем незначительным.

Как-то утром тропка, по которой они двигались, сузилась до предела. Тяжело дыша, прижимаясь к самым скалам, они с огромным трудом заставляли ослов делать шаг за шагом. Все они были чертовски плохо настроены. И при этой общей озлобленности Говард возьми и скажи:

— Да, ну и хороших же нахлебников я себе подыскал, выбрав вас, ничего не скажешь. Черт побери!

— Заткни пасть! — в ярости крикнул Доббс.

— Нахлебники что надо,— холодно, с издевкой повторил Говард.

У Куртина на языке вертелось злобное ругательство. Но прежде чем он успел дать залп, Говард сказал:

— Вы оба такие дураки, такие дураки набитые, что вам не дано увидеть миллионы, даже если вы будете топтаться на них обеими ногами.

Оба молодых, шедших впереди, остановились. Они не могли взять в толк, издевается над ними Говард или это у него после тягот последних дней припадок слабоумия.

А Говард глядел на них с улыбкой и совершенно спокойно, без видимого волнения, проговорил:

— Вы прогуливаетесь себе по живому, чистому, сияющему золоту и даже не замечаете этого. Я до конца моих дней буду ломать голову, с чего это мне вздумалось пойти на поиски золота с такими вонючими недоносками, как вы. Хотел бы я знать, за какие такие мои прегрешения должен терпеть вас рядом.

Доббс и Куртин в явном недоумении уставились себе под ноги, потом поглядели друг на друга, а потом на Говарда; по выражению их лиц нельзя было сказать точно, они ли начинают понемногу трогаться умом или считают, что это Говард свихнулся.

Старик нагнулся и поднял пригоршню песка.

— Известно ли вам, что у меня в руке? — спросил он. И, не дожидаясь ответа, добавил:— Это платежное дерьмо, или, если вы меня не поняли, золотая пыль. И ее здесь столько, что нам всем троим не утащить ее на наших спинах.

— Дай посмотреть,— закричали оба сразу и заторопились к нему.

— Вам незачем идти ко мне! Вам стоит только нагнуться и поднять, вы увидите ее и почувствуете у себя на ладони.

Не веря ему, они тоже подняли по пригоршне песка.

— Ну, увидеть вы, положим, ничего не увидите, гляделки у вас не те! Но по весу, наверное, ощутите, что к чему...

— Твоя правда! — воскликнул Доббс.— Теперь и я вижу! Можем прямо сейчас набить мешки и возвращаться восвояси.

— Это мы, конечно, можем,— сказал Говард и кивнул.— Но это для нас дело пока невыгодное.

Усевшись на землю, Говард сказал:

— Сходите-ка, принесите для начала два ведра воды. Сделаем пробу на процентное содержание.

Тут-то и началась настоящая работа. Сперва поиски воды. А когда ее нашли, оказалось, что источник метров на сто

пятьдесят ниже по склону и подтаскивать ее действительно придется ведрами. Стаскивать песок вниз и мыть прямо у воды — много труднее да и времени займет больше.

Они оборудовали лагерь, соорудили качающиеся лотки для стока песка и слепили резервуар для воды, который тщательно уплотнили известью и глиной, и потеря воды сделалась незначительной. Две недели спустя они смогли перейти к производительному труду.

Да, это был труд! Тут ни убавить, ни прибавить. Они надрывались, как обезумевшие от страха каторжники. Днем было страшно жарко, а ночью ужасно холодно.

— Так я не надсаживался никогда в жизни,— сказал Куртин однажды утром, когда Говард растолкал его еще до восхода солнца.

Но все-таки он поднялся, оседлал осла и приволок столько воды, сколько требовалось на целый день, хотя до семи утра у него и маковой росинки во рту не было. Когда они потом все трое сидели и завтракали, Говард сказал:

— Иногда я всерьез задумываюсь вот над чем: что вы, вообще-то говоря, представляли себе под поисками и добычей золота, а? Я уверен, вы думали, что достаточно будет нагибаться и поднимать золотые самородки, которые валяются под ногами, как камни, потом набить ими свои мешки и разойтись по домам. Будь оно все так просто, золото и стоило бы не дороже гравия.

Доббс что-то пробурчал себе под нос, а несколько погодя сказал:

— Но должны же быть места, где оно погуще, где не надо столько надрываться, чтобы сбить унцию?

— Эти места есть, но встречаются так же редко, как и главный выигрыш в лотерее,— ответил старик.— Я бывал в таких местах, где жилы выходили прямо на поверхность и где парни выковыривали или выбивали киркой куски золота с орех величиной. Я видел, как кому-то удалось за день добыть три, четыре, восемь фунтов. А потом я видел, как на том же месте четверо мужчин из-за каких-то пяти фунтов мордовались до смерти три месяца подряд. Вы уж мне поверьте на слово: промывать богатый песок — самое верное дело. Работа тяжелая, но, отбыв на ней свои восемь-десять месяцев, можно потом положить в карман вполне приличную сумму. А если выдержишь лет пять, не будешь знать забот до конца дней своих. Чаще всего поле совершенно истощается уже через несколько месяцев, и приходится снова отправляться в путь на поиски другого, «молодого» поля.

Оба молодых представляли себе золотоискательство делом куда более легким. С этой мыслью им предстояло прощаться ежедневно и ежечасно. Копай и копай с восхода и до захода солнца на дьявольской жаре. Потом насыпай и насыпай, наклоняй стол и тряси, и просеивай. И повторяй все это по три, по четыре, по пять раз. И снова все — на наклонные сковороды-лотки, потому что песок вышел недостаточно чистым.

И так день за днем, без перерыва. Они не могли уже ни выпрямиться, ни лечь и ни сесть — так болела спина. Руки их превратились в когтистые лапы, пальцы больше не разгибались. Они не брились и не подстригали волосы. Для этого они слишком уставали да и не придавали больше значения таким вещам. Когда рвались рубашки, они зашивали их лишь в том случае, если иначе они просто свалились бы с тела.

Воскресных дней не было; день отдыха, который они себе позволяли, требовался для того, чтобы кое-как подправить примитивные механизмы, искупаться, подстрелить птицу или горного козла, подыскать новое пастбище для ослов, спуститься в индейскую деревушку и купить там яйца, растертую кукурузу, кофейные зерна, табак, рис и бобы. Если удавалось заполучить все это, они были довольны. О муке, сале, сахаре и молоке в банках упоминалось, только когда один из них уезжал на целый день в ближайшую деревню, где иногда, но отнюдь не всегда, можно было достать столь редкостные яства. А если во время такой экспедиции удавалось разжиться бутылкой «текильи», это приравнивалось к триумфальной победе.

Обсуждался еще один важный вопрос: как быть с лицензией. Искать золото без лицензии позволено, но копать и промывать песок — нет. Заполучить лицензию стоит нешуточных трудов. Одному из них придется обратиться в правительство, он обязан точно указать, где находится открытый им участок, и уплатить при этом приличную сумму. Да еще придется уплатить определенный процент со всего намытого. Мало того: оформление лицензии может затянуться на много недель.

И это еще не самое страшное. Самое страшное то, что, подав заявку на лицензию, они, даже будучи сверхосторожными, привлекут к себе внимание бандитов. Тех самых бандитов, которые сеять не сеют, а урожай собирают. Они сидят в засаде неделями и месяцами, позволяя другим надрываться до смерти, а потом, когда те со своим грузом соберутся в путь, нападут на них и отнимут все золото. И не только золото у них отнимут, но и ослов, и последнюю рубашку с тела. Выбраться из таких диких мест без ослов, без рубах, брюк и башмаков дьявольски трудно. Нередко бандиты признавали это и, чтобы не оставлять ограбленных в столь стесненном положении, отнимали у них напоследок и жизнь — души бандитов были исполнены сочувствия. И кто узнает, куда подевались эти бедолаги? Леса велики, глубины их неизведанны, а опасности, в них таящиеся, неисчислимы. Пойди отыщи пропавшего человека: прежде чем сами поиски начнутся, лес ничего, кроме жалких костей, от своей жертвы не оставит. Попробуй определи по такой косточке, кто был тот человек, которому она принадлежала. А банди-

ты? Они могут предстать перед военно-полевым судом. Но чтобы это произошло, их надо сначала поймать. А так как им известно, что никто им ничего не сделает, если не поймает с поличным, то для них самое милое дело пойти в банду вместо того, чтобы, не жалея сил, добывать золото, хотя его может добыть каждый, кто согласен приложить для этого свои руки.

Когда кому-то выдается лицензия, это вызывает всеобщие разговоры. Довольно часто случалось, между прочим, что не бандиты, а дельцы из больших и солидных горнорудных компаний убирали с дороги работяг-первооткрывателей. Участок несколько месяцев не разрабатывался, лицензия устаревала, компания делала заявку на новую лицензию, которая ей и выдавалась, поскольку прежние заявители утеряли свои права ввиду неявки на место разработки.

Поэтому очень даже разумно махнуть рукой на лицензию. Если некоторое время спустя они решат оставить участок, ибо намыли золота вдоволь, добытое можно будет переправить в город незаметно. Никто ни в чем этих оборванцев не заподозрит, они с чистым сердцем могут клянчить табачку у любого встречного, который покажется им бандитом или который при случае способен им стать.

Эти трое мужчин, которые сошлись здесь, никогда не были друзьями. И вряд ли они думали когда-нибудь стать таковыми. Они, если подобрать самые добрые слова, деловые друзья и сплотились исключительно с целью наживы.

Совместный труд, общие заботы, общие надежды, общие разочарования, связывавшие троих мужчин в течение месяцев, прожитых вместе, должны были — если верить премудростям социологии — сделать их друзьями. Ведь они стали товарищами по оружию, а это более тесная «фронтовая» дружба, чем та, что возникает на войне. Сколько уже раз случалось, что Говард спасал жизнь Доббсу, Куртин — Говарду, а Доббс — Куртину; вдобавок Доббс спас сперва Говарда, а потом и Куртина от удушья. Чего только не случалось! И каждый был в любую секунду готов помочь другому, жертвуя своими костями и даже собственной жизнью, лишь бы вытащить свалившегося в пропасть. Да, каких только случаев не было! Однажды подпиленное дерево повалилось слишком рано, и Доббс принял его на свое плечо, изменив направление падения, не то оно размозжило бы голову Куртина. Ну и вид был потом у этого плеча!

— Это у тебя здорово получилось, Доббс,— сказал Куртин.

И только. А что еще говорить?

Две недели спустя обрушилась штольня. И Куртин вытащил Доббса оттуда, хотя над ним самим нависла тяжелая косина каменистого грунта, которая в любой момент могла рухнуть и погрести под собой Куртина; и тогда Говард, пробивавшийся в штольню с другой стороны, в любом случае опоздал бы с помощью, он даже не догадался бы, куда они оба подевались.

Когда он вытащил Доббса на поверхность и тот пришел в сознание и отдышался, то сказал:

— Если бы вы лишний раз поплевали на руки, мне не пришлось бы уже сплевывать на этот холм.

Он отплевывался: весь рот был забит землей.

В подобных случаях лишних слов не произносилось. Это стало как бы негласной службой, которую каждый взялся отслужить другому. Но служба эта и взаимопомощь не сблизили их. Друзьями они не стали. И не стали бы друзьями, доведись им хоть десять лет спасать жизнь друг другу.

Каждый вечер, еще при свете дня, дневная добыча тщательно оценивалась, делилась на три части, и каждый забирал себе свою. Так оно сложилось с самого начала как бы само собой.

— Лучше всего, если мы будем делиться вечером, после работы, и каждый возьмет свою пайку себе,— это предложил Куртин, когда работа начала приносить плоды.

— Тогда, по крайней мере, мне не придется быть вашим казначеем,— сказал Говард.

Оба молодых сразу вскинулись:

— Мы не договаривались, что все добро будет на твоем попечении, ни словом об этом не упоминали. Это еще большой вопрос, доверили бы мы его тебе.

— Вы, случайно, не свихнулись? — рассмеялся Говард.

Обиженным он себя не чувствовал. К таким перепадам в настроении он привык и не нервничал по пустякам. Потому добродушно и сказал им:

— Просто я подумал, что из нас троих самое большое доверие вызываю я.

— Ты? — вскричал Доббс.— А мы кто такие? Беглые каторжники, что ли?

А Куртин добавил:

— Откуда мы знаем, какую жизнь ты прожил?

Но хорошее настроение не покидало Говарда.

— Конечно, вы этого не знаете. Только я думаю, что здесь, в горах, среди нас все прошлое не считается. Я никого из вас не спрашиваю, откуда он родом и где провел в кротости и невинности свои годочки. Это было бы в высшей степени невежливо. Зачем понуждать людей ко лжи. Здесь, на дикой природе, ни одной твари дела нет до твоего прошлого, и никакой обман не спасет. Наврем ли мы друг другу с три короба или повинимся в запятнанном кровью прошлом, все это ни цента не стоит. Но среди нас троих я здесь единственный, кто вызывает доверие.

Куртин с Доббсом ухмыльнулись. Но прежде чем они успели обложить его отборнейшей бранью, Говард продолжил:

— И нечего трепыхаться. Я вам правду говорю. Здесь только голая правда в цене. Мы могли бы дать наше добро на сохранение тебе,— он поглядел на Доббса.— Но когда я уйду в лес тесать подпоры, а Куртин верхом отправится в деревню за провизией, ты соберешь вещички и отчалишь.

— Это подлость — говорить такие вещи,— набычился Доббс.

— Пожалуй,— спокойно согласился Говард.— Но думать об этом — та же подлость. Ты был бы первым человеком, которого я встретил на своем пути и который не стал бы об этом думать. Смыться, прихватив добро остальных,— это, я вам сразу скажу, не подлость, а по здешним понятиям — самая обыкновенная вещь. И дурак, кто этого не сделает. У вас просто кишка тонка признать это. Но давайте погодим, пока у нас на круг не наберется фунтов пятьдесят, тогда я погляжу, о чем вы будете думать. Вы не хуже и не лучше других парней. Вы совершенно нормальные люди. И если вы меня однажды привяжете к дереву и дадите околеть, чтобы завладеть моим добром, вы поступите так же, как поступил бы всякий, если ему вовремя не пришла в голову мысль: а вдруг эта игра, в конце концов, не окупит свеч? Мне с вашим добром далеко не уйти. Мои ноги не держат меня как следует. Вы догнали бы меня через какие-то часов двенадцать и без угрызений совести повесили на первом попавшемся дереве. Мне одному некуда деться, я с вами повязан.

— Если хорошенько поразмыслить,— сказал Куртин,— ты прав. Но в любом случае будет лучше, если мы начнем рассчитываться каждый день вечером, и пусть каждый сам сторожит свою долю. Тогда каждый сможет уйти, когда пожелает.

— Не имею ничего против,— сказал Говард.— Очень даже недурная затея. Каждый из нас будет думать только о том, не пронюхал ли кто о его тайнике.

— Что за мерзкий характер у тебя, Говард! — сказал Доббс.— Вечно ты подозреваешь всех в разных подлостях.

— Тебе не обидеть меня, парень,— ответил Говард.— Я в людях разбираюсь и знаю, на какие милые поступки они способны и о чем они думают, когда запахнет золотом. По сути дела, все люди становятся одинаковыми, когда в игру вступает золото. Все подличают одинаково. Разве что опасаются, что их схватят за воротник — тогда начинают осторожничать, изворачиваться и лгать. Здесь, на природе, им ни к чему прикидываться, здесь дело всегда выглядит и проще и понятнее. Простым донельзя. В городах люди подвержены сотням соблазнов, но видят и тысячи барьеров на пути к ним. А здесь есть лишь один барьер — жизнь другого человека. Остается решить для себя всего один вопрос.

— Какой? — спросил Доббс.

— И мне интересно было бы узнать, какой? — одновременно с ним проговорил Куртин.

— Остается один-единственный вопрос: не станет ли в один прекрасный день воспоминание слишком тяжелой ношей, которая способна замучить человека. Сами поступки человеку не в тягость. Душу его пожирают одни воспоминания. Да, но давайте подобьем итог. Делиться будем каждый вечер, каждый подыщет себе тайник по вкусу. Потому что когда мы намоем для начала фунтов двадцать, никто из нас все равно не сможет таскать его в кожаном мешочке на груди.

Большие усилия, вся их хитрость и изворотливость потребовались для того, чтобы хорошенько замаскировать место промывки. Лагерь, где они спали и готовили пищу, пришлось перенести на полкилометра от штольни. Сама она была так удачно

загорожена кустарником и большими валунами от того единственного места, где можно было в нее войти, что никто забредший сюда по ошибке или случайно их рабочего места не обнаружил бы. А еще неделю спустя холмы, промоины и каменные глыбы настолько поросли быстро поднявшейся вверх травой и расцветшими кустами, что даже индейцы, вышедшие на охоту, не обнаружили бы ничего подозрительного, что привело бы их к штольне.

Скрывать местонахождение лагеря они не собирались и все здесь оставляли на виду. Чтобы как-то оправдать свое в нем пребывание, расставили повсюду рамы и натянули на них необработанные шкуры убитых горных козлов и нанизали на шесты птичьи тушки. Любой путник принял бы их за охотников за шкурами и коллекционеров редких птиц. Это не вызвало бы ни малейшего подозрения: сотни людей занимаются этим небезвыгодным ремеслом.

Из лагеря к штольне вела потайная тропка. Чтобы ступить на нее, первые десять метров требовалось проползти на брюхе. Когда все трое оказывались на тропке, начало ее закладывали и прикрывали срезанным терновником. Когда они возвращались в лагерь, сначала долго и внимательно наблюдали, нет ли кого поблизости. Окажись там кто-нибудь, они сделали бы большой крюк и вышли бы к лагерю с другой стороны, будто возвращались с охоты.

За все время, что они тут прожили, им на глаза не попалась ни одна живая душа — ни белый, ни индеец. И вообще маловероятно, что кого-нибудь занесет в эту глухомань. Но троица была слишком умной и осторожной, чтобы на одно это положиться: того гляди станешь жертвой случая. А ведь даже дикий зверь, преследуемый охотником, не стал бы искать убежища там, где они жили или работали. Запах потного человеческого тела погнал бы его в другую сторону. А собаки в таких лесах пугливы, они стараются держаться у ноги хозяина и к чужим следам не принюхиваются.

Каждый последующий день, проведенный тут, делал жизнь все более невыносимой. Однообразная изо дня в день еда, неумело приготовленная неловкими руками, всем опротивела. Однако приходилось ею давиться. Тоскливая монотонность труда делала его еще тяжелее: копать, просеивать, ссыпать, разбирать, приносить воду, сливать и прочищать сток. Один час похож на другой, как день на день и неделя на неделю. И так шли месяц за месяцем.

С тяготами труда еще кое-как примириться можно. Сотни тысяч людей всю жизнь делают работу ничуть не менее однообразную и чувствуют себя при этом сравнительно неплохо. Но здесь действовали и другие силы.

Первые недели они провели, не осознавая толком, сколь тягостным станет их существование. Им и на мгновение не приходило на ум, что скоро их начнут терзать и пожирать силы, о происхождении которых они до сих пор даже не догадывались. На первых порах каждый день случалось что-нибудь необычное. Каждый день планировалось и приводилось в исполнение что-то новое. У каждого из них еще оставались в запасе анекдоты или истории, неизвестные двум другим. Каждый из них изучал остальных, в каждом было что-то особенное, какое-то качество, привлекательное или отталкивающее, но заслуживающее, по крайней мере, внимания.

Теперь им нечего было рассказывать друг другу. Ни у одного из них не осталось про запас хоть словечка, не надоевшего бы остальным. Они знали все слова друг друга наизусть, даже интонации и жесты, которыми эти слова сопровождались.

У Доббса была привычка во время разговора прикрывать веком левый глаз. Поначалу Говард с Куртином находили ее до предела забавной и то и дело подшучивали над ним. Но наступил один достопамятный вечер, когда Куртин сказал:

— Если ты, пес проклятый, не перестанешь все время прижмуривать левый глаз, я всажу тебе в брюхо унцию свинца. Тебе, каторжному отродью, очень хорошо известно, что меня это бесит!

Доббс мгновенно вскочил на ноги и выхватил револьвер. Окажись другой в руке Куртина, началась бы самая распрекрасная перестрелка. Но Куртин знал, что получит шесть пуль в живот, как только опустит руку к кобуре.

— Мне хорошо известно, откуда ты взялся,— кричал Доббс, размахивая револьвером.— Ведь это тебя отстегали плетью в Джорджии за то, что ты напал на девушку и изнасиловал ее. Ты ведь не на школьные каникулы в Мексику приехал, собачий хвост!

Побывал ли Доббс на каторге, было так же неизвестно Куртину, как Доббсу — приходилось ли Куртину побывать в Джорджии. Это они высосали из курительных трубок или вытащили из свиной поджарки, а сейчас орали друг другу в лицо, лишь бы привести в неописуемую ярость.

А Говарда это как будто не касалось, он сидел у костра и пускал на ветер густые облачка табачного дыма. Зато когда оба умолкли, исчерпав до времени запас ругательств, он проговорил:

— Парни, бросьте и думать о стрельбе. У нас нет времени возиться с ранеными.

Прошло совсем немного времени, и однажды утром Куртин ткнул ствол револьвера в бок Доббса:

— Произнеси хоть слово, и я нажму, жаба ты ядовитая!

А случилось вот что. Доббс сказал Куртину:

— Да не чавкай ты без конца как хряк, которого откармливают на убой! В какой это исправительной тюрьме ты вырос?

— Чавкаю я или нет, не твое собачье дело. Я, по крайней мере, не свищу дырявым зубом, как крыса.

На что Доббс ответил:

— Разве у крыс в Синг-Синге дырявые зубы?

Вряд ли найдется человек, который не понял бы смысла вопроса: Синг-Синг — принудительное место жительства тех граждан Нью-Йорка, которые попались с поличным. А те, что не попались, пооткрывали свои конторы на Уолл-стрите.

Такого дружеского намека Куртин спокойно не перенес и сунул ему свой снятый с предохранителя револьвер между ребер.

— Черт бы вас побрал,— крикнул обозлившийся Говард,— вы ведете себя как недавние молодожены. Спрячь свою железку, Куртин.

— А ты чего? — взбесился Куртин.

Опустив руку с револьвером, набросился на старика:

— Ты чего тут раскомандовался, калека?

— Раскомандовался? — удивился Говард.— Я и не думал командовать. Я пришел сюда затем, чтобы намыть или добыть золото, сделать свое дело, а вовсе не для того, чтобы выслушивать брань ополоумевших парней. Мы друг без друга не обойдемся, и если одного подстрелят, двое других уйдут отсюда несолоно хлебавши, двоим этого дела не поднять, а если что и удастся спасти, то хватит только, чтобы выручить приличную поденную оплату.

Куртин спрятал револьвер в кобуру и сел.

— А я? Насчет себя я вам вот что скажу,— продолжал Говард.— Мне все это до смерти надоело. У меня нет никакого желания остаться здесь с одним из вас, я ухожу. Того, что у меня есть, мне хватит.

— Зато нам не хватит! — злобно проговорил Доббс.— Тебе, старой развалине, может, и хватит на те полгода, что тебе осталось жить. А мне — нет. И если ты надумал отсюда смыться, прежде чем мы все промоем,— мы как-нибудь сыщем такое средство, чтобы ты не смотался.

— Да прекрати этот детский лепет, старикан,— вмешался Куртин.— Если ты надумаешь бежать, мы настигнем тебя не позднее чем часа через четыре. Знаешь, что мы тогда с тобой сделаем?

— Представляю себе, тварь ты эдакая,— поддел его Говард.

— Нет, не представляешь,— оборвал его на полуслове Куртин и ухмыльнулся.— Стащим с тебя твою рухлядь и привяжем к дереву, прочно и надежно, и уйдем вдвоем, без тебя. Ты никак подумал, мы тебя убьем? Нет, не дождешься.

— Еще бы,— кивнул Говард,— от вас чего хорошего дождешься. Слишком уж вы богобоязненный народ. Моя смерть легла бы тенью на ваши по-детски невинные души. Привязать и оставить. Одного. Нет, ты подумай... Вы действительно не стоите того, чтобы в вашу сторону плюнуть. А какими славными парнями вы были, когда я вас встретил там, в городе.

Некоторое время все трое сидели молча.

— А как ты думаешь, Говард, как ты думаешь, сколько мы на сегодняшний день имеем? — неожиданно спросил Куртин.

Старик задумался. Потом проговорил:

— Сразу точно не определишь. Точно сказать невозможно. Всегда остается какая-то часть нечистого металла. Но я думаю, на долю каждого приходится тысяч по четырнадцать-шестнадцать долларов.

— Тогда у меня есть предложение,— сказал Доббс.— Да-

вайте попотеем здесь еще месяца полтора, а потом свернем лагерь и — по домам!

В лагере вновь восстановился мир. Яростные стычки, подобные последней, больше не повторялись. Сейчас перед ними была определенная цель, точно обозначенный день, когда они свернут лагерь. И это в корне изменило их настроение и поведение, они не в силах были даже представить себе, что между ними вообще доходило до серьезных ссор. Теперь они с головой ушли в составление самого лучшего плана: как уйти отсюда незаметно и найти для своей добычи надежное убежище, куда им самим податься и на что употребить свои капиталы.

С приближением дня, в который они решили свернуть лагерь, они все лучше и лучше понимали друг друга. Говард и Доббс договорились даже открыть на равных паях общее дело: стать в Монтерре или Тампико хозяевами кинотеатра и совместно им управлять. Доббс взял на себя художественное руководство: закупку фильмов, распределение сеансов, выступления перед ними, составление программ, приглашение музыкантов, в то время как Говарду отводился участок экономический — касса, оплата счетов и выдача зарплаты, печатание рекламы, ремонт и оформление кинотеатра.

А Куртин не знал, как ему быть. Он колебался: то ли ему в Мехико остаться, то ли вернуться в Штаты. Он как-то вскользь упомянул о том, что у него в Сан-Антонио, в Техасе, якобы есть невеста. Но особенно о ней не распространялся.

Куртин побывал в деревенской тьенде[1] и закупил провиант. Последнюю партию провианта, которого должно было хватить до отъезда.

— Эй, друг, ты где это запропастился? — спросил Говард, когда появился Куртин и принялся разгружать вьючного осла.

— Я как раз собрался оседлать своего ослика и поехать тебе навстречу,— заметил Доббс.— Мы подумали, не случилось ли с тобой чего. Вообще-то тебе полагалось бы вернуться часа в два.

Куртин ничего не ответил, расседлал осла и подтащил мешки к огню. Потом сел, достал трубку, вытащил из мешков табак и распределил поровну, после чего сказал наконец:

— Мне пришлось здорово дать кругаля. Там, в деревне, я столкнулся с одним типом. Говорит, будто он из Аризоны.

— А здесь ему что понадобилось? — спросил Доббс.

— Вот я и хотел это узнать,— кивнул Куртин.— Но индейцы объяснили только, что он появился два дня назад и что-то вынюхивает. Расспрашивает людей, есть ли здесь шахты, есть ли золото или серебро. Индейцы объяснили ему, что шахт здесь нет, и золота нет, и серебра тоже, и вообще ничего; сами они еле-еле перебиваются — плетут маты и лепят горшки. Но потом ему какой-то дурацкий осел из тьенды напел, что где-то в горах шляется один американец, который охотится на диких животных. Он ведь не знает, что вы тоже здесь, он видел одного меня. По крайней мере, я так думаю. И потом сказал еще этому типу, что я время от времени спускаюсь за провиантом и что, наверное, появлюсь на этой неделе. Вот тогда этот парень из Аризоны и сказал, что дождется меня.

— И что, это грязное животное действительно подкарауливало тебя?

— Да, в том-то и соль. Как только увидел, так и приклеился: чем я тут занимаюсь, нельзя ли тут «сварганить дельце», не валяется ли здесь золото прямо под ногами, короче — всякой ерундой интересовался. Я смекнул, что к чему, и держал язык за зубами, почти ничего не сказал.

— Наврал, по крайней мере, с три короба?

— Это — да. Но если что и наворачивал, то осторожно, чтобы нельзя было проверить. Пустой номер. Он стоял на своем: хочет, мол, со мной в этот лагерь. Уверял меня, что здесь непременно должно быть золото. Он, мол, видит это по руслу пересохшей реки, по сбившемуся песку и по кускам горной породы.

— Он великий человек,— сказал Говард,— если по таким признакам способен понять, есть тут золото или нет.

— Ничего этот парень не знает,— вмешался Доббс.— Шпион он, я уверен. Либо шпионит на правительство — бумаг-то у нас нет, либо на бандитов, которые ограбят нас на обратном пути. И даже если они не о золоте думают, у нас как-никак есть ослы, одежда, револьверы и шкуры, как они считают. Все это кое-чего стоит.

— Нет,— сказал Куртин.— Я не верю, что он шпион. Думаю, он подался за золотом.

— Есть у него с собой инструмент? — спросил Говард.

— Я ничего такого не заметил. У него есть верховой мул, одеяла, кофейник, сковорода и мешок, где напиханы, наверное, всякие тряпки. Вот и все.

— Голыми руками золото никто не возьмет,— сказал Доббс.— Может, у него инструмент украли или его пришлось продать. Но нам-то как быть с этим сукиным котом?

Куртин не сводил глаз с огня. Потом сказал:

— Я его не раскусил. Не похоже на то, что он человек правительст или от бандитов. Вид у него простецкий, как будто что он говорит, то и думает. Но нам придется иметь с ним дело, пусть Доббс в этом и сомневается: он поплелся за мной.

Я сбивал его со следа как мог. Кружил по кустарнику туда и обратно. А когда оглядывал пройденный путь, видел, что дорогу к нашему лагерю он выбрал верно. Будь я один, я отвел бы его от лагеря. Но поди сделай это, если ты при двух ослах.

— Плохо дело, очень плохо,— сказал Говард.— Будь он индейцем — полбеды. Он бы у нас не остался, побыл бы да и вернулся в свою деревню, к семье. А этот парень прицепился, как репейник. Он нюхом чует — есть здесь что-то.

— Все куда проще,— сказал вдруг Доббс.— С этим парнем мы живо справимся. Когда появится, скажем, чтобы немедленно проваливал отсюда подобру-поздорову; пригрозим, что, если мы еще раз его увидим, холостыми стрелять не станем.

— Идиотская затея,— покачал головой Говард.— Он спустится вниз, наплетет там сорок бочек арестантов, может быть, даже угодит к земельным полицейским властям, и окажемся мы в дерьме по уши. С тем же успехом можешь рассказать ему, что мы каторжники, бежавшие с острова Святой Марии.

— Ладно. Тогда у нас в запасе самый простой путь,— с решительным видом проговорил Доббс.— Придет сюда — пристрелим его, и точка. Или повесим его вон на том дереве.

Некоторое время никто на это предложение не отзывался.

Говард встал, проверил, поспела ли картошка, невероятная роскошь в их теперешней жизни, снова сел и сказал:

— Насчет того, чтобы пристрелить,— дурость. Может, он ни в чем не повинный бродяга и предпочитает блуждать по привольному миру господню, воздавая молитвы творцу: он радуется всем сердцем тому, сколько вокруг красоты, а не мотается по нефтяным промыслам и не горбатится по шахтам и рудникам за вшивую мзду. Пристрелить такого бродяжку без всякой его вины — преступление.

— Откуда мы знаем, что он ни в чем не повинен? А если он преступник? — возразил Доббс.

— Это может выясниться,— сказал Говард.

— Хотелось бы знать как? — Доббс окончательно убедился, что его план — лучший.— Закопаем его, и никто никогда не найдет. Если те, из деревни, скажут, будто видели, как он отправился в горы, мы скажем, что видеть его не видели, и баста. Может, вон там вот сбросить его в пропасть? Как будто он сам свалился...

— Возьмешь это на себя? — спросил Говард.

— Почему — я? Кинем жребий — кому выпадет...

Старик ухмыльнулся.

— Да, и тот, кто это сделает, будет остаток жизни ползать на брюхе перед двумя другими, которые это видели. Когда один на один — еще куда ни шло. Но при наших нынешних обстоятельствах я, во всяком случае, скажу: «Нет!»

— И я скажу: «Нет!»,— наконец и Куртин присоединился к разговору.— Слишком дорого это может стоить. Надо придумать что-то другое.

— А ты вообще-то совершенно уверен, что он тебя преследовал и что найдет нас? — спросил Говард.

Глядя себе под ноги, Куртин задумчиво проговорил:

— Я ничуть не сомневаюсь, что он появится, что он нас найдет. У него такой вид, будто он...— Куртин поднял глаза, поглядел в сторону узенькой лужайки и невесело сказал: — Да вот и он!

Перевел с немецкого Е. ФАКТОРОВИЧ

[1] Тьенда *(исп.)* — магазинчик.

Продолжение следует

Б. ТРАВЕН,
немецкий писатель

СОКРОВИЩА СЬЕРРА-МАДРЕ

Роман

Ни старик, ни Доббс не спросили: «Где?» Они были настолько ошеломлены, что даже забыли выругаться. Повернув головы в ту сторону, куда смотрел Куртин, они увидели незнакомца. Спускалась ночь, и его фигура была еле различима в отблесках костра. Незнакомец держал под уздцы мула.

Он не двинулся с места, не крикнул, как водится: «Хэлло!», не спросил: «Как дела?», не поприветствовал даже. Стоял и ждал.

Когда Куртин рассказывал о субъекте, которого встретил в деревушке индейцев, оба его слушателя мысленно представили себе его внешний вид. Но и Говард и Доббс вообразили себе его совершенно непохожим на этого неизвестного гостя. И появился он как-то вдруг, куда быстрее, чем можно было ожидать...

Незнакомец стоял на узенькой прогалине, которая вела из леса к их лагерю, и, похоже, удивился не меньше, чем трое сидевших у костра мужчин.

Мул незнакомца принюхивался, потом почуял, видимо, запах ослов и принялся реветь. Но ревел недолго. Умолк, как бы оборвав себя, словно испугался молчания, воцарившегося между его хозяином и другими людьми.

А троица все еще не произнесла ни слова, не обращая внимания на закипевшую над костром похлебку. Никто не сводил глаз с незнакомца, будто ожидая, что он что-то скажет или сделает. Но тот словно застыл на месте.

Тогда встал Доббс и неторопливо направился к чужаку. Он собирался грубо взять его в оборот: что, мол, ему здесь надо, откуда он взялся и кто таков. Но, подойдя вплотную, сказал лишь:

— Хэлло!

Незнакомец тоже сказал:

— Хэлло!

Доббс стоял, не вынимая рук из карманов, и не знал, с чего начать. Потом нашелся:

— Пройдемте к костру.

— Спасибо,— коротко поблагодарил незнакомец.

Он подошел поближе, снял с мула старое седло и два мешка, стреножил ему передние ноги, хлопнул по крупу, и животное медленно заковыляло в том направлении, где паслись ослы.

— Добрый вечер,— поприветствовал он всех, присаживаясь к костру.

Ответил один Говард.

— Как поживаете?

— Гм,— неопределенно пожал плечами незнакомец.

Куртин стал смешивать бобы и шевелить картошку в золе, Говард переворачивал мясо, а Доббс принялся рубить дрова и подбрасывать сучья в костер.

— Я прекрасно понимаю, что вы мне не рады,— сказал незнакомец.

— Это я вам четко объяснил еще внизу,— проговорил Куртин, не поднимая глаз.

— Не мог же я без конца торчать у индейцев. Хочется видеть настоящие человеческие лица.

— Тогда ступайте в город, там наглядитесь вволю,— сдержанно проговорил Говард.— Мы и сами давно забыли, что такое городская жизнь.

— У нас другие заботы,— пробурчал Доббс.— Не стану скрывать, одна из них — вы. Вы тут некстати и ни на что нам не сгодитесь, даже костер раскладывать. Лучше всего будет, если вы завтра уберетесь подобру-поздорову. Не то мы за себя не ручаемся.

Чужак ничего на эти слова не ответил. Он сидел и молча наблюдал, как остальные готовят ужин. Разложив еду по мискам, Куртин сказал:

— Давайте поешьте. Сегодня хватит и на вашу долю.

Ужинали, не произнося почти ни слова. А если кто и ронял словцо, то только о еде: мясо, дескать, не прожарилось, бобы жестковаты или картошка не поспела.

Незнакомец в разговоры не вмешивался.

После ужина троица раскурила свои трубки.

— У вас есть табак? — спросил Доббс незнакомца.

— Да,— ответил он и принялся сворачивать сигарету.

Чтобы не сидеть молча и по возможности сбить незнакомца со следа, они заговорили об охоте. Но поскольку на охоту они не ходили, речи их звучали не слишком убедительно. Неясное чувство подсказывало, что незнакомец больше их разбирается в охоте, в шкурах и во всем, что с этим связано. И, потеряв уверенность в себе, заговорили о том, что пора перебираться из этого лагеря в другие места, где еще водится крупный зверь.

— В таких местах, как это, вообще нет никакой охоты,— неожиданно вмешался незнакомец, когда в их беседе возникла долгая пауза.— Зато здесь должно быть полно золота. Я это еще несколько дней назад увидел по высохшим руслам рек.

— Никакого золота тут нет,— ответил Доббс.— Мы пробыли в этой дыре порядочно времени, чтобы разобраться, что к чему, и тоже предпочли бы намыть платежного дерьма. Какая чепуха! — добавил он с недоброй усмешкой.— Детский сад! Мы не вчера на свет родились и как-нибудь самородок от булыжника отличим.

Сказав это, он прямиком направился к палатке, чтобы лечь спать.

Никто к его словам ничего не добавил, а незнакомца, кажется, резкий тон Доббса даже не обидел: как знать, может быть, тот просто привык беседовать на повышенных тонах.

Говард потянулся и зевнул. Куртин выбил свою трубку. Оба встали друг за другом и медленно пошли к палатке. Они не сказали незнакомцу «Спокойной ночи!» и не позвали с собой.

Тогда незнакомец тоже поднялся. Свистнул, и через некоторое время, спотыкаясь на стреноженные ноги, появился мул. Хозяин сделал несколько шагов ему навстречу, ласково похлопал по холке, проговорил что-то на ухо и, шлепнув, отправил на все четыре стороны.

Подложив сучьев в костер, незнакомец сел и что-то запел себе под нос. Потом поднялся и зашагал туда, где оставил седло и вещи. Притащив к костру один из мешков, достал одеяло, завернулся в него, лег головой на мешок, ногами к костру, и заснул.

На следующее утро Доббс подошел к костру злой донельзя. Незнакомец уже наполнил свой котелок водой и теперь кипятил ее. Доббс сразу взял его в оборот:

— Дорогой друг, ты воду где брал?

Продолжение. Начало в № 8.

— Налил из ведра.

— Так. Из ведра, значит. Очень мило с твоей стороны. Думаешь, мы будем тебя обслуживать и таскать для тебя воду?

— Ничего такого я не думаю. Потом спущусь и наберу полное ведро.

Как раз в этот момент к костру подошел Куртин, еще более обозленный, чем Доббс. Он тоже сразу перешел к угрозам:

— Красть нашу воду? Пользоваться нашими дровами? Ты что это надумал? Прикоснись еще раз к чему-нибудь из нашего добра, получишь пулю.

— Мне показалось, что я попал к порядочным людям, которые не пожалеют глотка воды.

Тут Доббс так и набросился на него:

— Что ты сказал, зануда? Мы — непорядочные люди? Может быть, бандиты?

И ударил его кулаком в лицо.

Незнакомец вытянулся во весь рост на земле. Потом медленно поднялся.

— Я тоже мог бы долбануть тебя. Но куда мне против вас троих? Вы одного ждете: когда я потянусь за револьвером — тут вы меня пристрелите с полным правом. Но я не дурак.

Подошедший тем временем к костру Говард совершенно спокойно поинтересовался:

— У тебя какая-нибудь еда есть, приятель?

— Есть мешочек чая, есть бобы, рис и две банки молока.

— Кофе можешь сегодня пить с нами. И поесть тоже. Сегодня. А с завтрашнего дня заботься о себе сам.

— Спасибо! — кивнул тот.

— С завтрашнего дня?..— переспросил Доббс.

Удар кулаком, который он с таким успехом нанес незнакомцу, странным образом умерил его пыл.

— Послушай, ты что же, решил надолго у нас застрять?

— Думаю, да,— с невозмутимым видом проговорил незнакомец.

Тут Куртин заорал:

— Застрять? У нас? Только с нашего согласия!

— Горы и леса открыты для всех, кто нашел к ним путь.

— Ну, не совсем так, старина,— ответил на это Говард.— И горы свободны, и леса, и джунгли внизу, и пустыня, что позади. Все эти места свободные. Но мы пришли сюда первыми, и право стоянки за нами.

— Все это правильно. Вопрос только в том, вы ли пришли сюда первыми. Может, я побывал здесь в те времена, когда вам и в голову не приходило остановиться в этих местах.

— И ты свои права застолбил?

— У вас тоже нет лицензии.

— Но мы-то раньше твоего здесь оказались. Если ты вообще не врешь, что когда-то уже приходил сюда, то место это ты не огородил, прежде чем уйти, и тем самым права на него потерял.

— Завтра я начну искать здесь золото. Здесь есть золото! А если вы до сих пор его не нашли, это доказывает только, что вы порядочные болваны.

Старика его слова задели за живое, и он бухнул:

— А если мы все же не такие болваны, как тебе кажется? Если мы его нашли?

— Я бы ничуть не удивился,— сказал незнакомец.— Но вы ничего не нашли. А если и есть что-то, то какие-то крохи. Поскребли золото с самого верха. А здесь его полным-полно, где-то совсем рядом. На добрый миллион!

— На миллион? — Говард широко раскрыл глаза.

— На мощную жилу вы не вышли,— продолжал незнакомец.— Мне известно, что вы здесь почти год. Индейцы мне рассказали, что кто-то наверху давно уже копается. Наткнись вы на богатую жилу, у вас было бы столько «рванины», что вы давно отправились бы восвояси. Но вы не смогли бы увести столько, сколько вам удалось бы намыть, вас бы обязательно заметили. Или вы завели бы здесь настоящую шахту, с лицензией, с машинами, с двумя-тремя дюжинами рабочих...

— А у нас ничего нет! Пусто! — сказал Доббс.

— Думайте обо мне что угодно. Но я не ребенок. И понимаю, что если вы, трое мужчин, провели здесь столько времени, то не шутки ради. Думаю, лучше нам говорить друг с другом напрямик, выложив карты на стол. Что толку играть в прятки? Я не скотина, а по крайней мере, такой же порядочный человек, как и вы. И лучше вас быть не собираюсь. Все мы мечтаем разбогатеть, в горах ли, в лесу ли, в городе. Вы, конечно, можете убрать меня с дороги, я это прекрасно понимаю. Но то же самое может случиться со мной и в другом месте, при других обстоятельствах. Приходится рисковать. Так как, поговорим начистоту?

— Дай-ка нам сначала переговорить с глазу на глаз,— ответил Говард.

— Да будет тебе, Говард,— возразил Доббс.— Я считаю, надо дать ему шанс доказать, что он не шпион и не задумал ничего такого, что обернется против нас.

Незнакомец выпил свой кофе, после чего сказал:

— Я с вами честен с самого начала. Я сказал вам, что здесь есть золото и что я пришел его поворошить.

— Хорошо. Очень даже хорошо,— заметил Говард.— А как быть, если мы уже собрали золотишка? Рассчитываешь, что мы с тобой поделимся? Знал бы ты, каких трудов нам это стоило! Ладно, пускай я проболтался. Да, мы кое-что имеем и намерены вскорости оставить эти места.

Незнакомец ответил не задумываясь:

— С этого бы и начинали. Ладно: вы со мной по-честному, и я с вами по-честному. Поглядим, на чем сойдемся. Вы ничего не нашли. Может, два-три зерна. Оставьте их себе, ради бога.

— Даю голову на отсечение, мы так и поступим: что имеем, оставим при себе,— сказал Куртин.

— Дело вот в чем,— медленно, со значением начал незнакомец.— Того, что я задумал, мне одному не осилить. Мне нужны люди; вот я и подумал, что вы подойдете лучше других. Вы не меньше моего заинтересованы в том, чтобы все здесь как можно дольше оставалось в тайне. У вас есть инструмент, а у меня его нет. Вот что я вам предлагаю. Что у вас есть, у вас и останется. А с того, что начнет прибывать благодаря тому, что вы будете работать со мной по моим планам, мне положено две пятых доли, а каждому из вас — по одной пятой.

Троица переглянулась и рассмеялась. Потом Говард сказал:

— Юлить и изворачиваться мы и сами умеем, милый друг, и разных историй можем рассказать немало. Ну, что вы надумали? — обратился он к приятелям.

Доббс несколько помедлил:

— Мы свои дела вроде как закончили, пора собираться. Но если останемся немного, тоже ничего не потеряем.

— Я тоже думаю, что ничего не потеряем. Если и впрямь есть что-то, отчего не попытаться, раз мы все равно здесь,— подал голос и Куртин.

— А я не согласен,— проговорил Говард.— Все это охотничьи байки, а меня уже тошнит от красот дикой природы. Хочу опять почувствовать мягкую постель под задницей. С меня хватит. Но если вы останетесь тут, мне, конечно, тоже придется остаться. В одиночку мне двухнедельного перехода через лес и пустыню не осилить.

— Послушай, старина,— сказал Куртин,— особой охоты поработать сверхурочно у меня тоже нет. Меня кое-кто ждет. Прихватим еще неделю. Если байки, которые прочирикал нам этот птенчик, хоть как-то подтвердятся, что ж, тогда посмотрим, стоит ли игра свеч. А если за неделю ничего из земли не выбьем, мы пойдем с тобой, старина. Все с этим согласны?

Все согласились, и незнакомец начал быстро излагать свой план.

— Как тебя вообще-то зовут, парень? — перебил его Говард.

— Лакод,— ответил тот.— Роберт Лакод, из Аризоны.

Говард встал и пошел поглядеть, не слишком ли далеко разбрелись ослы. Для этого он взобрался повыше на каменную террасу.

— Эй! — раздался его громкий крик.

— Что случилось? — откликнулись в один голос Доббс и Куртин.— Ослы ушли?

— Быстрее все сюда! Живо, черт бы вас побрал!

Оба вскочили и побежали к нему. Лакод поспешил за ними вслед.

— Что это такое, вон там, приближается к нашей горе? — воскликнул старик.— У вас глаза моложе моих!

— Это солдаты. Либо конная федеральная полиция,— сказал Доббс.— И тут же встрепенулся: — Ах ты, негодяй, подлая твоя душа! — он повернулся к Лакоду.— Вот ты, выходит, из каких! Недолго же тебе пришлось притворяться!

Резким движением он выхватил револьвер и направил на Лакода. Но Говард, стоящий у него за спиной, заставил его опустить руку.

— Ты не прав,— сказал Лакод, побледневший при импульсивном движении Доббса.— У меня ни с солдатами, ни с полицией дела нет.

— Послушай, крошка,— обратился Говард к Лакоду.— Не заставляй нас расхлебывать твой супчик. Если это тебя ловят, смывайся, да поживее. Пусть они тебя увидят, отвлеки их от этого места, нам здесь полиция ни к чему. Марш, спускайся отсюда и выходи на дорогу, не то мы загоним тебя им прямо в пасть.

Куртин вскарабкался еще повыше и внимательно глядел на происходящее внизу.

— Не торопитесь, парни,— сказал он.— По-моему, это не солдаты. И никакая не полиция. Одеты они кто во что горазд и вооружены чем попало. Если не ошибаюсь, у одного из них дьявольски длинная пукалка, ей, видать, лет сто. Теперь я знаю, кто они такие. Это — бандиты!

— Черт побери! — ругнулся Говард.— Из огня да в полымя. Полиция нас арестовала бы, и так как мы ничего особенного не натворили, только мыли без лицензии, мы бы с ними договорились. А от бандитов пощады не жди.

И вдруг, будто вспомнив о чем-то, в свою очередь, натолкнулся на Лакода:

— Ну, сынок, выкладывай всю правду. Ты, значит, навлек бандитов на наши головы! Бандитский шпион! Выходит, я не ошибся...

— Нет у меня ничего общего с бандитами,— сказал Лакод.— Дайте-ка и мне поглядеть.

Вскарабкался наверх, к Куртину, некоторое время напряженно вглядывался в даль, потом сказал:

— Да, это бандиты. И я даже знаю, откуда они взялись. Слышал на асиенде сеньора Гомеса. У него была газета с их описанием. Я углядел среди них одного в сомбреро с золотистой лентой — о нем упоминалось в газете. Смельчак, даже шляпы своей не сменил. А скорее всего и не знает, что его сомбреро попало в газету. Газет он не видит, читать не умеет. Из всех бандитов я меньше всего хотел бы встретиться именно с этим.

И пока все четверо наблюдали с высоты за движением бандитов, ожидая, свернут ли они на тропку, которая выведет их к горе, Лакод рассказал, что он прочел в газете об этих бандитах и что успели ему рассказать о них работники на асиенде. Пусть большинство индейцев вообще и индейцы с асиенды в частности газет не читают, слухи о подобных событиях разбегаются по этой широкой открытой стране со скоростью несущегося по прерии огня.

На маленькой железнодорожной станции, где ночью поезд останавливается на две минуты, чтобы оставить и взять почту и принять или высадить двух-трех пассажиров, в вагоны село двадцать-двадцать пять мужчин.

Никогда прежде не случалось, чтобы на этой маленькой станции в поезд подсаживалось столько пассажиров, но ни дежурный по станции, ни персонал поезда на это особого внимания не обратили. Может, эти мужчины собрались на базар или работали на рудниках, а теперь вот бастуют, а может, вообще едут искать работу в других краях.

Все они были метисами, все в высоких сомбреро с широкими полями, в брюках, рубашках, в сапогах или сандалиях на босу ногу. После наступления темноты на маленьких станциях билеты не продаются, потому пассажиры и сели в поезд без билетов. На станции было темно-темно, лишь дежурный стоял у столба с тусклым фонарем, да проводники бегали с фонариками вдоль состава, и никто лиц садившихся в вагоны не разглядел. К тому же все они укутались по нос в одеяла, что здесь принято и ничьего любопытства не вызывает. Все севшие на последней станции собрались в первом вагоне второго класса, который идет сразу за почтовым. В этом вагоне сидела, как обычно, дюжина солдат во главе с офицером. Все с винтовками, заряженными боевыми патронами,— охраняли поезд от бандитских налетов.

Большинство мужчин так и остались в этом вагоне, хотя, когда поезд тронулся, некоторые из них перешли во второй вагон второго класса. В обоих этих вагонах почти все места занимали крестьяне, мелкие ремесленники и индейцы, которые везли свои товары на продажу в ближайший большой город. За вагонами второго класса следовал вагон первого класса, а уже за ним, в хвосте, шел пульмановский спальный вагон.

Поезд быстро набирал скорость. До ближайшей станции — минут двадцать или чуть больше. Когда поезд пошел на всех парах и железнодорожные чины собрались было продавать новым пассажирам билеты, эти мужчины закрыли выходы из вагонов, близ которых устроились с самого начала, и, не говоря ни слова и ни о чем не предупреждая, выхватили из-под своих одеял ружья и револьверы и открыли огонь. В первую очередь по солдатам.

Стрельба продолжалась секунд десять, и вот уже все солдаты валяются на полу в лужах крови, большинство убито наповал, а остальные в агонии или при последнем издыхании. Железнодорожники тоже убиты либо лежат, смертельно раненные, на полу и на скамейках. Ранено не меньше двадцати пассажиров, некоторые уже мертвы, раны других ужасны. Женщины на полу, вздымая руки, молят о снисхождении, милости, поднимают на руки верещащих детей, желая вызвать в бандитах сочувствие, предлагают им в обмен на жизнь свой жалкий скарб. А бандиты все стреляли и стреляли. Потом принялись за грабеж и хватали все, что представляло для них хоть какую-то ценность.

Потом бандиты перешли в вагон первого класса и принялись грабить тут. Правда, на сей раз обошлось без стрельбы. Часы и кошельки, кольца и серьги, ожерелья и браслеты — добыча оказалась богатой. А если кому-то из бандитов казалось, что он получил мало, достаточно было ударить господина револьвером или прикладом ружья под ложечку, как тот тут же вспоминал о золотых монетах в левом кармане брюк или кольце с бриллиантом в чемодане.

Затем бандиты включили свет в спальном вагоне, подняли людей с постелей, согнали их в конец вагона и отняли все, что были в силах унести.

А поезд все мчался сквозь ночь. Может быть, машинист не услышал звуков выстрелов, или же он слышал их и теперь нарочно гнал поезд, чтобы бандиты не успели соскочить на ходу до следующей станции.

Через платформу грабители пробивались к багажному вагону, где, убив охранника, вскрывали чемоданы либо выбрасывали их, чтобы потом подобрать вдоль пути. Покончив с багажным вагоном, на ходу перелезли в почтовый, где пристрелили обоих сопровождающих и перерыли все мешки с почтой.

Тем временем машинист то ли сообразил, что случилось что-то неладное, то ли увидел нескольких бандитов, перебиравшихся из почтового вагона на тендер. Станция еще далеко, до нее не дотянуть. Он резко рванул рычаг, и, останавливаясь, поезд чуть не встал на дыбы. Кочегар сразу спрыгнул и попытался скрыться в лесной чаще по другую сторону железнодорожного полотна. Но так и остался лежать на рельсах — в спину ему попало с полдюжины пуль. Прежде чем успел соскочить сам машинист, на паровоз поднялось четверо бандитов, которые схватили его за руки, но убивать не стали.

В товарном вагоне бандиты обнаружили бочки с керосином и газолином, которые предназначались для городских магазинов. Облив керосином вагоны, они плескали в открытые окна газолин, а потом бросили в вагоны горящие спички. Языки пламени взметнулись к темному ночному небу как после взрыва.

Кричащие, ревущие, стонущие, гонимые безумным страхом, запертые в вагонах пассажиры сбивались перед окнами, и, если кому даже и удавалось выскочить, то, падая с высоты на полотно, они ломали кости, а одежда на них загоралась от пылавшей обшивки вагона. Тот, кто был тя-

Рисунки П. ПАВЛИНОВА

жело ранен и в панике не находил руки, которая бы его подсадила, сгорал в страшных муках.

А впереди, на паровозе, бандиты, направив револьверы на машиниста, приказали ему отцепить паровоз и ехать вперед, пока не прикажут остановиться.

Паровоз тронулся с места, оставив позади горящий состав и людей, которых освещали всполохи пламени из вагонов. Потом один из бандитов приказал машинисту остановиться. Паровоз встал, все бандиты спрыгнули. Последний из них выстрелил в машиниста и ногами столкнул с полотна.

Некоторое время спустя машинист паровоза пришел в себя. Собрав остатки сил, он вскарабкался на насыпь и подтянулся на паровоз. И довел до самой станции.

Начальник станции, удивленный видом одинокого паровоза и отсутствием самих вагонов, о прохождении которых ему давно сообщили, первым подбежал к паровозу и увидел истекающего кровью машиниста. Он немедленно дал телеграммы в обе стороны. Станции ответили сразу, пообещав прислать вспомогательные поезда. На запасных путях станции стоял товарняк, который пропускал пассажирский поезд. Теперь от него отцепили два пустых вагона, подогнали паровоз товарняка.

Но кто его поведет и кто будет сопровождать? Бандиты еще наверняка орудуют вдоль полотна, подбирая выброшенное из окон добро. Может быть, они даже где-то разобрали пути.

Начальник станции сказал:

— Будет лучше, если мы дождемся прихода большого вспомогательного состава: в нем наверняка прибудут солдаты...

Но машинист товарняка не дал ему договорить.

— Состав поведу я. Там погибают женщины и дети, там лежат мои товарищи, некоторым из них мы могли бы еще помочь. Я поведу состав! А ты, кочегар, что скажешь?

Надо сказать, что все без исключения железнодорожники Мексики входят в прекрасно организованный профсоюз. Весьма радикальный и постоянно готовый к забастовкам. Его члены крепко держатся друг за друга. В организации царит дух товарищества, который делает их людьми гордыми, стремящимися к свету знаний, отдающими себе отчет в важности своей деятельности для развития страны. То есть делает именно теми вежливыми, благожелательными, всегда улыбающимися и отпускающими шуточки железнодорожниками, которые столь выгодно отличаются от ворчливых и покрикивающих нижних железнодорожных чинов, столь часто портящих настроение пассажирам в Центральной Европе. Они вовсе не подчиненные заносчивых и высокомерных начальников. Кочегара нередко избирают президентом или спикером местной группы профсоюза, а начальник дистанции скромно сидит на одной скамейке с рабочими сортировочной станции, стрелочниками и смазчиками, спокойно и внимательно выслушивая предложения президента-кочегара о том, что может быть сделано в интересах служащих железных дорог. А если случится бастовать, то начальник дистанции, получающий зарплату в десять раз больше, нежели смазчики и сортировщики, не просто оказывает техническую помощь бастующим, он составляет тексты воззваний и плакатов, которые объясняют причины и необходимость этих забастовок железнодорожников, поскольку он, человек образованный, куда больше приспособлен к составлению таких текстов, чем президент-кочегар. И раз оно так, то машинисту паровоза не приходится долго ждать ответа на вопрос: «А ты, кочегар, что скажешь?» Ответ ему известен заранее. Он уверен в ответе всех железнодорожников, которые стоят вокруг и ждут отправления товарняка.

— Я первым поведу паровоз пассажирского состава,— говорит кочегар.— А ты пойдешь в пятистах метрах сзади. У тебя хватит времени остановить поезд, если, например, мой паровоз сойдет с рельсов.

Паровоз трогается с места, смазчик прыгает в него на ходу, становится на место кочегара, и вот уже паровоз пропадает из виду.

Тем временем составлен вспомогательный поезд. Все мужчины, служащие на товарной станции, оставив жен и детей, садятся в вагоны. На ходу в него вскакивают еще несколько человек, оказавшиеся рядом по случаю, и поезд быстро убегает в ночь.

Передний паровоз разобранных путей не обнаружил. Но когда он приблизился к месту катастрофы, по нему открыли беглый огонь.

Неподалеку от того места, где бандиты заставили машиниста остановить поезд, они спрятали своих лошадей. И те, что стояли у лошадей, сразу принялись стрелять по паровозу, чтобы не дать ему проехать вперед и помешать остальным бандитам подбирать награбленное.

Кочегара ранило в ногу, его помощнику-смазчику пуля обожгла ухо. Но они мчались вперед, посигналив фонарем следующему за ними поезду, что само полотно не разобрано.

Второй поезд бандиты тоже приветствовали выстрелами. Но у некоторых из железнодорожников оказались револьверы, и они ответили огнем. В темноте бандиты не могли разобрать, едут ли в этих неосвещенных вагонах солдаты. Скорее всего они именно так и подумали. Потому что кинулись к лошадям, побросав все, что не успели сложить и перевязать. Оседлав лошадей, поскакали прочь, подальше в густые джунгли, поближе к горам.

С помощью оставшихся в живых пассажиров железнодорожники подняли в вагоны всех убитых и раненых, и траурный поезд отправился обратно, к станции, до которой большинству пассажиров не было суждено добраться живыми и здоровыми.

Туда же прибыла телеграмма, что медицинский состав послан, но прибудет никак не раньше завтрашнего утра. Получили на станции и другие телеграммы: правительственную и из ближайших гарнизонов. Правительство телеграфировало, что все части конной полиции соседних округов на марше, что по тревоге подняты четыре кавалерийских полка федеральной армии и что еще до наступления утра войска будут отправлены к месту происшествия на спецпоездах, а оттуда начнут преследование бандитов.

...Найти иголку в стоге сена отнюдь не просто. Но если очень захотеть, она может быть найдена, какой бы огромной ни оказалась копна. Искать же бандитов, которые задолго до твоего появления умчались в джунгли, знакомые им как свои пять пальцев и совершенно неизвестные преследователям,— предприятие никак не сравнимое с поисками иголки в высоком стогу сена.

Но большинство из солдат — индейцы. А это тоже кое-что значит. Им ведь было точно известно место, где находились бандиты. Скоро офицерам удалось выяснить, что бандиты разделились на маленькие группы и рассредоточились. Так что иголку в стогу сена вдобавок разделили на несколько кусочков.

Отряд кавалерии федеральной армии шел по долине Гаасамота. Подле одинокой хижины, встретившейся на их пути, сидели и курили два метиса, закутавшиеся в одеяла. Отряд уже почти миновал домишко, когда один из метисов встал и ушел было куда-то за хижину. Но другой сделал ему знак вернуться, и тот невозмутимо уселся на прежнее место.

Тут офицер оглянулся и приказал отряду остановиться. Ему хотелось пить. Напившись, офицер объехал вокруг хижины и спешился. На вопрос: «Из какой они деревни?» — метисы ответили: «Мы живем в Комитале». Офицер собрался было продолжить путь во главе отряда, но лошадь пританцовывала, и он никак не мог попасть носком сапога в стремя. Один из метисов поднялся, потому что лошадь чуть-чуть на него не наступила, подошел и придержал стремя, желая услужить офицеру. И тут одеяло падает с его плеч.

Офицер опускает ногу на землю и спрашивает: «Что у вас там, в кармане брюк?»

Метис смотрит на свой порядком вздувшийся карман и поворачивается к офицеру вполоборота, словно собираясь вернуться к хижине, а может, и пуститься в бегство. Он переводит взгляд с офицера на солдат, затягивается своей сигаретой, вынимает ее изо рта, короткими толчками выпускает изо рта дым и улыбается.

Резким движением офицер хватает метиса за ворот рубахи, а левую руку запускает в его карман.

Теперь поднимается и другой метис, пожимает плечами, будто недоволен тем, что нарушен его покой и он собирается перейти на другое место, где можно посидеть и покурить без помех.

Сержант и двое солдат спрыгнули с лошадей и встали так, что метисам бежать некуда.

Офицер отпускает ворот рубашки метиса и разглядывает то, что достал из его кармана. Это хорошего качества, довольно дорогой овальной формы кожаный бумажник. Офицер улыбается, метис тоже.

Офицер открывает бумажник и высыпает содержимое на ладонь. Всего немного: несколько золотых монет, несколько больших серебряных. Песо двадцать пять примерно.

— Это ваши деньги?— спрашивает он.

— Конечно, мои.

— Большие деньги. На них вы давно могли купить новую рубашку.

— Вот и куплю завтра, я как раз собирался в город.

Но в бумажнике обнаруживается еще и железнодорожный билет первого класса до Торреона. А такой метис никогда первым классом не поедет. Вдобавок билет был продан в день нападения на поезд.

Обыскивают и второго метиса. У него в карманах тоже находят деньги, но не в бумажнике, а отдельными купюрами и монетами. А в кармашке для часов — кольцо с бриллиантом. По знаку сержанта теперь спешиваются все солдаты.

— Лошади ваши где?

— Стоят там, за хижиной,— отвечает первый метис, насыпает табак на лист бумаги, зубами затягивает кисет, сворачивает себе новую сигарету. Он не нервничает — ни крошки табака не просыпал. Спокойно, с улыбкой прикуривает и затягивается.

Подводят лошадей этой парочки. Жалкие седла, дешевые уздечки, затрепанное лассо.

— А револьверы где? — спрашивает офицер.

— Где лошади стояли.

Сержант уходит туда, разваливает сапогом кучу свежей земли и обнаруживает револьвер и пистолет старого образца.

— Как вас зовут?

Оба называют свои имена. Офицер записывает их, делает опись найденного.

Понемногу собрались любопытствующие индейцы. Офицер спрашивает одного из парней:

— Где тут у вас кладбище?

Офицер, солдаты и оба метиса следуют за парнем, который указывает дорогу. А за ним тянутся жители деревни: мужчины, дети постарше и женщины с младенцами на руках.

На кладбище солдаты сгрудились в одном из углов, кто-то принес лопаты, и оба метиса роют себе могилу. Офицер курит, солдаты курят и переговариваются с деревенским людом.

Когда могила достаточно глубока, оба метиса усаживаются на краю, переводят дух и снова сворачивают себе по сигарете. Несколько погодя офицер произносит:

— Если хотите, можете теперь помолиться.

По его приказу выстраивается в ряд команда из шести человек. Оба метиса на удивление спокойны, не нервничают и страха не выказывают. Перекрестились, пробормотали что-то себе под нос и опять сунули в рот по сигарете. А после этого, не дожидаясь приказа, встали рядом.

— Приготовиться,— скомандовал офицер.

Бандиты сделали еще по нескольку затяжек и отшвырнули сигареты.

...Когда засыпали их могилу, офицер и солдаты сняли фуражки, постояли несколько секунд молча, потом снова надели фуражки, оставили кладбище, оседлали коней — и вперед!

Чего государству тратиться зря, когда итог предрешен заранее? К чему судить да рядить?..

Другой кавалерийский отряд заметил в гористой местности восемь всадников. Всадники скорее всего тоже углядели солдат, потому что тут же перешли на рысь и скрылись. Офицер со своим отрядом преследовал их, но обнаружить не смог — всадники словно сквозь землю провалились. На песчаной дороге следов от копыт было сколько угодно, и офицер терялся в догадках: какие из них оставлены этой восьмеркой? Он принял решение идти по самому свежему.

Несколько часов спустя солдаты оказались перед одинокой асиендой. Она была окружена высокой прочной стеной и возвышалась на равнине как маленькая крепость. Заехав на просторное подворье, солдаты спешились. Вышел хозяин, и офицер спросил, не появлялась ли поблизости группа всадников. Тот заявил, что никто мимо не проезжал, не то он обязательно бы заметил. Тогда офицер сказал, что вынужден произвести обыск, а хозяин ответил: пусть-де поступает, как полагает необходимым.

Хозяин вернулся в дом, а когда к нему подошли солдаты, по ним открыли стрельбу с разных сторон. Пока они отступали к воротам, одного солдата убили и четверых ранили.

Убитого и раненых солдаты унесли с собой. Когда отряд оказался за пределами асиенды, бандиты заперли ворота изнутри.

И начался честный бой, который, как отлично известно обеим сторонам, может закончиться только полным уничтожением одного из противников. Или если вдруг кончатся патроны. Осажденным терять нечего, их в любом случае расстреляют. Оборона — единственная возможность для них как-то исправить положение.

Первым делом офицер отдает приказ отвести лошадей на расстояние далее ружейного выстрела. А бандиты и не подумали стрелять в лошадей во время отхода: не так уж и много у них патронов.

Положение солдат аховое. Асиенда стоит на открытой местности, посреди полей и пастбищ. Голодом бандитов не уморишь, вызывать артиллерию офицер и его отряд сочли бы за оскорбление самим себе. Надо брать асиенду штурмом!

Крепостная стена асиенды — четырехугольник, с каждой стороны на приступ идет по отделению. Это напоминает самые настоящие военные действия. Солдаты делают короткие перебежки, падают на землю, открывают огонь, чтобы дать другому отделению сделать рывок вперед. После трехчасового боя офицер направляет главные силы отряда к центральным воротам, а сам тем временем перебирается с оставшимися солдатами к задним, которые обороняют всего трое,— и ворота взорваны!

Но бандиты не намерены так просто сложить оружие. Во дворе и в жилом доме развертываются маленькие сражения. Далеко за полдень солдаты оказываются неоспоримыми хозяевами на асиенде. У них двое убитых, двое тяжелораненых и девять с легкими ранениями. В доме и во дворе они обнаруживают не только тех восьмерых, которых преследовали, но и некоторых других участников ограбления поезда.

Семеро убиты, пятеро ранены — этих сразу расстреливают. Среди убитых и хозяин асиенды; никто не знает, был ли он сам бандитом или бандиты его силой заставили отрицать их присутствие на асиенде. Слуги попрятались по укромным углам и только сейчас появляются на подворье. Они никакого отношения к случившемуся не имеют, в этом можно не сомневаться. Семья хозяина асиенды уехала погостить в столицу, она тоже вне подозрений...

В карманах и вещах убитых бандитов солдаты находят множество вещей, явно захваченных во время ограбления поезда.

Так или примерно так бандитов постепенно вылавливали. Однако поймать их всех за весьма ограниченное время очень трудно. И чем больше времени проходит, тем труднее схватить последних оставшихся на воле. А они, случайно не пойманные, отнюдь не сидят, окопавшись в глуши.

— И вы,— сказал Лакод под конец своего рассказа,— вы всерьез подозреваете, будто я способен быть заодно с бандитами, совершившими такое ужасное преступление, как это ограбление поезда?

Они сидели на скале, уставившись вниз, чтобы не пропустить момента, когда всадники выедут из-за поворота.

— Сколько ты их насчитал? — спросил Говард.

— Не то десять, не то двенадцать,— ответил Куртин.

— Если верить твоему рассказу, столько бандитов никак не могло остаться в живых,— сказал Говард Лакоду.

— Конечно, нет. Большинство из них поймали. Но те, что уцелели, могли стакнуться с другими, объединиться в новую банду... И теперь она что-то задумала...

— Я думаю, Боб прав. И если все так и есть и они поднимутся, нам придется туго.

— Тогда нам лучше не терять времени и подготовиться к встрече гостей,— сказал Доббс.— Ты, Куртин, оставайся здесь, у тебя глаз острый — сообщишь, как там и что. А мы пока все прикроем.

Первым делом поймали ослов, отвели их в чащу по другую сторону скалы и там привязали. Потом перенесли в глубокую канаву, шедшую под отвесной скалой, свое оружие, два ведра с водой и пакеты с крекерами и хлебом. Эта канава была словно специально создана для обороны: ни сзади не обойдешь, ни сбоку, а перед канавой — открытое пространство, любое передвижение противника будет видно как на ладони, знай бери на мушку.

Когда подготовка к обороне была завершена, Куртин сказал:

— А ведь у нас хватило бы времени всем залезть на скалу, спрятаться там в расщелине и переждать, пока они уйдут.

— Ну и балда же ты,— разозлился Доббс.— Тогда они обнаружат нашу шахту, и мы не сможем добраться туда, чтобы забрать каждый свою долю.

— Я что-то ничего такого не видел,— сказал Лакод.

— Куда тебе,— ответил Доббс.— Но раз такая история, давай говорить начистоту. Конечно, у нас есть шахта. Засыпать ее у нас времени нет, и отсюда уйти никак нельзя, потому что, если кто-то будет поблизости от шахты, нам своего добра отсюда не вывезти. Мы должны держаться здесь и не дать им пройти. Тут игра не на жизнь, а на смерть. Даже если они не знают, что мы золото намыли, понимаешь, они нас разденут до нитки, ни ботинок, ни сапог не оставят. И тогда придется подыхать в джунглях.

— Он прав,— подтвердил Говард.— Будь у нас выбор, мы бы с ними связываться не стали. Но выбора нет, и в этом все дело.

— Они свернули! Они поворачивают наверх! — крикнул Куртин, спрыгивая со скалы.

— Сложим-ка палатку,— предложил Доббс.— Тогда они не сразу пронюхают, что здесь ночевал не один человек.

Палатку скатали и перенесли в канаву. Потом вырыли что-то вроде профильных окопчиков: голову высовывать не надо, а обзор полный. Обсудили еще план действий, и тут сердца у них забились чаще — они услышали голоса мужчин, достигших последнего поворота.

Несколько минут спустя на фоне кустарника у самой кромки открытой площадки показались люди. Лошадей они скорее всего оставили у последнего поворота, потому что как раз после него небольшой участок пути для лошадей самый трудный. Но не исключено, они поднялись сюда без лошадей и по другой причине. Из кустов их вышло семеро, остальные, видимо, остались при лошадях или заняли удобные для наблюдения точки. Все они были вооружены. У каждого по револьверу, у некоторых вдобавок и ружье. Все в сомбреро, с пестрыми платками, завязанными на затылке, двое — босиком, у одного на одной ноге кожаная гетра, другая — босая. Нет ни одной целой рубашки, зато кое у кого кожаные куртки, а у троих — длинные, облегающие кожаные брюки по щиколотку. На всех по одной, а то и по две-три патронные ленты. У некоторых на плечах свернутые одеяла. Одеяла других и мешки с продовольствием остались, наверное, на лошадях.

Когда бандиты вышли на площадку, ограниченную сзади отвесной скалой, а с трех других — густым, непроходимым с виду лесом и колючим кустарником, то с удивлением огляделись. Судя по их жестикуляции, они ожидали увидеть нечто иное, не то, с чем сейчас столкнулись. Они не могли не заметить, что совсем недавно здесь был лагерь.

Наконец после долгих толков и пересудов бандиты пришли к единому мнению. Они переговаривались на столь повышенных тонах и так размахивали при этом руками, что осажденным не стоило большого труда понять замысел бандитов. Они решили разбить здесь лагерь и про-

быть довольно продолжительное время, пока солдаты не перейдут на поиски в соседние районы. Место это было для них очень удобным. Воду они уже обнаружили чуть пониже, трава для лошадей тоже найдется неподалеку, а прокормиться в случае чего можно и овощами с крестьянских полей.

— Я сперва подумал,— тихонько проговорил Говард Куртину,— что мы последние ослы — почему не прокрались отсюда ползком к нашей шахте. А теперь вижу, что большей дурости мы и сделать не могли. Потому что стоит им здесь засесть надолго, они прочешут все вокруг — и нас у шахты нашли бы в два счета.

— Но что нам делать, если эти устроят здесь свой лагерь? Ума не приложу...— прошептал Доббс.— Об этом никто из нас не подумал. Я и сам предполагал, что они как пришли, так и уйдут.

— Наберемся терпения,— проговорил на сей раз Лакод.— Вдруг они передумают и уберутся восвояси.

— Нам надо рассредоточиться по всей длине канавы,— предложил Говард.— Если их черт все же занес сюда, им незачем заставать нас всех скопом — перестреляют, как кроликов. Они-то пока почему-то считают, что здесь один Куртин, и если мы вдруг начнем стрельбу с разных позиций, они могут переполошиться, бросить все и уйти отсюда.

Говард и Лакод заняли две крайние точки канавы. У каждого из них было по хорошему охотничьему ружью. А Куртин и Доббс так расположились по центру, что никто увидеть их обоих сразу не мог, даже подойди он совсем близко к канаве.

Бандиты сбились в кучу недалеко от тропинки, ведущей в лес. Они курили, переговаривались, хохотали; двое вытянулись на земле и не то спали, не то дремали. Один подошел к лошадям, чтобы сообщить оставленным там часовым о решении разбить здесь лагерь. Пусть они тем временем подыщут подходящее местечко для ночевки лошадей... Всем засевшим в канаве одновременно пришла в голову мысль, что пробил их час: взять пятерых бандитов на мушку и ухлопать! Когда остальные прибегут на помощь, встретить их как следует из надежного укрытия и избавиться от этих грязных псов раз и навсегда. Все они злились про себя, почему заранее не обсудили такой возможности. Нет, убийством исподтишка это не назовешь, перед ними не люди, а бешеные твари.

Доббс, мысленно разработавший уже этот план в деталях, был не в силах не поделиться им. Пополз к Говарду — тот ближе других.

— Я думал о том же самом,— ответил ему старик.— Но тогда все они, мертвые, останутся здесь лежать.

— Мы закопаем их,— прошептал Доббс.

— Конечно. Но мы вроде бы собрались пробыть тут еще недели две. Не хочется жить на кладбище. Кладбище — вещь необходимая, но день и ночь иметь его перед глазами... зная кого и как ты похоронил... А то я сразу согласился бы; вот тот, рябой, например, у него такой подлый вид, любой взрослый и видавший виды человек испугается, увидев его рядом с собой в церкви.

— Такого ты в церкви не встретишь.

— Ошибаешься! Именно его, как и всю эту банду. Клянусь, тебе именно негодяи вроде них и подвешивают под ноги святой девы Гваделупской или святого Антония большинство серебряных украшений. Они себе колени стирают — от двери собора до алтаря проползут, да еще трижды вдоль стен. Пойди проверь: у каждого из них на шее иконка или амулет с изображением святых. Правительство в Мехико это знает, потому и прижимает церковь. У этих людей в десять раз больше всяких суеверий, чем у черных язычников в Африке. Они... гляди, этому-то что понадобилось! Он прямиком сюда направляется! Живо на место!

С кошачьей ловкостью Доббс отполз в сторону.

И действительно, один из бандитов вразвалочку шел к тому самому месту в канаве, где притаился Куртин. Он не смотрел ни себе под ноги, ни в сторону канавы, скорее можно сказать, что он, задрав голову, разглядывал отвесную скалу во всю ее длину и ширину. Похоже, искал, нет ли здесь другого спуска. А может быть, подумал, что где-то здесь торчит пропавший гринго или что отсюда он спустился вниз по другой дороге — иначе он бы им встретился.

Убедившись, что никакой другой дороги вниз нет, он повернулся назад. Тут он увидел канаву и, наверняка подумав, будто это и есть дорога, которую они ищут, подошел поближе и стал почти на край. Тогда-то он и разглядел Куртина, который все время не спускал с него глаз.

— Карамба! — вскричал бандит и громко позвал своих дружков.— Эй, все сюда. Тут птичка сидит в своем гнездышке и высиживает яйца.— Он громко захохотал.

Остальные тут же, не скрывая любопытства, направились в сторону канавы. Но когда они были на полпути, Куртин крикнул:

— Стойте, бандиты! Не то стреляю!

Бандиты остановились как вкопанные. Потянутся за револьверами не решились. Они все еще не поняли, что произошло.

А тот, который обнаружил Куртина, без разговоров поднял руки и пошел, не опуская их, к середине площадки, где встали остальные.

Некоторое время они начали что-то оживленно обсуждать, перебивая друг друга. Наконец вожак выступил вперед и сказал:

— Мы никакие не бандиты. Мы из полиции. И сами ищем бандитов.

Куртин слегка выглянул из канавы.

— Где тогда ваши жетоны! Если вы из полиции, хотя бы у одного должен быть жетон. Предъявите его мне.

— Жетон! — удивился вожак.— Нет у меня жетона. И незачем иметь. И ничего никому предъявлять не обязан. Идите-ка сюда, к нам. Мы хотим с вами побеседовать.

— Можете говорить на расстоянии. Я отлично все слышу.

— Мы вас арестуем. Вы здесь охотитесь, а лицензии на право охоты у вас нет. Мы вас арестуем и изымем ружье и револьвер.

Куртин рассмеялся.

— Так где же ваш жетон? Вы сами-то имеете право носить оружие? А раз у вас никакого жетона нет, выходит, вы и не из федеральной полиции, и не из государственной. И никакого права арестовывать меня не имеете.

— Послушайте, сеньор,— вожак приблизился к нему на несколько шагов.— Арестовывать вас я не стану. Отдайте нам только ваш револьвер. Охотничье ружье оставьте себе. Нам нужны револьвер и патроны к нему.

Он сделал еще шаг по направлению к Куртину, остальные последовали за ним.

— Больше ни шагу! — крикнул Куртин.— Или я стреляю, так и знайте.

— Будьте хоть немного повежливее, сеньор. Мы вам никакого зла не причиним, нам нужен только ваш револьвер.

— Он мне самому нужен.

— Швырните-ка эту железяку сюда, и мы отстанем от вас, разойдемся подобру-поздорову,— крикнул кто-то из бандитов.

— Ничего вы не получите. Проваливайте отсюда!

Бандиты молча вернулись на край поляны и уселись на земле в кружок. Было уже часов десять, самое время подкрепиться тортильями и тамалесами или что там у них было в запасе. Разложили маленький костерок, сгрудились вокруг огня.

Они, конечно, нисколько не сомневались, что гринго в любом случае попадет к ним в руки: из канавы ему деваться некуда. И так как свой лагерь они разбили на этой площадке, пройдет никак не больше двух дней и гринго сдастся. Или ему захочется, например, заснуть — тогда его можно будет взять голыми руками.

Поели и улеглись — полуденный сон. Он продлился два часа, потом бандиты снова ожили и разговорились. Чем бы заняться?.. Из этой потребности к деятельности и родилась мысль перехитрить Куртина, взять его в плен и приятно скоротать с ним время до вечера. Жертве обычно такое времяпровождение нравится меньше. Апогей этих милых игрищ пленник чаще всего пережить не в состоянии.

Всем приходилось видеть в церквах множество картин с изображением кровавых пыток; видеть скульптуры святых и мучеников с растерзанными телами, нашпигованны-

ми копьями и стрелами, с открытыми ртами, в глубине которых виднеется огрызок языка; вырванные из груди кровоточащие человеческие сердца, из которых бьют язычки красного пламени; залитые кровью руки и ноги, пробитые гвоздями; размозженные колени с вывернутыми коленными чашечками; спины, исстеганные плетьми с рыбацкими крючками; головы святых, над которыми терновые венцы сбиты тяжелыми деревянными молотками. И перед этими вот картинами и деревянными скульптурами — перед ними верующие и набожные люди часами простаивают на коленях с широко раскинутыми руками, причитают, стонут, молятся, бормочут, сто, двести, пятьсот раз произнося «Аве, Мария!».

Вот почему этим людям не требуется никакой фантазии и особой изобретательности, если они вздумают скоротать время со своей жертвой.

Похоже, бандиты размышляли сейчас о приятном послеполуденном развлечении, и начнется оно с того, что жертве будут медленно всовывать в рот тлеющие кусочки дерева. Они обсуждали это открыто, как дело решенное и принятое, и Куртин мог себе представить, что его ожидает.

Один из бандитов достал револьвер и прикрыл кожаной курткой, чтобы сразу нельзя было заметить, что он снят с предохранителя. Куртин этого его движения не заметил, бандит был прикрыт другим; но от глаз Лакода оно не ускользнуло.

Бандиты поднялись один за другим и снова направились к середине площадки.

— Послушайте, сеньор,— крикнул мужчина в сомбреро с золотистой лентой,— давайте попробуем столковаться. Мы собираемся сейчас уйти, потому что у нас нет здесь больше еды; мы хотим поспеть на базар к завтрашнему утру. Так что самое время сниматься с места. У меня есть золотые часы с подходящей цепочкой. Предлагаю их в обмен на револьвер. Часы стоят сто пятьдесят песо. Вы внакладе не останетесь.

Он достал из кармана часы и помотал ими за цепочку.

Куртин привстал и крикнул:

— Оставьте себе ваши часы, а револьвер останется при мне. Собираетесь вы на базар или нет, мне все равно. Но револьвера вам не получить, и точка.

Опершись руками о землю, он хотел было уже спрыгнуть в свой окопчик, когда тот из бандитов, что держал револьвер под курткой, выхватил его. Но не успел он нажать на «собачку», как прогремел выстрел и револьвер выпал у него из руки; высоко подняв ее, бандит крикнул:

— Меня ранило!

Когда раздался выстрел, все бандиты с удивлением увидели поднявшееся над канавой легкое облачко: поднималось оно у левого угла, а не над тем местом, где сидел Куртин.

От удивления они сначала онемели, а потом, осторожно пятясь, снова оказались в тени деревьев. Там расселись на траве, и все разом заговорили. О чем — этого осажденные в канаве расслышать не могли, но, судя по всему, бандиты были в полнейшем замешательстве. Как? Неужели в канаве притаились полицейские, выследившие их?

Появились и остальные, снявшиеся со своих постов в лесу: они услышали выстрел и подумали, что без них здесь не обойдутся. Но вожак отправил их обратно, полагая, вероятно, что в данный момент им куда важнее быть при лошадях.

Некоторое время бандиты продолжали переговариваться и вдруг все расхохотались. Встали и, не переставая смеяться, снова перебрались в центр площадки.

— Вы, сеньор, больше с нами таких шуток не шутите,— крикнул вожак.— Мы все видели. Вы привязали к углу канавы ружье, а потом дернули за шнур. Нас на мякине не проведешь.

Бандиты открыто веселились. Вдруг у каждого в руке сверкнул револьвер!

— Выходите сюда, милейший, а то придется вас вытаскивать! — крикнул вожак.— Не тяните время. Раз, два, три. Ну, вылазьте!..

— И не подумаю! — крикнул Куртин.— Сделайте только шаг, открою огонь.

— Ладно, поглядим, уважаемый.

Бандиты разом бросились на землю и с револьверами в руках со всех сторон поползли к тому месту, где сидел

Куртин. Но проползли недалеко. Из четырех точек канавы прогремели выстрелы, и двое бандитов закричали, что их ранило, и ползком вернулись к кустам.

Что предпринять? Теперь ясно, в канаве прячется не один человек, а четверо или даже пятеро. И ниоткуда они не могли здесь взяться, кроме как из полиции. Если это и впрямь полицейские, им, банде, конец, потому что полиция наверняка забралась не только сюда, но и оседлала дорогу, перекрыв все пути отхода. Оставался один выход — принять бой. Но поскольку из канавы не доносилось ни звука и никто их не атаковал, бандитами овладела неуверенность, они опять заподозрили гринго в каком-то розыгрыше. Будь он там не один, а с солдатами, они пошли бы в атаку и погнали бы прямо в объятия основных частей, ждущих внизу, на дорогах.

Но часовые ни о чем подозрительном не доносили, а один из них поднялся в лагерь и сообщил, что дорога свободна.

Один из бандитов предложил устроить самую настоящую осаду, неважно, солдаты там в канаве или охотники, теперь игра тем более стоит свеч. Если там несколько человек, значит, и револьверов у них несколько, и продукты найдутся, и разные другие вещи, которые могут пригодиться; численного превосходства осажденных опасаться не приходится, в противном случае в подходящий момент — когда вся их группа смешалась в центре площадки после первых выстрелов,— они решили бы дело прямой атакой.

А четверо в канаве сочли, что необходимо посоветоваться, тем более что видели — в самое ближайшее время бандиты ничего не предпримут. Сползли в тот угол, где сидел Говард, чтобы обсудить, как быть дальше. Поели немного, выпили по стаканчику воды и позволили себе то же удовольствие, которое бандиты позволяли себе в течение долгих часов — закурили.

— Знать бы, что они замышляют! — сказал Куртин.

— Узнаем или нет, разницы никакой,— проговорил Говард.— Мы сможем действовать лишь после того, как начнут они.

— А если все-таки выбраться отсюда и ударить?..— предложил Доббс.

— Тогда мы раскроем наши карты.— Говард покачал головой.— Пока что они не знают, сколько нас. Узнают — смогут рассредоточиться. Площадку удержать мы сумеем, но к дороге они нас не пропустят, перестреляют из засады. Удобнее всего удерживать площадку, оставаясь здесь, в канаве. Мы, между прочим, не знаем даже, не подымается ли за ними вслед другая группа.

— Я тоже считаю, лучше нам всем спокойно оставаться в канаве,— сказал Лакод.— Не на век же они сюда заявились.

— А надолго у нас хватит воды? — спросил Куртин.

— Если расходовать экономно, на три дня.

До них донесся рев ослов. Бандиты тоже встрепенулись, но особого внимания этому придавать не стали. Может быть, этот рев даже успокоил их, подсказав, что перед ними в канаве не солдаты — те на ослах не ездят. Спуститься вниз, к ослам, чтобы завладеть ими, нечего и думать, пока площадка не у них в руках.

— Надо подготовиться к ночи. Как бы они не подкрались исподтишка,— проговорил Говард.

— Ни сегодня ночью у них ничего не выйдет, ни завтра,— сказал Лакод.— Сейчас полнолуние, и площадка будет освещена, как днем. Я это по прошлой ночи помню.

— Это правда,— подтвердил Говард.— Наше счастье! На ночь разойдемся по двое и будем защищать углы. Один сможет поспать до утра, другой будет настороже. Думаю, незачем говорить, что, если уснут сразу оба, мы все рискуем не проснуться никогда.

Никто из бандитов на площадке не появлялся. Они оставались в лесу, откуда слышались голоса, да изредка в кустарнике появлялись смутные очертания их фигур.

— Сейчас самое подходящее время двоим отоспаться,— сказал Говард полчаса спустя.— Днем они нас больше не побеспокоят, тут опасаться нечего. Но я почти уверен, что они заявятся перед рассветом. Готов с вами поспорить.

Разобрались, кто когда будет спать, и ночь прошла вполне спокойно, если не считать одной острожной попытки пойти врукопашную — это случилось перед самым наступлением темноты. Но только успели двое выскользнуть из леса, как раздался выстрел, и бандиты отказались от своей затеи. А некоторое время спустя луна светила так ясно, что шмыгни кошка через площадку, ее тоже заметили бы.

Но в три часа утра Лакод растолкал Куртина, а Говард дал тумака Доббсу.

— Ты проспался? — спросил Говард.

— Да, на все сто.

— Эти, там, зашевелились. С четырех сторон крадутся.

— По-моему, они вдесятером,— сказал Доббс, присмотревшись.

— Да, перешли в решительное наступление. Ну, будем надеяться, наши в том углу навострили уши. Я тебе так скажу, Доббс: как только они окажутся в центре поляны, стреляем. Целься получше — окажем им достойный прием. Если те, в углу, дремлют, а Куртин соня из сонь, мы нашими выстрелами их и разбудим. И они еще успеют подготовиться к встрече.

Но прежде чем наступающие оказались в центре площадки, из того угла, где засели Куртин с Лакодом, хлестнули два выстрела: те двое тоже подумали, что, может быть, стоит на всякий случай разбудить Доббса и старика, не подпуская бандитов слишком близко.

Однако наступающие не дали себя запугать. И продолжали ползти дальше. Никого из них как будто не задело, во всяком случае — серьезно. Не раздалось ни проклятия, ни вскрика боли.

Теперь выстрелили Доббс и старик, и один из бандитов начал крыть их на чем свет стоит — выходит, получил свое.

Скорее всего бандиты подумали теперь, что боеприпасы у осажденных кончились, либо что это все же был трюк с привязанными ружьями, либо они бог весть что еще подумали, во всяком случае, решили положить делу скорый конец. Несколько метров еще ползли, а потом вскочили и, пригнувшись, побежали в сторону канавы, рассыпавшись во всю ее длину.

Теперь они, конечно, представляли собой куда более удобную мишень. Троих нападавших ранили первыми же выстрелами. Двое придерживали раненые руки, а третий, ковыляя, поплелся к лесу — его ранило в ногу. Из канавы выстрелы доносились без перерыва, а нападающие свое оружие никак применить не могли: они никого не видели — в кого же целиться? Они к тому же не знали, как канава выглядит изнутри — вдруг там для них приготовлена ловушка, западня?.. Попадали на землю, крикнули что-то друг другу и начали отползать в сторону леса.

Утро наступило очень скоро, а днем, как они теперь окончательно поняли, о наступлении приходится думать еще меньше, чем ночью.

Когда четверо снова встретились в углу, чтобы позавтракать, Говард сказал:

— Сегодня ночью они явятся опять. Но выдумают что-нибудь похитрее. Теперь они от своего не отступятся, теперь ни за что. Они раскусили, какая это удобная оборонительная линия, наша канава. Ну и потом все наши пушки и то, что на нас и при нас. А вот что предпримем мы, об этом надо хорошенько поразмыслить.

Четверо против десятерых, у которых свободен путь к отходу, четверо, у которых воды всего несколько стаканов, против десятерых, имеющих возможность пополнить свои запасы воды, продовольствия и даже свой численный состав,— дорога-то открыта! Нет, тут об особом разнообразии планов говорить не приходится. К тому же у противника есть еще одно важное преимущество: именно он определяет, когда спать, а когда бодрствовать.

Куртин, выставленный во время завтрака часовым, воскликнул вдруг:

— Эй, сюда. Что это они затевают? По-моему, дело табак!

Все трое бросились к своим амбразурам и поняли — опасность над ними нависла смертельная.

Продолжение следует

Перевел с немецкого
Е. ФАКТОРОВИЧ

Б. ТРАВЕН,
немецкий писатель

СОКРОВИЩА СЬЕРРА-МАДРЕ

Роман

Бандиты рубили сучья и молоденькие деревья и начали вязать катки-фашины по индейскому образцу. Спрятавшись за ними, они могли совершенно спокойно добраться до канавы и с удобной во всех отношениях позиции обрушить свой смертоносный огонь на осажденных. Допустим, в канаве еще можно было бы обменяться несколькими выстрелами, но конечный итог предрешен.

Этому плану ничего нельзя было противопоставить. Что оставалось делать? В последнем ближнем бою просто отдать свою жизнь. Ведь тому, кто попадет в руки бандитов, слез радости проливать не придется.

— Меня, вообще-то, удивляет, как это они раньше не додумались,— сказал Куртин.— Ведь это старый индейский трюк.

С какой стороны обороняющиеся ни обдумывали создавшееся положение, они так и не придумали, как спастись из этой дьявольской западни.

Может быть, взобраться вверх по скале в надежде укрыться за одним из ее выступов? Но пока они будут карабкаться по почти отвесной стене, их запросто перестреляют на полдороге. Будь то днем или ночью.

Потому им ничего не оставалось, как просто наблюдать за бандитами. Часа в четыре пополудни фашины будут готовы, к этому времени следует и ожидать нападения, если только бандиты не предпочтут атаковать с наступлением ночи.

Было около одиннадцати часов. Бандиты сидели у выхода на площадку и обедали. Настроение у них было явно приподнятое. И четверо засевших в канаве были, очевидно, главным предметом их шуток, потому что всякий раз, когда кому-то удавалось выкинуть коленце, в их понимании особо удачное, все поглядывали в сторону канавы.

После обеда бандиты почему-то не возобновили свою работу.

— Это — хитрость,— сказал Доббс.— Делают вид, будто смотались, чтобы мы вышли на дорогу проверить. А сами они лежат там в засаде и поджидают нас.

— Невероятно... Нет, невероятно...— пробормотал Говард.— Ты видел, как прибежал один из часовых, чем-то взволнованный?..

— Так задумано — чтобы мы поверили, будто они спешно ушли куда-то.

Говард покачал головой:

— С того момента, как они вспомнили о трюке индейцев, им другие хитрости ни к чему.

Но Доббс продолжал стоять на своем:

— Трюк индейцев сам по себе хорош. Но он может стоить жизни нескольким из них, не говоря уже о ранах. А может, у них просто патроны на исходе. Вот если бы бандитам удалось взять нас без перестрелки, тогда и их и наши патроны остались бы в сохранности, дураки были бы они, что не попытались нас перехитрить. А хитрость не удастся — катящиеся фашины всегда можно использовать.

— Может, ты прав,— согласился теперь и Говард.— Да, бандиты не прочь сберечь наши патроны; ведь если они полезут, мы, конечно, расстреляем все, что у нас есть.

Тем временем Куртин осторожно пополз вверх по канаве и взобрался на нижний выступ скалы. Раз бандитов поблизости не видно, а голоса их звучат откуда-то издалека, можно рискнуть и осмотреться.

Сидя на краю выступа, он оглядывал долину. И вдруг закричал:

— Эй вы, вылезайте! Там, внизу, эскадрон кавалерии. Наверняка заявился по души наших приятелей.

Трое остальных выбрались из канавы и поднялись к Куртину на наблюдательный пункт. Отсюда была хорошо видна пестрая подвижная картинка. Эскадрон разделился на шесть групп, долина просто кишела кавалеристами. Несомненно, до них дошел слух, что бандиты где-то здесь. Пока что об этих диких скалистых местах они не думали — наверное, не допускали и мысли, что на лошадях бандиты заберутся так далеко в горы.

Продолжение. Начало в № 8, 9.

Лакод придерживался другого мнения. Он сказал:

— А по-моему, им уже известно, где скрываются грабители. Но не такие они простаки, чтобы нарываться на засаду. На крутой дороге, ограниченной густым кустарником и скальными стенами, им негде развернуться, и большие потери неминуемы. Либо они гору окружают, либо у них есть другой план.

Солдаты удалялись в долину. До сих пор бандиты полагали, очевидно, что их убежище известно солдатам, зато теперь, увидев, как солдаты поскакали прочь от скалы, почувствовали себя здесь в безопасности. С выступа была видна часть дороги, и Куртин заметил, что бандиты возвращаются — видимо, решили не покидать свой лагерь.

Но что до хитрости, офицеры федеральных войск превосходили бандитов на голову.

Когда группы всадников отъехали на порядочное расстояние, солдаты вдруг начали вглядываться в какие-то следы и по их жестам можно было догадаться, что они наконец-то поняли, где скрываются бандиты — наверху, среди диких скал. Затем без видимой спешки они соединились и направились к скалам якобы для того, чтобы обнаружить ведущую в горы дорогу. В этом и заключалась их хитрость. Они знали, что бандиты любой ценой постараются вырваться из западни — лишь бы обнаружилась возможность спастись бегством по равнине.

Бандиты внимательно наблюдали за перемещениями солдат. Когда они сообразили, что их убежище все же раскрыто, приняли решение воспользоваться некоторым преимуществом своей позиции и под прикрытием лесного массива пробиться на другую сторону долины. Там можно уйти, если их не заметят или заметят слишком поздно,— на своих отдохнувших лошадях они легко увеличат просвет между собой и преследователями.

Но небольшая группа солдат притаилась в лесу как раз на той стороне долины, куда задумали улизнуть бандиты. Группа заняла эту позицию прошлой ночью, когда бандиты, увлеченные ночной атакой, и в мыслях не допускали, что здесь могут появиться солдаты. Солдаты отлично слышали ночную перестрелку — эхо ее разлеталось от скал далеко по долине — и это убедило их в том, что они на верном пути. Кто и почему стреляет, они не знали, но предположили, что бандиты либо перепились и палят в воздух, либо перессорились и стреляют по своим.

Четверка сидела на выступе скалы в ожидании сражения: кончится оно, и можно спокойно наконец продолжить прерванную работу.

Затрещали первые выстрелы, и солдаты, свернувшие далеко в сторону, чтобы выманить бандитов, на полном галопе понеслись к месту перестрелки. Обратный путь к скале был отрезан для бандитов, и они, издавая дикие крики, размахивая руками и зверски пришпоривая своих лошадей шпорами длиной в палец, выжимали из них все: лошади неслись к долине со скоростью неописуемой.

— Хорошо бы они ушли от солдат подальше,— сказал Говард.

— Почему? — удивился Доббс.

— Тогда солдаты исчезнут из здешних мест. А вдруг они еще подумают, будто кое-кто из бандитов застрял здесь, и нанесут визит! А видеться нам совершенно ни к чему, пусть они и выручили нас из дьявольски сложного положения. Я все же предпочитаю принести им благодарность на обратном пути.

Группы всадников удалялись все дальше и дальше, звуки выстрелов ослабевали, и вскоре наблюдатели с выступа на скале совершенно потеряли их из виду.

Они восстановили свой лагерь, приготовили еду и разлеглись вокруг костра. До захода солнца было еще далеко, но никто не сделал предложения поработать сегодня.

Когда уже стемнело и они, отхлебывая кофе и покуривая трубки, сидели у огня, Куртин сказал:

— А я все-таки считаю, что Говард был прав и лучше всего махнуть на все рукой и засыпать шахту. Мы, конечно, можем сделать еще по тысяче, но умнее остановиться на том, что у нас есть. Непрошеные гости того и гляди могут снова появиться здесь, и еще вопрос, вывернемся ли мы опять так удачно.

Некоторое время его слова оставались без ответа. По долгому раздумью Доббс сказал:

— Что же, я согласен. Завтра закроем шахту, послезавтра с утра приведем в порядок и уложим вещи, потом навьючим животных и уйдем отсюда. Мне тоже все это надоело.

Лакод слушал не вмешиваясь. Он просто курил и с деланным равнодушием глядел на костер. Время от времени вставал, ломал о колено ветки, а если они не ломались, то подбрасывал в костер целиком.

— А известна ли вам история о шахте «Сиенета»? — спросил он ни с того ни с сего.

— Нам знакомы разные истории о шахтах,— устало проговорил Говард.

Он было погрузился в свои мечты: как бы вложить заработанные деньги с наибольшей выгодой — чтобы и жить со всеми удобствами, и чтобы деньги, без особых с его стороны усилий, удваивались, учетверялись, и чтобы, в конце концов, капитал его вырос в сто раз. Вопрос Лакода разрушил его мечтания.

— Да, верно, о тебе-то мы совсем забыли,— сказал он.

Тут Доббс и Куртин тоже подняли головы. Куртин рассмеялся:

— Видишь, как мало ты для нас значишь. Мы даже не вспомнили о тебе, хотя сражались вместе, а сейчас ты преспокойно сидишь с нами, ешь и пьешь. Мы, понимаешь ли, толкуем о своем, и ты тут ни при чем.

— Ты вроде бы разработал какой-то план? — спросил Доббс.— Вот и осуществляй его сам. Даже если он пахнет десятью тысячами. Мне они ни к чему. Я хочу в город, хочу видеть девушек, хочу сидеть за столом, чтобы официант подавал тарелки на белую скатерть, хочу наблюдать, как люди готовят пищу для других и унижаются за гроши.

— Но тут пахнет не десятью тысячами,— сказал Лакод.

— Где это? — спросил Куртин.

— Ну, мой план...

— А-а, вот оно что,— Куртин зевнул.

— И валяется все это у нас под ногами!

Лакод старался заинтересовать троицу, но Доббс сказал:

— Валяется, так подними, зачем добру пропадать. А то вовек себе не простишь. Ты, по-моему, из тех людей, которые всегда о чем-то сожалеют и имеют на то причины. Привет, я пошел спать.

Говард с Куртином тоже неуклюже поднялись, потянулись, зевнули и направились к палатке.

— Просто ума не приложу, что об этом парне и думать,— сказал Говард.— Иногда мне кажется, будто у него не все дома. Если бы знать, чем он занимался последние полгода и где был, я бы вам точно ответил — то ли он из вечных золотоискателей, то ли спятил в здешних лесах. А может, и то и другое.

— Вечный золотоискатель? — с любопытством переспросил Куртин.

— Да, один из тех, кто вечно ищет и ищет, знает с десяток мифических историй о засыпанных и забытых шахтах, носится с десятком планов или чертежей — не в голове, так в кармане,— которые должны указать ему путь к заброшенной шахте. Вот он и ищет. В самой дикой гористой местности, где его повсюду подстерегает опасность, он преисполняется особой уверенности, что вот-вот выйдет на жилу толщиной в руку. Но никогда и крошки золотой не отыщет, хотя убежден, что стоит на золоте и завтра найдет эту жилу. Это род безумия, такой же опасный для остальных людей, как и любое другое сумасшествие.

— На меня он такого впечатления не производит,— сказал Доббс.— Видать скорее, что он себе на уме.

— Может быть,— согласился Говард.— Но сейчас у меня нет желания ломать себе голову над этим... Пусть он окажется кем угодно. Не знаю только, как мы поступим, если он, например, попытается уйти отсюда вместе с нами. Он среди нас лишний.

— Завтра он, конечно, увидит нашу шахту,— сказал Куртин.

— Теперь об этом жалеть нечего,— ответил Говард.— Мы ее закроем, а если он останется и откроет — его дело.

На другое утро, наскоро перекусив, Говард, Доббс и

Рисунки П. ПАВЛИНОВА

Куртин пошли работать. К их удивлению, Лакод не выказал желания пойти с ними к шахте. Они, правда, ему этого не предлагали, но ожидали, что столь важная в их деле вещь, как золотая шахта, его заинтересует. А он даже ни о чем не спросил. Выпив свой кофе, встал и пошел к ведущей в долину дороге.

Когда они сваливали подпорки у шахты, Доббс загнал в руку большую занозу. Разозлился и проворчал:

— На кой черт мы вообще занялись разборкой, а? Оставим все как есть и пойдем своей дорогой.

— Когда мы принялись за дело, то договорились, что, если где что разроем, потом разберем и засыпем,— напомнил Говард.

— Время зря теряем. А зачем — неизвестно,— продолжал ворчать Доббс.

— Ну так, парень. Во-первых, я считаю, что гору, оказавшую нам такое гостеприимство, мы должны отблагодарить хотя бы той малостью, что не оставим ее поруганной и закроем рану, которую сами в ней прорубили. Бросить на ней весь крепежный лес, превратив ее сад в захломленную стройку,— это неприлично. Гора действительно заслуживает, чтобы ее красоту уважили. Мне хочется запомнить ее такой, какой она нас встретила, а не представлять себе мысленно свалку, вспоминая прожитое здесь время.

— Твои рассуждения о личности горы меня удивляют,— сказал Куртин.— Но я тоже считаю, что если уж ты попал в чистую комнату, подмети ее перед уходом — даже если рядом нет никого, кто бы тебя за это поблагодарил.

— Есть и другая причина,— продолжал старик.— Может случиться так, что, пока мы будем в пути, сюда кто-то поднимется. Сразу прикинет, чем мы тут занимались, и с полдюжиной головорезов бросится вслед за нами. А если мы подчистим здесь все, как сможем, будет похоже, что здесь кто-то долго жил и занимался чем угодно, только не намывал золотишко.

Доббс отставил лопату в сторону, сел, набил трубку:

— Я теперь вот о чем думаю,— начал он издалека.— Полностью удовлетворенными мы себя сейчас чувствовать еще не можем. Нет, я не о том, сколько мы заработали, я насчет того, что, пока мы все наше добро не пристроим надежно в городе, не сядем тихонько за стол в своем гостиничном номере, чтобы на нем лежали перевязанные пачки денег, мы не имеем права считать, что они нам уже принадлежат.

— Последние недели мне эта мысль тоже покоя не дает,— сказал старик.— Возвращение будет трудным. Это, пожалуй, самый трудный этап. Тут и бандиты, и всякие неожиданные несчастные случаи в пути, и полиция, любопытствующая узнать, что это мы везем. Обнаружит она желтый песок, вот и выйдет, что мы либо украли его, либо намыли сами, но без лицензии и уплаты налогов. Да мало ли что может случиться! Пораскиньте-ка мозгами, как нам похитрее упаковать и провезти в город наш товар.

Доббс с Куртином выслушали его молча, потом наморщили лбы, словно напряженно размышляя о чем-то, и даже застонали, потому что думать они не привыкли, думать — это потяжелее самой изнурительной работы в шахте; потом, тяжело вздохнув, поднялись и пошли разбрасывать кучи вырытой земли.

Ближе к вечеру все опоры и крепежный лес были сложены в кучу и подожжены. На другой день предстояло прикрыть место пожарища слоем земли, потом посадить здесь кусты и молодые деревца, которые они выкопали в других местах, положить в некоторых местах площадки пласты дерна. И старик заметил как бы между прочим:

— Может статься, кому-то из нас не удастся доставить свое добро в город, или он прошикует его за неделю-другую, либо еще какая неприятность выйдет. Тогда он сможет вернуться сюда и еще попотеть, на приличный заработок он может рассчитывать всегда. Это еще одна причина, по которой надо по возможности замести за собой все следы. Чтобы никому другому и в голову не пришло копаться тут.

Когда они пошабашили, площадка и впрямь выглядела так, что, появись здесь случайный путник, он, особо не присматриваясь, никогда не догадался бы, что тут мыли золото. Дотлевали лишь остатки крепежного леса. А завтра исчезнут и последние воспоминания о нем.

К обеду Лакод к костру не приходил. И только вечером,

вернувшись, как всегда, окольным путем в лагерь, они увидели его сидящим перед огнем и ворошащим угли.

— Ну как, нашел свою золотую шахту? — спросил Доббс, подходя к костру с котелком воды.

— Пока что нет,— ответил Лакод,— но я никогда не был к этому так близок, как сегодня.

— Смотри, не упускай удачу! — рассмеялся Куртин, держа в руках сковородку.

Лакод поставил на огонь котелок с собственным рисом.

— Кофе можешь не кипятить,— добродушно проговорил Говард,— поделимся с тобой нашим. Самого кофе подсыпать не станем, только воды подольем, ведь ее нам теперь беречь незачем.

— Спасибо! — коротко отозвался Лакод.

Они помылись, потом поели и присели к костру. Говард, Доббс и Куртин чувствовали себя как фабричные рабочие в субботний вечер. Они знали, что завтра утром им предстоит час приятной работы по озеленению площадки лагеря, потом еще более приятное дело — уложить вещи, и под конец им останется выполнить задачу совсем простую: подготовить караван к походу. Мысль о том, что вскоре им придется расстаться после того, что они почти целый год трудились и страдали вместе, вместе вынесли неслыханные лишения, сплотила их как никогда прежде.

Лакод исключался из этого братства, поскольку был не в состоянии так проникнуться их чувствами, так понять их, как это могли сделать они, прожившие бок о бок столько времени. Они не могли скрыть друг от друга своих тревог и мыслей. Никому из троицы не удалось бы провести двух остальных.

Сами того не замечая, они изобрели и своеобразную форму общения, в которой непосвященный не разобрался бы.

Например, соорудили они черпачное колесо. Оно приводилось в действие с помощью простейшего стоячего ворота. Осел тянул его, и вода сливалась в канаву, из которой падала на сковороды для промывки песка. И так как обслуживать эту систему было делом сравнительно легким, его поручили Говарду. Поначалу ему кричали: «Говард, мы готовы, сливай воду!» Это длинное предложение сократилось в конце концов до одного словечка: «Слив!» Слово это стало для них обозначением воды вообще. И даже когда говорили о воде для кофе, говорили только: «Слив на о», что означало: «Воду на огонь поставили?» Лопату по неизвестной им самим причине переименовали в «кат», лом в «шейк», динамитный патрон — в «Мэри».

Говарда никогда не звали по имени, а только «О» либо «Олб» — от «олд бой», что равнозначно «старику» или «старине». Куртин превратился в «Ку», а Доббса почему-то прозвали «Памп». Ни сам он, ни Говард с Куртином не сумели бы объяснить, как это вышло.

И так тройка могла проговорить минут десять. И Лакод не понял бы ни слова.

— Насчет ухода отсюда,— Говард вернулся к мысли, прерванной во время короткого разговора в полдень,— да, уйти — это всегда чертовски трудное дело. Уйти-то мы уйдем, и даже довольно далеко отсюда удалимся. Но когда нам покажется, будто мы уже в полной безопасности, до банковских счетов будет еще очень далеко. Вам когда-нибудь доводилось слышать историю о донье Катарине Марии де Родригес? Наверняка нет.

...В Гваделупе есть чудотворная икона нашей доброй госпожи Гваделупской, покровительницы Мехико. Туда из Мехико-Сити можно доехать на трамвае. К этой чудотворной иконе целое паломничество: все мексиканцы и индейцы, у которых совесть нечиста, приходят к ней в надежде, что она выполнит их просьбу, даже если речь идет о том, чтобы завладеть землей соседа; или если девушку покинул возлюбленный, а она хочет вернуть его.

— Но ведь все это самообман и суеверие,— перебил его Доббс.

— Не скажи,— возразил старик.— Заставь себя поверить, и не будет никакого самообмана. Я просто рассказываю вам историю, невыдуманную и неприукрашенную.

Произошла эта история больше ста пятидесяти лет назад, примерно во времена американской революции. Неподалеку от Нуакаля жил некий Агила, зажиточный индеец, родом из вождей племени чириканua. Ему принадлежала богатая ферма. Ветвь его рода осела в тамошних местах и в земледелии обрела больше радости и земных благ, чем в вечных набегах и стычках с испанцами. Одна печаль терзала сердце вождя: его единственный сын, наследник и продолжатель рода, был слеп. В былые времена сына убили бы; но с тех пор как род стал вести оседлый образ жизни и его семьи стали признавать христианство, сердца родовой знати смягчились.

Как-то бродячий монах-проповедник, испивший уже до последней капли чашу щедрот вождя, посоветовал несчастному отцу совершить вместе с женой и сыном паломничество к многомилостивой богоматери Гваделупской и не поскупиться на приношения, потому что в этом отношении богоматерь весьма ранима, и она сумеет по достоинству оценить значимость приносимой жертвы.

Вождь оставил ферму на попечение своего дядюшки и отправился в путь. Он не имел права ехать ни верхом, ни в повозке, и огромное расстояние почти в две тысячи километров прошел с женой и сыном пешком, останавливаясь в каждой попадавшейся по дороге церкви, чтобы вознести триста молитв «Аве, Мария!» и пожертвовать какое-то количество свечек и серебряных монеток.

Наконец он попал в Мехико, где после многочасовых молитв и стенаний в соборе и начался заключительный этап его паломничества. От собора до чудотворной иконы матери Гваделупской — пять километров. И эти пять километров ему, жене и сыну пришлось проползти на коленях, причем каждый держал в руках по горящей свечке, которая не должна была погаснуть, несмотря на дождь и порывистый ветер. Если одна из них догорала, необходимо было своевременно заменить ее новой, освященной и стоившей поэтому дороже обыкновенной.

Опустошенные, совсем без сил подошли они к подножию Керрито де Тепеякака, того самого холма, на котором в 1531 году матерь божья трижды явилась Хуану Диего, индейцу из племени коутлатогуа, а потом оставила свое изображение в его айате, накидке. Здесь они три дня и три ночи простояли на коленях, молясь и взывая к богоматери. Вождь пообещал пожертвовать церкви свой скот и весь урожай этого года, если матерь божья поможет ему в беде. Но чуда не случилось. Тогда он по совету монаха пообещал отдать церкви все, чем обладает: и ферму, и все свое имущество в придачу, лишь бы матерь божья даровала сыну зрение.

И опять чуда не произошло. Тогда вождь, усомнившись во всесилии богоматери Гваделупской в частности и во всесилии христианской религии вообще, сказал, что пойдет к колдунам своего племени, которые не раз доказывали его предкам волшебную и целительную силу древних индейских богов.

Монахи запретили ему богохульствовать и пригрозили, что на его семью падут еще более страшные кары, если он не перестанет высказывать свои сомнения. Ему сказали, что он один во всем виноват. Дескать, всемилостивейшая матерь божья знает, что он во время паломничества совершил немало ошибок — обошел стороной одну из церквей; молясь, нарочно ошибался в счете, чтобы скорее завершить молитву; ел в неурочное время; несколько раз по утрам пил воду, не преклонив предварительно колени и не помолившись. Вождь в конце концов согласился, что однажды прочитал «Аве, Мария!» не триста, а лишь двести восемьдесят раз, потому что ему трудно вести такой сложный счет. Потом монахи сказали, что во время исповеди вождь наверняка утаил какие-то свои грехи, ибо матерь божья всегда помогала в беде тем, кто этого заслуживал. Поэтому придется ему через полгода паломничество повторить.

Наверное, это требование показалось вождю чрезмерным, или же — думается, это больше всего похоже на правду,— он потерял веру в волшебную силу изображения богоматери. Как бы там ни было, вождь вернулся в Мехико, навел в городе справки о врачах, и ему назвали дом некоего дона Мануэля Родригеса. Дон Мануэль был знаменитым испанским врачом, но человеком, к сожалению, очень жадным и властолюбивым. Обследовав мальчика, врач объявил отцу, что, вполне возможно, сумеет даровать ему зрение. А чем индеец с ним расплатится?

Вождь сказал, что у него есть ферма и много скота. Од-

нако же это не деньги, ответил ему дон Мануэль, а ему нужны именно деньги, много денег. И тогда вождь пообещал, что если дон Мануэль даст его сыну зрение, он сделает врача самым богатым человеком в Новой Испании.

— Мне известна богатая золотая и серебряная шахта,— сказал ему вождь.— И когда мой сын сможет видеть, я покажу ее вам.

И они заключили жестокое соглашение, по которому дон Мануэль имел право лишить ребенка зрения, если шахта не существует или принадлежит уже кому-то другому.

Дон Мануэль взялся за дело и целых два месяца оперировал мальчика, запустив остальных пациентов, в том числе и больного тайного советника вице-короля. Через два месяца у мальчика было зрение орла, и дон Мануэль объяснил вождю, что это навсегда. Он-то не обманул.

Радость вождя не знала границ, его благодарность исходила из чистого сердца.

— Теперь я докажу тебе, дон Мануэль, что не обманул тебя,— ответил он, когда врач спросил о вознаграждении.— Шахта принадлежала моей семье. Когда пришли испанцы, мой предок засыпал ее, потому что не желал появления испанцев в наших местах,— мы ненавидели испанцев и знали, что белые любят золото и серебро больше, чем сына господня. Но нас предали; пришли испанцы и, пытая предка и его жену, вырвали у них языки. И хотя рот переполнился кровью, а от боли можно было лишиться разума, он только рассмеялся испанцам в лицо, и шахта им не досталась. Потом мой предок начертал на песке несколько знаков, и смысл их его сын передал своему сыну, и так далее, пока он не дошел до меня: если какой-то человек окажет тебе, твоей семье или твоему роду услугу, которую не пожелал оказать ни наш украшенный перьями бог, ни нимбоносящий бог белого народа,— отдай сокровища этому человеку, пусть они принадлежат ему. Вот почему шахта отныне принадлежит тебе, дон Мануэль. Я укажу тебе путь, по которому ты пойдешь через три месяца.

После того, как дон Мануэль завершил дела в Мехико, он со своей женой Марией отправился в долгий и утомительный путь в Гуакаль. Разыскал там вождя, и его приняли с таким теплом, с каким и родного брата не встречают.

— По дороге я думал о том,— сказал дон Мануэль гостеприимному хозяину,— что ты довольно странный человек. Почему ты сам не разрабатываешь эту шахту, Агила? Тогда тебе было бы достаточно заплатить мне сто тысяч золотых гульденов, и я выполнил бы твою просьбу.

Вождь рассмеялся:

— Мне не нужно золото, и серебро мне тоже не нужно. У меня есть пища, у меня есть красивая и добрая жена и любимый сын, красивый и крепкий. Что мне в золоте? Земля благословенна, трижды благословенна, плоды ее благословенны, трижды благословенны, стада скота благословенны, трижды благословенны. А в золоте нет ни благодати, ни благословения. И в серебре нет благословения. Разве вы, испанцы, обрели благодать? Из-за золота вы убиваете друг друга. Из-за золота вы ненавидите друг друга. Наш народ, как и народы из долины, никогда не ссорился и не воевал из-за золота. Мы много сражались за землю, за реки и озера, за города, за соль, за стада скота. Но за золото или серебро? Да, смотреть на него приятно. Но если я проголодаюсь, оно меня не насытит, его не съешь — значит, и толка в нем мало.

Тут дон Мануэль расхохотался и сказал:

— Нет, Агила, я золото есть не стану, можешь мне поверить!

Вождь тоже рассмеялся:

— Охотно верю тебе. Я могу поступить кому-то в услужение из-за земли, но за золото я никому служить не стану. Ты не понимаешь, о чем я говорю. У тебя другое сердце.

Три дня у них ушло на то, что они мыкались по горам и лесным чащобам, то откалывая образцы камней, то копая землю. Дон Мануэль уже склонялся к тому, чтобы истолковать долгие поиски как нежелание индейца расплатиться с ним. Но с другой стороны, когда видел, насколько умело и планомерно вождь обследует эти места, какое значение придает положению солнца на небе и тени, отбрасываемой горными вершинами, вынужден был признать, что в этих поисках есть определенный смысл.

Прошло куда больше недели. Но однажды вечером вождь сказал:

— Завтра я дам тебе шахту, потому что мои глаза видят ее!

Дон Мануэль спросил, почему вождь не взял его с собой сразу, еще три месяца назад.

— Потому что нам все равно пришлось бы прождать до завтрашнего дня: солнце не доходило до нужного места. А теперь оно над нами. Я уже несколько дней знаю, где шахта. Завтра мы придем к ней, и я отдам ее тебе.

И действительно на другой день они открыли шахту в одной из пропастей.

— Тут когда-то рухнула скала. Это ты сам видишь. Вот почему было так сложно отыскать ее. Смотри, вот она, шахта. Она — твоя. Но мой дом тебе придется оставить,— сказал вождь.

— Почему? Я, правда, все равно ушел бы от тебя, потому что хочу построить себе жилище поближе к шахте.

— Да, мой дом отныне для тебя недостаточно хорош. Богатая шахта у тебя есть, но на тебе больше нет благодати.

Вождь протянул было ему руку, но дон Мануэль сказал еще:

— Ты погоди, Агила! Я хочу тебя спросить... Потребуй я от тебя сто тысяч золотых монет за лечение сына, разве ты сам не раскрыл бы шахту?

— Конечно, я поступил бы именно так,— ответил тот,— ибо желал видеть свое дитя исцеленным. Но когда набрал бы золота на всю сумму, снова засыпал бы ее — в золоте нет добра. Да разве у меня был бы выбор? Испанцы узнали бы, чем я расплатился, и они убили бы меня, мою жену и сына, лишь бы завладеть шахтой. По вашим обычаям из-за золота всегда убивают. Будь осторожен, дон Мануэль, чтобы и тебя не убили, когда сородичи прослышат о золотой шахте. Когда они считают, что кроме хлеба у тебя ничего нет,— тебя никогда не убьют. Я навсегда останусь твоим другом, но сейчас мы должны расстаться.

Дон Мануэль приступил к строительству постоянного лагеря, а Агила вернулся к себе домой — это в сутках ходьбы от шахты. Еще до отъезда из Мехико дон Мануэль запасся правительственными сертификатами, дававшими право на поиски драгоценных металлов и разработку их после того, как участки будут застолблены. Он съездил в ближайший городок, где ранее оставил жену, нанял рабочих, закупил необходимые машины, инструмент и взрывчатку и вместе с женой вернулся в лагерь. Началась работа по раскрытию шахты. И действительность превзошла все его ожидания. Это была настолько богатая серебряная шахта, что все остальные не шли с ней ни в какие сравнения. Серебро было основным продуктом, а побочным — золото.

Богатый опыт подсказывал дону Мануэлю, что лучше всего поменьше распространяться о шахте и не слишком ее расхваливать. Не только отдельные проходимцы, даже королевские чиновники, высокопоставленные священнослужители знали множество способов вырвать шахту из рук человека, не имеющего за спиной сильнейшего прикрытия. Вдруг хозяин шахты исчезал, и никто не знал, куда он запропастился, а шахту передавали либо короне, либо церкви — как имущество, не имеющее хозяина.

Опыт предшественников многому научил дона Мануэля. Он никуда не отсылал грузы серебра и золота, а аккуратно складывал и ждал своего часа. Однако хотя шахта приносила ему огромные доходы, он со своими рабочими-индейцами обращался прескверно, платил им такие гроши, что они едва могли прокормиться; заставлял работать, пока те не валились с ног или даже умирали; а если они добывали, по его понятиям, маловато, приказывал подгонять их плетью. С неграми некоторое время это еще сходит с рук, но с индейцами — никогда. За триста лет своего владычества в Мехико испанцы никогда не контролировали территории всей страны. Племена индейцев постоянно восставали, волнения и возмущения не прекращались все триста лет. Подавлялись в одном месте жестоко и бесчеловечно — и тут же вспыхивали в другом. Так было и в

великом и в малом. И однажды восстали индейцы на шахте дона Мануэля. Его жене, донье Марии, удалось бежать, а сам он был забит насмерть. Богатств дона Мануэля не тронули: убедившись, что он мертв, индейцы разошлись по своим деревням.

Когда донья Мария через посыльного разузнала, что шахта невредима, она вернулась для продолжения работ. Добытые сокровища она нашла в целости и сохранности. Этого состояния было довольно, чтобы безбедно прожить до глубокой старости.

Но она вбила себе в голову вернуться в Испанию, и не как-нибудь, а самой богатой в стране дамой. Донья Мария была еще молодой, красотой ее судьба не обделила, вот и родилась у нее фантазия приобрести в Испании дворянское имение и, взяв в супруги маркиза, явиться ко двору короля. Разве мало испанских грандов сочетались браками с дочерьми ацтекских и других индейских вождей Мексики и Перу исключительно из-за их богатства? Почему бы и ей, дочери вполне достойных родителей, с помощью огромного состояния не заполучить в мужья маркиза?

Считать донья Мария умела, может быть, даже лучше, чем ее убитый муж. Она прикинула, сколько будет стоить стародворянское поместье, сколько придется тратить на содержание, на слуг, на выезд, лошадей и путешествия, какую сумму потребует на свои расходы маркиз и сколько будет тратить ежедневно она сама, чтобы блистать при дворе. Сумма вышла внушительная. Но ей все еще казалось, что многое не учтено, что придется платить налоги правительству, пожертвовать деньги на возведение церкви, чтобы заручиться симпатиями инквизиции и не вызвать ее подозрений. После чего она продолжала вести добычу руды на шахте до тех пор, пока не накопила вдвое больше требуемой суммы. Теперь она обезопасила себя от всех возможных просчетов. Да, нелегко ей пришлось в эти годы. Вдали от цивилизации, от любых, самых незначительных удобств, день и ночь в заботах, умело руководя рабочими так, чтобы и не переплачивать, но и не жадничать — лишь бы те выдержали и не восстали вновь.

Так прошло несколько лет. И наконец ее охватила такая тоска по Испании, по чистому дому, хорошей пище и уютной спальне, по супругу, которого могла бы холить и лелеять, что в один прекрасный день сказала себе: пора укладываться и собираться в путь. Оценив свое состояние, пришла к выводу, что нет в мире такой роскоши, которой она не смогла бы себе позволить.

Несколько лет назад по ее велению был создан вооруженный отряд — для охраны и защиты шахты и добытых сокровищ. Состоял отряд из индейцев, нескольких метисов и двух испанских солдат, не то дезертировавших, не то отпущенных из армии. Один из испанцев был ею назначен дневным, а другой — ночным командиром отряда.

Металл, примерно на одну шестую состоявший из золота, а в остальном из чистого серебра, она для удобства перелила в слитки и небольшие болванки, которые укладывались в крепкие ящики. Насколько велико было богатство, дарованное ей шахтой, можно судить по тому, что для его перевозки потребовалось шестьдесят мулов.

Караван и двадцать вооруженных сопровождающих двинулись в путь. До Мехико — две тысячи километров. По бездорожью, через пески пустыни, через крутые перевалы, через реки, вдоль отвесных скал над пропастями, через вековые заросли и леса; несколько дней на ледяном ветру в сьерре и сразу же — в опаляющую жару тропиков, а уже оттуда через заснеженные перевалы — вниз, к цели.

Однажды вечером ей показалось, что люди в лагере как-то странно возбуждены. Приглядевшись пристальнее, она поняла: один из испанцев затеял грязную игру. И действительно, он явился к ней с вопросом:

— Донья Мария! Желаете вы стать моей женой или нет?

— Я? Женой грабителя с большой дороги? Человека, свалившегося с виселицы только потому, что палачу попалась гнилая веревка?

На что он ответил:

— Тогда я с удовольствием возьму все, не беря вас в придачу. И подыщу себе что-нибудь получше.

— Что вы возьмете, не беря меня? — спросила донья Мария.

— А то, что в ящиках.

— Ничего ты, ублюдок, не получишь, пока я жива.

Испанец поднял руку и указал в ту сторону, где отдыхали его люди, и проговорил с ухмылкой:

— Тогда посмотрите-ка сперва туда, может, вы и передумаете насчет женитьбы. Часок на размышления я вам, так и быть, дам.

Пройдя к людям, она вынуждена была признать, что испанец проделал недурную подготовительную работу: второй испанец и индейцы были связаны, а метисы перешли на сторону «жениха» и надеялись на богатую поживу. Они стояли с пистолетами за поясами и глядели на женщину, нагло улыбаясь.

— Поработал ты на славу, признаю,— сказала донья Мария испанцу, следовавшему за ней по пятам.

— А я что говорил? — подхватил тот.— Теперь вы не станете долго думать, а чинно и благородно скажете мне «да».

— Да, грязный ублюдок, тут ты прав — долго раздумывать я не стану! — проговорила она.

Схватив лежавшую на одном из седел плеть, она нанесла не успевшему опомниться испанцу такой страшный удар по лицу, что ослепила его. Донья Мария хлестала и хлестала его, пока он не упал на землю и не затих. Но это было только начало. Метисов настолько поразило увиденное, что они ни бежать не решились, ни стрелять. А когда осознали, какая судьба постигла их вожака, сами уже получили удары плетью по лицам. Кое-кто из них бросился наутек, прикрывая лицо руками. Донья Мария подбежала к связанному испанцу и короткими, ловкими движениями перерезала путы. А он в свою очередь освободил индейцев, которые вскочили на своих лошадей и с помощью лассо живо переловили метисов.

— Повесить ублюдка! — приказала донья Мария, указав на испанца, вознамерившегося жениться на ней.

Тот неуклюже пытался подняться на ноги. Полминуты спустя он уже болтался на веревке.

— Ну, что я тебе, псу, говорила? — крикнула донья Мария, когда индейцы подтягивали его.— Разве я не сказала, что ничего ты, ублюдок, не получишь? А с вами как быть? — повернулась она к метисам.— Надо бы и вас повесить. Но, так и быть, оставлю вам лазейку — все равно вы все к палачу попадете. В Мехико вы получите от меня в подарок пистолеты, седла и лошадей. Послушай, испанец,— она подошла к своему стороннику,— как тебя зовут? Да, Рюго. Когда мы прибудем в Мехико, ты получишь...— она хотела сказать «одного мула со всем грузом», но вовремя спохватилась,— правую сторону груза вон того мула, а индейцы получат половину груза с левой стороны.

Тем бунт и закончился.

И вот пришло это мгновенье, ради которого донья Мария в последние годы так мучилась.

Донью Марию принял вице-король собственной персоной, честь тем более высокая, что на личную аудиенцию он времени не пожалел. А когда вице-король пообещал донье Марии хранить сокровища, добытые в течение нескольких лет самоотреченного труда, в тех же подвалах, где оберегаются лишь государственная казна и сокровища короля, радость и благодарность ее не знали границ.

О такой милости донья Мария и мечтать не смела. Нигде во всей Новой Испании, даже в катакомбах соборов или монастырей, ее сокровища не могли быть помещены так надежно, как в глубоких каменных подвалах правительства, и охраной им служило поручительство вице-короля, первого человека в государстве. Наконец-то ее сокровища в надежном месте, и они будут пребывать там, пока под надзором военных их не перевезут на корабль и не отправят в страну ее страстной мечты. За любезное покровительство, оказанное донье Марии, она передала часть своих сокровищ — достаточно внушительную, чтобы явиться царским подарком даже для вице-короля Новой Испании.

После расплаты со своими людьми она отпустила их, а сама отправилась в Гостиный двор.

Наконец-то, после долгих лет, она выспится. Впервые за долгие годы будет дышать ровно, спокойно, с удовольствием и без спешки поест. Наконец-то ее посетят другие,

приятные мысли, а не те, что иссушали ее мозг все эти годы.

Но произошло то, чего донья Мария никак не ожидала, хотя событие это было отнюдь не удивительным, а вполне естественным. Сокровища не исчезли и не были похищены из подвалов под покровом ночной тьмы. Донья Мария заснула в Гостином дворе, в уютной комнате, в мягкой прекрасной постели. Но никто не видел ее проснувшейся. Никто вообще больше не видел доньи Марии. Никто о ней больше ничего не слышал. Она исчезла, и ни один человек не знает, как это произошло.

— Вот как все это просто,— завершил Говард свой рассказ.— Об одном все-таки донья Мария забыла: иногда золото делает человека невидимым. Историю эту я рассказал вам только для того, чтобы показать, как иногда перевозка оказывается делом таким же трудным, как поиски и добыча. И даже тогда, когда тебе кажется уже, что твое добро в безопасности, еще совсем не ясно, сможешь ли ты купить на все свои тысячи хотя бы чашечку кофе. Вот по этой самой причине золото и стоит так дорого.

— Неужели нет никакой возможности дознаться, где была эта шахта? — сказал Куртин.— Донья Мария не всю руду добыла, там должно было порядочно еще остаться.

— Найти шахту? Нет ничего проще,— ответил Говард.— Только ты опоздал. Ее эксплуатирует большая горнорудная компания, и она уже добыла золота и серебра в десять раз больше, чем пропавшая сеньора. Шахта будто бы и впрямь неисчерпаема. А отыскать ее легко, она называется «Донья Мария» и находится неподалеку от Гаукаля.

— Этой истории уже больше ста лет,— сказал вдруг Лакод.

— Что никто не отрицает,— ответил Доббс.

— А я знаю одну историю, которой всего два года, и она ничуть не хуже, а, может, даже получше.

— Эй, заткнись,— проговорил Доббс, зевая.— Не желаем мы выслушивать твою историю, даже если она случилась неделю назад. Помолчи, сделай одолжение. Ведь ты— вечный.

— Какой, какой? — переспросил Лакод.

— Да никакой,— ответил Доббс и поплелся вслед за остальными к палатке.

На следующее утро, предпоследнее, которое они собирались провести здесь, все трое были настолько возбуждены, что не стали даже тратить время на завтрак. Каждый направился к своему укромному местечку, где сберегались плоды его труда. Это были крупицы золота, золотой песок и пыль, тщательно завернутые в обрезки от старой палатки и перевязанные скрученными бинтами. У каждого скопилось порядочное число таких свертков. А теперь задача состояла в том, чтобы все эти свертки и мешочки как можно лучше и незаметнее упаковать в общем грузе. Их уложили в высушенные шкуры убитых животных, шкуры стянули как следует, и непосвященному показалось бы, что эти тюки из одних только сухих шкур и состоят. Тюки обвязали еще мешковиной — и груз готов.

Доббс с Куртином пошли на охоту: надо же запастись мясом на дорогу. Говард ремонтировал седла. А Лакод снова занялся своими розысками и копался в кустах неподалеку от ослиного пастбища.

Всем им троим было совершенно безразлично, чем там Лакод занимается,— лишь бы не путался под ногами. Найди он даже целую гору из чистейшего золота, что еще весьма сомнительно, отсрочили бы они из-за этого хоть на день срок назначенного отъезда.

Когда Говард как бы вскользь заметил, Лакод-де точно знает, чего хочет, поскольку в его действиях нет присущего «вечным» лунатизма, Куртин сказал:

— Меня ему не совратить. Даже если принесет самородок величиной с кулак. Не нужно мне больше золота.

— Не нужно? Почему — не нужно? — удивился Доббс.— Но как его увезти отсюда? Даже то, что имеем, нам едва увезти. Нет, мне тоже больше не нужно — разве что он привезет мне золото прямо в Дуранго. Уходим, как договорились.

Еще не рассвело, а они уже встали, уложили палатку и приготовились к отъезду.

— А ты вроде бы остаешься? — спросил Куртин Лакода.

— Да, у меня здесь еще дела,— ответил тот.

— Тогда удачи тебе, парень. Может, когда-нибудь у нас и найдется время выслушать твою чудесную историю,— рассмеялся Доббс.— И тогда у тебя, наверное, будут доказательства.

Лакод сунул руки в карманы и ответил:

— Доказательства? Ты сказал «доказательства»? Они у меня уже есть. Но вы же торопитесь.

— Да, времени у нас нет,— кивнул Доббс.— Поэтому и приходится торопиться. Пора по домам!

Говард подал Лакоду руку и сказал:

— Я тебе оставляю соль, перец и другие мелочи, нам они в дороге ни к чему. А тебе пригодятся. И вот еще кусок парусины. Возьми, в дождь или в холодные ночи не помешает.

— Спасибо,— ответил Лакод.

Доббс с Куртином тоже пожали Лакоду руку. Доббс дал ему табака, а Куртин пригоршню патронов. Сейчас, когда пришло время расставаться, они вдруг подружились. Куртина так и подмывало пригласить Лакода вернуться вместе с ними, ему наверняка до смерти не хочется остаться здесь одному: тем более, что найти жилу нет никакой надежды: они прожили в этих местах достаточно долго, каждый камешек переворачивали и точно знали, что здесь можно найти и чего нет. Но не сказал этого, а только попрощался:

— Гуд бай!

Говард тоже испытал подобное чувство. Ему тоже хотелось пригласить Лакода, он подумывал уже о том, не предложить ли Лакоду какую-нибудь должность в кинотеатре: киномеханика или управляющего зданием. Но и он ничего не сказал, а только протянул руку;

— Счастливо!

Лакод тоже нашел для каждого словечко на прощание; потом он некоторое время стоял, глядя вслед уходившим. А когда они исчезли из поля зрения, вернулся к костру, пошевелил в нем сучья кончиком сапога и громко сказал:

— Жаль!

Путникам и каравану навьюченных мулов пришлось дать порядочный крюк, чтобы, не сталкиваясь с местными жителями, миновать индейскую деревню, где Куртин обычно делал закупки. Хорошо бы их вообще никто не видел... Пусть индейцы считают, что Куртин по-прежнему наверху. Даже оставив деревеньку далеко за спиной, они не выходили на проезжие дороги, а выбирали тропинки, где — они знали это по опыту — вряд ли могли кого-нибудь встретить. Чем дальше они удалятся от предгорий, тем больше шансов вернуться в город, не привлекая ничьего внимания.

Наличных денег у них в карманах почти что не было, так, несколько песо, но их должно было хватить до города. А там они продадут ослов и ненужный им больше инструмент — вот и деньги на билеты. Но до города надо сначала добраться. Расстояние, в сущности, небольшое. Но они отказались от мысли идти по торным дорогам: слишком велика опасность встретиться с бандитами или полицией.

Вот так и вышло, что на второй день они оказались в индейской деревне. Избежать этого не удалось. Вообще говоря, ничего удивительного в прохождении каравана мулов с грузом нет, не такая уж это редкость. То, что караван ведут белые мужчины, случается нечасто, но никто особенно не удивится, потому что у белых иногда рождаются довольно странные идеи.

Оказавшись в центре деревни, они увидели перед одной из хижин четверых мексиканцев. У троих из них были патронные ленты через плечо и по револьверу на бедрах.

— Это — полиция,— сказал Доббс Говарду.— Кажется, влипли.

— Похоже, и впрямь полиция,— подтвердил старик.

Продолжение следует

Перевел с немецкого
Е. ФАКТОРОВИЧ

СОКРОВИЩА СЬЕРРА-МАДРЕ

Б. ТРАВЕН,
немецкий писатель

Роман

Доббс придержал было ослов, но Говард толкнул его в бок:

— Только без глупостей. Если мы ни с того ни с сего повернем обратно, нам конец. Они сразу поймут, что наше дело тухлое.

Вперед и не нервничать, будто у нас совесть чиста, без единого пятнышка. Вообще-то так оно и есть, если не думать о лицензии, неуплаченных налогах...

— Как бы нам теперь не остаться с пустыми руками,— хмуро заметил Доббс.

Тем временем к ним подошел Куртин.

— А что там делает этот человек? — спросил он, кивнув в сторону мужчины с ящиком в руках, остановившегося перед входом в хижину и о чем-то разговаривавшего с ее обитателями.

— Наверное, правительственный комиссар,— сказал Доббс.— Черт его знает, что здесь стряслось. Давай-ка спокойно подойдем поближе.

Мексиканцы поначалу их появления не заметили. Лишь когда троица оказалась на площади, совсем рядом с хижиной, один из них оглянулся, потом сказал что-то остальным, и все они повернулись в сторону размеренно двигавшегося каравана. И когда караван уже сворачивал в боковую улочку, вдруг раздалось:

— Эй, сеньоры, уно моменто!

— Вот и вляпались,— вполголоса пробормотал Доббс.

— Я пойду один,— сказал Говард.— А вы оставайтесь при животных. Узнаю, чего они хотят.

Говард направился к мексиканцам и, остановившись в нескольких шагах, спросил:

— Добрый день, чем могу служить?

— Вы с гор спустились? — поинтересовался один из мексиканцев.

— Да, мы там охотились.

— Вам всем прививки сделали?

— Всем — что? Какие именно прививки? — Говард говорил по возможности небрежно, потому что сразу понял, с какой целью здесь появились мексиканцы.— Конечно, нам всем делали прививки. Еще в детском возрасте. У нас есть такой специальный закон. Мне за мою жизнь раз десять делали прививки.

— И когда же в последний раз?

— Года два назад.

— У вас имеется сертификат? Ну, справка.

Говард рассмеялся:

— Не носить же мне ее всегда при себе!

— Конечно, нет,— согласился мексиканец.— Но тогда мне все же придется сделать вам прививку. Мы — комиссия по вакцинации, и в нашу обязанность входит делать прививки всем, кого встретим в деревнях.

Тут к ним подошел мужчина с ящиком в руках, открыл его. Говард оголил руку по локоть, и врач вонзил иглу.

— С вами все просто,— сказал врач, улыбаясь.— А вот жители деревни убегают в горы, прячутся в чащобах, потому что невесть откуда взяли, будто мы им головы отрежем.

— Да,— подтвердил полицейский, доставая какую-то книжицу,— сделать прививки всем местным жителям будет потруднее, чем изловить банду. Но если мы не сделаем прививок всем, может начаться эпидемия. Ребятишки — вот в чем главная проблема. Женщины поднимают страшный крик, как будто мы их детей убиваем, и стоит нам достать иглу, набрасываются на нас, как сумасшедшие. Но как нам внушить индейцам, что мы пришли сюда исключительно ради их собственного — и детей, конечно,— блага.

Рассказывая, он перелистывал книжечку, пока не нашел незаполненные страницы.

— Напишите вот тут на обеих сторонах вашу фамилию.

Говард написал и вернул книжечку.

Полицейский сделал какую-то пометку, расписался, оторвал полстранички по зубчатой полоске и вручил ее Говарду.

— Вот ваш сертификат, а вторая половина останется у нас.— Подошлите-ка мне ваших приятелей. Это им не повредит, даже если у них по десять прививок сделано.

— Сколько с нас причитается? — спросил Говард.— С деньгами, правда, у нас очень туго...

— Ничего платить не надо. Прививка бесплатная. За счет правительства.

— Что ж, дешево, выходит, отделались,— проговорил Говард с улыбкой и опустил рукав рубашки.

— Мы знаем, что всем вам делали прививки,— сказал врач.— Или, по крайней мере, готовы поверить в это. Но мы очень благодарны вам за то, что вы с такой легкостью разрешили прививку повторить. И в самое подходящее для нас время! Здешние жители подсматривают за каждым нашим шагом. И когда увидят, что мы не делаем никакого различия между индейцами и белыми и что вы протянули мне руку с такой готовностью, будто для вас это самое привычное дело, люди поверят, что их жизням действительно ничего не угрожает!

Говард прошел в голову каравана и послал на прививку Доббса и Куртина.

— Самое милое дело! — рассмеялся Куртин.— Я боялся, что они вот-вот подойдут и начнут приставать с дурацкими вопросами.

— Ну, если тебя послушать, мы должны их чуть ли не обнять и расцеловать от радости! — усмехнулся Доббс и неторопливо направился к хижине.

Говард покачал головой и с сожалением сказал, обращаясь к Куртину:

— Я всегда говорил, что у этого Доббса нет чувства юмора: ну, да лучше обнять и расцеловать комиссию по прививкам, чем полицейских контролеров шахт. Давай, Куртин, сходи, заполучи свою бумажку. Нам пора!

Вечером они устроились на ночлег вблизи городка Амапули. Пришлось остаться там, потому что им объяснили: к следующему колодцу до темноты не добраться.

Не успели они еще приготовить ужин, как в лагерь явились четыре индейца. Поприветствовав, вежливо спросили, позволено ли им будет сесть.

— Комо но? — сказал Говард.— Почему нет? Вы нам ничем не помешали.

Индейцы некоторое время сидели и молча наблюдали, как белые жарят мясо и варят рис.

— Вы, конечно, из дальних мест сюда пришли,— сказал наконец один из индейцев.— И собираетесь, вероятно, продолжить ваше путешествие? Вы, сразу видно, люди очень умные.

Куртин объяснил:

— Мы умеем читать книги, умеем писать и еще умеем обращаться с цифрами. С числами.

— С числами? — переспросил индеец.— Числа? Мы их не знаем.

Продолжение. Начало см. в № 8, 9, 10.

— «Десять» — это число,— объяснил Куртин.— И «пять» — число.

— А-а,— понимающе улыбнулся индеец.— Это — правда, но только наполовину. «Десять» — ничто, и «пять» это ничто! Вы говорите про десять пальцев, про пять фасолин или о трех курицах, правда?

— Верно,— вступил в разговор Говард.

Индейцы рассмеялись: их поняли! И тот же индеец пустился в объяснения:

— «Десять» сказать нельзя. Всегда надо сказать, чего «десять». Десять птиц, или десять деревьев, или десять воинов. А когда говорят просто «десять», «пять» или «три» и не говорят чего, то выходит дырка, внутри которой пусто.

И они снова рассмеялись. Помолчав довольно долго, индеец перешел к делу:

— Мой сын упал в воду, но мы его сразу же вытащили. Я не верю, что он умер, хотя сын не просыпается. Вы, конечно, читали книги и знаете, что нужно делать в таких случаях?

Говард спросил:

— Когда ваш сын упал в воду? Вчера?

— Нет, сегодня днем.

— Хорошо, я пойду с вами и посмотрю, что с вашим сыном,— сказал Говард.

...Вскоре его привели в дом, построенный из высушенных глиняных кирпичей. На столе в большой комнате лежал мат, а на мате — юноша.

Говард внимательно осмотрел его, приподнял веки, прислонил ухо к груди, ощупал руки и ноги и затем сказал:

— Попробую-ка привести его в чувство.

Минут пятнадцать он делал юноше искусственное дыхание. Затем велел обложить его тело горячими компрессами и стал растирать юноше руки и ноги. А когда снова приложил ухо к груди, ощутил, что сердце юноши стало биться ровнее. А вскоре он уже сам сделал несколько глубоких вздохов — и задышал равномерно.

Мужчины и женщины, находившиеся в хижине, наблюдали за действиями Говарда, не произнося ни звука. Только две женщины, подогревавшие воду для компрессов, изредка роняли шепотком словечко-другое. И даже когда юноша окончательно пришел в себя, никто не осмелился заговорить. Под всеобщее молчание Говард взял свою шляпу, надел ее и, попрощавшись, пошел к двери. Никто его не удерживал. Только отец последовал за ним и протянул руку со словами:

— Большое спасибо, сеньор,— и вернулся к сыну.

Уже спустилась ночь, и Говард с трудом отыскал своих.

— Как это у тебя получилось? — спросил Доббс, после того, как Говард рассказал о благополучном исходе лечения.

— Пустяки,— ответил Говард.— Сделал искусственное дыхание, он и очнулся. Парень был в шоке. И наверняка часа через два поднялся бы сам, без всякой помощи. Ну, наглотался немного воды... Вы мне хоть немного мяса оставили?

Они отправились в путь еще до восхода солнца. Рассчитывали вскоре достичь Томини и пересечь затем плоскогорье.

После полуденного отдыха вновь навьючили ослов и собрались было вывести их на дорогу, как Куртин крикнул:

— Что там стряслось? Нас вроде бы преследуют!

— Где? — спросил Доббс.— Да, теперь вижу. Верховые индейцы. Может, они не по нашу душу. Захотели, например, размяться или на базар торопятся. Всякое бывает...

Прошло совсем немного времени, и всадники оказались рядом. Среди них было четверо индейцев, которые вчера вечером нанесли визит, кроме них — еще двое, которых Говард видел в хижине.

Индейцы поздоровались, и один из них спросил:

— Извините, сеньоры, но почему вы бежите от нас?

Говард улыбнулся и проговорил:

— Мы не бежим. Просто нам необходимо продолжить путь, мы торопимся в город. Там у нас важные дела, и мы очень спешим.

— О-о,— протянул индеец, сына которого выхаживал вчера Говард.— Дела подождут. Дела спешными не бывают. Дней много: после сегодня придут еще завтра и послезавтра. Но сначала я должен пригласить вас в гости! Не могу же я просто так вас отпустить. Вы вернули жизнь моему сыну. И поэтому обязательно должны погостить у меня. Две недели.

— Благодарим вас от всего сердца,— сказал Говард.—

Но если мы не прибудем в город своевременно, наши дела пойдут прахом.

— Нам нужно идти, нам обязательно нужно в город,— настаивал и Доббс, настроение которого начало портиться.

Когда индейцы убедились, что уговорить белых погостить труднее, чем они предполагали, один из них сказал:

— Пусть оба молодых идут, куда собрались, но ты...— и он повернулся к Говарду.— Ты не уйдешь. Сын моего брата обязательнно умрет, если ты не погостишь у нас. Мы обязаны воздать тебе за лечение, за твою доброту к нашему сыну.

Как ни злились все трое, как ни сопротивлялись, уйти им не давали. Шестеро мужчин окружили их тесным кольцом. Не драться же с людьми, которые хотят оказать тебе гостеприимство?

И Доббс придумал. Он сказал Говарду:

— Глупость, которую мы вчера сделали, не исправишь. Если ты останешься, они успокоятся. Нужен ты один. Мы отправимся дальше, а ты нас догонишь. Это единственный выход.

— Хорошо тебе говорить,— сказал Говард.— А как насчет моего груза?

— Оставишь при себе,— предложил Куртин.

Но Доббс не согласился:

— Я бы не советовал. Они обо всем пронюхают и отнимут у тебя золото. Или начнут болтать, и дело выйдет наружу. Даже если тебя не убьют, о золоте прознают бандиты и подстерегут тебя.

— Так как же мне быть?

— Мы возьмем твою долю с собой и сдадим в банк на твое имя. Или ты нам больше не доверяешь?

Это сказал Доббс.

— Не доверяю? Почему? — Говард улыбался, переводя взгляд с одного на другого.— Мы почти год прожили вместе и вместе работали. И тогда мы доверяли друг другу. Разве не так?..

Поскольку ничего другого не оставалось, Куртин с Доббсом взяли на себя ответственность за доставку груза, оба дали ему по расписке: принято, мол, столько-то мешочков примерно равного веса по столько-то граммов промытого золотоносного песка.

Куртин шел во главе каравана, а Доббс — в конце. Из-за задержки и долгих переговоров, во время которых индейцы не выказывали особой торопливости, впустую ушло полдня, а потому Куртин с Доббсом не добрались в тот день даже до Сиенеги, маленькой индейской деревушки, и теперь до подножия плоскогорья придется идти на день дольше. Вот почему над головами ослов, терпеливо и невозмутимо трусивших между ними, они швыряли друг в друга свои премилые дружелюбнейшие словечки и выражения. Ослы то нагибали уши вперед, чтобы насладиться блистательным проклятьем Куртина, то обращали их в противоположную сторону, не желая пропустить крепкого оборота, которым Доббс ответит на хулу Куртина.

Трапеза обычно настраивает на благодушный лад, особенно если в это время не разглагольствуют о стоимости блюд. И в этом случае еда подействовала примиряюще, хотя была она отнюдь не праздничной.

Вечером того дня тон в разговоре задавал Доббс. Он сказал:

— Что, интересно, поделывает наш старик?

Но думал при этом не о Говарде, а о себе самом, о своих интересах. Положим, сперва он, может быть, и вспомнил Говарда. Но, не успев еще договорить предложение до конца, уже отдавал себе отчет, что нечто иное волнует его куда сильнее судьбы старика. Он посмотрел в сторону сваленных в кучу шкур, и на некоторое время его взгляд задержался на шкурах Говарда.

Вдруг он толкнул Куртина кулаком в бок и громко захохотал. Он хохотал так, что в горле у него булькало. Куртин смотрел на него в удивлении и некотором смущении. Потом веселье Доббса немного заразило его, он улыбался и оглядывался по сторонам, словно ища причину веселья и смешливости Доббса.

Наконец спросил, продолжая улыбаться:

— Ну, скажи же мне, дружище, что тебя так сильно развеселило?

— Ах, сынок, сынок,— давился от хохота Доббс. — Знал бы ты, насколько это забавно.

— Что забавно?

— Нет, ты вообрази себе, этот осел премудрый доверил нам все свое золотишко. Здесь, в дикой глуши. Где смыться для нас — плевое дело. Ни один ветерок никому не шепнет, куда мы подевались. И где нас потом разыскивать этому старому чучелу?

Куртин перестал улыбаться. Он встал. Походил немного, потом вернулся к костру и медленно проговорил сквозь зубы:

— Считаешь, мы должны очистить карманы Говарда? Это ты имеешь в виду?

— А что же еще? Конечно, именно это.

— Ну, если ты это имеешь в виду,— продолжал Куртин, словно не услышав слов Доббса,— на меня не рассчитывай. Это не по моей части.

— В конце концов,— начал Доббс, встав и подойдя вплотную к Куртину,— в конце концов, твоего разрешения не требуется. Если на то пошло, я тебя спрашивать не стану. Не хочешь в этом участвовать, останешься в проигрыше. Я просто-напросто возьму весь товар себе, а тебе останется утереть свой сопливый нос, если найдется подходящая тряпка. Ты меня понял?

— Да, теперь понял.

Куртин сунул руки в карманы брюк и отступил от Доббса на шаг:

— Я дал ему расписку, я дал ему слово, что — с тобой или без тебя — сдам его добро, как полагается. Но дело не только в бумажке, не только в моей подписи и моем обещании. В жизни чего не пообещаешь и чего только не подпишешь — если всякий раз держать слово, времени на жизнь не останется. Не в этом вопрос. Он в другом. Говард ничего не украл, ничего не подобрал на дороге, не выиграл в лотерею, у игорного стола или на бирже. Он это честно заработал, тяжелым каждодневным трудом. Я ничему не поклоняюсь. Но кое-что уважаю. Это то, что человек честно заработал трудом своих рук. Короче говоря, друг: пока я иду с караваном или нахожусь поблизости, ты к его металлу не прикоснешься. Я все сказал.

Доббс пристально поглядел на Куртина. А потом громко, с издевкой проговорил:

— Ты прав, сынок. Теперь ты все сказал. И я понял, что ты задумал. Я давно уже об этом догадывался.

— О чем ты давно догадывался? — спросил Куртин, не поднимая на него глаз.

— Что ты сам на его добро нацелился и сегодня или завтра ночью пристрелишь меня, закопаешь, как дохлую собаку, а потом с вещичками Говарда и с моими в придачу пойдешь своей дорогой и еще посмеиваться будешь — какими мы со стариком лопухами оказались.

Куртин опустил трубку, которую только-только раскурил, и поднял голову. Глаза его были широко раскрыты. Но казались пустыми и безжизненными. Ему никогда и в голову не приходило ничего подобного тому, в чем его заподозрил Доббс. Он никогда не причислял себя к честным, порядочным людям. Без раздумий взял бы что плохо лежит и не терзался бы потом угрызениями совести. Нефтяные магнаты, гиганты железных дорог не стали бы теми, кем стали, если бы их мучила так называемая совесть. Почему же ему, мелкой сошке, песчинке, претендовать на более благородную и чистую совесть, чем у тех, кого называют звездами нации и которых в газетах, журналах и книгах изображают людьми, воплощающими в себе энергию, волю и устремленность к успеху? Но Доббс обвинял его в такой гнусности, что хуже и вообразить нельзя.

Выход один. Куртину придется поступить с Доббсом так, как Доббс собрался поступить с ним. Другого пути к спасению не видно. Жри — или сожрут тебя! Закон джунглей, иного не дано.

Левая рука Куртина с курительной трубкой покоилась где-то в области живота. А правая — на колене. Он медленно подтянул правую руку и опустил в правый боковой карман брюк.

И в это же мгновение Доббс направил на него свой револьвер.

— Только пошевелись, мой мальчик,— крикнул он,— и я стреляю!

Куртин так и застыл.

— А теперь подыми лапы кверху! — приказал Доббс.

Куртин подчинился.

— Выходит, я насчет тебя все угадал,— с ухмылкой проговорил Доббс.— Слова красивые говоришь, тумана напускаешь! Но меня не проведешь,— Доббс подошел поближе.— А ну, вставай!

Куртин не произнес ни слова. Побледнел. Когда он поднялся, Доббс приблизился вплотную, обошел вокруг и полез в карман Куртина за револьвером. Куртин вдруг резко рванулся и тут же пригнулся. Доббс выстрелил. Но из-за неожиданного нырка Куртина промахнулся, и не успел он выстрелить еще раз, как Куртин нанес ему прямой удар в челюсть — Доббс упал на землю. Куртин бросился на него, навалился всем телом и вырвал у него из рук револьвер. Потом вскочил и отступил на несколько шагов.

— Теперь мой черед сдавать карты, Доббс,— сказал он.

— Вижу,— ответил Доббс. Он весь подобрался, словно готовясь к прыжку, но на ноги не поднимался.

— Я тебе вот что сказать хочу: ты кругом не прав,— проговорил Куртин.— Я и в мыслях не имел у тебя хоть что-то отнимать, не говоря уже о том, чтобы убрать с дороги.

— Хорошие слова приятно слушать. Но если уж ты такой благонамеренный мальчик, как уверяешь,— верни мне пушку.

Куртин рассмеялся.

— А вот с этим лучше пока повременить. Эта игрушка не для тебя.

— Понимаю,— коротко ответил Доббс и вернулся к костру.

Куртин выщелкал все патроны из револьвера Доббса и положил себе в карман. Потом взвесил револьвер на руке. Он хотел вернуть его Доббсу, но тут же передумал и сунул револьвер в тот же карман, что и патроны. А потом присел у костра, но так, чтобы между ним и Доббсом оставалось приличное расстояние и тому не взбрело в голову броситься на него.

Снова достал свою короткую курительную трубку, раскурил. Доббс не произносил ни слова, и у Куртина было достаточно времени, чтобы разобраться в своих мыслях.

— А как насчет того, чтобы расстаться завтра утром или еще сегодня ночью? И пусть каждый идет своей дорогой...— предложил он.

— Это только тебе на руку.

— Почему — мне?

Доббс недобро ухмыльнулся:

— Задумал напасть на меня сзади? Так, да? Или натравить на меня бандитов?

— Ну, ты загибаешь — крыть нечем! Но тогда я и впрямь не знаю, как нам с тобой расстаться,— сказал Куртин.— Придется мне держать тебя связанным и днем и ночью.

— Да уж, придется, никак не иначе. Так что давай, иди ко мне. Я не против, вяжи.

Тут Доббс прав. Связать его — не такое простое дело. Глядишь — и карты снова будет сдавать другой. Причем сдача окажется последней. Из них двоих Доббс посильнее, и пощады от него ждать не приходится.

Это была ужасная ночь для Куртина. Но не для Доббса. Обнаружив слабинку в характере Куртина, он никакого беспокойства не испытывал. Отныне он мог играть с Куртином в кошки-мышки.

Куртин лег на таком расстоянии от Доббса, чтобы постоянно держать его в поле зрения и чтобы хватило времени встретить его с оружием в руках, если тому вздумается напасть. Куртин изо всех сил старался не заснуть. Дневной переход его утомил, и он понимал, как нелегко будет провести всю ночь без сна. Бодрствовать, прогуливаясь возле костра? Не выйдет, он еще больше устанет. Некоторое время провел сидя — заныла спина. И тогда он подумал, что лучше будет укутаться в одеяло и прилечь. Пусть тело отдыхает. А если и задремлет ненадолго, Доббс об этом знать не будет, в темноте не разглядишь.

Примерно через час, когда Куртин долго не шевелился, Доббс приподнялся и пополз. Куртин мгновенно выхватил револьвер. «Ни шагу дальше!» — крикнул он.

— Ты хороший ночной сторож,— одобрил Доббс и расхохотался.

Далеко за полночь Доббса разбудили крики одного из ослов. Он снова попытался ползти, но Куртин тут же остановил его.

Теперь Доббс уже не сомневался больше, что одержит победу, и крепко заснул. Он обрел ночной покой, который благодаря двум маленьким хитростям похитил у Куртина. Следующая ночь будет принадлежать ему.

Днем Доббсу предстояло идти в голове каравана. Там он ничего предпринять был не в силах. Но вот снова спустился вечер, и пришла ночь. Вскоре после полуночи Доббс совершенно спокойно направился к Куртину, наклонился и достал из кармана револьвер. Потом чувствительно пнул ногой в бок.

— Поднимайся,— сказал он.— Карты сданы снова! И в последний раз.

Со сна Куртин плохо соображал и переспросил:

— Что? Какие карты?

Потом все понял.

— Поднимайся,— повторил Доббс.— И вперед, марш!

— Куда — вперед? — не понял Куртин.

— К своей могиле.

— А если я не пойду? С таким же успехом я могу посидеть и здесь,— сказал он, не открывая глаз.— Зачем мне топать неизвестно куда? Я устал и хочу спать.

— Там ты выспишься вволю! — проговорил Доббс.— Вставай, и давай — вперед!

Куртину было мучительно слышать эту грубую приказную речь Доббса, и, не желая выслушивать ничего в этом роде, он, покачиваясь, встал, сделал несколько неверных шагов. Доббс подталкивал его вперед тычками кулака. В лес они зашли метров на пятьдесят-шестьдесят. И тут Доббс выстрелил в Куртина.

Куртин рухнул на землю, не произнеся ни звука. Доббс склонился над ним и, не услышав ни вздохов, ни стона, сунул револьвер в карман и вернулся к костру. Некоторое время сидел у огня, не зная, на что решиться. Но ни одной путной мысли в голову не приходило. Он чувствовал себя вконец опустошенным. Уставившись в огонь, подбрасывал сломанные ветки или задвигал их поближе к тлеющим угольям ногами. Потом, выхватив из огня толстую горящую ветку, пошел в лес. Куртин лежал на том же месте. Он не дышал, и глаза были закрыты. Доббс поднес к самому лицу Куртина горящую ветку. Но Куртин не пошевелился. Рубашка на его груди была мокрой от крови.

Удовлетворенный увиденным, Доббс хотел было уйти. Но, не сделав и трех шагов, повернулся, достал револьвер и еще раз выстрелил в Куртина. После чего вернулся к месту ночевки.

Набросив одеяло на плечи, устроился у костра.

— Дьявольщина, во мне вроде совесть заговорила,— сказал он вслух, обращаясь к самому себе, и улыбнулся.— Особенно когда я подумал, что завтра он мог бы оказаться живым. Но теперь я спокоен.

«Вот мы и увидим, не сыграет ли совесть со мной другую шутку,— подумал он.— Убийство — самое тяжкое преступление на белом свете. Выходит, теперь моя совесть обязана проснуться? Только почему-то мне никогда не приходилось слышать о палаче, которого замучила бы совесть. Мистер Мак-Доллин — ему-то и приходится этих парней подключать к зажимам электрического стула — человек сто пятьдесят, а то и больше на тот свет отправил. А ведь он уважаемый государственный служащий.

А сколько немцев я укокошил во Франции? Пятнадцать? По-моему, двадцать три человека. «Здорово»,— сказал тогда наш полковник. И спал я всегда крепко, и не один из немцев мне во сне не являлся, никто из них моей совести не побеспокоил. И даже матери их или жены с маленькими детьми не приставали ко мне ни во сне, ни перед пробуждением. Как там у нас это было — на Аргоннских высотах? Немцы засели в пулеметном гнезде. Черт побери, крепко же они держались! Нас было две роты полного состава, а пробиться мы не могли. Но вот у них кончились патроны. Они замахали белой тряпкой. Осталось их там одиннадцать человек, этих железных парней. Мы — туда! Все они подняли руки. Они нам улыбались.

Они были честными воинами и видели в нас достойного противника. А мы их перекололи и перерезали, как скот. А у того, кто особенно усердствовал, не пожалев даже раненых, фамилия была Штейнгофер. Родился в Германии и в Штаты переехал семнадцати лет от роду. Его родители, братья и сестры и по сей день живут в Германии. Но как раз он-то и был особенно безжалостным. Несколько человек умоляли сохранить им жизнь, у них, мол, много детей. И что же наш молодец Штейнгофер этим многодетным отцам ответил? Ведь что-то такое он им крикнул? Ну, низость какую-то, а потом заколол штыком. По-моему, его наградили медалью. А тогда откуда-то появился английский офицер и увидел своими глазами, как приканчивали последних немцев, которые совершенно не сопротивлялись. Англичанин крикнул нам: «Дирти догс [1], где ваша совесть?» Но если даже Штейнгофер не устыдился, мне-то чего было стыдиться? Моя совесть никогда из-за тех немецких парней не ныла, а уж у Штейнгофера тем более. Почему же ей обеспокоиться сегодня из-за этого хиляка Куртина?

Доббс прилег поближе к огню и, начиная засыпать, радовался, что будет сегодняшней ночью спать так хорошо, как давно не спал. И действительно крепко проспал до самого утра.

Рисунки П. ПАВЛИНОВА

Ослы терпеливо стояли на месте, иногда делали шаг-другой и снова останавливались. Время от времени поворачивали головы: ждали знакомых окриков и не понимали, в чем причина задержки. Животные привыкли отправляться в путь ранним утром, а сейчас уже почти полдень. Но навьючивать в одиночку ослов оказалось делом куда более трудным, чем ожидал Доббс. Очень непросто закреплять тюки так, чтобы они не скользили и не сваливались, когда напарник тебя не страхует.

Однако сейчас, когда караван должен был тронуться в путь, Доббсу вновь вспомнился мертвый Куртин. И тут ему пришло на ум, что перед отправлением каравана он собирался захоронить Куртина — ради полной безопасности. Несколько мгновений колебался: а не оставить ли его там, где он лежит? Куртин и без того исчезнет достаточно скоро, на то есть койоты, кугуары, коршуны, муравьи и мухи. И все равно какие-то кости и тряпье останутся. А кому это выгодно, чтобы кости Куртина рассказали о том, что здесь произошло?

Доббс направился прямиком к тому месту, где лежал Куртин, направление и само место он мог найти с закрытыми глазами. Но... никакого трупа на месте не оказалось. Выходит, он ошибся. Темень вчерашнего вечера и неверный свет горящей ветки как-то сбили его с прямой дороги.

И он снова принялся искать. Прочесал перелесок вдоль и поперек. Потом побежал к месту дневки, чтобы взять правильное направление. И вдруг не смог точно вспомнить, в каком направлении вчера вечером погнал Куртина! Десять, пятнадцать, двадцать раз он проделывал этот путь с самыми незначительными отклонениями. Все тщетно.

Нервозность Доббса все возрастала. Солнце сейчас стояло прямо над головой и палило нещадно. Он тяжело дышал, тело покрылось потом. Безумно хотелось пить. Но он не пил, а бессмысленно вливал в свое нутро много воды.

И когда Доббс в сотый, наверное, раз готов был поклясться, что именно на этом месте пристрелил Куртина, он увидел под ногами обуглившуюся ветку. Эта ветка вчера служила ему факелом.

Трава под ногами измята. Но это, вполне возможно, оттого, что он здесь долго ползал, а потом топтался. Следов крови не видно. Но разве ее тут разглядишь? А вдруг Куртина утащил какой-то зверь?

«Тем лучше,— подумал Доббс.— Скоро от его трупа ничего не останется». Несколько успокоившись, он подумал, что пора возвращаться к каравану. Но то и дело оглядывался. То ему чудилось, будто он углядел меж деревьев Куртина, то вздрагивал — показалось, что увидел другого человека. А то пугался, заслышав — будто бы! — человеческие голоса. Хрустнет ветка или камень покатится — а он уже выдумывает, будто это кугуар вокруг него ходит, тот самый, который утащил Куртина; вошел, мол, во вкус человеческой крови и вот-вот нападет сзади!

Вернувшись, прикрикнул на ослов, и те пошли. Но вести

[1] Грязные псы *(англ.)*.

караван оказалось делом куда более трудным, чем Доббс себе представлял. Попытался было Доббс подстегивать вожака, заставляя тянуть за собой остальных, но его усилий хватило метров на пятьдесят. А потом вдруг наступил момент, начиная с которого ослы пошли послушно и без всяких понуканий. Набрав хорошую скорость, они аккуратно спускались по тропинке. Это было настолько приятной неожиданностью, что Доббс с довольной миной вышагивал сбоку и даже позволил себе закурить трубку.

«Наверняка я недостаточно тщательно все осмотрел,— думал он.— А вдруг я его не убил, а всего лишь тяжело ранил? И поэтому я должен найти его и добить. Самое меньшее, в чем меня теперь обвинят, если схватят,— покушение на убийство с целью грабежа. А это никак не меньше двадцати лет каторги».

Как Доббс ни прикидывал, выход оставался один: повернуть обратно и опять искать убитого или раненого Куртина.

Когда Доббс с караваном опять оказался на прежней стоянке, уже спустился вечер. Он даже не стал разгружать ослов, а сразу бросился на поиски.

Однако ночь опустилась быстро, и Доббс был вынужден прекратить поиски.

Теперь оставалась только одна возможность для спасения: немедленно прекратить всякие попытки найти Куртина, завтра рано утром отправиться в путь и попытаться с максимально возможной скоростью добраться до станции. Немедленно продать ослов и весь инструмент, сесть в первый попавшийся поезд, сойти в большом городе и попытаться там затеряться. В Ларедо, Браунсвилле или другой пограничной станции ему пока появляться рано. Потому что если Куртин действительно доберется до деревушки или Говард уже покинул индейцев,— его, Доббса, первым делом будут искать на границе.

Позавчера Доббс видел с горы паровозный дымок: это бежал по долине поезд. Значит, до станции совсем уже близко.

Доббс выступил из лагеря даже раньше намеченного. Животные были послушнее, чем вчера: не приходилось так часто останавливаться, и, вдобавок, часть пути они уже знали. Тем не менее один из ослов вырвался и убежал. Вернуть его Доббс не сумел, и пришлось на эту потерю махнуть рукой, не то опять потерял бы невесть сколько времени. Во время бегства осла тюки попадали на землю, и Доббс разложил их содержимое по оставшимся тюкам.

Теперь Доббс почти постоянно мог видеть железнодорожную линию. Дорога полого вела вниз, все время вниз, в долину. Он без труда добрался бы в тот день до станции Чинакатес или Гвадемале. Но в этих крохотных деревушках он со своим караваном тем более обратил бы на себя внимание. Его просто бы не могли не заподозрить. Кроме того, в таких мелких селениях ему никогда не продать ослов, инструмент и другие предметы. А продать их нужно, чтобы купить билеты и оплатить провоз багажа.

У него все-таки не осталось другого выбора, как окольным путем добираться до Дуранго — там он свои дела обделает незаметно. Итак, еще добрых два дня пути. Или даже три. Эх, знать бы, жив Куртин или мертв!

Устраиваясь вечером на отдых, он чувствовал себя увереннее, чем два предыдущих дня.

Тут ленивой рысцой прибежал пропавший днем осел, вернувшийся теперь к своим приятелям. Два пощипывавших траву осла резко повернули головы и заревели.

— Мне уже повезло! — воскликнул Доббс, рассмеявшись, когда увидел пробежавшего мимо осла.— Целые пятнадцать песо вернулись.

Он вдруг пришел в такое хорошее расположение духа, что начал насвистывать и даже запел. И спал этой ночью куда спокойнее, чем в прошлую.

Когда около полудня следующего дня тропинка проходила через холм, он смог уже издали увидеть Дуранго. В тот вечер Доббс в последний раз разбил походный лагерь. Завтра вечером он будет в Дуранго, а утром следующего дня — в поезде, идущем в Канитас. Продать ослов и весь инструмент — дело недолгое, ведь лишних денег он не запросит: только бы хватило на проезд.

Доббс торжествовал. Он уже чувствовал себя победителем. Когда ветер дул с юга, в ночной тиши слышался лай поездов. Этот странный воющий лай паровозов, звучащий столь пугающе, навевал на него такое чувство, будто он лежит в постели гостиницы, где-то рядом с железной дорогой. Это был зов цивилизации. Слыша его, Доббс чувствовал себя в безопасности. Он жаждал теперь попасть под защиту закона, правосудия, крепких городских зданий, всего того, что поможет ему сохранить свое добро.

Что теперь может с ним сделать Говард? А ничего. Если попытается добиться чего-то с помощью суда или полиции, сам же и попадется. Кто выкопал штольню и мыл золото без разрешения правительства? Он, Говард, обокрал государство и нацию. Так что он поостережется предпринять что-либо против него, Доббса. А Куртин? Если Куртин действительно остался в живых, чем опасен он? Не больше, чем Говард. Куртин тоже ограбил государство, и если он заявит в полицию, ему придется этот факт признать. Доббс государство не грабил. Покушение на убийство? И этого Куртин доказать не сумеет. Никто ничего не видел. Раны на теле? Кто знает, во время какой драки или даже уличного ограбления, в котором Куртин участвовал, он получил эти раны? Доббс теперь достойный, элегантный, преуспевающий господин, который может себе позволить нанять дорогого адвоката. Ему поверят, когда он пренебрежительно, с явным презрением заявит: «Что вы хотите — оба они грабители с большой дороги!» Уж как-нибудь он это дело провернет. Когда он окажется под охраной закона, Куртину с Говардом к нему не подступиться. Как все же хорошо, что есть закон!

Конечно, старик или Куртин могут злодейски убить его из-за угла. Да, могут, и против этого он, несмотря на все законы, беззащитен. Но тогда убийцу повесят, или он попадет на электрический стул. Зная об этом, они вряд ли решатся на такой шаг.

Но где же все-таки труп Куртина? Кто-то нашел и отнес в безопасное место? Пума или ягуар уволокли? Но тогда он увидел бы хоть какие-то следы. Нет, а что если он Куртина все-таки не убил?

Утром караван отправился в путь позже обычного: пришлось собирать разбежавшихся ослов. Вечером Доббс небрежно стреножил их, и вот некоторым удалось освободиться. Часа два ушло зря.

Дорога стала получше, и около полудня Доббс прикинул, что часа через три придет в Дуранго. В его намерения не входило идти прямо в город, он собирался остановить караван и разгрузить его у первой же подходящей асиенды близ города. Там с помощью хозяина он найдет покупателя для ослов, если тот сам не пойдет на выгодную сделку, соблазнившись дешевой ценой животных. А потом Доббс переложит тюки на повозку и отправит на товарную станцию. Никто на это внимания не обратит. В декларации он объявит свой груз высушенными шкурами животных. Оплатит по высшему тарифу, и все от него отвяжутся.

Но вскоре на этом последнем участке все внезапно изменилось. Порывы ветра подняли в воздух густые тучи удушающей пыли. Стало трудно дышать. От песчинок слезились и болели глаза. Порой Доббсу казалось даже, будто он ослеп.

Из-под полуприкрытых век ему удалось разглядеть деревья вдоль дороги. Подумалось, что неплохо бы здесь остановиться и передохнуть.

Доббс направился к деревьям. Ослы, сгрудившиеся в тени, вели себя спокойно. Доббс прополоскал рот, сплюнул и вволю напился.

— А сигареты у тебя не найдется, приятель? — услышал он вдруг чей-то голос.

Доббс вздрогнул. За несколько дней — первый человеческий голос.

Он подумал о Куртине, а затем о Говарде. Но в ту же секунду сообразил, что ни тот, ни другой не стали бы говорить с ним по-испански.

Окончание следует

Перевел с немецкого
Е. ФАКТОРОВИЧ

Б. ТРАВЕН,
немецкий писатель

СОКРОВИЩА СЬЕРРА-МАДРЕ

Роман

Повернув голову, Доббс увидел лежащих под одним из ближайших деревьев троих мужчин. Это были метисы в немыслимом рванье. Доббс достаточно пожил на белом свете, чтобы сообразить: сейчас он оказался в одном из самых идиотских положений, в какие только мог попасть. Таких подонков он навидался. Этим людям нечего терять ни в прямом, ни в переносном смысле слова. И ему подумалось, что напрасно он сошел с главной дороги, чтобы передохнуть в тени.

— Сигарет у меня нет. Сам за десять месяцев ни одной не выкурил.

Это прозвучало к месту. Ведь тем самым он как бы давал понять, каков перед метисами бедняк — не смог даже купить себе сигарет.

— Но немного табачку у меня завалялось,— добавил он.

— А бумага на закрутку? — спросил один из метисов.

Сначала эти трое спокойно и лениво лежали на животах. Потом один из них присел, второй оперся головой на ладонь, а третий так и остался лежать на животе, только скосил глаза, чтобы лучше видеть Доббса.

— Есть кусок газеты,— ответил Доббс.

Он достал кисет с табаком, вытащил из кармана бумагу и протянул ближайшему метису. При этом пришлось нагнуться — тот даже не дал себе труда встать и принять табак как полагается, из рук в руки.

Метисы оторвали себе по полоске, насыпали табаку. Свернули сигареты, и ближний вернул кисет.

— Спички? — последовала новая просьба.

Доббс опять полез в карман и вынул спички. Коробок метисы тоже вернули.

— В Дуранго? — спросили его.

— Да, хочу продать ослов. Мне нужны деньги. А то я совсем пуст.

«Толково ответил,— подумал Доббс.— Теперь они поймут, что в кармане у меня нет ни шиша».

Метисы рассмеялись.

— Деньги! Это именно то, чего и нам не хватает. Правда, Мигель? — сказал тот, что лежал на животе.— Мы только и думаем, где бы их раздобыть!

Доббс прислонился спиной к дереву, не упуская из виду никого из этой троицы. Набил и раскурил свою трубку. Усталость словно рукой сняло. Он искал выход. «Я мог бы, например, нанять их в погонщики,— подумал Доббс.— Тогда на наше появление в городе никто внимания не обратит; это лучше, чем пригнать караван одному. И метисы успокоятся на том, что каждый получит за работу по песо, а другие мысли выбросят из головы. Они, наверное, уже предвкушают сытный обед и стаканчик-другой текильи».

— Мне могли бы пригодиться два-три погонщика,— сказал он.

— Да неужели? — лениво заметил один из метисов.

— Да, одному с ослами трудно справиться.

— И как ты намерен расплатиться?

— Одним песо.

— На всех троих?

— Каждому. Но не раньше, чем придем в город и я получу причитающуюся мне сумму.

И опять Доббс похвалил себя за умный ответ.

— Ты что же, совсем один? — поинтересовался метис, что лежал, опершись головой на руку.

«Что тут сказать? — спрашивал себя Доббс.— Чтобы не тянуть с ответом и не возбуждать излишних подозрений?»

— Нет, не один. За мной едут еще двое моих друзей — верхом.

— Странное дело, Мигель, как ты считаешь? — спросил метис, все еще лежащий на животе.

— Да,— подтвердил тот.— Дело и впрямь несуразное. Идет себе человек, один-одинешенек, за длинным караваном, а дружки его едут верхом на расстоянии.

— А не видать ли его дружков — тех, что на лошадях? — последовал новый вопрос.

— Погляжу,— ответил Мигель. Он медленно поднялся, вышел из-за деревьев и оглядел дорогу — верхний ее участок с того места виден был даже лучше, чем последний отрезок пути. Вернувшись, сказал:

— Его приятели на лошадях еще далеко отсюда. Никак не меньше, чем в часе пути.

— Странное дело, Мигель, как ты считаешь?

— Я тоже считаю, что это странно. Что это у тебя за груз? — тут же спросил он Доббса.

Постучал по одному из тюков:

— По-моему, шкуры?

— Да, и шкуры — согласился Доббс. Он чувствовал себя все неувереннее, хотелось скорее отправиться в путь.

Чтобы скрыть нарастающее чувство тревоги, Доббс начал натягивать ремни на одном из ослов, хотя в этом не было никакой необходимости. Потом подтянул ремень на своих брюках, показывая, что собрался идти.

— Ну, мне пора... надо идти дальше, чтобы попасть в город еще засветло,— Доббс выбил чубук трубки о каблук сапога.— Так кто же пойдет со мной погонщиком до Дуранго?

Никто из метисов ему не ответил, они только переглянулись. Перехватив один из этих взглядов, Доббс пнул ногой ближайшего осла. Тот засеменил к дороге. Второй лениво последовал за ним. Остальные же остались на местах и преспокойно пощипывали траву.

Доббс подошел еще к одному ослу, прикрикнул. Тот поплелся за первыми двумя.

Тут метисы разошлись между оставшимися ослами и начали — как бы случайно — отпихивать их назад или просто вставали на пути животных.

— Эй вы, прочь от ослов! — злобно крикнул Доббс.

— Почему это? — задрал голову Мигель.— Мы можем продать их с таким же успехом, что и ты. Оттого, что их продадим мы, они не станут хуже!

— Прочь от ослов, я вам сказал! — Отскочив на шаг, Доббс выхватил револьвер.

— Этой пукалкой нас не запугаешь,— ухмыльнулся Мигель.— Ну, убьешь одного — что ж, он тебя простит!

— Отойдите от ослов! — Доббс направил револьвер на ближайшего метиса и нажал на собачку.

Однако револьвер лишь холодно и сухо щелкнул. Три раза, пять раз, семь раз щелкнул револьвер. Но выстрела не прозвучало.

И в это время один из метисов нагнулся и поднял с земли тяжелый камень...

Затем прошла секунда, всего лишь секунда. Но за эту се-

Окончание. Начало см. в № 8, 9, 10, 11.

кунду, когда решалась его судьба, в мозгу Доббса промелькнуло столько мыслей, что он даже успел удивиться: как это получается, что за иной миг успеваешь вспомнить о такой куче вещей? Как могло случиться, что отказал револьвер? И тут же из подсознания выплыло... Вот он, Доббс, подкрался к спящему Куртину, вытащил его револьвер, из которого потом и стрелял. У Куртина тогда было два револьвера — свой и его, Доббса. Оба они были с именными насечками, и Говард при случае смог бы их опознать, а потому Доббс подбросил револьвер, из которого стрелял, к трупу — это уже когда он вернулся и выстрелил второй раз. А свой собственный револьвер он сунул с самого начала в карман. Если бы кто-нибудь и натолкнулся на тело Куртина, он мог бы предположить, что на того напали и он отстреливался. Револьвер Доббса был другого калибра, и Куртина убили не из него, с этим бы каждый согласился.

И лишь об одном забыл Доббс. Взяв свой револьвер, он так его потом и не зарядил: он напрочь забыл, что, отняв у него оружие, Куртин отщелкал все патроны...

В ту же секунду Доббс вспомнил о другом оружии. Он стоял рядом с ослом, из тюка которого торчало мачете. Доббс сделал шаг вперед: вооружившись мачете, он, наверное, нашел бы время зарядить револьвер — в нагрудном кармане рубахи лежало несколько патронов...

Но тут секунда закончилась, и камень попал ему в голову. Доббс видел этот летящий камень, однако не успел вовремя пригнуться, потому что все его мысли были о мачете.

Удар камня сбил его с ног.

И прежде чем он успел вскочить на ноги, Мигель был уже у мачете, на которое обратил внимание только после импульсивного движения Доббса. Ловким движением он выхватил мачете из длинных кожаных ножен, подскочил к лежащему Доббсу и резким коротким движением отсек ему голову — как бритвой срезал.

Не столько испуганные, сколько пораженные случившимся все трое уставились на труп.

— Это твоих рук дело, Мигель,— негромко подытожил один из метисов.

— Заткнись! — злобно прикрикнул на него Мигель и так резко повернулся, будто собрался убить и его.— Я сам знаю, кто его прикончил, слышишь ты, слабак! Но если это всплывет, вас расстреляют так же, как и меня. Мне тоже есть о чем рассказать жандарму. Если мне не жить, то и за вас я не ответчик.

Ослы обычно не имеют такой привычки вмешиваться в дела людей, как, например, собаки; они неторопливо двинулись к дороге. А так как эти животные намного умнее, чем привыкли полагать люди, никогда с ослами дела не имевшие, то и направление они сразу выбрали правильное — прямо на Дуранго.

В лихорадочном возбуждении троица совсем забыла об ослах. Метисы занялись тем, что сняли с убитого брюки и сапоги, и двое счастливчиков сразу же надели добычу на себя. Хотя и брюкам, и сапогам цена была грош в базарный день — за последние месяцы им порядком досталось,— по сравнению с отрепьем, в котором ходили бродяги, это были вещи еще на загляденье.

Рубашку никто не захотел брать, никто не захотел ее надеть, хотя вместо рубашек на каждом из них было нечто невообразимое; трудно было даже сказать, из чего они состояли, эти рубашки,— из дыр или мелких лоскутьев между дырами.

— А почему ты не берешь рубашку, Игнасио? — спросил Мигель, пнув ногой труп, на котором к этому моменту ничего, кроме заношенной рубахи цвета хаки, не осталось.

— Дешевка она и застиранная,— ответил Игнасио.

— И это говоришь ты, грязный пес! — выругался Мигель.— Да по сравнению с твоей она лучше новой.

— Не хочу ее носить,— проговорил Игнасио и отвернулся.— Слишком близко к шее... А почему ты сам не возьмешь?..

— Я? — переспросил Мигель, и его брови поползли вверх.— Я не надену рубашку, которую носил прямо на голом теле такой сукин сын, как этот гринго.

Правда же состояла в том, что и для Мигеля рубашка начиналась «слишком близко к шее». Следов крови на ней не было, и тем не менее никто не хотел брать ее. Неясное предчувствие подсказывало каждому из них, что в этой рубашке ему будет не по себе. Чувство это они понять не могли, и объяснение, будто рубашка «слишком близко к шее», каждого из них вполне устраивало. Но именно из-за этого обстоятельства цена ее неизмеримо падала...

— У этой сволочи наверняка найдется в тюках что-нибудь и получше,— предположил Игнасио.

Мигель тут же прикрикнул на него:

— Подождешь, пока я все проверю. Если что будет, потолкуем!

— А разве ты наш атаман? — крикнул третий бродяга, который с видом человека незаинтересованного стоял, прислонившись спиной к дереву: при дележке ему достались брюки.

— Атаман я или не атаман,— рявкнул Мигель,— а у тебя, Анхель, какие такие заслуги?

— Не я ли врезал ему камнем по башке? — заметил Анхель.— Не то ты ни за какие деньги к нему не подступился бы, хвост ты овечий!

— Ну да, ты со своим камнем...— насмешливо протянул Мигель.— Это для него все равно что пинок был. А кто из вас, вонючих койотов, осмелился подойти и добить его? Трусы паршивые, вот вы кто! Так знайте же, я мачете смогу и еще раз махнуть! И в третий раз тоже!

Мигель повернулся, чтобы осмотреть тюки.

И только тут они увидели, что животные куда-то исчезли.

— А ну, живее за ослами, не то они дойдут до города и жандармы примчатся сюда по их следам! — крикнул Мигель.

Бродяги, не медля ни секунды, пустились вдогонку за исчезнувшим караваном. Бежать пришлось довольно долго, потому что ослы, подобравшие всю траву на месте стоянки и не находившие вдоль дороги никакой зелени, которая удержала бы их, живо трусили в Дуранго. И прошло больше часа, прежде чем караван вернулся в тень деревьев.

— Лучше всего нам зарыть этого гринго,— сказал Мигель.

— А ты никак вздумал оставить на могилке и бумажку со своей фамилией? — с издевкой в голосе заметил Игнасио.— Не все ли нам равно, найдут ли эту падаль или нет? Он никому не расскажет, с кем повстречался под конец своей жизни.

— Ну и умник же ты, цыпленочек,— сказал Мигель.— Если эту собаку найдут здесь, а у нас — его ослов, песенка наша спета. А если с ослами и остановят, но нигде никакого трупа нет, пусть сперва докажут, что кто-то из нас отправил гринго в ад. Мы, мол, ослов у него купили, было дело. И все в порядке... Так что за работу!

И с помощью той же лопаты, которой Доббс собирался закопать Куртина, зарыли его самого. Причем бродяги не очень-то старались: сделали только самое-самое необходимое, предоставив завершить остальное червям.

Потом отряхнулись и погнали караван в горы; идти в город они не решились по двум причинам: во-первых, по личным, а во-вторых, потому, что боялись встретиться там с кем-то, кто ждал караван. Вполне возможно, что гринго сказал правду и за ним действительно следовали двое верховых.

Спустились сумерки, и в перелеске, где они остановились на ночлег, стало совсем темно. Чтобы не выдать себя, пока они не ушли далеко от места преступления, огня не зажигали. Бродяги развьючили животных, принялись развязывать тюки. Обнаружили еще пару брюк и две пары летних туфель. А потом еще медную и оловянную посуду, не больше чем стакан бобов и пригоршню риса.

— Похоже, парень и впрямь был не из богачей,— сказал Игнасио.— И в город торопился по делу.

— Денег у него тоже не было,— проворчал Мигель, вывернув тюк, который успел развязать.— В кармане брюк я нашел всего семьдесят сентаво. Вот скотина... Да и шкуры не из лучших.

Дошла очередь и до мешочков.

— А тут у него что? Песок, нет, правда песок! Хотелось бы знать, зачем он таскал с собой столько песка, причем весь в маленьких мешочках?!

— А мне все понятно,— сказал Игнасио, который в сво-

их тюках тоже обнаружил мешочки.— Яснее ясного: этот парень служил инженером в какой-то горнорудной компании. Шлялся здесь по горам, брал пробы грунта, а теперь вез их в город, чтобы другие инженеры и химики в лабораториях разобрались, что к чему! Тогда американская компания сразу и решит, какой участок застолбить.

И высыпал содержимое из мешочков.

Мигель тоже высыпал песок, проклиная богов, дьяволов и всех гринго. Стало совсем темно, и теперь они не смогли бы распознать характер песка, даже зная о его свойствах побольше.

Анхель, третий из них, тоже нашел в тюках мешочки. Но объяснил их происхождение иначе:

— Этот парень был настоящим американским мошенником и лжецом. Можете мне поверить. Как он аккуратно уложил мешочки в шкурах, а потом еще перевязал! Знаете, с какой целью? Он собирался продать шкуры в Дуранго на вес, потому и напихал песку. А чтобы тот не рассыпался, уложил его в мешочки. Продал бы шкуры вечером, а ранним утром, прежде чем бедолага-покупатель заметил бы, как его надули, наша птичка укатила бы первым поездом. Ловко мы этого шутника распотрошили, этого пса поганого!

Мигель с Игнасио решили, что этот довод лучше всего объясняет, откуда и зачем взялся в тюках песок, и поспешили от него избавиться.

Еще затемно метисы навьючили ослов и вышли на дорогу. Около полудня они оказались в деревне, где спросили у первого попавшегося индейца, сидевшего перед своим домом, не знает ли он кого-нибудь, кто купил бы ослов, потому что они имеют намерение их продать — больше ослы им не потребуются. Индеец поглядел на ослов, обошел вокруг, присматриваясь к животным, а потом и к тюкам. Время от времени он незаметно бросал взгляды на сапоги Мигеля и брюки Анхеля, словно раздумывая, а не купить ли ему все это разом? И наконец сказал:

— Ослов я купить не могу, у меня сейчас нет денег. Но, может быть, ослов купит мой дядя. У него-то денег на это хватит. Отведу-ка я вас к дяде. С ним и торгуйтесь.

«Легко отделались»,— подумали бродяги, потому что нередко приходится обойти с полдюжины деревень, пока найдешь человека, готового купить осла. Чаще всего у индейцев просто нет денег, и даже песо для них уже целое состояние.

Дом дяди, как и большинство домов вокруг, был сложен из высушенных на солнце глиняных кирпичей и покрыт пластами травы. Индеец вошел в него, чтобы сообщить о предстоящей продаже. Прошло совсем немного времени, как дядя появился на пороге и прямиком направился к этим людям, которые отдыхали сейчас, присев на корточки, в тени деревьев подле его дома.

Дядя оказался пожилым человеком, седым уже, но еще крепким и жилистым. Держась очень прямо, он медленно приблизился к троице. Поздоровался и сразу отошел к ослам, чтобы осмотреть животных.

— Очень хорошие ослы, сеньор,— сказал Мигель,— очень хорошие, правда, лучше вам не купить и на базаре в Дуранго.

— Это верно,— ответил дядя,— ослы хорошие. Правда, немного подуставшие и немного голодные. Вы, конечно, издалека идете?

— Нет, не слишком, всего два дня пути,— вмешался Игнасио.

Мигель толкнул его в бок и сказал:

— Тут мой друг не всю правду сказал. Сейчас мы в пути два дня. Это так. Но это после последнего дня отдыха. А в самом деле мы в пути уже почти месяц.

— Тогда нет ничего странного в том, что ослы слегка сдали. Ну ничего, мы их снова откормим.

Говоря это, дядя пристально присмотрелся к этим людям, к их одежде. Но старался делать это незаметно — пусть все выглядит так, будто он посматривает на них без всякой задней мысли, чисто случайно, а сам мысленно занят покупкой и перемножает в уме какие-то числа.

— И сколько вы хотите? — спросил он, по-прежнему не спуская с них глаз.

Рисунки П. ПАВЛИНОВА

— Ну, я думаю,— начал с улыбкой Мигель, доверительно покачивая головой,— я думаю, двенадцать песо — не слишком высокая цена.

— За всех? — с невинным видом переспросил дядя.

Мигель громко рассмеялся, будто услышав удачную шутку.

— Конечно же, не за всех. Я имел в виду... Двенадцать за каждого...

— Это очень высокая цена,— ответил дядя деловито.— За такие деньги я могу купить их и на базаре в Дуранго.

— Как сказать? — усомнился Мигель.— Там они намного дороже. Пятнадцать или даже целых двадцать песо. И, вдобавок, вам надо будет еще пригнать их сюда.

— Верно,— кивнул дядя.— Но на базаре можно купить какие-то товары и погрузить их на тех же ослов.

Мигель от души рассмеялся:

— Вижу, я имею дело с человеком опытным и знающим толк в торговле, поэтому и не буду упрямо стоять на названной цене. Мое последнее слово, самое последнее — и ударим по рукам, сеньор! — девять песо за каждого. Я понимаю, у вас свои трудности — у нас ведь тоже в этом году долго не шли дожди.

— Девять песо я заплатить не могу,— спокойно проговорил дядя.— Четыре песо и ни сентаво больше.

— Сойдемся на пяти, и ослы ваши,— сказал Мигель, сунув руки в карманы, словно не сомневаясь, что тот ответит согласием.

— Четыре песо — вот мое слово,— спокойно проговорил дядя.

— Вы с меня живого шкуру сдираете, ну ладно, нет счастья в жизни, значит, нет. Но пусть я завтра к утру ослепну, если за такую цену я не продал, а подарил вам ослов.

Говоря это, Мигель переводил взгляд с дяди на его племянника, а потом на своих сообщников. Те закивали и изобразили на лице неизбывную печаль: отдали, мол, только что за бесценок последнюю рубашку.

А дядя тоже кивнул, но с таким видом, будто еще вчера после обеда знал, что купит сегодня ослов по четыре песо за штуку.

Снова подойдя к ослам, он вдруг спросил:

— А эти тюки вы что, на своих спинах дальше потащите?

— Да, верно, тюки...— удивленно протянул Мигель и снова посмотрел на своих дружков, но не горделиво, с торжествующим видом, как обычно,— он как бы просил ответить за него или дать толковый совет.

Игнасио понял его взгляд и сказал:

— Тюки мы тоже собирались продать. Продать — и на поезд!

— Это правда,— подтвердил Мигель, словно только что вспомнив.— Они тоже продаются. Вместе с ослами.

А в самом деле они за продажей ослов о тюках совсем забыли.

— Что у вас там? — Дядя опять подошел к ослам и ткнул кулаком в один из тюков.

— Шкуры,— ответил Мигель.— Хорошие шкуры. И еще наша посуда. И потом еще инструмент. А ружье вы у нас, наверное, не купите — оно слишком дорогое.

— А что за инструмент? — спросил дядя.

— Ну, всякий. Лопаты, ломики, кирки, ну, и все такое...

— Откуда у вас такой инструмент? — спросил дядя с деланным безразличием, словно только для того, чтобы продолжить разговор.

— О-о... инструмент... он это самое...— Мигель чувствовал себя неуверенно и даже сглотнул несколько раз. К такому вопросу он не подготовился.

Тут опять вмешался Игнасио:

— Дело в том, что мы работали на одну американскую горнорудную компанию... из тех мест мы и идем...

— Вот именно, все так и есть,— подхватил Мигель, бросив Игнасио благодарный взгляд. Он ему этой услуги никогда не забудет...

— Выходит, вы у этой компании инструмент украли? — сухо поинтересовался дядя.

Мигель широко улыбнулся и доверительно подмигнул ему, будто своему сообщнику.

— Не то чтобы украли, сеньор,— сказал он.— Красть — это не по нашей части. Мы просто не вернули инструмент после окончания работ. Разве кто-нибудь назовет это кражей? Да мы много за него и не хотим — песо два за весь инструмент, а? Лишь бы не тащить его без толку до железной дороги.

— Я, конечно, всех ослов купить не могу,— неторопливо проговорил дядя.— Столько ослов мне ни к чему. Но я велю сейчас созвать соседей. У каждого немного денег найдется, и обещаю вам, что вы легко продадите и ослов, и все остальное. Я уж постараюсь! Присядьте. Хотите воды, сигарет?

Дядя переговорил о чем-то со своим племянником, потом прошел в дом, а тот отправился созывать соседей.

Пришли мужчины. Старые и молодые. В одиночку и парами. Сперва все они заходили в дом дяди и беседовали с ним. Потом выходили, очень внимательно осматривали ослов, потому подолгу не сводили глаз с незнакомцев. Их они разглядывали, может быть, даже с бóльшим вниманием, чем ослов, но, разумеется, старались делать это как можно незаметнее. Бродяги сочли эти взгляды обычным любопытством жителей индейских деревень.

Некоторое время спустя появились и жены, старавшиеся держаться как можно скромнее и незаметнее. Все они привели с собой детей. У некоторых женщин маленькие дети сидели в особым образом завязанном платке за спиной, некоторых несли на руках. А те, что уже бегали, копошились под ногами матерей, как цыплята около курицы.

Наконец собрались как будто все мужчины — больше никто не появлялся. Только несколько женщин неторопливой походкой приблизились еще к дому. И теперь из него вышел дядя. А за ним и те мужчины, что задержались в доме. Другие же, вышедшие раньше и уже осмотревшие ослов, так и остались стоять между животными. Тем самым метисы, сами того не замечая, оказались окруженными. Но внешне все выглядело вполне естественно: ведь индейцы пришли сюда, чтобы выбрать себе ослов.

— Цена, скажу я, не слишком высока,— проговорил дядя.— Но всех нас очень удивляет, почему вы так дешево продаете отличных ослов.

Мигель расплылся в широкой улыбке и объяснил:

— Видите ли, сеньор, нам позарез нужны деньги, поэтому мы и вынуждены расстаться с животными.

— А есть у ваших ослов тавро? — как бы мимоходом поинтересовался дядя.

— Конечно,— ответил Мигель.— У всех одно тавро.

Он оглянулся на ослов, чтобы это тавро разглядеть. Но индейцы стали перед животными так, что никто из бродяг увидеть его не мог.

— И какое же тавро у ваших ослов? — продолжал выспрашивать дядя.

Мигель почувствовал, как земля начинает гореть у него под ногами; его приятели вертелись и так и эдак, чтобы разглядеть тавро. Но индейцы незаметно оттесняли их все дальше от ослов.

Дядя не спускал глаз с Мигеля. А тот с трудом владел собой. Он чувствовал, что близится какое-то событие, которое явится решающим для его будущей жизни. И раз дядя, не повторяя вопроса, не сводил с него испытующего взгляда, Мигель понял, что отвечать на его вопросы придется.

— Тавро... э-э... тавро, ну — круг с чертой под ним.

Дядя крикнул мужчинам, стоящим у ослов:

— То ли это тавро, омбрес [1]?

— Нет! — крикнули в ответ.

— Я перепутал,— спохватился Мигель.— Тавро такое: круг, а над ним крест.

— Нет, не то тавро.

— У меня просто все смешалось в голове,— проговорил Мигель, готовый вот-вот потерять сознание от страха.— Ну, конечно, вот какое тавро: крест, а вокруг него круг!

— Так ли? — спросил дядя.

— Нет,— ответили мужчины.— Ничего похожего.

— Вы же говорили мне,— совершенно спокойно произнес дядя,— будто эти ослы — ваши.

— Они и есть наши,— необдуманно выпалил Игнасио.

— И никто из вас не запомнил тавро. Странно, странно.

— Мы просто не обратили на это внимания,— сказал Мигель, силясь выдавить из себя презрительную ухмылку.

— Видели ли вы когда-нибудь человека,— обратился дядя ко всем присутствующим,— который владел бы ослами и не знал каждого отдельного тавра, даже если животные были из разных стад?

Все мужчины рассмеялись и ничего не ответили.

— Мне известно, откуда взялись эти ослы,— сказал вдруг дядя.

Мигель обменялся взглядами со своими сообщниками, и те принялись зыркать по сторонам, стараясь выискать лазейку, чтобы бежать, прежде чем индеец продолжит свою мысль.

— Эти ослы принадлежали сеньоре Рафаэле Мотилине из Авино, вдове сеньора Педро Леона. И тавро такое: Л и П, связанное с М. Верно я говорю, омбрес? — воскликнул дядя.

И мужчины, стоявшие возле ослов, крикнули в ответ:

— Все как есть! Это самое тавро!

Дядя оглядел сгрудившихся вокруг него соседей и сказал:

— Порфирио, подойди!

Один из индейцев вышел и встал с ним рядом.

И теперь дядя проговорил:

---

[1] Уважаемые (*исп.*).

— Мое имя — Альберто Эскалона. Я — алькальд этого селения, избранный по закону и утвержденный губернатором. А этот человек, Порфирио,— полицейский в нашем селении.

Когда в здешних местах человек представляется, называя свое звание, и говорит: «Я — алькальд этого селения, а вот это — наш полицейский», трое бродяг сразу сообразили, что рукопожатиям пришел конец. Сейчас они немедленно продали бы весь караван за один-единственный песо, они с радостью продали бы его, лишь бы их выпустили из деревни. Но их явно не собирались выпускать.

И Мигель попытался достать револьвер. Но не обнаружил его в подсумке. В возбуждении он даже не заметил, что Порфирио проделал эту работу вместо него. Конечно, в револьвере было мало проку, потому что он все еще не был заряжен. Однако индейцы этого не знали, и, очень возможно, они и пропустили бы Мигеля, если бы он направил на них оружие.

— Что вам от нас надо? — вскричал Мигель.

— Пока ничего,— ответил алькальд.— Удивляемся, что вы так спешите расстаться с нами и даже об ослах забыли.

— Мы можем взять ослов с собой или не брать их: ослы наши — как захотим, так с ними и поступим! — вышел из себя Мигель.

— С вашими ослами — да. Но они не ваши. Мне их история известна. Месяцев десять или одиннадцать назад сеньора Мотилина продала их трем американцам, собравшимся поохотиться в сьерре. И этих американцев я знаю в лицо.

Мигель хмыкнул и сказал:

— Так оно и было... А у этих троих американцев ослов перекупили мы.

— За какую цену?

— По двенадцать песо за штуку.

— И теперь продаете по четыре? Никудышные вы торговцы.

Индейцы рассмеялись.

— Вы тут мне говорили, что купили их довольно давно,— продолжал копать алькальд.— Как давно все-таки?

Подумав немного, Мигель ответил:

— Четыре месяца назад.

Ему вспомнилось, что он говорил, будто они работали на какую-то горнорудную компанию и от рудника сюда пришлось идти долго.

— Четыре месяца? Странная все-таки история,— сухо заметил алькальд.— Американцев видели всего три дня назад, когда они появились с той стороны гор. Их видели в деревнях. Со всеми ослами, которые вы у них четыре месяца назад перекупили.

Мигель вновь пустил в ход свою доверительную улыбку:

— По правде говоря, сеньор, мы купили ослов два дня назад. У этих самых американцев.

— Это уже больше похоже на правду. Значит, вы купили их у троих американцев?

— Да.

— Но американцев не могло быть трое. Я знаю, что один из них остался в деревне по ту сторону сьерры. Он — доктор.

— Мы их купили у одного американца. У одного из них,— Мигель расчесывал себе лицо и голову.

— И где же вы их купили? — неумолимо продолжал алькальд.

— В Дуранго.

— Этого никак не может быть,— сказал алькальд.— Американец не мог успеть дойти до Дуранго, а если и да — вы не успели бы дойти до нас.

— Мы шли всю ночь.

— Допускаю. Но почему американец продал ослов именно вам: в Дуранго полным-полно другого народа? Я хотел сказать — других покупателей.

Тут вмешался Игнасио:

— А нам откуда знать, почему он продает ослов нам, а не другим? Захотелось, и точка.

— Тогда у вас должна быть квитанция,— опять взялся за свое алькальд.— Квитанция, на которой проставлены цена и вид товара, не то сеньора Мотилина в любое время может затребовать ослов обратно — тавро-то ее.

— Никакой квитанции он не дал,— ответил Мигель.— Не хотел, видно, оплачивать пошлины за торговую сделку.

— Ну, эти несколько сентаво вы и сами заплатили бы, чтобы получить бумагу о покупке,— сказал алькальд.

— Черт бы вас всех побрал! — Мигель замахал кулаками.— Что вам вообще от нас надо? Мы мирно едем своей дорогой, а вы нас не пускаете. Мы пожалуемся губернатору, и вас сместят, понимаете?

— Нет, это уже чересчур,— алькальд улыбнулся.— Вы являетесь в нашу деревню и собираетесь продать ослов. Мы собираемся купить ослов и договариваемся о цене. Есть же у нас право узнать, чьи ослы и откуда? Не то завтра, к примеру, рано утром сюда придут солдаты и скажут, что мы украли ослов у законных хозяев, а самих хозяев убили. И нас расстреляют.

Мигель повернулся к своим приятелям и многозначительно на них посмотрел. Потом сказал:

— А теперь мы ослов продавать больше не хотим. Даже по десять песо. Теперь мы хотим продолжать свой путь.

— Но инструмент и шкуры вы все-таки могли бы продать,— закинул удочку алькальд.

Мигель ненадолго задумался и, когда ему пришло на ум, что на шкурах-то и инструменте никакого тавра быть не может, сказал:

— Хорошо. Если вы хотите купить шкуры и инструмент... Как вы считаете? — обратился он к своим спутникам.

— Мы не против,— ответили те.— Обойдемся и без них.

— Это ведь ваши вещи? — спросил алькальд.

— Конечно,— сказал Мигель.

— А почему американец не продал шкуры в Дуранго? Зачем вы таскаетесь с ними по дорогам? Не станете же вы на ослах возить воду в реку?

— В Дуранго были низкие цены, мы хотели дождаться, когда они поднимутся.

Мигель начал прохаживаться туда-сюда, насколько ему это позволяли собравшиеся вокруг индейцы.

— Американец пошел на поезд голым, что ли? — неожиданно повернул разговор алькальд.

— Это вы насчет чего? — Мигель побледнел.

— На вас его сапоги, а на нем — его брюки. Почему же никто из вас не надел его рубашки, ведь она была еще целая? По сравнению с тем рваньем, что на вас, она была все равно что новая.

Мигель промолчал.

— Так почему никто из вас ее не взял? — повторил алькальд.— Я могу сказать вам, почему вы этого не сделали.

Ни Мигель, ни оба его дружка не стали дожидаться объяснений алькальда. Вдруг каждый из них набросился на стоявшего ближе всех индейца. Для тех это было настолько неожиданным, что они на какие-то мгновения растерялись. Бродяги прорвали кольцо, выбежали на главную деревенскую улицу — и дай бог ноги!

Но алькальд сделал какой-то знак, и мгновения спустя индейцы, вскочив на своих лошадей, с гиканьем поскакали за беглецами. Они даже не стали их седлать, только накинули уздечки.

Бандитам недалеко удалось убежать. Индейцы схватили их у одного из последних домов своей деревушки. Спеленав их лассо, потащили обратно на деревенскую площадь.

— Сейчас мы пойдем искать американца и спросим его, по какой цене он продал вам ослов. И почему это он разделся догола, чтобы подарить вам свои сапоги и брюки. И еще привезем рубашку, которая никому из вас не сгодилась.

Бродяг связали по всем правилам и оставили троих индейцев охранять их. Каждый из них уселся напротив «своего» бандита, положив на колени мачете.

Остальные мужчины оседлали лошадей и отправились в путь. Среди них были и алькальд с Порфирио.

В этих местах вряд ли кто-нибудь сумеет путешествовать долгое время, не обратив на себя никакого внимания. Даже если он попытается объезжать стороной все селения и не сталкиваться с людьми, всегда найдутся глаза, которые его увидят. Сам он обычно не подозревает, что за ним наблюдают. Едущие ему навстречу свернут с дороги задолго до того, как он их увидит, схоронятся в кустах, дадут

ему проехать мимо и не выйдут, пока он не исчезнет из вида. Его рассмотрят от и до, а он даже не догадается, что его наружность кому-то известна с головы до пят и что через несколько часов целая деревня узнает, как он выглядит и какой груз везет.

Всадники выбрали путь, по которому шел Доббс, а не тот, по которому к ним заявились бродяги. На лошадях, налегке, они уже к полудню оказались там, где Доббс остановился, чтобы передохнуть. Найти это место оказалось проще простого.

Индейцы просто проследили следы каравана, который вел Доббс, и таким образом обнаружили то место, где он остановился в тени деревьев. А так как никаких следов американца за пределами стоянки не обнаружилось, то и сам он должен был находиться только здесь. И поскольку бродяги-метисы закопали его не слишком глубоко и следы замели не слишком тщательно — дождя тоже не было,— индейцы нашли могилу Доббса через несколько минут.

— Обвинить в убийстве можно только лишь в том случае, если найден труп и его можно предъявить подозреваемому,— сказал не так давно Мигель.

Он, безусловно, был прав.

Труп был найден, и, так как эти трое бандитов с большой дороги завладели имуществом убитого, не имея никаких доказательств, что имущество это перешло к ним законным путем, судьба их была предрешена.

Алькальд секунду смотрел на труп, прежде чем проговорил:

— Мачете.

После этого индейцы стянули с туловища Доббса рубашку, которую передали алькальду, и снова закопали труп. Прежде чем начать копать, они обнажили головы. А потом, засыпав могилу, которую они углубили, хотя, кроме мачете, ничего под рукой не оказалось, они еще постояли некоторое время с непокрытыми головами. Они не молились, но глядели на холмик над могилой, опустив головы.

Большинство еще стояло перед могилой, когда алькальд подошел к ближайшему дереву. Срубил мачете тоненькую ветку и разрубил ее на две части. Потом связал их таким образом, чтобы получился крест, и ткнул в рыхлую землю над могилой.

На другой день индейцы вернулись в свою деревню. Алькальд показал молодежи и старикам рубашку. Увидев ее, все только пожали плечами.

Двое мужчин тем временем поскакали в ближайший участок конной полиции. Примерно в полдень полицейские появились. Инспектор, осмотрев задержанных, сказал алькальду:

— За поимку этого обещана награда. По-моему, триста песо... или двести пятьдесят. Точно не помню. У него на совести еще двое убитых. А эти проходимцы наверняка одной с ним группы крови. Награда за поимку причитается вам, сеньор, вам, Порфирио, и остальным мужчинам селения. Что вы намерены делать с ослами и багажом?

— Завтра утром доставим хозяевам,— ответил алькальд.— Один из них доктор, он живет там, по другую сторону горы. Мы хотим, чтобы он и в нашей деревне с неделю погостил. Когда он получит свои вещи, ему незачем будет так торопиться.

И трое бандитов были переданы в руки полиции. Их повели не на лассо. Просто они ковыляли впереди группы конных стражей порядка. Вот рубашка, вот брюки, вот там сапоги, а вот ослы, вот тюки, и вот тут крестик на могиле. Так что судебное заседание вряд ли состоится и белых перчаток никто надевать не станет. В таких случаях государство раскошеливаться не любит. Деньги имеет смысл поберечь для более серьезных дел.

Говард стал человеком, у которого неожиданно оказалась уйма дел. Наслаждаться отдыхом, как он рассчитывал, ему не удалось. Ведь он превратился в знаменитого чудо-доктора! Индейцы, живущие в высокогорье, все очень здоровые и достигают возраста, который европейцам кажется сказочным. Они беззащитны лишь против «привозных» болезней. И хотя большинство из них отличается завидным здоровьем, они тем не менее страдают от болезней и болячек, которых у них нет и в помине. Они так долго внушали себе, будто где-то эти болезни подцепили, что и вправду начинают чувствовать недомогание. Стоит им рассказать о какой-то болезни и описать ее симптомы, то не пройдет и трех дней, как они ею заболевают. По этой самой причине врачи и церковники в этой стране так процветают.

Пришла, например, к Говарду одна женщина и допытывается, почему у нее есть вши, а у соседки их нет. Что Говард может ей прописать? Мазь от вшей была бы наилучшим средством. Но как только баночка иссякнет, вновь возникает вопрос: «Почему у меня вши, а у соседки нет?» Будучи истинным знахарем, Говард помог ей очень просто. Он сказал:

— Это оттого, что у вас, прекрасная, здоровая кровь, которую любят вши, а у соседки вашей кровь плохая и больная.

После чего явилась, конечно, соседка, пышущая здоровьем женщина, и потребовала, чтобы Говард прописал ей средство против ее плохой, больной крови. Попади она в город к ученому эскулапу, тот прописал бы ей «сальварсан», хотя ничего похожего на болезни, при которых это лекарство помогает, у нее и в помине не было. Однако кто-то распустил слух, будто «сальварсан» очищает кровь, и люди поверили...

И врачи выписывают рецепты.

У Говарда никакого «сальварсана» под рукой нет. Как и никаких других лекарств. И поэтому он рекомендует: «Пить горячую воду, каждый день по два литра». Чтобы разнообразить свою рецептуру, рекомендует пить то два, то полтора, то литр семьсот пятьдесят граммов; и еще: горячую воду с лимонным соком, или с апельсиновым, или с настоем какой-то травы или корня, когда был уверен, что их употребление внутрь никакого вреда принести не может.

И к удивлению тех, кто не знает о целебной силе воды, мужчины, женщины и дети, осаждавшие чудо-доктора, выздоравливали все до одного. Так они, по крайней мере, утверждали. Когда такой больной убежден, что он поправился, он действительно здоров.

А против других болезней, когда люди жаловались, будто «смерть ну прямо под самую кожу заползла», будто она совсем-совсем близко, ее чувствуешь, стоит только притронуться к коже,— Говард прописывал горячие компрессы. И в виде исключения, иногда — холодные компрессы. На голову, на затылок, на ладони, на запястье, вниз живота, к ступням, куда только можно! И опять же все выздоравливали. Смерть уползала из-под кожи, потому что ей становилось то чересчур жарко, то слишком холодно, смотря какие компрессы прописывал Говард.

С переломами рук и ног, с вывихами и растяжениями люди справлялись сами. Тут им никакой врач не указ. Помощи при родах от Говарда тоже не требовалось. Прекрасно обходились и без него.

Слава Говарда росла с каждым днем, и, будь у него больше любви и предрасположенности к жизни среди детей природы, он мог бы прожить здесь в мире и благоденствии до конца своих дней. Однако он каждый божий день думал об отъезде. Самые разнообразные мысли относительно Доббса и Куртина приходили ему в голову: сдадут ли они, как положено, его добро и вообще — как они добрались до железной дороги? Он утешался тем, что сам им ничем помочь не в состоянии и вынужден всецело положиться на их ловкость и честность.

Однажды утром в селение прискакал индеец и принялся расспрашивать, где живет знаменитый доктор. Сначала он переговорил с хозяином первого дома, куда постучался, а потом они вместе пошли к Говарду.

Местный индеец сказал:

— Сеньор, вот человек из одной деревни, что по ту сторону горы. Ему хочется рассказать вам одну историю.

Индеец уселся, свернул себе сигарету, закурил и приступил к рассказу:

— Лаcаро был в лесу, выжигал древесный уголь. Он у нас угольщик. Было это ранним утром. Тут он увидел что-то ползущее по земле. А когда присмотрелся, понял, что это ползет белый человек, вот кто. Он был весь в крови и совсем уже не мог ползти. Лаcаро дал ему напиться. Потом

бросил свои уголья, как есть, посадил белого человека на своего осла и привез в свою деревню.

Когда он положил его дома на мат, тот был мертв. Но тут в дом зашел сосед, осмотрел белого и сказал: «Он не совсем еще мертв. Он просто очень болен или очень ослабел. Пусть Филомено скачет к белому чудо-доктору, потому что у Филомено есть лошадь, а на осле туда скоро не доберешься».

Филомено — это я, сеньор. У меня быстроногая хорошая лошадь. Я прискакал к вам. Вы сможете помочь больному белому человеку, только если сразу же поедете со мной.

— А как выглядит этот белый человек? — спросил Говард.

Филомено описал его настолько подробно, будто стоял рядом с ним, и Говард понял, что речь идет о Куртине.

Он без промедлений собрался в путь. Его хозяин и трое других отправились вместе с ними.

Скакать пришлось долго, дорога оказалась весьма утомительной. Когда они прибыли на место, Куртин уже понемногу приходил в себя и крайняя опасность миновала. Жителям деревни, ухаживающим за ним, он объяснил как можно короче, что по дороге в город в него стреляли — а кто, он не знает. Куртин не хотел, чтобы они бросились бы в погоню за Доббсом и сдали его в полицию — тогда бы все пропало.

— Этот грязный тип хладнокровно выстрелил в меня,— сказал Куртин Говарду,— потому что я отказался разделить с ним твое добро. Он все устроил так, будто вынужден был обороняться. Но я-то сразу понял, куда ветер дует. Я, конечно, мог бы сразу согласиться с разделом твоего имущества, а потом в городе навести в делах порядок. А что, если бы ты догнал нас раньше? Поверил бы ты, что я не собирался тебя обмануть? Скорее всего не поверил бы, что я согласился на раздел для вида... Он влепил мне пулю в левый бок и оставил подыхать в лесу. Но у меня два пулевых ранения, а я помню только об одном выстреле... Знаешь, временами я думаю, что этот мерзавец вернулся потом, когда я уже был без сознания, и влепил мне вторую, чтобы довести хорошее дело до самого конца.

— Значит, этот парень все присвоил? — спросил Говард.

— Вот именно.

Старик на некоторое время задумался. А потом проговорил:

— Вообще-то сволочью он не был. Я считаю, скорее он был честным парнем. Плохо, что случай заставил вас остаться один на один. Это дьявольски сильное искушение — при таком количестве золота идти целыми днями по темным тропинкам глухого леса и знать, что рядом всего один человек! Этот темный лес подстрекает и подзуживает, орет и шепчет без конца: «Я никому не проболтаюсь, такого случая у тебя больше не будет, а я буду нем, как гробница!» Будь я ваших лет, не знаю, сколько дней я сопротивлялся бы такому соблазну. Ведь дело всего лишь в секунде, в одной-единственной секунде, в ней одной. А прикинь-ка, сколько таких секунд в сутках, в двадцати четырех часах. Одна секунда — и все понятия молниеносно сместились, и, прежде чем эти понятия станут на свои места, кто-то уже выстрелил. И тогда обратного пути нет, сделанного не переделаешь.

— У этой сволочи совести нет, вот и все,— сказал Куртин.

— Совести у него столько же, сколько у нас всех. Когда неоткуда ждать обвинителя, она молчит, как пустая бутылка из-под виски, которая валяется в пыльном углу. Совесть оживает, когда ее чем-то растревожишь, растормошишь, запугаешь. На это и существуют каторжные тюрьмы, палачи, ад небесный. Есть совесть у наших поставщиков оружия, которые набивали мошну, помогая уничтожать народы Европы? А была ли совесть у мистера Вильсона, который позволил убить пятьдесят тысяч наших парней, потому что Уолл-стрит опасался за свои денежки, а фабриканты оружия не желали упускать еще более выгодных заказов? Что-то мне ничего об их совести слышать не доводилось. Нам одним, мелочи пузатой, полагается иметь совесть, остальным она ни к чему. Вот сейчас, когда наш приятель Доббс узнает, что он сделал всего полдела, совесть его оживет. Нет, милый друг, ты насчет совести брось, я в такие игры не играю. Я в нее не верю. Нам теперь

об одном позаботиться надо: отнять у него то, что по праву принадлежит тебе и мне.

И когда Говард объяснял своим хозяевам, что должен теперь заняться поисками каравана — Куртин-то болен! — индейцы с его отъездом согласились, хотя столь скорая разлука их сильно огорчила.

На другое утро Говард был готов к отъезду. Но друзья-индейцы одного его не отпускали. Они решили сопровождать Говарда до самого города, чтобы его не постигла судьба Куртина. И все оседлали своих лошадей.

Они успели доскакать только до ближайшей деревни, как встретились с индейцами, которых возглавлял алькальд,— те как раз сегодня собирались вернуть Говарду его вещи и ослов.

— А где же сеньор Доббс, американец, который вел этот караван в Дурнаго? — спросил Говард, оглядев всю группу и не обнаружив Доббса.

— Он убит,— спокойно сказал алькальд.

— Убит? Как же? — чисто механически спросил Говард.

— Тремя бандитами, которых вчера арестовали солдаты.

Говард поглядел на тюки, и они показались ему подозрительно съежившимися. Бросившись к одному из ослов, разрезал свой тюк. Шкуры на месте все до одной, а мешочков нет.

— Нам нужно догнать бандитов! — воскликнул он.— Я должен кое о чем их расспросить!

Сопровождавшие его индейцы были с этим согласны. Караван направили в ту деревню, где лежал Куртин. А все остальные поскакали вдогонку за солдатами и уже на следующий день догнали их.

Алькальд представил офицеру Говарда как полноправного хозяина ослов и тюков, и Говард без всяких проволочек получил разрешение допросить бандитов. Как они убили Доббса, его не интересовало — алькальд достаточно подробно все объяснил. Он хотел лишь узнать, где мешочки.

— Мешочки? — переспросил Мигель.— Ах да, эти маленькие мешочки... мы их все высыпали! В них был один песок, чтобы шкуры весили потяжелее.

— И где же вы высыпали мешочки? — поинтересовался Говард.

Мигель рассмеялся:

— Откуда я знаю! Где-то в кустах. Один мешочек здесь, другой там. Темно было. И той же ночью мы пошли дальше, чтобы успеть на поезд. И никаких зарубок не оставили, где их высыпали. Песка везде хватает. Нагнитесь и возьмите. А если вам нужен тот самый песок — может, вы где пробы брали,— то сомневаюсь, что вы найдете на том месте хоть песчинку. Позапрошлой ночью дул страшный ветер. И даже если бы я точно помнил, где мы эти мешочки опорожнили,— он все сдул. За одну-единственную пачку табака я сказал бы вам, где это было. Но я не помню, так что даже на табачок не заработаю.

Говард не знал, что и сказать. Все, что он передумал и перечувствовал за одну эту последнюю минуту, вызвало у него такой неистовый хохот, что все солдаты и индейцы просто вынуждены были рассмеяться, хотя и не понимали, над чем смеются, в чем соль шутки. Но Говард смеялся настолько искренне, от всей души, что заразил своим весельем всех. Он швырнул бандитам пачку табака, поблагодарил офицера, попрощался с ним и вместе со своими друзьями повернул обратно...

— Все в порядке, мой друг! — сказал Говард, присаживаясь на край кошмы, на которой лежал Куртин.— Золото вернулось туда, откуда ушло. Эти великолепные подонки приняли его за обыкновенный песок — мы, мол, собирались обмануть в городе скупщиков шкур при взвешивании и потому положили песок в шкуры. И эти бараны все наше золото высыпали. А где, не помнят — темно было. Об остальном позаботился позапрошлой ночью ураган. Весь металл, из-за которого мы промытарились десять месяцев, мы могли бы вернуть за пачку табака, но увы...

И он опять расхохотался, да так, что пришлось даже согнуться — живот заболел.

— Никак не возьму в толк, как ты можешь еще смеяться? — проговорил Куртин с обидой в голосе.

— А я не понимаю тебя,— сказал Говард и рассмеялся еще раскатистее.— Если ты при таком повороте дела не хохочешь так, что чуть не лопнешь, значит, ты не понимаешь, что такое хорошая шутка,— и тогда мне тебя жаль. Эта шутка, например, стоит десяти месяцев работы.

И он снова рассмеялся, и по его щекам потекли слезы.

— Меня они здесь объявили чудо-доктором,— Говард не переставал смеяться, и в горле его булькало,— и на огромных пространствах я куда более знаменит, чем лучший врач Чикаго. В тебя дважды стреляли, ты дважды убит, а все еще жив, а наш добряк Доббс настолько потерял голову, что ему нечего и браться искать ее — без нее! А все из-за денег, которые принадлежат нам и которые находятся неизвестно где, и вдобавок стоят дешевле, чем пачка табака за тридцать пять сентаво.

И лишь теперь рассмеялся и Куртин. Хохот, похожий на рычанье, так и рвался из него, как все время перед этим из Говарда. Но старик прикрыл ему рот ладонью:

— Не так громко, старина, не то еще надорвешь легкое. А оно тебе пригодится, без него нам с тобой до Тампико не добраться. Насчет поезда... у нас ничего, наверное, не выйдет. Придется нам возвращаться верхом на осликах; остальных придется продать, чтобы нам, горе-миллионерам, купить на дорогу хотя бы какой-то еды...

— А вообще — как нам быть дальше? — спросил он Куртина несколько погодя.— Я вот о чем подумываю; а не остаться ли мне у них врачевателем навсегда? Мы могли бы заняться этим делом вместе с тобой. Одному мне все равно не справиться. Мне нужен помощник. А я тебе за это все мои рецепты завещаю. Они полезные, ты мне верь!

Говард вывернул все тюки и шкуры наизнанку и в одном из тюков обнаружил невысыпанные мешочки. Либо их не заметили, либо один из бандитов, присвоивших себе эти тюки, поленился развязать тюк, отложив это на потом, когда не будет такой спешки.

— Это нам хватит на... на что? — вслух размышлял Говард.

— С кино ничего не выйдет? — спросил Куртин.

— Нет, на это не хватит. Я вот что думаю... а как насчет маленького магазинчика деликатесов и консервов?

— Где? В Тампико? — Куртин даже приподнялся.

— Конечно. А где же еще? — удивился Говард.

— Но когда мы были в Тампико, помнишь, разорились хозяева четырех больших магазинов деликатесов.— Куртин счел важным напомнить об этом старику.

— Ты прав,— согласился Говард.— Но то было почти год назад. Может, за это время что-то изменилось и нам немного повезет.

Подумав недолго, Куртин сказал:

— Твое первое предложение мне все-таки больше по душе. Попробуем хотя бы первое время прожить как врачи... или знахари... По крайней мере, едой и жильем будем обеспечены.

— Давай перебирайся в мою деревню,— предложил Говард,— увидишь все собственными глазами и убедишься. Ты, мой мальчик, шляпу передо мной снимешь, когда увидишь, какая я уважаемая и почитаемая личность. Несколько дней назад они собирались уже избрать меня в совет старейшин. Я, правда, не разобрался, чем там придется заниматься.

В этот момент появился один из гостеприимных хозяев Говарда.

— Сеньор,— обратился он к старику.— Нам пора в путь. Только что сюда прискакал человек из вашего селения. Говорит, собралось много людей, и все хотят видеть доктора. Отсутствие доктора их крайне беспокоит. Поэтому нужно отправляться немедленно.

— Ты сам все слышал,— сказал Говард, подавая руку Куртину.

Куртин улыбнулся и проговорил:

— Думаю, дня через три я смогу навестить чудо-доктора.

Говард не успел ему ответить. Индейцы обступили его и усадили на лошадь.

И вот они уже скрылись из вида.

Перевел с немецкого Е. ФАКТОРОВИЧ

ДИДЬЕ ДЕНЕНКС,
французский писатель

Выстрел из прошлого

Роман

Глава первая

САИД МИЛАШ

Дождь начался в четыре часа. Саид Милаш подошел к бачку с бензином, смочил в нем тряпку и вытер испачканные краской руки.

Сменщик, рыжий парень по имени Раймон, встал на его место у печатной машины. Плакаты мерно ложились на подставку под резкий звук открывающихся клапанов. Время от времени Раймон подхватывал лист и перегибал его, чтобы проверить точность совмещения наносимой краски.

Какое-то мгновение Саид наблюдал за ним, а затем, решившись, попросил один из контрольных плакатов. Быстро одевшись, он направился к выходу из типографии, показав дежурному разрешение на уход в связи с болезнью родственника. В третий раз за последние десять дней.

Он шел мимо жалких ресторанчиков и маленьких гостиниц. Раньше они принадлежали французам, но со временем бывшие хозяева продали свои заведения алжирцам, которые сохранили их прежние названия.

Единственным исключением было кафе «Джурджура». Саид толкнул застекленную дверь кафе и очутился в большом зале. Привычный запах опилок и сырости исходил от свежевымытого пола. Человек десять, сидя у печки, наблюдали за двумя игроками в домино, и никто не обратил на него внимания.

Саид подошел к бару.

— Лунес пришел?

Хозяин отрицательно покачал головой и налил ему кофе.

Звук дверного колокольчика был едва слышен из-за стука фишек домино.

— Привет, Саид. Извини, опоздал: патрон не отпускал...

Саид обернулся и положил руку на плечо Лунеса.

— Главное, ты здесь. Пойдем в подсобку, нам осталось меньше часа.

Они вошли в маленькое помещение, заставленное ящиками и бутылками. На столе громоздились кипы бумаг, рядом с черным телефоном лежали счета.

Саид снял со стены рекламу, предлагавшую вина «Пикарди», вынул ее из рамки и осторожно вытащил листок, спрятанный между паспарту и плакатом. Лунес устроился за столом.

— Знаешь, «Реймс» не выдержит. Уверен, что он выдохнется до конца чемпионата.

— У нас есть более серьезные дела, чем разговор о футболе. Позвони руководителям всех пятнадцати групп. Скажи им одно слово «Рекс», они поймут. А я за это время переговорю с уполномоченными районов.

Они поставили машину в квартале Ла Вилет на бульваре Мак-Дональда, сразу за остановкой кольцевого автобуса, и направились ко входу в метро. Находившаяся неподалеку казарма жандармерии казалась пустой, хотя стоянка перед ней была заставлена синими автобусами, в которых возят республиканские роты безопасности, в просторечии называемые по первым буквам — ЦРС.

Поезд тронулся. Контролер метрополитена заставил их немного подождать, прежде чем прокомпостировал билеты. Лунес подошел к плану и ткнул пальцем в станцию Бонн-Нувель.

— Пересадку можно сделать на Восточном вокзале, а потом на Страсбур-Сен-Дени.

— Лучше на Шоссе д'Антен. Ехать дольше, но зато у нас будет всего одна пересадка.

На каждой остановке в вагоны входили алжирцы. На станции «Сталинград» поезд был уже переполнен ими, и редкие пассажиры-европейцы стали оглядываться с тревогой. Саид усмехнулся, ибо вспомнил о плакате, который выпросил у Раймона перед уходом из типографии. Вытащив его из кармана, осторожно развернул и показал Лунесу.

— Посмотри-ка, что я печатаю два дня кряду.

Над фотографией актеров Жани Эспозито и Бетти Шнейдер плакат извещал о фильме режиссера Ревитта, название которого большими синими буквами кричало во всю ширину листа: «Париж принадлежит нам».

— А ты не думаешь, Лунес, о том, что Париж сегодня будет наш?

— На один вечер... Если бы все зависело только от меня, я бы с радостью оставил французам и Париж, и все остальное в этой стране — за деревушку в Алжире, где-нибудь в районе Ходна.

— Ты даже знаешь, куда хочешь ехать?

— Конечно.

Саид помрачнел.

— Не обижайся. Уж если мы собираемся сегодня вечером, то только для того, чтобы иметь право дожить свои дни на родине.

РОЖЕ ТИРО

Под холодным осенним дождем, лившим с утра, старое здание лицея имени Ламартина казалось тоскливее обычного. В классе царила гнетущая атмосфера. И не только потому, что преподаватель Роже Тиро рассказывал о средневековье. После плотного завтрака в столовой ученики, борясь с дремотой, едва слушали учителя, и Тиро с беспокойством подумал о том, не связана ли причина этого оцепенения с выбранной им темой.

С тех пор, как Роже Тиро узнал, что жена ждет ребенка, он увлекся положением детей в разные эпохи и постоянно включал краткие сведения из этой области в свои лекции.

Разве кто-нибудь интересовался условиями жизни новорожденных в XIII веке? Никто! Однако ему казалось, что исследования такого рода не менее интересны, нежели работы о хождении бронзовых монет в Аквитании или о производстве алебард в районе Нижнего Пуату.

Он откашлялся и продолжал:

— ...В XIII веке после периода естественного кормления новорожденных (он не посмел сказать «грудью») кормилицы нередко сами разжевывали пищу и давали ее младенцам, как только у тех прорезались зубы.

Двадцать два ученика внезапно проснулись и шумно продемонстрировали свое отвращение к столь низким нравам. Преподаватель позволил им несколько расслабиться, затем постучал по доске кончиком линейки.

— Урок окончен, следующее занятие в пятницу в 15 часов.

Класс моментально опустел. Остался только юноша, с

© Перевод с французского «Вокруг света», 1989 г.
© Didier Dainenckx «Meurtres pour mémoire» Ed. Gallimard. 1984.

которым Роже Тиро дважды в неделю занимался латынью. Мальчик жил на Каирской площади, и они вместе привыкли возвращаться по Фобур Пуассоньер, беседуя о событиях минувшего дня. На этот раз, желая освободиться от попутчика, Роже Тиро сослался на необходимость зайти в кулинарию. Он свернул на улицу Бержер, быстро обошел квартал, где размещалась газета «Юманите», очутился на Бульварах и остановился перед кинотеатром «Миди-Минюи». Затем украдкой вошел в холл, купил билет и протянул его билетерше вместе с монетой в 20 сантимов.

Каждую неделю, во вторник или в среду, два чудных часа в кино вознаграждали его за трудное решение: как пойти в столь легкомысленное заведение! Тиро легко представлял себе насмешки коллег, узнай они, что «тот молодой преподаватель латыни и истории, у которого жена ждет ребенка», посещает кинотеатры, где демонстрируются несерьезные фильмы.

Но как объяснить этим мещанам свое увлечение фантастикой? Никто из них, конечно же, не читал современных авторов. Едва ли они были знакомы и с Эдгаром По. Что ж тогда говорить о фильме «Воскреситель трупов» с участием Бориса Карлоф и Донны Ли [1]?

После окончания сеанса он вышел из зала. Куда идти? В бар «Таба дю матен» или в столовую самообслуживания в подвале «Юманите»? В столовой можно было взять кофе и не спеша выпить его, пытаясь угадать в посетителях известных деятелей, пишущих в газете компартии: таких, как Торез или Арагон. Сюда, в столовую, они приходили перекусить в перерыве между собраниями или подождать, когда будет набрана в типографии их статья.

Но в этот вечер Тиро уже задержался в кино, поэтому он довольствовался баром. Он поел за стойкой и просмотрел газету «Монд», которая писала о договоре между Францией и ФРГ, о слухах вокруг XXII съезда там, в Москве.

Прежде чем пересечь бульвар Бонн-Нувель, Тиро остановился под сверкающей рекламой кинотеатра «Рекс», извещавшей о выходе ленты «Феерия вод», купил букетик мимозы и два пирожных. Он подумал о том дне, когда их будет трое и придется покупать на одно пирожное больше... Погруженный в свои мысли, Тиро едва не попал под оранжевый мопед, на котором ехали парень с девушкой. Ему оставалось подняться по пятнадцати ступенькам улицы Нотр-Дам де Бонн-Нувель, чтобы попасть домой.

Часы Роже Тиро показывали 19 часов 25 минут. Был вторник 17 октября 1961 года.

КАИРА ГЕЛАНИН

Ауни влетел в бидонвиль по улице Пре на своем мопеде, затем сбросил скорость и направился к бетонному бараку. Остановился у двери, на которой мелом крупными буквами было написано «Бойня». Расположенное у входа окно служило прилавком. Возле него ждали два клиента.

Ауни ввел мопед в лавку и прошел сквозь нее во внутренний двор на встречу с сестрой.

Каира не походила на других женщин бидонвиля. В 25 лет все ее подруги уже были замужем и народили целую армию ребятишек. Этот двор с ближайшим универсальным магазином в Нантаре составлял весь их мир. Вокруг, до самого горизонта, шли пустыри, занимавшие территорию между заводами и Сеной. И это всего в десяти минутах езды от Елисейских полей! Каира знала женщин, которые за последние два или три года ни разу не выходили за пределы поселка. И в день смерти матери девушка поклялась, что никогда не будет жить так, как они.

Каира подошла к брату со стаканом оранжада.

— Выпей. Ну что, решился идти с нами?

— Я провожу тебя до места, потом двину в клуб. Там выступают «Дикие кошки» [2].

— Чтобы вовремя попасть в центр на автобусе или на метро, надо уже выходить. А мне нужно еще поговорить кое с кем из других кварталов Нантера.

— В котором часу все кончится?

— Не знаю, в десять или в одиннадцать. Но ты не беспокойся: Саид и Лунес проводят меня до дома.

Каира вышла на улицу, поздоровалась с покупателями и направилась к домам, принадлежавшим водной компании. Дома эти вместе с другими постройками образовали поселок Пре, в котором жило пять тысяч человек.

Она зажгла спичку и поднялась на второй этаж одного из домов. Три женщины и мужчина ждали ее в бедно обставленной комнате. Они встали и, приветствуя девушку, каждый поднес руку к сердцу и ко лбу.

— У нас мало времени. Поэтому слушайте внимательно. Первая цель — мост Нейи. Вы встретитесь без пяти минут восемь с товарищами из Безона, Сартрувиля и Пюто на набережной Дион-Бутон, напротив парка Лебоди. Люди из Коломб, Курбевуа и Аньера соберутся с другой стороны моста, на набережной Поля Думера, напротив острова Гранд Жатт. Чтобы попасть в Нейи, вам нужно пересечь Пюто, избегая центральных улиц. Кемаль со своими людьми будут на месте. Они и скажут вам, что делать дальше.

Каира встала, но мужчина удержал ее за рукав.

— Теперь это уже не имеет значения, но ты можешь сказать, куда мы направляемся? На Елисейские поля?

— Кто знает! Может быть, речь идет о том, чтобы сменить название площади Звезды на площадь Полумесяца и Звезды.

Ауни терпеливо ждал сестру в конце улицы. Наконец Каира появилась и подбежала к нему, перепрыгивая через лужи. Они пересекли пустынные улицы Нантера. Шел дождь. Мопед въехал в Париж по мосту Пюто, через парк Багатель и Булонский лес добрался до авеню Фош и пересек на красный свет бульвар Бонн-Нувель, едва не сбив рассеянного пешехода, который переходил улицу с цветами и коробкой пирожных.

— Стой,— попросила Каира.— Приехали. Саид ждет меня у выхода из метро.

Брат приставил мопед к столбу у знака, запрещающего стоянку. Они поднялись по бульвару на несколько десятков метров и сбавили шаг, так как впереди шел тот самый человек, которого они едва не сбили. К счастью, он свернул направо, к лестнице. В тот же самый миг Каира узнала Саида, вынырнувшего из метро. У нее забилось сердце. Несмотря на холод, она почувствовала, как вспыхнуло ее лицо. Чтобы не броситься к нему навстречу, она заставила себя задержать дыхание.

Глава вторая

На витрине ювелирного магазина, который занимал угол бульвара и улицы Нотр-Дам де Бонн-Нувель, внушительного вида часы с медным маятником показывали 19 часов 25 минут.

И в этот момент раздался пронзительный свист; он перекрыл шум движения и гул собравшейся на тротуаре толпы. Тут же сотни мусульман, заполнивших магазины, сидевших в кафе, прогуливавшихся в прилегающих к бульварам улочках, мгновенно заполнили всю проезжую часть. В несколько минут толпа превратилась в организованную демонстрацию. Из-под одежды демонстранты доставали самодельные транспаранты и плакаты. Кто-то развернул лозунг: «Долой комендантский час». Во главе манифестантов оказалась группа алжирских женщин, одетых в национальные платья; они испускали традиционный крик «ю-ю» и размахивали над головами яркими шелковыми платками. Ожидавшие в вестибюлях метро алжирцы присоединились к товарищам на улице. Теперь их было больше тысячи, и они полностью блокировали перекресток Бонн-Нувель.

Услышав крики, Роже Тиро повернул назад и спустился с лестницы. В трех метрах от него шли арабы, скандировавшие лозунг «Алжир алжирский».

Значит, они все-таки посмели! Война в Алжире, которая для большинства французов выглядела лишь серией пустых или победных заявлений, теперь приняла реальную

---

[1] Борис Карлоф и Донна Ли — известные актеры в фильмах ужасов 60-х годов. Борис Карлоф — создатель образа Франкенштейна в кино. *(Здесь и далее прим. пер.)*

[2] «Дикие кошки» — один из популярных в то время ансамблей рок-н-ролла.

форму в центре Парижа. Из соседнего дома, прервав обед, с салфеткой в руке вышел консьерж. Он обратился к Тиро:

— Дальше идти некуда! Они воображают, что находятся в Алжире... Надеюсь, армия быстро разгонит этих партизан.

— Да это вовсе не страшно, среди них женщины и дети.

— Сразу видно, что вы не смотрите последние известия, господин учитель. Их методы известны: грабеж и резня, а своим бабам и детям поручают подбрасывать бомбы. Если хотите знать мое мнение, им не должно быть пощады.

Преподаватель отошел, ему стало не по себе.

Саид и его друзья стояли около кинотеатра «Рекс». Очередь перед кассой, ожидавшей начала фильма «Пушки Наварина», распалась. Ауни запирал свой мопед на замок.

А в полукилометре отсюда капитан третьей роты ЦРС, обычно используемых против демонстрантов и забастовщиков, получил приказ разогнать алжирцев на улице Бонн-Нувель.

Вторая и четвертая роты должны были усилить бригаду жандармов, развернутую около моста Нейи, где сосредоточились значительные массы «французских мусульман». Другие отряды полицейских двинулись к площади Сталинград, Восточному вокзалу, бульвару Сен-Мишель. Динамик в связном полицейском автобусе не переставал напоминать инструкцию: «Разгромить демонстрантов. Если потребует ситуация, использовать оружие без промедления. В случае физического столкновения каждый обязан применить те средства, которые он сочтет необходимыми».

Капитан Эрно приказал своим людям побыстрее сесть в автобусы.

— Не забудьте надеть противогазы. Начнем с гранат со слезоточивым газом, но при таком ветре не исключено, что газ повернет на нас.

Грузовичок, перевозивший оружие, был пуст. По правилам только четверть состава роты могла иметь при себе оружие перед столкновением. Но сегодня их временно отменили. Жандармам раздали дополнительно четыре гранатомета и восемь ручных пулеметов.

Капитан третьей роты Эрно подал сигнал к выступлению. С зажженными фарами и включенными звуковыми сигналами колонна двинулась вверх по бульварам Монмартр и Пуассоньер навстречу движению автомобилей. Легковые машины, шедшие от площади Бастилии, сгрудились на углу улицы Сантье. Жандармы направили их в боковые улочки, а затем поставили автобусы так, чтобы полностью перекрыть бульвар. Другие полицейские заняли позиции за стоявшими вдоль тротуаров машинами. Из этого импровизированного убежища они стали забрасывать алжирцев гранатами со слезоточивым газом. Но порыв ветра прижал газ к фасадам домов. Демонстранты начали смеяться, хотя кое-кто и забеспокоился при виде безликой массы солдат в темных касках, одетых в блестящие черные кожаные пальто до колен, с надвинутыми на глаза мотоциклетными очками. В их облике было что-то от роботов. При слепящем свете фар было невозможно различить оружие. Солдаты держали в руках длинные деревянные дубинки, похожие на ручки тяжелых заступов.

Внезапно эта безликая масса пришла в движение. Вначале тихо, затем все быстрее и быстрее. Казалось, ничто не в силах остановить ее. Стук сапог о мостовую усиливал ощущение неизбежности. Цэрээсовцы, составляющие первую линию атаки, были защищены пуленепробиваемыми жилетами, скрытыми под кожаными пальто; они походили на гигантов.

Охваченные ужасом алжирцы застыли на мостовой. Когда наконец они пришли в себя, было уже поздно организовывать оборону. Эта мысль как молния пронзила толпу. Люди отхлынули к кинотеатру «Рекс», и тут началось избиение. На головы манифестантов обрушились приклады и дубинки. Один из полицейских бросил женщину на землю; он бил ее сапогами, затем, надавав пощечин, отошел. Другой ударил юношу дубинкой с такой силой, что она сломалась. Но полицейский продолжал избивать свою жертву острым концом дубинки.

Из автобуса, который стоял перед фонтаном Нептуна, послышались выстрелы. В нем сидели трое полицейских, они тщательно целились в бегущих и ни разу не промахнулись... Стоявшая в двадцати метрах от автобуса красная с желтым автомашина, за которой укрылось множество арабов, была изрешечена пулями. Люди с воплями метались в разные стороны. В панике они натыкались на тела людей, лежавших на террасах кафе, среди опрокинутых столов, разбитых стекол, в запятнанной кровью одежде.

Каира и Саид очутились в самом пекле. С другой стороны, на тротуаре, рядом со своим мопедом, лежал Ауни, не то мертвый, не то раненый. Стрельба стала реже, наступила тишина, прерываемая хрипом умирающих. Но это было только передышкой. ЦРС перестроили свои ряды и бросились в новую атаку.

Поредевшая толпа внезапно вытолкнула Каиру перед солдатом-роботом с дубинкой в руке. Ее сковал дикий страх. Она почувствовала, как вся кровь схлынула с лица. Ее покрыл холодный пот. Девушка не могла оторвать глаз от чудовища, которое хотело ее убить. Рука с дубинкой опустилась, но Саид невероятным усилием прыгнул и прикрыл собой Каиру. Удар был так силен, что опрокинул обоих. Полицейский продолжал наносить удары, пока не устал. Каира боялась пошевелиться, чтобы не показать, что она жива. И подумала было, что Саид тоже нарочно затих, но вдруг почувствовала, что по ее пальцам течет густая липкая жидкость. Былой страх стал ничем по сравнению с огромной болью, которая охватила все ее существо. Она приподняла тело друга и закричала: «Убийцы! Убийцы!»

Двое полицейских подхватили Каиру и потащили в рейсовый автобус. Эти машины, реквизированные в управлении городского транспорта, служили для перевозки арестованных ко Дворцу спорта и Выставочному парку у Версальских ворот.

Один Лунес остался невредим. Он пытался руководить толпой, направляя ее по разным улочкам, примыкавшим к бульварам. Многие из прохожих помогали ЦРС, указывая им дворы и подъезды, где прятались арабские женщины и мужчины, обезумевшие от страха...

Было около восьми часов вечера, когда две огромные колонны, состоявшие из жителей бидонвилей Нантера, Аржантея, Безона, Курбевуа, начали движение по набережным у моста Нейи. Демонстрацию вели руководители ФЛН [1], разделявшие присоединявшихся к ним людей по группам. Их было по меньшей мере тысяч шесть. Они оставили позади остров Пюто и вошли в Нейи. Ни у кого не было оружия — ни ножа, ни даже камней в карманах. Один из руководителей демонстрации и его помощники проверяли подозрительных лиц и выгнали человек шесть, собиравшихся устроить драку.

Манифестанты хотели добиться отмены комендантского часа, введенного неделю назад для «французских мусульман», и продемонстрировать силу Фронта в столице Франции.

Путь был свободен. Собравшиеся различали вдали Триумфальную арку, освещенную по случаю официального визита в Париж иранского шаха с супругой. Как всегда, впереди шли женщины. Некоторые везли малышей в колясках. Кто мог подумать, что тремя сотнями метров ниже, под покровом темноты, их ожидала засада жандармерии с сотней приданных ей военнослужащих-алжирцев, призванных в армию Франции! Когда до этого места оставалось 50 метров, внезапно, безо всякого предупреждения, застрекотали пулеметы. Юноша, шедший в первых рядах, упал первым. Стрельба продолжалась три четверти часа...

В ужасе перед увиденным Роже Тиро как загипнотизированный не двигался с места. Его внимание было прикован к убитым. Особенно к одному, с треснувшим черепом. Из его рта вытекали струйки крови, похожие на ползущих змей.

А напротив, на другом тротуаре, к театру Гимназии подходили первые приглашенные. Человек пятнадцать из персонала охраняли вход в здание. Директор проклинал судьбу, испортившую премьеру пьесы Лесли Стевенса

[1] ФЛН — Фронт национального освобождения, подпольная организация, возглавлявшая борьбу алжирского народа за свободу против французских колонизаторов.

«Прощай, благоразумие». До сих пор от популярной актрисы Софи Демаре удавалось скрыть происходящее: весть о беспорядках могла расстроить ее. Но алжирцы, ищущие убежища, требовали, под видом ее «друзей», впустить их в ложу «звезды», они могли сорвать спектакль.

— Они сами хотели этого,— сказал прохожий, обращаясь к Тиро.

Учитель пристально посмотрел на него:

— Им необходима медицинская помощь, их надо срочно отправить в больницу, иначе они все умрут.

— Вы, наверное, думаете, что они там, в Алжире, жалеют наших? Ведь они первыми начали стрельбу.

— Нет, у них не было оружия. Я здесь с самого начала, они бежали совершенно обезумевшие, пытаясь спрятаться, когда полиция открыла огонь.

Человек отошел, осыпая его бранью.

Директор театра подозвал офицера.

— Скорее сюда, человек пятьдесят спрятались у нас в мастерских и за кулисами... А через десять минут должна начаться премьера.

Полицейский тут же расставил своих людей с оружием в руках у машинного отделения. Из растворенных дверей выходили перепуганные алжирцы с заложенными на затылках руками. А тем временем в конце коридора официанты протирали бокалы для шампанского.

Роже Тиро едва не вмешался, но ему не хватило мужества. Он видел, как избили владельца автомобиля, который пытался укрыть в своей машине раненого демонстранта.

У круглого здания почты, на углу улицы Мазагран, собирали арестованных. Растерянных алжирцев поставили в очередь и вталкивали в автобусы одного за другим, осыпая ударами дубинок. Тщетно пытались они уклониться. В ожидании приказа водитель одного из автобусов читал газету «Паризьен». Роже Тиро машинально сосчитал переполненные машины, прошедшие мимо него: двенадцать. Больше тысячи арестованных!

Среди полицейских находился фотограф, снимавший со вспышкой самые жестокие сцены.

С самого начала демонстрации за происходящим наблюдал еще один человек, стоявший на углу, у кафе «Ле Жимназ». Хотя на нем была форма ЦРС, он ни разу не двинулся с места. Казалось, все, что человек видел, не имело к нему никакого отношения. Он не спускал глаз с Роже Тиро.

Выждав момент, человек вышел из тени, пересек бульвар, размеренным шагом направился к Нотр-Дам де Бонн-Нувель. Не обращая внимания на холод и дождь, снял кожаное пальто и перебросил его через левую руку. Затем надвинул поглубже каску, проверил, на месте ли мотоциклетные очки. На углу улицы Торель он остановился, вытащил из кобуры браунинг образца 1935 года. Изготовленное на бельгийской национальной фабрике «Эрсталь», это оружие не зря считалось гордостью предприятия.

Рис. Е. МАРКОВИЧА

Неизвестный вытащил обойму с тринадцатью патронами, проверил ее и резким ударом ладони снова всадил в браунинг. Затем двинулся вперед, переложив оружие в левую руку под пальто. Хотя все это делалось явно не в первый раз, он не мог сдержаться и, стиснув зубы, весь дрожал. Во что бы то ни стало надо было преодолеть желание убежать, не выполнив приказа, и идти вперед, не думать...

Теперь он различал черты лица Роже Тиро и вспомнил данную ему фотографию. Широкий лоб, очки в роговой оправе, оригинальная рубашка с пристегнутыми кончиками воротника.

Как и во время исполнения предыдущих заданий, все решилось мгновенно, слишком быстро, чтобы можно было понять, как очутился он с левой стороны от преподавателя. Каждое его действие в точности соответствовало тому, что должно было совершиться. Ничто не могло его остановить. Как будто он уже выполнил непоправимое. Его правая рука на какую-то долю секунды скрылась под пальто и вновь появилась, сжимая рукоятку браунинга.

Роже Тиро не обратил на человека никакого внимания. Неизвестный подошел к нему сзади и быстрым движением левой руки зажал голову. Кожаное пальто закрыло лицо Тиро и коробку с пирожными. Выронив цветы, он вцепился в нападавшего, пытаясь освободиться. Неизвестный медленно приставил дуло пистолета к правому виску Роже Тиро и нажал на спуск. Затем оттолкнул тело вперед и отступил. Тиро с простреленной головой рухнул на тротуар.

Стрелявший вложил оружие в кобуру, спокойно надел пальто, поднялся по лестнице улицы Нотр-Дам де Бонн-Нувель и скрылся.

Рано утром на бульварах валялись лишь тысячи пар обуви и самые разные предметы — немые свидетели жестокой схватки. Специальная команда, посланная префектурой, собирала раненых и убитых, сваливая их в кучу как попало. Никто из состава команды не задумывался над тем, что они делали. Это была просто работа.

— Эй, идите сюда, здесь, на углу, пятнадцатый мертвец. Не очень-то хорош: пуля угодила ему в голову.

Солдаты перевернули тело.

— Черт возьми, это не «козел» [1]! Он похож на француза.

Начальник команды растерялся при виде убитого европейца и решил застраховать себя от неприятностей, доложив о находке начальству.

На другой день, в среду 18 октября 1961 года, газеты сообщили о забастовке железнодорожников и служащих парижского городского транспорта, требовавших увеличения заработной платы. Одна-единственная «Пари-жур» посвятила событиям прошлой ночи всю страницу: «В течение трех часов алжирцы были хозяевами Парижа».

К полудню префектура подвела итог трагическим событиям: трое убитых, в том числе один европеец, 64 раненых и 11 538 арестованных.

Глава третья

По просьбе матери Бернар выключил телевизор. Мюриель Тиро так и не оправилась после смерти мужа. Лишь ребенок, которого она ждала, не позволил ей умереть. Но как только он родился, она потеряла всякий интерес к жизни и теперь тихо угасала в своей трехкомнатной квартире на улице Бонн-Нувель. Мадам Тиро больше никогда не подходила к окну. Она боялась снова увидеть ступеньки лестницы, на которой октябрьским утром 1961 года подобрали тело ее мужа.

Бернар Тиро воспитывался бабушкой и дедушкой. Юношей он посвятил себя изучению истории. Как-то на лекции познакомился с Клодин Шене. В то время она работала над диссертацией о предместьях Парижа тридцатых годов. Общий интерес к истории и возможность совместного изучения пригородов стали приятной причиной внезапно вспыхнувшей дружбы.

— Ты прекрасно знаешь, Бернар, что пора ехать. Еще час, и дорога будет забита машинами.

Бернар подошел к матери и обнял ее.

— Мы вернемся через месяц. Самое позднее, в начале сентября. Я оставил консьержке наш адрес и телефон в Марокко. Если у тебя будут какие-нибудь проблемы, пожалуйста, не стесняйся и звони нам. Но не раньше чем через неделю. Мы остановимся на денек-другой в Тулузе, а затем двинемся дальше, через Испанию.

Клодин пожала руку будущей свекрови. Мюриель Тиро даже не пошевелилась при прощании. Уже на лестнице Клодин не могла не сказать:

— Я никогда к ней не привыкну. Кажется, я говорю с призраком.

Вместо ответа Бернар обнял ее. Синий потрепанный «фольксваген» стоял выше, на улице Сен-Дени. Клодин села за руль.

Тысячи парижан тронулись в отпуск одновременно с ними. После туннеля Сен-Клу девушка открыла люк на крыше и включила радио. Они поехали по направлению к Бордо и провели ночь в придорожном отеле. В Тулузе они были к обеду. Поели в ресторанчике «Ванель» рагу из улиток с орехами и петуха под винным соусом.

— Мне потребуется не больше двух дней. После обеда просмотрю несколько досье в мэрии и завтра поработаю в архиве префектуры.

— Ты по-прежнему не хочешь сказать, что ищешь?

Бернар вынул пачку сигарет «Житан» и, прежде чем ответить, затянулся, приняв иронический вид.

— Я занимаюсь опасным делом: в подполье действует таинственная организация. И ты избежишь опасности, если ничего не будешь знать об этом.

Девушка осталась в гостинице, а Бернар направился к мэрии через парк старого города. Дежурная указала ему зал. В 17 часов 30 минут его предупредили, что архив закрывается.

В то время, как Бернар принимал душ, Клодин спросила:

— Как идет поиск подполья?

— Напал на след... Может быть, завтра, в префектуре, это подтвердится. А пока я узнал забавную вещь. Представь себе, что здесь, в Тулузе, военный совет 17-го округа приговорил к лишению прав и смертной казни некоего Шарля де Голля. Это произошло 7 июля 1940 года.

— Напиши об этом Женнесу [1] для его передачи. Там выплачивается слушателям тысяча франков за интересные вопросы и удачные ответы.

— Обязательно. А что ты делала?

— Ждала тебя.

Смеясь, она обняла его.

Бернар проснулся очень рано. Он пришел в префектуру задолго до служащих и подождал ее открытия в кафе на улице Мец.

В архиве административных документов он был один. Только услышав колокольный звон кафедрального собора, отбивавший полдень, молодой человек попросил разрешения позвонить. Телефонист в гостинице «Меркюр» вызвал 12-й номер.

— Клодин, на этот раз я говорю серьезно. Действительно напал на след. Не жди меня обедать. Работа здесь кончается в шесть часов, и я просижу до конца дня.

— Рада за тебя. Но не задерживайся слишком долго.

Это был их последний разговор. В 18 часов 10 минут Бернар Тиро спустился по лестнице префектуры и пошел вверх по улице Мей, в сторону площади Эскироль.

Увидев это, человек, сидевший за рулем черного «Рено-30», приткнувшегося к тротуару, вышел из машины и последовал за Бернаром. Они миновали оживленные широкие авеню и вышли на тихие улочки с особняками и садами, отгороженными высокими заборами. Улицы становились все пустыннее. Внезапно Бернар почувствовал чье-то присутствие. Он обернулся и увидел в двух метрах от себя человека, доставшего пистолет. Бернар удивил-

---

[1] «Козел» — оскорбительное прозвище, данное арабам французами-расистами.

[1] Люсьен Женнес — ведущий популярной во Франции радиопередачи-игры со слушателями, продолжающейся до сих пор.

ся, но не испугался этого пожилого запыхавшегося мужчины; он посмотрел вокруг, не понимая, зачем могло понадобиться оружие. Но прежде, чем он осознал происходящее, его настигла первая пуля, пробившая плечо. Бернар пошатнулся. Стрелявший подошел ближе. Молодой человек почувствовал его дыхание, но у него не было сил сопротивляться. Вторая пуля попала ему в шею. Бернар упал, и убийца выпустил ему в спину еще шесть пуль.

...Последнее расследование, которое я вел, наделало столько шума, что начальство отправило меня подальше от столицы, в маленький городок Маржаволь, после чего я получил назначение в Тулузу, в районный комиссариат на улице Карно. Обычно мы вели дела с комиссаром Матабио, но он уехал в отпуск. И как раз в то время, когда он загорал на Корсике, служащие похоронных бюро города решили помериться силами с мэрией. В палящую жару началась забастовка могильщиков. Тулузский муниципалитет не пожелал ввязываться в конфликт, надеясь на поддержку общественного мнения и на то, что все урегулируется само собой. Им было наплевать на полицию, которой пришлось выступить в роли посредника. Попытайтесь-ка уладить конфликт между родственниками покойников и бастующими. Я старался добиться мира «на поле брани», когда меня вызвал полицейский.

— Бригадир Ларден просил вас подойти к рации. Ему сообщили из комиссариата об убийстве в квартале Сен-Жером.

Машина стояла у ворот, и мне пришлось пересечь кладбище. Бригадир Ларден сидел в «Рено-16» и пытался разгадать секрет 43252003271448985600 возможных комбинаций кубика Рубика.

— Мне удалось выставить правильный цвет на одной плоскости и на половине другой. Сын это делает с закрытыми глазами. У него в классе даже устраивают соревнования.

— Очень интересно. Ну а что кроме этого?

Бригадир покраснел.

— Прохожие обнаружили тело молодого человека. Убит из огнестрельного оружия. Бригада Буррасоля на месте, это в двух шагах от улицы Лангедок.

— Садитесь за руль, поехали. Включите сирену, иначе мы из-за отпускников не доедем до ночи.

Старший бригадир Буррасоль прекрасно знал дело: все службы, причастные к расследованию преступления, были на месте.

— Рад вас видеть, инспектор Каден. Я оставил тело в неприкосновенности. К нему никто не подходил.

— Прекрасно, Буррасоль. Ваше первое заключение?

— Пока ничего. Ни одного очевидца. Несколько пешеходов слышали выстрелы. Один из них заметил силуэт человека, уходившего по направлению к улице Мец. Пока это все. Продолжаем прочесывать местность. Убитый получил в спину чуть ли не десять пуль, как мне кажется, из девятимиллиметрового парабеллума. Его документы у меня. Видимо, проезжий турист.

Буррасоль протянул мне французский паспорт и кожаный коричневый бумажник. Документы были выписаны на имя Бернара Тиро, студента, родившегося 20 декабря 1961 года в Париже, проживающего в доме № 5 по улице Нотр-Дам де Бонн-Нувель. Там же лежал студенческий билет, выданный университетом Жюссье [1] и несколько фотографий молодой женщины. В закрытом отделении портмоне лежали восемь тысяч в чеках и счет ресторана «Ванель» на двух человек.

— Во всяком случае, он не пожалеет о последнем ужине: 430 франков на двоих. Ищите человека, Буррасоль, который ужинал вместе с ним. И позвоните в канализационную службу города. Пусть они проверят люки в округе. Возможно, убийца бросил туда оружие.

— Это не так легко. Золотари все время отказываются нам помогать. Они, наверное, считают себя выше всяких законов.

— Ладно, займусь ими сам.

На другое утро, в 9 часов, директор технических служб города принес мне оружие в целлофановом пакете.

— Стоило вам попросить, инспектор, и вот результат. Наш служащий выловил его в коллекторе на улице Круа Бараньон. В том месте течение не такое сильное.

— Значит, можно предположить, что убийца бросил пистолет где-нибудь неподалеку от места преступления?

— Это пистолет? Никогда не знал разницы между пистолетом и револьвером.

---

[1] Антуан-Лоран Жюссье (1748—1836) — известный французский ботаник. Его именем назван один из парижских университетов.

— Очень просто: у пистолета обойма, а у револьвера барабан. Ваш парень не дотрагивался до оружия? Им же как будто объясняли, как надо действовать в таких случаях.

Я взялся за ствол пистолета и осмотрел его, не вынимая из мешка.

— Мы имеем дело с профессионалом.

Мой собеседник удивился. Видимо, кроме Конан Дойла, он ничего больше не читал.

— Откуда вы это узнали?

Он был так восхищен мною, что я постарался его не разочаровывать.

— Это очень распространенная модель № 11 «Лама эспесиаль». У него свои особенности, и наши лаборатории способны заставить его заговорить. Проблема в том, что эти пистолеты производятся на заводах в Виктории. Если вспомнить, что город расположен в баскской провинции Испании, то вы поймете, что из этого вытекает.

— Не имею ни малейшего представления.

— В 1972 году группа басков-террористов из организации ЭТА напала на грузовик, перевозивший оружие. Исчезли 300 пистолетов. Теперь время от времени французские преступники пользуются ими, хотя не известно, как они их добывают. Мы периодически находим оружие с номерами похищенной партии. Его список составила и передала нам гражданская гвардия Испании. Лаборатория могла бы определить отпечатки пальцев, но, к сожалению, пистолетом пользуются не для того, чтобы оставлять на нем следы... Тем не менее спасибо, господин директор, находка будет нам полезна.

Он с уважением протянул мне руку и поклонился. Я не мог удержаться, чтобы не подшутить над ним:

— Долг платежом красен. Если на вашей работе или лично у вас что-нибудь такое случится, обращайтесь ко мне без колебаний.

Вслед за директором появился Буррасоль. На его лице всегда сияла улыбка: он никогда не терял присутствия духа.

— Долго искать девчонку не пришлось. Они ужинали в ресторане «Ванель» и попросили хозяина порекомендовать им гостиницу. Тот направил их в «Меркюр Сен-Жорж», в ста метрах от места преступления. Мы ей ничего не сказали, она вас ждет. Может быть, привезти ее сюда?

— Нет, поедем к ней сами. Скажите Лардену, пусть присмотрит за делами, и назовите ему гостиницу, где мы будем.

Дирекция отеля явно предпочла бы избежать нашего визита: черно-белую полицейскую машину попросили поставить в глубине паркинга. А нас отвели в отдельный кабинет.

Клодин Шене, видимо, не спала: под глазами темнели черные круги. Увидев нас, она встала.

— Что случилось с Бернаром? Я хочу знать...

Я глубоко вздохнул.

— Он мертв, его убили. Это произошло вчера вечером, после восемнадцати часов, недалеко от гостиницы.

На ее лицо легла печать огромной усталости. Я должен был напрячь слух, чтобы разобрать, что она пробормотала.

— Но почему, почему?

— Мадемуазель, я здесь, чтобы узнать это. В котором часу он ушел от вас?

— Рано утром. Я еще спала. Вероятно, до восьми часов. Бернар наводил справки в префектуре и позвонил мне в полдень, чтобы предупредить, что он не придет обедать.

— Какие справки он наводил?

— Он не хотел говорить. Шутя, уверял, что напал на след террористической организации.

— К несчастью, вполне возможно, что это не шутка. Не встречали ли вы знакомых в Тулузе?

— Нет, никого. Мы ехали в отпуск в Марокко. И специально сделали крюк, чтобы заехать в Тулузу. Мы здесь в первый раз. В первый и последний.

— Вы выходили после полудня или вечером?

Она грустно улыбнулась.

— Я так и думала, что вы будете этим интересоваться. Нет. Я обедала в ресторане гостиницы, можете спросить у официанта: овощи, говяжье филе, клубника со сметаной. Затем читала на балконе, там было солнце.

— И вы не побеспокоились по поводу отсутствия вашего друга? Он должен был вернуться в шесть часов вечера, а на следующее утро мои люди видят вас спокойно завтракающей сдобными булочками. Я имею все основания для удивления, мадемуазель Шене, ведь речь идет о преступлении.

Она закрыла лицо руками и разрыдалась.

— Он иногда не возвращался домой ночью. В Париже...

— Вы жили вместе?

— Да, именно «жили» — прежде. Последние шесть месяцев. Иногда вечерами, когда его что-то угнетало, он исчезал и возвращался рано утром безо всяких объяснений. В этом виновата его мать. Я хочу сказать, что ему не хватало веры в себя. Дело в том, что перед рождением Бернара его отец погиб при драматических обстоятельствах. Я об этом ничего не знаю, за исключением того, что на мадам Тиро тяжело подействовала смерть мужа. Она почти не выходит из квартиры и за все десять раз, что я была у нее, едва произнесла три фразы.

— Хорошо, мы возьмем вещи вашего друга. Бригадир Буррасоль выдаст вам расписку. Разумеется, вы должны остаться в Тулузе на несколько дней, пока идет расследование. И самое неприятное: вам придется пойти со мной в морг для опознания убитого.

За время нашего отсутствия в комиссариат явился свидетель. Ларден заставил его ждать у двери кабинета. Это был мужчина лет 35—40, в кожаных брюках и куртке в яркую клетку, в шикарных мексиканских сапогах. Типичный клоун.

Сжав зубы, я бросил Лардену:

— Настоящий карнавал! Надеюсь, мы не потеряем с ним много времени.

Прежде чем толкнуть дверь, я посмотрел на стареющего модника. Он причесывался, приглаживая волосы рукой и поправляя челку. Я пригласил его.

— Итак, у вас есть какие-то сведения об убийстве молодого человека?

Свидетель повернул ко мне лицо и высоким пронзительным голосом сказал:

— Не надо спешить. Я обратил внимание на молодого человека, когда он выходил из префектуры. Моя штаб-квартира находится напротив, в баре «У Вердье». Это единственное место, где можно играть в пашинко.

Лардену придется намылить голову после того, как я покончу с этим клоуном.

— Никогда не слышал о пашинко.

Он был счастлив объяснить игру новичку:

— Это денежный автомат японского производства. Вы покупаете стальные шарики у официанта, загружаете ими специальный ящичек, висящий на стене. С помощью ручек направляете шарики к цели через различные препятствия.

— Ну а затем?

Он посмотрел на меня, не понимая.

— Затем — начинаешь сначала.

— Потрясающе! Ну что ж, идите играть в шарики, а у меня есть дела.

— Но я действительно видел этого мальчика. И он был не один.

Я заинтересовался.

— Не один! Что вы этим хотите сказать?

— Так вот. Я кончил партию и уже хотел уйти, когда молодой человек вышел из префектуры. Я люблю смотреть на красивых парней, а про этого нельзя сказать, что он некрасив. Мне даже захотелось пойти за ним, но тут я заметил другого человека, который явно преследовал его. По-видимому, тип с деньгами, он следил за парнем из черного «Рено-30 ТХ».

— Вы видели его машину? Не запомнили номер?

— Нет, только цифры, соответствующие департаменту приписки: Париж. Тогда я плюнул на это дело и заплатил за еще один сеанс пашинко.

— Можете описать вашего соперника, его рост, одежду?

— Я видел его со спины. Субъект среднего роста, волосы с проседью. Одет как обычный служащий — серый костюм, черные туфли.

Я вызвал Лардена.

— Спасибо за клиента, он первый заметил убийцу. Человек из черного «Рено-30 ТХ» с парижским номером следил за Тиро с момента его выхода из префектуры. Свяжитесь с жандармерией, дорожной полицией, со всеми постами, взимающими плату за проезд по автодороге, от ворот Сен-Клу в Париже до пригорода Сен-Денье в Тулузе. Отложите всю остальную работу. За два последних дня по дороге Париж — Тулуза не могло проехать больше десяти таких автомобилей. Внимательно просмотрите все полицейские протоколы. А я займусь поисками машины в Тулузе, вдруг повезет.

Было одиннадцать часов. Я мог подвести итог проделанному: допрос, посещение морга, беседа с любителем игры пашинко. Чтобы тщательно все обдумать, не хватало чашки хорошего кофе...

Следствие по делу об убийстве Бернара Тиро топталось на месте. Записка баллистической лаборатории лежала у меня на столе. Выстрелы были произведены из оружия, найденного в канализационном люке. Лаборатория произвела тридцатикратно увеличенную фотографию пуль. Они прошли через тот же ствол. Схема траектории показывала, что Тиро получил две пули спереди и шесть в спину уже после того, как упал на землю; попадания спереди были точными; по данным лаборатории, дистанция стрельбы составляла от двух до четырех метров. Следующие выстрелы оставили следы ожогов. Убийца находился не далее 50 сантиметров от жертвы.

Сообщение бригадира Лардена ничего не прибавило. Можно было подумать, что «Рено-30» вообще не существовал, если бы его водителю не пришла в голову дурная мысль отметить свой приезд в Тулузу убийством.

— Вы опросили служащих бензоколонок?

— Конечно, инспектор. Одного за другим. Это не сложно: такая машина, как «Рено», имеет бак на 70 литров. Считается, что в среднем на автодороге ей требуется 11 литров на сто километров. Если предположить, что она выехала с полным баком, то у Марманда или Ажана горючее должно было кончиться. Во всяком случае, она не могла не заправиться. Однако ни у одной бензоколонки машина такого типа не останавливалась. Ни на пути в Тулузу, ни обратно.

— А почему вы думаете, что преступник уехал из Тулузы?

— Мне это кажется логичным. Человек получил задание ликвидировать Тиро; выполнив «работу», он спокойно поехал домой... Все говорит за то, что мы имеем дело с профессионалом. «Лама эспесиаль» принадлежит к числу пистолетов, украденных в Испании.

— Я согласен насчет оружия, но кое-что все же не клеится.

— Что же, инспектор?

— Само убийство. Прочтите записку лаборатории. Всю сцену легко восстановить. Тиро повернулся в сторону убийцы. По всей очевидности, он его не знал. В трех или четырех метрах человек вынимает оружие и всаживает две пули: одну в плечо, другую в шею. Тиро падает, и преступник добивает его шестью выстрелами в спину. Много ли вы знаете профессионалов, которые работают таким образом? Нет! Специалист подождал бы, когда цель окажется на расстоянии одного метра. Вытянув руку, он бы выстрелил ему либо в сердце, либо в висок, в зависимости от того, как его учили. Одну пулю, максимум — две. Вместо того наш «простак» опустошает целую обойму, рискуя всполошить весь квартал и быть схваченным. Заметим при этом, что только вторая пуля, попавшая в шею, оказалась смертельной. Все это склоняет меня к мысли, что убийца был лично причастен к делу, иначе чем объяснить его остервенение? Это не профессионал, а весьма опытный любитель. Таких ловить труднее всего. Чтобы его схватить, нам потребуется больше энергии и сообразительности, чем для решения задачи кубика Рубика.

Поедем в мэрию. Перед смертью Тиро интересовался архивами мэрии и префектуры. Он занимался историей. Вполне возможно, нужные ему документы связаны с его занятиями. Нельзя ничего оставлять без внимания...

Стоянка на рыночной площади была заполнена машинами до отказа. Ларден нашел место на улице Тор, рядом с кабаре «Ла Кав». Судя по тому, что сказал дежурный сотрудник, Бернар Тиро интересовался административными документами, относящимися к 1942—1943 годам. Нам принесли все материалы, которые просмотрел Тиро. Это были договоры, торговые сделки, протоколы совещаний, ворох бумаг с печатями, подписями, датами, цифрами. Ничего интересного. Если бы у нас был хоть какой-то след! День обещал быть нелегким. Я не нашел ничего существенного, если не считать отчета о сборе годового налога на собак в районе Тулузы в 1942 году. Ларден откопал связку документов Военного совета, который приговорил бригадного генерала де Голля к смертной казни за государственную измену.

На другой день нас принял в префектуре месье Лекюссан, директор административного архива. Старый человек с лицом, изборожденным морщинами, да к тому же еще с протезом на искривленной ступне. Он проводил нас к стеллажам с документами. При ходьбе его туловище наклонялось влево, но в момент, когда голова едва не упиралась в железные стойки шкафа, протез стучал о паркет, и архивариус принимал вертикальное положение. Его покачивание сопровождалось едва слышным ворчанием.

— После вашего телефонного звонка, инспектор, я просмотрел досье, которые изучал убитый. Все они на букву Д. Старье, которого здесь предостаточно. Я отложил документы. Они на моем столе, там вам будет удобнее работать. Я полностью в вашем распоряжении.

Он тихонько прикрыл дверь и вышел, сопровождаемый постукиванием протеза.

— Удобный стук: мы будем точно знать, когда он подслушивает под дверью.

Шутка привела Лардена в хорошее настроение. Он взял первую связку бумаг и углубился в ее изучение.

«Дезинфекция», «Делегация», «Деньги», «Детство»...

Административные документы мало чем отличались от предыдущих. На этот раз они относились не только к Тулузе, но и ко всему департаменту Верхняя Гаронна. Вскоре мы знали назубок проблемы ассенизации в Мюре и в Сен-Годоне, ознакомились с жалобами коммун Монтастрюк и Легевен по поводу реконструкции национальных дорог № 88 и 124. Случайная классификация документов вела нас от смешного к трагичному. Так записка префекта требовала разогнать муниципалитет города Лантье под тем предлогом, что его члены собирались в заднем зале таверны. В следующем письме те объяснили, что в помещении мэрии течет крыша, и потому они собираются в другом месте. Но им ничего не помогло: префект остался при своем мнении и разогнал советников.

«Депортация» рассматривалась администрацией так же, как и другие рядовые задачи. Казалось, чиновники заполняли списки именами лиц, подлежащих ссылке, с той же тщательностью, с какой выдавали талоны на уголь для населения или для школ. В пожелтевшей телеграмме от 29 сентября 1942 года, прикрепленной скрепкой к картону и подписанной Пьером Лавалем [1], администрации рекомендовалось не разъединять семьи, которые увозили в ссылку. Текст уточнял, что «в связи с волнениями, вызванными этим варварским мероприятием, мне удалось получить от немецкой армии разрешение на то, чтобы детей не отделяли от родителей, а отправляли вместе с ними».

Пачка циркуляров, подписанных буквами АВ, претворяла эту директиву в жизнь. От призывов к гуманности — к отправке в печи Бухенвальда и Освенцима!

Я передал Лардену папки «Детство» и «Деньги», а сам погрузился в бюрократические глубины папки «Дезинфекция»...

Продолжение следует

Перевели с французского
А. ИГНАТОВ и М. МАКАРОВСКАЯ

[1] Пьер Лаваль (1883—1945) — французский политический деятель, премьер-министр марионеточного правительства Виши в годы оккупации Франции гитлеровцами. Был судим и расстрелян после Освобождения.

ДИДЬЕ ДЕНЕНКС,
французский писатель

Выстрелы из прошлого

Роман

Глава четвертая

Я застал Клодин Шене в холле гостиницы «Меркюр» за оплатой счета за номер.

— Здравствуйте, хотел попрощаться с вами перед отъездом.

— Никак не ожидала такой любезности со стороны полиции Тулузы. Вы действительно делаете все, что можете, но тем не менее город от этого не стал для меня приятнее.

— Жаль. Я пришел сказать вам, что тело Бернара Тиро будет отправлено в Париж в понедельник. Вскрытие ничего не дало.

При упоминании о вскрытии Клодин Шене закрыла глаза.

— Извините меня. Никак не привыкну... Вы напали на какой-нибудь след?

— Пока нет. Но мы имеем довольно точные приметы предполагаемого убийцы. Бригадир Буррасоль составит список лиц, находившихся в префектуре в тот вечер. Затем мы проверим этих людей, их финансовое положение, личную жизнь...

— С какой целью? Какое отношение они имеют к смерти Бернара?

— Возможно, убийца знал приметы жертвы лишь приблизительно, а ваш друг соответствовал им. Пока это только предположение, может быть, даже абсурдное. Но ничем нельзя пренебрегать.

— Нет, это невозможно! Значит, Бернар погиб ни за что? Просто по ошибке?

— Повторяю: это только гипотеза. Но я не могу ее отвергать. Если она подтвердится, убийца и его покровители должны заметить ошибку и постараться исправить ее как можно скорее. Конечно, полиции приходится гоняться за привидениями чаще, чем нужно, но не исключено, что убийца все же выполнил свою миссию. Это означает, что он начал слежку за вами еще в Париже. Или поспешил сюда, узнав о вашей остановке в Тулузе.

— Вы весьма самоуверенны, инспектор.

— Если все не так, тогда я не понимаю, почему преступник приехал сюда, чтобы убить человека, который был у него под рукой, в Париже? Зачем он следил за Бернаром, когда тот пошел в префектуру?

— Как он мог выследить нас так быстро?

— Это кажется сложным только на первый взгляд. Когда надо найти кого-то, все это делается достаточно просто. Поскольку ваши родные и друзья были в курсе предполагаемого отъезда, убийца мог позвонить им, выдав себя за приятеля Бернара. А как, по-вашему, действуем мы? Точно так же. И узнать, где вы остановились, тоже проще пареной репы. Ежегодно издается справочник гостиниц Тулузы. Достаточно позвонить по телефону в гостиницы от А до М — «Меркюр». В ответ на просьбу дежурный охотно подтвердит присутствие в отеле месье Тиро и мадемуазель Шене. В гостинице 170 номеров, телефонный коммутатор получает ежедневно в среднем 1200 звонков. Эти цифры мне дала дирекция отеля. Поэтому, увы, никто не помнит о таком безобидном звонке. Чудес не бывает.

У меня к вам предложение. В связи со следствием я должен ехать в Париж. Не разрешите ли мне поехать с вами?..

Она согласилась не раздумывая. Я подошел к Лардену, который припарковался около гостиницы, и прервал его борьбу с кубиком Рубика.

— Дайте мой чемодан. Меня пригласила мадемуазель Шене, и я еду вместе с ней. Встречайте меня из Парижа в субботу одиннадцатичасовым поездом.

— Хорошо, шеф.

Кажется, он впервые назвал меня шефом.

Слева остался Бланьяк. Указатель скорости «фольксвагена» не сходил с отметки 130 километров. При такой езде мы должны были приехать в Париж после полудня. Но увидев дорожный ресторан в Сент-Андре де Кюбзак, Клодин решила остановиться. Не могу сказать, что я был этим недоволен. И даже позеленевшие от старости фотографии, рекламирующие неповторимый вкус здешних блюд, не смогли лишить меня аппетита. Я заказал яйцо в майонезе и жареное мясо с картофелем. Она довольствовалась овощами и чаем. Кроме банальных фраз вроде «Вас не беспокоит дым?» или «Вам не душно?», она за всю дорогу не промолвила ни слова.

— Что вы изучаете в институте?

Ответ был весьма лаконичен.

— Историю.

Пришлось подумать, прежде чем задать следующий вопрос.

— Какой период?

Мои усилия были вознаграждены.

— Парижский район начала века. В частности, я изучаю историю населения, осевшего на месте укреплений Парижа после их сноса в 1920 году. Это примерно тот район, где теперь проходит окружная дорога.

Вспомнив о своих занятиях, она оживилась.

— Довольно странная тема для молодой женщины. Такими вопросами должен был бы заняться скорее какой-нибудь военный в отставке или, в крайнем случае, бывший полицейский. А Бернар занимался второй мировой войной?

— С чего вы взяли? Он писал диссертацию «Ребенок в Средние века».

— Я подумал об этом потому, что ваш друг интересовался документами в архивах мэрии и префектуры, относящимися к 1942—1943 годам, и я решил, что он остановился в Тулузе, чтобы найти материалы, которых не было в Париже.

Здесь я в первый раз смог как следует рассмотреть девушку. Эти несколько мгновений общения разрушили чувство отчужденности между нами. Клодин больше не была для меня просто «клиенткой». Сказать по чести, судебный следователь предупредил меня, что она собиралась уехать из Тулузы утром, и я постарался добиться срочной командировки в Париж... За свою короткую карьеру я дважды влюблялся в свидетелей или в жертв преступлений, которые расследовал. А некоторые утверждают, что полицейские бессердечны!

Я продолжал рассматривать Клодин.

— Почему вы так смотрите на меня, инспектор? Мне это неприятно... У меня такое впечатление, будто вы сомневаетесь в моей невиновности.

— Хотите, чтобы я был откровенен?

— Считаю это вашей обязанностью. Иначе можно прийти в отчаяние.

Продолжение. Начало см. в № 1.

— Я страдаю профессиональной болезнью, довольно распространенной среди молодых следователей, когда они встречаются с такими хорошенькими свидетельницами.

Она вскочила из-за стола.

— Немедленно замолчите! Я везу вас в Париж вовсе не затем, чтобы слушать комплименты, а для того, чтобы помочь следствию.

Следующую фразу она произнесла в туннеле Сен-Клу, рядом с Парижем, после 550 километров пути.

— Где вам надо выйти?

— На углу авеню Версаль, там есть стоянка такси.

На прощанье она холодно кивнула мне, резко включила первую скорость и со скрежетом рванула от тротуара.

На следующее утро я отправился на остров Сите. Пришлось несколько раз показывать командировочное удостоверение, прежде чем я добрался до центральной картотеки на пятом этаже. Все здесь было серого цвета — пол, стены, потолки. Даже лица и волосы служащих приняли тот же унылый оттенок. Воздух огромного помещения, его широкие шторы, закрывавшие окна, и двустворчатые двери, ведущие на лестницу, пропитались запахом теплой пыли. Я протянул дежурному запрос. Ожидание длилось час. Наконец меня подозвали к окошку и протянули коричневую карточку.

«А) Алфавитная картотека: Бернар Тиро не значится.

Б) Картотека округа: Париж-2, улица Нотр-Дам де Бонн-Нувель, дом 5. Лица, за которыми была установлена слежка: 1. Альфред Друэ. 2. Жан Валлет. 3. Роже Тиро. 4. Франсуаза Тиссо».

Я заполнил второй вопросник на имя Роже Тиро. Служитель быстро вернулся и записал прямо при мне:

«Алфавитная картотека: Роже Тиро, преподаватель истории в лицее им. Ламартина; родился 17 июля 1929 года в Дранси, департамент Сены. Скончался 17 октября 1961 года во время мятежа ФЛН в Париже. Возможно, был связан с алжирским террористическим движением».

Запись актов гражданского состояния парижской мэрии подтвердила, что речь идет об отце Бернара Тиро.

Потом я отправился в разведслужбу. Дальбуа, с которым я учился на факультете в Страсбурге, теперь заведовал там отделом идентификации. Мне повезло: он сидел в кабинете и рассматривал пикантные фотографии в журнале для мужчин.

— Привет, Дальбуа. Вижу, разведслужба не скучает. К тому же начальство оплачивает подписку?

Он подскочил и отложил журнал в сторону.

— Вот неожиданность! Каден! А я думал, что ты в Тулузе. Ну и чем здесь промышляешь?

— Успокойся, ничего опасного. Расследую дело об убийстве одного молодого парижанина, которого отправили на тот свет в двух шагах от моего комиссариата. Таким образом, я получил возможность пожить неделю в Париже за государственный счет. А как идут твои дела?

— Так себе. В министерстве создан отдел, которому мы должны передать всех лиц, прямо или косвенно связанных с терроризмом. Вот уже два месяца я только этим и занимаюсь. Меня превратили в настоящего чиновника.

Дальбуа встал, вытянувшись во весь свой немалый рост. Было видно, что он не занимается спортом. Летняя рубашка туго обтягивала жирный живот, а желтый цвет лица говорил о том, что этот человек плохо переносит крепкие напитки. Прошло пять лет, как мы виделись в последний раз, и за это время он заметно облысел. Со студенческих времен Дальбуа отличался страстью к элегантной одежде, однако его зарплаты, по-видимому, было явно недостаточно, чтобы покупать костюмы от Кардена.

— Ты заглянул к нам, чтобы вспомнить добрые старые времена?

— Не только. Я пришел еще и для того, чтобы ты просветил меня в одной истории, которая произошла в октябре 1961 года.

— Какое отношение она имеет к твоему расследованию?

Я решил быть с ним откровенным: Дальбуа не зря поставили во главе отдела разведывательной службы. При малейшем сомнении он откажет в любом содействии.

— Отец парня, убитого в Тулузе, как я узнал из карто-

теки, погиб во время волнений алжирцев 17 октября 1961 года. И возможно, я напал на верный след. Ты слышал о «переносчиках чемоданов»? О лицах европейского происхождения, которые собирали деньги для ФЛН и переправляли их в Швейцарию?..

Он кивнул головой.

— Да, конечно, «Сеть Жансона» [1] и прочее... В «доме» еще работают два или три старика, которые знают это дело с начала и до конца. Но все завершилось в июле 1962 года, в момент провозглашения независимости Алжира. Дела были закрыты и отправлены в архив. Французы, осужденные за помощь ФЛН, должны быть амнистированы. Кроме неприятностей, ты здесь ничего не найдешь.

Старание Дальбуа предупредить меня свидетельствовало о том, что тема была слишком опасной: друг юности превратился в стража «дома».

— Предположим, что репутация отца Тиро была подмоченной помощью ФЛН и он был ликвидирован в октябре 1961 года секретной службой, которая занималась чисткой политического пейзажа. В то время не очень-то любили французов, оказавшихся на другой стороне.

— Каден, ты слишком далеко зашел. Отдаешь себе отчет в том, что говоришь?

— Безусловно. Вначале состоялось несколько процессов, но они привели к обратным результатам: в глазах общественности обвиняемые выглядели жертвами. И пожалуйста, не говори мне, что ты не в курсе дела. Ведь ты работаешь в разведке. Ликвидацией ОАС [2], к примеру, занялся бывший префект департамента Сена — Сен-Дени, который во время войны руководил ударными отрядами де Голля. Наконец участие секретных служб в убийстве Роже Тиро — только гипотеза. Не исключено, что ФЛН взялся наказать виновных в пропаже своих денег. Я бы даже сказал, что такое объяснение кажется мне более логичным, так как оно увязывается и со смертью сына Тиро. Представь себе, что, сунув нос в отцовские дела, Бернар нашел часть казны алжирцев...

— Ты высмеял меня за то, что я просматривал журнал с девочками. Зато сам ты, вижу, любишь сочинять приключенческие повести, действие которых происходит в подвале тулузской мэрии.

— Может быть, и в Тулузе. А может, и где-нибудь еще, где находится едва ли не больше всего лиц, репатриированных из Алжира и все еще живущих прошлым. Стоит проверить. Прошу тебя об одном: дай мне дело Роже Тиро.

Дальбуа снял трубку и набрал внутренний номер.

— Посмотрю, что можно сделать. Алло, Жербе? Это Дальбуа из идентификации. Мне нужно посмотреть дела «переносчиков чемоданов». Не исключено, что некоторые из них переквалифицировались в террористов. У тебя должно быть под рукой заключение. Достань мне также дело Роже Тиро, европейца, скончавшегося во время манифестации алжирцев в октябре 1961 года, он помогал ФЛН.

Дальбуа положил трубку, довольный собой. Мне показалось, что он был счастлив продемонстрировать маленькому инспектору из провинции свою власть.

— Через четверть часа все получишь. Кстати, ты женат?

— Нет. Не успею я привыкнуть к одному месту, как переводят в другое. Посмотрю, как пойдет в Тулузе... А ты?

Он похлопал себя по животу.

— Разве не заметно? Надеюсь, у тебя найдется время, чтобы познакомиться с Жизель, она превосходная хозяйка.

В кабинет вошел коллега Дальбуа, Жербе. Он положил на стол объемистую папку с документами.

— Держи... Это все, что у нас есть о подпольной помощи партизанам.

Жербе бросил на меня быстрый взгляд, и Дальбуа разрешил его сомнения.

— Это мой друг, инспектор Каден. Он расследует какую-то темную историю об убийстве в Тулузе и воспользовался проездом через Париж, чтобы повидаться со старыми друзьями. Ты можешь продолжать, здесь все свои.

Жербе пожал мне руку.

— Раз уж ты сунул нос в эту историю, будь осторожен.

— О'кей. Буду осторожен. А досье Тиро?

— Не понимаю, что ты хочешь от этого типа. Его жизнь можно уложить в две строчки...

Дальбуа взял бумаги со словами:

— На его жизнь мне наплевать, я интересуюсь его смертью. Оставь мне папку, я верну ее к вечеру.

Жербе помахал мне рукой и вышел. Дальбуа вынул из папки карточку.

«...Роже Тиро родился 17 июля 1929 года в Дранси, департамент Сены, скончался 17 октября 1961 года в Париже. Преподаватель истории в лицее им. Ламартина в Париже. Женат на Мюриель Лабор. Политической или профсоюзной деятельностью не занимался. Член общества любителей истории. Его имя значится в списке подписавших в 1954 году Стокгольмское воззвание. После его кончины 20 декабря 1961 года в Париже родился сын, Бернар Тиро. Адрес: Париж-2, улица Нотр-Дам де Бонн-Нувель».

— О каком воззвании идет речь?

Дальбуа посмотрел на меня:

— Стокгольмское воззвание о запрещении атомного оружия.

— Инициаторами были коммунисты?

— Они участвовали. Но призыв подписали миллионы французов. Если покопаться, то выяснится, что под ним поставила подписи половина депутатов Национального собрания, как от правящего большинства, так и от оппозиции. Трудно придать какое-то значение этому факту. Здесь приложено заключение судебно-медицинской экспертизы: «Убит выстрелом в правый висок во время волнений алжирцев 17 октября 1961 года. Приблизительное время кончины между 19 и 24 часами. Вскрытия не было».

— У меня смутные представления об этой демонстрации. Префектура сообщила, что погибло от четырех до десяти человек, точное количество неизвестно. Департаментский профсоюз полиции говорит о шестидесяти убитых. А Лига прав человека...

Дальбуа сжал кулак и выбросил его вперед, как будто хотел кого-то ударить.

— ...Я знаю, что ты думаешь об организациях этого типа, но в этом деле к их мнению стоит прислушаться. Они утверждают, что убито двести и еще столько же умерло в течение недели. Речь идет о серьезной операции — Орадур [1] в центре Парижа, о котором никто ничего не знает. Должны же существовать следы подобной бойни...

Дальбуа почесал щеку.

— Посмотрю, что можно сделать.

Он снял трубку и попросил Жербе.

— Я посмотрел бумажки: бедновато. Когда освободишься, зайди за ними. Мне нужно выяснить два-три вопроса.

Обернувшись ко мне, он добавил:

— Жербе сейчас придет. Только объясняться с ним буду я сам. А ты сыграешь роль бедного родственника из провинции. Понял?

Через две минуты Жербе уже сидел рядом со мной и слушал Дальбуа.

— Все же странно: на парижском тротуаре подбирают преподавателя истории, у которого голова набита свинцом, и не делают вскрытия. Следствие не ведется; никто не ищет ни причины убийства, ни убийцу. Если судить по документам, то никто не пытался установить, был ли Роже связан с ФЛН. Он больше похож на маленького тихого учителя. Что же за этим скрывается? Несомненно, есть какие-то другие данные. Ты в курсе?

Жербе прокашлялся и заерзал в кресле. Видно было, что он чувствует себя неловко.

---

[1] «Сеть Жансона» — группа прогрессивно настроенных французов, втайне оказывавших помощь ФЛН, которую возглавил философ, публицист и общественный деятель Франсис Жансон.

[2] ОАС — ультраправая подпольная «Секретная вооруженная организация», боровшаяся с помощью террористических методов против предоставления независимости Алжиру.

[1] Французский городок Орадур-сюр-Глан был уничтожен нацистами вместе с его жителями во время второй мировой войны.

— Послушай, Дальбуа, оставь все как есть. За последние 20 лет ты первый поднял этот вопрос. Расследование ничего не даст. Тебе просто скажут, что преподаватель истории сообщал секретные сведения террористической организации, а французское правительство распорядилось его убрать. Сегодня эти события касаются только Франции и Алжира. Оба правительства не заинтересованы в том, чтобы извлекать на свет божий призраки прошлого. Доказательством тому служит братская могила в Кеншела, в Алжире. При постройке стадиона землекопы нашли 900 скелетов. Судя по всему, французский иностранный легион уничтожил здесь алжирских солдат. Все всплыло только потому, что делом этим занялся журналист из «Либерасьон», любитель покопаться в грязи.

— Ты хочешь сказать, что о причине смерти Роже Тиро мы тоже сможем узнать только из газет?

— Вовсе нет. Те, кто сегодня стоит у власти во Франции, осудили действия полиции того времени. К тому же пришло время забыть, если не простить.

— Я тебя не совсем понимаю, Жербе. Если нынешние руководители осудили полицию и ту роль, которую ее заставляли играть, то дела такого рода служат для них удачной находкой! Можно еще поднять свой престиж, подтвердив этим верность демократическим принципам.

Мне показалось, что Жербе не понравился ход разговора. Он все больше ерзал в кресле, бросая в мою сторону недоуменные взгляды.

— Ладно, скажу больше. Под давлением депутатов и сенаторов от оппозиции генеральная инспекция, своего рода полиция над полицией, провела в октябре 1961 года специальное расследование. Примерно так, как это сделал премьер Израиля Бегин в связи с бойней в палестинских лагерях Сабра и Шатила. Министр внутренних дел назначил семь судей. Ты знаешь, что этот человек сейчас возглавляет Государственный Совет. Помимо прочего, судьи должны были высказать свое мнение о причинах смерти 60 человек, тела которых были доставлены в судебно-медицинский институт на другой день после демонстрации. Роже Тиро мог быть в их числе. Кстати, эта комиссия появилась на свет только благодаря настойчивости теперешнего министра внутренних дел.

— А результат?

— В заключении комиссии говорилось, что парижская полиция выполняла свою задачу, защищая столицу от бунта, который устроила террористическая организация. Однако в печати об этом ничего не было. Документы комиссии и краткий доклад о действиях различных групп полиции, принимавших участие в событиях той ночи, существуют в двух экземплярах. Один находится в министерстве, другой здесь, в архивах национальной полиции.

Дальбуа встал, улыбаясь.

— Именно он-то мне и нужен.

Жербе побледнел и как-то сгорбился.

— Это абсолютно невозможно. Никто не имеет доступа к этим документам. Ты ведь знаешь законы о публикации государственных документов: пятьдесят лет хранения в тайне. И не в моей власти нарушить их. Некоторые документы истлеют скорее, чем увидят свет. Вы, как и я, знаете, что правительство нуждается в сильной и сплоченной полиции. Если октябрьское дело будет выставлено на всеобщее обозрение, то тут же начнут осуждать решения министра внутренних дел и действия префекта полиции. Шум вокруг всего этого может привести к смене командиров доброй половины рот ЦРС. Ведь ими по-прежнему командуют те же офицеры. Кто же этого захочет? Уж конечно, не власти. По сравнению с потерей доверия к тем, кто поддерживает порядок в стране, их выигрыш был бы ничтожен.

Здесь Дальбуа подбодрил коллегу:

— Что неоценимо у профессионалов разведки, так это прекрасное знание дел... Успокойся, Жербе, я не собираюсь просить тебя раскрыть государственные тайны. Тем более, что наша работа заключается как раз в их охране. Если я тебя правильно понял, досье находится под тщательным надзором. Малейший ложный шаг с моей стороны, и я вылечу из «дома». Все ясно. У тебя в самом деле нет документа, который можно было бы посмотреть?

— К сожалению, ничего существенного... Остается обычный путь: перелистать газеты 1961 года, листовки, донесения осведомителей. У нас их немало на микрофильмах. До сих пор хранятся несколько тысяч фотографий следственного управления. Ничего конкретного. Помню, что тогда возникли проблемы со служебным фотографом, неким Марком Ронером. Он должен был фотографировать работу специальной бригады, но пленку так и не сдал. Во всяком случае, это официальная версия. В начале шестидесятых годов фотографирование и киносъемки были не так распространены, как теперь. Мы располагаем только десятью или пятнадцатью снимками, сделанными прохожими. Кроме того, известно, что группа бельгийского телевидения снимала часовой фильм о происходивших событиях. Она приезжала в Париж, по-моему, ради визита иранского шаха, а сняла демонстрацию сначала из автомашины, а потом из кафе, где укрылись операторы. Бельгийское телевидение фильм не показывало. Мы пытались купить у них ленту, но безуспешно. Могу вам дать координаты киношников и Ронера...

Я прервал его.

— Насчет Марка Ронера не трудитесь, я уже встречался с ним...

Дальбуа открыл рот и пронзил меня взглядом. Жербе вскочил.

— Что это значит? Выходит, делом занимаешься не ты!.. На каком основании я должен помогать этому месье?

Дальбуа объяснил, чем вызваны вопросы об убийстве Роже Тиро. Он с трудом успокоил коллегу, пообещав держать его в курсе наших розысков. Но как только закрылась дверь, он устроил мне хорошую взбучку.

— Я тут стараюсь вовсю, чтобы потихоньку вытянуть из аса разведки максимум сведений, а ты вместо благодарности ставишь меня в дурацкое положение. Можно подумать, что ты это делаешь нарочно. Теперь я понимаю, почему ты не сидишь долго на одном месте. Избавиться от такого бестактного субъекта — элементарная мера предосторожности. Скажи мне, по крайней мере, каким образом ты познакомился с Ронером.

— Год назад в Курвилье.

— Значит, он больше не работает на нас?

— С 1961 года. Сотрудник следственного управления рассказал мне о его неприятностях. Директор кабинета префекта решил сжить фотографа со света. В сентябре тот получил два предупреждения. Во время демонстрации Ронер фотографировал самые жестокие столкновения и считал, что с такими снимками он хозяин положения. Несколько дней спустя группа неизвестных «специалистов» произвела обыск в фотолаборатории и у него дома. Все его архивы изъяли. Ронер очутился на улице, уволенный за «грубые ошибки». После чего открыл частную студию и стал снимать дни рождения, свадьбы и церковные праздники в Курвилье.

— Что ждет и тебя, если будешь совать нос в чужие дела.

Глава пятая

За последний год здесь ничего не изменилось. Я толкнул дверь фотостудии.

— Вот неожиданность! Инспектор! — грузный, одетый в неизменный черный бархатный костюм, фотограф был явно удивлен.— Вы вернулись к нам?

— Нет, работаю в Тулузе и веду следствие по одному странному делу... Случайно в разговоре о нем услышал ваше имя.

Он пододвинулся ближе. Я коротко рассказал историю двух Тиро.

— Что же вы хотите от меня, инспектор?

— Хотел бы услышать от вас о событиях октября 1961 года. Особенно, если вы были у Фобур Пуассоньер. Даю слово, что не привлеку вас к следствию. Хочу понять, что же в самом деле произошло тогда. Никто не желает говорить об этом, и практически нет никаких следов... Если бы не смерть Бернара Тиро в Тулузе, я бы ничего об этом не знал.

Ронер откинулся на спинку стула.

— К чему ворошить прошлое? Уж не думаете ли вы, что

я назову вам имя убийцы? Той ночью я нащелкал добрый десяток кассет, по меньшей мере 350 снимков. Но не помню, чтобы я снимал хоть одного европейца, если не считать шпиков.

— Были ли убитые в силах порядка?

— Нет, ни убитых, ни раненых. Люди из ЦРС просили сфотографировать их в позе охотника, попирающего труп алжирца. Вспоминая об этом, я поражаюсь. Демонстранты были безоружны и даже не пытались сопротивляться. Они лишь пробовали бежать или прятались в подъездах домов. В начале волнений в префектуре был организован штаб. Оттуда сообщили о десяти шпиках, якобы убитых ФЛН на Елисейских полях. Я помчался туда на полицейском автобусе, стоявшем в резерве. Услышав эту новость, ЦРС рассвирепели, как дикие звери. Но там ничего не произошло. Ни один из полицейских не получил даже царапины. Зато алжирцы получили сполна. За четверть часа я насчитал шесть трупов. Не говоря о раненых.

— А как было на Бульварах?

— Там была настоящая бойня. Солдаты были вооружены до зубов: ружья, гранатометы, дубинки. Они перегородили грузовиками улицу и открыли огонь по алжирцам из-за укрытия. Я спрятался в холле кинотеатра «Мидi-Минюи», помню даже название фильма, который показывали в тот вечер: «Воскресители трупов».

— Значит, я могу не ходить в центр кинематографии.

— Почему?

— Перед смертью Роже Тиро, видимо, ходил в кино. У него в кармане был билет.

— Не думаю, что кто-то подложил билет в карман мертвеца...

— Допускаю, Ронер, что вы вовсе не рветесь мне помочь.

— Ошибаетесь, инспектор, я не увиливаю. Семнадцатое октября для меня важная дата. Конец моей карьеры в полиции. За 20 лет я никому обо всем этом не рассказывал. И вдруг появляетесь вы и заставляете меня выложить все, что у меня на душе. Дайте время подумать. Кажется, я пересек улицу Фобур Пуассоньер перед зданием «Юманите». Выпил кофе в баре «Ле Жимназ». Там находилась группа бельгийского телевидения. Никто из них не верил своим глазам, глядя на это побоище. Бельгийцы устроились за музыкальным автоматом, и оператор вел съемку без перерыва. Хотя было уже темно.

— Вы ничего не заметили возле улицы Нотр-Дам де Бонн-Нувель?

— Ничего, инспектор. Затем я вышел из бара и направился к Версальским воротам, где в Выставочном парке собирали арестованных алжирцев. Но на Бонн-Нувель стреляли со всех сторон. Там-то оказалось больше всего убитых и раненых, не считая закрытого двора в Сите.

— Вы хотите сказать, что демонстрантов убивали в самой префектуре? Это невозможно!

— В ту безумную ночь все было возможно. Правительство объявило о трех или четырех убитых. Цифру надо увеличить по крайней мере в 50 раз. К двум часам ночи вызвали целую бригаду из Института судебной медицины, чтобы увезти 48 трупов из маленького садика, примыкающего к собору Парижской богоматери. Судя по упорным слухам, речь шла о руководителях ФЛН, привезенных в Сите для допроса. Их поместили в изолированное помещение на втором этаже, а затем туда внезапно вошли десять шпиков с автоматами на изготовку. Арестованные решили, что настал их последний час, и ринулись к забитой двери в глубине комнаты. Под их нажимом дверь распахнулась. Она вела в штабной зал префектуры. Префект и его окружение, которые координировали операцию, услышав шум, решили, что ФЛН напал на их штаб. Вся охрана Сите была брошена против арестованных. Результат — 48 трупов. Судебные медики нашли серьезные причины для объяснения кончины каждого убитого. Все сведения сдали в архив. И для всех лучше, чтобы они там оставались.

В первый раз за весь разговор со мной Ронер оставил иронический тон.

— У вас хватило мужества сунуть нос в грязные дела, но, чтобы вылезти из грязи, не надо производить много шума.

Я добрался до Парижа из Курвилье и вышел у Северного вокзала часов в пять. В это время редкие пассажиры торопились к автобусной остановке.

Мне пришла в голову мысль навестить госпожу Тиро, но потом я подумал, что приличнее было бы предоставить возможность ей самой выбрать время и место встречи. Сидя в баре «Виль де Брюссель» в ожидании пива, я решил вызвать по телефону Бельгию. Пять минут спустя дежурная бельгийского радиовещания и телевидения осведомилась, с кем я хочу говорить.

— Прошу соединить меня с господином Дерилем или с господином Терлоком из отдела репортажей. Это по поводу фильма, снятого для передачи «Девять миллионов».

— Этой передачи не существует уже десять лет. У нас в стране теперь двадцать миллионов населения. Могу связать вас с господином Дерилем. Он ведет актуальные темы в вечерних последних известиях.

К телефону подошел Жан Дериль.

— Алло, у телефона инспектор Каден из Тулузы. Я веду следствие об убийстве молодого человека, отец которого погиб во время октябрьских событий 1961 года в Париже. Во Франции мало документов об этих событиях, по крайней мере доступных документов. Поэтому я хотел бы посмотреть фильм, снятый вами в то время.

— Это странно слышать — особенно от полиции... За истекшие 20 лет я убедился в отсутствии интереса к таким пленкам со стороны французского правосудия. Могу предоставить их в ваше распоряжение. Давайте договоримся о времени.

— Прекрасно. Я на Северном вокзале. Следующий поезд в Брюссель в 17 часов 45 минут. Готов встретиться с вами сегодня же вечером.

— Ценю решительных людей, инспектор. Согласен. Мы снимаем эпизод на «Блошином рынке», на площади Же де Баль, там и встретимся. А что именно вы хотели бы посмотреть? Тогда был смонтирован десятиминутный фильм с комментарием, который так никогда и не был показан. Наверное, ваш посол приложил к этому руку. В архиве у нас хранятся несмонтированные кадры на час.

— Монтаж меня не интересует. Буду вполне удовлетворен архивной пленкой. До скорого свидания на «Блошином рынке».

Я добрался до Брюсселя через Турне и попал в центр развороченного города с бесконечными объездами и путаницей односторонних улиц. Казалось, город перенес землетрясение. Понадобился целый час, чтобы доехать до старых кварталов. Все магазины были закрыты, и создавалось впечатление, будто город находится в состоянии войны. Таксист сказал, что идет расширение вокзала. Он высадил меня на углу улицы Ренар. Площадь была окружена кордоном полиции, но достаточно было произнести имя Дериля, как меня пропустили. Я направился к телевизионному грузовику. Человек с седеющими волосами до плеч и в круглых очках в железной оправе посмотрел на меня выжидающе.

— У меня свидание с режиссером Дерилем.

— Вы попали в точку, инспектор. Это я. Подождите минуту, и я буду в вашем распоряжении. Мне нужно определить несколько планов для съемок.

Вернувшись к грузовику, где я его ждал, он продолжил:

— Вы не первый француз, интересующийся фильмом об алжирской демонстрации. Ваша разведывательная служба пыталась купить оригинал и копии у бельгийского управления радио и телевидения, но наша дирекция не согласилась. Думаю, что лица, отвечавшие за бойню, не очень хотели бы огласки... Если говорить правду, мы приехали в Париж не для того, чтобы снимать демонстрацию, а ради Жака Бреля [1]. Он давал концерты в «Олимпии». Помню, что артист начинал на другой день, но генеральную репетицию отменили.

Тем временем мы устроились в машине телевизионщиков. Дериль сел перед монитором. Вставил кассету.

[1] Жак Брель (1929—1978) — знаменитый композитор, певец, поэт и актер бельгийского происхождения.

— Я проверил: здесь ровно час семь минут. Если какой-то кадр привлечет ваше внимание, достаточно записать номер по счетчику, и мы сделаем вам несколько фотографий.

Изобразительный ряд был чудовищен. Первую часть снимали с автомашины, ехавшей по улицам. Плотные ряды озверевших ЦРС и жандармов громили безоружных перепуганных манифестантов. Отсутствие звука усиливало впечатление от сцен насилия. Внезапно машина остановилась и тихонько подъехала к тротуару. Широкое движение камеры, которую оператор держал в руке, позволило узнать квартал Ла Вилет. В кадре появилось черное пространство бассейна, где канал Урк соединяется с каналом Сен-Дени. Объектив внезапно задвигался, и оператор выделил группу мужчин, суетившихся на улице Корантен Кариу. Они направлялись к ограждению моста. Мокрые кожаные пальто и каски блестели под дождем. Вдруг они бросили в воду чье-то тело. Мне показалось, что я даже услышал всплеск воды. Затем бросили второе тело, третье... Одно и то же движение повторялось 11 раз.

...Появился фасад кинотеатра «Рекс», рекламная афиша фильма «Пушки Наварина».

...Крупным планом возникло лицо молодой алжирки, тут же загороженное черной формой полицейского. Когда тот отодвинулся, на месте женщины стоял мужчина, на которого обрушилась дубинка. Угол съемки снова изменился. Часть экрана занял проигрыватель-автомат в кафе. Вероятно, именно об этом кафе вспоминал Марк Ронер.

...Отряд жандармов окружил кучку демонстрантов. Автобусы парижского транспорта стояли подальше, у улицы Сантье. Туда грубо тащили алжирцев. Машины отъезжали одна за другой, набитые арестованными. Водители оставались один на один с «грузом» из ста—ста пятидесяти узников. Однако ни один из них не пытался бежать: Париж был забит войсками, и бегство казалось им бессмысленным.

...Камера переместилась влево и поднялась по бульвару Бонн-Нувель. Оператор показал витрину кафе «Мадлен-Бастий», на углу улицы Нев. По тротуару спокойно шел человек в форме ЦРС. Вот он снял с себя кожаное пальто — это выглядело странным в бушующем квартале. Казалось, он не обращает внимания ни на дождь, ни на побоище, мимо которого проходил. Оператор не задержался на этом эпизоде и вернулся на несколько метров назад, к раненому алжирцу. Прошли бесконечные 30 секунд, пока камера вновь не двинулась вперед. Полицейский по-прежнему шел размеренным шагом. Он пересек улицу Торель, добрался до улицы Нотр-Дам де Бонн-Нувель, на мгновение остановился, как будто колеблясь, затем повернул и поднялся по ступеням лестницы. Там стоял человек с букетом цветов и коробкой в руках. Полицейский остановился рядом с ним.

...На переднем плане собрали алжирцев с закинутыми на затылок руками. Капитан изо всех сил пытался удержать возбужденных солдат, которые норовили избить арестованных. Следующие кадры снимались перед Парижской оперой, где полиция установила кордон для защиты людей, идущих в театр. Затем экран опустел. Я нажал кнопку «стоп» и стал ждать Дериля. Вскоре он залез ко мне в грузовик.

— Ну, инспектор, повезло? У вас довольный вид...

Я кивнул головой.

— Да, узнал парня, которого ищу. По счетчику номер кадра 813, ближе к концу ленты. Если вы пустите аппарат снова, я покажу его.

Он посмотрел отобранную сцену, вынул кассету и попросил ассистента снять отпечаток с кадра, на котором был изображен полицейский, облокотившийся на перила лестницы рядом с Роже Тиро.

Когда были готовы фотоснимки, Дериль вызвал такси и настоял на том, чтобы заплатить за меня. Я обещал держать его в курсе следствия.

Глава шестая

Мадам Тиро согласилась принять меня на следующий день после обеда. Я побродил по Парижу и пришел на Бульвары, почти бессознательно проделав путь полицейского из ЦРС, которого сняли 20 лет назад бельгийские кинематографисты. С тех пор здесь мало что изменилось, если не считать афиши кинотеатра «Рекс», где теперь красовался рисунок из мультфильма Уолта Диснея.

Я перешел улицу напротив кафе «Мадлен-Бастий», терраса которого занимала большую часть тротуара. Затем двинулся вверх, к воротам Сен-Дени. Нужная мне Нотр-Дам де Бонн-Нувель не выходила непосредственно на бульвар, она была выше, к ней вели две лестницы. Одна широкая и слегка изогнутая, вторая узкая и крутая. Этот квартал выглядел островом спокойствия и тишины.

Дом № 5 по улице Нотр-Дам де Бонн-Нувель с ажурными жалюзи на окнах походил на типичное старое ухоженное парижское здание. Его фронтон, украшенный барельефом в греческом стиле, изображал музыкантов со свирелью и флейтой. На стекле двери к консьержу висел список жильцов с указанием этажа и номера квартиры. Слегка запыхавшись, я поднялся на четвертый этаж. Мне пришлось нажать на звонок несколько раз, прежде чем госпожа Тиро открыла. Один за другим повернулись три замка, затем дверь приоткрылась на несколько сантиметров, удерживаемая цепочкой.

— Я — инспектор Каден. Мы говорили с вами утром по телефону.

Дверь закрылась, цепочку сняли, и я попал в квартиру.

Вдове Роже Тиро, по-видимому, было не больше 45 лет, но добровольное затворничество превратило ее в старуху. Она шла впереди меня по коридору, сутулясь, едва отрывая ноги от пола. Казалось, что малейшее движение стоило ей неимоверных усилий. Глубоко вздохнув, она опустилась в кресло и посмотрела на меня пустым взглядом.

Комната была погружена в темноту, ставни закрыты, и только одно окно давало доступ свежему воздуху. Солнечные лучи едва проникали через створки жалюзи. Я пододвинул стул к столу.

— Как вы уже знаете, я веду следствие по делу об убийстве вашего сына Бернара. Пока оно остается для нас загадкой. Нет серьезных улик, позволяющих вести розыск. Врагов у него как будто не было, личная жизнь кажется вполне ясной... Но если быть откровенным, то меня смущает одно обстоятельство — смерть его отца, вашего мужа.

Я наблюдал за реакцией женщины, но упоминание о гибели мужа не произвело на нее впечатления.

—...Я случайно узнал о драматических событиях, в которых погиб ваш муж. Ничто не позволяет мне утверждать это, но можно предположить, что сына убили по тем же причинам, что и отца. Вы не задумывались над этим?

Похоже, что я обращался к стене. Мадам Тиро смотрела сквозь меня, куда-то вдаль. Я продолжал.

— В 1961 году следствия не было, и ваш муж официально числится среди жертв алжирской демонстрации. Но чьей жертвой? Официальная версия вызывает сомнение. Еще не поздно исправить ошибку.

Она впервые вздрогнула, встала и прислонилась к буфету.

— Все это — прошлое, господин инспектор. Ни к чему вновь возвращаться к событиям и искать виновных.

Она останавливалась после каждой фразы.

— ...Муж умер, сын умер. Вы не можете вернуть их к жизни. Я принимаю судьбу такой, какая она есть, и надеюсь соединиться с ними как можно скорее.

— Но почему же? Что вы хотите скрыть? Роже Тиро был убит во время демонстрации. Вы знали, что он занимался подпольной деятельностью, оказывая помощь ФЛН?

— Вы ошибаетесь. Муж абсолютно не интересовался политикой. Он увлекался своей работой, историей. Ей он посвящал все время и в лицее, и дома. В день смерти он, как обычно, возвращался домой после уроков.

Она еле двигалась по комнате, тщательно обходя окна, которые выходили на улицу. Я подошел к ним просто из любопытства, но это движение вызвало у мадам Тиро настоящую панику. Задыхаясь, она прижалась к противоположной стороне.

Часть стены с окном была покрыта густым слоем пыли, видимо, к этому месту никто давно не подходил. Неожиданно для себя резким движением я отдернул занавески. Оконная задвижка не поддавалась, мне пришлось сделать усилие, чтоб открыть створки. В комнату ворвался день, луч солнца осветил Мюриель Тиро. Я выглянул наружу. На улице, десятью метрами ниже, около мастерской слеса-

Рисунки Е. МАРКОВИЧА

ря, суетились люди. Группа юношей поднималась по лестницам улицы Нотр-Дам де Бонн-Нувель.

Мадам Тиро убежала в кухню. Она плакала, дрожа в нервном припадке. Я обнял ее за плечи.

— Я здесь, чтобы помочь вам. Идемте, не бойтесь...

Взяв ее за руку, я медленно подошел с ней к месту, которого она так боялась. Чем ближе подходила она к окну, тем сильнее становилось ее отчаяние. Она вскрикнула, но все же позволила вести себя. Мне удалось встать вместе с ней у окна.

— Прошу вас, откройте глаза. С тех пор прошло столько лет. Вам нечего бояться.

Она ослабла, перестала плакать. Ее ресницы дрогнули, и она решилась посмотреть на улицу.

— Вы были тут, не правда ли, когда его убили? Скажите мне... Вас никто не допрашивал как свидетеля?

Мадам Тиро отошла от окна и села в кресло. Перенесенное испытание изменило ее. Теперь она казалась сильнее и моложе, ей можно было дать ее настоящий возраст.

— Да, я стояла, облокотившись на подоконник. Последний урок Роже заканчивался в пять часов. Он должен был вернуться по крайней мере два часа назад. В то время я ждала ребенка и очень нервничала. Беременность проходила тяжело, и врачи запретили мне выходить из дома, чтоб избежать преждевременных родов. Роже не предупредил об опоздании. А тут началась демонстрация: крики, драка, взрывы гранат, выстрелы. Я была как безумная и бросалась то к окну, то к двери, едва услышав шаги на лестнице. В какой-то момент я заметила мужа на улице, он подходил к дому. Я все помню так, будто это происходит сейчас. Он шел с букетом мимозы и коробкой с пирожными, поднялся на несколько ступенек и остановился возле перил, наблюдая за происходящим. Я крикнула, чтобы он не задерживался, но из-за шума на улице он не услышал мой голос.

— Мсье Тиро был один?

— Сначала — да, но немного спустя возле него остано-

вился человек в форме полицейского, по-моему, из ЦРС. Он выглядел странно: несмотря на дождь и холод, нес свое кожаное пальто на руке. Затем незаметно скользнул сзади к Роже, захватил его голову левой рукой. В другой он держал револьвер. Я кричала, кричала так громко, как только могла, но безрезультатно. Хотела спуститься, но с трудом добралась до двери... из-за Бернара. То есть из-за живота. Бедный Бернар!

— Извините меня за то, что заставил вас снова пережить тяжелые воспоминания, но другой возможности нет. Дело в том, что бельгийские кинематографисты сняли на пленку часть этой сцены. Оператор находился на другой стороне бульвара. У меня есть фотография, сделанная с одного из кадров. Речь идет о последних мгновениях жизни вашего мужа. Лицо убийцы наполовину закрыто, но все же видно достаточно ясно. Вы посмотрите?

Она согласилась.

— Вы знаете этого человека?

— Нет. Я никогда не встречалась с ним. И никогда не видела мужа с полицейскими. Не понимаю, почему они его убили...

— И последнее, мадам. На этом мы закончим. Несколько минут тому назад вы сказали, что муж заканчивал уроки в пять часов. Как вы можете объяснить его возвращение домой двумя часами позже? Ведь чтобы дойти от лицея до квартиры, достаточно десяти минут.

— Не могу объяснить, инспектор, но это так.

— Часто ли он опаздывал?

— Раз в неделю, иногда два... Знаете, беременность не позволяла нам иметь интимные отношения. Не могу сказать, что мне приятно говорить об этом, но допускаю, что Роже мог встречаться в это время с другой женщиной, и не вижу в этом ничего плохого.

— Я тоже. Извините, но профессия часто заставляет меня касаться личных отношений людей, порой даже интимных. Я задал этот вопрос потому, что в списке вещей, обнаруженных в карманах вашего мужа, упоминается билет в кинотеатр «Миди-Минюи». Думаю, что в нем-то и дело. Двадцать лет тому назад уважаемый преподаватель истории должен был, вероятно, стесняться даже перед женой своим увлечением фантастическими фильмами. Зная номер билета, я попрошу проверить в Национальном центре кинематографа точную дату выдачи.

Она улыбнулась. Я подумал, что за все 22 года это была ее первая улыбка.

— Вашего мужа убили не случайно. Я сужу по бельгийскому фильму. Убийца действовал по определенному плану, у него были приметы жертвы. Человек из ЦРС, хотя я не исключаю и того, что он был переодет в форму роты безопасности, направился к улице Нотр-Дам де Бонн-Нувель безо всяких колебаний. Он действовал как профессионал. То же самое можно сказать и об убийстве вашего сына в Тулузе. Кажется невероятным, чтобы ваш муж стал жертвой просто потому, что он похож на кого-то другого. Думаю, что его выбрали совершенно сознательно. Бесспорно, он мешал кому-то, причем мешал так сильно, что с ним решили расправиться. Вы уверены, что он не занимался никакой политической, профсоюзной или аналогичной деятельностью?

— Я ведь вам уже сказала. За исключением опозданий — походов кино, как вы считаете, и я вам верю,— не вижу ничего загадочного в жизни мужа. Дома Роже никогда не касался этих тем. Мы разговаривали об истории и литературе. Его особенно интересовали средние века, и он отдыхал за работой над книгой о своем родном городе Дранси. Он был необычайно привязан к родителям, которые живут там же.

В доме родителей он провел всю свою молодость. Что касается книги, которую писал Роже, то она у сына, вернее, у его невесты Клодин. Вы с ней знакомы?

— Да, я познакомился с ней в Тулузе. Мне хотелось бы просмотреть эту работу. Они с Бернаром ладили между собой?

— Честно говоря, не знаю. Девушка неохотно приходила сюда. Я заметила, что она плохо чувствовала себя у меня. Видеть ее было свыше моих сил. Жить со мной нелегко. Они производили впечатление счастливых молодых людей. Это все, что я могу сказать.

Выйдя от Мюриель Тиро, я попал на Бульвары. Перед тем как повернуть, обернулся и посмотрел на окно ее квартиры. Она стояла у окна и махнула мне рукой. Какой-то момент я наблюдал за ней, прежде чем ответить, затем спустился в метро. Дальбуа советовал доехать на электричке до конечной остановки.

Здесь, на площади, начинались местные автобусные маршруты. Дальбуа жил в экспериментальном квартале, нечто среднее между дешевыми многоэтажными громадами и частными домиками. Жилые «ячейки» его дома выглядели беспорядочно расположенными кубами. Крыша нижней квартиры служила террасой для верхней. Я позвонил в № 73. Мне открыл сам Дальбуа.

— Привет, Каден. Я уже думал, что ты не придешь.

— Ну, что ты! Твое приглашение для меня большая радость.

Он представил меня Жизель, занятой приготовлением ужина. Она закрыла духовку и повернулась ко мне. Показывая на фартук, сказала:

— Извините меня, я не успела переодеться.

Хозяин продемонстрировал мне квартиру, вплоть до последнего стенного шкафа, затем повел в гостиную и включил телевизор, но при этом убрал звук.

— Ну как дела?

Я рассказал ему о путешествии в Брюссель и посещении матери Бернара Тиро. Он сразу отреагировал на мои слова о снимке.

— У тебя фотография с собой?

Я положил ее на столик, заставленный бутылками.

— Совершенно невероятная история!

Он поднес снимок к глазам.

— У твоего ЦРС вполне правдоподобный вид. За исключением того, что у него отсутствуют отличительные знаки. Логически рассуждая, он должен носить на форме номера роты и района. Что ты думаешь по этому поводу?

— Для обычного времени, это верно. Но не в тот вечер. Я узнал: все правила были отменены. Войска использовали взятое со складов оружие. Вполне допустимо, что солдаты получили приказ снять отличительные знаки.

— Ты ввязался в опасное приключение. Я уже советовал тебе и повторяю еще раз: плюнь на это дело. Веди следствие в Тулузе с прохладцей. С тебя никто не спросит. Дело кончится списанием в архив. Ты ничего не потеряешь. Найдешь другое не столь опасное убийство и наверстаешь упущенное. Рюмку анисовой?

— Нет, спасибо, я в такую жару не пью крепкие вина.

— Тогда перейдем к столу. Я сам составил меню в память о нашей «каторге» в Страсбурге.

Притворно жалуясь на тяжесть, Жизель Дальбуа внесла глиняный горшок с внушительным количеством шукрута — тушеной капусты с кровяной колбасой и сосисками, который она водрузила между двумя бутылками эльзасского вина.

— Давай, Каден, не стесняйся. Это капуста по-страсбургски. Жизель неплохо ее готовит. Ну, как ты находишь?

— Изумительно! Поздравляю вас, мадам.

Мы покончили с едой, обильно спрыскивая ее вином. Кофе Жизель подала нам на террасе, на свежем воздухе.

Они проводили меня до вокзала. Пока мы шли, я вручил фотографию Дальбуа.

— Окажи мне последнюю услугу: попробуй узнать что-нибудь об этом типе. Конечно, найти его не просто. Тем более что он с тех пор наверняка отошел от дел. Если ничего не найдешь, придется послушаться твоего совета.

Дальбуа сунул фото во внутренний карман пиджака. Подошел поезд. Я устроился у окна и опустил стекло. Мой друг, стоя на перроне, приподнялся на цыпочки и приблизил лицо к окну, чтобы никому ничего не было слышно.

— Ничего не обещаю, Каден. Дай мне три-четыре дня. Откровенно говоря, твой ЦРС опаснее взрывчатки. У меня одно желание: избавиться от его мерзкой рожи как можно быстрее. Позвоню тебе в Тулузу, как только узнаю что-нибудь новое. Прощай. До встречи.

Окончание следует

Перевели с французского
А. ИГНАТОВ и М. МАКАРОВСКАЯ

ДИДЬЕ ДЕНЕНКС,
французский писатель

Выстрел из прошлого

Роман

Не могу сказать, что следующее утро было для меня большим событием, вовсе нет... Но все же сердце слегка забилось, когда я услышал по телефону голос Клодин.

— Инспектор, я хотела бы вас поблагодарить. Мать Бернара рассказала мне вчера вечером о беседе с вами. Не знаю, как пойдет дальше следствие, но уже то, что вы сделали, служит нам большой поддержкой.

Я что-то пробормотал в ответ, предоставив ей инициативу в разговоре.

— Вы возвращаетесь в Тулузу вечером? Да?

В ее голосе мне послышалась какая-то досада, почти сожаление.

— Да, я еду поездом в четыре часа. Может быть, мы увидимся до отъезда? Во всех случаях встреча необходима, так как я хотел бы задать вам несколько вопросов. Что вы делаете в полдень?

— Работаю над диссертацией.

— А я-то полагал, что у студентов сейчас каникулы...

— В данной ситуации это весьма грустные каникулы. Я предпочитаю работать, чтобы как-то занять себя. Впрочем, у меня интересная тема. А что касается вашего предложения, то я согласна встретиться. Я занята съемкой местности между Порт д'Итали и Порт де Жантийи. Там, на бульваре Келлерманн, есть маленький ресторанчик. Он называется «Стадион». Если вы не возражаете, то можно там встретиться в час дня.

Конечно, я не возражал.

Клодин ждала меня в глубине зала.

— Итак, инспектор, о чем же вы хотели меня допросить?

Клодин произнесла эти слова так взволнованно, как будто ответ был ей крайне необходим. Я все еще помнил наше молчаливое путешествие, закончившееся на стоянке такси. Перемена в настроении девушки была слишком разительна.

— Неужели я выгляжу солдафоном? Мне просто нужно узнать от вас кое-какие детали. Пока мы не располагаем новыми данными, которые позволили бы объяснить убийство вашего жениха. Нет никаких зацепок, кроме гибели его отца. Однако, откровенно говоря, это запутывает нас еще больше.

Клодин прервала меня:

— Но у вас есть след: мать Бернара говорила о фотографии...

— Да, я надеюсь найти этого ЦРС. Думаю, именно он убил Роже Тиро в 1961 году. Но я не заблуждаюсь: у нас только один шанс из ста. Я предполагаю, что эти два убийства связаны между собой, хотя то, что произошло в Тулузе, вызывает недоумение: почему убийца так рисковал? Да, вот еще что. Мадам Тиро упомянула о существовании рукописи, посвященной истории Дранси, которую оставил ее муж.

— Рукопись у меня дома,— ответила девушка.— Бернар хотел закончить эту работу в память об отце. Я вам отдам ее хоть сегодня.

Я взял Клодин за руку, когда она поставила чашку на стол. Она не противилась этому.

Поздно вечером я был в Тулузе.

Глава седьмая

На столе в моем кабинете лежала телеграмма из Парижа: Дальбуа нашел следы убийцы Роже Тиро и выслал вслед подробное письмо.

Я полистал бумаги, лежавшие на столе. Грабежи квартир, вождение машины в нетрезвом виде, неповиновение полиции... Почтальон пришел в пять часов; я сразу бросился ему навстречу.

В груде почты лежало письмо Дальбуа. Инспектор разведки писал:

«Дорогой Каден!

Твоего человека зовут Пьер Каз. Он действительно входил в специальную бригаду, занимавшуюся ликвидацией руководителей ОАС и ФЛН в последние годы алжирской войны. На всякий случай сообщаю тебе, что все дела, касающиеся событий в Алжире, закрыты июльским декретом 1962 года. Помимо прочего, в декрете говорится, что никто не может быть объектом полицейского или судебного преследования в связи с действиями, совершенными в Алжире или метрополии до провозглашения перемирия.

Каз сейчас на пенсии. Еще несколько месяцев назад он жил недалеко от тебя, в деревушке Гризоль, на национальной дороге № 17.

Будь осторожен! Ты идешь по острию ножа. Уничтожь мое письмо по прочтении, как я это сделал с фотографией, которую ты мне оставил.

С приветом, Дальбуа».

Я вытащил из ящика стола зажигалку и сжег письмо. Затем отдал почту секретарше и вышел поискать Лардена.

— Поехали в Гризоль. Это местечко на 17-й дороге.

Пьер Каз жил в маленьком домике, окруженном красивым садом. Я подошел к калитке и позвонил в колокольчик. Человек лет шестидесяти выглянул из окна первого этажа:

— Кто вам нужен?

— Я — инспектор Каден из Тулузы. Со мной мой заместитель, бригадир Ларден. Хотел бы поговорить с вами в частном порядке.

Пьер Каз вышел из дома и открыл калитку.

— Чем обязан визиту полиции? Надеюсь, вы пожаловали не с плохими известиями? Жена вышла в магазин, но я все же могу предложить вам что-нибудь.

Нас провели в большую комнату с камином и дорогой мебелью. Хозяин достал несколько бутылок, два стакана, соленые орешки.

— Два стакана потому, что сам не пью — врачи запретили. Зато поглощаю много лекарств...

Он налил нам анисовой.

— Так вы расследуете мои дела, инспектор, или дела моей жены?

— Не совсем... Вам не трудно пройти со мной в сад? Я люблю ходить.

Окончание. Начало см. в № 1, 2.

Пьер Каз несколько удивился, но предложение принял. Я решил перейти прямо к делу.

— Мое появление не носит официального характера, поэтому мне будет понятно, если вы откажетесь отвечать...

Он сделал знак, чтобы я продолжал.

— Совсем недавно в Тулузе был убит молодой человек... Бернар Тиро...— Я следил за его лицом, но при упоминании этого имени на нем ничего не отразилось.— Его убили без очевидного мотива. Мы все проверили — за ним не числится никаких грехов. Тут все в порядке. Однако, проводя расследование, я обратил внимание на то, что отец юноши, Роже Тиро, был застрелен в октябре 1961 года в Париже на улице Нотр-Дам де Бонн-Нувель. Следствия при этом не было. Но группа бельгийского телевидения совершенно случайно сняла на пленку последние минуты жизни Роже Тиро. И все сходится на том, что стреляли в него вы.

Пьер Каз сжал кулаки и сунул руки в карманы брюк. Его плечи дрогнули. Закрыв глаза, он глубоко вздохнул. Потом нагнулся и с трудом сел на большой камень.

— Как вы узнали? Ведь все архивы хранятся под грифом «Совершенно секретно»...

— Я же вам сказал — случайная съемка бельгийского телевидения...

— Присядьте, инспектор. Вы затронули очень тяжелые для меня воспоминания... Я не ждал такого удара... Какие бы предосторожности ни предпринимались, ничего не скроешь. Порой ничего не скроешь. Что вы хотите услышать от меня?

— Почему вы убили Роже Тиро?

На какую-то секунду он растерянно посмотрел вокруг:

— Я просто получил приказ и должен был его выполнить. Больше мне ничего не известно.

— Приказ вы получили от руководства бригады?

— Зачем вы спрашиваете, если знаете ответ? Да, приказы отдавало руководство бригады... Нам поручали убирать самых активных руководителей ОАС и ФЛН. Префектура снабжала нас пропусками и оружием, которое невозможно было идентифицировать. На случай неприятностей мы имели прямой телефон директора службы безопасности. Я помню его до сих пор: МОГ-68-33. Наверное, его уже давно сменили. Чтобы не оставлять никаких следов, мы все заучивали наизусть.

Знаете, наша работа была не из веселых. Мы жили в подполье. Это совсем не похоже на ту работу, которой занимаетесь вы. Каждый из нас действовал автономно, используя собственные методы разведки, сам организовывал операции.

— А как было с улицей Нотр-Дам де Бонн-Нувель?

— Руководство бригады выбирало кого-нибудь из нас для ликвидации очередной жертвы. Убрать человека никогда не доставляло мне удовольствия. Я говорю за себя, не за других. Знаете, я участвовал в Сопротивлении и в освобождении восточной Франции. Был под ружьем в Индокитае и привык смотреть опасности в глаза. Не так уж приятно всадить пулю в живот или в сердце вьетнамца, даже если он собирался сделать то же самое с тобой. Но пустить пулю в голову молодому французу, о котором вы ничего не знаете, безоружному, сзади... Это тяжело. Успокаиваю себя лишь тем, что мой поступок, быть может, помог избежать покушения или сократить войну на день или хотя бы на час...

— Что же все-таки произошло с Роже Тиро?

— Все как обычно. Связной оставил мне записку в «почтовом ящике», куда я наведывался дважды в неделю. В ней я прочел инструкцию. Что касается Тиро, если его так звали, то мне дали фотографию и сведения о его привычках и перемещениях. Я решил действовать во время какой-нибудь демонстрации. Под надуманным предлогом собирался вызвать его по телефону. Но мой первоначальный план не пригодился. В тот день он пошел в кино. Сначала я хотел убить его в зале. Наверное, так и нужно было поступить. Тогда меня не смогла бы снять бельгийская группа.

— Вы не задавали себе вопроса о том, почему вы должны были убить этого человека?

— А вы думаете, что людей ОАС мучила совесть после того, как они взорвали двенадцать моих друзей тридцатью килограммами взрывчатки? Или когда они бросили гранату в школьный двор? Я видел детей, пострадавших от взрыва. Хорошо, что вам не довелось слышать крики ослепших детишек! В то время я избегал задавать себе подобные вопросы, чтобы не сойти с ума.

— Кто давал вам задания? Теперь вы мне можете сказать, прошло 20 лет, и это уже история.

— Не уверен в последнем. Так вот, специальной бригадой руководил Андре Вейю, и она входила в официальную полицию, хотя в списках и не значилась. Лучшее тому доказательство то, что это время учтено в моей пенсионной книжке, причем год считался за два.

— Значит, решение об убийстве Роже Тиро принял ваш командир Вейю?

— Во всяком случае, он был в курсе. Руководящая группа бригады полностью соответствовала типу нашей деятельности. Она самостоятельно принимала решения. У Вейю было по меньшей мере три заместителя, но в срочных случаях он все решал сам.

— Чем он занимается сегодня?

— Скоро уйдет на пенсию. После роспуска специальной бригады ему дали место в управлении по уголовным делам в префектуре Парижа. Правительство умеет быть благодарным.

Подошел Ларден. От него пахло как минимум еще двумя анисовыми. Мы попрощались.

Уходя, я как бы невзначай взглянул в гараж, где стоял большой зеленый «мерседес» 60-х годов. Не автомобиль, а мечта! Я сказал Лардену:

— Ну и машина! Везет же людям...

— Да нет, инспектор. Пока вы разговаривали в саду, вернулась его жена. Она приняла меня за посланца из больницы. Старику осталось совсем немного. Вы обратили внимание на его лицо? Врачи дают ему три или четыре месяца жизни...

— А ведь не скажешь. Крепкий человек, если знает, что приговорен...

— Он не знает, насколько серьезно болен. Врачи говорят ему о какой-то особой язве.

Мы сели в машину. Бригадир развернул ее и повел к Тулузе. Я оглянулся. У калитки стояла пожилая женщина в сером платье. Мне показалось, что она записывает номер нашей машины.

В тот же день, впервые после отпуска, появился в участке комиссар Матабио. Он, едва поздоровавшись, ворвался в комнату часов в 10. Настроение было у него жуткое. Присев на край стола, комиссар скрестил руки на груди. Должно быть, он очень торопился: я заметил, что один носок его был надет наизнанку.

— Послушайте, Каден, я хотел бы знать, что здесь произошло за время моего отсутствия!

— Ничего исключительного, комиссар, если не считать забастовки могильщиков.— Я хотел выиграть время, чтобы понять, не пожаловался ли Каз на мой визит.— Забастовка длилась неделю, произошло несколько столкновений с семьями, ожидавшими погребения покойников. В остальном — обычная суета. Всяческие жалобы, не хочется рассказывать. Лично я бóльшую часть времени посвятил самому крупному делу месяца — убийству Бернара Тиро. Материалы о моих контактах в Париже и Тулузе готовы...

— Это все? — спросил он с раздражением.

— Да, не вижу ничего более важного.

— Ну а дело об убийстве продвигается?

— Не так хорошо и не так быстро, как хотелось бы. Но кое-что реальное все же добыли. Тиро убит парижанином, примерно 60 лет. Есть заявление свидетеля, заметившего убийцу, когда тот выходил из машины «Рено-30 ТХ» черного цвета с парижским номером. Он следовал за жертвой. Ларден проверил все заправочные станции и гаражи между Тулузой и Парижем, но никто не помнит машину и человека, похожего по описанию на преступника. Причину нападения мы так и не узнали. Юноша ехал в Марокко вместе с невестой...

— Зачем же парижанину ехать в Марокко через Тулузу? Это не самый прямой путь.

— Да, это так. Но Бернар Тиро и его невеста — историки; они заехали в Тулузу для ознакомления с городскими архивами. Два дня я смотрел вместе с Ларденом хранившиеся там документы, но безрезультатно. Зато в Париже обнаружились любопытные вещи. Отец жертвы был убит при весьма загадочных обстоятельствах в октябре 1961 года, во время демонстрации алжирцев. Могу даже сказать, что он был не убит, а казнен.

— Кем же?

— На первый взгляд его убрали по политическим мотивам, из государственных соображений. Я нашел агента, которому поручили эту работу. В то время этот человек состоял в специальной бригаде, что-то вроде подпольного ударного отряда, созданного министерством для нейтрализации руководителей ОАС и ФЛН. Руководил бригадой крупный чин из префектуры Андре Вейю. Во всех случаях дела покрыты амнистией.

— Вы думаете, что эти два дела связаны между собой? Не столь уж сложно предположить, что сын Тиро смог найти убийцу отца и приехал сюда, чтобы отомстить за него. Вот для чего он сделал крюк.

— Я не против такой гипотезы, но есть целая куча деталей, которые не укладываются в эту схему. И в первую очередь — агент Пьер Каз. Помимо возраста, его внешность не соответствует человеку, которого видел свидетель. Да и зачем ему усложнять свою работу, добывая машину с парижским номером и совершая преступление среди бела дня с максимальным риском?

— Но если вы не смогли найти следы «рено», то, может быть, потому, что убийца и не совершал поездки из Парижа в Тулузу.

— И все же машина была. За неделю, предшествовавшую смерти Бернара Тиро, во Франции не было зарегистрировано ни одной кражи машин этого типа. Я сам проверял список похищенных автомобилей.

— А не одолжил ли кто убийце свою машину? Поинтересуйтесь времяпрепровождением Каза и посмотрите, не ездит ли на ней кто-нибудь из его друзей. Вы были еще раз в архиве после того, как узнали об этой алжирской манифестации?

— Нет, а что следует посмотреть?

— На вашем месте я бы побывал там еще раз. Теперь вы знаете, о чем идет речь: связь с Пьером Казом или со специальной бригадой. У вас есть небольшой шанс раскопать причину этого убийства. Не получится лишь в том случае, если жертва вела просто историческое исследование...

— Слишком много совпадений. По правде говоря, я должен найти убийцу Бернара Тиро. Но меня по-прежнему интересует, почему никому не известный учитель из лицея имени Ламартина, становится объектом задания агента политической полиции во время алжирской демонстрации. Если бы у меня было достаточно наглости, то я бы отправился к бывшему патрону специальной бригады Андре Вейю. Тем более что теперь он ничем не рискует...

— Не буду учить вас, Каден, следствию, хотя никогда не отказываю в совете. Можете работать, как считаете нужным. Лишь бы это привело к аресту виновного. Но предупреждаю, что, если вы выйдете за рамки закона, на меня не ссылайтесь. Это будет ваша личная инициатива. Не хочу, чтобы мое имя было связано с каким бы то ни было нарушением.

— Всегда брал ответственность на себя, комиссар, и убежден, что эти два преступления связаны между собой...

— Пока связь в том, что по неизвестным причинам убиты отец и сын. Вы только что сказали о двух преступлениях, хотя перед этим заметили, что убийство Роже Тиро покрыто амнистией. Будьте осторожны.

— Постараюсь, комиссар.

— Стараться недостаточно. И не опирайтесь на ваши «убеждения», оставьте их судьям. Мне нужен преступник, которого можно так же убедительно представить, как и труп, подобранный около префектуры. Я предпочел бы, чтобы вы оставались во главе комиссариата, пока не закончите следствие. Таким образом, будете чувствовать себя свободнее.

Глава восьмая

В тот день я вернулся домой пораньше и лег в постель в восемь часов, сразу после последних известий. Но уснуть долго не мог. Встал и, подойдя к книжной полке, увидел незаконченную монографию Роже Тиро, отданную мне Клодин. Это была не книга, а скорее макет, предназначенный для типографии. На первой странице красовался герб города Дранси, на второй — название «Дранси с основания и до наших дней. Роже Тиро, преподаватель лицея им. Ламартина».

Я быстро пролистал монографию. На многих страницах оставались пустые места, обведенные карандашом. Автор, видимо, предполагал поместить туда фотографии, графики, рисунки. Первая глава была посвящена историческому прошлому тех мест. Я проглядел текст наискосок, стараясь установить лишь общий смысл. Затем перескочил через несколько столетий и взялся за современность. Я узнал, что в 1934 году, когда население городка превысило 40 тысяч человек, была принята смелая строительная программа: в Дранси должны были построить первые французские небоскребы. Весь этот комплекс должен был называться «Чайкой».

Говоря о 1940 годе, Тиро упомянул о немецких солдатах, захваченных в плен и содержавшихся в «Чайке». (Дело в том, что первые французские небоскребы не имели успеха у публики, а потому за бесценок были проданы министерству обороны.) Здесь я обратил внимание на то, что французской армии удалось захватить пленных во время «странной войны».

Но немцы вскоре вошли в Дранси, и роли поменялись: заключенные превратились в тюремщиков. С лета 1940 года здесь были размещены взятые в плен французские и английские солдаты, а также мирные граждане из Югославии и Греции, захваченные в Париже. Двадцатого августа 1941 года «Чайка» была официально преобразована в концлагерь для участников Сопротивления, «сомнительных» лиц, евреев, цыган и прочих перед их отправкой в Германию или в оккупированную Польшу.

Роже Тиро привел цифру: 76 тысяч женщин, детей, стариков прошло за три года через Дранси и отправлено затем в Освенцим. По его данным, из них спаслось менее двух тысяч человек.

Каждую неделю через Дранси проходили три тысячи узников под конвоем четырех немецких солдат и нескольких десятков их французских приспешников. Автор подчеркнул цифру «четыре».

Отдельная таблица указывала, сколько и из каких районов Франции прибывало в Дранси заключенных. Впереди всех шел парижский район, за ним Тулуза, столица Пиренеев. Парижский район занимал в этом страшном перечне все первые места, за исключением графы «дети моложе 3 лет». В Париже их было одиннадцать процентов, а в Пиренеях — двенадцать.

Рассказ о «Чайке» подошел к концу. Позже, в августе 1944 года, лагерь служил для размещения нескольких тысяч французов, обвиненных в сотрудничестве с врагом. Среди самых известных заключенных были певец Тино Росси, драматург и эссеист Саша Гитри...

На этом я уснул.

Войдя в комиссариат на следующее утро, я с удивлением обнаружил Лардена, стоящего на столе. Он снимал огромную дорожную карту Франции 1971 года, закрывавшую почти всю стену.

— Что вы делаете, Ларден?

Он повернулся ко мне и что-то пробормотал, но я не понял ни слова.

— Говорите яснее...

Бригадир поднес ладонь ко рту и выплюнул полдюжины кнопок:

— Отдел снабжения прислал нам новую дорожную карту. Тут все дороги, включая и те, что еще строятся. Поэтому я снимаю этот антиквариат.

Повесив новую карту, Ларден спрыгнул вниз, подошел ко мне и взглянул на дело рук своих:

— Никакого сравнения, инспектор.

Я не мог оторвать глаз от ярких линий автодорог, пересекавших страну. Главные дороги были отмечены двойной оранжевой чертой.

— Взгляните-ка на карту, Ларден. Вы ничего не замечаете? Я имею в виду автодороги...

Он посмотрел на меня с удивлением:

— Нет... Дорог стало вроде немного больше... Думаете, они ошиблись?

— Посмотрите внимательнее. Это же совершенно очевидно. Расследование надо начинать сначала. Прямо сейчас.

— Какое расследование, инспектор?

— Их же у нас не тысяча. Речь идет об убийстве Бернара Тиро. Вам придется снова опросить все полицейские посты по автодороге Париж — Тулуза, все станции обслуживания, все дорожные рестораны.

— Так мне скажут то же самое, что и две недели назад. Если не считать тех, кто просто пошлет к черту.

Я подошел к карте, взял линейку и показал на оранжевую линию:

— Кто вас просит опрашивать тех же лиц? Мы просто ошиблись направлением. Преступник мог приехать в Тулузу не по дороге А-10, через Бордо, а через Лион, по А-6...

— Но это же глупость! Там на 300 километров больше!

— И все же, Ларден, это вполне возможно. Я хочу получить от вас ответ уже к вечеру. Не упустите ничего и никого. Звоните мне по любому поводу в комиссариат или домой.

Ларден отдал честь и вышел, а я отправился в префектуру. Архивариус поднял руку, приветствуя меня, и сразу же подошел, хотя каждый шаг ему давался с трудом.

— Рад вас видеть, господин инспектор. Чувствую, что наши старые бумаги вас очаровали.

Я подождал, пока он подойдет, и тогда ответил.

— Да, что-то вроде этого. Вот хочу снова взглянуть на документы, которые смотрел раньше, в связи с делом несчастного молодого человека.

— Вы продвигаетесь вперед, если это не секрет?

— Я пришел для простой проверки. Наверное, у вас есть список лиц, обращавшихся раньше в архив?

— Разумеется. Таково правило. А почему вы спрашиваете, инспектор?

Я попытался придумать сносное объяснение.

— Это мысль комиссара Матабио. Мы идем по следу бывшего сотрудника полиции, который знал семью Бернара Тиро. И я хочу посмотреть, не фигурирует ли его имя в этих списках.

— Я с удовольствием сделаю это для вас. Для меня такой поиск обычное дело.

— Спасибо, не нужно. Скажите, где находится список?

— Позади вас, в комнате заместителя архивариуса. Все карточки сложены в хронологическом порядке.

— А почему не по алфавиту?

— В этом нет необходимости. Карточки никто никогда не спрашивал. Мы их заполняем только для того, чтобы соблюсти правила.

Заместитель архивариуса, молодая женщина в больших роговых очках, скрывавших лицо, показала мне ящик с карточками этого года. Я быстро нашел на одной из них имя Бернара Тиро с объяснением причины обращения и указанием досье, которое он просил,— на буквы «Де». Затем просмотрел карточки в поисках имени Пьера Каза, но ничего не нашел и вернул ящик женщине. Меня вдруг что-то осенило, и я попросил список лиц, обращавшихся к ним в 1961 году, открыл толстый том на странице, помеченной «октябрь». Мне показалось, что меня кто-то толкнул. Я обнаружил карточку, заполненную Роже Тиро 13 октября 1961 года. Затем спокойно ее перечитал, чтобы быть уверенным в своем открытии.

«Префектура Тулузы. Административная библиотека. Число: 13/X—1961 г. Имя обратившегося: Роже Тиро. Место жительства: Париж-2. Цель запроса: личная. Характер документов: на «Де».

Я возвратил карточки.

— Вы нашли, что хотели, месье?

— Кажется, да. Спасибо.

Заведующий архивом ждал меня в проходе с папками в руках.

— Вот все на «Де». Это те бумаги, которые вы смотрели прошлый раз. Может быть, сейчас вам повезет больше. Нашли следы бывшего полицейского?

— Нет, по-моему, комиссар идет по неправильному пути.

Я выложил содержимое скоросшивателя на стол и разобрал папки. Отодвинув «Дезинфекцию», «Делегацию», «Деньги» и «Детство», взял «Депортацию».

Досье состояло из служебных записок, которыми обменивались чиновники с очевидной целью повысить эффективность машины по уничтожению людей. Подписанные инициалами «А. В.» и титулом «секретарь тулузской префектуры», они были адресованы министру внутренних дел. Тот же человек направлял инструкции местной полиции для выполнения нацистской программы.

Старательная работа местной администрации вскоре позволила нашему району отхватить первое место у Парижа по числу жертв, намного опередив всю страну. Сложив папки в скоросшиватель, я постучал в дверь Лекюссана, но не получил ответа. Поискав архивариуса среди шкафов и не услышав стука его протеза, я спросил заместительницу:

— Начальства нет?

— Месье Лекюссан вышел минут десять назад. Вы хотите ему что-нибудь передать?

— Нет, ничего. Поблагодарите его от моего имени за помощь.

Первые капли дождя застали меня при выходе из префектуры. Порывы ветра усиливались с каждой минутой, поднимая пыль с тротуаров. Я ускорил шаг, надеясь вернуться в комиссариат до того, как разразится гроза.

Еще не было шести часов, но казалось, наступила ночь. Черные облака закрывали небо. В участке зажгли огонь, и его блеклый неоновый свет придавал холлу мрачный вид. Звонок Лардена застал меня в кабинете Матабио, где я искал телефонный справочник Тулузы.

— Вы, кажется, были правы, инспектор. По-моему, я напал на след...

— Откуда вы звоните?

— Из Сен-Рамбер д'Альбон, на автодороге между Лионом и Валансом.

— Что вы нашли?

— Только что обнаружил мотоциклистов, которые патрулируют автодорогу от Лиона до Авиньона. Один из этих парней останавливал машину «Рено-30 ТХ» в тот день незадолго до полуночи: машина ехала со скоростью 150 километров в час... Водитель «рено» выдал себя за исключительно важную шишку. Он показал трехцветную карточку полицейского.

— Машина с парижским номером?

— Как будто. Второй мотоциклист, который смотрел документы и должен лучше помнить этот случай, ушел в отпуск. Постараюсь узнать, где он отдыхает.

— Ну и везет же нам! Единственный свидетель, и тот где-то на лоне природы... Ларден, постарайтесь узнать его адрес. Все это очень похоже на правду! Преступление произошло около шести часов. Если считать, что «рено» шел со средней скоростью 100 километров, то по времени он должен быть в том районе. От Тулузы до вашего Сен-Рамбера 500 километров, а значит, вполне хватает и одной заправки. Чувствую, дело идет. Когда все закончите, двигайте в Париж. Ждите меня в гостинице.

— Но я по-прежнему не понимаю, инспектор, почему наш человек поехал из Парижа в Тулузу и обратно более длинным путем, через Лион, вместо того чтобы отправиться через Бордо. Париж — Лион — Тулуза и обратно — это более 2200 километров. В то время как Париж — Бордо — Тулуза и назад — 1600. Неужели он проделал 600 лишних километров ради красивого пейзажа?

— Нет, пейзаж здесь ни при чем. Но пока правила игры диктует он...

Из комиссариата я отправился домой пешком. Обогнул церковь Сен-Жермен и спустился к Гаронне по улице

Лотман. Поток машин и пешеходов, заполнявших мост Святого Петра в час «пик», иссяк. Я не спеша продвигался по набережной.

Первый раз я почувствовал чье-то присутствие на углу авеню Сежурне. Кто-то шел за мной следом, тщательно при этом скрываясь. Чтобы удостовериться в слежке, я резко повернулся. В свете фонаря мелькнул чей-то силуэт. Невысокого роста человек припадал на правую ногу. В руке он держал пистолет. Я машинально протянул правую руку к груди и стал незаметно расстегивать пиджак.

Во всех случаях на таком расстоянии он имел один шанс из десяти попасть в меня. Ему следовало бы согнуть колени, чуть наклониться вперед, отвести руку назад к туловищу и целиться мне в грудь.

Чтобы отвлечь его, я громко крикнул:

— Что вы хотите? Если деньги, я брошу вам кошелек...

— Они меня не интересуют, инспектор Каден. Не надо было рыскать повсюду... Я не хотел...

Голос человека был знаком, но мне никак не удавалось узнать его. Он сам позаботился об этом, со стуком переставив ногу с протезом.

— Вы с ума сошли, Лекюссан! Уберите оружие, пока не поздно.

Архивариус двинулся вперед, направив на меня пистолет.

За это время я успел добраться до кобуры. А затем, падая на левую сторону, схватил за рукоятку револьвер.

Вспышку я увидел, уже лежа на грязной набережной. Пуля пролетела над моей головой; не раздумывая, я несколько раз нажал на гашетку. Мною руководил просто страх. Лекюссан упал после первого же выстрела. Подойдя, я поднял выпавшее из его руки оружие и не без труда прочитал в темноте: «Лама Габилондо. Виктория».

Та же испанская модель, из которой стреляли в Бернара Тиро.

Лекюссан был мертв. Две пули разнесли ему голову, третья попала в протез. Из телефона-автомата на набережной я позвонил в комиссариат и строго-настрого приказал дежурному в течение суток сохранять информацию об этом деле в тайне.

Услышав выстрелы, стали собираться прохожие, но никто не посмел обратиться ко мне.

Я ушел, заслышав сирены «скорой помощи» и полицейской машины, подъезжавших к месту перестрелки.

В половине первого ночи парижский экспресс уходил с центрального вокзала Тулузы. Мне удалось достать спальное место. Убаюканный удовлетворенным посапыванием двух соседей-коммивояжеров, я заснул еще до того, как поезд прошел Монтобан, близ которого в местечке Гризоль жил полицейский на пенсии.

Глава девятая

Как обычно, они легли рано. Она тихо спала, и в полутьме он с нежностью посматривал на нее. Пьер Каз давно знал, что его обманывают. Точнее, уже год. С тех пор, как обнаружил несколько книг по медицине, которые жена прятала от него в сарае. И понял, что язва была совершенно ни при чем: его сжирал изнутри самый страшный зверь. Он ничего не говорил, делая вид, что верит в язву.

Возможно, сегодня ему не спалось из-за этого полицейского из Тулузы, который заставил вспомнить прошлое. Он встал с кровати. Чутко спавшая жена сразу проснулась.

— Ты плохо себя чувствуешь? Хочешь чаю или что-нибудь успокоительное?

Он заверил ее, что все в порядке, и пошел в прихожую к телефону. По номеру, оставленному инспектором Каденом, ответил дежурный.

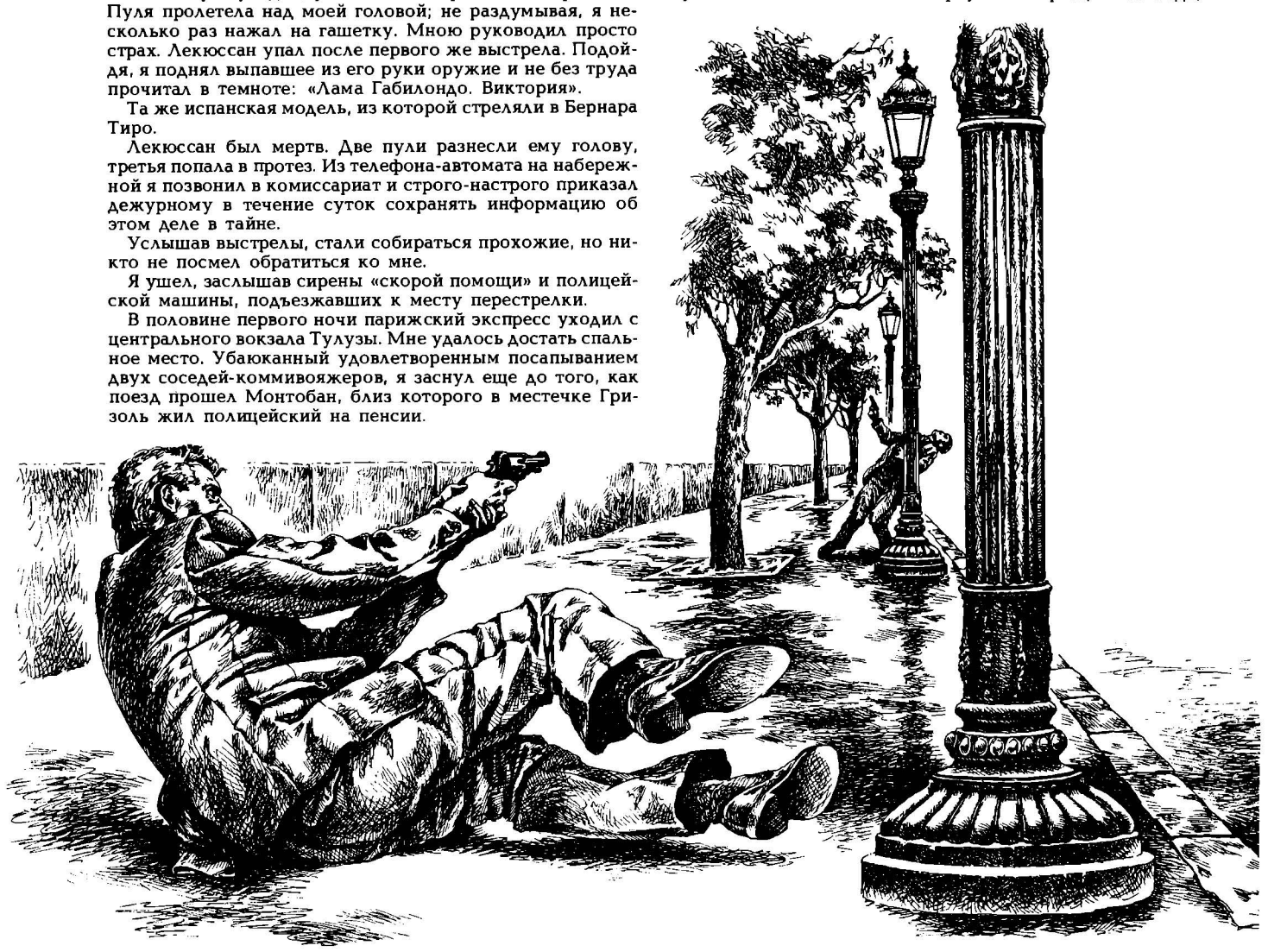
— Я хочу поговорить с инспектором Каденом. Это очень важно.

— Инспектора нет в Тулузе. Он срочно уехал в Париж на расследование.

— У вас есть его парижский номер или название гостиницы?

— Увы, месье, нет.

Положив трубку, Пьер Каз на мгновение задумался, потом быстро оделся, достал из шкафа картонную коробку и взял из нее любимый браунинг образца 1935 года,



завернутый в промасленную тряпку. Вынул обойму и проверил ее: все 13 патронов были на месте.

Жена молча стояла рядом.

Проверив пистолет, он сунул его в карман пиджака и пошел в гараж.

Зеленый «мерседес» ответил довольным урчанием на поворот ключа.

Десять минут спустя Пьер Каз уже ехал по автодороге в направлении Парижа с включенными фарами. Стрелка спидометра твердо лежала на цифре 180.

Глава десятая

Ларден заканчивал завтрак в баре отеля, пытаясь одновременно разгадать кроссворд из газеты «Фигаро».

— Здравствуйте, бригадир. Вы занимаетесь и кроссвордами тоже? По-моему, вам не хватает только игры в казино. Или вы туда тоже заглядываете?

— А, это вы, инспектор. Уже в Париже? Я не ждал вас так скоро.

— Ну, нашли мотоциклиста?

— Да, вчера в 11 вечера. В кемпинге, в местечке Требердан, что в Бретани. Я поговорил с ним по телефону: «Рено-30 ТХ» в самом деле имела парижский номер. Нужно связаться с отделом учета автомобилей, чтобы узнать имя владельца...

— Мотоциклист не помнит?

— Нет. Когда машину задержали, водитель достал трехцветную карточку и стал кричать, что послан в специальную командировку. Полицейский отпустил его, но машинально запомнил номер машины — 3627 ДНА 75.

— Отлично, Ларден. Я сам узнаю имя владельца автомобиля и его шофера. А вы отправляйтесь к госпоже Тиро на улицу Нотр-Дам де Бонн-Нувель и спросите, не ездил ли ее муж в Тулузу в октябре 1961 года, за несколько дней до смерти. Затем заезжайте домой за Клодин Шене и вместе тихо ждите меня в «Кафе дю Пале». Оно находится на берегу Сены, чуть повыше префектуры. Я буду там к двум часам.

Мне едва хватило оставшегося времени. Я зашел в отдел учета автомашин и узнал имя владельца «рено», нашел машину и поговорил с шофером. Потом я позвонил начальнику общего отдела префектуры в Тулузе и получил от него положительные ответы на мои вопросы.

Закончил дела у Дальбуа.

— Привет, Каден. Тебе помогло мое письмо? Знаешь, как было трудно найти твоего человека! Они тщательно охраняют тайны. Это в самом деле он?

— Да. Он убил Роже Тиро в 1961 году по приказу. Но не думаю, что Пьер Каз замешан и в убийстве его сына. Этот человек больше похож на больного пенсионера, мечтающего о том, чтобы его забыли. Если только он не прикидывается...

— Скорее последнее. Твой пенсионер зашевелился сразу после нашей встречи. Я это понял со слов коллеги, который занялся его делом. Не особенно доверяй людям такого типа. Подобную работу поручают не ангелам. Будь повнимательнее...

— Хорошо. Во всяком случае, свидание с ним мне многое дало. Если не ошибаюсь, я близок к тому, чтобы найти убийцу. В мозаике не хватает только одного камешка, и с ним картина будет ясной.

— Ты хочешь найти камешек здесь? Да или нет?

— Понимаешь, мне нужно подтверждение. Для меня все понятно, но надо представить надежную версию... Администрация следит за каждым полицейским чиновником со дня его прихода на работу до ухода на пенсию. Не так ли?

— Да, естественно: как иначе можно управлять организацией в 100 тысяч человек?

— Я говорю об этом не в порядке критики. Документ, который приходит к комиссару в момент перемещения любого чиновника, кратко отражает весь служебный путь. Так вот я бы хотел получить фотокопию такого досье. Это возможно?

— Твое личное дело? Нет, не смогу, оно находится в Тулузе. Мне доступны лишь дела, хранящиеся в Париже.

— Плевать мне на мое дело, я его знаю лучше всех. Я хочу получить досье на одного из чинов парижской префектуры.

— Это легче. Может, мне и удастся уговорить нашего профсоюзного делегата взглянуть на интересующее тебя дело в управлении кадров.

— Разве ты связан с профсоюзом? Никогда бы не подумал.

— Когда работаешь в разведке, важны все связи... Некоторые из них кажутся странными, но они весьма полезны. Когда потом активисты профсоюза займут какие-нибудь посты, им можно напомнить кое о чем. Все покупается. Особенно честность. Напиши-ка мне имя твоего парня и подожди в коридоре. Через час у тебя будет это досье.

Бригадир Ларден и Клодин Шене беседовали на террасе «Кафе дю Пале». На этот раз молодая женщина была в платье. Я впервые увидел ее красивые загорелые ноги. При моем появлении она встала.

— Что происходит, инспектор Каден? Ваш коллега ничего не хочет говорить. Есть что-то новое?

— Да, до развязки осталось немного. Хочу, чтобы вы присутствовали при признаниях убийцы Бернара. Вы чувствуете себя нормально?

— Вполне.

Мы вошли во двор префектуры. На видном месте стоял большой зеленый «мерседес». Полицейский указал нам на дверь «С». Однако там нас остановил дежурный:

— Что вы хотите?

Я подошел к нему вплотную.

— Мы хотим поговорить с месье Вейю.

— Директор занят. У него люди. Вам назначили?

Я отрицательно покачал головой. Он протянул мне тетрадь и ручку.

— Запишите фамилию и вопрос, который вас интересует.

Я отодвинул тетрадь.

— Мы не можем ждать. Я специально приехал из Тулузы для этой встречи. Позвоните месье Вейю и скажите, что инспектор Каден хочет видеть его немедленно.

Дежурный с неохотой снял трубку и набрал номер.

— Невозможно, месье Каден. Попытайтесь прийти после обеда или завтра,— сказал он, положив трубку.

Решив не ждать, я отодвинул охранника рукой, и мы быстро поднялись по лестнице.

Сухой звук выстрела мы услышали, когда были уже на третьем этаже перед кабинетом Вейю. Ларден немедленно вытащил оружие, а я, уложив Клодин на пол, достал свой револьвер. За дверью раздался второй выстрел. На площадку влетели несколько полицейских. На какое-то мгновение им, верно, показалось, что перед ними преступники, и они направили на нас оружие.

Я поднял руки вверх:

— Мы коллеги. Я инспектор Каден из Тулузы. Стреляют у директора.

И указал на его кабинет.

Полицейские стали по двое с каждой стороны двери. Они собирались высадить ее, но не успели. Дверь медленно открылась, и на пороге показался старый человек с совершенно измученным лицом. Он выглядел тяжелобольным.

Ларден толкнул меня:

— Так это же наш пенсионер с 17-й дороги!

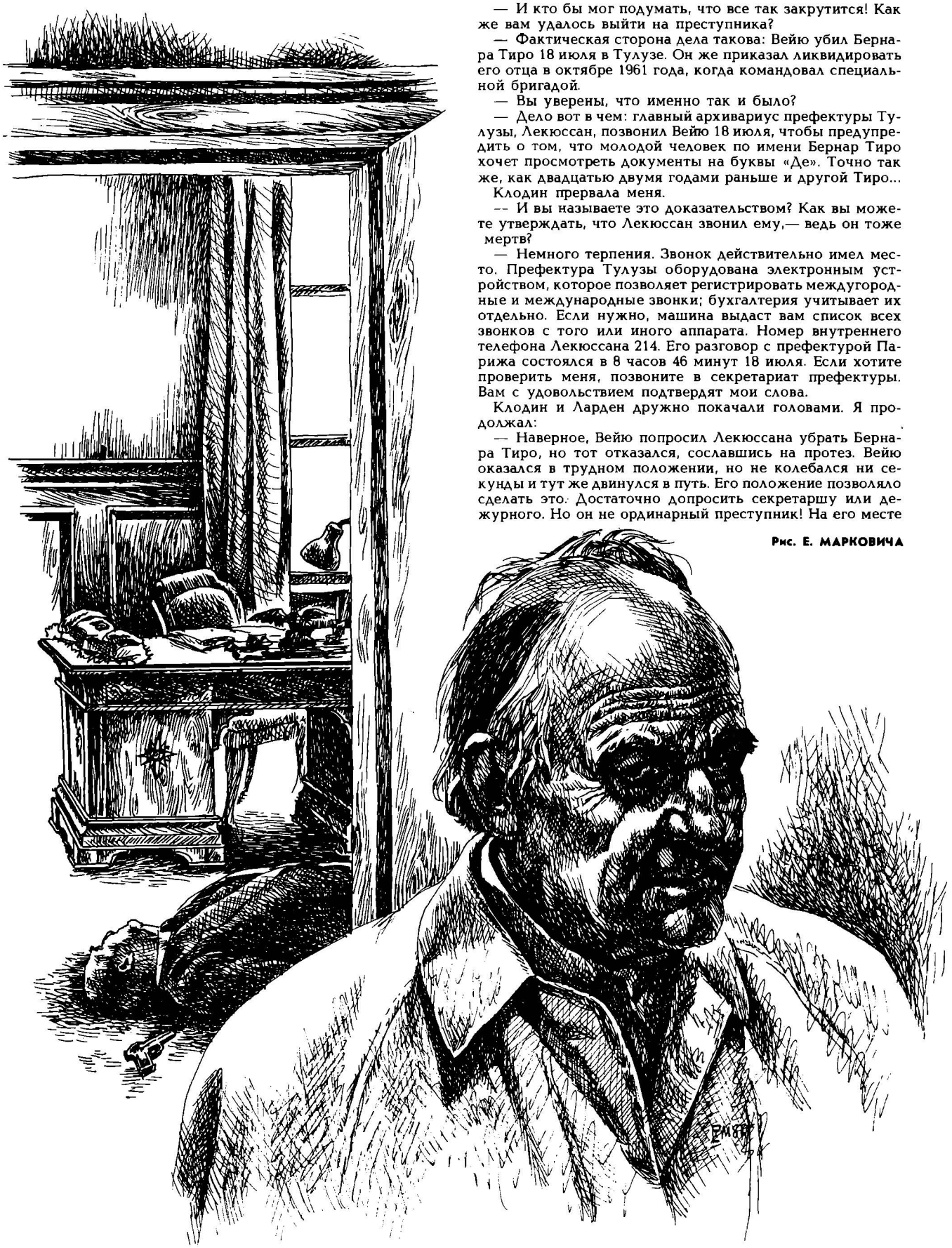
Я вошел в большой кабинет Вейю. Директор уголовного розыска был мертв. Струйка крови стекала из его виска на синий пушистый ковер. Перед ним лежал браунинг: старая довоенная коллекционная модель.

Когда я вышел, Пьер Каз горько усмехнулся:

— Он бы тебя перехитрил, малыш... Это было ясно заранее.

Его увели.

Позже, когда мы обедали в маленьком турецком ресторане, в районе Сантье, Ларден и Клодин забросали меня вопросами.



— И кто бы мог подумать, что все так закрутится! Как же вам удалось выйти на преступника?

— Фактическая сторона дела такова: Вейю убил Бернара Тиро 18 июля в Тулузе. Он же приказал ликвидировать его отца в октябре 1961 года, когда командовал специальной бригадой.

— Вы уверены, что именно так и было?

— Дело вот в чем: главный архивариус префектуры Тулузы, Лекюссан, позвонил Вейю 18 июля, чтобы предупредить о том, что молодой человек по имени Бернар Тиро хочет просмотреть документы на буквы «Де». Точно так же, как двадцатью двумя годами раньше и другой Тиро...

Клодин прервала меня.

— И вы называете это доказательством? Как вы можете утверждать, что Лекюссан звонил ему,— ведь он тоже мертв?

— Немного терпения. Звонок действительно имел место. Префектура Тулузы оборудована электронным устройством, которое позволяет регистрировать междугородные и международные звонки; бухгалтерия учитывает их отдельно. Если нужно, машина выдаст вам список всех звонков с того или иного аппарата. Номер внутреннего телефона Лекюссана 214. Его разговор с префектурой Парижа состоялся в 8 часов 46 минут 18 июля. Если хотите проверить меня, позвоните в секретариат префектуры. Вам с удовольствием подтвердят мои слова.

Клодин и Ларден дружно покачали головами. Я продолжал:

— Наверное, Вейю попросил Лекюссана убрать Бернара Тиро, но тот отказался, сославшись на протез. Вейю оказался в трудном положении, но не колебался ни секунды и тут же двинулся в путь. Его положение позволяло сделать это. Достаточно допросить секретаршу или дежурного. Но он не ординарный преступник! На его месте

Рис. Е. МАРКОВИЧА

любой поехал бы самой короткой дорогой по А-10, Париж — Бордо — Тулуза. В таком случае мы бы давно его нашли. Он понимал, что полиция займется проверкой всех пунктов на автодороге. И обманул нас, выбрав обходный путь, А-6. Ларден ехал через Бордо туда и обратно, опрашивая служащих заправочных станций, путевых ресторанов, сборщиков оплаты за проезд, шпиков. И безрезультатно. Казалось, мы преследовали не автомобиль, а призрак. Кто мог подумать, что хитрец проедет на 300 километров больше в каждую сторону, чтобы спутать наши карты? И ему это почти удалось. К счастью, у департаментского отдела снабжения возникла хорошая мысль заменить нашу старую дорожную карту новой, на которой автодороги чуть ли не светятся.

На лице Лардена появилась удовлетворенная улыбка.

— Я же говорил, что все это благодаря новой карте.

Я вернулся к рассказу.

— Вейю жал вовсю. Он останавливался только для того, чтобы заправиться, и приехал в Тулузу незадолго до шести часов. Поставил машину у префектуры, дожидаясь выхода Бернара. По телефону Лекюссан описал ему внешность молодого человека. Архивариус постарался задержать его до вечера. Вейю пошел за ним следом и убил в подходящий момент, затем тут же отправился в Париж, чтобы с утра выйти на работу. К сожалению, в самые лучшие планы иногда вмешивается судьба. На сей раз она предстала в облике мотоциклистов в окрестностях Монтелимара в 11 часов 57 минут вечера. Патруль на мотоцикле сообщил нам номер служебной машины «Рено-30 ТХ». Я подробно поговорил с шофером Вейю в гараже префектуры. Как и все профессионалы, он внимательно следит за своим «инструментом». Водитель, естественно, заметил перемену на счетчике, происшедшую за ночь с 18 на 19 июля. Нельзя не заметить, что автомобиль прошел две тысячи километров. К тому же шофер запланировал смену масла на 21 число, когда «рено», по его подсчетам, пройдет 35 тысяч.

До сих пор Клодин молчала.

— Странно, но его смерть не принесла мне облегчения... Я думала, что арест убийцы поможет мне...

На тротуаре перед расставанием я шепнул ей:

— Мы могли бы поужинать вечером, я уезжаю завтра утром.

Она кивнула головой на Лардена и спросила, понизив голос:

— С бригадиром?

— Нет, он предпочитает компанию электроинных игр. И с нетерпением ждет появления таких ресторанов, где можно одновременно есть и играть.

— Хорошо. Заезжайте за мной в восемь часов. Вы помните адрес?

Как будто полицейский моего класса был способен забыть столь важную деталь!

Глава одиннадцатая

К вечеру, после семи, суд вынес решение о виновности Пьера Каза. Однако многие сомневались, что он доживет до конца процесса. Его смерть была бы хорошим поводом для того, чтобы замять дело. Я помчался к Клодин. Она открыла и, прижавшись ко мне, положила руки на плечи. По ее лицу текли слезы.

— Почему ты плачешь? Все кончено, надо забыть.

— Мне стыдно быть счастливой после всего этого. Ты не можешь себе представить, какой одинокой я себя чувствовала... с того дня... Всеми брошенной... Мне необходимо было знать, что кто-то рядом... В этом трудно признаться, но я не хочу привыкать к несчастью, как мать Бернара.

Она улыбнулась и села рядом.

— Ну вот, все кончено. Больше не плачу. Я купила фрукты. Ты любишь клубнику и персики?

— Я тоже хотел, чтобы кто-то был рядом со мной. С первой нашей встречи.

— Не будем больше говорить об этом. Обещаю тебе. Но объясни все-таки, почему старик так ненавидел Бернара и его отца? Это не секрет?

— Нет. Во всех парижских редакциях, наверное, ищут сейчас ответ на тот же вопрос. Андре Вейю ничего не имел против семьи Тиро. Он видел Бернара раз в жизни, в Тулузе. И думаю, что он вовсе не знал его отца, Роже.

— Значит, он сумасшедший?

— Нет, обыкновенный чиновник. Он начал карьеру двадцатилетним служащим в Тулузе в префектуре полиции. В 1938-м. Не прошло и года, как он стал заместителем ответственного секретаря. В 1940-м организовал прием французов, бежавших с севера, от немцев. В следующем году ему поручили дела беженцев.

Вейю старательно выполнял все инструкции вишистского правительства. Именно он занимался отправкой в пересыльный лагерь Дранси целых семей. Вместе с ним в префектуре работал Лекюссан. По количеству детей, отправленных в нацистские лагеря смерти, они опередили все другие районы Франции. Часть французских чиновников нарочно путала документы, направляя гестаповцев по ложным путям. Но не в Тулузе. Вейю из усердия даже опережал немецкие планы и приказы. У нас бы никогда не было столько погибших, не имей нацисты услужливых сотрудников среди французов. Из Пиренеев вывозили даже тех детей, которым не исполнилось двух лет, хотя, по распоряжению Петена, их можно было не трогать.

— Но в то время отец Бернара был ребенком.

— Роже Тиро родился в Дранси — вот в чем дело. В свободное время он писал книгу об истории родного города. Самого обычного города, во всяком случае, до создания в нем концлагеря, который принес ему печальную известность. Отец Бернара обратил внимание на непропорционально большое количество детей, присланных в лагерь из района Тулузы. И постарался понять причины. Для этого поехал в Тулузу, посетил сначала мэрию, потом префектуру. Просматривая документы на буквы «Де», он быстро смекнул, что виновником небывалого числа сосланных детей был местный чиновник, подписавшийся инициалами А. В. К несчастью, должность главного архивариуса города занимал Лекюссан. Он-то и предупредил Вейю о том, что бумагами того времени интересуется какой-то историк.

Клодин прервала меня.

— Но разве после освобождения не было расследования, которое определило вину каждого?

— Конечно, было. Но Вейю и Лекюссан не дураки. Почувствовав в начале 1944 года, что сотрудничество с немцами пора прекращать, иначе придется держать ответ, они приложили немало усилий, чтобы связаться с Сопротивлением. В результате после изгнания фашистов Вейю даже получил награду за храбрость. Никто не мог бы оговорить человека с орденом на груди. И он продолжал делать карьеру. В 1960 году ему поручают тайную миссию: сформировать группу для ликвидации активных руководителей ФЛН. Год спустя в задачу группы включают борьбу с ОАС.

Когда в 1961-м Лекюссан предупредил его о розысках Роже Тиро, отца Бернара, Вейю самым естественным образом использовал одного из своих людей, Пьера Каза. Понятно, он не открыл настоящую причину уничтожения Тиро. Еще неделю назад, когда я говорил с Казом, полицейский был уверен, что прикончил тогда опасного террориста. Он воспользовался демонстрацией алжирцев 17 октября, чтобы выполнить задание. Бернар Тиро, работая с рукописью отца, тоже обратил внимание на количество высылаемых из Тулузы детей, сделав те же выводы. Потому и его ждала та же участь. На сей раз от руки самого Вейю. Двадцать лет спустя.

— Думаешь, газеты об этом напишут?

Я не мог сказать ей, что мне уже приказали не поднимать шума. В министерстве готовили для граждан более подходящее объяснение. Иначе они могли бог весть что подумать о людях, охраняющих общественный порядок.

— Все, конечно, не напишут, но какую-то часть вынуждены будут опубликовать.

Клодин прижалась ко мне. Я замолчал, гладя ее волосы.

Перевели с французского
А. ИГНАТОВ и М. МАКАРОВСКАЯ

Оливер ГОФФ,
английский писатель

ГЛАЗ ПАВЛИНА

Роман

От автора

В 1782 году у безлюдных берегов Южной Африки налетел на рифы и затонул фрегат Ост-Индской компании «Гровенор» [1]. Во время крушения на его борту находился многомиллионный груз золота, алмазов и уникальных восточных украшений, и среди них — пара павлинов, некогда украшавших трон Великих Моголов.

С той поры немало людей, томимых жаждой богатства, пытались добраться до этих сокровищ. Но, несмотря на все усилия, никому так и не удалось обнаружить даже место, где покоятся останки судна.

Кроме этих общеизвестных фактов, остальное в романе — плод воображения автора. Все персонажи произведения вымышлены и не имеют никакого отношения к реальным людям.

1

С перевала моему взору открылся запутанный лабиринт дорог. Спускаясь вниз и вплетаясь в холмы узловатой нитью, они скручивались в гигантские двойные восьмерки.

Я проехал на машине уже миль восемьдесят, и пыль облепила меня с головы до ног. Она набилась в волосы, толстым слоем покрыла лицо, налипла на брови, скрипела на зубах. Но я не обращал на это особого внимания: в начале путешествия всегда спокойно относишься к мелким неудобствам.

Тем не менее лишний раз глотать пыль мне не хотелось, поэтому, когда с боковой дороги прямо передо мной вынырнула семитонка, я сбросил скорость, пропуская машину вперед. Ее водитель, должно быть, очень спешил и потому обогнул скальный выступ на полном ходу. На повороте у края пропасти грузовик угрожающе накренился. Но водитель машины обладал, похоже, железными нервами: не сбавляя скорости, он готовился взять следующий поворот. Мне подумалось, что дурню просто надоело жить.

И тут впереди, на обочине дороги, я заметил человека, который поднял руку, рассчитывая, что грузовик остановится. Но вместо того чтобы притормозить, водитель семитонки направил машину прямо на человека...

Я оцепенел от ужаса, ожидая самое страшное. Лишь в последнее мгновение человек на обочине метнулся в сторону. Водитель крутанул баранку, грузовик занесло, но потом он выровнялся и, рванувшись вперед, исчез в облаке пыли.

Когда я подъехал к человеку, тот, откашливаясь, стряхивал пыль с одежды. Я опустил стекло и высунулся из машины:

— Ну как вы?

Он ошеломленно взглянул на меня, потом выдавил жалкую улыбку:

— Ничего, спасибо... Никак в себя не приду. Еще бы чуть-чуть — и все. Этот тип просто свихнулся. Никогда не думал, что можно так гонять по этим дорогам!

Я сочувственно оглядел его. Судя по всему, шел он издалека.

— Номер хоть запомнили? Надо бы сообщить в полицию. У таких идиотов нужно отбирать права.

Незнакомец посмотрел на исчезающие вдали клубы пыли и тихо произнес:

— Бог с ним... Главное, все обошлось.— И с надеждой взглянул на меня.— Далеко едете?

— В Порт-Сент-Джонс,— я махнул рукой в сторону океана.— Подбросить?

Повторять приглашение не пришлось. Человек подхватил видавший виды чемодан и быстро обошел машину. На вид ему было лет 50—60, но двигался он по-юношески легко. Забросив чемодан на заднее сиденье, он уселся рядом со мной.

— Издалека добираетесь? — поинтересовался я.

— Из Претории.

Сказав это, человек крепко сжал челюсти, давая понять, что не расположен к разговору. Но потом чувство вежливости победило, и он добавил:

— Можно было ехать автобусом, но его рейс только раз в неделю, а ждать было невмоготу. Поездом добираться не лучше: он ходит только до Кокстада, дальше пути нет. Если бы не вы, пришлось бы и дальше шагать пешком.

— Раньше здесь бывали? — спросил я.

— А как же, конечно! — воскликнул он.— Это ведь моя родина. Я вырос в Сент-Джонсе и мечтал вернуться сюда с тех самых пор, как уехал.

— И давно уехали?

Человек отрешенно посмотрел в окно. Потом с видимым усилием произнес:

— Двадцать лет назад.

— Двадцать лет! — Я присвистнул.— Давненько!

Незнакомец повернулся ко мне и наморщил лоб:

— Судя по акценту, вы американец?

— Всего два дня назад прилетел из Штатов.

— По делам или в отпуск? — Он с интересом посмотрел на меня.

— Пока — в отпуск,— замялся я.— А там, кто знает, может, и осяду навсегда.

Я и впрямь подумывал остаться. Здесь я родился, но знал об этой стране только по рассказам матери. И теперь, глядя на гряду зеленых холмов, темную полоску леса и синеющий вдали океан, ощущал неожиданную грусть.

Мальчишкой я без устали слушал рассказы матери о местах, где ей довелось побывать с отцом. Как музыка звучали для меня причудливые названия: Мзикаба, Нтафуфу, Лапатана, Мботи, скала Казни, утес Водопадов, залив Гровенора...

«Гровенор» — так называлось злосчастное судно Ост-Индской компании, которое с драгоценным грузом на борту потерпело крушение у берегов Пондоленда. В отличие от множества людей, ищущих богатства, у моей матери все, что было связано с «Гровенором», вызывало лишь горестные воспоминания, и нужно отдать ей должное: она никогда не пыталась скрыть от меня правду.

В тот год, когда разразился скандал, сломавший жизнь матери, я был слишком мал и понял лишь, что отца больше нет с нами. Помню, как плакала мать и как растерялся я, увидев ее лежащей ничком на кровати, убитую горем. Потом было долгое путешествие через океан в Нью-Йорк, к тете Иде и дяде Чарли. Когда мне исполнилось десять, мать умерла. К тому времени я столько раз слышал историю об отце, что даже по прошествии многих лет мог пересказать ее слово в слово. Теперь я понимал, что своими бесконечными рассказами о невиновности мужа мать просто отводила душу.

---

[1] В литературе существует несколько вариантов названия этого судна — «Гросвенор», «Гроувенор» и т. д. Редакция остановила свой выбор на названии «Гровенор».

Oliver Golf. The Eye of Peacock.
Eyre Methuen Ltd, London, 1975.
© Перевод на русский язык, «Вокруг света», 1989 г.

Дядя Чарли и тетя Ида никогда не одобряли ее выбора. Хотя вряд ли их мнение об отце было объективно: они видели его всего раз, это было до моего рождения. Они просто не могли простить ему того, что он увез мать в Южную Африку и бросил там в бедственном положении.

Чарли и Ида души во мне не чаяли. У них не было детей, и я заменил им сына. После смерти матери они усыновили меня и дали свою фамилию. Харви, Грег Харви — помню, как непривычно это звучало для меня поначалу.

Сейчас, будь живы, они вряд ли бы одобрили это мое путешествие в Южную Африку.

Однако мои мысли были прерваны.

— Значит, собираетесь остаться? — дружелюбно спросил незнакомец.— Что ж, Южная Африка стоит того. Уверен, что вы ее полюбите. Кстати, а почему вы едете именно в Сент-Джонс?

Вопрос застал меня врасплох:

— Ну... а почему бы и нет?

— Не знаю...— Он слегка пожал плечами.— Сент-Джонс — крошечная точка на карте. Туристы обычно едут в охотничьи заказники или в Национальный парк Крюгера. А тут — именно Порт-Сент-Джонс! Чем он вас так привлек?

Я уже было собрался рассказать ему все как есть, но в последний момент почему-то передумал.

— Просто прочитал в путеводителе, что Сент-Джонс — сущий рай для рыболова. Разве не так?

— В былые времена рыбы здесь было предостаточно. Да и сейчас кое-что, верно, осталось...— Мой собеседник оживился.— А вы, значит, любите рыбалку?

— Очень! И если рыбалка здесь хотя бы вполовину так хороша, как ее описывают, отличный отдых мне обеспечен. На всякий случай я прихватил с собой акваланг и ружье для подводной охоты.

Я был тотчас засыпан вопросами — чувствовалось, что мой пассажир разбирается в рыбной ловле. Но неожиданно для меня он вдруг резко перевел разговор:

— Простите, а кто вы по профессии?

— Я — инженер. Строю мосты и дороги. А что?

— М-м-м... ничего. Обычное любопытство, только и всего.

Мы снова замолчали. Я было сосредоточился на дороге и даже вздрогнул, когда он внезапно положил руку на мое плечо:

— Сейчас будет поворот... Не могли бы вы после него на минутку остановиться?

— Ну конечно.

Когда мы остановились, все вопросы отпали сами собой.

— Порт-Сент-Джонс,— прошептал мой спутник.— Господи, я и забыл, какая это красота!

Среди исполинских скал в лучах солнца виднелся городок. Широкая река лениво катила бурые воды в океан. Дальше, насколько хватало глаз, тянулись бесконечные холмы, таявшие в далекой дымке.

— Спасибо,— сказал он тихо.— Спасибо за то, что остановились.

— Да здесь просто великолепно! — не удержался я.

Мой спутник просиял.

— Я так и подумал, что вам понравится.— Глубоко вздохнув, он откинулся на сиденье.— Господи, как часто мне приходило в голову, что уже больше не увижу эти края...

Я завел мотор и осторожно выехал на дорогу, держась левой стороны: в миле от нас вился столбик пыли — навстречу шла какая-то машина. Мой спутник тоже обратил на это внимание.

— Глядите,— сказал он.— Мчится как угорелый.

Я беспечно кивнул в ответ.

Мы ехали, повторяя извилистые повороты дороги. Вдруг мой пассажир наклонился вперед, напряженно всматриваясь вдаль.

— Странно,— прошептал он.— Но мне сейчас почему-то кажется, что это тот самый грузовик, который едва не сшиб меня.

— Вряд ли. Тот ехал в сторону Сент-Джонса.

— Да. Вы, вероятно, правы,— нерешительно уступил он.

Больше незнакомец не произнес ни слова, но его напря-

жение передалось и мне. Я сбросил скорость, и машина поползла, прижимаясь к обочине.

И тут из-за поворота выскочил грузовик.

В первое мгновение я не почувствовал испуга: места для того, чтобы разъехаться, было достаточно.

Но случилось непредвиденное. Я увидел, как водитель крутанул руль, и машина, резко накренясь, ринулась на нас всеми своими семью тоннами.

Раздумывать было некогда. Я с силой надавил на педаль акселератора, и, взревев, машина чудом вынырнула буквально из-под самых колес грузовика. И все же нас зацепило. Раздался оглушительный скрежет металла, нас, сильно тряхнув, крутануло. Но я все же успел заметить, что к капоту грузовика прилипло нечто напоминающее наш задний бампер.

Затем, бешено вращая колесами, грузовик на одно страшное мгновение завис над краем пропасти, а потом с грохотом и лязгом рухнул в ущелье. Раздался истошный вопль и тут же оборвался: грузовик ударился оземь, перевернулся, и из его кабины выпала казавшаяся сверху крошечной и похожей на куклу фигурка.

Чтобы спуститься вниз, нам потребовалось совсем немного времени. Но уже с самого начала было ясно, что водитель покончил свои счеты с жизнью. Я наклонился и осторожно перевернул безжизненное тело. Потом выпрямился...

Зрелище было не из привлекательных. Я отвернулся. Пассажир стоял рядом со мной, и я не удержался от вопроса, который не давал мне покоя.

— Вы его знали?

Он отрицательно покачал головой.

— Вы уверены?

— Уверен,— ответил он.— Я его не знаю, хотя...

— Что — хотя?

Пассажир ткнул пальцем в искореженную машину:

— Возможно, я ошибаюсь, но мне кажется, что это тот самый грузовик, который едва не сшиб меня на дороге. Во всяком случае, он принадлежит той же компании. Видите надпись?

Я взглянул на грузовик. Прочитал на дверце кабины: «Рыболовецкая компания Л. Ривельда».

— А вы ничего не путаете?

Он снова поглядел на грузовик, потом повернулся ко мне:

— Нет. Еще тогда я отлично запомнил эту надпись. Я, видите ли, хорошо знал Лукаса Ривельда. Правда, это было давно...

— Представляю, каким ударом все это будет для вашего друга,— резко прервал я его.— Он ведь потерял не только водителя, но и машину.

— Вы меня не поняли,— тихо произнес мой спутник.— Я сказал, что знал Лукаса Ривельда. Но не говорил, что он мне друг.

Я удивленно посмотрел на него, но его взгляд был устремлен наверх: там, на краю обрыва, уже столпились люди. Потом он протянул мне руку:

— Скоро здесь будет полиция. Так что нам лучше представиться друг другу до их приезда. Меня зовут Гарри Проктор.

Я не поверил своим ушам. Передо мной стоял Гарри Проктор, ближайший друг моего отца. Более того — соучастник его преступления.

Смятение, гнев и стыд охватили меня, как и прежде, когда мне напоминали об этой истории. И жалость. Жалость к человеку, которого предал партнер, обрекая одного нести наказание за общее преступление. Ведь партнером, предавшим Гарри Проктора, был мой отец!

Я подумал о причудах судьбы, которая свела меня с этим человеком.

...Гарри Проктор ждал, вопросительно глядя на меня. Я шагнул вперед и пожал протянутую руку.

— Рад знакомству,— сказал я отчетливо.— Меня зовут Грег Харви.

Выражение его лица не изменилось. Эта фамилия ему ничего не говорила.

— Я буду звать вас Грег,— улыбнулся он.— Не возражаете?

На миг я забыл о мертвеце, лежащем у наших ног, о нестройных криках, доносившихся с дороги. Я был рад, что Гарри Проктор хочет стать моим другом. К счастью, он не догадывался о том, что я — сын Джона Фрейзера.

2

Полицейские закончили составлять протокол лишь к вечеру. Тем не менее я успел дозвониться до ближайшего гаража и договориться, чтобы мою машину отремонтировали на следующий день.

Уладив этот вопрос с владельцем гаража, я отправился с Гарри на прогулку по городу.

Порт-Сент-Джонс был типичным морским курортом. На главной улице беспорядочно тянулись дома, в садах пылали фуксии, бугенвилии и пуансетии. Придорожные ларьки ломились от обилия субтропических фруктов, торговцы наперебой расхваливали свои экзотические товары.

Гарри взял на себя роль экскурсовода:

— Эта река называется Умзимвубу — на языке пондо это значит «гиппопотам». В старину здесь находился небольшой порт. Река была гораздо глубже: говорили, что судно могло пройти на двенадцать миль в глубь материка. Сейчас это трудно представить. Теперь землечерпалки расчищают только устье реки. Видел бы ты, какая дрянь плывет по ней во время паводка: стволы деревьев, туши животных, всякий строительный мусор. И — ил. Бесконечный ил... А теперь взгляни вон туда. Это — маяк на мысе Гермес.

Слушать Гарри было очень интересно, но я заметил, что он утомился. И мы повернули назад, к центру города.

— Что будешь делать дальше? — спросил я.— Остановишься у друзей или...

Гарри помотал головой:

— Сниму номер в гостинице. А ты?

— Раз так — и я туда же. Вдвоем веселее.

Старомодное двухэтажное здание гостиницы стояло на главной улице города. У ее входа в ряд выстроились машины, а широкая веранда, где были расставлены столики, пестрела людьми, заглянувшими сюда пропустить по рюмочке.

Лавируя между столиками, мы вошли в вестибюль.

— Чем могу служить? — окликнул нас голос из-за стойки.

Через несколько минут в сопровождении носильщика мы поднялись в отведенные нам комнаты.

Когда мы расстались с Гарри у дверей его номера, он выглядел совсем измученным. Однако на обед он пришел уже другим человеком: душ и отдых преобразили его.

Мы отлично пообедали, а потом решили спуститься в бар.

Рядом с нами оказался морщинистый, как высохший грецкий орех, человек с глубоко посаженными глазами, темными, круглыми и хитрыми.

Он окинул нас взглядом:

— Вы, ребята, приезжие?

Говорил он по-английски, но в его голосе я безошибочно различал гортанное произношение африканера.

— Да,— кивнул я.— Сегодня приехали.

— То-то я никогда прежде вас не видел здесь.

Он перевел взгляд с меня на Гарри, будто оценивая. Должно быть, мы заслужили его одобрение, потому что он ухмыльнулся и протянул руку:

— Меня зовут Бен ван Скальквик. Для друзей — просто Бен.

Улыбнувшись, я назвал себя, представил Гарри, сказал, что приехал в отпуск, и заказал всем по стаканчику. Через минуту мы уже болтали, как старые приятели.

— В отпуск, говоришь? — Карие глаза Бена весело сверкнули.— Я раньше тоже в отпуск уходил. Да только мне это обрыдло хуже горькой редьки, устал я. Хватит, думаю, баста. Я ведь шахтером был. Работа хорошая, жаловаться грех: зарплата на уровне, бесплатное жилье, бесплатная медпомощь, пенсия там... Словом, все было... Но восемь часов под землей...— Он покачал головой.— Не жизнь, а сущая каторга. И когда жена померла, я пораскинул мозгами. Детей у нас не было, так что я долго

не думал: ночь промаялся, а утром — бац! — заявление на стол.— Бен помолчал и отхлебнул из стакана.— И в жизнь об этом не пожалею.

— Что же ты теперь делаешь? — с интересом спросил Гарри.

— Бичую, вот что.— Бен выпрямился, в его голосе прозвучала нотка гордости.— И лучшего занятия не придумаешь. Теперь у меня каждый день — отпуск. Не то что у других.

— Да, есть чему позавидовать,— рассмеялся я.— Но как ты сводишь концы с концами? Жить ведь на что-то надо.

— Да так и живу. Дом у меня есть — автофургон, кастрюли там всякие, сковородки и рыболовные снасти. А больше мне ничего и не надо. Если случится поймать этакую здоровенную рыбину, тащу ее в гостиницу и отдаю за пару монет. А нет — так и не печалюсь. Живу кум королю: море меня кормит. А надоест болтаться в Сент-Джонсе, собираю манатки и качу куда глаза глядят.

— Вот здорово! — сказал Гарри с оттенком зависти.— И так ты уже десять лет живешь?

Бен важно кивнул.

— Факт. И такую жизнь ни на какую другую не променяю, хоть режь.— Он замолчал и испытующе зыркнул на меня.— Я вообще-то люблю компанию... Рыбачить здесь будешь?

— Надеюсь,— подтвердил я его догадку.— А может, вместе будем ходить? Я хочу, чтобы мне показали хорошие места, где можно порыбачить.

Бен просиял:

— Тогда лучше меня для этого дела тебе никого не найти. Я знаю все побережье от Порт-Эдуарда до Кейптауна как свои пять пальцев. Ну а что до рыбалки, тут мне равных нет, ты уж поверь.

Гарри, подавшись вперед, с любопытством спросил Бена:

— Раз так, ты должен хорошо знать залив Гровенора?

Бен махнул рукой.

— Залив Гровенора, Мзикаба, Умтенту... Только назови — полный отчет представлю.

Гарри замялся:

— Вообще-то я хорошо знаю залив Гровенора. А вот... осталось там что-нибудь от старого тоннеля? Насколько мне известно, их было два, но меня интересует тот, что был вырыт позднее, в скалах.

Осушив стакан, Бен утер рот тыльной стороной ладони.

— Ja,— сказал он.— Знаю, огромная такая дырища. Я недавно туда сунулся, да только делать там нечего: все засыпано скальными обломками. Там я поймал спародона — пятьдесят два фунта потянул, но только не в самом заливе, а в милях двух дальше, у утеса Водопадов. Вот где рыбалка так рыбалка! Вода глубокая, рыбы — лови не хочу! Да что там, я вот помню...

Бен пустился в воспоминания, и, воспользовавшись этим, я заказал еще по одной.

Время бежало незаметно. И не один рассказ Бена сменился другим, прежде чем Гарри стал расспрашивать о Лукасе Ривельде.

— Ривельд? — Бен с любопытством уставился на Гарри.— А что тебя интересует?

— Ну... я знавал Ривельда,— осторожно начал Гарри.— Правда, это было давно. А сегодня по дороге в Сент-Джонс нас чуть не сшиб грузовик его компании. Ты не слыхал об этом? Еще шофер погиб...

— Ja, Ja, об этом уже весь город знает. Но я и думать не думал, что это с вами стряслось. А как дело-то было?

Не вдаваясь в некоторые подробности, я рассказал о случившемся.

— Черт, ну и повезло же вам, ребята! — изумленно воскликнул Бен, когда я закончил.— А как бы вы вместо этого Дэрка Леру загремели? Прямо страх берет, когда вспомню, на что он был похож. Бедняга Дэрк... Я его хорошо знал... Но все к тому шло: он всегда гонял как псих. Вот и доездился.— Бен покачал головой.— Что ж,— подытожил он философски,— такова жизнь. Кто ведает, когда пробьет его час? А знал бы человек, когда помрет, жил бы на всю катушку, факт.— После этих слов он залпом осушил стакан и кивнул бармену.

— Ты нам хотел рассказать о Ривельде,— напомнил Гарри.

— Ну да.— Бен задумчиво покачал головой.— В общем, он — большая шишка. У нас это каждая собака знает. Оно и понятно — на Лукаса Ривельда тут вкалывает целая армия.

— Вот как? — вскинул я брови.

— Да,— продолжил Бен.— Слыхали о «Рыболовецкой компании Ривельда»? Большая контора, доложу я вам. Шесть судов и морозильная фабрика. Видели бы вы эту домину! Торчит на берегу реки словно вставная челюсть. Но это еще не все — куда там! Он наложил лапу и на другие лакомые кусочки. Недвижимость, финансы, торговля землей... А копнуть поглубже, выходит так, что, куда ни плюнь, обязательно попадешь в Ривельда, факт.— Он замолчал и дернул подбородком в сторону двери,— Вон, к примеру, те парни, видите? Все они, как один, на Ривельда работают. С рыболовецких судов, промысловый народ. Сегодня два сейнера швартовались — сам видел.

Я незаметно взглянул туда, куда показывал Бен. Пять-шесть парней, толкаясь и хохоча, прокладывали дорогу к стойке. Было ясно, что с ними лучше не сталкиваться на узкой дорожке. Судя по всему, они решили провести в городе веселую ночку. Я сразу понял, что наполненные барменом стаканы, появившиеся перед ними рядком, были у них сегодня не первыми и, уж конечно, не последними.

Высокий смуглый парень в центре группы поднял стакан, запрокинул голову и стал жадно пить. Потом он пустил его по стойке назад, к бармену. Дружки незамедлительно последовали его примеру.

В ожидании новой порции темноволосый парень оглядел бар. Его взгляд облетел толпу, на мгновение задержался на Бене, скользнул по мне и, наконец, остановился на Гарри. Он не сводил с него глаз, смотрел не мигая, нагло и презрительно, явно что-то замышляя.

Я напружинился и с неприязнью стал ждать, когда он наконец отвернется. Но парень вновь перевел взгляд на Бена, и его лицо приняло насмешливое выражение. Затем он громко, на весь бар, сказал:

— Эй, Бен, что с тобой стряслось? С каких это пор ты коротаешь время за бутылкой с уголовником?

Воцарилась долгая, никем не нарушаемая тишина. У Бена отвисла челюсть. Гарри сидел неподвижно, только побелел как смерть. На нас стали оборачиваться, и меня захлестнула горячая волна ярости.

— Убирайся вон! — вскочив со стула, взревел я.— Но сначала возьми свои слова обратно!

Однако парень даже не взглянул на меня.

— Сядь, ты,— грубо отмахнулся он.— Я говорю не с тобой, а с Беном.

Пиджак слетел с меня в мгновение ока.

— Сейчас ты говоришь со мной,— заявил я.— Я жду и не советую тебе долго испытывать мое терпение.

Парень сузил глаза и настороженно покосился на меня:

— Сказано тебе — не лезь! Тебя это не касается.

Я уже собирался было ответить, как меня опередил Гарри.

— Он прав, Грег, не стоит тебе вмешиваться,— спокойно сказал он.— Ты тут ни при чем, и Бен тоже. Он только меня имеет в виду. Не нужно в это никого впутывать.

Парень грубо хохотнул.

— Ну вот так-то лучше.— Он уставился на Гарри.— Ведь я всего лишь делаю Бену любезность. Кому охота пить с вором? Он, верно, не знает, что это ты украл деньги пайщиков. Но я-то об этом знаю, да и мои друзья тоже. И нам не нравится пить с тобой в одной компании. И в одном городе. Ты не бойся: сегодня мы добрые. Но чтоб через пять минут и духу твоего не было в Сент-Джонсе!

Гарри впился руками в стойку так, что костяшки побелели. Потом он медленно покачал головой:

— Извини, но я никуда не уйду. Да, я был в тюрьме, но попал туда по ошибке. Я не вор. Я не крал ничьих денег, и у меня есть такое же право быть здесь, как и у тебя. Я вернулся в город насовсем и никуда отсюда не уйду, нравится тебе это или нет. Уж извини, но тебе придется с этим смириться.

Парень сделал шаг вперед. Губы его скривились в усмешке.

— Смотри, пожалеешь...— начал он, но тут встал Бен.

— Постой-ка, Ник Суорт,— заметил он с нарочитым спокойствием.— Ты мне тут что-то говорил... Так вот, никто не смеет указывать Бену ван Скальквику, кто ему компания, а кто — нет. Гарри Проктор — мой друг, и мне не нравится, как ты с ним разговаривал, совсем не нравится. В общем, если ты не хочешь неприятностей, делай, как говорит мистер Харви,— быстро извинись и выкатывайся.— Бен встал на цыпочки, выпятил грудь и сжал кулаки: он точь-в-точь походил на бойцового петуха.

И здесь Ник совершил две ошибки. Сначала он засмеялся, а потом уставился на Гарри Проктора, совершенно выпустив из вида Бена. Последняя ошибка обошлась ему слишком дорого, да и нам, как оказалось потом, тоже. Я и сам не заметил, как Бен молниеносно выбросил кулак. Ник Суорт охнул и согнулся пополам. И немудрено: удар пришелся сантиметров на пять ниже пояса.

Дружки Ника застыли в изумлении, но уже через секунду мы с Гарри оказались в гуще барахтающихся, сопящих потных тел. Раздались крики: «Прекратите! В баре драться запрещено!», но никто и ухом не повел. Я услышал довольное фырканье Гарри: его кулак врезался в чью-то челюсть. Но потом двое собутыльников Ника бросились на меня, и на мгновение я потерял его из виду. Это были здоровенные ребята, но и меня бог ростом не обидел. Первого нападавшего я уложил без труда. Заметив это, второй остановился и схватил стул. Но когда он ринулся на меня, Бен ударил ногой по его лодыжке. Парень с грохотом растянулся на полу, и мы с Беном ухмыльнулись друг другу.

Теперь уже невозможно было определить, кто на чьей стороне. Впрочем, это никого не волновало, за исключением бармена: он улизнул под шумок, чтобы вызвать полицию.

Пошатнувшись от сильного удара в нос, я услышал чей-то хриплый вопль:

— Полиция! Полиция!

Этот крик мгновенно всех отрезвил, и толпа в едином порыве отчаянно ринулась к запасному выходу.

Чувствуя, как теплая струйка крови сочится из угла рта, я собирался было рвануть вслед за ними, но тут увидел Гарри, распростертого на полу. Заметил его и Бен. Но прежде чем броситься к Гарри, он подошел к полке, преспокойно взял полбутылки бренди, сунул ее в карман и снова протянул руку, на сей раз за бутылкой рома. Косясь на дверь, он вытащил пробку, сделал добрый глоток и протянул бутылку мне.

— Сейчас мы его поставим на ноги,— прохрипел он.— Ну-ка, лей ему в горло... вот так... отлично... А теперь давай сам, да побыстрее, пока фараоны не набежали.

Но едва я поднес к губам бутылку, дверь распахнулась под натиском прибывших полицейских.

3

За нами с лязгом захлопнулась дверь камеры. Бен окинул взглядом голые стены, крохотное окошко наверху, убогую обстановку и с ухмылкой обернулся к нам.

— На «Хилтон», конечно, не похоже, но жаловаться грех. Платить не надо, и на том спасибо.

Я выдавил улыбку, а Гарри прошелся по камере и тяжело опустился на узкую койку:

— Мне очень неловко. В самом деле. Это ведь все из-за меня...

— Чушь! Это вовсе не ты начал, а я и Ник Суорт,— потирая кулак, хохотнул Бен.— Ладно, он свое получил. И это стоило того, факт. Пусть нас здесь хоть неделю проволынят, и то не жалко. Верно, Грег?

Я согласно кивнул, но Гарри лишь слабо улыбнулся.

— Спасибо, ребята. Но я не имел права впутывать вас в это дело. Это касалось только меня и Суорта. Не могу понять, как он об этом узнал... но он сказал правду. Я действительно сидел в тюрьме. Я провел там... почти двадцать лет.

— Двадцать лет? — не сдержавшись, изумленно воскликнул я.

Гарри с тоской посмотрел на меня.

— Да, это почти целая жизнь. Наверное, надо было сразу рассказать вам об этом, но... дело-то прошлое. Понимаете, я ведь только три дня как вышел...

— Ну, дела! — Бен уселся напротив него и вытащил из кармана бутылку.— А вот что они проглядели! Ну-ка, глотни. Мигом оклемаешься.

Гарри благодарно улыбнулся:

— Спасибо, но на сегодня мне более чем достаточно.

Но Бен не убирал бутылку.

— Давай,— стоял он на своем.— Дерни, говорю, лучше будет. Если ты двадцать лет гнил в тюряге, нужно наверстывать упущенное, факт.

— Ну ладно,— сдался Гарри.— Если только чуть-чуть...

Получив обратно бутылку, Бен с удивлением уставился на Гарри.

— Так ты, выходит, был замешан в деле «Гровенора»? — задумчиво отметил он.— Видимо, об этом говорил Ник Суорт?

— В афере «Гровенора»,— с горечью поправил Гарри.— Так это тогда называли. Да и сейчас, вероятно, тоже. Да, замешан. Но только денег не крал. Ни единого проклятого ранда! Да что толку говорить... Все равно никто не поверит...— закончил он с яростью и отчаянием.

Бен вежливо кашлянул.

— Ну, это все быльем поросло. Чего теперь вспоминать?

— И вы мне тоже не верите...— Гарри сидел не шелохнувшись, но я видел, что у него задрожали руки.— Никто не верит.

— Расскажи нам обо всем,— попросил я.— Все по порядку. До меня доходили кое-какие слухи: сам понимаешь, всякое болтали...

Я лгал. Я знал все до мельчайших подробностей. Но мне хотелось услышать обо всем из первых уст.

Гарри растерянно посмотрел на нас, и Бен ободряюще кивнул ему.

— Валяй, рассказывай,— сказал он.— Я в Йоханнесбурге был, когда это случилось. И обо всем узнал из газет, хотя сейчас уже мало что помню. А у тебя небось накипело за столько-то лет. Вот и выпусти пары — полегчает.

Рисунки В. ГАЛЬДЯЕВА

Гарри пожевал губами, потом вздохнул:

— Наверное, вы правы. Но это долгая история.

— А нам спешить некуда,— я развел руками.— Впереди у нас целая ночь.

— И то верно... Ну что ж, значит... Если хотите знать, как все было, начну-ка я с самого «Гровенора».— Гарри посмотрел мне в глаза.— Ты когда-нибудь слышал о нем?

Я отрицательно покачал головой.

— Так я и думал,— утвердительно заметил он.— «Гровенор» — так назывался фрегат английской Ост-Индской компании, которая вела торговлю между Лондоном и Востоком. Так вот, здесь, на побережье Пондоленда, в 1782 году он потерпел крушение. Тогда в этих местах еще ничего не было — только буш, дикие звери и враждующие племена. До ближайшего центра цивилизации — Кейптауна — добрых триста миль.

В общем, по пути из Индии «Гровенор» попал в свирепый шторм. Он сбился с курса и напоролся на рифы в двухстах ярдах от берега. Стояла глухая ночь, было темно, хоть глаз выколи, и до наступления дня ничего не разглядишь. Можно себе представить, что пережили люди. Но, несмотря на шторм, почти всем пассажирам и команде удалось добраться до берега. Человек пятнадцать утонуло, но более сотни достигло земли.

Однако все беды только начинались. Капитан собрал оставшихся в живых и рассказал им все как есть, ничего не скрывая. Он сказал, что единственный выход — пробираться на юг, к Кейптауну. Было решено держаться вместе — и сильным и слабым. Однако уже через несколько дней потерпевшие кораблекрушение разбились на отдельные группы. Без оружия, без пищи... До Кейптауна добрались всего девять человек, и их путешествие заняло шесть месяцев.

— А остальные? — спросил я.

Гарри пожал плечами.

— Погибли. И было чудо, что вообще кто-то уцелел... С тех пор люди и бредят этой историей. Много кораблей нашло могилу у этого побережья, но гибель «Гровенора»

стала легендой. И дело не только в ужасных испытаниях, выпавших на долю спасшихся. Всех привлекают сокровища «Гровенора».

— Сокровища? — услышал я свой голос.

— На борту фрегата находился многомиллионный груз. Хлопок и шелка, пряности и зерно — все это давно погибло. Но золото осталось. И не только золото: корабль вез из Индии серебро, алмазы и...— Гарри понизил голос,— и что самое ценное — двух павлинов, некогда украшавших трон Великих Моголов.

— Ja,— благоговейно прошептал Бен.— Павлины! Точно. Я что-то об этом читал. Расскажи Грегу: он небось об этом и не слыхивал.

Гарри не заставил себя долго упрашивать:

— Это был настоящий шедевр — парное украшение из чистого золота, усыпанное драгоценными камнями и жемчугом. Описание павлинов есть в «Британской энциклопедии». Говорят, по нынешнему курсу они оцениваются в два миллиона рандов.

Я присвистнул, поскольку этого от меня явно ждали. Бен склонил голову набок.

— Болтают, что их вовсе не было на борту,— сказал он.

— Павлины, разумеется, не были указаны в перечне грузов «Гровенора», но иначе и быть не могло. Ведь англичане похитили павлинов и тайно погрузили их на корабль. Фрейзер перерыл кучу старинных манускриптов и прочих документов и выяснил, что павлинов похитили из храма в Дели, а потом тайком проносили из деревни в деревню до самой Калькутты. Власти, естественно, пытались напасть на след похитителей, но те всякий раз уходили от преследователей.

Так вот, с отплытием «Гровенора» о павлинах больше никогда не слышали, и Фрейзер был убежден, что они пошли на дно вместе с судном. В этом он убедил и меня.

— Фрейзер? — полюбопытствовал Бен.— А это что за птица?

На лицо Гарри набежала тень:

— Джон Фрейзер был моим ближайшим другом. Мы были как братья... вместе выросли... вот почему до сих пор я не могу поверить... Но я забегаю вперед...

Он похлопал себя по одежде и торопливо сунул руку в карман:

— Вот. С этого-то все и началось.— Гарри протянул мне руку.— Ну,— настаивал он,— взгляни поближе. Держу пари, что ты никогда не видел ничего подобного.

Гарри ошибался. Еще прежде, чем серебряная монета легла в мою ладонь, я понял, что она как две капли похожа на ту, что когда-то на изящной цепочке носила моя мать. Я перевернул монету. Тот же королевский профиль, та же корона из лавровых листьев и тот же отчетливо вычеканенный год — 1779.

— Ну и ну! — воскликнул Бен, когда я передал ему монету.— Гарри, где ты это взял?

— Это с «Гровенора». Мы с Фрейзером нашли ее на месте кораблекрушения.

Бен достал трубку и чиркнул спичкой. Пыхнув дымом, заметил:

— Но ведь место кораблекрушения точно неизвестно. Все разное говорят — где судно лежит, никто не знает. Вы что же, и до судна докопались?

— Нет, его мы не нашли. Оно похоронено глубоко в песке. Но... лучше я расскажу вам о монетах.

— Значит, были и другие? — заинтересовался Бен.

— Мы наткнулись на них совершенно случайно. Как-то Фрейзер предложил съездить на рыбалку в залив Гровенора. Я отнесся к этому без восторга. Во-первых, это довольно далеко от Сент-Джонса. К тому же, с одной стороны, погода еще не установилась, с другой — было 22 сентября, солнцестояние. В это время на всем побережье обычно бушуют штормы. Я пытался отговорить Фрейзера, но он настоял на своем.

Выехали мы засветло и прибыли на место, когда солнце уже взошло. Для рыбалки лучше времени не придумаешь, но скоро мы позабыли о ней. Поставив машину, мы взглянули на океан, а потом выскочили наружу как ошпаренные. Мои предположения оправдались: шел шторм, какого я не видел никогда в жизни. Океан почернел, вспенился, и тут внезапно начался отлив. Никто из нас не помнил такого сильного отлива. Вся береговая полоса обнажилась, словно кто-то просверлил отверстие в дне океана, и теперь он стремительно убывал. Там, где раньше плескалась голубая вода, теперь были скалы, омуты, рифы и каналы.

Мы побежали к океану. Вода, видимо, отхлынула сразу, потому что в ямах с водой трепыхалась рыба, какой я прежде никогда и не видывал. Это напоминало фантастический аквариум, созданный самой природой. Мы перебегали от одной лужи к другой. А потом Фрейзер завопил так, что я, бросив все, со всех ног кинулся к нему. Он наклонился над омутом и показывал рукой в глубину.

— Гляди! — крикнул Фрейзер.— Там, внизу, монеты! Возле выступа. Видишь?

Я насчитал штук десять-двенадцать кругляшек. И хотя они были сплошь облеплены ракушками, это, без сомнения, были монеты.

Гарри судорожно сжал монету. Голос его задрожал от нахлынувших воспоминаний.

— Не веря глазам, мы с Фрейзером завороженно смотрели на кругляшки, а потом он вдруг прошептал: «Гровенор»! Эти монеты — с «Гровенора». Господи, ты понимаешь, что это значит?» Фрейзер был так взволнован, что почти не мог говорить: «Сокровища... кораблекрушение... Это где-то здесь, совсем рядом... Он здесь потонул, понимаешь?»

— Где — «здесь»? — глупо спросил я.

Фрейзер схватил меня за руку.

— Здесь, в этих местах, где же еще? — Он показал рукой на выход из залива.

Я посмотрел туда и увидел нечто совсем иное. На нас надвигалась бурлящая стена воды, возвещая о начале прилива.

— Бежим отсюда! — заорал я и бросился к берегу, но вместо того, чтобы последовать моему совету, Фрейзер бросился в омут.

Бен с шумом выдохнул:

— За монетами, стало быть, нырнул, вот как? Небось они ему позарез были нужны, факт! А я бы нипочем там не остался! Нет, сэр! С морем шутки плохи!

— Вы не знали Фрейзера,— проговорил Гарри.— В этом он был весь. Стоило ему что-нибудь захотеть, как он бросался очертя голову, не задумываясь о последствиях. В тот раз Фрейзер легко отделался: несколько царапин да пара синяков... и две монеты. Одну из них он оставил себе, другую отдал мне.

Нам так и не пришлось порыбачить, даже снасти из машины не вытащили. Мы только и говорили, что о находке. А наутро Фрейзер уехал в Дурбан. Вернулся он через неделю и показал мне план.

— План? — переспросил я.

Гарри внимательно посмотрел на меня.

— План тоннеля. Вернее — черновой набросок. Но идея была ясна.

Фрейзера буквально обуяла жажда деятельности. «Смотри,— сказал он мне.— Сокровища должны быть здесь. Все сходится. Я просмотрел кучу документов: протокол морского расследования, рассказы спасшихся, описание рельефа местности. Все, что можно... Кроме того, у нас есть монеты. Запомнил место, где мы их нашли?»

Бен почесал в затылке:

— Постой-ка. Я хорошо знаю этот залив. Где вы их нашли?

Пальцем Гарри стал чертить на койке:

— Это выступающий в океан мыс, а здесь, на другой стороне,— длинная цепь утесов. А вот здесь, левее,— песчаный берег, он изгибается в эту сторону. Так?

— Так,— подтвердил Бен.

— Монеты мы нашли вот здесь, в скалах, между берегом и утесами, но чуть дальше, за нормальным уровнем малой воды.

— Ясно.— Бен нахмурился.— Думаешь, корабль там?

— Да. Должно быть, он наскочил на подводный риф у входа в залив, который мы с Фрейзером ясно видели в то

утро. А потом шторм и прилив вынесли корабль вперед, в закрытое пространство прямо перед утесом.

— Что-то здесь не совсем понятно,— нахмурился я.— Если судно затонуло возле утеса, то почему монеты нашли так далеко от места кораблекрушения?

У Гарри был уже готовый ответ:

— Признаюсь, меня это сначала удивило, но потом Фрейзер показал мне копию отчета потерпевших кораблекрушение. Судя по всему, они выбрались на берег с помощью линя, который им удалось натянуть между «Гровенором» и прибрежными скалами. И, покидая корабль, пассажиры, возможно, взяли с собой те ценности, которые смогли унести.

— Значит, ты считаешь, что они обронили монеты, когда перебирались по линю на берег? — спросил я Гарри.

— Все говорит за это,— ответил он.— Несколько человек смыло водой, и они утонули. Думаю, будь у нас тогда хоть немного времени, мы бы достали гораздо больше монет.

Мы сидели молча, переваривая услышанное. Потом я встрепенулся.

— Ты говорил о тоннеле,— напомнил я Гарри.— Зачем он был нужен?

— Ах да, тоннель...— Он собрался с мыслями.— Через него мы хотели проникнуть к останкам корабля. Идея эта была не нова. Таким же образом к фрегату пытались подобраться... если не ошибаюсь, в 1921 или в 1922 году. Тогда «Гровенор» искали не в том месте, а на много миль дальше. Наверное, они уклопали уйму денег, прежде чем отказались от попыток найти судно. Но мы знали, где лежит «Гровенор». У нас было доказательство — монеты...

И когда Фрейзер показал мне план тоннеля, долго уговаривать меня не пришлось. Он был хороший инженер, и к его мнению стоило прислушаться.

Я нахмурился:

— А разве не проще было драгировать с поверхности? Тогда бы вообще не понадобился тоннель.

— Ага! — глаза Гарри весело сверкнули.— Я и забыл, что ты тоже инженер. Но ты не знаешь Дикого Побережья. Поверь, его недаром так назвали. Тут штормит каждый день. И Фрейзер знал, что прежние попытки найти «Гровенор» терпели неудачу именно из-за штормов.

— Понятно,— сказал я.

— План Фрейзера состоял в том, чтобы прозондировать сплошную скалу, вырыть колодец, а потом из него прорыть длинный тоннель под дном океана. Через него мы должны были выкачивать песок. Таким образом, рано или поздно, мы добрались бы до «Гровенора». Дело было верное.

— Так что же вам помешало? — спросил Бен.

Гарри воинственно вскинул голову:

— Ничего. Мы стали рыть тоннель. И в конечном счете добрались бы до судна. Так думал не только я, но и все прочие пайщики, включая Ривельда и Суини. Ведь они сразу, не торгуясь, скупили акции.

Бен так и подскочил:

— Суини?

— Он и Ривельд были главные пайщики. А ты что, знаешь его?

Бен дернул плечами:

— Знать-то знаю. Да только мне он не компания. У Ривельда он вроде бы какая-то шишка.

— По-моему, он там ведает финансами,— согласился Гарри.— Когда мы основали «Акционерное общество по подъему «Гровенора», он вел наши бухгалтерские книги. И именно он обнаружил, что со счета сняты деньги, составлявшие весь наш капитал. Они исчезли накануне ночью. Суини это здорово ударило по карману. Я и не предполагал, что он вложил в предприятие столько денег, пока не услышал на суде его показания против меня.

— Так что же произошло на самом деле? — тихо спросил я.

— Не знаю,— сдавленно ответил Гарри.— Клянусь вам, это правда. Я действительно ничего не знаю...

— Ну, они же не просто так — раз и исчезли, факт,— заерзал по кровати Бен.— Тогда расскажи все, что знаешь.

Гарри сплел пальцы.

— Да, конечно. Извините, я опять забежал вперед.— Он помолчал немного, а затем продолжил: — Так вот, через несколько недель после того, как были найдены монеты, мы решили создать акционерное общество, и деньги потекли рекой. Акции просто рвали из рук. Фрейзер, я и Ривельд, главные держатели акций, стали директорами.

Когда мы только приступили к работе, дело продвигалось медленно. Но потом все наладилось. Фрейзер вкалывал как проклятый, он просто дневал и ночевал в лагере.

...Прошло уже добрых полгода, когда вдруг Фрейзер приказал приостановить дело на несколько дней. Я видел, что он был чем-то встревожен, но считал, что если это что-нибудь серьезное, то Фрейзер сам мне обо всем расскажет. К тому времени наши запасы строительных материалов истощились, и Фрейзер предложил сделать новые закупки. Я подписал ему два чека и уехал домой.

Гарри замолчал и взглянул на нас.

— В общем... это были незаполненные чеки.

— Незаполненные! — изумился Бен.— Но почему? Зачем ты это сделал?

В ответ Гарри беспомощно развел руками:

— Я полностью доверял Фрейзеру. Он был моим другом. Я свою жизнь мог ему доверить, не то что несколько рандов. И потом, в этом не было ничего удивительного — я уже несколько раз так делал. Фрейзер не единожды держал в своих руках всю нашу кассу. Для дела порой это было просто необходимо.

— Ничего себе! — пробурчал Бен.— Вот тебе и «необходимо»! Ну, подписал ты эти чеки, а что дальше?

— Фрейзер тогда еще сказал, что должен установить взрыватели в тоннеле. После этих его слов мы распрощались.

— А что было потом? — продолжал допытываться Бен.

— Фрейзера я больше не видел.— Гарри судорожно провел рукой по щеке.— Его машину нашли возле аэропорта в Йоханнесбурге. Об этом мне сказали полицейские, когда делали обыск. Я понял, что наши деньги исчезли... их перевели на банковский счет в Йоханнесбурге на вымышленное имя и, конечно, потом сняли с него... Сначала я не поверил... думал, это какая-то ошибка...

Гарри пришлось сделать над собой усилие, чтобы продолжить рассказ:

— На самом деле ошибку сделал я. Меня обвинили в сговоре с Фрейзером, ведь это я подписал злополучные чеки... Фрейзер с деньгами исчез, а я получил двенадцать лет тюрьмы.

— Как — двенадцать? — встрепенулся Бен.— Ведь ты же говорил...

Взгляд Гарри скользнул по зарешеченному окну.

— В тюрьме готовили побег... если бы я не потерял голову и отказался участвовать в этом, то вышел бы на свободу еще восемь лет назад. Но вы и представить себе не можете, что такое сидеть в камере дни, месяцы, годы... я больше не мог этого вынести... Пятнадцать человек пытались бежать, но у кого-то сдали нервы... был убит охранник...

Мы долго сидели молча, стараясь не глядеть друг на друга. Я мучительно думал, что сказать Гарри, но ничего не приходило в голову. Наконец Бен нарушил молчание.

— А теперь-то что будешь делать?

Гарри зябко повел плечами и вздохнул. В кулаке у него все еще была зажата монета. Он подкинул ее несколько раз, а потом спрятал в карман.

— Закончу начатое дело. Найду «Гровенор». Я думал об этом все двадцать лет.

Видя нашу растерянность, он посуровел.

— Послушайте, я понимаю, что будет нелегко.— Он сглотнул слюну.— Но я готов к этому. У меня ничего нет. Так что начинать придется практически с нуля. Одному мне не справиться, и я хочу спросить вас — тебя, Грег, и тебя, Бен,— не согласитесь ли вы принять в этом участие?

Мы молчали, и Бен, вздохнув, качнул головой.

— Нет-нет, сейчас ничего не отвечайте. Обдумайте все, взвесьте. А если все же решитесь — лучших компаньонов я и пожелать себе не могу.

Продолжение следует

Перевели с английского
Георгий и Чандрика ТОЛСТЯКОВЫ

ОЛИВЕР ГОФФ,
английский писатель

ГЛАЗ ПАВЛИНА

Роман

Нас выпустили утром. Никто не собирался предъявлять нам никакого обвинения, только сержант прочитал лекцию о том, к каким серьезным последствиям может привести нарушение общественного спокойствия. Когда мы гуськом вышли на солнцепек, Бен лениво почесал в затылке, потом обернулся, обвел меня затуманенным взором и ухмыльнулся.

— Ну и видок у тебя, доложу я.— Он хлопнул меня по плечу и рассмеялся.— Да ты не тушуйся, парень. Регмейкер и трупяка на ноги подымет.

— Регмейкер? — Я впервые слышал это слово.

— Чем ушибся, тем и лечись,— пояснил Гарри.

— Факт,— поддакнул Бен.— Подвалим сейчас на стоянку Второй отмели, а я уж кой-чего достану. Лады?

Гарри вопросительно посмотрел на меня. Я согласно кивнул.

— Большое спасибо, это очень кстати, но давай соберемся попозже. Сейчас бы ванну принять, перекусить и...— ухмыльнулся я в свою очередь,— если я хоть немного похож на тебя — и побриться тоже.

Расстались мы на углу улицы, где Бен указал на свой трейлер, стоявший в тупичке. Он зашагал к нему, а мы с Гарри направились в отель.

Продолжение. Начало см. в № 4.

Когда мы вошли в вестибюль, меня окликнули.

— Мистер Харви! — девушка-портье одарила меня сияющей улыбкой.— Хорошо, что вы пришли. Звонил мистер Ривельд из «Рыболовецкой компании». Он спрашивал, будет ли вам удобно навестить его в конторе сегодня в 11.30 утра.— Она взглянула на меня с вежливым интересом.— Это у вас была какая-то неприятность с грузовиком?

Рассеянно кивнув, я повернулся к Гарри.

— Схожу, пожалуй. Видно, не судьба мне попробовать Бенов регмейкер.

— Не беда,— улыбнулся он.— Я Бену все объясню... Регмейкер не пропадет, не волнуйся. А может, позже подойдешь?

На том и порешили.

Когда я вышел из гостиницы, было уже начало двенадцатого. Сначала я зашел в гараж и, пока там ремонтировали мою машину, взял у владельца маленький «фольксваген». Мы немного поболтали, потом я подписал свидетельство об аренде и по главной улице поехал в «Рыболовецкую компанию Ривельда». Спрашивать дорогу не было нужды. Огромная ярко-красная надпись наверху высокого квадратного здания виднелась издалека и иск-

Рисунки В. ГАЛЬДЯЕВА

лючала всякую возможность ошибки. Я остановил машину, взглянул на часы и через мгновение уже проходил сквозь тяжелые вертящиеся двери.

Лукас Ривельд оказался крепким мужчиной с гладким лицом, красноватой кожей и редкими рыжеватыми волосами. Обнажив в улыбке щербатый рот, в котором обильно сверкало золото, он потряс мою руку, усадил в кресло и уселся сам, сложив руки на животе.

— Очень рад, что смогли зайти, мистер Харви. Надеюсь, что не расстроил ваши планы на день? — вежливо осведомился он.— Впрочем, долго я вас не задержу. Я знаю, что такое быть в отпуске — каждый день на счету.

— Да, в общем-то я путешествую,— ответил я.— Но может быть, немного задержусь здесь.

— Вы счастливчик,— заметил Ривельд.— И вообще вам крупно повезло. Как я узнал, вчера вы были буквально на волосок от гибели. Вот об этом я и хотел с вами поговорить.

Я кивнул и стал ждать, что он скажет дальше. Ривельд тяжело вздохнул:

— Не могу передать, как меня потрясло это известие. Это просто ужасно. До сих пор не могу поверить, что Леру мертв... просто не верится... Хотя, конечно, в жизни всякое случается. Так вот, я хотел поставить вас в известность, что страховая компания моей фирмы готова выплатить вам полную стоимость ремонта.

Откинувшись назад, я закинул ногу за ногу.

— Очень рад слышать это. Признаюсь, я не был в восторге при мысли о длительных судебных пререканиях. Впрочем, я ожидал, что все уладится.

Светло-голубые глаза Ривельда сочувственно глядели на меня. Потом он, слегка замявшись, сказал:

— Понимаю, что вам об этом неприятно вспоминать, но жене Леру было бы легче, если бы она точно знала, что ее муж не мучился и кончина его наступила мгновенно....

Я нахмурился:

— Не совсем понимаю, о чем вы?

Ривельд охотно уточнил свою мысль.

— Жене Леру хотелось бы знать, мгновенно ли он погиб или же успел что-нибудь сказать перед смертью? — Ривельд кашлянул.— Я обещал миссис Леру...

— Понятно...— Собираясь с мыслями, я задумчиво сунул руку в карман за сигаретами.— Нет, он ничего не успел сказать,— медленно проговорил я.— Можете передать миссис Леру, что ее муж погиб сразу, мгновенно.

— Вот как...— тихо отметил Ривельд, а потом обеспокоенно спросил:

— Ваша машина сильно повреждена?

— Нет,— ответил я.— Мы отделались легким испугом.

— Мы? А, вы имеете в виду пассажира... Припоминаю... мне говорили, что вы кого-то подвозили.

Что-то подсказывало мне, что Ривельд осведомлен о происшедшем гораздо лучше, чем пытается показать.

— Ну да,— сказал я как ни в чем не бывало.— Некоего Гарри Проктора. По-моему, вы его хорошо знаете.

Ривельд заерзал в кресле.

— Проктор! Вот так так! Вообще до меня доходили слухи, что он приехал, но я и предположить не мог... Значит, это был Проктор? Мы были с ним знакомы, но с тех пор много воды утекло. Да-да, будут все...

— Двадцать лет? — полувопросом закончил я.

— Точно.— Ривельд изобразил на лице удивление.— Проктор сказал вам об этом?

— Да.

Ривельд коротко хохотнул:

— А больше он вам ничего не рассказывал?

Я вопросительно вскинул брови:

— Что, например?

— Ну... где он провел последние двадцать лет?

Я смерил Ривельда долгим взглядом.

— Отчего же, рассказывал. Он был в тюрьме.— Я сделал паузу.— И, кстати, сказал — за что.

Мне показалось, что Ривельд слегка побледнел.

— Скажите,— спросил он,— а он все еще утверждает, что невиновен?

— Да. Он говорил, что произошла какая-то ужасная ошибка. И, должен сказать...

Ривельд прервал меня взмахом руки:

— Он виновен! Это доказано, и никаких сомнений тут быть не может. М-м-м...— помялся он.— Не мое дело советовать, но на вашем месте я бы не стал искать его общества.

Что-то в манере Ривельда говорить задело меня, но я сдержался:

— Спасибо за совет, но мне почему-то кажется, что это не ваше дело. Мне Гарри Проктор нравится.

Ривельд рассыпался в извинениях:

— Поймите меня правильно... Я просто не понимаю, зачем Проктор вернулся сюда? На его месте... м-м-м, я бы бежал от Порт-Сент-Джонса, как черт от ладана.

— Все очень просто,— ответил я.— Гарри Проктор вернулся сюда, чтобы найти «Гровенор».

— О, господи! — воскликнул Ривельд.— Это, конечно, шутка?

— Ничуть. Он и не думает шутить. Гарри считает, что сможет найти сокровища. Рассказывал он об этом очень убедительно.— Я улыбнулся.— И думаю, что это ему удастся.

Ривельд сокрушенно покачал головой.

— Это воздушный замок, мистер Харви, воздушный замок. Я сам когда-то поставил на это и...— он развел руками,— и потерял много денег. Сомневаюсь, что Проктору удастся найти «Гровенор». Но даже если ему доподлинно известно, где покоится судно, все равно добраться до него — адский труд... И кроме того... Разве у Проктора есть деньги, чтобы финансировать свой проект?

Я покачал головой:

— Нет, но он надеется организовать акционерное общество и продать паи.

При этих словах Ривельд откинулся назад и громко расхохотался. Потом с явной насмешкой сказал:

— Гарри Проктор? В Порт-Сент-Джонсе? Дорогой мой, да у него нет на это ни единого шанса. Его здесь слишком хорошо знают!

— Ну что же,— с расстановкой сказал я.— Тогда я сам смогу вложить в это предприятие некоторую сумму.

— Вы? — Лицо Ривельда выразило вежливое недоверие.

— Хорошенько обо всем подумайте — мой вам совет. Обидно вышвыривать деньги на ветер.— С этими словами он встал и протянул мне руку: — Что ж, не смею вас больше задерживать...

Я не стал останавливаться у гостиницы, а выехал из города на дорогу с указателем «Вторая отмель». Проехав немного, я увидел на дороге машину «скорой помощи». Возле нее столпилась группка людей, среди которых я узнал Бена. Мы заметили друг друга одновременно, и он неистово замахал мне руками.

Я дал по тормозам и остановился возле него. Бен устало привалился к машине. Лицо его было бледным.

— Что случилось? — спросил я, почувствовав неясную тревогу.

— Гарри...— ответил он.— О, господи, Грег, он мертв!

Я уставился на Бена, не в силах поверить услышанному.

5

Всю дорогу в город Бен что-то бурчал себе под нос, а когда мы оказались в полицейском участке, уже не мог сдержаться.

— Показания? — взревел он.— Какие, к черту, показания? Мой друг мертв, а вы тут мараете бумагу всякой чушью! Нет чтобы оторвать от стульев свои жирные задницы и найти того подонка. За что вам только деньги платят!

Стоически выслушав брань, сержант поднял руку.

— Все ясно, мистер ван Скальквик. Я понимаю, что вы потрясены, но, если и дальше так пойдет, едва ли вы нам этим поможете.

Он повернулся ко мне, вероятно, сочтя меня человеком более здравомыслящим.

— Эти наезды,— сказал он,— когда водители скрываются — просто адова работа. Особенно в здешних местах. Здесь пруд пруди и отдыхающих, и случайных туристов со всей республики и даже из-за границы. Мы, конечно, сделаем все, что в наших силах, но шансы найти виновного крайне невелики.

— Послушайте,— сказал я каким-то чужим голосом,— доказательств у меня никаких нет, но мне кажется, что наезд мог быть совершен намеренно.

Сержант выпрямился и пристально посмотрел на меня:

— Вот как? Какие у вас основания так считать?

Я рассказал сержанту о недавних событиях, начав с того, как мы едва не погибли на дороге.

Терпеливо выслушав меня, он медленно покачал головой:

— У вас просто шалят нервы. Это вполне естественно, но, когда вы успокоетесь, думаю, поймете, что все это вам померещилось. Возвращение Проктора в Порт-Сент-Джонс могло кого-то и возмутить. Деньги потеряли многие, но, черт возьми, это было двадцать лет назад! И все это время Проктор отсидел в тюрьме. Куда уж тут мстить! Нет, для предумышленного убийства нужен мотив куда серьезнее, чем этот.

Позже в гостинице мы с Беном рассмотрели ситуацию с разных сторон и в конце концов пришли к мнению, что сержант был прав. Без веских причин не убивают. С облегчением откинув эту тягостную мысль, заговорили о «Гровеноре». И поняли, что без Гарри дело это не стоит и затевать.

Так думали мы до тех пор, пока не открыли его портфель.

Вещей у нашего товарища было до трогательного мало. Впрочем, в тюрьме большего и не наживешь. Я разложил вещи на кровати и стал думать, что с ними делать дальше. Может быть, управляющий гостиницы мог бы использовать их в благотворительных целях?

Портфель Гарри был закрыт на замок, и я долго не решался взломать его, но Бен все же уговорил меня.

— Давай, чего тушуешься? — сказал он со свойственным ему практицизмом.— Гарри ничего про родственников не говорил, но если они у него случаем имеются, нелишне будет послать им весточку. Валяй, открывай. Глядишь, может, адрес какой найдем или еще что.

Бен оказался прав. В портфеле мы нашли адрес и фамилию. Отправив телеграмму мисс К. Проктор в Дурбан, я вскоре забыл о ее существовании, поскольку моим вниманием всецело завладела другая находка. Портфель был битком набит бумагами, и когда я сунул их под нос Бену, тот только выпучил глаза. В наших руках оказались связка старых писем, карта залива Гровенора, ксерокопии старинных документов, записи, сделанные от руки, пожелтевшие вырезки и фотографии, а также туго скрученный рулон, оказавшийся планом заброшенного второго тунеля.

— Ну-ка, погляди! — воскликнул Бен.— Да тут все про «Гровенор»!

Весь остаток дня мы едва перекинулись двумя-тремя словами. Шли часы, а с ними улетучивались и последние сомнения. Судя по всему, под старыми раскопками действительно покоился «Гровенор».

Наконец Бен отложил в сторону последний пожелтевший листок. Еще несколько минут он попыхивал трубкой, потом поднял голову и посмотрел мне в глаза:

— Найдем его, как по-твоему, а? Продолжим дело Гарри...

Сказав это, он сунул руку в карман и вытащил бутылку.

— Вот чем я хотел тебя утром попотчевать. Помнишь, я обещал регмейкер?

Молча я достал два стакана.

— Выпьем сначала за Гарри,— поднял Бен стакан.— Парень он был что надо. Второй тост — за нас. Третий — за «Гровенор». А потом еще за золото, за драгоценные камни, а если останется, выпьем и за павлинов.

Прошло немало времени, прежде чем мы легли спать.

На следующее утро я отправился к адвокату. Это был сухопарый, прямой, как палка, человек, представившийся мне главой адвокатской конторы «Браун Армстронг и К°». Он, спокойно, поджав губы, выслушал меня, а потом в течение пятнадцати минут применял все свое красноречие, чтобы отговорить меня от затеи с «Гровенором». Но я стоял на своем, и, в конце концов дав мне понять, что, по его мнению, мои желания противоречат всякому здравому смыслу, он согласился выполнить мои указания.

Затем я посетил редактора местной газетенки. В отличие от адвоката, услышав о моих планах, он пришел в восторг.

— Поиски сокровищ, вот как? Ну что ж, вот это новость так новость! Присаживайтесь, мистер Харви, присаживайтесь. Может, чашечку чая? Вы знаете, что уже более двадцати лет никто не пытался найти «Гровенор».— Он потер руки и просиял.— И когда вы собираетесь начинать?

— Как только сможем.— Я подробно рассказал о своих приготовлениях и подчеркнул, что паи будут доступны самой широкой публике.

Потом я задал вопрос, который особенно меня интересовал:

— Как вы думаете, какую реакцию это вызовет?

Редактор расхохотался:

— О, на вашем месте я бы особенно не обольщался. Люди обожают читать о поисках сокровищ. Это так горячит воображение. Но как только речь заходит о том, чтобы вложить деньги... вот тут-то все и начинает буксовать. Особенно в наших краях. Во время последних поисков судна многие тут разорились. А впрочем,— отметил он,— чего не бывает!

Купив назавтра номер «Почты Дикого Побережья», я обнаружил, что нам отведена первая полоса. Я пролистал газету. Внутри ее, в самом углу, чернел крошечный некролог Гарри Проктора.

В первый раз я увидел ее на похоронах. Она стояла вместе с нами у могилы — стройная изящная девушка с зелеными глазами и длинными светлыми волосами, развевающимися на ветру. Когда погребение завершилось и Гарри Проктор обрел наконец вечный покой, она подошла к нам.

— Мистер Харви? — спросила она.

Я улыбнулся и протянул руку.

— Грег Харви, а это Бен ван Скальквик.

— Здравствуйте. Я — Карен, дочь Гарри Проктора. Спасибо вам за телеграмму.

Я махнул рукой.

— Мы и понятия ни о чем не имели, не знали ничего,— торопливо сказала Карен.— Вы были его другом?

Я кивнул:

— Да, и Бен тоже, но...

Тут девушка разволновалась:

— Прошу вас... Мне так много нужно у вас узнать... Вы не сможете уделить мне немного времени?

В холле гостиницы мы нашли укромный уголок и заказали три кофе. Карен сидела, погруженная в собственные мысли, потом повернулась ко мне.

— Это очень любезно с вашей стороны. Я так волнуюсь, потому что... Понимаете, я толком никогда не знала отца.— Она закусила губу, а потом решительно продолжила: — Он долгое время сидел в тюрьме. Вы, наверное, об этом знаете?

— Да, он нам рассказывал.

Она нахмурила брови.

— Одного не могу понять, может быть, вы объясните? Он вышел, а мы и понятия об этом не имели. Мы с Предком считали, что его освободят не раньше, чем в конце года.

— С Предком? — удивился я.

— Ох, извините, с моим дедушкой. Я живу у него. Мы были просто потрясены вашей телеграммой. Вы ведь писали: «Погиб в Порт-Сент-Джонсе». Я была уверена, что здесь какая-то ошибка, но Предок позвонил в полицию, и там все подтвердили. Но... что он здесь делал? Почему не сообщил нам, что его уже выпустили?

Бен кашлянул.

— Должно быть, у него была на то причина, мисс,— сказал он ласково.— И очень серьезная. Иначе бы он так не поступил.

— Но какая? Какая могла быть причина? — тихо спросила она, а потом добавила: — Его срок заканчивался в декабре. По крайней мере, так он дал мне понять в письме.

Неужели... все дело в «Гровеноре»? «Гровенор»... я просто не могу понять. Зачем это было нужно — ведь прошло столько лет? Неужели он не понимал, что это бессмысленно, что он попусту теряет время?

— Я бы так не говорил, мисс,— с расстановкой произнес Бен.

— То есть как? — удивилась Карен.

Бен замялся.

— Проживи ваш папаня подольше, он стал бы богачом. Мое мнение: у него был верный шанс найти золото и драгоценности. У него имелись бумаги, чертежи... Он шел по верному следу. А теперь, когда бедняга умер, этим займемся мы с Грегом.

Она глядела на нас широко раскрытыми глазами.

— Вы что же, серьезно думаете, что сможете найти «Гровенор»?

— Да. В общем-то серьезно,— твердо ответил я.— Но сейчас перед нами стоит одно препятствие.

— Какое?

— Деньги. Нам понадобится гораздо больше денег, чем у нас есть сейчас.— Я рассказал Карен о своем визите к адвокату Брауну.

Когда я закончил, она тихо произнесла:

— Значит, он сомневается, что паи захотят покупать?

Внезапно мне в голову пришла одна мысль:

— Может быть, вы одолжите нам на время бумаги отца? Если кто-то заинтересуется паями, они помогут ему принять окончательное решение....

Карен немного подумала, потом сказала:

— Я хотела бы сначала сама взглянуть на бумаги. Думаю, успею все просмотреть сегодня вечером, а завтра перед отъездом отдам их вам.

— Служба? — осведомился Бен.

— Нет, не совсем,— улыбнулась девушка.— Понимаете, я помогаю дедушке. Он пишет книгу, а я ее печатаю. В прошлом Предок был биологом, и его книга посвящена исследованию водных организмов Юго-Восточной Африки.

— Очень любопытно,— вежливо заметил я.

— Да-да,— согласилась она.— Но в теперешнем своем виде текст очень уж наукообразен. Сомневаюсь, что непрофессионалу удастся одолеть больше страницы. Но все равно, Предок счастлив, что пишет книгу.

— Ну а вы? — Я сомневался, что молодой девушке по душе день-деньской сидеть в четырех стенах и перепечатывать такую бодягу.

Карен рассмеялась.

— О, мне это нравится. Я ведь не только печатаю, но и делаю почти всю подводную съемку. Мы с Предком много путешествуем. У нас есть жилой автоприцеп, и добрых две трети года мы проводим вдали от дома.

Теперь уже рассмеялся я.

— Вы задели слабое место Бена,— пояснил я.— Он вообще не работает.

— Ну а вы? — полюбопытствовала она.— Где ваше место под солнцем?

Я рассказал ей. Беседовать с Карен было легко, одна тема сменялась другой. Наконец Карен встала и подала руку Бену.

— Будем прощаться.

Я с сожалением расставался с девушкой, но потом подумал, что наступит утро и у меня найдется предлог увидеть Карен снова.

6

Девушка-портье повторила:

— О да, это совершенно точно. Мисс Проктор выписалась сразу после шести. Видимо, она очень спешила.

Я стоял как громом пораженный. И когда приехал Бен, я был все еще в подавленном состоянии. Новости, которые привез он, отнюдь не улучшили моего настроения.

— Я тут по дороге заскочил к Брауну,— рассказывал Бен, кривя рот.— Думал, после такого шума во вчерашней «Почте» пайщики налетят, как мухи на мед. Черта с два! Никто и не почесался! Представляешь? Какого им рожна надо?

Я безнадежно махнул рукой:

— Не знаю, Бен. Просто не знаю. Браун ведь говорил мне, что это пустая трата времени.

Бен обеспокоенно глянул на меня.

— А что же мы будем делать, если никто не будет покупать паи? Ты тоже задерешь лапки кверху?

Я мрачно покачал головой:

— Подождем еще денька два. Если ответа не будет, дадим объявление в какой-нибудь воскресной газете. Ведь они по всей стране продаются.

Бен поскреб затылок.

— Да, можно и так сделать. А вообще, чтобы дело закрутилось, нам нужен-то всего один пайщик. Один-единственный. Остальные потом мигом набегут, попомни мои слова.

— Вероятно, ты прав,— согласился я.— Но, насколько я понимаю, в этом-то и заключается вся трудность.

Прошло несколько дней. Для разнообразия я иногда надевал ласты и охотился на рыб. Наконец на пятый день в гостинице раздался телефонный звонок. Звонил адвокат Браун. В его обычно сухом голосе зазвучали уважительные нотки.

— Мистер Харви? А я уж думал, что вас нет дома. Рад, что могу наконец сообщить кое-какие приятные новости. Меня только что посетил доктор Инглби.

— Доктор...

— Инглби,— повторил он.— Мне этот джентльмен незнаком, но он, очевидно, видел последний номер «Почты» и очень интересовался паями.— Адвокат замолчал.— Насколько я понял, он желает приобрести паи на очень солидную сумму.

— На какую именно? — спросил я, стараясь не выдать волнения.

Браун кашлянул.

— Он говорил о двадцати пяти процентах... Кстати, ему не терпится встретиться с вами. Ориентировочно я назначил встречу на 2.30 на завтра. Вам это будет удобно?

Мы утрясли все детали встречи, и спустя несколько минут я уже ехал на Вторую отмель, чтобы сообщить Бену приятную новость.

На следующее утро, едва я вылез из постели, зазвонил телефон.

— Мистер Харви? Мистер Харви, секундочку, соединяю вас с мистером Ривельдом.

И вот в ухе у меня загудел зычный голос Ривельда.

— Доброе утро, доброе утро. Надеюсь, я не слишком рано? Хотел поймать вас до ухода. У меня к вам крайне важное дело... Если позволите, я зайду к вам. Скажем, в 9 часов?

Если уж Ривельд просит о встрече, значит, дела завертелись, и я соблаговолил себя уговорить.

Однако Ривельд пришел не один. С ним был высокий бледный человек, который тут же с любопытством уставился на меня. Боюсь, что и я тоже разглядывал его несколько дольше, чем позволяло приличие. Лицо этого человека было мне мучительно знакомо. Мы никогда раньше не встречались — в этом я был уверен, и все-таки... Я порылся в памяти. Бумаги из портфеля Гарри Проктора! Вырезки о процессе... пожелтевшие фотографии обвиняемого... судьи... обвинителя... свидетеля... Да, это он! Главный свидетель, Джозеф Суини! Я снова окинул его взглядом. Он постарел, полысел, обрюзг, но, без сомнения, это был тот самый человек.

— Мистер Харви,— начал Ривельд,— позвольте вам представить моего старинного друга и компаньона мистера Суини. Надеюсь, вы не сердитесь, что мы пришли вдвоем? Меня оправдывает то, что дело, которое я хочу обсудить, касается нас обоих.

Я молча указал на стулья. Суини скрестил длинные ноги, обвел глазами комнату, потом уставился на меня.

Ривельд искоса взглянул на него, сел на стул и обратился ко мне:

— Ну что ж, вы, наверное, хотите узнать, зачем мы пришли?

Я небрежно откинулся на спинку стула.

— Признаюсь,— заерзал на жестком сиденье Ривельд,—

в тот раз я не принял всерьез вашего намерения — снарядить новую экспедицию. Вы мне показались... ну, если так можно выразиться, несколько порывистым.— Он виновато улыбнулся.— Теперь вижу, что ошибался. Словом, с тех пор я много думал об этом. И, признаться, мистер Суини тоже. Дело в том, что мы с Джозефом участвовали в предыдущем... поиске и потерпели... м-м-м... фиаско. Мы оба потеряли немало денег, и, честно говоря, долгое время «Гровенор» был для нас больным местом. Но мы бизнесмены, и нам хотелось бы возместить ту давнюю потерю. Мы считаем, что ваша экспедиция должна иметь больше шансов на успех... Тщательно все обдумав, мы не видим причины, которая помешала бы нам поддержать экспедицию экономически. Короче, мистер Харви, мы хотели бы привнести в вашу новую компанию капитал.

В знак согласия я наклонил голову.

— Мы рассчитываем на пятьдесят процентов паев,— веско сказал Суини.— У вас есть какие-нибудь возражения?

От названной цифры у меня перехватило дыхание. Меж тем пальцы Ривельда принялись отбивать ритм на столике. Я чувствовал на себе его немигающий взгляд.

— Никаких,— сдержанно ответил я.— С полным капиталом на руках можно будет сразу приступить к работе. Мы могли бы прочистить туннель и начать работы до наступления сезона бурь.

Пальцы Ривельда внезапно замерли.

— Да, вот еще что,— торопливо проговорил он. Взглянув на Суини, он быстро отвел взгляд и продолжил: — Я предлагаю вести земляные работы прямо из моря. Туннель нам вообще не понадобится. Как вы знаете, наш бизнес — рыболовство. Флот нашей компании состоит из семи судов. Одно из них сейчас находится в Дурбане, на ремонте. Можно было бы оборудовать его под поисковое судно.

Идея была превосходная, но я выразил сомнение:

— В этом случае у нас будут немалые издержки...

Ривельд просиял:

— Напротив, затраты будут минимальными. Компания предоставила судно во временное пользование. Единственными расходами будет жалованье экипажу, но это компания берет на себя. То же касается и снаряжения. Затраты одинаковы, станем ли мы проводить землечерпальные работы с судна или же через туннель.

Я замялся.

— Да... но... Существуют еще и другие трудности. Например, штормовая погода. И судну тогда придется держаться вблизи мыса. В этом случае работа может затянуться на долгие месяцы. Проще отрыть туннель.

— Да, проще. Но тогда меньше вероятности найти «Гровенор».— Это сказал Суини.— Работа в туннеле неизбежно ограничит зону поиска. Если корабль лежит дальше, чем мы предполагаем, то добраться до него возможно только с судна. Я думал об этом. Разумеется, при выборе оптимального снаряжения мы полностью полагаемся на вас. Думаю, будет целесообразно, если вы поедете на неделю-другую в Дурбан наблюдать за погрузкой.

Больше возражений у меня не было. Видимо, все решило именно последнее предложение. Недели-двух в Дурбане хватит, чтобы возобновить знакомство с Карен Проктор. Мысль заманчивая, что и говорить.

Мы обсудили финансовую сторону дела и некоторые моменты, касающиеся подготовительных работ. Потом, вполне довольные, Ривельд и Суини стали собираться, пообещав по дороге заглянуть к Брауну.

После их ухода я еще долго сидел, обдумывая происходящее. Наконец встал и пошел в гараж, вывел машину и поехал ко Второй отмели, к Бену. Я притормозил около его автофургона. Однако он был пуст. Я разочарованно огляделся вокруг, а потом все понял: удочек на месте не было. Минутой позже я шагал по песчаной, окаймленной деревьями тропинке к берегу моря.

Еще издали я заметил Бена. Но он был не один. Я с любопытством уставился на незнакомую фигуру у кромки воды, потом, пройдя еще немного, остановился как вкопанный. Бросив в сторону удочку, Бен по-крабьи карабкался по камням к незнакомцу. Даже на расстоянии я почувствовал что-то неладное, а когда Бен остановился, я наконец понял, в чем дело. Бен был разгневан. Шум моря заглушал голоса, но все было понятно и так.

Я не стал терять времени и что было духу побежал к ним по песку. Вскоре я отчетливо услышал громкий голос Бена.

— Я тебя убью... Я тебе покажу, где раки зимуют... ах ты, гад! Сейчас ты у меня узнаешь...— Бен уже поднял кулаки.

— Бен! — Протянув руку, я схватил его за плечо.— Ради бога, успокойся и расскажи, в чем дело. Я уверен, что мы все можем уладить мирным путем.

Пожилой загорелый мужчина благодарно повернулся ко мне.

— Вы правы, совершенно правы. Очень рад, что вы подоспели вовремя. Боюсь, ваш друг слегка возбужден.

— Возбужден? — прорычал Бен.— Да, это верно. Я возбужден, факт. И ты возбудишься, когда я с тобой разделаюсь!

Я втиснулся между ними.

— Остынь, Бен,— сказал я спокойно.— Будь благоразумен. Что тут стряслось? Ты просто сам не свой.

— Спроси его...— захлебываясь, проговорил он, ткнув пальцем в сторону незнакомца.— Спроси его, что он сделал! Я поймал его на месте преступления. Ну,— настаивал он,— спроси!

— Боюсь, тут вышло небольшое недоразумение,— сказал незнакомец с виноватой улыбкой.— Я просто помог вашему другу избежать штрафа. Видите ли, ему, вероятно, не вполне известно, что максимальный улов, допускаемый законом о рыбной ловле, составляет 10 рыбин на человека в день. Ваш друг выловил в три раза больше. Так что я всего лишь...

Для Бена это было уже слишком.

— Всего лишь? — завопил он.— Ты всего лишь выкинул их! Моя рыба... моя рыба, я ловил ее целое утро. А ты почти все украл и вышвырнул в море. Всю мою рыбу...

— Совсем не всю,— серьезно возразил незнакомец.— Всего лишь двадцать одну рыбину. Добавлю, что это были самые маленькие экземпляры. Некоторые из них вообще не достигли взрослого возраста.

Незнакомец держался напыщенно и, видно, был уверен в своей правоте. В душе я был на стороне Бена, но, конечно же, виду не подал.

— Я убежден,— продолжал незнакомец,— что мы все должны соединить свои усилия в целях сохранения наших природных богатств. Свою лепту в это должен внести каждый. Это наш долг, к выполнению которого я отношусь крайне серьезно. Знаете ли вы, что если мы не прекратим это бессмысленное уничтожение, через полвека океан будет мертв — совершенно мертв!

— Мертв? — эхом откликнулся Бен.— И с тобой будет то же, если не побережешься! Будешь мертв — и пятидесяти лет не понадобится!

— Хватит! — сказал я твердо.— Если то, что говорит этот джентльмен, правда, получается, что ты нарушаешь закон. Давай, собирайся и пошли домой.

Бен что-то невнятно пробурчал, но я, не обращая на него внимания, наклонился, чтобы собрать остатки улова.

И вдруг замер. В эту секунду краем глаза я заметил девушку. Она шла вдоль берега по направлению к нам — одинокая фигурка в ярко-красном купальнике. Я выпрямился. Девушка была еще далеко, но что-то в ее походке, в том, как она держала голову, было мне знакомо.

И вот девушка остановилась. Прикрыла рукой глаза от солнца, потом вдруг помахала нам. Сомнения мигом улетучились. Мы бросились навстречу друг другу.

— Карен! Господи, что вы здесь делаете? Я думал... вы писали... Что вы делаете в Порт-Сент-Джонсе? Я думал, вы вернулись в Дурбан.

— Я поехала домой... Но все равно собиралась вернуться. Правда, не так-то легко было уговорить Предка.

— Вашего дедушку? Он что, тоже здесь?

Она махнула рукой в сторону Бена и незнакомца:

— Разве вы не познакомились друг с другом? Моего дедушку зовут доктор Инглби. Вы ведь только что с ним

говорили. Я видела вас там вместе с Беном. Разве он вам не представился?

7

Должно быть, существуют более удачные способы разрушить партнерство, но лично я в этом сомневаюсь. На секунду мне казалось, что Бена хватит удар. Из красного он стал багровым, его рот открывался и закрывался, как у рыбины, которая еще слабо трепыхалась у его ног. Однако никто так и не узнал, что он собирался сказать, потому что незаметно я треснул его по лодыжке, и он быстро пришел в себя. Но в глазах его все еще продолжали сверкать злые огоньки.

Затянувшееся молчание нарушила Карен.

— Ну, теперь, когда все уже познакомились,— заметила она,— я предлагаю пойти к нам и выпить по чашечке чая.— И улыбнулась Бену: — Вообще-то мы ваши соседи. Наша машина стоит в другом конце парка под деревьями.

Бен с трудом разлепил губы и кисло улыбнулся.

— Вот как? Я видел, как вчера подъехал какой-то фургон, да только особо не присматривался.

Одного взгляда было достаточно, чтобы отличить фургон доктора Инглби от других трейлеров. Выкрашенный в ослепительно белый цвет, он занимал едва ли не всю стоянку. Впечатление его огромности довершал нависавший с одной стороны, как крыло, тент. А попав внутрь, мы просто вытаращили глаза. Казалось, что находишься в роскошной, прекрасно обставленной комнате или в хорошо оборудованном музее.

— Трейлер построен по специальному заказу Предка,— объяснила Карен.— Для нас это и дом, и кабинет, и мастерская, и лаборатория — все вместе.

Куда ни глянь, всюду стояли раковины всех форм и размеров, ветки морских водорослей, рыбы на подставках, панцирь чудовищного краба. Губки и кораллы всех цветов радуги украшали стены и углы, ими были набиты стенные шкафы и сделанные на заказ витрины. Но особенно поражал отлично оборудованный аквариум с яркой подсветкой, который занимал все пространство между книжной полкой и стеной.

Бен только оторопело вертел головой. Доктор Инглби с улыбкой наблюдал за ним. Изумление Бена побудило его сделать первый шаг к примирению.

— Вас заинтересовали эти экземпляры, мистер ван Скальквик? — осведомился он.

— Да,— ответил Бен.— В жизни не видел таких диковинок. А такой пропасти их — уж точно.

Доктор Инглби скромно потупился:

— Это только малая часть моей коллекции. К сожалению, я ограничен местом. Большинство редких и самых экзотических экземпляров моей коллекции пришлось оставить дома.

— Чай вскипел,— объявила Карен.— Всем с молоком?

Я повернулся к доктору Инглби.

— Прежде чем перейти к делу, мне бы хотелось отметить, что мы с мистером ван Скальквиком чрезвычайно ценим то доверие, которое вы нам оказали. Надеюсь, что не останемся в долгу и с лихвой оправдаем ваш вклад.

— Я тоже очень на это надеюсь,— сухо заметил он.— Но вы должны благодарить не меня, а Карен. Она может убедить самого недоверчивого упрямца.

Я взглянул на Карен:

— Так, значит, ты подкинула эту идею?

Она кивнула.

— Да. Когда ты сказал мне, что вы с Беном разрабатываете план поисков сокровищ «Гровенора», я думала так же, как Предок. Но тогда я еще не видела папиных бумаг. И как только открыла портфель,— она дернула плечами,— сразу поняла, что игра стоит свеч.

— Значит, ты приняла решение в ту ночь в Сент-Джонсе?

— Да.

— Но ответь тогда, бога ради... почему ты уехала, ничего не сказав, не попрощавшись?

Карен виновато поморщилась:

— Я хотела сделать это, но... ну, я подумала, что будет нечестно сразу вас обнадеживать. Я вовсе не была уверена, что мне удастся уломать Предка.

Я покачал головой и снова повернулся к ее дедушке.

— Вот что, сэр,— сказал я.— Признаюсь, вы сдвинули дело с мертвой точки. С тех пор, как вы появились в городе, спрос на паи необычайно вырос.

— В самом деле?

— Да, сегодня с самого утра у меня было два посетителя. Бен, тебя это тоже заинтересует. Ривельд и его друг Джозеф Суини. Они хотят приобрести пятьдесят процентов паев.

— Пятьдесят процентов! — восхитился Бен.— Да ведь как раз этого нам и не хватало. Ты, надеюсь, согласился?

— Согласился. Но это еще не все. Ривельд тут кое-что предложил...

Я рассказал о судне и о том, насколько это облегчит нашу работу. Пока я говорил, никто не проронил ни слова. Потом после минутной паузы Карен спросила:

— Значит, вы не будете отрывать туннель?

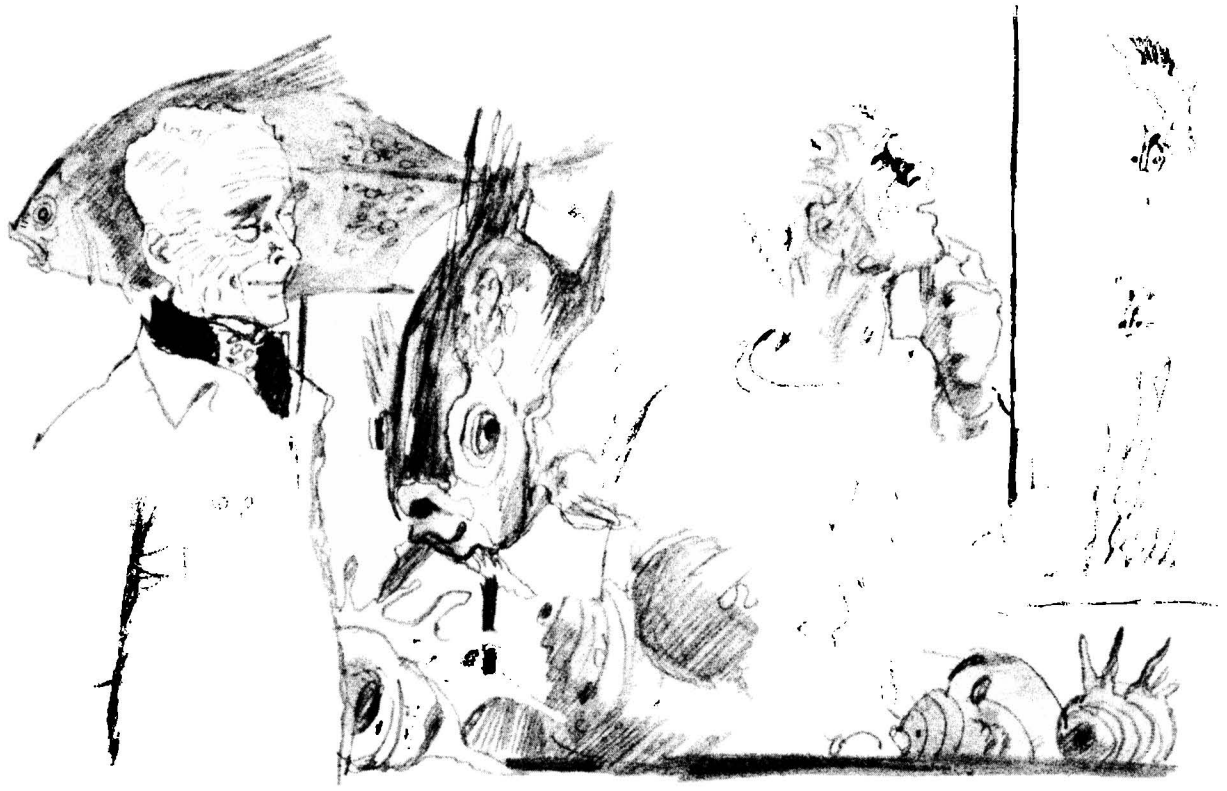
— Нет. Теперь это не имеет смысла,— ответил я.— Мы будем вести водолазные работы прямо с судна. Это здорово облегчит нам жизнь.

Доктор Инглби подергал себя за нижнюю губу.

— К сожалению, мне тут не все ясно. Каким образом, ведя работы с судна, вы можете проникнуть под дно океана? Насколько я понял, «Гровенор», если вы даже найдете его, погребен под 30-футовым слоем песка.

— Верно,— отметил я.— Безусловно, это обязательно нужно учитывать. Но проблема вполне разрешима. Будем счищать песок, пласт за пластом, пока не обнажится остов судна.

— А водолазы у вас будут? — спросила Карен.



— Да. Большую часть подводных работ я буду делать сам. Но, естественно, люди понадобятся. Нужно еще три ныряльщика. В одиночку работать под водой нельзя — это первое и самое главное правило безопасности при подводных работах.

— Ну а песок,— допытывался Бен.— Песок-то куда девать?

— Я все уже продумал,— ответил я.— Хотя, признаюсь, дело непростое. В общих чертах это будет выглядеть так. Песок надо вычерпывать с помощью большого насоса, соединенного с всасывающей трубой — совсем как подводный пылесос, только, конечно, гораздо больше. Ныряльщики будут по очереди им управлять, а мы — погружаться все глубже и глубже, вычерпывая песок из V-образной котловины.

Все слушали внимательно, не перебивая. Но как только я закончил свои пояснения, засыпали вопросами. И именно Карен отметила самое серьезное препятствие:

— А как сделать, чтобы стенки этой V-образной котловины не обваливались? Ведь чем глубже ты будешь проникать в песок, тем больше стенки котлована будут сдвигаться и обваливаться.

Все вопросительно посмотрели на меня. Я пожал плечами.

— Полностью этого избежать не удастся, но не страшно. Давление воды поможет сдержать оползень. Самое главное — сделать угол наклона достаточно пологим. Нужно будет просто внимательно следить за этим и за состоянием моря. Каждый день мы работать не сможем. Если море будет неспокойным, придется ждать, пока волнение не утихнет.

Но Карен стояла на своем:

— Но, Грег, представь, что случится обвал. А ты будешь в это время под водой...

— Да нет же, нет,— бросил я нетерпеливо.— Риск, конечно, не исключен. Но если погода ухудшится, мы просто прекратим работы.

Бен скривился в усмешке.

— Ну а акулы? — предположил он.— Им-то на погоду наплевать. А уж когда проголодаются, и говорить нечего. Вот тебе и весь сказ.

Я сделал ловкий маневр.

— Давайте спросим доктора Инглби, он ведь специалист.— Я вопросительно повернулся к нему.— Что вы скажете, сэр? Будут акулы нам помехой?

Доктор Инглби задумчиво похлопал себя по брюшку.

— Нет, это маловероятно,— профессорским тоном отметил он.— Акулы редко нападают на пловцов. Они становятся агрессивны, когда резко повышается температура воды. А здесь, на крайнем юге, это сомнительно. Эти твари, конечно, опасны. И если вдруг какая-нибудь акула отклонится от своего стереотипного поведения, нужно быть начеку. Например, не советую вам спускаться под воду с открытой раной. Акулы чуют кровь на огромном расстоянии. Впрочем, полагаю, вы будете вооружены?

Я кивнул:

— Кроме ножа, обычно полагающегося по инструкции, у одного из ныряльщиков будет ружье для подводной охоты. Я хочу максимально снизить степень риска.

Махнув рукой, доктор Инглби дал понять, что тема исчерпана.

— Хорошо, хорошо. Теперь вот еще о чем я хотел вас попросить: мы с Карен очень хотели бы осмотреть место кораблекрушения. Мистер Браун сообщил, что вы вроде бы собираетесь поехать туда завтра. Если так, то не объединиться ли нам и не поехать ли вместе?

— Отличная мысль! — радостно согласился я.— Мы с Беном действительно собирались съездить в залив Гровенора. Я надеялся осмотреть туннель и залив. Можем поехать туда на моей машине.

Когда мы с Беном собирались уходить, Карен передала мне портфель. Портфель Гарри Проктора.

— Я уже просмотрела все бумаги,— сказала она.— Теперь можешь держать его у себя сколько хочешь.

Продолжение следует

Перевели с английского
Георгий и Чандрика ТОЛСТЯКОВЫ

Оливер Г О Ф Ф,
английский писатель

ГЛАЗ ДАВЛИНА

Роман

8

Рассвет следующего дня был ярким и чистым. Бен с видом знатока бросил взгляд на небо, потянул носом, вдыхая несуществующий ветер, и веско изрек:

— Будет жара!

Несмотря на ранний час, доктор Инглби уже слегка вспотел, видимо, от напряженного наблюдения за тем, как мы с Беном нагружаем машину. Он болтался в стороне, время от времени промокая платком лоб и придирчиво проверяя, все ли уложено.

— Быстрее,— лихорадочно торопила нас Карен.— Ну, поехали, а то окажемся там только в середине дня!

Наконец мы тронулись в путь.

Мили через две нам открылся залив Гровенора. Как только машина остановилась, все выбрались наружу. Я не спеша оглядывал первозданную красоту места. Маленькая бухта, белый пляж и далеко справа — внушающая благоговейный трепет стена утесов, а слева — выдающийся в море мыс. Длинная зеленая лента земли, изгибаясь дугой, окаймляла залив. Нас обступили заросли диких бананов, их широкие листья поникли в ожидании ветра.

Потом я увидел хрупкий остов заброшенного подъемного крана, проржавевшего и скособочившегося. А за ним странное нагромождение камней, которое никак не вписывалось в природный ландшафт. Бен обернулся ко мне и вытянул руку:

— Видал?

— Да, камни... Это от старого туннеля?

Он кивнул:

— Пошли вниз, покажу.

К моему разочарованию, смотреть было почти не на что. Вход в туннель сохранился, но шел вглубь всего на двадцать футов, а потом резко обрывался. Как будто мощный взрыв обрушил крышу и стены, закрыв проход многотонной осыпью.

Потом все прошли к утесу.

Вода была синяя-синяя. И, глядя вниз, я ощутил внезапное напряжение. А когда заговорила Карен, в ее голосе послышалось сдерживаемое волнение.

— Вот, значит, где это... Здесь «Гровенор» сел на мель...— Она схватила меня за руку.— Посмотри на риф! Он там! Видишь, сквозь воду виднеется — такая черная длинная глыба. Наверное, судно на нее и наткнулось.

Я проследил за ее взглядом и согласно кивнул.

— Похоже на то. По крайней мере, полностью совпадает с рассказами спасшихся.

Доктор Инглби поджал губы и ехидно заметил:

— Если «Гровенор» затонул именно здесь, естественно предположить, что он сразу же разломился. Тогда сокровища могут быть рассеяны на такой обширной территории, что найти их теперь будет просто невозможно.

Поразмыслив, я попытался возразить:

— Если даже судно и разломилось, рифы не дали бы унести его останки в море. Но я все же надеюсь, что мы найдем его целехоньким. Дальше все зависит от морского дна. Если «Гровенор» опустился на толстый слой песка... тогда это значительно облегчит нашу задачу.

Карен нетерпеливо обернулась ко мне:

— Давай нырнем и посмотрим, что там, на дне?

Я улыбнулся, увидя такое рвение.

— Да, мысль отличная. Кстати, я и сам об этом подумывал. Пока мы здесь, нужно все обследовать самым тщательным образом.— Я взглянул на девушку: — Думаю, с работой ассистента ты справишься.

Глаза Карен сверкали.

— Когда начнем?

— Да хоть сейчас.

Мы вернулись к машине, надели подводное снаряжение и поплыли к утесу, где едва виднелись крошечные фигурки Бена и доктора Инглби, дружески примостившихся бок о бок. Время от времени я поглядывал на них, выдерживая направление. Карен тоже не выпускала их из виду. Мы плыли рядом. Она крикнула и призывно помахала рукой.

Вода сомкнулась над нами, поглотив ответный крик Бена, и в ту же секунду мы оказались в мире приглушенных красок и мелькающих теней. Убедившись, что Карен рядом, я ударил ластами и пошел на глубину. Она последовала за мной...

Когда мы всплыли, Бен, с риском свалиться в воду, перегнулся через край утеса.

— Эй, ну как там, внизу? Что видели?

Карен сдвинула маску на лоб и весело ответила:

— Песок! Везде песок! И никаких скал! Может, к нам спуститесь? Вода чудесная!

Бен фыркнул и замотал головой:

— Я тут столько наловил акул с крабами да осьминогов с муренами, что в море теперь — ни ногой! Ну вот если только «Гровенор» отыщем...

Доктор Инглби внимательно посмотрел на меня:

— Глубоко?

— Футов тридцать,— ответил я.— Но дальше, возможно, немного глубже. Надо бы посмотреть. Готова, Карен?

Она кивнула, и мы снова нырнули.

Чтобы прочесать район, нам потребовалось добрых полчаса. Когда мы наконец поднялись на берег, чтобы дать подробный отчет о географии местности, то обнаружили, что Бен кипятит в котелке воду для чая.

— Как там? — спросил он, подняв брови.

— В целом неплохо,— отметил я.— Риф гораздо больше, чем я думал. Он идет почти по всей ширине залива, но, кроме него, нет никакого намека на скалу.

Едва мы успели покончить с завтраком, как Карен встала и огляделась.

— Ну что ж,— объявила она,— теперь можно приступать к работе. Сначала выберем место для стоянки. По-моему, стоит остановиться прямо здесь: во-первых, рядом пресная вода, а, во-вторых, до залива рукой подать.

День пролетел незаметно. После, оглядываясь назад, я вспоминал его как нечто совершенно особенное. Этот день словно знаменовал собой краткое затишье перед бурей, которая вскоре разразилась.

Конечно, отбросить все смутные страхи, убедить себя в том, что мои былые опасения — просто игра воображения, было несложно. По крайней мере, до тех пор, пока в тот вечер не пришел в свой номер. Я открыл дверь спальни и не поверил глазам: настежь распахнутые створки дверного шкафа, полувыдвинутые ящики, а все их содержимое в полном беспорядке вывалено на пол — одежда, обувь, постельное белье, аккредитивы и распотрошенный бумажник.

И вдруг я похолодел — исчез потрепанный портфель, который еще недавно принадлежал Гарри Проктору...

Продолжение. Начало см. в № 4, 5.

9

В вихре дел, который закружил меня в течение следующих нескольких дней, я почти забыл о пропавшем портфеле. Больше я ничего не мог сделать, поэтому, передав дело полиции, с ходу включился в бесконечную чехарду встреч, консультаций, телефонных звонков и неизбежной волокиты.

Постепенно все наладилось, однако прибытие первых ящиков с грузом совпало с новостью: оснащение спасательного судна требует моего присутствия в Дурбане.

Об этом сообщил Ривельд. Заодно он посоветовал мне занять каюту прямо на корабле, пока идет работа. Я уже было согласился, когда доктор Инглби предложил мне нечто лучшее.

— Почему бы вам не поселиться у нас? — спросил он.— Через денек-другой мы с Карен отправимся домой и пробудем в Дурбане по меньшей мере неделю. У меня появилось одно дело, а Карен наверняка захочет сделать кое-какие покупки.— Он помолчал и добавил: — Если хотите, можете поехать с нами.

На том и порешили. Тем временем Бену было поручено разбить лагерь в заливе Гровенора, и, как только прибыли палатки и провиант, он уехал, проклиная пыльную дорогу. Днем позже мы отправились в Дурбан.

Там я впервые увидел «Мэри-Джо».

Это было маленькое, неуклюжее на вид суденышко, с высоким застекленным капитанским мостиком и широким полукруглым носом — настоящее рыбацкое судно.

Едва мы с Карен ступили на его борт, навстречу шагнул высокий рыжеволосый молодой человек и протянул руку.

— Мистер Харви? А... это, вероятно, мисс Проктор? Добро пожаловать на борт! Я — Барри Ривельд. Сегодня утром я получил от отца радиограмму о вашем прибытии.

Общее сходство Барри с отцом было очевидно: те же бледные ресницы, голубые глаза, фигура. Однако сын был лишен солидной представительности своего отца. Он был выше ростом, изящнее, движения более быстрые и отрывистые. Говоря, он постоянно размахивал длинными тонкими руками и нервно посмеивался.

Барри медленно обвел меня глазами, потом с нескрываемым восхищением посмотрел на Карен.

— Я очень рад... Позвольте представить вам остальных членов экипажа... А... вот и шкипер.— Он повысил голос.— Ник! Можно тебя на минутку?

Когда появившийся на палубе смуглый человек повернулся, я мгновенно узнал его. Ник Суорт! Я невольно сжал кулаки.

Суорт переступил с ноги на ногу, взглянул на Барри, отвел глаза в сторону и кашлянул.

— Я хочу извиниться перед вами за то, что тогда произошло,— с трудом выговорил он.

Мне показалось, что эти слова Ник произнес нехотя: он не был похож на человека, который привык извиняться. Наверно, правила вежливости требовали спустить все на тормозах, сказать «ничего страшного» или что-нибудь в этом роде, но тогда я не чувствовал особого великодушия — слишком свежа была память о Гарри Прокторе.

— Рад, что вы раскаиваетесь,— резко заявил я.— Драться со стариком — позор!

На скулах Суорта заходили желваки, он отвел глаза и пожал плечами.

— Знаете, как это бывает... всю неделю в море... первая ночь дома... мы с ребятами... у нас накипело. Но мы никого не хотели обидеть. И не думали даже. Просто так вышло.

Внезапно мне стало жаль Суорта. От его тогдашней чванливой бравады не осталось и следа. Мало того, мне

даже показалось, что за его внешней угрюмостью таится страх.

Я ехидно улыбнулся.

— Что ж, мистер Суорт, в следующий раз, когда вам придет охота подраться, советую выбирать противника по себе.

Он не ответил, а Барри весело рассмеялся.

— Ник — хороший парень,— сказал он.— А что погорячился — с кем не бывает? Уверен, что вы не будете держать на него зла. Шкипер он первоклассный, ручаюсь. Лучшего вам не сыскать. Кроме того, он профессиональный водолаз.

— Что ж, это неплохо.— Мне нечего было возразить.— Я человек благоразумный, мистер Суорт, и, пока нас связывают деловые отношения, думаю, мы сработаемся. Как и вы, я заинтересован в том, чтобы работа была сделана — и сделана хорошо.

Я повернулся к Барри.

— Из слов вашего отца я понял, что под водой будут работать трое? Кто третий?

— Хендрик Фурье. Пойдемте, я вас познакомлю.

Мы прошли по палубе мимо работающей команды — лоснящихся от пота африканцев, которые, монотонно распевая, вручную двигали огромную упаковочную клеть. Потом пробрались через лабиринт клетей поменьше, и спустя мгновенье я пожимал руки Хендрику Фурье и его брату Виллему.

Они были так похожи, что я и без Барри понял, что передо мной братья-близнецы. Но с первой же минуты знакомства Виллем произвел на меня странное впечатление. Его пальцы как-то вяло сжимали мои, взгляд был невыразителен. Шаркая, он отступил и встал позади брата.

Хендрик, напротив, произвел на меня впечатление человека сметливого, умного и абсолютно уверенного в себе.

Мы поболтали минут пять, а когда отошли, я спросил Барри о Виллеме.

— Значит, заметили? — Он искоса взглянул на меня.— Что ж, это сразу бросается в глаза. Виллем немного придурковат. Умственное развитие у него, как у восьмилетнего, но он вполне безобиден.

— Какой ужас! — воскликнула Карен.— И ничего нельзя сделать?

Барри покачал головой.

— Да, по-моему, пытались уже, да только все зря. Ужасно, конечно, но, думаю, могло быть гораздо хуже. По крайней мере, у него есть работа, с которой он в силах управиться, и, пока Хендрик рядом, он вполне счастлив.

— Он так привязан к брату? — спросила Карен.

Барри скривил рот в усмешке:

— Не то слово!

— Но есть ли необходимость держать такого человека на борту? — заметил я.— Его жаль, конечно, но нужно думать и о работе. Он может что-нибудь делать?

Барри откровенно рассмеялся.

— Делать? Видели бы вы его в работе! Он силен как бык, и хотя соображает медленно, но уж если что усвоит, никогда не забудет. Правда, он слушается только Хендрика, но слово брата для него — закон.

Неожиданно эта тема Барри наскучила:

— Хотите, покажу вам судно? Правда, смотреть особенно нечего. Кроме того, я должен заранее извиниться за беспорядок. Погрузка снаряжения еще не закончена.

Сначала он повел нас на мостик, а потом — вниз, к аккуратному ряду каюток. Для рыболовецкого судна они были на удивление роскошными.

— Да, мы несколько отличаемся от остального флота,— объяснил Барри.— Это все отец придумал. Понимаете, он берет «Мэри-Джо» во время отпуска, если выберется, или когда с друзьями ходит на донный лов. К тому же он еще и гурман. Погодите, сейчас увидите камбуз — ахнете!

Камбуз и вправду был необыкновенный. Карен охала и ахала, рассматривая внушительное количество различных приспособлений. Потом Барри повел нас вниз и показал машинное отделение и рефрижераторный трюм. Мимоходом мы заглянули в каюты африканского экипажа и наконец вернулись на палубу.

Обращая наше внимание на работающую команду, Барри отметил:

— Все они местные. Пондо — прирожденные рыболовы, других таких нет. Парни они работящие, жалованье получают хорошее, дом рядом, так что сложностей у нас с ними практически не бывает. Их здесь восемь человек, и почти все они работают в компании не меньше пяти лет. Ну а Камбула (он у них — индуна, старший) — тот служит больше пятнадцати.

— Вот как? — Я лениво проследил за взглядом Барри.— Это вы о том высоком малом?

Барри кивнул.

Я снова посмотрел на Камбулу, но ничего такого, что выделяло бы его из толпы остальных негров, не приметил. В его волосах блестела седина, а зубы, которые он обнажал в улыбке, сверкали белизной. Я равнодушно отвернулся.

Потом мы попрощались с Карен и, став кружком, курили. В это время доковый кран опускал последнюю тяжелую упаковочную клеть. Пондо болтали, отпуская шуточки. Один из них, высокий, могучего сложения молодой человек, небрежно облокотившись на леер, зажигал сигарету. Внезапно грейфер изменил направление и качнулся. Кто-то крикнул: «Берегись!» Но было поздно. Грейфер вскользь задел курящего, и в следующую секунду тот перелетел через леер и скрылся под водой.

Увидев это, все бросились к лееру. Раздались хриплые крики, несколько человек принялись стаскивать с ног башмаки, но, видимо, я оказался проворнее всех, потому что добежал первым. Одним прыжком я перемахнул через леер, секунду спустя после того, как вода сомкнулась над головой злосчастного пондо.

В воде я нашел его без труда. Он опускался на дно лицом вниз, раскинув руки, и, когда я схватил его за рубашку, не оказал никакого сопротивления. На миг я с ужасом подумал, что пондо мертв, но, когда вытащил его на палубу, он замотал головой и стал очумело таращиться по сторонам. Вокруг столпились его друзья. Сначала они улыбались, а потом стали смеяться, дав выход накопившемуся напряжению.

Я стоял, опершись на леер широко расставленными руками. С меня ручейками бежала вода, и я тяжело дышал. Вдруг я почувствовал, что кто-то стоит рядом.

— Нкози! [1]

Я повернулся и увидел Камбулу. Он улыбался и в знак уважения поднял правую руку.

— Нкози, я хочу поблагодарить тебя. Ты спас недостойную жизнь, которая принадлежит сыну моего брата.

— Пустяки,— сказал я.— Любой на моем месте поступил бы точно так же.

Камбула улыбнулся еще шире:

— Но это ты, нкози, первым прыгнул в воду, ты вытащил его из моря. Я благодарю тебя, хотя Финнеас этого и не заслуживает. Он — никчемный человек. Но, может быть, то, что случилось, образумит его.

Я вступился за пондо.

— Это был несчастный случай. Он ничего не мог сделать. И едва ли его вина...

Камбула упрямо покачал головой.

— Несчастный случай — да. Но Финнеас должен был видеть кран, он должен был быть внимательнее, а его глаза были закрыты. Моему племяннику повезло. Так везет не каждому. Благодарю тебя, нкози. Благодарю от имени моего брата, от имени Финнеаса и от себя. Видишь ли, своих детей у меня нет.

Я был рад, что меня окликнул Барри: неудобно было слышать столько излишних похвал.

— Молодец,— сказал Барри через плечо Камбулы.— Теперь тебе надо переодеться. Пойдем ко мне в каюту, я дам тебе сухую одежду, у нас примерно один размер.

Благодарно улыбнувшись ему, я снова обратился к Камбуле, делая попытку пройти:

— Очень приятно было выслушать твои слова, но теперь мне нужно переодеться.

К моему удивлению, пондо не тронулся с места, заступая дорогу. И когда Камбула заговорил, в голосе у него зазвучала настойчивая нотка:

---

[1] Господин.

— Подожди, нкози... Пожалуйста, подожди...

— Ну, что еще? — нетерпеливо спросил я.

Камбула поднял глаза, потом быстро опустил их и, как зачарованный, стал пристально глядеть на мою руку. Я проследил за его взглядом, но так и не понял, что привлекло внимание пондо. Вдруг Камбула протянул руку и дотронулся до двух параллельных полосок, шедших вдоль моего предплечья.

— Шрамы? — мягко спросил он.— С тобой тоже случилось несчастье?

Я пожал плечами:

— Ах, это? Ерунда. Это было давно, так давно, что я даже и не помню. А теперь, прости... меня ждет мистер Ривельд.

Но Камбула все не отпускал меня:

— Подожди, нкози. Пожалуйста, скажи мне... это не займет много времени. Что это был за несчастный случай, от которого у тебя шрамы?

Нахмурившись, я сделал шаг вперед. Тогда Камбула поспешно продолжил:

— Два шрама, оба длинные и прямые. Редко увидишь такую отметину... Ты был маленьким мальчиком, нкози, когда произошел несчастный случай?

Я кивнул, чувствуя растущее нетерпение. Но потом, не желая обидеть Камбулу, ответил:

— Я был слишком мал и не помню, но мне говорили, что это укус змеи.

Взгляд Камбулы шарил по моему лицу со странной настойчивостью:

— Змея? Но зубы змеи не оставляют таких следов. Может быть, кто-то разрезал тебе руку, глубоко разрезал ножом, чтобы вместе с кровью вытек и яд?

Это было скорее утверждение, чем вопрос, и я уставился на Камбулу, внезапно почувствовав острое любопытство. Было что-то особенное в его глазах, полуумоляющих, и я, не сдержавшись, выпалил:

— Ну да, так это и было. По крайней мере, мне так рассказывали... А откуда ты...

Камбула отступил на два-три шага. Потом быстро повернулся, чтобы уйти, и теперь уже я хрипло выкрикнул:

— Постой, Камбула, подожди!

Но он ушел.

Я смотрел ему вслед, борясь с желанием окликнуть вновь. И хотя я все еще пребывал в недоумении от странных вопросов пондо, ответ напрашивался сам собой: именно Камбула много лет назад разрезал мне руку ножом, и он точно знает, кто я на самом деле. Он помнил меня как сына Джона Фрейзера.

Эта мысль обеспокоила меня, но еще больше тревожило то, что наша случайная встреча не обрадовала его. В глазах Камбулы не было тепла — был только безумный страх.

«Почему это так? — спрашивал я себя.— Должна же быть какая-то причина?»

На этот вопрос не было ответа, и, покачав головой, я пошел в каюту Ривельда. Оставалось ждать. Может быть, завтра мне удастся поговорить с Камбулой и вызвать его на откровенность.

Но и завтра и все последующие дни Камбула явно избегал меня.

10

Все дни до отплытия я проверял наше снаряжение. Воздушный компрессор, гидрокостюмы, баллоны со сжатым воздухом, акваланги, насосы, моторы, рекомпрессионная камера — нужно было еще раз удостовериться, что все работает отлично.

Лихорадка приготовлений захватила и Карен. По мере того как приближался день отъезда, ей все труднее было скрыть нетерпение.

Однако доктор Инглби свалился с очередным приступом подагры, и Карен пришлось остаться с ним дома.

Отплывали мы на рассвете. Последнее, что я увидел, когда судно выходило из Дурбанской гавани, была одинокая хрупкая фигурка Карен. Она стояла на краю пирса и махала нам вслед.

Суорт взял курс на юг, и «Мэри-Джо» весело покачивалась на волнах, словно наслаждаясь вновь обретенной свободой.

— Хорошо идем,— сказал мне Барри.— Суорт считает, что, если погода не изменится, будем на месте задолго до наступления темноты — даже если сделаем крюк, чтобы зайти в Сент-Джонс.

Я и не заметил, как мы миновали залив Гровенора, обогнули мыс и перед нами отвесной стеной встал утес Водопадов. Полупрозрачное облако водяной пыли, пронизанное солнечными лучами, казалось распушенным хвостом гигантской экзотической птицы.

Но вот и водопад остался позади, а несколько часов спустя «Мэри-Джо» бросила якорь в устье Умзимвубу в Порт-Сент-Джонсе.

Лукас и Ривельд уже ждали нас и, поднявшись на борт, бурно всех приветствовали. Особенно старался Лукас — дарил улыбки налево и направо, рассыпался в уверениях дружбы, скрепляя слова рукопожатиями. Добродушно похлопав Барри по спине, он осведомился, все ли прошло как надо. Потом пригласил всех в кают-компанию.

Когда Лукас предложил тост за успех предприятия, Суини поднял бокал, но было видно, что он не разделяет оптимизма Лукаса. И раза два я ловил на себе его холодный испытующий взгляд.

Пирушка явно не удалась. У Барри тоже вдруг резко изменилось настроение. Хватив лишку, он смеялся чаще и громче обычного и явно чувствовал себя не в своей тарелке, хотя я и не мог понять, в чем причина его нервозности. Возможно, на него угнетающе действовало присутствие Суини или отца.

Виллем Фурье сидел рядом с братом, утопив в огромном кулачище пустой стакан. Я заметил, как жадно он смотрит на бутылку бренди, но Хендрик шикнул на него, и тогда Виллем стал пристально изучать пол у себя под ногами.

Откинувшись на спинки стульев, Хендрик и Суорт вежливо беседовали с Лукасом, обращаясь к нему с подчеркнутым уважением и почтительно называя его «сэр». Барри они называли «мистер Ривельд», а он не забывал обращаться к ним «мистер Суорт» и «мистер Фурье».

Первым из-за стола поднялся Суорт. Он резко встал, сказав, что должен вернуться на мостик. Вслед за ним, как по команде, поднялись и остальные.

Но когда к двери направился Барри, его окликнул Лукас.

— Останься на минутку, Барри,— сказал он небрежно.— У меня к тебе деловой разговор. Поди сюда, присядь. Это ненадолго.

Но разговор затянулся: ни Барри, ни Лукас, ни Суини не показывались наверху, пока мы не подошли к рукаву, ведущему в залив Гровенора.

В сумерках я различил тощую фигуру Бена: он ждал нас и отчаянно замахал рукой, когда мы подошли ближе. Перегнувшись через перила мостика, я помахал ему в ответ. Через минуту мы уже обнимали друг друга.

Место для лагеря было выбрано удачно. Спрятанный за ветвистыми деревьями, он расположился на берегу реки и, хотя до пристани можно было дойти пешком, находился достаточно высоко по течению, так что в воде не чувствовалось привкуса соли.

Бен с гордостью показал свои владения. Он был в отличном расположении духа. Но, когда тем же вечером я назвал ему имя капитана «Мэри-Джо», Бен заметно погрустнел.

— Ник Суорт — сволочь! — воскликнул он.— И о чем мы только думали, когда Лукас пришел покупать паи! Теперь-то уж что жаловаться: вляпались будь здоров. Мы теперь с ними повязаны — с Ником Суортом и со всеми остальными.

Мы с Беном еще долго сидели в тот вечер и болтали, потягивая ром. Около одиннадцати, когда все давно уже спали, я, пожелав Бену спокойной ночи, отправился к себе в палатку, освещая дорогу фонариком. Через полчаса я уснул.

Меня разбудил негромкий шуршащий звук, словно сквозь траву пробиралось маленькое животное. Я замер. Через секунду звук повторился, и мне стало не по себе. Со всех сторон меня обволакивала недвижная темнота,

Рисунки В. ГАЛЬДЯЕВА

густо-чернильная в дальнем углу палатки и млечно-белая в проеме двери. Я напряженно вслушивался, пытаясь уловить новые звуки, но тщетно. Шли секунды, минуты... Я уже было расслабился, как вдруг услышал шорох, доносившийся из-под кровати, и легкое осторожное дыхание.

Напрягшись, я рывком откинул одеяло, но в этот момент чья-то рука крепко зажала мне рот. Я судорожно пытался вырваться, однако железные тиски сжимали меня все сильнее, и вдруг прямо над ухом я услышал взволнованный шепот:

— Нкози... тс-с... тс-с... не надо шуметь. Это я, Камбула... Нкози, пожалуйста, молчи, или мы оба умрем. Ты понимаешь, что я говорю?

Пондо не убирал руки, пока я не кивнул, потом он отступил на шаг и простерся ниц подле моей кровати. Я вскочил и уставился на него.

— Камбула! Что ты здесь делаешь, черт бы тебя побрал?!

— Тс-с... Тихо, нкози. Прости, но у нас мало времени. Слушай меня внимательно. Я пришел сказать тебе, что это место проклято. Здесь зло, много зла. Ты не должен оставаться здесь. Ничего хорошего из того, что ты собираешься делать, не выйдет. Уходи скорее, пока зло не настигло тебя... Я пришел предупредить, чтобы ты уходил, пока не поздно.

Подавшись вперед, я нетерпеливо потряс Камбулу за плечо.

— Глупости. Как я могу уйти? Мы только приехали и завтра начнем работать. Лучше скажи, чего ты боишься.

Но Камбула молчал, словно все еще надеялся, что я изменю свое решение.

— Ну? — нетерпеливо настаивал я.— О чем ты хотел мне рассказать?

С минуту он не мог решиться, потом начал говорить, торопливо и сбивчиво:

— Я знаю, где твой отец. Да, нкози, твой отец — человек, которого называют Джон Фрейзер.

Я глядел на Камбулу, чувствуя, как кровь стынет в жилах. Вдруг тишину разорвал крик козодоя. Камбула вскочил на ноги.

Несмотря на темноту, я увидел, как округлились от страха его глаза.

— Подожди! — хрипло выдохнул я.— Не уходи. Я должен знать... Ты должен сказать мне...

— Здесь нельзя разговаривать,— прошептал Камбула.— Я расскажу тебе все потом, в безопасном месте.

— Но где, когда?

— Есть одно место, нкози, на другом берегу реки. Там, где в море падает большая вода. Ты знаешь, где это?

— Утес Водопадов,— кивнул я.

— Хорошо,— сказал он с удовлетворением.— Через два часа я буду ждать тебя в маленькой пещере за водопадом. Пусть только никто не видит, как ты покидаешь лагерь. Будь осторожен, нкози, будь осторожен!

Перед самым уходом Камбула дотронулся рукой до моего лба, и в слабом свете я увидел улыбку, на мгновение озарившую его лицо.

— Бааси,— прошептал он и с этим полуприветствием-полупрощанием исчез.

11

Я потянулся за сигаретой и только тут заметил, что у меня дрожат руки. Присев на край кровати, я глубоко затянулся и попытался осмыслить услышанное.

Фрейзер был мертв. Я и мысли не допускал, что он здесь, в Южной Африке, и что Камбула знает, где он находится. Так не могло быть: я в это не верил и не хотел верить.

Я вырос с мыслью, что отца нет в живых. Тетя Ида не раз говорила, что, если он еще не умер, ему бы следовало это сделать. Дядя Чарли всегда считал его покойником, и даже мать говорила об отце только в прошедшем времени. Но — в сторону сантименты. Допустим, отец жив, однако только безумец мог вернуться сюда, в единственную на всем земном шаре точку, где его хорошо помнят и почти наверняка узнают. Нет, это лишено всякой логики. Хотя, с другой стороны, в последнее время произошло немало событий, которые мне трудно объяснить.

Главное, Камбула знает, кто я такой. Он назвал меня «бааси» — маленький господин. Очевидно, он называл меня так, когда я был ребенком. Значит, он служил у моего отца, и теперь былая преданность заставила его прийти ко мне глубокой ночью и предупредить... Но о чем? Камбула был смертельно напуган. Чего он боялся? Джона Фрейзера? Я покачал головой. Здесь кончались факты и начиналась область фантазии. Так, по крайней мере, подсказывал здравый смысл. Я сидел в палатке в полной темноте уже с час и все думал, думал...

Однако надо было собираться: до встречи оставалось совсем немного времени. Надев темную рубашку, черные брюки и альпинистские ботинки, я неслышно выскользнул из палатки. Все спали. Взошел бледный месяц и осветил лагерь — несколько палаток: одна, в центре, чуть побольше — кухня, с краю четким квадратом темнел фургон доктора Инглби. Напротив палатки, где спали наемные рабочие, еще тлели угли костра.

Минут десять я шел лесом, потом свернул к реке. К счастью, брод был неглубок, и мне удалось перейти на другой берег, почти не замочив одежды. Поднявшись наверх, я остановился. Внизу ровным густым ковром темнела долина. Деревья росли у самой воды и почти скрывали ее от взгляда, но ближе к морю, там, где река разливалась широким рукавом, светилась спокойная гладь, на которой «Мэри-Джо» казалась черной тенью. Справа от меня высились горы — усыпанные галькой и изрезанные тысячью ущелий, они ступеньками восходили навстречу утесам.

Я выбрал безопасное место и начал осторожно спускаться по длинному крутому обрыву. Заняло это с полчаса. Оказавшись внизу, я достал фонарик и, выхватив из темноты тропинку, пошел вниз, на шум водопада. Старый Камбула удачно выбрал место встречи: здесь можно не бояться посторонних ушей. Даже расслышать друг друга будет нелегко. Вскоре я добрался до карниза: каменной лентой, чуть шире ладони, он опоясывал утес на высоте шести футов. Осторожно ступив на него, я начал пробираться к пещере. Передо мной белела в лунном свете стена воды. За водопадом темнела пещера.

Я зажег фонарик и, помедлив с минуту, позвал:

— Камбула!

Никто не ответил, звук голоса тонул в шуме падающей воды. Я нетерпеливо шарил лучом фонарика по огромным валунам, оставленным на полу пещеры древним камнепадом. Камбулы не было видно. Выругавшись про себя, я шагнул вперед.

И тогда я увидел его.

Привалившись спиной к стене пещеры, он сидел прямо передо мной, запрокинув голову. Глаза его были широко раскрыты, на лице застыла гримаса ужаса.

Камбула был мертв.

Не знаю, сколько прошло времени, прежде чем я очнулся от потрясения — может быть, секунда. Я отвернулся от мертвеца и похолодел: в углах пещеры зажглись фонари, лучи которых пересекались на сводах. Я был в ловушке! Попался так же, как и Камбула! Значит, и за мной следили... Я сразу понял, что меня ждет, но спустя мгновение страх сменился холодным бешенством.

Я выключил фонарик и перепрыгнул через мертвеца. Это дало мне секундную передышку: двое моих преследователей, видимо, ожидали, что я брошусь к выходу. По углам пещеры заметались лучи: негодяи потеряли меня из виду.

Когда в лицо мне ударил слепящий свет, я успел увидеть третьего — того, кто убил Камбулу. Это был пондо. Его одежда была забрызгана кровью, алое лезвие ножа-панги занесено высоко над головой. Я инстинктивно выбросил вперед руку с фонариком. Послышался лязг металла, и фонарик отлетел в сторону.

Я остался жив! Но смерть стояла рядом. Раздумывать было некогда, но я знал, что, если попытаюсь бежать, меня прикончат, прежде чем я доберусь до карниза.

Человек с пангой ухмыльнулся. Должно быть, он подумал то же самое. Окровавленный и жуткий, пондо спокойно стоял в луче лежащего на земле фонарика и ждал, когда я побегу. И в этот короткий миг я нашел единственный выход: резким движением я схватил пондо за запястье и дернул на себя. Мы упали и покатились по земле. Одной рукой я изо всех сил молотил его куда попало, а другой стал выворачивать кисть, сжимавшую нож.

Пондо вскрикнул и попытался освободиться, но я удержал его и потянул за собой. У каменного карниза мы очутились одновременно с его дружками. Передо мной мелькнули их ноги, потом один из них наклонился и с силой толкнул нас вниз.

Мой противник издал жуткий вопль и выпустил пангу. Когда над нами сомкнулась вода, пондо начал царапаться и лягаться, но я крепко держал его и потянул на глубину. Отчаявшись вырваться, он вдруг схватил меня за горло цепкими, необычайно сильными пальцами, но я продолжал тащить его вниз, пока глаза не заволокло кровавым туманом. И вдруг железные тиски, сжимавшие мое горло, ослабли. В последний раз дернув ногами, мой противник затих.

Легкие у меня разрывались, в ушах шумело. Держа пондо за рубашку, я рванулся наверх. Вынырнул и долго не мог отдышаться. Рядом со мной лицом вниз всплыл пондо. Я не спускал с него глаз. Видимо, он был уже мертв, но рисковать не стоило.

Наконец я совсем пришел в себя и осмотрелся. Я плавал в заливе, который полукруглой стеной обступали утесы. Слева грохотали и пенились водопады. Подняв голову, я увидел наверху две светящиеся точки: мои преследователи методично и неторопливо осматривали поверхность воды.

Слепящий луч одного из фонариков ударил мне в лицо. Крика я не слышал — его поглотили скалы. Когда луч другого фонарика осветил тело мертвого пондо, я заметил, что наверху забеспокоились. Огни мигнули, а затем метнулись в сторону.

Прибрежные утесы манили укрыться, но я хорошо понимал, что там ждет меня верная смерть — те двое, наверху, наверняка продолжали следить за мной. Путь к утесам преграждали освещенные луной водопады и темная цепь зубчатых скал.

Оставалось одно: выбраться на узкую площадку над каменным карнизом. Это был самый легкий путь, но, увидев, что именно туда направляются мои преследователи, я отказался от этой мысли. Конечно, можно было оставаться в воде. Они видели, что случилось с их товарищем, и вряд ли теперь решатся напасть на меня в воде. Но сколько удастся продержаться? У меня уже зуб на зуб не попадал от холода. Так что рано или поздно придется выбираться на берег.

Я взглянул наверх. Слева от карниза смутно вырисовывались отвесные громады утесов. Я вспомнил тропинку, по которой мы с Карен взбирались тихим вечером две недели назад, и ощутил слабый проблеск надежды. Если мне удастся опередить их — я спасен. Я снова взглянул наверх, затем повернулся и поплыл к площадке, делая вид, что собираюсь прорваться именно с этой стороны. Свет фонарей плясал над моей головой; два-три ложных рывка заставили моих врагов осветить утес со всех сторон. Наконец ноги мои коснулись дна, и я стал выбираться на берег. Мои преследователи стояли на том же месте, до меня доносились взволнованные крики. Я остановился и, согнувшись, ждал, пока восстановится дыхание. Потом выпрямился и, ухватившись за торчащий из воды острый камень, подтянулся еще на несколько дюймов. Огни заколебались и, оторвавшись от воды, устремились вверх. Я проследовал взглядом за лучом света и похолодел от страха. Триста футов отвесных зубчатых скал! На самом верху гигантской выпяченной губой нависала тяжелая плита. Но слева я заметил трещину. Только бы найти ее в темноте!

Нащупав еще один камень, я ухватился за него и высунулся из воды по пояс.

Они предпримут какие-то действия, лишь убедившись, что я не поверну назад,— на это я и рассчитывал. Я продвигался мучительно медленно, останавливаясь на каждом шагу, как будто раздумывал, стоит ли идти дальше. Уловка удалась. Когда они наконец поняли, в чем дело, я уже проделал почти четверть пути наверх. По карнизу лихорадочно заплясали огни, но я уже не обращал на них внимания. Время для меня перестало существовать. Я судорожно карабкался наверх, дюйм за дюймом.

Мало-помалу звездное небо придвигалось ближе. Каменная громада отступила, и я увидел трещину, которую заметил еще раньше,— путь к спасению. Еще шесть футов, потом еще пять, и вот уже между скалами показались пучки травы. Последний рывок — и я у цели. Подтянувшись на руках, я огляделся — и едва не свалился вниз. Впереди меня уже кто-то поджидал. Он сидел, скорчившись, спокойный и неподвижный.

Я застыл, прижимаясь к скале. Казалось, прошла вечность. Не выдержав, я отвел взгляд и тут увидел других. Двое, трое, четверо... Боже, сколько же их? У меня перехватило дыхание...

Когда из-за облаков выплыла луна, я выбрался наверх и, в изнеможении опустившись на землю, истерически захохотал. Моими врагами были не люди. Алоэ! Это были всего лишь алоэ! Теперь я разглядел их стволы, пьяно

клонившиеся в разные стороны, увядшие прошлогодние листья по бокам, а наверху — шарообразный пучок новых побегов, который я в темноте принял за человеческую голову.

Волна слабости затопила меня. Лежать бы так всю жизнь, прижимаясь к земле, вдыхая ее запах. Как жаль, что не могу себе этого позволить! Я резко вскочил на ноги и увидел, что сжимаю в кулаке круглый булыжник. Не слишком внушительное оружие, но все же лучше, чем ничего. Быстро оценив обстановку, я повеселел. Низкорослые деревья, густые заросли кустов и огромные валуны — есть где укрыться. Я взвесил булыжник в руке. Посмотрим, кто кого!

Минут через пять показались мои преследователи. Подпустив их поближе, я выпрыгнул из укрытия, побежал, а потом нарочно споткнулся и упал. Вставать не спешил. Пусть думают, что я сильно ушибся. Уловка удалась. Раздался торжествующий крик, но я тут же вскочил и стремглав помчался к ближайшему укрытию. Затаившись в кустах, пропустил первого вперед и, дождавшись второго, швырнул камень ему в затылок. Раздался такой звук, словно раскололся орех. Преследователь рухнул как подкошенный, без единого стона. Подскочив к нему, я схватил фонарь и пангу и издал громкий, жуткий вопль. Бежавший впереди обернулся — это мне и нужно было. Я вскрикнул еще раз и высоко поднял фонарь, чтобы он освещал меня. Но едва преследователь рванулся ко мне, я выключил фонарь и отступил за валун.

Споткнувшись о тело своего дружка, пондо чуть не упал. Тяжело дыша, он тихо выругался и наклонился над ним. В этот миг я приставил нож к его горлу.

— Руки! — зарычал я.— Подними руки! Бросай все, что у тебя есть! И руки вверх, живо!

Пондо заколебался, но от уколов острия панги мои слова приобрели для него удивительную доходчивость, и он бросил на землю сначала фонарь, а потом, с явной неохотой, и оружие.

— Отлично,— сказал я.— Вот так. А теперь повернись-ка, я на тебя посмотрю.

Лезвие по-прежнему кусало его в шею, а когда он повернулся, уперлось в кадык.

Я посмотрел ему в лицо и почувствовал, что силы оставляют меня. В склонившемся передо мной человеке я узнал племянника Камбулы!

— Финнеас,— сказал я хрипло.— Неужели это ты? Господи, да как же ты мог? Ведь Камбула всю жизнь заботился о тебе как отец!

Он закрыл лицо руками.

— Нет, господин... нет... пощади, пожалуйста...

— К черту! — заорал я.— Ты убил своего дядю и чуть не убил меня. Но теперь ты скажешь, за что собирался меня убить. Ну, шевелись, сукин сын, шевелись!

Я подтолкнул его, и он, спотыкаясь, двинулся назад, к краю пропасти.

— Все, стой! — приказал я.— А теперь выкладывай, да поживее. Мне много нужно узнать!

Глаза его испуганно округлились, но он молчал.

— Хватит прикидываться,— нетерпеливо сказал я, взмахнув ножом.— Я знаю, ты говоришь по-английски. Говори, или я душу из тебя вытрясу. Кто велел вам убить дядю? Тебе ведь велели убить его?

— Да,— охотно согласился он.— Мне... велели...

— Кто же, черт бы тебя побрал, кто?!

Он отчаянно замотал головой, прижимая руки к горлу.

— Нет, нет. Нельзя говорить. Зло... оно убьет меня. Пожалуйста, мой господин, пожалуйста...

— Ладно,— сказал я устало.— Пошли в лагерь. Может быть, мистеру Ривельду удастся добиться от тебя бóльшего. Или полиции...

Я посторонился, пропуская его вперед. Но внезапно Финнеас метнулся в сторону и отчаянным прыжком перемахнул за край утеса.

Долгий, пронзительный вопль заставил меня содрогнуться. Потом наступила тишина. Я остался один в ночи.

Продолжение следует

Перевели с английского
Георгий и Чандрика ТОЛСТЯКОВЫ

Оливер Г О Ф Ф,
английский писатель

ГЛАЗ ДАВИНА

Роман

Не помню, сколько прошло времени. Наконец, превозмогая отвращение и страх, я заставил себя сдвинуться с места и подойти к краю обрыва. Внизу, на камнях, виднелась маленькая распластанная фигурка, с трудом различимая в темноте. Я отвернулся.

Все было неподвижно в ночной тишине, лишь ветер шелестел в траве. Природа дышала покоем, который, казалось, никто никогда не нарушал.

Взглянув на свои руки, я с недоумением заметил, что до сих пор сжимаю фонарь и пангу. Я с силой отшвырнул их прочь. Описав дугу, нож и фонарь полетели в воду. Я постоял еще с минуту, потом повернулся и пустился в обратный путь по уже знакомой дороге.

Лагерь спал, погруженный во тьму. За время моего отсутствия ничто здесь не изменилось. Даже костер еще не успел догореть, и в воздух поднималась тонкая струйка дыма. Тенью проскользнув по лагерю, я добрался до своей палатки, где сбросил мокрую одежду и заполз под одеяло.

Я чувствовал предельную усталость. Тело охватило оцепенение, сознание туманилось. Последним усилием воли заставив себя собраться, я постарался до мельчайших подробностей припомнить события последних часов: предстояло обдумать многое.

Кто-то пытался меня убить. Или организовал убийство — разница невелика. И — приходилось признать это — едва не добился успеха.

Вставал вопрос: кто? Фрейзер?

Все мое существо отчаянно отвергало эту версию. И все же... Если Камбула действительно знал, где находится Фрейзер, мотив преступления налицо: вполне естественно предположить, что преступник, более двадцати лет скрывающийся от полиции, не остановится ни перед чем, чтобы избежать разоблачения. Человек с темным прошлым, без чести и совести, бессердечный настолько, что позволил своему другу двадцать лет гнить в тюрьме... Человек, чья кровь текла в моих жилах...

«Нет! — хотелось закричать мне.— Нет!» И все же в голове стучало: «Это правда, правда, правда...»

Я с силой сжал виски. Ну хорошо, хорошо. Что же он будет делать дальше? Камбула мертв, его убийцы — тоже. Они унесли свою тайну в могилу. Значит, и мне надо держать язык за зубами.

Чем больше я думал над этим, тем больше убеждался, что нашел наилучший выход из положения: улик против меня нет, свидетелей нет, и от погибших ко мне не тянется ни одной ниточки. С этой стороны мне ничего не угрожало.

Ну а человек, стоящий за преступлением? Тот, на которого намекал Финнеас? Я постараюсь не думать об этом: не стоит будить спящую собаку. Надеюсь, трупы сообщников отобьют у него охоту связываться со мной.

Господи, как же страшно я заблуждался!

Проснулся я от хриплого крика. Мгновенно поднявшись и приоткрыв дверь палатки, я прислушался к доносившимся снаружи взволнованным голосам и посмотрел на часы. Шесть тридцать. Так, они уже все знают!

Я наспех оделся и, выскочив из палатки, едва не столкнулся с Беном.

— Что случилось? — спросил я, и Бен показал на какого-то пондо.

— Еще не знаю, отчего весь шум, но этот парень очень взволнован. Похоже, мы влипли в какую-то историю.

Барри, братья Фурье и повар стояли поодаль. Потом я увидел, как Барри, отойдя с поваром в сторону, настойчиво показывает ему на «Мэри-Джо». Секунду спустя негр ушел, должно быть, чтобы известить о случившемся Лукаса и Джо Суини.

— Вы слышали? — спросил Барри, когда мы с Беном поспешно подошли к нему.— Камбула и еще трое наших пондо убиты. Этот парень говорит, что нашел их тела в нескольких милях отсюда.

Бен с ужасом уставился на него:

— Убиты? Как — убиты? Их же не могли всех убить, правда?

Барри развел руками.

— Спросите его сами.

Пондо взорвался потоком слов, из которых я ничего не понял, но его жест — быстрое движение ладони поперек горла — на любом языке значит одно и то же.

— Да, все они убиты,— вздохнул Бен.— Чертова уйма убитых. Этот парень говорит, что знал Камбулу и его племянника. Они происходили из ближнего краааля, и пондо совершенно уверен, что узнал их. Двое других — Тегваан и Мкизе. Ну и дела! У одного голова чуть не отрезана, второй утонул, третий бросился со скалы, а четвертому раскроили череп...

— Что же произошло? — спросил я.— Пондо знает?

Бен покачал головой.

— Нет. Я спрашивал у него. Говорит, что встал пораньше — немного порыбачить — и нашел их всех... Я думаю, что это междоусобица.

— Что-что? — переспросил я, делая удивленное лицо, как, впрочем, от меня и ожидали.

— Междоусобица. В Транскее такое случается часто,— сказал Барри.— Это наиболее правдоподобное объяснение.

Хендрик кивком подтвердил его слова.

— Конечно, междоусобица, что же еще,—вынес он вердикт.— Но как вам это нравится? Убивают друг друга прямо у нас под носом, а мы и не знаем ничего! Кто-нибудь видел, как они покидали лагерь?

Мы переглянулись и покачали головами.

— Может, у повара спросим? — предложил Бен.

Продолжение. Начало см. в № 4, 5, 6

Но это был пустой номер. Повар вскоре подошел вместе с Лукасом, Суини, Суортом и остальными членами команды. Выяснилось: никто ничего не знал, а если и знал, то предпочитал молчать.

Лукас вступил в наш круг мрачнее тучи.

— Черт возьми, кое-кто за это поплатится,— решительно заявил он.— Я уже связался по рации с полицией, и они отыщут свинью, которая нам все это устроила. Четверо лучших моих ребят! Четверо! Но виновным не уйти от расплаты! Где этот пондо? Я хочу, чтобы он сам рассказал мне обо всем.

Пондо услужливо согласился повторить свою историю сызнова, и для меня наступил благоприятный момент: я смог беспрепятственно разглядеть окружающих. Все пондо были ошеломлены случившимся. Было видно, что Барри испытывает огромное облегчение от того, что можно переложить все дела на плечи отца. Хендрик с Суортом были непритворно удивлены. Лицо Суини было бесстрастно, и я перевел взгляд на Виллема. Из глаз его исчезло тупое безучастное выражение. Он пожирал глазами рассказчика, с уголка его отвисшей нижней губы стекала струйка слюны... Меня захлестнула волна отвращения. Хендрик заметил это и грубо выругал брата. Виллем опустил глаза, руки его безвольно повисли вдоль тела, и он вернулся на свое место — чуть позади Хендрика.

Бен первым отреагировал на рассказ пондо.

— Вот что, ребята,— заявил он.— Эти бедняги убиты. Кричи не кричи — их все равно не вернешь. Я за то, чтобы продолжать работу. Мы сюда для этого приехали, так какого же черта!..

— Присоединяюсь к предложению Бена,— сказал я тихо.

Лукас заколебался.

— Не знаю...— помедлил он.— А как быть с телами убитых пондо? По-моему, не по-человечески оставлять их на скалах.

— Я все же думаю, что нам следует поступить так, как советует мистер ван Скальквик,— вступил в разговор Суини.— Я останусь здесь и подожду полицию. Они, несомненно, захотят осмотреть место происшествия, так что и трупами пусть займутся сами. А если захотят с кем-нибудь поговорить, я пришлю шлюпку.

Однако все прошло гладко. Прибывшие полицейские все осмотрели и уехали без лишнего шума. Никого не удивило, что сержант полностью согласился с версией Бена.

— Междоусобица,— объявил он.— В этом не может быть никакого сомнения. Меня вызывали на сотни подобных преступлений. В половине случаев нам даже не удается обнаружить трупы. Их прячут. Эта междоусобица — черт знает что такое. Слова не выжмешь из проклятых пондо. Держат язык за зубами — должно быть, боятся мести.

Сержант и его люди уехали, даже не предполагая, какую тяжесть сняли с моей души.

Первыми на дежурство вышли мы с Барри. Сначала помогли другу другу с подводным снаряжением — аквалангами, масками, ластами. Затем вооружились ножами и ружьем для подводной охоты.

Последняя проверка, и мы были готовы к погружению.

— Засекайте время,— сказал я Хендрику и Суорту.— Через полтора часа — ваша смена.

Я оставил Барри у землечерпалки, которая уже всасывала песок, и двинулся дальше, осматривая морское дно. Вот уже две недели насос работал без перерыва, но вода была чистая, и даже сквозь ее толщу проникали рассеянные лучи света. Прямо над нами раскачивалось днище «Мэри-Джо». Выплыв из ее тени, я взял курс на риф.

Конечным пунктом моего маршрута был утес. Он вставал из песка монолитной стеной, лохматой от растущих на ней многоцветных водорослей — пурпурных, ярко-оранжевых, розовых, зеленых. Взглянув на часы, я повернул к землечерпалке.

Барри был рад сменить меня. Взяв ружье, он медленно заскользил наверх и стал там описывать круги, а я остался у котлована. Пока он был удручающе мал. Наблюдая за работой насоса, я не заметил, как пролетело отведенное нам время. Потом мы снова ушли под воду. Так, сменяя друг друга, мы по очереди несли свою вахту.

Когда мы бросили якорь в устье реки, спускались сумерки. Великолепные краски заката, как в зеркале, отражались в недвижной глади воды, но сил любоваться ими у меня не было. События последних суток не прошли бесследно: я чувствовал смертельную усталость.

Рисунки В. ГАЛЬДЯЕВА

13

Проснувшись на следующее утро, мы были оглушены непривычной тишиной. На кухне не гремели горшки и кастрюли, не шкворчало сало на сковородках. Не был разведен даже огонь: повар исчез, прихватив с собой все ножи и кастрюли.

Но ушел он не один. После скудного завтрака из кукурузных хлопьев со сгущенным молоком мы отправились на «Мэри-Джо» к Лукасу. Услышав новости с берега, он ничуть не удивился.

— Все сбежали! Все! Вся чертова команда! — взревел он.— Когда мы с Джо проснулись, никого на судне уже не было — только куча грязных тарелок на камбузе.

Суини пожал плечами:

— Жаловаться на беглых пондо — пустая трата времени. Так что успокойся — что толку себя накручивать?

— Как вы думаете, почему они ушли? — поинтересовался я.

— Междоусобица. Ясно как божий день,— ответил Суини.— Вероятно, испугались, как бы и с ними не случилось того же самого.

— А может, полиция их напугала? — предположил Бен.— Может, они знали чуточку больше, чем рассказали, вот и поспешили смотать удочки, пока об этом никто не догадался?

Мы еще немного посудачили о причине исчезновения пондо, но Суини был прав — надо примириться со случившимся и не терять зря времени. Вся трудность заключалась лишь в том, чтобы взять на себя обязанности ушедших и распределить всю тяжелую и грязную работу. Лукасу такая перспектива не улыбалась, но делать было нечего, и он согласился.

Вскоре все наладилось. Время дежурств я продлил до двух с половиной часов. Насос работал без остановки по десять часов в сутки, чашеобразный котлован становился шире и глубже. Чувствовалось, что всех сжигает нетерпение, но я лучше других понимал, что склон котлована не должен быть слишком крутым, иначе при оползне он мог стать нашей могилой.

Шестой день принес радость и надежду: мы нашли монеты. Их обнаружил Бен, когда просеивал песок. Монеты блестели посреди сита, окруженные небольшой горкой из гальки. Увидев металлические кружочки, он заорал:

— Эй, глядите! Монеты, целых три! Здоровенные монетищи с самого «Гровенора»! Мы на верном пути. Корабль где-то здесь. Он где-то близко. Смотрите! Проктор был прав. Он был прав!

Безудержная радость Бена передалась всем нам. В ближайший час обезумевший насос обрушил на нас лавину находок: здесь были и цепочка для часов, и несколько бусин, различной величины пуговицы, еще несколько монет и маленькая серебряная табакерка.

На следующий день приехали Карен и доктор Инглби. Мы с Беном возились на кухне — я помогал ему готовить ужин, когда на подъеме показался «мерседес». Увидев его, я тотчас потерял интерес к еде.

— Ну вот, наконец-то мы и приехали.— Доктор Инглби пожал мне руку.— Вы, наверное, уже и ждать перестали? А как тут у вас продвигается работа? Карен вся извелась, боялась, что мы пропустим самое интересное. А вы нашли уже что-нибудь?

— Да,— кивнул я.— Результаты вселяют надежду. Я потом расскажу вам обо всем.

— А мне? — дотронулась до моей руки Карен.— Я тоже хочу обо всем услышать. Но сначала посмотри на наше новое приобретение.— Говоря это, она потащила меня вокруг машины, а потом гордо отступила назад: — Ну, что скажешь?

Восхищенный, я уставился на маленькую яхту, закрепленную на крыше трейлера.

— «Озорница»? — воскликнул я, рассмотрев на голубой корме белые буквы названия.— Доктор Инглби, вы получаете высшую оценку. Я и сам не смог бы назвать ее лучше.

Старик просиял:

— Уверяю вас, это было совсем нетрудно. Название яхты напрашивалось само собой.

Мы оба посмотрели на сияющую Карен.

— А где мы ее поставим на якорь? — спросил я.

— В устье реки. Но будем выходить на ней в залив каждый день,— решила Карен.

К нам подошел Бен, а с ним Барри и братья Фурье. Когда с приветствиями и представлениями было покончено, все поспешили в палатку при кухне, служившую столовой.

Последняя неделя была так богата событиями, что рассказывать пришлось долго!

— Невероятно! — воскликнул доктор Инглби.— Четверо убиты, остальные исчезли... Просто невероятно! А из полиции никаких вестей?

— Никаких.— Барри покачал головой.— Но есть и приятные новости. Мы нашли монеты и кое-какие безделушки. А если найдем затонувшее судно, то и не вспомним о неприятностях.

Дни шли своей чередой, и работа продолжалась. Насос всасывал и выплевывал песок, котлован становился все глубже, а мы жили по установленному графику — два с половиной часа работали под водой, два с половиной — отдыхали наверху.

Рассвет восемнадцатого дня я встретил на корабле. Занималась заря, яркая, как полет фламинго, но вскоре небо побледнело и стало беловато-голубым. Было жарко и душно, и я с беспокойством смотрел на длинную гряду облаков, лениво нависших над горизонтом. Я направился к Суорту на мостик, чтобы поделиться своими опасениями.

— Что скажешь о погоде? Вроде гроза надвигается.

— Не знаю... Возможно...— ответил он осторожно.— Стрелка барометра слегка отклонилась, но не более того.

— А метеосводка?

— Мы ее не получили. Рация сломалась. Барри уже чинит ее, но боюсь, следующее сообщение поступит не скоро!

Он прищурился и внимательно посмотрел на небо:

— Напрасно ты волнуешься, дружище. Погляди — небо чистое. Я советую начать работу, а если погода испортится, вас успеют предупредить об опасности заранее.

Я постоял в задумчивости, барабаня пальцами по стеклу, пока не принял решения:

— Вы с Хендриком дежурите в первую смену. Если погода будет меняться, я немедленно сообщу.

Солнце поднималось все выше и выше, обрушивая на нас потоки безжалостных лучей. Лукас и Суини спрятались в палатках поближе к кондиционерам и холодному пиву. Все остальные изнемогали от жары. Бен ворчал и ругался.

— Послушай, Бен, обещай мне следить за погодой, пока я буду внизу,— обратился я к нему.— Не нравится мне эта жара. Если будет шторм, лучше заблаговременно выбраться из котлована...

Бен взглянул на небо.

— Черт его знает, будет шторм или нет. Но ты прав, готовиться к нему нужно заранее. Так что не волнуйся, я буду смотреть в оба. Если решу, что тебе пора возвращаться, отключу насос.

Насос заглох часа через два с небольшим. Измеритель глубины стоял на отметке пятьдесят футов. Я сделал быстрый расчет — понадобится пять минут на декомпрессионную остановку. Подплывшему Барри я показал наверх и выставил вперед растопыренную пятерню. Он кивнул, и мы взмыли ввысь. Я едва выдержал три из положенных пяти минут.

Погода изменилась до неузнаваемости. По небу неслись, обгоняя друг друга, плотные черные тучи. Шквальный ветер рябил воду и злобно швырял ее мне в маску. Я посмотрел на «Озорницу». На ее мачте раненой птицей бился парус. Карен отчаянно пыталась опустить его. Старик стоял на коленях возле якоря. Потом парус надулся и стал забирать ветер.

Я подал знак Бену, указывая в сторону яхты, и поплыл на помощь «Озорнице». Заметив мое приближение, Карен задержала движение яхты, пока я не поднялся на борт. Сняв акваланг и ласты, я поспешил сменить ее у румпеля.

Ураган продолжался всего несколько часов, но бед натворил немало.

— Итак, подведем итоги,— заключил Бен после предварительной дискуссии в кают-компании «Мэри-Джо».— Виллем Фурье — подбитый глаз. Лукас Ривельд — растяжение связок. Ник Суорт — резаная рана на руке. Джо Суини и доктор Инглби — совершенно расстроенные желудки. «Озорница» — царапины на корме. На «Мэри-Джо» побиты стаканы, тарелки, соусники, чашки, все вместе — рандов на пятьдесят. Теперь последнее и главное.— Он выдержал театральную паузу.— Восемнадцать дней непрерывной, тяжелой, упорной работы под водой — все коту под хвост.

Да, было, отчего пасть духом, но я решил подбодрить собравшихся.

— Конечно, мы потеряли время, но зато и приобрели куда более важное: опыт,— сказал я.— Океан теперь не застанет нас врасплох. Придется начинать все сначала, но на этот раз необходимо исключить малейшую возможность риска. Мне будут приносить подробнейшую метеосводку каждое утро, и, пока ее не будет, никто и шага не сделает из гавани.

— Все это хорошо,— заметил Лукас,— но как быть с Суортом?

— Я подумал об этом,— ответил я.— Пусть Барри поменяется с Суортом и дежурит вместе с Хендриком. Я буду работать один. Мы вернемся на двадцатипятифутовую глубину, так что это вполне безопасно.

За работу мы принялись с утроенной энергией. Никто не жаловался, что «Гровенор» лежит под толщей песка. Мы только молили бога о хорошей погоде. Но спустя пять дней на нас обрушился новый ураган. Мы терпеливо пережидали его, беспомощно наблюдая, как он уничтожает плоды наших усилий. Потом начали все сначала, то воодушевляясь, то отчаиваясь.

С третьей попытки мы достигли глубины пятидесяти пяти футов, с четвертой — тридцати, с пятой — сорока пяти. И наконец подошли к прежнему рекорду и перекрыли его...

Я был рад, что Суорт наконец снова мог работать. Правда, рана на его руке заживала дольше, чем ожидалось, и, когда она закрылась, на ее месте оказался длинный воспаленный шрам. Но Суорт был полон сил и энергии, а для меня его возвращение в строй означало, что больше не придется уходить под воду одному.

Дни летели, недели мелькали одна за другой, и я почувствовал, что мои силы на исходе. Я должен был все время следить за погодой, но еще больше был нужен внизу.

Состояние склонов котлована становилось угрожающим. Произошло уже два небольших оползня. Мы погружались все глубже, и угроза крупного обвала постоянно росла. Песку не было конца, и это приводило меня в отчаяние.

Пятьдесят восемь футов, пятьдесят девять, шестьдесят, шестьдесят один... И вдруг песок кончился! Это случилось утром восемьдесят девятого дня.

Барри с Хендриком дежурили в первую смену и находились под водой уже минут пятнадцать, когда я услышал хриплый крик Бена:

— Эй, погляди-ка, один из них всплывает!

Послышался всплеск, и на поверхности воды показалась темная тень. Тут кто-то вскрикнул у меня под ухом: «Барри! Это Барри!» Затем снизу послышался голос самого Барри:

— Есть! Мы на что-то наткнулись. Там, внизу, что-то твердое!

От волнения у меня зашумело в ушах. Бен снова закричал:

— Слышал, Грег? Они наткнулись на что-то твердое! Великий боже, да ведь это же «Гровенор»! Это «Гровенор» как пить дать!

— Я не уверен, что это корабль,— помедлив, произнес Барри.— Тебе лучше спуститься вниз и посмотреть самому.— Он заметно колебался: — То, что я увидел, больше похоже на скалу.

Лукас наблюдал за нами, нервно кусая губу.

— Надеюсь, что все-таки прав Бен. Надеюсь...— пробормотал он.

Когда я собирался спускаться под воду, «Озорница» бросала якорь в устье реки.

— В чем дело? — спросила Карен.— Почему Барри поднялся наверх?

— Водолазы наткнулись на что-то твердое,— ответил я.— Я спускаюсь вниз и сам все осмотрю.

Глаза девушки радостно блеснули.

— Так ты думаешь... ты думаешь, это «Гровенор»?

— Не знаю. Может быть... Через десять минут мы будем знать наверняка.

Спокойная, чистая вода просвечивала до самого дна, и фонарик, который я взял, не понадобился. Я смотрел на гладкую черную поверхность под ногами и чувствовал, как ледяная рука сжала мое сердце. Я наклонился — да, это была скала, непробиваемая каменная толща.

Барри поднял руки, признавая наше поражение.

15

Когда я рассказал обо всем Бену, он упрямо отказывался мне верить. Мы с Барри пытались настоять на своем, но он просто пришел в ярость, извергнув на нас поток ругательств. Потом, все еще не остыв, повернулся ко мне:

— Так говоришь, на скалу наткнулись? А как же бусины, монеты и прочее? Их что, русалка собирала по морскому дну, а потом подбросила сюда, чтобы мы их нашли? Так, по-твоему?

— Нет, Бен, я так не думаю,— вздохнул я.— Но Хендрик и Барри тоже видели скалу. Не можем же мы ошибаться все трое!

— Да вы просто идиоты! — заорал Бен.— У вас вместо голов тыквы! Вы же ни черта не соображаете! Ни ты, ни твои приятели!

Он повернулся спиной к Хендрику и Суорту, выражая тем самым свое презрение, и вновь обрушил на меня свой гнев.

— Думаешь, я порю чушь? Ну что ж, спроси доктора Инглби. Он знает о таких вещах. По крайней мере, должен знать. Дерево превращается в камень, факт. В Порт-Эдуарде есть окаменелый лес, сам видел.

Доктор Инглби грустно улыбнулся:

— К сожалению, такое объяснение здесь не подходит. Окаменелости в Порт-Эдуарде весьма примечательны, но это останки деревьев, существовавших миллионы лет назад.

Через двадцать минут Лукас собрал нас в кают-компании. Настроен он был решительно. Предложив всем сесть, он постучал карандашом по столу, требуя внимания, а когда наступила тишина, без лишних слов начал:

— Друзья, вы наверняка уже слышали, что наша работа зашла в тупик: мы достигли каменистого дна. Для меня, как и для всех, это неожиданный и тяжкий удар. У нас были неудачи и прежде, но сейчас это полное крушение надежд. Принимая во внимание, что наши финансы почти истощились, я думаю, пришло время поставить точку.

— Полегче на поворотах, дружок,— заявил Бен, воинственно выпятив челюсть.— Ты здесь не один. А как думают остальные? Может, мы не хотим уходить!

Лукас виновато кашлянул.

— Увы, я не могу оставить за вами право выбора. Видите ли, я хочу, чтобы с завтрашнего дня команда «Мэри-Джо» приступила к своей обычной работе. Мистер Суони меня полностью поддерживает. Сезон ловли креветок...

— К черту креветок! — не унимался Бен.— А как же «Гровенор»? Мы же не вычерпали весь песок. Мы и половины не вычерпали. Может, все-таки удастся найти это судно...

— Бен прав,— вмешался я.— Нам бы еще несколько дней... Вот посмотрите.— Я взял бумагу, карандаш и быстро набросал чертеж.— Вот утес, а вот скала, на которую мы наткнулись. Я предполагаю, что это каменный хребет, который проходит по дну залива. А вот здесь, чуть выше — риф. Между ними достаточно песка, чтобы скрыть корабль.

Лукас заколебался. Он посмотрел на Суини, потом через стол — на Барри.

— Твое мнение, Барри? — спросил он.— Ведь ты тоже работал под водой.

Барри зябко поежился.

— Не знаю, может, Грег и прав, а может, и нет. Черт его знает, где он прячется, этот корабль. Вдруг его занесло в другой залив за много миль отсюда? Но песку внизу полно, это точно. И это мне не слишком нравится, черт побери! Так и ждешь, что вся эта махина рухнет тебе на голову.

— Работы под водой совершенно безопасны,— сказал я твердо.— Оползни незначительны. Я бы давно прекратил работы, если бы сомневался в прочности склонов. Только бы погода продержалась...

— Вот оно,— перебил меня Лукас.— Погода, оползни, песок... Я не верю в успех подобных авантюр. Знаю по опыту: необдуманный риск обречен на неудачу.

Ехидно усмехнувшись, Суини заметил:

— Нам и рисковать-то особенно нечем. Советую начать собираться прямо сейчас, пока не потеряли последнее.

Ривельд развел руками:

— Мне очень жаль, господа, но мое решение остается неизменным. «Мэри-Джо» отплывает завтра на рассвете.

— Минуточку,— остановил я его.— «Мэри-Джо» отходит завтра, но у нас остается еще сегодняшний день. Вы пойдете первыми,— повернулся я к Барри и Хендрику.— Сосредоточьтесь на склоне, который граничит с утесом. Про остальное забудьте. У нас нет времени, чтобы проверить все. Конечно, это лотерея, но, в отличие от Лукаса, я верю в возможность выигрыша без единого козыря на руках.

И вновь вода сомкнулась над нами, знакомая и прохладная. Суорт заскользил в сторону рифа, а я устроился у насоса. Это было привычным делом, и я работал машинально. Однако мысль об обреченности наших усилий приводила меня в ярость. Я с силой вонзил трубку насоса в песчаную массу. Конечно, этого делать не стоило, но я словно забыл об осторожности. Песок дрогнул и потек, заскользил вниз. Я отпрянул, освобождая ему дорогу. И вот на самом верху от утеса отделился десятифутовый пласт и, рассыпаясь, рухнул на дно.

В оголившемся куске скалы было что-то необычное. Я подплыл поближе и увидел, что гладкая поверхность подводного утеса была нарушена слегка выдававшимся вперед округлым массивом кладки из камней.

И тогда догадка ослепила меня подобно молнии. Это — туннель, старый заброшенный туннель!

Первый булыжник, извлеченный мной, полетел вниз. Потом я вытащил несколько камешков поменьше. Меня охватило возбуждение. Я потянулся за ножом, и спустя две минуты от скалы отделился внушительный кусок с футбольный мяч...

Трудно сказать, что в этот момент заставило меня обернуться — легкое колебание воды или мелькнувшая тень. Но это спасло мне жизнь. Обернувшись, я увидел Суорта, который целился в меня из ружья для подводной охоты.

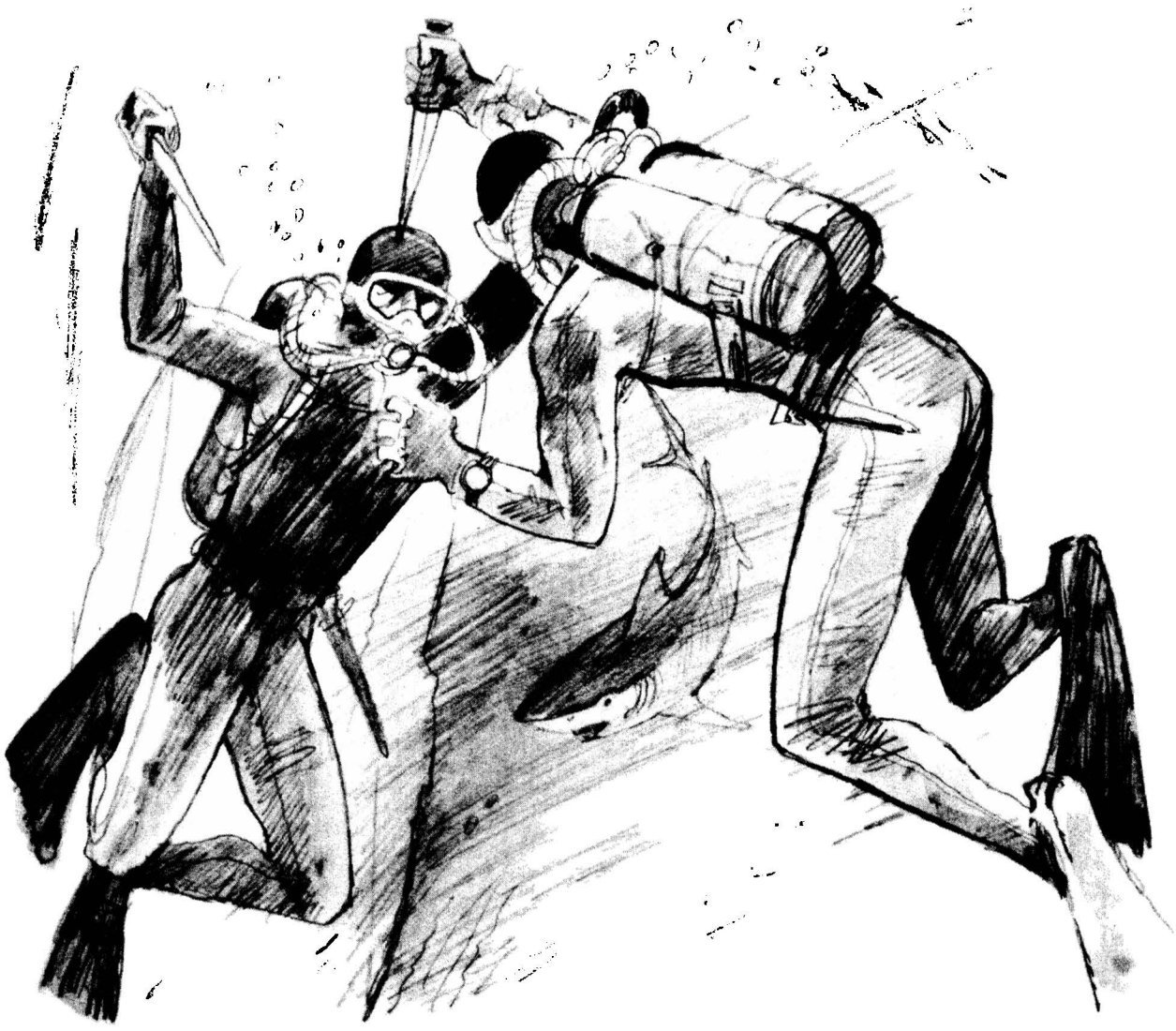
Я даже не сразу испугался, лишь на мгновение замер, не веря своим глазам. Потом рванулся вправо, как раз в тот момент, когда Суорт нажал на спусковой крючок. «Да он просто спятил!» Это было первое, что пришло мне в голову, но я тут же отказался от подобной мысли. Нет, передо мной был не сумасшедший. Передо мной был человек, который хотел помешать мне открыть вход в туннель. Помешать любой ценой!

Должно быть, страх прочищает мозги — внезапно все для меня встало на свои места. Я вспомнил смерть Гарри Проктора...

Гарпун вонзился в трещину скалы и намертво застрял там. Тогда Суорт отбросил ружье и потянулся за ножом.

И вот мы осторожно кружим в воде. Никто не решается напасть первым. Когда безмолвная схватка слишком затянулась, Суорт решил сменить тактику. Делая в мою сторону выпады ножом, он стал прижимать меня к скале. Наконец ему удалось нанести удар. Его нож, к счастью, не задел меня. И тут же я схватил его за запястье.

Мы сцепились как звери в смертельной схватке. Я изо всех сил стал толкать Суорта туда, где торчал гарпун. Поняв это, он попытался вырваться и случайно задел острую кромку скалы. Рана на его руке открылась, и вода обагрилась кровью. Я попытался зажать его воздушный шланг, но Суорт с силой отбил мою руку, и нас разбросало в разные стороны.



И тут рядом возникла серая тень. Я скорее почувствовал, чем увидел акулу...

В несколько мгновений все было кончено: видимо, привлеченная запахом крови акула набросилась на Суорта и потащила его наверх.

Вынырнув на поверхность, я услышал громкий, пронзительный крик Карен. И хриплые крики мужчин на «Мэри-Джо».

«Озорница» подошла ко мне в считанные секунды, хотя мне показалось, что прошла целая вечность. Я помню протянутые ко мне руки, побелевшее лицо Карен, ее широко раскрытые глаза. Помню, как мы обнимали друг друга.

Наконец, словно издалека, я услышал голос доктора Инглби.

— Оставь его, Карен,— сказал он ласково.— Молодому человеку необходимо отдохнуть.

16

Кажется, нет ничего более жуткого и отвратительного, чем умереть в пасти акулы. Гибель Суорта подействовала на всех одинаково: мы были подавлены, и уверения доктора Инглби, что он умер быстро, без мук, не принесли облегчения.

Я все никак не мог прийти в себя от потрясения и был даже рад, что «Мэри-Джо» вошла в гавань на полчаса позже «Озорницы»: у меня было время взять себя в руки. Когда Ривельд и другие дошли до лагеря, я был уже готов к любым вопросам. И, подавив закипающий гнев, скрыл истинную картину того, что произошло под водой.

— Не знаю, как это случилось,— сказал я.— Я находился на дне котлована, а когда взглянул наверх, все было уже кончено. У Суорта имелось ружье, но вряд ли он сумел им воспользоваться. Возможно, акула напала на него сзади...

Лицо Лукаса исказила гримаса отвращения:

— Какая ужасная... и, что еще хуже, какая бессмысленная смерть. Если бы вы не настояли на продолжении работ...

Карен вскочила, губы ее побелели, и она крикнула:

— Как вы смеете так говорить! Как вы смеете упрекать Грега! Разве это его вина? Такое могло случиться в любую минуту с каждым. И с Грегом прежде всего: вспомните, сколько дней он работал под водой один. И если кто и виноват в случившемся, так это сам Суорт. Он должен был быть начеку! Ведь это он обеспечивал безопасность работающего у насоса!

Ривельду пришлось проглотить эту пилюлю.

— Мы сейчас же уезжаем,— заявил он.— Как только Барри и Хендрик упакуют вещи, мы едем. Нет смысла ждать до завтра. Надо сообщить полиции и известить вдову Суорта.

— Вы, полагаю, тоже уезжаете.— Он посмотрел на меня.

Я устало кивнул.

— Да. Но нам, вероятно, придется здесь переночевать. Уже вечер, и доктор Инглби вряд ли захочет ехать ночью. Мы свернем палатки и уедем рано утром.

Я взошел на утес, чтобы посмотреть, как они уходят. И наконец «Мэри-Джо» исчезла за горизонтом.

Вопрос, который задала мне Карен, когда я вернулся, застиг меня врасплох.

— Грег, что же все-таки произошло под водой? — тихо спросила она.— Я хочу знать, что там случилось на самом деле. Теперь-то ты можешь нам рассказать?

Наступила тишина, и три пары глаз выжидающе смотрели на меня. Тогда я решил, что пришло время выложить карты на стол.

— А почему ты думаешь, что я рассказал не все? — спросил я Карен.

Карен испытующе посмотрела на меня:

— Я хорошо помню, что ты сказал, когда мы втащили тебя на «Озорницу». Ты сказал тогда: «О боже, ведь он хотел меня убить!» Я была так потрясена увиденным, что сначала не задумалась над твоими словами. Но ведь ты говорил не об акуле?

— Да, ты права.— Я глубоко вздохнул.— Все было не совсем так, как я рассказывал. Но будет лучше, если начну с самого начала...

Я не утаил ничего: признался, что Джон Фрейзер — мой отец; рассказал, как отреагировал на мои шрамы Камбула и как он был убит; рассказал, как мне потом пришлось расправиться с его убийцами; наконец, сказал об обнаруженном мною туннеле и о схватке с Суортом.

Все напряженно слушали мой рассказ. Когда я закончил, в воздухе повисла долгая тишина.

— Ну и что ты теперь будешь делать? — хрипло спросил Бен.— Сообщишь в полицию?

Я покачал головой.

— Никто мне не поверит. У меня нет пока никаких доказательств.— Карен встретилась со мной взглядом.

— Ты думаешь, что это... ну, что за всем этим стоит Фрейзер?

Я впился ногтями в ладонь.

— Не знаю... Я многое бы дал, чтобы это узнать... А пока я предлагаю открыть туннель.

— Туннель? — изумилась Карен.— Но зачем?

— Кто-то прямо наизнанку выворачивается, лишь бы я не добрался до него. Вот я и хочу узнать, почему!

— По-моему, Грегори прав,— поддержал меня доктор Инглби.— Единственный способ добраться до истины — это вскрыть туннель.

— Это опасно! — нахмурилась Карен.— И кроме того, завтра мы собирались уезжать.

— И уедем,— успокоил я девушку.— Я собираюсь спуститься туда прямо сейчас. Так будет лучше всего. Во-первых, мы не привлечем к себе ненужного внимания, а во-вторых, надо идти, пока песок не засыпал входа в туннель.

— Вероятно, ты прав,— согласилась Карен.— Но с тобой пойду я. Нельзя же одному спускаться под воду ночью.

— Тебе идти ни к чему,— быстро возразил я.— Кроме того, у меня уже есть помощник — Бен.

— Я? — в ужасе завопил Бен.— Да я никогда не погружался с аквалангом!

В поисках защитника он посмотрел на доктора Инглби. Но тот, улыбнувшись, потрепал Бена по плечу:

— Ну-ну, Бен. Вы же будете вместе с Грегом. Да и мы с Карен вас подстрахуем.

— Вы-то с Карен тут при чем? — не понял я.

Доктор Инглби повернулся ко мне:

— Вам понадобится «Озорница»?

— Естественно,— кивнул я.— Но...

Доктор поднял руку, давая понять, что разговор окончен.

— Ну, в таком случае кто-то ведь должен находиться на ее борту и следить, чтобы она не слишком озорничала?

Когда мы огибали мыс, луна вдруг спряталась за тучами. Доктор Инглби с тревогой посмотрел на небо.

— Ты уверен, что погода не переменится? — тихо спросил он.

Я проверил, откуда дует ветер.

— По крайней мере, еще несколько часов погода продержится,— заверил я доктора.— Все будет хорошо.

— Не знаю,— усомнился он.— У меня на ноге начинает ныть большой палец — это обычно к перемене погоды...

Мы легко скользили вперед, и, когда перед нами выросли утесы, я увидел береговой ориентир и спустил парус.

— Ты уверен, что эта штука сработает? — спросил Бен, тыча пальцем в акваланг.

— Уверен,— обнадежил я его.— Иди сюда, я тебе помогу.

Надев на Бена баллоны, я затянул ремни. Проверил, все ли в порядке.

— Если не вернетесь через полчаса, я спускаюсь под воду,— сказала мне Карен.

— Не смей! — приказал я. Потом ободряюще улыбнулся.— Не волнуйся, детка, мы обязательно вернемся. Держи крепче трос. Когда мы войдем в туннель, я дерну один раз. Если дерну три раза, значит, мы попали в беду. Но ты не должна опускаться под воду ни при каких обстоятельствах. Если мы не вернемся, поднимайте паруса и спешите за помощью. Иначе ни одна живая душа не узнает, где нас искать.

— Ладно, ладно, я поняла,— сдалась Карен.

Мы опускались параллельно склону утеса. У входа в туннель Бен подсветил фонариком, а я достал ломик и просунул его в одну из трещин поверхности скалы. Когда отверстие увеличилось настолько, что в него мог протиснуться человек, Бен поднял большой палец вверх в знак одобрения. Мы заглянули в отверстие, но в узкой подземной пещере ничего нельзя было разглядеть. Я дернул за трос и стал протискиваться в дыру. Бен последовал за мной. Мы проплыли вверх по длинному склону и спустя несколько секунд одновременно вынырнули из воды.

Фонарик Бена освещал только небольшую часть туннеля.

— Черт побери! — воскликнул он.— Да тут темно, как в аду. И конца края не видать. Похоже, сам дьявол прорыл этот проклятый туннель, и я не удивлюсь, если здесь нас поджидает экспресс, чтобы отправить прямо в преисподнюю.

Темнота и влажный, пропахший плесенью воздух навевали чувство одиночества. А выхваченные лучом фонарика сгнившие деревянные подпорки, валявшиеся повсюду, олицетворяли собой хаос.

Сняв ласты и акваланги, мы стали осторожно пробираться через эти нагромождения, на ходу разматывая трос. Когда мы дошли до осыпи, видимо, завалившей вход, Бен увидел какой-то ящик и тут же бросился к нему.

— Сундук! — закричал он.— Забит гвоздями — значит, не пустой!

Чтобы лучше рассмотреть находку, я поднял фонарик и тут же завопил что было мочи:

— Назад, Бен! Не трогай его! Это динамит!

Бен в ужасе попятился было, но тут же потерял равновесие и повалился, увлекая за собой какую-то деревянную подпорку. В следующее мгновение все сооружение рухнуло нам на головы.

Я с трудом выбрался из-под обломков и... остался один на один с тишиной. Бен как сквозь землю провалился.

— Бен? — позвал я.— Бен! — Ответа не было. С нарастающей тревогой я закричал: — Бен, Бен, где ты?

— Черт тебя дери, Грег! Ты собираешься меня отсюда вытаскивать или нет? — услышал я прямо из-под ног хриплый голос.

Я направил луч в груду мусора.

— Ну, старый хрыч! А я уж думал, что ты погиб,— с облегчением рассмеялся я.

— И скоро погибну, если ты не примешь меры. Я тут

сижу на динамите, который лет двадцать провалялся без дела, а теперь только и ждет, чтобы взорваться.

Дважды меня просить не пришлось. К счастью, бревна были не тяжелые. Я вынимал их по одному и, пробиваясь к Бену, старался не дышать. Бен ворчал и ругался, но сидел смирненько, пока я не вытащил его из завала.

— А ты знаешь,— Бен выдавил улыбку,— по-моему, там, внизу, есть и еще кое-что, кроме динамита.

Я потянул его за руку:

— Пойдем отсюда. Ничего там нет. Похоже, мы тут напрасно теряем время.

Я двинулся вперед, освещая поочередно пол и стены. Туннель был пуст, но мне никак не хотелось признавать себя побежденным...

Внезапно луч света выхватил большое отверстие в потолке.

— Что это? — удивился Бен.— Откуда здесь дыра?

У меня перехватило дыхание.

Это сдвиг породы. Там, наверху, пещера!

Нам пришлось повозиться, сооружая из разбросанных подпорок подобие лестницы. Убедившись, что она выдержит мой вес, я отдал фонарик Бену и полез наверх. Там меня обступила густая, плотная тьма, и я тут же нагнулся за фонариком.

Когда из мрака вынырнула пещера, ее размеры меня ошеломили: подавленный неправдоподобной высотой сводов, я невольно почувствовал себя карликом.

Поводя фонариком, справа, у пологой стены, я обнаружил небольшое озерцо. Значит, я ошибся, думая, что скала сплошная: где-то между водорослями и кораллами море пробило себе дорогу! Я перевел фонарь влево и чуть не выронил его от неожиданности. Что-то взволнованно закричал Бен, но я не слышал его. У меня дрожали руки: я увидел корабль! Корабль, который лежал на естественном возвышении в дальнем конце пещеры.

Сердце мое бешено забилось, но, слава богу, я не сошел с ума: Бен тоже видел корабль.

— Да, это корабль,— зачем-то повторял я.— Смотри, Бен: носовое украшение — лев, стоящий на задних лапах.

— «Гровенор»! — благоговейно прошептал мой товарищ.— Это носовое украшение «Гровенора»!

Подойдя к кораблю поближе, мы прочитали на корме его название.

— Обалдеть можно! Как же он сюда попал? — спросил Бен, когда мы медленно обошли «Гровенор» со всех сторон.

Судно было в далеко не блестящем состоянии. От мачт остались одни зубчатые обломки, лишь флагшток одиноким указующим перстом торчал над полуютом. Но больше всего пострадала подводная часть: в толстом дубовом корпусе мы увидели сквозную дыру.

Вопрос Бена озадачил меня. Действительно, как сюда, в пещеру, мог попасть корабль?

— Предположим,— сказал я после недолгих раздумий,— что много лет назад на здешние места налетел страшный ураган — самый страшный ураган за всю историю Дикого Побережья. Он-то, вероятно, и занес корабль в пещеру — она тогда была открытая, знаешь, как на утесе Водопадов. Посмотри, как высоко над уровнем прилива стоит «Гровенор», потому он и не сгнил до основания. Корабль уже находился в пещере, когда ураган — а он бушевал, вероятно, несколько дней — обрушил сюда скалу. Она закрыла вход в пещеру, правда, неплотно, но очень скоро кораллы и водоросли скрыли следы былой катастрофы. Да, кому придет в голову, что здесь пещера...

Бен глубокомысленно почесал подбородок:

— Так оно, видимо, и было. Я с тобой согласен. Но знаешь, как-то не верится, что все это происходит именно со мной. Бывало, за кружкой пива всякого наслушаешься... но такое! Такое и во сне не приснится...

Внезапно он оборвал свою речь, захваченный какой-то новой мыслью.

— Золото... золото и серебро! Как ты думаешь, оно еще на корабле? А может, кто-то уже и побывал здесь до нас? Знаю! Это они — Суини и компания. Вот почему они хотели, чтобы мы держались от туннеля подальше. Ах, свиньи, грязные жадные свиньи! Наверняка они себе все загребастали. Ничего нам не оставили, ничего!

Странно, что мне это не пришло в голову раньше!

— Пошли, Бен,— сказал я.— Пошли посмотрим, может, все подмели, а может, и нам кое-что оставили.

Но Бен не двинулся с места.

— Ну нет! Так я тебе и пошел на это кладбище!

— Пошли,— настаивал я.— Никого там нет. Все, кого мы могли бы тут найти, уже двести лет как на том свете.

— Нет! У меня нет ни малейшего желания встречаться с такими древними покойниками.

Я нетерпеливо обернулся:

— Чудак! Чего ты боишься? Ну ладно, я пойду один. Тебе на золото плевать, а мне вот нет.— Сделав короткую паузу, я добавил: — Фонарик я забираю с собой.

Кажется, именно это его и убедило. Вместе мы стали подниматься по замшелому трапу.

Запах гнили, который я почувствовал, едва очутившись в пещере, здесь был сильнее. Притихшие, мы стояли рядом, а луч фонарика скользил от искривленных расшатанных балок к кормовой рубке и полуюту наверху; вот он заплясал над большим штурвальным колесом, и я на минуту представил себе рулевого, который и сейчас управлял кораблем.

— Чего ты ждешь? — дернул меня за рукав Бен.— Пойдем отсюда.

Мне были понятны его чувства. Корабль мог внушать ужас и при ярком дневном свете. А в темной пещере он казался пристанищем злобных таинственных теней, исчезавших, едва их настигал луч фонарика. Раньше меня смешили страхи Бена, но сейчас мне было тоже не по себе.

И тут не слишком нежно Бен толкнул меня. Я подался вперед и похолодел: нечто, чуть слышно царапаясь о палубу, двигалось прямо на нас.

— Что это? — прохрипел Бен.

В этот момент незнакомое существо задвигалось к перилам. Оно было маленькое и круглое. И я неестественно громко рассмеялся.

— Успокойся, Бен, это краб. Всего лишь краб.

Я двинулся вперед.

— Давай попробуем эту дверь наудачу,— предложил я.— Кладовая должна быть где-то внизу.

Сначала я подумал, что дверь заело, но едва с силой толкнул ее плечом, как она подалась. Мы протиснулись в образовавшуюся щель и очутились в узком проходе. Затем мы методично обходили палубу за палубой, минуя бесконечные коридоры, открывая бесчисленные двери и повсюду натыкаясь на следы катастрофы и панического бегства.

Дверь в кладовую была открыта. У стены прямо напротив двери стоял огромный сундук с откинутой крышкой. Я направил на него луч фонарика. Сзади слышалось свистящее дыхание Бена, заглядывавшего мне через плечо. Вцепившись в мою руку, он шептал:

— Золото, это же золото... И серебро, и брильянты... Вот они, эти чертовы брильянты, ты только погляди. Мы богаты, Грег, слышишь, мы теперь богачи! Скоро провоняем золотом насквозь — за милю придется нос зажимать!

В свете фонарика я хорошо видел содержимое сундука, но никак не мог до конца поверить в невероятную удачу. Все мысли разом исчезли. Меня не покидало смутное ощущение, что все это мне снится. Вот сейчас я проснусь, и это золото, и светящие голубым огнем геммы тут же исчезнут, растают словно туман. И... мне было на все наплевать.

Когда мы переступали порог кладовой, то почему-то сразу почувствовали, что не одни в комнате. И когда свет фонарика метнулся в сторону, то мы увидели, что на столе, полураскинув руки, лежал человек.

Бен с силой сжал мое плечо. Я вздрогнул, и свет метнулся куда-то в сторону. Но я взял себя в руки и нарочито медленно направил фонарик туда, где мелькнуло страшное видение.

Луч света выхватил из темноты руку, потом шахтерскую каску и... глаз. Яркий, немигающий, холодный.

В ушах зазвенел громкий, жуткий вопль Бена.

Окончание следует

Перевели с английского
Георгий и Чандрика ТОЛСТЯКОВЫ

Оливер Г О Ф Ф,
английский писатель

ГЛАЗ ПАВЛИНА

Роман

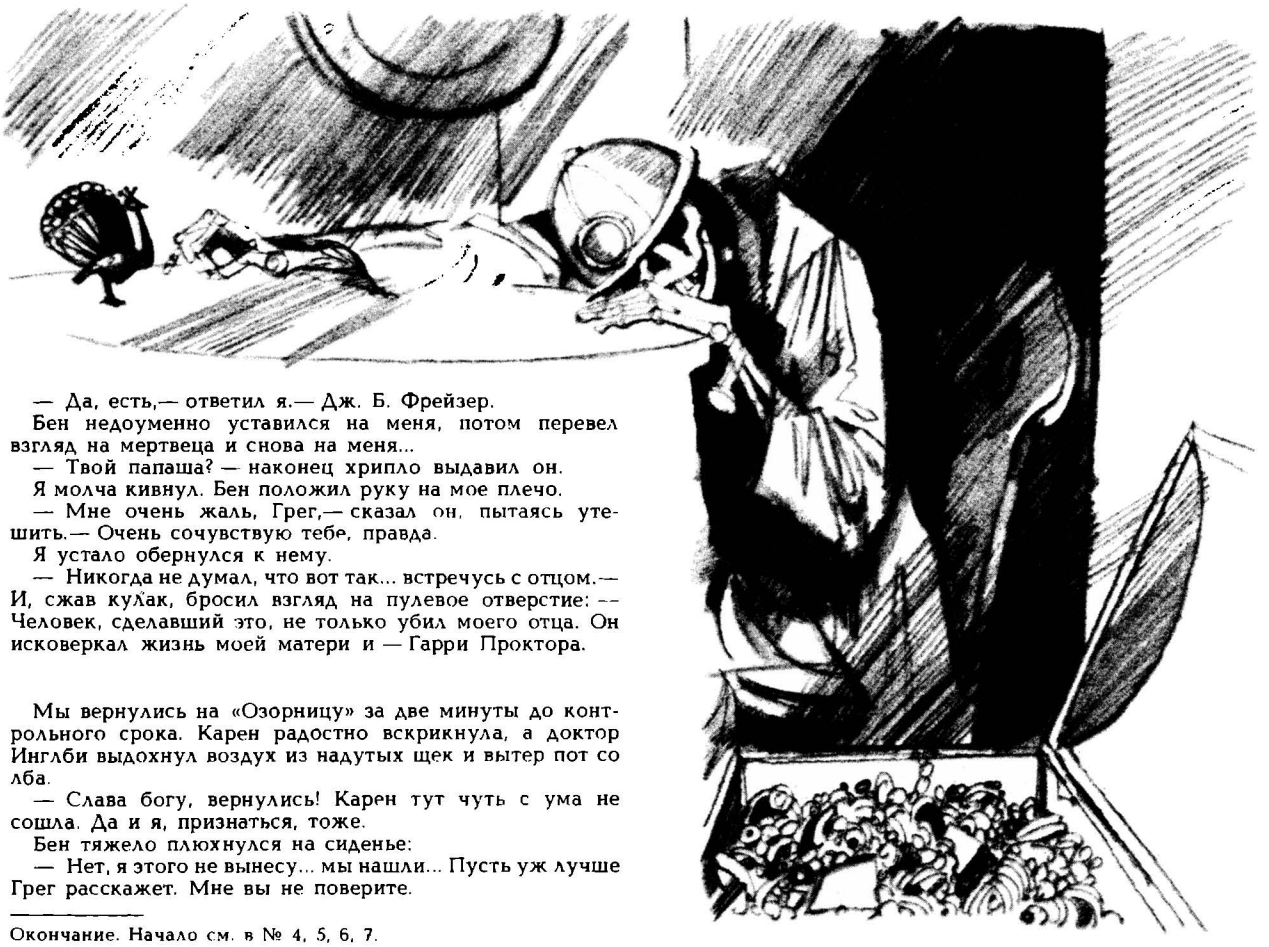
18

Когда страсти улеглись, мы увидели, что испугавший нас светящийся глаз принадлежит павлину, обильно украшенному драгоценными камнями. Павлин так и просился в руки, но навалившийся на стол человек интересовал меня куда больше. Меня удивила шахтерская каска на голове мертвеца. Я сразу понял, что он здесь находится не так уж и давно: двести лет назад люди не носили касок с электрическими фонариками. И я уже почти не сомневался, кто передо мной.

Причина смерти была ясна. Кожаный пиджак уцелел, лишь покрылся плесенью, и на спине была отчетливо видна круглая дырочка — след пули!

Мертвец, уронив подбородок на руку, другой тянулся к павлину. Я заметил часы на запястье, наклонился и расстегнул ремешок.

— Есть гравировка? — спросил меня Бен, когда я поднес часы к свету.



— Да, есть,— ответил я.— Дж. Б. Фрейзер.

Бен недоуменно уставился на меня, потом перевел взгляд на мертвеца и снова на меня...

— Твой папаша? — наконец хрипло выдавил он.

Я молча кивнул. Бен положил руку на мое плечо.

— Мне очень жаль, Грег,— сказал он, пытаясь утешить.— Очень сочувствую тебе, правда.

Я устало обернулся к нему.

— Никогда не думал, что вот так... встречусь с отцом.— И, сжав кулак, бросил взгляд на пулевое отверстие: — Человек, сделавший это, не только убил моего отца. Он исковеркал жизнь моей матери и — Гарри Проктора.

Мы вернулись на «Озорницу» за две минуты до контрольного срока. Карен радостно вскрикнула, а доктор Инглби выдохнул воздух из надутых щек и вытер пот со лба.

— Слава богу, вернулись! Карен тут чуть с ума не сошла. Да и я, признаться, тоже.

Бен тяжело плюхнулся на сиденье:

— Нет, я этого не вынесу... мы нашли... Пусть уж лучше Грег расскажет. Мне вы не поверите.

Карен, должно быть, почувствовала мое состояние и протянула сигарету.

— Это сделали либо Суини, либо Ривельд, либо они оба,— подвел я итог.— Кто-то из них стрелял во Фрейзера, потом взорвал туннель и оставил его там умирать. Но не «Гровенор» был тому причиной. Никто из них не знал о существовании пещеры — иначе сокровища давно бы исчезли.

— Боже, какой кошмар! — глухо простонал потрясенный доктор Инглби.

Карен взяла меня за руку:

— Мы должны обо всем сообщить в полицию. Мертвых не воскресишь, но правосудие должно свершиться.

— Ты права,— согласился я.— Мы, конечно, пойдем в полицию. Но не сейчас.

— Почему?

— Неужели ты не понимаешь, что тех улик, которые есть у нас, недостаточно? И если мы не добудем новых, Лукасу и Суини скорее всего удастся выкрутиться, а обви-

Окончание. Начало см. в № 4, 5, 6, 7.

нят человека, не имевшего к преступлению никакого отношения.

— Кого обвинят? — нахмурилась Карен.— Я не понимаю.

— Зато я понимаю,— мрачно заметил доктор Инглби.— Человек, которого имеет в виду Грег, твой отец, Гарри Проктор. Теперь поняла?

В ответ Карен лишь тяжело вздохнула. Потом, помолчав, неожиданно сказала:

— Я пойду с тобой, Грег. Мы должны вместе найти новые улики. Там наверняка остались какие-то свидетельства преступления, иначе убийца не боялся бы, что тунель откроют.

Неожиданно доктор Инглби выступил вперед.

— Я пойду с вами,— заявил он серьезно и торжественно.— Уверен, что вам понадобится моя помощь. И кроме того, я твердо решил увидеть «Гровенор». Если я упущу такую возможность, то никогда себе этого не прощу. Никогда!

Тут встрепенулся Бен:

— Послушай, Грег. Я все время думал о сокровищах. Почему бы нам не унести с собой немного? Там ведь от них все равно никакого проку.

— Здесь ты прав,— улыбнулся я.— Но в чем мы эти сокровища понесем?

Карен склонилась над рундуком и извлекла оттуда холщовый мешок и несколько пакетов из толстого пластика.

— Подойдет? — спросила она.

Бен довольно кивнул:

— Чудесно! Лучшей тары для сокровищ просто не придумать.

Энтузиазм доктора Инглби заставил нас поволноваться. Мы пережили несколько неприятных минут, когда его объемистый живот застрял в проломе. Я тянул доктора сверху, Бен храбро толкал под зад. И наконец наши усилия увенчались успехом: изрядно помятый Инглби все же оказался в пещере.

Когда Карен увидела судно, у нее захватило дух.

— Фантастика! — выдохнула она.

Я взял ее за руку, и мы вместе любовались «Гровенором», пока в пролом не протиснулся Бен.

На верхней палубе судна я показал друзьям огромное штурвальное колесо, сломанные мачты, флагшток и полуют над кормой. Потом поторопил.

Доктор Инглби неохотно двинулся дальше.

— Подумать только, как мне повезло: стою на палубе «Гровенора»! Хорошо бы провести здесь недельку-другую... Ходил бы, смотрел, набирался впечатлений... Но вы совершенно правы, сейчас не время.

Мы прошли по коридору, спустились вниз, миновали орудийную палубу. Я прошел в дверной проем кладовой, остальные последовали моему примеру. Мы долго стояли в тишине. И когда Карен повернулась ко мне, ее глаза были полны слез.

— Бедняга,— прошептала она.— Как тяжко ему было умирать в одиночестве...

— Принимайтесь за дело,— сказал я, взяв себя в руки.— Но не переусердствуйте: все нам не утащить.

Потом склонился над мертвецом. Скользнув пальцами в карман его пиджака, нащупал брелок, несколько монет и что-то еще... Медленно и осторожно я стал вытаскивать находку.

— Письмо...— протянула Карен с замиранием в голосе.— Кому оно, ты можешь прочитать?

Я поднес письмо к ее фонарику.

— Покрыто плесенью, но...

— Не двигаться!

Я резко обернулся. Письмо выпорхнуло из моих рук. В дверном проеме стоял человек. С его черного гидрокостюма стекала вода. В руках он держал винтовку, дуло которой было нацелено прямо мне в лоб.

— Ривельд!

Губы Лукаса растянулись в усмешке:

— Он самый.

— Но что... как вы сюда попали?

— Так же, как и вы — через отверстие в скале. Я подозревал, что найду в туннеле вас. Но это...— он кивнул на раскрытый сундук,— это превзошло все мои ожидания.

— Но как же так? Ведь вы собирались в Сент-Джонс!

— Верно, собирались, но потом передумали. И выходит, правильно сделали. Нам крупно повезло, что мы вернулись. А вот вам повезло несколько меньше.

Лицо Бена стало грязно-серым, но он первым пришел в себя и попытался изобразить улыбку.

— Черт возьми, Лукас, что ты несешь? — сказал он.— Нам всем повезло — мы нашли золото и брильянты. Чего огород-то городить? Мы собирались поделиться со всеми, точно я тебе...

— Дело не в золоте,— оборвал его Лукас.— А в письме.— Он показал на него дулом винтовки: — Если бы мистер Харви не нашел письма, может, мы бы и договорились. Но теперь мне остается лишь скорбеть о вашей судьбе.

Доктор Инглби решительно выступил вперед.

— Немедленно прекратите это безобразие! Как вы смеете угрожать нам оружием? Сейчас же уберите его!

— Стоять! — рявкнул Лукас, поводя винтовкой.

Но доктор не унимался:

— В жизни меня так никто не оскорблял...

Я с ужасом смотрел, как напрягся на спусковом крючке палец Лукаса.

Все остальное произошло в одно мгновенье. Я схватил павлина и со всей силой швырнул его в лицо Ривельда, а Бен ногой сделал подсечку доктору Инглби... Когда раздался выстрел, я услышал пронзительный крик Карен и стон Бена, тяжело рухнувшего на палубу.

19

Наступила тишина. Карен застыла между мной и доктором. Старик Инглби, отброшенный ударом, привалился к стенке. Бен в неловкой позе растянулся на полу. Я было подумал, что он мертв, но, застонав, Бен присел и схватился за бедро.

Ривельд шагнул через порог, и следом за ним вошли Барри и Суини. Хендрик и Виллем ворвались в кладовую секундой позже и тут же замерли, увидев содержимое сундука. Я отметил, что у них не было оружия.

Окинув взглядом кладовую, Суини сразу же понял, что произошло, и в ярости обернулся к Лукасу.

— Идиот! — прошипел он.— Зачем ты это сделал?

— А что мне еще оставалось? — взорвался Лукас.— Старик хотел напасть на меня. К тому же мы все равно опоздали: они нашли письмо. Сейчас пристрелим их, и делу конец.— Он поднял винтовку.

— Ты еще больший идиот, чем я предполагал,— прорезал кладовую голос Суини.— Тебе что, не терпится оказаться на виселице? Ну, изрешетишь ты их пулями, а дальше что?

Лукас сразу сник:

— Но... ты же сам сказал...

Суини не спускал с меня глаз, и, видя их холодный блеск, я понял: мы для него уже не существуем.

— Я помню, что говорил... Все должно выглядеть как несчастный случай,— он позволил себе улыбнуться.— Это совсем не трудно. Мы заберем золото и бриллианты, а потом взорвем пещеру: на «Мэри-Джо» взрывчатки достаточно.

— Да вы просто чудовище, холодное бесчувственное чудовище! — взорвался доктор Инглби.— Убийство Фрейзера и Проктора сошло вам с рук, но с нами у вас этот номер не пройдет. Неужели вы думаете, что, убив четырех человек, можно выйти сухим из воды? Да вы просто спятили.

Закусив губу, я повернулся к Карен.

— Посмотри, что там с Беном,— тихо сказал я.— Постарайся хотя бы остановить кровь.

— Ни к чему все это,— бросил мне Суини.— Все равно скоро все подохнете. Будете гнить здесь, в обществе вашего папаши.

— Что вы имеете в виду? — напрягся я.

— Не прикидывайтесь дурачком, мистер Грегори Фрей-

зер! — Для большей убедительности он говорил медленно, отчеканивая каждое слово.— Я уже давно подозревал вас — с того самого времени, когда Камбула начал проявлять к вам повышенный интерес. Но сегодня утром я получил радиограмму, и это развеяло последние сомнения. Именно радиограмма заставила нас вернуться — очень своевременное решение, как оказалось.

— Радиограмма? — глупо переспросил я.

Суини буквально упивался своим торжеством:

— Да. Результат частного расследования. Она была послана из Америки и передана по радио. И как раз вовремя — приди она днем раньше, и не видать бы нам заветного сундучка! — Рука Суини простерлась над золотом.

В горле у меня пересохло, я с трудом ворочал непослушным языком:

— Рано радуетесь. Рано или поздно правда выплывет наружу. Вам и в прошлый раз не удалось замести все следы. Камбула знал, где Фрейзер...

— Но не успел ничего рассказать вам,— ухмыльнулся Суини.— Об этом позаботились Финнеас и его друзья. Суеверие — совсем неплохая вещь, если направить его в нужное русло.

— Так это вы запугали пондо? — выдавил я.

Суини кивнул:

— Это было не слишком трудно. Взятка местному шаману — а все они так же продажны, как и любой из нас,— и в самый короткий срок туннель был объявлен тагати — про́клятым. Шаман хорошо постарался, и среди пондо вскоре прошел слух, что лишь одно упоминание о туннеле может накликать на человека немилость судьбы. А уж попытка открыть его — навлекала беду на все племя. Да, пришлось выложить кругленькую сумму, но я всегда считал, что в таких случаях не стоит мелочиться... Кстати, когда поведение Камбулы начало беспокоить меня, я просто подкинул пондо идею, что тот сошел с ума. И никто из них в этом ни секунды не сомневался: разве человек в здравом уме согласился бы помочь вам открыть про́клятый туннель?

— Так это вы им сказали про Камбулу?

— Ну конечно! Потому пондо и не спускали с него глаз. Шансов на спасение у Камбулы не было. А вот вас мы явно недооценили.— Суини посмотрел на меня с любопытством.— Так что же все-таки произошло в ту ночь на утесе Водопадов?

— На этот раз вы имели дело не с пондо...— уклонился я от ответа.— Так вот, кто-нибудь обязательно проболтается о том, что здесь произошло. Он, например,— я кивнул на Виллема.— Глоток-другой виски — и у него развяжется язык.

Вперед выступил Хендрик.

— Виллем слушается меня во всем,— яростно возразил он.— За Виллема можно не волноваться.

В отчаянии я обратился к Хендрику:

— Зачем ты впутался в это грязное дело? Ты же не участвовал в убийстве Фрейзера — и вешать тебя пока не за что. Останови их, пока не поздно. Ты же не раб Суини! Ты всего лишь работаешь на него.

Суини рассмеялся мне в лицо:

— Ах, дорогой мой мистер Фрейзер, как же вы наивны! Вы так и не поняли, что мои приказы на «Мэри-Джо» — и, кстати сказать, не только на «Мэри-Джо» — обсуждать не принято. Попробовал бы кто-нибудь хоть раз меня ослушаться! И потом: рыбный промысел для нас всего лишь — как бы это поточнее выразиться — побочное занятие. Основную часть доходов большинство из нас получает от контрабанды наркотиков.

— Наркотики? — воскликнул я, впрочем, не слишком удивленный этим признанием. Все сразу встало на свои места. Все, кроме...— За что вы убили Фрейзера?

Суини ответил без утайки:

— У нас, собственно, не было другого выхода. Лукасу взбрело в голову расширить свой рыбный промысел, но для этого нужна была крупная сумма, гораздо бо́льшая, чем была у него в наличии. Недолго думая, он решил, что может легко осуществить свои планы, ведь капиталовложения на поиск «Гровенора» лежали без дела. Вот он и «взял взаймы». Но сделал это так неловко, что Фрейзер сразу обнаружил недостачу. Согласитесь, что мы оказались в затруднительном положении. Фрейзер дал Лукасу неделю на то, чтобы тот возместил ущерб. Роковая ошибка. Когда Лукас обратился ко мне за советом, я предложил ему один... способ избавиться от неприятностей.

— Звери! Боже, какие звери! — крикнула Карен. В ее глазах сверкала ненависть.

Я с ужасом ждал, что сейчас произойдет, но Суини лишь скользнул по девушке равнодушным взглядом. Внезапно потеряв к нам всякий интерес, он повернулся к Хендрику.

— Свяжите их,— приказал он.— И начните с дамы.

Хендрик подтолкнул локтем Виллема.

— Пошли,— сказал он.— Дай мне руку.

У меня засосало под ложечкой. Напрягши мускулы так, что глаза заволокло красным туманом, я рванулся вперед...

Мне удалось сделать всего два-три шага. На мой затылок обрушилось что-то тяжелое и твердое. Кладовая поплыла перед глазами, но в самые последние мгновения я услышал глухой рокот. И прежде, чем провалиться в беспамятство, сообразил, что это раскаты грома.

— Грег! — охрипнув от крика, настойчиво повторяла Карен.— Грег, милый, очнись, ради бога, очнись...

Кто-то рассмеялся — я узнал нервное хихиканье Барри.

— Не стоит так убиваться,— обратился он к Карен.— Это теперь не так важно.

Я заставил себя сесть — веревка за спиной натянулась.

— Барри, послушай...

Он поднял руки в извиняющемся жесте.

— Прости, старина. Ты слышал, что сказал Суини. Я, к сожалению, не в силах ничего изменить.

— Тогда убей его,— прошептал я.— Ведь ты вооружен. Разве тебе не хочется избавиться от Суини? Хватит ему вас шантажировать.

Было видно, что в Барри борются противоречивые чувства, но в этот момент дверь распахнулась и в кладовую вошел Суини.

— Подслушивать за дверью — приятное и полезное занятие,— сказал он с сухим смешком.— Кстати, Барри, на твоем месте я бы не поддавался искушению, если, конечно, ты не жаждешь составить компанию своему отцу на виселице. Человек в моем положении принимает естественные меры предосторожности: в случае моей внезапной смерти полиция узна́ет много любопытного — в том числе и имя человека, убившего Гарри Проктора. Ну,— внезапно рявкнул он,— чего стоишь, сукин сын? Пошевеливайся! Набивай пакеты золотом, да поживее — надвигается шторм.

Бен с усилием выпрямился и посмотрел на Суини покрасневшими глазами.

— Эй, Джо,— сказал он, будто приглашая поболтать.— Ты ведь хочешь, чтобы все это выглядело как несчастный случай. Что же, по-твоему, они там, в полиции, совсем идиоты? Откопают нас и увидят, что мы связаны, как бараны. Хорошенький несчастный случай!

— Да нет, мы вас развяжем,— ответил Суини бесстрастно.— И перед уходом заберем веревки с собой.— Должно быть, он заметил лучик надежды, на мгновение мелькнувший в моих глазах: — Не слишком радуйтесь. Прежде чем мы снимем веревки, Виллем вас хорошенько убаюкает. Кстати, он только этого и ждет.

Я взглянул на Виллема: криво ухмыляясь, он вертел в руках короткий ломик.

Говорить больше было не о чем.

Золото исчезало на наших глазах. Вот осталось шесть пустых пакетов, четыре, два и, наконец, один. Последний. Кто придет за ним? Конечно, Хендрик... Он вернется за Виллемом, и тогда все будет кончено.

Внезапно Карен приподнялась на локтях, взглянула Виллему в глаза и нежно улыбнулась.

— Виллем, голубчик, поди ко мне,— попросила она ласково.— Поди сюда и развяжи веревку: она натерла мне руки.

Я дернулся в ее сторону:

— Карен, чего ты хочешь? Ведь он сумасшедший!

Она взглянула на меня, и я прочитал в ее глазах страх, любовь и немую просьбу молчать.

Рисунки В. ГАЛЬДЯЕВА

— Виллем, поди сюда,— повторила она.— Иди, иди сюда, принеси мне свой нож.

Лицо Виллема расплылось в идиотской улыбке:

— Нет, нельзя. Хендрик не велел.

— Ну, так просто покажи мне свой нож,— настаивала Карен.— Вынь его из ножен. Вот так. А теперь гляди — разве нож не прелесть? Видишь, как он блестит?

Виллем стал рассматривать нож.

— Прелесть,— сказал он.— Прелесть.

— Да, просто чудо,— подтвердила Карен.— Ну а теперь подойди ко мне, разрежь веревку.

— Нет, нет,— забеспокоился вдруг Виллем.— Нет, нельзя. Хендрик не велел. Нож — чтобы убивать... Прелесть...— Он сделал несколько шагов к Карен, но внезапно остановился и, склонив набок голову, прислушался.

Снизу донесся крик Хендрика:

— Виллем, Виллем, скорее сюда! Виллем, скорее, скорее...

Выронив нож, Виллем побежал на зов брата. Как только он исчез, я кое-как добрался до ножа, схватил его зубами и откатился к Карен:

— Режь. Не бойся задеть руки.

Размяв свои затекшие кистья, я перерезал веревку, стянувшую ноги, и стремглав понесся по коридору, с палубы на палубу. К пролому...

И тут услышал голос Хендрика:

— Виллем... Где ты, Виллем?.. Они хотят нас убить! Я слышал! Иди сюда скорее!

Отшвырнув фонарь, Виллем нырнул в пролом, я хотел было последовать его примеру, но что-то меня остановило.

Глухие раскаты потрясли подземелье, и, заглянув в пролом, я увидел, как в туннель ворвалась песчаная лавина. Раздался истошный вопль Хендрика, сбитого с ног настигшим его валом. Виллем бросился к брату... Два крика слились в один, но тотчас же захлебнулись под движущимся песком.

И тогда я вновь услышал гром.

С фонарем Виллема в одной руке и ножом в другой я помчался назад, к друзьям. Несколько быстрых взмахов, и Карен, доктор Инглби и Бен освободились от веревок. Пока они приходили в себя, я рассказал им, что произошло:

— Суини решил избавиться и от братьев. Хендрик, каким-то образом узнав об этом, поспешил за Виллемом. Суини, должно быть, все понял и потому, не задумываясь, бросил в туннель динамитную шашку... Хендрик и Виллем погибли.

— Что с туннелем? — дрогнувшими губами спросила Карен.

— Наполовину засыпан песком.

— А старый завал? Мы могли бы разгрести его...

Я устало опустил руки.

— На это понадобится не одна неделя. А у нас времени в обрез.

— Значит, мы в ловушке. Как крысы.— Доктор Инглби испуганно поглядел вверх.— Когда они вернутся с динамитом?

— Не знаю,— ответил я.— Минут через пятнадцать...

Может быть, через полчаса. «Мэри-Джо», без сомнения, уже в пути. И динамит — тоже.

— Динамит! — Бен вцепился в мою ногу и с усилием приподнялся.— Динамит! Вот он — выход! У нас есть целый ящик динамита. Правда, ему уже двадцать лет, но...

— Не годится, Бен,— отмахнулся я.— Я тоже думал об этом — но динамит сам по себе ничего не стоит. У нас нет ни зажигалки, ни спичек.

— Есть! Есть спички! — дрожащими пальцами Бен расстегнул молнию своего гидрокостюма.— Вот. Я взял с собой спички. В прошлый раз я без света остался, вот и взял их теперь с собой.

Я выхватил у Бена пластиковый пакетик:

— Сухие! Это чудо, но спички сухие!

Посмотрев на лица друзей, я увидел в них первый отсвет надежды.

— У нас есть шанс,— сказал я.— Возможно, динамит сработает. Может быть...— И, не сдержавшись, заорал: — Чего вы ждете? Надо выбираться из этого проклятого места!

Мы тащили Бена волоком, пропихивали и толкали сзади. Он чертыхался, скрипел зубами от боли — и подгонял нас. Наконец мы поднялись на верхнюю палубу.

— Скорее к озеру! — торопил я.— Живее, живее, черт бы вас побрал! Нам надо спешить!

— Попробуем прорваться здесь,— я указал на стену утеса.— Здесь достаточно высоко, и песку сюда не добраться. Если будет все хорошо — плывем к «Озорнице».— Я повернулся к Карен.— Быстро, фонарь!

Потом, не теряя времени, побежал к туннелю.

Ящик был там, где мы его оставили,— под обвалившимися лесами. Как бешеный, я начал раскидывать груду. Потом ножом стал выковыривать ржавые гвозди и наконец, затаив дыхание, поднял крышку сундука. Секунду помедлив, сунул руку внутрь. Для взрыва достаточно восьми зарядов. Мои пальцы нащупали первый, обняли его нежно, осторожно освободили и вытащили. Так же нежно, осторожно опустили на дно пластикового пакета. Еще один... Три, четыре, пять... Скорее, скорее... Вот уже восемь зарядов лежат в пакете.

Друзья приветствовали мое возвращение радостными возгласами. Я поднял пакет:

— Пока все в порядке. Но радоваться еще рано.

Подняв фонарь, я посветил им вокруг. Луч скользнул по воде, прощупал глухую стену наверху, потом опустился, выхватывая из темноты часть стены.

— Что-нибудь ищешь? — спросила Карен.

— Какой-нибудь выступ, за который можно будет зацепить бикфордов шнур. Вот! Этот подойдет.— Фонарь застыл в моей руке.— Сюда мы и повесим шнур, когда будем возвращаться. Справишься с фонарем?

Карен молча протянула руку.

Держа высоко над головой пластиковый пакет, я вошел в озеро. Следом за мной двинулась Карен. Когда мы перебрались на другой берег, я осторожно передал ей пакет и осмотрелся.

— Свети сюда,— приказал я и достал нож. Секундой позже я уже ковырял скалу, и каменная пыль сыпалась вниз.

Отсюда хорошо были слышны раскаты грома — там, на свободе, вовсю бушевал шторм.

— Может быть, хватит? — задала вопрос Карен.

— Нет, надо еще,— стиснув зубы, ответил я.

Казалось, прошла целая вечность. И когда наконец я обернулся, то увидел, что костяшки пальцев Карен, сжимавших сумку, побелели.

Вскоре мы пустились в обратный путь. Я спешно закреплял бикфордов шнур на выступах. Назад, назад, разматывай шнур, а теперь остановись, сделай новую петлю, зацепи за скалу и разматывай, разматывай дальше. Молчаливая Карен, удар грома, шум в ушах. Затем — вплавь через озеро. Бен с доктором Инглби надвигаются на меня, тяжело дыша. В моей руке спички...

— Ну, давай, поджигай, чего ты ждешь! — заорал Бен. Вцепившись в доктора, он в нетерпении подпрыгивал на одной ноге.

И вот вдоль стены, мигая, побежал маленький огонек. Позади четверть пути, половина, три четверти...

— Ложись! — крикнул я.— Ложись все, ло...— Мой голос погас так же внезапно, как и огонек.

Карен едва сдержалась, чтобы не разрыдаться. Я потянулся за фонарем, но она мертвой хваткой вцепилась в него.

— Нет, Грег, ты погибнешь! Слишком опасно!

С силой выхватив фонарь, я добежал до озера и нырнул... Вода бурлит и пенится... Обезумев, я мчусь туда, к шнуру... Спички в пластиковом пакете не намокли... Будь проклята моя дрожащая рука!.. Еще раз, еще... вот так... Теперь прикрой огонь ладонью и поднеси к шнуру... осторожнее... огонек шипит и, мерцая, движется вперед... теперь уходи... плыви, плыви, как никогда в жизни...

Могучий удар выбил воздух из моих легких. Меня швырнуло вниз, затем подбросило вверх, под град камней, а навстречу мне несся оглушительный рев. Потом наступила тишина...

Не знаю, сколько времени прошло, прежде чем в полной темноте я услышал голос Карен:

— Грег, Грег, где ты?

Я и сам не знал, где я, но на меня вдруг снизошло великое успокоение. Лежа на спине, я смотрел наверх и видел небо — всего лишь крошечный кусочек неба, затемненный облаками. Но мне этого было вполне достаточно. Я закричал, напрягая связки:

— Прорвались! Мы прорвались!

И тут же я услышал, как рядом зафыркал, всхлипывая, доктор Инглби, тяжело задышал Бен. Карен на мгновение прижалась ко мне. Потом мы подняли Бена и понесли его к выходу.

— Посмотри,— прошептала Карен.— «Мэри-Джо»! Они возвращаются! Думаешь, заметили нас?

«Мэри-Джо» огибала мыс. Окутанная пеленой дождя, она казалась кораблем-призраком. Какое-то время я внимательно наблюдал за ней, потом отрицательно покачал головой.

— Вряд ли. Нас загораживает «Озорница». Если они и видели вспышку, скорее всего решили, что это молния. Шторм разыгрался не на шутку. Сам черт не разберет, в чем тут дело.

— Тогда зачем они возвращаются? Что им нужно? — хрипло спросил Бен.

— Помяни мое слово — они вернулись, чтобы полюбоваться фейерверком,— ответил я мрачно.— Вряд ли Суини захочет пропустить такое зрелище.

Мы бросились навстречу волнам и, помогая Бену, плывшему между нами, вскоре добрались до «Озорницы». На палубе Бену стало совсем плохо, но он не жаловался.

Вдруг на берегу из вздыбившегося утеса в небо взметнулся огненный столб. До нас донесся оглушительный рев, словно пришли в движение жернова гигантской мельницы. Подножие утеса раскололось и увлекло за собой на дно моря всю каменную громаду.

Превозмогая боль, Бен вскочил на ноги и стоял, пока последний обломок не исчез в морской пучине и взору не предстала гладь воды, простиравшаяся до покрытых травой холмов.

21

— Шлюпка! — Карен вцепилась мне в руку.— Они спустили шлюпку!

Доктор Инглби было поднялся, но я довольно бесцеремонным толчком водворил его на место.

— Не высовываться!

— Но как же якорь? Надо поднять якорь: нам пора уходить.

— Поздно,— возразил я.— Мы даже не успеем обогнуть мыс — «Мэри-Джо» догонит нас в два счета.

— Может быть, все-таки попробуем прорваться? — тихо сказала Карен.

— Нет! — отрезал я.— Они думают, что мы погибли. Попытавшись бежать, мы тем самым выдадим себя.

Широко раскрыв глаза, Карен наблюдала за шлюпкой.

— Они приближаются к нам. Наверное, хотят забрать «Озорницу».— И тут же вскрикнула: — Грег, у них винтовки!

Сквозь пелену дождя мы наблюдали за движением шлюпки, походившей сейчас на приземистого жука с желтыми крыльями. Расстояние между нами быстро сокращалось. Карен молчала, но даже в темноте я видел, как ее била дрожь.

Достав фонарь, я взвесил его в руке и перевел взгляд на доктора Инглби.

— Понадобится ваша помощь,— тоном, не терпящим возражений, сказал я.— Этот фонарь — наше единственное оружие. Вы в состоянии держать его?

Доктор отшатнулся:

— Нет-нет! Я не способен на насилие, совершенно не способен...

— При чем тут насилие? — возразил я.— Обычная самооборона. Я прошу вас всего лишь...

Доктор Инглби не спускал глаз с шлюпки. Потом перевел взгляд на Карен и с видимым усилием взял себя в руки. Фонарь, кажется, придал ему уверенности. Помахав им в воздухе, он мрачно кивнул.

Шлюпка была уже совсем близко, и сквозь шум дождя до нас донеслись голоса.

— Какой смысл выводить ее в море? — говорил Барри.— Надо просто поднять якорь — и пусть себе плывет. При таком шторме надолго ее не хватит.

— Суини хочет уничтожить все улики.

— Суини, Суини, вечно этот Суини! Почему бы ему самому не заняться грязной работенкой для разнообразия?

— Потерпи еще немного,— сказал Лукас.— А теперь забирайся на борт и поднимай якорь.

Послышался всплеск и за ним тихий скрип. Мы замерли. Над бортом показалась рука, затем вторая, потом голова...

Я подал знак доктору Инглби. Он вскочил, фонарь в его руке поднялся и с глухим стуком опустился на голову Барри. «Неплохо для начала»,— подумал я.

Затем наступила очередь Лукаса. Когда появилась его голова, я обрушил на нее всю тяжесть своего кулака. Лукас рухнул в шлюпку без единого звука. Я прыгнул за ним.

— Скорее,— торопил я.— Надо втащить его на борт.

Широко улыбаясь, Бен следил за нашими действиями.

— Ну, ребята, вы даете! Любо-дорого глядеть! — приговаривал он, пока мы с Карен связывали пленников.— Слушай, Грег,— обратился он потом ко мне: — Дай-ка мне этот фонарь, на случай, если, не дай бог, они вдруг очухаются.

— Винтовки у меня,— прервала его Карен.

— Хорошо.— Я протянул руку.— Давай одну сюда. Вторую оставь себе.

— Что ты собираешься делать? — в голосе Карен появились тревожные нотки.

— Расквитаться с Суини — и забрать золото.

— Грег, пожалуйста, не надо...— Карен судорожно вцепилась в меня.

Мягко высвободившись, я посмотрел на нее сверху вниз:

— Я должен это сделать.

Потом спустился в шлюпку и отдал последние распоряжения:

— Поднимайте парус и следуйте за мной. Никому не высовываться. Доктор Инглби, вам я поручаю румпель. Не подходите слишком близко: если будете держаться на почтительном расстоянии, Суини примет меня за Лукаса.

Со стороны мыса послышался глухой ритмичный шум работающих дизелей, и вскоре на меня надвинулся темный корпус бота.

— Где «Озорница»? — раздраженно прокричал Суини, перегнувшись через леера.

Я неопределенно махнул назад, туда, где показалось белое пятно.

— Тогда какого черта вы медлите? — зарычал Суини.— Спускайте якорь и тотчас же дайте мне знать. Чем скорее мы уберемся отсюда, тем лучше.

Я поднял руку в знак того, что все понял, и голова исчезла. Когда свет от фонаря Суини переместился на мостик, я взобрался на палубу и стал осторожно пробираться по судну. Вдруг внезапный толчок едва не опрокинул меня. «Мэри-Джо» затряслась, и я увидел, что бот движется в открытое море.

Крепко сжимая винтовку, я побежал, чувствуя, что у меня подкашиваются ноги. Суини! Он почуял, что запахло жареным, и теперь...

С мостика внезапно донесся дикий хохот. Мгновенно обернувшись, я спустил курок и услышал лишь сухой, бессильный щелчок. В тот миг три пули одна за другой впились в палубу у моих ног. Я метнулся в сторону. Хохот Суини надвинулся на меня, и четвертая пуля просвистела у моей головы. Охваченный паникой, я снова и снова нажимал на курок и вдруг застыл на месте, услышав голос Суини.

— Что ж, мистер Харви, вы оказались умнее, чем я полагал. Но на сей раз, боюсь, вам уже ничто не поможет. Ваша карта бита, мистер Харви! Вы допустили непростительную ошибку, взяв винтовку Барри. Я, видите ли, из предосторожности разрядил ее: Барри — очень ненадежный молодой человек. Всякий раз, поворачиваясь к нему спиной, я чувствовал себя чрезвычайно неуютно. Так что...

Я отшвырнул бесполезное оружие — не слишком далеко, впрочем, всего на несколько футов,— и был сразу вознагражден новым выстрелом. Суини израсходовал пятую пулю. Оставалась одна...

Палуба была полна теней. Выхватив нож, я скользил по палубе, невидимый в черной оболочке гидрокостюма. Суини пустился было за мной, но затем решил вернуться за фонарем.

— «Мэри-Джо» — небольшое судно,— закричал он.— Вам все равно не спрятаться, Харви. Я найду вас. А потом доберусь и до ваших друзей. Это будет нетрудно: вот они, совсем близко.

«Озорница»! Я увидел, что она подошла к нам вплотную, и рванулся назад, но задержался на месте мгновением дольше, чем следовало. Раздался выстрел, руку обожгло болью. Я машинально согнул и разогнул пальцы — кость не задета. Нож выпал, но я не обратил на него внимания. Теперь это уже не имело никакого значения. Ярость, всепоглощающая, ослепляющая ярость сжигала меня.

Увидев, что я приближаюсь, Суини поднял фонарь и что было сил швырнул его в меня. Но фонарь только слегка оцарапал мое плечо. Упав на палубу, он разбился и скатился в открытый люк машинного отделения.

До меня донесся запах керосина, разлившегося из разбитого фонаря, потом раздался приглушенный гул — и вверх взметнулся столб огня. Я понял, какая судьба ждет теперь «Мэри-Джо». Суини закричал от бессильной злобы, но мой кулак заставил его замолчать. И мы вновь, наверное, в сотый раз, встретились лицом к лицу. Моя память навсегда сохранила сжатые кулаки Суини и узкую полоску его побелевших от ненависти губ. Он вырос передо мной весь в крови, в отсветах багрового зарева пожара, зловещий и неумолимый... И тут раздался страшный треск. Гигантский сноп искр взметнулся в небо, и у моих ног разверзлась огнедышащая бездна... Я отшатнулся и побежал к леерам, прочь из этого пекла...

Голова прояснилась, дрожь унялась, и я вспомнил о надвигающемся шторме.

А потом услышал слабый на ветру крик:

— Грег! Грег! Прыгай!

Я оглянулся. На мгновение в языках бушующего пламени мне почудился желтый блеск золота. В лицо ударила горячая волна, я отпрянул и, развернувшись, бросился в темную пенящуюся воду.

— Быстрее, Грег, быстрее! — торопила Карен, протягивая мне руку. Я перебросил тело через борт «Озорницы».

— Ты ранен! В тебя стреляли! — закричала Карен.

Я неуклюже обнял ее плечи:

— Все в порядке, детка, не волнуйся. Все позади. Теперь все кончено.

Она испуганно отпрянула.

— Но что случилось? Я уж думала...

— Где Суини? — В отсветах пожара лицо доктора Инглби выглядело совершенно измученным.— Почему он не прыгает? Ведь «Мэри-Джо» горит! Он погибнет, если не прыгнет сейчас же!

— Суини не прыгнет ни сейчас, ни позже,— спокойно сказал я.— Он мертв.

— Мертв?

В двух словах я рассказал о том, что произошло на боте.

— Все пропало,— прошептала Карен, не отрывая глаз от объятого пламенем судна.— «Мэри-Джо» не спасти, золото тоже. Никому оно не достанется, никому...

В темноте я различил лежащих ничком Лукаса и Барри. Они все еще не приходили в сознание. Бен метался в полубреду.

— Опять рана кровоточит,— вздохнула Карен.— Ах, Грег, мне не нравится его рана. Бена надо к врачу — и как можно скорее.

— О, моя нога,— застонал Бен.

— Тихо, Бен, тихо... Лежи спокойно,— Карен нагнулась над ним.— Все будет хорошо, но ты должен лежать спокойно.— И она туже перетянула рану.

— Оставьте меня! — закричал Бен.— Не отрезайте ногу! Дайте умереть спокойно!

— Что ты несешь? — бешено заорал я.— С чего это ты помирать собрался, такой здоровяк? Отвезем тебя к врачу, он твою ногу так починит, будет как новенькая.

Но Бен не слышал меня. Как завороженный он смотрел туда, где горела «Мэри-Джо».

— «Гровенор»! — закричал он.— Это «Гровенор»! Узнаете его паруса! Он вернулся! Он вернулся за своим золотом! Глядите, глядите на него!

Все посмотрели в сторону обреченного судна. Я увидел, как к небу взметнулось огромное огненное облако. «Мэри-Джо» почти растворилась в нем, но мне на миг показалось, что она не исчезает в пламени, а наоборот, рождается из огня, горделиво выплывая из желто-оранжевых сполохов, и на мачтах поднимаются и начинают забирать ветер тугие паруса. Мираж дрожал и таял, вокруг бушевал шторм, а мы все смотрели на «Мэри-Джо» и не могли оторваться.

— Шторм или пожар? Как, по-твоему, что прикончит ее первым? — внезапно встрепенулась Карен.

— Не все ли равно, дорогая,— подал голос доктор Инглби.— Золото теперь все равно никому не найти. Оно исчезло, исчезло навсегда. Конец легенды...

— Как знать? — пожал я плечами.— С эхолотами, современным радарным оборудованием — может, кому и повезет. Золото ждет своего хозяина. Да я на последний доллар готов спорить — были бы сокровища, а уж охотники искать его найдутся.

— Но не мы,— Карен не сводила глаз с «Мэри-Джо».— Нет, только не мы.

Небо вдруг ярко осветилось: ввысь взметнулся каскад искр и медленно рассыпался фейерверком, словно раскрытый веер из драгоценных камней.

— Павлин! Павлин! — встрепенулся Бен.

— Лежи спокойно, Бен,— всхлипнула Карен.— Пожалуйста, лежи спокойно. Тебе нельзя двигаться.

Но Бен резко отстранил наклонившуюся над ним девушку:

— Павлин! Он у меня. Здесь... где-то в кармане. Чуть не забыл... Он мне прямо в руки вкатился, когда Лукас выстрелил в меня... Грег швырнул павлина... Здесь... смотрите, вот он! Берите... это — вам!

Он что-то сунул в руку Карен, потом, тяжело дыша, привалился к борту.

— Тебе — глаз павлина,— попытался улыбнуться он Карен, но, видимо, переоценил свои силы и снова закрыл глаза.

— Бен! — мой хриплый крик перекрыл шум волн.

— Не буди его,— мягко сказала Карен.— Он спит. Пусть отдохнет...

Перевели с английского
Георгий и Чандрика ТОЛСТЯКОВЫ

ГРЭМ ГРИН,
английский писатель

Третий

Повесть

I

Никогда не знаешь, какую пилюлю готовит тебе судьба. После первой встречи с Ролло Мартинсом я сделал о нем такую заметку для своей полицейской картотеки: «В обычной обстановке — беззаботный шалопай. Пьет, не зная меры, и способен причинять легкие неприятности. Пялится на всех проходящих женщин и дает им оценку, но, похоже, побаивается их. По-настоящему взрослым так и не стал, видимо, этим и объясняется его преклонение перед Лаймом». Я отметил в «обычной обстановке», потому что впервые увидел Мартинса на похоронах Гарри Лайма. Стоял февраль, земля промерзла, и могильщикам на Центральном кладбище Вены пришлось пустить в ход электробуры. Даже земля, казалось, никак не хотела принимать Лайма, но в конце концов его опустили в могилу и закопали. Над ним вырос холмик, и Ролло Мартинс быстро пошел прочь; казалось, он вот-вот пустится бегом на своих длинных, неуклюжих ногах; по его лицу тридцатипятилетнего мужчины текли детские слезы. Мартинс верил в дружбу, и потому дальнейшее потрясло его сильнее, чем могло бы потрясти меня или вас (вы сочли бы это галлюцинацией, а мне сразу бы пришло на

Graham Greene. The Third man. New York. Bantam Books. 1950.
© Перевод с английского «Вокруг света», 1989 г.

В АНТИБЕ, У ГРИНА

Бывают странные сближения, как отметил А. С. Пушкин.

Звонок из редакции «Вокруг света» с предложением написать несколько вступительных слов к переводу «Третьего» раздался как раз накануне того дня, когда я улетал во Францию на встречу с Грэмом Грином.

Вот уже двадцать три года прославленный английский писатель живет на Лазурном берегу, в Антибе. Приятно было вновь очутиться в его скромной двухкомнатной квартире, основную обстановку которой составляют стеллажи с книгами (среди них — сочинения Чехова, Толстого, Тургенева, Гоголя, Герцена). Из окна кабинета открывается вид, достойный этого неутомимого путешественника: слева — старинный форт, прямо — слегка колышущийся лес яхтенных мачт в гавани и море, сливающееся вдали с небом.

Пользуясь случаем, я сообщил автору о намерении журнала познакомить советских читателей еще с одним произведением Грэма Грина и попросил рассказать об истории его создания. Писатель подошел к полке и снял с нее две книжки: одна из них — «пингвиновское» издание «Третьего», а другая — опубликованный сценарий фильма, поставленного по этой повести.

— Собственно говоря,— вспоминает Грин,— «Третий» был изначально предназначен для зрителей, а не для читателей. Но даже работая специально для кино, я всегда делаю сначала набросок в прозе, а уж потом переделываю его в сценарий. Это помогает мне глубже разработать характеры, полнее обрисовать атмосферу, в которой развертывается действие.

Таким образом, жанр «Третьего» можно определить как киноповесть или, точнее, как повесть для кино. А история ее возникновения такова. Вскоре после окончания войны продюсер Александер Корда обратился к Грину с предложением написать для режиссера Кэрола Рида сценарий фильма о четырехзональной оккупации Вены (перед этим Рид снял картину по гриновскому «Падшему идолу», а впоследствии экранизировал «Нашего человека в Гаване»).

У писателя был в запасе росток идеи для сюжета. Но как пересадить этот росток на почву послевоенной ситуации в Вене? С таким вопросом Грэм Грин отправился в австрийскую столицу. Там ему довелось встретиться с офицером английской военной полиции, который послужил потом отчасти прототипом полковника Каллоуэя — неизменно спокойного, невозмутимого, но весьма решительного в нужную минуту профессионала, прошедшего школу Скотленд-Ярда. Этот офицер показал писателю разветвленную систему канализационных каналов, используя которые злоумышленники легко могли, минуя патрули, попадать в любую зону города. Он же рассказал о недавно раскрытой афере — широкомасштабной спекуляции разбавленным пенициллином. Эти конкретные детали и позволили окончательно выкристаллизоваться замыслу.

ум рациональное — пусть даже совершенно неверное — объяснение). Расскажи он мне все сразу, скольких осложнений можно было б избежать.

Если хотите разобраться в этой странной, довольно печальной истории, вам нужно представить себе место действия — разрушенную, сумрачную Вену, разделенную на оккупационные зоны четырьмя державами; границы советской, английской, американской и французской зон обозначены только щитами с надписями, а Иннерштадт, окруженный Рингом центр города с его массивными общественными зданиями и горделивыми статуями, находится под контролем всех четырех держав. В этом некогда очаровательном Старом городе каждая держава по очереди, как мы выражаемся, «председательствует» в течение месяца и отвечает за безопасность; тех, у кого хватало глупости допоздна тратить австрийские шиллинги в каком-то из ночных клубов, почти наверняка останавливал международный патруль — четыре человека, по одному от каждой державы, общавшихся друг с другом, если, конечно, они общались, на языке общего врага.

Я не бывал в Вене между войнами и слишком молод, чтобы описать старую Вену с музыкой Штрауса и деланно-непринужденным очарованием; для меня это просто город уродливых развалин, в прошлом феврале заснеженных и обледенелых. Дунай представлял собой серую мелкую грязную реку, протекал он по окраине города во второй, советской, зоне, Пратер [1] лежал разрушенным, пустынным, заросшим бурьяном, лишь «колесо обозрения» вращалось над напоминающими брошенные жернова фундаментами каруселей, ржавыми подбитыми танками, которые никто не убирал, и торчащей кое-где из-под неглубокого снега мерзлой травой. У меня не хватает воображения представить, каким этот парк был раньше, точно так же мне трудно вообразить отель Захера не транзитной гостиницей для английских офицеров или увидеть улицу фешенебельных магазинов в Кертнерштрассе, отстроенной лишь до вторых этажей. Промелькнет с винтовкой на ремне русский солдат в меховой шапке, да одетые в пальто люди потягивают за окнами «Старой Вены» суррогатный кофе. Такой в общих чертах была Вена, куда Ролло Мартинс приехал седьмого февраля прошлого года. Я как мог восстановил эту историю по своим досье и рассказам Мартинса. Насколько от меня зависело, в ней все соответствует истине — я не выдумал ни строчки диалога, однако за память Мартинса ручаться не могу; история неприятная, если исключить из нее женщину; жестокая, печальная и унылая, не будь нелепого эпизода с лектором Британского общества культурных связей.

[1] Остров и парк на нем. (Здесь и далее примеч. пер.)

2

Британский подданный может путешествовать где угодно — при условии, что возьмет с собой не больше пяти английских фунтов, тратить которые за границей запрещено,— но без приглашения Лайма Ролло не пустили бы в Австрию, которая все еще является оккупированной территорией. Лайм предложил Мартинсу «расписать» заботу о международных беженцах, и Мартинс согласился, хотя это было не по его части. Поездка давала возможность отдохнуть, а он остро нуждался в отдыхе после инцидентов в Дублине и Амстердаме: свои романы с женщинами Мартинс неизменно завершал как «инциденты» — случайности, произошедшие помимо его воли, именуемые у страховых агентов «стихийными бедствиями». По приезде в Вену у него был изможденный вид и привычка оглядываться, поначалу вызвавшая у меня подозрения; потом я понял, что его страшит, как бы внезапно не появился кто-то из, допустим, шести бывших любовниц. Мартинс уклончиво сказал мне, что осложнял себе жизнь, то есть выразил то же самое, только другими словами.

Что касается того, чем же занимался Ролло Мартинс, то по его части были вестерны, дешевые книжицы в бумажных обложках, издаваемые под псевдонимом «Бак *Декстер*». Читателей у него было много, а вот денег мало. Он не смог бы позволить себе путешествие в Вену, если бы Лайм не предложил ему возместить расходы из какого-то точно не названного фонда пропаганды. Кроме того, Лайм обещал снабжать его бонами — единственной валютой, имевшей хождение в английских отелях и клубах. Итак, ровно с пятью бесполезными фунтовыми банкнотами Мартинс прибыл в Вену.

Во Франкфурте, где самолет из Лондона совершил посадку на час, произошел странный случай. Мартинс ел булочку с котлетой в американской столовой (авиалиния снабдила пассажиров шестидесятипятицентовыми талонами на питание), когда человек, в котором он за двадцать футов распознал журналиста, подошел к его столику.

— Мистер Декстер?

— Да,— ответил застигнутый врасплох Мартинс.

Ролло Мартинс — сочинитель вестернов, никогда в жизни не видевший настоящего ковбоя и не питающий иллюзий относительно художественной ценности собственных книг. Свои «дешевые повестушки» он выпускает под псевдонимом Бак Декстер, что и становится причиной фарсовой ситуации, когда Мартинса принимают за его знаменитого «однофамильца» Бенджамина Декстера. Мартинс самонадеянно считает себя мастером интриги, но даже его тренированному воображению не снилась ситуация, подобная той, в какую он был ввергнут силою обстоятельств, прибыв в сумрачную Вену по зову своего приятеля по колледжу Гарри Лайма.

Своего главного героя Грин делает отнюдь не идеальным: в его натуре уживаются — и зачастую далеко не мирно — «положительный» Мартинс и бесшабашный Ролло. Вот почему подогретые парами виски «мысли его блуждали кругами — от сентиментальности к похоти, от веры к цинизму и обратно». В этом, как и в других произведениях, писателя привлекает «опасная грань вещей», ему особенно интересны для исследования противоречивые характеры, подвергающиеся серьезному испытанию. Как нередко у Грина, в «Третьем» использованы приемы детектива и мелодрамы (линия Мартинс — Анна Шмидт), и, как всегда у него, на первый план выступают обжигающие душу нравственные вопросы.

Это главное содержание было бережно сохранено в фильме, хотя на пути к экрану повесть претерпела существенные изменения. Начать с того, что имя Мартинсу дали другое — Холли. Кое-что в процессе работы с Ридом пришлось добавить, кое-что убрать. Так, из сценария был исключен эпизод с попыткой ареста Анны советскими властями по доносу. «Он грозил превратить фильм в пропагандистскую ленту,— поясняет Грин.— А у нас не было намерения будить в людях политические эмоции; мы хотели развлечь их, немного попугать и заставить посмеяться».

Все это создателям фильма блестяще удалось: на Каннском фестивале 1949 года «Третьему» был присужден главный приз, и до сих пор он считается одним из лучших достижений английского кинематографа. Успеху картины, помимо мастерства Грэма Грина и Кэрола Рида, немало способствовали приглашение замечательного актера Орсона Уэллса на роль Гарри Лайма и музыка композитора Антона Караса (которого Рид случайно встретил в Вене, когда тот зарабатывал себе на жизнь игрой на гитаре в дешевом кафе).

«Ничье досье не бывает полностью собрано, ни одно дело не является окончательно закрытым даже сто лет спустя, когда все его участники мертвы»,— рассуждает в повести многоопытный полковник Каллоуэй. Дело Гарри Лайма, как его представил один из лучших писателей современности, не утратило для нас своего интереса и сегодня, сорок лет спустя.

Святослав БЭЛЗА

— На фото вы кажетесь старше,— заметил журналист.— Как насчет того, чтобы сделать заявление? Я представляю местную военную газету. Нам хотелось бы знать ваше мнение о Франкфурте.

— Я приземлился всего десять минут назад.

— Да, верно,— сказал журналист.— Каковы ваши взгляды на американский роман?

— Американских романов не читаю,— ответил Мартинс.

— Знаменитый едкий юмор,— отметил журналист. Потом он указал на жующего хлеб маленького седого человека с двумя выпирающими зубами.— Вы случайно не знаете, это Кэри?

— Понятия не имею. Что за Кэри?

— Дж. Г. Кэри, разумеется.

— Никогда о таком не слышал.

— Вы, писатель, живете в каком-то другом мире. У меня задание встретиться с ним.

И Мартинс смотрел, как журналист идет к великому Кэри, а тот, отложив корку хлеба, приветствует его деланной улыбкой. Журналист получил задание встретиться не с Декстером, однако Мартинс невольно ощутил гордость — до сих пор никто не обращался к нему как к писателю: это чувство гордости и значительности заглушило досаду, что Лайм не встретил его в аэропорту. Нам никогда не свыкнуться с тем, что многие значат для нас больше, чем мы для них,— Мартинс чувствовал себя задетым, стоя у двери автобуса и глядя на снежинки, падающие так редко и мягко, что громадные сугробы среди разрушенных зданий, казалось, были не результатом этих скудных осадков, а вечно лежали под слоем вечного снега.

Лайм не встретил Мартинса и возле отеля «Астория», на конечной остановке автобуса, не было в отеле и никакой записки — кроме загадочной, адресованной мистеру Декстеру совершенно неизвестным человеком по фамилии Крэббин: «Мы ждали, что вы прилетите завтра. Пожалуйста, оставайтесь на месте. Я в аэропорт и обратно. Номер в отеле заказан». Но Мартинс был не из тех, кто остается на месте. В гостиной отеля рано или поздно произойдет инцидент, жизнь осложнится. Мне и сейчас слышатся его слова: «С инцидентами покончено. Хватит»,— сказанные перед тем, как с головой окунуться в самый серьезный из инцидентов. У Ролло Мартинса всегда был внутренний конфликт — между нелепым именем и доставшейся от прапрадеда голландской фамилией. Ролло пялился на всех проходящих женщин, а Мартинс открещивался от них. Трудно сказать, кто писал вестерны, Мартинс или Ролло.

Адрес Лайма у Мартинса имелся, а человек по фамилии Крэббин не вызвал у него ни малейшего любопытства; было ясно, что произошла ошибка, однако пока он не связывал ее с разговором во Франкфурте. Лайм писал Мартинсу, что разместит его у себя в большой реквизированной у нациста квартире на окраине Вены. Лайм мог бы расплатиться за такси, поэтому Мартинс поехал прямо к дому, расположенному в третьей (английской) зоне. Оставив водителя ждать, он пошел на четвертый этаж.

Как быстро человек обращает внимание на тишину даже в таком тихом городе, как Вена, с медленным снегопадом. Еще не дойдя до третьего этажа, Мартинс понял, что Лайма здесь не найдет, но тишина была настолько глубокой, что говорила не просто об отлучке — он стал догадываться, что Лайма не найти во всей Вене, а когда поднялся на четвертый этаж и увидел на ручке двери большой черный бант,— то и во всем мире. Конечно, бант мог означать, что умерла кухарка, экономка, кто угодно, помимо Гарри Лайма, но Мартинс понял — он догадывался об этом еще двадцатью ступенями ниже,— что Лайм, тот самый Лайм, который вот уже двадцать лет, с первой встречи в тусклом коридоре колледжа, когда надтреснутый колокол звонил к молитве, был его обожаемым кумиром, скончался. Мартинс не ошибся или ошибся не совсем. После того, как он позвонил в квартиру полдюжины раз, из соседней двери выглянул низенький угрюмый человек и раздраженно сказал:

— Перестаньте звонить. Там никого нет. Он погиб.

— Герр Лайм?

— Конечно, герр Лайм.

Позднее Мартинс рассказывал: «До меня не сразу дошло. Это было просто сообщение, как строки в «Таймс», именуемые «Новости вкратце».

Он спросил:

— Когда? Как?

— Попал под машину,— ответил тот человек.— В прошлый четверг.— И безучастно добавил, словно его это нисколько не трогало: — Погребение сегодня. Вы едва разминулись с ними.

— С ними?

— Покойного провожают несколько друзей.

— Он был в больнице?

— Везти его туда не имело смысла. Он был убит на месте, у крыльца — мгновенно. Его ударило правым крылом, и он растянулся, как заяц.

«Когда тот человек сказал «заяц»,— продолжил Мартинс,— Гарри Лайм ожил, превратился в мальчишку, принесшего «одолженное» ружье; мальчишка вскочил среди длинных песчаных холмов бриквортской пустоши со словами: «Стреляй, болван, стреляй! Вон он!» — И заяц, раненный выстрелом Мартинса, побежал прятаться».

— Где его хоронят? — спросил Мартинс незнакомца.

— На Центральном кладбище. Нелегко будет рыть могилу в такой мороз.

Мартинс не представлял, как расплатится за такси и где в Вене удастся найти жилье и жить на пять английских фунтов, но эту проблему приходилось отложить до тех пор, пока он не увидит покойного Гарри Лайма. Он поехал прямо в пригород английской зоны, где находится Центральное кладбище. Туда пришлось ехать через советскую зону и немного спрямить путь по американской, которую безошибочно можно было узнать по кафе-мороженым на каждой улице. Вдоль высокой стены Центрального кладбища ходили трамваи, по другую сторону рельсов чуть ли не на милю растянулись резчики по камню и цветочницы со своим товаром — бесконечная цепь надгробий, ждущих покойников, и венков, ждущих плакальщиков.

Мартинс не предполагал, что этот заснеженный парк, куда он явился на последнее свидание с Лаймом, так громаден. И являться на это свидание без точно обозначенного места встречи было равносильно тому, как если бы Гарри оставил записку: «Встретимся в Гайд-парке»,— не указав определенного места между статуей Ахиллеса и Ланкастерскими воротами: длинные, обозначенные буквами и цифрами ряды могил расходились в стороны, будто спицы огромного колеса; они с таксистом ехали с полмили на запад, потом полмили к северу, потом свернули к югу.

...Снег придавал громадным, помпезным фамильным памятникам комичный вид: снежный парик косо сползал на лицо ангела, у святого росли густые белые усы, а на голове у бюста высокопоставленного гражданского служащего Вольфганга Готтмана был пьяно заломлен снеговой кивер. Даже это кладбище было разделено на зоны между державами: советская зона была отмечена громадными статуями вооруженных людей, французская — рядами безымянных деревянных крестов и старыми обвисшими трехцветными флагами. Потом Мартинс вспомнил, что Лайм был католиком, и вряд ли его станут хоронить в английской зоне, которую они сейчас тщательно прочесывали. Поэтому они поехали назад через центр леса, где могилы залегли под деревьями, словно волки, сомкнувшие заиндевелые ресницы в тени елей и сосен. Вдруг из-за стволов появились с тележкой трое в странной, черной с серебром, униформе восемнадцатого века и треугольных шляпах, перебрались через один из могильных холмиков и скрылись снова.

Это чистая случайность, что они вовремя отыскали место захоронения — единственный клочок земли в огромном парке, где снег оттребли в сторону и где стояла небольшая группа людей, занятых, по всей видимости, очень частным делом. Священник, слова которого невнятно доносились сквозь редкую пелену снега, умолк, и гроб уже вот-вот должны были опустить в землю. У могилы стояли двое мужчин в траурных одеяниях; один держал венок, который, видимо, забыл положить на гроб, потому что сосед толкнул его под локоть, и тот вздрог-

нул, спохватился и положил цветы. Чуть поодаль стояла молодая женщина, закрывая лицо руками, а я держался ярдах в двадцати, у другой могилы, с облегчением взирая на похороны Лайма и старательно разглядывая присутствующих. Для Мартинса я был просто неизвестным человеком в макинтоше. Он подошел ко мне и спросил:

— Не скажете ли, кого хоронят?

— Человека по фамилии Лайм,— ответил я и с изумлением увидел, что на глаза незнакомца навернулись слезы; он не походил на плаксу, а у Лайма, на мой взгляд, не могло быть плакальщиков — искренних плакальщиков с искренними слезами. Правда, там была молодая женщина, но при подобных умозаключениях женщины в расчет не берутся.

Мартинс до конца простоял так, неподалеку от меня. И впоследствии сказал мне, что, как старый друг, не хотел навязываться новым — смерть Гарри выпала на их долю, пусть они его и погребают. Он тешил себя сентиментальной иллюзией, что жизнь Лайма — по крайней мере, двадцать лет из нее — принадлежала ему. Едва могилу засыпали — я не религиозен и всегда с легким нетерпением жду конца суеты, окружающей смерть,— Мартинс зашагал к своему такси, его длинные ноги, казалось, вот-вот запутаются; он не сделал попытки заговорить ни с кем, и слезы, по крайней мере несколько скудных капель, которые в нашем возрасте способен выжать из себя каждый, уже катились по его щекам.

Ничье досье не бывает собрано полностью, ни одно дело не является окончательно закрытым даже сто лет спустя, когда все его участники мертвы. Поэтому я последовал за Мартинсом: те трое были мне известны, меня интересовал этот незнакомец. Догнав его у такси, я попросил:

— У меня нет машины. Может, подвезете в город?

— Ну, конечно,— ответил он. Я знал, что шофер моего «джипа» незаметно последует за нами. Когда мы отъезжали, я отметил, что Мартинс ни разу не оглянулся — те, что бросают последний взгляд, машут рукой на перроне вместо того, чтобы сразу уйти, не оглядываясь, почти всегда лицемерные плакальщики и любовники. Неужели они до того тщеславны, что им нужно рисоваться перед всеми, даже перед мертвыми?

— Моя фамилия Каллоуэй,— представился я.

— Мартинс,— ответил он.

— Вы были другом Лайма?

— Да.

На прошлой неделе большинство людей заколебалось бы, прежде чем признаться в этом.

— Давно здесь?

— Только сегодня из Англии. Гарри пригласил меня в гости. Я и представить не мог...

— Очень расстроены?

— Послушайте,— сказал он,— мне просто необходимо выпить, но денег у меня нет — только пять фунтов стерлингов. Буду очень признателен, если угостите.

Настал мой черед сказать: «Ну, конечно». Чуть поразмыслив, я назвал таксисту небольшой бар на Кертнерштрассе. Мне казалось, Мартинсу лучше пока не появляться в шумных английских барах, где толкутся проезжие офицеры с женами. А в этом баре — видимо, из-за непомерных цен — редко кто бывал, кроме какой-нибудь поглощенной друг другом парочки. Правда, там подавали только приторный шоколадный ликер, за который официант драл как за коньяк, но Мартинсу, видимо, было все равно, что пить, лишь бы отвлечься от настоящего и прошлого. На двери висело объявление, что бар открыт с шести до десяти, но мне нужно было лишь толкнуть дверь и пройти через переднюю комнату. Маленькая комнатушка досталась нам на двоих, единственная парочка находилась в соседней, официант, знавший меня, удалился, чтобы принести бутерброды с икрой. Мы оба хорошо знали, что у меня есть счет на служебные расходы.

Торопливо выпив две рюмки, Мартинс сказал:

— Прошу прощенья, но лучшего друга у меня не бывало.

В сущности, я ничего не знал о Мартинсе и, решив вывести его из себя — таким образом можно выведать многое,— отпустил реплику:

— Фраза прямо-таки из дешевой повестушки.

— А я и пишу дешевые повестушки,— незамедлительно ответил он.

Все-таки кое-что я узнал. Пока Мартинс не выпил третью рюмку, казалось, из него слова не вытянешь, но я был уверен, что он из тех людей, которые после четвертой становятся несносными.

— Расскажите о себе — и о Лайме,— попросил я.

— Послушайте,— сказал он,— мне позарез нужно выпить еще, но нельзя же все время вводить в расход постороннего человека. Не могли бы вы разменять один-два фунта на австрийские деньги?

— Пусть вас это не беспокоит,— ответил я и позвал официанта.— Угостите меня, когда возьму отпуск и приеду в Лондон. Вы хотели рассказать, как познакомились с Лаймом.

Мартинс вертел рюмку шоколадного ликера, не сводя с него глаз, словно с магического кристалла.

— Это было давно,— сказал он.— Вряд ли кто знает Гарри так, как я.

Тут мне вспомнилась хранящаяся в моем кабинете толстая папка с докладами сотрудников, все они утверждали одно и то же. Сотрудникам своим я верю: подбирал их я очень тщательно.

— Как давно?

— Двадцать лет назад — даже немного побольше. Познакомился я с ним в колледже, на первом курсе. Мне и сейчас видится этот колледж. Видится доска объявлений. И слышится звон колокола. Гарри был курсом старше меня и знал все ходы и выходы. Я многое у него перенял.

Торопливо отпив из рюмки, Мартинс снова завертел свой магический кристалл, словно хотел отчетливее разглядеть то, что там виднелось.

— Даже странно. Так ясно не помню знакомства ни с одной из женщин.

— Добивался он в колледже успехов?

— Не тех, что от него ждали. И каких только ухищрений не придумывал. Он прекрасно умел все распланировать. По истории, по английскому я успевал гораздо лучше, чем Гарри, но оказывался полным балбесом, когда доходило до выполнения его замыслов.— Мартинс рассмеялся: под влиянием выпивки и разговора у него начинало проходить потрясение.— Попадался всегда я.

— И Лайма это вполне устраивало.

— Что вы имеете в виду, черт возьми? — вскипел он. Начиналась хмельная раздражительность.

— А разве не так?

— То была моя вина, а не его. При желании Гарри мог бы подыскать кого-то и поумнее, но я ему нравился. Он упорно нянчился со мной.

— Когда вы виделись с ним в последний раз?

— Полгода назад. Гарри приезжал в Лондон на конгресс медиков. Он ведь по образованию врач, хотя никогда не практиковал. Это в его духе. Убедиться, что способен достичь цели, а потом потерять к ней интерес. Но он говорил, что профессия врача часто оказывалась ему на руку.

И это тоже было правдой. Странно, как Лайм, которого знал он, походил на того, что знал я: только он видел Лайма под другим углом или в ином свете.

— Одним из качеств, которые мне нравились в Гарри,— сказал Мартинс,— был юмор.— И улыбнулся так, что показался лет на пять моложе.— Я фигляр. Люблю валять дурака. Но Гарри был по-настоящему остроумен. Знаете, он мог бы писать прекрасную легкую музыку, если бы как следует брался за дело.

Мартинс просвистал мелодию — мне она показалась смутно знакомой.

— Гарри написал эту вещицу при мне. Минуты за две, на обложке тетради. И всегда потом насвистывал, что-то обдумывая. Она была его позывным.— Мартинс засвистал ее снова, и я вспомнил, кто автор — разумеется, не Гарри. Мне хотелось сказать об этом, но к чему? Досвистав, Мартинс глянул в свою рюмку, допил, что там оставалось, и сказал:

— Очень жаль, что он погиб таким образом.

— Ему посчастливилось как никогда,— сказал я.

До Мартинса не сразу дошло: он слегка опьянел.

— Посчастливилось?

— Вот именно.

— Потому, что не ощущал боли?

— Тут ему тоже повезло.

Тон мой задел Мартинса больше, чем слова. Он негромко спросил с угрозой — я видел, как его правая рука сжалась в кулак:

— К чему вы клоните?

Нет ни малейшего смысла выказывать физическую храбрость во всех ситуациях. Я отодвинулся со стулом назад, подальше от его кулака.

— Клоню к тому, что у меня в полицейском управлении его дело закончено. Не попади Лайм под машину, он получил бы срок — и очень большой.

— За что?

— Он был один из гнуснейших мошенников в этом городе.

Мой собеседник прикинул расстояние между нами и понял, что меня не достать. Ролло хотелось пустить в ход кулаки, но Мартинс был сдержанным, осторожным. Я стал понимать, что Мартинс опасен. И усомнился в своей первоначальной оценке: Мартинс не казался таким простофилей, какого представлял собой Ролло.

— Вы служите в полиции? — спросил он.

— Да.

— Терпеть не могу полицейских. Все они либо продажные, либо тупые.

— Об этом и пишете в своих книгах?

Мартинс постепенно передвигался вместе со стулом вокруг столика, чтобы загородить мне выход. Я переглянулся с официантом, и тот понял меня без слов. Есть смысл проводить беседы всегда в одном и том же баре.

Притворно улыбаясь, Мартинс ехидно сказал:

— В книгах мне приходится называть их шерифами.

— Бывали в Америке? — разговор становился пустым.

— Нет. Это допрос?

— Просто любопытство.

— Дело в том, что если Гарри был мошенником, значит, преступник и я. Мы всегда орудовали вместе.

— Мне кажется, Лайм собирался втянуть вас в свою организацию. И не удивлюсь, если вам была уготована роль козла отпущения. Таким был его метод в колледже — судя по вашим словам. Ведь директору кое-что становилось известно.

— Для вас главное закрыть дело, не так ли? Очевидно, велась мелкая торговля бензином, пришить обвинение было некому, и вы свалили все на покойного. Вполне в полицейском духе. Вы, я полагаю, настоящий полицейский?

— Да, из Скотленд-Ярда, однако в армии мне присвоили звание полковника.

Мартинс уже находился между мной и дверью, я не мог выйти из-за стола, не приблизившись к нему, потасовок я не люблю, и, кроме того, он выше меня на шесть дюймов.

— Торговля велась не бензином,— сказал я.

— Автопокрышками, сигаретами... Почему бы вам не схватить для разнообразия несколько убийц?

— Можно сказать, что Лайм не чурался и убийств.

Мартинс одной рукой опрокинул столик, а другой попытался ударить меня, но спьяну промахнулся. Второй попытки он сделать не успел — мой шофер обхватил его сзади. Я сказал:

— Полегче с ним. Это всего-навсего перепивший писатель.

— Прошу вас, успокойтесь, сэр.— У моего шофера было преувеличенное чувство почтения к представителям того класса, из которого выходят офицеры. Возможно, он назвал бы «сэром» и Лайма.

— Послушайте, черт возьми, Каллаган, или как вас там...

— Каллоуэй. Я англичанин, а не ирландец.

— Я выставлю вас самым большим ослом в Вене. На этого покойника вам не удастся свалить нераскрытые дела.

— Понятно. Хотите найти настоящего преступника? Такое бывает только в ваших книжках.

— Пусть он отпустит меня, Каллаган. Обещаю выставить вас ослом. Получив синяк, вы несколько дней отлежитесь в постели, и все. Когда же я разделаюсь с вами, вам придется удирать из Вены.

Я достал фунта на два бонов и сунул ему в нагрудный карман.

— На сегодняшний вечер этого будет достаточно. Непременно закажите себе билет на завтрашний самолет в Лондон.

— Вы не имеете права выдворять меня.

— Да, но в этом городе, как и в других, нужны деньги. Если обменяете фунты на черном рынке, я в течение суток арестую вас. Пусти его.

Ролло Мартинс отряхнулся:

— Спасибо за угощение.

— Не стоит благодарности.

— Рад, что не стоит. Видимо, оно идет по графе служебных расходов?

— Да.

— Встретимся через недельку-другую, когда я соберу сведения.

Было видно, что Мартинс не в себе, и поэтому я не принял его всерьез.

— Могу приехать завтра в аэропорт, проводить вас.

— Не тратьте попусту времени. Меня там не будет.

— Пейн проводит вас в отель Захера.

Мартинс шагнул в сторону, словно уступая дорогу официанту, и бросился на меня, но я успел отскочить, хотя и споткнулся о поваленный столик. Чтобы не дать ему броситься снова, Пейн ударил его в подбородок. Мартинс грохнулся в проход между столиками.

— Вы, кажется, обещали не драться,— заметил я.

Он отер рукавом кровь с губы и сказал:

— О нет, я обещал выставить вас ослом, но не говорил, что заодно не поставлю вам фонаря.

У меня был тяжелый день, и я устал от Ролло Мартинса. Сказав Пейну: «Доведи его до отеля, чтобы с ним ничего не случилось. Если будет вести себя тихо, больше не бей»,— я отвернулся от обоих и направился к внутреннему бару (потому что заслуживал еще рюмки). Пейн почтительно сказал человеку, которого только что сбил с ног.

— Пойдемте, сэр. Это здесь, за углом.

3

О дальнейших событиях я узнал не от Пейна, а от Мартинса, долгое время спустя, восстанавливая цепь событий, которые действительно — хотя и не в том смысле, как рассчитывал он,— подтвердили, что я дурак. Пейн лишь подвел его к столу портье и объяснил: «Этот джентльмен прилетел из Лондона. Полковник Каллоуэй говорит, что он должен получить комнату». После этого сказал Мартинсу: «Всего доброго, сэр», и ушел. Видимо, его смущала разбитая губа Мартинса.

— Вам забронирован номер, сэр? — спросил портье.

— Нет. Не думаю,— приглушенно ответил Мартинс, прижимая к губе платок.

— Я подумал, что, возможно, вы мистер Декстер. У нас на неделю заказан номер для мистера Декстера.

Мартинс сказал: «Да, это я». Как он рассказывал потом, ему пришло на ум, что Лайм сделал заказ на эту фамилию, потому что для пропагандистских целей был нужен Бак Декстер, а не Ролло Мартинс. Рядом кто-то произнес: «Простите, пожалуйста, мистер Декстер, что вас не встретили у самолета. Моя фамилия Крэббин».

Мистер Крэббин оказался моложавым человеком средних лет с лысиной на макушке и в массивных роговых очках. Извиняющимся тоном он продолжал:

— Один из наших звонил во Франкфурт и узнал, что вы летите сюда. В штабе, как всегда, напутали и телеграфировали, что вы не прибудете. Там что-то говорилось насчет Швеции, но телеграмма была сильно искажена. Получив известие из Франкфурта, я поехал в аэропорт, но разминулся с вами. Вы получили мою записку?

Прижимая платок к губе, Мартинс промямлил:

— Да. Что дальше?

— Можно сразу сказать, мистер Декстер, что я очень рад познакомиться с вами.

— Приятно слышать.

— Я с детства считаю вас величайшим романистом нашего века.

Рисунки П. БУНИНА

Мартинс скривился. Боль помешала ему открыть рот и возразить. Он сердито взглянул на Крэббина, однако этот моложавый человек и не собирался его разыгрывать.

— Ваши книги, мистер Декстер, очень популярны у австрийцев, как в переводе, так и в оригинале. Особенно роман «Выгнутый челн». Это и моя любимая книга.

Мартинс напряженно соображал.

— Вы сказали — на неделю?

— Да.

— Очень любезно с вашей стороны.

— Мистер Шмидт, администратор, будет ежедневно снабжать вас талонами на питание. Но я думаю, вам потребуется и немного наличных денег. Мы это устроим. Завтра, видимо, вы захотите отдохнуть, оглядеться.

— Да.

— Если нужен гид, то любой из нас, конечно же, будет к вашим услугам. А послезавтра вечером в институте состоится небольшая дискуссия о современном романе. Мы надеемся, что вы откроете ее, произнесете несколько слов и в конце ответите на вопросы.

Мартинс был готов согласиться на что угодно, лишь бы отделаться от Крэббина да к тому же обеспечить себе на неделю бесплатный стол и жилье, а Ролло, как мне предстояло узнать, всегда принимал любое предложение — выпить, пойти к женщинам, пошутить, найти новое развлечение.

— Конечно, конечно,— пробормотал он в платок.

— Простите, мистер Декстер, у вас болит зуб? Я знаю очень хорошего дантиста.

— Нет. Получил по зубам, вот и все.

— Господи! Кто же это вас, грабители?

— Солдат. Я хотел поставить фонарь под глаз его полковнику.

Убрав платок, Мартинс показал рассеченную губу. По его словам, Крэббин лишился дара речи. Мартинс не мог понять почему, так как даже не слышал о своем знаменитом современнике Бенджамине Декстере. Мне лично Декстер очень нравится, и понять ошеломление Крэббина я могу. Как стилиста Декстера сравнивают с Генри Джеймсом, однако мелочам жизни героинь он уделяет больше внимания, чем его учитель,— враги иногда называют его изысканный, сложный, неровный стиль стародевичьим. У человека, не достигшего пятидесяти, пристрастие к описанию вышивок и манера успокаивать не особенно взволнованную душу плетением кружев — прием, обожаемый его последователями,— естественно, кажутся кое-кому несколько вычурными.

— Читали вы книгу «Одинокий всадник из Санта-Фе»?

— Нет, не припомню.

— Лучший друг этого одинокого всадника,— сказал Мартинс,— был застрелен шерифом в городке Лост Клейм Галч. В книге повествуется о том, как всадник преследовал шерифа, делая все в рамках закона, и в конце концов отомстил ему сполна.

— Вот уж не думал, мистер Декстер, что вы читаете вестерны,— удивился Крэббин, и потребовалась вся решительность Мартинса, чтобы удержать Ролло от слов: «Я ведь их пишу».

— Точно так же я преследую полковника Каллагана.

— Никогда о таком не слышал.

— А о Гарри Лайме слышали?

— Да,— сдержанно ответил Крэббин,— но близко его не знал.

— Это был мой лучший друг.

— Мне кажется, он... не особенно интересовался литературой.

— Как и все мои друзья.

Крэббин нервно захлопал глазами и сказал утешающе:

— Зато интересовался театром. Одна его приятельница — актриса — изучает в институте английский. Он несколько раз заезжал за ней.

— Молодая? Старая?

— Молодая, очень молодая. Хотя актриса, на мой взгляд, неважная.

Мартинс вспомнил, что на похоронах была молодая женщина, закрывавшая лицо руками.

— Мне хотелось бы познакомиться с любым другом Гарри,— сказал он.

— Возможно, она придет на вашу лекцию.

— Австрийка?

— Называет себя австрийкой, но, подозреваю, она венгерка. Работает в театре «Йозефштадт». Не удивлюсь, если Лайм помог ей выправить документы. Фамилию она носит Шмидт, Анна Шмидт. Трудно представить себе молодую английскую актрису, называющую себя Смит, не так ли? И к тому же хорошенькую. Фамилия у нее, мне кажется, ненастоящая.

Мартинс понял, что ничего больше от Крэббина не добьется, поэтому сослался на утомительный день, на усталость, пообещал позвонить утром, принял десять фунтов в бонах на неотложные нужды и отправился к себе в номер. Ему показалось, что деньги он зарабатывает быстро — двенадцать фунтов менее чем за час.

Мартинс устал: он понял это, едва прилег на кровать прямо в башмаках. Через минуту Вена осталась далеко позади, он шел густым лесом, проваливаясь в снег по щиколотку. Заухал филин, и внезапно ему стало одиноко и страшно. У него была назначена встреча с Гарри под определенным деревом, но как в таком густом лесу найти то, которое нужно? Потом он увидел какого-то человека и побежал к нему: тот насвистывал знакомую мелодию, и на душе у Мартинса полегчало от радости и сознания, что наконец он не один. Потом человек повернулся, и оказалось, что это вовсе не Гарри — в небольшом кругу талого снега стоял и усмехался какой-то незнакомец, а филин все продолжал ухать. Внезапно Мартинс проснулся — у кровати звонил телефон.

Голос с легким — очень легким — иностранным акцентом спросил:

— Мистер Ролло Мартинс?

— Да.— Приятно было снова стать собой, а не Декстером.

— Вы меня не знаете,— без особой надобности сообщил обладатель голоса,— но я был другом Гарри Лайма.

Услышать, что кто-то называет себя другом Гарри, тоже было приятно. Мартинс ощутил симпатию к незнакомцу.

— Буду рад познакомиться с вами,— ответил он.

— Я нахожусь за углом, в «Старой Вене».

— Может, встретимся завтра? У меня был очень напряженный день.

— Гарри просил позаботиться о вас. Когда он умирал, я был рядом с ним.

— Я думал...— начал Мартинс и осекся. Ему хотелось сказать: «Думал, он умер мгновенно», но что-то его удержало. Вместо этого он продолжил:

— Вы не назвали своей фамилии.

— Курц,— произнес голос.— Я бы заглянул к вам, но австрийцев не пускают в отель Захера.

— Могли бы мы встретиться утром в «Старой Вене»?

— Конечно,— ответил голос,— если вы *совершенно* уверены, что дотянете до утра.

— Как это понять?

— Гарри беспокоился, что у вас не будет ни гроша.

Ролло Мартинс, не выпуская трубки, снова лег в кровать и подумал: «Приезжайте в Вену делать деньги». Вот уже третий человек менее чем за пять часов предлагал финансировать его. И сдержанно ответил: «О, до встречи с вами я продержусь». Не имело смысла отвергать предложение, не зная, что за ним кроется.

— Тогда, может, в одиннадцать в «Старой Вене» на Кертнерштрассе? Я буду в коричневом костюме, с одной из ваших книг.

— Отлично. Как попала к вам моя книга?

— Дал Гарри.

Голос был доброжелательным и внушающим доверие, но, пожелав доброй ночи и повесив трубку, Мартинс невольно подумал, что если перед смертью Гарри был в полном сознании, то почему не попросил предупредить телеграммой его приезд? А ведь Каллаган говорил, что Гарри умер мгновенно — или, как он выразился, «безболезненно». Или он сам вложил в уста Каллагану эти слова? И тут у Мартинса возникло твердое убеждение, что со смертью Лайма что-то неясно, что полиция по тупости не смогла чего-то раскрыть. Он попытался сделать это сам, выкурил в раздумье две сигареты, но в конце концов заснул, не поужинав и не раскрыв тайны.

«Что мне сразу не понравилось в Курце,— рассказывал Мартинс,— так это его парик. Он просто бросался в глаза — прилизанный, желтый, великоватый, волосы сзади подрезаны как по линейке. Если человек прячет лысину, в нем непременно есть что-то фальшивое. Кроме того, морщинки, складки в уголках глаз, придающие лицу обаяние и причудливость, казалось, были наведены гримировочным карандашом, чтобы производить впечатление на романтичных школьниц».

Этот разговор состоялся несколько дней спустя — Мартинс рассказывал мне обо всем, когда это уже почти не представляло интереса. После упоминания о романтичных школьницах я заметил, что его рассеянный взгляд внезапно на чем-то сосредоточился. То была молодая женщина — ничем не примечательная, отметил я,— торопливо идущая под хлопьями снега мимо окон моего кабинета.

— Хорошенькая? — спросил я.

Мартинс отвернулся от окна и ответил:

— С этим навсегда покончено. Знаете, Каллоуэй, в жизни человека наступает время, когда он бросает...

— Понятно. Просто мне показалось, вы смотрели на женщину.

— Смотрел. Но только потому, что на миг она мне напомнила Анну — Анну Шмидт.

— А что, Анна разве не женщина?

— В некотором смысле.

— Как это понять?

— Она была подружкой Гарри.

— А теперь досталась вам?

— Анна не такая, Каллоуэй. Разве вы не видели ее на похоронах? Я больше не хочу осложнений. Их мне хватит до конца жизни.

— Вы рассказывали про Курца,— напомнил я.

...Курц старательно делал вид, будто поглощен «Одиноким всадником из Санта-Фе». И когда Мартинс подсел к нему, сказал с плохо наигранным восторгом:

— Вам замечательно удается создавать напряжение.

— Напряжение?

— Подозрение. На это вы мастер. В конце каждой главы кажется...

— Итак, вы были другом Гарри,— перебил Мартинс.

— Полагаю — ближайшим.— Спохватившись, Курц добавил: — Если не считать вас.

— Расскажите, как он погиб.

— Это случилось у меня на глазах. Мы вместе вышли из дома, в котором он жил, и Гарри увидел на другой стороне улицы знакомого — американца по фамилии Кулер. Он помахал Кулеру рукой и направился к нему, но тут из-за угла вылетел «джип» и сбил его. По правде говоря, виноват был Гарри, а не водитель.

— Один человек сказал мне, что он умер мгновенно.

— К сожалению, нет. Однако смерть наступила до приезда «скорой помощи».

— Гарри был способен говорить?

— Да. Несмотря на мучительную боль, он беспокоился о вас.

— Что он говорил?

— Точных слов я не помню, Ролло,— мне можно называть вас по имени, правда? Гарри в разговорах с нами называл вас только так. Просил, чтобы я позаботился о вас, когда вы приедете, не оставил без присмотра. И приобрел обратный билет.

Сказав об этом, Мартинс заметил: «Видите, все предлагали мне обратный билет и деньги».

— Почему ж не известили меня телеграммой?

— Видимо, вы не успели ее получить. Цензура, зоны... Телеграмма может идти целых пять дней.

— Дознание проводилось?

— Конечно.

— Вы знали, что у полиции есть смехотворное убеждение, будто Гарри замешан в какой-то махинации?

— Нет. Но в Вене все чем-то промышляют. Все мы продаем сигареты,выменяваем шиллинги на боны и все такое прочее.

— Полиция имеет в виду нечто более серьезное.

— У полицейских иногда бывают нелепые заблуждения,— сдержанно ответил человек в парике.

— Я пробуду здесь, пока не докажу, что они неправы.

Курц резко повернул голову, и парик едва не съехал на сторону.

— Какой в этом смысл? — спросил он.— Ничто уже не вернет Гарри.

— Я заставлю этого полицейского удрать из Вены.

— Не представляю, как вам это удастся.

— Восстановлю последовательность событий, начиная со смерти Гарри. Там, на месте гибели Гарри, были вы, этот самый Кулер и водитель. Вы можете дать их адреса?

— Адреса водителя у меня нет.

— Узнаю из протокола коронера [1]. А потом еще подружка Гарри...

— Для нее это будет мучительно.

— Меня заботит не она, а мой друг.

— Известно вам, в чем его подозревала полиция?

— Нет. Я слишком быстро вспылил тогда.

— А вас не пугает,— вкрадчиво спросил Курц,— что, возможно, вы обнаружите что-то... ну, порочащее Гарри?

— Пойду и на такой риск.

— Для этого требуются время и — деньги.

— Время у меня есть, а денег вы собирались мне одолжить, не так ли?

— Я не богач,— заметил Курц.— Гарри я обещал позаботиться, чтобы вы ни в чем не терпели нужды и заказать вам билет обратно...

— Не беспокойтесь ни о деньгах, ни о билете,— успокоил Мартинс.— Но я заключу с вами пари в фунтах стерлингов — пять фунтов против двухсот шиллингов, что в гибели Гарри есть что-то подозрительное.

Это был выстрел наугад, но у Мартинса уже появилось твердое интуитивное убеждение, что со смертью Лайма не все ясно, хотя к интуиции он еще не приложил слово «убийство». Курц в это время подносил ко рту чашку кофе, и Мартинс наблюдал за ним. Выстрел, очевидно, не попал в цель: Курц твердой рукой держал чашку у рта и, прихлебывая, пил большими глотками. Потом поставил чашку на стол и сказал:

— Подозрительное? Что вы имеете в виду?

— Полиции было выгодно иметь труп, но ведь это могло быть выгодно также и настоящим преступникам?

Окончив фразу, Мартинс понял, что его необдуманное заявление оставило Курца равнодушным. Не маскировался ли он сдержанностью и спокойствием? Руки преступника не обязательно дрожат — только в книгах выроненный стакан говорит о волнении. Напряжение гораздо чаще проявляется в нарочитых действиях. Курц допивает кофе с таким видом, будто ничего не было сказано.

— Что ж,— он отпил еще глоток,— я, конечно, желаю вам удачи, хотя, по-моему, искать тут нечего. Если будет нужда в какой-то помощи, скажите.

— Мне нужен адрес Кулера.

— Да-да. Сейчас напишу. Вот, пожалуйста. Это в американской зоне.

— А ваш?

— Написан ниже. Это в советской.

Курц поднялся с хорошо поставленной венской улыбкой; изящные, словно подведенные тонкой кистью, морщинки в уголках глаз и губ придавали ему обаяние.

— Держите со мной связь, и если понадобится помощь... Но все же я думаю, что это совершенно напрасная затея.— Он взял со стола «Одинокого всадника».— Очень горжусь знакомством с вами. С мастером интриги,— и одной рукой поправил парик, а другой, легко проведя по губам, бесследно стер улыбку.

Продолжение следует

Перевел с английского
Д. ВОЗНЯКЕВИЧ

---

[1] Следователь, ведущий дела о насильственной или внезапной смерти.

ГРЭМ ГРИН,
английский писатель

Повесть

5

Мартинс сидел на жестком стуле у служебного входа в театр «Йозефштадт». После утреннего спектакля он послал Анне Шмидт свою визитную карточку, приписав к ней: «друг Гарри». То в одном, то в другом из расположенных аркадой окошек с кружевными занавесками гас свет — актеры расходились по домам подкрепиться перед вечерним спектаклем кофе без сахара и булочкой без масла. Все это казалось кинодекорацией улочки в съемочном павильоне, но и на этой улочке даже в теплом пальто было холодно, поэтому Мартинс поднялся и стал расхаживать под окошками взад-вперед. По его словам, он чувствовал себя как Ромео, не знающий балкона Джульетты.

Время поразмыслить у него было: он уже угомонился, теперь в нем преобладал Мартинс, а не Ролло. Когда в одном из окошек погас свет и актриса спустилась в коридор, он даже не взглянул на нее. С инцидентами было покончено. Он думал: «Курц был прав. Полиция знает свое дело. Я веду себя как романтичный болван. Вот только скажу Анне Шмидт несколько слов, выражу соболезнование, а потом соберусь и уеду». О мистере Крэббине он забыл напрочь.

— Мистер Мартинс,— послышалось сверху.

Он поднял взгляд и в нескольких футах над головой увидел в окне меж раздвинутых занавесок женское лицо. Оно не было красивым, твердо заявил он, когда я обвинял его в очередном инциденте. Просто открытое, обрамленное темными волосами лицо; карие при таком освещении глаза, широкий лоб, большой рот, отнюдь не претендующий на обаяние. Ролло Мартинсу показалось, что тут не может быть тех внезапных, безрассудных мгновений, когда запах волос или прикосновение руки изменяют жизнь. Женщина позвала:

— Будьте добры, поднимитесь. Вторая дверь направо.

Есть люди, старательно объяснял мне Мартинс, в которых сразу же признаешь друзей. С ними можно держать себя непринужденно, так как знаешь, что никогда, никогда не будет никаких осложнений. «Анна была такой»,— сказал он. Я не понял, умышленно или нет в прошедшем времени.

В отличие от большинства артистических уборных эта была почти пуста: ни шкафа, набитого одеждой, ни наваленных на столе косметики и грима — на двери висел пеньюар, свитер, который Мартинс уже видел во втором акте, лежал на единственном кресле, на трюмо стояла неполная баночка с гримом. На газовой конфорке негромко шумел чайник.

— Хотите чаю? — предложила Анна.— Кто-то на прошлой неделе послал мне пачку. Знаете, иногда на премьерах американцы посылают чай вместо цветов.

— С удовольствием выпью чашку,— ответил Мартинс, хотя чая терпеть не мог. Он смотрел, как Анна неумело заваривает напиток: вода не вскипела, чайник был не прогрет, заварки недостаточно.

— Не понимаю, почему англичане так любят чай,— сказала она.

Мартинс выпил свою чашку быстро, словно лекарство, и смотрел, как Анна осторожно и с изяществом пьет маленькими глотками.

— Мне очень хотелось повидать вас,— начал он.— Поговорить о Гарри.

Это был ужасный миг: Мартинс увидел, как при этих словах губы ее плотно сжались.

— Да?

— Я знал Гарри двадцать лет. Был его другом. Мы вместе учились в колледже, а потом... редкий месяц не виделись...

— Получив вашу карточку,— сказала она,— я не смогла отказаться от встречи. Но, в сущности, говорить нам не о чем, не так ли? Не о чем.

— Я хотел узнать...

— Гарри мертв. Его нет. Всему конец, все позади. Что толку в разговорах?

— Мы оба любили его.

— Я сама не пойму, любила или нет. В таких вещах невозможно разобраться... впоследствии. Сейчас я знаю только...

— Только?

— Что мне хочется тоже умереть.

«Тут я решил уйти,— рассказывал Мартинс.— Стоило ли мучить ее из-за моей сумасбродной идеи?» Но вместо этого спросил, знаком ли ей человек по фамилии Кулер.

— Американец? Кажется, это тот самый, который принес мне денег, когда погиб Гарри,— ответила Анна.— Я не хотела их брать, но он сказал, что Гарри беспокоился обо мне... в последнюю минуту.

— Значит, он умер не мгновенно?

— Нет.

«Я стал удивляться,— продолжал Мартинс,— почему эта мысль так прочно засела у меня в голове. Потом подумал, что о мгновенной смерти мне говорил только сосед Гарри, больше никто». И он сказал Анне:

— Должно быть, перед смертью у него была очень ясная голова, потому что обо мне он тоже помнил. Значит, видимо, не очень мучился.

— Вот это я все время и твержу себе.

— Вы знаете врача, который прибыл на место происшествия?

— Знаю. Однажды Гарри посылал меня к нему. Это был его врач. Они ведь жили рядом.

Ни с того ни с сего в мозгу Мартинса возникла картина: пустынное место, тело на земле и стайка слетевшихся к телу птиц. Возможно, то складывался в подсознании фрагмент его будущей книги. Картина тут же исчезла, и Мартинс подумал: как странно, что в ту минуту там были все друзья Гарри: Курц, врач, Кулер; недоставало, казалось, только двух людей, которые его любили. Он спросил:

— А водитель? Что показал он?

— Водитель был расстроен, испуган. Но Кулер, да и Курц своими показаниями оправдали его. Нет, он, бедняга, не был виноват. Гарри часто хвалил его осторожность за рулем.

— Он тоже знал Гарри?

Еще одна птица опустилась, хлопая крыльями, и присоединилась к остальным, сидящим возле неподвижного тела, лежащего на песке. Теперь по одежде и позе мальчишки Мартинс признал в нем Гарри.

Снизу кто-то окликнул:

— Фройляйн Шмидт!

— Нам не позволяют надолго задерживаться,— пояснила Анна.— Чтобы не жгли зря электричество.

Продолжение. Начало см. в № 9.

И тогда Мартинс решил не щадить ее:

— Полицейские говорят, что собирались арестовать Гарри. Пришли ему какое-то мошенничество.

Это сообщение она восприняла, как и Курц.

— Все чем-нибудь промышляют.

— Я не верю, что он был замешан в чем-то серьезном.

— Не был.

— Но его могли ложно обвинить. Знаете вы Курца?

— Не припоминаю.

— Он носит парик.

— Ах, этот...

Мартинс понял, что попал в цель. И спросил:

— Не кажется ли вам странным, что все они были там в момент гибели Гарри? Все его знали. Даже водитель, врач...

— Я тоже об этом думала,— устало сказала Анна.— И задавала себе вопрос: может, они убили его? Но какой смысл в подобных вопросах?

— Я доберусь до этих мерзавцев.

— Напрасная затея. Возможно, полиция права. Может, бедняга Гарри впутался...

— Фройляйн Шмидт! — снова послышалось снизу.

— Мне пора,— сказала Анна.

— Я вас немного провожу.

Уже почти стемнело, снегопад утих, громадные статуи Ринга: орлы, колесницы и вставшие на дыбы кони — казались мрачно-серыми в угасающем вечернем свете. На тротуарах лежал неубранный снег.

— Лучше оставить все и забыть,— промолвила Анна.

— Дайте мне, пожалуйста, адрес врача.

Они укрылись от ветра у стены, и Анна написала адрес.

— Свой тоже.

— Зачем он вам?

— Возможно, у меня окажутся для вас новости.

— Никакие новости мне не помогут.

Мартинс смотрел издали, как Анна, опустив голову, стоит на остановке трамвая, и ему внезапно представился чернеющий на снегу маленький вопросительный знак.

6

Сыщик-любитель свободно распоряжается своим временем, в этом его преимущество перед профессионалом. Ролло Мартинс не ограничивался восемью часами в день и за день проделывал такой путь, какого моему человеку не успеть и за два; к тому же у него имелся тот изначальный перевес над нами, что он был другом Гарри. Можно сказать, Мартинс действовал изнутри, в то время как мы искали лазейку снаружи.

Доктор Винклер был дома. Возможно, для полиции его бы не оказалось. Мартинс снова написал на визитной карточке слова, открывающие все двери: «Друг Гарри Лайма».

Приемная доктора напомнила Мартинсу лавку с церковным антикварнатом. Там были бесчисленные распятия, изготовленные, однако, не позднее семнадцатого века. Статуэтки из дерева и слоновой кости. Несколько ковчегов с мощами: обломки костей с именами святых лежали на фольге в овальных рамках. Мартинс подумал, что если они подлинные, то какая странная судьба у обломка пальца святой Сюзанны — покоиться в приемной доктора Винклера. Даже уродливые стулья с высокими спинками выглядели так, будто на них когда-то восседали кардиналы. Пахло затхлостью, хотя там был бы к месту запах ладана. В маленьком золотом ларчике хранился обломок истинного креста.

Доктор Винклер оказался самым опрятным врачом, какого только видел Мартинс,— низеньким, хрупким, в черном фраке и с высоким накрахмаленным воротничком, черные усики его походили на галстук-бабочку. Он чихнул: возможно, чистоплотность и была причиной его простуды.

— Мистер Мартинс?

И у Ролло Мартинса возникло неудержимое желание как-то замарать этого чистюлю. Он спросил:

— Доктор Винтик?

— Доктор Винклер.

— А у вас тут любопытная коллекция.

— Да.

— Эти кости святых...

— Кости кроликов и цыплят.— Доктор Винклер извлек из рукава большой белый платок, словно фокусник флаг своей страны, и, поочередно зажимая ноздри, тщательно, аккуратно высморкался. Казалось, он выбросит платок после первого же употребления.

— Попрошу вас, мистер Мартинс, назвать цель своего визита. Меня ждет пациент.

— Мы оба были друзьями Гарри Лайма.

— Я был его медицинским консультантом,— поправил доктор Винклер, с непреклонным видом стоя меж двух распятий.

— Гарри пригласил меня сюда для помощи в каком-то деле. В каком — совершенно не представляю. О его смерти я узнал только здесь.

— Весьма прискорбно,— сказал Винклер.

— Само собой, при данных обстоятельствах мне интересны любые подробности. Дознание завершилось до моего приезда.

— То, что я могу сказать, вам уже известно. Его сбила машина. Когда я прибыл на место происшествия, он был уже мертв.

— Оставался ли он в сознании?

— Насколько мне известно, очень непродолжительное время, пока его вносили в дом.

— Он сильно мучился?

— Затрудняюсь ответить.

— Вы твердо уверены, что это несчастный случай?

Протянув руку, Винклер поправил одно из распятий.

— Меня там не было. В своем заключении я ограничиваюсь указанием причины смерти. Надеюсь, вы удовлетворены?

У любителя есть еще одно преимущество перед профессионалом: он может быть несдержанным. Может позволить себе излишнюю откровенность и строить нелепые догадки. Мартинс сказал:

— Полиция намекает, что Гарри оказался замешан в крупной махинации. Мне кажется, он мог быть убит или даже покончить с собой.

— Подобные суждения вне моей компетенции,— ответил Винклер.

— Знаете вы человека по фамилии Кулер?

— Кажется, нет.

— Он был на месте происшествия.

— Тогда, разумеется, я его видел. Он носит парик?

— Это Курц.

Винклер оказался не только самым опрятным врачом, какого видел Мартинс, но и самым осторожным. Сдержанность его утверждений не позволяла усомниться в их искренности. Казалось, диагностируя заболевание скарлатиной, Винклер ограничился бы констатацией, что видна сыпь, а температура тела такая-то. На дознании он не мог бы запутаться.

— Долго вы были врачом Гарри? — Лайм предпочитал людей опрометчивых, способных совершать ошибки, и Мартинса удивляло, что свой выбор он остановил на Винклере.

— Около года.

— Спасибо, что приняли меня.

Доктор Винклер поклонился. При этом послышался хруст, словно рубашка его была целлулоидной.

— Не смею больше отрывать вас от пациентов.

Поворачиваясь, Мартинс оказался лицом еще к одному распятию, руки распятого были над головой, вытянутое в духе Эль Греко лицо выражало страдание.

— Странное распятие,— заметил он.

— Янсенистское,— пояснил Винклер и тут же закрыл рот, словно сболтнул лишнее.

— Никогда не слышал этого слова. Почему руки у него над головой?

Доктор Винклер неохотно ответил:

— Потому что, на взгляд янсенистов, он принял смерть только ради избранных.

7

Как я теперь понимаю, просматривая свои досье, записи разговоров, показания разных людей, Ролло Мартинс тогда еще мог благополучно покинуть Вену. Он проявлял нездоровое любопытство, но эта его «болезнь» контролировалась на всех этапах, и никто ничего не выдал. Пальцы Мартинса пока не коснулись трещины в гладкой стене обмана. Когда Мартинс вышел от доктора Винклера, ему ничего не угрожало. Он мог отправиться в отель Захера и заснуть с чистой совестью. Мог бы даже без всяких осложнений нанести визит Кулеру. Никто не был серьезно встревожен. К своему несчастью,— у него будет время горько сожалеть об этом — Мартинс решил съездить туда, где жил Гарри. Ему вздумалось поговорить с маленьким раздраженным человеком, который сказал или дал понять, что был свидетелем того несчастного случая. На темной холодной улице у Мартинса возникла мысль отправиться прямо к Кулеру, завершить свою картину тех зловещих птиц, что сидели у тела Гарри, однако Ролло, будучи Ролло, решил подбросить монету, и ему выпал другой маршрут, что повлекло за собой смерть двух людей.

Может, тот маленький человек по фамилии Кох выпил лишку, может, хорошо провел день в конторе, но на сей раз, когда Мартинс позвонил в дверь, он оказался дружелюбным и разговорчивым. К тому же он только что пообедал, и на усах его виднелись крошки.

— А, я вас помню. Вы друг герра Лайма.

Кох пригласил Мартинса в квартиру и представил расплывшейся супруге, которая, видать по всему, боготворила своего мужа.

— Ах, в старое время я угостила бы вас кофе, но теперь...

Мартинс протянул им раскрытый портсигар, и атмосфера стала намного сердечнее.

— Вчера я был несколько резковат,— сказал Кох.— У меня слегка разыгралась мигрень. Жена куда-то ушла, поэтому дверь пришлось открывать самому.

— Вы сказали, что видели, как произошел тот несчастный случай?

Кох переглянулся с женой.

— Дознание окончено, Ильза. Опасаться нечего. Я знаю, что говорю. Этот джентльмен — друг. Да, я видел, а вернее, слышал... Но никто, кроме вас, об этом не знает. Раздался визг тормозов, я подошел к окну и успел только увидеть, как тело вносили в дом.

— А показаний вы не давали?

— В такие дела лучше не вмешиваться. Отлучаться со службы мне нельзя: у нас не хватает сотрудников... И, собственно говоря, *я не видел*...

— Но вчера вы рассказывали, как все произошло.

— Так описывалось в газетах.

— Мучился он сильно?

— Герр Лайм был мертв. Я смотрел вот из этого окна и видел его лицо. Мне с первого взгляда всегда ясно, мертв человек или нет. Это в определенном смысле моя работа. Я служу управляющим в морге.

— Но другие говорят, что он скончался не сразу.

— Видимо, они не так знакомы со смертью, как я.

— Правда, когда прибыл врач, он был мертв. Я разговаривал с врачом.

— Герр Лайм скончался мгновенно. Можете поверить знающему человеку.

— Я думаю, герр Кох, вам следовало бы дать показания.

— Нужно помнить и о себе, герр Мартинс. Давать показаний не стал еще кое-кто.

— То есть как?

— Вашего друга вносили в дом трое.

— Я знаю — двое друзей и водитель.

— Водитель оставался в машине. Он был сам не свой, бедняга.

— Трое...— Казалось, что, водя пальцами по голой стене, Мартинс обнаружил пусть даже не трещину, но, по крайней мере, шероховатость, не сглаженную заботливыми строителями.— Вы можете описать их?

Но Кох не привык приглядываться к живым. Взгляд его привлек лишь человек в парике, остальные были просто обычные люди, не рослые, не низкие, не толстые, не тощие. Видел он их с большой высоты, склоненными над своей ношей: они не смотрели вверх, а он быстро отвернулся и закрыл окно, сразу поняв, что не стоит попадаться на глаза.

— Собственно говоря, герр Мартинс, показывать мне было нечего.

Нечего, думал Мартинс, нечего! Он уже не сомневался, что совершено убийство. Иначе зачем же скрывать время смерти? Два единственных друга Гарри в Вене хотели успокоить его денежными подачками и билетом на самолет. А третий? Кто он?

— Вы видели, как выходил герр Лайм?

— Нет.

— Слышали вскрик?

— Только визг тормозов, герр Мартинс.

Мартинс подумал, что ничем, кроме слов герра Коха, не подтверждается, что Гарри был убит именно в тот миг. Медицинское свидетельство имелось, но время смерти в нем указывалось с точностью до получаса, и доверия оно внушало не больше, чем слова доктора Винклера: опрятного, сдержанного человека, хрустящего рубашкой среди распятий.

— Герр Мартинс, мне только что пришло в голову — вы остаетесь в Вене?

— Да.

— Если вам нужно пристанище, то договоритесь с властями и занимайте квартиру герра Лайма. Это реквизированная собственность.

— Ключи у кого?

— У меня.

Кох повел Мартинса в квартиру, принадлежавшую Лайму. В темном маленьком коридоре все еще пахло дымом турецких сигарет, которые всегда курил Гарри. Казалось странным, что этот запах держится в складках штор так долго после того, как сам человек стал мертвечиной, прахом, пищей для червей.

Гостиная выглядела нежилой. Мартинсу показалось, что даже слишком нежилой. Стулья стояли у стен, на столе, за которым Гарри, очевидно, писал, не было ни пыли, ни бумаг. Паркет блестел как зеркало. Кох отворил одну из дверей и показал спальню: кровать была аккуратно застелена свежим бельем. В ванной не было хотя бы даже использованного лезвия, говорящего о том, что несколько дней назад эту квартиру занимал живой человек.

— Видите,— сказал Кох,— квартира вполне подготовлена для нового жильца. Ильза все убрала.

Да, квартира была убрана на совесть. После умершего должен оставаться какой-то мусор. Человек не может внезапно отправиться в самое долгое из путешествий, не оставив неоплаченного счета, неотправленного письма или фотографии девушки.

— Здесь не валялось никаких бумаг?

— Герр Лайм всегда был очень аккуратен. Бумаги лежали в корзине и в портфеле, но их унес его друг.

— Друг?

— Джентльмен в парике.

Конечно, Лайм мог отправиться в это путешествие не столь уж внезапно, и у Мартинса мелькнула мысль, что, может быть, Гарри ждал от него помощи.

— Я думаю, мой друг был убит.

— Убит? — Сердечность Коха была уничтожена этим словом.— Я бы не пригласил вас сюда, если бы мог подумать, что вы скажете такую нелепость.

— Тем не менее ваши показания могут оказаться очень ценными.

— Мне нечего показывать. Я ничего не видел. Это не моя забота. Прошу вас немедленно уйти. Ваше предположение совершенно необдуманно.

Он вытеснил Мартинса в коридор; запах табачного дыма стал уже немного слабее. Последними словами Коха перед тем, как захлопнуть свою дверь, были: «Это не моя забота». Бедняга Кох! Мы не выбираем себе забот.

Впоследствии, подробно расспрашивая Мартинса, я спросил:

— Видели вы хоть кого-нибудь на лестнице или на улице возле дома?

— Никого.— Мартинсу было бы очень на руку вспомнить случайного прохожего, и я поверил ему. Он сказал:

Рисунок П. БУНИНА

— Помню, меня удивило, какой глухой, вымершей казалась вся улица. Часть домов, как вы знаете, разрушена бомбежкой, и луна освещала снежные заносы. Было очень тихо. Я слышал каждый скрип своих шагов на снегу.

— Это еще ничего не доказывает. Там есть подвал, где мог спрятаться тот, кто следил за вами.

— Да.

— Или весь ваш рассказ — сплошная ложь.

— Да.

— Главное, я не вижу у вас мотивов для вранья. Правда, вы виновны в том, что получали деньги обманным путем. И приехали к Лайму, возможно, чтобы помогать ему...

— Что это за преступление, на которое вы постоянно намекаете? — спросил Мартинс.

— Я рассказал бы вам все при первой встрече, не выйди вы так быстро из себя. Теперь же считаю неразумным поступать так. Это будет разглашением служебных сведений, ведь ваши знакомые, знаете ли, доверия не внушают. Женщина с фальшивыми документами, полученными от Лайма, это Курц...

— Доктор Винклер...

— У меня нет никаких улик против Винклера. И если вы обманщик, то сами все знаете о делах Лайма, но хотите выведать, что известно нам. Видите ли, мы собрали не все факты...

— Еще бы. Я мог бы, лежа в ванной, выдумать лучший детектив, чем вы.

— Ваш литературный стиль компрометирует вашего однофамильца.

При напоминании о бедняге Крэббине, замотанном представителе Британского общества культурных связей, Ролло Мартинс покраснел от раздражения, стыда и неловкости. Это тоже расположило меня к нему.

Мартинс действительно задал Крэббину несколько хлопотных часов. Возвратясь после разговора с Кохом в отель Захера, он обнаружил отчаянную записку.

«Я весь день пытался отыскать вас,— писал Крэббин.— Нам необходимо встретиться и разработать программу. Сегодня утром я договорился по телефону о лекциях в Инсбруке и Зальцбурге на будущей неделе, но требуется ваше согласие на темы лекций, чтобы программы можно было отпечатать. Я предлагаю две: «Кризис веры в западном мире» (вас здесь очень ценят как христианского писателя, но касаться политики в лекции не стоит) и «Техника современного романа». Те же самые лекции будут прочитаны в Вене. Кроме того, очень многие желают познакомиться с вами, и я хочу в начале будущей недели устроить вечеринку с коктейлями. Но для всего этого нам нужно будет поговорить». Кончалось письмо на тревожной ноте: «Вы будете завтра вечером на дискуссии, не так ли? Мы ждем вас в 8.30 и, конечно же, с нетерпением. Я пришлю машину к отелю ровно в 8.15».

Ролло Мартинс прочел записку и лег спать.

8

После двух стаканов виски Ролло Мартинса неизменно тянуло к женщинам — это было смутное, сентиментальное, романтическое влечение к прекрасному полу вообще. После трех он, словно летчик, пикирующий на цель, обращал свои помыслы к одной досягаемой женщине. Если бы Кулер не предложил ему третьего стакана, он, возможно, не отправился бы так быстро к дому Анны Шмидт, и если... Я так злоупотребляю этим словом, потому что по роду занятий мне приходится обдумывать вероятность тех или иных поступков, а превратностям судьбы не находится места в моей картотеке.

Ролло Мартинс в обеденное время читал материалы дознания, это лишний раз подчеркнуло преимущества любителя перед профессионалом и сделало его более податливым на воздействие виски (от которого профессионал при исполнении обязанностей отказался бы). Около пяти часов он явился к Кулеру на квартиру, расположенную в американской зоне над кафе-мороженым: бар на первом этаже был полон солдат с девицами; стук десертных ложечек и бесцеремонный солдатский смех сопровождали Мартинса вверх по лестнице.

Англичанин, недолюбливающий американцев в целом, обычно представляет себе лишь исключение в людях наподобие Кулера: взъерошенного седого человека с озабоченным добрым лицом и вдумчивым взглядом; гуманиста того пошиба, что внезапно появляется во время эпидемии тифа, или на мировой войне, или в голодающем Китае задолго до того, как его соотечественники найдут это место в атласе. Карточка со словами «друг Гарри» опять сыграла роль входного билета, и в ответ — теплое, искреннее рукопожатие Кулера.

— Друг моего друга — мой друг,— сказал Кулер.— Фамилия ваша мне, конечно же, известна.

— От Гарри?

— Я большой любитель вестернов,— ответил Кулер, и Мартинс поверил ему, как не поверил Курцу.

— Мне хотелось бы услышать от вас — вы ведь были на месте происшествия,— как он погиб.

— Ужасная история,— сказал Кулер.— Я стал переходить к нему на другую сторону улицы. Они с Курцем стояли на тротуаре. Может, если бы я не пошел через дорогу, Гарри остался на месте. Но он увидел меня и направился навстречу, а тут «джип» — это было ужасно, ужасно! Водитель затормозил, но тщетно. Выпейте шотландского, мистер Мартинс. Глупо, конечно, но при этом воспоминании меня всего трясет.— Добавляя в стаканы содовую, он сказал: — До этого я ни разу не видел, как гибнут люди.

— А кто еще находился в это время вместе с вами? — перебил его Мартинс.

Кулер отпил большой глоток и смерил оставшееся в стакане добрым, усталым взглядом.

— Кого вы имеете в виду, мистер Мартинс?

— Мне сказали, что там был еще один человек.

— Не знаю, кто мог вам это сказать. Все подробности можно найти в материалах дознания.— Он налил в оба стакана щедрые порции виски.— Нас было там только трое — я, Курц и водитель. Да еще, конечно же, врач. Наверное, вы имеете в виду врача?

— Человек, с которым я разговаривал, оказывается, глядел в окно — он живет рядом с квартирой Гарри — и говорит, что там было три человека и водитель. Врач появился уже потом.

— Он не показывал этого на суде.

— Не хотел впутываться.

— Этих европейцев никогда не научишь быть хорошими гражданами. Дать показания было его долгом.— Купер задумался, хмуро уставясь в свой стакан.— Как ни странно, мистер Мартинс, два свидетельства о несчастном случае никогда полностью не совпадают. Да что там, даже мы с Курцем разошлись в некоторых деталях. Такие вещи происходят внезапно, до катастрофы никому в голову не приходит схватывать подробности, а потом приходится все вспоминать, восстанавливать. Наверно, этот человек слишком уж старался припомнить, что было до, что после, и перепутал нас четверых.

— Четверых?

— Я считаю и Гарри. Что он еще видел, мистер Мартинс?

— Ничего особенного — только утверждает, что Гарри был мертв, когда его вносили в дом.

— Умирал — разница не столь уж существенная. Выпьете еще, мистер Мартинс?

— Нет, пожалуй, довольно.

— Ну а мне еще глоток будет кстати. Я очень любил вашего друга, и рассказывать об этом тяжело.

— Давайте, я выпью тоже — за компанию,— сказал Мартинс. И пока виски еще пощипывало язык, спросил:

— Знаете вы Анну Шмидт?

— Подружку Гарри? Встречался один раз, и все. Честно говоря, он выправил ей документы с моей помощью. Постороннему я бы в этом не признался, но иногда приходится нарушать правила. Гуманность — это тоже долг.

— Что у нее приключилось?

— Говорят, она венгерка, дочь нациста. Опасалась, что русские ее арестуют.

— Русские? С какой стати?

— Документы у нее были не в порядке.

— Вы передали ей какие-то деньги от Гарри, не так ли?

— Да, но говорить об этом я бы не хотел. Это она вам сказала о деньгах?

Зазвонил телефон, и Кулер допил свое виски.

— Алло,— сказал он.— Да, да. Это я.— Потом, держа трубку возле уха, с безрадостной, терпеливой миной слушал чей-то голос издалека.

— Да,— однажды произнес он.— Да.

Взгляд его был обращен на лицо Мартинса, но казалось, он смотрит куда-то вдаль; блеклые, усталые добрые глаза глядели словно откуда-то из-за моря.

— Правильно сделали,— сказал он одобрительным тоном, а потом чуть раздражительно:— Конечно, их доставят. Даю вам слово. До свидания.

Положив трубку, устало провел рукой по лбу, словно вспоминая, что нужно сделать. Мартинс спросил:

— Слышали вы что-нибудь про махинацию, о которой говорит полиция?

— Прошу прощенья. Вы о чем?

— Говорят, Гарри был замешан в какой-то грязной махинации.

— Нет,— сказал Кулер.— Это немыслимо. У Гарри было высоко развито чувство долга.

— Курц, похоже, думает, что мыслимо.

— Курцу не понять англосакса,— ответил Кулер.

9

Было уже почти темно, когда Мартинс шел вдоль канала: на другом берегу виднелись полуразрушенные купальни Дианы, а вдали над развалинами, в парке Пратер, неподвижно чернело большое колесо обозрения. За серой водой находилась вторая, советская зона. Собор святого Стефана вздымал над Старым городом свой громадный поврежденный шпиль. Проходя по Кертнерштрассе, Мартинс миновал освещенную дверь здания военной комендатуры. Четверо солдат международного патруля усаживались в «джип», русский сел рядом с водителем, потому что его стране предстояло «председательствовать» до конца месяца, англичанин, американец и француз — сзади. Третий стакан неразбавленного виски кружил Мартинсу голову, и он вспомнил женщину из Амстердама, женщину из Парижа: одиночество шло рядом с ним по людному тротуару. Миновав улицу, на которой находился отель Захера, он пошел дальше. Ролло возобладал над Мартинсом и направлялся к единственной женщине, которую знал в Вене.

Я спросил, как ему удалось найти Анну.

— А,— ответил он,— перед сном я изучал карту и отыскал тот дом по взятому накануне адресу.

Свои городские маршруты Ролло изучал по картам, названия улиц и перекрестки запоминались ему легко, потому что в одну сторону он всегда ходил пешком.

— В одну сторону?

— К женщине — или к другу.

Ролло, конечно, не знал, что застанет Анну, что она не занята в вечернем спектакле, или, может, ему запомнилось и это — из афиш. Так или иначе, она была дома, сидела в нетопленой комнате, кровать была сложена как диван, на шатком экстравагантном столике лежала отпечатанная на машинке роль, открытая на первой странице, потому что мысли Анны блуждали далеко от «дома». Он робко сказал ей (и ни Мартинс, ни даже Ролло не могли бы сказать, насколько робость была наигранной):

— Решил зайти, проведать вас. Видите ли, я шел мимо...

— Мимо? Куда?

От Старого города до границы английской зоны добрых полчаса ходьбы, но у Ролло всегда бывал заготовлен ответ:

— Мы с Кулером выпили слишком много виски. Мне нужно было пройтись, и я случайно оказался здесь.

— Спиртного у меня нет. Могу предложить чай.

— Нет, нет, спасибо. Вы заняты,— сказал он, глядя на роль.

— Дальше первой реплики у меня дело не пошло.

Взяв роль, он прочел: «Л у и з а (входит). Я слышала детский плач».

— Можно посижу у вас немного? — спросил он с любезностью, идущей скорее от Мартинса, чем от Ролло.

— Буду рада.

Он грузно опустился на диван и, как потом рассказал мне (потому что влюбленные, если удается найти слушателя, рассказывают все до последней мелочи), что только тут толком разглядел Анну. Она стояла, чувствуя себя почти так же неловко, как он, в старых фланелевых брюках, плохо заштопанных сзади: стояла твердо, широко расставив ноги, словно противостояла кому-то и твердо решила не сдавать позиций — невысокая, несколько приземистая, будто припрятала свое изящество для профессионального применения.

— Скверный выдался день?— спросил он.

— Сейчас все дни скверные,— ответила она. И пояснила:— Гарри часто приходил ко мне, и при вашем звонке у меня мелькнула мысль...

Потом села на жесткий стул напротив Мартинса и сказала:

— Не молчите, пожалуйста. Вы знали его. Расскажите что-нибудь.

И он стал рассказывать. Тем временем за окном потемнело. Некоторое время спустя он заметил, что их руки соприкасаются. Мне он сказал:

— Я вовсе не собирался влюбляться в подружку Гарри.

— Как же это произошло?— спросил я.

— Было очень холодно, и я встал задернуть шторы. Что моя рука лежала на руке Анны, я заметил только, когда снимал ее. Встав, я поглядел сверху вниз на Анну, а она снизу вверх на меня. Лицо ее не было красивым — вот в чем дело. Обыденное, будничное лицо. Я всегда считал, что в женщинах любят красоту. У меня возникло такое чувство, будто я оказался в незнакомой стране, языка которой не знаю. Стоя у окна, я не спешил задергивать шторы. Мне было видно только свое отражение, глядящее на Анну. Она спросила: «А что тогда сделал Гарри?», и у меня чуть не сорвалось: «К черту Гарри. Его больше нет. Мы оба любили его, но он мертв. Мертвых нужно забывать». Вместо этого я ответил: «Как бы вы думали? Просто насвистывал свою старую мелодию как ни в чем не бывало»— и насвистал ее, как только сумел. Я услышал, что Анна затаила дыхание, обернулся и, не успев подумать, верный ли это ход, та ли эта карта, сказал:

— Он мертв. Нельзя же вечно хранить о нем память.

Анна ответила:

— Да, но прежде, чем я забуду его, многое может произойти.

— Что вы имеете в виду?

— Может, начну другую жизнь, может, умру, мало ли что.

— Со временем забудете. И влюбитесь снова.

— Знаю, но мне этого не хочется. Неужели не понятно?

Тут Ролло Мартинс отошел от окна и снова сел на диван. Полминуты назад оттуда вставал друг Гарри, утешавший его подружку, теперь же это был мужчина, влюбленный в Анну Шмидт, которая любила его покойного приятеля Гарри Лайма. В тот вечер Мартинс больше не вспоминал о прошлом, а стал рассказывать, с кем повидался в Вене.

— Про Винклера я поверю чему угодно,— сказал он,— но Кулер мне понравился. Из всех друзей только он вступился за Гарри. Однако если Кулер прав, то Кох ошибается. А я был так уверен, что напал на след.

— Кто такой Кох?

Мартинс рассказал Анне о своем посещении Герра Коха и передал разговор о третьем.

— Это очень важно,— сказала она,— если только все правда.

— Из этого ничего не следует. Кох ведь уклонился от дознания, неизвестный тоже мог так поступить.

— Я не о том,— сказала Анна.— Выходит, *они* лгали. Курц и Кулер.

— Может, не хотели подводить человека, если то был друг.

— Еще один друг — на месте катастрофы? Где тогда честность вашего Кулера?

— Как же нам быть? Кох отказался продолжать разговор и выставил меня из квартиры.

— Меня не выставят,— сказала она,— ни Кох, ни его Ильза.

Путь к дому оказался долгим: снег прилипал к подошвам, и они шли медленно, словно каторжники в кандалах. Анна спросила:

— Еще далеко?

— Не очень. Видите толпу? Примерно там.

Толпа казалась кляксой на белом фоне, она текла, меняла очертания, расплывалась. Когда они подошли поближе, Мартинс сказал:

— Кажется, это тот самый дом. А что там, политическая демонстрация?

Анна Шмидт остановилась.

— Кому вы говорили о Кохе?

— Только вам и Кулеру. А что?

— Мне страшно. Вспоминается...— Анна неотрывно смотрела на толпу, так и не сказав Мартинсу, что из ее сложного прошлого всплыло у нее в памяти.

— Уйдемте,— взмолилась она.

— Ну что вы, мы ведь пришли по делу, немаловажному.

— Узнайте сперва, чего все эти люди...— И сказала странные для актрисы слова:— Ненавижу толпу.

Мартинс неторопливо пошел по липкому снегу один. Там был не политический митинг, потому что никто не произносил речей. Мартинсу показалось, что люди оборачиваются и смотрят на него так, словно он был тем, кого они ждали. Подойдя к толпе, он убедился, что дом тот самый. Какой-то человек сурово глянул на него и спросил:

— Тоже из этих?

— Кого вы имеете в виду?

— Полицейских.

— Нет. Что они здесь делают?

— Шастают весь день туда-сюда.

— А чего все дожидаются?

— Хотят посмотреть, как его увезут.

— Кого?

— Герра Коха.

У Мартинса промелькнула мысль, что раскрылось умышленное уклонение от дачи показаний, хотя вряд ли это могло служить причиной ареста. Он спросил:

— А что случилось?

— Пока никто не знает. Полицейские никак не решат, то ли самоубийство, то ли убийство.

— Герра Коха?

— Ну да.

К собеседнику Мартинса подошел ребенок и подергал за руку.

— Папа, папа.— В шерстяном колпаке мальчик походил на гнома, лицо его заострилось и посинело от холода.

— Да, мой милый, в чем дело?

— Через решетку я слышал, как они говорят, папа.

— О, хитрый малыш. Что же ты слышал, Гензель?

— Как плачет фрау Кох, папа.

— И все, Гензель?

— Нет, еще слышал, как говорил большой дядя.

— Ну и хитрец ты, маленький Гензель. Расскажи папе, что он говорил.

— Он сказал: «Вы не сможете описать этого иностранца, фрау Кох?»

— Вот, вот, видите, они думают, что это убийство. Да и как же иначе? С какой стати герру Коху резать себе горло в подвале?

— Папа, папа.

— Да, Гензель?

— Я глянул в подвал сквозь решетку и увидел на куче кокса кровь.

— Ну и ребенок! С чего ты взял, что там кровь? Это талая вода, она всюду подтекает.— Мужчина повернулся к Мартинсу.— У ребенка такое живое воображение. Может, станет писателем, когда вырастет.

Ребенок угрюмо поднял заостренное личико на Мартинса.

— Папа,— сказал он.

— Да, Гензель?

— Это тоже иностранец.

Мужчина громко засмеялся, кое-кто из толпы обернулся к нему.

— Послушайте его, послушайте,— гордо сказал он.— Малыш считает вас убийцей, потому что вы иностранец. Да, сейчас иностранцев здесь больше, чем венцев.

— Папа, папа.

— Что, Гензель?

— Они выходят.

Группа полицейских окружила прикрытые носилки, которые осторожно, чтобы не поскользнуться на обледенелых ступеньках, несли вниз. Мужчина сказал:

— Из-за развалин санитарной машине сюда не подъехать. Придется нести за угол.

Фрау Кох в холщовом пальто, с шалью на голове вышла последней. На краю тротуара она упала в сугроб. Кто-то помог ей подняться, и она сиротливым, безнадежным взором обвела толпу зевак. Если там и были знакомые, то, скользя взглядом по лицам, она не узнавала их. При ее приближении Мартинс нагнулся и стал возиться со шнурками ботинок, а когда взглянул вверх, увидел прямо перед собой недоверчивые, безжалостные глаза гнома — маленького Гензеля.

Возвращаясь к Анне, Мартинс оглянулся. Ребенок дергал отца за руку, и было видно, как он шевелит губами, словно твердя рефрен мрачной баллады: «Папа, папа».

— Кох убит,— сказал Мартинс Анне.— Пошли отсюда.

Шли они быстро, как только позволял снег, срезая где можно углы. Настороженность и подозрительность ребенка, казалось, расплывалась над городом, как туча,— они не успевали вырваться из-под ее тени. Анна сказала:

— Значит, Кох говорил правду. Там *был* кто-то третий,— и чуть погодя: — Выходит, им нужно скрыть убийство. Из-за пустяков не стали бы убивать человека,— но Мартинс пропустил ее слова мимо ушей.

В конце улицы промелькнул обледенелый трамвай: Мартинс и Анна вышли опять к Рингу. Мартинс сказал:

— Возвращайтесь-ка домой одна. Нам лучше не показываться вместе, пока все не прояснится.

— Но вас никто не может заподозрить.

— Там расспрашивают об иностранце, заходившем вчера к Коху. Могут возникнуть временные неприятности.

— Почему бы вам не обратиться в полицию?

— Я не доверяю этим ослам. Видите, что они приписали Гарри? Да я еще хотел ударить Каллагана. Этого мне не простят. В самом лучшем случае, вышлют из Вены. Но если буду вести себя тихо... выдать меня может лишь один человек. Кулер.

— Ему нет смысла выдавать вас.

— Если он причастен к убийству, конечно. Но в его причастность мне что-то не верится.

На прощанье Анна сказала:

— Будьте осторожны. Кох знал так мало, и его убили. А вы знаете все, что было известно ему.

Об этом предупреждении Мартинс помнил до самого отеля: после девяти часов улицы пустынны, и всякий раз, едва заслышав за спиной шаги, он оглядывался, и ему мерещилось, что третий, которого так тщательно оберегали, крадется за ним, будто палач. Русский часовой у «Гранд-отеля», казалось, совсем окоченел, но это был человек, у него было лицо, честное крестьянское лицо. Третий не имел лица: лишь макушку, увиденную из окна. В отеле администратор сказал:

— Сэр, приходил полковник Каллоуэй и спрашивал вас. Очевидно, вы найдете его в баре.

— Минуточку,— бросил Мартинс и пошел к выходу: ему нужно было подумать. Но едва он шагнул за дверь, к нему подошел солдат, козырнул и твердо сказал:

— Прошу вас, сэр.

Распахнув дверцу окрашенного в защитный цвет грузовика с английским флажком на ветровом стекле, он твердой рукой подсадил Мартинса. Мартинс молча покорился; ему было ясно, что рано или поздно допро-

са не миновать; перед Анной Шмид он просто разыгрывал бодрячка.

Водитель, не считаясь с опасностью, гнал грузовик по скользкой дороге, и Мартинс запротестовал. В ответ он услышал недовольное ворчание и неразборчивую фразу, в которой прозвучало слово «приказ».

— Вам что же, приказано угробить меня?— спросил Мартинс, но ответа не получил. Машина стала петлять по темным улочкам, и он потерял ориентацию.

— Далеко еще?

Но водитель и ухом не повел. По крайней мере, подумал Мартинс, он не арестован: охраны нет, и его, вероятно, пригласили — кажется, было употреблено это слово?— посетить управление полиции для дачи показаний.

Продолжение следует

Перевел с английского
Д. ВОЗНЯКЕВИЧ

Третий

Грэм ГРИН,
английский писатель

Повесть

Грузовик остановился у подъезда, водитель повел Мартинса за собой на второй этаж, нажал кнопку звонка у двери, за которой Мартинс услышал множество голосов. Он резко повернулся к водителю и спросил: «Куда это, черт возьми...», однако тот уже спускался по лестнице, а дверь открывалась. Свет изнутри ударил Мартинсу в глаза: он слышал голос, но едва различал приближающегося Крэббина.

— О, мистер Декстер, мы так волновались, но лучше поздно, чем никогда. Позвольте представить вас мисс Уилбрехем и графине фон Мейерсдорф.

Буфет, уставленный кофейными чашками, окутанный паром кофейник, раскрасневшееся от возбуждения женское лицо, двое молодых людей с радостными смышлеными лицами шестиклассников, а в глубине множество сгрудившихся, как на старых семейных фотографиях, тусклых, серьезных и веселых лиц постоянных читателей. Мартинс оглянулся, но дверь была уже закрыта. Он с отчаянием обратился к Крэббину:

— Прошу прощенья, но...

— Забудьте об этом,— сказал Крэббин.— Чашечку кофе, и пойдемте на дискуссию. Вашей выдержке предстоит испытание, мистер Декстер...

Один из молодых людей сунул ему в руку чашку кофе, другой насыпал сахару, прежде чем Мартинс успел сказать, что предпочитает несладкий кофе, а затем прошептал на ухо: «Не надпишете ли потом одну из ваших книг, мистер Декстер?» Крупная женщина в черном шелковом платье обрушилась на него: «Пусть графиня и слышит меня, но я все равно скажу: книги ваши, мистер Декстер, мне не нравятся, я от них не в восторге. По-моему, в романе должна рассказываться интересная история».

— По-моему, тоже,— обреченно согласился Мартинс.

— Оставьте, миссис Вэннок, для вопросов еще будет время,— вмешался Крэббин.

— Я, конечно, прямолинейна, однако не сомневаюсь, что мистер Декстер оценит *честную* критику.

Пожилая дама, очевидно, та самая графиня, сказала:

— Я читаю не так уж много английских книг, мистер Декстер, но мне сказали, что ваши...

— Допивайте кофе, прошу вас,— поторопил Крэббин и повел Мартинса сквозь толпу во внутреннюю комнату, где пожилые люди с понурым видом сидели на расставленных полукругом стульях.

Рассказать мне толком об этом собрании Мартинс не мог: из головы его не шла смерть Коха. Поднимая взгляд, он всякий раз готов был увидеть малыша Гензеля и услышать назойливый, многозначительный рефрен: «Папа, папа». Первым взял слово, очевидно, Крэббин, и, зная его, не сомневаюсь, что он нарисовал очень ясную, верную и объективную картину современного английского романа.

Мартинс пропустил первый вопрос мимо ушей, но, к счастью, вмешался Крэббин. Потом женщина в горжетке и коричневой шляпке спросила со жгучим любопытством:

— Можно ли поинтересоваться у мистера Декстера, занят ли он новой работой?

— А, да... да.

— Можно ли осведомиться, как она озаглавлена?

— «Третий»,— ответил Мартинс и, взяв этот барьер, обрел ложное чувство уверенности.

— Мистер Декстер, не могли бы вы сказать, кто из писателей оказал на вас наибольшее влияние?

— Грей,— не задумываясь, ляпнул Мартинс. Несомненно, он имел в виду автора «Всадников из Перпл-сейдж» и был доволен, что его ответ удовлетворил всех — за исключением пожилого австрийца, который спросил:

— Грей? Что за Грей? Эта фамилия мне неизвестна.

Мартинс уже чувствовал себя в безопасности, поэтому ответил: «Зейн Грей[1] — другого не знаю», и был озадачен негромким подобострастным смешком англичан.

Крэббин торопливо вмешался ради австрийцев:

— Мистер Декстер шутит. Он имел в виду поэта Грея — благородного, скромного, тонкого гения. У них много общего.

— Разве его имя Зейн?

— Мистер Декстер пошутил. Зейн Грей писал так называемые вестерны — дешевые популярные романы о бандитах и ковбоях.

— Это не великий писатель?

— Нет, нет, отнюдь,— ответил Крэббин.— Я вообще не назвал бы его писателем в строгом смысле слова.

Мартинс рассказывал мне, что при этом заявлении в нем взыграл дух противоречия. Писателем он себя никогда не мнил, но самоуверенность Крэббина раздражала его — даже блеск очков казался самоуверенным и усиливал раздражение. А Крэббин продолжал:

— Это просто популярный развлекатель.

— Ну и что, черт возьми? — запальчиво возразил Мартинс.

— Видите ли, я просто хотел сказать...

— А Шекспир был кем?

Кто-то отчаянно смелый ответил:

— Поэтом.

Продолжение. Начало см. в № 9, 10.

[1] Зейн Грей (1875—1939) — американский писатель.

— Вы читали когда-нибудь Зейна Грея?

— Нет, не могу сказать...

— Значит, тогда сами не знаете, о чем говорите.

Один из молодых людей поспешил на выручку Крэббину:

— А Джеймс Джойс? Куда вы поставите Джойса, мистер Декстер?

— Как это — поставлю? Я не собираюсь никого никуда ставить,— ответил Мартинс. У него был очень насыщенный день: он слишком много выпил с Кулером, потом влюбился, наконец, узнал об убийстве, а теперь совершенно несправедливо заподозрил, что над ним подшучивают. Зейн Грей был одним из его кумиров, и он не собирается, черт возьми, терпеть всякий вздор.

— Я хочу спросить, относите ли вы Джойса к числу поистине великих?

— Если хотите знать, я даже не слышал о нем. Что он написал?

Сам того не сознавая, Мартинс производил огромное впечатление, ведь только истинно великий писатель может так надменно вести столь оригинальную линию. Несколько человек записало фамилию «Грей» на внутренней стороне суперобложек, и графиня хриплым шепотом спросила Крэббина:

— Как пишется по-английски «Зейн»?

— Честно говоря, не знаю.

В Мартинса тут же было пущено несколько имен — маленьких, остроконечных, вроде Стайн, и округлых — наподобие Вулф. Молодой австриец со жгучим, черным, интеллигентным локоном на лбу выкрикнул: «Дафна дю Морье». Крэббин захлопал глазами, покосился на Мартинса и сказал вполголоса:

— Будьте с ним повежливее.

Женщина с добрым, мягким лицом, в джемпере ручной вязки томно спросила:

— Согласны ли вы, мистер Декстер, что никто-никто не писал о чувствах так поэтично, как Вирджиния Вулф? Я имею в виду — в прозе.

— Можете сказать что-нибудь о потоке сознания,— прошептал ему Крэббин.

— Потоке чего?

В голосе Крэббина появилась умоляющая нотка:

— Прошу вас, мистер Декстер, эти люди — ваши искренние почитатели. Им хочется узнать о ваших взглядах. Если бы вы знали, как они осаждали Общество.

Мартинс уныло сел, и перед его взором снова возникли снег, носилки, отчаянное лицо фрау Кох. У него мелькнула мысль: «Если б я не возвращался, не задавал вопросов, был бы сейчас жив этот маленький человек? Ведь появилась новая жертва, чтобы унять чей-то страх, то ли Курца, то ли Кулера (Мартинс не мог в это поверить), то ли доктора Винклера». Казалось, что никто из них не способен совершить то злодейское преступление в подвале, но в его ушах звучал голос ребенка: «Я увидел на коксе кровь», и вдруг кто-то обратил к нему пустое, словно серое пластилиновое яйцо, лицо третьего.

Мартинс не мог рассказать, как дотянул до конца дискуссии: возможно, Крэббин принял удар на себя, возможно, ему помог кто-то из присутствующих, заведя оживленный разговор об экранизации популярного американского романа. Он почти ничего не запомнил и очнулся лишь тогда, когда Крэббин произнес заключительное слово в его честь. Потом один из молодых людей подвел Мартинса к столу, заваленному книгами, и попросил надписать их.

— Что я должен сделать?

— Просто поставить автограф. Только этого все и ждут. Вот мой экземпляр «Выгнутого челна». Буду очень признателен, если черкнете от себя несколько слов...

Мартинс достал ручку и написал: «От Б. Декстера, автора «Одинокого всадника из Санта-Фе». Молодой человек прочел надпись и с недоуменным выражением лица промакнул ее. Начав подписывать титульные листы книг, Мартинс увидел в зеркале, что молодой человек показывает надпись Крэббину. Тот слабо улыбнулся и подергал подбородок вверх-вниз. «Б. Декстер», «Б. Декстер», «Б. Декстер»,— Мартинс писал быстро, ведь в конце концов это не было ложью. Владельцы один за другим разбирали свои книги: краткие бессвязные выражения восторга и комплименты звучали подобострастно — неужели это и означает быть писателем? Бенджамин Декстер стал вызывать у Мартинса нарастающее раздражение. «Самодовольный, занудный, напыщенный осел»,— подумал он, подписывая двадцать седьмой экземпляр.

Всякий раз, поднимая взгляд и беря очередную книгу, он видел обеспокоенный, задумчивый взгляд Крэббина.

Неожиданно Мартинс увидел в зеркале человека в форме военной полиции. Он спорил с одним из юных прихвостней Крэббина. До ушей Мартинса донеслась его фамилия. Тут он потерял самообладание, а с ним и последние остатки здравого смысла. Оставалось подписать только одну книгу, он черкнул последнее «Б. Декстер» и направился к выходу. Молодой человек, Крэббин и полицейский стояли у двери.

— А этот джентльмен? — поинтересовался полицейский.

— Это мистер Бенджамин Декстер,— ответил молодой человек.

— Туалет? Есть здесь туалет? — спросил Мартинс.

— Насколько я понял, некий мистер Ролло Мартинс приехал сюда на одной из ваших машин,— отметил полицейский.

— Ошибка. Явная ошибка.

— Вторая дверь налево,— подсказал Мартинсу молодой человек.

Проходя мимо раздевалки, Мартинс схватил свое пальто и торопливо стал спускаться по лестнице. На площадке второго этажа он услышал, как кто-то поднимается навстречу, и, глянув вниз, увидел Пейна — я послал его опознать Мартинса. Мартинс юркнул в первую попавшуюся дверь и закрыл ее за собой. Он слышал, как Пейн прошел мимо.

В комнате было темно. И вдруг за спиной раздался странный жалобный звук, который заставил его обернуться. Мартинс ничего не мог разглядеть. Когда звук оборвался, Мартинс пошевелился, и нечто похожее на затрудненное дыхание тут же послышалось снова. Снаружи кто-то позвал: «Мистер Декстер! Мистер Декстер!» Потом Мартинсу показалось, будто кто-то шепчет в темноте длинный, нескончаемый монолог. Он спросил: «Есть здесь кто-нибудь?» — и тут же наступила тишина. Выносить этого Мартинс больше не мог. Он достал зажигалку. Какой-то человек прошел мимо двери и стал спускаться по лестнице. Мартинс щелкал и щелкал зажигалкой, но она не вспыхивала. Кто-то шевельнулся во тьме, и что-то лязгнуло, будто цепочка. Мартинс еще раз спросил с гневом и страхом: «Есть здесь кто-нибудь?», но в ответ услышал лишь лязг металла.

Мартинс в отчаянии стал ощупью искать выключатель сначала справа, потом слева. Сойти с места он не осмеливался, потому что не мог определить, где находится кто-то другой: шепот, стон, лязганье прекратились. Потом в страхе, что не найдет двери, лихорадочно стал нащупывать ручку. Полиции он боялся гораздо меньше, чем темноты.

Пейн услышал его от подножия лестницы и вернулся. Он включил свет на лестничной площадке, и светлая полоска под дверью указала Мартинсу направление. Мартинс открыл дверь, слабо улыбнулся Пейну и повернулся, чтобы осмотреть комнату. На него глянули похожие на бусинки глаза попугая, прикованного цепочкой к своей жердочке. Пейн почтительно сказал:

— Мы приехали за вами, сэр. Полковник Каллоуэй хочет вас видеть.

— Я заблудился,— промямлил Мартинс.

— Да, сэр. Мы так и решили.

10

Узнав, что Мартинс не улетел в Англию, я установил за ним пристальное наблюдение. Его видели с Курцем и в театре «Йозефшадт», я знал о его визитах к Винклеру и Кулеру, о первом возвращении в дом, где проживал Лайм. Мой человек потерял его из виду по пути от Кулера к Анне Шмидт. Он доложил мне, что Мартинс много плу-

та, и нам обоим этот отрыв от «хвоста» представился неслучайным. Я поехал к нему в отель Захера и упустил из-под носа.

Дела принимали неприятный оборот, поэтому я решил, что настало время для новой беседы. Мартинсу следовало многое объяснить.

Мы с ним сели по разные стороны стола, и я предложил ему сигарету. Мартинс выглядел замкнутым, но готовым к откровенности в известных пределах. На вопрос о Курце он, как мне показалось, и ответил не таясь. Потом я спросил его об Анне Шмидт и выяснил, что он был у нее после визита к Кулеру,— это заполнило один из пробелов. О докторе Винклере он рассказал довольно охотно.

— Где вас только не носило,— заметил я.— А о своем друге что-нибудь выяснили?

— Да,— ответил Мартинс.— Вы не заметили того, что было у вас под носом.

— Чего же?

— Он был убит.

Это удивило меня: я носился было с версией самоубийства, но отверг ее напрочь.

— Продолжайте.

Мартинс старался не упоминать Коха и говорил о некоем очевидце несчастного случая. Рассказ из-за этого получился путаным, и я сперва не мог понять, почему Мартинс придает такое значение третьему.

— Да ведь он уклонился от дознания, а другие лгали, чтобы выгородить его.

— Ваш очевидец тоже уклонился — не вижу в этом ничего особенного. Если то был действительно несчастный случай, все необходимые сведения о нем мы получили. Зачем же причинять неприятности еще одному человеку? Возможно, жена считала, что его нет в городе; может, он находится в самовольной отлучке — иногда люди совершают запрещенные поездки в Вену из мест вроде Клагенфурта. Соблазны большого города, чего бы они ни стоили...

— Это не все. Маленького человечка, который сказал мне о третьем, убили. Очевидно, он мог заметить еще что-то.

— Теперь ясно, о ком речь,— сказал я.— О Кохе.

— Да.

— Насколько нам известно, вы последний видели его живым.

Тут я учинил ему описанный выше допрос, выясняя, не следил ли за ним по пути к Коху кто-то более ловкий, чем мой человек.

— Австрийская полиция хочет навесить это убийство на вас,— поставил я в известность Мартинса.— Фрау Кох показала, что ее муж был очень взволнован вашим визитом. Кто еще знал о нем?

— Я рассказывал Кулеру,— ответил он.— Видимо, едва я ушел, он позвонил кому-то... может быть, третьему. Им нужно было заткнуть Коху рот.

— Когда вы разговаривали с Кулером, Кох был уже мертв. В тот вечер, услышав чей-то голос, он встал с постели, спустился...

— Что ж, это снимает с меня подозрения. Я был в отеле Захера.

— Лег он очень рано — после вашего ухода у него снова разыгралась мигрень. Поднялся вскоре после девяти. Вы вернулись в отель в половине десятого. Где были до тех пор?

— Бродил по городу, пытался разобраться во всем,— угрюмо ответил Мартинс.

— Можете чем-нибудь это подтвердить?

— Нет.

Мне хотелось припугнуть его, поэтому говорить, что за ним все время следили, не имело смысла. Я знал, что горло Коху перерезал не Мартинс, однако сомневался, что он так уж невиновен, как старается показать. Не всегда настоящий убийца тот, кто пускает в ход нож.

— Можно взять сигарету?

— Возьмите.

— Откуда вы знаете, что я был у Коха? — спросил он.— Потому и привезли меня сюда?

— Австрийская полиция...

— Опознания она не проводила.

— Едва вы ушли, Кулер позвонил мне.

— В таком случае, он не причастен. Иначе не стал бы сообщать вам о моем визите к нему... то есть к Коху.

— Кулер мог предположить, что вы человек разумный и, узнав о смерти Коха, сразу пойдете в полицию. Кстати, как вы узнали об убийстве?

Мартинс с готовностью рассказал, и я поверил. После этого я стал доверять ему полностью.

— Все-таки мне кажется, Кулер здесь ни при чем,— сказал он.— Готов чем угодно ручаться за его честность. Этот американец обладает истинным чувством долга.

— Да, он говорил об этом чувстве по телефону. Извинялся за него. Сказал, что быть воспитанным в духе гражданственности — несчастье. Что чувствует себя из-за этого педантом. Честно говоря, Кулер мне противен. Разумеется, ему невдомек, что я знаю о его делах с автопокрышками.

— Значит, он тоже занимался спекуляцией?

— Не особенно серьезной. Думаю, прикарманил тысяч двадцать пять долларов. Но я не добропорядочный гражданин. Пусть американцы сами смотрят за своими людьми.

— Черт возьми!

Потом Мартинс осторожно спросил:

— Гарри тоже участвовал в чем-то подобном?

— Нет. Дела Гарри были не столь безобидны.

— Знаете,— сказал Мартинс,— я еще не пришел в себя после этой истории — убийства Коха. Возможно, Гарри впутался во что-то очень скверное. Потом решил выйти из игры, и его убили.

— А возможно,— сказал я,— что все хотели бóльшей доли в добыче. И воры перессорились.

На сей раз Мартинс ничуть не рассердился.

— Мы не сходимся в оценке мотивов, но вы, очевидно, тщательно проверили все факты. Прошу прощенья за тогдашнее.

— Ничего.

Есть минуты, когда нужно принимать мгновенные решения. Я был в долгу перед Мартинсом за его откровенность. И сказал:

— Ознакомьтесь с фактами из дела Лайма, тогда все поймете. Только не теряйте головы. Это вас потрясет.

Не потрясти это не могло. Война и мир (если его можно назвать миром) породили различного рода злоупотребления, однако Лайм затеял самое гнусное. Торговцы продуктами на черном рынке по крайней мере поставляли их, то же самое относилось и к сбывавшим товары втридорога. Но пенициллиновое дело — особая статья. В Австрии это лекарство поступало только в военные госпитали: законным путем его не могли получить ни один гражданский врач, ни одна гражданская больница. Вначале пенициллин просто крали и продавали австрийским врачам по бешеным ценам — стоимость ампулы доходила до семидесяти фунтов. Можно сказать, что это была форма распределения — несправедливого, потому что она приносила пользу лишь богатым, хотя и обычное распределение вряд ли было бы справедливее.

Какое-то время все шло благополучно. Иногда кое-кто попадался и нес наказание, но опасность лишь повышала цену на пенициллин. Потом большие люди углядели здесь большие деньги, и теперь тот, кто крал, стал иметь меньше, но зато взамен получал определенную безопасность. В случае чего вора брали под крылышко. Человек подчас находит для себя эгоистические оправдания: совесть многих мелких людишек облегчает мысль, что работают они на хозяина. А вскоре они в собственных глазах становятся почти такими же достойными людьми, как и любой рабочий: каждый считает себя одним из многих, а вина если и существует, то падает на работодателя.

Это я назвал второй стадией. Третья стадия началась, когда барыши показались главарям слишком скромными. Такое положение с лекарством не вечно, и потому им хотелось загрести побольше и побыстрее, пока сбыт был успешным. Они стали добавлять в жидкий пенициллин подкрашенную водичку, а в порошковый — песочек. У меня в одном из ящиков стола образовалась маленькая коллекция, и я показал Мартинсу ее экспонаты. Ему не нра-

Рисунки П. БУНИНА

вилось то, о чем я рассказывал, но суть дела оставалась пока неясна.

— Видимо, пенициллин от этого становился непригодным,— сказал он.

— Будь только это,— ответил я,— мы волновались бы меньше. Но посудите сами. Человек может стать невосприимчивым к пенициллину. Применение такой смеси в лучшем случае делает для больного пенициллин неэффективным. Это не шутка, если у него венерическая болезнь. А присыпание ран вместо пенициллина песком — ну, скажем, не способствует их заживлению. Многие лишались рук, ног и — жизни. Однако больше всего меня ужаснуло посещение детской больницы. Там для лечения менингита была куплена такая смесь, и одни дети умерли, а другие лишились рассудка. Сейчас они в психиатрическом отделении.

Мартинс сидел, хмуро уставясь на свои руки.

— Жутко подумать, правда? — сказал я.

— Вы пока не предъявили доказательств, что Гарри...

— Сейчас приступим к этому. Сидите спокойно и слушайте.

Я открыл досье Лайма и стал читать. Поначалу шли косвенные улики, и Мартинс нетерпеливо ерзал. В сущности, они представляли собой случайные стечения обстоятельств — сотрудники докладывали о том, что в такое-то время Лайм находился в таком-то месте, о его знакомствах с определенными людьми, о возможностях злоупотреблений. Мартинс даже запротестовал:

— Но сейчас это все можно обратить и против меня.

— Слушайте дальше,— сказал я.

Гарри Лайм вдруг стал осторожным: видимо, понял, что мы подозреваем его, и перепугался. Он занимал довольно видное положение, а такие люди легко поддаются страху. Пришлось поместить одного из наших сотрудников санитаром в английский военный госпиталь: к тому времени мы знали посредника, но не могли выйти на главаря. Не буду докучать читателю всеми подробностями, как тогда Мартинсу,— потребовалось много усилий, чтобы войти в доверие к посреднику, человеку по фамилии Харбин. В конце концов мы взяли Харбина в оборот и давили, пока он не раскололся. Полиция в подобных случаях действует по методу секретной службы: подыскиваешь двойного агента, которого можешь полностью контролировать. Харбин подходил для этой цели больше, чем кто бы то ни было. Но даже он вывел нас только на Курца.

— На Курца? — воскликнул Мартинс.— Почему же вы не арестовали его?

— За этим дело не станет,— пообещал я.

Выход на Курца был большим шагом вперед, потому что Лайм исполнял заодно небольшую должность, связанную с благотворительными работами, и находился с ним в прямом контакте. Иногда, если возникала необходимость, они переписывались. Я показал Мартинсу фотокопию одной записки.

— Вам знаком почерк?

— Это рука Гарри.— Он прочел записку до конца.— Не вижу тут ничего предосудительного.

— Да, но теперь прочтите эту от Харбина к Курцу — ее продиктовали мы. Обратите внимание на дату. Вот вам результат.

Мартинс дважды внимательно перечел обе записки.

— Понимаете, что я имею в виду?

Если человек видит, как рушится мир, как падает самолет, вряд ли его потянет на болтовню, а мир Мартинса определенно рушился, мир доброй дружбы, доверия к своему кумиру, мир, сложившийся двадцать лет назад... в коридоре колледжа. Все воспоминания — лежание в высокой траве, незаконная охота на бриквортской пустоши, мечты, прогулки, все, что их связывало, мгновенно стало зараженным, как город после атомного взрыва. Углубляться туда было небезопасно. Пока Мартинс сидел молчком, глядя на свои руки, я достал из шкафа драгоценную бутылку виски и щедро налил в два стакана.

— Выпейте,— сказал я, и он повиновался мне словно лечащему врачу. Я налил ему еще.

— Вы уверены, что именно Гарри был главарем? — неторопливо спросил он.

— Пока пришли к такому выводу.

— Знаете, он всегда был склонен к необдуманным поступкам.

Раньше Мартинс говорил о Лайме совсем другое, но я промолчал. Сейчас ему хотелось как-то утешить себя.

— Видимо,— сказал он,— Гарри шантажировали, втянули в эту шайку, как вы Харбина в двойную игру...

— Возможно.

— И убили, чтобы не заговорил при аресте.

— Не исключено.

— Я рад его смерти,— сказал Мартинс.— Не хотелось бы мне услышать, как Гарри раскалывается.

Он легонько хлопнул себя по колену, словно бы говоря: «Вот и все». Потом произнес:

— Я возвращаюсь в Англию.

— Советую повременить. Если попытаетесь покинуть Вену сейчас, австрийская полиция поднимет шум. Видите ли, чувство долга побудило Кулера позвонить и туда.

— Понятно,— с безнадежным видом сказал он.

— Когда мы найдем третьего...— начал было я.

— Хотелось бы мне услышать, как он раскалывается,— перебил меня Мартинс.— Гадина. Мерзкая гадина.

11

Выйдя от меня, Мартинс тут же решил напиться до потери сознания. Для этой цели он избрал «Ориенталь», небольшой прокуренный мрачный ночной клуб в псевдовосточном стиле. «Ориенталь» был похож на все третьеразрядные притоны в любой из столиц Западной Европы — те же фотографии полуголых девиц на лестнице, полупьяные американцы в баре, скверное вино и отличный джин. Среди ночи туда заглянул с проверкой международный патруль. Мартинс пил рюмку за рюмкой, возможно, он взял бы и женщину, но танцовщицы кабаре давно разошлись по домам, а оставшаяся там французская журналистка с красивым, хитрым лицом заснула.

Мартинс отправился дальше: в ресторане «Максим» невесело танцевало несколько парочек, а в заведении «У Виктора» испортилось отопление, и люди пили коктейли, сидя в пальто. К тому времени у Мартинса перед глазами плыли круги, и его угнетало чувство одиночества. Вспомнилась дублинская женщина, потом амстердамская. Однако единственное, что не могло обмануть,— неразбавленное виски, а от подобных женщин верности не жди. Мысли его блуждали кругами — от сентиментальности к похоти, от веры к цинизму и обратно.

Трамваи уже не ходили, и Мартинс решительно отправился пешком к подружке Гарри. Настроен он был агрессивно, но заснеженная дорога вздымалась и опускалась, как волны озера, и направляла его мысли на иной курс — к печали, вечной любви, самоотречению.

Мартинс поднялся по лестнице к двери в комнату Анны, должно быть, около трех часов ночи. Он уже почти протрезвел и думал только о том, что ей тоже нужно узнать все о Гарри. Ему казалось, что знание искупит долг, налагаемый на людей памятью, и у него появятся шансы на успех. Если человек влюблен, ему и в голову не приходит, что женщина об этом не догадывается: он считает, что ясно дал это понять интонациями голоса, прикосновением рук. Когда Анна с изумлением увидела его, взъерошенного, на пороге, он и подумать не мог, что она открывает дверь чужому человеку.

— Анна,— сказал Мартинс,— я узнал все.

— Входите,— ответила она,— незачем будить весь дом.

На ней был халат, диван превратился в кровать, измятая постель говорила о бессоннице.

— Ну,— спросила Анна, пока Мартинс подбирал слова,— в чем дело? Я думала, вы больше не придете. Вас ищет полиция?

— Нет.

— Того человека действительно убили не вы?

— Конечно, не я.

— Вы что, пьяны?

— Самую малость,— угрюмо ответил Мартинс. И видя, что разговор принимает совсем не тот оборот, буркнул: — Прошу прощенья.

— Почему? Я бы и сама не отказалась немного выпить.

— Я был в английской полиции,— сказал Мартинс.— Меня вовсе не подозревают в убийстве. Но там я узнал все. Гарри занимался махинациями, бесчеловечными махинациями...— И безнадежным тоном добавил: — Он вовсе не был добрым. Мы оба ошибались.

— Расскажите,— попросила Анна. Она села на постель, а Мартинс, слегка покачиваясь, стоял у стола, где лежала отпечатанная роль, все еще раскрытая на первой странице. Мне кажется, рассказывал он очень сбивчиво, сосредоточившись главным образом на том, что сильнее всего засело в его мозгу — на детях, умерших от менингита, и детях в психиатрическом отделении. Когда рассказ подошел к концу, оба они какое-то время молчали.

— Это все? — спросила Анна.

— Да.

— Вы были трезвы? Вам это доказали?

— Да.— И мрачно добавил:— Так вот каким, значит, был Гарри.

— Я рада его смерти,— сказала Анна.— Не хотелось бы, чтобы он долгие годы гнил в тюрьме.

— Но можете ли вы понять, почему Гарри, ваш, мой Гарри, связался...— И тоскливо добавил: — Мне кажется, будто его никогда не было, будто он нам приснился. Небось он все время смеялся над такими дураками, как мы?

— Возможно. Что из того? — ответила она.— Сядьте. Успокойтесь.

Мартинсу представлялось, что это он будет утешать ее, а не наоборот. Анна сказала:

— Будь он жив, то, возможно, сумел бы оправдаться, но теперь нужно помнить его таким, каким он был для нас. Всегда очень многого не знаешь о человеке, даже которого любишь,— и хорошего, и плохого. Поэтому нужно быть готовыми принять и хорошее, и плохое.

— Те дети...

— О господи, не переделывайте людей на свой лад. Гарри был самим собой. Не просто вашим кумиром и моим любовником. Он был Гарри. Занимался махинациями. Совершал преступления. Ну и что? Для нас он был тем, кем был.

— Бросьте эту проклятую философию,— сказал Мартинс.— Неужели вам неясно, что я вас люблю?

Анна в изумлении уставилась на него.

— Вы?

— Да. Я не убиваю людей негодными лекарствами. Не лицемерю, убеждая людей, что я лучший... Я просто скверный писатель, который пьет, не зная меры, и влюбляется в женщин...

— Но я даже не знаю цвета ваших глаз,— сказала она.— Если бы вы позвонили сейчас и спросили, блондин вы или брюнет и носите ли усы, я не сумела бы ответить.

— Не можете забыть его?

— Не могу.

— Как только с убийством Коха будет все ясно,— сказал Мартинс,— я уеду из Вены. Меня больше не волнует, кто убил Гарри: Курц или третий. Тот ли, другой — поделом ему. Я мог бы сам убить его при данных обстоятельствах. Но все-таки вы его любите. Любите обманщика, убийцу...

— Я любила человека,— ответила Анна.— И уже сказала — человек не меняется оттого, что вы узнали о нем что-то новое. Он остается все тем же человеком.

— Перестаньте же наконец. У меня голова трещит, а вы говорите, говорите...

— Я не приглашала вас.

— Заставили прийти помимо своей воли.

Анна внезапно рассмеялась.

— Вы такой смешной,— сказала она.— Едва знакомый человек, приходите в три часа ночи и говорите, что любите меня. Потом сердитесь и начинаете ссору. Как, по-вашему, я должна была поступить или ответить?

— Я впервые вижу, как вы смеетесь. Засмейтесь еще. Мне это нравится.

— Не смеяться же дважды по одному поводу.

Мартинс взял ее за плечи и слегка встряхнул.

— Я буду весь день корчить смешные рожи. Встану на голову и буду усмехаться, просунув лицо между ног. Выучу все шутки из книг о послеобеденных беседах.

— Отойдите от окна. Оно не зашторено.

— Внизу никого нет.— Однако, машинально глянув в окно, Мартинс в этом усомнился: какая-то длинная тень шелохнулась, возможно, из-за того, что луна то появлялась, то скрывалась за тучами.

Он сказал:

— Значит, вы все еще любите Гарри?

— Да.

— Я, может быть, тоже. Не знаю.— И, уронив руки, проговорил: — Пойду.

Уходил Мартинс быстро: даже не потрудился взглянуть, не идет ли за ним кто, не движется ли та тень. Но, дойдя до конца улицы, случайно оглянулся, и там, за углом, прижавшись к стене, чтобы не быть замеченным, стоял кто-то коренастый, массивный. Мартинс остановился и стал присматриваться. Фигура показалась смутно знакомой. Может быть, подумал он, этот человек примелькался мне за последние сутки, может, это тот самый, кто неустанно следит за мной. Мартинс стоял, глядя на молчаливого неподвижного человека в двадцати ярдах на темной улочке. Возможно, это был полицейский шпик или агент тех людей, что сперва растлили Гарри, а потом прикончили его. Может быть, даже тот самый, третий?

Знакомым было не лицо, поскольку Мартинс не мог разглядеть ни одной черты, не движения, потому что человек был совершенно неподвижен, и Мартинсу даже стало казаться, что это мираж, созданный тенью. Он резко крикнул: «Вам что-нибудь нужно?», но ответа не получил. Крикнул снова с хмельным вызовом: «Отвечайте», и на сей раз ответ пришел сам собой, потому что кто-то разбуженный в сердцах отдернул штору, свет упал на противоположную сторону неширокой улочки и выхватил из темноты лицо Гарри Лайма.

12

— Верите вы в привидения? — спросил меня Мартинс.

— А вы?

— Теперь — да.

— Я верю, что пьяным иногда кое-что мерещится — когда крысы, когда что еще похуже.

Мартинс не сразу пришел со своей новостью — лишь опасность, угрожающая Анне Шмидт, занесла его ко мне в кабинет, взъерошенного, небритого, измученного тем, что он видел и не мог понять.

— Из-за одного только лица,— сказал он,— я бы не стал волноваться. Гарри не выходил у меня из головы и вполне мог почудиться в незнакомце. Видел я лицо только мельком, свет тут же погас, и этот человек — если то был человек — пошел прочь. До перекрестка там далеко, но я был так ошеломлен, что дал ему отойти ярдов на тридцать. Подойдя к газетному киоску, он скрылся. Я побежал за ним. Через десять секунд я был у киоска, и он должен был слышать, как я бегу, но, как ни странно, его и след простыл. Я подошел к киоску — никого. На улице ни души. Незаметно войти в какой-нибудь дом он не мог. Исчез — и все тут.

— Чего еще ждать от призрака или галлюцинации.

— Не настолько же я был пьян!

— А что потом?

— Мне потребовалось выпить еще. Нервы совсем расшатались.

— Выпивка не вызвала призрака снова?

— Нет, но привела меня к Анне.

Очевидно, Мартинс постыдился бы прийти ко мне с этой нелепой историей, если бы не попытка арестовать Анну Шмидт. Когда он выложил мне все до конца, я решил, что там был какой-то наблюдатель, но черты Гарри Лайма ему придали хмель и нервозность Мартинса. Что наблюдатель засек его визит к Анне и по телефону известил об этом всех членов шайки. События в ту ночь разворачивались быстро.

Окончание следует

Перевел с английского
Д. ВОЗНЯКЕВИЧ

Грэм ГРИН,
английский писатель

Третий

Повесть

Окончание. Начало см. в № 9, 10, 11/89.

Курц, как вы помните, жил в советской зоне, на широкой, пустынной, заброшенной улице, идущей до Пратерплац. После смерти Лайма он, видимо, сохранил нужные контакты. Соглашение между союзниками в Вене ограничивало действия военной полиции (которой приходилось иметь дело с преступлениями, где замешаны представители союзников) только своей зоной, чтобы действовать в зоне другой державы, требовалось разрешение. Мне было б достаточно позвонить своим американским или французским коллегам, чтобы послать людей произвести арест или проводить расследование. Прежде чем я получил бы разрешение от русских, прошло бы не меньше двух суток, однако на практике редки случаи, когда нужно действовать более срочно. Даже дома не всегда возможно быстрее получить ордер на обыск или разрешение взять под стражу подозреваемого.

Следовательно, если бы я решил арестовать Курца, то его вполне можно было взять и в английской зоне.

Когда Ролло Мартинс, пошатываясь, снова пришел к Анне с вестью, что видел призрак Гарри, испуганный швейцар сказал ему, что Анну увез международный патруль.

Произошло вот что. В то время председательствовали в Старом городе русские, и к ним поступил донос, что Анна Шмидт — их соотечественница, живущая по фальшивым документам. Поэтому русский направил машину на улицу, где жила Анна.

У ее дома американец включился в игру и спросил по-немецки, в чем, собственно, дело. Француз прислонился к капоту двигателя и закурил вонючую сигарету. Это дело Франции не касалось, а потому не имело для него особого значения. Русский произнес несколько слов по-немецки и потряс бумагами. Насколько остальные его поняли, здесь жила без надлежащих документов русская, разыскиваемая советскими органами. Они поднялись и обнаружили Анну в постели, хотя я сомневаюсь, что после визита Мартинса она спала.

В подобных ситуациях немало комичного для тех, кого это не касается непосредственно. Чтобы страшное перевесило смешное, нужно иметь за спиной всеевропейский ужас, обыски и исчезновения людей, отца, принадлежащего к побежденной стороне. Русский отказался выйти из комнаты, американец не хотел оставлять женщину беззащитной, а француз — я думаю, француз отнесся к этому юмористически. Можете представить себе эту сцену? Русский лишь исполнял свой долг и неотрывно смотрел на женщину без малейшего нездорового интереса, американец рыцарски повернулся к ней спиной, француз покуривал и со сдержанным любопытством наблюдал в зеркале гардероба, как женщина одевается, англичанин же встал в проходе, недоумевая, как быть дальше.

Только не подумайте, что англичанин оказался растяпой. Пока он стоял там, не заботясь о рыцарстве, у него было время подумать, и раздумья привели его к телефону в соседней квартире. Он сразу дозвонился до меня. Вот почему через час, когда позвонил Мартинс, я уже знал, что его беспокоит. После той ночи я уже не слышал от него шуток по адресу полицейских или шерифов.

Когда англичанин вернулся в комнату Анны, там шел горячий спор. Анна сказала американцу, что у нее австрийские документы (это было правдой) и что они в полном порядке (а это было уже натяжкой). Американец на ломаном немецком сказал русскому, что они не имеют права арестовывать австрийскую гражданку. Потом попросил у Анны документы, но когда она протянула их, ими завладел русский.

— Венгерка,— сказал он, указывая на Анну, а затем помахал документами,— плохие, плохие.

Американец, фамилия его была О'Брайен, сказал русскому по-английски: «Верните женщине документы», но русский не понял. Американец положил руку на кобуру, и капрал Старлинг мягко сказал:

— Оставь, Пэт.

— Если документы не в порядке, мы имеем право заглянуть в них.

— Да брось ты. Заглянем в комендатуре.

— Беда с вами, англичанами, вечно не знаете, когда нужно дать отпор.

— Ну и ладно,— сказал Старлинг. Он был под Дюнкерком, но знал, когда нужно вести себя спокойно.

Водитель внезапно затормозил: впереди было дорожное заграждение. Я знал, что они будут проезжать мимо этого поста. Просунув голову в окошко, я сказал русскому на его ломаном языке:

— Что вы делаете в британской зоне?

Он недовольно ответил, что у него приказ.

— Чей? Покажите.

Я разглядел подпись — она была мне знакома. И сказал:

— Вам предписано арестовать некую венгерку, военную преступницу, жившую в английской зоне по фальшивым документам. Покажите мне их.

Русский начал долгое объяснение. Я прервал:

— По-моему, документы в полном порядке, но я их проверю и сообщу о результатах вашему полковнику. Разумеется, он в любое время может потребовать выдачи этой дамы. Нужны будут только доказательства ее преступной деятельности.

Я сказал Анне: «Выходите из машины», пожал русскому руку, помахал остальным, облегченно вздохнул, и на том инцидент был исчерпан.

13

Когда Мартинс рассказал, что вернулся к Анне и не застал ее, я крепко задумался. Мне не верилось, что человек с лицом Гарри Лайма был призраком или алкогольной галлюцинацией. Я взял две карты Вены, сравнил их, потом, прервав излияния Мартинса стаканом виски, позвонил своему помощнику и спросил, нашел ли он Харбина. Помощник ответил, что нет: насколько он понял, Харбин неделю назад уехал из Клагенфурта в соседнюю зону к своей семье. Нужно всегда делать все самому, чтобы потом не сваливать вину за неудачу на подчиненных. Я уверен, что не выпустил бы Харбина из наших тисков, но, с другой стороны, мог наделать ошибок, которых бы избежал мой помощник.

— Ладно,— сказал я.— Продолжайте поиск.

— Прошу прощенья, сэр.

— Ничего. Бывает.

Его юношеский, пылкий голос (жаль, что сам больше не испытываешь такого пыла в повседневной работе: сколько возможностей, сколько догадок осталось под спудом лишь потому, что работа уже приелась) звенел в трубке: «Знаете, сэр, мне кажется, что мы слишком легко исключаем возможность убийства. Есть несколько пунктов...»

— Изложите их письменно, Картер.

— Слушаюсь, сэр. Я считаю, сэр, если мне позволительно так выражаться (Картер еще очень молод), нам следует эксгумировать труп. Нет никаких подтверждений, что смерть наступила именно в то время, о котором говорят свидетели.

— Согласен, Картер. Обращайтесь к властям.

Мартинс был прав! Я оказался полнейшим ослом, но учтите, что работа полицейского в оккупированном городе совсем не похожа на работу дома. Здесь незнакомо все: методы иностранных коллег, порядок дознания, даже процедуры расследования. Очевидно, я пришел в то состояние духа, когда слишком полагаешься на собственное суждение. При вести о смерти Лайма у меня словно камень с души свалился. Этот несчастный случай был мне на руку. Я спросил Мартинса:

— Заглянули вы в тот газетный киоск, или он был заперт?

— Да он вовсе не газетный,— ответил Мартинс.— Массивный железный киоск, обклеенный афишами, из тех, что стоят повсюду.

— Покажите мне его.

— А как там Анна?

— Полиция наблюдает за домом. Пока что все спокойно.

Мне не хотелось появляться в том районе на полицейской машине, поэтому мы поехали на трамвае — несколькими маршрутами, пересаживаясь то тут, то там, и пришли к месту пешком. Я был одет в штатское, хотя и сомневался, что после неудачи с Анной сообщники Лайма рискнут выставить наблюдателя.

— Вот этот перекресток,— сказал Мартинс и повел меня в боковую улочку. Мы остановились у киоска.

— Понимаете, он зашел сюда и вдруг исчез — словно под землю.

— Вот именно, под землю.

— Как это?

Проходя мимо, невозможно заметить, что у киоска есть дверь; к тому же, когда тот человек скрылся, было темно. Я распахнул ее и показал Мартинсу винтовую железную лестницу, уходящую вниз.

— Господи,— сказал он,— я даже представить не мог...

— Это один из входов в главный канализационный коллектор.

— Значит, каждый может спуститься туда?

— Каждый.

— И далеко так можно уйти?

— На другой конец Вены. Люди прятались здесь во время воздушных налетов, некоторые из наших бежавших пленных скрывались там по два года. Пользовались этими ходами также дезертиры и взломщики. Если человек в них ориентируется, он может выйти наверх почти в любой части города через люк или такой же киоск. Австрийцы вынуждены содержать специальную полицию для патрулирования коллекторов.

Я закрыл дверь и сказал:

— Вот так и скрылся ваш друг Гарри.

— По-вашему, это в самом деле был он?

— Больше некому.

— Кого же тогда похоронили?

— Пока не знаю, но скоро выясним. Мы решили вскрыть могилу. Однако мне кажется, что Кох был не единственным свидетелем, которого они убрали.

— Ужасно,— сказал Мартинс.

— Да.

— Что же вы намерены предпринять?

— Не знаю. Лайм наверняка скрывается в другой зоне. Информировать нас о Курце теперь некому, потому что Харбин убит — это единственное объяснение инсценировке несчастного случая и похорон.

— Странно, однако, что Кох не узнал лица покойного.

— Окно высоко, и, видимо, лицо было обезображено заранее.

— Я хотел бы поговорить с Гарри,— задумчиво сказал Мартинс.— Понимаете, во многое мне просто не верится.

— Пожалуй, вы единственный, кто мог бы поговорить с ним. Только это рискованно, потому что вам известно слишком много.

— Никак не верится... Я видел лицо всего лишь мельком. Что я должен делать?

— Сейчас Лайм не покинет своей зоны. Заманить его сюда удастся только Анне или вам, если он верит, что вы до сих пор его друг. Но сперва нужно поговорить с ним. Как это устроить — не представляю.

— Повидаюсь с Курцем. У меня есть адрес.

— Имейте в виду,— предупредил я,— Лайм способен не выпустить вас живым из советской зоны, а дать вам туда охрану я не могу.

— Я хочу разобраться в этой проклятой истории,— заявил Мартинс,— но вовлекать его в западню не буду. Поговорю с ним, вот и все.

14

Воскресенье распростерло над Веной свой обманчивый покой: ветер утих, и вот уже сутки не было снега. Все утро битком набитые трамваи шли в Гринцинг, где продавалось молодое вино, и к заснеженным холмам за городом. Во второй половине дня, переходя канал по временному понтонному мосту, Мартинс обратил внимание, что город опустел: молодежь каталась на санках и лыжах, а старики дремали после обеда. Щит с надписью оповестил его, что он входит в советскую зону, но никаких признаков оккупации не было. Русских солдат чаще можно встретить в Старом городе, чем там.

Мартинс умышленно не предупредил Курца о своем визите. Лучше было не застать его дома, чем встретить подготовленный прием. На всякий случай он взял с собой все документы, в том числе и пропуск, разрешавший свободное передвижение во всех оккупационных зонах Вены. Здесь, на другой стороне канала, было необычно тихо, и какой-то аффектированный журналист нарисовал картину безмолвного ужаса: но, по правде, тишина объяснялась шириной улиц, более сильными разрушениями, меньшей населенностью и воскресным днем. Бояться там было нечего, но тем не менее на огромной безлюдной улице, где слышны только собственные шаги, трудно не оглядываться.

Мартинс легко нашел дом, на звонок вышел сам Курц, словно ждал гостя.

— А,— сказал он,— это вы, Ролло,— и растерянно почесал затылок. Мартинс не сразу понял, почему Курц выглядит совсем не так. На нем не было парика, однако голова его оказалась вовсе не лысой. Совершенно нормальная голова с коротко стриженными волосами.

— Напрасно не позвонили,— сказал он Мартинсу.— Вы едва застали меня, я уже собирался уходить.

— Можно к вам на минутку?

— Конечно.

В коридоре стоял шкаф с открытой дверцей, и Мартинс увидел пальто Курца, плащ, несколько мягких шляп и парик, безмятежно висящий на крючке, словно головной убор.

— Я рад, что у вас выросли волосы,— сказал он и с изумлением увидел в зеркале дверцы, как в глазах Курца вспыхнул гневный огонь, а на щеках появились красные пятна. Когда он обернулся, Курц состроил заговорщицкую улыбку и уклончиво произнес:

— Голове в нем теплее.

— Чьей? — спросил Мартинс, его внезапно осенило, как мог пригодиться этот парик в день несчастного случая.— Не придавайте значения,— торопливо добавил он, потому что пришел не ради Курца.— Мне нужно видеть Гарри.

— Гарри?

— Я хочу поговорить с ним.

— Вы с ума сошли?

— Времени у меня мало, поэтому предположим, что да. Только обратите внимание на характер моего безумия. Если увидите Гарри — или его призрак,— то передайте, что мне нужно с ним поговорить. Призраки не боятся людей, так ведь? Это люди боятся их. В течение ближайших двух часов я буду ждать его у колеса обозрения в Пратере. Если можете вступать в контакт с мертвецами, поторопитесь.— И прибавил: — Не забывайте, я был другом Гарри.

Курц промолчал, но в одной из комнат кто-то кашлянул. Мартинс распахнул дверь: у него была легкая надежда снова увидеть воскресшего из мертвых, но там оказался доктор Винклер, он поднялся с кухонной табуретки перед плитой и очень чопорно, церемонно поклонился с тем же целлулоидным скрипом.

— Доктор Винтик,— вырвалось у Мартинса. На кухне Винклер выглядел в высшей степени неуместно: весь стол был завален объедками, и немытая посуда плохо гармонировала с чистотой доктора.

— Винклер,— поправил доктор с твердокаменным упорством.

— Расскажите доктору о моем безумии,— обратился Мартинс к Курцу.— Возможно, он сумеет поставить диагноз. Не забудьте — у колеса. Или призраки являются только по ночам?

И ушел из квартиры.

Ждал почти целый час, расхаживая для согрева туда-сюда в ограде колеса обозрения: разрушенный Пратер с грубо торчащими из-под снега обломками был почти пуст. Единственный ларек торговал блинами, и дети стояли в очереди, держа наготове талоны. В один вагончик колеса набивалось по нескольку парочек, и он, вращаясь вместе с пустыми вагончиками, медленно поднимался над городом. Когда вагончик достигал высшей точки, колесо минуты на две останавливалось, и высоко вверху крошечные лица прижимались к стеклам. Мартинс размышлял, кто придет на встречу. Верен ли Гарри старой дружбе, явится ли сам, или сюда нагрянет полиция? Такого, судя по налету на квартиру Анны, от него вполне можно было ожидать. Взглянув на часы и увидев, что половина намеченного срока прошла, Мартинс подумал: «Может, у меня просто разыгралось воображение? И сейчас тело Гарри откапывают на Центральном кладбище?»

За ларьком кто-то стал насвистывать, Мартинс узнал знакомую мелодию, повернулся и замер. Сердце его торопливо забилось то ли от страха, то ли от волнения — или воспоминаний, пробужденных этой мелодией, потому что жизнь всегда становилась ярче с появлением Гарри. Появился он словно ни в чем не бывало, словно никого не зарывали в могилу и не находили в подвале с перерезанным горлом, как всегда, самодовольно, вызывающе, словно бы говоря: «принимайте меня таким, как есть»,— и конечно, его всегда принимали.

— Гарри.

— Привет, Ролло.

Только не подумайте, что Гарри Лайм был обаятельным негодяем. Вовсе нет. У меня в досье есть превосходный снимок: он стоит на улице, широко расставив толстые ноги, огрузлые плечи чуть ссутулены, выпирает брюшко от вкусной и обильной еды, на веселом лице плутовство, довольство, уверенность, что его счастью не будет конца. Подойдя, он не протянул руки из опасения, что Мартинс откажется ее пожать, а похлопал его по локтю и спросил:

— Как дела?

— Нам нужно поговорить, Гарри.

— Само собой.

— Наедине.

— Здесь это будет проще всего.

Он всегда знал все ходы и выходы, знал их даже там, в разрушенном парке, и дал на чай женщине, управлявшей колесом обозрения, чтобы она предоставила вагончик им на двоих.

— Раньше так поступали ухажеры,— сказал он,— но сейчас они стеснены в деньгах, бедняги,— и глянул из окна раскачивающегося вагончика на фигурки остающихся внизу людей, казалось, с искренним сочувствием.

По одну сторону город очень медленно уходил вниз, по другую очень медленно появлялись большие скрещенные опоры колеса. Горизонт отступал, показался Дунай, и быки моста кайзера Фридриха поднялись над домами.

— Ну что ж,— сказал Гарри,— рад видеть тебя, Ролло.

— Я был на твоих похоронах.

— Хорошо устроено, правда?

— Для твоей подружки не очень. Она тоже была у могилы — вся в слезах.

— Славная малышка,— сказал Гарри.— Я к ней очень привязан.

— Когда полицейский рассказал о тебе, я не поверил.

— Знать бы, как все сложится,— сказал Гарри,— то не пригласил бы тебя. Но вот уж не думал, что полиция интересуется мной.

— Ты хотел взять меня в долю?

— Я всегда брал тебя в дела, старина.

Лайм стоял спиной к дверце качающегося вагончика и улыбался Ролло Мартинсу, а тот вспоминал его в такой же позе в тихом углу внутреннего четырехугольного двора говорящим: «Я нашел способ выбираться по ночам. Совершенно надежный. Открываю его только тебе». Впервые в жизни Ролло Мартинс оглядывался на прошлое без восхищения и думал: «Он так и не повзрослел». У Марло черти носят привязанные к хвостам шутихи: зло похоже на Питера Пэна [1] — оно обладает потрясающим и ужасным даром вечной юности.

— Бывал ты в детской больнице? — спросил Мартинс.— Видел хоть одну из своих жертв?

Глянув на миниатюрный ландшафт внизу, Гарри отошел от дверцы.

— Мне всегда страшновато в этих вагончиках.— И потрогал дверцу, словно боялся, что она распахнется и он упадет с высоты на усеянную железками землю.— Жертв? — переспросил он.— Не будь мелодраматичным, Ролло, погляди-ка сюда.— И показал на людей, кишащих внизу, словно черные мухи.— Будет ли тебе искренне жаль, если одна из этих точек перестанет двигаться — навсегда? Если я скажу, что ты получишь двадцать тысяч фунтов за каждую остановленную точку, ответишь ли ты не колеблясь: «Старина, оставь свои деньги при себе»? Или начнешь подсчитывать, сколько точек сможешь пощадить? Эти деньги не облагаются налогом, старина.— Он улыбнулся мальчишеской, заговорщицкой улыбкой.— В наше время это единственный способ разбогатеть.

— Ты не мог заняться автопокрышками?

— Как Кулер? Нет, я всегда был честолюбив. Но им не схватить меня, Ролло, вот увидишь. Я снова вынырну на поверхность. Умного человека утопить невозможно.

Вагончик, раскачиваясь, остановился на высшей точке орбиты. Гарри повернулся к Мартинсу спиной и стал смотреть в окно. Мартинс подумал: «Один хороший толчок, и стекло разобьется» — и представил себе тело, упавшее среди тех мух.

— Знаешь,— сказал он,— полицейские собирались вскрыть твою могилу. Кого они там обнаружат?

— Харбина,— простодушно ответил Гарри. Потом отвернулся от окна и произнес: — Погляди-ка на небо.

Вагончик неподвижно висел на высшей точке орбиты, и закатные лучи разбегались по хмурому облачному небу за черными балками.

— Почему русские хотели забрать Анну Шмидт?

— У нее фальшивые документы, старина.

— Я думал, может, ты хотел переправить ее сюда, потому что она твоя подружка? Потому что любишь ее?

Гарри улыбнулся:

— У меня здесь нет никаких связей.

— Что сталось бы с ней?

— Ничего особенного. Выслали бы обратно в Венгрию. Никаких обвинений против нее нет. Ей было бы гораздо лучше жить на родине, чем терпеть грубость английской полиции.

— Анна ничего не рассказала о тебе полицейским.

— Славная малышка,— повторил Гарри с самодовольной гордостью.

— Она любит тебя.

— Что ж, ей не приходилось жаловаться, пока мы были вместе.

— А я люблю ее.

— Прекрасно, старина. Будь добр к ней. Она того заслуживает. Я рад.— У Лайма был такой вид, будто он устраивал все к всеобщему удовольствию.— И позаботься, чтобы она помалкивала. Хотя ничего серьезного ей не известно.

— У меня руки чешутся вышибить тебя вместе со стеклом.

— Не вышибешь, старина. Наши ссоры всегда кончались быстро. Помнишь ту жуткую, в Монако, когда мы клялись, что между нами все кончено? Я всегда доверял тебе, Ролло. Курц уговаривал меня не приходить, но я тебя знаю. Потом он советовал... ну, устроить несчастный случай. Сказал, что в таком вагончике это будет очень легко.

— Но ведь я сильнее тебя.

— А у меня пистолет. Думаешь, пулевая рана будет заметна после падения на эту землю?

Вагончик дернулся, поплыл вниз, и вскоре мухи превратились в карликов, стало видно, что это люди.

— Ну и болваны мы, Ролло, нашли о чем говорить, словно я поступил бы так с тобой — или ты со мной.

Он снова повернулся и приник лицом к стеклу. Один толчок...

— Старина, сколько ты зарабатываешь в год своими вестернами?

— Тысячу фунтов.

— Облагаемых налогом. А я тридцать тысяч чистыми. Такова жизнь. В наши дни, старина, об отдельных людях никто не думает. Раз не думают правительства, с какой стати думать нам? У русских на уме народ, пролетариат, а у меня простофили. В принципе одно и то же. У них свои пятилетние планы, у меня свои.

— Ты ведь был католиком.

— О, я и сейчас *верую*, старина. В бога, милосердие и во все прочее. Своими делами я не приношу вреда ничьей душе. Мертвым лучше быть мертвыми. Немного они потеряли, уйдя из этого мира, бедняги,— добавил он с неожиданным оттенком искренней жалости, когда вагончик спустился к платформе, и те, кому отводилась участь жертв, усталые, ждущие воскресных развлечений люди уставились на них.— Знаешь, я могу взять тебя в дело. Будет очень кстати. В Старом городе у меня никого не осталось.

— Кроме Кулера? И Винклера?

— Не превращайся в полицейского, старина.

Они вышли из вагончика, и Лайм снова положил руку на локоть Мартинса.

— Это шутка, я знаю, ты откажешься. Слышал в последнее время что-нибудь о Брейсере?

— Он прислал мне открытку на рождество.

— Славные то были дни, старина, славные. Здесь я должен с тобой расстаться. Мы еще увидимся... когда-нибудь. В случае чего найдешь меня через Курца.

Отойдя, он помахал рукой — у него хватило такта ее не протягивать. Казалось, все прошлое уплывает во мрак забвения. Мартинс внезапно крикнул вслед Лайму: «Гарри, не доверяй мне»,— но расстояние между ними было уже таким, что эти слова нельзя было расслышать.

15

— Анна была в театре,— рассказывал Мартинс,— на утреннем спектакле. Пришлось смотреть его с начала до конца во второй раз. Это пьеса о пианисте средних лет, влюбленной девушке и понимающей — очень понимающей — жене. Играла Анна скверно — актриса она в лучшем случае посредственная. После спектакля я зашел к ней в уборную. Анна очень нервничала. Видимо, решила,

[1] Персонаж одноименной пьесы английского драматурга Дж. Барри (1860—1937).

что я собираюсь начать серьезные ухаживания, а ей было не до того. Я сказал, что Гарри жив,— думал, Анна обрадуется и мне будет неприятна ее радость, но она сидела перед зеркалом, не утирая слез, катившихся по гриму, и тут я пожалел, что она не радуется. Выглядела Анна ужасно, и я любил ее. Я передал ей разговор с Гарри, но Анна почти не слушала, потому что когда я дошел до конца, она сказала:

— Жаль, что он не мертв.

— Он заслуживает смерти.

— Ведь тогда он был бы недосягаем — для всех.

Я спросил Мартинса:

— Вы ей показали снимки детей, взятые у меня?

— Показал. Думал, они либо доконают ее, либо исцелят. Ей нужно выбросить Гарри из головы. Фотографии я приставил к баночкам с гримом. Она не могла их не видеть. Я сказал Анне:

— Полиция может арестовать Гарри только в этой зоне, и мы должны помочь!

— Я думала, он был вашим другом,— сказала Анна.— Мне другом он был. На мою помощь не рассчитывайте. Я больше не хочу видеть Гарри, не хочу слышать его голоса. Не хочу, чтобы он прикасался ко мне, но и пальцем не шевельну, чтобы причинить ему вред.

Мне стало горько — не знаю почему; в конце концов я ничего для нее не сделал. Даже Гарри сделал для нее больше меня. Я сказал: «Вы до сих пор любите его», словно обвиняя в преступлении. Она ответила: «Не люблю, но он живет во мне. Правда, не как друг. Даже в любовных снах я всегда вижу только его».

Мартинс замялся, и я подбодрил:

— Дальше.

— Тут я поднялся и ушел. Теперь слово за вами. Что от меня требуется?

— Нужно действовать быстро. В гробу оказалось тело Харбина, поэтому Винклера с Кулером можно брать сразу же. Курц пока вне досягаемости, водитель тоже. Мы официально запросим у русских разрешение на арест Курца и Лайма: материалов для этого в деле хватает. Если использовать вас как приманку, ваше сообщение Лайму должно отправиться немедленно — не после того, как вы проведете сутки в этой зоне. Я представляю себе это так: после возвращения в Старый город вас привели сюда на допрос. Здесь вы узнали о Харбине, поняли, что к чему, и пошли предупредить Кулера. Мы позволим Кулеру улизнуть ради более крупной дичи — у нас нет никаких доказательств, что он участвовал в махинациях с пенициллином. Кулер отправится во вторую зону, к Курцу, и Лайм узнает, что вы не сказали о нем ни слова. Три часа спустя вы пошлете сообщение, что полиция преследует вас: вы находитесь в убежище и вам нужно его видеть.

— Он не придет.

— Может прийти. Убежище мы подберем старательно — чтобы риск казался минимальным. Попытаться стоит. Если он выручит вас, это даст ему возможность гордиться собой и потешаться над вами. И обеспечит ваше молчание.

— В колледже он никогда не выручал меня,— сказал Мартинс. Было ясно, что он пересматривает прошлое и делает выводы.

— Там неприятности были пустяковые, и не было опасности, что вы заговорите.

— Я сказал Гарри: «Не доверяй мне», но он не расслышал.

— Вы согласны?

Мартинс вернул мне фотографии детей, они лежали на столе, и я заметил, что он долго не сводил с них взгляда.

— Да,— ответил он.— Согласен.

16

Все начальные приготовления шли по плану. Винклера, только что вернувшегося из второй зоны, мы решили не брать, пока Кулер не будет предупрежден. Мартинс говорил с Кулером недолго. Американец встретил его без тени смущения и очень покровительственно.

— О, мистер Мартинс, приятно вас видеть. Присаживайтесь. Я рад, что между вами и полковником Каллоуэем все окончилось хорошо. Он очень честный человек.

— Радоваться нечему,— сказал Мартинс.

— Вы, конечно, не в претензии, что я сообщил ему о вашей встрече с Кохом? Я подумал: если вы неповинны, то немедленно оправдаетесь, а если виновны, мои симпатии к вам не должны мешать делу. У гражданина есть определенные обязанности.

— Например, давать ложные показания.

— А, это старая история,— сказал Кулер.— Я боялся, что вы сердитесь на меня, мистер Мартинс. Взгляните на дело так — лояльный гражданин...

— Полиция эксгумировала труп. Вас с Винклером будут искать. Предупредите Гарри...

— Не понимаю.

— Прекрасно понимаете.

Было ясно, что Кулер понял. Мартинс резко поднялся и ушел. Больше он видеть не мог этого любезного, озабоченного гуманиста.

Теперь оставалось только наживить крючок. Изучив карту канализационной системы, я пришел к выводу, что кафе возле киоска, который Мартинс принял за газетный, будет самым подходящим местом. Лайму нужно только подняться на поверхность, пройти пятьдесят ярдов, забрать Мартинса и снова уйти под землю. Он не догадывался, что его расчет нам ясен: ему, конечно же, было известно, что обход коллекторов специальной полицией кончается незадолго до полуночи, а следующий начинается только в два, и вот в полночь Мартинс сидел в маленьком холодном кафе с видом на киоск и пил кофе чашку за чашкой. Я дал ему пистолет, расставил людей как можно ближе к киоску, а специальная полиция была готова закрыть в полночь все выходы и начать прочесывание коллекторов от окраин к центру. Но я хотел не дать Лайму спуститься снова под землю. Это избавило бы нас от трудов — а Мартинса от риска. Итак, Мартинс сидел в кафе.

Ветер поднялся снова, но снега не принес: он тянул ледяными порывами с Дуная и сдувал снежинки, словно пену с гребня волны, на маленькой, покрытой мерзлой травой площадке. Отопления в кафе не было, и Мартинс поочередно грел руки о чашку эрзац-кофе — о бесчисленные чашки. Почти все время с ним находился кто-нибудь из моих людей — я менял их минут через двадцать с неравными интервалами. Прошло больше часа: Мартинс давно потерял надежду, и я тоже. Я сидел у телефона в нескольких кварталах оттуда с отрядом специальной полиции, готовым при необходимости спуститься под землю. Нам было легче, чем Мартинсу: в сапогах до бедер и в бушлатах мы не мерзли. Один из полицейских пристегнул на грудь небольшой прожектор, раза в полтора побольше автомобильной фары, другой запасся связкой римских свечей. Раздался телефонный звонок. Звонил Мартинс.

— Я умираю от холода,— сказал он.— Уже четверть второго. Есть ли смысл ждать еще?

— Вы напрасно звоните. Вам нужно быть на виду.

— Я выпил семь чашек этого дрянного кофе. Больше мой желудок не выдержит.

— Если Лайм придет, то уже скоро. Он не захочет наткнуться на двухчасовой патруль. Пробудьте там еще четверть часа, но не подходите к телефону.

Внезапно Мартинс сказал:

— Черт возьми, он здесь. Он...

Голос в трубке оборвался. Я сказал помощнику: «Дайте сигнал охранять все выходы», а отряду: «Спускаемся вниз».

Произошло вот что. Мартинс еще говорил, когда Гарри Лайм вошел в кафе. Не знаю, что он услышал, может быть, ничего. Достаточно было увидеть, что человек, которого ищет полиция и у которого нет друзей в Вене, говорит по телефону. И прежде чем Мартинс положил трубку, он вышел. Как раз в тот миг никого из полицейских в кафе не оказалось. Один только что ушел, а другой подходил к дверям. Гарри Лайм проскользнул мимо него и направился к киоску. Мартинс вышел из кафе и увидел моих людей. Крикни он сразу, все было бы просто, но,

Рисунки П. БУНИНА

мне кажется, то уходил не Лайм, мошенник и убийца, то был Гарри. Пока Мартинс колебался, Лайм вошел в киоск, потом Мартинс крикнул: «Это он!», но Лайм уже спускался под землю.

Что за странный, неизвестный большинству мир лежит у нас под ногами: мы живем над пещерной страной водопадов и мчащихся рек, там есть приливы и отливы, как и в мире наверху. Если вы читали о приключениях Аллана Квотермейна [1] и рассказ о его путешествии по подземной реке в город Милосис, то сможете представить себе последнее убежище Лайма. Главный поток шириной в половину Темзы мчится под громадным сводом и питается ручьями: эти ручьи спускаются водопадами с более высоких уровней и очищаются при падении, так что в этих боковых каналах грязен лишь воздух. Главный поток издает душистый, свежий запах с примесью озона, и повсюду в темноте слышен шум бегущей или падающей воды. Когда Мартинс и полицейский подошли к этой реке, только что кончился прилив: сперва они спустились по винтовой железной лестнице, потом миновали короткий проход, такой низкий, что им пришлось нагибаться, а потом у их ног заплескалась мелкая с краю река. Мой человек посветил фонариком на край потока и сказал: «Пошел туда», потому что как глубокая река прибивает к берегу всякий хлам, так и канализационный поток оставляет в мелкой воде у стены апельсиновые корки, пачки из-под сигарет и тому подобное, и в этих отбросах Лайм оставил свой след четко, будто на сырой земле. Полицейский держал фонарик над головой в левой руке, а пистолет в правой. Мартинсу он сказал:

— Держитесь позади меня, сэр, этот гад может выстрелить.

— Тогда почему, черт возьми, вы должны быть впереди?

— Это моя работа, сэр.

Они шли по колено в воде, полицейский направлял луч фонарика на взбаламученный след у края потока.

— Самое нелепое,— сказал он,— что этому гаду все равно никуда не деться. Все выходы охраняются, путь в русскую зону перекрыт. Нашим ребятам остается только прочесать боковые ходы от люков.

Полицейский достал свисток и свистнул, очень издалека стали доноситься ответные трели.

— Все уже внизу,— сказал он.— Я говорю об отряде полиции специального назначения. Ребята знают это место так же, как я Тотенхем-корт-роуд. Жаль, меня сейчас не видит моя старуха.— Он приподнял фонарик повыше, чтобы посмотреть вперед, и в этот миг раздался выстрел. Фонарик выпал и шлепнулся в воду.

[1] Герой романа писателя Р. Хаггарда (1856—1925).

Черт бы побрал этого гада,— пробормотал полицейский.

— Вы ранены?

— Слегка царапнуло кисть, пустяки. Вот запасной фонарик, сэр, подержите, пока я перевяжу руку. Не светите. Он в одном из боковых ходов.

Звук выстрела еще долго перекатывался эхом; когда последний отзвук стих, впереди раздался свисток, и спутник Мартинса свистнул в ответ.

— Странное дело,— сказал Мартинс,— я даже не знаю вашей фамилии.

— Бейтс, сэр.— Он негромко засмеялся в темноте.— Это не мой постоянный участок. Вы знаете пивную «Подкова», сэр?

— Да.

— И «Герцог Графтон»?

— Знаю.

— Что ж, кого там только не бывает.

— Давайте я пойду вперед,— предложил Мартинс.— Вряд ли он станет стрелять в меня. Я хочу поговорить с ним.

— Мне приказано всемерно оберегать вас, сэр.

— Ничего.

Мартинс обошел Бейтса, погрузившись при этом на фут глубже. Выйдя вперед, он крикнул: «Гарри»,—вдоль потока понеслось эхо «Гарри, Гарри, Гарри» и вызвало в темноте целый хор свистков.

— Гарри! — крикнул он снова.— Выходи. Это бесполезно.

Неожиданно близкий голос заставил их прижаться к стене.

— Это ты, старина? Говори, что нужно делать.

— Выходи. И подними руки над головой.

— У меня нет фонарика, старина. Я ничего не вижу.

— Осторожнее, сэр,— предупредил Бейтс.

— Прижмитесь к стене. В меня он стрелять не станет,— сказал Мартинс. И крикнул: — Гарри, сейчас я включу фонарик. Играй по-честному и выходи. Все равно тебе не скрыться.

Он зажег фонарик, и футах в двадцати, на грани воды и света, появился Лайм.

— Подними руки, Гарри.

Гарри вскинул руку и выстрелил. Пуля срикошетила от стены возле головы Мартинса, и он услышал, как вскрикнул Бейтс. В этот миг луч прожектора с пятидесяти ярдов осветил весь канал и выхватил из темноты Лайма, Мартинса, широко открытые глаза Бейтса, лежащего по грудь в воде. Под мышку ему занесло пустую сигаретную пачку. Тут подоспел мой отряд.

Мартинс в смятении стоял над Бейтсом. Лайм находился между нами. Стрелять из опасения попасть в Мартинса мы не могли, а Лайма слепил свет прожектора. Мы медленно продвигались вперед, на всякий случай держа пистолеты наготове, Лайм метался туда-сюда, как ослепленный фарами заяц, потом внезапно бросился в центральный поток, глубокий и быстрый. Когда мы повернули вслед ему прожектор, он был под водой, и течение быстро несло его мимо тела Бейтса, за пределы луча, в темноту. Что заставляет человека в безвыходном положении цепляться за несколько минут жизни? Достоинство это или недостаток? Трудно сказать.

Мартинс стоял у кромки луча, глядя вниз по течению, теперь в руке у него был пистолет, и лишь он один мог стрелять без опаски. Я разглядел что-то движущееся и крикнул ему: «Вон он. Вот он. Стреляйте». Мартинс поднял пистолет и выстрелил, как много лет назад стрелял по этой команде на Бриквортской пустоши, и, как тогда, выстрел оказался неточным. Раздался похожий на звук рвущегося ситца крик боли, в нем звучали упрек и мольба. «Молодчина»,— крикнул я и остановился около Бейтса. Он был мертв. Когда на него навели прожектор, глаза остались безучастно открытыми, кто-то нагнулся, взял прилипшую сигаретную пачку, бросил в поток, и она понеслась по течению — это оказался обрывок желтой «Голд флейк»: да, Бейтс был далек от Тотенхем-корт-роуд.

Когда я поднял взгляд, Мартинс уже скрылся в темноте. Я окликнул его, но мой голос утонул в гулком эхе, в шуме и реве подземной реки. Потом раздался третий выстрел.

Мартинс впоследствии рассказывал:

— Я пошел вниз по течению искать Гарри, но, должно быть, проглядел в темноте. А зажигать фонарик боялся: Гарри мог выстрелить снова. Очевидно, пуля настигла его у бокового хода. И он пополз к железной лестнице. Там, наверху, в тридцати футах, был люк, но у Гарри не хватило бы сил его приподнять, и даже если бы удалось, наверху стояли полицейские. Должно быть, он все это знал, но от боли лишился рассудка, и наверное, как животное инстинктивно ползет умирать в темноту, так человек стремится к свету. Его тянет умереть в привычном мире, а темнота — мир для нас чуждый. Гарри стал карабкаться по ступеням, но тут боль усилилась и не дала двигаться дальше. Что заставило его насвистывать ту нелепую мелодию, которую, как я верил по глупости, написал якобы он сам? Старался ли привлечь внимание, хотел ли, чтобы рядом был друг, хотя этот друг и устроил ему ловушку, или свистел в бреду безо всякой цели? Словом, я услышал его свист, пошел обратно вдоль стены, нащупал, где она кончается, и поднялся по темному ходу туда, где лежал он. «Гарри»,— окликнул я, и свист оборвался прямо у меня над головой. Я все еще боялся, что он может выстрелить. Нащупав железный поручень, я стал подниматься. И уже на третьей ступеньке наступил ему на руку, он лежал там. Я осветил его фонариком, пистолета не было, очевидно, выронил при ранении. Сперва мне показалось, что он мертв, но тут у него вырвался жалобный стон. Я позвал: «Гарри», и он с большим усилием поднял на меня взгляд. Ему хотелось что-то сказать, я нагнулся и прислушался. «Проклятый болван»,— произнес он, и все: не знаю, имел ли он в виду себя, совершая акт покаяния, пусть и слишком легкого (он был католиком), или меня — неспособного подстрелить зайца, с моей тысячей фунтов в год, облагаемой налогом, и моими вымышленными скотокрадами. А потом застонал снова. Я больше не мог видеть, как он мучается, и прикончил его.

— Об этой подробности мы забудем,— сказал я.

— Мне никогда не забыть,— ответил Мартинс.

17

В ту ночь началась оттепель, снег в Вене таял, и безобразные развалины обнажались снова: прутья арматуры висели как сталактиты, а ржавые балки торчали из серого талого снега будто кости. Могильщикам было намного легче, чем неделю назад, когда пришлось бурить мерзлую землю. День вторых похорон Лайма выдался теплым, почти весенним. Я был рад, что его снова зарывают, но ради этого двум людям пришлось погибнуть. Группа у могилы на сей раз оказалась меньше: не было ни Курца, ни Винклера — только Анна, Ролло Мартинс и я. И никто не пролил ни слезинки.

Когда все было кончено, Анна молча повернулась и, разбрызгивая талый снег, пошла по длинной аллее, ведущей к главному входу и трамвайной остановке. Я сказал Мартинсу:

— У меня есть машина. Может, подвезти?

— Нет,— ответил он.— Поеду трамваем.

— Вы выиграли. Доказали, что я безмозглый осел.

— Нет,— сказал он.— Я проиграл.

Я смотрел, как Мартинс широко шагает на своих длинных ногах за Анной. Он догнал ее, и они пошли рядом. Думаю, он не сказал ей ни слова. Это походило на концовку повести. Мартинс был никудышным стрелком и очень плохо разбирался в характерах, однако ухитрялся писать вестерны (поддерживая напряжение) и ладить с женщинами (не представляю как). А Крэббин? О, Крэббин все еще спорит с Британским обществом культурных связей о расходах на Декстера. Ему говорят, что нельзя оплачивать одновременные расходы в Стокгольме и в Вене. Бедняга Крэббин... Да и все мы, если разобраться, бедняги.

Перевел с английского Д. ВОЗНЯКЕВИЧ

ПРИЗРАК ГИДЕОНА УАЙЗА

Рассказ

Этот случай патер Браун по праву счел удивительным примером алиби, по которому никто, за исключением лишь некой птицы из древних ирландских мифов, не способен находиться одновременно в нескольких местах. Пожалуй, только журналист Джеймс Бирн мог бы, пусть с некоторой натяжкой, сойти за такую птицу, особенно если принять во внимание его ирландское происхождение. Он, как никто другой, был близок к тому, чтобы оказаться сразу в двух точках пространства, потому что за каких-то двадцать минут Бирну удалось побывать на противоположных полюсах общественной и политической жизни.

Первый из них располагался в просторном зале огромного отеля. Здесь встретились три промышленных магната, озабоченные тем, как организовать локаут на угольных шахтах и заставить горняков отказаться от забастовки. Второй полюс находился в своеобразной таверне, скрывавшейся под фасадом бакалейной лавки. Там проходило совещание другого триумвирата, члены которого с радостью обратили бы локаут в забастовку, а забастовку — в революцию. И нашему репортеру, словно гонцу, приходилось сновать то туда, то сюда — между миллионерами и социалистами.

Угольных королей Бирн нашел среди надежно укрывавшего их густого леса цветущих диковинных растений и витых резных позолоченных колонн. Высоко под расписными сводами между вершинами пальм были развешаны золоченые клетки. В них пели на разные голоса причудливые птицы с оперением всевозможных тонов. Но даже в самой безлюдной пустыне пение этих птиц и благоухание цветов было бы уместнее, чем здесь.

Промышленники, двое из которых были американцами, задыхаясь от яростных споров, расхаживали взад и вперед по всему залу и не замечали ничего вокруг себя. Они рассуждали о том, как богатство вырастает из предусмотрительности, бережливости, бдительности и самообладания. Правда, один из них говорил меньше других, а чаще наблюдал за ними горящими глазами, которые, казалось, прочно скрепляло вместе пенсне. Под маленькими черными усиками у него все время блуждала легкая улыбка, похожая скорее на постоянную насмешку. Это был сам Джекоб П. Стейн, как известно, не привыкший тратить без особой надобности даже слова. Зато Гэллап, его пожилой компаньон из Пенсильвании, человек грузный, с почтенной сединой, но невыразительным лицом, говорил больше остальных. Он пребывал в веселом расположении духа и полушутя-полуугрожающе нападал на третьего из миллионеров — Гидеона Уайза — сухощавого старца с торчащей седой бородой. Уайз относился к типу людей, который его соотечественники любят сравнивать с гикори — американским орехом. Своей одеждой и манерами он напоминал обычного старого фермера из равнинных центральных штатов.

Спор между Гэллапом и Уайзом по поводу конкуренции и объединения капиталов тянулся давно.

Уайз сохранил привычки закоренелого индивидуалиста. Поэтому Гэллап уже в который раз пытался убедить его не мешать другим, а объединить ресурсы в мировом масштабе.

— Рано или поздно вам придется пойти на союз с нами, старина,— весело произнес Гэллап, когда журналист вошел в зал.— Этого требует время. Теперь уже нельзя вернуться назад к мелким предприятиям с одним владельцем. Мы просто обязаны держаться вместе!

— Я бы тоже добавил несколько слов, если позволите,— с обычным спокойствием вмешался Стейн.— Существует нечто еще более важное, чем взаимная финансовая поддержка,— политическое единство. Я пригласил сюда мистера Бирна с определенной целью. Нам необходимо сплотиться и сообща решать политические вопросы, так как наши наиболее опасные враги уже объединились.

— Но ведь я вовсе не против политического союза,— проворчал Гидеон Уайз.

Стейн обратился к журналисту:

— Послушайте, мистер Бирн, насколько мне известно, вы можете проникать в разные темные места. И я хочу, чтобы вы совершенно неофициально сделали для нас кое-что. Вы знаете, где встречаются социалисты. Нашего внимания заслуживают лишь двое-трое из них: Джон Элиас, Джейк Холкет, разглагольствующий больше других, да еще, может быть, поэт Генри Хорн.

— А ведь Хорн когда-то водил дружбу с Гидеоном,— насмешливо произнес Гэллап.— Кажется, он посещал класс старика в воскресной школе или нечто в этом роде.

— Тогда Хорна еще можно было считать христианином,— напыщенно заявил в ответ Гидеон Уайз.— Но когда человек начинает общаться с безбожниками, поневоле возникают сомнения. Я продолжал встречаться с ним время от времени, даже готовился поддержать его выступления против войны, воинской повинности и тому подобного. Ну а теперь...

— Простите,— перебил его Стейн,— но дело не терпит отлагательств. Мистер Бирн, открою вам секрет. У меня есть сведения, или, точнее, доказательства, с помощью которых можно надолго отправить в тюрьму за участие в заговорах во время войны по крайней мере двоих руководителей социалистов. Мне бы не очень хотелось использовать эти документы. Поэтому прошу вас, мистер Бирн, пойти и конфиденциально сообщить лидерам заговорщиков, что если они не изменят отношения к нам, я воспользуюсь своими сведениями не далее как завтра.

— Но ведь вы предлагаете не что иное, как соучастие в уголовном преступлении, именуемом шантажом,— ответил Бирн.— Это опасно!

— Да, думаю, положение достаточно серьезно. Для господ социалистов, разумеется,— сухо ответил Стейн.— Вот и растолкуйте им это.

— Ну хорошо,— согласился репортер и с полушутливым вздохом встал.— Дело, в общем-то, привычное. Но если попаду в неприятную историю, то потяну за собой и вас, уж будьте уверены!

— Что ж, попробуйте, молодой человек,— саркастически усмехнулся Гэллап.

Встреча рабочих лидеров проходила в странного вида пустой комнате. На беленых стенах висели только два небрежных черно-белых рисунка, изображающих непонятно что. Единственное, что роднило оба собрания — спиртные напитки — в нарушение сухого закона. Правда перед миллионерами стояли разноцветные коктейли. Холкет же, относившийся к крайним радикалам, признавал только неразбавленное виски. Это был высокий, суровый на вид, но немного неуклюжий сутуловатый человек с резко выступающим вздернутым носом и вытянутыми губами. Он носил неопрятные рыжие усы, и во всем его облике читалось странное презрение к окружающим.

Джон Элиас, смуглый осторожный мужчина в очках с небольшой черной бородой, привык в европейских кафе к абсенту. Журналисту сразу бросилось в глаза невероятное сходство между Джоном Элиасом и Джекобом П. Стейном. Они были настолько похожи как лицом, так и манерами, что казалось, сам миллионер убежал тайком из отеля и каким-то подземным ходом пробрался в цитадель социалистов.

Третий из них предпочитал совсем другой напиток. Перед Хорном стоял стакан с молоком, выглядевший в данной обстановке более зловеще, чем мертвенно-зеленоватый абсент. Но такое впечатление было обманчиво. Просто Генри Хорн отличался социальным происхождением от Холкета и Элиаса и пришел в лагерь заговорщиков иной дорогой. Он получил вполне приличное воспитание, в детстве ходил в церковь и на всю жизнь остался трезвенником, хотя затем порвал с религией и семьей. У него были светлые волосы и тонкие черты лица. Каким-то непонятным образом короткая бородка придавала Хорну женственный вид.

Когда Бирн вошел в комнату, пресловутый Джейк Холкет привычно вел дискуссию, вызванную тем, что Хорн чисто машинально произнес вполне обычную фразу «не дай бог». Ее оказалось достаточно, чтобы пробудить гнев Холкета.

— Не дай бог! Да ведь бог только и может, что не давать,— восклицал Джейк.— Он не дает бастовать, не дает бороться, не дает убивать кровопийц-эксплуататоров. Почему бы ему хоть раз не запретить что-нибудь и им? Неужели проклятые церковные проповедники не могут для разнообразия сказать правду о жестокости капиталистов?

Элиас тихо вздохнул, словно разговор успел наскучить ему, и произнес:

— Теперь наученные опытом буржуа предпочитают

Рисунки Е. АЛЕКСЕЕВОЙ

сами исполнять ту роль, которая прежде отводилась духовенству.

— Кстати,— прервал его репортер с мрачной иронией,— некоторые промышленники и вправду хотят затеять с вами игру.

И не сводя взгляда с горящих, но будто неживых глаз Элиаса, Бирн поведал об угрозах Стейна.

— Я ждал чего-нибудь в этом роде,— с усмешкой ответил Элиас, не двигаясь с места.— И подготовился.

— О, негодяи! — вскричал Холкет.— Сделай такое предложение бедняк — его сразу упрятали бы за решетку. Но, надеюсь, шантажисты в самом скором времени попадут в местечко пострашнее тюрьмы. Куда же, черт возьми, им еще деваться, как не прямо в ад.

Хорн сделал протестующий жест, очевидно относившийся не столько к уже сказанному, сколько к тому, что только собирался произнести Элиас. И потому последний предпочел завершить разговор.

— Нам просто необходимо отбить нападки противника,— сказал Элиас, уверенно глядя на Бирна сквозь очки.— Угрозы капиталистов не произвели на нас ожидаемого эффекта. Мы тоже предприняли кое-какие шаги, но раскрывать их пока не станем.

Бирну ничего не оставалось, как удалиться. Проходя по узкому коридору мимо бакалейной лавки, журналист вдруг обнаружил, что выход загораживает темный силуэт необычной и в то же время удивительно знакомой человеческой фигуры. Приземистая и плотная, с широкополой шляпой на круглой голове, она выглядела достаточно причудливо.

— Патер Браун?! — воскликнул репортер.— Вы ошиблись дверью или тоже относитесь к этой организации?

— О, я принадлежу к более древней тайной организации,— усмехнулся священник.

— Неужели вы считаете, что здесь может кому-нибудь потребоваться ваша помощь? — осведомился Бирн.

— Трудно сказать,— спокойно ответил патер Браун.— Но это не исключено.

Полумрак, царивший в коридоре, поглотил священника, и изумленный журналист двинулся дальше. Однако прежде чем он вернулся к миллионерам, произошла любопытная встреча. В зал, где находились трое рассерженных капиталистов, вела широкая мраморная лестница, украшенная по бокам позолоченными фигурами нимф и тритонов. Вниз по ней, навстречу Бирну, сбежал энергичный темноволосый молодой человек со вздернутым носом и цветком в петлице. Он схватил репортера за руку и отвел в сторону.

— Послушайте,— прошептал юноша,— меня зовут Поттер. Я — секретарь старика Гидеона. Говорят, буря вот-вот разразится. Скажите откровенно, это правда?

— Да, гиганты вроде бы решаются на серьезные действия в своей пещере. И не следует забывать, что они сильны. Полагаю, социалисты...

До сих пор секретарь невозмутимо слушал Бирна. Но когда журналист произнес слово «социалисты», во взгляде Поттера вдруг отразилось изумление.

— Ну а при чем здесь... Ах, так вот какую бурю вы имели в виду! Извините, я не понял. Перепутал вашу пещеру с морозильником. Тут немудрено ошибиться!

С этими словами странный молодой человек исчез, сбежав по лестнице. Бирн двинулся дальше. Недоумение все больше овладевало им. В зале репортер обнаружил, что к трем миллионерам присоединился кто-то четвертый — мужчина с худым продолговатым лицом, редкими волосами цвета соломы и моноклем. Все называли его просто мистер Неарс. Он забросал журналиста вопросами, чтобы выяснить, хотя бы приблизительно, численность организации социалистов. Бирн мало знал об этом, а сказал и того меньше.

Наконец все встали со своих мест, и Стейн — самый неразговорчивый из промышленников,— складывая пенсне, сказал:

— Благодарю вас, мистер Бирн. У нас все подготовлено. Завтра еще до полудня полиция арестует Элиаса на основании улик, которые я ей к тому времени предоставлю. А к ночи, надеюсь, и остальные двое окажутся в тюрьме. Вот, пожалуй, и все, джентльмены. Вам известно, что я хотел обойтись без подобных мер...

Однако на следующий день мистеру Джекобу П. Стейну не удалось никому передать имевшиеся у него сведения по причине, которая довольно часто мешает таким деятельным людям выполнять задуманное. Утренние газеты крупными заголовками сообщили на первых страницах: «Три ужасных убийства. Трое миллионеров убиты в одну ночь». Далее, более мелким шрифтом шли фразы со множеством восклицательных знаков, указывавшие на необычность загадочного преступления. Все трое убиты в одно и то же время, но в разных местах, разделенных значительным расстоянием: Стейн — в своем роскошном, напоминающем музей поместье, в доброй сотне миль от побережья; Уайз — прямо на морском берегу, рядом с небольшим домиком, где он предпочитал вести достаточно скромную жизнь и дышать морским воздухом; Гэллап — в зарослях недалеко от ворот его загородной усадьбы на другом конце графства.

Во всех трех случаях не оставалось никаких сомнений в насильственном характере смерти. Крупное, отталкивающего вида тело Гэллапа обнаружили висящим на дереве в небольшой рощице среди обломившихся под его весом веток. Он напоминал бизона, ринувшегося на острия копий. Уайза, вне всякого сомнения, сбросили со скалы в морскую пучину. Следы, сохранившиеся на самом краю обрыва, свидетельствовали о том, что старик сопротивлялся недолго. На мысль о трагедии наводила широкополая мягкая соломенная шляпа Уайза, которая плавала на волнах, хорошо заметная с высоких скал. Найти труп Стейна было также не просто, пока неясные кровавые следы не привели сыщиков к бане, возведенной в саду по древнеримскому образцу. Хозяин питал слабость ко всему античному...

Естественно, Бирн не считал Генри Хорна, молодого пацифиста с бледным лицом, способным на столь грубое и жестокое убийство. Но постоянно сыплющий проклятьями Джейк Холкет или вечно насмешливый Джон Элиас вполне могли пойти на тяжкое преступление.

Полицейским помогал мужчина, оказавшийся не кем иным, как мистером Неарсом — загадочным человеком с моноклем, с которым журналист впервые встретился накануне. Ведущие следствие оценивали положение так же, как и Бирн. Они прекрасно сознавали, что сейчас предъявить подозреваемым обоснованное обвинение и убедить суд в их виновности нельзя. А оправдание за недостаточностью улик может вызвать скандал. Поэтому Неарс, тщательно все продумав, пригласил трех социалистов принять участие в неофициальном совещании. Расследование начали в самом близком из роковых мест — небольшом домике Уайза на берегу моря.

Бирн получил разрешение присутствовать на этой встрече. К удивлению репортера, среди собравшихся людей он обнаружил знакомую плотную фигуру с головой, напоминающей совиную. То был патер Браун. Правда, до сих пор оставалось неясным, какова его роль во всем происходящем...

Появление молодого секретаря Уайза было куда более естественным, однако поведение Поттера заметно отличалось от обычного. Он единственный из всех хорошо знал дом и окрестности. Однако помощи или каких-нибудь важных сведений от Поттера так и не дождались. Да и выражение его полного курносого лица говорило скорее о плохом настроении, чем о скорби.

По обыкновению больше других говорил Джейк Холкет. Юный Хорн деликатно попытался остановить Холкета, когда тот принимался на чем свет стоит поносить убитых миллионеров. Совершенно безучастный Джон Элиас надежно укрыл глаза за стеклами очков.

— Ваши замечания в адрес погибших просто непристойны,— холодно произнес Неарс.— Вы фактически признали, что ненавидели покойного.

— И поэтому меня собираются упрятать за решетку? — презрительно усмехнулся Холкет.— Хорошо! Только если хотите посадить в тюрьму всех бедняг, имевших основание ненавидеть Гидеона Уайза, ее придется построить не меньше, чем на миллион человек, согласны?

Неарс не ответил. Остальные тоже молчали. Наконец Элиас, слегка шепелявя, неторопливо сказал:

— Данная дискуссия абсолютно бесполезна для обеих сторон. Поймите, мы ничего не скрываем от вас. А подо-

зрения будьте любезны держать при себе. Пока же никто не привел ни малейшей улики, связывающей хоть одного из нас с этими трагедиями более тесно, чем, скажем, с убийством Юлия Цезаря. Думаю, что нет смысла оставаться здесь дольше.

Элиас встал и неторопливо застегнул пальто. Товарищи последовали его примеру. Когда социалисты уже подошли к дверям, Генри Хорн на миг повернул свое бледное лицо к ведущим следствие и произнес:

— Хочу напомнить, что я всю войну просидел в грязной камере, так как отказался убивать людей.— И удалился, а оставшиеся в комнате мрачно переглянулись.

— Думаю, сражение нельзя считать выигранным, хотя противник и отступил,— задумчиво промолвил патер Браун.

— Больше всего меня возмущают грубые выходки этого негодяя Холкета. Хорн — все-таки джентльмен. Однако, что бы там ни говорили, я твердо убежден, им есть о чем рассказать. Они замешаны в расправе над миллионерами, по крайней мере,— большинство из них. Подозреваемые практически сознались: они форменным образом издевались не столько над самой ошибочностью наших обвинений, сколько над тем, что мы не можем подкрепить их доказательствами. А вы как считаете, патер Браун?

— Совершенно верно! — ответил священник.— Мне также показалось, что один из них знает больше, чем сообщил нам. Но, думаю, лучше сейчас не называть его имени.

От удивления Неарс даже выронил монокль.

— Видите ли, пока мы беседуем неофициально,— предупредил он, внимательно глядя на священника,— но если и в дальнейшем вы станете скрывать правду от закона, то можете оказаться в сложном положении.

— О, мое положение крайне просто,— перебил его патер Браун.— Я защищаю здесь законные интересы моего знакомого — Холкета.

— Холкета? — недоверчиво воскликнул его собеседник.— Да ведь он ругает духовенство с утра до ночи!

— Мне кажется, вы не совсем понимаете людей такого рода,— мягко возразил патер Браун.— Джейк действительно обвиняет служителей церкви в том, что они не борются за справедливость. Однако мы собрались не для того, чтобы обсуждать подобные вопросы. Я упомянул об этом лишь для того, чтобы облегчить вашу задачу и по возможности сократить число подозреваемых.

— Если вы правы, то круг подозреваемых и в самом деле сузится до одного, насмехающегося над всеми проходимца Элиаса. И ничего удивительного! Столь коварного и невозмутимого дьявола мне еще не приходилось видеть.

— Он очень напоминает мне покойного Стейна. Вероятно, они родственники,— со вздохом сказал патер Браун.

— Но послушайте...— начал было Неарс.

Его протестующее восклицание оказалось прервано на полуслове. Дверь внезапно распахнулась, и на пороге появилась высокая, немного неприглядная фигура Генри Хорна. Лицо юноши, казалось, побледнело еще больше.

— Вот тебе на! — вымолвил Неарс, водворяя на место свой монокль.— Почему вы вернулись?

Хорн нетвердыми шагами пересек комнату и, не говоря ни слова, тяжело опустился в кресло.

— Я отстал... потерял остальных... заблудился и решил вернуться.

На столе еще стояли остатки ужина. Генри Хорн налил себе бренди и залпом осушил полный стакан, хотя всю жизнь считался трезвенником.

— Вас беспокоит что-нибудь? — осведомился патер Браун.

Хорн обхватил голову руками, так что его лицо оказалось в тени, и тихим голосом произнес:

— Могу рассказать. Мне явился призрак.

— Призрак? — переспросил удивленный Неарс.— Чей же?

— Гидеона Уайза, владельца этого дома,— уже более твердым голосом ответил Хорн.— Он восстал из бездны, в которую пал.

— Чепуха! — воскликнул Неарс.— Ни один здравомыслящий человек не станет верить в привидения.

— Вы не вполне точны,— возразил патер Браун с легкой усмешкой.— И для существования призраков можно найти доказательства, ничуть не уступающие тем, на которых вы часто строите обвинения...

— Но охотиться за преступниками — моя обязанность,— резко ответил Неарс.— А от привидений пусть бегают другие.

— Так что же вы видели, мистер Хорн? — спросил патер Браун.

— Все произошло на самом краю осыпающихся прибрежных скал, совсем рядом с местом, откуда сбросили Уайза. Там еще есть какая-то расщелина или трещина. Остальные успели уйти далеко вперед, и я решил сократить путь, пройдя по заросшей вереском тропинке вдоль самого берега. Прежде мне часто приходилось пользоваться ею. Я любил наблюдать за волнами, бьющими в каменные утесы, но сегодня почти не обращал на них внимания, только удивился, что море столь неспокойно в такую ясную лунную ночь. Морские брызги высоко взлетели в лунном свете раз, другой, третий. А затем случилось нечто непостижимое. Серебристая водяная пыль, взметнувшаяся вверх в четвертый раз, внезапно застыла в воздухе. Она не падала, хотя я с упорством безумца все ждал и ждал. Время словно остановилось. Я подумал, что и вправду сошел с ума, потом решил подойти ближе и, кажется, даже вскрикнул. Повисшие в пустоте капли, словно хлопья снега, стали слипаться вместе, образуя сияющую фигуру с мертвенно-бледным лицом.

— И, по-вашему, то был Гидеон Уайз?

Хорн молча кивнул. Наступившую тишину внезапно нарушил Неарс, он столь резко вскочил на ноги, что даже опрокинул стул.

— Чепуха,— воскликнул он.— Но лучше пойти взглянуть.

— О, нет! — возразил Хорн с необъяснимой горячностью.— Ничто не заставит меня вновь ступить на ту тропу.

— Мистер Хорн,— твердо сказал Неарс,— я — офицер полиции. Дом окружен моими людьми. Мы пытались избежать ненужной враждебности, но расследование необходимо довести до конца. Мой долг проверить все, даже такую нелепицу, как призрак. Требую отвести меня на то самое место, о котором вы говорили.

Снова воцарилось молчание. Хорн стоял, часто и тяжело дыша, словно под влиянием неизъяснимого страха. Потом вдруг опустился в кресло и произнес уже более спокойным голосом:

— Нет, не могу! Лучше сразу признаться! Все равно рано или поздно вы узнаете... Уайза убил я!

На мгновение в комнате стало тихо. Слова Хорна поразили всех, словно удар молнии. И тут в тишине послышался неправдоподобно слабый голос патера Брауна:

— А вы намеревались убить его?

— На подобный вопрос едва ли можно ответить,— произнес Хорн, нервно грызя ногти.— Полагаю, я обезумел от ярости. Старик вел себя просто невыносимо. Это происходило в его владениях. Уайз оскорбил и даже, кажется, ударил меня. Между нами завязалась схватка, и он упал со скалы. Я пришел в себя, когда находился уже далеко от рокового места, и только тогда осознал, что совершил преступление, лишившее меня звания человека. Клеймо Каина горело на моем челе, прожигая до самого мозга. Я стал убийцей и неизбежно должен был сознаться в содеянном.— Тут он вдруг весь напрягся.— Но говорить о других я не вправе. Не пытайтесь расспрашивать меня о заговоре или сообщниках: все равно ничего не скажу.

Неарс подошел к входной двери и отдал приказание кому-то снаружи, потом тихо сказал секретарю погибшего:

— И все же мы осмотрим место происшествия, только преступника поведем под конвоем.

Все понимали, что отправляться к морю на поиски призрака после признания убийцы — в высшей степени глупо. Неарс, конечно, тоже был настроен скептически. Но он, как сыщик, считал своей обязанностью, образно говоря, перевернуть все до последнего камешка, не делая исключения и для надгробных камней. Ведь скалистый обрыв на берегу фактически являлся не чем иным, как своего рода могильной плитой над несчастным Гидеоном Уайзом.

Последним из дома вышел Неарс. Он запер дверь и последовал за остальными по тропинке, ведущей к скалам,

но вдруг с удивлением заметил, что навстречу ему бежит Поттер.

— Там действительно что-то есть, сэр,— сказал он, и то были его первые слова за весь вечер.— Нечто напоминающее Уайза...

— Вы просто бредите! — только и смог вымолвить сыщик.— Прямо сборище сумасшедших!

— По-вашему, я мог не узнать хозяина? — на удивление резко возразил секретарь.

— Неужели и вас следует отнести к числу тех, кто, говоря словами Холкета, должен просто ненавидеть старика? — раздраженно осведомился Неарс.

— Возможно,— ответил Поттер.— Но так или иначе, я знал его достаточно хорошо и, можете поверить, видел именно Гидеона Уайза, будто окаменевшего в лунном свете.

Юноша указал рукой в сторону расщелины в скалах, где и в самом деле белело нечто вроде лунного света или всплеска пены, который по мере приближения к нему принимал все более реальные очертания. За время разговора они подошли уже на добрую сотню шагов, но светлое пятно не двигалось, только стало напоминать статую, отлитую из серебра.

Поттер не скрывал, что напуган не меньше Генри Хорна. Даже Неарс заметно побледнел и остановился. Да и видавший виды журналист не торопился подходить ближе без особой необходимости. Только патер Браун спокойно продвигался вперед обычной ковыляющей походкой, словно направлялся к привычному рекламному щиту, чтобы прочесть объявления.

— Вы единственный из нас, верящий в призраки,— обратился к священнику Бирн,— и почему-то совершенно не обеспокоены...

— Одно дело верить в привидения вообще, и совсем другое — поверить в конкретное привидение,— загадочно произнес патер Браун.

Репортер смутился и украдкой бросил взгляд в сторону обрывистого мыса, залитого холодным светом луны.

— Я не верил, пока не увидел своими глазами,— сказал журналист.

— А я, наоборот, верил до тех пор, пока не увидел,— задумчиво произнес патер Браун.

Священник двинулся дальше. Бирн стоял и наблюдал, как он тяжелым неторопливым шагом пересекал обширную пустошь, которая, постепенно поднимаясь, переходила в скалистый мыс. Местность напоминала пологий холм с отрезанной морем половиной. В мертвенном блеске луны трава походила на длинные седые волосы, зачесанные ветром в одну сторону. Там, где скала, выветрившись, обнажила мел, словно сияющая тень, высилась непонятная бледная фигура.

Внезапно Генри Хорн, оставив позади охранников, обогнал патера Брауна и с пронзительным криком упал на колени перед видением.

— Я во всем сознался! Зачем же было являться нам? Сообщить, что я убил вас? — воскликнул поэт.

— Я пришел сказать, что вы меня не убили,— ответил призрак и протянул руку к юноше.

Вскочив на ноги, Хорн снова вскрикнул, но уже совсем по-иному, так что все поняли: рука, коснувшаяся его, была вовсе не бестелесна.

Такого не испытывали даже много повидавшие сыщик и журналист. Что же произошло? От скалы постепенно отслаивались мелкие камешки и падали в расщелину. Часть из них задерживалась в широкой трещине. Так со временем вместо пропасти здесь образовалось нечто вроде уступа в форме карниза. Старик Уайз был еще достаточно крепок. Он упал как раз на эту небольшую площадку и провел там страшные двадцать четыре часа, пытаясь выбраться наверх по скале, которая постоянно крошилась и осыпалась под ним, пока, наконец, не образовала некое подобие лестницы. Это кое-как объясняло и описанный Хорном зрительный обман с белой волной, то появлявшейся, то исчезавшей и, в конце концов, застывшей на месте.

Таким образом, перед ними стоял собственной персоной Гидеон Уайз из плоти и крови, с седыми волосами и грубым лицом, в белой пропылившейся одежде. Правда, на сей раз старик был не столь груб, как обычно. Вероятно, миллионерам иногда полезно провести сутки на скалистом обрыве, всего в каких-то тридцати сантиметрах от вечности. Во всяком случае, Уайз не только отказался обвинять

Генри Хорна в преступлении, но и совершенно по-иному описал случившееся. Оказывается, он вовсе не был сброшен вниз подозреваемым. Просто край скалы сам обвалился под его тяжестью, а юноша, даже наоборот, попытался прийти ему на помощь.

— Там, на уступе, ниспосланном мне провидением, я поклялся прощать своих врагов,— торжественно произнес Уайз.— И таить злобу на Хорна за подобный проступок было бы совсем непорядочно.

Молодому поэту, правда, все же пришлось удалиться в сопровождении полицейских. Но Неарс был уверен, что тот скоро выйдет на свободу, отделавшись в худшем случае легким наказанием. Ведь не так часто обвиняемый в убийстве имеет возможность пригласить в суд саму жертву в качестве свидетеля защиты.

Когда сыщик и его спутники двинулись в город по тропе вдоль обрывистого берега, Бирн неожиданно сказал:

— Очень необычный случай!

— Да,— согласился патер Браун.— Возможно, это вовсе не наше дело, но хотелось бы кое-что обсудить с вами. Давайте немного постоим здесь.

После недолгого раздумья журналист согласился.

— Значит, вы уже подозревали Хорна, когда высказали мысль, что еще не каждый рассказал все известное ему? — поинтересовался он.

— Нет. Говоря так, я имел в виду неправдоподобно молчаливого мистера Поттера, секретаря преждевременно оплаканного Гидеона Уайза.

— Мне пришлось разговаривать с Поттером один-единственный раз,— задумчиво произнес Бирн.— Он производил впечатление сумасшедшего, но кто бы мог подумать, что этот юноша — соучастник преступления. Поттер болтал какую-то чепуху о морозильнике.

— Да? Естественно, я предполагал, что он догадывался о многом, однако никогда и не помышлял обвинить его в причастности к убийству,— возразил патер Браун.— Меня больше интересует, достаточно ли силен Гидеон Уайз, чтобы выбраться из пропасти.

— Как прикажете вас понимать? — спросил удивленный репортер.— Разумеется, старик Уайз выбрался наверх: он же только сейчас стоял перед нами.

Вместо ответа священник поинтересовался:

— А каково ваше мнение о Хорне?

— Понимаете ли, его, в сущности, даже нельзя назвать преступником,— ответил Бирн.— Да Генри вовсе и не похож ни на одного из убийц, которых я видел. А у меня, поверьте, имеется некоторый опыт.

— А я, напротив, могу представить его лишь в подобном качестве,— спокойно произнес патер Браун.— В преступниках вы разбираетесь лучше. Но есть одна категория людей, о которой я знаю столько, сколько не известно ни вам, ни даже Неарсу. Я часто сталкиваюсь с ними и до мелочей изучил их привычки.

— Другая категория людей? — повторил озадаченный журналист.— Но какая же именно?

— Кающиеся,— просто ответил патер Браун.

— Я не совсем понял. Вы хотите сказать, что не поверили в преступление Генри Хорна?

— Не в преступление, а в раскаяние,— поправил журналиста патер Браун.— Мне приходилось слышать множество признаний, но сегодняшнее абсолютно не похоже на неподдельно искреннее. Оно чересчур романтично. Вспомните, как он говорил о клейме Каина! Прямо по книге. Поверьте мне, нынешние преступления слишком частны и прозаичны, чтобы так быстренько подыскивать им исторические параллели, пусть самые подходящие. Да и зачем Хорн так усердствовал, заявляя, что не предаст своих товарищей? Ведь этим он уже выдал их!

Патер Браун отвернулся от репортера и уставился в морскую даль.

— И все же непонятно, куда вы клоните,— воскликнул Бирн.— Стоит ли виться вокруг Хорна с какими-то подозрениями, если он прощен жертвой? Во всяком случае, он выпутался из дела об убийстве и теперь в полной безопасности.

Патер Браун резко всем телом повернулся к собеседнику и в необъяснимом волнении схватил его за плащ.

— Вот именно! — прочувствованно сказал священник.— Попробуйте уцепиться за это! Хорн в полной безопасности. Он вышел из воды сухим, но как раз поэтому-то и является ключом ко всей загадке.

— Не понимаю,— тихим голосом произнес совершенно сбитый с толку Бирн.

— Хорн наверняка замешан в данном деле как раз потому, что выкрутился из него. Вот и все объяснение.

— И притом очень вразумительное,— съязвил журналист.

Некоторое время оба стояли и молча глядели на море. Потом патер Браун сказал с усмешкой:

— Тогда давайте вернемся к морозильнику. Первую ошибку в оценке событий вы допустили там, где ее и полагалось сделать большинству газетчиков и политиков. А все потому, что давно внушили себе: в современном мире богачам нечего бояться, кроме социализма. Однако это злодеяние не имеет никакого отношения к социалистам. Они должны были послужить преступникам ширмой.

— Да, но ведь убили сразу трех миллионеров,— запротестовал Бирн.

— О, нет! — резко перебил его патер Браун звонким голосом.— В том-то все и дело. Убиты не трое миллионеров, а двое. Третий очень даже жив и здоров и притом навсегда избавился от грозившей ему опасности. Гэллап и Стейн припугнули упрямого старомодного скрягу Уайза: если тот не войдет в их синдикат, с ним разделаются, иными словами, «заморозят». Отсюда и разговор с Поттером о морозильнике.

После некоторой паузы патер Браун продолжил:

— В современном мире существует движение социалистов, имеющих своих сторонников и противников. Но почему-то наша пресса не замечает еще одного движения, не менее современного и мощного. Его цель — монополии и объединение всевозможных предприятий в тресты. Это тоже своего рода революция, и она во многом похожа на любую другую. Стороны, сражающиеся в ней, не останавливаются даже перед убийством. Промышленные магнаты, словно средневековые владыки, заводят себе придворных, личную охрану, наемных убийц и платных агентов в стане противника. Генри Хорн был не кем иным, как рядовым шпионом старика Гидеона в среде социалистов — одном из неприятельских лагерей. Правда, в нашем случае его использовали как орудие для борьбы с другим врагом — конкурентами, попытавшимися разорить Уайза за несговорчивость.

— И все же непонятно, как им могли воспользоваться,— вмешался журналист.— И для чего?

— Неужели вы еще не догадались? — раздраженно воскликнул патер Браун.— Да ведь Хорн и Уайз обеспечили друг другу алиби!

Во взгляде Бирна еще чувствовалось сомнение, но на лице его начали появляться проблески догадки.

— Именно это я подразумевал, говоря, что они замешаны в происшедшем, так как ловко выпутались из всего. На первый взгляд они совершенно непричастны к двум другим убийствам — оба были на морском берегу! На самом же деле они, напротив, имеют прямое отношение к тем преступлениям, поскольку не могли являться действующими лицами драмы, которой не было и в помине! Необычное алиби, и в этом его преимущество. Каждый поверит в искренность человека, сознающегося в убийстве или прощающего покушавшегося на его жизнь. И едва ли кому придет в голову, что никакого злодеяния на скалистом обрыве не совершалось вовсе и одному не в чем каяться, а другому нечего прощать. Их не было в ту ночь здесь, на берегу. Хорн той ночью задушил в роще старого Гэллапа, в то время как Уайз убил в римской бане коротышку Стейна. Интересно, вы по-прежнему верите, что Уайз выбирался из пропасти?

— Нет... Но рассказ Хорна был просто великолепен,— с сожалением в голосе произнес Бирн.— Вся история казалась весьма убедительной!

— Даже чересчур, чтобы в нее поверить,— сказал патер Браун, покачав головой.— Как живо выглядели вскинувшиеся в лунном свете пенные брызги, превратившиеся затем в призрак. Прямо как в сказке! Да, Генри Хорн, конечно, негодяй и подлец, но не забывайте, что он к тому же еще и поэт.

Перевел с английского В. ИЛЬИН